

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СЕРИЯ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

РАНЕСЛАВЯНСКИЙ МИР
АРХЕОЛОГИЯ СЛАВЯН И ИХ СОСЕДЕЙ

Выпуск 17

Серия основана в 1990 г.
С.А. Плетнёвой и И.П. Русановой

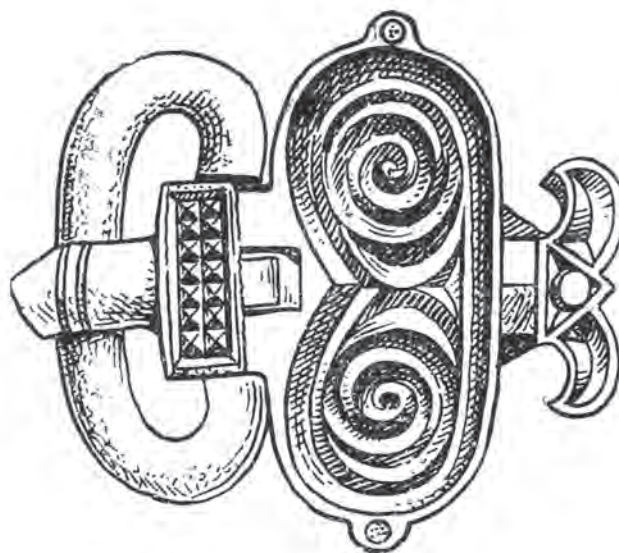
Редакционная коллегия серии:
И.О. Гавритухин, Н.В. Лопатин, А.М. Обломский

Москва 2016

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V-VII вв.)

Москва 2016

УДК 902/904
ББК 63.4
Р22

Издание осуществлено по Программе фундаментальных исследований
Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность»

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Ответственные редакторы:
А.М. Обломский и И.В. Исланова

Рецензенты:
старший научный сотрудник ИА РАН И.О. Гавритухин;
научный сотрудник ИА РАН, кандидат исторических наук В.Е. Родинкова

На первой странице обложки – Курганный могильник Тверецкий
(Торжокский р-н Тверской обл.)

Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы
P22 (V–VII вв.) – Раннеславянский мир. Выпуск 17. – М.: ИА РАН, 2016. –
456 с.: ил.
ISBN 978-5-94375-201-8

Предлагаемый вниманию читателей сборник статей посвящен раннесредневековой археологии лесной зоны Восточной Европы (Поднепровья и Поочья) в V–VII вв. В нем опубликованы обзорные статьи по колочинской, позднедьяковской культурам, культуре псковских длинных курганов, о поздних памятниках мощинской культуры. В сборник включены также публикации важнейших материалов из раскопок псковских длинных курганов. Издание рассчитано на специалистов – историков и археологов.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-201-8

© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт археологии
Российской академии наук, 2016
© Авторы статей (см. оглавление), 2016

Введение

И.В. Исланова, А.М. Обломский (Москва)

За последние десятилетия произошло количественное и качественное увеличение археологической источниковой базы и появились новые концепции древностей римского времени и раннего средневековья лесной и лесостепной зон Восточной Европы, позволяющие несколько по-иному, нежели это изложено в фундаментальных исследованиях середины и второй половины XX в., подойти к решению весьма актуальных вопросов преемственности и трансформации археологических культур в эпохи славянского расселения и формирования новых культурных групп.

Вне всякого сомнения, назрела необходимость в новых исследованиях, где будет проанализирован уже известный и опубликован ранее не введенный в научный оборот материал, предложены новые и систематизированы выдвинутые ранее концепции.

В предлагаемый вниманию читателей сборник включены статьи, посвященные изучению памятников лесной зоны Восточной Европы эпохи раннего средневековья, а точнее территории Поднепровья, Верхнего Поочья и соседних регионов. Он состоит из аналитических и публикационных разделов. Поскольку литература, на которую ссылаются авторы статей, во многом дублируется, то редакция сборника с целью экономии его объема приняла решение дать общий список литературы и архивных материалов.

Очерк о колочинской культуре, написанный А.М. Обломским, продолжает исследование материалов южной части ареала этой археологической общности, которое было опубликовано автором в 1996 г. (Обломский, 1996б) и представляет собой обзор современного состояния изучения колочинской культуры. Ее ареал охва-

тывает северную часть Днепровского лесостепного Левобережья, включая бассейн Северского Донца, Верхнее Поднепровье, Подесенье. По археологическим материалам также фиксируется проникновение отдельных групп колочинского населения на восток вплоть до современной Тамбовской обл. и на юг в северную часть Среднего Поднепровья. Основные хронологические рамки колочинских древностей: вторая четверть – середина V в. – конец VII в. В статье анализируется топография и характер поселений, жилища, хозяйственные сооружения, могильники, погребальный обряд и инвентарь, вещевой комплекс (керамика, орудия труда и предметы быта, вооружение, украшения), рассматриваются спорные вопросы хронологии, происхождения и дальнейших судеб колочинского населения.

Статья снабжена картами, рисунками наиболее характерных вещей. В ней приводятся сведения о характере исследованности памятников и степени полноты их публикаций.

Важнейшими проблемами в изучении культуры являются отсутствие ее периодизации, хронологическая и культурная размытость ее верхней границы, а также дальнейшая судьба населения.

В южной части колочинского ареала распространены т.н. клады древностей антов первой группы, выпадение которых связано с военными действиями второй половины – конца VII в., после чего этнокультурная ситуация на территории Днепровского Левобережья меняется. Верхняя дата колочинской культуры на территории Белоруссии пока условна. Прямых потомков колочинского населения при современном состоянии источников назвать невозможно. В качестве реликтов отдельные лепные сосуды колочинского

круга встречаются на памятниках волынцевского типа.

Колочинскую тематику продолжает статья С.А. Горбаненко, посвященная сельскому хозяйству ее населения. Сельское хозяйство археологических культур Поднепровья третьей четверти I тыс. н.э. не становилось предметом отдельного изучения. По исследованию растительности V-VII вв. (подпериод SA-2A) наблюдается определенный упадок сельскохозяйственной деятельности на территории всей Европы.

Орудия земледелия представлены полным набором деталей, хотя и в малом количестве. Наиболее показательные для оценки уровня земледелия детали (наральники и серпы) представлены довольно примитивными (при территориальном и хронологическом сравнении) изделиями, характерными для лесной зоны Восточной Европы. Палеоэтноботанические (археоботанические) материалы незначительны и непоказательны. Они представлены стандартным набором культурных растений, но статистически недостоверны.

Животноводство ныне характеризуется лишь материалами одного памятника (Никодимово). По количеству особей КРС (крупный рогатый скот) имел относительное преобладание, свинья домашняя была на втором месте, далее лошадь домашняя, МРС (мелкий рогатый скот). По мясной продукции важнейшим был КРС (2/3), далее – конина (1/4), свинина (1/10), МРС (около 2%). Косвенным подтверждением важности животноводства являются низкие показатели диких животных немясных видов. Важно и прижизненное использование домашних животных.

Соотношение количества исследованных памятников колочинской культуры и сельскохозяйственных артефактов удовлетворительно. По имеющимся данным, подсека была основной формой; возможно, было традиционное использование пойменных участков.

Палеоэтноботанические определения практически отсутствуют, недостаточно определений археозоологических материалов. Такое положение исследований методами естественных наук следует признать неудовлетворительным. Для окончательных выводов требуется дальнейшее накопление материалов.

В статье И.В. Ислановой рассматриваются памятники культуры псковских длинных курганов (КПДК) и существовавшие чересполосно с ними в других ландшафтах иные культурно-хозяйственные группы древностей: полужская,

ильменская, удомельская, мстинская и типа Подол.

Культура псковских длинных курганов, названная по особой форме насыпей в курганных могильниках, в изучении остается одной из проблемных. В литературе носители этой культуры идентифицировались с летописными кривичами. Исследованы лишь единичные поселения. Культура занимает обширную территорию: от Чудского озера – на западе, до верховьев Тверцы – на востоке, от Верхнего Подвинья – на юге, до Молого-Шекснинского междуречья – на северо-востоке. Основные признаки культуры определены на основании исследований погребальных памятников. Для них характерны приуроченность к песчаным почвам и слабо-волнистым ландшафтам, оставленным последним ледником, «рядная» группировка курганов в могильниках и скопления могильников, господство сожжений на стороне в погребальном обряде, многоэтапность в сооружении насыпи, наличие комбинированных курганов, отсутствие каменных конструкций, наличие остатков деревянных «домовин». По вещевому и керамическому материалу культура датируется V-VII вв., однако на окраинных участках ареала (Поплюсье, р. Волчина) курганы сооружаются до конца I тыс. н.э. Обширный ареал культуры по наборам вещевого инвентаря делится на три территориальные группы: западную, южную и восточную. Серия культурных групп выделена и по керамическим наборам.

Нерешенными остаются вопросы происхождения обряда сооружения курганных насыпей. На сегодняшний день имеются три возможных территории-«донора», где известны насыпи второй четверти I тыс. н.э.: 1) культура восточнолитовских курганов, 2) мощинская культура, 3) древности Молого-Шекснинского междуречья. Господствующее в литературе мнение о переселении носителей культуры с территории Среднего Повисленья в настоящее время подвергается сомнению. Дискуссионным остается вопрос и об этнокультурной принадлежности населения КПДК: этнически многокомпонентное население при преобладании славянских элементов или местное (финское или балто-финское) аборигенное население.

Параллельно с КПДК существовали (выявленные в последние десятилетия) типы древностей, расположенные на иных – благоприятных для земледелия – почвах. Памятники на р. Луге, Маяте, оз. Мстино и Удомля можно объединить

в предсопочные древности (в последующий период здесь возникает культура сопок). Население занимало иные, чем КПДК, экологические ниши, но, несомненно, контактировало с «инокультурными» соседями.

Выделение новых групп памятников (удомельского типа, типа Подол) основывается на керамических и вещевых материалах, полученных при раскопках конца XX – начала XXI вв. На эталонном поселении удомельской группы – Юрьевской Горке – исследованы остатки построек (в т.ч. близких пражским). В керамическом наборе доминирует посуда, имеющая сходство с керамикой пражских древностей (удомельская группа) или типа Узмень (памятники типа Подол). Погребальный обряд отличается отсутствием курганных насыпей. Для предсопочных древностей известно не менее двух грунтовых могильников. От них прослеживается прямая линия культурного развития к начальной группе древнерусских памятников – культуре сопок.

Рассмотренные группы позволяют обосновать гипотезу о том, что в третьей четверти I тыс. н.э. фиксируется начальный этап славянского расселения в верховьях Волги и на Волжско-Балтийский водоразделе. Несколько волн раннеславянского расселения, достигших наиболее плодородных участков на Валдайской возвышенности, вступают в контакт с местным субстратным населением, из-за чего и фиксируется пестрая культурная картина в археологических материалах.

В статье А.М. Воронцова рассматриваются материалы, относящиеся к позднему периоду существования мощинской культуры в V-VII вв. Такие памятники распространены в лесной зоне Восточной Европы, в верхнем течении Оки, вплоть до впадения в нее р. Протва по левому берегу, и до впадения р. Осетр по правому берегу, кроме того, часть памятников занимает бассейн верхнего Днепра и левые притоки Десны, один памятник известен в верховьях р. Вазузы (Вазуза), относящейся к бассейну Верхней Волги.

Материалы большинства изученных раскопками мощинских памятников датируются не позднее конца V в. В дальнейшем ареал культуры значительно сокращается. Наиболее поздние мощинские поселения расположены на мелких притоках Оки в глубине лесной зоны.

Благодаря материалам, полученным в ходе раскопок Акиншинского городища, исследователи в настоящий момент располагают репрезентативной выборкой, характеризующей вещевой

и керамический комплексы мощинской культуры V – середины VII в.

Для определения поздней даты культуры наибольшее значение имеют находки поясной гарнитуры геральдического стиля, происходящие с городищ Акинъшино и Картавцево, и фрагмента пальчатой фибулы днепровского типа. С финалом существования культуры также связаны серия трехлопастных черешковых наконечников стрел с городища Акинъшино и набор женских украшений, включающий подвески из тонкого серебряного листа и ведерковидные. К слоям мощинской культуры V-VII вв. относится еще ряд характерных находок: фибулы типа Картавцево-Серенск, железные посоховидные булавки и бляшки-нашивки.

Рассмотренные материалы позволяют отнести верхнюю дату существования мощинских поселений к середине VII в.

Наличие в составе керамического комплекса славянских памятников IX-X вв. сосудов мощинской традиции позволяет предполагать, что какая-то часть носителей культуры продолжала существовать на территории Верхнего Поочья вплоть до этого времени.

В статье Н.А. Кренке рассматривается позднедьяковская культура на территории бассейна Москвы-реки. Основу источниковой базы составляют материалы раскопок городищ Трицкое, Дьяково, Луковня 1. Общее количество известных памятников этого типа в пределах москворецкого бассейна – около 200.

Автором обсуждается проблема формирования позднедьяковских древностей, выделяются три этапа их развития, а также кратко рассматриваются древности «постдьяковского этапа», приводятся гипотезы, объясняющие причины исчезновения позднедьяковской культуры.

Анализ материалов, имеющих значение для определения истоков формирования позднедьяковской культуры, привел к выводу, что аргументов для однозначного ответа пока нет, но предпочтительнее выглядит предположение о культурных влияниях (и миграциях?), проникших в москворецкий ареал с запада и юго-запада. В ранних позднедьяковских вещевых комплексах очень отчетливо видно восточное (в том числе степное) влияние. Иными словами, можно говорить о смешении западных, восточных и местных культурных традиций в москворецком регионе, что, видимо, и обусловило сложение обновленной позднедьяковской культуры. На начальном этапе происходит сложение специфици-

ческого набора украшений, среди которых выделяются умбонovidные привески, различные типы нашивных бляшек. Датировка начального периода определяется в интервале I в. до н.э. – II в. н.э. Существенную роль для определения хронологических рамок начального и среднего этапов позднеславянской культуры играют радиоуглеродные даты.

Датировки среднего периода позднеславянской культуры приблизительно соответствуют поздне римскому времени. В это время наиболее ярко формируются специфические черты местного ювелирного стиля, для которого характерны украшения, состоящие из комбинаций маленьких скорлуповидных бляшек, и появляются «шумящие» украшения с подвижными элементами. Керамический комплекс характеризуется распространением подлощенной посуды. В этот период на территорию Московичья попадает значительное число импортных изделий, в первую очередь украшений с выемчатыми эмальями «восточноевропейского стиля». Имеются некоторые признаки сарматского влияния, достигшего лесной зоны. В то же время отмечается широкое распространение московичских вещей за пределы основного ареала позднеславянской культуры. Возможная интерпретация этих явлений – «расцвет» позднеславянской культуры населения Московичья в III–IV вв. н.э.

Для среднего этапа позднеславянской культуры имеется наибольшее количество данных, характеризующих хозяйство. Это карпологические материалы, полученные при флотации культурных слоев поселений, зооархеологические коллекции, данные спорово-пыльцевого анализа. В первую очередь надо отметить земледельческо-скотоводческий характер стационарных поселений-городищ, имевших ресурсные зоны с устойчивыми границами.

Финальный этап позднеславянской культуры датируется в рамках V–VII вв. н.э. В это время наблюдаются существенные инновации в материальной культуре наряду с сохранением и развитием местных особенностей, характерных для предшествующего этапа. Значение хронологических реперов имеют несколько десятков привозных изделий, в том числе браслеты с расширенными концами, украшения «геральдического» стиля и пр. Важной культурной новацией явилось распространение техники литья оловянных украшений в каменных двустворчатых формах. Появление массы глиняных стилизованных антропоморфных изображений на некоторых

крупных городищах показывает, что в местной культовой практике происходили изменения. В керамике фиксируется влияние «мошинского стиля». Количество памятников, на которых выявлены материалы финального этапа культуры, сокращается сравнительно с предшествующим этапом.

Депопуляция в VII в. н.э. территории среднего течения Москвы-реки, скорее всего, была вызвана какими-то внешними факторами. «Постдьяковские комплексы» с керамикой так называемого «верхневолжского набора» (по И.В. Ислановой) встречены в незначительном количестве лишь на периферии московичского бассейна. Вероятно, именно это население стало «мостиком» для передачи местной топонимической финско-балтской номенклатуры славянским колонистам, появившимся в регионе в X в.

В публикационных статьях сборника издаются материалы культуры псковских длинных курганов.

В исследовании Н.В. Лопатина и С.Г. Попова рассмотрены материалы могильника Жеребятино, который находится в Гдовском районе Псковской обл., недалеко от западного берега Чудского оз. Он состоит из шести курганов, в том числе одного длинного и одного овального. Пять насыпей раскапывались (частично) в 1909 и 1911 гг. К.Д. Трофимовым и К.В. Кудряшовым. Материалы памятника использовались в исследованиях многих авторов, однако полной публикации до сих пор не было. Данная публикация подготовлена на основе изучения всех имеющихся архивных материалов, хранящихся в археологических учреждениях Санкт-Петербурга, Пскова и Москвы, а также коллекции находок (Государственный Эрмитаж). Разбираются источниковедческие вопросы, связанные с документацией и коллекцией.

Обнаружено 6 погребений по обряду трупосожжения. В кургане 1 (длинный) их было три: № 1 – в ямке в насыпи, с фрагментами керамики; № 2 – в яме в материке – две урны (керамика) с костями, накрытые перевернутыми сосудами; № 3 (конское) – в яме в материке, с находками, составляющими часть набора узды. В кургане 2 исследован комплекс из двух урн с накрывающими сосудами, находившимися на древней поверхности под насыпью. По крайней мере, одна из урн была помещена в перевернутом положении в крупный сосуд, стоявший в нормальном положении. К комплексу относится также обломок браслета. В курганах 3 и 5 найдено по одному погребению в насыпи.

Анализ набора керамики, типичной для западного варианта культуры псковских длинных курганов, и предметов металлического инвентаря позволяет отнести комплексы к VI в.

Статья Е.Н. Носова, А.В. Плохова посвящена результатам раскопок в 1975, 1976, 1979, 1980 гг. комплекса памятников на берегу оз. Съезжее на востоке Новгородской области. В могильнике из десяти курганов исследовано четыре насыпи с тремя погребениями по обряду трупосожжения. Еще 14 таких захоронений изучено в грунтовом некрополе к западу и юго-западу от курганов. На поселении площадью около 1 га было заложено два раскопа (276 кв. м). На одном из них исследованы основания двух наземных деревянных жилых домов, хозяйственные и столбовые ямы.

В работе рассмотрен керамический комплекс, состоящий исключительно из лепной посуды – баночных и слабопрофилированных горшков и нескольких миниатюрных сосудиков. Изучение инвентаря из захоронений грунтового могильника позволило датировать его второй половиной V – первой половиной VI в. Определить время существования курганного некрополя и его соотношение с бескурганными погребениями из-за отсутствия узко датированных находок сложно. Грунтовые захоронения могут быть как более древними, так и синхронными курганным. Немногочисленные вещи с поселения не дают надежных данных для определения более точной датировки памятника, чем вторая половина I тыс. н.э., хотя имеются основания для отнесения одного из домов ко второй половине VIII в.

Статья Е.Р. Михайловой посвящена результатам раскопок нескольких памятников культуры псковских длинных курганов в окрестностях деревни Березицы Струго-Красненского района Псковской области в 1991 г. (Березицы I, IV и V). О наличии здесь курганов известно с конца XIX в., в 1900 г. памятники обследовал и раскопал высокую насыпь Н.Ф. Арепьев.

Курганная группа Березицы I расположена на левом коренном берегу р. Бочицы, в смешанном лесу и включает, среди прочих, несколько очень высоких (т.н. сопковидных) насыпей. В 1991 г. в группе насчитывалось не менее 16 насыпей, четыре наименее поврежденные (№ 7–10) были раскопаны.

Курганная группа Березицы IV расположена на всхолмлении на правом коренном берегу р. Бочицы, в смешанном лесу; она состояла из трех круглых в плане насыпей. Здесь было раскопано два кургана (№ 1 и № 3).

Курганная группа Березицы V находится у лесной дороги из д. Березицы к железнодорожному разъезду «197-й км», в сосновом лесу. В 1991 году в группе насчитывалось 5 круглых в плане насыпей, вытянутых цепочкой по вершине невысокого моренного всхолмления. Здесь был раскопан самый северный в группе курган (№ 3).

Исследованные в 1991 г. близ д. Березицы насыпи типичны для культуры псковских длинных курганов. Обращает на себя внимание сложность внутренней структуры насыпей, отчетливая этапность их сооружения, значительная вариативность в способах помещения в насыпь кремированных останков, сравнительная многочисленность захоронений в грунтовых ямках с внешней стороны окружающих курганы рвов.

Находки, собранные при раскопках 1991 г., немногочисленны и в целом не очень информативны. Керамика представлена приземистыми баночными формами. Из вещевых находок наиболее выразительны проволочное бронзовое колечко с напущенной на него синей бусиной и квадратные тисненные бляшки-обоймицы. Интересна также находка орнаментированных полых костяных предметов – вероятно, игольников.

Таков состав настоящего сборника статей. Мы надеемся, что он будет представлять интерес как для специалистов, так и для читателей, которым небезразлична история населения лесной зоны Восточной Европы эпохи раннего средневековья.

Колочинская культура

А. М. Обломский (Москва)

Введение

Раскопки эталонного для колочинской культуры поселения, городища Колочин-1 Речицкого р-на Гомельской обл., проводил Э.А.Сымонович в 1955-1960 гг. и опубликовал его материалы в 1963 г. Площадка городища была исследована почти полностью (за исключением небольшого сектора, который оставлен нетронутым для проверки выводов автора, т.е. на будущее), произведены разрезы линии укреплений и небольшие раскопки на селище, примыкающем к памятнику с запада. На городище обнаружен мощный слой пожара. Находки, как и остатки сгоревших деревянных конструкций, концентрировались на краях площадки. Посуда из золисто-углисто-го слоя и послужила эталоном для реконструкции средневекового набора форм. Кроме орудий труда, некоторых предметов вооружения (наконечников копья и дротика) и керамики, в слое пожара находок не было. Дата существования средневекового поселения на городище, по этой причине, определена Э.А.Сымоновичем интуитивно VI-VII вв., а разгром поселка он относил к концу VII – началу VIII в. (Сымонович, 1963, с. 135).

Впоследствии раннесредневековую керамику городища опубликовал О.А. Макушников (Макушников, 2003). К настоящему времени из всех известных городищ колочинской культуры полностью изданы только материалы Колочина-1.

Раннесредневековые древности Поднепровья в это время вызывали у исследователей повышенный интерес. В 1940 – 70-е гг. велись их активные поиски в лесной и лесостепной зоне и стационарные раскопки. Сведения об исследованных раскопками поселениях, могильниках и культовых местах колочинской культуры приведены в табл. 1. К настоящему времени изучен 81 памятник. В 50-е гг. XX в. исследованы 4 из них; в 60-70-е гг. – 37; в 80-90-е гг. – 34, причем большая часть до 1995 г. Интерес к колочинской тематике резко возрос после открытия Э.А. Сымоновича, затем раскопки продолжались с примерно одной и той же интенсивностью и почти прекратились в результате кризиса начала 90-х гг. В первое десятилетие XXI в. раскопано всего лишь 6 поселений¹.

Первые интерпретации колочинских древностей были сделаны в связи с проблемой славянского этногенеза. Подробно историография вопроса изложена в моем очерке 1996 г. (Обломский, 1996б, с. 96-99). К концу 1980-х гг. оформились три основные концепции: колочинская культура принадлежала славянам (Э.А. Сымонович, В.Н. Даниленко, П.Н. Третьяков, Е.А. Горюнов, Л.Д. Поболь, В.Д. Баран), балтам (В.В. Се-

¹ Сердечно благодарю В.В. Приймака и М.М. Казанского за замечания, сделанные ими при прочтении работы в рукописи, И.О. Гавритухина за предоставленные мне рисунки некоторых вещей.

дов, И.П. Русанова, А.Г. Митрофанов), какому-то народу или группе народов «между славянами и балтами» (т.н. петербургская школа по определению Г.С. Лебедева: М.Б. Шукин, Д.А. Мачинский, Г.С. Лебедев).

Большое значение для аргументации славянской принадлежности населения колочинской культуры имел выход в 1979 г. монографии К. Годловского «Из исследований расселения славян в V-VII вв.» Раннесредневековые культуры лесостепной и лесной зоны Восточной Европы (типов Корчак и Пеньковка, комплексы круга Колочина-Тушемли-Акатово-Банцеровщины по его терминологии) относятся к единой культурной провинции, в отличие от более ранней среднеевропейской группы культур римского времени, наиболее восточными из которых являются пшеворская и черняховская. По основным показателям (полуземляночным жилищам, лепной керамике, погребальному обряду) восточноевропейские культурные группы составляют единую модель, которая в позднеримский период присуща киевской культуре. Поскольку археологические характеристики известного по письменным источникам раннеславянского населения соответствуют этой модели, то перечисленные выше восточноевропейские раннесредневековые культуры (в т.ч. и памятники колочинского типа) принадлежали славянам (Godłowski, 2000, s. 111-129).

В советской историографии подобные идеи высказывались Э.А. Симоновичем, В.Н. Даниленко и В.Д. Бараном, но К. Годловским они были более обстоятельно аргументированы, а для центральноевропейских ученых, среди которых К. Годловский пользовался большим авторитетом, издание этой монографии стало своеобразным манифестом.

Дискуссия об этносе раннесредневековых культур лесостепной и лесной зоны, в т.ч. и колочинской, позволила установить «проблемные точки» в ее изучении, которые требовали анализа конкретного археологического комплекса. К числу важнейших относятся: 1) проблема соотношения колочинских памятников с предшествующими и последующими археологическими общностями; 2) связь колочинских древностей с синхронными культурами, определение территориальных границ колочинской общности; 3) периодизация и хронология культуры.

В 1970 – 80-е гг. для южной части колочинского ареала этим вопросам были посвящены исследования П.Н. Третьякова, О.В. Сухобокова,

И.П. Русановой, Е.А. Горюнова, Р.В. Терпиловского.

П.Н. Третьяков в рамках общей концепции развития славянских культур Восточной Европы в 1960 – 70-е гг. после масштабных разведок в Подесенье и раскопок проблемных памятников предложил периодизацию древностей региона 1-й – 3-й четверти I тыс. н.э. К начальному этапу он относил позднезарубинецкие памятники почепского типа (I-II вв.). Древности последующего этапа 2-й – 3-й четверти I тыс. н.э. (круга Посудичей-Смольяни), по его мнению, сформировались на почепской основе. Их он сопоставлял с памятниками киевского типа на Киевщине, верхнеднепровскими круга Абидни и более поздними типа Колочинского городища и Новобыховского могильника (Третьяков, 1974, с. 44-49; 1982, с. 71-83). Верхняя хронологическая граница колочинской культуры на территории Днепровского Левобережья определялась в рамках рубежа VII-VIII вв. (Третьяков, 1982, с. 133).

П.Н. Третьяков был убежденным сторонником различного происхождения тушемлинских и колочинских древностей, хотя и отмечал некоторое сходство керамического комплекса этих культур как результат взаимных контактов населения (Третьяков, 1982, с. 89). Тушемлинско-банцеровские памятники он считал балтскими, а колочинские – славянскими (Третьяков, 1970, с. 52-55).

О.В. Сухобоков в лесостепной части Днепровского Левобережья выделил древности типа «Колочин – Курган-Азак – Артюховка» (V-VII вв.), которые относятся к доволынецкой эпохе. Высказано мнение о принадлежности кладов и отдельных находок круга «древностей антов» этому населению (Сухобоков, 1975, с. 134-137).

Несмотря на большое количество ошибок, неточностей и противоречий (см. критику в: Обломский, 1996б, с. 99-100), монография О.В. Сухобокова сыграла большую роль в систематизации раннесредневековых древностей Днепровского лесостепного Левобережья. Впервые была закрыта намеченная И.И. Ляпушкиным лакуна между черняховской и роменской культурами, причем не отдельнымикладами и вещами, как раньше, а особым типом археологических памятников.

В монографии И.П. Русановой, изданной в 1976 г., приводится критический анализ историографии, опубликована наиболее полная на середину 1970-х гг. карта памятников круга Ту-

шемли-Банцеровщины-Колочина, разработана при помощи анализа пропорций сосудов типология керамики, дается описание жилищ и погребального обряда. В противоположность П.Н.Третьякову И.П.Русанова относил все памятники лесного Поднепровья 2-ой – 3-й четверти I тыс. к единой культуре. Славянская этническая принадлежность населения, оставившего колочинские древности, отрицалась.

Работы И.П. Русановой заложили основу научного изучения пражской культуры. Метод работы с керамикой позволил И.П. Русановой наметить различие пражских, колочинских и пеньковских сосудов на уровне культур (Русанова, 1976).

Е.А. Горюнов развил идеи П.Н. Третьякова в отношении древностей Подесенья и Днепровского лесостепного Левобережья. Для Подесенья единая по П.Н. Третьякову группа памятников 2-й – 3-й четверти I тыс. н.э. была разделена на две. Более раннюю (III-IV вв.) Е.А. Горюнов относил к киевской культуре, последующую (конец IV – VII в.) – к колочинской. Е.А. Горюнов первым предложил общую типологию керамики 2-й – 3-й четверти I тыс. н.э. Подесенья, обосновал эволюционный характер развития (в первую очередь по набору форм сосудов, планировке и конструкции построек) местной киевской культуры в колочинскую. Южные колочинские памятники локализируются в лесостепной зоне, при этом граница между колочинской и более южной пеньковской культурами была «размытой» (Горюнов, 1981, с. 15-63).

Незадолго до своей кончины Е.А. Горюнов предпринял раскопки могильника Картамышево-2, по тщательности полевых исследований и качеству документации ставшего эталонным для колочинской культуры лесостепной зоны. Исследование колочинского погребального обряда было опубликовано уже после смерти автора (Горюнов, 2004).

Р.В. Терпиловский в своей монографии 1984 г. (Терпиловский, 1984) и серии статей уточнил верхнюю хронологическую границу киевской культуры Подесенья, отнес ее к гуннскому времени. Колочинскую культуру он датировал V-VII вв. Преемственность деснинского варианта киевской и колочинской культур была детально обоснована на материалах керамики, домостроительства и погребального обряда. Р.В. Терпиловскому принадлежит также первый обобщающий очерк археологического комплекса колочинской культуры на территории Украины (Терпиловский, 1985).

Впоследствии во второй половине 1990 – 2000-х гг. Р.В. Терпиловский развил свои идеи в рамках общей концепции формирования раннеславянских культур. В настоящей главе мы рассматриваем те ее положения, которые имеют отношение к колочинской общности. По мнению автора, сходство археологического комплекса этих раннеславянских культур особенно ярко проявляется на ранних стадиях их развития. Оно настолько велико, что явно не было результатом взаимных контактов, а обусловлено наличием общего ядра, которое находилось за пределами зоны провинциально-римских влияний. Этим ядром является киевская культура (Терпиловский, 19976, с. 116; Терпиловский, 2005, с. 400-401).

По происхождению колочинская культура теснейшим образом связана с предшествующей киевской, особенно в Подесенье. Эта связь подтверждается наличием переходных памятников (Терпиловский, 19976, с. 111-112; 1999, с. 295-296; Терпиловский, 20046, с. 59). К их числу относятся в Черниговском и Новгород-Северском Подесенье поселения Выгоры-2, Заярье, Колодезный Бугор, Целиков Бугор, могильник Смяч, в Путивльском Посеймье – Красное-4, Чаплищи-3, Литвиновичи-3, Пересыпки-1, в верховьях Сейма и Псла – Комаровка-2, Песчаное, в днепровской левобережной лесостепи – Курган-Азак и Сенча. В Среднем Поднепровье классические колочинские памятники не известны. Ранние материалы этого круга представлены на поселении Ходосовка (Диброва) вместе с фибулой V в. Комплекс Ходосовки возник на основе поздних памятников киевской культуры Среднего Поднепровья (киевские объекты Дибровы, Обухова-2, Вишеньки), которые характеризуются рядом колочинских черт. В Белорусском Поднепровье к раннему колочину относятся некоторые объекты Нисимковичей-2 и Тайманово (Терпиловский, 19976, с. 111-112; Терпиловский, 20046, с. 60, 61).

Часть из перечисленных памятников ближе к поздним поселениям деснинского варианта киевской культуры (типа Ульяновки), другие (Выгоры-2, Литвиновичи-3, Красное-4) уже имеют ряд ярко выраженных колочинских черт. Р.В. Терпиловский выражает сомнение относительно своих выводов о нескольких традициях позднекиевских и раннеколочинских древностей Днепровского Левобережья. По его мнению, картина этнокультурных процессов была отчасти иной. Сложение колочинской культуры в западной части Днепровского Левобережья про-

изошло на основе памятников типа Ульяновки, Курган-Азака и т.п., а в восточной – на базе древностей круга Тазово-Каменево (Терпиловский, 2004б, с.62; 2005, с. 387-400).

Поздние киевские памятники близки к колочинским по ареалу, топографии, традициям домостроительства, керамическому комплексу, погребальному обряду на бескурганых могильниках, формам пряслиц, преобладанию неукрепленных поселений. В колочинском ареале известны городища (Колочин, Мощенка, Золотомино и др.), но они крайне редки по сравнению с территорией банцеровских и тушемлинских древностей (Терпиловский, 2004б, с. 62-63). В постчерняховское время происходит некоторое огрубление керамики по сравнению с поздними киевскими памятниками Среднего Поднепровья и Подесенья. Тем не менее набор посуды колочинской культуры от позднего киевского отличается незначительно (Терпиловский, 2004б, с. 62). На раннеколочинских памятниках, в отличие от предшествующих киевских, отсутствует массовый черняховский импорт и практически нет лепной лощеной керамики. Тем не менее отдельные обломки черняховских сосудов и характерных для позднеримского периода жерновов из туфа продолжают встречаться (Терпиловский, 1997б, с. 112).

Финал киевской культуры датируется в рамках первой половины V в. Ранняя дата колочинских памятников в Подесенья определяется по круглой пряжке с хоботовидным язычком из могильника Смяч, раме квадратной пряжки с выступами из Целикового Бугра, спинке железной фибулы из Колодезного Бугра, «гуннскому» наконечнику стрелы из Песчаного в пределах середины – второй половины V в. (Терпиловский, 1997б, с. 113-114).

В тезисах доклада, прочитанного в 1997 г. в Харькове, Р.В. Терпиловский отмечал, что колочинские памятники VI-VII вв. Подесенья неоднородны по составу набора лепной посуды. Керамический комплекс Роища обладает некоторыми чертами пеньковской культуры, Александровки – пражской. В материалах Выгор-1 и, возможно, Ривчака ощущается влияние со стороны Верхнего Поднепровья. Вероятно, своеобразие набора сосудов черниговских памятников обусловлено проникновением в регион небольших групп населения с соседних территорий (антов и славян), что не привело к коренным изменениям местной культуры (Терпиловский, 1997а, с. 84). По Е.А. Горюнову, граница колочинской и пень-

ковской культур на территории Днепрового Левобережья проходила через средние течения Сулы, Псла, Ворсклы. По мнению Р.В. Терпиловского жесткой границы между двумя этими археологическими общностями не было. По обе ее стороны наблюдается инфильтрация элементов соседних культур. Материалы поселений Роище (жилище 10, 17) и Левкин Бугор в Подесенья демонстрируют переплетение черт колочинской и пеньковской археологических общностей. На колочинском поселении Большие Будки (верховья Сулы) исследовано раннепеньковское жилище (Терпиловский, 2004а, с. 133).

К сожалению, интересные наблюдения о наличии в колочинских древностях разных традиций в работах Р.В. Терпиловского пока не получили развития.

Р.В. Терпиловский присоединяется к мнению М.Б. Щукина, который считал колочинское население раннесредневековыми венетами Иордана (Терпиловский, 2003, с. 429).

Специальное исследование обряда кремации на территории Поднепровья было проделано О.В. Петраускасом. В работе использовался материал могильников нескольких культур, в т.ч. и колочинской. Выделены модели трупосожжений, прослежена их эволюция на протяжении I тыс. н.э. (от зарубинецкой культуры до Древней Руси) (Петраускас, 1993а).

Итоги изучения южной и юго-восточной части колочинской культуры до середины 90-х гг. были подведены в написанном мною очерке, который был опубликован в монографии о Гапоновском кладе, посвященной более широкому кругу вопросов. Здесь был помещен обзор историографии, дана характеристика поселений и могильников, сделана систематизация погребального обряда, предложена классификация лепной керамики, пригодная для сопоставления с материалами предшествующей киевской и синхронной пеньковской культуры не только по целым формам, но и по фрагментам сосудов, сделана попытка разделить лесостепные и деснинские колочинские памятники на 3 типа по составу керамического комплекса.

В первый включены памятники с преобладанием ребристых и тюльпановидных сосудов (Заярье, Целиков Бугор, Стрелица, видимо, Роище), ко второму отнесены все прочие из перечисленных выше, т.е. могильники и селища, где редко или отсутствуют ребристые формы и наиболее часто встречаются слабопрофилированные закрытые округлобокие горшки. В рамках

последнего типа выделяются два варианта: памятники, где на втором месте в структуре набора форм находятся тюльпановидные горшки, а баночные редки или вовсе отсутствуют (Княжий, Картамышево-2), а также поселения Великие Будки, Ливиновичи-3 и могильник Лебязье, на которых тюльпановидных сосудов почти нет, но довольно часто встречаются различные варианты «банок». К третьему типу относится селище Красное-4, где преобладают баночные формы и очень редки ребристые. Памятники первого типа известны пока только в Подесенье, второго – по всей южной территории колочинской культуры. Красное-4 расположено в Среднем Посеймье.

Две основные традиции оформления набора колочинских сосудов восходят к предшествующему поздне римскому времени. На большинстве поздних памятников деснинского варианта киевской культуры преобладают закрытые округлобокие слабопрофилированные сосуды (тип Ульяновки). На двух селищах (Роище, Александровка) часты ребристые формы. Возникновению колочинских памятников в лесостепной зоне предшествовала миграция на юг и юго-восток населения деснинского варианта киевской культуры во второй половине – конце IV – начале V в. Южная граница колочинской культуры оформляется в результате этого процесса (Обломский, 1996б).

В той же монографии В.Е. Родинкова сделала обзор датируемых вещей на раннесредневековых памятниках Днепровского Левобережья, в т.ч. и колочинских, разделила их на четыре хронологические группы. Дата колочинской культуры была определена в рамках V-VII вв. (Родинкова, 1996а; 1996б).

И.О. Гавритухин методом синхронизации материалов разных территорий разработал хронологию ряда категорий изделий из цветного металла, в т.ч. и важных для датирования колочинской культуры малых и больших (днепровских) пальчатых фибул, деталей геральдической поясной гарнитуры (Гавритухин, 1996а; 1996б; 1996в). В монографии была выдвинута гипотеза о гибели пеньковской и колочинской культур Днепровского Левобережья в результате переселения на восток ранних славян – носителей культуры типа Луки Райковецкой во второй половине – конце VII в. В войнах коренного населения региона и пришельцев местные племена потерпели поражение. В ходе этих событий выпали в землю очень близкие по составу клады круга «древностей антов» первой группы по О.А. Ще-

гловой или типа Мартыновского (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 140-148).

Дальнейшие исследования материалов южной части колочинской культуры проводились в различных аспектах.

Новые системы классификации колочинской керамики предложили Д.В. Середа и И.В. Зиньковская (Середа, 1999; 2003; Зиньковская, 1998). В ряде работ В.М. Горюновой, В.Е. Родинковой, О.А. Щегловой, Е.А. Шаблавиной рассматривались украшения из кладов Мартыновского круга (подробнее см. в разделе «Клады»), уточнена хронология свинцово-оловянистых украшений, антропоморфных фибул, некоторых важных для колочинской тематики типов браслетов. Погребальный обряд населения Днепровского Левобережья римского времени и раннего средневековья рассматривался И.В. Зиньковской (Зиньковская, 2000). Предварительные итоги металлографических исследований предметов из железа подведены В.Д. Гопак, Л.С. Розановой и Н.Н. Тереховой (Гопак, Горюнова, 1991; Розанова, Терехова, 1997). Реконструкция сельского хозяйства колочинского и пеньковского населения (характер земледелия и животноводства, перечень возделываемых культур, состав стада, орудийный комплекс и т.д.) была сделана С.А. Горбаненко (Горбаненко, 2004; 2007).

Для конкретизации археологического комплекса южного ареала колочинской культуры большое значение имели публикации материалов поселения Большие Будки (Хутор), где был обнаружен уникальный клад ремесленника-ювелира, и могильника Картамышево-2 (Горюнова, Родинкова, 1999; Горюнова, 2004).

Общую периодизацию древностей римского времени – раннего средневековья Верхнего Поднепровья первым предложил Л.Д. Поболь. Памятники Юго-Восточной Белоруссии VI-VIII вв. (Гомельская, Могилевская, отчасти Минская обл.), которые по современным представлениям соответствуют колочинской культуре (Колочин, Новый Быхов, Нижняя Тощица и др.), возникли на основе древностей т.н. позднего этапа зарубинецкой культуры II – V вв. типа Абидни (Поболь, 1970, с. 225-241). Позже в этом регионе он выделил быховско-колочинскую культуру (Поболь, 1983, с. 48, 49). Им же были раскопаны поселение и могильник Тайманово, могильники Новый Быхов, Нижняя Тощица, которые наряду с Колочином-1 являются эталонными для колочинской культуры Юго-Восточной Белоруссии. Характеристика колочинских материа-

лов Гомельского Посожья дана в кандидатской диссертации О.А. Макушников (Макушников, 1987), в частности, им разработана детальная типология лепной посуды, во многом перекликающаяся с классификацией Р.В. Терпиловского (Макушнікаў, 1985). О.А. Макушников в 1999 г. опубликовал общий очерк о колочинской культуре на территории Белоруссии, в котором были подведены итоги в первую очередь полевых исследований и намечены перспективы на будущее (Макушнікаў, 1999). Позже им были уточнены юго-западные границы колочинской культуры в лесном Поднепровье, сделан вывод, в т.ч. и по раскопкам в исторической части Гомеля, что колочинские памятники в Нижнем Посожье сменяются древностями круга Луки Райковецкой, которые появляются в регионе не позднее VIII в. (Макушников, 2011а; 2011б).

Яркий и разнообразный материал дали раскопки сгоревших городищ в северной части Верхнего Поднепровья и в прилегающих регионах: Чекасово, Кисели, Вежки (О.Н. Левко, Ю.В. Колосовский), Никодимово (А.А. Седин), Демидовка, Акатово, Близнаки (Е.А. Шмидт). К сожалению, полностью опубликованы только первые два из них, результаты исследования остальных изданы выборочно. Браслетам городища Никодимово посвящена статья В.Е. Родинковой и А.А. Седина, а фибулам того же памятника – И.О. Гавритухина и А.А. Седина (Родинкова, Седин, 2004; Гавритухин, Седин, 2014). Е.А. Шмидт большинство из этих памятников относит к выделенной им тушемлинской культуре, тем не менее опубликованные им, наряду с другими материалами, происходящие с них находки для характеристики колочинской культуры очень важны (Шмидт, 1970; 1995; 2003).

Н.В. Лопатин, проанализировав керамический комплекс, подтвердил идею П.Н. Третьякова о близости наборов сосудов городищ Колочин и Демидовка и об отличии их от материалов Тушемли (Лопатин, 1989). Впоследствии для Верхнего Поднепровья и Подвинья им был выделен единый киевско-колочинский стиль керамики, которому соответствовали наборы сосудов сгоревших городищ Демидовка, Кисели, Черкасово, Вежки, Никодимово, Акатово, Близнаки (Лопатин, 2003а; 2005). В монографии, написанной им совместно с А.Г. Фурасевым, обоснован тезис о широком расселении племен деснинского варианта киевской культуры вплоть до верховьев Западной Двины перед образованием колочинской

археологической общности (Лопатин, Фурасев, 2007а, с. 91). Мною эта идея была подтверждена на материалах поселения Тайманово (Обломский, 2005, с. 145-153).

Оружью населения колочинской культуры посвящена работа А.А. Седина (Седин, 2011). На более широком фоне материалов находки оружия рассмотрены Е.А. Шмидтом и М.М. Казанским (Шмидт, 1995; 2003; Kazanski, 1999; Казанский, 1999; 2008; 2011а; 2015). В результате М.М. Казанским реконструирована система вооружения пешего воина и всадника лесной зоны эпохи раннего средневековья.

* * *

После издания монографии о Гапоновском кладе с обобщающим очерком о колочинской культуре прошло 20 лет. В предлагаемой вниманию читателя работе собраны сведения о материалах этой археологической общности, не вошедшие в издание 1996 г. (включая памятники лесного Поднепровья), дана характеристика современного состояния ее изучения. Основой при этом послужили сведения, полученные из публикаций. Не изданные материалы привлекаются лишь в качестве дополнительных и далеко не в полном объеме.

1. Территория

Ареал колочинской культуры охватывает лесную часть Поднепровья почти до истоков Днепра, Посожье, Подесенье, нижнее течение Березины. Западная граница культуры проходит по р. Птич, но она в какой-то степени «размыта». Одним из самых западных является поселение Щатково (Макушнікаў, 1999, с. 348). Восточнее на правобережье лесного течения Днепра О.А. Макушников помещает памятники пражской культуры (селище и могильник Мохов, Проскурни-2, для раннего горизонта которого характерно сочетание пражских и колочинских форм) (Макушников, 2014, с. 373). Элементы пражского культурного влияния прослеживаются и на колочинских памятниках Посожья (Макушников, 2011а, с. 122). Дискуссионен вопрос о северной границе территории колочинской культуры. Е.А. Шмидт часть памятников Верхнего Поднепровья (городища Никодимово, Демидовка, Близнаки) и бассейна верховьев Западной Двины (Акатово) традиционно относит к выделенной им тушемлинской культуре (Шмидт,

2003, с. 22-39; 2005, с. 69). В обобщающей статье о банцеровской культуре в издании «Археологія Беларусі» материалы из городища Никодимово помещены в таблицах как банцеровские (Шадыра, 1999а, мал. 119, 120). Н.В. Лопатин, сопоставив керамический комплекс трех эталонных верхнеднепровских раннесредневековых городищ (Колочина, Демидовки, Тушемли), показал, что материалы Колочина и Демидовки в значительной степени сходны и в целом отличаются от тушемлинских. Это сопоставление послужило основанием для включения городища Демидовка в круг колочинских памятников (Лопатин, 1989). Позже Н.В. Лопатин выделил т.н. керамический набор 7, который представлен на городищах Кисели, Черкасово, Вежки, Никодимово. Сюда же он относит Акатово и Близнаки на Смоленщине. «Эта группа является непосредственным продолжением типа Демидовки: сохраняются все формы и особенности керамического набора Демидовки» (Лопатин, 2005, с. 475). Акатовский могильник в список колочинских памятников включил и Е.А. Горюнов (Горюнов, 2004, табл. I, II). Таким образом, если материалы Демидовки считать колочинскими, то и прочие упомянутые памятники нет никаких оснований относить к другой археологической культуре. По всей видимости, верховья Днепра и, вероятно, Западной Двины были территориями, где колочинские памятники распространены наряду с древностями типа верхнего слоя Тушемли, как предполагал П.Н. Третьяков.

На юге ареал колочинской культуры охватывает северную часть Днепровского лесостепного Левобережья, включая Посеймье, верховья Псла и Ворсклы. Северо-восточные колочинские поселения и могильники изучены в Нижнем и Среднем Подесенье (Терпиловский, 2004б, с. 59-60). Самым северным из раскопанных широкой площадью в этом регионе до сих пор остается поселение Смольянь, исследования которого проводил в 1962-1963 гг. П.Н. Третьяков (Третьяков, 1974, С. 75-85). Несколько восточнее в среднем течении р. Навли находится городище Слободка, где Т.Н. Никольской были исследованы две хозяйственные ямы с характерными лепными сосудами (Никольская, 1970, с. 89, рис. 3).

Юго-восточная граница сплошного массива памятников колочинской культуры по исследованным раскопками поселениям и могильникам, т.е. по тем из них, с которых происходит характерный для этой археологической общности набор посуды и вещей, проходит в верхнем

течении Сейма с его притоками (могильник Лебязье-1, поселение Каменево-2) (Липкинг, 1974, с. 141-152; Тихомиров, 1990; Родинкова, 1996а, с. 156; Обломский, 2007а, с. 99), верховьях Псла, включая его приток Суджу (селища Картамышево-1, Гочево-3, Шмырёво-2, могильники Картамышево-2 и Княжий) (Обломский, 1991, с. 242; Обломский, 2007а, с. 91-92, 104; Горюнова, 2004). Известны памятники колочинской культуры и на Северском Донце. Самое северное в долине этой реки поселение Шишино-5 находится выше г. Белгорода по течению (Обломский, Завьялов, 2003, с. 71-74). На Осколе колочинские памятники пока не обнаружены, хотя в верхнем течении этой реки, т.е. по соседству с колочинскими поселениями и могильниками Северского Донца и Псла, известен клад с вещами т.н. древностей антов первой группы по О.А. Щегловой (Углы) (Щеглова, 1990; Корзухина, 1996, с. 418). Поскольку некоторые из таких комплексов (например, Гапоновский, Великобудковский, набор украшений городища Никодимово) обнаружены на поселениях колочинской культуры (Гавритухин, Обломский, 2009, с. 317), то распространение ее в верховьях Оскола весьма вероятно.

В западной и центральной части лесостепного Подонья колочинские памятники пока не известны, зато отдельные поселения исследованы восточнее. К ним относятся селища Ярлуково на р. Матыре (Комаров, 1972), Коровий Брод на р. Цне севернее г. Тамбова (Андреев, Филимонова, 2008, с. 21, рис. 3: 24, 25), Новоникольское-8 на р. Польной Воронеж (Обломский, 2012б, рис. 23).

В 2011-2012 гг. автором настоящей работы на поселении Кривец-4 Добровского р-на Липецкой обл. в верхнем течении р. Воронеж проводились раскопки. На памятнике вскрыто 1386 кв. м, исследованы три сгоревшие постройки-полужемлянки и серия хозяйственных ям, а также ритуальный комплекс, состоящий из 6-ти компактно расположенных ям со следами обожженности грунта, содержавших кальцинированные кости, перемешанные с золой. Две ямы находились в пределах небольшого подпрямоугольного сооружения с остатками столбовой конструкции. Раннесредневековый этап этого поселения датируется VII в. по серии украшений днепровского круга: одной целой и двум фрагментированным пальчатым фибулам, двум накладкам геральдического стиля, пронизи с выступающими валиками, обломкам браслетов, коническому колокольчику, несколькими пряжками. Керамический

комплекс поселения специфичен. Наряду с горшками колочинской культуры, обнаружена керамика окского круга (скорее всего, рязано-окской культуры).

Серия раннесредневековых вещей происходит с поселения Красный Городок-2, которое находится выше Кривца по р. Воронеж. Здесь найдены бронзовые наконечник пояса геральдического стиля, конический колокольчик с трапециевидным ушком, орнаментированный параллельными прочерченными линиями, с остатками железных окислов (очевидно, от язычка) внутри, изделие, которое интерпретируется как отливка по оттиску римской (?) монеты с изображением неясного человеческого силуэта, «медный византийский фолис», по определению авторов публикации, начеканенный в 590-х гг. при императоре Маврикий в Херсонесе. На одной стороне монеты изображены «император Маврикий и императрица Константина, на оборотной стороне – наследник престола Феодосий» (Андреев, Филимонова, 2008, с. 23, рис. 2: 5, 7, 8).

Большинство украшений тех типов, которые обнаружены в Кривце и Красном Городке (днепровские пальчатые фибулы, удлиненные наконечники поясов геральдического стиля с орнаментом в виде замочной скважины, конические колокольчики, браслеты с расширенными концами и орнаментом в виде перекрещивающихся и перпендикулярных корпусу изделия линий), неоднократно встречены на колочинских памятниках (см. ниже), а также вкладах первой группы круга «древностей антов», выделенной О.А. Щегловой (Щеглова, 1990, 169-175; Гавритухин, 1996а, рис. 50: 2-6, 14, 14; Гавритухин, 1996б, рис. 46: 6; Корзухина, 1996, табл. 44: 5, 6, 8, 9; 50: 4; 54: 8; 77: 3; Обломский, 1996а, рис. 22: 18, 19; 23: 19, 20; Родинкова, Седин, 2004, рис. 4: 3). По отношению к Верхнему Подонью они имеют западное происхождение.

По предварительным данным культура населения региона в VII в. была близка колочинской лесостепного и лесного Поднепровья (по конструкции и планировке построек, керамическому комплексу, находкам днепровских украшений). Тем не менее по сравнению с классическими колочинскими материалы Кривца обладают спецификой, заключающейся в нахождении в комплексах наряду со славянской керамикой лепной посуды и некоторых украшений финнского (рязано-окского или древнемордовского) круга. Поскольку находки из поселения Кривец-4 еще не полностью обработаны, то в настоящем издании

они используются частично. По всей видимости, при непосредственном участии выходцев с территории колочинской культуры в регионе формируется новая археологическая общность².

В южной части лесостепной зоны на территории Днепровского Левобережья расположены памятники пеньковской культуры. По Е.А. Горюнову, граница колочинской и пеньковской культур в этом регионе проходила через средние течения Сулы, Псла, Ворсклы (Горюнов, 1981, с. 63-64). По мнению Р.В. Терпиловского жесткой границы между двумя этими археологическими общностями не было. По обе ее стороны наблюдается инфильтрация элементов соседних культур. Материалы поселений Роище (жилище 10, 17) и Левкин Бугор в Подесенье демонстрируют переплетение черт колочинской и пеньковской археологических общностей. На колочинском поселении Большие Будки (Хутор) (верховья Сулы) исследовано раннепеньковское жилище (Терпиловский, 2004а, с. 133). Колочинско-пеньковская граница выглядит, так же, как и западная, несколько «размытой».

В Среднем Поднепровье сплошной массив колочинских памятников не зафиксирован. Тем не менее в северной части этого региона известно поселение Ходосовка (ур. Диброва), где два раннеколочинских жилища раскопал В.Н. Даниленко, а позже еще одну постройку исследовала экспедиция И.А. Готуна. Колочинская керамика происходит и из культурного слоя (Даниленко, 1976, рис. 8.; Абашина, 1999; Готун и др. 2004, с. 106, 107; Готун и др. 2011, с. 86-87).

Таким образом, по современным данным, из сплошного ареала колочинской культуры происходили периодические «выплески» населения в нескольких направлениях: на северо-восток в район истоков Днепра и прилегающей части Западного Подвинья, на восток в верховья р. Воронеж, на юго-запад в Среднее Поднепровье. В южную часть колочинского ареала (вплоть до Среднего Подесенья) проникали небольшие группировки с территории пеньковской культуры.

² В 2012-2015 гг. мною в верховьях р. Воронеж были проведены раскопки еще трех поселений: Ярок-5 и 9, Стаево-4. Раннеславянские материалы этого региона делятся на две линии – типа Кривец с элементами колочинской культуры и типа Ярок, где сохраняются традиции древностей круга Чертовицкое-Замятино гуннского времени и ощущается некоторое влияние со стороны пеньковской культуры.

В настоящее время стационарными раскопками исследованы 9 городищ, 11 грунтовых могильников, 6 курганных могильников, 2 культурных комплекса, 51 селище (рис. 1, табл. 1)³. Достоверные находки колочинской культуры зафиксированы еще на четырех более ранних городищах (Рассуха, Мощенка, Большие Будки, Слободка). М.Б. Шукин отмечает, что на городище Мощенка валы были возведены в колочинский период, но профили разрезов, их описание и находки из валов в публикации не приводятся (Шукин, 1989, с. 112). В.В. Приймак добавляет к этому списку материалы с городищ Будище и Воргол в Посеймье и Битица в верховьях Псла (Приймак, 2004, с. 283). Впрочем, приведенные им данные нуждаются в проверке. Не исключено, что (по крайней мере, в Битице) колочинская керамика происходит из более поздних волынецовских комплексов (явление, отмеченное для лесостепного Днепроовского Левобережья О.А. Щегловой) (Щеглова, 1986). Кроме того, обнаруженные на городищах других эпох материалы могут интерпретироваться не только как остатки колочинских укрепленных поселений, но и как следы неких ритуальных действий, совершенных на возвышенных местах (как в Случевске, см. ниже).

2. Поселения

Селища

Известные в настоящее время колочинские селища О.А. Макушников делит на две группы. Большинство из них – небольшие (как правило, до 0,7 га). Они размещаются на сниженных участках речных долин (высокая пойма, первая надпойменная терраса, останцы, в т.ч. и дюны, в пойме). Примерами являются поселения Подесенья и Верхнего Поднепровья (Колодезный Бугор, Лёвкин Бугор, Смольянь, Носовичи, Нисимковичи-1 и 3 и др.). Селища второго типа достаточно редки. Их отличают большие размеры (до 2 га) и значительная высота над уровнем водного источника (от 5-7 до 20 м). Из раско-

панных широкими площадями к ним относится поселение Тайманово в Верхнем Поднепровье (Макушникаў, 1999, с. 350).

Селища расположены, как правило, сгустками по 5-8 поселений (т.н. гнездами), отделенных друг от друга сравнительно большими пространствами. Е.А. Горюнов обратил внимание, что в состав этих гнезд входят (даже в рамках одной археологической культуры) разновременные памятники, что, скорее всего, связано с непрочной оседлостью, обусловленной применением подсечного земледелия, когда периодически пригодные для него участки приходилось забрасывать и переселяться на новые места (Горюнов, 1981, с. 12). С.А. Горбаненко заметил, что переселения происходят в рамках определенной территории, причем население периодически возвращалось на старые места. Это, по его мнению, свидетельствует не столько о подсеке, сколько о перелоге, когда участки забрасывались для восстановления плодородия земли, а потом обрабатывались вновь (Горбаненко, 2004, с. 309-310).

Планировка селищ, к сожалению, до сих пор неясна, поскольку лишь отдельные поселения раскопаны достаточно большими площадями, чтобы можно было о ней судить. Для Нижнего Подесенья таким памятником является Александровка-1, где жилые постройки расположены по обоим берегам ручья достаточно далеко друг от друга и не составляют единого скопления (Терпиловський, Шекун, 2004, рис. 1), что, вероятно, свидетельствует о наличии усадеб. Для лесного Поднепровья широкой площадью раскопано селище Тайманово, но до полной публикации его материалов судить о планировке поселка эпохи раннего средневековья трудно.

На поселениях исследованы жилища, хозяйственные ямы, находящиеся вне жилищ очаги (т.н. выносные) и отдельные хозяйственные постройки. Всего по литературе удалось собрать данные о 35 жилищах⁴. Все они раскопаны на селищах, преимущественно, в южной части колочинского ареала, и представляют собой прямоугольные (чаще) или подквадратные (реже) полужемлянки глубиной от 0,05 до 0,7 м от уровня материка, но в большинстве случаев 0,3-0,5 м, с плоскими полами.

³ На карту (рис. 1) не поставлены памятники Юровичи, Шарейки, Гряда, Слободка, которые обозначены как колочинские на карте раннесредневековых памятников Белоруссии в издании «Археалогія Беларусі», т. 2. (Мінск, 1999). Как показали последние исследования, некоторые из них относятся к киевской культуре, а большинство – к пражской (Касюк, 2012, 2016, мал. 3).

⁴ Сохранившиеся частично постройки не рассматриваются, Тайманово исключено: памятник полностью не опубликован, по этой причине трудно отделить комплексы деснинского варианта киевской культуры от колочинских.

Для классификации использована схема, разработанная мною для жилищ киевской и черняховской культур Поднепровья (Обломский, 2002, с. 51, 52), с некоторыми дополнениями.

Класс I. Прямоугольные или подпрямоугольные постройки.

Тип 1. Без отопительного сооружения.

Вариант 1. С плоскими полами.

Разновидность 1. Со столбами по периметру котлована (рис. 2: 1). Александровка-1, 11 (Терпиловский, Шекун, 1996, с. 35).

Разновидность 1а. С отдельными столбами по краю котлована (рис. 2: 2). Роище, 10 (Терпиловский, 1990, с. 58); Большие Будки (Хутор), 3 (Горюнова, Родинкова, 1999, с. 197); Курочкин-3, 1, 2 (Щеглова, Бажан, 1983, рис. 1: А).

Разновидность 2. Со столбами по периметру и в центре (рис. 2: 3). Александровка-1, 52 (Терпиловский, Шекун, 2004, с. 231), Колочин-1, селище, 1 (Сымонович, 1963, с. 123).

Разновидность 2б. С центральным опорным столбом без столбов по периметру котлована (рис. 2: 4). Большие Будки (Хутор), 4 (Горюнова, Родинкова, 1999, с. 197).

Разновидность 6. Без столбовых ям (рис. 3: 1). Выгоры-1, 1 (Шекун, Терпиловский, 1993, с. 21); Ходосовка, 5 (Абашина, 1999, с. 9, 10).

Вариант 3. С внутренними ямами-погребями.

Разновидность 2. С отдельными столбовыми ямами по периметру котлована, центральным столбом, 1 погребом (рис. 3: 2). Колодезный Бугор, 2 (Третьяков, 1974, с. 96).

Разновидность 5. Без столбовых ям с тремя погребями (рис. 3: 3).

Шишино-5, 3 (Обломский, Завьялов, 2003, с. 71).

Тип 2. С открытым очагом.

Вариант 1. С плоскими полами.

Разновидность 1. Со столбами по периметру котлована (рис. 3: 4).

Смольянь, 3 (Третьяков, 1974, с. 81); Александровка-1, 39 (Терпиловский, Шекун, 1996, с. 232).

Разновидность 1а. С отдельными столбовыми ямами у края котлована (рис. 4: 1).

Смольянь, 2; 4 (Третьяков, 1974, с. 81,82); Роище, 17 (Терпиловский, 1990, с. 59); Нисимковичи-1, 3 (Макушников, 1999, с. 140); Ярлуково (Обломский, 2011б); Стрелица, 1 (Третьяков, 1974, с. 110-111); Колодезный Бугор, 1 (Третьяков, 1974, с. 94); Кривец-4, 2 раскопа 1.

Разновидность 1б. С центральным опорным столбом и отдельными столбовыми ямами у края котлована (рис. 4: 2).

Кривец-4, 1 раскопа 3.

Разновидность 2. Без столбовых ям.

Щатково, 1 (Поболь, 1967, с. 232-233); Ходосовка, 3 (Абашина, 1999, с. 9).

Разновидность 2а. Без столбовых ям по краю котлована с центральным опорным столбом (рис. 4: 3).

Носовичи, 1 (Макушников, 1994а, с. 227-228); Заярье, 1 (Горюнов, 1974б, с. 123, 124).

Вариант 2. С внутренней ямой-погребом, плоским полом.

Разновидность 1. Со столбами по периметру котлована (рис. 4: 4).

Смольянь, 1 (Третьяков, 1974, с. 80); Александровка-1, 16 (Терпиловский, Шекун, 1996, с. 35).

Разновидность 1а. С внутренней ямой-погребом, отдельными столбовыми ямами по краю котлована, центральным опорным столбом (рис. 5: 1).

Лёвкин Бугор (Сымонович, 1969, с. 64). Большие Будки (Хутор), 6 (Горюнова, Родинкова, 1999, с. 198).

Разновидность 2. Без столбовых ям (рис. 5: 2).

Большие Будки (Хутор), 5 (Горюнова, Родинкова, 1999, с. 198).

Разновидность 2а. Без столбовых ям, с центральным опорным столбом.

Воробьевка-2, 1 (Сымонович, 1974, с. 154, 155).

Тип 4. Постройка с печью-каменкой в углу, без ям от столбов, с одной ямой-погребом (рис. 5: 3).

Щатково, 1 (Поболь, 1967, с. 231); Нисимковичи-2, 1 (Макушникаў, 1999, с. 352, мал. 112: 1); Гомель (Макушников, 2009, рис. 3)⁵.

Размеры котлованов построек варьируют в рамках 2,8-5,6 м (ширина) и 3,1-5,8 м (длина). У большинства сооружений стены имеют протяженность 4-4,3 м. Вдоль стен котлованов остатки столбов могут не проследиваться (12 сооружений), встречаются отдельные ямы от столбов (12 объектов) или они расположены по всему периметру, в т.ч. и в углах (7 построек). В первом случае наиболее вероятна срубная конструкция стен, во втором и третьем – каркасная. Явные следы срубной конструкции исследованы О.А. Макушниковым в жилище 1 на поселении Нисимковичи-2 в Гомельской обл. Обгоревшие бревна диаметром около 15 см, лежавшие вдоль

⁵ Еще две полуземляночные постройки с печами-каменками в углах с колочинским материалом упомянуты в публикации городища Змеёвка в г. Могилёве (Марзалюк, 2011, с. 112-113). К сожалению, планы построек и их описание весьма приблизительны, однозначные сведения о планировке, размерах, конструкции стен и отопительных сооружений отсутствуют.

стен котлована постройки в два венца, были соединены «в лапу» (Макушнікаў, 1999, с. 352). Сооружения с каркасными стенами, тем не менее, преобладали. В жилищах Смольянь 1 и 3 пространство между опорами каркаса было заполнено плетнем. В этих постройках стены были обмазаны глиной (внутри котлованов сгоревших жилищ сохранились ее завалы). В жилищах Смольянь 2 и 4, Кривец-4 1 раскопа 3 отдельные столбовые ямы были зафиксированы за пределами котлованов, но рядом с их краями. Очевидно, столбы в этих случаях служили в качестве опор выступающих наружу участков кровли.

Внутри котлованов иногда прослеживаются отдельные столбовые ямы от подпорок кровли или мебели. Центральный опорный столб зафиксирован в 15 жилищах, т.е. этот способ поддержки крыши использовался достаточно часто.

Внутренние ямы-погребя прослежены в 8 жилищах, обычно по одной на постройку. В одном из жилищ (Шишино-5, 3) зафиксированы 3 хозяйственные ямы.

Отопительными устройствами служили очаги (20 построек) или печи-каменки (2 случая, Щатково, 1; Нисимковичи-2, 1). Жилища обычно отапливались одним очагом, и только в описании постройки на поселении Ярлуково (впрочем, не совсем ясно) их упоминается два. Очаги были круглыми или овальными, размерами от 0,4 × 0,6 до 1 × 1,4 м. В 15 постройках они представляли собой следы костра, разводившегося прямо на полу, в двух сооружениях кострища находились в небольших ямках, еще в двух зафиксированы остатки глинобитных площадок. Очаги были расположены в центральной части сооружения (8 построек), у одной из стен (8 жилищ) или в углу (4 случая).

В постройке 1 Щатково печь-каменка размерами 1,4 × 1 м находилась в углу. В жилище 1 Нисимковичей-2 печь также была расположена в углу. Она имела прямоугольную форму, стенки сохранились на 0,4 м. Общие размеры печи – 1,0-1,1 × 0,95-1,2 м, длина пода овальной формы – 0,7 м, ширина – 0,5 м.

Полы жилищ, как правило, фиксировались просто в виде дна котлована. В трех постройках (Роище, 10, 17; Носовичи, 1) пол был дополнительно подмазан глиной.

Хозяйственные постройки единичны и сведения о них, как правило, не полны. Примером такого рода сооружения может служить постройка 2 раскопа 2 поселения Красное-4 в Среднем Посеймье. В плане она – прямоугольная, размерами

2 × 2,2 м по верхнему краю и 2 × 1,5 м по дну. Глубина котлована сооружения составляла 27-28 см ниже поверхности материка. В центральной части постройки на полу была зафиксирована яма от столба-опоры кровли размерами 34 × 50 см и глубиной 24 см. В заполнении постройки находилась лепная керамика, железный стержень, фрагмент высокого биконического пряслица, обломки жернова из известняка (Обломский, 2003, с. 235).

Практически все исследователи, занимавшиеся изучением колочинских жилищ, начиная с П.Н. Третьякова, отмечали, что стандартные раннесредневековые прямоугольные и квадратные полуземлянки со стенами срубной и каркасной конструкции, открытыми очагами, опорными центральными столбами кровли имеют прототипы в домостроительстве позднезарубинецкого культурно-хронологического горизонта и киевской культуры лесостепи и юга лесной зоны (Третьяков, 1974, с. 55-63; 1982, с. 74-79; Горюнов, 1981, с. 23-29; Терпиловский, 1984, с. 62, 63; Земцов, 2007). Подавляющее большинство жилищ киевской культуры лесостепного и лесного Поднепровья относятся именно к этому типу (Терпиловский, Абашина, 1992, с. 28-30; Мядзведзеў, 1999, с. 290; Земцов, 2007, с. 18-22). Из последних работ традициям домостроительства посвящена кандидатская диссертация Г.Л. Земцова. В соответствии с темой исследования в ней рассматриваются преимущественно материалы первой половины 1 тыс. При анализе жилищ и хозяйственных построек поселений Подесенья и северной части Днепровского Левобережья Г.Л. Земцов сделал вывод, что на территории Подесенья эволюция жилищ от киевской до колочинской культуры была плавной. Постройки на протоколочинских памятниках Днепровского Левобережья (таких, как Каменево-2 и Песчаное) имеют прямые параллели на поселениях киевской культуры Подесенья (Земцов, 2004).

Более редким типом колочинских построек являются полуземлянки с печами в углах. Тем не менее и они также в позднеаримское время известны на поселениях деснинской традиции киевской культуры лесного Поднепровья (Гудок, Городище, Дедиловичи, Ревячка⁶) (Лопатин, Фурасев, 2007а, с. 49), хотя и значительно реже, чем жилища с открытыми очагами.

⁶ Обоснование принадлежности последних трех поселений к кругу киевских древностей см. в монографии (Лопатин, Фурасев, 2007а, с. 65-74, 125-127).

Городища

К их числу относятся только те памятники, где зафиксированы укрепления периода раннего средневековья (Колочин-1, Кисели, Черкасово, Никодимово, Вежки, Близнаки, Демидовка, Акатово, Могилёв-Змеёвка). При описании некоторых из этих городищ Е.А. Шмидт отмечает, что они не были местами постоянного обитания, и поэтому к ним применим термин городища-убежища (Шмидт, 2003, с. 22). Все эти памятники занимают возвышенные мысы коренных берегов рек, образованные оврагами. С напольной стороны городища укреплены валами и рвами. На городище Колочин-1, Демидовка, Черкасово площадка ограничена двумя валами и рвом (Сымонович, 1963, с. 101; Шмидт, 1976, с. 200; Левко, Колосовский, 2003, с. 182-183), в Киселях зафиксированы 3 вала и 2 рва. На городище Никодимово с напольной стороны находился высокий вал, а еще два – в мысовой части. Внутренняя площадка делится на две части «куполообразной насыпью» и оплывшим валом (Седин, 1997, с. 279; Еремеев, Дзюба, 2010, рис. 145). На городище Близнаки вокруг площадки был возведен кольцевой вал, сохранившийся частично. С напольной стороны площадка дополнительно укреплена валом и рвом (Шмидт, 1976, с. 192).

Своеобразна планировка городища Акатово. Оно состоит из трех площадок, расположенных в одну линию. Каждая площадка имеет свою систему укреплений, которые однотипны. Вокруг каждой площадки проходит внутренний кольцевой вал, перед ним находится ров. С внешней стороны городище окружено наружным валом (сохранился не везде) и рвом. В плане городище похоже на три примыкающих друг к другу самостоятельных укреплений (Шмидт, 2003, с. 31-32).

Поскольку практически все перечисленные городища многослойные, то исчерпывающих данных о принадлежности всей системы укреплений к раннему средневековью нет. На городище Колочин-1 этим периодом датируются оба вала (Сымонович, 1963, с. 111-117). В публикации О.Н. Левко и Ю.Н. Колосовского отмечено, что по данным разрезов валы и рвы на городищах Черкасово и Кисели начали формироваться в 3-й четверти 1 тыс. (Левко, Колосовский, 2003, с. 184). В Никодимово к колочинскому периоду явно относится центральный вал, разделяющий площадку на две части (т.н. куполообразная насыпь), поскольку он «вписан» в систему соору-

жений раннего средневековья, исследованных на площадке (Седин, 1997, с. 281).

На краю площадки городища Демидовка и на валу, по данным Е.А. Шмидта, находились остатки оборонительных сооружений, сохранившиеся в виде обугленного дерева. Наиболее крупные бревна лежали перпендикулярно краю площадки, почти радиально относительно ее средней части. Длина этих бревен – в среднем около 2 м. Другие бревна длиной до 3,5 м лежали параллельно краю площадки. В конструкцию входили также тонкие бревна и жерди. По мнению Е.А. Шмидта, это были остатки срубов, из которых была составлена оборонительная стена, идущая по краю городища (Шмидт, 1970, с. 64, 65).

Следы похожих сооружений были прослежены на городищах Кисели и Черкасово, которые в разных публикациях интерпретировались как следы срубов – основ кольцевых валов или решетчатых конструкций в валах (Левко, Колосовский, 2003, с. 184).

Сведения о конструкции валов и оборонительных линий колочинских городищ на фоне данных о фортификации укрепленных поселений других культурных групп лесного Поднепровья и Западного Подвинья недавно были обобщены в монографии И.И. Еремеева и О.Ф. Дзюбы. Проанализировав документацию Е.А. Шмидта, И.И. Еремеев пришел к выводу, что в Демидовке были прослежены остатки не срубов, а наборных стен на опорных столбах (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 136). По краю площадки городища Кисели шла похожая стена, установленная на невысоком валу или на нивелирующей подсыпке. В Черкасово был возведен полутораметровый вал с «какими-то армирующими (решетчатыми?)» конструкциями. На его вершине, вероятно, была поставлена такая же стена на столбах» (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 143).

На краю городища Колочин-1, раскопанного почти полностью Э.А. Сымоновичем, также прослежена деревянная конструкция. Она состояла из двух параллельных частоколов, служивших опорой для горизонтальных бревен. Стена была поставлена на невысоком валу или подсыпке (1-1,5 м) и разделена на отсеки, в которых были устроены обитаемые помещения с очагами. К этой конструкции с внутренней стороны примыкала серия ям-хранилищ. В стене был сделан проход-ворота (Сымонович, 1963, с. 101-111) (рис. 6). И.И. Еремеев реконструирует вдоль стены помост «служивший боевым ходом» (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 155). На краю площадки

городища Вежки, судя по краткому описанию Ю.В. Колосовского, находилось похожее сооружение («обгоревшие остатки деревянных конструкций, скопления зерна, развалы горшков») (Колосовский, 1997, с. 38). Е.А. Шмидт упоминает деревянные оборонительные сооружения на краю площадки городища Близнаки (Шмидт, 2003, с. 30).

В конструкцию «высоких» оборонительных валов, которая наиболее полно исследована в Колочине-1 и Никодимово, также входило дерево. «Куполообразная насыпь» в Никодимово была армирована бревнами и имела какую-то деревянную обноску. Основой вала 1 городища Колочин были два деревянных наката из двух и трех слоев бревен каждый, причем бревна лежали как параллельно линии вала, так и перпендикулярно. Вал укреплялся также деревянными стояками, которые, возможно, служили опорами боевых галерей (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 155-158). Сгоревшие деревянные конструкции (лаги, столб) упоминаются при описании разреза вала городища Змеёвка в г. Могилёве (Марзалюк, 2011, с. 109).

В ряде случаев на внутреннем пространстве площадок городищ прослежены специфические наземные сооружения. В Демидовке Е.А. Шмидт описывает их как два дома, вытянутых по длинной оси площадки и расположенных на расстоянии от 6-8 до 15 м от ее края. Оба дома были дугообразными и соприкасались краями, а внутри между ними находился узкий двор. Основу конструкции стен каждого из них составляли вертикально стоявшие массивные столбы. Размеры северного дома – 34 × 3,5 м, южного – 38 × 2,5-2,8 м. В пределах этих двух построек прослежено несколько открытых очагов и скопления камней. Именно отсюда происходит большинство находок, сделанных на городище (Шмидт, 1970, с. 64-65) (рис. 7).

Очень похожее сооружение прослежено на городище Никодимово. А.А. Седин описывает его как длинную замкнутую постройку столбовой конструкции, имевшую внутренний двор. Общие размеры сооружения – 43 × 18 м, ширина деревянных стен, окружавших двор, – от 3,4 до 4,6 м. Вдоль стен наблюдались полосы глиняной обмазки, найдены также обугленные бревна и жерди, вероятно, от рухнувшей кровли. В пределах стен были расположены скопления камней и очаги. Здесь же отмечены многочисленные находки керамики, вещей, обнаружены и человеческие кости. «Есть основание пола-

гать, что люди погибли во время пожара, либо будучи уже убитыми, сгорели в огне». От края площадки этот дом отстоял на 6-24 м (Седин, 1997, с. 279-280).

Часть похожей кольцевой постройки столбовой конструкции с каменными очагами выявлена на городище Близнаки. Кроме керамики, здесь были обнаружены предметы вооружения, снаряжения всадников, зернотерки и обугленные зерна «проса, пшеницы, ячменя и конских бобов» (Шмидт, 2003, с. 30).

Остатки «больших наземных сооружений столбовой конструкции» исследованы на западной площадке городища Акатово. Следы столбовой постройки с внутренними очагами зафиксированы и на восточной площадке памятника (Шмидт, 2003, с. 35-37).

Таким образом, городища колочинской культуры представляли собой мысы, с напольной стороны укрепленные валами и рвами (одним или несколькими). В том случае, если на городище были устроены несколько оборонительных площадок (Никодимово, Акатово), насыпались внутренние валы. Валы сооружались с применением дерева, которое использовалось в качестве арматуры. По краям площадок и гребням валов проходили деревянные оборонительные стены, разделенные на отсеки. Внутри площадки, как правило, располагался замкнутый длинный дом с внутренним двором. На городище Колочин-1 функции такого дома и внешней оборонительной стены были совмещены.

3. Культурные места

К категории святилищ относится только один памятник – городище Золотомино Гомельской обл., раскопанное С.Е. Рассадным. Правильная в плане круглая площадка городища (около 200 кв. м) была окружена кольцевым валом, а с напольной стороны – подковообразными валами и рвами. Культурный слой на памятнике практически отсутствует. В центре расчищена круглая яма с обломками колочинских сосудов, обнаружены столбовые ямы, россыпи камней. С.Е. Рассадин считал городище убежищем, но О.А. Макушников обратил внимание, что этот памятник по планировке отличается от традиционных колочинских городищ (см. выше) и весьма похож на святилища второй половины I тыс. н.э., исследованные в Смоленском Поднепровье и на Северной Буковине (Макушникаў, 1999, с. 351, 352).

Комплекс, который можно интерпретировать как жертвенный, был исследован Е.А. Шинаковым на городище Случевск Брянской обл. Здесь были обнаружены останки 11 человек, причем только 1 скелет был целым, остальные – разрозненными. Кости составляли два скопления. Первое залежало в культурном слое. Вместе с костями 3-х человек были обнаружены обломки лепных сосудов, в т.ч. и характерного колочинского слабопрофилированного округлобокого горшка, и бронзовое односпиральное височное кольцо. Один из скелетов принадлежал мальчику 10-12 лет⁷.

Второе скопление находилось в углублении, выкопанном в верхней части слоя юхновской культуры раннего железного века. Здесь лежал один полный скелет взрослого мужчины в анатомическом порядке и кости еще 7 человек, из которых определены останки юноши или девушки 15-18 лет, мужчины старческого возраста, трех детей 2-6, 3-4 и 6 лет, двух подростков примерно 11 и 15 лет. Некоторые черепа были раздроблены или пробиты. В районе таза пожилого мужчины обнаружен «сильно окисленный железный предмет, напоминавший трехлопастной наконечник стрелы» (Шинаков, 1986; Шинаков и др., 2011, с. 23-24).

В мысовой части городища Никодимово в западине была устроена глинобитная площадка размерами 2,1 × 6 м. Глина на пространстве 0,85 × 1,5 м в центральной ее части была обожжена. Поверх площадки лежало много камней, которые носили следы воздействия огня. На площадке прослежены прослойки коричневой охры, обнаружено множество кальцинированных костей, из которых определены человеческие, крупного рогатого скота и домашней свиньи. Из прокаленного слоя происходит большое количество керамики, 11 наконечников копий и сулиц, 5 наконечников стрел и 5 удил, т.е. объект явно связан с какими-то воинскими обрядами. В 3 м к северу от площадки находился человеческий череп (Седин, 1997, с. 280, 281).

Все три культовых объекта индивидуальны. Дальнейшее исследование ритуальных мест колочинской культуры возможно только после обнаружения серийных памятников, что, видимо, произойдет еще не скоро.

4. Клады

Клады круга «древностей антов»

Впервые комплексы мужских и женских украшений, найденные на территории Поднепровья, были объединены в общий культурно-хронологический массив в 1928 г. А.А. Спициным (Спицын, 1928). Он же ввел в научную практику по отношению к ним термин «древности антов» и отметил некоторую неоднородность кладов. В 1990 г. была опубликована статья О.А. Щегловой, в которой эти клады (они же «днепровские» по другой терминологии) были разделены на две группы (Щеглова, 1990). Все найденные на территории колочинской культуры и непосредственно на колочинских памятниках клады этого круга относятся к первой (ранней) группе (типа Мартыновского). В 1996-м О.А. Щеглова и И.О. Гавритухин в составе второй группы выделили две подгруппы («а» и «б»), первая из которых синхроннакладам Мартыновского типа (Гавритухин, Щеглова, 1996а).

Изучение кладов «древностей антов» фактически стало самостоятельной отраслью раннесредневековой археологии Поднепровья. Подробный обзор историографии этой тематики во всех аспектах от второй половины XIX в. до 90-х гг. XX в. дан в кандидатской диссертации В.Е. Родинковой (Родинкова, 2003а, с. 5-9)⁸. После выхода монографии по Гапоновскому кладу были опубликованы многие комплексы, в т.ч. и включенные в каталог Г.Ф. Корзухиной, подготовленный к печати еще в 70-е гг. XX в., монография О.М. Приходнюка по Пастырскому городищу, где приведен весь набор вещей, включая клады и сборы (Корзухина, 1996; Приходнюк, 2005; Родинкова, 2010а; Приходнюк и др. 1996), издана серия работ, посвященных реконструкции женского костюма Поднепровья (Родинкова, 2006а; 2007; 2008; Щеглова, 1999; 2000) и Крыма с днепровскими украшениями (Хайрединова, 2000; 2002), комплектности некоторых кладов (Щеглова, 2001а), различным аспектам культурно-хронологического анализа комплексов мартыновского типа, включая проблему исторической интерпретации сокрытия кладов (Родинкова, 2003б; Щеглова, 2002а; 2006а; Гавритухин, Обломский, 2009; Обломский, 2007в; 2011а), типологии и

⁷ Определение антрополога Г.П. Романовой.

⁸ Сердечно благодарю Власту Евгеньевну за ценную консультацию по этому вопросу.

хронологии отдельных категорий вещей (Родинкова, 2003в; 2004; 2006б; 2006в; Родинкова, Сапрыкина, 2011; Щеглова, 2008; 2009), технологическим аспектам их производства (Щеглова, 2006б; Шаблавина-Нестеренко, 2002; Шаблавина, 2001; 2004). Материалы днепровских кладов первой группы привлекались многими специалистами при анализе вещей с других территорий.

Ареал кладов мартыновского типа охватывает Среднее Поднепровье, Днепровское лесостепное Левобережье, лесостепную часть бассейна Северского Донца, включая Оскол, на юге лесной зоны – Нижнее и Среднее Подесенье, Посеймье.

Состав этих кладов довольно стабилен, в наиболее полной форме он представлен в Мартыновском, Суджанском, Гапоновском, Козиевско-Новоодесском комплексах. Он включает детали парадного женского убора из бронзы и серебра, изделия из свинцово-оловянистых сплавов разного назначения, мужские наборные пояса, отдельные предметы вооружения и конского снаряжения, некоторые «несерийные» вещи, назначение которых подчас неясно.

Из металлических деталей женского костюма к украшениям головы относятся пластинчатые венчики в виде лент и височные кольца (односпиральные и повторяющие форму браслетов или гривен с расширенными концами) (рис. 8: 1-4; 10:1).

Украшениями шеи являются гривны, которые представлены несколькими видами: изделиями из гладкой проволоки или прута с загнутыми в петли концами; предметами с раскованными пластинчатыми орнаментированными гравировкой и насечкой концами; украшениями с фасетированным, покрытым ромбическими гранями дротом (рис. 8: 7; 10: 8).

Нагрудными украшениями считаются фибулы, которые, как правило, составляют пары. Они относятся к группам пальчатых (рис. 8: 9; 10: 2) и антропоморфных. Иногда встречаются широкопластинчатые фибулы (рис. 8: 10). Детали ожерелья представлены цепочками, трубочками-пронизками, двуспиральными, умбовидными, трапециевидными подвесками, лунницами, колокольчиками, стеклянными и янтарными бусами (рис. 8: 5, 8А, 8Б, 8В, 10-15).

Известны также сплошные литые с расширенными концами (круглыми, овальными, гранеными, сегментовидными) или изготовленные из дрота с расплюснутыми окончаниями с орнаментом в виде т.н. змеиной головки браслеты (рис. 10: 4-6) (Щеглова, 2000; 2002а; Родинкова, 2003б; 2003в; 2004; 2006б).

Бляшки, ворворки и другие изделия из свинцово-оловянистых сплавов могли использоваться для украшения одежды, поясов и конской узды (рис. 9: 23, 26, 27, 30, 32; 10: 13-30) (Щеглова, 2009).

Детали поясной гарнитуры изготовлены из бронзы и серебра (иногда в технике наложения штампованного листа на более мягкую основу). К ним относятся пряжки, наконечники ремней, псевдопряжки, разнообразные накладки. Большинство предметов выполнены в развитом геральдическом стиле (рис. 9: 2-22, 24, 25, 29).

По поводу времени сокрытия кладов высказаны две точки зрения. Согласно первой, оно происходило в первой половине VII в., в соответствии со второй – в третьей четверти этого столетия или в его конце (см. ниже в разделах «Вещевой комплекс» – геральдическая поясная гарнитура и пальчатые фибулы; «Хронология, происхождение и дальнейшие судьбы населения»).

Непосредственно на памятниках колочинской культуры обнаружены клады в Гапоново (Гавритухин, Обломский, 1996) и Больших Будках (Горюнова, Родинкова, 1999) (рис. 8-10), на территории колочинской культуры (без явной связи с памятниками) – в Трубчевске (Приходнюк и др., 1996), Мене (Корзухина, 1996, табл. 77), Судже (Новосуджанский) (Рыбаков, 1949; Корзухина, 1996, табл. 62-70), Куриловке (Родинкова, 2010а), Судже-Замостье, Шевченково (готовит к публикации В.Е. Родинкова, предварительные сведения: Родинкова, 2012б, с. 194-196).

Прочие клады

1. Вежки. Над слоем пожара среднего горизонта городища вместе с керамикой колочинской культуры и серией вещей периода раннего средневековья обнаружен клад, состоявший из двух парных бронзовых браслетов с сегментовидными расширенными концами (рис. 11: 4, 5), двух бронзовых шейных гривен из дрота (рис. 11: 6, 7), трех проволочно-пластинчатых бронзовых височных колец (рис. 11: 1-3), остатков не менее чем двух головных жгутов из шнура с надетыми на него спиральными пронизями, железного наконечника копья (Колосовский, 1997, с. 38; 2009, с. 153-154; 2016, с. 6-8; Шмидт, 2003, табл. 25). Для колочинской культуры набор вещей из клада уникален.

2. Колочин. В ямке, вырытой у самой поверхности городища, среди углей лежали 4 железных серпа (рис. 12: 1-4) (Сымонович, 1963, с. 133, рис. 27).

3. Могилёв-Змеёвка. Два сцепленных вместе браслета с расширенными концами найдены в 1973 г. Я.Р. Риером, еще два, также сцепленных – И. Марзалюком (рис. 12: 5-8) (Марзалюк, 2011, с. 116, мал. 17: 1, 2, 4, 5).

4. Никодимово. Найден в северо-западной части городища в пределах сгоревшей постройки столбовой конструкции. В состав клада входил поясной набор с остатками кожаного ремня шириной 2,3 см с отверстиями для крепления накладок и «выступами, загнутыми с обратной стороны». Накладки – бронзовые, покрыты серебром, прямоугольные, орнаментированы параллельными линиями (16 целых, 15 крупных фрагментов, мелкие обломки), трапециевидная (1 экз.), гантелевидные (2 экз.), скобообразные (не менее 4), несколько заклепок. Пряжка имела бронзовую массивную прямоугольную раму с остатками обоймы (язычок утрачен).

К поясу были прикреплены 2 железных однолезвийных ножа в деревянных ножнах. Одни ножны «покрыты серебром». По сообщению И.О. Гавритухина, из обломков предметов, входивших в клад, реконструируется Р-образная скоба. К поясу привешано на бронзовой цепочке, кроме того, железное кресало (без подробного описания в публикации) в железном футляре, перевязанном бронзовой проволокой.

Серия предметов изготовлена из свинцово-оловянистого сплава. К ним относятся 1098 целых и 68 фрагментов бляшек в виде парных выпуклостей с перемычкой, несколько обломков умбоновидных накладок, два слитка с насечками «ёлочкой» на поверхности (Седин, 1994).

5. Могильники

Все известные погребения колочинской культуры совершены по обряду трупосожжения. Раскопками исследовано 13 грунтовых, на которых документировано 473 погребения⁹, и 6 курган-

⁹ На могильнике Кветунь курганные насыпи перекрывают грунтовые погребения. Часть из последних относится к киевской культуре, но весьма вероятно наличие среди них и колочинских захоронений. К сожалению, состояние документации по Кветуни таково, что точно установить принадлежность того или иного захоронения к колочинской культуре не представляется возможным (Обломский, 1996б, с. 106-108), поэтому погребения из Кветуни в списке грунтовых колочинских захоронений не учтены.

На могильнике Акатово к числу колочинских отнесены захоронения, которые автор раскопок Е.А. Шмидт датировал V-VII вв. (Шмидт, 1963, с. 56-67).

ных могильников. Документирована принадлежность к колочинской культуре 37-ми насыпей (табл. 1, там даны ссылки на литературу).

Все грунтовые погребения совершены по обряду сожжения на стороне с помещением остатков кремации в небольшие ямки. Лишь в одной из могил (Картамышево-2, 27) была захоронена несожженная голова ребенка, от которой сохранились лишь молочные зубы и куски черепа.

Глубина могильных ям редко превышает 0,9 м. Как правило, она бывает гораздо меньшей: от 0,2 до 0,5 м. По размерам ямы делятся на два типа. К первому относятся круглые диаметром не более 0,9 м (обычно 0,5-0,7 м) или более редкие овальные такой же длины. Ям первого типа – подавляющее большинство. Во второй включены овальные ямы длиной 1,1-1,35 м и шириной 0,8-1 м. Они встречаются в виде исключения.

В очерке о колочинской культуре, опубликованном мною в 1996 г., приводится классификация погребений южных могильников, включая Среднее Подесенье (Лебяжье, Княжий, Картамышево-2, Авдеево, Усох, Смяч) (Обломский, 1996б, с. 104-106). Ниже с некоторыми корректировками она использована для описания погребений лесного Поднепровья из Нового Быхова, Тайманово, Нижней Тощицы¹⁰, Акатово. Более или менее однозначные данные имеются для 266 захоронений, правда, не все они надежно документированы. Ниже приводится описание только тех таксонов, которые необходимы для классификации погребений северной части ареала колочинской культуры.

Погребальный обряд

Типы погребений выделяются по характеру помещения кальцинированных костей в могилу. К первому относятся урновые захоронения, ко второму – смешанные, к третьему – безурновые.

Тип I разделен на 8 вариантов по способу постановки урны в захоронение и по особенностям ее покрытия.

Вариант 1: урна стоит на днище, она не накрыта ничем (Новый Быхов, 32; Нижняя Тощица, 3, 10, 11; Тайманово, 9, 55, 66, 71, 163; Акатово, 2, 14, 17, 24, 31, 32, 33, 42). Всего 18 погр. (рис. 14: 1).

¹⁰ Подробные сведения о количестве погребений на белорусских могильниках (отдельно – выявленных и опубликованных) см. в издании (Ильютин, 2016, с. 247-248).

Вариант 2: в могильной яме находятся 2 урны, стоящие на днищах рядом друг с другом, ничем не накрытые (Тайманово, 24; Акатово, 25). Всего 2 погр. (рис. 14: 2)

Вариант 4: урна накрывается сосудом, перевернутым вверх дном (Акатово, 28,43). Всего 2 погр.

Вариант 6: перевернутый вверх дном сосуд накрывает кости (Новый Быхов, 1; Нижняя Тошица, 8). Всего 2 погр. (рис. 14: 3).

Вариант 7: урна лежит на боку (Новый Быхов, 36). Всего 1 погр.

Разновидности выделяются в рамках типа по наличию и способу помещения в захоронение остатков погребального костра. К сожалению, эти признаки указываются в описании далеко не для всех могил (особенно редко – для урновых).

Разновидность 1: кости очищены, но в заполнении могильной ямы в том или ином виде встречены уголь и зола (Новый Быхов, 32). Всего 1 погр.

Разновидность 2: кости перемешаны с углем, уголь присутствует и в заполнении (Нижняя Тошица, 8, 10; Тайманово, 66; Акатово, 2, 14, 17, 24, 25, 28, 31, 32, 33, 38, 42, 43). Всего 15 погр.

Разновидность 3: кости очищены, в заполнении ямы уголь и зола отсутствуют (Новый Быхов, 1; Нижняя Тошица, 3, 11; Тайманово, 9, 24, 55, 71, 108, 163). Всего 9 погр.

К **типу II** смешанных относятся захоронения, в которых кальцинированные кости насыпаны как в урну, так и в могильную яму. В яме кости находятся, как правило, под урной, гораздо реже – в заполнении. Классифицируются эти погребения тем же способом, что и урновые.

Вариант 1 – Нижняя Тошица, 4, 5, 12; Тайманово, 4, 5, 17, 59, 72, 76, 86, 100, 108, 141; Акатово, 20. Всего 13 погр. (рис. 14: 4).

Вариант 2 – Тайманово, 89. Всего 1 погр. (рис. 14: 5).

Вариант 4 – Тайманово, 106; Акатово, 13. Всего 2 погр. (рис. 14: 6).

Вариант 5. Урна накрывается сверху частью сосуда – Нижняя Тошица, 1. Всего 1 погр. (рис. 14: 7).

Вариант 7 – Тайманово, 23. Всего 1 погр. (рис. 14: 8).

Вариант 8. 2 урны лежат на боку. Тайманово, 157. Всего 1 погр.

Разновидность 1: уголь и зола в заполнении погребения зачастую перемешаны с кальцинированными костями – Нижняя Тошица, 4, 5; Тайманово, 4, 5, 17, 76, 86, 89, 141. Всего 9 погр.

Разновидность 2 – Тайманово, 23, 106 (уголь в заполнении не отмечен); Акатово, 13, 20. Всего 4 погр.

Разновидность 3 – Нижняя Тошица, 1; Тайманово, 59, 72, 100. Всего 4 погр.

Для безурновых захоронений (**тип III**) варианты следовало бы выделить по способу помещения костей в могилу: в скоплении или дисперсии. К сожалению, в документации этот признак указывается далеко не всегда. Можно лишь констатировать, что на колочинских могильниках имеются захоронения обоих вариантов, однако выяснить, какой из них встречается чаще, не представляется возможным.

При определении разновидностей деление на первую и вторую лишено смысла. Если кости рассеяны по яме, то выяснить, были ли они очищены от остатков костра, когда последние имеются в заполнении могилы, невозможно.

Разновидность 1-2: среди костей и (или) в заполнении ямы встречены зола и уголь (Новый Быхов, 3,30 – кости и уголь на дне; 4, 5, 6, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 34, 35, 41 – кости и уголь в заполнении; 39 – кости очищены, уголь и зола в скоплении; Нижняя Тошица, 2, 9 – кости и уголь в заполнении, 6 – кости и уголь на дне; Тайманово, 1, 2, 3, 6, 7, 8, 10, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 20, 21, 22, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 35, 36, 37, 39, 40, 42, 43, 44, 46, 47, 50, 51, 52, 53, 54, 56, 57, 58, 61, 62, 64, 65, 67, 68, 70, 73, 74, 75, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 87, 88, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 99, 101, 102, 103, 104, 105, 107, 109, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 124, 130, 131, 132, 133, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 143, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 158, 159, 161, 162, 164, 166, 169, 172, 173, 174, 176 – кости и уголь в заполнении, 11 – кости и уголь на дне; Акатово, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 16, 19, 22, 27, 29, 34, 35, 36, 37, 39, 41, 44, 45, 46 – кости и уголь в заполнении). Всего 180 погр. (рис. 14: 9,10).

Разновидность 3 (Новый Быхов, 7, 15, 24, 33, 37, 38 – в верхней части, 40; Нижняя Тошица, 7; Тайманово, 12, 33, 34, 38, 41, 45, 48, 49, 60, 63, 69, 98, 110, 111, 123, 125, 126, 127, 128, 129, 134, 142, 144, 148, 160, 165, 167, 168, 170, 171, 175). Всего 39 погр. (рис. 14: 11).

В погребениях всех трех типов наиболее часты захоронения с содержанием в том или ином виде остатков погребального костра в могиле (разновидности 1 и 2). Для типа I (урновых) их – 64%, для типа II (смешанных) – 77%, для типа III – 82%. Похожее соотношение наблюдается и в южной части колочинского ареала. Среди ямных (наиболее многочисленных погребений) захоронений с остатками костра 72%.

Кальцинированные кости в безурновых захоронениях обычно либо составляли одно скопление, либо были разбросаны на дне ямы или в ее заполнении. В погр. 37 Тайманово кости лежали в трех кучках.

Сведения о количестве кальцинированных костей в погребениях отсутствуют для могильника Акатово. При описании захоронений в прочих могильниках лесного Поднепровья, раскопанных Л.Д. Поболем, обычно приводится точное количество костей, хотя из этого правила и имеются исключения. Для урновых выборка составляет 13 погребений, для смешанных – 17, для ямных – 151 разновидности 1-2 и 36 разновидности 3. Под погребениями с небольшим количеством костей имеются в виду захоронения, в которых содержится от 2-3 до 49 кальцинированных обломков. В могилах, где костей много, их количество варьирует от 50 до 2021 (Тайманово, 59), но, как правило, составляет 100-300 шт.

Среди урновых погребений с большим количеством костей 53%, среди смешанных – 82%, среди ямных с остатками угля в могилах – 40%, среди ямных без остатков костра – 42%. Таким образом, погребения с большим количеством кальцинированных костей составляют в ямных и урновых около половины. Не исключено, что смешанные погребения были коллективными: доля захоронений с большим количеством костей здесь более высокая, чем для других типов захоронений.

Приведенные данные довольно сильно отличаются от имеющихся для южных могильников. Для урновых доля погребений с большим количеством костей составляет 92%, для смешанных – 87%, для ямных всех трех разновидностей – 85%.

Как правило, погребальные ямы могильников лесного Поднепровья не отмечены какими бы то ни было дополнительными конструкциями. Площадки и прямоугольные ровики типа исследованных в Лебяжьем и Картамышево-2 на северных грунтовых могильниках не зафиксированы.

В лесостепной зоне на могильнике Картамышево-2 в ряде погребений вместе с человеческими обнаружены кости животных¹¹. Подоб-

ное явление отмечено для погр. 104 могильника Тайманово, где среди кальцинированных костей обнаружен зуб животного.

На севере и северо-западе колочинской территории, таким образом, среди бескурганых захоронений резко преобладают ямные (83%), на втором месте находятся урновые (10%), на третьем – смешанные (7%). Похожее соотношение наблюдается в Тайманово (88; 8; 4%), Новом Быхове (93; 7; 0%), Акатово (60; 32; 8%), иное – в Нижней Тошице (33,3; 33,3; 33,3%). Последнее, вероятно, объясняется тем, что на этом могильнике исследовано всего 12 погребений и, судя по плану и находкам кальцинированных костей на поверхности, он явно «уходит» на север и восток от вскрытой площади. Автор раскопок Л.Д. Поболь указывал, что общая площадь могильника достигала 2 га, при том, что вскрыто было всего около 2000 кв. м (Поболь, 1974, с. 174, рис. 9, 10), что, по-видимому, не дает надежной статистики.

Соотношение трех основных типов погребений на юге колочинского ареала подобно тому, что наблюдается на севере, с той существенной разницей, что доля смешанных и урновых на юге заметно выше (ямные – 62%, урновые – 28%, смешанные – 10%).

Половозрастное определение костей из могильников лесного Поднепровья, как правило, в публикациях не приводится. Исключением являются материалы Тайманово. Примерный возраст погребенных определен в 62 погребениях из 176. Авторы публикации пришли к выводу, что «погребальный обряд для детей и взрослых был одинаковым» (Поболь и др. 2003, с. 29).

Инвентарь

В погребениях лесного Поднепровья встречаются отдельные черепки сосудов, горшки-приставки, украшения, бытовые предметы. Сведения о погребальном инвентаре приводятся в табл. 2.

Как и на южных могильниках колочинской культуры, в погребениях лесного Поднепровья наиболее часто встречаются обломки сосудов (либо единичные, либо, если черепков много, от разных горшков). Тем не менее для трех из северных могильников (Новый Быхов, Нижняя Тошица, Тайманово) принадлежность всех черепков из захоронений к погребальному инвентарю вызывает сомнения. В культурном слое Нового Быхова при описании материалов раскопа отмечены многочисленные находки обломков со-

¹¹ На нескольких прямоугольных площадках, окруженных ровиками со следами столбов в их пределах (т.н. погребальные сооружения II, III, IV, VI), зафиксированы 2-3 ямы с кальцинированными костями, из них одна содержала кости животных (Горюнова, 2004, с. 19-23). Это – индивидуальная особенность погребального обряда Картамышевского могильника.

судов вне погребений, причем даже с поверхностью, покрытой расчесами, что совершенно не характерно для колочинской посуды, но типично для керамики киевской культуры лесной зоны. В Новом Быхове, скорее всего, более поздний колочинский могильник накладывается на культурный слой киевского поселения. Не исключено, что именно к последнему (по аналогии с поселением Абидня) относятся и 24 ямы с углем и золой, обозначенные на плане раскопа (Поболь, 1974, с. 166, рис. 4). В Нижней Тощице на территории могильника исследованы полуземлянка и две хозяйственные ямы (Поболь, 1974, с. 179). При описании могильника Тайманово отмечено, что погр. 166 перекрывает более раннюю хозяйственную яму (Поболь и др. 2003, с. 41). В Тайманово, видимо, есть более ранние напластования. Черепки с расчесами, которые найдены в некоторых погребениях, могли попасть в заполнение могильных ям из культурного слоя. Это тем более вероятно, что ни одна из урн и сосудов-приставок из погребений не имеют орнамента расчесами. Формы их типичны для колочинской культуры.

Приведенные ниже показатели о наличии черепков в захоронениях лесного Поднепровья, таким образом, условны. Тем не менее важным представляется одно наблюдение. Если все черепки попали в погребения из более ранних культурных слоев, то обломки сосудов в равной степени должны быть найдены в захоронениях всех трех типов, но практически все фрагменты сосудов происходят из безурновых могил. В погребениях первого и второго типов черепки встречены лишь в виде исключения (в одном урновом и одном смешанном погребении). Подобное же явление отмечено и для южных могильников (Обломский, 1996б, с. 106). В известном смысле наличие обломков сосудов можно считать характерной деталью погребального обряда безурновых сожжений.

Сосуды-приставки найдены всего в трех погребениях. Два из них были ямными (Новый Быхов, 20; Тайманово, 58), одно – смешанным (Тайманово, 141).

Из 6 погребений происходят капли и кусочки оплавленной бронзы, свидетельствующие, что в захоронения попадали вещи, взятые с погребального костра. Набор украшений довольно скуден. К ним относятся различные кольца и фрагменты булавок из бронзы и железа, обломок браслета, спирали (видимо, пронизи). Детали поясных наборов представлены пятью железными пряж-

ками, а бытовые предметы – глиняным пряслицем, маленьким обломком костяного гребня, железным кресалом (табл. 2). Из пяти погребений могильника Новый Быхов происходят кусочки кремня.

В целом могильники лесного Поднепровья – довольно бедные. Вещи, за исключением черепков и кусочков кремня, найдены всего в 26 погребениях из 266, что составляет 9%.

В погребениях южных колочинских могильников инвентарь более многочисленный и разнообразный. По своему назначению вещи, попавшие в могилы, различны. Это – сосуды-приставки, бытовые предметы (пряслица, ножи, куски кремня, возможно, служившие кресалами), оружие (наконечники копий), украшения (фибула, бусы, детали поясной гарнитуры, кольца, браслеты). Вещи, не считая кусочков кремня и черепков сосудов, встречены (по наиболее полно исследованным могильникам) в 23% погребений Лебяжьего-1, 24% Княжьего, 29% Картамышшево-2 (расчеты по публикациям: Липкин, 1974; Горюнова, 2004).

Таким образом, при общем сходстве обряда захоронения по сравнению с лесостепным Поднепровьем и Подесеньем грунтовые могильники лесного Поднепровья имеют специфику. Она заключается в:

- 1) сравнительно высоком проценте погребений с небольшим количеством кальцинированных костей,
- 2) меньшей доле урновых и смешанных погребений,
- 3) отсутствии оградок и площадок, связанных с погребениями,
- 4) относительной бедности инвентаря.

В заключение обзора грунтовых колочинских могильников необходимо остановиться на одном спорном вопросе. В публикации могильника Тайманово сделан вывод, что он является памятником не колочинской, а киевской культуры с «некоторыми особенностями погребального обряда, характерными для Верхнего Поднепровья». Для обоснования этого положения авторы приводят два аргумента. Во-первых, датирующие вещи, происходящие из погребений (пряжки, синяя 14-гранная бусина, кресало со штырем для крепления ручки), относятся к периоду «С2-D по Тейралу или 250-450 гг. н.э.». Во-вторых, с киевским сходен погребальный обряд Тайманово: малочисленность урновых захоронений при резком преобладании ямных, кости в которых раз-

мещены либо в скоплении, либо в разбросе, в большинстве случаев вместе с остатками погребального костра (Поболь и др., 2003, с. 30).

В недавно вышедшем сборнике «Славяне на территории Беларуси в догосударственный период» А.В. Ильютик и Н.Н. Дубицкая пошли еще дальше. Все три могильника, которые на территории Белоруссии традиционно считались колочинскими (Новый Быхов, Нижняя Тошица и Тайманово), отнесены к верхнеднепровскому варианту киевской культуры (типа Абидни) или к «культуре Абидни» (Ильютик, 2016; Дубицкая, 2016).

Наиболее подробно этот вывод обосновала А.В. Ильютик. Основным аргументом при этом служат параллели сосудам из этих могильников на позднезарубинецких и киевских памятниках как лесного Поднепровья, так и лесостепи. Приведены также некоторые аналогии горшкам и на раннесредневековых памятниках (колочинских и пеньковских). Мне кажется странным, что керамический комплекс перечисленных могильников Белоруссии не был сопоставлен с набором колочинской посуды в целом. Попробуем это сделать.

А.В. Ильютик использует классификацию сосудов, разработанную ею для киевского поселения и могильника Абидня. Горшки всех таксонов объединены в 6 групп форм (Ильютик, 2016, с. 255-269). Посмотрим, как распределяются аналогии керамике из погребений на колочинских памятниках, откуда происходят представительные коллекции.

Колочин-1. На памятнике отмечены формы 1 (Сымонович, 1963, рис. 17: 4; 23: 8; Макушников, 2003, рис. 11: 1,4), 2 (Сымонович, 1963, рис. 17: 3; 23: 2), 3, к которой относится большинство сосудов (Сымонович, 1963, рис. 17: 2, 7; Макушников, 2003, рис. 4: 1-7; 10: 3; 12: 5), 4 (Сымонович, 1963, рис. 23: 5). На наличие на городище форм 5 и 6 указывает сама А.В. Ильютик.

Картамышево-2, могильник. Встречены формы 1 (Горюнова, 2004, рис. 8: 5-7; 10: 3); 3 (Горюнова, 2004, рис. 7: 1, 3, 5; 9: 3), 4 (Горюнова, 2004, рис. 8: 8). Аналогии на могильнике формам 2 и 5, в т.ч. и с валиком по ребру, отмечены А.В. Ильютик.

Лебяжье. А.В. Ильютик указывает на аналогии ее формам 3 и 5. Кроме них, на могильнике представлены формы 1 (Тихомиров, 1990, рис. 3: 18), 2 (Тихомиров, 1990, рис. 4: 59, 67), 3 (Тихомиров, 1990, рис. 3: 1,90; 4: 42; Липкинг, 1974, рис. 5: 1, 7).

Княжий. Имеются аналогии формам 1 (Тихомиров, 1990, рис. 3: К8, К18; Липкинг, 1974, рис. 2: 5), 2 (Тихомиров, 1990, рис. 4: К9; Липкинг, 1974, рис. 2: 4), 3 (Тихомиров, 1990, рис. 3: К15; Липкинг, 1974, рис. 2: 3, 8).

Акатово. Наличие формы 1 на могильнике отмечено А.В. Ильютик. Встречены сосуды форм 3 (Шмидт, 1963, рис. 11: 2) и 6 (Шмидт, 1963, рис. 11: 3).

Черкасово. На городище найден горшок, очень близкий к сосуду с валиком из погр. 100 Тайманово (Ильютик, 2016, рис. 9: 1; Левко, Колосовский, 2003, рис. 22: 1). Опубликован горшок формы 4 (Левко, Колосовский, 2003, рис. 22: 2).

Список аналогий сосудам из могильников Белоруссии можно продолжать, но уже по приведенным данным ясно, что все выденные А.В. Ильютик формы представлены на эталонном городище Колочин, а в большинстве своем встречены и на других памятниках той же культуры, в т.ч. и с явно средневековыми вещами (Картамышево-2, Лебяжье, Княжий). Исключением являются черепки с расчесами в Тайманово, но как было отмечено выше, они вполне могли попасть в захоронения из более раннего культурного слоя.

Параллели большинству сосудов из Нижней Тошицы, Нового Быхова и Тайманово на позднезарубинецких и киевских памятниках лесной зоны и лесостепи не удивительны, поскольку все они относятся к одному культурному кругу, но это не отменяет необходимости выделения в его рамках более узких группировок древностей, в первую очередь по типологическому набору форм сосудов.

Конечно, узко датировать каждое погребение на любом раннеславянском могильнике Восточной Европы, а тем более каждое жилище на поселении, невозможно: датирующих вещей на них либо мало, либо нет совсем. Как показано в разделе о хронологии, в V в. колочинская культура, несомненно, существовала, поэтому заключение, что если горшки тех или иных форм известны вплоть до V в., то они должны относиться не к колочинской, а к «абиденской» культуре, некорректно.

Три пряжки из Тайманово действительно обладают ранними признаками (хоботовидными язычками), но подобные изделия появляются не ранее начала гуннского времени (Поболь и др., 2003, с. 30, рис. 14: 6, 15, 16). Для колочинской культуры эти вещи не уникальны, они встречены и на других памятниках, кроме Тайманово

(Смяч, Лебязье, Демидовка, см. ниже в разделе о вещевом комплексе). 14-гранные синие бусы только появились в позднеримский период, но использовались и значительно позже: в раннем средневековье, в т.ч. и в лесной зоне Восточной Европы (Мастыкова, Плохов, 2010, с. 344-348). Кресала типа происходящего из Тайманово найдены и на других колочинских памятниках (в Нижней Тощице, Близнаках, а не только в Демидовке). Погребальный обряд Тайманово и других белорусских могильников в какой-то степени схож с киевским, но ведь ритуал захоронения киевской культуры является одним из прототипов колочинского.

Хотя для могильников лесной зоны характерна меньшая, чем для лесостепи, доля урновых и смешанных погребений, но их все же достаточно много. На могильниках киевской культуры, напротив, урны единичны (Терпиловский, Абашина, 1992, с. 39), а в самой Абидне все погребения – ямные.

По моему мнению, считать могильники Тайманово, Нижняя Тощица и Новый Быхов не колочинскими, а киевскими нет достаточных оснований.

Курганы

Как было сказано выше, к колочинской культуре относятся 37 курганов, исследованных на 6 могильниках (табл. 1). О.А. Макушников упоминает, кроме того, курган у с. Мохов (Макушников, 2011а, с. 120). К сожалению, полная документация сохранилась не для всех насыпей. Ее состояние для крупнейшего могильника Кветунь проанализировано мною в монографии о Гапоновском кладе. Там же приведено и общее описание погребального обряда (Обломский, 1996б, с. 106-108).

Новые публикации материалов позволяют дать более детальную характеристику колочинских курганов. За основу взята классификация, предложенная В.В. Приймаком (Приймак, 2004, с. 282-283).

Все курганы имеют округлые насыпи диаметром 5 – 12 м и высотой от 0,5 до 1,3 м.

Тип 1. Сожжение на стороне

Вариант 1. Кремация на стороне и рассеивание кальцинированных костей, углей и обломков посуды в насыпи (рис. 15: 1). Курганы II, III, V, VI, VII, VIII (Артишевская, 1957, с. 10-12, 17-19, 23, 26; 1963, с. 89, рис. 2: 1), 10, 36 (Артишевская, 1958, с. 33, 35), 2, 17, 26 (Артишевская,

1959, с. 3, 4, 9, 13) Кветуни, Артюшково, курганы 1, 8, 9, 11 (Енуков, Енукова, 1995); курганы 3¹², 4 Бездрика (Обломский и др., 2011); 2 Воронино (Соловьева, 1970).

Вариант 2. Трупосожжение на стороне и безурновое погребение на горизонте (курганы 1 Бездрика, 1, 3, 5 Воронино – рис. 15: 2) (Обломский и др. 1999; Соловьева, 1970).

Вариант 3. Трупосожжение на стороне и безурновое погребение в подкурганной яме: курган 5 Артюшково (Енуков, Енукова, 1995); курган 2 могильника Демьянки. В последнем случае в кострище, которое находилось в основании кургана, были сделаны 2 ямы. Кальцинированные кости в кострище в публикации не упомянуты. В одной яме вместе с углем и кальцинированными костями находились вещи, в другой – только уголь и зола (Соловьева, 1967, с. 189).

Вариант 4. Трупосожжение на стороне и безурновые погребения в верхней части насыпи (курганы 9, 28, 31 Кветуни) (Артишевская, 1958, с. 22; 1959, с. 5, 8).

Вариант 5. Трупосожжения на стороне и урновые погребения в насыпи на уровне горизонта (рис. 15: 4, 5). Данный тип обряда представлен курганами I, возможно, 12 Кветуни (Артишевская, 1957, с. 5-7; 1963, с. 92), а также курганом 2 Бездрика (урна накрыта обломками горшка) (Обломский и др. 2011) и курганом 14 могильника Демьянки. В последнем случае три сосуда с кальцинированными костями стояли на углистом слое, который находился в основании кургана (Соловьева, 1967, с. 189).

Вариант 6. Трупосожжение на стороне и урновое погребение в яме под насыпью (курган 3 Кветуни (Артишевская, 1959, с. 6).

Тип 2. Сожжение тела и (или) погребальных конструкций на месте кургана.

Вариант 1. Кремация на месте на погребальном костре. Представлена курганом 1 северной группы Кветунского могильника. В.В. Приймак считает, что пряжка из этого кургана может датировать колочинский комплекс (Приймак, 2004, с. 283). К этому же варианту, по-видимому, относится курган 1 группы Колас (рис. 15: 3). В основании его насыпи фиксировалось большое овальное пятно золы и углей размерами около 5,3 × 5,7 м. По периметру оно было окружено сгоревшей кольцевой оградой из вертикально

¹² Насыпь разрушена грабительской ямой. Данные о погребальном обряде условны.

стоявших столбов (Макушнікаў, 1999, с. 354, рис. 112; 2014, с. 370).

Вариант 2. Кремация с помещением останков в сожженную погребальную камеру (рис. 15: 6). Данный тип обряда представлен в Кветунском могильнике курганами 17 и 21. В обоих случаях под насыпью обнаружены камеры, сооруженные на уровне горизонта, размерами 4,5-5,2 × 4 м и 4,0-4,1 м × 2,4 м соответственно. Они были сожжены. Одна из камер содержала урновое погребение, а вторая – безурновое, в ямке (Артишевская, 1963, с. 91, 92, рис. 4).

В главе о колочинской культуре монографии о Гапоновском кладе я отмечал, что курган 1 Кветуни, скорее всего, является более поздним, чем остальные. Во-первых, планиграфически он расположен между северной и южной группами, во-вторых, погребальный обряд этого кургана своеобразен (трупосожжение на месте, остатки кремации рассеяны на горизонте, что является редкостью для колочинской культуры), в-третьих, керамика из этого кургана специфична (Обломский, 1996б, с. 107). Автор раскопок А.В. Артишевская отмечала, что наряду с «черепками обычных курганных сосудов» здесь обнаружены «несколько фрагментов венчика тонкостенного лепного сосуда со светлой слегка подлощенной поверхностью», похожих, по ее мнению, на керамику VIII-IX вв. (Артишевская, 1958, с. 18).

Бронзовая пряжка из кургана 1 для Восточной Европы уникальна. В.Б. Ковалевская, собравшая свод по пряжкам раннего средневековья, прямых аналогий ей указать не смогла (Ковалевская, 1979, с. 28). По стилистике эта вещь относится к т.н. цельнолитым бронзовым византийским пряжкам с овальным или сегментовидным кольцом и фигурным щитком с вогнутыми боковыми сторонами по классификации А.И. Айбабина. Наиболее близки к экземпляру из Кветуни пряжки из Скалистого (склеп 381) и Эски-Кермена (склеп 259), которые А.И. Айбабин датирует второй половиной VII в. (Айбабин, 1990, с. 45, рис. 44: 2,3; 1999, табл. XXX: 48). Разумеется, эта дата условна, поскольку основана не на конкретных аналогиях, а на стилистическом сходстве. Пряжка из Кветуни может относиться и к более позднему времени. Учитывая все эти данные, я по-прежнему считаю, что курган 1 Кветуни прямого отношения к колочинскому могильнику не имеет.

Курганный погребальный обряд колочинской культуры выглядит следующим образом. В боль-

шинстве случаев сожжение умершего производилось на стороне, известна лишь одна достоверная кремация на месте (Колас, 1). Чаще всего в насыпи кальцинированные кости находятся в дисперсии, иногда образуют скопления, керамика – в скоплениях и разбросе, зафиксированы уголь, зола, углистые пятна.

Реже встречаются курганы, в которых погребения устроены специально: безурновые в насыпи, под насыпью на горизонте и в ямке ниже насыпи (всего 8 случаев); урновые на горизонте и в яме под насыпью (4 случая). Эти захоронения иногда сопровождаются сосудами-приставками. Под насыпями курганов в трех случаях прослежены сожженные деревянные конструкции (в Кветуни – прямоугольные камеры, в Коласе – круглый в плане частокол).

Инвентарь встречен как в погребениях, так и в насыпях. Достоверно к колочинской культуре относятся, кроме горшков-приставок, украшения (фрагмент бронзового браслета, свернутый в кольцо, другие бронзовые кольца – Бездрик; обломок бронзовой пластины, оплавленные стеклянные бусы – Воронино) и бытовые предметы (железное тесло, 2 глиняных пряслица – Бездрик; железные нож и три обоймы – Воронино), железная пряжка (Демьянки), наконечники стрел (Артюшково, Демьянки).

Описанию колочинского погребального обряда, вопросам его происхождения и сопоставлению с ритуалами других раннесредневековых культур посвящены работы Е.А. Горюнова, О.В. Петраускаса и И.В. Зиньковской.

Статья Е.А. Горюнова, опубликованная после смерти автора, как отмечено ее издателями В.М. Горюновой и О.А. Щегловой, представляет собой часть обобщающей работы по колочинской культуре, которую Евгений Алексеевич не успел закончить (Горюнов, 2004, с. 10). Автор указывает, что колочинские бескурганые погребения¹³ моноритуальны и представляют собой сожжение на стороне. Подробно описаны формы и размеры могильных ям, способ помещения в них костей, инвентарь, надмогильные сооружения (оградки в Картамышево-2). Захоронения разделены на безурновые, урновые и смешанные, высказана гипотеза, что в урнах совершены погребения детей (Горюнов, 2004, с. 10-15). К сожалению, этот вывод, сделанный по материалам Картамышево-2,

¹³ Курганные погребения в статье не рассматриваются, только упоминаются.

не подтвердился на могильнике Тайманово (см. выше). Предложено разделение могильников на две хронологические группы. В первую, датирующуюся концом IV-VI в., включены памятники с очень высоким процентом безурновых погребений (Новый Быхов, Тайманово, Усох). Ко второй (VI-VII вв.) относятся некрополи с относительно небольшим процентом безурновых сожжений (Акатово, Лебяжье-1, Княжий, Нижняя Тощица) (Горюнов, 2004, с. 16). Эта гипотеза заслуживает внимания, хотя я считаю, что намеченное разделение могильников по доле урновых захоронений скорее отражает локальные, а не хронологические различия (см. выше).

В кандидатской диссертации О.В. Петраускаса использованы материалы трех колочинских могильников (Лебяжьего-1, Княжьего и Нижней Тощицы), приводится описание способа помещения остатков сожжений в погребения, формы и размеров могильных ям, инвентаря. Черепки в погребениях рассматриваются как остатки тризны. Курганный погребальный обряд специально не анализируется (Петраускас, 1993а, глава 3).

На основании общей классификации сожжений Среднего Поднепровья от зарубинецкой культуры до ранней Киевской Руси определен спектр колочинских кремаций, который состоит из 18 типов. Для всех днепровских культур I тыс. н.э. выделены модели кремации. Погребения колочинской культуры совершены с использованием моделей 3, 5 и 6.

Модель 3 условно может быть названа «сожжением на месте без курганной насыпи». Она характерна для могильников черняховской и киевской культур и описана следующим образом. «Тело умершего сжигалось на территории могильника. Инвентарь размещался на погребальном костре. После завершения сожжения остатки костра сдвигались в сторону. Выбранные с кострища остатки сожжения (кости и сохранившиеся предметы) могли быть компактно уложены в небольшие и неглубокие ямки, опущенные ниже уровня древней поверхности, или оставлены на поверхности. В качестве костехранилищ могли выступать глиняные урны или емкости из несохранившегося материала. Кости могли быть также прикрыты крупными фрагментами посуды. Остатки погребального инвентаря в виде крупных фрагментов сосудов или целых форм, а также другие предметы могли быть помещены вместе с костями. Тризна (в виде костей животных, битой посуды), очевидно, совершалась в

момент горения костра. Вероятно, место сожжения перекрывалось или очень тонким слоем земли, или обозначалось на поверхности какой-либо конструкцией из дерева (домовина?), остатки которой не сохранились до нашего времени» (Петраускас, 1993а, с. 142-143).

К пятой модели относятся кремации на месте, перекрытые сверху курганной насыпью, к шестой – сожжения на месте погребения, когда с кострища собирали кости и остатки инвентаря, после чего их помещали в ямку (Петраускас, 1993а, с. 150). Эти две модели выделены, судя по их описанию, по курганным могильникам.

О.В. Петраускас выступает против распространенного мнения, что колочинские погребения представляют собой сожжения на стороне. Большинство кремаций совершены на территории могильника (модель 3).

Смена моделей отражает тенденцию духовного развития – изменение идеи кремации от погребений, имитирующих захоронение тела в могиле (как в зарубинецкой культуре), до полного уничтожения останков умершего на костре (Петраускас, 1993а, 177-178). В этом плане колочинские (а также пражские и пеньковские) раннесредневековые сожжения являются переходными, промежуточными.

При прочтении диссертации О.В. Петраускаса возникают вопросы и сомнения. Во-первых, чем объясняется выбор для анализа всего трех могильников? К моменту написания диссертации, кроме них, были опубликованы материалы Нового Быхова, Акатово, Усоха, Смяча. Использование материалов этих памятников сделало бы выводы О.В. Петраускаса более достоверными, а возможно, и несколько изменило бы их.

Во-вторых, на каком основании автор пришел к заключению, что большинство кремаций совершались на самих могильниках? Для черняховской культуры О.В. Петраускас собрал информацию о т.н. культурном слое могильников с кальцинированными костями, вторично обожженной керамикой и побывавшими в огне вещами, который он и трактует как следы погребальных костров (Петраускас, 1993б). Ничего подобного ни на одном из колочинских некрополей не обнаружено.

В-третьих, как было отмечено выше, только одно колочинское курганное погребение может достоверно относиться к сожжениям на месте, перекрытым сверху насыпью (Жолас, 1). В большинстве прочих колочинских курганов хотя остатки кремации и присутствуют, но они, как

правило, рассеяны по насыпи на разных уровнях, т.е. переотложены. Сожжения, таким образом, совершались не на месте возведения кургана, а на стороне.

Описание третьей модели колочинского погребального обряда у О.В. Петраускаса вполне соответствует сведениям Е.А. Горюнова и обзору, приведенному в настоящей главе, с той лишь разницей, что кремации все же производились не на самом могильнике, а, скорее всего, вне его. В целом же общие выводы О.В. Петраускаса об эволюции обряда сожжения весьма интересны и важны в методическом отношении. Они позволяют избежать вульгарных выводов, что смена типа кремации обозначает смену населения. О.В. Петраускас показал, что это может быть связано с изменением представлений о сожжении как способе перехода умершего из мира живых в мир мертвых.

О.В. Петраускас отмечает, что «морфологический тип инвентаря, конкретно-исторические типы моделей и их временная последовательность на определенной территории отражает процессы этнического развития» (Петраускас, 1993а, с.160). К сожалению, конкретные прототипы колочинского погребального обряда вне рамок общей эволюционной схемы в диссертации не указаны. Этот вопрос рассмотрен в монографии И.В. Зиньковской.

В этой работе с использованием методов тематической статистики проанализирован погребальный обряд трех южных грунтовых колочинских могильников (Лебяжье-1, Княжий, Картамышево-2) с привлечением материалов из Авдеево и Артюховки. Выделены основные признаки колочинских сожжений, определен их типологический спектр, который включает 10 типов (Зиньковская, 2000, с. 58-62). В результате констатируется, что «для колочинской культуры характерно разделение погребений на ямные, урновые и смешанные захоронения. Для ямных погребений отмечено наличие остатков погребального костра, инвентаря и фрагментов сосудов. Урновые захоронения имеют остатки погребального костра в виде обсыпки урны, а инвентарь и ритуальные действия отсутствуют. Смешанные захоронения, где останки погребенного размещены в яме и отобраны в урну, характеризуются расположением остатков погребального костра в урне и в виде обсыпки урны» (Зиньковская, 2000, с. 66).

При сопоставлении спектра колочинских сожжений с кремациями черняховской и киевской

культур региона выяснилось, что с каждой из них у колочинской культуры имеется по 8 общих типов, а с синхронными пеньковскими могильниками – только один. При этом если в киевской культуре резко преобладают безурновые сожжения, то на черняховских и колочинских могильниках Левобережья доля урновых захоронений примерно одинакова – около трети от общего количества кремаций (Зиньковская, 2000, с. 51-62). Все это позволило сделать вывод об участии в сложении колочинского населения Левобережья не только киевского, но и черняховского компонента (Зиньковская, 2000, с. 105). О наличии черняховской подосновы (наряду с киевской) пеньковской культуры писали многие авторы (Е.А. Горюнов, Р.В. Терпиловский, А.М. Обломский и др.), но для колочинской культуры этот вывод сделан впервые.

И.В. Зиньковская отмечает наличие в могильнике Картамышево-2 браслетообразных височных колец, которым она находит параллели на памятниках тушемлинско-банцеровской и позднедьяковской культур. Т.н. фибула из Картамышевского могильника принадлежит к выделенному А.К. Амброзу верхнеднепровскому очагу ювелирного искусства. Аналогии прямоугольным деревянным погребальным сооружениям из Картамышево И.В. Зиньковская находит в псковских длинных курганах. Отмечено наличие подобных конструкций и в курганах пражской культуры (Зиньковская, 2000, с. 101). В более ранний период (до начала V в. н.э.) подобные сооружения известны на некоторых могильниках пшеворской культуры. В VIII-X вв. похожие конструкции зафиксированы на ряде могильников Верхнего Поднепровья (в т.ч. и в смоленских длинных курганах), в верховьях Вислы и Одера, в лесостепном Подонье (Зиньковская, 2000, с. 96-97, 102). Все эти наблюдения, по мнению И.В. Зиньковской, свидетельствуют о проникновении в верховья Псла северо-западного по отношению к этому региону славянского населения.

Необходимо отметить, что не все аналогии отдельным элементам археологического комплекса Картамышевского могильника, которые приводит И.В. Зиньковская, показательны в этнокультурном отношении. Бронзовые кольца из погр. 17 (Горюнова, 2004, рис. 6: 15) – простые, изготовленные из круглого дрота. Подобного рода изделия широко распространены в древностях разных эпох и на разных территориях. Серия разнообразных колец обнаружена и на колочинских поселениях и могильниках (см. раз-

дел о вещевом комплексе). Т.н. фибула из погр. 16 уникальна. В.М. Горюнова (автор публикации памятника) отмечает, что по стилю эта вещь близка не только к верхнеднепровским, но и к некоторым меровингским украшениям (Горюнова, 2004, с. 25). М.М. Казанский считает, что это изделие – не фибула, а язычок пряжки, отличительным признаком которого является широкое прямоугольное основание. Такие язычки характерны для пряжек западных балтов V – первой половины VI вв. (Казанский, 1999, с. 404)¹⁴. Происхождение украшения из Картамышево, таким образом, загадочно. Занимавшаяся, как и И.В. Зиньковская, поиском аналогий картамышевским оградкам Е.А. Горюнова приводит близкий круг параллелей (кроме пшеворских), но при этом указывает, что прямоугольные камеры на пражских, верхнеднепровских и донских могильниках весьма разнообразны по конструктивным особенностям и назначению. Сооружение оградок, по ее мнению, представляет собой «явление общего порядка, возможно, стадияльное» (Горюнова, 2004, с. 27).

Исследования О.В. Петраускаса и И.В. Зиньковской охватывают не всю территорию колочинской культуры, а лишь ее южную часть. В целом же проблема происхождения колочинского погребального обряда пока не решена, хотя в современных общих работах о колочинской культуре подчеркивается его генетическая связь с ритуалами захоронения киевской археологической общности (Терпиловский, 2004б, с. 60-63; Макушнікаў, 1999, с. 356-359, обзор историографии). Тем не менее вывод И.В. Зиньковской о сложности состава южного колочинского населения и особенно об участии в его сложении каких-то постчерняховских группировок, сделанный в основном по погребальным материалам, заслуживает самого пристального внимания, поскольку объясняет специфику южных колочинских грунтовых могильников.

В южных восточноевропейских славянских культурах курганы хорошо известны в пражской, а в последнее время открыты и в пеньковской (у Таращи под Киевом). Как следует из общего описания, приведенного выше, колочинский

курганный обряд своеобразен: в большинстве случаев захоронения производятся в процессе возведения насыпи. Не исключено, что распространение курганов в раннесредневековых культурах Поднепровья связано не с каким-то одним источником, а представляет собой стадияльное явление.

6. Вещевой комплекс

Керамика

Обзор предложенных до 1996 г. систем классификации колочинской лепной посуды сделан мною в монографии о Гапоновском кладе (Обломский, 1996б, с. 101). После ее выхода были опубликованы новые разработки Д.В. Середы, И.В. Зиньковской и Н.В. Лопатина.

Типология Д.В. Середы разработана как для целых, так и для фрагментированных сосудов. Фактически она является развитием моей классификации с той существенной разницей, что если я форму и пропорции горшков рассматривал отдельно друг от друга, то Д.В. Середа эти признаки использует в комплексе. Привлечена керамика памятников всей колочинской территории, учтены 631 горшок и 87 дисков. Классификация Д.В. Середы имеет иерархическую структуру и состоит из четырех соподчиненных таксонов: видов, типов, вариантов и разновидностей. Отдельной категорией посуды являются диски. Всего выделено 8 типов округлобочных, 4 типа ребристых горшков и два типа дисков (Середа, 2003) (рис. 17). Классификация Д.В. Середы отличается четкостью, однозначностью признаков, простотой в применении.

По структуре керамического комплекса (процентному соотношению таксонов сосудов) Д.В. Середа выделил несколько территориальных и хронологических групп колочинских памятников. Для Подесеня ранними являются Заярье, Целиков Бугор и, возможно, Смольянь. Развитый керамический комплекс представлен в основном южнорусскими поселениями. Две фазы выделяются на юге Белоруссии. К ранним памятникам сейминской традиции отнесены Красное-4, Литвиновичи-3, Комаровка-2 и ранние объекты Гапоново. Поселение Большие Будки (Хутор) содержит разновременные напластования. Ранние объекты, которые относятся к середине – второй половине V в., близки к раннесейминской керамической традиции, поздние (VII в.) содержат керамику типа могильника

¹⁴ Вещь в настоящее время хранится в ИИМКе РАН. В 1999 г. мы вместе с Р.В. Терпиловским и О.А. Щегловой осмотрели это украшение и пришли к выводу, что оно было использовано повторно. Первоначально предмет действительно являлся язычком пряжки, но его пытались переделывать в фибулу, припаяв снизу приемник для иглы.

Картамышево-2 и поселения Роище в Подесень (Середа, 1999, с. 224-233). Эти наблюдения могли бы стать основой периодизации колочинской культуры, но, к сожалению, изложены они крайне лапидарно, без подробной аргументации.

В работах И.В. Зиньковской проводится сопоставление целых форм сосудов из эталонных колочинских могильников Днепровского Левобережья. Сделан вывод, что на фоне типичной колочинской керамики в Картамышево-2 выделяется особая группа горшков (тип 8 по классификации автора, погребения 16, 17 и 18), которые находят параллели на памятниках пражской культуры, в частности на городище Шелиги в Польше (Зиньковская, 1998, с. 7; 1999, с. 83-86). И.В. Зиньковская сопоставила также сосуды колочинского круга и культурно-хронологического горизонта Сахновки-Волынцево из могильников Лебязье-1 и Княжий по формам и пропорциям. Выяснилось, горшки этих двух археологических общностей достаточно резко отличаются друг от друга и относятся к разным традициям (Зиньковская, 1998, с. 7, 8).

Мнение И.В. Зиньковской о корчакских параллелях некоторых сосудов из Картамышево перекликается с наблюдением Р.В. Терпиловского о сходстве ряда горшков на колочинских памятниках Подесенья с пражскими, что свидетельствует, по его мнению, о проникновении в регион небольших групп населения с запада (Терпиловский, 1997а, с. 84). Я считаю, что это сходство не стоит преувеличивать. Закрытые слабопрофилированные горшки, близкие к пражским, периодически встречаются на разных колочинских памятниках, в т.ч. и на ранних (например, в Красном-4, см. Обломский, 2003), вплоть до одного из самых восточных поселений этой культуры Ярлуково, расположенного в бассейне р. Воронеж, что было отмечено К.И. Комаровым (Комаров, 1972, с. 49). Серия подобных сосудов известна на поселении гуннского времени Песчаное в верховьях Псла, т.е. недалеко от Картамышево (Горюнов, 1982), которое я считаю одним из самых поздних памятников деснинского варианта киевской культуры, а Р.В. Терпиловский – переходным от киевской культуры к колочинской. По всей видимости, горшки форм, близких к пражским, были изначально присущи колочинскому керамическому комплексу.

Основу методики Н.В. Лопатина составляет выделение т.н. керамических стилей. Под ними он понимает «совокупность посуды, сходную внутри себя и отличающуюся от других по наи-

более общим (в основном качественным) признакам (характер профилировки, манера выделки, устойчивые виды декора)». Стиль – более широкое понятие, чем тип, он описывается серией типов и отражает культурную традицию (Лопатин, 2003а, с. 61, 62). Н.В. Лопатин исследовал в основном раннесредневековую керамику северо-восточной периферии колочинской культуры. Он объединил посуду части памятников поздне римского и последующего времени этого региона в общий «киевско-колочинский стиль б» (горшки с расширением во второй трети высоты, плавно вытянутые по вертикали, как правило, без орнамента, относительно слабо профилированные) (Лопатин, 2003а, с. 63). В более поздней его статье по материалам городищ Кисели, Черкасово, Вежки, Никодимово был выделен т.н. набор 7. Сюда же Н.В. Лопатин отнес Акатово и Близнаки на Смоленщине. «Эта группа является непосредственным продолжением типа Демидовки: сохраняются все формы и особенности керамического набора Демидовки». Набор 7 включает 4 типа: закрытые сосуды с плавно расширяющимися книзу стенками и плавным перегибом тулова в средней части (тип 3), сосуды с верхней частью, близкой к цилиндру с плавным перегибом тулова в средней части, включая тюльпановидные (тип 4), биконические (тип Р2) и цилиндрикоконические (тип Р3) (Лопатин, 2005, с. 465, 466, 475).

В работе 2003 г. выделен также стиль 8 («крупные сосуды улучшенной выделки»). Для варианта Б этого стиля характерны ребристые сосуды классических киевско-колочинских пропорций. Эти горшки происходят с тех же памятников: из Демидовки, Киселей, Черкасово, Вежек, Никодимово (Лопатин, 2003а, с. 63, 64).

Методика Н.В. Лопатина дает достаточно наглядное представление о сходстве и различиях керамических групп, но не лишена и недостатков. Во-первых, нет единой нумерации стилей и наборов, что неизбежно рождает путаницу. Во-вторых, границы между типами в этой системе классификации размыты, их признаки, выделенные по общему образу сосуда, недостаточно отчетливы. Более или менее надежно при применении типологии Н.В. Лопатина удается классифицировать лишь целые формы, тогда как раннесредневековая керамика лесостепной и лесной зоны Восточной Европы представлена в основном фрагментами. Будущее, как мне кажется, за неким синтезом методик Н.В. Лопатина и Д.В. Середы, т.е. за сочетанием выделения

таксонов классификации на строгой основе с последующей группировкой их в стили или наборы.

Вся керамика, которая происходит с колочинских памятников, делится на грубую лепную кухонную, лепную столовую и гончарную импортную. Для описания форм груболепных сосудов используется моя классификация, приведенная в монографии о Гапоновском кладе (Обломский, 1996б, с. 101) (рис. 16).

Кухонная керамика, как правило, не орнаментирована. Крайне редко встречаются сосуды, венчики которых украшены насечками или нарезками, нанесенными ножом. Последние изредка образуют композицию в виде косой сетки. Под венчиками некоторых горшков иногда имеются налепные треугольные в сечении валики. Валиком может быть подчеркнут и ребристый перелом корпуса.

Типологический спектр состоит из округлобоких горшков с выпуклой дугой на участке профиля от места наибольшего расширения тулова до шейки с отогнутым наружу изогнутым венчиком (тип I, вариант 1, рис. 16: 1; 18: 1, 8; 19: 1, 2), закрытых слабопрофилированных близких к баночным сосудов с незначительно отогнутым венчиком (тип I,3, разновидность а, рис. 16: 2-5, 10; 18: 2, 3, 7, 9; 19: 3, 8; 20: 1-3, 5; 21: 2, 9; 22: 2, 8, 10), «тюльпановидных» или слабопрофилированных открытых форм (тип I,3, разновидность б, рис. 16: 6-9; 18: 10; 19: 4, 5, 7; 20: 4; 21: 1, 3; 22: 1, 9), трех вариантов баночных округлобоких горшков (без отогнутого наружу венчика с загнутым внутрь краем в виде выпуклой дуги – тип I,4, вариант а (рис. 16: 11; 18: 11); с прямой верхней частью и выпуклой нижней – тип I,4, вариант б (рис. 16: 12; 22: 6), а также подобные варианту а, но со слабо выраженным желобком в верхней части венчика – тип 1, 4, вариант в (рис. 16: 13). Встречаются сосуды в виде усеченного конуса без венчика и выраженного плеча (тип I,4, вариант г, рис. 16: 14; 22: 5), горшки ребристого профиля с отогнутым наружу венчиком (тип II,2) (рис. 16: 15; 21: 7, 8; 22: 3,4) и горшками без венчика, верхняя часть которых близка к цилиндру (тип II,5) (рис. 16: 16, 17; 18: 4; 19: 6, 9; 20: 6, 7; 22: 7).

На многих колочинских памятниках встречаются глиняные диски, как плоские, так и со слабо отогнутым бортиком (рис. 16: 21; 17: 30, 31; 18: 12, 13; 20: 8, 9).

Столовая керамика представлена набором 7, по Н.В. Лопатину, а также несколькими редкими

формами. К ним относятся лощеная ребристая миска из Смольяни, которая имеет мощинское происхождение, и два небольших лощеных сосуда из могильника Картамышево-2 (кувшинообразного с узким горлом и биконического) (рис. 26: 11, 12). Аналогии им мне не известны. Находки мощинской лепной керамики происходят также с двух других памятников Левобережной Украины: с финального поселения киевской культуры Курган-Азак и из культурного слоя черняховского могильника Лохвица. По всей видимости, позднее киевско-черняховское население в гуннское время устанавливает какие-то контакты с Поочьем, которые продолжаются и в колочинский период (Обломский, 2002, с. 75).

Импортная керамика представлена единичными обломками черняховских сосудов, которые происходят с поселений Гапоново, Красное-4 и Заярье (Обломский, 2002, с. 75). Гончарный сероглиняный лощеный кубок черняховского или пшеворского происхождения (по довольно схематичному рисунку это понять трудно) найден на городище Демидовка (Шмидт, 1970, рис. 3: 27).

Орудия труда и предметы быта

В литературе специально не рассматривались. В публикациях массовые предметы (вроде ножей, пробойников, пряслиц) зачастую упоминаются, но их рисунки не приводятся. Материалы сгоревших городищ Демидовка, Никодимово, Акатово, Вежки, откуда происходит большинство вещей, к сожалению, изданы к настоящему времени лишь выборочно. Ниже приводятся данные о тех вещах, которые удалось собрать по публикациям. Основные серии при этом можно восстановить, но на самом деле находок наверняка значительно больше.

*Орудия земледелия*¹⁵

К ним относятся серпы (рис. 12: 1-4; 23: 2, 3) (11 экз.), не менее 6 фрагментов жерновов (причем 4 из т.н. туфа), верхний камень-курант зернотерки (рис. 23: 4), 2 обломка наральников (рис. 23: 5), 1 целый и два обломка железных кос (рис. 23: 5), железные пружинные ножницы (рис. 23: 6), которые, возможно, служили для стрижки шерсти.

¹⁵ См. статью С.А. Горбаненко в настоящем сборнике.

Т.н. жернова из туфа производились на территории современной Винницкой обл. населением черняховской культуры. На памятниках киевской культуры они являются импортом (Магомедов, 1990, с. 162). Находки обломков таких жерновов на колочинских поселениях Красное-4 и Литвиновичи-3 указывают, что эти селища возникли довольно рано: близко к финалу черняховской культуры, т.е. около 2-ой четверти – середины V в.

Орудия промыслов

Железные рыболовные крючки – 3 экз. (рис. 23: 7-9).

Колочин-1 (2 экз.) (Сымонович, 1963, рис. 25: 2, 3); Могилёв-Змеёвка (1 экз.) (Марзалюк, 2011, рис. 17: 3).

Железный крючок.

Колочин-1 (1 экз.) (Сымонович, 1963, рис. 25: 4).

Наконечник железной пещни (рис. 23: 11).

Колочин-1 (1 экз.) (Сымонович, 1963, рис. 25: 10).

Двузубая железная острога (рис. 23: 10).

Курочкин-3 (1 экз.) (Щеглова, Бажан, 1983, рис. 1: 8)

Инструментарий

Железные пробойники или шилья – 14 целых и фрагментированных экз. (рис. 24: 1, 3-5).

Представляют собой заостренные стержни с круглой в сечении рабочей частью и квадратным или прямоугольным в сечении штырем для крепления рукоятки.

Колочин-1 (1 целый экз.) (Сымонович, 1963, рис. 25: 5); Большие Будки (Хутор) (1 целый и 1 фрагментированный экз.) (Горюнова, Родинкова, 1999, рис. 45: 6, 7); Заярье (2 экз.) (Горюнов, 1974б, рис. 3: 4); Колодезный Бугор (1 экз.) (Третьяков, 1974, рис. 16: 4); Близнаки (2 экз.) (Шмидт, 2003, табл. 8: 8; 10: 1); Демидовка (3 экз.) (Шмидт, 2003, табл. 10: 5, 14, 15); Мощенка (2 экз., у одного перевита рабочая часть) (Щукин, 1989, рис. 3: 8, 9); Кривец-4 (1 экз.).

Железные керны – массивные орудия для работы по металлу с круглой рабочей частью, прямоугольным в сечении корпусом и площадкой для нанесения ударов по тыльной стороне (рис. 24: 2, 6).

Демидовка (2 экз.) (Шмидт, 2003, табл. 13: 3, 4).

Железный резец с широким овальным лезвием (рис. 24: 8).

Большие Будки (Хутор) (1 экз.) (Горюнова, Родинкова, 1999, рис. 46: 1).

Железные тесла.

А. С вертикальными «лапками» для крепления рукоятки – 2 экз. (рис. 24: 9, 10).

Бездрик, кург. 4 (1 экз.) (Обломский и др., 2011, рис. 13: 6); Большие Будки (1 экз.) (Горюнова, Родинкова, 1999, рис. 46: 2).

Б. С острием для крепления рукоятки (рис. 24: 11).

Демидовка (1 экз.) (Шмидт, 2003, табл. 13: 12).

«Плотницкий» топор (рис. 24: 7) – определение М.Б. Щукина.

Имеет широкую плоскую с отверстием для рукоятки подтреугольную часть и перпендикулярное ей узкое лезвие, отходящее от нее под тупым углом – Мощенка, 1 экз. (Щукин, 1989, рис. 3: 7).

Глиняный тигель (рис. 25: 1).

Демидовка (1 экз.) (Шмидт, 2003, табл. 19: 8). Имеет мешкообразную форму с выступом для удержания щипцами, представляет собой довольно редкий для Восточной Европы тип. Целое и фрагментированное подобные изделия найдены на поселении Замятино-8 в Верхнем Подонье (конец IV – V вв.) (Обломский, 2004, с. 25).

Глиняные пряслица.

А. Низкие биконические (высота в 2 и больше раз меньше максимального диаметра) – 18 экз. (рис. 25: 2, 3).

Макишин (1 экз.) (Горюнов, 1974а, рис. 1: 24); Выгоры-1 (1 экз.) (Шекун, Терпиловский, 1993, рис. 21: 2); Лебяжье-1 (1 экз.) (Тихомиров, 1990, рис. 6, погр. 63; у Ю.А. Липкинга нет¹⁶); Гапоново (1 экз.) (Обломский, 1996в, рис. 12: 14); Новый Быхов (1 фрагмент) (Поболь, 1974, рис. 7: 5); Красное-4 (2 экз., из них 1 – с воронковидными основаниями) (Обломский, 2003, рис. 16: 6, 7); Заярье (1 экз.) (Горюнов, 1974б, рис. 3: 3); Колодезный Бугор (1 экз.) (Третьяков, 1974, рис. 16: 12); Демидовка (8 экз., 2 с воронковидными основаниями) (Шмидт, 2003, табл. 16: 1, 2, 4-9); Близнаки (1 экз.) (Шмидт, 2003, табл. 16: 13).

Б. Биконические средней высоты (высота несколько меньше максимального диаметра) – 69 экз.

Никодимово (41 экз.; соотношение Н и Д – 0,6-0,84, из них 6 – с воронковидными основаниями).

¹⁶ В публикации могильника Лебяжье-1 Н.А. Тихомирова (Тихомиров, 1990) приводятся некоторые вещи, которые в первоначальном издании Ю.А. Липкинга (Липкинг, 1974) отсутствуют, причем не только в рисунках, но и в описании погребений.

ваниями, 2 орнаментированы точками и насечками) (Седзін, 2000, с. 35); Смольянь (2 экз.) (Третьяков, 1974, рис. 10: 2,3); Выгоры-1 (1 экз.) (Шекун, Терпиловский, 1993, рис. 21: 1); Александровка-1 (1 экз.) (Терпиловский, Шекун, 1996, рис. 50: 2); Княжий (1 экз.) (Липкинг, 1974, рис. 5: 22); Лебяжье-1 (1 экз.) (Тихомиров, 1990, рис. 5: погр. 59, у Ю.А. Липкинга нет); Большие Будки (Хутор) (5 экз., из них 2 – с воронковидными основаниями) (Горюнова, Родинкова, 1999, рис. 44: 6, 7, 8, 18, 19); Картамышево-2 (2 экз.) (Горюнова, 2004, рис. 6: 9, 21); Носовичи (1 целое, 1 фрагмент, из них 1 – с воронковидными основаниями) (Макушников, 1994а, рис. 2: 1, 4); Гомель (1 экз.) (Макушников, 1994б, предпоследняя цветная вкладка); Рассуха (1 экз. с наколами, волна) (Гурьянов, 2006, рис. 1: 19); Стрелица (1 экз.) (Третьяков, 1974, рис. 26: 6); Колодезный Бугор (3 экз.) (Третьяков, 1974, рис. 16: 9-11); Усох (1 экз.) (Падин, 1960, рис. 2: 4); Демидовка (1 экз.) (Шмидт, 2003, табл. 16: 10); Близнаки (1 экз.) (Шмидт, 2003, табл. 16: 12); Курочкин-3 (2 экз.) (Щеглова, Бажан, 1983, рис. 1: 5,6); Кривец-4 (4 экз., из них 1 – с воронковидным основанием).

В. *Высокие биконические* (высота равна максимальному диаметру или больше его) – 53 экз. (рис. 25: 4-6).

Хохлов Вир (1 экз. с орнаментом из наколов) (Падин, 1974, рис. 2: 7); Макишин (1 экз.) (Горюнов, 1974а, рис. 1: 25); Роище (3 экз. целых и 2 фрагментированных, у двух – орнамент из наколов и нарезок, мотив – свастика) (Терпиловский, 1984, рис. 33: 2, 4, 5; 34: 2-4); Александровка-1 (5 целых, 4 фрагментированных) (Терпиловский, Шекун, 1996, рис. 48: 1-3; Терпиловский, Шекун, 1998, рис. 7: 10,11; Терпиловский, Шекун, 2004, рис. 11: 2-5); Лебяжье-1 (2 экз., одно – с нарезками на поверхности) (Липкинг, 1974, рис. 5: 8; Тихомиров, 1990, рис. 6, погр. 47, у Ю.А. Липкинга нет); Большие Будки (Хутор) (8 экз. с воронковидными основаниями, из них два с точечными вдавлениями, два – с нарезками; 3 целых экз. и 4 фрагмента) (Горюнова, Родинкова, 1999, рис. 44: 1-6, 9-13, 21-24); Гапоново (2 экз.) (Обломский, 1996в, рис. 12: 12, 13); Картамышево-2 (3 экз.) (Горюнова, 2004, рис. 6: 19, 20, 22); Носовичи (4 фрагмента, из них на двух – орнамент наколами: треугольники, зигзаги) (Макушников, 1994а, рис. 2: 2, 3, 5; 4:16); Гомель (1 экз.) (Макушников, 1994б, предпоследняя цветная вкладка); Рассуха (1 экз.) (Гурьянов, 2006, рис. 1: 18); Бездрик (2 экз.) (Обломский и

др., 2011, рис. 10: 6, 7); Красное-4 (1 целый экз. и 1 фрагмент) (Обломский, 2003, рис. 12: 8; 16: 8); Стрелица (1 экз.) (Третьяков, 1974, рис. 26: 7); Никодимово (1 экз., соотношение Н и Д 0,96) (Седзін, 2000, с. 35); Демидовка (1 экз.) (Шмидт, 2003, табл. 16: 3); Близнаки (1 экз.) (Шмидт, 2003, табл. 16: 11); Кривец-4 (1 экз.).

Г. *Лепешковидные* – 5 экз. (рис. 25: 7).

Лёвкин Бугор (1 экз.) (Сымонович, 1969, рис. 23: 1); Никодимово (4 экз.) (Седзін, 2000, с. 35).

Д. *Бочонковидное* (рис. 25: 8).

Кривец-4 (1 фрагментированный экз.).

Е. *Из черепков сосудов*.

Роище (из стенки амфоры – 1 экз.) (Терпиловский, 1990, рис. 5: 4).

В колочинском наборе пряслиц на первом месте находятся биконические средней высоты, на втором – высокие биконические, на третьем – низкие биконические. Прочие – единичны. Поверхность подавляющего большинства пряслиц шероховатая, лощеные экземпляры редки. Некоторые биконические пряслица сверху и снизу имеют воронковидные основания (среди низких – 3 экз.; средних – 15 экз.; высоких – 8 экз.). Большинство пряслиц неорнаментированы, лишь на немногих экземплярах, перечисленных в сводке, приведенной выше, нарезками и наколами нанесены композиции из черточек, зигзагов, углов и свастик.

По наблюдениям Р.В. Терпиловского для деснинского варианта киевской культуры, с которым колочинские древности связаны генетически, характерны низкие, даже уплощенные, биконические пряслица. На колочинских памятниках они в массе становятся выше и грубее (Терпиловский, 1984, с. 33). Приведенная сводка подтверждает справедливость вывода Р.В. Терпиловского.

Глиняное грузило от вертикального ткацкого станка (рис. 25: 17)

Красное-4 (1 фрагмент) (Обломский, 2003, рис. 15: 6).

Предметы быта

Железные ножи. Учтены 34 целых и фрагментированных экз. (рис. 25: 9-11, 13)

Колочин-1 (2 экз.) (Макушникаў, 1999, мал. 111: 1, 2); Смольянь (1 экз.) (Третьяков, 1974, рис. 10: 1); Лёвкин Бугор (2 экз.) (Сымонович, 1969, рис. 23: 15, 16); Роище (1 экз.) (Терпиловский, 1990, рис. 5: 6); Александровка (1 экз.) (Терпиловский, Шекун, 1996, рис. 50: 1); Лебя-

жье-1 (2 экз.) (Тихомиров, 1990, рис. 5: 3, 109); Большие Будки (Хутор) (5 фрагментов) (Горюнова, Родинкова, 1999, рис. 45: 9-12, 14); Гапоново (1 фрагмент) (Обломский, 1996в, рис. 11: 12); Картамышево-2 (1 экз.) (Горюнова, 2004, рис. 6: 16); Красное-4 (2 фрагмента) (Обломский, 2003, рис. 16: 9, 11); Колодезный Бугор (2 фрагмента) (Третьяков, 1974, рис. 16: 2,5); Усох (1 экз.) (Падин, 1960, рис. 2: 1); Демидовка (7 экз.) (Шмидт, 2003, табл. 10: 6-9, 18; 11: 1, 2); Близнаки (3 экз. и 2 фрагмента) (Шмидт, 2003, табл. 11: 14; 12: 1, 4, 9, 11); Воронино (1 экз.) (Соловьева, 1970, рис. 2: 3); Могилёв-Змеёвка (1 экз.) (Марзалюк, 2011, рис. 18: 2); Кривец-4 (1 экз.).

Все ножи – черешковые, с прямой или слегка изогнутой спинкой. Свообразен один из ножей из Демидовки (Шмидт, 2003, рис. 10: 18) (рис. 25: 12) с коротким лезвием и поднятым вверх черешком с уступом.

Лезвия железных топоров – не менее двух экз.

Никодимово (несколько штук, опубликован 1) (Седзін, 2000, рис. 1: 2, с. 35; Шмидт, 2003, табл. 26: 11); Демидовка (1 экз.) (Шмидт, 2003, табл. 26: 10).

Железные кресала.

А. *Трапецевидная подвеска* (рис. 25: 15).

Демидовка (1 экз.) (Шмидт, 1970, рис. 3: 4; 2003, табл. 7: 10).

Б. *С лопатковидным концом и ручкой-штырем* – 7 экз. (рис. 25: 16-20).

Нижняя Тощица (1 экз.) (Поболь, 1974, рис. 12: 8); Тайманово, мог. (2 экз.) (Поболь и др., 2003, рис. 14: 12); Близнаки (1 экз.) (Шмидт, 1976, рис. 49: 23); Демидовка (2 экз.) (Шмидт, 2003, табл. 8: 3,7); Могилёв-Змеёвка (1 экз.) (Марзалюк, 2011, рис. 18: 1).

Считается, что трапецевидные кресала-подвески типичны для римского времени. Они являются характерной принадлежностью мужских поясов Центральной Европы (Пкжаег, 1993, 246-252 s., taf. 181). Более узкую дату называет М. Йонаковский, посвятивший специальную работу анализу кресал в комплексах пшеворской культуры. Все пластинчатые кресала (как трапецевидные, так и подтреугольные) датируются им в довольно узких пределах этапов В1-С1а (от периода не позднее третьей четверти I в. по начало III в.). Допускается существование их на этапе С1б. Максимально поздней возможной датой выхода из употребления этих кресал в Центральной Европе М. Йонаковский считает рубеж III/IV в. или начало IV в. (Jonakowski, 1996, s. 94-100). В лесостепной зоне такие кресала известны на

памятниках черняховской культуры (Магомедов, 2001, с. 86). Очерк распространения трапецевидных кресал в лесной зоне Восточной Европы приведен в монографии И.Г. Розенфельдт. В Волго-Окском междуречье они появляются в позднеримское время. В эпоху раннего средневековья они также хорошо известны, в Поднепровье, например, на памятниках пражской культуры. У финно-угорских племен использовались до XI-XII в. (Розенфельдт, 1982, с. 143-145; Вяргей, 1999, с. 331, мал. 102: 3, 4).

Кресала со стержневидной ручкой в Центральной и Северной Европе датируются периодами С3 – D1, частично D2 (Shuster, 2011, s. 74), т.е. второй третью IV – первой половиной V в. В Восточной Европе в позднеримский период они встречены на памятниках черняховской и киевской культур (Магомедов, 2001, с. 86). В раннем средневековье известны в лесной зоне в древностях типа Тушемли и Банцеровщины, в псковских длинных курганах (Исланова, 2006, с. 105, рис. 100: 9, 10).

Пинцеты – 5 экз. (рис. 26: 1-5).

Кисели (1 экз., железо) (Левко, Колосовский, 2003, с. 184, рис. 7: 4); Демидовка (2 экз., железо) (Шмидт, 1970, рис. 3: 10; 2003, табл. 6: 10); Никодимово (1 экз., железо) (Шмидт, 2003, табл. 5: 13); Кривец-4 (1 экз., бронза) (Андреев, Филимонова, 2008, рис. 2: 3).

Железные кольца – 2 экз.

Лёвкин Бугор (1 экз.) (Сымонович, 1969, рис. 23: 14); Новый Быхов (1 экз.) (Поболь, 1974, рис. 7: 8).

Железная бритва (рис. 26: 10).

Демидовка (1 экз.) (Шмидт, 2003, табл. 26: 1).

Бронзовый крюк с петлей для подвешивания, кольцом и зажимом (рис. 26: 6).

Шишино-5 (Обломский, Завьялов, 2003, рис. 2: 1).

Каменные терочники и точила – не менее 5 шт.

Никодимово (несколько штук, опубликовано 2 экз.) (Седзін, 2000, рис. 1: 1, с. 35; Шмидт, 2003, табл. 26: 7, 8) Большие Будки (3 экз.) (Горюнова, Родинкова, 1999, рис. 46: 3-5).

Обломок костяного гребня – 1 экз. (слишком маленький для определения типа).

Тайманово, могильник, погр. 156 (Поболь и др., 2003, рис. 14: 20).

Глиняные блоки.

Лепешковидные или округло-овальные с вдавлениями, нанесенными пальцем по поверхности, Кривец-4 (3 фрагментированных экз.).

Миниатюрные сосуды – 11 экз. (рис. 26: 7-9, 11-15).

Смольянь (1 экз.) (Третьяков, 1974, рис. 10: 5); Лебяжье-1 (3 экз.) (Липкинг, 1974, рис. 5: 6, с. 144); Картамышево-2 (2 экз.) (Горюнова, 2004, рис. 8: 2, 3); Рассуха (1 экз.) (Гурьянов, 2006, рис. 1: 17); Заярье (2 экз.) (Горюнов, 1974, рис. 3: 21, 22); Колодезный Бугор (2 экз.) (Третьяков, 1974, рис. 16: 13, 17).

* * *

Комплекс орудий труда и предметов быта, а также ряд дополнительных наблюдений дают сведения о хозяйстве и занятиях населения. Работы на эту тему немногочисленны. В монографии С.А. Горбаненко рассмотрено сельское хозяйство обитателей Днепровского Левобережья эпохи раннего средневековья. Для периода V-VII вв. преимущественно на материалах пеньковской, а не колочинской культуры сделан вывод, что хозяйство было комплексным, базировалось на сочетании земледелия и скотоводства. Основные способы обработки земли для Днепровского Левобережья – подсека, распашка пойменных участков, допустимо использование перелога (Горбаненко, 2007, с. 93). Возделывались преимущественно просо, ячмень пленочный, пшеница пленочная и голозерная, рожь, бобовые и технические культуры (конопля, лен) (Горбаненко, 2007, с. 55-62).

Для лесной зоны опубликованы определения обгоревшего зерна с колочинского городища Никодимово в Могилёвском Поднепровье: ячмень (75, 27%), просо (16, 46%), пшеница (4, 37%), овес (0,2%), рожь (0,05%), горох (3,14%), бобы кормовые (0,45%), конопля (0,06%) (Седзін, 2000, с. 34). В целом, они дают примерно тот же набор, что и памятники лесостепи. По данным палеоботаники, в V-VII вв. на колочинских и пеньковских поселениях Днепровского Левобережья по сравнению с позднеримским периодом зафиксирован рост доли проса, пшеницы пленочной и ячменя и уменьшение роли голозерной пшеницы, очевидно, из-за похолодания, наступившего в середине 1 тыс. (Горбаненко, 2007, с. 54-55).

Опубликованы также остеологические данные по городищу Никодимово. Здесь первое место занимает крупный рогатый скот (46,94% по костям и 41,67% по особям), второе – свиньи (25,59/29,17%), третье – лошадь (12,25/18,75%), четвертое – мелкий рогатый скот (7,14/8,33%),

пятое – собака (2,04/2,08%). Доля костей диких животных составляет 4% (пушные – лисица, водяная полевка) (Седзін, 2000, с. 35). Реконструкции земледелия и животноводства населения колочинской культуры как комплекса в настоящем сборнике посвящена статья С.А. Горбаненко.

Судя по находкам железных крючков, пешни и остроги, некоторую роль в хозяйстве колочинского населения играло рыболовство.

Обнаруженные на памятниках колочинской культуры инструменты предназначены для занятий цветной металлургией, обработки металлов и дерева, ткачеством.

Прямые сведения о производстве железа отсутствуют, а данные о металлообработке скудны. Немногочисленные анализы предметов из черного металла колочинских памятников Днепровского Левобережья позволили В.Д. Гопаку сделать вывод, что основная масса орудий труда изготавливалась из кричного железа, а сталь и пакетный металл применялись крайне редко (Гопак, Горюнова, 1991, с. 244). Л.С. Розановой и Н.Н. Тереховой проанализированы 40 предметов различного назначения с памятников Верхнего Поднепровья третьей четверти I тыс. н.э. Они ошибочно были отнесены к днепро-двинской культуре, которая к этому времени уже давно прекратила свое существование. Два памятника из семи, с которых происходят отобранные для исследования вещи, относятся к колочинской культуре (Близнаки и Демидовка). Большинство предметов изготовлены из высокотвердого железа, 32,5% – из пакетного металла, состоящего из нескольких полос железа и стали. Вещи, откованные из качественной стали, редки. Единичны предметы, где наблюдается наварка стального лезвия на железную основу и термообработка. Железо отличается высокой твердостью, что связано со значительным присутствием в металле фосфора (Розанова, Терехова, 1997, с. 130-132). Анализ нескольких ножей из поселения Нисимковичи-2 около Гомеля выполнил М.Ф. Гурин. Они оказались цельножелезными (Макушников, 2009, с. 19).

Кроме тигля из Демидовки, о плавке и обработке цветных металлов свидетельствует клад, обнаруженный на поселении Большие Будки (Хутор) в верховьях Псла. Он относится к первой группе днепровских по О.А. Щегловой (типа Маргыновского), но оригинален по составу. Практически все предметы из серебра, бронзы или латуни, которые из него происходят, пред-

ставлены обломками, в том числе смятыми или свернутыми для компактности. В состав клада входило множество нашивных бляшек из свинцово-оловянистого сплава и его слитки (Горюнова, Родинкова, 1999, рис. 47-49). Клад, скорее всего, представляет собой комплекс мастера-ювелира.

Косвенно о наличии собственного производства украшений в лесостепном и лесном Поднепровье свидетельствуют наблюдения о локальном распространении некоторых типов вещей, правда, их ареалы не совпадают полностью с территориями археологических культур и определяются, видимо, другими законами. Особый очаг верхнеднепровского ювелирного искусства выделил А.К. Амброз. Из находок на колочинских памятниках он относил к изделиям мастера (или мастеров этой школы) пряжку из Демидовки и пластинку из Посудичей (Амброз, 1970). Позже к этому кругу была причислена т.н. фибула из могильника Картамышево-2 (см. выше).

Анализ ареалов ранних вещей круга «древностей антов» показал, что многие изделия имеют локальную днепровскую специфику (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 22-36).

Несколько слов о торговле. Недавно М.М. Казанский опубликовал монографию, в которой высказал гипотезу о широком вовлечении населения лесной зоны Восточной Европы в раннем средневековье в торговлю мехом. Основой для этого утверждения послужили сведения письменных источников и распространение украшений, связанных с культурой элиты общества (Казанский, 2010). На территории колочинской культуры предметов, которые можно было бы достоверно отнести к числу импортных, крайне мало. Это – стеклянные бусы, в т.ч. и происходящие из «антских» кладов. Янтарные бусы, которые также встречены в этих комплексах, могли изготавливаться на месте. Об этом свидетельствуют материалы городища Никодимово, где обнаружены как готовые бусы, так и куски янтаря. Импортным был сам янтарь, который по химическому составу сходен с прибалтийским (Седин и др., 1999, с. 53, 54; рис. 3).

Вооружение, конское снаряжение

Находки оружия, а также предметов оснащения коня и всадника на общем фоне системы вооружения населения Восточной Европы эпохи раннего средневековья рассмотрены в ряде работ В.Б. Перхавко, М.М. Казанского и А.А. Седина (Перхавко, 1978; 1979; Kazanski, 1999; Ка-

занский, 1999; 2008; 2011a; 2015; Седин, 2011). Некоторые материалы городищ Никодимово, Демидовка, Близнаки и Акатово включены в сводные работы Е.А. Шмидта по тушемлинской культуре (Шмидт, 1995; 2003). В сводке, которая приводится ниже, используются классификации А.А. Седина и М.М. Казанского с некоторыми дополнениями.

Оружие

Наконечники копий

Тип I. С широким пером овальной или близкой к ромбовидной формы с втулкой длиной менее половины общей длины изделий – 8 экз. (рис. 27).

Никодимово (3 экз.) (Седин, 2011, рис. 2: 1, 2; 3: 7); Колочин-1 (1 экз. с ромбическим сечением пера, валикообразным выступом на нем) (Сымонович, 1963, рис. 25: 1); Лебяжье-1 (1 экз., погр. 109 по Н.А. Тихомирову.) (Тихомиров, 1990, рис. 5: 109; у Ю.А. Липкинга всего 104 погребения); Княжий (2 экз.) (Липкинг, 1974, рис. 2: 1,2); Демидовка (1 экз.) (Шмидт, 1970, рис. 3: 1).

Тип II. С узким пером и массивной втулкой – 3 экз. (рис. 28: 1-3).

Все из Никодимово (Седин, 2011, рис. 2: 3; 3: 1; 5: 3).

Поперечное сечение пера у наконечников этого типа линзовидное. Плечики опущены. Соотношение втулки и пера составляет 1:1,5 – 1:1,75. Аналогии происходят с городища Зимно и из могильников V-VIII вв. на территории Литвы (Седин, 2011, с. 70).

Тип III. С пером профилированной (пламенеvidной) формы (тип 2 по Казакиявичусу) – 6 экз. (рис. 28: 4-8).

Никодимово (2 экз.) (Седин, 2011, рис. 3: 2; 5: 10); Демидовка (3 экз.) (Шмидт, 1970, рис. 3: 3; 2003, табл. 2: 1, 2; 3: 4); Близнаки (1 экз.) (Казанский, 2008, рис. 2: 3; Шмидт, 2003, табл. 2: 3)

В поперечном сечении перо имеет форму вытянутого ромба. Плечики несколько приподняты. Соотношение втулки и пера 1:1,7. Перо наконечников этого типа имеет наибольшее расширение в нижней части. В Смоленском Поднепровье наконечники профилированной формы известны на селище Заозерье, были широко распространены в V-VII вв. на территории Прибалтики, встречены в мордовских, мерянских, муромских и рязано-окских могильниках, в Финляндии, Скандинавии, Западной Европе (Краснов, 1980, с. 75; Казанский, 2008, с. 306; Ахмедов, 2010, рис. 8: 11; 9: 13; Седин, 2011, с. 70).

Тип IV. С двушипным пером – 10 экз. (рис. 28: 9-12; 29: 1-5).

Никодимово (4 экз.) (Седин, 2011, рис. 2: 5; 3: 5; 5: 1,2); Демидовка (3 экз.) (Шмидт, 1970, рис. 3: 2; 2003, табл. 3: 1,2,5); Колочин-1 (1 экз.) (Сымонович, 1963, рис. 26: 11), Кривец-4 (1 фрагмент); Вежки (Колосовский, 2016, фото 18: 1).

Перо в сечении ромбовидное. Двущипные наконечники копий могли эффективно использоваться не только как боевое, но и как охотничье оружие. Небольшие размеры трех экземпляров позволяют отнести их к метательным копьям (сулицам). Наконечники этого типа были распространены в Верхнем Поднепровье и Подвинье, в V-VII вв. в Литве и Латвии, западной части Волго-Окского междуречья (Седин, 2011, с. 70, 71), в рязано-окских и мордовских могильниках (Краснов, 1980, с. 75; Ахмедов, 2010, рис. 3: 29; 7: 11; 8: 13; 9: 14).

Тип V. С маленьким пером ромбовидной формы – 6 экз. (рис. 29: 6-10).

Эти изделия небольших размеров, поэтому отнесены к сулицам.

Никодимово (2 экз.) (Седин, 2011, рис. 2: 4; 3: 4); Демидовка (1 экз.) (Шмидт, 2003, табл. 2: 6); Черкасово (1 экз.) (Седин, 2011, с. 71); Близнаки (1 экз.) (Шмидт, 1995, рис. 1: 2); Вежки (1 экз.) (Колосовский, 1997, с. 38; 2009, с. 153; 2016, фото 18: 3).

Подобный наконечник в Верхнем Поднепровье встречен в курганном погребении преддревнерусского времени у с. Церковище. Аналогичные вещи в третьей четверти I тыс. известны в Литве, Латвии, в Волго-Окском междуречье, в Безводнинском могильнике (Седин, 2011, с. 71; Краснов, 1980, с. 74)

Наконечники стрел

Группа 1. Черешковые.

Тип I. Килевидные трехлопастные широкие наконечники с плечиками.

Вариант А. С лопастями ромбической формы – 4 или 5 экз. (рис. 30: 1-4).

Колодезный Бугор (1 экз.) (Третьяков, 1974, рис. 16: 6), Тайманово (1 экз.) (Казанский, 1999, рис. 8: 2) Никодимово (2 экз.) (Седин, 2011, рис. 4: 9, 10), Демьянки (1 экз.)¹⁷ (Соловьева, 1967, рис. 2: 5).

Вариант Б. С лопастями, имеющими выемку в основании – 23 экз. (рис. 30: 5-26).

Хохлов Вир (1 экз.) (Падин, 1974, рис. 2: 6); Никодимово (11 экз.) (Седин, 2011, рис. 3: 8-12; 4: 4, 6, 7; 5: 4, 6, 9); Демидовка (9 экз.) (Казанский, 1999, рис. 8: 7-10; Шмидт, 2003, табл. 1: 1-9); Близнаки (1 экз.) (Шмидт, 1995, рис. 1: 7); Вежки (Колосовский, 2016, фото 18: 2).

Этот тип является наиболее распространенным в Восточной Европе на памятниках середины – третьей четверти I тыс. н.э. от степей до Прибалтики. Находки таких наконечников стрел на городище Никодимово свидетельствуют, что они использовались вплоть до VII в., поэтому попытку ограничить верхний хронологический предел их бытования в лесной зоне V в. (Кенько, Медведев, 2011, с. 124-125) я считаю ошибочной. Появление стрел с такими наконечниками связано с гуннским нашествием, поэтому в конечном итоге они имеют степное происхождение. М.М. Казанский справедливо указывает, что южными они могут считаться лишь в смысле изначального происхождения стрел определенного типа и не свидетельствуют в каждом отдельном случае о присутствии степных военных отрядов в лесной зоне (Казанский, 2008, с. 307). Встречены подобные наконечники стрел и на ранне-византийских памятниках Среднего Подунавья (Špehar, 2010, s. 129, tabl. XXXIX: 698-708).

Тип II. Килевидный трехлопастный наконечник с отверстиями в нижней части лопасти (рис. 31: 1) – Никодимово (1 экз.) (Седин, 2011, рис. 4: 3). Имеет крупные размеры, четко прослеживается упор для древка. Ближайшей аналогией ему является наконечник из Хотомеля (Седин, 2011, с. 72).

Тип III. Килевидные трехлопастные наконечники с горизонтальными плечиками (рис. 31: 2-4) – Никодимово (3 экз.) (Седин, 2011, рис. 3: 12; 4: 8; 5: 7).

Тип IV. Килевидный трехлопастный наконечник с узким пером (рис. 31: 5) – Никодимово (1 экз.) (Седин, 2011, рис. 5: 8). А.А. Седин указывает на аналогии на городищах Хотомель и Аукштадварис (Седин, 2011, с. 72).

Тип V. Шипастый трехлопастный наконечник (рис. 31: 6) – Никодимово (1 экз.) (Седин, 2011, рис. 5: 11).

Тип VI. Плоские ромбовидные наконечники – 2 экз. (рис. 31: 7, 8).

Никодимово (1 экз.) (Седин, 2011, рис. 4: 5), Демидовка (1 экз.) (Шмидт, 1995, с. 109, рис. 1: 8).

А.А. Седин приводит аналогии таким наконечникам на городищах Аукштадварис в Литве, Хотомель в Припятском Полесье, Березняки

¹⁷ Плохая сохранность этого предмета не позволяет однозначно определить его принадлежность к конкретному варианту.

в Верхнем Поволжье (Седин, 2011, с. 72, 73). Известны они и в погребениях мордовских могильников (Краснов, 1980, с. 77). Появляются такие наконечники стрел довольно рано, например, они встречены на памятниках черняховской культуры (Магомедов, Левада, 1996, рис. 7: 6-9).

Тип VII. Бронебойные черешковые наконечники с узким пирамидальным острием трех- и четырехгранного сечения – 2 экз. (рис. 31: 9, 10).

Рассуха (1 экз.) (Гурьянов, 2006, рис. 1: 20); Никодимово (1 экз.) (Седин, 2011, рис. 5: 5).

Тип VIII. Черешковая стрела с узким коническим наконечником (рис. 31: 11).

Колодезный Бугор (1 экз.) (Третьяков, 1974, рис. 16: 3). Является своего рода реликтом предыдущей эпохи. Такие наконечники стрел известны в позднеримское время в древностях черняховской культуры (Магомедов, Левада, 1996, рис. 7: 10).

Группа 2. Втульчатые.

Тип IX. С трехлопастным (треугольные лопасти) наконечником (рис. 31: 13).

Артюшково (1 экз.) (Енуков, Енукова, 1995).

Тип X. Двухшпильные – 2 экз. (рис. 31: 12)

Демидовка, Никодимово – по одному наконечнику (Казанский, 2008, с. 304, 305; Шмидт, 2003, табл. 5: 7).

Клиновое оружие

Меч (рис. 31: 15).

Никодимово (1 экз.) (Седин, 2011, рис. 6). Меч был сломан, на месте слома клинок изогнут. Навершие и перекрестье не сохранились. В средней трети полосы прослеживается дол. На месте крепления рукояти, в средней части черенка, имеется отверстие. А.А. Седин отмечает, что это – первая находка меча третьей четверти 1 тыс. н.э. на территории Белоруссии (Седин, 2011, с. 73).

Обломок бронзового перекрестья меча или кинжала (рис. 31: 14).

Красное-4 (1 экз., бронза) (Обломский, 2003, рис. 15: 16). Сохранилось приблизительно наполовину. От широкой овальной основы, переломившейся на месте отверстия для рукоятки меча или кинжала, с выемкой со стороны рукояти отходит ромбический в сечении прут для ограничения движения руки, оканчивающийся шишечкой.

Боевые ножи

Клад на городище Никодимово (2 экз.) (Седин, 1994, рис. 19: 3, 4). В состав клада входили два фрагмента железных ножей с прямыми спинками. Один из них был вложен в деревянные ножны, ножны второго «покрыты серебром».

Сохранились фрагменты Р-образной скобы для крепления.

Топор (рис. 31: 16).

Демидовка (1 экз.) (Шмидт, 2003, табл. 8: 15). Втульчатый, с изогнутым лезвием и отогнутым вверх его краем. По М.М. Казанскому, представляет собой раннемеровингскую франциску. Прототипы известны в позднеримское время, но большинство изделий относится к концу V – первой половине VI в. (Казанский, 2008, с. 306).

Защитное вооружение

Фрагменты кольчуг (рис. 31: 17).

Никодимово, Мощенка, Лебяжье-1, погр. 32 и 63 (упоминаются, но рисунки отсутствуют) (Седин, 2011, с. 73; Шукин, 1989, с. 112; Липкинг, 1974, с. 147; Казанский, 2011а, с. 44); Кривец-4, два сцепленных вместе плоских колечка; концы каждого из них скреплены заклепками.

Пластика панциря (рис. 31: 18).

Железная, в форме прямоугольника, соединенного с треугольником. Вдоль длинной стороны прямоугольника – три отверстия, в среднее вставлена заклепка или стержень. М.М. Казанский считает это изделие фрагментированным. Мощенка – 1 экз. (Шукин, 1989, рис. 3: 5; Казанский, 2011а, с. 44).

Снаряжение коня и всадника

Железные удила

А. Двухчастные с псалиями, снабженными двумя отверстиями со стержневидной изогнутой верхней частью и пластинчатой нижней. На концах удил – по два кольца (рис. 9: 1).

Гапоново, клад (1 экз.) (Ахмедов, Обломский, 1996, рис. 32: 1). Специальное исследование этих удил проделано И.Р. Ахмедовым. Они характерны для VII в., имеют аналогии на Среднем Дунае, в Крыму, на Северном Кавказе, в лесостепной зоне, в ареале рязано-окских могильников, в Прикамье (Ахмедов, 1996, с. 41, 42).

Б. Двухчастные без псалиев (рис. 32: 1, 2) – 3 экз.

Мощенка – 2 экз. (Шукин, 1989, рис. 3: 2, 3); Вежки (Колосовский, 2016, фото 18: 5).

В. Двухчастные удила с кольцом на внешней стороне, имеющим выступ, на котором заметна заклепка, очевидно, для крепления ремня. В кольцо на окончании удил вставлено еще одно кольцо. Вежки – 1 экз. (Колосовский, 2016, фото 18: 6).

Г. *Трехчастные удила с двумя подвижными боковыми планками, соединенными средней третью* – 2 экз. (рис. 32: 3, 4).

Близнаки (1 экз.) (Шмидт, 1995, рис. 1: 22; 2003, табл. 6: 1); Демидовка (1 экз. из двух звеньев) (Шмидт, 2003, табл. 6: 4). Подобные удила распространены в Прибалтике, Скандинавии, есть находки в Западной Европе. Дата их очень широка: от Великого переселения народов до эпохи викингов (Казанский, 2008, с. 310).

Д. *Отдельные звенья грызел* – не менее 7 экз. (рис. 32: 5-10).

Смольянь (1 экз.) (Третьяков, 1974, рис. 10: 4); Никодимово («часты находки», опубликованы 2 экз.) (Седзін, 2000, рис. 2: 5, 6; Шмидт, 2003, табл. 5: 1, 2); Близнаки (2 экз.) (Шмидт, 1976, рис. 49: 18; 2003, табл. 6: 5, 6); Демидовка (1 экз.), (Казанский, 2008, рис. 1: 8; Шмидт, 2003, табл. 6: 8).

Железное кольцо от удил с двумя зажимами (рис. 32: 11).

Никодимово (1 экз.) (Седзін, 2000, рис. 2: 8; Шмидт, 2003, табл. 5: 11).

Шпоры из дрота с шипом и с крючками на концах – 12 экз. (рис. 33)

Черкасово (2 экз.), Кисели (1 экз.) (Левко, Колосовский, 2003, с. 184, рис. 8: 18-20); Никодимово (2 целых экз. и 1 фрагмент) (Седзін, 2000, рис. 2: 2-4; Шмидт, 2003, табл. 5: 12); Щатково (1 экз.) (Поболь, 1967, рис. 23: 9); Близнаки (1 фрагмент) (Шмидт, 2003, табл. 7: 3); Демидовка (3 экз.) (Шмидт, 2003, табл. 7: 4, 6, 7); Вежки (Колосовский, 2016, фото 18: 4).

М.М. Казанский шпоры этого типа считает специфическими для лесной зоны Восточной Европы (Казанский, 2008, с. 305). Тем не менее небольшая серия очень похожих изделий происходит из комплексов конца VII – начала VIII в. на землях алламанов и баюваров (Schlemmer, 2004, Abb. 2).

Пряжки с горизонтальными прямоугольными рамами (некоторые из них имеют вогнутые края с длинных сторон) – не менее 12 экз., из них 9 – железных, один бронзовый, материал еще одного неясен (рис. 34).

Кветунь (1 экз.) (Обломский, 1996б, рис. 94: 3); Никодимово (с прямоугольными или с прямоугольными с вогнутыми сторонами рамами, упомянуты многочисленные, опубликованы 6 экз.) (Седзін, 2000, с. 36, рис. 2: 7; Шмидт, 2003, табл. 4: 9-11; 24: 15, 18, 31); Мошенка (1 экз., материал не ясен) (Щукин, 1989, рис. 3: 4); Кривец-4 (4 экз.: 3 из железа и 1 из бронзы).

Обычно эти пряжки трактуются как подпружные, но не исключено, что могли использоваться и в качестве поясных. Такой, очевидно, была небольшая бронзовая пряжка из Кривца-4.

Детали поясных наборов

Пряжки.

А. *С круглой рамой, хоботовидным язычком* – 6 экз. (рис. 35: 1-5).

Демидовка (серебряная с овальной обоймой и 6-ю прямоугольными бляшками – 1 экз.; бронзовая без обоймы – 1 экз.) (Шмидт, 1970, рис. 4: 2; 2003, табл. 1: 19; 4: 12); Тайманово, могильник (железо, 2 экз.) (Поболь и др., 2003, рис. 14: 15, 16); Усох (форма язычка не очень ясна, прямоугольная обойма, железо) (Падин, 1960, рис. 2: 3); Смяч (бронза, 1 экз.) (Горюнов, 1974б, рис. 1: б).

Б. *С вертикально-овальными рамами и хоботовидным язычком* – 6 экз. (рис. 35: 6-8).

Лебязье-1 (материал? 1 экз.) (Тихомиров, 1990, рис. 5: 80; у Ю.А. Липкинга не значится); Тайманово, могильник (железо, 1 экз.) (Поболь др., 2003, рис. 14: 6); Никодимово (железо, 1 экз. язычок слегка прогнут) (Шмидт, 2003, табл. 24: 19);

Никодимово, клад (только рама с обломком обоймы без язычка, бронза, 1 экз.) (Седин, 1994, рис. 1: 17; Шмидт, 2003, табл. 4: 8); Кривец-4 (1 экз. из железа, длинный язычок прогнут посередине); Демьянки, курган 2 (1 экз. из железа) (Соловьева, 1967, рис. 2: 5). Последняя вещь сохранилась плохо, фотография в публикации также плохая. Судя по ней, язычок, скорее всего, был хоботовидным.

В. *С овальной рамой и язычком, охватывающим раму* – 4 экз. (рис. 35: 9-11).

Тайманово, могильник (железо, 1 экз.) (Поболь и др., 2003, рис. 14: 5); Близнаки (железо, 2 экз.) (Шмидт, 1995, рис. 1: 18, 19); Никодимово (железо, язычок охватывает раму частично, слегка прогнут, 1 экз.) (Шмидт, 2003, табл. 5: 10).

Ареал пряжек с круглыми и овальными несколько расширенными спереди рамами, длинными язычками, полностью охватывающими рамы и выходящими за их пределы (т.н. хоботовидными), чрезвычайно широк: Западная и Центральная Европа, Северное Причерноморье, Кавказ, степи и лесная зона Восточной Европы. Подобные изделия с острыми, закругленными или прямо срезанными окончаниями язычков считаются типичными для последней четверти IV – первой половины V в. (Амброз, 1989, с. 31; Айбабин, 1999, с. 259-260; Щукин, 2005, с. 330). На Север-

ном Кавказе, по наблюдениям М.М. Казанского и А.В. Мастыковой, они существовали вплоть до второй трети – середины VI в. (Казанский, 2001, с. 56; Мастыкова, 2009, с. 55, 56). В Приуралье, по разным хронологическим выкладкам, такие пряжки использовались в VI или даже в VII в. (Родинкова, 1996б, с. 127). Верхний хронологический рубеж использования пряжек с хоботовидными или полностью охватывающими раму язычками в лесном Поднепровье пока не ясен, специальные работы на эту тему отсутствуют. По некоторым косвенным соображениям, такие пряжки могли доживать до финала колочинской культуры. Об этом свидетельствуют находки из сгоревших городища Никодимово и селища Кривец-4, где, кроме подобных пряжек, обнаружены вещи круга входящих в состав кладов «древностей антов» первой группы (днепровские пальчатые фибулы, характерные браслеты, детали геральдической поясной гарнитуры), т.е. наиболее поздние на памятниках колочинской культуры по В.Е. Родинковой (см. ниже).

Г. *С овальной рамой и прямым язычком* – 2 экз. (рис. 35: 12, 13).

Лебяжье-1 (материал? 1 экз.) (Тихомиров, 1990, рис. 6: 13; у Ю.А. Липкинга нет этой вещи); Тайманово, могильник (железная рама, бронзовый язычок, 1 экз.) (Поболь и др., 2003, рис. 14: 14).

Д. *С В-образной рамой*.

1. Простые без обоймы – 6 экз. (рис. 36: 1-6).

Красное-4 (железо, рама без язычка, 1 экз.) (Обломский, 2003, рис. 16: 10); Княжий (железо, язычки частично охватывают раму – 2 экз.); Лебяжье-1 (1 экз. бронза) (Родинкова, 1996а, рис. 103: 19, 20, 25); Авдеево (рама бронзовая, язычок, частично охватывающий ее, железный – 1 экз.) (Сымонович, 1974, рис. 1: 3); Демидовка (1 экз., железо) (Шмидт, 1970, рис. 3: 3; 2003, табл. 1: 15).

2. Геральдического стиля (изображения в форме геральдических щитов с прорезьями) – 2 экз. (рис. 36: 7, 8).

Лебяжье-1 (бронза, с щитком геральдического стиля) (Родинкова, 1996а, рис. 103: 11); Никодимово (1 экз., бронза) (Шмидт, 2003, табл. 24: 32).

Вопрос о хронологии деталей поясного набора т.н. геральдического стиля является предметом научной дискуссии. По Г.Е. Афанасьеву и А.П. Руничу, геральдические поясные гарнитуры на Северном Кавказе датируются второй половиной VI – первой четвертью VII в. Именно к этому периоду относятся древности типа

Мартыновского клада (Афанасьев, Рунич, 2001, с. 237). Широкое распространение геральдических гарнитур в Европе началось во второй трети VI в. (Мастыкова, 2009, с. 61, 64).

И.О. Гавритухин, не возражая против сравнительно ранней даты появления геральдических поясных наборов, «классические» их варианты относит к VII в., применяя метод синхронизации хронологических колонок разных территорий (Гавритухин, 2001, с. 43-44; Гавритухин, Пьянков, 2003, с. 192). В Крыму А.И. Айбабин датирует распространение геральдической поясной гарнитуры серединой VI – VII в. (Айбабин, 1999, с. 274-280, табл. XXXI). Для культур лесостепного и лесного Поднепровья В.Е. Родинкова выделяет четыре культурно-хронологических пласта. Изделия геральдического стиля относятся к последнему из них, к четвертому. Этот пласт датируется VII в., по крайней мере, находки украшений четвертого пласта «зафиксированы в комплексах второй – третьей четверти этого столетия» (Родинкова, 1996б, с. 126).

Е. *С сегментовидной рамой без язычка* (рис. 36: 9).

Усох (1 экз., железо) (Падин, 1960, рис. 2: 2).

Ж. *Серебряная пряжка с вертикально-овальной рамой, язычком с прямоугольной площадкой с орнаментом в виде пирамидок, почкообразной обоймой с окончанием в виде двух птичьих клювов, орнаментированной спиральным резным узором* (рис. 36: 10).

Демидовка (Шмидт, 1970, рис. 4: 1).

Специальное исследование этой пряжки проделал А.К. Амброз. Им был выделен т.н. верхнеднепровский очаг ювелирного искусства. К числу изделий этого очага относится пряжка из Демидовки вместе с пластиной из Посудичей и рядом других находок. Наиболее вероятная дата верхнеднепровских украшений – VI в. (Амброз, 1970). М.М. Казанский отнес экземпляр из Демидовки к обширной группе пряжек с язычками с прямоугольным основанием, распространенной у западных балтов в V – первой половине VI в. (Казанский, 1999, с. 404), что, в принципе, дате, предложенной А.К. Амброзом, не противоречит, но суживает ее. А.Г. Фурасев подверг сомнению правомерность выделения А.К. Амброзом особого ювелирного очага в Верхнем Поднепровье. Аналогии пряжке из Демидовки происходят из германской среды Центральной Европы и датируются в рамках второй половины V в., возможно, рубежа V и VI вв. (Фурасев, 2001а). Тем не менее прочие предметы, в т.ч. и

явно более поздние, объединенные А.К. Амброзом в специфическую верхнеднепровскую стилистическую группу, А.Г. Фурасьев не рассматривает.

3. *С прямоугольной рамой и выступами на ее концах* (рис. 36: 11).

Целиков Бугор (бронза, только рама, 1 экз.) (Горюнов, 1972, рис. 14: 14).

Е.А. Горюнов датировал эту пряжку в широких рамках V-VIII вв., указывая на аналогии на Северном Кавказе (Горюнов, 1981, с. 22). Р.В. Терпиловский относит эту пряжку к гуннскому периоду (Терпиловский, 1985, с. 96, рис. 17: 23).

Язычки пряжек

А. *Бронзовый пластинчатый с нуансонным орнаментом*.

Большие Будки (Хутор) (1 экз.) (Горюнова, Родинкова, 1999, рис. 45: 1);

Б. *Т.н. бронзовая фибула из Картамышево-2* (рис. 36: 12) (Горюнова, 2004, рис. 6: 17). Как было отмечено выше, представляет собой язычок пряжки, переделанный в фибулу. По орнаментации прямоугольного щитка выступами-пирамидками относится к выделенной А.К. Амброзом группе верхнеднепровских раннесредневековых ювелирных изделий.

В. *Железные хоботовидный и два длинных с прогнутой средней частью прямоугольных в сечении* – Кривец-4.

Наконечники ремней геральдического стиля – 2 экз. (рис. 37: 1, 2)

Лебяжье-1 (бронза, 1 экз.); Картамышево-2 (бронза, 1 экз.) (Родинкова, 1996а, рис. 103: 6, 26; Горюнова, 2004, рис. 6: 12).

Бляшки, накладки

А. *Круглая бронзовая гвоздевидная с нарезками по краю* (рис. 37: 3).

Смяч (1 экз.) (Горюнов, 1974б, рис. 1: а).

Е.А. Горюнов датировал это изделие концом IV – VI в. (Горюнов, 1981, с. 22), Р.В. Терпиловский – V в. (Терпиловский, 1985, с. 96, рис. 17). Аналогии известны в Подунавье и на Северном Кавказе. В 2010 г. аналогичная бляшка была обнаружена на поселении Ксизово-19 в Верхнем Подонье (раскопки А.М. Обломского). Этот памятник относится к культурной группе типа Чертовицкого-Замятино, которая датируется концом IV – V в. (Обломский, 2007б). В Среднем Подунавье аналогичное изделие с серебряной головкой и бронзовым шпеньком происходит из знаменитого комплекса в Унтерзибенбрунн (Nothnagel, 2008, Taf. 17: 19), очень близкие бляшки известны на могильнике Виминачиум (Ivanišević et alii,

2006, fig. 13: 11), на Северном Кавказе – в погр. 6 могильника Чми, которое по А.В. Мастыковой датируется 360/370 – 500/510 (Мастыкова, 2009, с. 253, рис. 49: 18). В могильнике Дюрсо такая накладка происходит из конского погребения 10, где она была украшением узды (Дмитриев, 1979, рис. 3: 11). Погребение по хронологической системе М.М. Казанского точно не датируется, но явно относится к раннему этапу могильника (фазы 1-3), общие хронологические границы которого – 430/440 – 530/540 гг. (Казанский, 2001, с. 46-52).

Б. *Бронзовая, с орнаментом пирамидками* (рис. 37: 4).

Посудичи (1 экз.) (Третьяков, 1974, рис. 2: 8).

Как было отмечено выше, является одним из изделий верхнеднепровского ювелирного очага по А.К. Амброзу.

В. *Геральдического стиля* – 7 экз. (рис. 37: 5-11).

Лебяжье-1 (бронза, 3 экз., из них одна – Т-образная) (Родинкова, 1996а, рис. 103: 12, 17, 18); Лебяжье-1 (кость, 1 экз.) (Родинкова, 1996а, рис. 103: 21); Большие Будки (бронза, 1 фрагмент) (Горюнова, Родинкова, 1999, рис. 45: 2); Никодимово (бронза, 1 экз.) (Шмидт, 2003, табл. 24: 5); Кривец-4 (бронза, 1 экз.).

Г. *Прямоугольные пластинчатые без орнамента* – 5 экз.

Никодимово, из клада (3 экз., бронзовые, покрытые серебром) (Седин, 1994, рис. 1: 6-9); Демидовка (2 экз., серебро, вместе с пряжкой с хоботовидным язычком) (Шмидт, 1970, рис. 4: 2).

Д. *Прямоугольные бляшки с прямоугольным внутренним орнаментальным полем с горизонтальными параллельными насечками*.

Никодимово, поясной набор из клада (16 целых экз. и 15 крупных фрагментов и серия мелких, бронза, покрытая серебром) (Седин, 1994, с. 16, 17, рис. 1: 14-17; Шмидт, 2003, табл. 24: 2,3).

Е. *Гантелевидные*.

Никодимово, поясной набор из клада (2 экз., бронза, покрытая серебром) (Седин, 1994, рис. 1: 12, 13).

Ж. *Скобообразные*.

Никодимово, поясной набор из клада (не менее 4 экз., бронза, покрытая серебром) (Седин, 1994, рис. 1: 6-9).

З. *Фрагментированные пластинчатые без орнамента*.

Колодезный Бугор (2 фрагмента) (Третьяков, 1974, рис. 16: 7, 8); Кривец-4 (2 фрагмента).

Бляшки свинцово-оловянистые

Шишино-5 (1 экз., прямоугольная с выпуклыми окружностями по одной из сторон) (Обломский Завьялов, 2003, рис. 2: 3) (рис. 37: 12); Никодимово, клад (1098 целых и 68 фрагментов бляшек в виде парных выпуклостей с перемычкой, несколько фрагментов умбоновидных накладок, два слитка с насечками «ёлочкой» на поверхности) (Седин, 1994, с. 17, рис. 1: 18, 19, 21-25).

Вежки. В публикации материалов среднего (колочинского) горизонта городища приводится рисунок двух треугольных изделий с овальными в сечении и круглыми в плане выступами в верхней части, с мелким орнаментом в виде точек по краям треугольника (Колосовский, 2016, рис. 3: 6, 7). У одной из них (№ 6) в центре имеется более крупная точка, у другой (№ 7) – три прорези с горизонтальным поясом из мелких прямоугольников между ними. Автор публикации интерпретирует их как подвески из серебра. Подвесками эти вещи явно служить не могли, поскольку ушек для подвешивания у них не было. Эти вещи очень похожи на нашивки «трапециевидные вытянутые с узким основанием и круглой головкой» по классификации изделий из свинцово-оловянистого сплава О.А. Щегловой (Щеглова, 2009, с. 46, рис. 2: 16, 22). Бело-сероватые свинцово-оловянистые изделия часто путают с серебряными.

* * *

М.М. Казанский отмечает, что комплекс боевых средств в лесной зоне включает копье с длинным пером на короткой втулке или с малым пером на длинной втулке, двушипный втульчатый дротик, узколезвийный топор, лук и черешковые или втульчатые с листовидным, ромбическим пером, реже двушипные стрелы. Снаряжение коня и всадника состоит из двух или трехчастных удил, шпор с шипами, подпруг с прямоугольными железными пряжками (Казанский, 2008, с. 305). Все эти элементы присущи и населению колочинской культуры. В качестве защитного вооружения изредка использовались кольчуги (Никодимово, Кривец-4) и доспех (или его детали) из пластин. Имеются также сведения о применении клинкового оружия (обломок меча и ножи из Никодимово, фрагмент перекрестья из Красного-4). Колочинское население начало использовать бронебойные стрелы, которые впоследствии станут весьма популярными в древнерусский период.

Как указано в многочисленных работах по археологии Восточной Европы эпохи раннего средневековья, пояса, богато украшенные накладками, являлись признаком статуса мужчины-воина. В этом отношении показателен пояс из клада в Никодимово с покрытыми серебром накладками, к которому привешены ножи в ножнах и кресало. Пояса также могли использоваться и в женском костюме, хотя прямых данных в этом отношении для территории колочинской культуры нет, поскольку вещи происходят либо из бедных инвентарем могильников с сожжениями и с поселений, где они разрознены, либо из кладов, куда зачастую входят как женские, так и мужские предметы.

По наблюдениям В.М. Горюновой, разнообразные нашивные украшения из свинцово-оловянистого сплава в эпоху раннего средневековья широко распространены на территории Центральной и Восточной Европы. Они использовались не только в поясных наборах, но, вероятно, в украшении одежды, конской узда и т.д. Кроме перечисленных выше памятников, около 1200 таких изделий происходит из клада ремесленника-ювелира, обнаруженного на колочинском поселении Большие Будки (Хутор). В.М. Горюнова приводит список свинцово-оловянистых бляшек, найденных в кладах круга «древностей антов», отмечает, что эти изделия были обычными деталями костюма населения лесостепной и юга лесной зоны (Горюнова, 1987).

В появившейся после выхода статьи В.М. Горюновой публикации Гапоновского клада, который, так же как и Большебудковский, относится к первой группе днепровских комплексов и найден на колочинском поселении, содержатся сведения о 170 свинцово-оловянистых предметах, в т.ч. о 166 ворворках разных размеров, трех нашивных бляшках и одной крупной бляхе. В составе клада были и слитки свинца (Обломский, 1996б, с. 16-17).

В опубликованной недавно статье О.А. Щегловой вывод о чрезвычайно широком распространении в культурах раннего средневековья, в т.ч. и колочинской, не только свинцово-оловянистых изделий, но и остатков их производства был подтвержден на материале, значительно превышающем тот, которым располагала В.М. Горюнова. Мода на эти украшения шла с юго-запада (территория Румынии и Поднестровья) на северо-восток. Предметы из свинцово-оловянистого сплава в кладах «древностей антов» первой группы были частью этого процесса (Щеглова, 2009).

Украшения

Головные жгуты

Вежки, клад. В его состав входили остатки не менее чем двух жгутов в виде шнура с обмоткой из проволоки (Колосовский, 2009, с. 153). Подобные украшения головы в раннем средневековье встречаются в Прибалтике и распространены у волго-окских финнов (Краснов, 1980, с. 41-42). Для колочинской культуры уникальны. Вкладах круга «древностей антов» они также не встречены.

Шейные гривны

Вежки, клад. В комплекс входили две бронзовые гривны из дрота с обмоткой у концов и подтреугольными петлями для застегивания на них (у каждого экземпляра – по одной вертикальной и по одной горизонтальной петле) (Колосовский, 2009, с. 153) (рис. 11: 6, 7).

О.А. Хомякова в своей кандидатской диссертации о женских украшениях римского времени Юго-Восточной Прибалтики рассмотрела ранние находки этих гривен в регионе. По ее наблюдениям, в Прибалтике экземпляры с обмоткой и похожими петлями появляются в период C1b центральноевропейской хронологической системы, т.е. во второй трети III в. В III-IV вв. похожие украшения известны на территории *Germania Libera*, на памятниках пшеворской, вельбарской и черняховской культур. Гривны с массивными концами бытовали в Прибалтике в раннем средневековье и позднее (Хомякова, 2010, глава I.6.3; Седов, 1987, с. 361, табл. CV: 17; CXV: 5). Гривны с обмоткой и подобными замками, но с напускными бусинами на ободке появились в культуре рязано-окских могильников в период 2а по И.В. Белоцерковской (конец III – IV в.) (Белоцерковская, 2007, признак 33, с. 200, рис. 3: 17). На древнемордовских могильниках Среднего Поволжья такие вещи хорошо известны на стадии 8 (VI-VII вв.) (Вихляев и др., 2008, рис. 4: 16: 4; 19: 4).

В Поднепровье гривны с замками в виде петель встречены вкладах «древностей антов» первой группы: в Мартыновке (гладкая) (Корзухина, 1996, табл. 14: 1), Судже (с обмоткой) (Корзухина, 1996, табл. 62: 3; 63: 1), Трубчевске (с тордированной и гладкой дужками (Приходнюк и др., 1996, рис. 9: 1,2), Гапоново (с обмоткой) (Обломский, 1996б, рис. 16: 1). При этом петли у многих из них лежат в одной плоскости, а не направлены перпендикулярно друг другу, как у гривен из Вежек. Отличие экземпляров из Вежек

заключается и в форме концов: они – подтреугольные, а не овальные, как в южных днепровских комплексах. По всей видимости, гривны из Вежек представляют собой творческую переработку двух традиций: южной днепровской и прибалтийской.

Фибулы

А. Железная двучленная прогнутая подвязная (рис. 37: 17).

Никодимово (1 экз.) (Гавритухин, Седин, 2014, рис. 1: 1). Отнесена И.О. Гавритухиным к субгруппе византийских фибул, аналогии датируются в рамках VI – третьей четверти VII в. (Гавритухин, Седин, 2014, с. 120).

Б. Железная двучленная с круглой в сечении дугообразной спинкой, сплошным приемником и узким плоским трапецевидным выступом ниже его (рис. 37: 15).

Ходосовка (Диброва) (Абашина, 1999, рис. 3: 3).

М.М. Казанский относит эту фибулу к типу Мильтенберг (Казанский, 2014, с. 185). В.Е. Родинкова объединяет фибулы из Ходосовки, Балки Осокоровки, Звонецкого порога, Куни в общую типологическую группу, подчеркивая при этом своеобразие экземпляра из Ходосовки, и датирует их в рамках V в. с бытованием «какое-то время» в VI в. (Родинкова, 1996б, с. 125).

В. Фибулы типа Пильвины по терминологии И.О. Гавритухина или типа Прага по М. Шульце-Дорлам (железные двучленные с дугообразной спинкой, перевитой круглой дужкой, сплошным коротким приемником) – 3 экз. (рис. 37: 13, 14).

Еловщина (2 экз.) (Коваленко и др., 2009; Терпиловский, 2005, рис. 6: 2); Колодезный Бугор (1 фрагмент) (Третьяков, 1974, рис. 16: 1).

Проблема хронологии этих фибул была специально рассмотрена И.О. Гавритухиным. На основании центральноевропейских аналогий он продатировал их серединой – второй половиной V в. (Гавритухин, 1989; 2005а, с. 406).

Г. Железная двучленная с завитком на конце приемника (рис. 37: 16).

Шишино-5 (железо, 1 экз.) (Обломский, Завьялов, 2003, рис. 2: 2). Близкая находке из Шишино-5 фибула происходит с поселения Пеньковка (Луг II) (Березовец, 1963, рис. 18: 4) и из погр. 98 могильника Дюрсо (Гавритухин, 2008, рис. 1: 5). В.Е. Родинкова отмечает, что неразработанность хронологии фибул с завитком на конце приемника позволяет датировать эти экземпляры лишь в широких рамках раннего средневековья (Родинкова, 1996б, с. 129).

Специальный экскурс о подобных фибулах опубликовал И.О. Гавритухин. Он отмечает, что застежки с завитком на конце пластинчатого приемника широко распространены в Причерноморье и на Кавказе, а также в культурах, «связанных с этими регионами», в римское время. В V в. характерный завиток появляется у ряда фибул Подунавья. В середине VI в. мода на них «на западе» прекращается, но они получают распространение в Закавказье, а в VII в. – на Северном Кавказе (Гавритухин, 2008, с. 364, 365). Фибула из Шишино-5, скорее всего, датируется именно VII в.

Д. *Гибридная двупластинчато-пальчатая* (рис. 38: 1). Имеет сегментовидный щиток на головке с пятью отростками-пальцами и вытянутый листовидный на ножке с расширением ближе к дужке-перехвату, как у двупластинчатых фибул.

Мощенка (бронза, 1 экз.) (рис. 38: 1). И.О. Гавритухин датирует серию этих фибул второй половиной V в. (Гавритухин, 2004, с. 214, рис. 2: 12, 14; Гавритухин, Обломский, 2007, с. 30-31, рис. 22: 14).

Е. *Гибридная пальчато-антропозооморфная*.

Гомель (бронза, 1 фр-т) (Макушников, 1994, последняя цветная вкладка) (рис. 38: 3).

Неорнаментирована. На головке имеется щиток, имитирующий сегментовидный, с пятью отростками-пальцами. У сохранившейся частично пластины на ножке с расширением ближе к дужке по бокам имеются два выступа с отверстиями – рудименты птичьих головок. Сама пластина на ножке по форме близка к тем, которые известны у антропозооморфных фибул (Родинкова, 2006, рис. 2: 10, 12, 13). Похожее сочетание нижних и верхних пластин наблюдается у фибул из Кушнареново и Скалистого, но у них на головной пластине – по три выступа. В.Е. Родинкова в своей типологической схеме развития антропозооморфных фибул помещает их рядом с серией I «простых фибул» и датирует около середины VII в. (Родинкова, 2006, с. 47, рис. 3: 23, 24).

Ж. *Пальчатая фибула из Замощанской дюны* (бронза, 1 экз.) (Липкинг, 1979, рис. 1: 11) (рис. 38: 2). Точные аналогии мне найти не удалось. Близка к фибулам типа ID И. Вернера (Werner, 1950, S. 153, Taf. 29: 25-29), но имеет подтреугольную, а не ромбическую форму нижнего щитка. Дополнительные выступы по его сторонам, кроме птичьих клювов, у застежки из Замощанской дюны отсутствуют. Похожая фибула, но отличающаяся деталями, происходит из погребения 263 могильника Братей-3 в румынском Закарпатье (Станчу, 2016, рис. 15: 14).

З. *Фибула типа Гурзуф*.

Усох (1 фрагмент ножки, медь) (Падин, 1960, рис. 2: 6). Ножка ромбическая, с характерным орнаментом в виде вписанных друг в друга ромбов. Типологически эти фибулы очень разнообразны и во второй половине V – первой половине VI в. образуют несколько серий (Гавритухин, Казанский, 2006, с. 311-314).

И. *Малые пальчатые* – 2 экз. (рис. 38: 4-5).

Никодимово (1 экз., бронза) (Седзин, 2000, рис. 4: 3; Гавритухин, Седин, 2014, рис. 2: 3); Кривец-4 (1 экз., бронза). Очень разнообразны в деталях.

Малые пальчатые фибулы, по И.О. Гавритухину, распространены в основном в Днестро-Дунайском междуречье и Мазурском Поозерье, но известны и в Поднепровье. И.О. Гавритухин датирует фибулы этой подгруппы в основном VII в., не исключая их появления раньше – отдельных типов около середины VI в. Тем не менее малая пальчатая фибула входила в Зайцевский клад не первой (ранней), а второй группы днепровских комплексов круга «древностей антов» (Приходнюк, 2000, с. 68, рис. 8). Этот факт, наряду с находкой подобной фибулы в сгоревшей в начале – середине VIII в. постройке 2 Пастырского городища вместе с костями женщины и характерной пастырской гончарной керамикой, показывает, что некоторые экземпляры малых пальчатых застежек могли использоваться и позже времени их основного употребления (Гавритухин, 2005а, с. 430; Приходнюк, Вакуленко, 1998, с. 132-133; Приходнюк, 2005, с. 18).

Фибула из Кривца по форме, размерам и орнаментации весьма похожа на застежку из поселения Сурская Забора у с. Волошское, где она найдена с материалами пеньковской культуры (Корзухина, 1996, табл. 108: 1), и на фибулу «из Венгрии», которую И. Вернер отнес к типу II (Werner, 1950, S. 155, Taf. 30: 47).

Фибула из Никодимово, как отмечает И.О. Гавритухин, относится к славянской группе I по И. Вернеру или к поствосточногерманской днестро-дунайской подгруппе, типу III (гладких), блоку вариантов Г по И.О. Гавритухину. «Дата типа III может быть определена в рамках середины VI – VII вв., судя по всему, ближе к середине этого отрезка или исключая его раннюю часть, учитывая длительность бытования фибул рассматриваемой подгруппы» (Гавритухин, Седин, 2014, С. 123). В.Е. Родинкова считает, что фибулы типа III могли существовать и позже – в первой половине – середине VIII в. (Родинкова, 2010, с. 266).

К. *Большие пальчатые* – 6 экз. (рис. 39: 1-6).

Никодимово (1 целая, 3 фрагментированные из бронзы) (Седзін, 1994; 2000, рис. 4: 1, 2, 5, 6; Гавритухин, Седин, 2014, рис. 1: 2; 2: 4-6); Кривец-4 (2 фрагмента ножек из бронзы) (Андреев, Филимонова, 2008, рис. 2: 11).

Те фибулы, головки которых сохранились, относятся к поствосточногерманской днепровской подгруппе по И.О. Гавритухину (Гавритухин 1996а, с. 36; рис. 50: 2-6, 14, 14). Не исключено, что некоторые экземпляры, от которых до нас дошли только ножки, в верхней части имели отростки не в виде пальцев, а в форме птичьих голов (Родинкова, 2004, рис. 1: 17-22, 41-43; Гавритухин, Седин, 2014, с. 124, 125). Фибулы этих двух групп широко распространены в Восточной и Центральной Европе, но преимущественно встречаются в лесостепном Поднепровье и в Крыму. В Поднепровье они входят в состав кладов т.н. древностей антов первой группы по О.А. Щегловой (Щеглова, 1990, с. 169-175).

Специально пальчатые фибулы из Никодимово рассмотрены в статье И.О. Гавритухина и А.А. Седина. Фрагмент верхней части фибулы (рис. 39: 3), которая ранее была отнесена к днепровским, в этой работе соотносится «с переработками восточногерманских фибул, восходящих к скандинавским образцам» (Гавритухин, Седин, 2014, с. 121).

Хронология днепровских пальчатых фибул в последнее время является дискуссионной. Согласно точке зрения А.К. Амброза, их находки в Крыму относятся к IV периоду могильников юго-западной части полуострова и условно датируются серединой – второй половиной VII в. Изделия из кладов типа Мартыновского в Среднем Поднепровье он относил к тому же времени (Амброз, 1988, с. 11). А.И. Айбабин в погребениях могильников Юго-Западного Крыма на значительно большем по объему материале, чем тот, которым располагал А.К. Амброз, отнес днепровские пальчатые фибулы и застёжки с каймой из птичьих голов к VII в. в целом (группы 8 и 9 его системы относительной хронологии) (Айбабин, 1999, с. 150-158, 276-280). А.Г. Фурасьев, рассмотрев заново периодизацию крымского могильника Суук-Су, отметил, что большинство днепровских пальчатых фибул и застёжек с каймой из птичьих головок в Крыму датируются второй – третьей четвертью VII в., но указал при этом, что наиболее ранние комплексы с ними появляются «не позднее первой четверти VII в.» (Фурасьев, 2010, с. 135), т.е. фактически

подтвердил датировки А.К. Амброза и А.И. Айбабина. По И.О. Гавритухину, как днепровские пальчатые фибулы, так и застёжки с каймой из птичьих голов распространены в основном во второй-третьей четверти VII в. (Гавритухин, 1996в, с. 93; Гавритухин, 2001, с. 30). Клады типа Мартыновского, в состав которых входят такие вещи, И.О. Гавритухин датирует второй половиной (скорее, третьей четвертью) VII в. (Гавритухин, 1996в, с. 93-95). А.В. Комар синхронизирует днепровские клады первой группы по О.А. Щегловой со вторым и третьим периодами выделенной им перещепинской культуры кочевников (643-698 гг.), наиболее поздними считая при этом Мартыновский и Гапоновский комплексы (Комар, 2006, с. 124-127). Ко второй половине VII в. относил днепровские клады первой группы и О.М. Приходнюк (Приходнюк, 2000, с. 67).

Вещи «мартыновского круга», в т.ч. и днепровские пальчатые фибулы, датирует в широких пределах «конца VI/рубежа VI-VII – середины/третьей четверти VII в.» В.Е. Родинкова (Родинкова, 2010б, с. 265). Недавно она опубликовала клеймо на обломке серебряного византийского сосуда из нового клада в Судже-Замостье, наиболее поздние предметы из которого аналогичны происходящим из днепровских комплексов первой группы. По заключению эксперта В.Н. Залесской, в тексте клейма упомянут византийский император Константин IV (668-685 гг.) (Родинкова, 2012а, с. 151-153; 2012б, с. 194-195) Таким образом, мнение о том, что днепровские пальчатые и «птицеголовые» фибулы относятся ко второй – третьей четверти VII в. стало уже традиционным.

Другую точку зрения недавно высказал Ф. Курта. Опираясь преимущественно на находки монет, он дал свою интерпретацию комплексов с пальчатыми фибулами от Дуная до Днепра и Крыма. По его мнению, эти застёжки датируются концом VI – первой половиной (скорее, началом) VII в. Ко времени не позднее первой половины VII в. относятся и днепровские клады типа Козиевки-Новой Одессы, Гапоново, Мартыновки, погребения-ингумации с вещами круга этих кладов типа Мохнача (Курта, 2011, с. 159-163). Пересмотр хронологии пальчатых фибул, как и упомянутые выше ранние даты геральдической поясной гарнитуры в Поднепровье, тесно связаны с проблемой финала колочинской культуры (см. ниже).

Л. *Антропоморфные (бронза)* (рис. 39: 7, 8).

Никодимово (2 фрагмента: головки и ножки) (Седзін, 2000, рис. 4: 4; Родинкова, 2006б, с. 47,

рис. 2: 5, 8; Гавритухин, Седин, 2014, рис. 2: 7, 8). Оба обломка, по классификации В.Е. Родиной, относятся к подгруппе простых антропоморфных фибул, фрагмент головки – к подгруппе в целом, ножка – к серии I.2.A или I.2.B. Все простые антропоморфные фибулы, как типологически ранних, так и развитых серий, датируются в пределах VII в. В статье И.О. Гавритухина и А.А. Седина для фибулы, у которой сохранилась головка, называется более узкая дата: 1-я половина – 3-я четверть VII в. (Гавритухин, Седин, 2014, с. 126).

М. *Двуластинчатая* (рис. 39: 9).

Демидовка (1 фрагмент ножки, бронза) (Шмидт, 1970, рис. 3: 3). Судя по рисунку, фибула относится к группе 21, второй подгруппе, варианту Паа по А.К. Амброзу, который относил их бытование, примерно, к 20-50-м гг. V в. (Амброз, 1966, с. 88-89). Я. Тейрал включал такие фибулы в группу вещей, характерных для периода D2 (380/400 – 440/450 гг.) и D2/D3 (430/440 – 470/480 гг.) (Tejral, 1997, S. 335, abb. 21: 12, 14). В Крыму фибулы с похожими пропорциями А.И. Айбабин отнес к четвертой и пятой хронологическим группам (первая и вторая половины V в. соответственно) (Айбабин, 1999, с. 262-268).

Булавки

А. *С кольцевым навершием с выступом сверху* (рис. 40: 1).

Лебяжье-1 (железо - 1 экз.) (Тихомиров, 1990, рис. 5: 3).

Б. *Посоховидные* – 3 экз. (рис. 40: 2)

Тайманово, могильник, погр. 126 (железо, 1 фрагмент) (Поболь и др., рис. 14: 13), Демидовка (железо, 1 экз.) (Шмидт, 2003, табл. 20: 6); Близнаки (железо, 1 экз.) (Шмидт, 2003, табл. 20: 8)¹⁸.

В. *С петлевидной головкой* – 2 экз. (рис. 40: 3).

Тайманово, могильник, погр. 121 (бронза, 1 экз.) (Поболь и др., 2003, рис. 14: 19); Демидовка (железо, 1 экз.) (Шмидт, 2003, табл. 20: 5).

Височные кольца

А. *Бронзовое спиральное височное кольцо* (рис. 40: 4).

Случевск (1 экз.) (Шинаков, 1986, рис. 2).

Височные кольца с закрученным в спираль одним из концов типичны для кладов «древностей антов» первой группы (Гавритухин, Щеглова, 1996а, с. 53).

Б. *Височные кольца с расширенными круглыми концами* (рис. 40: 5-16).

Демидовка (12 экз. серебро) (Шмидт, 2003, табл. 21: 2, 4, 6, 8, 10, 12; 22: 6-8, 16, 17, 19)

М.М. Казанский относит кольца из Демидовки к группе т.н. браслетообразных, которые считает одним из показателей летто-литовского влияния на территории лесной зоны (Казанский, 1999, с. 406-407, рис. 2: 1, 2). Височные кольца на памятниках типа Банцеровщины и на территории Литвы, которые упоминает М.М. Казанский, несколько иные: у них, как правило, один или оба конца заострены, иногда одно из окончаний свито в колечко (Медведев, 2011, с. 231). Кольца из Демидовки имеют расширенные концы. Аналогии им происходят из «антских кладов» первой группы по О.А. Щегловой, причем известны как неорнаментированные экземпляры, так и изделия с окончаниями, украшенными так же, как браслеты (Обломский, 1996б, рис. 16: 2, 3; 17-19; Корзухина, 1996, табл. 64). Находки из Демидовки демонстрируют, таким образом, не северо-западные, а южные связи колочинского населения Верхнего Поднепровья.

В. *Бронзовые височные кольца из дрота, один из концов которых расширяется в листовидную лопасть* (рис. 11: 1-3).

Вежки, клад, 3 экз. (Колосовский, 2009, с. 153). Для Поднепровья V-VII вв. уникальны. Отдаленную аналогию представляют собой височные кольца с нижней широкой лопастью, которые распространены позднее в VIII – IX вв. в культуре смоленских длинных курганов (Седов, 1995, рис. 66: 1, 2, 6, 7; Нефёдов, 2009, рис. 2: 5-13), но эти украшения отличаются от происходящих из Вежек меньшими размерами, лопастью, которая охватывает не участок у конца изделия, а примерно половину его, наличием крючка на конце. В.В. Седов предположил, что серповидные кольца культуры смоленских длинных курганов связаны по происхождению с изделиями из Верхнего Подунавья. Эта идея вызвала вполне заслуженную критику В.С. Нефёдова (Нефёдов, 2009, с. 38-39), хотя он сам и не смог указать однозначных прототипов смоленских колец. Не исключено, что кольца из смоленских длинных курганов были дериватами вещей, похожих на экземпляры из Вежек.

Серьга

Фрагмент плоского многоугольного окончания т.н. звездчатой серьги (рис. 40: 19).

Никодимово (1 фрагмент, бронза) (Шмидт, 2003, табл. 24: 8).

¹⁸ Принадлежность булавок из Демидовки и Близнаков колочинской культуре находится под сомнением, поскольку на памятнике есть горизонт раннего железного века, т.е. периода, когда в лесной зоне использовались похожие изделия.

Фрагмент серьги из Никодимово очень близок к экземпляру из постройки VI поселения Семенки, которая относится к пражской культуре. По типологическим соображениям И.О. Гавритухина, прототипами таких сережек послужили изделия из днепровских кладов группы 2а и находки на Пастырском городище, дериваты представлены в Зайцевском кладе группы 2б. Украшение из Семенков датируется «последними десятилетиями VII – первыми десятилетиями VIII в.» (Гавритухин, 2005а, рис. 25: 1; с. 434). Обломок серьги из Никодимово – типологически наиболее позднее украшение из числа найденных на колочинских памятниках.

Детали ожерелья

Подвески

А. *Умбовидная* (рис. 40: 17).

Каменево-2 (билон или серебро, 1 экз.) (Родинкова, 1996а, рис. 104: 8).

Б. *Трапецевидная* (рис. 40: 20).

Картамышево-2 (бронза, 1 экз.) (Горюнова, 2004, рис. 6: 7).

Подвески первых двух форм типичны для днепровских кладов первой группы (Гавритухин, Щеглова, 1996а), хотя и распространены значительно шире.

В. *Бронзовая круглая монетовидная с тремя концентрическими окружностями на одной из сторон* (рис. 40: 21).

Кривец-4 (1 экз.).

Г. *Конические бронзовые колокольчики* – 4 экз. (рис. 40: 18, 22, 23)

Никодимово (2 экз. с ушком для подвешивания и концентрическими кругами на поверхности) (Шмидт, 2003, табл. 5: 9; 24: 13); Кривец-4 (бронзовый литой тонкостенный конический колокольчик с вдавлениями по краю); Вежки (Колосовский, 2016, рис. 3: 8).

Аналогии коническим колокольчикам с верхним ушком, иногда орнаментированным концентрическими кругами на поверхности, известны вкладах «древностей антов» первой группы (Корзухина, 1996, табл. 44: 5, 6, 8, 9; 54: 1-11; Обломский, 1996б, рис. 22: 16-19; 23: 19, 20).

Пронизи бронзовые

А. *Спиральные* – 5 экз. (рис. 40: 24-26).

Лебяжье (1 экз.), (Тихомиров, 1990, рис. 6: 63, у Ю.А. Липкинга нет); Акатово (1 экз.) (Шмидт, 1963, рис. 12: 3); Тайманово, могильник, погр. 114 (2 экз.) (Поболь и др., 2003, рис. 14: 18); Никодимово (1 экз.) (Шмидт, 2003, табл. 24: 14).

Б. *Пластинчатые* – 3 экз. (рис. 40: 26-28).

Акатово (1 экз.) (Шмидт, 1963, рис. 12: 2); Каменево-2 (с пуансонным орнаментом на концах – 1 экз.) (Родинкова, 1996а, рис. 104: 7); Кривец-4 – 1 экз.

Бусы

А. *Стеклянные* – не менее 14 экз.

Большие Будки (Хутор) (1 экз.) (Горюнова, Родинкова, 1999, рис. 45: 3); Картамышево-2 (6 экз.) (Горюнова, 2004, рис. 6: 5,10); Тайманово, могильник, погр. 156 (синяя 14-гранная) (Поболь и др., 2003, рис. 14: 17); Никодимово («многочисленные стеклянные бусы») (Седзін, 2000, с. 39); Кривец-4, постройка 1 раскопа 3 (округлая бусина красного глухого стекла); Вежки (5 экз.) (Колосовский, 2016, рис. 3: 1-5).

Б. *Янтарные* – 26 экз.

Никодимово (15 экз., форма бочонковидная, цилиндрическая, шайбовидная, угловатая, каплевидная, неправильная, есть необработанные обломки янтарных зерен) (Седин и др., 1999, с. 53, 54; рис. 3). Янтарь сходен с прибалтийским по химическому составу (Седин и др., 1999, с. 54). Вежки (11 экз. целых и фрагментированных) (Колосовский, 2016, фото 20).

В. *Хрустальная многогранная*.

Картамышево-3 (1 экз.) (Щеглова, Бажан, 1983, рис. 2: 8, с. 65, 66). Аналогии подобным бусинам авторы находят в Суук-Су и Цебельде и датируют второй половиной VI – VII в. По новым хронологическим разработкам А.В. Мастыковой, в цебельдинских могильниках такие бусы относятся к стадии IV/9 (450-550 гг.) (Мастыкова, 2011, с. 142, рис. 3: 9).

Браслеты

А. *С расширенными круглыми концами* – 27 экз. (целые и фрагментированные) (рис. 41).

Большие Будки, городище (1 экз., бронза) (Ильинская, 1968, рис. 3; Горюнов, 1981, рис. 14: 5); Лебяжье-1 (3 фрагмента) (Тихомиров, 1990, рис. 6: 44, 47, 71); Лебяжье-1 (3 фрагмента, один с кольцеобразными нарезками по краю) (Тихомиров, 1990, рис. 6: 49, 76, 109; у Ю.А. Липкинга нет), В.Е. Родинкова упоминает еще несколько браслетов этого типа из Лебяжьего, но они не опубликованы (Родинкова, 1996а, с. 157); Картамышево-2 (2 фрагмента, бронза, один – с концентрическими кругами) (Горюнова, 2004, рис. 6: 2, 11); Бездрик (1 фрагмент, свернутый в кольцо, бронза) (Обломский и др., 2011, рис. 6: 5); Никодимово (2 целых и 3 фрагментированных экз.; один целый – с концентрическими кругами, второй целый – с концентрическими кругами и сеткой, есть заготовки, бронза) (Родинкова, Седин,

2004, рис. 4: 2-6); Акатово (2 фрагментированных экз., бронза, 1 целый экз., бронза, 2 целых экз., серебро) (Шмидт, 1963, рис. 12: 1, 4; 2003, табл. 22: 11, 12; 22: 11-14, 18); Близнаки (1 фрагмент из серебра; 2 фрагмента из бронзы; 2 целых экз. из бронзы) (Шмидт, 1976, рис. 49: 21; 2003, табл. 20: 13; 21: 1, 3, 5, 7); Усох (1 фрагмент с концентрическими кругами на концах, медь) (Падин, 1960, рис. 2: 5); Кривец-4 (бронза и/или белый металл – 2 фрагмента с украшенными параллельными и крестообразными насечками, сохранившимися концами) (Андреев, Филимонова, 2008, рис. 2: 2).

Браслеты этой группы в раннем средневековье наиболее широко распространены на территории лесной и лесостепной зоны Восточной Европы, в том числе они достаточно часты вкладах «древностей антов» первой группы по О.А. Щегловой (Гавритухин, Щеглова, 1996а, с. 53). На памятниках колочинской культуры встречены как экземпляры с орнаментом, так и неорнаментированные. Украшаются обычно концы изделий, излюбленные мотивы – концентрические круги, косая сетка, крестообразные нарезки.

Б. *С сегментовидными очень широкими концами* – 18 экз. (рис. 11: 4, 5; 42; 43).

Воробьевка-2 (1 экз. из бронзы, богато орнаментированный) (Сымонович, 1974, рис. 3: 12); Никодимово (13 экз. целых и фрагментированных с орнаментированными концами и без орнамента; один из серебра, остальные – из бронзы) (Родинкова, Седин, 2004, рис. 1, 2, 3: 1, 2); Вежки (2 экз. из клада, есть обломки из культурного слоя) (Родинкова, Седин, 2004, рис. 3: 7, 8, с. 243, публикация клада: Шмидт, 2003, табл. 25); Кисели (2 экз.) (Родинкова, Седин, 2004, рис. 3: 5, 6).

Браслеты этой группы могут не иметь орнамента, но чаще они украшены сложными гравированными композициями из треугольников, полос, волн, насечек-ёлочки, как правило, организованных в зоны, перпендикулярные корпусу. Их исследованию посвящена статья В.Е. Родиновой и А.А. Седина. Авторы пришли к выводу, что такие браслеты являются локальным вариантом украшений из верховьев Немана и Березины, Оршанского Поднепровья, верхнего течения Западной Двины (Родинкова, Седин, 2004, с. 244), т.е. они характерны не столько для колочинской культуры, сколько для определенной территории.

В. *С овальными расширенными концами* (рис. 12: 5-8).

Могилёв-Змеёвка (4 экз. из бронзы, концы трех орнаментированы ёлочкой, одного – концентрическими кругами) (Марзалюк, 2011, рис. 17).

Г. *С овальными расплюснутыми концами* – 2 экз. (рис. 44: 1, 2).

Александровка-1 (1 экз. из бронзы) (Терпиловский, Шекун, 2004, рис. 11: 6); Кривец-4 (1 фрагмент, на расплюснутом конце – прямоугольные вдавления).

Подобные браслеты, в том числе и с орнаментом в виде прямоугольных вдавлений на концах, на территории Восточной Европы распространены широко, но, как и целый ряд перечисленных выше вещей, происходят из днепровских кладов первой группы (Корзухина, 1996, табл. 22: 48-51; 51: 2-12; 104: 1-5).

Кольца из цветных металлов

А. *Со слабо расширенными концами, имитирующие браслеты* – 10 целых и фрагментированных экз. (рис. 45: 3-18).

Княжий (бронза, 1 экз.), (Липкинг, 1974, рис. 2: 12); Демидовка (2 экз. с одним расширенным концом, а вторым заостренным, серебро; 3 таких же из бронзы; 1 экз. из серебра с двумя расширенными концами) (Шмидт, 2003, табл. 21: 9, 11; 22: 1-3, 5); Акатово (с двумя расширенными концами, 1 экз. бронза, 2 экз. серебро) (Шмидт, 2003, табл. 22: 13, 14, 18).

Б. *Одинарные бронзовые из дрота* (рис. 45: 7).

Картамышево-2 (2 экз.) (Горюнова, 2004, рис. 6: 15); Новый Быхов (2 фрагмента, у одного конец заострен) (Поболь, 1974, рис. 7: 6, 7, 8); Тайманово, могильник, погр. 29, 57, 67 (1 экз. целый и 5 фрагментов) (Поболь и др., 2003, рис. 14: 9-11).

В. *Одинарное из пластины*.

Бездрик (из свернутой пластины, 1 экз.) (Обломский и др., 2011, рис. 6: 6).

Г. *Два сцепленных кольца* – 2 пары (рис. 45: 13, 14).

Новый Быхов (бронза, 1 пара) (Поболь, 1974, рис. 7: 6); Бездрик (бронза, 1 пара) (Обломский и др., 2011, рис. 6: 7)

Д. *Бронзовый спиральный перстень*.

Роище (1 экз.) (Терпиловский, Шекун, 1996, рис. 48: 4).

Ворворки

Усеченно-коническая с прорезями по бокам.

Вежки (1 экз., бронза) (Колосовский, 2016, рис. 3: 9). Назначение этих предметов загадочно. Аналогичная вещь входила в состав Гапоновского клада (Обломский, 1996а, рис. 23: 22).

* * *

Убор, который носили колочинские женщины (по крайней мере, южной и юго-восточной части ареала этой культуры), соответствовал представленному вкладах древностей антов первой группы. Нужно учитывать, что этот набор украшений характерен для финальной стадии культуры. Сравнительно полное представление о нем мы получили лишь потому, что он был сокрыт вкладах, связанных, видимо, с разгромом населения колочинской и пеньковской культур Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья. Комплексы вещей, отражающих более ранний убор, нам неизвестны. Приведенные выше данные показывают, что фибулы носили начиная с возникновения колочинской культуры, их типы были разнообразными и в целом соответствовали центральноевропейской и южной моде, не исключая творческих переработок. То же самое справедливо и для поясных наборов. В состав убора входили височные кольца, браслеты и ожерелья, о чем свидетельствует такой относительно ранний памятник, как Демидовка.

Костюм населения Верхнего Поднепровья, очевидно, отличался от южного. Несмотря на немногочисленность находок, только в этом регионе известны головные жгуты, своеобразные гривны, височные кольца с нижней расширенной лопастью (клад из Вежек). Преимущественно в этом регионе (за исключением находки в Воробьевке) распространены браслеты с сегментовидными расширенными концами.

7. Периодизация и хронология, проблема происхождения и дальнейших судеб населения

Тема этого раздела представляет собой несколько связанных друг с другом вопросов, поскольку хронологические рамки любой культурной группы не могут быть определены только по датирующим вещам, происходящим из ее комплексов. Для надежного датирования археологической общности на какой-то определенной территории нужно учитывать финальные даты предшествующих и начальные – последующих археологических культур, а также наличие или отсутствие преемственности изучаемой культуры с более ранними и более поздними, т.е. исходить из смены культурно-хронологических горизонтов в рамках общей колонки древностей.

В современной литературе утвердилось мнение, что колочинская культура связана по происхождению с деснинским вариантом киевской археологической общности (Обломский, 1996б, там историография). В последнее время серию новых аргументов в пользу этой концепции привели Р.В. Терпиловский, Н.В. Лопатин и А.Г. Фурасев (Терпиловский, 2004б, с. 59-61; Лопатин, Фурасев, 2007а, с. 100-103).

Массовый материал колочинской культуры (лепная керамика, орудия труда из железа, пряслица и т.д.) аргументированно подразделить на хронологические этапы пока никому не удалось. Общая периодизация колочинских памятников отсутствует. В связи с проблемой происхождения колочинской культуры были предприняты попытки выделения ее раннего этапа. А.М. Обломский в южной части ареала культуры по датирующим вещам, фрагментам черняховских гончарных сосудов и жерновов из туфа отнес к нему поселения Гапоново (частично, поскольку на этом памятнике обнаружен поздний для этой культуры клад), Красное-4, Литвиновичи-3, Заярье, поздний горизонт Ходосовки-Дибровы, некоторые материалы из Колодезного Бугра¹⁹ и Яловщины, а также могильник Смяч (Обломский, 2002, с. 74). Р.В. Терпиловский предложил выделять т.н. переходные памятники, демонстрирующие перерастание традиций финала деснинского варианта киевской культуры в колочинскую (Терпиловский, 1997б, с. 113-114). Из них черты раннего колочинского керамического комплекса в наибольшей степени проявляются в Подесенье в Выгорах-2, Заярье, Колодезном Бугре, в Путивльском Посеймье – в Красном-4, Литвиновичах-3, на востоке Днепровского Левобережья – в Комаровке-2 и Песчаном, в Среднем

¹⁹ Ранее в соответствии с точкой зрения Р.В. Терпиловского, изложенной в его монографии 1984 г., я относил груболепную керамику из жилищ Колодезного Бугра к киевской культуре (Терпиловский, 1984, с. 54; Обломский, 2002, с. 74). Впоследствии мы с Р.В. Терпиловским неоднократно обсуждали материалы Колодезного Бугра и пришли к выводу, что обломки позднезарубинецких сосудов, в т.ч. и лощеных, попавшие в заполнение полуземлянок, относятся к раннему горизонту памятника, а крупные фрагменты сосудов из жилищ, как и сами постройки – к более позднему его этапу. Керамика этого последнего периода обладает колочинскими чертами и, очевидно, синхронна происходящему из культурного слоя обломку железной фибулы типа Пильвины (по И.О. Гавриутхину). Эта точка зрения изложена Р.В. Терпиловским в монографии 2004 г. (Терпиловский, 2004б, с. 60). Я ее полностью разделяю.

Поднепровье – в Ходосовке (Диброве). В Верхнем Поднепровье раннеколочинские материалы происходят из Нисимковичей-2 и Тайманово. К раннеколочинскому кругу относится также мотыльничек Смяч (Терпиловский, 2004б, с. 59-61).

В.Е. Родинкова датирующие вещи, обнаруженные на памятниках Днепровского лесостепного Левобережья и Подесенья, в т.ч. и на колочинских, разделила на 4 хронологические группы (Родинкова, 1996б). Ставшие известными после выхода этой публикации новые находки вполне укладываются в предложенную ею схему.

К первой группе (V в.) относятся фибула со сплошным приемником из Ходосовки, застежки типа Пильвины из Колодезного Бугра и новые находки из Еловщины, обломок двупластинчатой фибулы из Демидовки, гибридная «двупластинчатая-пальчатая» застежка из Мощёнки, вероятно, пряжка с круглой рамой и хоботовидным язычком из Демидовки и бронзовая гвоздевидная накладка из Смяча.

Вторую группу составляют пластинка из Посудичей, пряжка с вертикально-овальной рамой и почковидным щитком из Демидовки, т.н. фибула из Картамышево-2. Их общим признаком является резной орнамент в виде решетки, состоящей как бы из рядов вертикальных пирамидок. В.Е. Родинкова вслед за А.К. Амброзом датирует эти изделия VI в. (Родинкова, 1996б, с. 126). Учитывая уточнения хронологии пряжки из Демидовки, которые были сделаны М.М. Казанским (Казанский, 1999, с. 404) и А.Г. Фурасьевым (Фурасьев, 2001а), вещи этого стиля могли появиться раньше – во второй половине V в.

Вещи третьего хронологического горизонта – двучленные прогнутые подвязные фибулы с корпусом из узкой пластины и шарнирным креплением пружины (VI в.) – найдены на памятниках пеньковской культуры. На колочинских они пока неизвестны.

Большинство датирующих вещей относится к четвертому горизонту: большие днепровские пальчатые фибулы (Никодимово, Усох, Кривец-4), антропоморфная застежка (Никодимово), детали геральдической поясной гарнитуры (Лебяжье-1, Никодимово, Картамышево-2, Большие Будки, Кривец-4). Вещи этих групп входят в состав ранних днепровских кладов (типа Мартыновского). К этому же горизонту относятся синхронные большим днепровским малые пальчатые фибулы Никодимово, Кривца-4 и гибридная застежка из Гомеля. Одним из наи-

более поздних предметов четвертого горизонта является обломок «звездчатой» серьги из Никодимово.

В.Е. Родинкова отмечает, что на колочинских памятниках встречены также еще и цельнолитые браслеты с расширенными и с расплюснутыми концами, шейные гривны, браслетообразные и односпиральные височные кольца, трапециевидные и умбоновидные подвески, колокольчики, нашивные бляшки и накладки из свинцово-оловянистого сплава. «К сожалению, неразработанность типологических и хронологических схем, широкая территория распространения каждой из перечисленных категорий вещей не позволяют сколько-нибудь уверенно отнести их к какому-либо одному периоду относительной хронологии раннеславянских древностей. Достаточно четко можно определить лишь верхнюю границу их существования в Поднепровье. Большая часть перечисленных украшений входит в состав кладов I группы, в кладах II группы многие из них представлены уже другими разновидностями» (Родинкова, 1996б, с. 129).

Наиболее узко датируемые вещи первой хронологической группы (фибулы типа Пильвины) появились около середины V в. Тем не менее есть основания утверждать, что возникновение колочинской культуры относится к еще более раннему времени. На поселениях Гапоново, Красное-4 и Заярье обнаружены единичные обломки черняховской гончарной керамики. В Заярье, Красном-4 и Литвиновичах-3 встречены фрагменты т.н. жерновов из туфа, которые достаточно часты на поселениях черняховской культуры, а за ее пределы попадали в качестве импорта с черняховской территории. Все перечисленные колочинские селища расположены в лесостепи и в Деснинско-Сейминском Полесье, т.е. на юге колочинского ареала. Во второй половине-конце IV – начале V в. в лесостепную зону с севера проникли племена деснинского варианта киевской культуры, с которыми колочинское население связано генетически (Обломский, 1996г; 2002, с.71-75; Гавритухин, Обломский, 2007, с. 27). Анализ поздних датирующих вещей, происходящих с черняховских памятников, показал, что черняховское население покинуло Днепровское лесостепное Левобережье не в самом начале гуннского периода, а несколько позже (Гавритухин, Обломский, 2007, с. 24). Не исключено, что отдельные группы черняховского населения, оставшиеся в лесостепной зоне, также приняли участие в формировании колочинской культу-

ры, учитывая наблюдения И.В. Зиньковской за спецификой местного раннесредневекового погребального обряда. Наиболее вероятная в этой связи дата возникновения колочинских памятников на юге – вторая четверть – середина V в. (Обломский, 2002, с. 75).

По данным Н.В. Лопатина, А.Г. Фурасьева и моим, распространение населения деснинского варианта киевской культуры в лесном Поднепровье и в верховьях Западной Двины происходит в начале – середине IV в. или несколько раньше. Этот процесс охватывает достаточно большую территорию: вплоть до верховьев р. Ловать (Обломский, 2005, с. 145-153; Лопатин, Фурасьев, 2007а, с. 91). К сожалению, из-за того, что материалы ключевого для построения колонки древностей позднеримского периода – раннего средневековья селища Тайманово до сих пор полностью не опубликованы, определить, когда именно на этом памятнике завершается киевский этап и начинается следующая, колочинская, пока невозможно. Тем не менее по находкам пряжек, фрагмента двупластинчатой фибулы, наконечников стрел «гуннских» типов во второй половине V в., возможно, в начале VI в. гибнет в пожаре городище Демидовка (Казанский, 1999, с. 404), которое по набору сосудов относится к колочинской культуре (Лопатин, 1989). Таким образом, колочинский керамический комплекс сформировался и в лесной зоне ранее второй половины V в.

Ни в лесной, ни в лесостепной зоне колочинская культура не стала основой какой-либо последующей археологической общности, т.е. непосредственного продолжения она не имеет. В лесостепи, в Нижнем и Среднем Подесенье и в Гомельском Поднепровье ее сменяют памятники сахновско-волынцевского культурно-хронологического горизонта (Горюнов, 1981, с. 82-92; Макушников, 2009, с. 22-31; 2011б, с. 9; 2014, с. 373-376), связанные по происхождению с древностями типа Луки Райковецкой Днепровского Правобережья, т.е. с другим, чем колочинская, кругом славянских культур, ведущих свое начало от пражской (Щеглова, 1991, с. 45; Обломский, Щеглова, 1996; Обломский, 2002, с. 149-151). Хронологического разрыва между колочинскими и волынцевскими древностями на Днепровском Левобережье нет. О.А. Щеглова отметила, что некоторые колочинские лепные сосуды (слабопрофилированные закрытые округлобокие, тюльпановидные, цилиндро-конические) обнаружены в волынцевских жилищах

(Щеглова, 1986, с. 16, 17, рис. 1). Очевидно, эти горшки продолжали использоваться в качестве реликта.

Анализируя материалы городищ Кисели и Черкасово, авторы публикации О.Н. Левко и Ю.Н. Колосовский пришли к выводу, что «в Верхнем Поднепровье Беларуси процесс смены культур (конец VII в.) сопровождался пожарами на городищах, появлением новых типов керамики (волынцевской и Луки Райковецкой)» (Левко, Колосовский, 2003, с. 187). Мне кажется, что ситуация в этом регионе была не столь однозначной. В упомянутой публикации приводятся фрагменты сосудов, которые авторы относят к сахновско-волынцевскому кругу. Отмечу, что, как правило, эти обломки слишком малы, чтобы реконструировать формы. Ясно лишь, что у горшков из слоев, перекрывающих колочинские, были короткие, отогнутые наружу изогнутые венчики. Весьма своеобразна лепная керамика, приведенная на рис. 15 статьи. Сильно- и слабопрофилированные округлобокие горшки орнаментированы по шейке и чуть ниже небрежной волной, полосами, ромбическими композициями. Некоторые из этих сосудов подлощены. Сходство их с лепными горшками из южных памятников круга Волынцево и Луки Райковецкой невелико. Несомненно, что в Оршанском Поднепровье в раннем средневековье происходит смена культур, но утверждать, что новое население использовало керамику круга Волынцево или Луки Райковецкой, преждевременно. В целом материалы VIII-IX вв., которые откладываются на поселениях Верхнего Поднепровья в период между финалом колочинской культуры и Древней Русью, пока изучены очень слабо.

Н.В. Лопатин выделяет в этом регионе т.н. поздний керамический стиль 9. Он появляется, по его мнению, не ранее VIII в. К нему относятся толстостенные сосуды с короткими, отогнутыми наружу венчиками, коротким крутым плечом. Горшки иногда орнаментированы оттисками веревочки, зигзагами по плечу и вдавлениями пальцами по венчику. Этот стиль характерен для смоленско-полоцких длинных курганов и ранних памятников Древней Руси. «Типология керамики разработана слабо, наборы рассматриваются в литературе, как правило, суммарно» (Лопатин, 2003а, с. 64).

Таким образом, практически на всей территории колочинской культуры ее финал совпадает со сменой населения. Исключением пока явля-

ется лишь восточная часть Верхнего Подонья, но только по той причине, что памятники преддревнерусского времени здесь еще не открыты. Конец колочинской культуре положили войны. С ними связано, очевидно, сокрытие кладов круга «древностей антов» первой группы, пожары на городищах Никодимово, с которого происходит серия вещей того же набора, Кисели и Черкасово, где в слоях, перекрывающих колочинские, обнаружена керамика стиля 9 по Н.В. Лопатину. Не исключено, что эти события докатились и до верховьев р. Воронеж. По крайней мере, на поселении Кривец-4, все постройки которого сожжены в пожарах, наиболее поздние вещи раннесредневекового периода имеют аналогии в днепровских кладах типа мартыновского (Обломский, 2012б). Когда же эти войны происходили?

Разумеется, носители культуры Луки Райковецкой не могли проникнуть в Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье раньше, чем эта археологическая общность возникла в более западных областях. Типологической основой древностей круга Луки Райковецкой была пражская культура ранних славян. И.О. Гавритухин показал, что заключительная ее фаза, непо-

средственно предшествующая памятникам типа Луки Райковецкой, по вещам, происходящим из комплексов, синхронна финальному горизонту колочинской и пеньковской культур. Абсолютные даты этой фазы получены естественно-научными методами. Они варьируют в пределах середины – конца VII в. (Гавритухин, 1996 г., с. 137). В специальной работе он рассмотрел комплексы пражской культуры с датирующими вещами и сделал вывод, что она существовала в целом в IV-VII вв., причем наиболее поздние вещи относятся ко второй половине VII – первой половине VIII в. или к концу VII – началу VIII в. При этом обладающий всеми пражскими чертами комплекс керамики из постройки VI поселения Семенки, которое находится на Южном Буге, т.е. в непосредственной близости от Среднего Поднепровья, датируется по звездчатой серье «последними десятилетиями VII – первыми десятилетиями VIII в. или чуть шире» (Гавритухин, 2005а, с. 434-439).

Сведения о датах ранних памятников типа Луки Райковецкой в Среднем Поднепровье собраны в монографии Л.П. Михайлыны (Михайлина, 2007, с. 15-26). Они приведены в таблице, помещенной ниже.

Памятник	Объект	Основания для датирования	Дата
Сахновка	Жилище 9	Археомангнитный метод	Конец VII в.
Сахновка	Жилище 10	Археомангнитный метод	Конец VII – начало VIII в.
Обухов-2	Жилище 10	Серьга с окончанием в виде спирали	Не ранее VIII в.
Обухов-2	Жилище 31	Серьга с окончанием в виде пустотелой сферы с зернью	Не ранее VIII в.
Монастырѣк	Жилище 9	Дирхем Ал-Мандры	761-762 гг.

Объекты раннего этапа датируются в рамках VIII в. (Михайлина, 2007, с. 19). Из таблицы следует, что конец VII в. тоже не исключается.

Ареал памятников волынцевского типа в Среднем Поднепровье и на Днепровском Левобережье почти точно совпадает с областью, где выпали в землю днепровские клады первой группы по О.А. Щегловой (Мартыновского типа) (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 146-147). Анализ датирующих вещей показал, что распространение волынцевских древностей началось до появления специфической гончарной керамики и относится к периоду, когда в употреблении были вещи, типичные для днепровских кладов группы 2б, сменившие горизонт вещей группы 1, т.е. в первой половине VIII в. Фативижский клад, ключевой для хронологии волынцевского горизонта,

датируется около середины VIII в. (Гавритухин, Щеглова, 1996б, с. 136). Чуть более поздним временем (около 60-70-х гг. VIII в.) этот клад продатирован в опубликованной недавно статье А.В. Комара и М.А. Стрельника (Комар, Стрельник, 2011, с. 162). При этом, по мнению авторов, Фативижский комплекс входит в одну группу с найденным недавно кладом из Андрияшевки в Посулье. Последний обнаружен в жилище вместе с лепной керамикой и обломком гончарного волынцевского горшка (Жаров, Терпиловский, 2004). находка из Андрияшевки подтверждает высказанное ранее О.А. Щегловой мнение, что волынцевская гончарная керамика появилась около середины VIII в.

Из ямы 510 и жилища 31 поселения Александровка-1 в Подесенье происходит пастыр-

ская гончарная керамика, причем в последнем случае обломок изготовленного на круге сосуда найден вместе с характерной лепной посудой типа Сахновки-Волынцево (Терпиловський, Шекун, 1996, с. 40). Я.В. Володарец-Урбанович и А.В. Скиба называют еще несколько поселений, где в объектах сахновско-волынцевского горизонта также найдены сосуды пастырского типа (Роище, Стецовка, Шоссейное, Целиков Бугор, Журавка) (Володарец-Урбанович, Скиба, 2011, с. 36-37). На Пастырском городище, где производилась эта гончарная керамика, обнаружены инструменты для изготовления вещей, входивших в состав второй группы днепровских кладов (косяные шаблоны для полых граненых браслетов с расширенными концами и полусфер для сережек с шарообразной подвеской) (Приходнюк, 1994, с. 66-69). С городища происходят три клада групп 2а и 2б по И.О. Гавритухину – О.А. Щегловой (Гавритухин, Щеглова, 1996а). Пожар на Пастырском городище, таким образом, относится к первой половине VIII в. (по О.М. Приходнюку – не позднее середины VIII в.) (Приходнюк, 2005, с. 70-79). Сахновский горизонт на перечисленных выше поселениях, соответственно, должен был отложиться до этого хронологического рубежа или около него.

Как уже было отмечено выше, самые поздние вещи колочинской культуры (четвертой хронологической группы по В.Е. Родиной) аналогичны тем, которые происходят из кладов мартыновского типа. Эти клады обнаружены в том числе и на колочинской территории, и на собственно колочинских поселениях.

Учитывая приведенные данные, наиболее вероятное, исходя из общей ситуации в лесостепном Поднепровье и Подесенье, время сокрытия кладов, а также и время гибели колочинской культуры и последующая за этим смена населения относятся ко второй половине, а скорее, к третьей четверти VII в., что соответствует точке зрения большинства специалистов.

В разделах «Оружие» и «Украшения» отмечено, что в литературе высказана и альтернативная точка зрения, согласно которой выпадение в землю днепровских кладов первой группы относится к гораздо более раннему времени: к первой половине и даже к первой четверти VII в. (Г.Е. Афанасьев, Ф. Курта). Датировать эти клады первой половиной VII в. склонен и М.М. Казанский (Казанский, 2011б, с. 512). В статье, опубликованной в сборнике «Раннеславянский мир», вып. 15, он определяет время их сокрытия

в диапазоне от 620/640 до 640/650 гг. (Казанский, 2013, разд. 2.1). Удревнение даты кладов, преимущественно по находкам монет и аналогиям к отдельным вещам, влечет за собой достаточно серьезные последствия. Изменить придется хронологию всех явлений, связанных с сокрытием кладов, т.е. существенно «передвинуть вниз» всю колонку древностей Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья. Для того, чтобы это пояснить, придется вкратце рассмотреть проблему финала пеньковской и колочинской культур в ареале днепровских кладов первой группы.

А.В. Мастыкова и М.М. Казанский выделяют особый промежуточный период, начавшийся после прекращения существования пеньковских поселений и выпадения в землю кладов первой группы и продолжавшийся до наступления этапа Сахновки-Волынцево. К нему они относят гончарные центры в балке Канцерке и Мачухах, Пастырское городище, некоторые поселения, которые интерпретируются как стойбища кочевников (Чередники, Лаврики и др.), «княжеские» комплексы типа Малого Перещепино, Новых Санжар, Вознесенки. В абсолютных датах этот этап начинается в 630-650 гг. и продолжается до конца VII в. (для некоторых памятников допустимо и начало VIII в.). В это время в лесостепном Поднепровье возник некий центр власти, связанный в первую очередь с неславянским населением. М.М. Казанский считает возможным вслед за М.И. Артамоновым употреблять применительно к древностям этого пласта термин «пастырская культура» (Мастыкова, 2012, с. 139; Казанский, 2013).

Моя точка зрения на этот вопрос уже была опубликована (Обломский, 2007в; 2011а). Позволю себе кратко изложить ее, не вдаваясь в детали.

Как показали исследования О.М. Приходнюка и О.А. Щегловой, на памятниках горизонта Сахновки-Волынцево наряду с новым набором лепной посуды, связанной по происхождению с культурой Луки Райковецкой Днепровского Правобережья, встречена керамика, характерная в предшествующее время для колочинской и пеньковской культур. Таким образом, между финалом колочинской и пеньковской археологических общностей, с одной стороны, и появлением древностей сахновско-волынцевского круга в днепровской лесостепи, с другой, не было хронологического разрыва: население из-за Днепра продвинулось на восток на территорию, где продолжали обитать носители колочинской и пень-

ковской культур. Поскольку (см. выше) наиболее поздние вещи (украшения и детали ременной гарнитуры), известные на колочинских и пеньковских памятниках, относятся к тем же типам, что и входящие в состав кладов мартыновского круга, то последние должны были выпасть в землю либо непосредственно перед миграцией днепровского правобережного славянского населения на восток, либо в результате вызванных ею военных действий.

Гончарная керамика типа Балки Канцерки – Мачух встречена не только на памятниках, которые М.М. Казанский относит к пастырскому горизонту на Днепровских порогах и в лесостепном Днепровском Левобережье или синхронизирует с ним (собственно Пастырское, Полузорье-2, Белокопи, Лаврики, Вознесенка, Келегеи и др.), но и на пеньковских поселениях (новые сводки см. в: Володарец-Урбанович, Скиба, 2011, с. 38, 39; Володарец-Урбанович, 2012). Пастырский гончарный центр начал производство керамики еще в период существования пеньковской культуры. Эта достаточно специфическая гончарная посуда неоднократно встречена на пеньковских памятниках. Продолжала она использоваться и на ранних сахновско-волынцевских поселениях (Володарец-Урбанович, Скиба, 2011, с. 36, 37), т.е. пастырский центр избежал разгрома, связанного с выпадением в землю днепровских кладов первой группы.

Таким образом, получается, что прекращение существования пеньковской и колочинской культур в лесостепном Поднепровье и, очевидно, на Днепровских порогах произошло в тот же период, когда в землю выпадали кладов мартыновского типа. Ранние памятники этапа Сахновки-Волынцево (до начала употребления волынцевской гончарной керамики), судя по реликтам в наборе лепной посуды, хронологически смыкаются с поздними пеньковскими и колочинскими. Поздний пеньковский и ранний волынцевский горизонты объединяет использование пастырской гончарной керамики, а пеньковский и памятники кочевников – канцерской. Поскольку Пастырское городище гибнет в период распространения украшений, входящих в состав второй группы кладов по О.А. Щегловой, то нижняя хронологическая граница сахновско-волынцевского горизонта должна относиться к несколько более раннему времени.

В приведенной выше схеме нет места для особого пастырского культурного горизонта, с которым, по мнению М.М. Казанского и

А.В. Мاستыковой, связаны памятники неславянского населения (оседлого и кочевого).

В разных работах приводятся разные абсолютные даты сокрытия мартыновских кладов, финала пеньковской и колочинской культур, возникновения и гибели Пастырского городища, времени функционирования гончарных центров в Канцерке и Мачухах, формирования ранних волынцевских памятников (см. выше). Если принять раннюю датировку кладов мартыновского типа, предложенную М.М. Казанским, то прекращение существования памятников колочинской культуры, как минимум, в лесостепи и Подесенье должно произойти не позднее середины VII в. Трансформация пражской культуры и появление древностей типа Луки Райковецкой, распространение их в Среднем Поднепровье, проникновение на территорию Днепровского Левобережья и формирование горизонта Сахновки-Волынцево также должно относиться, приблизительно, к этому же времени. Все это противоречит данным, полученным по соотношению датировок вещей, радиоуглеродных и археомагнитных образцов из поздних комплексов пражской культуры, ранних памятников типа Луки Райковецкой в Среднем Поднепровье и волынцевских на Днепровском Левобережье.

Я склонен считать, что правы те исследователи, которые относят этнокультурный перелом на территории днепровской лесостепи к третьей четверти VII в., что недавно было подтверждено опубликованным В.Е. Родиной клеймом на обломке серебряного сосуда из клада в Судже-Замостье.

Исследователи (Е.А. Горюнов, О.М. Приходнюк, М.В. Любичев и др.) неоднократно отмечали наличие кочевнических элементов на пеньковских памятниках. Комплексы кочевнической по происхождению т.н. перещепинской культуры по А.В. Комару в лесостепном Поднепровье распространены также на пеньковской территории (Малое Перещипино, Новые Санжары, Рябовка-3 и др.). Результатом синтеза местных и южных традиций являются разбросанные по лесостепному Поднепровью и бассейну Северского Донца ингумации с женскими украшениями круга Мартыновского и ему подобных кладов. Эти погребения были иногда впускными в насыпи курганов. Ярким примером комбинации разных этнокультурных элементов является женское захоронение из Мохнача под Харьковом, совершенное в глубокой могиле с отходившей в сторону камерой, с набором украшений круга

«древностей антов» первой группы и пеньковским лепным биконическим горшком.

Я согласен с М.М. Казанским и А.В. Мاستыковой, что в лесостепном Поднепровье во второй половине VII в. оформляется некая ранне- или протогосударственная структура, но в ее состав, кроме кочевников и перемещенного на эту территорию ремесленного инородного по отношению к местному населения, входили и анты – носители пеньковской культуры (Обломский, 2007в).

В качестве причины, приведшей к сокрытию ранних днепровских кладов и, соответственно, к исчезновению пеньковской и колочинской культур (в южной части ее ареала), большинство специалистов называет нашествие кочевников (Г.Ф. Корзухина, Е.А. Горюнов, О.М. Приходнюк, А.В. Комар, М.М. Казанский) (Корзухина, 1955; Горюнов, 1981, с. 86-87; Приходнюк, 2001, с. 59, 60; Комар, 2006, с. 126-128; Казанский, 2013, разд. 2), ссылаясь при этом на письменные источники. Очень показательным в этом отношении высказывание Е.А. Горюнова: «С мнением Корзухиной нельзя не согласиться, поскольку другую, более серьезную причину зарытия кладов, чем экспансия Хазарского каганата, нельзя назвать» (Горюнов, 1981, с. 86). Тем не менее в письменных источниках нет никаких сообщений о походах обитателей степей на север, есть только данные о войнах различных группировок степняков между собой. Прямых археологических сведений о разорении лесостепных славянских поселений именно кочевниками также нет.

Отмечу, во второй половине – третьей четверти VII в. следы катастрофических событий прослеживаются не только в лесостепи, но и по всему ареалу колочинской культуры вплоть до ее северных границ, о чем свидетельствуют выпавшие в землю клады и сгоревшие северные городища.

Поскольку ареал днепровских кладов первой группы довольно точно совпадает с территорией, занятой в VIII в. памятниками типа Сахновки-Волынцево, нами с И.О. Гавритухиным была выдвинута гипотеза о том, что основной причиной прекращения существования лесостепных колочинских и пеньковских памятников на территории днепровской лесостепи была миграция славян, живших до этого к западу от Днепра, на восток и вызванные этим военные действия, в которых население Днепровского Левобережья потерпело поражение (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 144-148; 2009). О проникновении славян с территории Правобережной Украины в дне-

провскую левобережную лесостепь во время сокрытия кладов первой группы писала и О.А. Щеглова. Культура этого населения, имевшего связи с Подунавьем (по украшениям, входившим в состав второй группы «антских кладов»), и стала основным компонентом сахновских и ранних волынцевских древностей (Щеглова, 1991).

Набеги кочевников на лесостепные земли, конечно же, происходили. Не исключено, что с ними были связаны сокрытие кладов второй группы по О.А. Щегловой, гибель Пастырского городища, выпадение в землю кладов волынцевского периода (Фативижского, из Андрияшевки), появление на городище Битица юртообразных построек.

Вернемся к проблемам колочинской культуры. В Верхнем Поднепровье и на прилегающих территориях распространение культуры смоленских длинных курганов В.В. Енуков, основываясь на обзоре вещей из погребальных комплексов, датирует первой половиной, возможно, серединой VIII в. (Енуков, 1990, с. 75), хотя эта дата и требует обоснования на новых материалах. Высказано также мнение, что между памятниками VII в. и культурой смоленских длинных курганов в верховьях Западной Двины и на сопредельных территориях должен лежать некий не выделенный пока горизонт древностей (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 428). О том, что пожар на колочинском городище Никодимово, где найдена целая серия вещей круга ранних днепровских кладов, произошел не ранее конца VII в. свидетельствует обломок звездчатой серьги.

8. Итоги и перспективы изучения колочинской культуры

За более чем 15 лет, прошедших после выхода монографии о Гапоновском кладе, в изучении колочинской культуры сделано достаточно много нового.

Существенно уточнены ее границы. Они оказались довольно расплывчатыми, что естественно для эпохи массовых миграций населения. В северной части Верхнего Поднепровья колочинские поселения и могильники расположены чересполосно с тушемлинскими, в Гомельском Поднепровье – с пражскими. Зона контактов колочинской и пеньковской культур зафиксирована на территории Днепровского Левобережья. В восточной части Верхнего Подонья намечается область интеграции колочинского и волго-окского финского населения.

В значительной степени конкретизирован археологический комплекс колочинской культуры, чему способствовали публикации новых и раскопанных в предшествующие годы памятников, в первую очередь поселения Большие Будки (Хутор), могильника Картамышево-2, нескольких селищ в районе г. Гомеля, лепной керамики городища Колочин-1, материалов городищ Кисели и Черкасово, могильника Тайманово. Выявлены основные типы орудий труда, украшений, продолжено изучение погребального обряда, появилась написанная на современном уровне обобщающая работа по колочинским памятникам на территории Белоруссии (Макушнікаў, 1999).

В целом очерчена хронология колочинской культуры. В ряде исследований показано, что ее археологический комплекс складывается около второй четверти – середины V в. Верхний хронологический рубеж определяется в рамках конца VII в. По всей ее территории зафиксированы следы военных действий. На юге выпали в землю днепровские клады первой группы по О.А. Щегловой, в лесном Поднепровье все раскопанные широкими площадями городища уничтожены пожарами. Правда, не везде эти пожары были одновременными. Демидовка сгорела во второй половине V – первой половине VI в., даты пожаров Колочина-1 и Могилёва-Змеёвки неопределенны. В конце VII в. были сожжены городища Никодимово (по серии вещей из слоя пожара), Кисели и Черкасово (по стратиграфическим наблюдениям). В предварительных публикациях материалов Никодимово А.А. Седина нарисована достаточно яркая картина военного разгрома.

Дополнительно обоснована высказанная еще П.Н. Третьяковым идея о генетической связи деснинского варианта киевской и колочинской культур. Установлено, что по территории Верхнего Поднепровья до возникновения колочинских памятников в начале – середине IV в. или несколько раньше широко расселились племена с культурой, близкой существовавшей в это время в Подесенье. Миграция деснинского населения в южном и юго-восточном направлении предшествовала формированию южной части колочинского ареала, но это расселение произошло несколько позже: во второй половине – конце IV – начале V в.

Население киевской культуры большинством исследователей считается раннеславянским. Со-

ответственно, славянами были и племена колочинской культуры. Заслуживает внимания гипотеза М.Б. Щукина – Р.В. Терпиловского, что они соответствовали раннесредневековым венетам Иордана.

После VII в. южная и юго-восточная части колочинской территории, включая Гомельское Поднепровье, Нижнее и Среднее Подесенье, заселяются племенами, близкими по культуре к Луке Райковецкой Днепровского Правобережья, которые также были славянскими, но иной, пражской, ветви. В северной части Верхнего Поднепровья распространяется культура смоленских длинных курганов, приписываемая летописным кривичам. Войны второй половины – конца VII в. происходили, скорее всего, между различными славянскими группировками.

Тем не менее серия задач исследования колочинских древностей до сих пор не решена, причем зачастую те, которые были поставлены в самом начале их изучения.

Практически отсутствует периодизация массового материала, что не дает возможности надежно датировать памятники, где совсем нет датирующих вещей или они немногочисленны, и установить типологический рубеж киевской и колочинской культур. Последнее в особенности актуально для Верхнего Поднепровья. Не изучены традиции и локальные варианты колочинской культуры. Некоторые идеи в этом отношении высказывались только для самых ранних памятников. В зачаточном состоянии находятся исследования сельского хозяйства и ремесел. Изучение крайнего юго-восточного очага колочинской культуры в Верхнем Подонье только начинается.

Дальнейшие полевые исследования колочинских памятников, особенно в Верхнем Подонье, конечно, необходимы. Не менее актуальной задачей является полная публикация уже полученных материалов, в первую очередь сгоревших городищ Демидовка, Никодимово, Вежки, Близнаки, которые изданы выборочно. Огромный набор находок, включающий керамику, орудия труда, бытовые предметы, украшения, существенно пополнит наши знания о колочинской культуре, позволит построить ее периодизацию. Наилучшим изданием на их фоне до сих пор является публикация городища Колочин – первого планомерно исследованного памятника колочинской культуры.

Таблицы

Табл. 1. Памятники колочинской культуры, исследованные раскопками.

№ по карте	Название	Поселение (п), могильник (м), культовый комплекс (к)	Область	Публикация
1	Лебяжье-1	м/104	Курская	Липкинг, 1974, с. 141-151; Тихомиров, 1990.
2	Авдеево	м/4	Курская	Сымонович, 1974, с. 153-154
3	Казачья Локня (Замощанская дюна)	п	Курская	Исследования: Ю.А. Липкинга 1962-1963 гг. (Липкинг, 1979); В.М. Горюновой 1982 г. (Обломский, 2002, с. 43).
4	Княжий	м /24	Курская	Липкинг, 1974, с. 137-141; Тихомиров, 1990.
5	Княжий-5	п	Курская	Раскопки Н.А. Тихомирова 1995 г. Не опубликовано
6	Гапоново	п	Курская	Гавритухин, Обломский, 1996, с. 7-21.
7	Артюшково	м/5 курганов	Курская	Енуков, Енукова, 1995.
8	Каменево-2	п	Курская	Сымонович, 2003; Родинкова, 1996а, с. 156; Памятники... 2007, с. 99.
9	Каргамышево-1	п	Курская	Раскопки Е.А. Горюнова 1978-1979 гг. Не опубликовано. Сведения см. в (Обломский, Терпиловский, 1991, с. 140; Обломский, 1991, с. 242).
10	Каргамышево-2	м/51	Курская	Горюнова, 2004
11	Каргамышево-3	п	Курская	Щеглова, Бажан, 1983
12	Курочкин-3	п	Курская	Щеглова, Бажан, 1983
13	Воробьевка-2	п	Курская	Сымонович, 1974, с. 154-157
14	Шмырёво-2	п	Курская	Раскопки В.М. Горюновой и О.А. Щегловой 1988 г. Не опубликовано.
15	Гочево-3	п	Курская	Раскопки В.М. Горюновой и О.А. Щегловой 1987-1991 гг. Не опубликовано.
16	Шишино-5	п	Белгородская	Обломский, Завьялов, 2003, с. 71-74.
17	Ярлуково	п	Липецкая	Комаров, 1972
18	Кривец-4	п	Липецкая	Раскопки А.М. Обломского 2011-2012 г. (Обломский, 2012а, 2012б).
19	Коровий Брод	п	Тамбовская	Андреев, Филимонова, 2008, с. 21-22.
20	Ходосовка (Диброва)	п	Киевская	Даниленко, 1976, рис. 8; Абашина, 1999; Готун и др. 2004, с. 106, 107; Готун и др. 2011, с. 86-87
21	Харьевка	п	Сумская	Раскопки Д.Т. Березовца, общие сведения о них опубликованы (Березовец, 1955). Издан рисунок горшка колочинской культуры (Сымонович, 1969, рис. 23: 17).
22	Большие Будки (Хутор)	п	Сумская	Горюнова, 1992; Горюнова, Родинкова, 1999.
23	Большие Будки (городище)	на городище	Сумская	Ильинская, 1968, с. 60, 61
24	Пески	п	Сумская	Раскопки Л.И. Белинской 1991 г. Не опубликовано.
25	Артюховка	п	Сумская	Раскопки Г.А. Усовой 1974 г. Не опубликовано. Сведения см. (Горюнов, 1981, с. 107, 108).
26	Артюховка	м/1	Сумская	Горюнов, 1981, с. 107
27	Красное-4	п	Сумская	Обломский, 2003, с. 234-235
28	Литвиновичи-3	п	Сумская	Обломский, 2003, с.234

29	Бездрик	м/4 кургана	Сумская	Обломский и др. 1999; Обломский и др. 2011
30	Смяч	м/4	Черниговская	Горюнов, 1974б, с. 119-121
31	Лёвкин Бугор	п	Черниговская	Сымонович, 1969, с. 64-65.
32	Макишин (Ровчак)	п	Черниговская	Горюнов, 1974а, с. 70, 71.
33	Роище	п	Черниговская	Терпиловский, 1984, рис. 33, 34; 1990, с. 58-60.
34	Выгоры-1	п	Черниговская	Шекун, Терпиловский, 1993, с. 20-21.
35	Александровка-1	п	Черниговская	Терпиловский, Шекун, 1996, с. 35-38; 2004, с. 231, 232; Терпиловский, Шекун, 1998.
36	Еловщина	п	Черниговская	Раскопки А.О. Мултанена 1986 г., Т.П. Вальковой 1996 г. Не опубликованы. Работы В.П. Коваленко 2007 г., краткая публикация (Коваленко и др., 2009)
37	Заярье	п	Черниговская	Горюнов, 1974б, с. 121-124; Терпиловский, 1984, с. 75
38	Стрелица	п	Черниговская	Третьяков, 1974, с. 110-112
39	Колодезный Бугор	п	Черниговская	Третьяков, 1974, с. 92-99; Терпиловский, 1984, с. 54.
40	Мошенка	на городище	Черниговская	Исследования М.Б. Щукина 1985 г. Не опубликовано. Сведения в (Щукин, 1989, с. 112).
41	Смольянь	п	Брянская	Третьяков, 1974, с. 75-85; 1982, рис. 13.
42	Мансурово	п	Брянская	Раскопки П.Н. Третьякова 1962 г. Не опубликовано. Сведения в: Горюнов, 1981, с. 96.
43	Усох	м/18	Брянская	Падин, 1960; 1974, с. 132-134
44	Хохлов Вир	п	Брянская	Падин, 1974, с. 134
45	Макча	селище	Брянская	Падин, 1969.
46	Кветунь	м/21 курган, возможно, к колочинской культуре относятся некоторые грунтовые погребения	Брянская	Артишевская, 1963; Третьяков, 1982, рис. 19
47	Синьково-Дмитрово	п	Брянская	Пронин, 1979, с. 60, 61.
48	Посудичи	п	Брянская	Третьяков, 1974, с. 87-89; 1982, рис. 9, 10.
49	Случевск	к	Брянская	Шинаков, 1986.
50	Рассуха-2	на городище	Брянская	Гурьянов, 2006, с. 246-248
51	Левенка-3	п	Брянская	Раскопки Е.А. Шинакова 1986-1988 гг. Не опубликовано. Сведения из: Археологическая карта, 1993, с. 216, 217
52	Слободка	на городище	Брянская	Никольская, 1970, с. 88, 89.
53	Кисели	городище	Витебская	Левко, Колосовский, 2003
54	Черкасово	городище	Витебская	Левко, Колосовский, 2003
55	Вежки	городище	Витебская	Опубликовано частично. Раскопки Ю.В. Колосовского 1994-1998 гг. Сведения см. в (Колосовский, 1997, с. 37, 38; 2009; 2016)
56	Вежки	п	Витебская	Не опубликовано. Раскопки Ю.В. Колосовского 1997 г. Сведения см. в: Колосовский, 1997, с. 38, 39
57	Колочин-1	городище	Гомельская	Сымонович, 1963; Макушников, 2003
58	Колочин-2	п	Гомельская	Сымонович, 1963, с. 123

59	Носовичи	п	Гомельская	Макушников, 1994а
60	Новые Громыки	п	Гомельская	Раскопки Е.Г. Калечиц 1975-1981 гг. Не опубликовано. Сведения в (Калечиц, 1981)
61	Нисимковичи-1	п	Гомельская	Богомольников, Макушников, 1988, с. 8-11; Макушников, 1999
62	Нисимковичи-2	п	Гомельская	Богомольников, Макушников, 1988, с. 11-12.
63	Нисимковичи-3	п	Гомельская	Богомольников, Макушников, 1988, с. 13.
64	Нисимковичи-5	п	Гомельская	Не опубликовано, раскопки О.А. Макушниковой 1985 г.
65	Гомель	п	Гомельская	Макушников, 1994б. с. 61, 62, два последних рисунка на вклейке.
66	Золотомино	п, к	Гомельская	Расадзін, 1985
67	Колос	м/ 1 курган	Гомельская	Богомольников, 1975; Макушнікаў, 1999, мал. 112: 5,8.
68	Колосы	м/1	Гомельская	Не опубликовано. Раскопки В.Н.Рябцевича и А.Н.Плавинского 1982 г. Информация в: Рябцевич, 1984, с. 369.
69	Ходосовичи	п	Гомельская	Раскопки Г.Ф. Соловьевой 1969 г. Не опубликовано. Сведения в (Поболь, 1983, с. 292; Макушнікаў, 1999, с. 349.
70	Мохов	м/курганы	Гомельская	Не опубликовано. Упоминается в (Макушников, 2011а, с. 120)
71	Новый Быхов	м/41	Могилевская	Поболь, 1974, с. 160-173
72, 73	Тайманово	п, м/176	Могилевская	Поболь и др.2003; Поболь, Дубицкая, 2005; 2009
74	Нижняя Тощица	м/12	Могилевская	Поболь, 1974, с. 174-180
75	Щатково	п	Могилевская	Поболь, 1967
76	Воронино	м/4 кургана	Могилевская	Соловьева, 1970, с.98-99
77	Никодимово	городище	Могилевская	Родинкова, Седин, 2004; Седзін, 1994; 2000; Седин 1994; 1997; 2011; Седин и др., 1999, с. 52-64
78	Могилёв (городище Змеёвка)	городище	Могилевская	Марзалюк, 2011, с. 109-116.
79	Демидовка	городище	Смоленская	Шмидт, 1970
80	Акатово	м/37 погребений V-VII вв.	Смоленская	Шмидт, 1963, с. 56-67.
81	Акатово	городище	Смоленская	Шмидт, 2003, с. 31-39
82	Близнаки	городище	Смоленская	Раскопки Е.А. Шмидта 1970-1973 гг., не опубликовано. Сведения см. в (Шмидт, 1976, с. 192-193).
83	Калиновка	п	Гомельская	Макушников, 2009, с. 18, рис. 17; 2014, рис. 8.
84	Демьянки	м/2 кургана	Гомельская	Соловьева, 1967.
85	Новоникольское-8	п	Тамбовская	Обломский, 2012б, рис. 23.

В обозначении могильников после / дано количество погребений.

Табл. 2. Инвентарь грунтовых погребений лесного Поднепровья.

Могильник	№ погребения	Керамика (кол-во черепков)	Сосуд-приставка	Кремень	Оплавленная бронза	Украшения	Бытовые предметы	Пряжка
Новый Быхов	3					2 кольца (бронза)		
	4	1						
	5			1				
	6					2 фрагмента колец (бронза)		
	11	1						
	13	2						
	14					1 шт.	1 кольцо (железо)	
	15					2 шт.		
	16				1			
	19				1			
	20		1					
	21					1 шт.		
	25					1 шт.		
	26	2						
	27	20						
	28	2						
	29	10			1			
	31	3						
	33	2			1			
	37	несколько						
38						1 кольцо, 1 спираль (бронза)		
Нижняя Тощица	1	1						
	3						1 глиняное пряслице	
Тайманово	1	2				1 фрагмент булавки (железо)		
	2						1 железное кресало	1 (железо)
	6	2						
	14	2						
	17							1 (железо)
	22	1						
	24	несколько						
	28	5						
	29						4 фрагмента колец (бронза)	
	35	обломки горшка						
39	обломки горшка							

	45	4						
	48	3						
	49	6						
	51	8						
	52	7						
	54	2						
	56	10						
	57					1 кольцо (бронза)		
	58		1					
	59					2 пластины (бронза)		
	61	6						
	62	5						
	67					фрагменты кольца		
	69	2						
	75	5						
	78	1						
	81	3						
	82	6						
	83	3						
	88	фрагменты						1 (железо)
	90	5						
	91	1						
	92	18						
	93	5						
	94	5						
	96	3						
	97	1						
	98	1						
	103	27						
	104	7						
	105	1						
	111	1						
	114					бронзовая проволока и 2 пронизки		
	115	7						
	116							2 (железо)
	120	4						
	121					1 фрагмент булавки (бронза)		
	125	1						
	126					1 фрагмент булавки (железо)		
	129	1						
	130	4						
	131	2						

	132	5						
	133	19						
	135	1						
	138	18						
	141		1					
	146				2			
	148	6						
	149	4						
	154	7						
	156					сплавленные бусины и 1 це- лая стеклянная	обломок гребня	
	162	1						
	166	11						
	168	1						
	173	5						
	176	много керамики, черепки от трех сосудов (все – неполные)						
Акатово	2				3			
	28					две бронзовые спирали и обломок браслета		

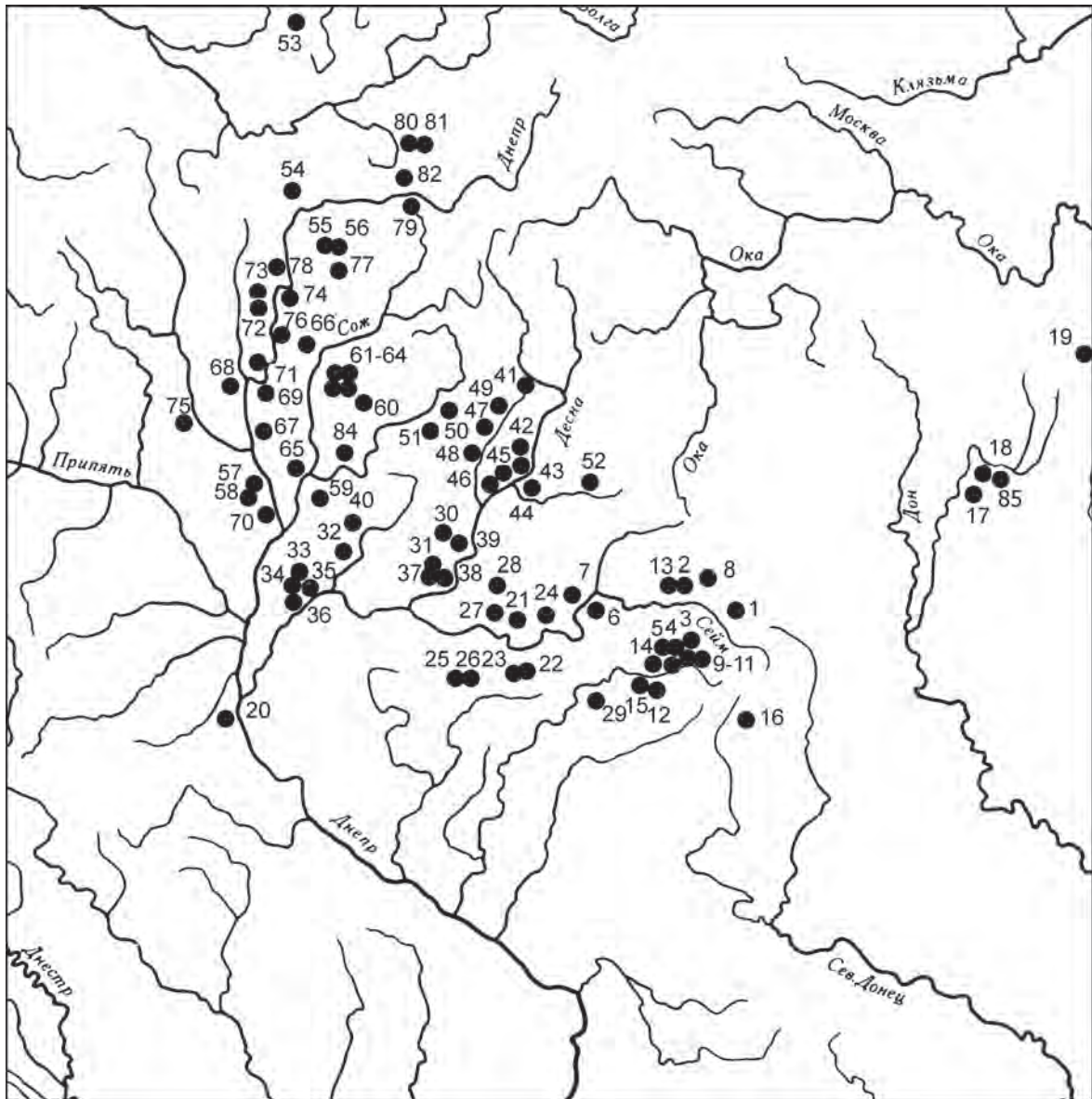

Рис. 1. Памятники колочинской культуры, исследованные раскопками.
Нумерация памятников соответствует табл. 1.

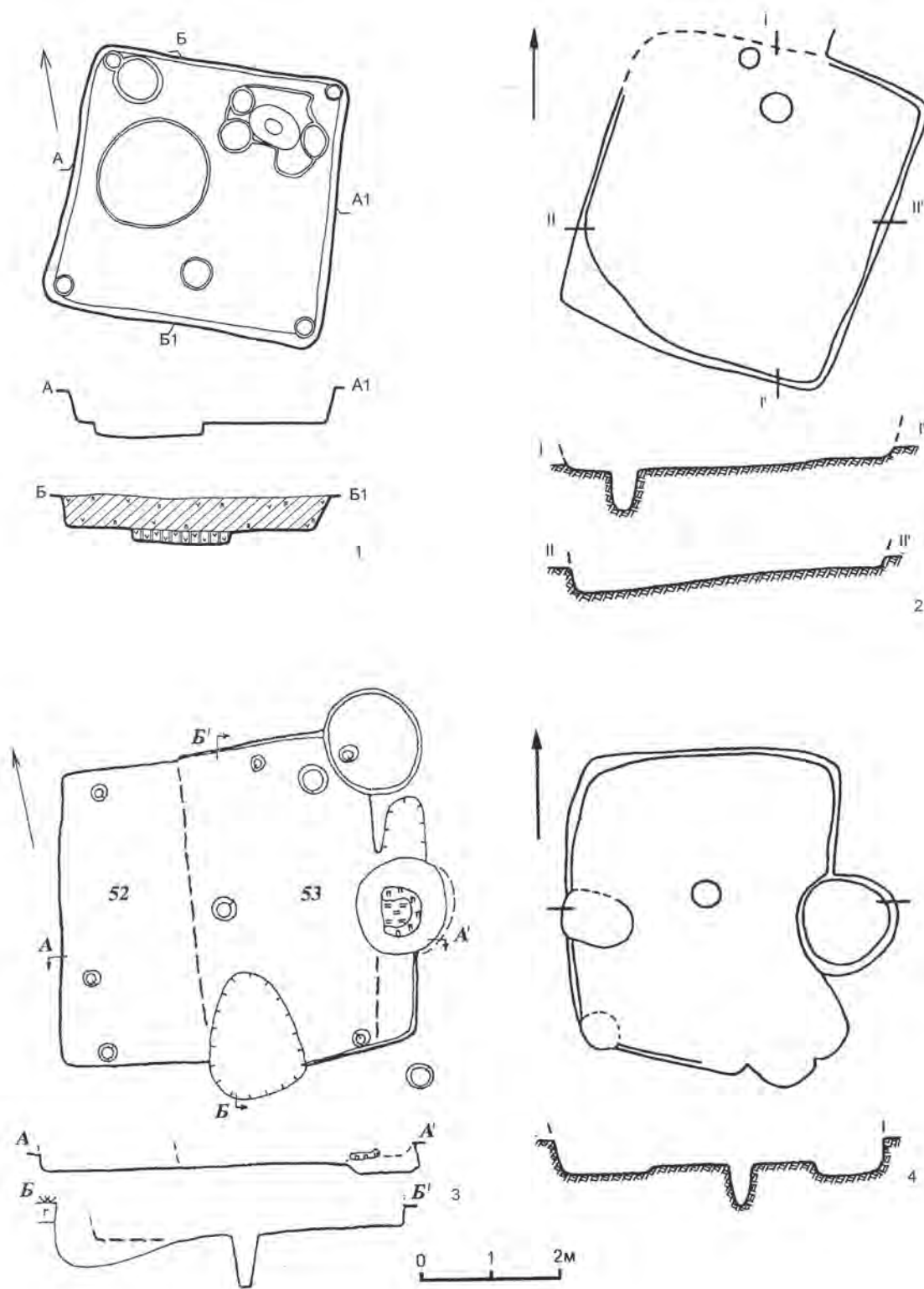

Рис. 2. Образцы жилищ колочинской культуры

1 – класс I, тип 1, вариант 1, разновидность 1; 2 – класс I, тип 1, вариант 1, разновидность 1а;
 3 – класс I, тип 1, вариант 1, разновидность 2; 4 – класс I, тип 1, вариант 1, разновидность 2б; 1 –
 Александровка-1, постройка 11 (по Р.В. Терпиловскому и А.В. Шекуну); 2 – Большие Будки (Ху-
 тор), постройка 3 (по В.М. Горюновой и В.Е. Родинковой); 3 – Александровка-1, постройка 52 (по
 Р.В. Терпиловскому и А.В. Шекуну); 4 – Большие Будки (Хутор), постройка 4 (по В.М. Горюновой и
 В.Е. Родинковой).

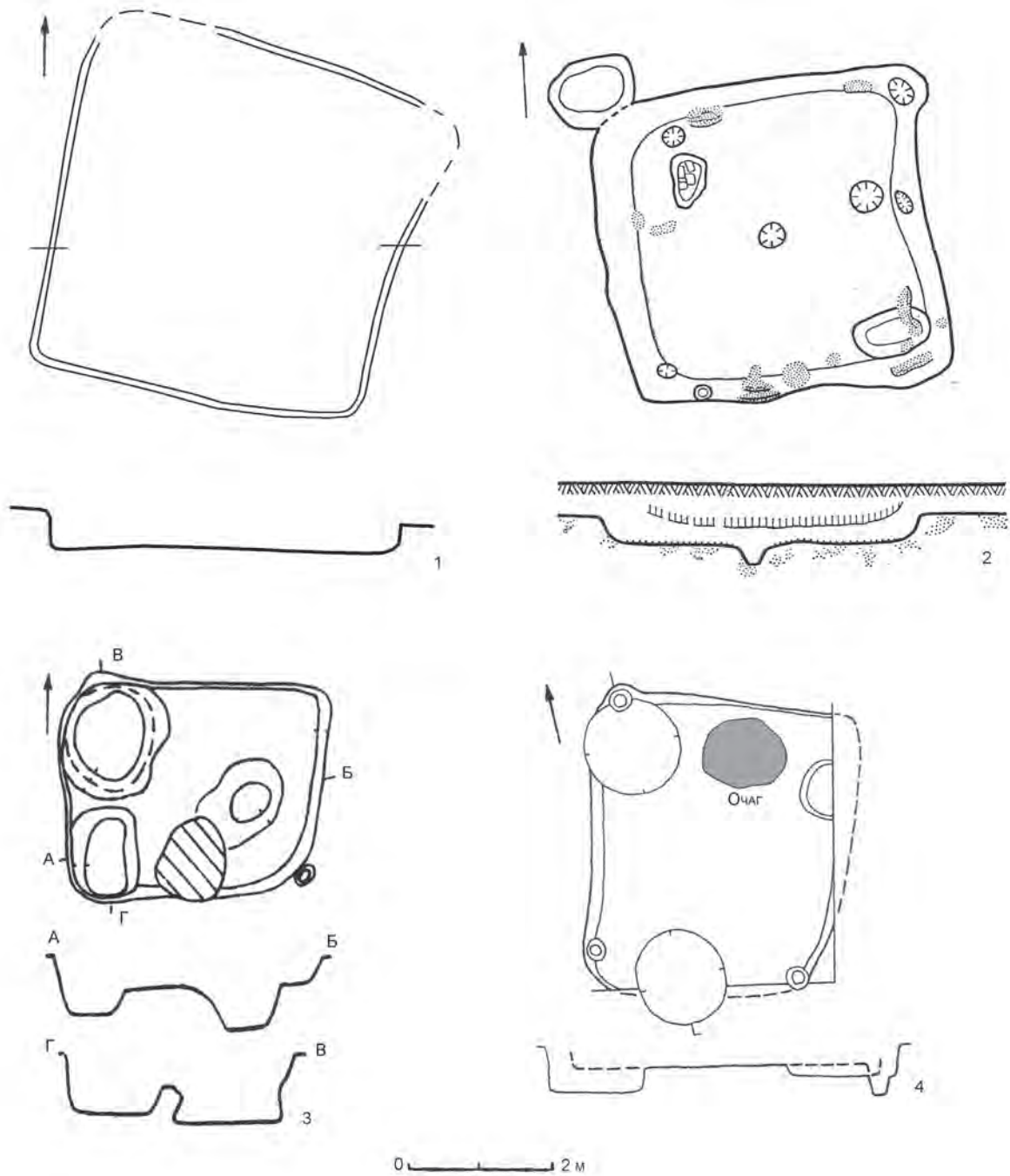

Рис. 3. Образцы жилищ колочинской культуры

1 – класс I, тип 1, вариант 1, разновидность 6; 2 – класс I, тип 1, вариант 3, разновидность 2; 3 – класс I, тип 1, вариант 3, разновидность 5; 4 – класс I, тип 2, вариант 1, разновидность 1; 1 – Выгоры 1, постройка 1 (по Р.В. Терпиловскому и А.В. Шекуну); 2 – Колодезный Бугор, постройка 2 (по П.Н. Третьякову); 3 – Шишино-5, постройка 3 (по А.М. Обломскому); 4 – Александровка-1, постройка 39 (по Р.В. Терпиловскому и А.В. Шекуну).

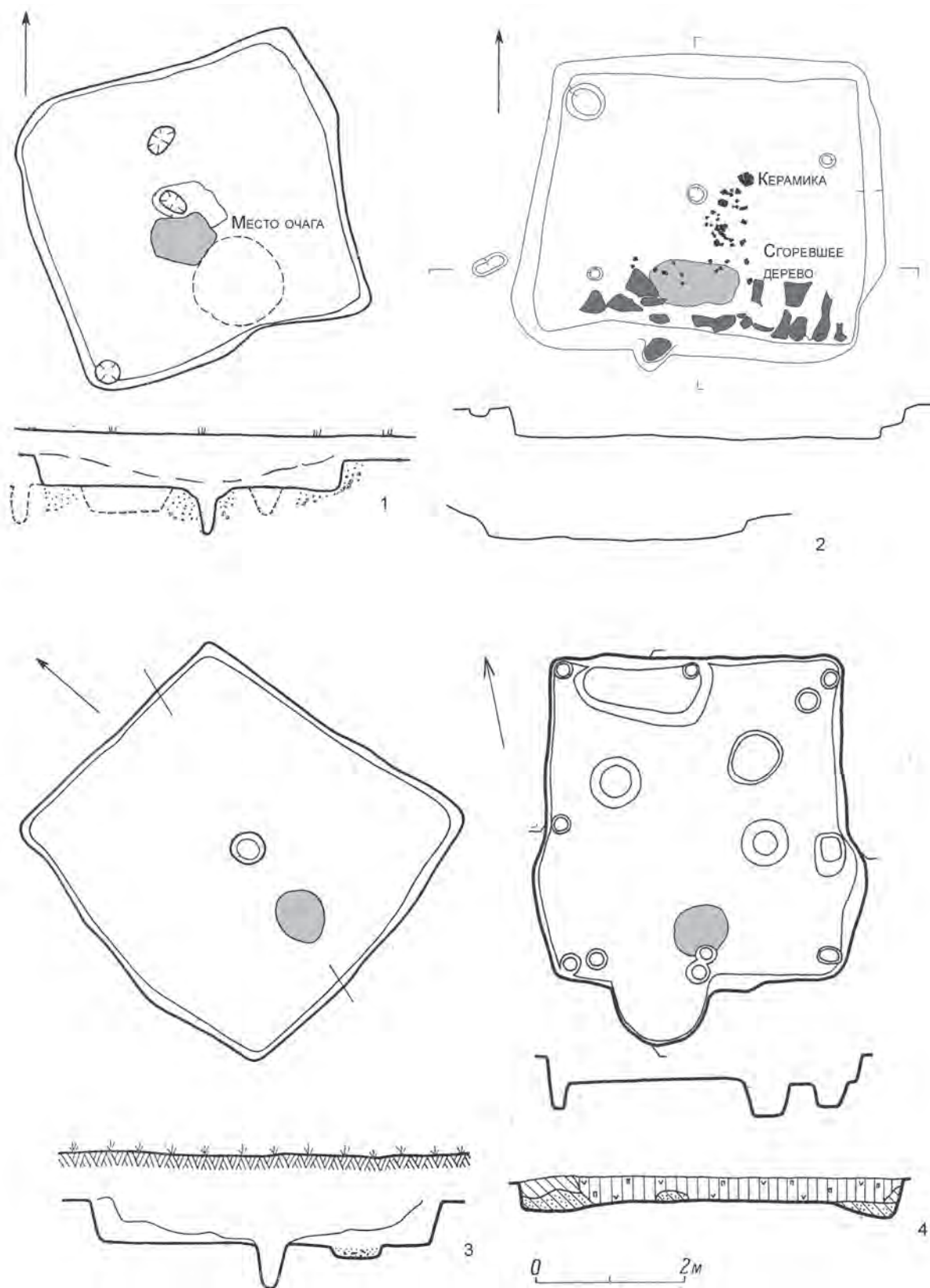

Рис. 4. Образцы жилищ колочинской культуры

1 – класс I, тип 2, вариант 1, разновидность 1а; 2 – класс I, тип 2, вариант 1, разновидность 1б; 3 – класс I, тип 2, вариант 1, разновидность 2а; 4 – класс I, тип 2, вариант 2, разновидность 1; 1 – Стрелица, постройка 1 (по П.Н. Третьякову); 2 – Кривец-4, раскоп 3, постройка 1; 3 – Заярье, постройка 1 (по Е.А. Горюнову); 4 – Александровка-1, постройка 16 (по Р.В. Терпиловскому и А.В. Шекуну).

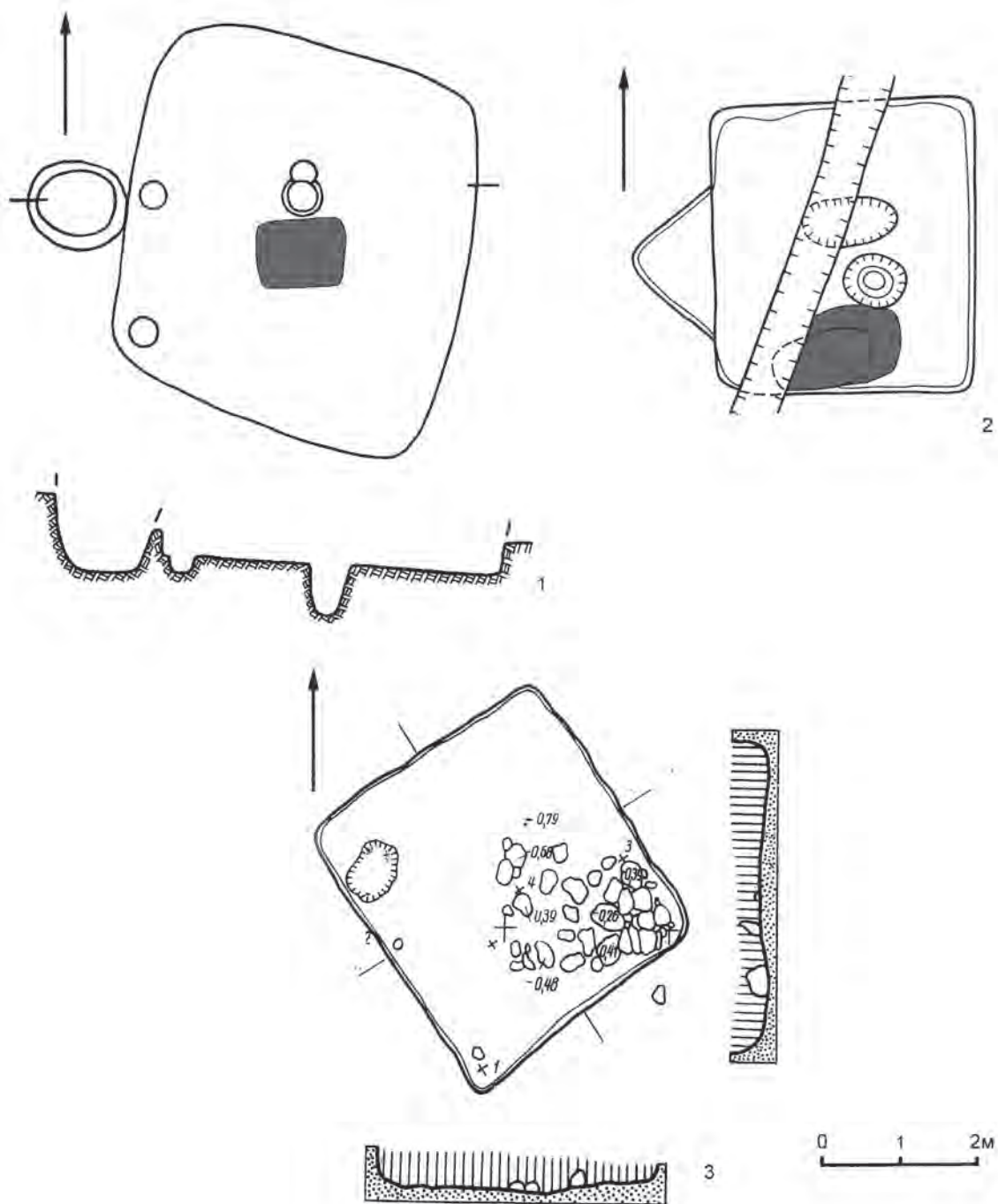

Рис. 5. Образцы жилищ колочинской культуры

- 1 – класс I, тип 2, вариант 2, разновидность 1а; 2 – класс I, тип 2, вариант 2, разновидность 2;
 3 – класс I, тип 2, вариант 2, разновидность 2а; 4 – класс I, тип 4; 1 – Большие Будки (Хутор), по-
 стройка 6 (по В.М. Горюновой, В.Е. Родинковой); 2 – Воробьевка 2, постройка 1
 (по Э.А. Сымоновичу); 3 – Щатково, постройка 1 (по Л.Д. Поболу).

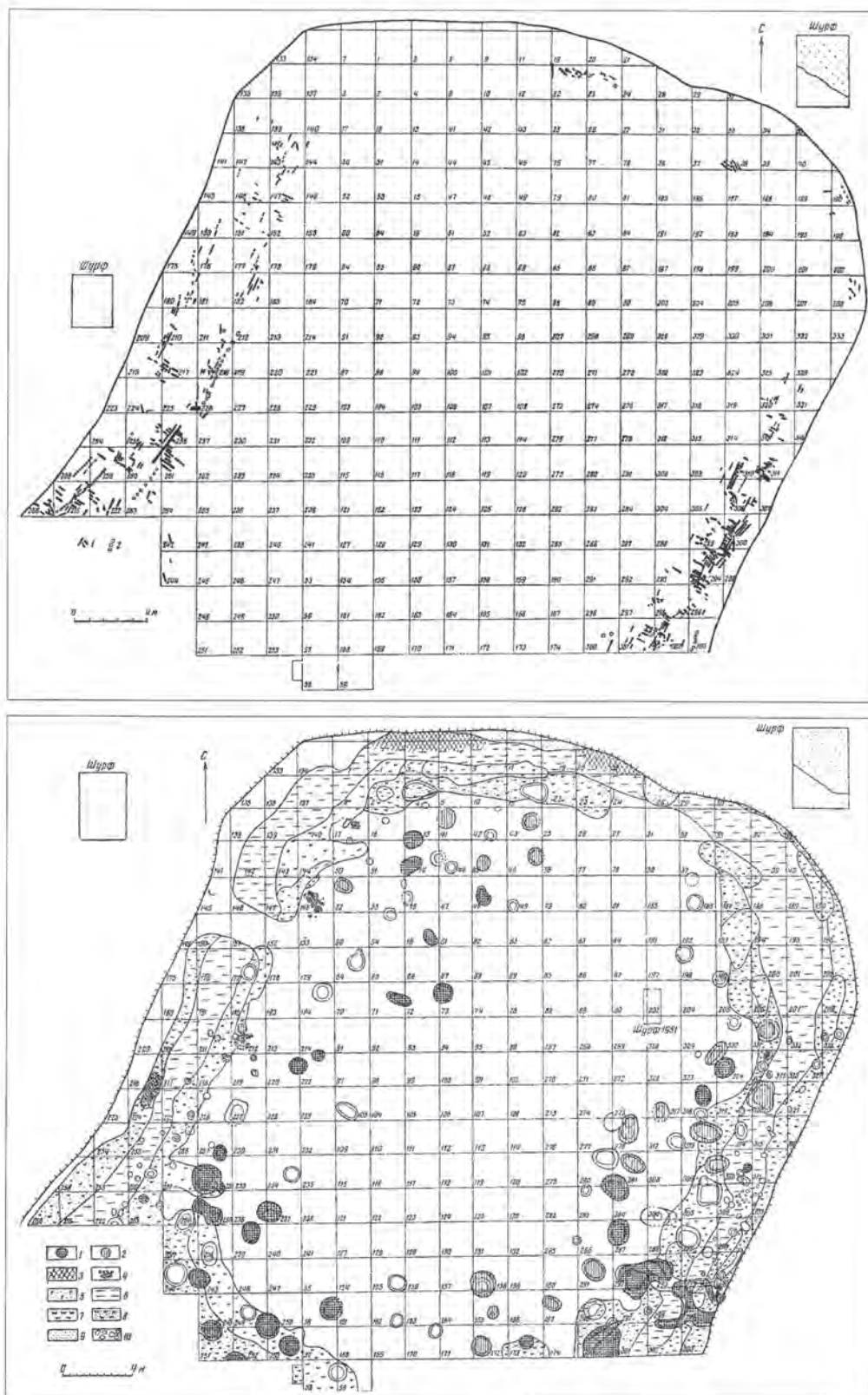

Рис. 6. План площадки городища Колочин-1 (по Э.А. Сымоновичу).

1 – план укреплений; 2 – план кольцевой постройки; к плану 1: 1 – куски обгоревшего дерева; 2 – остатки столбов; к плану 2: 1 – ямы с зарубинецкими материалами; 2 – ямы с керамикой колочинской культуры; 3 – большие скопления керамики; 4 – камни; 5 – гумусированная супесь; 6 – зола; 7 – уголь; 8 – прожженный песок; 9 – песок; 10 – обожженная глина.

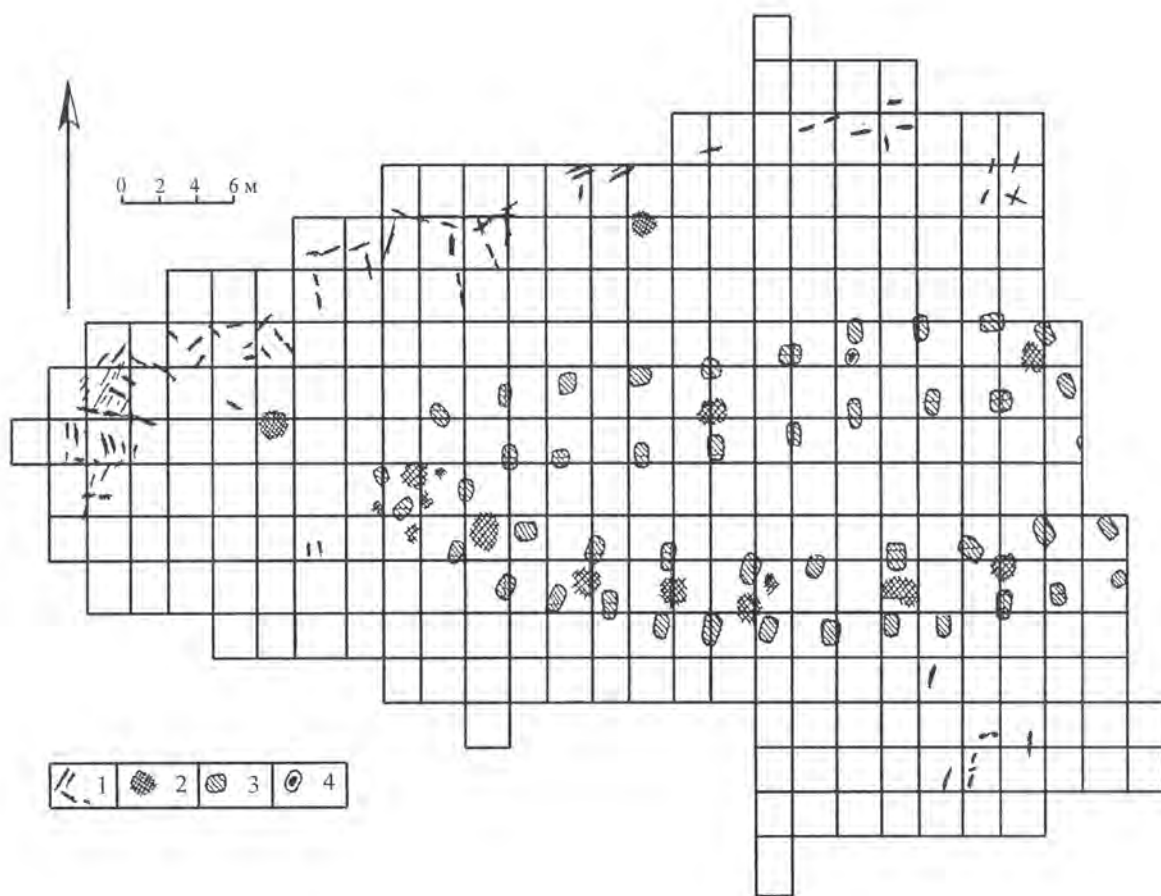

Рис. 7. План площадки городища Демидовка (по Е.А. Шмидту).
1 – обгоревшие бревна; 2 – скопление камней; 3 – ямы от столбов; 4 – зернотерка.

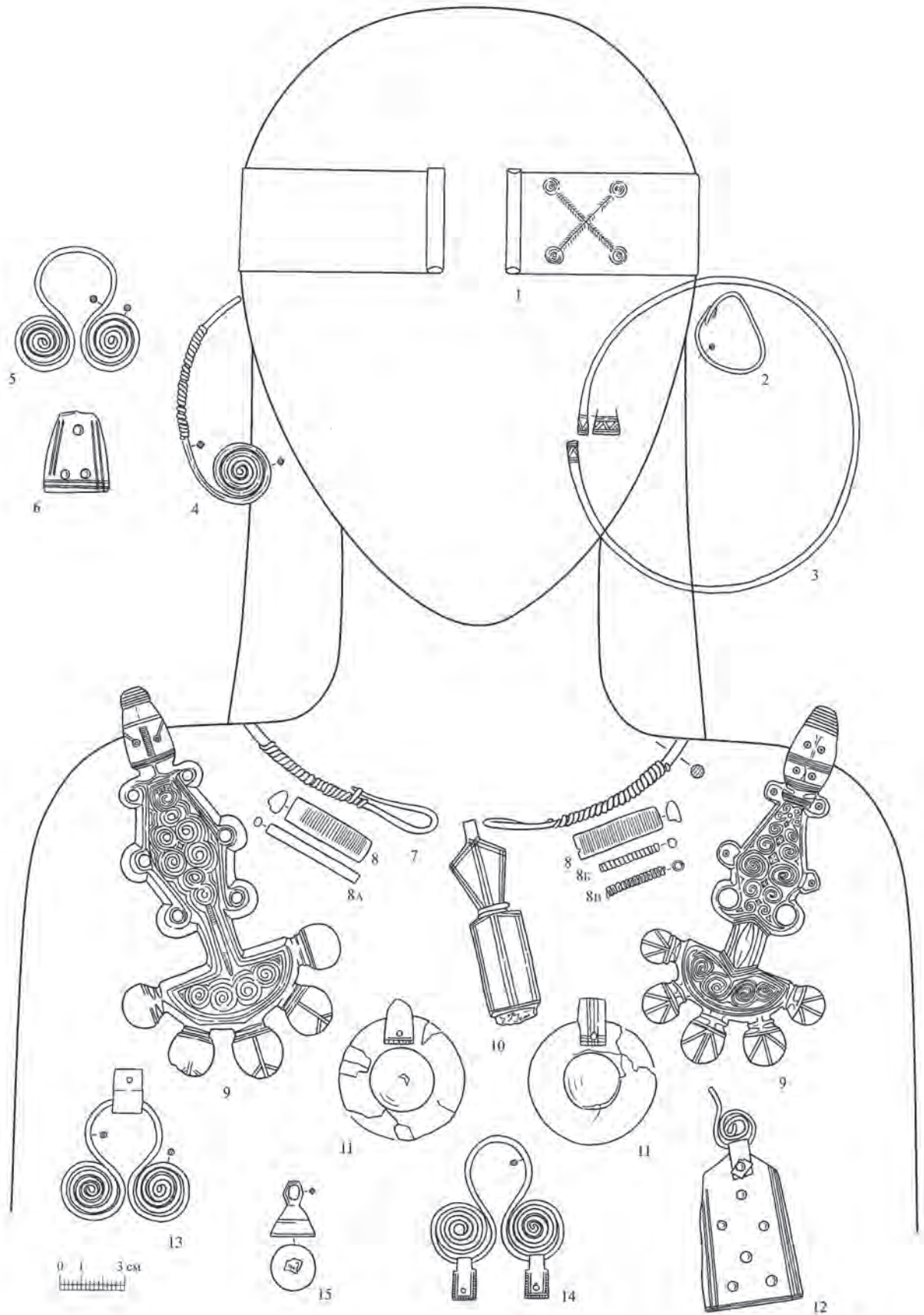

Рис. 8. Гапоновский клад. Схема расположения женских украшений в уборе (по И.О. Гавритухину и А.М. Обломскому).

1, 5, 8, 13, 14 – серебро; 2-4, 6, 7, 8а, 8б, 8в, 9-12, 15 – бронза.

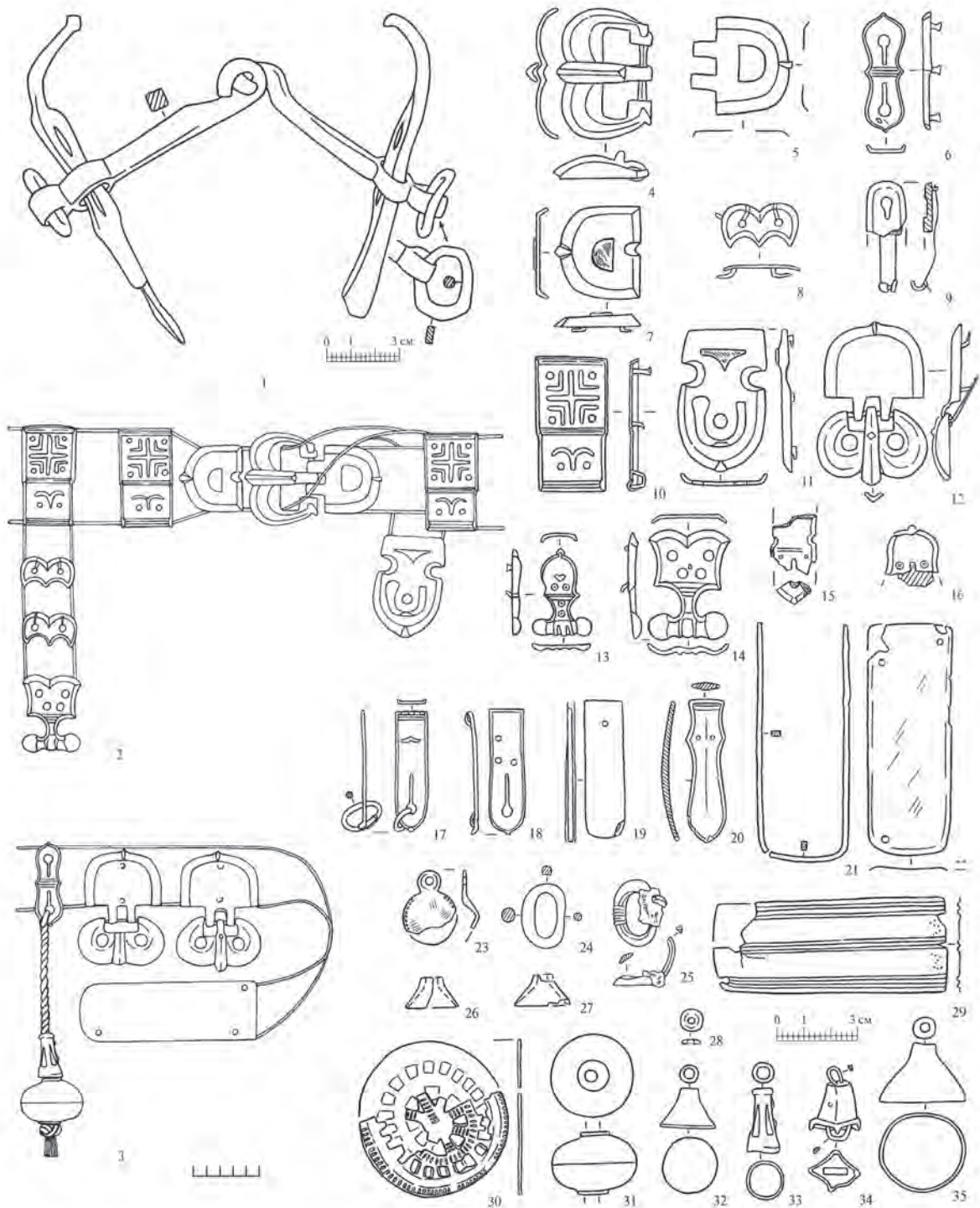

Рис. 9. Гапоновский клад. Образцы поясной гарнитуры и других предметов
(по И.О. Гавриухину и А.М. Обломскому).

1 – железо; 2,3 – реконструкция пояса с металлическими деталями из бронзы и серебра; 4, 5, 10, 12, 14, 22 – серебро; 6, 8, 13, 17-19, 21, 24, 25, 29, 31, 33, 34 – бронза; 7, 11 – серебро со стеклянными вставками; 9, 15, 16, 20 – прессованные изделия из свинцово-оловянистой основы, покрытые серебряным листом; 23, 26, 27, 30, 32 – свинцово-оловянистый сплав.

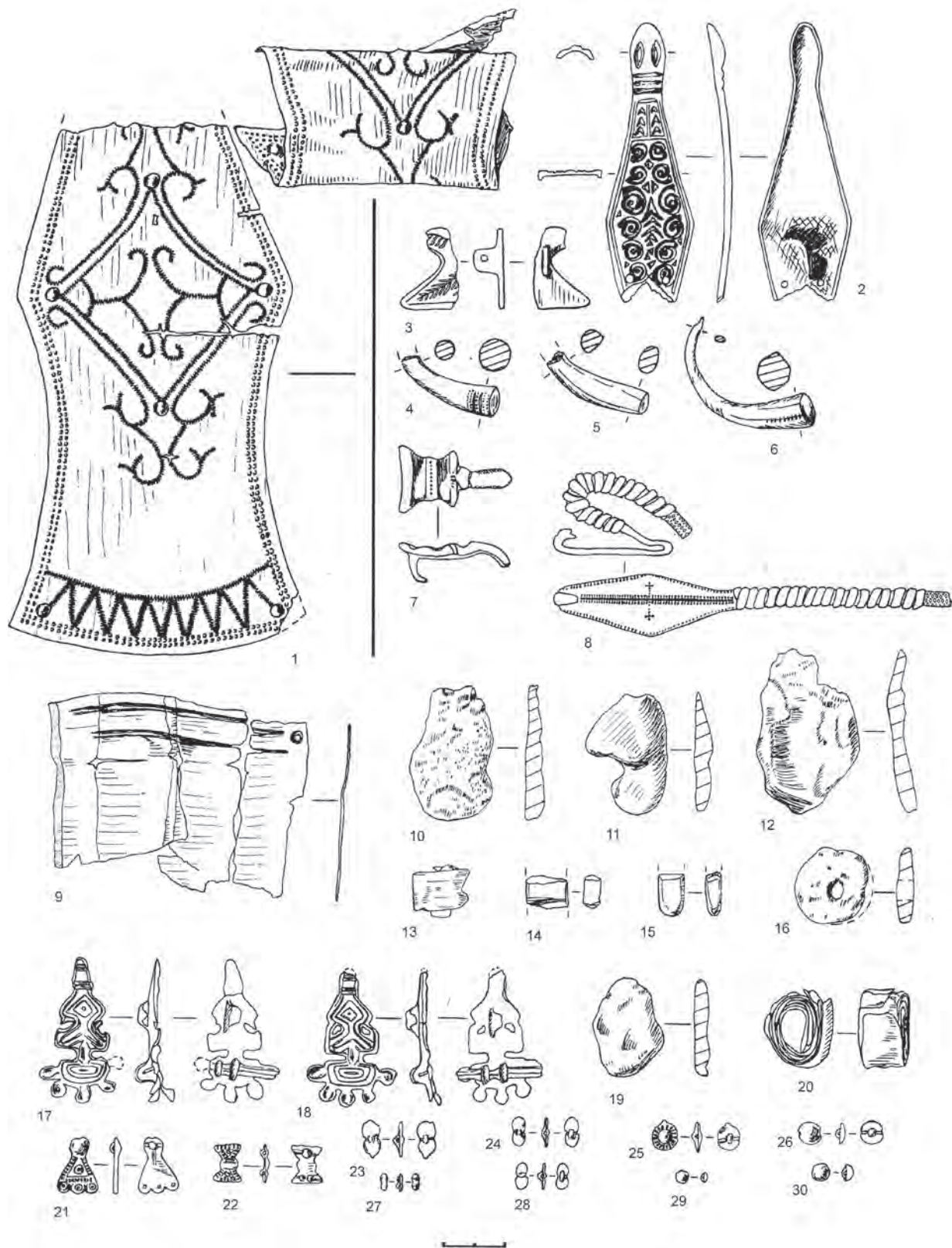

Рис. 10. Клад из Больших Будков (по В.М. Горюновой).
1-5, 8-12 – серебро; 6, 7 – лагунь; 13-30 – свинцово-оловянистый сплав.

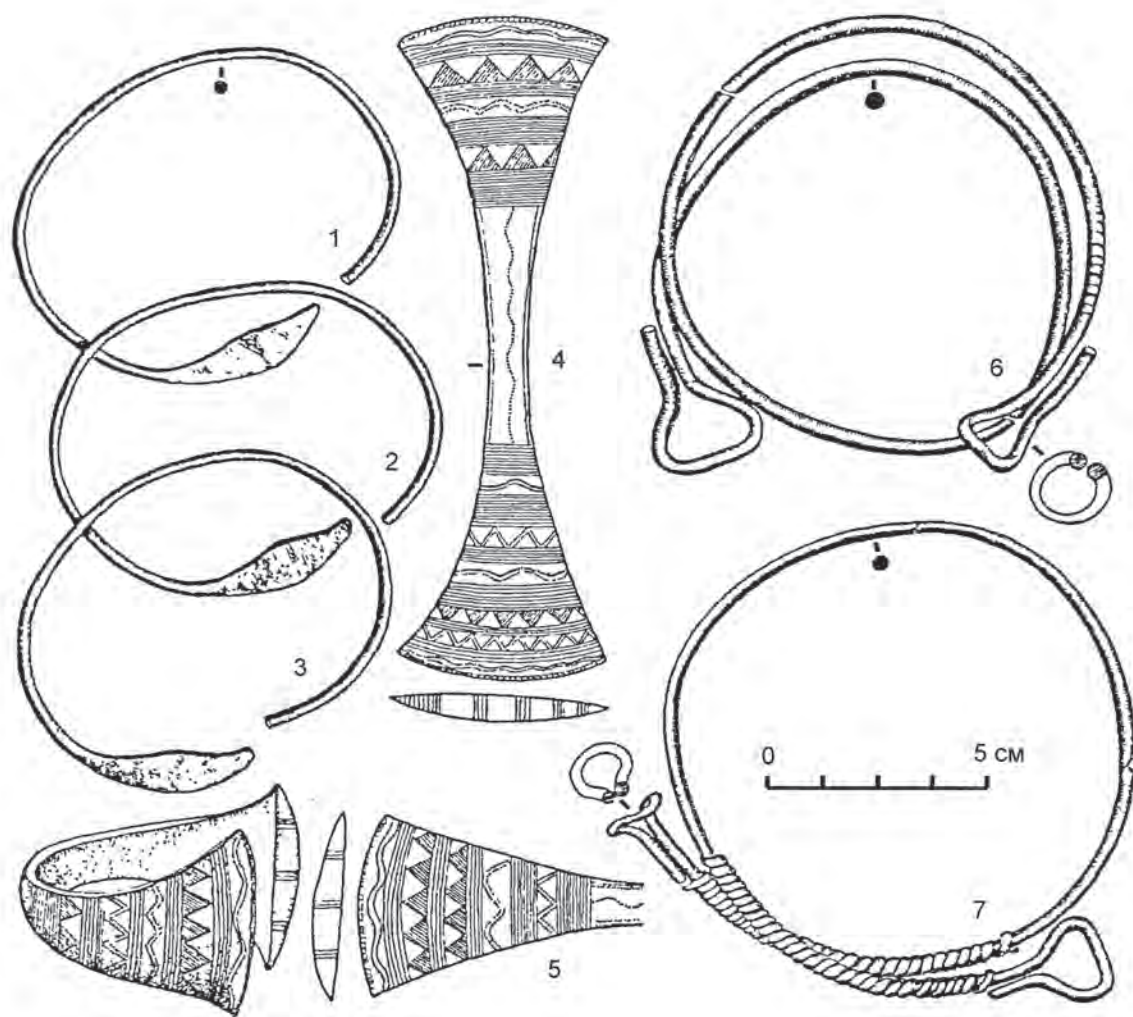

Рис. 11. Городище Вежки, клад, вещи из бронзы (по Ю.В. Колосовскому и Е.А. Шмидту).

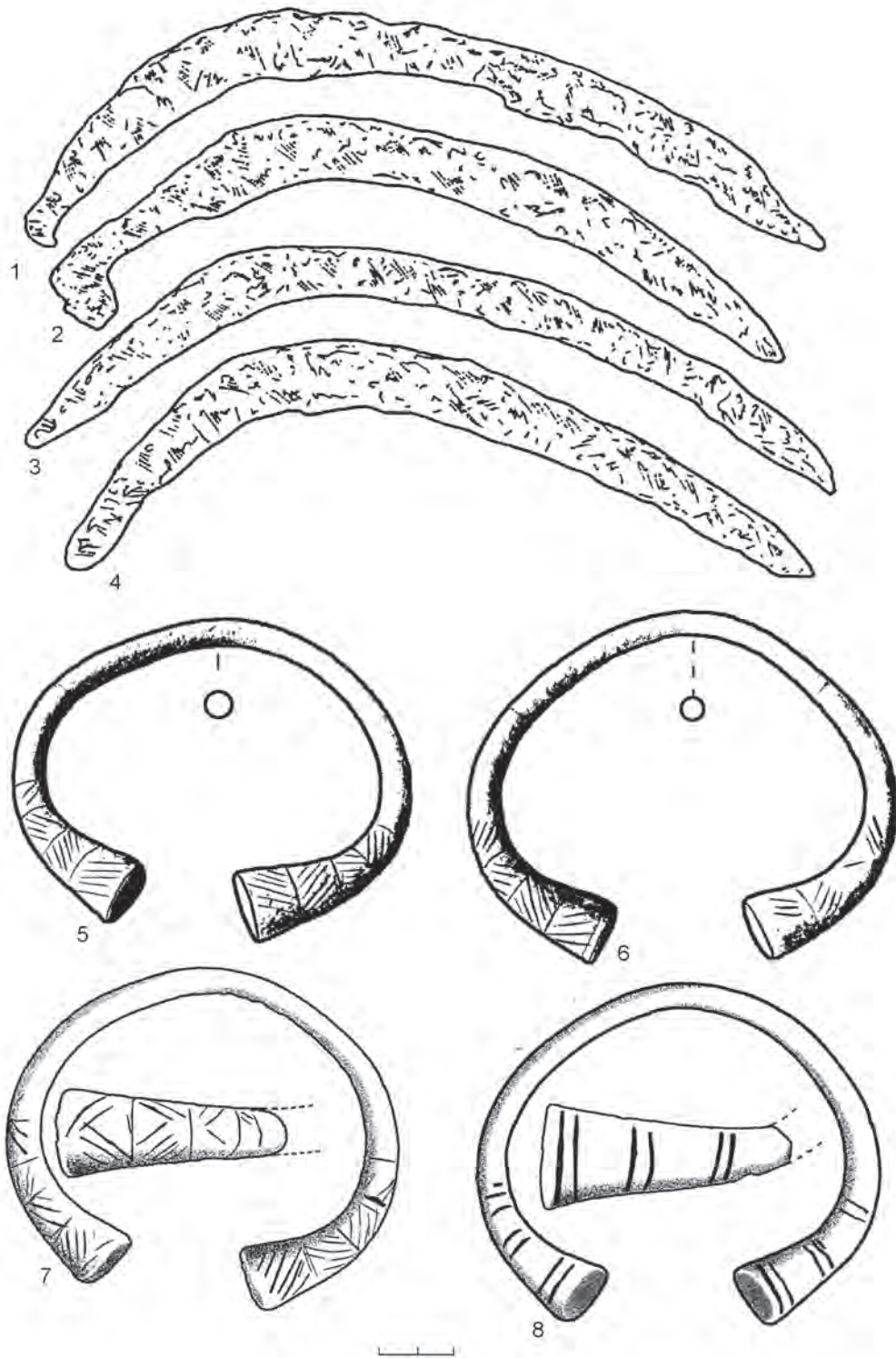

Рис. 12. Клады с городищ Колочин-1 (1-4) и Могилёв-Змеёвка (5, 6 – 1973 г.; 7, 8 – 2008 г.)
 (по Э.А. Сымоновичу и И. Марзалюку).
 1-4 – железо; 5-8 – бронза.

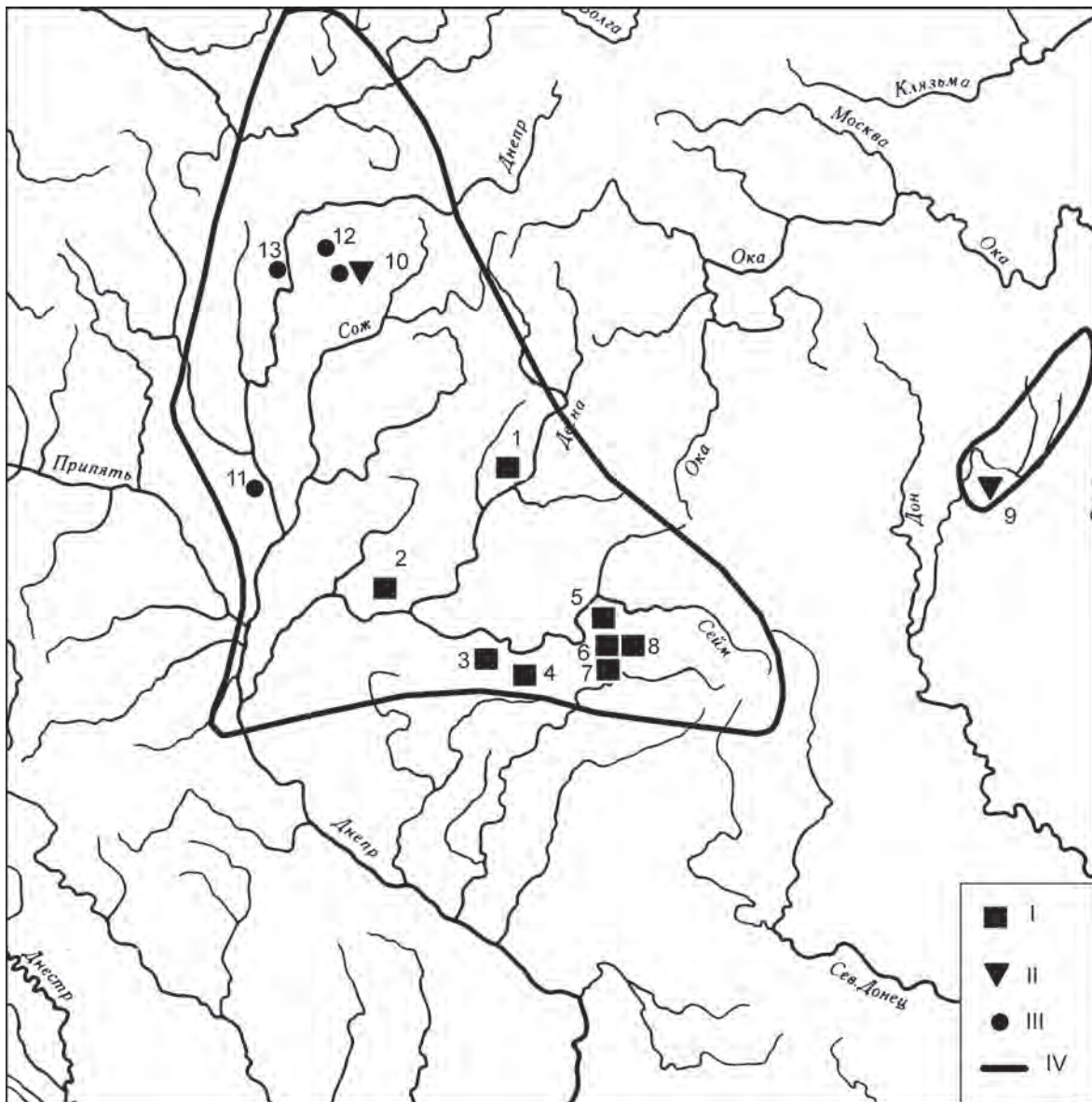

Рис. 13. Распространение кладов на территории колочинской культуры.

I – клады «древностей антов» первой группы по О.А. Щегловой; II – наборы вещей круга «древностей антов» первой группы по О.А. Щегловой на колочинских поселениях; III – прочие клады; IV – граница колочинской культуры; 1 – Трубчевск; 2 – Мена; 3 – Шевченково; 4 – Большие Будки; 5 – Гапоново; 6 – Суджа; 7 – Суджа-Замостье; 8 – Куриловка; 9 – Кривец-4; 10 – Никодимово; 11 – Колочин-1; 12 – Вежки; 13 – Могилёв (Змеевка).

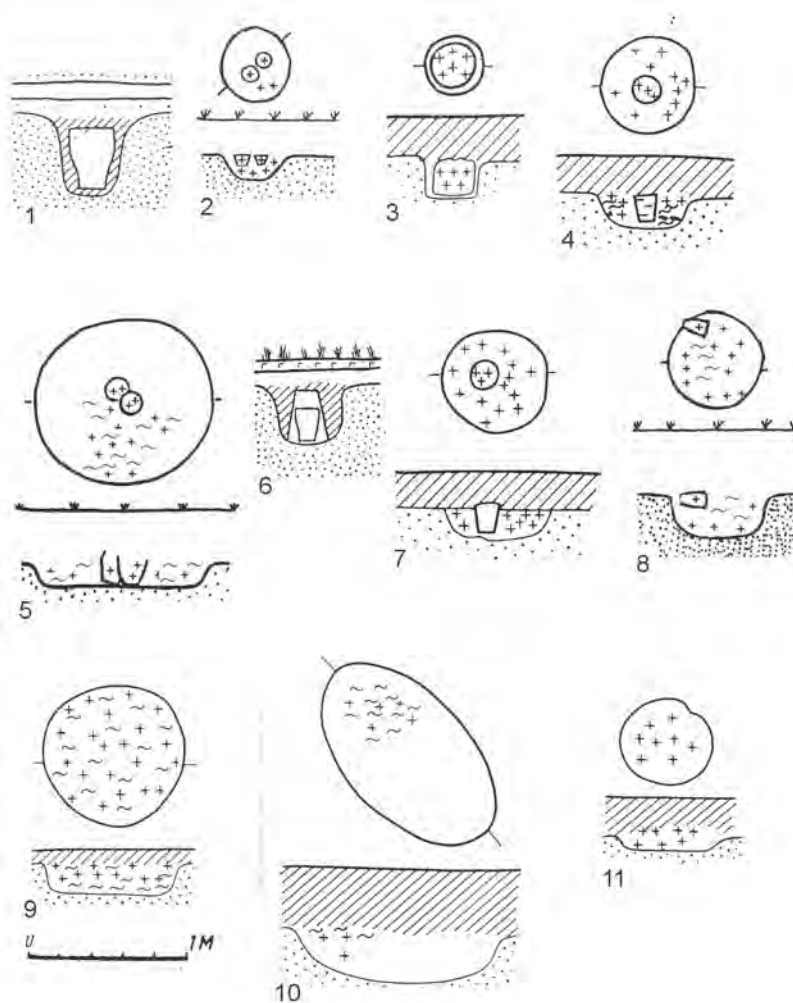

Рис. 14. Образцы грунтовых трупосождений лесного Поднепровья (по Е.А. Шмидту и Л.Д. Поболу).
 1 – тип I, вариант 1; 2 – тип I, вариант 2; 3 – тип I, вариант 6; 4 – тип II, вариант 1; 5 – тип II, вариант 2; 6 – тип II, вариант 4; 7 – тип II, вариант 5; 8 – тип II, вариант 7; 9, 10 – тип III, разновидность 1-2; 11 – тип III, разновидность 3; 1 – Акатово, погр. 2; 2 – Тайманово, погр. 24; 3 – Нижняя Тощица, погр. 8; 4 – Нижняя Тощица, погр. 4; 5 – Тайманово, погр. 89; 6 – Акатово, погр. 13; 7 – Нижняя Тощица, погр. 1; 8 – Тайманово, погр. 23; 9 – Новый Быхов, погр. 9; 10 – Новый Быхов, погр. 9; 11 – Новый Быхов, погр. 24.

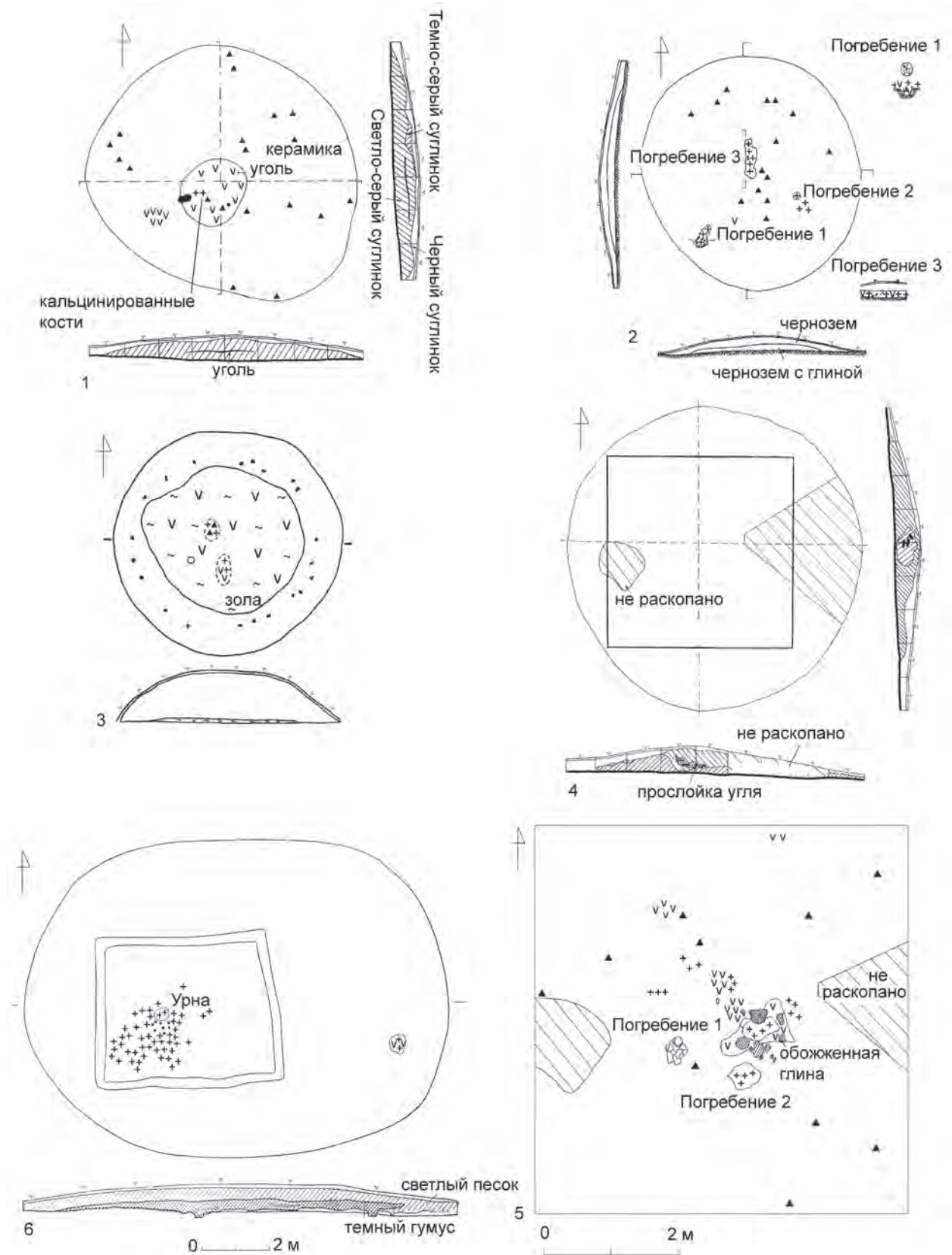

Рис. 15. Планы колочинских курганов (по А.М. Обломскому, Р.В. Терпиловскому, В.В. Приймаку и О.А. Макушникову)

1 – тип 1, вариант 1; 2 – тип 1, вариант 2; 3 – тип 2, вариант 1; 4,5 – тип 1, вариант 5; 6 – тип 2, вариант 2; 1 – Бездрик, курган 4; 2 – Бездрик, курган 1; 3 – Колас, курган 1; 4 – Бездрик, курган 2, общий план; 5 – Бездрик, курган 2, центральная часть; 6 – Кветунь, курган 17.

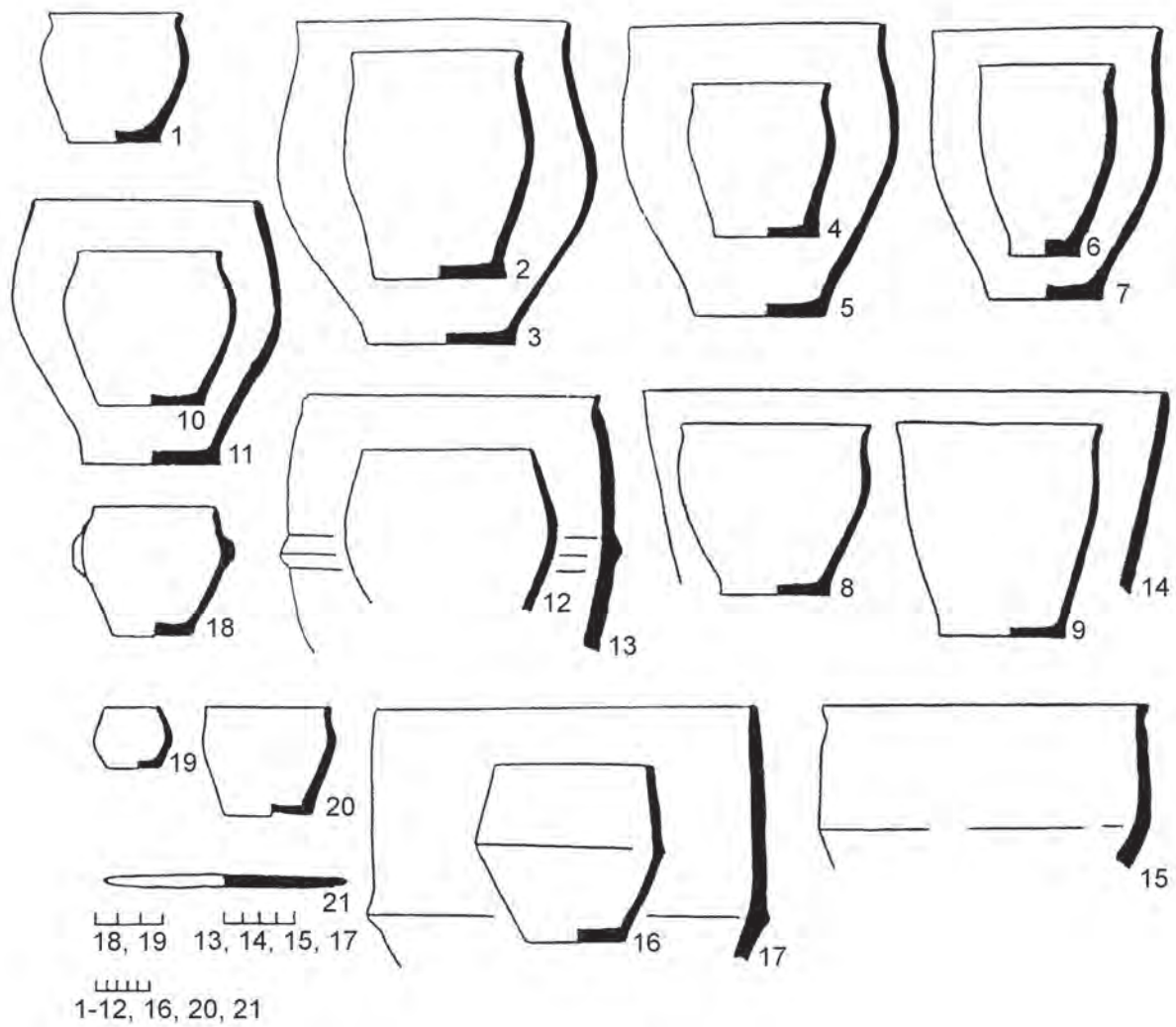

Рис. 16. Классификация керамики колочинской культуры по А.М. Обломскому
 1 – тип I,1; 2-5,10 – тип I,3-а; 6-9 – тип I,3-б; 11 – тип I,4,а; 12 – тип I,4,б; 13 – тип I,4,в; 14 – тип I,4,г;
 15 – тип II,2; 16,17 – тип II,5; 18-20 – мискообразные сосуды; 21 – диск.

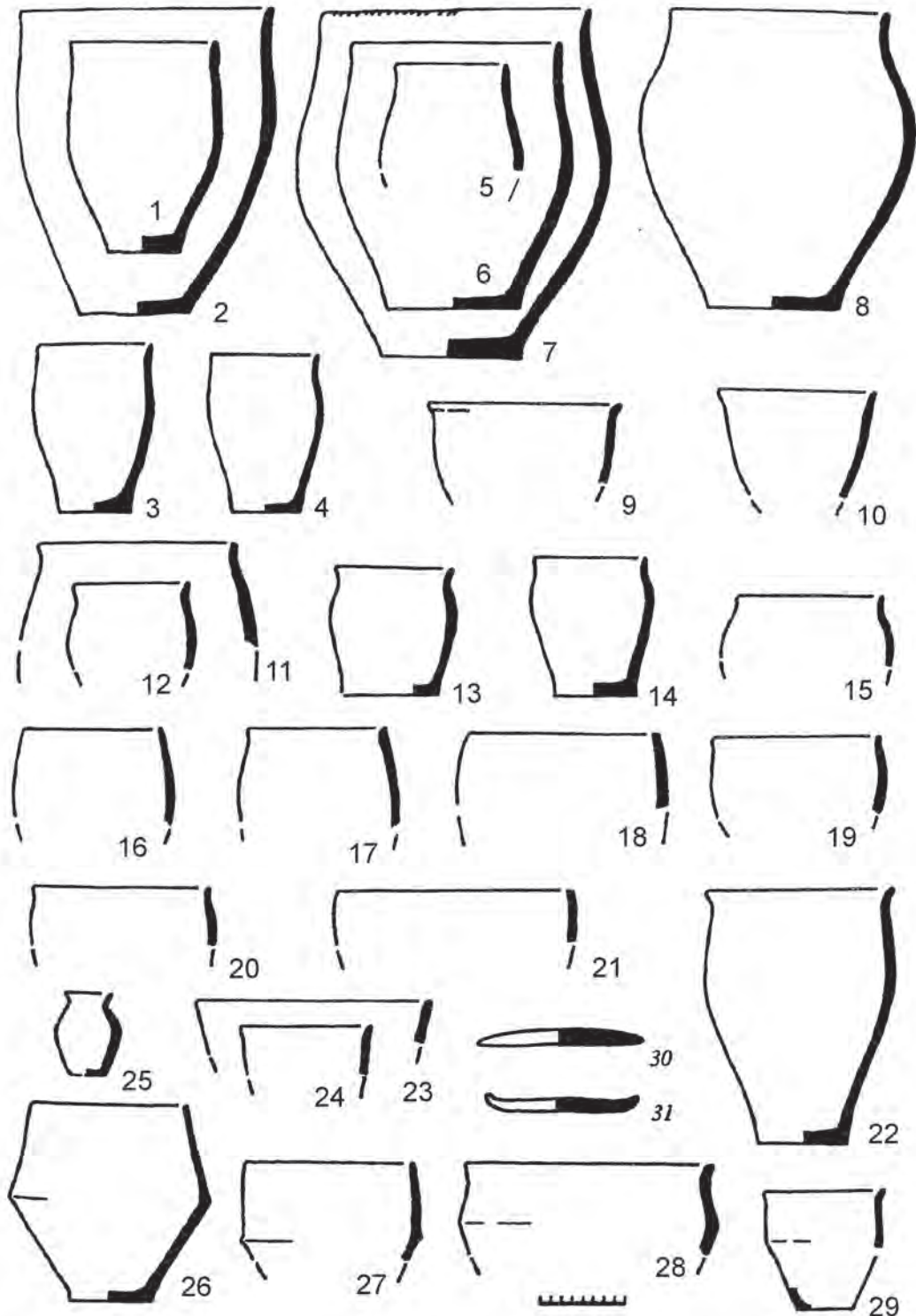

Рис. 17. Классификация керамики колочинской культуры по Д.В. Середе.
 1-4 – тип I; 5-8 – тип II; 9,10 – тип III; 11-15 – тип IV; 16-21 – тип V; 22 –
 тип VI; 23, 24 – тип VII; 25 – тип VIII; 26 – тип PI; 27 – тип PII; 28 – тип
 PIII; 29 – тип PIV; 30 – диск типа А; 31 – диск типа Б.

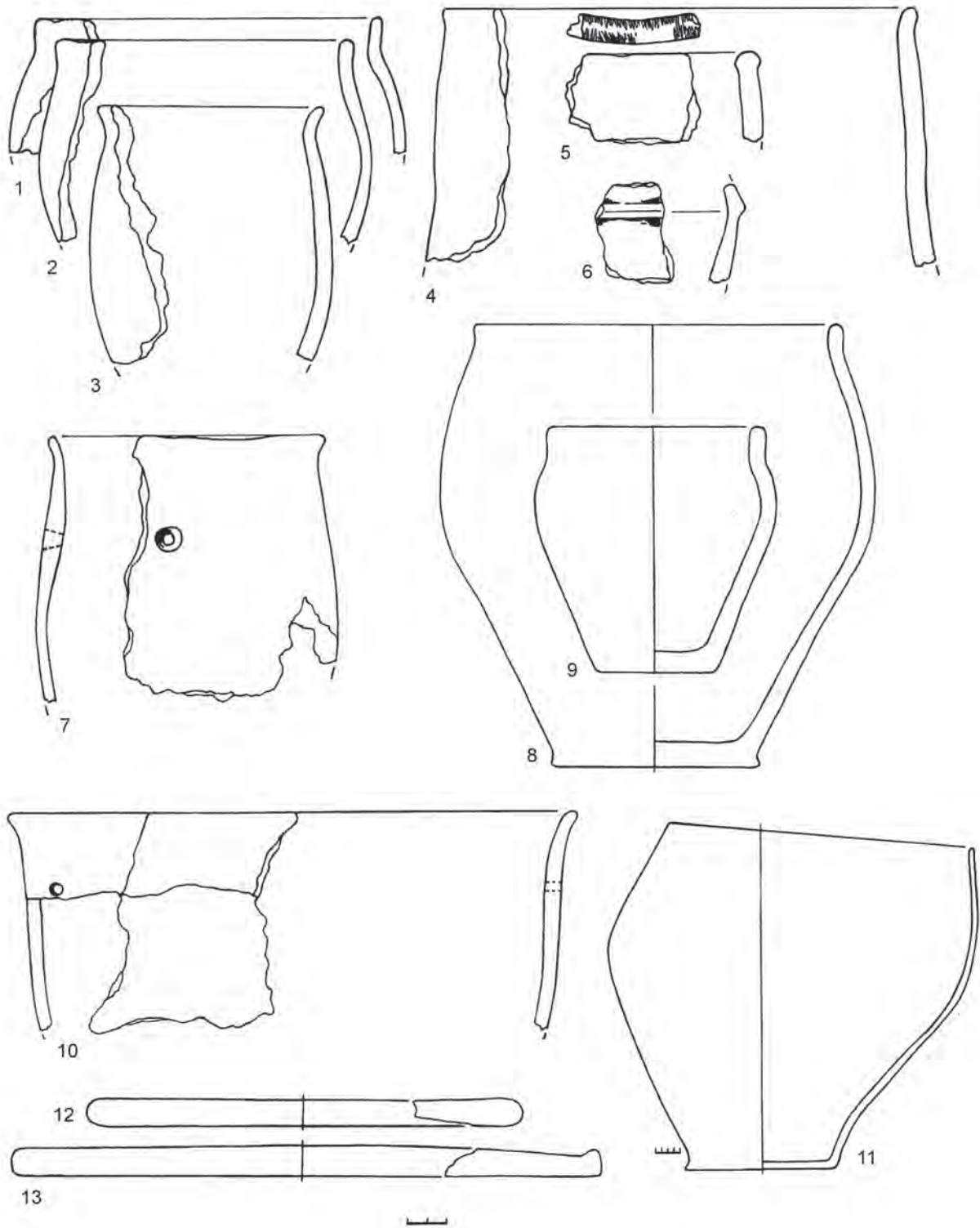

Рис. 18. Керамика поселения Большие Будки (Хутор) (по В.М. Горюновой и В.Е. Родинковой).

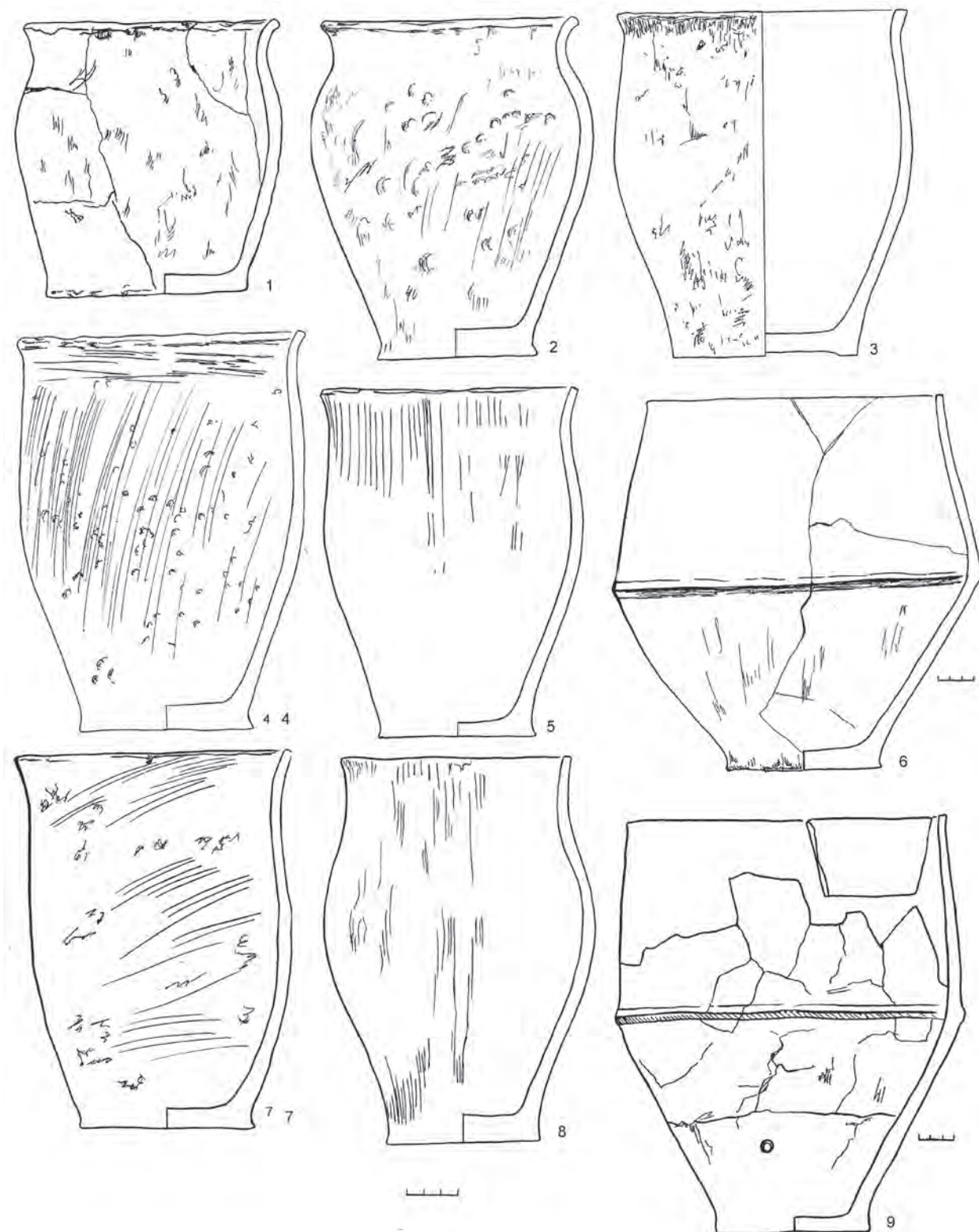

Рис. 19. Керамика могильника Картамышево-2 (по В.М. Горюновой).

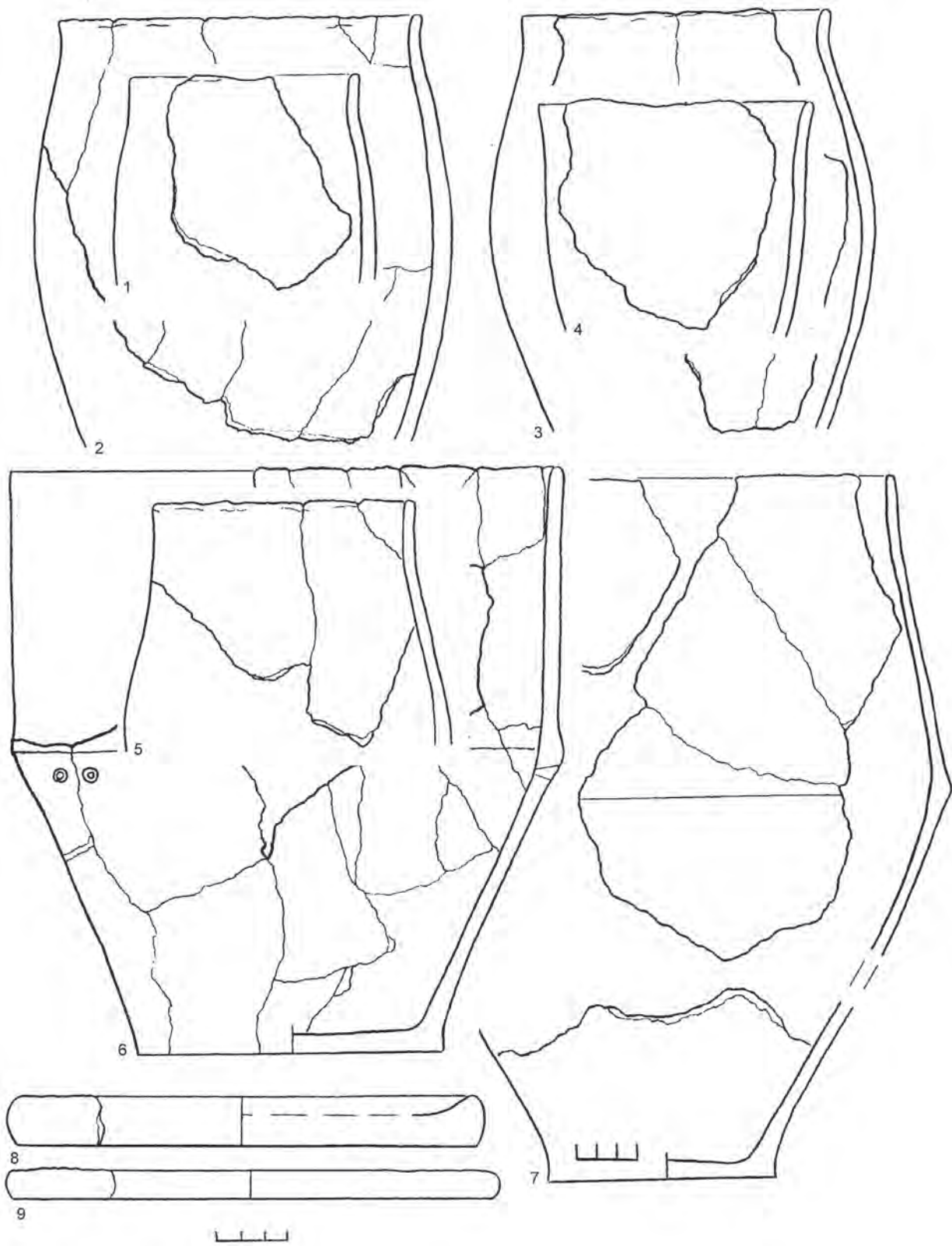

Рис. 20. Керамика городища Колочин-1 (по О.А. Макушникову).

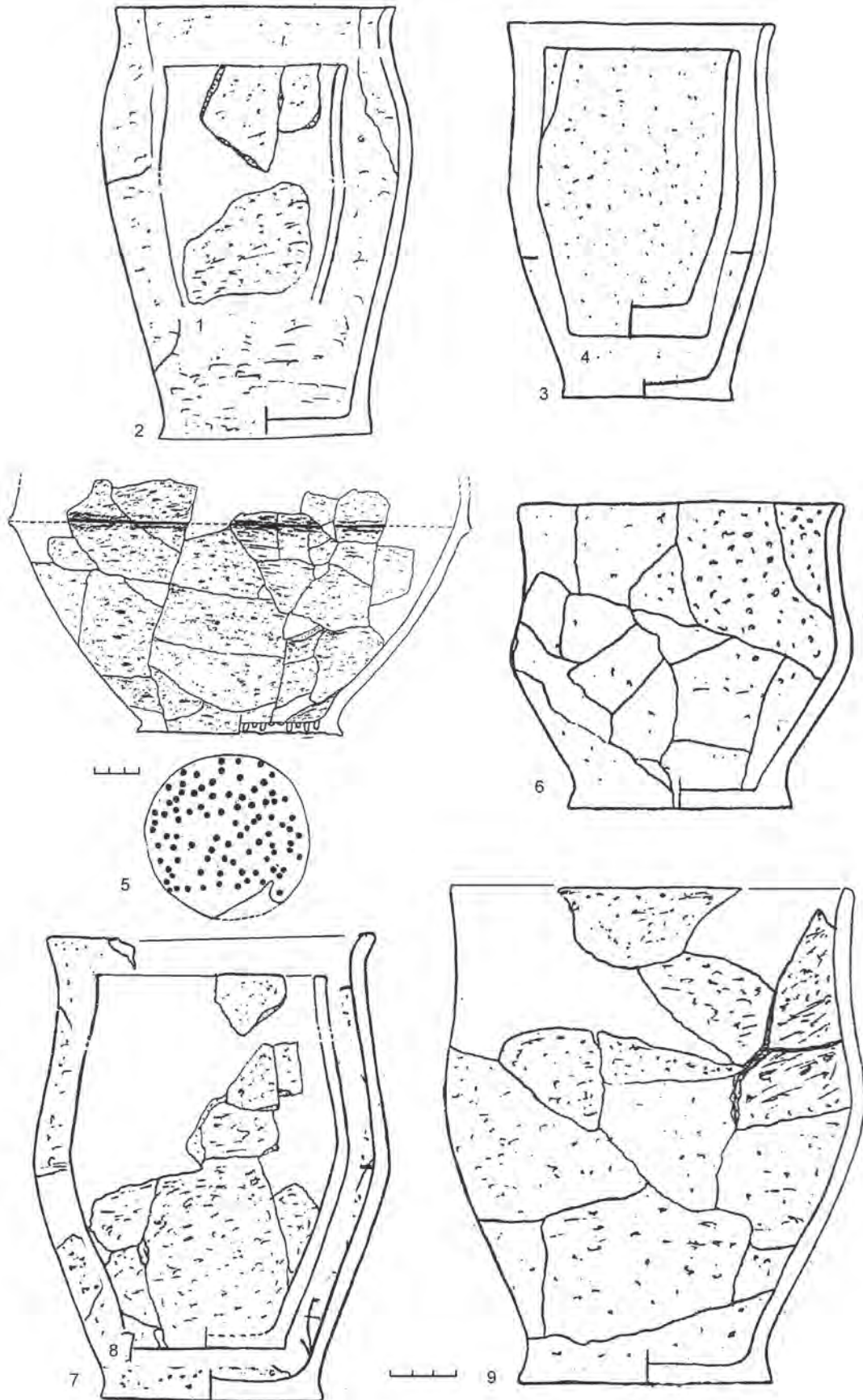

Рис. 21. Керамика могильника Тайманово (по Л.Д. Поболу, Н.Н. Дубицкой и В.В. Пилипцевич).

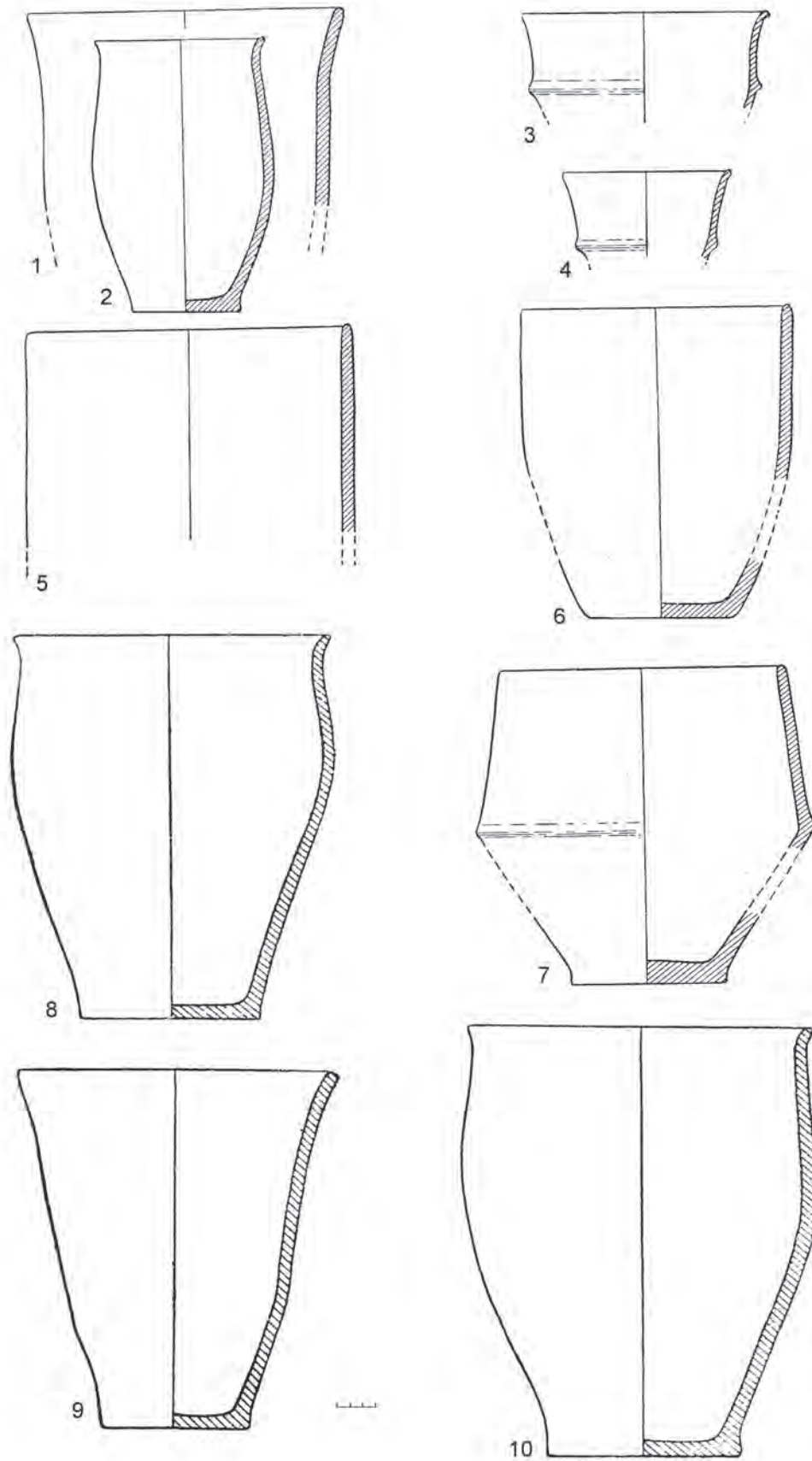

Рис. 22. Керамика северной части ареала колочинской культуры (по Е.А. Шмидту).
1-7 – городище Демидовка; 8-10 – могильник Акатово.

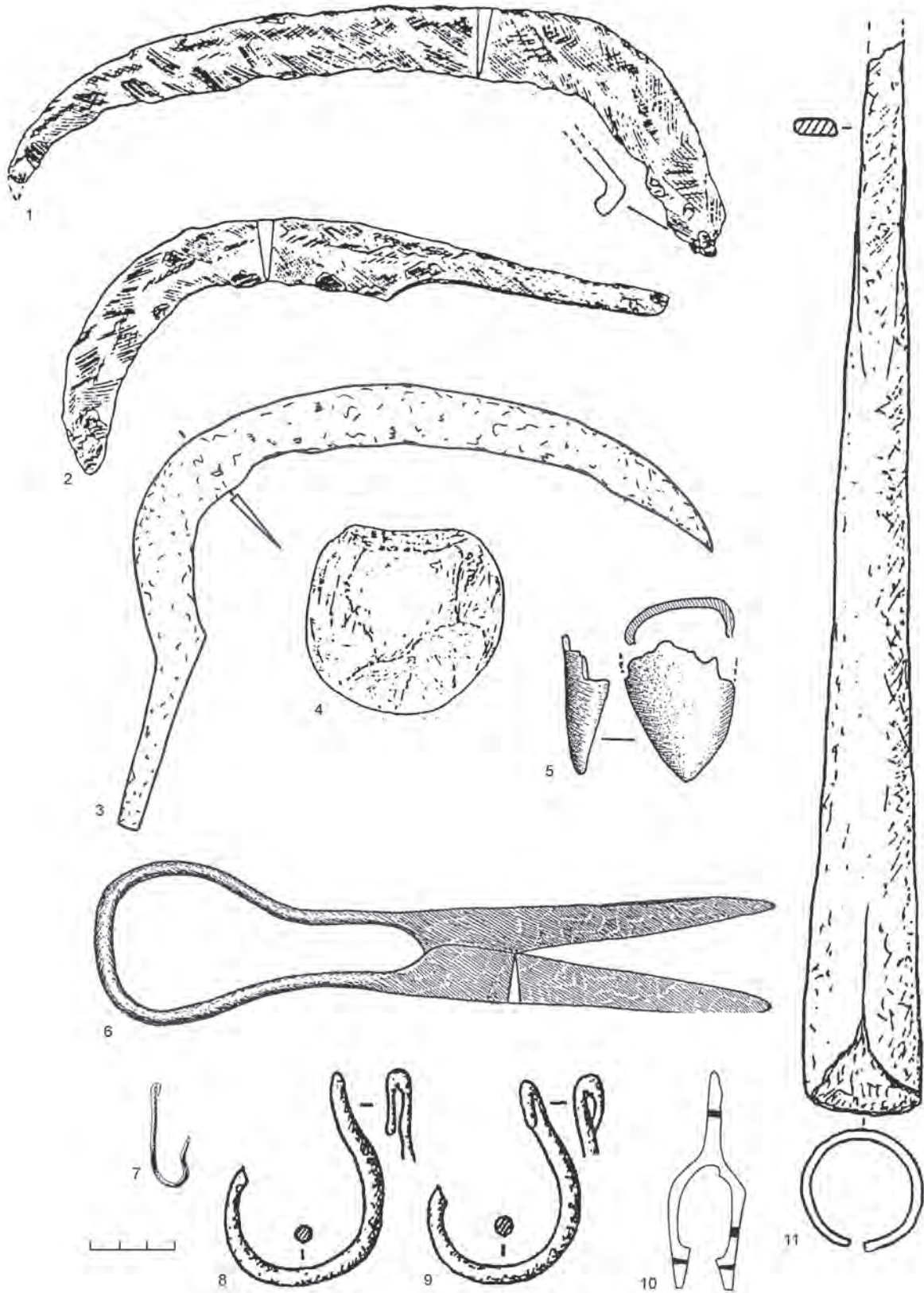

Рис. 23. Орудия труда из железа (1-3, 5-11) и камня (4).

1, 2, 4, 5, 6 – Никодимово; 3 – Мощенка; 7 – Могилёв-Змеёвка; 8, 9, 11 – Колочин-1; 10 – Курочкин-3.

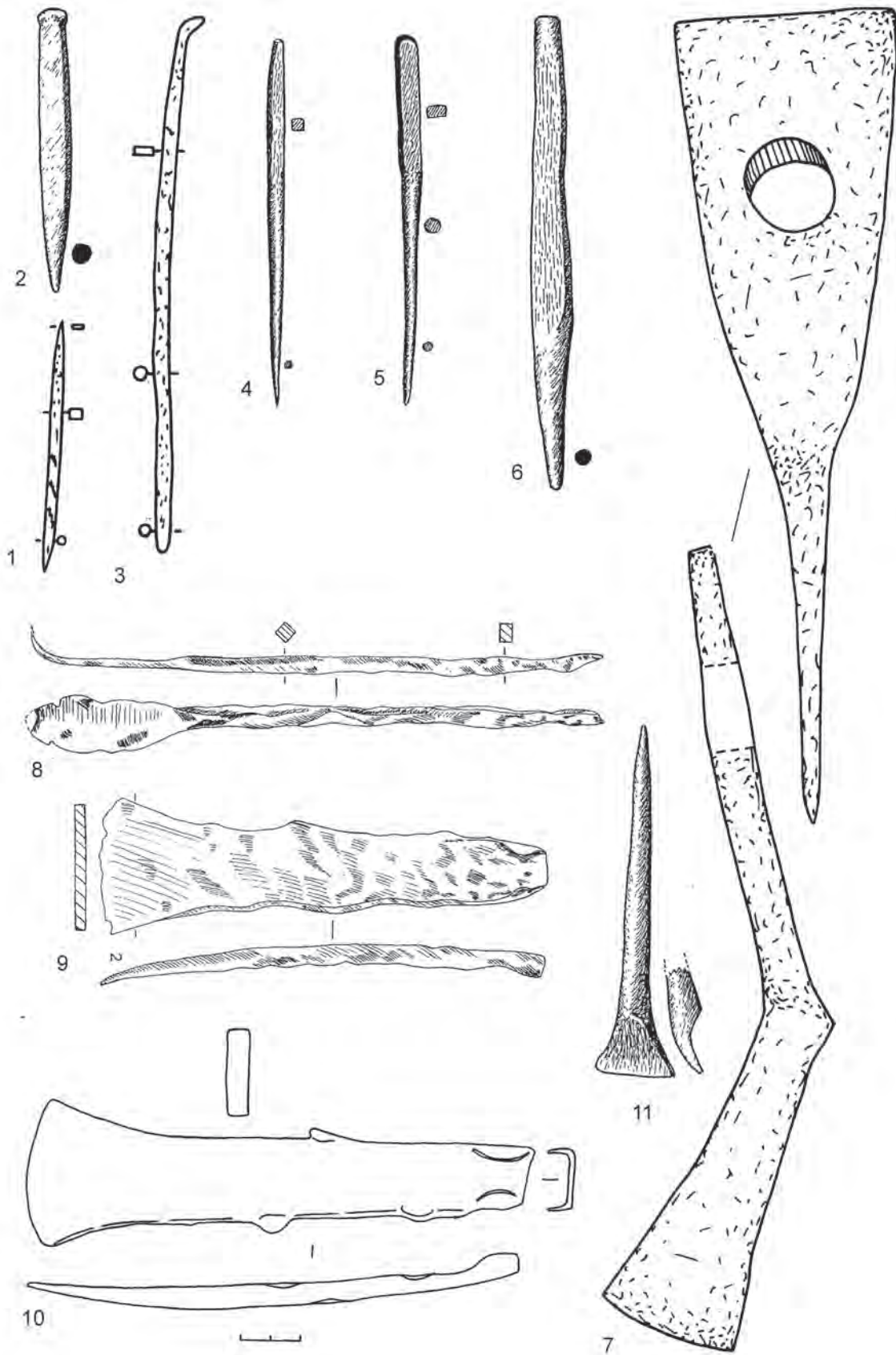

Рис. 24. Инструментарий из железа.

1, 3, 7 – Мощенка; 2, 4, 6, 11 – Демидовка; 5 – Близнаки; 8, 9 – Большие Будки (Хутор); 10 – Бездрик.

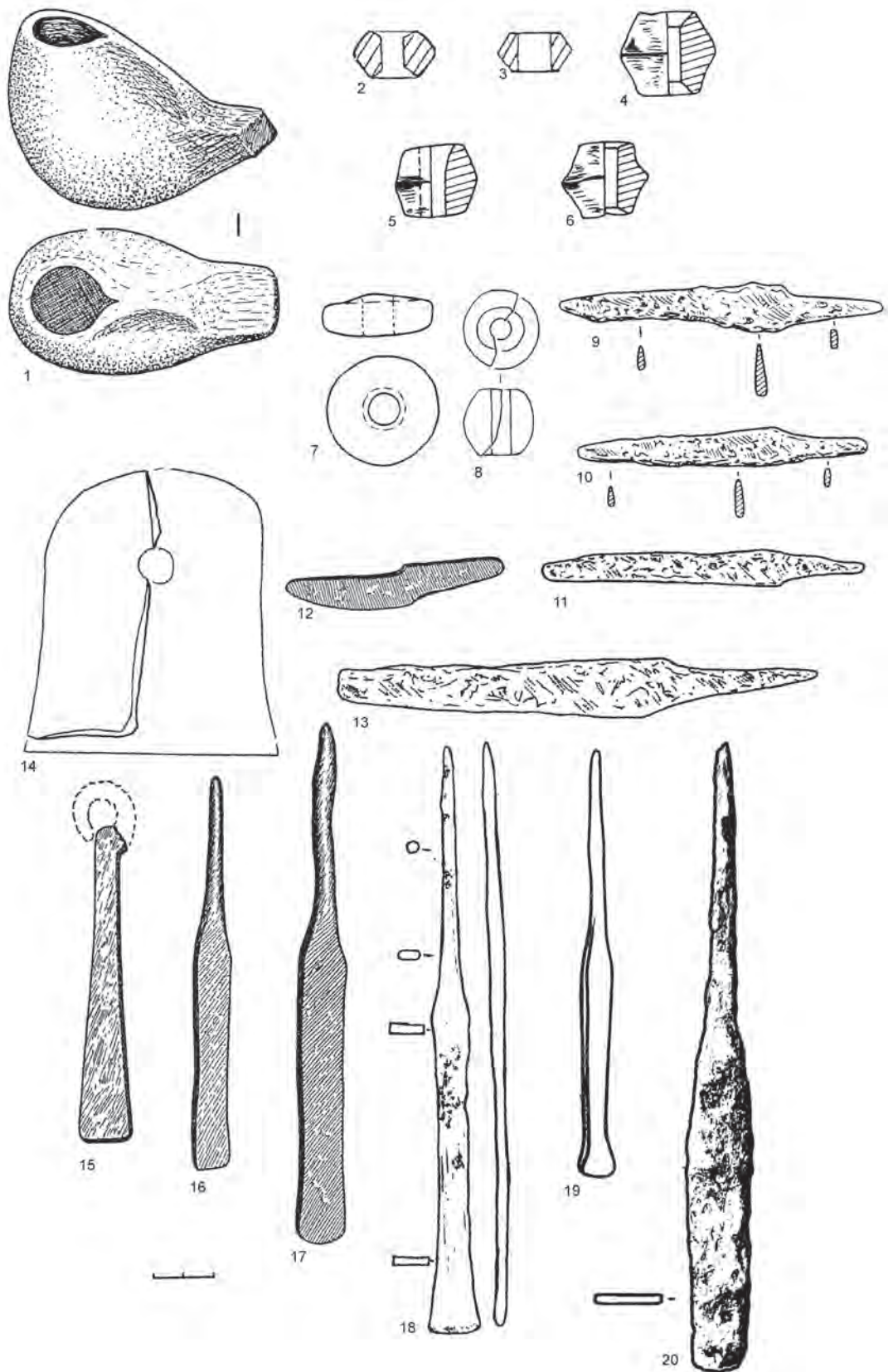

Рис. 25. Орудия труда и предметы быта из глины (1-8, 14) и железа (9-13, 15-20).
 1, 12, 15-17 – Демидовка; 2, 3, 14 – Красное-4; 4-6 – Большие Будки (Хутор); 7, 9, 10 – Лёвкин Бугор;
 8 – Кривец-4; 11 – Колочин-1, селище; 13 – Колочин-1, городище; 18 – Тайманово; 19 – Близнаки;
 20 – Могилёв-Змеёвка.

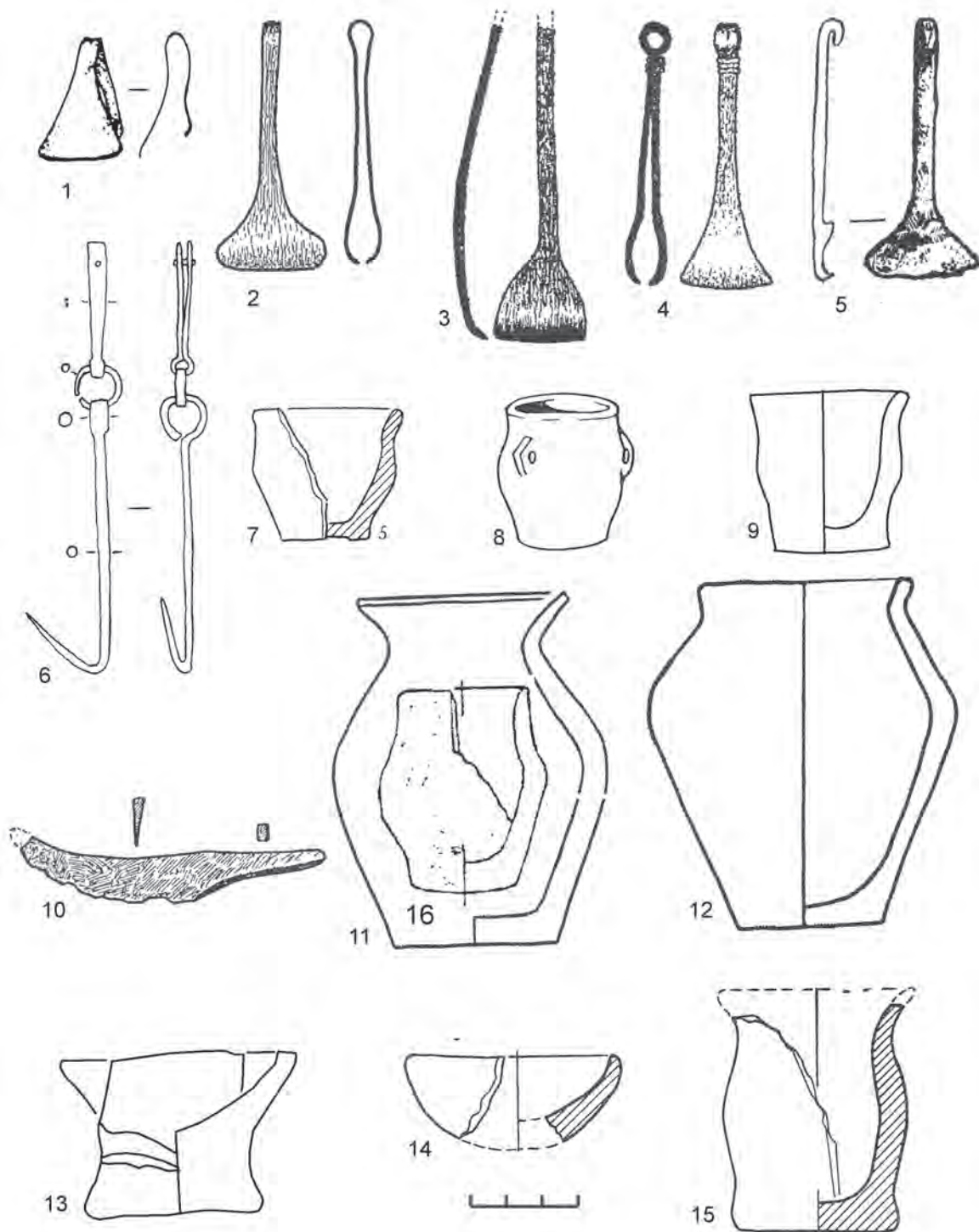

Рис. 26. Бытовые предметы из бронзы (1,6), железа (2-5,10), глины (7-9,11-15).
 1 – Кривец-4; 2 – Никодимово; 3, 4, 10 – Демидовка; 5 – Кисели; 6 – Шишино-5; 7 – Смольянь;
 8 – Лебяжье-1; 9, 13 – Заярье; 11, 12 – Каргамышево-2; 14, 15 – Колодезный Бугор; 16 – Рассуха.

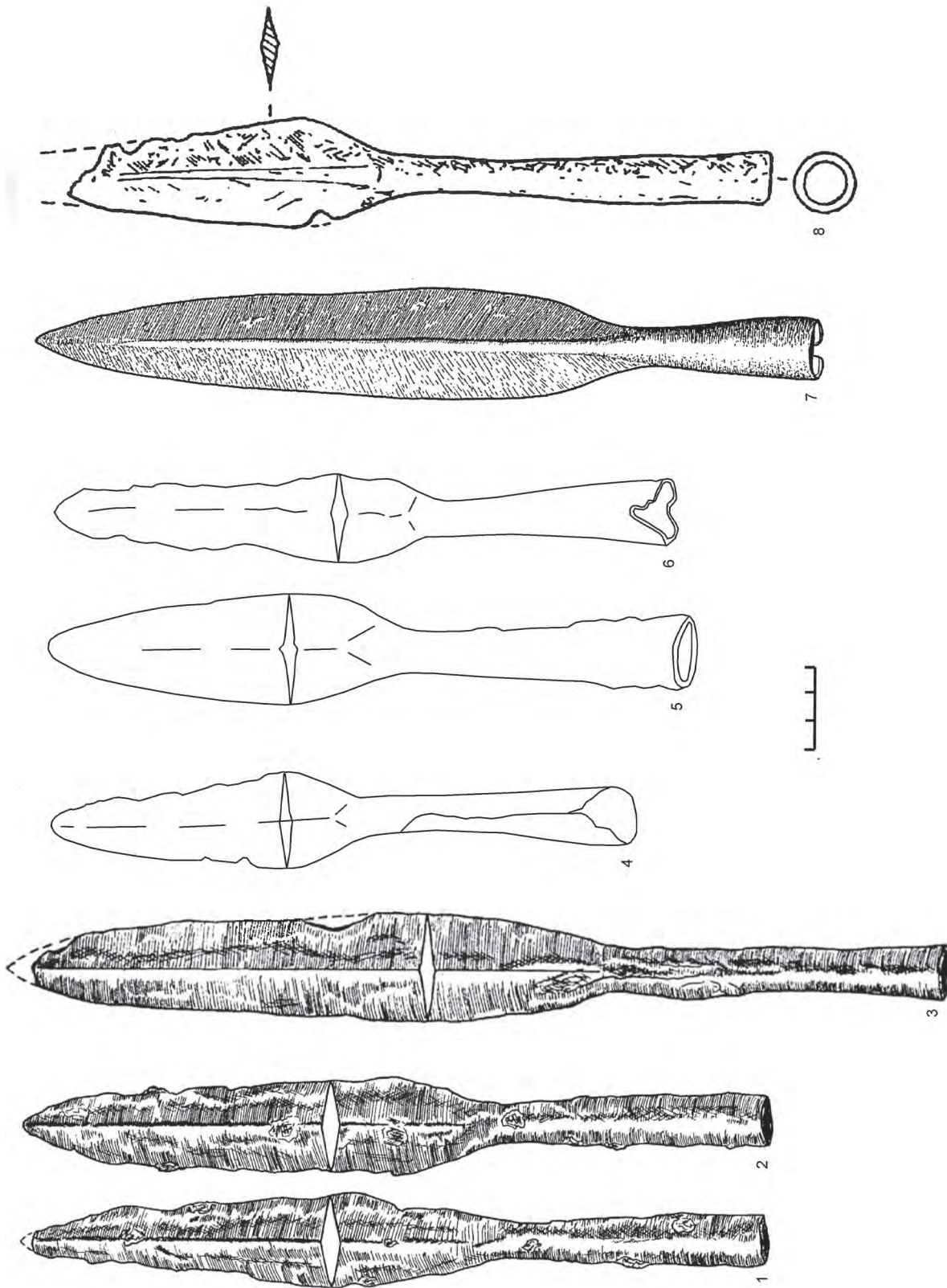

Рис. 27. Наконечники копий типа I из железа.

1-3 — Никодимово; 4 — Лебяжье-1; 5, 6 — Княжий; 7 — Демидовка; 8 — Колочин-1.

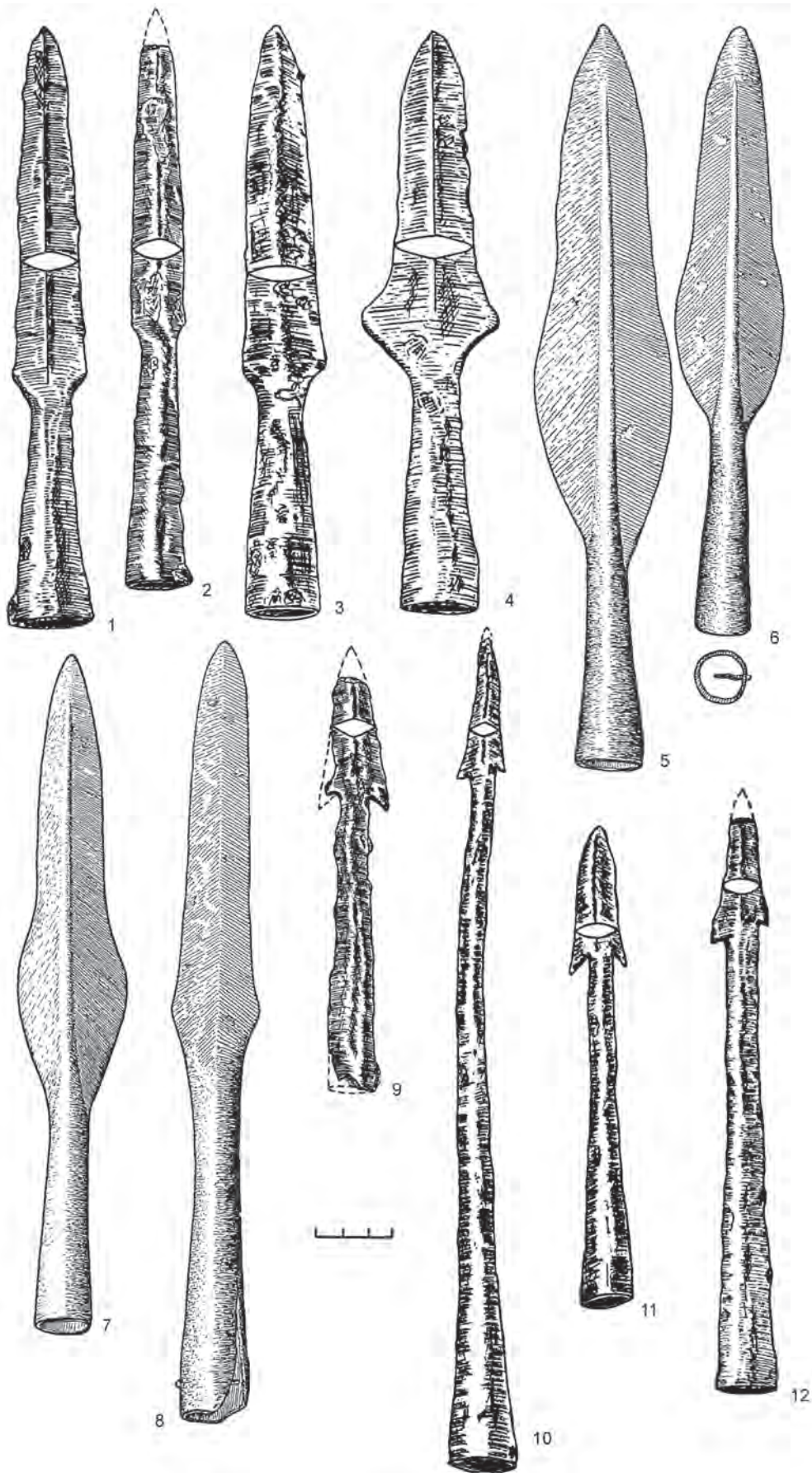

Рис. 28. Наконечники копий из железа.

1-3 – тип II; 4-8 – тип III; 9-12 – тип IV; 1-4, 9-12 – Никодимово; 5-7 – Демидовка; 8 – Близнаки.

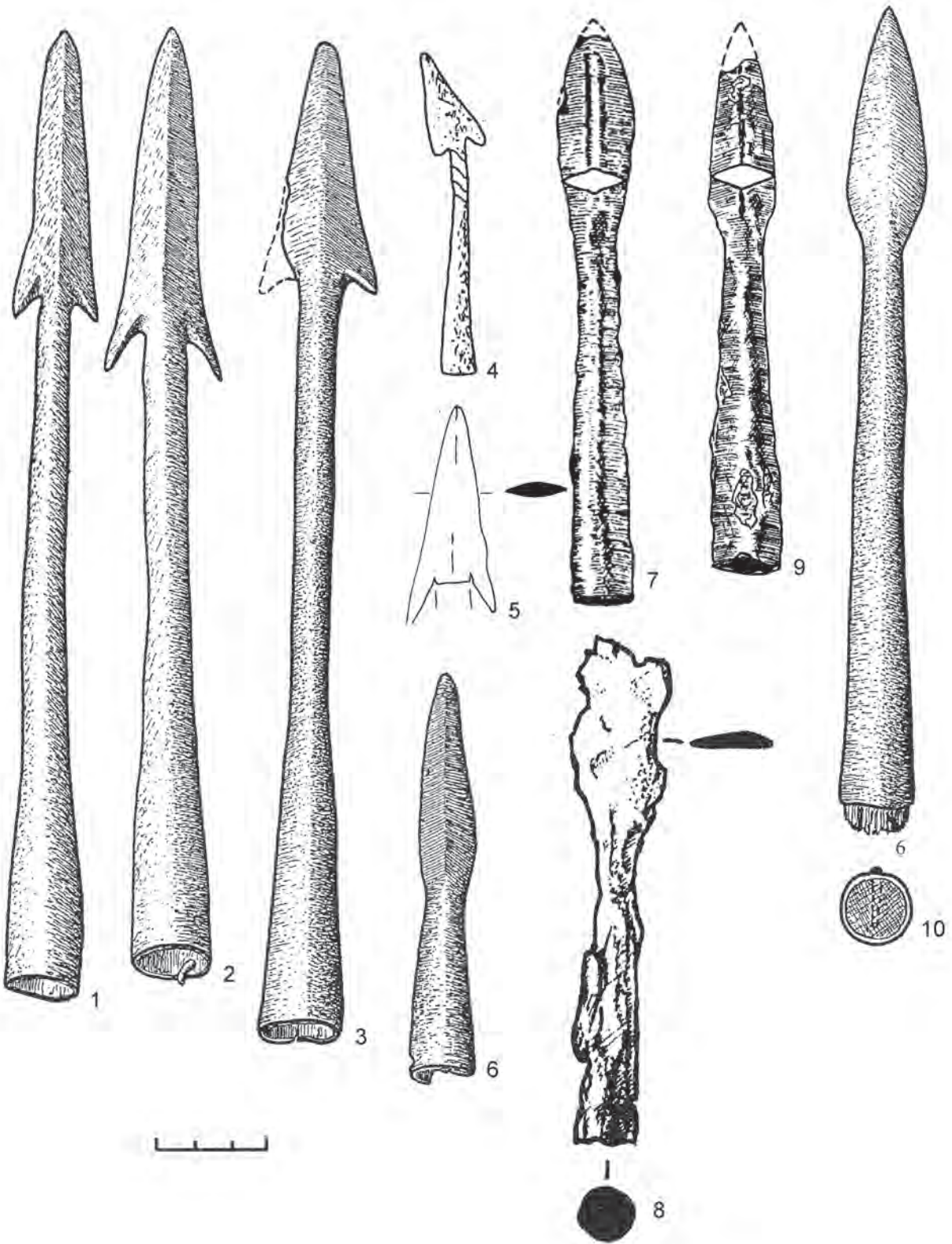

Рис. 29. Наконечники копий из железа.
 1-5 – тип IV; 6-10 – тип V; 1-3, 6 – Демидовка; 4 – Колочин-1; 5 – Кривец-4;
 7, 9 – Никодимово; 8 – Черкасово; 10 – Близнаки.

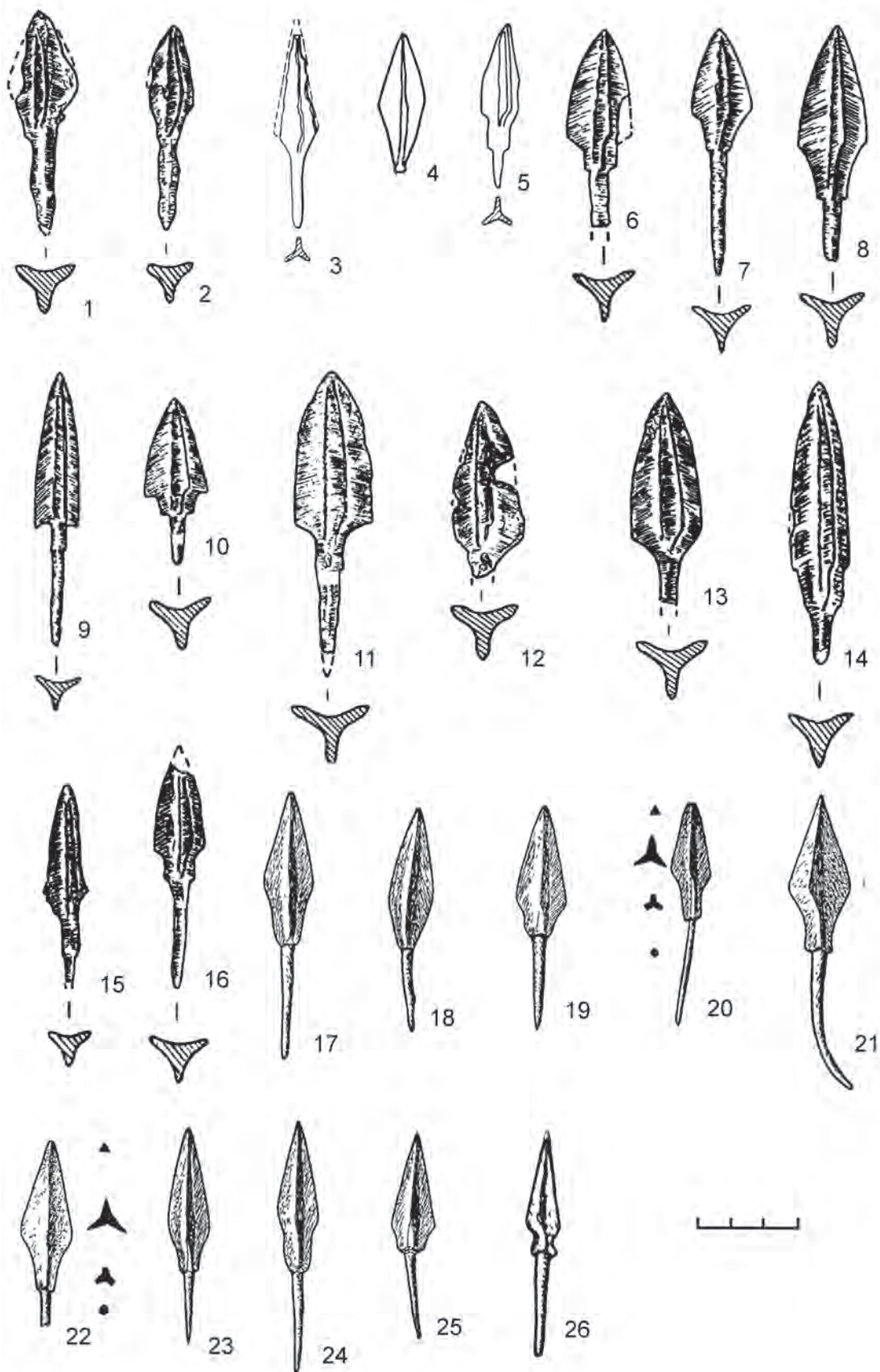

Рис. 30. Наконечники стрел из железа.

1-4 – группа 1, тип I, вариант А; 5-26 – группа 1, тип I, вариант Б; 1, 2, 6-16 – Никодимово; 3 – Колодезный Бугор; 4 – Тайманово, поселение; 5 – Хохлов Вир; 17-25 – Демидовка; 26 – Близнаки.

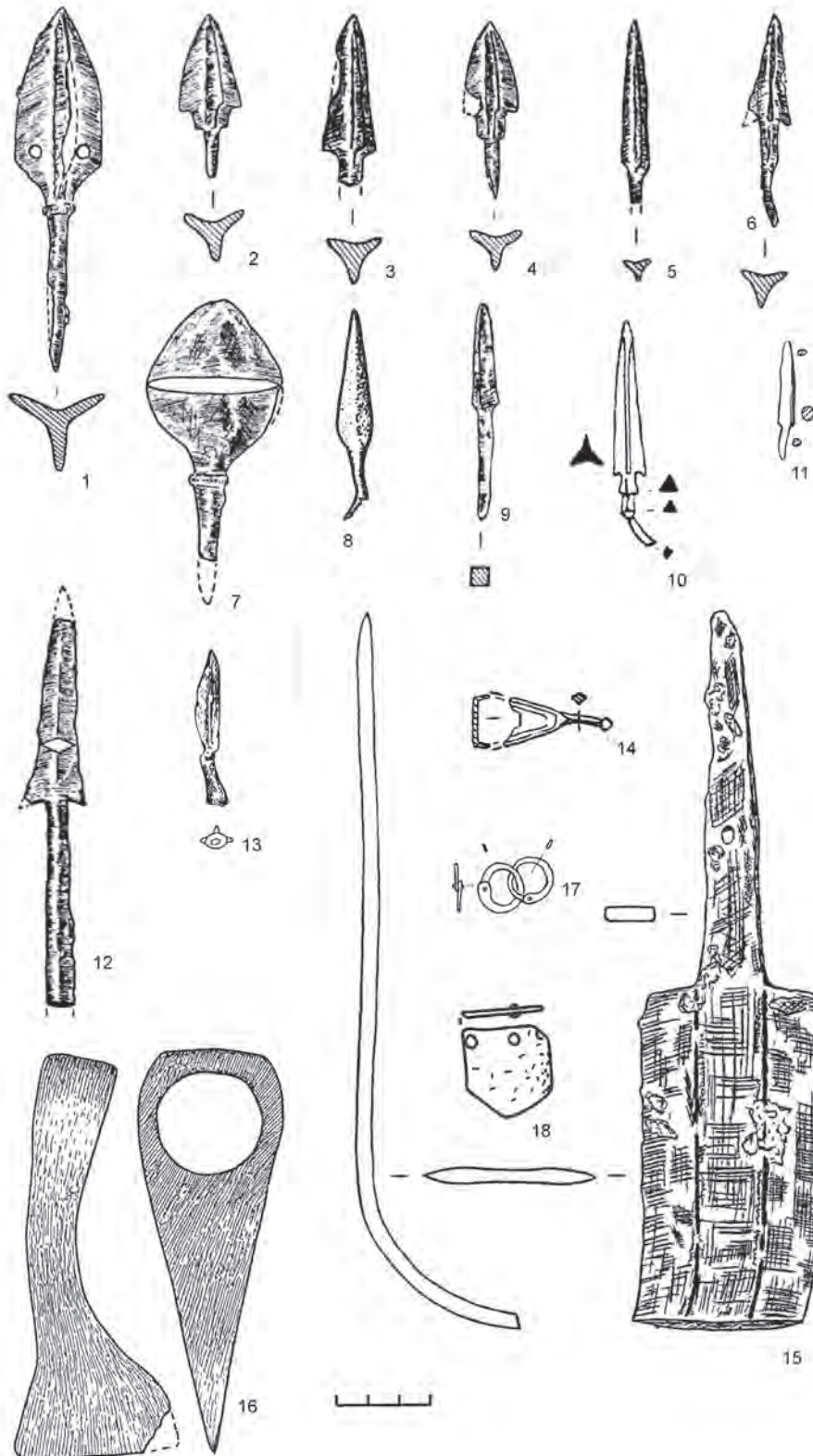

Рис. 31. Предметы вооружения из бронзы (15) и железа (1-14, 16-19).

1 – наконечники стрел (1 – группы 1 типа II; 2-4 – группы 1 типа III; 5 – группы 1 типа IV; 6 – группы 1 типа V; 7, 8 – группы 1 типа VI; 9, 10 – группы 1 типа VII; 11 – группы 1 типа VIII; 12 – группы 2 типа X; группы 2 типа IX); 14 – фрагмент рукояти меча или кинжала; 15 – фрагмент меча; 16 – топор; 17 – фрагмент кольчуги; 18 – пластинка панциря; 1-7, 9, 12, 15 – Никодимово; 8, 16 – Демидовка; 10 – Рассуха; 11 – Колодезный Бугор; 13 – Артюшково; 14 – Красное-4.

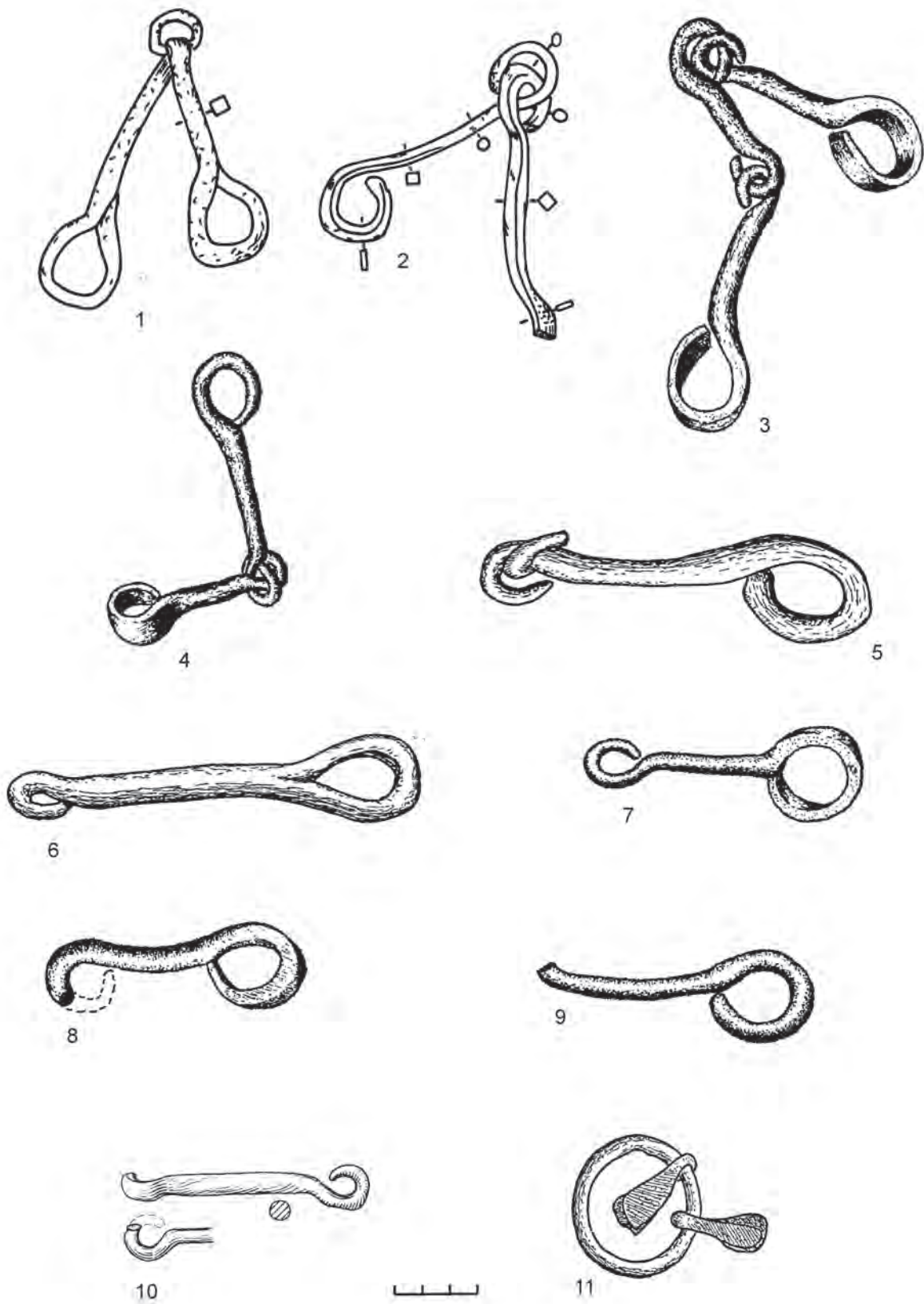

Рис. 32. Железные детали конской узды.
 1, 2 – Мощёнка; 3, 8, 9 – Близнаки; 4, 7 – Демидовка; 5, 6, 11 – Никодимово; 10 – Смольянь.

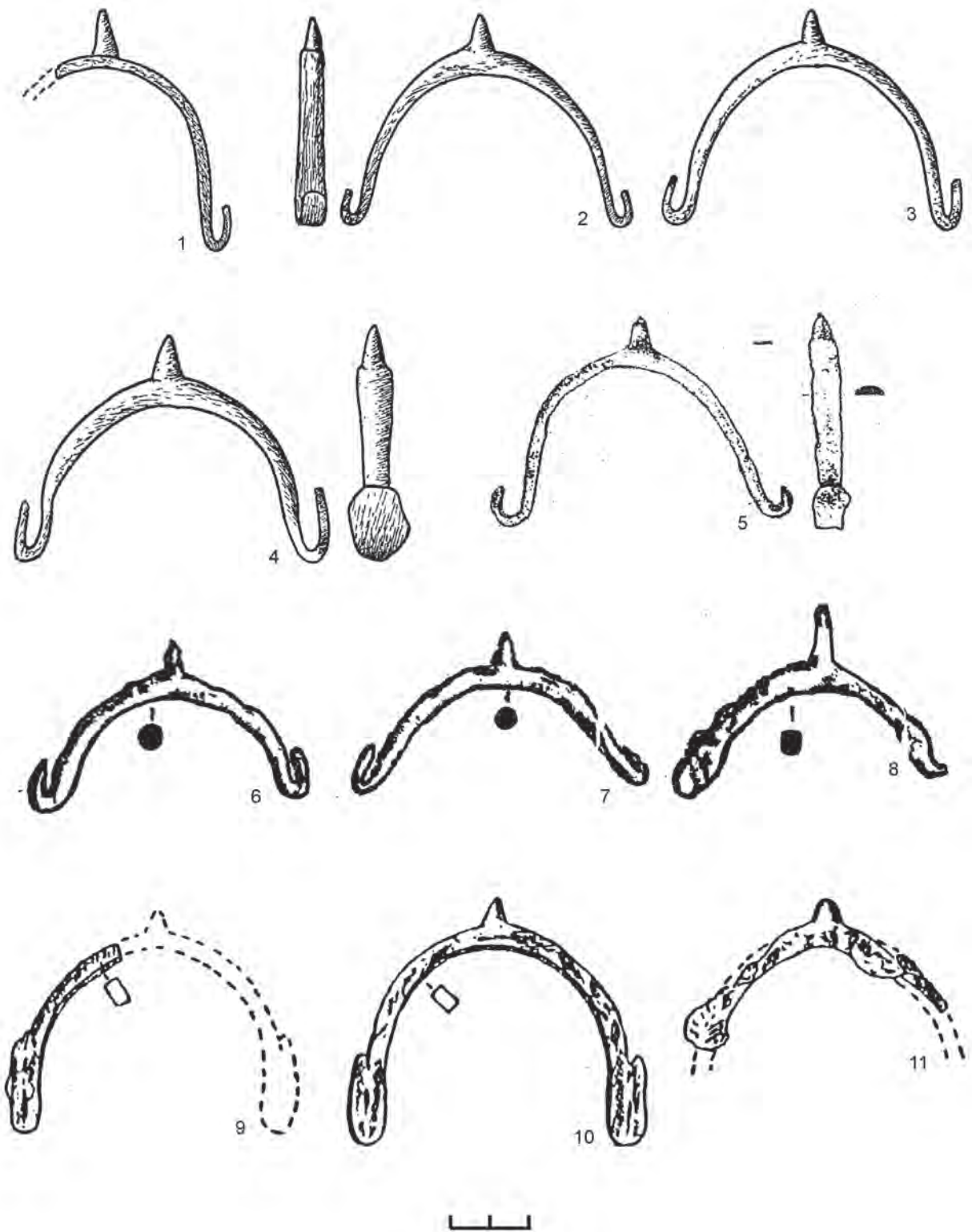

Рис. 33. Железные шпоры.

1 – Близнаки; 2-4 – Демидовка; 5 – Щатково; 6 – Кисели; 7,8 – Черкасово; 9-11 – Никодимово.

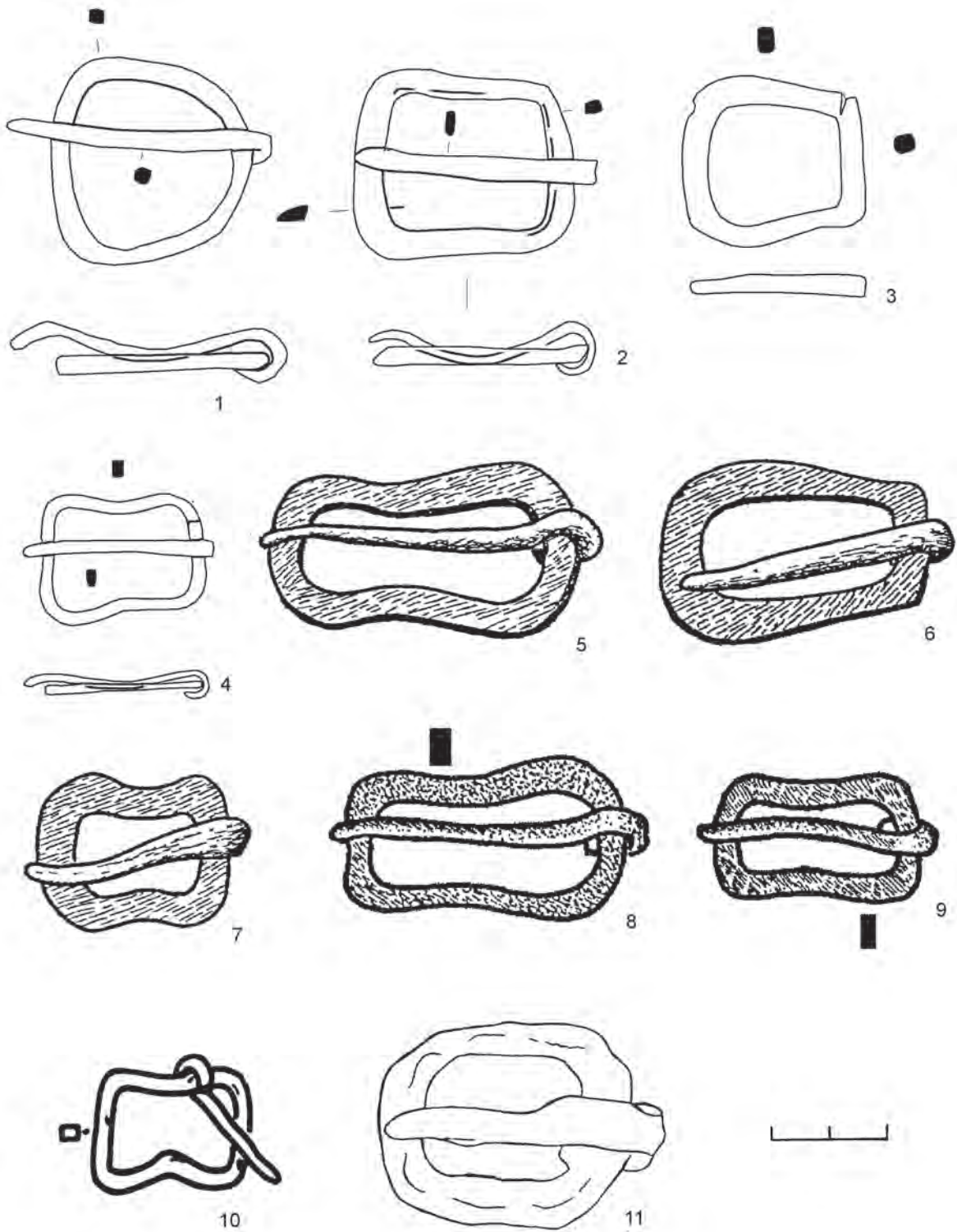

Рис. 34. «Подпружные» пряжки.
 1-3, 5-9, 11 – железо; 4 – бронза; 10 – материал не ясен; 1-4 – Кривец-4;
 5-9 – Никодимово; 10 – Мощенка; 11 – Кветунь.

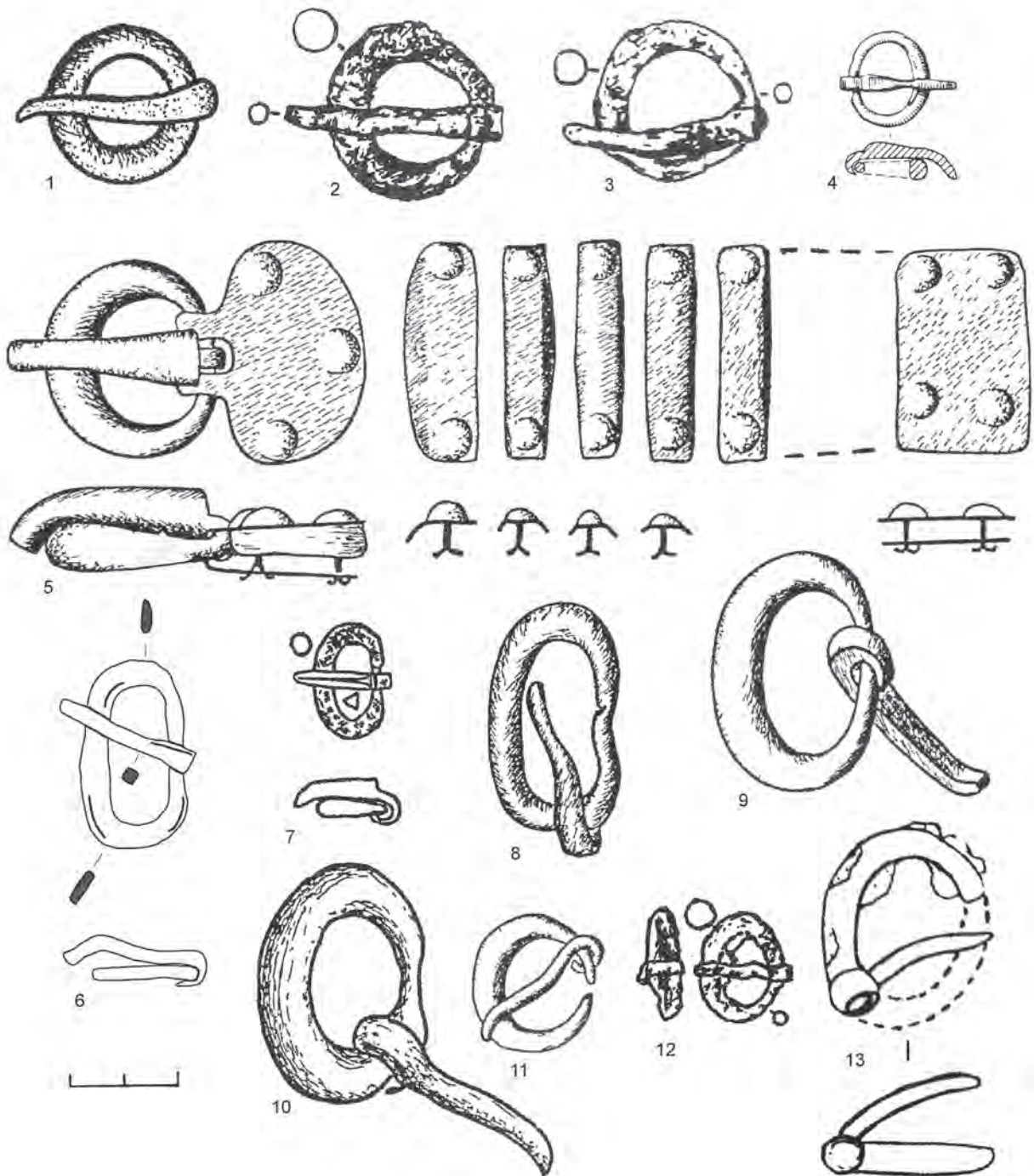

Рис. 35. Пряжки.

1, 4 – бронза; 2, 3, 6-12 – железо; 5 – серебро; 13 – железная рама, бронзовый язычок; 1, 5 – Демидовка; 2, 3, 7, 12, 13 – Тайманово; 4 – Смяч; 6 – Кривец-4; 8, 10 – Никодимово; 9, 11 – Близнаки.

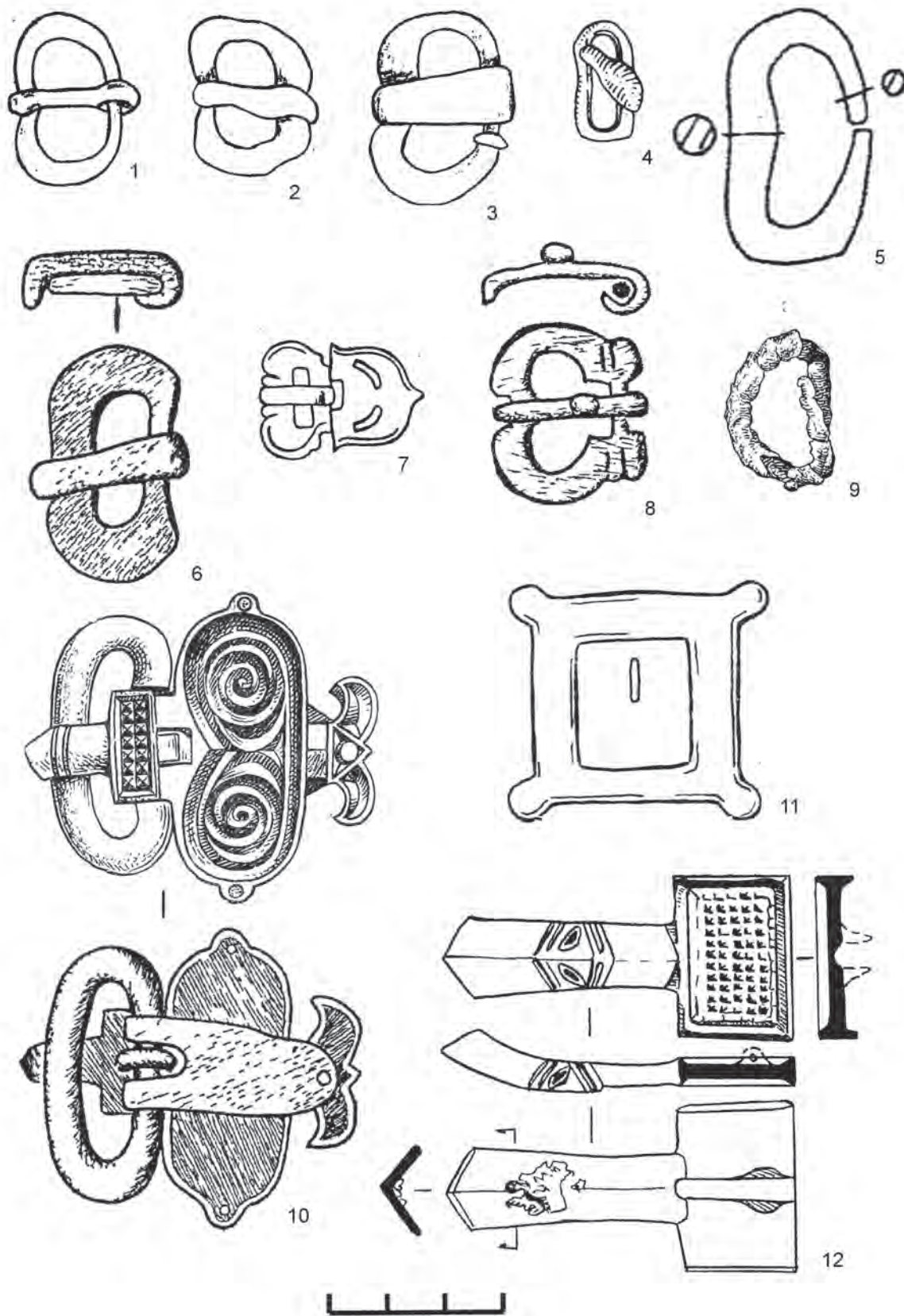

Рис. 36. Пряжки.

1, 2, 5, 6, 9 – железо; 3, 7, 8, 11, 12 – бронза; 4 – рама бронзовая, язычок железный; 10 – серебро;
 1, 2 – Княжий; 3, 7 – Лебяжье-1; 4 – Авдеево; 5 – Красное-4; 6, 10 – Демидовка; 8 – Никодимово;
 9 – Усох; 12 – Картамышево-2.

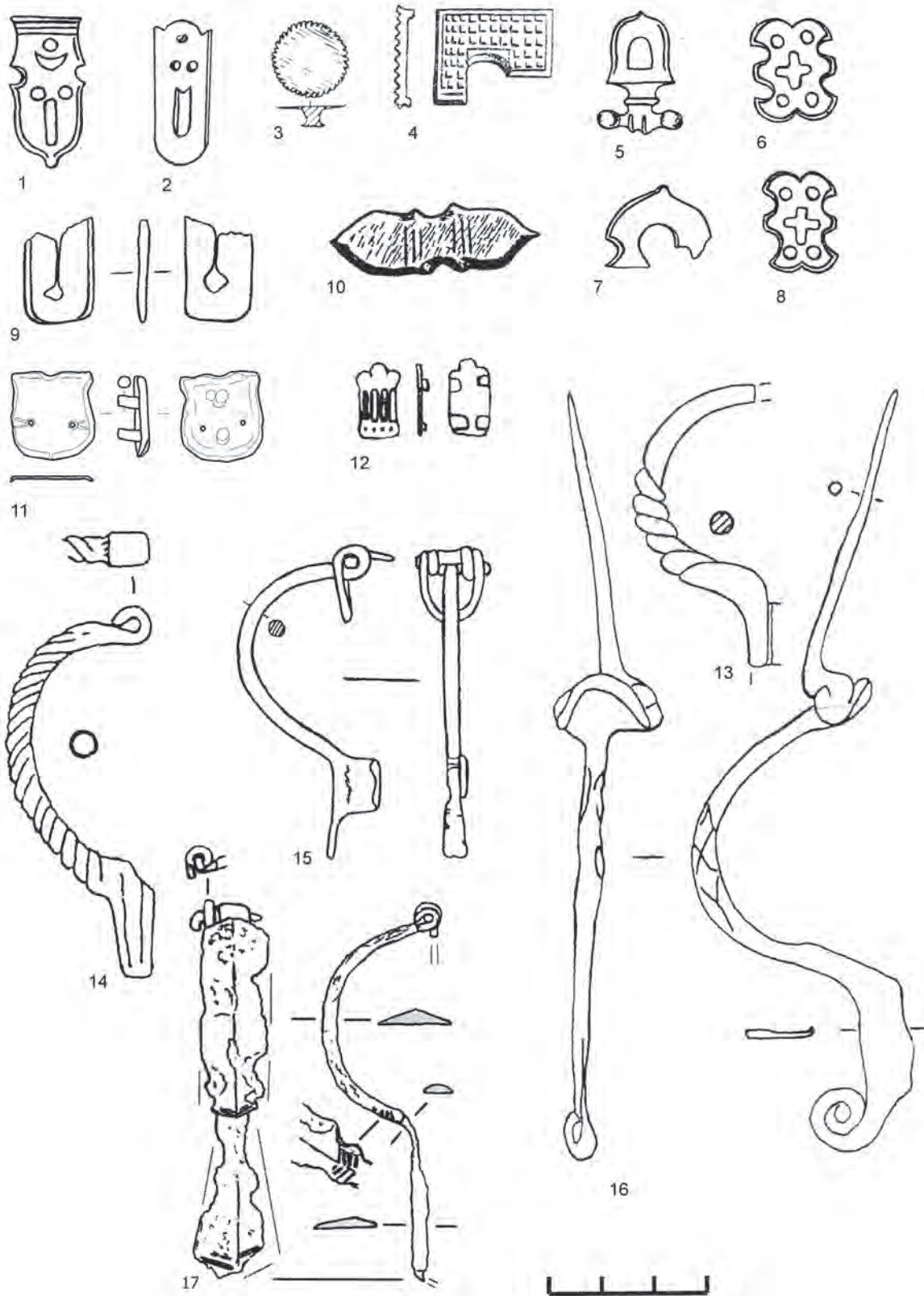

Рис. 37. Детали поясных наборов, фибулы.

1-6, 8-11 – бронза; 7 – кость; 12 – свинцово-оловянистый сплав; 13-17 – железо; 1,5-8 – Лебяжье-1; 2 – Картамышево-2; 3 – Смяч; 4 – Посудичи; 9 – Большие Будки (Хутор); 10, 17 – Никодимово; 11 – Кривец-4; 12, 16 – Шишино-5; 13 – Колодезный Бугор; 14 – Еловщина; 15 – Ходосовка.

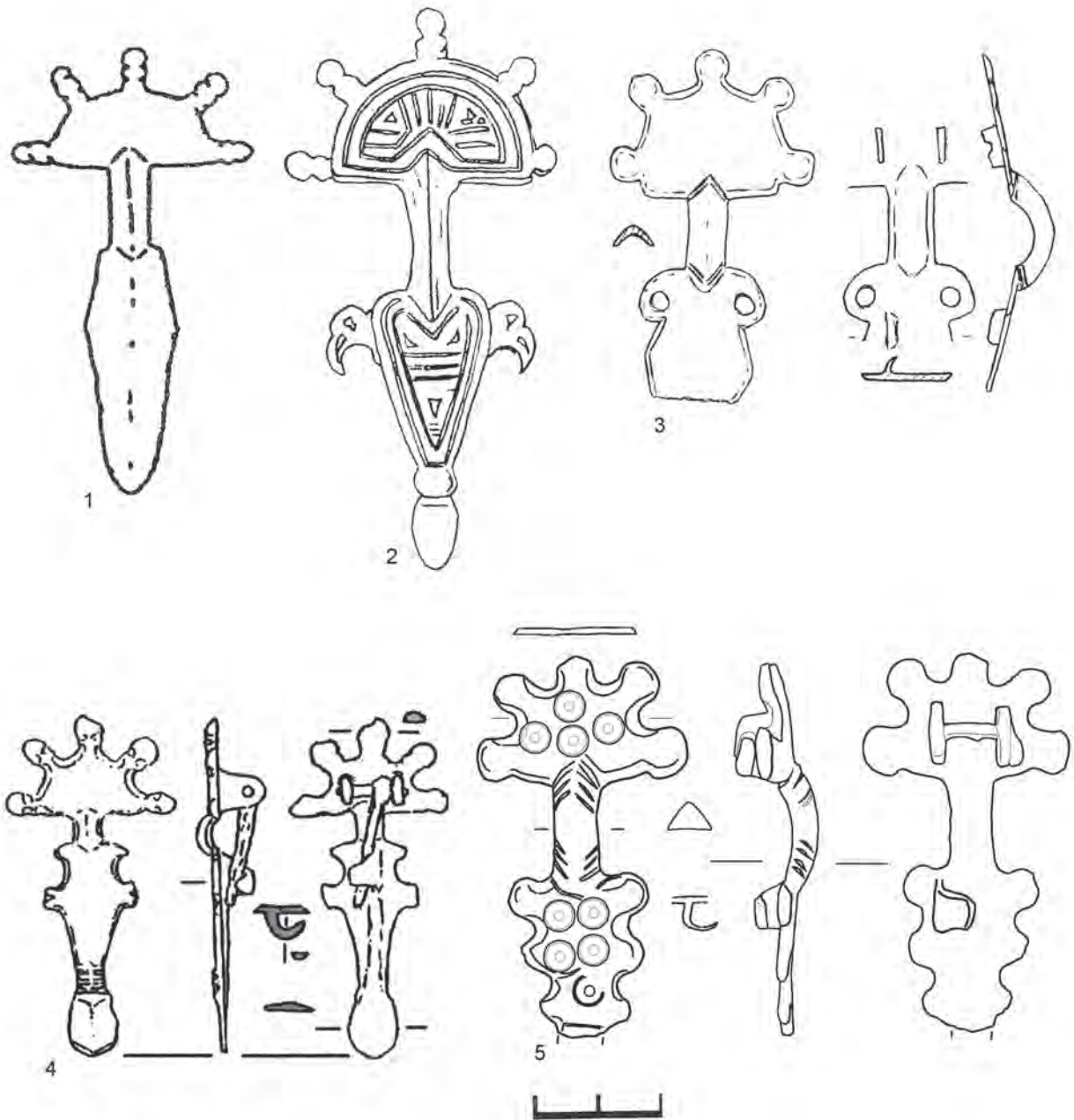

Рис. 38. Пальчатые фибулы из бронзы.

1 – Мощенка; 2 – Замошанская дюна; 3 – Гомель; 4 – Никодимово; 5 – Кривец-4.

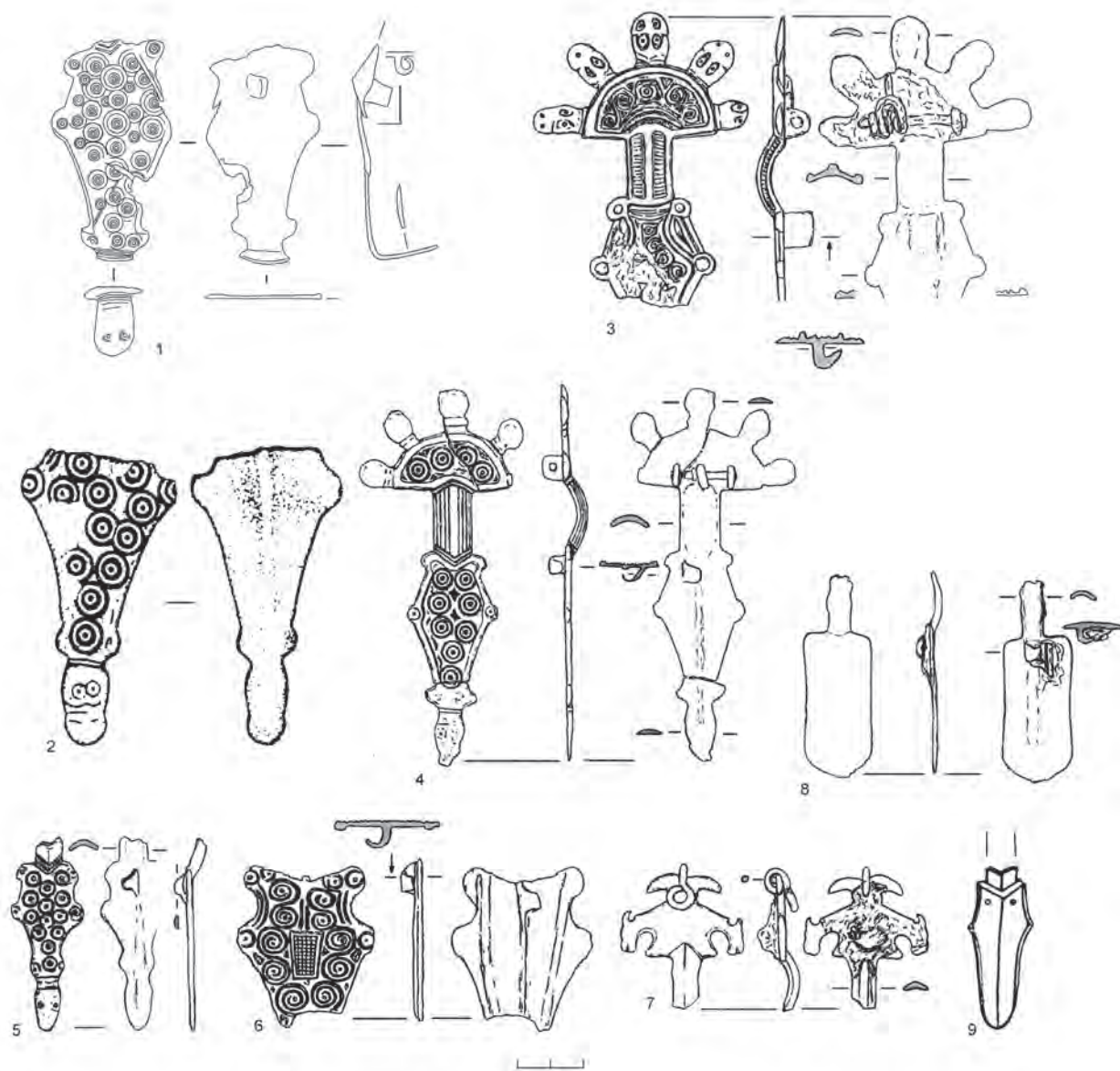

Рис. 39. Большие пальчатые и антропоморфные фибулы из бронзы.
1, 2 – Кривец-4; 3-8 – Никодимово; 9 – Демидовка.

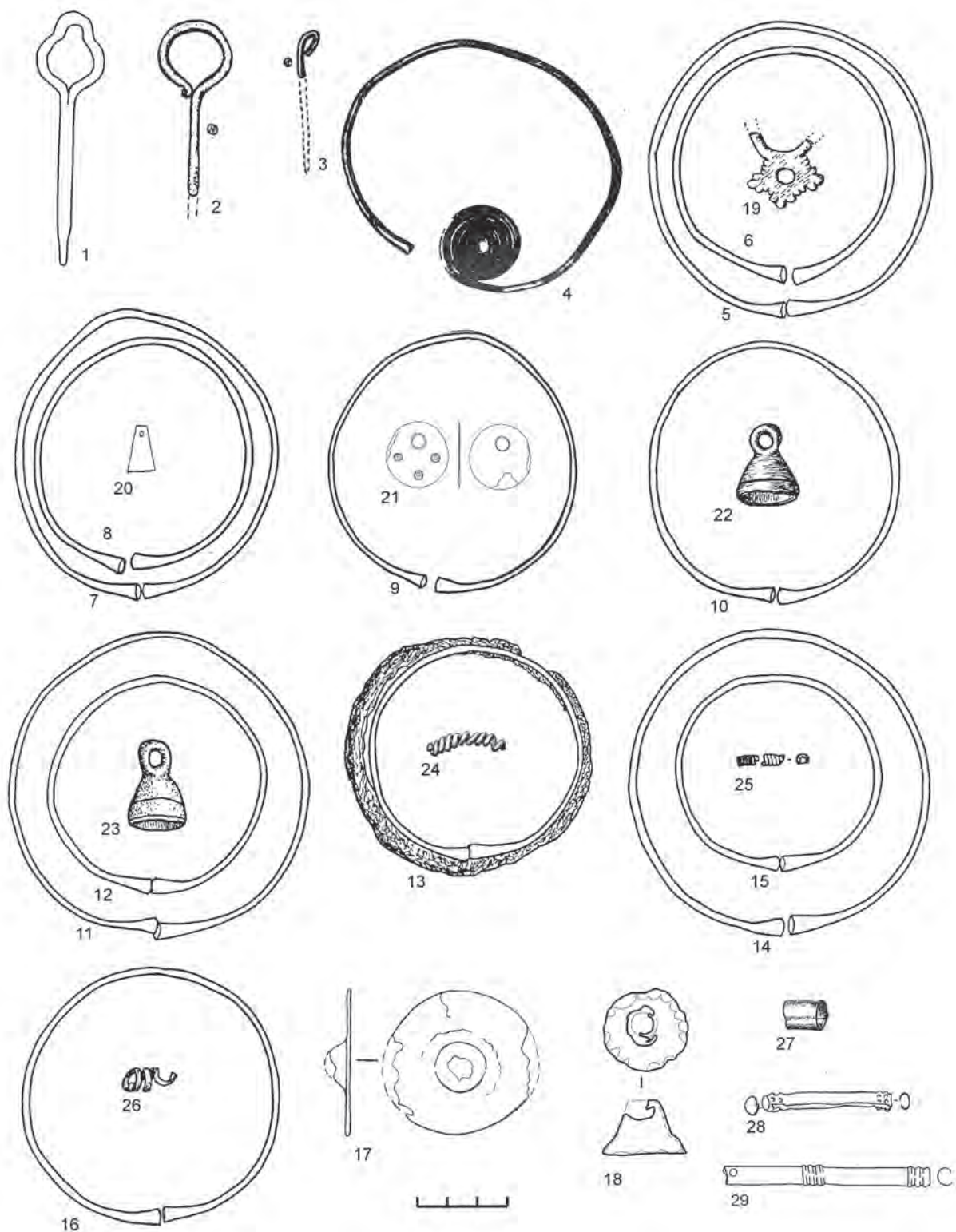

Рис. 40. Украшения.

1, 2 – железо; 3, 4, 18-29 – бронза; 5-16 – серебро; 17 – билон; 1 – Лебяжье-1; 2, 3, 25 – Тайманово;
 4 – Случевск; 5-16, 19, 22, 23, 26 – Никодимово; 17, 28 – Каменево-2; 18, 21, 29 – Кривец-4;
 20 – Картамышчево-2; 24, 27 – Акатово; 1 и 4 – без масштаба.

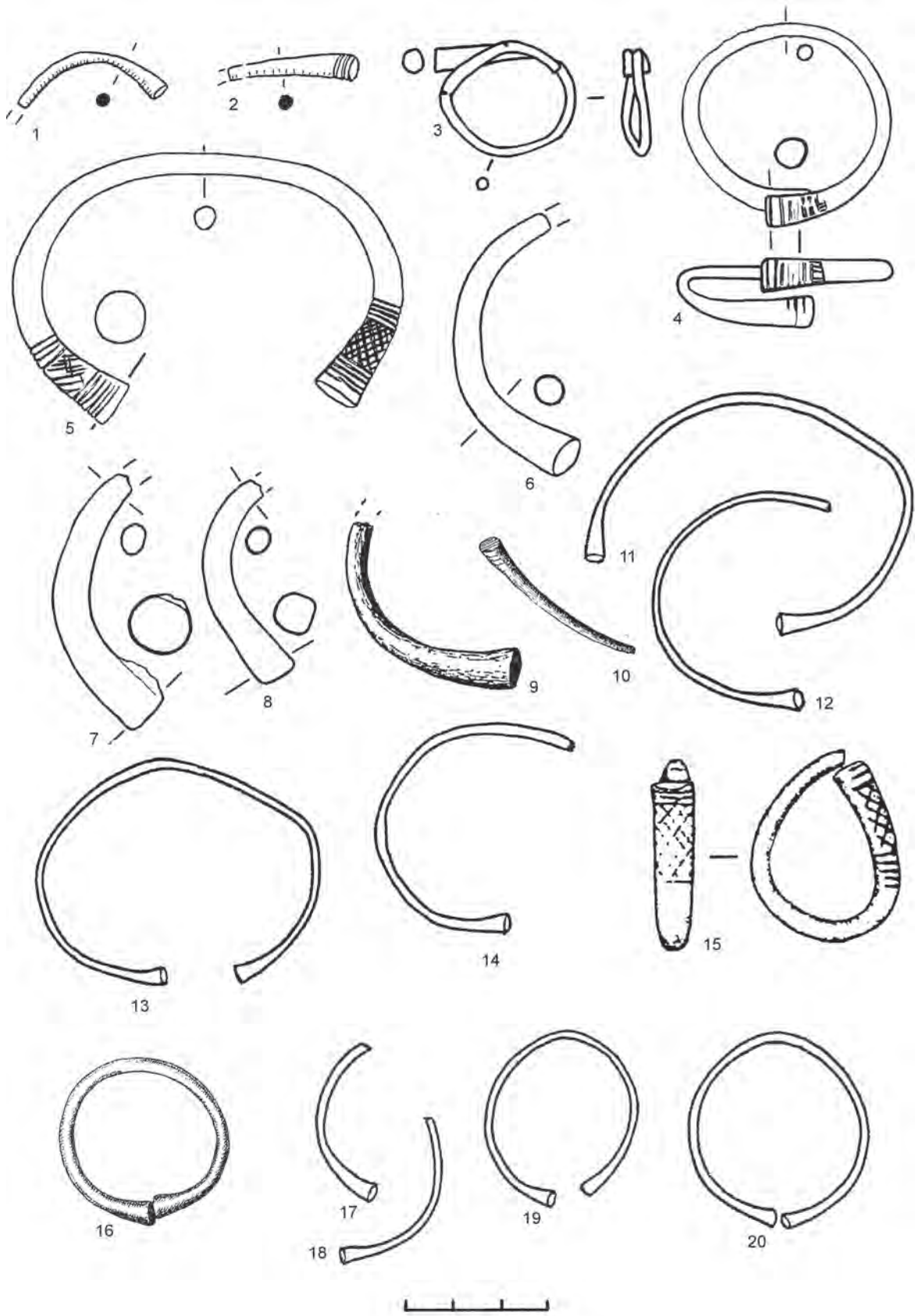

Рис. 41. Браслеты.

1, 2, 3, 4-8, 11-14, 16, 17, 18 – бронза; 9, 19, 20 – серебро; 15 – бронза или белый металл;
 1, 2 – Каргамышево-2; 3 – Бездрик; 4-8 – Никодимово; 9, 11-14 – Близнаки; 10 – Усох;
 15 – Кривец-4; 16-20 – Акатово.

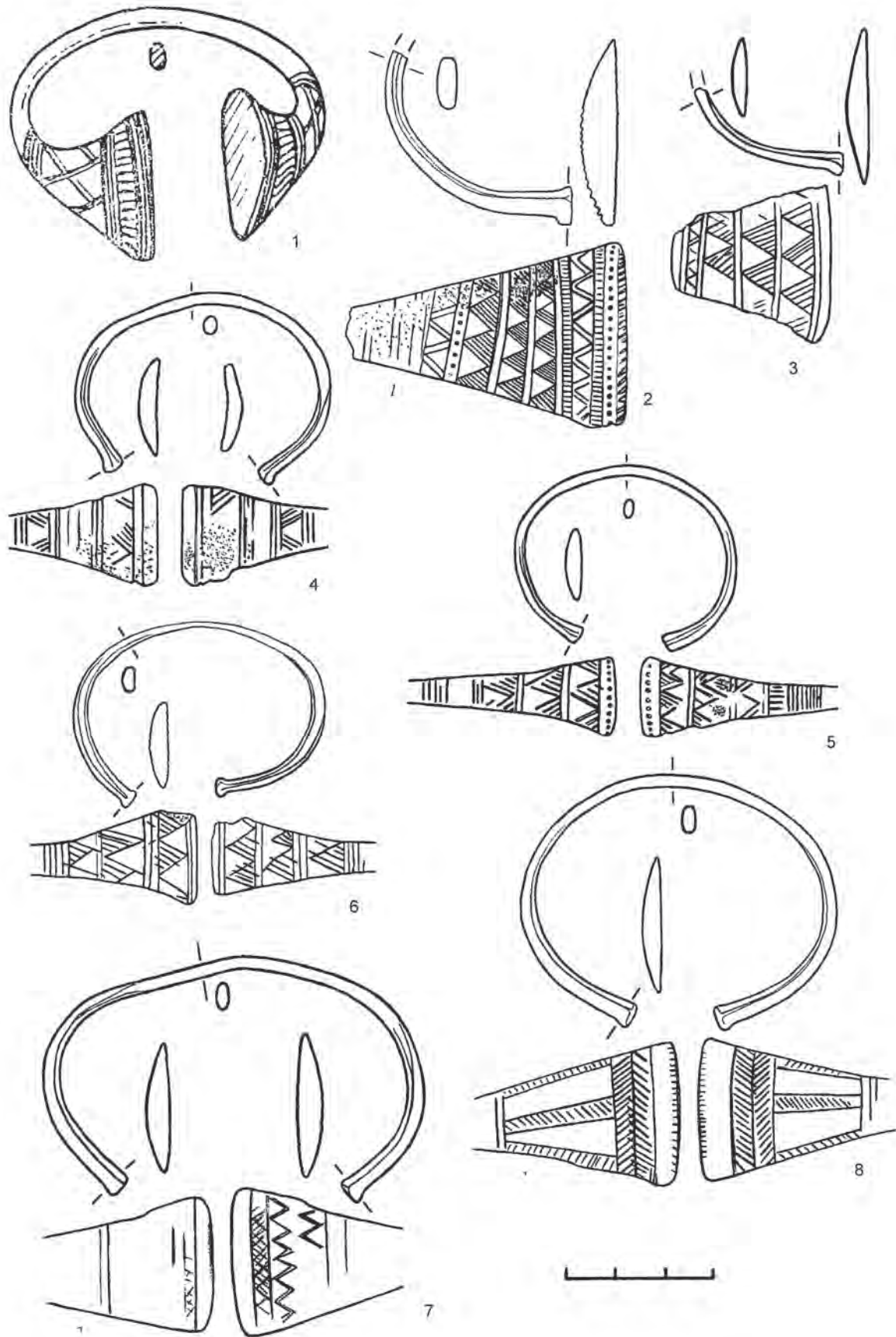

Рис. 42. Браслеты с сегментовидными концами из бронзы.
 1 – Воробьевка-2; 2-8 – Никодимово.

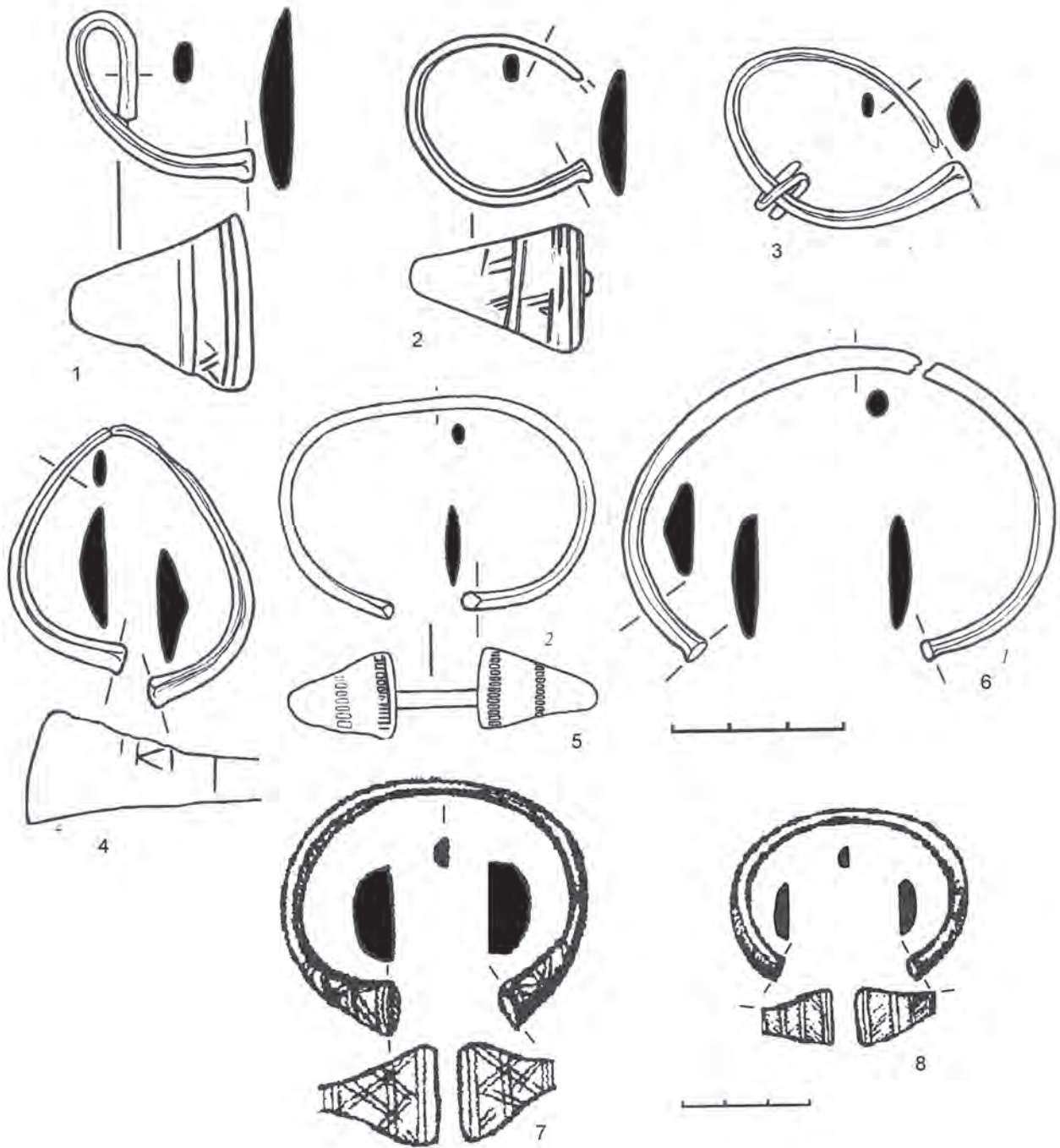

Рис. 43. Браслеты с сегментовидными концами.
1 – серебро; 2-8 – бронза; 1-6 – Никодимово; 7, 8 – Кисели.

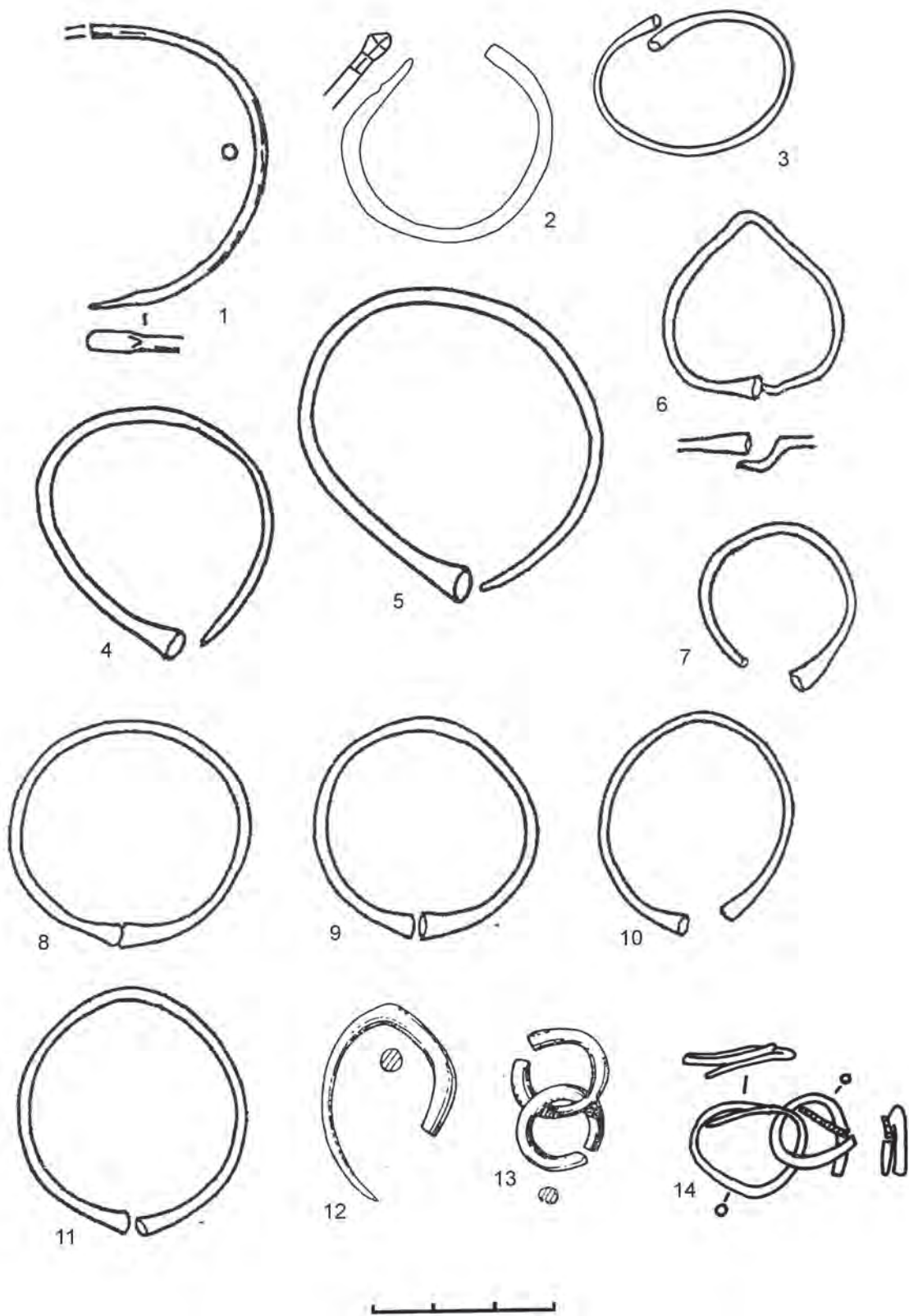

Рис. 44. Браслеты из дрота, кольца.

1-3, 6-10, 12-14 – бронза; 4, 5, 11 – серебро; 1 – Александровка-1; 2 – Кривец-4; 3 – Княжий; 4-8 – Демидовка; 9-11 – Акатово; 12, 13 – Новый Быхов; 14 – Бездрик.

A.M. Oblomskiy
(Moscow)

Kolochin culture Summary

The part on Kolochin culture continues and completes the essay published in the following edition: (Гавритухин, Обломский, 1996).

Historiography. The materials of the site Kolochin-1, standard for Kolochin culture were published by E.A. Symonovitch in the 1963. The first interpretations of Kolochin antiquities were made due to the problem of Slavic ethno genesis. By the end of the 1980's the three basic ideas were formed: the Kolochin culture was Slavic (E.A. Symonovitch, V.N. Danilenko, P.N. Tretiakov, E.A. Gorunov, L.D. Pobol, V.D. Baran, K. Godlovski), the Kolochin culture was Baltic (V.V. Sedov, I.P. Rusanova, A.G. Mitrofanov), the Kolochin culture belonged to a population or population group "between Balts and Slavs" (M.B. Schukin, D.A. Machinskiy, G.S. Lebedev)

During the discussion on Kolochin culture ethnos its source study issues were raised. The contemporary ideas of Kolochin culture archaeological characteristics are based on the works of P.N. Tretiakov, E.A. Gorunov, R.V. Terpilovskiy, A.M. Oblomskiy for its Southern part and on the works of L.D. Pobol, O.A. Makushnikov, N.V. Lopatin for its Northern part.

Territory. The area of Kolochin culture includes the forest part of the Dnieper river basin almost up to the Dnieper riverhead, the Sozh and the Desna rivers basins, the lower reaches of the Berezina river. In the South the Kolochin culture sites are known in the Northern part of the Dnieper river forest-steppe left bank area and in the basin of the Northern Donets river, and in the East the Kolochin culture sites are known in the basin of the Desna river. The Kolochin culture population penetrated in the upper reaches of the river Voronezh and in the Tsna river, basin of the Oka river (fig. 1, tab. 1)

Settlements. The settlements without traces of fortifications are divided in two types: the small-size (under 0,7 hectares) and the big-size (under 2 hectares). In most cases the settlements without fortifications are located on the lower fields of the river valleys. The exceptions are rare. The settlements are located generally in clusters of 5-8 (so called nests). The dwellings (35 are registered), holes, fireplaces located outside of dwellings and single household constructions are studied on the settlements. The dwellings are

rectangular or square half dugouts from 0,05 to 0,7 m from the mainland level, in the most cases 0,3-0,5 m, with flat floors, open fireplaces (fig. 2-5). The stoves are very rare. The walls had log or carcass construction. In the dwellings the piers were often built, meant for roof holding, these piers were located in the center of the dwellings. Nine hill forts are known. The traces of regular habitation are not recorded there. These hill forts were not settlements, but hiding places during warfare. The hill forts were made as earthworks and ditches. The remains of wooden walls are fixed, above ground constructions inner area (fig. 6, 7). The cult objects are known in Zolotomino, Slutchevsk, Nikodimovo.

Hoards. 8 hoards of Martynovka type (fig. 8-10,13), also 4 hoards with other components (Vezhki, Kolochin, Mogilev-Zmееvka, Nikodimovo) (fig. 11, 12) are found on the territory of Kolochin culture

Burial grounds. During excavations 13 burial grounds without barrows (473 hoards) and 6 burial grounds with barrows (37 mounds) were investigated. The burial grounds of the Kolochin culture southern part were discussed in the 1996 publishing. The burial grounds of the Dnieper river forest area are analyzed in the part of this monograph.

All ground burials were done according to cremation outside cemetery with putting the cremation remnants into small round or oval holes. Burnt bones could be put directly in a hole (83%), the urn burials are on the second place (10%), and the combined burials are on the third place (7%); in these burials the bones were placed in the urn and outside the urn. The burials have often the traces of funeral pyre (coal, cinders) (fig. 14).

In barrow cemeteries the dead were burnt in another place. Only one verifiable cremation on the place is known (Kolas 1). Calcinated bones in a mound are being in dispersion most often, sometimes bones form clusters, ceramics is found in clusters and in dispersion; coal, cinders, and coal spots are fixed.

Barrows with specially made graves are less common: graves without urns in a mound, under a mound on the horizon, and in a hole lower than a ground (only 8 examples); with urns on the horizon and in a hole under a ground (4 examples). These burials are sometimes accompanied by attached vessels. Under the

mounds of the barrows burnt wooden constructions are traced (3 examples) (fig. 15).

Single vessel fragments, pots, adornments, welfare artefacts are found in the burial grounds (table 2).

Artefacts complex.

Ceramics. All the ceramics found in Kolochin sites is divided into rough molded kitchen ceramics, molded dinner ceramics, and import ceramics made on pottery wheel. The kitchen ceramics prevails. As a rule, it is not ornamented. Notches on vessel rim edge are found occasionally, as well as ring ledges under rim or on a body fracture. The main vessels forms and clay discs are shown on fig. 18-22. Molded polished pottery is found as an exception. Fragments of Cherniakhov pots and bowls made on pottery wheel are known on early stage of the culture.

Agriculture tools. Agriculture tools are sickles (11 pieces) (fig. 12: 1-4; 23: 2,3), not less than 6 mill stones fragments, upper grain bruiser stone (fig. 23: 4), 2 iron adjustments fragments of plowing tools (fig. 23: 5), 1 undamaged scythe and 2 iron scythes fragments (fig. 23: 5), iron spring-loaded scissors (fig. 23: 6).

Fishery. Iron craft tools are fishhooks (4 pieces) (fig. 23: 7-9), ice pick head (fig. 23: 11), and harpoon (fig. 23: 10).

Tools set. The tools are iron hand punches and awls (14 pieces) (fig. 24: 1, 3-5), center punches (2 pieces) (fig. 24: 2, 6), incisor with a wide blade (fig. 24: 8), adzes (3 pieces) (fig. 24: 9-11), broad axe (fig. 24: 7).

These artefacts are made of clay: crucible (fig. 25: 1), spindle whorls (18 small biconical pieces, 69 medium size pieces, 53 long biconical pieces, 5 cake shaped pieces, 1 barrel shaped piece, 1 piece made of amphora fragment (fig. 25: 2-11), clay weighting from weavers' loom (fig. 25: 17)).

Household items. Household items are iron knives (34 pieces) (fig. 25: 12-14, 16), iron axes blades (not less than 2 pieces), iron steels (1 piece in a form of trapezoidal pendant, 7 pieces with pivot handle) (fig. 25: 19-23), iron and bronze pincers (5 pieces) (fig. 26: 1-5), iron razor (fig. 26:10), tiny vessels (11 pieces) (fig. 26: 7-9, 11-15), grindstones, and other items.

The population main occupations were agriculture, cattle breeding, fishery played some role. Smith craft, jewelry craft, and weaving were also known. The role of trade was insignificant.

Weapons. The weapons majority is found in the hill forts Nikodimovo and Demidovka, which were burned by fire. These artefacts come from Kolochin culture sites: 32 pieces of different type spear heads (fig. 27, 28: 1-12; 29: 1-10), 39 pieces of tanged arrow heads (fig. 30: 1-26; 31: 1-11), 3 pieces of socketed arrow heads (fig. 31: 12, 13). The following items were also found: sword

fragment (fig 31: 15), cross guard of a sword or a dagger (fig. 31: 14), 2 fragments of combat knives or daggers, an ax (fig. 31:16). Chain armor fragments and armour plate fall into protective armament category.

Horseman munitions. It was found 15 pieces of undamaged bits and its fragments (fig. 9:1; 32: 1-10), 12 pieces of spurs (fig. 33). These artefacts come from the Kolochin culture sites: not less than 12 pieces of rectangular buckles with concave edges, which are often considered as girth parts (fig. 34).

Belt sets. The belt sets details are presented by 34 buckles of different types and its fragments (fig. 35: 1-13; 36 1-12), 2 belt heads (fig. 37: 1, 2) and not less than 58 bronze and silver covers (fig. 37: 3-11). 3 plates made of lead and tin alloy (fig. 37:12) are found.

The Kolochin culture weapons are: spear, dart, ax, and bow. The horse and rider ammunitions are: bridle-bit, spurs, and saddle-girth. Chain armors and plate armors were rarely used as armament. Bladed weapons were used.

Adornments. The adornments are: fragments of 2 head straps, neck torcs (fig. 11: 6,7), 21 bronze and iron different type fibulae (fig. 37: 13-17; 38: 1-5; 39 1-9), 6 pins (fig. 40: 1-3), 16 bronze and silver temple rings (fig. 11: 1-3; 40: 4, 5-16), fragment of bronze earring (fig. 40: 19), 51 bracelet (fig. 11: 4,5; 12: 5-8; 41; 42; 43; 44: 1,2). The necklace fragments are: 3 bronze and silver pendants (fig. 40: 17, 20, 21), 4 bells (fig. 40: 18, 22, 23), long beads (fig.40: 24-28), glass, amber, and crystal beads.

The Kolochin women attire were wearing in the South and South-Eastern area part of this culture in its final stage was similar to the adornments attire presented in first group Antes antiquities hoards. The attire of the Upper Dnieper region population was different from the attire of the South Dnieper region. The types of artefacts were different.

Periodization and chronology, the problem of origin and further population fates. The Kolochin culture is dated by the second quarter of the 5th- second half - 3rd quarter of the 7th century. The origin of Kolochin culture is connected to the Desna variant of Kiev archaeological commonality. The Kolochin culture has not become the origin of any further archaeological commonality neither in forest zone, nor in forest-steppe zone. Its final contemporized with population change. The existence termination of Kolochin culture happened in the same period when the Martynovka type hoards dropped out to soil. The culture of Smolensk long barrows spreads in the first half – middle of the 8th century in the Upper Dnieper river area and on the adjacent territories in the Kolochin culture area. The reason of Kolochin forest-steppe sites existence cessation was the Slavs migration from the West of the Dnieper river area.

Сельское хозяйство населения КОЛОЧИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

С.А. Горбаненко (Киев)

Сельское хозяйство археологических культур Поднепровья третьей четверти I тыс. н.э. до сих пор не становилось предметом отдельного исследования. Естественно, это связано с процессом накопления материала вследствие археологических работ. В лучшем случае сельскому хозяйству посвящены отдельные разделы или подразделы в обобщающих работах по данному периоду. Кроме того, в некоторых работах (по категориям находок, памятникам или естественнонаучным исследованиям) можно найти определенные высказывания, характеризующие в той или иной степени отдельные черты, отрасль или сельское хозяйство в целом.

Прежде всего следует упомянуть исследования, которые в целом характеризуют сельское хозяйство славян третьей четверти I тыс. н.э. на территории юга Восточной Европы. Одной из первых работ по земледелию славян обобщающего характера стала монография В.И. Довженка, в которой ученый собрал и проанализировал все материалы с конца I тыс. до н.э. до начала II тыс. н.э. на территории Европейской части СССР (Довженок, 1961). В 1980 г. опубликовано исследование М. Берановой о земледелии древних славян, в котором в том числе рассмотрен и уровень земледелия интересующего нас периода (Beranová, 1980). Аналогично, в общем контексте, рассмотрен уровень земледелия (в основном на материалах с территории современной Украины) и в обобщающем исследовании С.А. Горбаненко и Г.А. Пашкевич (Горбаненко, Пашкевич,

2010). Также проведен сравнительный анализ изменений в комплексе орудий земледелия за период I тыс. в целом (Горбаненко, 2010; Горбаненко, Пашкевич, 2010, с. 243-260). В целом скромные выводы можно свести к тому, что все формы орудий земледелия третьей четверти I тыс. н.э. могли иметь местную основу и получили продолжение в культурах последней четверти I тыс.; их незначительное количество по сравнению с предыдущим и последующим периодами косвенно подтверждают более низкий уровень развития этой отрасли.

В общих чертах сельское хозяйство третьей четверти I тыс. н.э. охарактеризовано и в обобщающих исследованиях по славянской проблематике. Довольно часто такие описания даны для отдельных территорий (либо ареалов), в целом совпадающих с границами современных государств. Так, в пределах бывшего СССР сельское хозяйство славян, в том числе третьей четверти I тыс. н.э., рассмотрено в работе В.В. Седова (Седов, 1982, с. 236-239, табл. LXI, LXII). В границах современной Украины такие описания даны в: (Славяне ..., 1990, с. 363-376; Давня історія ..., 2000, с. 105-117; Давні слов'яни ..., 2012, с. 267-271).

К изысканиям, имеющим непосредственное отношение к исследованиям сельского хозяйства колочинской культуры, ныне можно причислить незначительное количество работ. Одной из первых статей, в которой присутствует оценочная характеристика, является публикация результа-

тов исследований Э.А. Сымоновича двух раннеславянских памятников на Черниговщине: Форостовичей и Левкина Бугра. На основе собственных наблюдений и естественнонаучных определений (отпечатков зерновых на керамике) исследователь предположил, что основным занятием населения указанных памятников было земледелие, что также подтверждается отсутствием костей животных (Сымонович, 1969, с. 91). Отметим, что на керамике из Левкина Бугра обнаружен всего один определимый отпечаток.

Рассмотрению сельского хозяйства славян второй-третьей четверти I тыс. н.э. в Подесенье посвящен подраздел монографии Е.А. Горюнова (Горюнов, 1981, с. 34-35). В нем исследователь в общих чертах охарактеризовал сельское хозяйство следующим образом. Земледелие, бесспорно, имело ведущее положение; животноводство имело подчиненное, но не второстепенное значение. Земледелие было подсечным; в животноводстве важнейшую роль играл крупный рогатый скот. Обе отрасли были экстенсивными. Тезис о подсечном земледелии подкреплен также фактом открытия древнего подсечного поля по соседству с селищем середины I тыс. н.э. в уроч. Прорва рядом с г. Трубчевск (Падин, 1969, с. 215).

Пожалуй, этим исчерпывается круг работ, в которых каким-либо образом охарактеризовано сельское хозяйство колочинской культуры.

* * *

Для анализа обеих отраслей сельского хозяйства – земледелия и животноводства – важными являются следующие категории данных. *Палеоэкологические показатели; артефакты*: орудия земледелия и животноводства; *естественнонаучные (биологические) определения*: палеоэтноботанические¹ и археозоологические материалы.

¹ Термин «палеоэтноботаника» в 1950-х гг. ввел датский ученый Х. Хельбек (Hans Helbaek) с целью подчеркнуть направление исследования взаимодействия в системе человек – растение в прошлом (Popper, Nastorf, 1988, p. 1-16). Термин «археоботаника» появился несколько позднее; указывает на происхождение остатков культурных и антропохорных растений из археологических раскопок. Ныне активно используется в странах Центральной Европы. По мнению Е.Ю. Лебедевой, второй термин является «более корректным» (Лебедева, 2008, с. 97). С нашей точки зрения, описывая по сути одну и ту же категорию находок, оба термина являются взаимозаменяемыми; также оба могут быть признаны «не вполне корректными».

Исследования природных условий древности – нечастое явление в современной отечественной науке; чем «моложе» рассматриваемая археологическая культура, тем актуальнее данное высказывание. В связи с этим в подавляющем большинстве случаев важным является метод актуализации, применяемый также и географами: современные данные, по возможности, экстраполируются на специальные исследования природных условий древности.

Данные о земледелии проанализированы соответственно процессу: орудия первичной обработки почвы (наральники) – результат (культурные растения) – орудия сбора урожая (серпы, косы) – переработка урожая (каменные изделия: жернова, зернотерки). Эти процессы для анализа ныне доступны благодаря материалам из 13 памятников колочинской культуры (см. приложение)². Отображение последнего этапа (переработка урожая) при археологических исследованиях потенциально является массовым и не всегда в полной мере вводится исследователями в научный оборот. Поэтому предполагаем, что в каталоге учтены далеко не все находки этих орудий.

Для реконструкции животноводства важнейшими являются археозоологические определения; дополняют их находки соответствующих орудий труда: косы и пружинные ножницы (находки ботал из колочинских памятников нам не известны). Археозоологические данные ныне доступны из материалов всего лишь 1 памятника колочинской культуры (см. приложение).

1. Окружающая среда и поселенческие памятники

1.1. Окружающая среда

Экономика древних обществ, в особенности сельское хозяйство в его традиционных формах, в значительной степени зависит от климатических условий и особенностей природного ландшафта в местах организации поселений. Поэтому исследования в этом направлении, несомненно, важны для полноценной реконструкции сельского хозяйства. Подавляющее большинство таких работ не имеют непосредственного отношения к архео-

² Здесь и далее данные об обнаруженных сельскохозяйственных орудиях труда, естественнонаучные определения, а также ссылки на источники см. в приложении.

логическим. Поэтому важным является «синхронизация» археологической периодизации с естественнонаучной хронологической шкалой.

Время существования колочинской культуры (третья четверть I тыс. н.э.) относится к современной эпохе – позднему голоцену. Развитие ландшафтов в это время разделено исследователями на короткие природно-климатические этапы. Сейчас существует несколько схем природно-климатической периодизации голоцена, в целом сопоставимых между собой. Среди них используется глобальная схема Блитта-Сернандера и др., уточненная Н.А. Хотинским (Хотинский, 1977), и схема М.Ф. Веклича (Веклич, 1987). Эти схемы в целом не противоречат друг другу и частично взаимодополнимы (Просторово-часова кореляція ..., 2010). По М.Ф. Векличу, интересующий нас период относится к микроэтапу голоцена (hl_{c1-2}), датированному временем 1600-1100 лет назад. Он соотносится со вторым этапом, первым подэтапом субатлантического периода по Н.А. Хотинскому (SA-2A), датированному временем 1600-1200 л.н. (рис. 1).

По данным *палеоклиматических исследований* Л.Г. Безусько, В.А. Климанова, проведенных на территории правобережной Украины (Безусько, Климанов, 1987), на время 1460 ± 55 л.н. пришлось максимальное похолодание в течение I тыс. н.э. Относительно современного климата температура июля была ниже на $0,5-1$ °С, января – на $1-1,5$ °С, среднегодовая – на 1 °С; количество осадков было на 25 мм выше современных показателей. За время существования культур третьей четверти I тыс. н.э. климатические условия улучшились: на время 1250 ± 50 л.н. пришлось максимальное потепление. Относительно современного климата основные показатели температуры стали выше приблизительно на 1 °С; количество осадков было на 50 мм выше современных показателей. Данные более глобальных уровней в целом не противоречат этим показателям (рис. 1).

Аналогичные тенденции в изменениях климата прослежены также и на материалах болотных отложений Западнодвинской низины (Клименко и др., 2001). Эти показатели, с привлечением также и ряда других аналогичных сведений, позволили исследователям реконструировать палеоклиматические данные для Восточной Европы в целом за последние 2000 лет, где в интересующем нас интервале показатели также в целом подтверждают ранее полученные данные (графики см.: Слепцов, Клименко, 2005).

Не противоречат этим показателям и данные об изменениях температурного режима за последние 2000 лет, рассчитанные для Северного полушария в целом (Burroughs, 2005, p. 294, fig. 8.2).

Для территории Западной Европы (на основе материалов современной Германии) по дендрохронологическим данным были получены показатели колебания осадков за период в 1000 лет (200 лет до н.э. – 800 лет н.э.). По этим показателям, уровень влажности климата резко уменьшился в начале периода Великого переселения народов (в IV в.), постепенно восстановившись ко времени Меровингов (рубеж VI – VII вв.) (Schmidt, Gruhle, 2003a; 2003b). Эта тенденция для Восточной Европы прослежена еще в 1970-х гг. по колебаниям Каспийского моря, по которым на середину I тыс. н.э. приходится максимальное падение уровня моря, с постепенным его повышением и пиком в третьей четверти (Монин, Шишков, 1979, с. 363, рис. 10.13).

Именно с климатическими изменениями середины I тыс. н.э. Д.И. Левченко связывает смену археологических культур на территории юга Восточной Европы (на примере черняховских и пеньковских памятников) (Левченко, 1993).

Для понимания сельского хозяйства важным также является *исследование почв*, на которых селились древние обитатели. Обзор специализированной литературы относительно развития почв свидетельствует, что они кардинально не изменялись, по крайней мере, в исследуемый период (см.: Александровский, Александровская, 2005; Чендев, 2008). Имеется в виду отсутствие примеров перехода черноземов в почвы лесного типа (или наоборот) (Горбаненко и др., 2013, с. 61). В связи с этим считаем возможным экстраполицию современных данных о почвах на материалы древностей I тыс. н.э. Однако, на наш взгляд, для характеристики почв не имеет смысла применять современную разветвленную классификацию; следует свести ее к простейшим типам, различия в почвообразовании (Атлас почв ..., 1979; Природа ..., 1986), а также и в сельскохозяйственном использовании которых очевидны. На примере современной Украины нами выделено четыре основных типа почв, влияющих на выбор способов ведения сельского хозяйства (Горбаненко, 2003-2004, с. 404; 2004, с. 301-302; 2007, с. 32-33). 1) Почвы, сформировавшиеся под лесной растительностью (почвообразование – перегнивание листьев и хвои; сельскохозяйственное использование – подсека как основная форма, либо как форма расчистки участка). 2) Чернозе-

мы (почвообразование – перегнивание степной травянистой растительности; сельхозиспользование – пашенное земледелие). 3) Почвы, на формирование и плодородие которых влияет влажностный режим местности (почвообразование – за счет полезных веществ, поступающих во время разливов; сельхозиспользование – легкие для пахоты почвы, практически не нуждающиеся в рекреации / места, удобные для выпаса животных, сенокосов). 4) Почвы, непригодные для сельскохозяйственного использования (в основном – «плохие» для растительности по химическому составу).

Нам неизвестны примеры проведения палеопочвоведческих анализов для памятников третьей четверти I тыс. н.э. Тем не менее для некоторых территорий распространения памятников колочинской, пражской и пеньковской культур были собраны данные об их расположении на различных типах почв. Так, для территории Левобережья Днепра нами собрана информация о почвах различных типов, входящих в потенциальную ресурсную зону памятника (радиус 5 км), в том числе для памятников третьей четверти I тыс. н.э. (в основном – пеньковской культуры) (Горбаненко, 2004, табл. 1; 2007, табл. 1-5). А.П. Томашевский в ходе анализа славянских памятников Восточного Подолья второй половины I тыс. н.э. привел данные о расположении памятников на различных типах почв (Томашевский, 2003; 2008). Результатом стала база данных расположения памятников на различных типах почв (табл. 1). Закономерности, которые можно выявить, имеют вполне естественный характер: древнее население не отдавало предпочтение каким-либо типам почв (из трех, пригодных для ведения сельского хозяйства), а, очевидно, приспособлялось к условиям, в которых поселялось.

Подтверждением «от противного» наблюдения, что древние земледельцы избегали селиться на непригодных почвах, являются результаты сплошного обследования в Кременчугском р-не Полтавской обл. Украины. Исследователи пришли к выводу, что древние люди выбирали солонцеватые и заболоченные степные участки надпойменных террас для кратковременных сезонных стоянок первобытных охотников или собирателей, а позднее – кочевников. А заселение этой территории произошло только в XIX в. (Кулатова и др., 2004, с. 24). На карте древнерусских поселений по р. Сула (та же территория) этот участок также показан как слабозаселенный

(Моргунов, 2003, рис. 2). Таким образом, древние жители (в том числе носители археологических культур третьей четверти I тыс. н.э.), основным занятием которых было сельское хозяйство, избегали селиться в местах с неплодородными почвами (см. табл. 1).

Важным косвенным показателем не только климатических изменений, но и сельскохозяйственной деятельности человека в древности является изучение *растительности*. Исследователи отмечают, что для второго подпериода субатлантического периода в целом (SA-2A; 1600-1200 л.н.), или для времени 1800-1200 л.н., на начальном этапе произошло увлажнение климата и этап наступления леса на степь. Подпериод характеризуется мезофитикацией³ степной растительности, возрастанием лесистости при низком участии широколиственных пород и распространении ольхи, березы и сосны (Александровский, Александровская, 2005, с. 187; Просторово-часова кореляція ..., 2010, с. 164; рис. 4.5, 4.6). Возрастание увлажненности в начале подпериода SA-2A, 1600-1500 л.н. подтверждается в том числе повышенной водностью рек (на примере низовьев Десны) (Веклич, Герасименко, 1993).

В целом же, по палеоботаническим (геоботаническим) исследованиям, проведенным на обширных территориях Восточной Европы, подпериод SA-2 характеризуется постепенным вытеснением естественной растительности антропохорами и существенным сокращением ареала лесов в конце I тыс. н.э. (см., напр.: Пашкевич, Балашов, 1971, с. 66-71; Артюшенко, 1982, с. 174-175; Серебрянная, 1982, с. 183-184; Starkel, 2006; Симакова, 2007; Безусько и др., 2008, с. 339-341; Александровский и др., 2011). Для периода раннего средневековья (миграционного периода; припл. 1500 л.н.) на территории современных Беларуси и Польши исследователи отмечают незначительный подъем кривых *Carpinus*, *Quercus*, *Tilia*, *Corylus* (граба, дуба, липы, лещины) на фоне уменьшения антропохоров (Makohonienko, 2004; Starkel, 2006; Симакова, 2007).

Обширнейшие исследования растительности в древности на территории стран Центральной и Западной Европы (в ареале существования

³ Мезофиты – наземные растения, приспособленные к обитанию в среде с более или менее достаточным, но не избыточным увлажнением почвы.

пражской культуры)⁴ в целом свидетельствуют об аналогичных тенденциях. Данные результаты исследований можно суммировать таким образом. В начале распространения культур третьей четверти I тыс. н.э. наблюдается некоторый рост естественной растительности, постепенно либо резко сменяющийся ее упадком. В дальнейшем в кривых споро-пыльцевых спектров постепенно увеличиваются показатели культурных растений, а также антропохоров, сопутствующих человеческим жилищам, полям и пастбищам. Лишь данные, полученные для Альпийских гор, демонстрируют тенденцию к постепенному увеличению залесенности до наших дней включительно (Andrič et alii., 2011, s. 383-385, sl. 5b; Ammann et alii, 2013, fig. 5).

Таким образом, благодаря исследованию растительности периода существования колочинских памятников (подпериод SA-2A), можно констатировать определенный упадок сельскохозяйственной деятельности древнего населения на обширных территориях Европы, постепенно сменившегося интенсификацией сельского хозяйства. Однако последнее, видимо, в большей степени относится к периоду смены археологических культур третьей четверти культурами последней четверти I тыс. н.э.

1.2. Поселенческие памятники

Безусловно, важными для изучения ведения сельского хозяйства являются также данные о *расположении, взаиморасположении, размерах и длительности функционирования* памятников.

⁴ Исследования в Германии: славянские и германские памятники между Эльбой – Заале и Одером – Нейссе в Германии (Грингмут-Дальмер, 1975); Северная Германия (Archäologisches Landesamt ..., 2012, S. 30), также – у оз. Белау (Плен, Шлезвиг-Гольштейн) (Jöns, 2002, S. 232, Abb. 1). Исследования в Польше: разновременные памятники и окрестности у оз. Салент (Варминско-Манзурское воеводство; граница ареала пражской культуры) (Szal et alii, 2013a, p. 348; 2013b, p. 239; 2013в, p. 335-336; Wyczółkowski et alii, 2013, p. 79). Исследования в Чехии: местонахождения «На Баг-не» (Na bahně) (район Градец-Кралове, Краловеградский край) (Beneš, Pokorný, 2001, p. 484-485, obr. 2); округа Праги (Pokorný, 2005); городище Владар (Vladař) на западе (Pokorný et alii, 2005, p. 81-84); окрестности оз. Котоřанскé (северо-западная Богемия) (Jančová, Pokorný, 2013, fig. 3-10; p. 283); Розтоки, пражская культура, округа Праги (окр. Прага-Запад) (Gojda et alii, 2005, p. 94-102; Kuna et alii, 2013). Исследования в Словакии (Hájková et alii, 2013, fig. 3; 4; 7). Исследования в Западных Карпатах (Белые Карпаты, юго-восток Чехии и северо-запад Словакии) (Hájková et alii, 2011; fig. 2).

Памятники колочинской культуры известны в лесной и в северной части лесостепной зон. Поселения преимущественно занимали низменные участки первых надпойменных террас или возвышения в поймах; лишь изредка они размещались на высоких плато (Этнокультурная карта..., 1985, с. 76, 86, 94; Баран, 1988, с. 33).

Как отмечают исследователи, многие славянские поселения V-VII вв. не были укреплены. Некоторые из них занимали места городищ предыдущих периодов, в лесной зоне известны и укрепленные поселения. Памятники имеют культурный слой незначительной мощности, который лишь изредка превышает 0,2-0,4 м, размеры их в основном не превышают 0,4-0,5 га (Горюнов, 1981, с. 11, 12, 60). По подсчетам исследователей, на поселениях одновременно существовало от 4-7 до 10-15 жилищ. Яркими примерами таких поселений являются хорошо исследованные памятники. Так, на многослойном памятнике Александровка I колочинскому горизонту принадлежат четыре постройки (Терпиловский, Шекун, 1996, с. 35-38; 2004б, с. 231-233).

Поселения третьей четверти I тыс. н.э. довольно часто расположены так называемыми гнездами («кустами»). На это, в частности, при сопоставлении колочинских и предыдущих киевских материалов указывает Р.В. Терпиловский (Терпиловский, 2004б, с. 62). В таком гнезде расстояние между отдельными памятниками составляет от нескольких сотен метров до 2-3, иногда 5 км. Это также вполне характерно для памятников V-VII вв. на всей славянской территории.

Таким образом, памятники третьей четверти I тыс. н.э. с незначительной мощностью культурного слоя свидетельствуют о кратковременном существовании поселений, а следовательно, и кратковременности использования природных ресурсов в потенциальных ресурсных зонах, небольшое количество жилищ – о довольно ограниченных потребностях. Кроме того, наличие гнезд поселений с малым расстоянием между ними указывает на последовательные переселения. Это также является аргументом в пользу того, что население использовало в целом небольшие прилегающие к поселениям участки земли. Все это свидетельствует об экстенсивности основных составляющих сельского хозяйства и наличии значительных неиспользованных просторов для его ведения.

Рассмотрим несколько примеров анализа *потенциальных ресурсных зон* колочинских памятников⁵.

Поселение **Роище** (Черниговская обл., Украина) (рис. 2: I). Общая площадь составляет около 2 га. В центральной части селища исследовано два жилища колочинской культуры. Расположено на лессовых островах (Терпиловский, 1984, с. 84; 1990). Перепады высот непосредственно вокруг поселения составляют 3 м, т.е. вся приселищная зона была достаточно ровной для занятия земледелием. Невысокий берег р. Стрижень был дренирован ручьями. Вероятно, в результате глубокой средневековой вспашки их русла были разрушены, что обусловило образование торфяников. Потенциальная ресурсная зона памятника содержит два типа почв – почвы, сформировавшиеся под лесной растительностью, и почвы, на плодородие которых влияет близкое расположение с влажной местностью (пойменные почвы) (Терпиловский та ін., 2005).

Поселение **Александровка I** (Черниговская обл., Украина) (рис. 2: II). Исследованная площадь памятника составила 2,4 га. Расположен на обоих берегах неглубокой балки, по которой, очевидно, в древности протекал ручей – приток р. Стрижень. Поселение колочинской культуры состояло из четырех сооружений: 3 на левом берегу и 1 на правом (Терпиловский, Шекун, 1996; 2004).

Поселение занимает берега балки, лежащей в низовьях р. Стрижень, где высота левого берега составляет 20-25 м над уровнем воды. Берег вблизи реки довольно сильно изрезан балками; сама же местность вокруг поселения представлена довольно однотипным рельефом без значительных перепадов высот (до 5 м). Потенциальная ресурсная зона содержит почвы, сформировавшиеся под лесной растительностью, и почвы, на плодородие которых влияет близость с влажной местностью (пойменные почвы).

Отличия между потенциальными ресурсными зонами описанных выше поселений состоят в расположении памятников относительно рек. Так, вблизи поселения Александровка I на юг есть участок подтреугольной формы, который лучше было использовать для выпаса животных, поскольку он был с двух сторон ограничен реками.

2. Земледелие

Орудия для первичной обработки почвы представлены находками наральников (железных наконечников на пахотные орудия). В настоящий момент нам известно всего два фрагмента наральников, происходящих из памятников колочинской культуры Близнаки и Тайманово (рис. 3: 1, 2). Обе находки представлены узколезвийными (узколопастными; узколопатовыми; без плечиков) формами, относящимися к типу I A1 по классификации Ю.А. Краснова (Краснов, 1978; 1987).

Орудия для сбора урожая (серпы, косы). Эта категория находок представлена наибольшим количеством экземпляров, впрочем, они происходят всего с семи памятников колочинской культуры (на семи обнаружены серпы; на двух из них – фрагменты кос-горбуш). Практически все серпы, общий вид которых восстанавливаем, относятся к слабоизогнутым, с непрогрессивными типами крепления. Большая часть из них принадлежит к столбиковым (пятка, перпендикулярно отогнутая от плоскости лезвия) и по классификации Р.С. Минасяна (Минасян, 1978а, с. 79) относится к подгруппе II 1 (рис. 3: 4-9, 11, 14). Один из серпов из Никодимово имел черешок для крепления, продолжающий линию лезвия (рис. 3: 13). По классификации Р.С. Минасяна такой тип принадлежит к варианту I A (Минасян, 1978, с. 78). Для памятников колочинской культуры это пока единственная находка⁶.

Наибольший интерес представляет серп из Мощенки: это экземпляр с сильно изогнутым лезвием и черешком для рукояти, находящимся под углом к линии лезвия (рис. 3: 10), который по классификации Р.С. Минасяна относится к варианту VI Б (Минасян, 1978а, с. 83).

Традиционно к орудиям для уборки урожая причисляют косы-горбуши. Такие орудия, предположительно, были более важны для животноводства. Ими косили сено для содержания животных в стойловый (зимний) период. Тем не менее считается, что косами могли убирать некоторые зерновые культуры с тугим колосом.

⁶ Обломок подобного серпа происходит из культурного слоя поселения Кривец-4 (Обломский, 2012б), но поскольку на памятнике обнаружены, кроме раннесредневековых, отложения конца XVIII – начала XIX в., то в принадлежности некоторых из этих вещей колочинской культуре имеются сомнения. По этой причине в приведенную сводку серп не включен (А.О.).

⁵ Подробно см.: (Горбаненко, Пашкевич, 2010, с. 93-95).

Находки кос на колочинских памятниках многочисленны. До сих пор с некоторой долей вероятности к косам можно причислить лишь фрагмент орудия из Колочина, гораздо более массивный, чем рассмотренные выше серпы (рис. 3: 16). Также А.А. Седин упоминает о находках фрагментов кос-горбуш на городище Никодимово (Седин, 2000, с. 35).

Результатами земледельческого труда является урожай, находящий свое отображение в *палеоэтноботанических (археоботанических) материалах*. В настоящее время какие-либо определения культурных растений известны всего для пяти памятников колочинской культуры (табл. 2). Из имеющихся данных можно констатировать, что население колочинской археологической общности было знакомо со всеми основными сельскохозяйственными культурами. Среди них зерновые: ячмень пленчатый, пшеница двузернянка и пшеницы мягкие голозерные, просо, рожь, овес. Из зернобобовых известны горох, бобы, чечевица. К техническим культурам относится конопля.

Наибольшее количество материалов проанализировано из промывок культурного слоя городища Никодимово. По результатам определений 6475 зерновок 75,27% принадлежало ячменю (до вида не указано), 16,46% – просу (кроме того, без подсчета остались обуглившаяся комья); далее следуют пшеница (до вида не указано) – 4,37%, овес – 0,20%, рожь – 0,05%. Из бобовых определены: горох – 3,14%, бобы кормовые – 0,45%; из технических конопля – 0,06%.

К орудиям для переработки урожая относятся зернотерки (рис. 3: 17) и жернова (рис. 3: 18-21). Традиционно сложно ответить на вопрос о распространении таких орудий, поскольку обычно доступная информация о них по публикациям и отчетной документации спорадическая. Тем не менее известны находки обоих видов орудий. Например, в отдельных помещениях в Близнаках были обнаружены зернотерки (Шмидт, 2003, с. 30, 93). На городище Никодимово обнаружены гранитные терочки (верхние, обычно одноручные камни от зернотерок) (Седин, 2000, с. 35). Очевидно, находок зернотерок гораздо больше (для третьей четверти I тыс. н.э. скорее можно предположить отсутствие находок жерновов, а не зернотерок), однако ввиду их малой информативности, исследователи не всегда обращают на них должное внимание.

Ныне нам известны находки жерновов на трех памятниках: Литвиновичи-3 (два фрагмента из туфа), Красное-4 (два фрагмента из туфа, один из известняка); в Больших Будках (Хутор) фрагменты жерновов обнаружены в постройке и хозяйственной яме рядом с ней. По имеющимся фрагментам затруднительно что-либо сказать о конструктивных особенностях жерновых поставов (рис. 3: 18-21).

3. Животноводство

Из *археозоологических (остеологических) материалов* ныне доступны данные обработанной коллекции городища Никодимово. После проведения раскопок на многослойном поселении Александровка I в середине 1990-х гг. также было произведено определение археозоологических материалов из этого памятника, в том числе – из объектов колочинской культуры. Тем не менее коллекция была определена совокупно, поэтому все полученные результаты причислены к тем, что характеризуют показатели киевской культуры, объекты которой на памятнике составляют подавляющее количество (Журавльов, 1996). Таким образом, для характеристики состава стада домашних животных колочинской культуры ныне можно использовать только данные с городища Никодимово (табл. 3). Они представлены в публикации А.А. Седина в процентном соотношении количества костей животных, а также в количественном и процентном соотношении минимального количества особей (рис. 4: а, б)⁷. По показателям минимального количества особей, в стаде преобладал крупный рогатый скот (КРС) (около 2/5), на втором месте находилась свинья домашняя (практически 1/3), третья занимала лошадь домашняя (до 1/5), последнее –

⁷ Е.Е. Антипина раскритиковала такой «рабочий инструмент» интерпретационного характера, как «минимальное количество особей». Взамен для интерпретаций исследовательница использует процентное соотношение костей животных, фактически приравнивая этот показатель к количеству животных. Много интересных «логических аппроксимаций» Е.Е. Антипиной, на наш взгляд, могли бы дополнять интерпретационный ряд, основанный на археозоологических материалах, но не подменять исходные понятия (нет смысла отбрасывать показатели, характеризующие стадо как таковое, все без исключения требующее трудозатрат по его содержанию, заменяя их показателями исключительно маточного поголовья, которое, к тому же, невозможно высчитать) (Антипина, 1997; 2004; 2005; 2007; 2008).

мелкий рогатый скот (МРС) (менее 1/10) (рис. 4: б). Также обнаружены кости домашних собак, которых, возможно, использовали при выпасе домашних животных (КРС, МРС, лошадей). Важно также отметить, что среди археозоологических материалов определено всего две особи диких животных (лисица, водяная полевка), что составляет всего 4% от общего числа особей.

Значимость коневодства, помимо довольно большого процента лошадей в составе стада, подчеркивает и комплекс предметов *снаряжения коня и всадника* с городища Никодимово (Седин, 2000, с. 35-36, рис. 2: 2-8), а также и с других памятников колочинской культуры (см. рис. 32-34 в главе А.М. Обломского в настоящей монографии). Отметим, что наряду с КРС лошади составляли базу тягловой силы, в том числе для сельскохозяйственных потребностей.

Несколько дополняет картину использования домашних животных в жизнедеятельности поселенцев городища Никодимово находка *пружинных ножниц* (рис. 3: 22), указывающая на важную роль шерсти (от МРС) как сырьевой базы для ткачества, невзирая на их незначительный показатель в стаде. Возможно, МРС в первую очередь содержали именно для получения шерсти.

Для стойлового содержания животных использовалось сено, которое косили при помощи кос-горбуш и, возможно, серпов, имеющих подобные формы и пропорции (см. ниже). С этой целью, вероятно, использовали также солому и какие-либо отходы обмолота урожая зерновых.

Кроме того, не исключено, что северо-восточный край площадки, с незначительной насыщенностью слоя археологическими находками и отсутствием каких-либо построек, который, по мнению А.А. Седина, мог быть использован в хозяйственных целях (Седин, 2000, с. 31), мог выполнять функции загона для скота.

4. Анализ материалов

Обзор палеоэкологических условий существования носителей колочинской культуры убеждает в том, что для сельскохозяйственной деятельности у древнего населения были хорошие условия. Поселения располагались в ландшафтах, где можно было развивать обе отрасли. Земледелие могло развиваться в трех (взаимодополняющих) направлениях: в поймах, в лесах, на свободных участках. Для нужд животноводства можно было использовать поймы, лесные опуш-

ки, свободные участки. Также возможны чередования определенных участков для нужд земледелия и животноводства.

Пойменные участки всегда были привлекательными с точки зрения хозяйственной деятельности. Использование таких земель было не только традиционным, но и целесообразным с практической точки зрения. Земледелец получал хорошие результаты при минимальных затратах труда для обработки почвы, поскольку такие участки по механическому составу намного легче возделывать, чем площади на плато. Соответственно, для их вспашки не требовались массивные тяжелые орудия (см. ниже). Как считают исследователи, пойменные участки не требуют отдыха или комплекса мероприятий для возобновления плодородия (Краснов, 1967, с. 20). Учитывая это, очевидно, что пойменные участки можно использовать на протяжении длительного времени. В настоящее время на таких участках распространено огородничество.

Еще один широко распространенный вариант использования пойменных участков – для потребностей животноводства. Там можно было выпасать животных либо устраивать по несколько сенокосов за сезон. Дополнительным преимуществом при выпасе животных было существование определенных природных границ пастбища и близкое расположение к воде (для водопоя). Примеры использования таких участков для животноводства также широко известны из этнографических материалов и по сей день включительно.

Единственным косвенным доказательством использования этих участков в сельскохозяйственных целях на основе изучения археологических материалов является расположение древних поселений, в потенциальную ресурсную зону которых подобные участки практически всегда попадали (см. рис. 2).

Использование *лесных участков* также было возможно как для земледелия, так и для животноводства. Для ведения земледелия необходимым условием была подготовка участка под посевы, его очистка от древесной растительности, благодаря чему почва обогащалась полезными элементами (подробно о подсеке см.: Третьяков, 1932; Петров, 1968). Естественно, что подсечное земледелие было наиболее распространено в районах с наибольшей залесенностью территорий. Именно в лесной зоне и находилась северная часть ареала колочинской культуры (см. рис. 1 в главе А.М. Обломского в настоящей монографии): само

расположение памятников является косвенным свидетельством возможности использования подсеки. Традиционно земледелец выбирал пригодный участок, удобный для посева хлеба. Весной деревья подчеркивали (снимали кору через весь ствол), чтобы они быстрее высыхали. Потом лес рубили таким образом, чтобы максимально равномерно распределить упавшие деревья по всему участку. После этого, когда стволы подсыхали, их сжигали, получая участок, удобренный золой или перегнившими остатками деревьев. Это один из способов подсечного земледелия; возможно, земледельцы использовали и другие формы, но суть процесса от этого не меняется (Советов, 1867, с. 1-13). В любом случае земледельцу необходимо было выбрать участок, удобный для выращивания хлеба, и расчистить его, уничтожив при этом всю растительность.

К прямым аргументам в пользу использования подсеки относится открытие древнего подсечного поля рядом с селищем середины I тыс. н.э. в уроч. Прорва рядом с г. Трубчевск (Падин, 1969, с. 215). Отметим, что такие сообщения в отечественной археологической литературе чрезвычайно редки. Подобный же факт был отмечен исследователями Автуничского поселения периода Киевской Руси на Черниговщине – также в лесной зоне. Среди находок из самого поселения – узколезвийные наральники (Моця, Томашевский, 1997, с. 31, 37).

Помимо расположения памятников в лесной зоне, существуют и другие «археологические» косвенные подтверждения возможности использования подсеки как основной формы земледелия. К таковым могут относиться находки фрагментов лезвий железных топоров: они были обнаружены на городище Никодимово (Седин, 2000, рис. 1: 2, с. 35) и на ряде других памятников (см. главу А.М. Обломского в настоящей монографии).

Важно также отметить, что, в основном поселения колочинской культуры незначительны по размерам и, вероятнее всего, существовали непродолжительное время. Такие данные хорошо сочетаются с письменными свидетельствами Прокопия, что «... живут они (славяне) на большом расстоянии друг от друга, и все они часто меняют места жительства» (Procopius Caesarensis, VII. 14. 25 по изданию: Прокопий, 1950, с. 297). Именно занятие подсечным земледелием в наибольшей степени нуждалось в частых сменах участков под посевами, и, соответственно, – приводило к переселениям.

Использование подсеки засвидетельствовано в лесных районах России с древнейших времен вплоть до XVI в. (Слободин, 1952, с. 15-30; Советов, 1867, с. 13-14).

Подсеку могли также использовать не только как основную форму земледелия, но и как способ расчистки участков с дальнейшим их введением в фонд пахотных земель. На такую форму косвенно указывают находки узколезвийных наральников, характерных для лесной зоны и указывающих на соответствующие формы орудий для обработки почвы, удобные именно на участках со сведенным лесом (см. ниже).

Леса могли использовать и в качестве пастбищ для домашних животных. Однако довольно сложно предположить, что такой трудоемкий процесс, как расчистка участков от леса, производился для образования пастбищ. Ввиду этого, участки со сведенной растительностью практически наверняка можно считать подготовленными для земледелия. Однако не исключено, что во время перехода подсечных участков в перелог их могли использовать и как пастбища. С той же целью могли использовать и лесные опушки, редколесье.

Использование других участков, свободных от лесной растительности (*на плато*), кроме участков, специально освобожденных человеком, не имеет каких-либо косвенных подтверждений.

Уменьшение растительности в целом может свидетельствовать о постепенной интенсификации человеческой деятельности, в том числе – сельскохозяйственной. Возможно, эти изменения следует связывать с активным использованием подсечной формы земледелия, при которой в дальнейшем участки не в полной мере возвращались в исходное залесенное состояние. Соответственно, можно предполагать введение какого-либо процента этих земель в более или менее длительное сельскохозяйственное пользование.

Археологические свидетельства существования **орудий для обработки почвы**, а также их видов, весьма незначительны. К ним относятся два фрагмента наральников. Обе находки характеризуются тем, что для их изготовления, по-видимому, был использован цельный кусок железа подтреугольной формы; втулка была сформирована загибанием двух углов, без дополнительной обработки краев (подрезания). Такие формы наральников указывают на использование наконечников на легком прямогрязильном рале (рис. 5: 2) (Горбаненко, 2006).

Этот тезис находит подтверждение также и в том, что оба наральника фрагментированы: как считают исследователи, узколопастные наконечники использовали на ралах с ральником, поставленным под углом приблизительно 45° к почве (см., напр.: Брайчевський, 1964, с. 33). В таком положении максимальная нагрузка приходится на условную линию «соединения» втулки с лезвием. Неудивительно, таким образом, что наконечник ломался именно по этой линии. Примеры таких находок широко известны на памятниках I тыс. н.э. (подборку и ссылки см.: Горбаненко, Пашкевич, 2010, с. 103-110).

Такой тип орудия для первичной обработки почвы хорошо сочетается с природными условиями, в которых находятся памятники колочинской культуры (см. выше). Поскольку поселения этой культуры находились в основном в лесах, для земледелия необходимо было освобождать участки от лесной растительности либо использовать исключительно пойменные земли. В первом случае земледелие могло быть подсечным, либо подсеку могли использовать для расчистки участков под поля в дальнейшем. О подсеке, как основной (единственной) возможной форме земледелия в природных условиях Подесенья (в лесу) в III-VII вв., пишет Е.А. Горюнов, основываясь в том числе на отсутствии находок наральников на памятниках указанного периода (Горюнов, 1981, с. 34). Однако ныне находки узколезвийных наральников известны и на памятниках киевской (Максимов, Терпиловский, 1979, рис. 4: 35; Обломский, 1991, рис. 32: 17; Шишкін, 1996, рис. 63: 3; Горбаненко, Пашкевич, 2010, рис. 4.2) и колочинской культур (см. рис. 3: 1, 2). Таким образом, очевидно, что и в лесных условиях использовались орудия для первичной обработки почвы.

Наиболее удобными для пахоты на местах, где ранее рос лес и в земле остались корни от сведенных деревьев и кустарников, являются именно легкие прямогрязильные рала с ральником, поставленным под углом к почве, поскольку их легко можно было вытащить из пашни (если ральник застревал в корнях) и переставить на чистое место⁸. Отметим также, что лесные почвы имеют достаточно легкий механический состав.

Также можно предположить существование цельнодеревянных орудий, не укрепленных железными наконечниками (рис. 5: 3). Доказать этот тезис практически невозможно, поскольку

для сохранности дерева необходимы природные условия, отличные от обычных для юга Восточной Европы. Однако некоторое количество таких орудий без археологического контекста все же было обнаружено благодаря их природной «консервации» в условиях торфяников (подборку см.: Краснов, 1987). Для одного из них, орудия из Токаревского торфяника (Березовец, 1952; Шрамко, 1961; и др.), проведен радиоуглеродный анализ, давший дату 1710 ± 100 л.н., что является первым достоверным свидетельством использования такого рала в I тыс. н.э. (тем более – в первой половине – времени существования киевской и черняховской культур) (Щеглова, 2008). Такие орудия можно было использовать на легких пойменных почвах без наральника.

Не исключено и существование более примитивного прямогрязильного рала, не укрепленного наральником. Его изготавливали таким образом: «Выбирается довольно тонкое дерево 12-13 см в верхнем отрубе и притом такое, у которого один из корней шел бы по возможности под прямым углом к стволу. Его срубуют на 2 м в длину корня, для ручки, и орудие готово» (рис. 5: 1) (Парфенов, 1873, с. 640). Существование такого примитивного и простого в изготовлении рала можно допустить с позиций здравого смысла.

Отметим, что наибольшее количество подобных наральников (узколезвийных либо с незначительными плечиками) известно из хронологически близких памятников именьковской культуры Среднего Поволжья. Исследователи насчитывают 17 наральников типа I Б 1 (подборку см.: Вязов, 2008; 2011, табл. 9; рис. 2-4), в целом подобных по параметрам и, видимо, использованию к обнаруженным на колочинских памятниках.

Наральники, близкие по формам и пропорциям, найдены на пеньковских, а также пражских памятниках (рис. 6)⁹. Однако очевидны и отличия даже наиболее близких форм. Кроме того, на памятниках более южных соседей колочинской культуры¹⁰, обитавших в основном в лесостепи,

⁹ Пеньковская культура: Селиште (Приходнюк, 1998, рис. 60: 1), Любимовская Забора (Брайчевская, 1960, с. 175), Тимченки (Берестнев, Любичев, 1991). Пражская культура: Бакота (уроч. На Клине) (Приходнюк, 1975, табл. 17: 2; рис. 15: 1), Буцулук (Bučuluc) (Teodor, 1985, fig. 2: 14), Городок (Винокур, Приходнюк, 1974, рис. 6: 14; Приходнюк, 1975, с. 95, табл. XVII: 2), Додешти (Dodești) (Teodor, 1985, fig. 2: 13), Федешти (Fedestii) (Teodor, 2003, fig. 7: 7).

¹⁰ Подчеркнем, что на пражских памятниках наральники обнаружены только в лесостепной зоне.

⁸ Библиографию см.: (Риер, 2000, с. 40).

есть формы наральников, которые можно было использовать и на кривогибильных ралах, на которых ральник был расположен параллельно линии вспашки. Такие орудия более продуктивны и предназначены для открытых участков, на которых лес не рос, либо был сведен достаточно давно, чтобы в земле не осталось корней.

Находки наральников на хронологически близких памятниках лесной зоны крайне редки. Так, единственный известный нам узколезвийный наральник (сошник), подобный колочинским, был обнаружен на селище Микольцы тушемлинской (банцеровской) культуры (Звяруга, 2005, с. 102; мал. 64: 6). Отметим, что на этих памятниках обнаружено значительное количество лезвий (или фрагментов) топоров (Шмидт, 2003, табл. 8: 9-15; Звяруга, 2005, с. 102; мал. 61: 26, 27; 62: 13, 18; 63: 11, 16).

Неизвестны наральники и среди позднедьяковских материалов; так, показательным является, что на масштабно исследованных городищах Дьяково (Кренке, 2011) и Отмичи (Исланова, 2008) наральники не входили в сельскохозяйственный инвентарь.

На предшествующих памятниках в лесной зоне позднего этапа культуры штрихованной керамики (Егарэчанка, 1999; Егорейченко, 2006) и днепро-двинской культуры (Шадыра, 1999б; 2006, с. 11-44; Звяруга, 2005, с. 8-47) наральники также не были обнаружены. Они известны в незначительном количестве на памятниках киевской культуры; на поселениях черняховской культуры в лесостепи обнаружено большое количество наральников разнообразных форм (подборку и ссылки см.: Горбаненко, Пашкевич, 2010, рис. 4.2). В последней четверти I тыс. н.э. наральники различных форм на славянских памятниках также были обыденным явлением (подборку и ссылки см.: Горбаненко, Пашкевич, 2010, рис. 4.4; Пивоваров, 2010, с. 47, рис. 6: 1, 2; Пивоваров, Ільків, 2014, рис. 5: 1, 2; с. 354; Михайлина, 2014, рис. 2: 1, 2). Отметим, однако, что подавляющее их большинство происходит из лесостепной зоны. В лесной зоне и в древнерусские времена продолжали существовать узколезвийные наральники, сошники (см., напр.: Коробушкина, 1979).

В отличие от колочинских памятников, на лесостепных поселениях пеньковской и пражской культуры известны единичные находки деталей, которые могут быть интерпретированы как чересла (плужные ножи) (рис. 6). Один такой экземпляр происходит из пеньковского посе-

ления Занки (Любичев, 1997, с. 43). Возможно, фрагмент рабочей части чересла был обнаружен на поселении пражской культуры Додешти (Dodești) (Teodor, 1984, fig. 6: 6). Подобное изделие незначительных размеров было найдено также и на Пастырском городище (Ханенко, Ханенко, 1899, табл. IV: 70; Горбаненко и др., 2008, рис. 19, с. 34). Такие детали фактически являются маркерами существования наиболее прогрессивного орудия для обработки почвы – плуга (либо орудия плужного типа). Однако такое орудие было сложно применять в лесной зоне на этапе освоения участка после подсеки. Неудивительно, таким образом, что носители колочинской культуры не использовали чересел.

Металлические детали орудий для вторичной обработки почвы (мотыжки) из материалов колочинской культуры нам не известны. В небольшом количестве мотыжки встречены на пеньковских памятниках (рис. 6) (подборку и ссылки см.: Горбаненко, Пашкевич, 2010, рис. 4.18). Однако исследователи указывают на то, что в лесистой местности (по подсекам) использовали такие орудия, как вершалина (рис. 5: 4) и борона-суковатка (рис. 5: 5) (Зеленин, 1991, с. 51-53; рис. 9; 10; Супинский, 1949). Оба орудия просты в изготовлении; оба предназначены для аналогичных целей: смести и прикрыть землей посеянные зерна. При подсеке это возможно без обработки почвы (после высевания зерна прямо по пепелищу). О том, что в древности подобные орудия бытовали, свидетельствуют находки зубьев (сучьев) из слоев VIII-X вв. Старой Ладogi (Миролюбов, 1976, с. 121-122).

Палеозтноботанические материалы. К сожалению, ни одно из определений не может в какой-либо мере характеризовать тенденции в выращивании тех или иных культурных растений. Результаты анализов материалов из Близнаков представлены лишь общими словами (перечислением культурных растений) (Шмидт, 2003, с. 30). В Колочине I некоторое количество обгорелых зерен проса и чечевицы было обнаружено в трех сосудах, т.е. материал проанализирован избирательно (Сымонович, 1963, с. 125-126). Материал из Александровки I статистически неполноценен; о единственном отпечатке зерновки из Левкиного Бугра и говорить не приходится.

Обильный материал, полученный благодаря промывке культурного слоя из Никодимово, к сожалению, также не может быть учтен для получения представления о **соотношении** среди выращивавшихся культурных растений. Судя по

описанию получения материала («на отдельных участках содержание зерен составляло до 15% от общего объема взятого образца» (Седин, 2000, с. 34), в ходе археологических исследований было обнаружено какое-то место хранения зерна. Скорее всего, там хранились ячмень и просо (напомним, что кроме отдельных зерновок были обнаружены и комья, подсчет количества в которых зерен проса мог бы существенно изменить процентные соотношения). Находки же других зерновок имеют случайный характер.

Таким образом, необходимы дальнейшие исследования культурных растений, выращиваемых носителями колочинской культуры. Их целенаправленное проведение может расставить все точки над «i» в вопросе процентных соотношений в выращивании зерновых культур. Предварительно же, учитывая местонахождение памятников колочинской культуры, уровень развития орудий обработки почвы и вероятные системы землепользования, можно прогнозировать, что в палеоэтноботаническом комплексе должны преобладать проверенные временем зерновые культуры: ячмень пленчатый, пшеница двузернянка, просо. Остальные же зерновые могут быть представлены в незначительных количествах: в качестве «экспериментальных» посевов либо как примеси, сопутствующие основным посевам. Чему в принципе не противоречат имеющиеся ныне данные о возделываемых культурных растениях.

Отметим также, что при иных обстоятельствах отсутствие сорняков в проанализированных материалах (см. табл. 2) могло бы свидетельствовать в пользу пойменного или подсецкого земледелия, поскольку в обоих случаях присутствие сорняков на полях минимизировано (подробнее см.: Горбаненко, 2011).

Среди сельскохозяйственных артефактов **орудия для сбора урожая** наиболее многочисленны. *Серпы* представлены, вероятно, 13 экз. с 7 памятников. Из них 3 фрагмента из 3 памятников представляют исключительно статистический интерес. Из оставшихся выделяется 2 типа крепления: столбиковый и черешковый (рис. 3; 5: 6-8). К столбиковым серпам, без сомнения, принадлежит 6 экз. из 4 памятников; видимо, к таким же следует причислить еще 2 экз. из Колочина. Все они без исключения характеризуются слабой изогнутостью лезвия. Однако даже внутри этой группы можно увидеть определенные различия: если серпы из Колочина и Хохлова Вира просто слабоизогнуты (рис. 3: 6-9, 14), то орудия из Киселей и Никодимово (рис. 3: 4, 5,

11) имеют форму лезвия, подобную косам-горбушам, только меньших размеров.

Слабоизогнутые серпы со столбиковым типом крепления к рукояти типичны для более ранних периодов: они существовали начиная со скифского времени, а также и в зарубинецкой, киевской, черняховской культурах и на синхронных пеньковских памятниках (см. рис. 6; подборку и ссылки см.: Горбаненко, Пашкевич, 2010, рис. 7.2-7.7). Аналогичные слабоизогнутые серпы с таким же типом крепления, в т.ч. близкие по формам к косам-горбушам, известны из материалов тушемлинской (банцеровской) культуры (Шмидт, 2003, табл. 14; 15; Звяруга, 2005, мал. 61: 31; 64: 2). В верховьях Волги они найдены на памятниках типа Подол (Никола-Рожок, Подол-3) (Исланова, 2014, рис. 8: 5, 6). В огромном количестве они происходят с памятников именьковской культуры (Вязов, 2011, рис. 5-8); в Поволжье и Прикамье просуществовали до X-XI вв. (Минасян, 1978а, с. 79). Серпы с аналогичным типом крепления лезвия к рукояти широко известны в материалах салтовской культуры (Горбаненко, Колода, 2013, рис. 55). Однако их основным отличием от вышеперечисленных является прогрессивная форма лезвия, присущая серпам, по сути, существующим до наших дней включительно. Вероятно, такое сочетание у носителей салтовской культуры появилось благодаря большей компактности орудия в собранном состоянии при необходимости переезда (Горбаненко, Колода, 2013, с. 166).

Серпы с черешковым типом крепления представлены двумя различными формами. Серп из Никодимово (рис. 3: 13) представлен архаичной формой: черешок для рукояти у этого орудия продолжает линию лезвия. Аналогичные серпы с подобным типом крепления были распространены в Прибалтике со II до XI-XIII вв. (Минасян, 1978а, с. 78). Известны они также из материалов зарубинецкой, киевской, черняховской культур (подборку и ссылки см.: Горбаненко, Пашкевич, 2010, рис. 7.2-7.7). Однако в этих культурах они представлены простыми слабоизогнутыми формами, широко известными в том числе в пражской культуре (рис. 6).

Серпы, подобные по форме, можно найти среди материалов культуры штрихованной керамики различных этапов (Егарэйчанка, 1999, мал. 47; Егорейченко, 2006, табл. 46-48; Звяруга, 2005, мал. 4; 11; 17) и днепро-двинской культуры (Шадыро, 1985, с. 55-57; Шадыра, 1999б, мал. 58; 2006, табл. 2). Подобные формы мож-

но обнаружить и среди материалов тушемлинской (банцеровской) культуры (Шмидт, 2003, табл. 14; 15; Звяруга, 2005, мал. 61; 64). Серп, аналогичный по функциям и устройству, был найден на городище третьей четверти I тыс. у с. Лужасна (археологический комплекс возле Витебска) (Штыхаў, 2003, с. 260, мал. 4: 1). Отметим, что среди аналогий по форме и функциям есть экземпляры с довольно массивной спинкой. По мнению В.И. Шадыро, подобные орудия служили одновременно и в качестве серпов, и как косари (Шадыро, 1985, с. 55-56). Такие же функции могли выполнять и некоторые орудия, обнаруженные в верхнем слое Дьякова городища (Гунова и др., 1996; Кренке, 2011, рис. 135).

Бликий по форме серп известен из памятника V-VII вв. Арборе (Arbore) в Румынии (см. рис. 6) (Teodor, 2003, fig. 7: 6). Не исключено, что там он использовался в других целях (например, для садоводства).

Экземпляр из Мощенки также представляет значительный интерес. По виду крепления – это черешковый серп с отогнутой рукоятью. Пропорции данного экземпляра приближены к оптимальным, используемым вплоть до наших дней. Такие серпы известны из памятников черняховской культуры (наряду с другими вариантами). Среди материалов других территориально и хронологически близких к черняховской археологических культур подобные формы нам не известны. В V-VII вв. такой тип крепления был у пеньковского и, вероятно, пражского населения (см. рис. 6). Однако действительно распространенными такие серпы стали в последней четверти I тыс. н.э. Для этого периода следует говорить о единичных находках других форм и типов крепления. Исключение составляет только салтовская культура, в которой прогрессивные пропорции лезвия сочетаются со столбиковым типом крепления (см. выше).

В плане использования прогрессивной формы интересно отметить наличие таких серпов в материалах пражской культуры (см. рис. 6) (поселение Злехов, Чехия) (Zeman, 2007, Abb. 8, 1, 2). Отличие обнаруженных там серпов от оптимальных состоит в креплении рукояти: предусматривалось, что деревянную рукоять необходимо было насадить на крючок в нижней части, а потом зафиксировать верхнюю посредством сквозного отверстия.

Находки серпов важны также потому, что они, вместе с находками частей пашенных орудий, считаются показателями существования пашенного земледелия (Краснов, 1966, 25-26).

Косы-горбуши представлены единичными экземплярами. Немногочисленны они и в синхронных материалах: ныне нам известны лишь четыре находки орудий и фрагментов на пеньковских памятниках и три – на пражских (см. рис. 6; подборку и ссылки см.: Горбаненко, Пашкевич, 2010, рис. 7.11; Приходнюк, 1975, табл. XXI: 13). Вполне вероятно, что такие массивные орудия «археологизировались» значительно реже, чем иные изделия.

По имеющимся археологическим аналогиям, а также по этнографическим материалам, лезвия горбуш закрепляли пяткой в рукояти косы, после чего фиксировали железным кольцом или каким-либо эластичным материалом (см. рис. 5: 9).

Среди черняховских материалов лесостепи они представлены довольно большим количеством экземпляров с различных памятников (в т.ч. и из могильников) (подборку и ссылки см.: Горбаненко, Пашкевич, 2010, рис. 7.10; Герета, 2013, рис. 34). Также и в последней четверти I тыс. н.э. на лесостепных славянских волынцевско-роменских и райковецких памятниках обнаружено довольно большое количество кос (подборку и ссылки см.: Горбаненко, Пашкевич, 2010, рис. 7.10; Пивоваров, Ільків, 2014, рис. 5: 10).

Невзирая на то, что находки кос-горбуш на колочинских памятниках единичны, подавляющее большинство орудий для уборки урожая по форме и пропорциям вполне им соответствуют. Возможно, это своего рода переходная форма между довольно примитивными серпами (подобная форма довольно широко распространена в первой половине I тыс. н.э.) и косами-горбушами обычных размеров (более 30-35 см).

Использование таких орудий «переходного типа» для заготовки сена для стойлового содержания животных с точки зрения здравого смысла вполне оправдано. Весьма вероятно, что данные формы серпов имели двойную функцию и использовались как для сбора урожая зерновых, так и для сенокосов.

Орудия для переработки урожая колочинской культуры ныне представлены двумя наиболее распространенными формами: *зернотерками* и *жерновами* (рис. 5: 10, 11), известными также и в ее культурно-хронологическом окружении. Отметим, что на пражском поселении Бакота I была обнаружена ступа (см. рис. 6) (Приходнюк, 1975, с. 39, рис. 17), которая в принципе является довольно редкой находкой. Следует также добавить, что фрагментированность опубликованных жерновых камней не позволяет достоверно ре-

конструировать даже форму крепления рукояти к бегунку.

Орудия для сбора и переработки урожая указывают на распространение земледелия, не отвечая на вопросы о его технике.

Животноводство. По показателям минимального количества особей, КРС имел относительное преобладание, свинья домашняя была на втором месте, третье место принадлежало лошади домашней, последнее – МРС (см. выше; рис. 4: б). КРС, МРС и лошади нуждались в выпасе, в чем пастуху могли помогать собаки, кости которых также обнаружены на городище Никодимово. По этнографическим данным, свиней могли выпускать в теплый сезон на подножный корм, оставляя их без присмотра.

Показатели КРС и лошадей также дают возможность предположить размеры потенциальной базы тягловых животных. По подсчетам В.И. Цалкина, волы в стаде КРС могли составлять около 5% (Цалкин, 1969, с. 94). Соответственно, в пересчете с имеющихся данных, в качестве тягловой силы могли использовать лошадей (11,1% от общего поголовья сельскохозяйственных животных) и немногим более 2% КРС.

Для восстановления мясного рациона древних жителей городища Никодимово следует провести расчеты потенциального мясного производства. Пересчет вероятной мясной продукции, получаемой от четырех основных видов домашних животных, произведен по расчетам Е.Е. Антипиной, в которых приняты такие коэффициенты (относительные единицы, где за минимальный показатель принята масса МРС): КРС – 6; МРС – 1; свинья – 1,5; лошадь – 5,5 (Антипина, 2008, с. 71)¹¹. По этим расчетам, говядина имела абсолютное преобладание над другими видами мяса, составляя около 2/3 от общего количества. Второй по важности являлась конина – около 1/4; на третьем месте была свинина – около 1/10 части; мясо от МРС составляло совершенно незначительную часть – около 2% (см. рис. 4: в). О важности жи-

вотноводства в обеспечении мясной продукцией также свидетельствуют данные о диких животных: количество их особей составляет всего 4% (2 особи), которые к тому же представлены немясными видами.

Следует также напомнить, что польза от домашних животных довольно часто заключалась в первую очередь в прижизненных продуктах. Этот тезис практически не имеет подтверждения конкретными данными по результатам анализов материалов из городища Никодимово, однако не вызывает сомнений. Так, от КРС прижизненными продуктами маточного поголовья является молоко; вероятно, волов – тягловая сила, в том числе для потребностей земледелия. От МРС могли получать шерсть (о чем свидетельствует и находка ножниц), а также молоко. Лошадей в первую очередь могли использовать в качестве тягловой силы. Лишь свиньи не приносили дополнительной видимой прижизненной пользы. После забоя всех животных могли использовать их мясо, а также шкуры и кости.

* * *

Подводя краткий итог, отметим, что соотношение количества исследованных памятников колочинской культуры и полученных артефактов для характеристики сельского хозяйства можно считать удовлетворительным. Таким образом, по имеющимся данным (орудиям земледелия, анализу расположения поселений), можем говорить о таких системах земледелия: подсека как основная форма; подсека как расчистка полей для их дальнейшего использования в примитивной переложной системе. Традиционным можно считать использование пойменных участков.

Ныне практически отсутствуют палеоэтноботанические определения, которые сделали бы возможным тщательный анализ зернового хозяйства. Такой анализ также необходим для лучшего понимания земледелия в целом.

Также явно недостаточно определений археозоологических материалов: на данный момент следует принять показатели городища Никодимово как характерные для всей колочинской культуры. Однако такое положение также не может быть признано удовлетворительным.

Учитывая вышесказанное, очевидно, что пока недостаточно данных и для попытки восстановления соотношения двух отраслей сельского хозяйства: земледелия и животноводства. Хотя их взаимодополняющая роль в сельском хозяйстве не вызывает сомнений.

¹¹ Е.Е. Антипина отмечает, что расчеты мясного производства следует проводить, опираясь на реконструкцию животных по костям, полученным непосредственно из памятника. Однако в таком случае непонятно, что делать с уже имеющимися данными, для которых такая реконструкция не была проведена. Поэтому нами за основу взяты расчеты, приведенные Е.Е. Антипиной для четырех различных памятников археологии, представляющих различные эпохи, так как, видимо, именно подобные показатели получаются по расчетам чаще всего и подходят к большинству (?) археозоологических материалов.

Таблицы

Таблица 1. Распределение славянских памятников третьей четверти I тыс. н.э. Левобережья Днестра на различных типах почв (r = 5 км).

Тип почв		%			
		до 25	до 50	до 75	до 100
1	Количество памятников	6	31	17	19
2		13	15	16	11
3		15	28	15	10
4		-	5	-	1

Примечание. Упрощенную типологию см. в тексте.

Таблица 2. Палеозитоботанические материалы из памятников колочинской культуры; культурные растения.

Памятник	Просо	Ячмень		Пшеницы		Рожь	Овес	Горох	Бобы		Чечевица	Конопля
		пленчатый	голозерный	двухзернянка	мягкие голозерные				конский	кормовые		
Александровка I	1	1		-		-	2	1	2	-	-	-
Близнаки	*	*	*	*	-	-	*	-	-	-		
Колочин I	*	-	-	-	-	-	-	-	-	-	*	-
Левкин Бугор	-	-	-	-	1?	-	-	-	-	-	-	-
Никодимово	1066	4874		283		3	13	203	-	29	-	4

Полужирным выделены отпечатки зерновок на изделиях из глины.

Таблица 3. Osteологические данные с городища Никодимово.

Животное	По: (Седин, 2000, с. 35)						Стадо сельскохозяйственных животных, % особей *	Мясная продукция	
	Количество				Соотношение особей диких и домашних животных				
	костей		особей						
	№	%	№	%	№	%		усл. ед. **	%
Домашние									
КРС	?	46,94	20	41,67	48	96	42,6	120	61,7
МРС	?	7,14	4	8,33			8,5	4	2,1
Свинья	?	25,59	14	29,17			29,8	21	10,8
Лошадь	?	12,25	9	18,75			11,1	49,5	25,4
Собака	?	2,04	1	2,08					
Итого	?	93,96	48	100					
Дикие									
Лисица	?	?	1	-	2	4			
Полевка водяная	?	?	1	-					

Примечания: * Рассчитано без учета собак. ** Приведено исключительно для полноты данных.

Приложение.

Алфавитный указатель памятников с сельскохозяйственными материалами.

35¹². *Александровка I*. Палеоэтноботанические определения (отпечатки на керамике колочинской культуры) – Г.А. Пашкевич (сбор материалов – С.А. Горбаненко) (табл. 2) (Горбаненко, 2005; Терпиловский та ін., 2005; Горбаненко, Пашкевич, 2010, табл. 2.11).

82. *Близнаки*. Фрагмент наральника (рис. 3: 1) (Шмидт, 2003, с. 74, табл. 15: 7). Палеоэтноботанические материалы (обгоревшие макроостатки) – автор определений не указан (табл. 2) (Шмидт, 2003, с. 30).

22. *Большие Будки (Хутор)*. Фрагмент окончания рабочей части лезвия предположительно серпа либо косы (рис. 3: 3) (Горюнова, Родинкова, 1999, рис. 45: 8), фрагменты жерновов (Горюнова, Родинкова, 1999, с. 199).

53. *Кисели (Дымокуры)*. Два серпа (один обломан) (рис. 3: 4, 5) (Левко, Колосовский, 2003, рис. 8: 3, 5).

57. *Колочин I*. Обнаружено: четыре серпа (рис. 3: 6-9) (Сымонович, 1963, рис. 27); фрагмент лезвия косы (рис. 3: 16) (Сымонович, 1963, рис. 26: 14). Палеоэтноботанические определе-

ния (обгоревшие макроостатки) – А.В. Кирьянов (табл. 2) (Сымонович, 1963, с. 126).

27. *Красное-4*. Три фрагмента жерновов (рис. 3: 20, 21) (Обломский, 2003, рис. 16: 5, 16).

31. *Левкин Бугор*. Палеоэтноботанические определения (отпечатки на керамике) – А.В. Кирьянов, Н.А. Кирьянова (табл. 2) (Сымонович, 1969, с. 65; Сымонович, 1969, с. 91).

28. *Литвиновичи-3*. Два фрагмента жерновов (рис. 3: 18, 19) (Обломский, 2003, рис. 14: 11, 12).

40. *Мощенка*. Серп (рис. 3: 10) (Щукин, 1989, рис. 3: 1).

77. *Никодимово*. Обнаружено: три серпа (два целых, один фрагмент) (рис. 3: 11-13), фрагменты кос-горбуш (количество неизвестно), пружинные ножницы (рис. 3: 22). Палеоэтноботанические определения (обгоревшие макроостатки) – Н.А. Кирьянова, Д.И. Третьяков (табл. 2) (Седин, 2000, с. 34); археозоологические определения – В.В. Щеглова (табл. 3) (Седин, 2000, с. 35).

72? *Тайманово*. Верхняя часть наральника (рис. 3: 2) (Перхавко, 1979, с. 42 рис. 2: 6).

44. *Хохлов Вир*. Серп (рис. 3: 14) (Падин, 1974, рис. 2: 5).

54. *Черкасово*. Фрагмент серпа (рис. 3: 15) (Левко, Колосовский, 2003, рис. 8: 4).

¹² Номер соответствует нумерации в табл. 1 и на рис. 1 в главе А.М. Обломского в настоящей монографии; информацию об исследованиях см. там же.

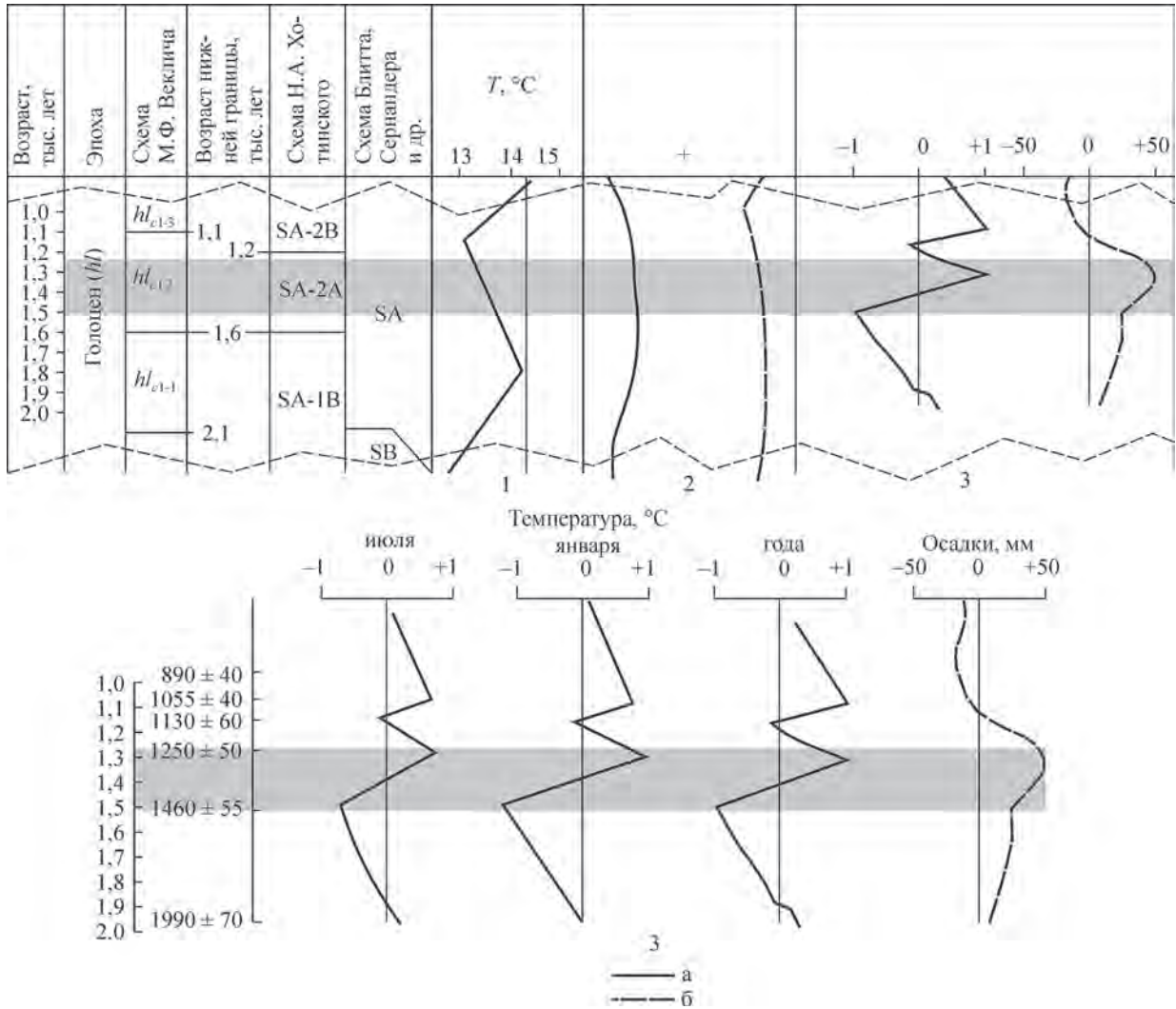

Рис. 1. Этапность развития природы в голоцене (на основе: (Просторово-часова кореляція ..., 2010, с. 132, табл. 4.1) и график климатических изменений, по сравнению с современностью: 1 – глобальные (по: Веклич, 1987); 2 – Русской равнины (по: Хотинский, 1977); 3 – сводные палеоклиматические кривые для равнинной части западной Украины (по: Безусько, Климанов, 1987); а – температура; б – осадки.

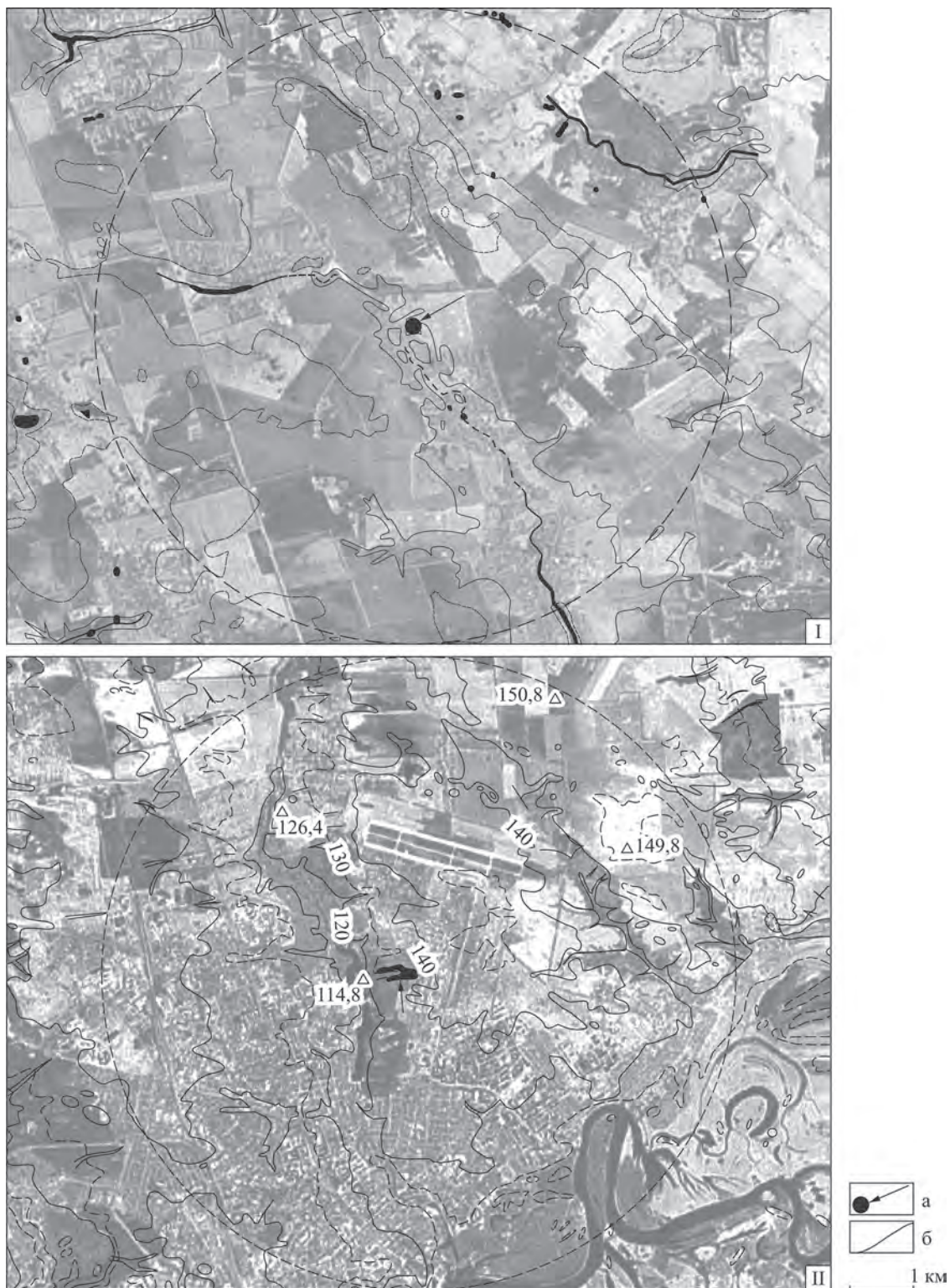

Рис. 2. Примеры расположений памятников (а) колочинской культуры: I – Роище, вид из космоса (<http://wikimapia.org/>), с горизонталями (б) через 20 м (по: Карта Украины, М-36-003; М-36-015); II – Александровка I, вид из космоса (<http://wikimapia.org/>), с горизонталями (б) через 20 м (по: Карта Украины, М-36-015)).

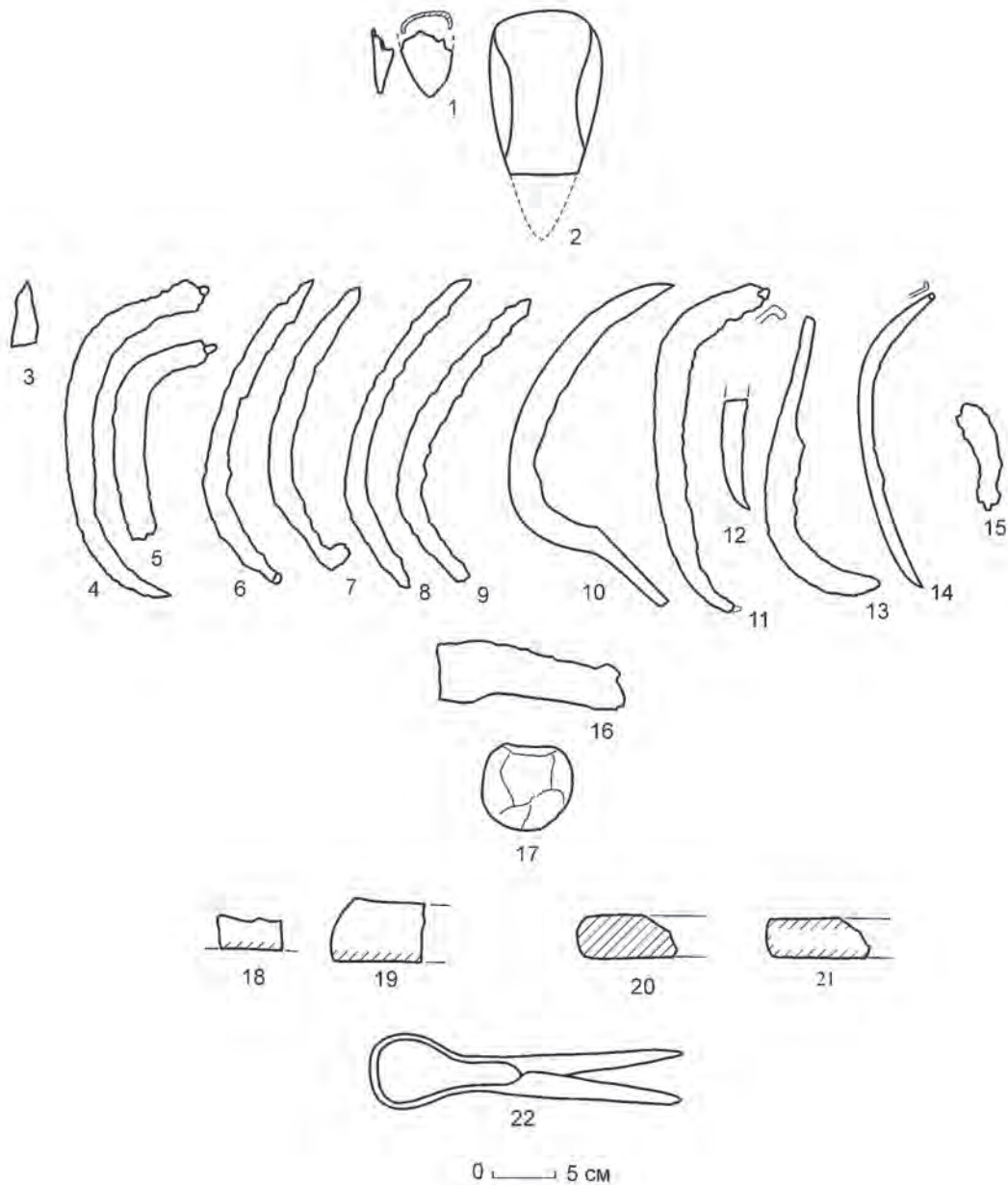

Рис. 3. Сельскохозяйственные орудия колочинской культуры: 1, 2 – наральники; 3-15 – серпы; 16 – коса-горбуша; 17 – терочник от зернотерки; 18-21 – фрагменты жерновов; 22 – пружинные ножницы. 1 – Близнаки; 2 – Тайманово; 3 – Большие Будки; 4, 5 – Кисели; 6-9, 16 – Колочин I; 10 – Мощенка; 11-13, 17, 22 – Никодимово; 14 – Хохлов Вир; 15 – Черкасово; 18, 19 – Литвиновичи-3; 20, 21 – Красное-4.

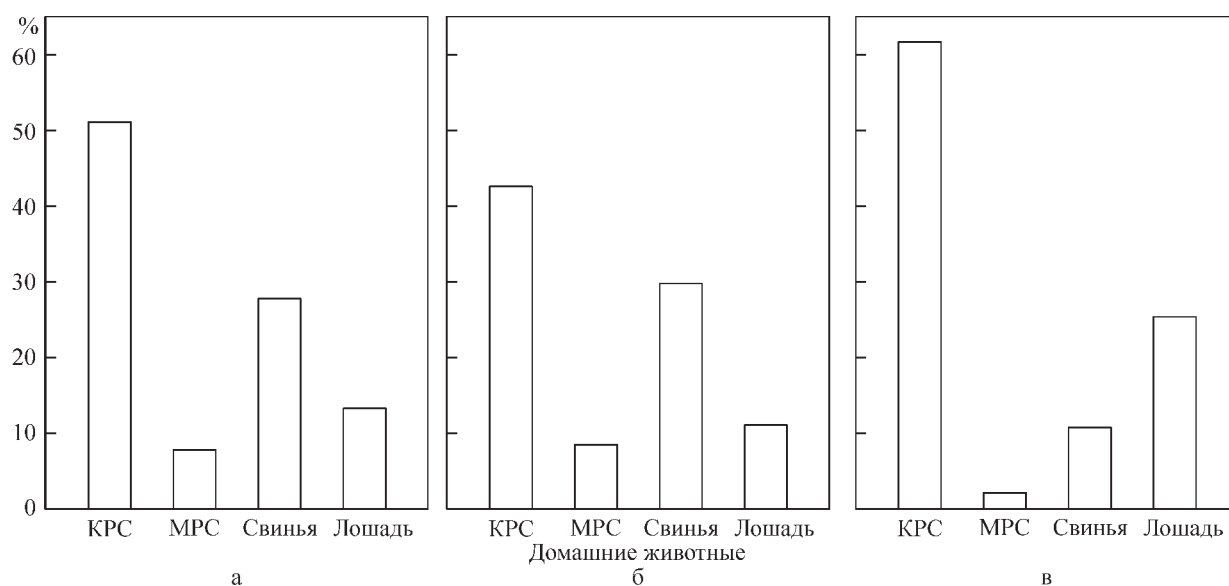

Рис. 4. Археозоологические данные: а – количество костей; б – минимальное количество особей; в – мясное производство.

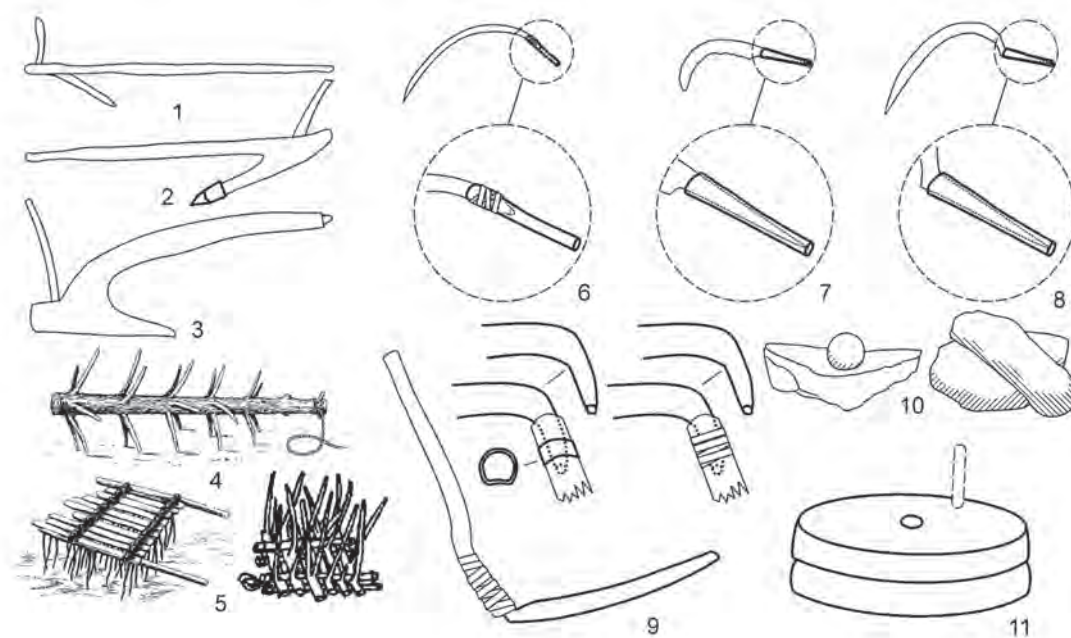

Рис. 5. Реконструируемые орудия земледелия. Для обработки почвы *первичной* – рала прямогрядильные, без полоза: 1 – без наконечника; 2 – укрепленное наконечником; 3 – кривоградильное, с полозом, без наконечника; *вторичной*: 4 – вершалина; 5 – борона-суковатка; для сбора урожая – серпы: 6 – столбиковый; черешковые: 7 – с рукоятью, продолжающей линию лезвия; 8 – с отогнутой рукоятью; 9 – коса-горбуша; для переработки урожая: 10 – зернотерка; 11 – жерновой постав.

Культура	Для обработки почвы			Для сбора урожая						Для переработки урожая		
	Наральники	Чересла?	Мотыжки	Серпы			Косы-горбуши	Зерноотерки	Ступы	Жернова		
				Втуль-частые	Столбик-ковые	Крюч-ковые					Черешковые черешок продолжает длиною лезвия	черешок отогнут
Колочинская		—	—	—		—					—	
Пеньковская						—				+	—	
Пражская			—									

Рис. 6. Сравнительная таблица орудий земледелия славянских археологических культур третьей четверти I тыс. н.э. юга Восточной Европы.
+ — есть упоминания в археологической литературе.

S.A. Gorbanenko
(Kiev)

The agriculture of Kolochin culture population

Summary

The agriculture of the Dnieper river archaeological cultures of the third quarter of the 1st Millennium A.D. has not become a separate study subject. This data is important for agriculture analysis: paleoecologic indicators; artifacts; natural sciences (biological) definitions.

Paleoecologic conditions were favorable for agricultural activities. The settlements were located on landscapes, where it was possible to develop both industries. Agriculture could be practiced in flood plains, in the forests, in clear plateau areas. For cattle breeding it was possible to use floodplains, forest edges, and vacant land areas. Also it was possible to rotate using certain areas for cattle breeding and agriculture.

According to study of vegetation in the 5th-7th centuries (sub period SA-2A), agricultural activity declined to some extent on all Europe territories. Then agricultural activity intensified gradually; and it happened apparently during the period of archaeological cultures interchange in the third and last quarters of the 1st Millennium A.D.

The agriculture tools are presented by a complete set of parts, although in small quantity. The most exemplary tools (sickles and tine points) are presented by quite primitive items (according to territorial and chronological comparison), these artefacts are typical for Eastern Europe forest zone. Paleoethnobotanical (archaeobotanical) materials are scarce and unrepresentative. They are represented by a standard set of cultivated plants, but they are not authentic statistically.

Cattle-breeding is now characterized by materials of only one site (Nikodimovo). The great cattle animal unit quantity prevailed relatively, domestic pigs were on the second place, domestic horses were on the third place, goats and sheep were on the fourth place. The great cattle was the most important for meat production (2/3), horse-meat was on the second place (1/4), pork was on the third place (1/10), goats and sheep meat was on the fourth place (about 2%). Indirect confirmations of cattle-breeding importance are low exponents of wild animals not intended for meat production. The usage of living domestic animals is also important.

The ratio of Kolochin culture studied sites and agricultural artifacts is satisfactory. According to present data, the cleared land agriculture (*podseka*) was the main form; it was possible that flood plains were used traditionally.

The Paleoethnobotanical definitions are practically absent in the study, the definitions of archaeozoologic materials are scarce. This state of research by natural sciences methods should be considered unsatisfactory.

Раннесредневековые группы памятников на Северо-Западе Восточной Европы

И.В. Исланова (Москва)

Культура псковских длинных курганов

Термин «культура длинных курганов» появляется в 1968 г. в работе Е.А. Шмидта, анализировавшей погребальные памятники Смоленского региона (Шмидт, 1968, с. 229). Несколько позднее подобное наименование было использовано В.В. Седовым в своде погребальных памятников, изданном в 1974 г. (Седов, 1974, с. 39). До этого эти древности именовали: «длинные курганы кривичей», «длинные курганы».

В процессе увеличения источниковой базы, по мере изучения памятников, выяснения различий в погребальном обряде, инвентаре и хронологии первоначальный единый массив длинных курганов был разделен на две крупные группы: смоленские (смоленско-полоцкие) и псковские (или псковско-новгородские). В литературе (видимо, чтобы подчеркнуть их территориальную принадлежность) встречается также наименование последних, как боровичские, псковско-мстинские (Малыгин, 2007, с. 72). Далее будет употребляться наиболее распространенный на сегодняшний день термин – псковские длинные курганы, а название археологической культуры – культура псковских длинных курганов (КПДК).

Наименование дано на основании специфической формы некоторых погребальных насыпей, хотя в могильниках присутствуют и господствуют курганы иных форм. Кроме погребальных

комплексов, известны и поселения, правда, слабо изученные.

Первоначально длинные курганы анализировались как особое культурное явление, вне зависимости от того, находятся ли они в одном могильнике с насыпями других форм основания или нет. В опубликованных каталогах древностей приведены только пункты с длинными и удлинёнными насыпями, без членения на смоленские и псковские (Чернягин, 1941; Седов, 1974). Однако исследователи единодушны в том, что «население, соорудившее длинные курганы, возводило курганы и других форм», т.е. к погребальным древностям КПДК следует относить не только длинные и удлинённые курганные насыпи, но и округлые, подпрямоугольные и комбинированные. Раскопки показали их идентичность по остальным признакам обряда (Носов, 1981а; Михайлова, 1993).

Территория

Территория, где известны памятники КПДК, охватывает побережье Псковско-Чудского озера, бассейны рек Великой, Плюсы, Луги, верхнего течения Западной Двины, верхнего и среднего течения Ловати, Верхней Полю, озера в верховьях Волги, бассейны Мсты и Средней Мологи (рис. 1). На карте, составленной А.А. Спицыным, основная масса выявленных к началу XX в. длинных курганов (без деления на смоленские и псковские) сосредоточена в бассейне р. Великой, Двин-

ско-Ловатском междуречье и в бассейне Верхнего Днепра (рис. 2) (Спицын, 1903а, рис. 1). На карте и в своде Н.Н. Черныгина количество выявленных объектов увеличилось, и к перечисленным выше регионам добавились бассейн верхнего течения Западной Двины и побережье Псковского озера (Черныгин, 1941, с. 93-135).

На картах, составленных и опубликованных в 70-е гг. XX в. В.В. Седовым, фиксируется концентрация погребальных памятников около Псковско-Чудского озера и в бассейнах верхних течений рек Великой и Западной Двины (рис. 3). После крупных разведочных работ второй половины XX в. на карту памятников КПДК Е.Н. Носовым добавлены участки, расположенные в верхнем Полужье и Поплюсье, в Юго-Западном Белозерье, в бассейне Мсты (рис. 4) (Носов, 1981а, рис. 1).

Общий ареал памятников КПДК выглядит в виде «подковы», в центре которой находится озеро Ильмень с прилегающими низменностями. Исследователи выделяют три области концентрации памятников (рис. 5) (Лыч, 2000, с. 73-76; Михайлова, 2009а, с. 12-13; Михайлова, 2014а, с. 192-200): западную (бассейн Псковско-Чудского озера, реки Луга, Плюсса, верховья р. Великой, правобережье верхнего течения Западной Двины), восточную (бассейны Мсты и Полы, Молого-Мстинское междуречье и Верхневолжские озера) и южную (бассейны Ловати, Двинско-Ловатское междуречье). Западная и восточная области имеют некоторые различия по вещевому инвентарю, о чем речь пойдет ниже. Южная область выделена исследователями предварительно. Особая специфика в инвентаре (в отличие от других областей) здесь не фиксируется. Наличие этой области весьма предположительно, а серия отнесенных здесь к КПДК объектов – спорно. Несомненно, требуется специальное, и прежде всего, полевое исследование данной территории.

На самом деле памятники КПДК не располагаются сплошным непрерывным массивом, а участки с объектами КПДК представляют собой отдельные «пятна», «микрорайоны» с определенным ландшафтом и почвами.

Отдельно следует остановиться на восточном и юго-восточном рубежах КПДК. В конце XX в. на основании разведочных работ П.Д. Малыгин был выделен Волжско-Шошинский регион КПДК (Черных и др., 1998, рис. 1; Малыгин, 2007, рис. 4, 7) (рис. 6). А.А. Спицын не включал в зону распространения длинных курганов участок по р. Волге между устьями рек Вазузы и Нерли (Спицын, 1903а). На картах и в сводах

Н.Н. Черныгина и В.В. Седова (Черныгин, 1941, с. 130; Седов, 1974, с. 60-61) в Тверском Поволжье предположительно обозначены всего три пункта с длинными курганами. П.Н. Третьяковым отмечены те же объекты и ещё два могильника в Ярославском Поволжье (ниже по течению Волги) (Третьяков, 1966а, рис. 86, с. 298). До настоящего времени сохранились не все обозначенные П.Н. Третьяковым памятники; принадлежность курганов к культуре длинных курганов (КДК) проблематична.

Детальный анализ объектов микрорайона 5, отмеченных на карте П.Д. Малыгина (рис. 6), не позволяет отнести их к КПДК (Исланова, 2009, с. 68, 70): 1) иная, чем в основном ареале КПДК, ландшафтная и почвенная приуроченность; 2) размещение курганов в могильнике; 3) наличие каменных обкладок (Щапово); 4) при раскопках в двух могильниках (Матвеево и Якимово) были зафиксированы захоронения по обряду труположения (АКР, 2003, с. 129). Полностью исключать наличие в Тверском Поволжье удлиненных насыпей нельзя, однако и по размещению, и по ландшафтной приуроченности такие объекты стоят ближе к памятникам иного массива – культуры смоленских длинных курганов (КСДК) (см. Нефёдов, 2007, с. 188-190).

Весьма спорным является мнение О.М. Олейникова о принадлежности могильников в верховьях Волги (Селижаровское и Ржевское течения реки) к КПДК (Олейников, 2007, с. 171, рис. 5; рис. 10). Ландшафтная и почвенная приуроченность позволяет предполагать тяготение этих объектов к КСДК.

Краткая история изучения

Первые длинные курганы были исследованы в 1840-х гг. Брантом и В. Платером на территории нынешних Себежского и Опочецкого районов Псковской области, а также эстонским просветителем Фр. Крейцвальдом в Южной Эстонии. Псковские объекты были отнесены к памятникам славянского (Седов, 1974, с. 5), а эстонские – ливского (Аун, 1980, с. 4) населения. В конце XIX – начале XX в. длинные курганы изучаются многими исследователями в различных регионах: в бассейнах Великой, Ловати, Полы и Мсты, на озерах в верховьях Волги, в Восточном Причудье, в Юго-Восточной Эстонии (Черныгин, 1941, с. 114-115; Седов, 1974, с. 6-8).

В первой сводной работе по длинным курганам А.А. Спицын соотнес эти погребальные объекты с кривичами, «так как вне области кривичей длинных курганов не найдено», и датиро-

вал их временем не ранее IX в. Уже тогда исследователь отметил единство длинных и круглых курганов (Спицын, 1903а, с. 198), а предложенную датировку напрямую связал с известиями в древнерусских летописях.

Н.Н. Чернягин раскопал несколько курганных могильников на территории нынешних Гдовского и Псковского районов Псковской области (могильники Городня, Безьва I-III, Володи). Накопленные к концу 30-х гг. XX в. данные были обобщены им в работе «Длинные курганы и сопки (археологическая карта)». В карту не включены территории Латвии и Эстонии, которые во время составления свода не входили в состав СССР. Основываясь на изученности объектов того времени, Н.Н. Чернягин считал, что «район распространения длинных курганов – старая кривичская земля, за пределами которой они не встречаются», время же их VI-IX вв. «Эти данные так же, как единообразие устройства и материальной культуры, говорят о том, что принадлежность длинных курганов кривичам и полочанам Начальной летописи представляется наиболее вероятной» (Чернягин, 1941, с. 99). При этом исследователь подчеркивал отсутствие особого отличия между длинными и круглыми курганами в одних и тех же могильниках: помимо круглых насыпей в могильниках находятся «постоянные спутники длинных: удлиненные, четырехугольные в плане, длинные, комбинированные с круглыми и серповидные».

Опираясь на карту Н.Н. Черягина, П.Н. Третьяков также связывал длинные курганы с кривичами (Третьяков, 1941а, с. 39). С.А. Тараканова, исследовавшая длинные курганы во второй половине 40-х – 50-е гг. XX в., передатиговала памятники на основании вещевых находок и сходства керамики с посудой нижнего слоя Псковского городища. Возникновение валобразных насыпей она относила ко II-III вв. н.э. («а может быть и несколько ранее»), а прекращение захоронений в них – к середине I тыс. н.э. (Тараканова, 1954). Вслед за П.Н. Третьяковым она признавала наличие сходства в погребальной обрядности длинных курганов и среднеднепровских и центральноевропейских «полей погребальных урн». «Удлиненные» курганы, по С.А. Таракановой, – это приемники длинных, они появляются в V-VI вв., когда прекращается обряд погребения в длинных курганах. Насыпи бытуют до VIII-IX вв.

В эти же годы продолжаются исследования в Эстонии и в Латвии (Моора, 1954, с. 59-61; Мо-

ора, 1956, с. 128; Шмидехельм, 1965). Х. Моора и М. Шмидехельм придерживаются мнения о принадлежности курганов местному населению. В конце 40 – начале 50-х гг. XX в. курганы исследовались в бассейнах верхних течений Западной Двины, Великой, Луги, Мсты, Тверцы, Мологи (Седов, 1974, с. 8-9). Я.В. Станкевич датировала верхнедвинские памятники V-VI вв. (Станкевич, 1960, с. 128). Помимо погребальных памятников, она изучала и поселения.

В 1959 г. Л.В. Алексеев опубликовал археологическую карту Витебской области, в которую включены сведения о памятниках культуры длинных курганов (Алексеев, 1959). С 1965 г. начались исследования курганов Северной Белоруссии, где Г.В. Штыхов вычленяет пласт т.н. ранних длинных курганов, аналогичных псковским (Штыхаў, 1992, с. 21-40).

В 60-70-х гг. XX в. выходят работы В.В. Седова, где детально анализируются длинные (валобразные) и удлиненные погребальные насыпи (Седов, 1960; 1974). По его мнению, прослеживается «эволюционная связь длинных курганов с бесспорно кривичскими курганами с трупосожжением», которые, в свою очередь, эволюционируют в круглые курганы с труположением XI-XIII вв. Аргументы для утверждений «эволюционной связи» следующие:

- 1) большинство длинных курганов находится в составе могильников, включающих достоверно славянские курганы древнерусского времени;
- 2) сходны детали погребального обряда длинных и круглых курганов (способы помещения остатков трупосожжения, наличие зольно-угольных прослоек или ритуальных кострищ и др.);
- 3) однородность керамического материала из длинных и круглых насыпей.

При этом следует подчеркнуть, что В.В. Седов в основном опирался на известные памятники в конкретном регионе: в бассейне р. Великой и в верховьях Западной Двины. Длинные курганы, по его мнению, отражают процесс колонизации этих земель славянами-кривичами в середине I тыс. н.э., а дальнейшая история кривичей, разделившихся на три группировки – псковскую, смоленскую и полоцкую, – связана с колонизацией ими Смоленского Поднепровья и Полоцкого Подвинья.

1970 – 1990-е гг. XX в. и в начале XXI в. масштабными разведочными работами охвачены основные регионы КПДК, для них составляются археологические карты и на «региональном уровне» анализируются полученные материалы.

Опубликованная в 1981 г. Е.Н. Носовым карта распространения объектов культуры длинных курганов и проведенный анализ всех известных к тому времени материалов, несомненно, повлияли на последующее изучение раннесредневековых древностей Северо-Запада Восточной Европы (Носов, 1981а, с. 48). Например, в работах В.В. Седова, вышедших в конце XX – начале XXI в., уже анализируются курганы не только длинной, но и иных форм, приводятся сводные карты могильников с разными насыпями (рис. 7) (Седов, 1995, с. 211; 2002, с. 255-257). Проведенные в эти годы раскопки позволили выявить грунтовые захоронения, непосредственно связанные с расположенными рядом курганами (Носов, 1981б).

Определенной вехой в изучении погребальных древностей стала диссертация Е.Р. Михайловой «Культура псковских длинных курганов. Проблемы хронологии и развития материальной культуры», защищенная в 2009 г. В этой работе и опубликованных последующих статьях рассмотрены и сопоставлены погребальные древности всего ареала; проанализирован вещевой инвентарь исследованных раскопками курганов с учетом современных разработок по смежным территориям и предложена детальная периодизация КПДК (Михайлова, 2009а; 2009б; 2011, с. 527-554; 2014а, с. 203-220).

Территория распространения КПДК достаточно хорошо обследована на уровне разведочных работ. Разумеется, далеко не все еще памятники выявлены. Так, например, для многих курганных могильников не обнаружены поселения. В ареале также находятся курганы, культурная принадлежность которых до раскопок остается неясной. Несомненно, число грунтовых могильников с сожжением значительно больше, нежели выявлено при раскопках.

В 80-е – начале 90-х гг. XX в. в научный оборот был введен новый круг источников КПДК – городища (Фурасьев, 1994). Со второй половины XX в. производятся стационарные работы на селищах КПДК. Это – исследования в верховьях Западной Двины, на оз. Съезжее, на р. Шлине и р. Плюссе (Станкевич, 1960, с. 112-128; Носов, 1981б; Буров, 1993; Исланова, 2006; Исланова, Черных, 1998, с. 387-393; Попов, 2009, с. 222-231; Михайлова, 2013; 2014б). Однако источниковая база по поселениям КПДК пока остается небольшой.

Многие вопросы далеки от решения из-за того, что исследователям приходится опираться преимущественно на материалы из погребальных памятников. В КПДК исследовано около 600 курганных насыпей. Погребальные объекты этой культуры достаточно «узнаваемы» по серии визуальных признаков, отличающих их от остальных древностей второй половины I тыс. н.э. этой и смежных территорий.

1. Наличие в курганном могильнике разнообразных по форме основания насыпей: длинных, удлинённых, округлых, подпрямоугольных; реже – комбинированных и сопковидных (высотой более 1,5 м и диаметром более 15 м). При этом возможно наличие в могильнике всех перечисленных, нескольких или только одного из этих видов курганов. Преобладают могильники, имеющие от 11 до 20% длинных насыпей. Исключением являются Себежское Поозерье, бассейн р. Великой и окрестности Псковского озера, где длинных курганов в конкретном могильнике существенно больше; здесь же встречены и наибольшие по длине курганы (от 60-80 до 110-120 м) (Седов, 1974, с. 13, 15).

2. Размещение курганных могильников в определенном типе ландшафта ледникового происхождения: на участках зандровых равнин и низин со слабо волнистым рельефом (в т.ч. с озовыми грядами) и с песчаными почвами, занятыми (или ранее занятыми) сосновыми борами.

3. Расположение курганов внутри могильника «цепью» в один или несколько рядов; удлинённые насыпи сооружены по направлению «цепи» курганов. Ориентировка основной массы насыпей и осей длинных и удлинённых курганов соответствует общему «направлению» могильника (рис. 8). Скопление из нескольких могильников имеет общее направление в виде «цепи» могильников.

4. «Цепь» из курганов или из могильников вытянута вдоль береговой линии по кореннику или по озовой гряде, расположенной на некотором расстоянии от воды.

5. Отсутствие каменных конструкций в основании курганов и (или) под их насыпью (этот признак применим только для восточной области КПДК).

Отдельно следует остановиться на местоположении курганов относительно водоемов. Большинство исследователей считает одной из особенностей могильников КПДК их расположение на водоразделах, т.е. вдали от водоемов (Носов, 1981а, с. 49; Седов, 1994, с. 298). Однако для древ-

ностей Тверской области П.Д. Малыгин отмечает иную картину: «прибрежные» курганы составляют более 50% общего числа насыпей (Черных и др., 1998, с. 401). Детальный анализ местоположения 179 могильников в бассейне Верхней Мсты позволил выделить несколько уровней размещения погребальных памятников относительно водоемов (Исланова, 2006, с. 30-32):

1) расположение непосредственно на берегу древнего водоема (реки, озера), у пересохших древних проток или заболоченных ныне озер; расстояние до воды не более 100 м;

2) приуроченность к современным или древним водоемам: расстояние от могильника до водоема свыше 100 м, но не более 500 м; как правило, такие могильники отделены от воды или поселением, или широкой поймой;

3) водораздельное расположение, расстояние от могильника до водоема – более 500 м.

Для памятников этого региона характерно расположение непосредственно на берегу водоема (57,8% могильников) или приуроченность к водоему (28,6% могильников). На водоразделах находится только 7,3% курганных могильников. Такие выводы были сделаны только после специального анализа расположения курганов в бассейне Верхней Мсты. При непосредственном обследовании местности выяснялось, что многие могильники, первоначально зафиксированные как лежащие на водоразделах, на самом деле оказывались сооруженными на берегах ныне пересохших древних проток и водоемов (Исланова, 2006, рис. 6). Подобные исследования могильников в других регионах не проводились, поэтому вопрос о преобладании «водораздельного размещения курганов» следует оставить открытым.

На современном этапе изучения КПДК в особые группы выделяются т.н. смешанные могильники, когда при стационарном исследовании выяснялось, что в одном и том же некрополе находились курганы разных культурных периодов: раннесредневековые (курганы с кремацией) и древнерусские (курганы с ингумацией). Можно предполагать, что в микрорегионах, где находятся подобные объекты, происходило плавное перерастание культуры псковских длинных курганов в древнерусскую в результате контактов разнокультурного населения.

Погребальный обряд

Е.Р. Михайловой выделены четыре типа первоначальных насыпей, с которых начиналось возведение курганов:

1) низкие плоские подквадратные насыпи размерами приблизительно 4-5 × 4-5 м и высотой до полуметра;

2) низкие насыпи шириной 5–6 м, но имеющие в плане форму прямоугольника, длина превышает ширину в 2–4 раза;

3) низкие плоские округлые насыпи диаметром 15-20 м и высотой от 0,5 м до 1 м;

4) сравнительно высокие (0,7-1,4 м) округлые насыпи диаметром обычно 9-14 м.

Эти первоначальные насыпи могли затем подвергаться реконструкции, а могли и сохранить свой облик (Михайлова, 2009а с. 8). Любой курган КПДК начинался с одного из этих четырех элементов и при необходимости достраивался дальше. Основные закономерности в сооружении насыпи следующие (Михайлова, 2009а с. 8-9):

1) низкий подквадратный курган – начало сложной многоэтапной вытянутой в длину насыпи, разраставшейся как в длину, так и в высоту; с таким первоначальным курганом почти всегда связаны одно-два захоронения, расположенные примерно в его геометрическом центре (рис. 9: 1);

2) удлиненная низкая насыпь, которая росла с помощью досыпки как в высоту, так и в длину; досыпки совершались обычно в одну сторону, как правило, в северную (включая отклонение к северо-западу или северо-востоку); часто досыпки перекрывают грунтовые захоронения, совершенные у конца насыпи; захоронения в таких курганах обычно сосредоточены в центре насыпи (как первоначальной, так и каждого последующего этапа сооружения); захоронения, впущенные в валобразную насыпь на втором или последующем этапах ее сооружения, часто тяготеют к одному из ее концов (рис. 9: 2);

3) круглые в плане плоские насыпи редко перекрывают погребения, совершенные в материковых ямках или на уровне погребенной почвы; они, как правило, являются т.н. курганами-«платформами»: погребения впускались в уже готовую насыпь, или сгруппированы вокруг центра, или вытянуты в линию, проходящую через центр насыпи; такие курганы могли один-два раза досыпаться в высоту (рис. 9: 3);

4) круглые в плане курганы, которые с самого начала возводились высокими и последующим изменениям, как правило, не подвергались; в основном они имели одно захоронение в ямке, впущенной в вершину насыпи (рис. 9: 4).

Ровики

Подавляющее большинство исследованных курганов КПДК имели четкую границу – ровик. Ровики могли быть кольцевыми, полукольцевыми, ровиками-канавками. После изменений формы первоначальной или последующих насыпей вновь возникший курган «обзаводился» очередным ровиком. Обнаружены остатки оградок из кольев по дну рвов или следы набранных из массивных плах щитов, крепивших склоны кургана (см., например, Аун, 1992, с. 119; Исланова, 2006, с. 47, рис. 25). Через рвы некоторых курганов были перекинута мостики из одного-двух бревен (Михайлова, 2009, с. 9).

В ровиках встречены захоронения по обряду сожжения. Большинство из них, возможно, являются сползшими погребениями, первоначально находившимися на поверхности насыпи. Однако найдены и компактные скопления пережженных костей, располагавшиеся в придонной части ровика: погребение 2 в кургане 1 могильника Лассина V (Аун, 1992, с. 97), детское погребение в ровике кургана 1 в Ловницах (Тищенко, 1914, с. 10-11); несколько погребений в первом ровике кургана 3 в Гринино 1 (Черных и др., 2013, с. 454-462) (рис. 10).

В КПДК господствует кремация на стороне, когда остатки сожжения переносились с погребального костра. Однако остаются непроверенными сведения М.В. Фехнер, о том, что серия исследованных ею курганов в бассейне Верхней Мсты содержала трупосожжения на месте (Мальм, Фехнер, 1969, с. 169-170). По мнению В.В. Енукова, сожжения на месте, характерные для КСДК, только в единичных случаях известны в КПДК (Енуков, 1990, с. 30, 140-141). Исследователями не выделены особые критерии, позволяющие отделить ритуальные кострища (с недогоревшими кусками дерева, угольно-пепельными прослойками) от погребальных, так как и в первом, и во втором случаях существует небольшой провал под огнищем.

В основаниях насыпей КПДК также часто фиксируются зольно-угольные прослойки (предварительное выжигание поверхности или возможный перенос золы с мелкими углями с погребального костра), занимающие всю площадь основания, имеющие толщину от 2-4 до 15-30 см (Седов, 1974, с. 16). Такое происхождение золисто-углистых слоев и связь их с конкретными ритуальными действиями являются сугубо гипотетическими.

Остается невыясненной и причина многообразия размещения остатков кремации в курганах. Остатки кремации помещались (россыпью, в груде, в ямке, в сосуде-урне) в основании курганной насыпи, в самой насыпи, на ее вершине. В.В. Седовым выделены 11 типов захоронений КДК в зависимости от способа размещения (Седов, 1974, с. 18-19). М.В. Фехнер предположила, что различные места и способы помещения остатков кремации связаны с сезонностью проведения захоронения (Мальм, Фехнер, 1969, с. 173).

Подавляющее большинство керамических урн помещено вниз дном. Подобный способ характерен для псковских курганов (Енуков, 1990, с. 143). Накрывание урн и перевертывание урн не характерны. Однако в бассейне Верхней Мсты случаи накрывания урны другим горшком известны в почти 25% всех урновых захоронений. Единичны сосуды-приставки около урны. Следует отметить, что сосуды-приставки известны в захоронениях мощинской культуры (Массалитина, 1994а, с. 14). В курганах также встречаются и отдельные черепки, точная функция которых не установлена.

Не исключено, что жженные кости могли находиться и в иных – не сохранившихся – емкостях. Например, в кургане на Медной Горе (бассейн Верхней Мсты) в ямке находилось компактное скопление жженных костей на площади 15 × 20 см (в какой-то истлевшей емкости?). По стенкам и на дне прослежены остатки деревянной конструкции-«обноски» из обугленных плах (Исланова, 2006, рис. 20).

Предполагаемые «деревянные конструкции» фиксируются по крупным углям и остаткам крупных обгоревших плах или бревен. Обнаруженные здесь погребения были проведены по обряду сожжения на стороне. Некоторые курганы с такими «конструкциями» имели прямоугольную форму. Деревянные конструкции зафиксированы в КПДК Юго-Восточной Эстонии (Аун, 1992, с. 126-129), в окрестностях Торопца (Лесман, 1977, с. 58-59), на оз. Селигер (бассейн Волги) в могильнике Гринино 2 (Олейников, 2002, с. 117; Олейников, 2013, с. 483); остатки деревянных конструкций – в курганах группы Шихино (Мстинско-Моложское междуречье) (Исланова, 2006, с. 47) (рис. 11).

Обнаруженные в Юго-Восточной Эстонии обгоревшие деревянные сооружения были срубными (остатки бревен фиксировались с трех сторон), в одном случае встречены столбовые и

частокольные. Конструкции располагались как в основании курганов, так и на подсыпках и на вершинах насыпей. Их размеры небольшие: 0,75 × 0,65; 0,95 × 2; 1,5 × 2,5 м. Остатки трупосожжений обнаружены внутри конструкций. Размеры конструкций в мстинских курганах больше: 2 × 2,5; 4,5 × 4,5 м (Исланова, 2006, с. 47, 48).

Следы каких-то конструкций из столбов фиксировались по углистым пятнам и столбовым ямкам в ровике кургана могильника Шитовичи (рис. 12). Как «погребально-культовое сооружение» трактует А.В. Новиков обнаруженные остатки столбовых конструкций в насыпи кургана 1 могильника Яблонька 3 (Новиков, 1996). В этом же кургане в основании на перемышках между внутренними ровиками также фиксировались столбовые ямки.

М. Аун предполагает неславянскую принадлежность насыпей КПДК на территории Юго-Восточной Эстонии (Аун, 1992, с. 135, 153-156, 167). С местными финскими традициями связаны погребальные деревянные конструкции, т.н. «домики мертвых», которые возводились в Молого-Шекснинском междуречье с конца I тыс. до н.э. по середину I тыс. н.э., т.е. до появления здесь памятников КПДК (Башенькин, 1995, с. 9-19). Это наземные погребальные сооружения, иногда имевшие с внешней стороны ровики или располагавшиеся на площадке с подрезанными склонами. «Домик мертвых» в Пугино, 12,6 × 4,8 м, имел столбовую конструкцию (Башенькин, 1995, с. 20), в Куреванихе XX сохранились нижние венцы сруба 5,5 × 4 м, в Куреванихе XVII – обугленный сруб 4,9 × 4,9 м, на Усть-Белой – сруб размерами 6,5 × 4,5 м был установлен на небольшой естественной возвышенности (Башенькин, 1995, с. 9-11). Остатки сооружения были представлены бревнами или полосами углей. Внутри помещались многочисленные разновременные сожжения, произведенные на стороне.

Погребальные деревянные сооружения в курганах конца I тыс. н.э. известны на Верхней Оке и в Верхнем Подонье (Бессарабова, 1973) но, по всей видимости, они никак не связаны с более древними аналогами в регионах, лежащих северо-западнее.

В.Я. Конецкий, основываясь на зафиксированных «домиках» в Молого-Шекснинском междуречье, наличии прямоугольных и подквадратных курганов в КПДК и выявлении деревянных конструкций в погребальных объектах, выдвигает действительно перспективную гипотезу возникновения новой погребальной традиции,

которая «объединяла» два элемента: собственно курганную традицию, пришедшую с запада, и местный обычай устройства деревянных сооружений (Конецкий, 1997а, с. 223).

Кроме захоронений людей, в КПДК зафиксированы останки кремированных костей животных – в случаях, когда проводились специальные остеологические исследования. Как правило, кости животных обнаружены вместе с останками людей, а иногда в курганах были найдены только кремированные кости лошадей (курганы 3 и 25 Шихино).

В погребальных памятниках бассейна Верхней Мсты: Гарусово (Млёвский Бор), Шихино, Березино, Пуйга, Дягилево (Рыжаково) – находились жженные кости лошадей, собак, крупного рогатого скота, птиц, медведя. Кости животных были обнаружены и в грунтовом захоронении могильника Шитовичи (Исланова, 2006, с. 53-54).

При исследованиях широкой площадью, когда в раскоп было включено и межкурганное пространство, нередко вблизи курганов выявляются грунтовые захоронения (рис. 13). По всей видимости, грунтовые захоронения (погребения в материковых ямках) – это не отдельный этап в развитии культуры, как полагали ранее исследователи (ср.: Седов, 1974, с. 41; Аун, 1980, с. 99; Носов, 1984, с. 11), а составная часть обрядности КПДК (Михайлова, 2009а, с. 9-10).

Такие захоронения, по наблюдениям Е.Р. Михайловой, увязаны топографически с курганами: большинство погребений расположено у внешнего края курганных рвов. Рядом с одним курганом может быть несколько таких захоронений, и тогда они располагаются дугой, в плане повторяющей изгиб ровика. Некоторые из грунтовых погребений со временем оказались перекрыты позднейшей насыпью.

Для могильников основного ареала КПДК не характерно использование в погребальном обряде камней. По В.В. Седову, использование камней (помост или навал из камней, обкладка захоронений), встреченное в курганах в западной области, «имеет местное прибалтийско-финское происхождение» (Седов, 1974, с. 24).

При обследовании могильников Колобово 1 и 4 на оз. Волго и при раскопках здесь одного из поврежденных курганов были зафиксированы каменные конструкции в насыпи и под насыпью и в ровике (рис. 14) (Исланова, 2012, с. 30-31, 48-53). Эти могильники расположены вблизи границы ландшафтных районов (береговая полоса оз. Волго с сосновым бором и песчаной по-

чвой и водораздельным возвышением с почвами из суглинка с валунами).

Аналоги курганам с погребениями по обряду сожжения и с подобными кольцевыми каменными выкладками в основании известны среди восточнолитовских погребальных древностей (Тауавичюс, 1959, рис. 131-136; Седов, 1987, с. 392-394; Зверуго, 2001, с. 117-118, рис. 8). При этом следует отметить, что курганы с конструкциями из камней, по всей видимости, здесь единичны. Судя по разведочным описаниям курганных могильников в Верхневолжском регионе и раскопкам на могильнике Колобово 1, наличие каменных конструкций свидетельствует о культурных связях или проникновении сюда населения (без доминирования в регионе) культуры восточнолитовских курганов (Исланова, 2012, с. 45-46).

Поселения КПДК

Основной тип поселений – это селища. Помимо неукрепленных поселений, известна серия городищ. Это – городища-убежища, как правило, расположенные в скоплениях («гнезде») объектов КПДК (Кузьмин, 1988, с. 23; Попов, 2009, с. 219, 223, 225, 230; Фурасьев, 1994; Исланова, 2015). Материалы (керамика, вещи), найденные на городищах, которые можно связать с КПДК, немногочисленны. Нижние напластования большинства объектов относятся к раннему железному веку.

Наибольшее число городищ КПДК известно в бассейнах верхних течений рек Великая, Ловать и на их водоразделах с Западной Двиной (рис. 15). Для укрепленных поселений всего ареала КПДК характерно большинство признаков, выделенных А.Г. Фурасьевым для памятников западной и южной частей ареала КПДК (Фурасьев, 1994, с. 143-144): 1) отсутствие на городищах культурных отложений середины – третьей четверти I тыс. н.э.; 2) основной показатель – лепная керамика, характерная для КПДК; 3) наличие в непосредственной близости от городищ одной или нескольких курганных групп второй половины I тыс. н.э.; 4) расположение городищ на легких песчаных почвах в массиве сосновых боров.

Этим же исследователем городища распределены по двум типам (Фурасьев, 1994, с. 144-147). В первый тип вошли поселения слабоукрепленные, больших размеров (площадка свыше 1,5 тыс. кв. м), культурный слой которых начал накапливаться еще в раннем железном веке; большинство сооружено вдали от речных путей, в труднодоступных местах. Этот тип наследует

традиции раннего железного века, когда поселения использовались не только как укрытия, но и для постоянного обитания. Данные городища становятся локальными центрами, где были сосредоточены особые функции: ремесленные, торговые, культовые.

Ко второму типу отнесены поселения с небольшими площадками, но мощной фортификационной системой (до двух-трех кольцевых линий обороны); культурный слой отсутствует или представлен остатками деревянных конструкций по краю площадки; почти все были сооружены на берегах рек и, возможно, контролировали речные пути (рис. 16). Это или городища-убежища для жителей близлежащих неукрепленных поселений, или «локальные пограничные пункты» (там, где поблизости не известны селища) (Фурасьев, 1994, с. 147).

Неукрепленных поселений КПДК известно гораздо больше, но, как уже выше указывалось, стационарно исследовались единичные объекты. Небольшие размеры и слабая насыщенность культурного слоя находками керамики, как правило, существенно затрудняют выявление этих поселений.

На современном этапе изучения можно предложить следующую суммарную характеристику селищ.

1. Преобладание поселений небольших размеров: от 1 тыс. кв. м и менее до 6 тыс. кв. м. Более крупные поселения (10 тыс. и более кв. м), как правило, многослойные и имеют культурные отложения нескольких эпох.

2. Приуроченность к берегу водоема (реки, озера или ныне заболоченного озера) и расположение в основном на площадке высотой 3-5 м над водой.

3. Культурный слой (преимущественно сильно гумусированный) имеет небольшую мощность (в среднем от 0,1 до 0,4 м) и слабо насыщен находками керамики и вещей.

4. Постройки наземные, в основном срубные подпрямоугольные с подпольными хозяйственными ямами, выкопанными в материковом грунте. Столбовые ямки редки. Отопительные сооружения – печи-каменки или очаги.

На исследованном раскопками селище Городок 1 (бассейн Верхней Мсты) зафиксированы остатки деревянных, видимо, срубных построек размерами 3,5 × 3,5 м; 4-5 × 4,5-5 м. В постройках находились хозяйственные ямы, глубиной в материке 0,4-0,5 м (рис. 17) (Исланова, 2006, с. 67-73).

Курганные могильники сооружались чаще всего за поселением, несколько дальше от воды, на более возвышенном участке, иногда – рядом с поселением на берегу водоема (рис. 18). В редких случаях селище и могильник приурочены к разным водоемам одного бассейна. Вопрос о местоположении поселения относительно курганов заслуживает особого внимания. По мнению О.М. Олейникова, особенностью поселений КПДК является их расположение «в удалении» от могильника, а поселений КСДК – «в непосредственной близости» от курганов (Олейников, 2003, с. 10, 12). К такому выводу исследователь пришел, изучая материалы по Верхневолжскому региону КПДК.

Анализ 24 комплексов «поселение – могильник» в смежном регионе – бассейне Верхней Мсты позволил выделить три варианта группировки поселений относительно погребальных объектов: 1) ближайшие могильники находятся около поселения или рядом с ним (на расстоянии до 100 м); 2) большинство могильников сооружено недалеко от селища (расстояние 110-300 м); 3) могильники расположены достаточно далеко от поселения (500 и более м). Последний уровень встречается в единичных случаях, когда условия местности (заболоченные участки) не позволяли сооружать курганы поблизости от поселения. В восточной области КПДК расположение могильников относительно поселений было связано не столько с культурными традициями, сколько с «возможностями» той или иной местности, с климатическими и почвенными условиями (например, со стремлением производить захоронения на сухом участке берега).

Предположительно, одному поселению могли соответствовать несколько курганных могильников. На р. Шлине (бассейн Мсты) В.А. Буровым выделено два крупных «гнезда» памятников (рис. 19): одно – у истоков реки, площадью около 16 кв. км, другое – ниже по течению, площадью около 11 кв. км, распадающееся в свою очередь на два «куста» (Буров, 1993, с. 20, 23, 24). В центре «гнезд» расположено городище со слоем позднедьяковского времени, по В.А. Бурову – «своеобразный родоначальный центр». В каждом «гнезде» было известно по культовому камню-следовику. Похожая картина, за исключением наличия культовых камней, фиксируется также в некоторых хорошо обследованных микрорайонах восточной и западной областей КПДК. Например, на территории среднего Поплюсья (Попов, 2009, с. 219) отмечены несколько микрорегионов с поселениями и могильниками КПДК, в одном слу-

чае с городищем, в другом – с предполагаемым святилищем (Попов, 2009, с. 226-231). По мнению С.Г. Попова, изучавшего этот регион, расположенные здесь курганные могильники трассируют древние дороги (Попов, 2009, рис. 1).

При исследовании поселений КПДК были выявлены объекты производственно-хозяйственной деятельности (Исланова, 2006, с. 73; Попов, 2009, с. 226). Это комплексы со следами бронзолитейного и железоделательного производства; найдены льячки, крицы, шлаки.

На основании металлографических анализов небольшого числа железных предметов (ножи, обломки топоров и серпа, шилья) с селища Городок установлено, что большинство этих изделий изготовлено по простейшей технологии. «Они ковались при помощи приемов свободной ручнойковки в горячую из цельного куска железа или сырцово-стали, полученной непосредственно в горне...» (Буров, Розанова, 2003, с. 109). Три изделия (ножи и серп) были изготовлены по трехслойной технологии (пакетирование металла), которая была распространена у древних эстов уже в первой половине I тыс. н.э. По мнению Л.С. Розановой, местом производства по такой технологии (иной, чем т.н. классический трехслойный пакет, привнесенный из Скандинавии) мог быть Балтийский регион (Буров, Розанова, 2003, с. 109-110).

На современном этапе исследований КПДК можно присоединиться к мнению В.Я. Конечко и К.Г. Самойлова, реконструировавших хозяйственный уклад населения. Для этой культуры характерен следующий хозяйственно-культурный тип: «ручные земледельцы и скотоводы лесной зоны» (Конечкий, Самойлов, 2000, с. 265, 270). Земледелие было подсечным, и при сильной увлажненности климата такой способ позволял собрать достаточный урожай на песчаных почвах. Животноводство было «в придомной форме с вольным выпасом скота». А основные пастбища – это участки мелколесья по берегам лесных речек и в низинах, пойменные заливные луга. Основной объект мясной охоты – лось. Причем рост численности этих животных был напрямую связан с занятием населения КПДК подсечным земледелием, после чего поля зарастали молодым сосняком. Несомненна и значительна роль в хозяйстве рыболовства и собирательства.

О керамических и вещевых материалах, характерных для КПДК, можно судить по артефактам, сделанным преимущественно в погребальных памятниках и в меньшей степени – на поселениях.

Керамика

Керамика КПДК наиболее полно проанализирована Н.В. Лопатиным (Лопатин, 2003б, с. 43-57). В основу группировки материалов трех крупных регионов: Псковско-Чудского (западная область), Двинско-Ловатского (южная область) и Мстинско-Валдайского (восточная область) – легла типология керамики киевской культуры. Прототипы некоторых форм керамики КПДК, по мнению Н.В. Лопатина, лежат в киевских, колочинских древностях и памятниках типа Заозерье-Узмень. Однако в КПДК преобладают собственные керамические формы: сосуды S-образного профиля с перегибом тулова в верхней части (тип 8) (рис. 20), сосуды раскрытые, очень слабо профилированные с едва намеченной шейкой (тип 9) (рис. 20), раскрытые S-видные сосуды с коротким и более резким, чем у типа 8, профилем и характерной утонченной (сжатой) шейкой (тип 11) (рис. 20), ребристые сосуды слабопрофилированной формы (P4), реже – закрытые сосуды с наибольшим расширением в верхней трети и очень коротким венчиком (тип 7) (рис. 20). Единичны сосуды, которые имеют прямые аналоги в киевской культуре (типы 1, 2, 3, 4).

На основании параллелей между керамическим набором Двинско-Ловатского региона, с одной стороны, и Псковско-Чудского (типы 9 и P-4) и Мстинско-Валдайского (преимущественно тип 11), с другой, исследователь полагает, что первый регион (керамика которого происходит от керамики памятников Заозерье-Узмень) является связующим для остальных, и распространение КПДК на север и северо-восток происходит из этого региона.

Состав посуды исследованного раскопками селища Городок 1 (бассейн Верхней Мсты, восточная область) подтверждает результаты анализа керамики из погребальных комплексов. Наиболее характерными здесь были сосуды типа 11 (рис. 21: 8, 9) с т.н. сжатой шейкой, достаточно были распространены и S-видные сосуды типа 10 (рис. 21: 6), реже – сосуды с короткой шейкой типа 7 (рис. 21: 4, 11), слабопрофилированные сосуды типов 8 и 9 (рис. 21: 5, 10) (Исланова, 2006, с. 86-93). На селище найдены также фрагменты сосудов с «акцентированным» плечом (рис. 21: 7), ребристой посуды (рис. 21: 13-15) и посуды, имеющей «местные корни» (рис. 21: 1-3, 12). Как правило, это миниатюрные сосуды, как бы фиксирующие своеобразное «угасание» позднеяковских традиций предшествующего периода.

Вещевые материалы

Некоторые различия в наборе погребального инвентаря позволяют говорить о двух крупных областях КПДК: западной и восточной, а также об особой территории Юго-Восточной Эстонии (см.: Михайлова, 2009а, с. 12-13; 2014а, с. 192-198). Предварительно вычленяемая Е.Р. Михайловой южная область никак не выделяется на основании найденных артефактов. Однако, по ее мнению, вещевой комплекс КПДК демонстрирует черты единства на всей обширной территории культуры, а наблюдаемые локальные различия выражаются не как изолированные комплексы вещевого материала, а как тенденции в его географическом распределении (Михайлова, 2014а, с. 199-201).

Рассмотрим наиболее часто встречаемые предметы на памятниках КПДК. Вещи из погребальных объектов детально проанализированы в работах Е.Р. Михайловой (Михайлова, 2009а, с. 6-11; 2011, с. 527-544; 2014а, с. 21-189).

Наиболее многочисленны *пряжки* из цветного металла с округлой и овальной рамкой (рис. 22: 5). Пряжки с рифленой В-образной рамкой (рис. 22: 1, 2) происходят от центрально-европейских изделий. В Восточной Европе они известны в комплексах конца IV – начала VI в. или в некоторых более поздних (Михайлова, 2011, с. 530; Михайлова, 2014а, с. 29-33). Среди пряжек с гладкой В-образной рамкой выделяются изделия с полкой (рис. 22: 3, 4) и с дрововой рамкой. Они датируются второй половиной VI – VII в. Железные дрововые D-образные пряжки по аналогам относятся к VI-VII в. (Михайлова, 2011, с. 531). Бронзовые пряжки с сердцевидной рамкой (рис. 22: 6) аналогичны византийским изделиям и могут датироваться V-VII вв. Три литых клювовидных язычка со щитками у основания (найжены без рамок) относятся к VI – первой половине VII вв. (Михайлова, 2011, с. 531-533). Известны также железные пряжки с овальной рамкой и четырехугольные с вогнутыми продольными сторонами (рис. 22: 8), которые не имеют узкой даты. По мнению Е.Р. Михайловой, небольшие трапецевидные пряжки из бронзовой проволоки входили в состав сложных головных венчиков, распространившихся не ранее VIII в. (Михайлова, 2014а, с. 43).

Поясные накладки и бляшки (рис. 23: 1, 2, 5-7) бытуют на всем протяжении существования КПДК. Это в том числе и бляшки-скорлупки (рис. 22: 9-11) – небольшие полусферические изделия с двумя узкими скобочками с тыльной сто-

роны, являющиеся деталями ременного набора и украшениями одежды; это умбовидные бляшки, прямоугольные накладки, пластинчатые четырехугольные обоймы (наконечники ремней?) и трубочки-обоймицы.

Бусы в погребальных памятниках, как правило, оплавлены и определить их форму и цвет порой невозможно. На поселениях и в погребениях наиболее часто встречаются 14-гранные (полиэдрические) бусы из прозрачного темно-синего стекла (рис. 22: 18-20). Такие бусы бытуют в лесной зоне Восточной Европы в основном с V в. по первую половину VIII в. (Исланова, 2006, с. 102; Мاستыкова, Плохов, 2010, с. 344-348). В восточной области КПДК (грунтовый могильник на оз. Съезжее, курганный могильник Яблонька 3) известны также «крапчатые» бусы (рис. 22: 21), датируемые второй третью V – первой третью VI в. (Мастыкова, Плохов, 2010, с. 340-344). В КПДК встречено несколько полихромных мозаичных бус, которые распространяются с последней четверти I тыс. н.э. (Михайлова, 2011, с. 540). Аналоги встреченным округлым бусам из глухого темно-красного стекла известны в бассейне р. Оки на памятниках первой половины I тыс. н.э. (Румянцева, 2007а, с. 219-220).

Единичны бронзовые и сердоликовые бусы. 14-гранные сердоликовые бусины (курганы Березницы IV) появляются на Северо-Западе Восточной Европы, видимо, после середины IX в. (Михайлова, 2011, с. 541-542). На западной окраине ареала культуры известны находки синих стеклянных бус, напущенных на проволочные колечки (рис. 22: 9-11). На селище Городок 1 были найдены глиняные бусы (Исланова, 2006, рис. 109: 13, 14, 20).

В КПДК обнаружены проволочные *височные кольца* (простые перстнеобразные, с завитком наружу и с согнутыми крючком концами), имеющие широкие даты и не характерные для анализируемой культуры (рис. 29: период III). Аналоги в лесной зоне Восточной Европы происходят с древнерусских поселенческих и погребальных памятников (Михайлова, 2011, с. 541).

Бронзовые спиральные *пронизки* (рис. 23: 3, 4), входившие в состав ожерелий, головных венчиков и для украшения разных частей одежды, также имеют широкие датировки и территории распространения.

Особого внимания заслуживают *бляшки-обоймицы* – детали женского погребального костюма (рис. 23: 8-15). Е.Р. Михайлова подразделяет их на несколько типов (Михайлова, 2011,

с. 539; 2014а, с. 64-74): 1) квадратные, орнаментированные выпуклыми концентрическими кружками и/или косым крестом (рис. 23: 10-13); 2) прямоугольные, делящиеся в свою очередь на 2 группы.

Квадратные обоймицы характерны для убора КПДК на протяжении значительного времени. Вне ареала КПДК они найдены в поздних могильниках Северик и Старая Ладога, а также в позднедьяковских слоях городищ Луковня и Дьяково.

Прямоугольные обоймицы 1-й группы характерны для восточной области КПДК. Они имеют неширокие поля для охвата одной ленты; орнаментированные в центре выпуклыми концентрическими кружками, а по продольным краям – выпуклыми точками (рис. 23: 8, 9, 14).

Единичны находки бляшек-обоймиц 2-й группы. Они относятся к сложным головным венчикам, собранным из обоймиц и пронизок и застегивавшимся миниатюрными пряжками». У них широкие загнутые поля; они орнаментированы мелкими выпуклыми точками или штрихами по длинным краям. Подобные находки происходят из кургана в Шихино (рис. 23: 15), из курганов могильников Куреваниха III, Крутец-Избищи и Усть-Белая. Наиболее поздние такие венчики встречаются в древнерусских захоронениях конца X – XI в. (Михайлова, 2014, с. 71-74)¹. Схожие обоймицы известны в составе головных венчиков балтского и поволжско-финского населения, реже они встречаются в вещевом инвентаре других раннесредневековых культур Восточной Европы.

Браслеты разнообразны (Михайлова, 2011, с. 529, 533-536; 2014, с. 75-90) (рис. 24): это изделия с орнаментированными утолщенными концами, наиболее характерные для V–VII вв.; дровые, пластинчатые с продольными «ребрами», иногда украшенные гравированным орнаментом. Немногочисленны обломки пластинчатых браслетов с геометрическим орнаментом (VIII в.) и спиральные браслеты, имеющие широкую датировку. Только в небольшом микрорегионе Восточного Причудья найдены браслеты типа Володи, относящиеся к наиболее ранним находкам КПДК (рис. 24: 7). Серебряный браслет проис-

¹ Помещенный Е.Р. Михайловой в эту подгруппу венчик из могильника Казиха, по всей видимости, относится к культуре смоленских длинных курганов (любезное сообщение В.С. Нефёдова).

ходит из курганного могильника у дер. Володи, бронзовый – обнаружен в культурном слое городища Сторожинец. Эти изделия представляют собой полутораоборотную спираль с одним концом, расплюснутым в закрученную пластину. Особенность браслетов – их несимметричность. Е.Р. Михайлова предполагает, что прототипом этих браслетов могла быть змеиноголовая гривна римского времени.

Из погребальных объектов происходят многочисленные фрагменты *гривен*, в т.ч. с замком в виде посоха и с обмоткой из бронзовой проволоки (рис. 24: 1-3). Для них следует указать широкую датировку VI–VIII вв., аналоги известны в Юго-Восточной Прибалтике (Михайлова, 2011, с. 536-537).

В погребениях КПДК найдены *колоколовидные привески* (рис. 22: 15, 17), в том числе и низкие с широкими полями т.н. латгальского типа. Они датируются в пределах VI–XI вв., а за пределами Латвии их можно отнести к VI–VIII вв. (Михайлова, 2014а, с. 97-100). Следует отметить, что подвески с широкими полями происходят (как импортные вещи) из верхнего слоя Дьякова городища.

Две колокольчатые привески с валиками в основании (с прорезями и без них) найдены на селище Городок 1 (Исланова, 2006, рис. 107: 20-21). Схожие, но не аналогичные, привески происходят из погребальных памятников III–IV в. Молого-Шекснинского междуречья (Усть-Белая курган 3, Пугино), из нестратифицированного верхнего слоя Дьякова городища (Башенькин, 1995, с. 16, рис. 6: 9, 10; 7: 16-18; Кренке, 2011, с. 70, рис. 144: 88-81, 361-83). Гладкие трапециевидные привески имели широкое бытование в лесной зоне Восточной Европы.

Лунницы представлены изделиями, вырезанными из тонкого металлического листа (Горско, Рысна-Сааре и Любахин) и фрагментом, изготовленным из оловянистого сплава (Березно 1) (рис. 25: 1, 2). Это, видимо, привески к узде, которые можно датировать с конца VI по VIII в. (Михайлова, 2011, с. 537).

Также в КПДК найдены формочки, в том числе и для изготовления лунниц. Они встречаются в могильниках Лоози и Арнико, на поселениях Съезжее и Городок (Михайлова, 2014а, с. 123-127, рис. 28: 1-5; Исланова, 2006, рис. 117: 1). Кроме лунницы, на формочке из Лоози были изображения трапециевидных привесок, аналоги которым известны в Бернашевке. Комплекс формочек из бернашевской мастерской дати-

руется И.И. Винокуром концом V – серединой VI в. (Винокур, 1997, с. 39), а И.О. Гавритухиным – серединой VI – началом VII в. (Гавритухин, 1997, с. 47). Формочки для изготовления схожих с КПДК изделий найдены на раннесредневековых поселениях в верховьях Волги и в позднедьяковских слоях городищ Дьяково и Кикино (Фурасьев, 1996, рис. 11: 11; Исланова, Мирецкий, 1997, с. 16, рис. 2: 3; Вишневецкий, 1998, с. 365, рис. 2: 25, 26).

Овальные или округлые каменные (блоковидные) огнива найдены только в западной области КПДК, в том числе на селище у д. Горка (Попов, 2009, с. 226) (рис. 24: 8). Такие огнива употреблялись в Фенноскандии, Германии, Юго-Восточной Прибалтике и на Северо-Западе Восточной Европы; им посвящены многочисленные исследования (см.: Михайлова, 2014а, с. 127). В североевропейских древностях они распространены в I–VI вв.; верхняя дата не определена.

В восточной области КПДК бытуют предметы в виде узкой железной пластины с черенком – так называемые долотовидные *кресала* или кресала со стержневидной ручкой (рис. 24: 10). Такие кресала известны в пшеворской культуре и на памятниках соседних с ней территорий В Центральной и Северной Европе такие изделия датируются второй третью IV – первой половиной V в. (Shuster, 2011, s. 74). В Восточной Европе в позднеримский период они встречаются на памятниках черняховской и киевской культур (Магомедов, 2001, с. 86).

Однако назначение таких предметов остается не совсем ясным. Разные исследователи определяют их и как наконечники стрел, и как «железные острия», «шилья», «долотца» (ср. Мальм, Фехнер, 1969, с. 185). По предположению Е.Р. Михайловой, они могли быть заколками головного убора (Михайлова, 2009б, с. 108-110; 2014а, с. 140).

Находки пластинчатых кресал с петлевидным концом на памятниках КПДК единичны: могильники Потерпелицы III и Куреваниха III (петля в одной плоскости с пластиной), селище Горка (петля в плоскости, перпендикулярной пластине) (Михайлова, 2014а, с. 134-137). По В.В. Седову, в лесной зоне кресала с петлей в одной плоскости пластины распространены в V–VII вв. на тушемлинских, мощинских, на позднедьяковских верхневолжских и москворецких поселениях (Седов, 1999, с. 101–103). Однако следует указать, что пластинчатые кресала близкой, но не аналогичной, формы известны в пшеворской

и липицкой культуре (I–III вв. н.э.) (Славяне и их соседи, 1993, с. 102). По мнению М. Йонаковского, такие кресала выходят из употребления в Центральной Европе на рубеже III/IV вв. или в начале IV в. (Jonakowski, 1996, s. 94–100). Схожие кресала известны в черняховской культуре (Магомедов, 2001, с. 86). В лесной зоне Восточной Европы петлевидные пластинчатые кресала бытуют до конца I тыс. н.э., но форма их несколько иная, чем в третьей четверти I тыс. н.э. (Голубева, 1965). Кресала с петлей, перпендикулярной плоскости пластины, известны на памятниках до второй-третьей четвертей XI в. (Михайлова, 2014, с. 136–137).

Многочисленны находки не только на погребальных памятниках, но и на поселениях железных ножей. Большинство ножей – это изделия с прямой спинкой, плавно переходящей в черенок (I тип по Р.С. Минасяну) (рис. 26: 1–4). Они распространены в лесной зоне Восточной Европы с IV–V по X–XI вв. (Минасян, 1980, с. 69–70). Значительно реже в КПДК встречаются ножи с четкими уступами при переходе от лезвия к черенку (рис. 25: 5–7). Детальная систематизация таких изделий в КПДК не проведена. Можно указать, что схожие ножи бытовали в киевской и черняховской культурах (Обломский, Радюш с. 34, рис. 71: 1, 2, 3, 4; Магомедов, 2001, рис. 76: 1, 2, 5).

Ножей типа I больше встречено в восточной области КПДП; ножей с уступом – в западной области (Михайлова, 2014а, с. 129). На памятниках КПДК также известны находки оковок ножен и рукоятей ножей из бронзовых пластин.

На поселениях и в погребениях обнаружены бронзовые и железные *пинцеты* с расширяющимися лопастями, некоторые из них орнаментированы (рис. 25: 7). В Западной Европе такие пинцеты употребляются начиная с римского времени по VII в. Восточноевропейские находки датируются широко второй половиной I тыс. н.э. (Михайлова, 2014а, с. 143). Близкие изделия известны в колочинской культуре (см. статью А.М. Обломского о колочинской культуре в настоящем издании).

Узколезвийные *топоры* представлены несколькими разновидностями. Топоры с двумя парами щекавиц на обухе (рис. 26: 10) схожи с топорами т. н. восточнолитовского типа и датируются в основном V–X вв., но бытуют иногда и дольше (Таутавичюс, 1959, с. 137; Таутавичюс, 1966; Казакиявичюс, 1988, с. 74–81; Kazanski, 2000, p. 203). По классификации И.Р. Ахмедова

и А.М. Воронцова, такие изделия относятся к типу ЗБ2, не имеющему узкой даты (Ахмедов, Воронцов, 2012, с. 14). Топоры с прямой верхней гранью (могильник Чагода) (рис. 26: 9) можно отнести к типу 5Б, по И.Р. Ахмедову и А.М. Воронцову (Ахмедов, Воронцов, 2012, с. 16). Такие изделия известны в древностях Центральной и Западной Европы, черняховской и вельбаркской культур, где датируются серединой – второй половиной IV в., но не исключены «более широкие хронологические рамки». Топор с округлым трубчатым обухом без щекавиц происходит из могильника Стёпаново (рис. 26: 8). Аналоги встречены в мощинской культуре и в рязано-окских могильниках; они отнесены И.Р. Ахмедовым и А.М. Воронцовым к типу ЗА1, датируемому ими IV – первой половиной V в., однако схожие известны в восточнолитовских курганах (Ахмедов, Воронцов, 2012, с. 12–13, 17).

Из небольшого количества обнаруженных на памятниках КПДК черешковых *наконечников стрел* заслуживают внимания три изделия с зазубренными краями ромбического пера (рис. 27: 4, 5). Аналогичные вещи найдены на городище Березняки (Третьяков, 1941а, рис. 33: 1) и на городище Городок на Маяте. На последнем объекте наконечник происходит из слоя оборонительной стены, датированного по ¹⁴C V–VI вв. (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 77, 76). *Удила и уздечные пряжки*, встреченные в КПДК, принадлежат к типам, распространенным на протяжении длительного времени (рис. 27: 7, 8). *Шпоры* с коническим шипом и крючками (рис. 27: 6) происходят из могильника Дорохи и с селищ Заозерье в бассейне р. Мсты и Горка в бассейне Средней Плюссы. Аналогичные изделия найдены на черняховских, тушемлинских и колочинских памятниках, а в Юго-Восточной Прибалтике датируются серединой – третьей четвертью I тыс. н.э. (Kazakevičius, 1993, p. 80, раv. 136: 1). В сопковидной насыпи Куреваниха III был найден *однолезвийный меч* (рис. 27: 9), который имеет аналоги в волжско-финских древностях V–VII вв., дата подтверждается и радиоуглеродным анализом (Башенькин, 1995, с. 27).

Глиняные пряслица являются массовой находкой на поселениях КПДК (рис. 25: 4–6). Население в основном использовало пряслица биконической формы; реже – овальные и дисковидные (Исланова, 2006, с. 106). По наблюдению О.А. Лопатиной (Шаровой), пряслица КПДК (западная и южная области) по форме и размерам схожи с пряслицами киевской культуры (Шаро-

ва, 2004). Среди изделий «заметно преобладает» вариант В. Такие пряслица отнесены к первой традиции, для которой характерны заостренные низкие формы, вогнутые грани, относительно большие отверстия и тонкие стенки, часто используется лощение. Такие изделия исчезают в последней четверти I тыс. н.э. В отличие от выше рассмотренных, среди пряслиц восточной области (например, селища Городок 1 (Исланова, 2006, рис. 118: 1-24; 119: 1-3, 5-11) преобладают изделия «нечетких форм» с массивными стенками. Их можно отнести к вариантам Г, Д, З, по О.А. Шаровой. Эти предметы, видимо, связаны со второй традицией, которая имела продолжение в конце I тыс. н.э. и в древнерусскую эпоху.

Костяные *гребни* являются исключительной находкой, возможно, потому, что они не сохранялись в захоронениях по обряду кремации и в песчаной почве поселений. Гребни представлены двумя типами: изделия с горбатой спинкой и составные. Орнаментированный гребень с горбатой спинкой из черепной (?) кости (курган могильника Подол 1) является единственной и в какой-то степени уникальной находкой для культуры (рис. 25: 9) (Черных, Малыгин, Томашевич, 1998, с. 404). Ближайшие аналоги составных гребней (рис. 25: 10), фрагменты которых найдены в погребениях могильника Рысна-Сааре, есть среди готландских гребней VII в. (Аун, 2009, с. 356-360). Еще в трех погребениях КПДК сохранились фрагменты гребней, форма которых неясна.

Серия предметов, обнаруженных как в погребениях, так и на поселениях, имеет широкие рамки распространения и бытования. Это глиняные грузила, подковообразные застезки, железные шилья и скобель, долото, фитильные трубки, каменные оселки, льячки (рис. 25: 8).

На основании состава вещевых комплексов определенно можно говорить только о двух основных областях КПДК.

Западная область охватывает побережье Псковско-Чудского озера и впадающих в него рек, бассейны рек Плюссы и Луги, правобережье верхнего течения Западной Двины. Только в этой области сосредоточены пластинчатые браслеты с продольными ребрами и браслеты типа Володи, сердоликовые бусы, булавки, подковообразные застезки, каменные огнива; а также найдены большинство пинцетов, ножей с уступами при переходе от лезвия к черенку, льячек и литейных формочек. Здесь особо выделяется территория *Юго-Восточной Эстонии*, где нет

браслетов и бляшек-обоймиц, височных колец, гривен, деталей конского снаряжения; единичны стеклянные бусы.

Восточная область охватывает бассейны Полы, Мсты, верхнего течения Волги и ее притоков – Тверцы и Мологи. Для этой области характерны крапчатые бусы и бусы из глухого темно-красного стекла, браслеты с расширяющимися концами, прямоугольные бляшки-обоймицы 1-й подгруппы, четырехугольные подпружные железные пряжки, узколезвийные топоры, долотовидные кресала, ножи с прямыми спинками, костяные рукояти, каменные оселки.

Е.Р. Михайлова выделяет еще одну – южную – область КПДК (бассейн Ловати и прилегающая часть Двинско-Ловатского междуречья), наименее изученную к настоящему времени. Вещей, которые можно было бы связать исключительно с южной областью, нет. В полном соответствии с географическим расположением эта территория промежуточна между западной и восточной областями, а наиболее заметной чертой ее вещевого комплекса, по мнению Е.Р. Михайловой, является некоторая архаичность.

Хронология и периодизация

На основании вещей, имеющих узкую датировку, большинство исследователей относит формирование культуры псковских длинных курганов к концу V в. – рубежу V-VI вв. Верхней границей существования памятников КПДК является смена погребального обряда в течение XI в. (распространение древнерусских ингумаций) (Михайлова, 2009а, с. 15).

Периодизация КПДК, разработанная Е.Р. Михайловой, основывается на хронологических индикаторах и подтверждается радиоуглеродными датами (Михайлова, 2009а, с. 13-14; 2011; 2014а, с. 203-220) (рис 28; 29).

I период: конец V в. – вторая четверть – середина VI в. – формирование КПДК (рис. 28). Хронологические индикаторы: керамика типа Заозерье; округлые бронзовые пряжки с хоботовидным язычком с поперечным рифлением; пряжки с рифленой В-образной рамкой; крапчатые стеклянные бусы; округлые бусы из глухого темно-красного стекла; браслеты типа Володи; ременный наконечник с коническим окончанием; костяные гребни с горбатой спинкой.

Наиболее ранние артефакты известны в разных, далеко лежащих друг от друга регионах КПДК: Белорусское Подвинье; верхнее течение р. Мсты; бассейн р. Мологи; побережье Псков-

ско-Чудского озера и прилегающие к нему с востока районы. Появление нового вещевого набора в ареале КПДК, по М.М. Казанскому (Казанский, 2008, с. 311), могло быть связано с выходцами из западнобалтийской среды.

В этот период появляется и распространяется курганный обряд погребения. Вслед за А.А. Спицыным, и П.Н. Третьяков, и С.А. Тараканова предполагали происхождение курганных насыпей от «домиков мертвых». В.В. Седов считал, что исходными были захоронения на невысоких природных всхолмлениях, а расселившись, «славяне-кривичи вынуждены были сооружать искусственные погребальные насыпи», где подобные возвышенности отсутствовали (Седов, 1974, с. 41). При этом исследователь ссылается на находки грунтовых захоронений в этом же регионе «в природных всхолмлениях валлообразных очертаний». Обычай же «подсыпать длинные курганы по мере совершения новых захоронений... находится в связи с аналогичным обычаем, распространенным среди эсто-ливского населения» (Седов, 1974, с. 41).

Анализ структуры раскопанных курганов в Юго-Восточной Эстонии позволил М. Аун выдвинуть гипотезу, поддержанную Е.Н. Носовым, об эволюции погребального обряда от грунтовых захоронений к погребальным площадкам, а затем – к курганным насыпям (Аун, 1992, с. 113, 115, 116).

В настоящее время популярна версия о «дворстве» носителей культуры восточнолитовских курганов в возникновении погребального обряда КПДК (Лопатин, Фурасьев, 2007а, с. 284). Однако преобладание в культуре местного компонента делает весьма перспективным предположение В.Я. Конецкого о возникновении новой погребальной традиции в результате «объединения» двух элементов: собственно курганной традиции, пришедшей с запада, и местного обычая устройства деревянных сооружений (Конецкий, 1997а, с. 223). В данном случае исследователь опирается на зафиксированные многочисленные погребальные объекты – «домики мертвых» у населения раннего железного века Молого-Шекснинского междуречья, на наличие в КПДК прямоугольных и подквадратных курганов и на выявление в насыпях и в их основании деревянных конструкций.

II период: середина VI в. – рубеж VIII/IX вв. – развитая культура псковских длинных курганов (рис. 29). Большинство типов вещей равномерно распространены по всей территории

культуры. Здесь предварительно выделены две фазы: II А и II В.

Фаза II А (вторая половина VI – VII в.) (рис. 29). Хронологические индикаторы: пряжки с D-образной рамкой, литые язычки пряжек со щитком на основании, пряжки с полой V-образной рамкой. В начале периода продолжают употребляться пряжки с округлой и рифленой V-образной рамками. Широко распространенной становится пластинчатая ременная гарнитура, распространяются шпory с шипом и крючками для крепления к обуви, узкие прямоугольные накладки с вогнутыми длинными сторонами, литые браслеты с расширяющимися концами, пластинчатые браслеты с продольным ребром, шейные гривны, односторонние наборные гребни.

Фаза II В (VIII в.) (рис. 29). Хронологические индикаторы: головные венчики с прямоугольными бляшками-обоймицами второй подгруппы и пряжками из бронзовой проволоки; полихромные мозаичные стеклянные бусы; шарообразные сердоликовые бусы; пластинчатые браслеты с геометрическим узором из сдвоенных линий. Южная область КПДК, выделенная Е.Р. Михайловой, в этот подпериод пустеет.

III период: IX – начало XI в. – финальный этап существования КПДК (рис.29). Хронологические индикаторы: проволочные височные кольца; ширококорогие лунницы; трапециевидные привески, крепившиеся к пятиугольным обоймицам; т. н. прессованные бусы из заглушенного стекла. Комплексы этого периода выделены по наличию предметов, свойственных складывающейся древнерусской культуре. Существенно уменьшается количество памятников. Территория культуры сокращается.

Известна серия могильников, где в пределах одного памятника прослеживается переход от традиционной обрядности КПДК к ингумациям под небольшой курганной насыпью: например, могильники Безьва III, Рапти-Наволоок III и ряд других) (западная область) (Михайлова, 1999), Шитовичи, Березино, Черенцово (восточная область).

Вопросы происхождения и этнокультурной принадлежности культуры длинных курганов до настоящего времени остаются дискуссионными (см. например, Седов, 1999, с. 122-123; Конецкий, 1997а; 1998). По мнению разных исследователей, изучавших отдельные регионы, культура складывается: 1) на основе местных прибалтий-

ско-финских (К.С. Лаул, Г.С. Лебедев, М. Аун, В.Я. Конецкий) или днепро-двинских (А.М. Микляев, А.Н. Мазуркевич, Б.С. Короткевич) древностей; 2) в результате миграции населения из Верхнеднепровско-Двинских земель (тушемлинская культура) (Р.С. Минасян, Е.Н. Носов); 3) на основе памятников типа Заозерье (Н.В. Лопатин, А.Г. Фурасьев); 4) по В.В. Седову, КПДК – это славянская культура и является на данной территории «местным новообразованием»; а на занятой КПДК территории шел интеграционный процесс: прибывшее разноплеменное население и местные финны постепенно славянизировались (Седов, 1999, с. 124-125).

Накопленный к настоящему времени материал по топографии памятников, элементам погребального обряда и погребального костюма, керамике, характеру объектов, а также фиксируемое на местности запустение основных территорий на заключительном этапе функционирования КПДК указывает, по моему мнению, на первую версию, как наиболее приемлемую.

Анализ системы расселения в конкретных регионах носителей КПДК добавляет серию аргументов в пользу доминирования в этой культуре местных компонентов:

1) памятники КПДК размещаются в некотором удалении от основной водной магистрали области, часто концентрируясь в микрорегионах, освоенных еще в раннем железном веке;

2) некоторые городища раннего железного века используются, видимо, как убежища, населением КПДК;

3) детали характерного убора (квадратные и прямоугольные бляшки-обоймицы, а также бляшки-обоймицы от сложных головных венчиков с пронизьями, спиральками) близки украшениям, распространенным в раннесредневековых финских древностях Поволжья (Финно-угры и балты, 1987, табл. XLV, XLVI, XLIX) и в прибалтийских древностях VIII-XI вв. (Михайлова, 2009а, с. 9);

4) определенная доля керамики имеет местные корни; она известна в древностях предшествующего периода; однако преобладают собственные керамические формы.

Несомненно, что на всем протяжении существования на культуру псковских длинных курганов влияли не только внешние культурные импульсы (особенно на первом этапе ее развития), но и постоянные контакты (на протяжении VI-IX вв.) с населением (видимо, в основном, раннеславянским), жившим поблизости в других экологических микрорегионах.

Группы древностей, существовавшие чересполосно с КПДК

В трудах археологов конца XX в. неоднократно фиксировались различия ландшафтной приуроченности памятников КПДК и культуры сопок. После уточнения времени возникновения культуры сопок выяснилось, что она появляется лишь на заключительном этапе существования КПДК. Получалось, что ландшафтные зоны, занятые в конце в I тыс. н.э. носителями культуры сопок, были незаселенными в предшествующий период. Выдвинутые гипотезы: о существовании «предкурганной культуры» (Г.С. Лебедев) и о «памятниках третьего типа» (А.М. Микляев) – не опирались на фактический материал (Платонова, 1996, с. 10).

После обнаружения отдельных артефактов третьей четверти I тыс. н.э. на поселении культуры сопок Золотое Колено Е.Н. Носов предложил «выйти за рамки объяснения основных явлений истории взаимодействием лишь двух археологических культур: культуры сопок и культуры длинных курганов псковско-новгородского типа». Он же указал и направление исследований древностей второй половины I тыс. н.э.: «следует ... допустить существование «третьих и четвертых» типов памятников» (Носов, Плохов, 1991, с. 131).

Начало изучения таких памятников, существовавших в микрорегионах (занятых затем культурой сопок), расположенных «чересполосно» с территориями с объектами КПДК, приходится на конец XX – начало XXI в. Источниковая база пока немногочисленна и пополняется постепенно. Возможна лишь предварительная общая характеристика этих древностей.

К настоящему времени известны поселения и бескурганные могильники в пяти микрорегионах (рис. 1): Верхнее Полужье, Восточное Приильменье, бассейн Верхней Мсты, Удомельское Поозерье и верховья р. Волги с прилегающими озерами. За исключением древностей последнего участка, к остальным памятникам можно применить термин «предсопочные», который был предложен В.Я. Конецким (Конечкий, 2007, с. 266). На современном этапе исследований из-за слабой источниковой базы целесообразно рассматривать эти памятники по нескольким территориальным группам: Полужская, Ильменская, Мстинская, Удомельская (в литературе она также именуется: «памятники Удомельского типа»). Поселения в верховьях Волги представ-

ляют собой отдельную группу (памятники типа Подол), имевшую особую «судьбу». Территория этой группы лишь частично расположена в ареале КПДК.

Древности занимают иные, чем поселения и могильники КПДК, экологические ниши: тяготеют к холмисто-моренному ландшафту, где сосредоточены относительно плодородные (благоприятные для земледелия) аллювиальные или лессовидные почвы. Поселения представлены селищами и городищами, погребальные памятники – грунтовыми могильниками с обрядом сожжения на стороне. Насыпи КПДК здесь неизвестны. Необходимо также отметить, что «новые» древности сосредоточены в основном на участках, через которые потом – в конце I тыс. н.э. – пролегали магистральные водные и сухопутные дороги, связывающие Ильменский и Мстинский, Западновинский, Волжский бассейны.

Полужская группа

Селище и грунтовый могильник Заполье исследованы Н.И. Платоновой в 1995 г. Комплекс был выявлен при раскопках сопки № 4 у Передольского погоста (Заполье 1) (Платонова, 1995; Платонова, 1996, с. 9-12) (рис. 30). Раннесредневековые объекты были повреждены при сооружении сопки.

Селище находится на нижней террасе левого берега р. Луги. Площадь не определена. Культурный слой был выявлен под сопкой. Он частично пошел на ее возведение. Толщина непереотложенных напластований – 0,1-0,2 м. В культурном слое селища обнаружены мелкие фрагменты неорнаментированной лепной керамики, обломки железного ножа, бронзовой подвески и, предположительно, спирального украшения (рис. 30).

В бескурганном могильнике было изучено 6 погребений. Пять из них находились в грунтовых ямках и одно – в виде скопления пережженных костей. Возможно, оно также было в ямке, но не углубленной в материк. Погребальный обряд – кремация на стороне. Кости имели небольшую примесь угольков. Ямки – округлые, поперечниками до 0,4 м, глубина в материке до 0,14 м, а от верхнего уровня погребенной почвы – 0,25-0,3 м. Некоторые захоронения, видимо, находились в органических емкостях (туесах?).

В двух захоронениях зафиксирован инвентарь, поврежденный в огне. Это бронзовые колокольчики, спиральки, обломки проволочных

и узкопластинчатых спиральных(?) украшений (рис. 30). Аналог одного колокольчика происходит из длинного кургана в Арнико.

Н.И. Платонова отмечает близость селища и могильника комплексу Юрьевская Горка (Удомельская группа) и датирует их началом VI – серединой VII в. (разброс дат по ¹⁴C: от рубежа IV-V до середины VII в.).

Ильменская группа

Городище и селище у д. Городок на р. Маяте, городище Сельцо, по всей видимости, селище Золотое Колено и предположительно селище Прость.

В комплекс памятников у д. Городок на левом берегу р. Маята входят городище, селище у его подножия (рис. 31:1), группа сопки близ городища на другом правом берегу безымянного ручья (сохранилась только одна насыпь); на правом берегу р. Маята: селище, сопка близ него (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 57-58).

Городище Городок на Маяте впервые упоминается в XIX в. В начале XX в. любительские раскопки здесь вел И. Завалишин. В 1960-1980 гг. городище неоднократно обследовалось М.М. Аксеновым, С.Н. Орловым, В.В. Мильковым, Е.Н. Носовым. В 2003-2008 гг. И.И. Еремеевым раскопано 768 кв. м. (Еремеев, Дзюба 2010, с. 58-59). Поселение имеет напластования раннего железного века и раннего средневековья, т.е. двух культурно-хронологических периодов: V-VII вв. и IX – начала X в. н.э.

Городище находится в 0,25 км к востоку от д. Городок на левом берегу р. Маята при впадении в нее безымянного ручья на его левом берегу. Расположено на камовом холме; река протекает к северу и западу, но имеются сведения, что Маята огибала ранее холм с юго-запада и юга. Высота с напольной стороны – 5 м, а над рекой – примерно 15 м. Площадка – округлая размерами 85 × 75 м с сильным наклоном в сторону реки. Мощность культурного слоя – 0,3-0,6 м.

Судя по исследованным остаткам укреплений, в V в. н.э. поселение возникает как городок: на склоне холма с напольной стороны был сооружен двухступенчатый эскарп, а выбранный песок использован для небольшого вала: высотой около 1 м и шириной около 5 м (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 65, 67). По валу установлены вертикальные столбы-стояки; к ним на высоте 1,5 м крепились горизонтальные бревна, под прямым углом – бревна-контфорсы, которые сверху были укреплены настилом. Таким образом, в середине V – середине VI в. (даты по ¹⁴C) было устроено

достаточно сложное укрепление, а у подножия холма выставлен частокол.

После пожара, произошедшего, видимо, в VI в., старые сооружения были засыпаны, и в первой половине-середине VII в. был сооружен новый полукольцевой вал шириной около 20 м и максимальной высотой 7 м. Укрепления сооружались в «перекладной технике». Внутривальные бревенчатые накаты, видимо, служили фундаментом шедшей по гребню вала бревенчатой стены. Общая высота укреплений составила не менее 10 м. Ближайшие аналоги таких укреплений известны в колочинской культуре (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 77, 86-90, 158).

На городище V-VII вв. были обнаружены остатки 8 сооружений: пять – это срубные жилища с подпрямоугольным углублением в центральной части, три – видимо, хозяйственные строения с округлыми материковыми ямами (рис. 31: 2). Размеры подпрямоугольных углублений – 3,4 × 2,2 м, глубина 0,4 м; 2,8 × 3 м, глубина 0,3 м; 3 × 3 м, глубина 0,2-0,3 м; 3 × 3 м, глубина 0,29 м (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 96, 100-101). В ряде случаев у срубных жилищ прослежена деревянная облицовка стен котлованов. А сами стены сруба, видимо, располагались на некотором расстоянии от котлована. Например, при котловане 3 × 3 м размеры жилища были 4 × 4 м. Печи-каменки находились в углу, напротив входа.

К таким строениям применимо условное название «полуземлянка». Эти строения И.И. Еремеев датирует началом VII в., полагая, что они возникли после разрушения первого укрепления. Аналоги полуземлянок известны в Псковско-Смоленском Подвинье, Центральной Белоруссии и Полоцко-Витебском Подвинье, на правом берегу Западной Двины, на поселении Старое Село в Северной Белоруссии (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 108-110). Ближайшие аналоги встречаются в бассейне Мсты на селище Юрьевская Горка (см. ниже). Остатки подобных построек могли быть на селище Золотое Колено, однако хронология их неясна.

Вещевой комплекс содержит артефакты, распространенные в лесной зоне Восточной Европы на памятниках третьей четверти I тыс. н.э. (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 110-112). Железные изделия представлены ножами с прямой спинкой, фрагментом серпа, пластинчатым кресалом с ушком, перпендикулярным ударной полосе (рис. 32: 3, 5, 7, 10). Многочисленны найденные глиняные пряслица (рис. 32: 9) и фрагменты пряслиц (все-

го 56 экз.). Из них 34 – биконические, среди которых 19 имеют лошение, 2 пряслица – с воронковидным основанием. Обнаружен обломок бронзового пластинчатого браслета или перстня со шнуровым орнаментом (рис. 32: 6). Схожие изделия известны в древностях Эстонии I-VI вв. н.э. и юго-западной Эстонии, где они датируются широко 550-800 гг. (Шмидехельм, 1955, с. 86, рис. 19:25; Kivikoski, 1973, abb. 127, 262, 268, 269). Полихромная бусина черного с желтоватыми разводами стекла украшена однорядным продольно-волнистым орнаментом и сине-красно-желтыми глазками (рис. 32: 4). Такие находки неизвестны на памятниках VIII-X вв.

В керамической коллекции (Еремеев, Дзюба, 2010; рис. 66; 67; 76; 83; 92; 95; 97; 105-109) преобладают сосуды типов 4 и 7 (по Н.В. Лопатину); малочисленны фрагменты типа 9, хорошо известные в КПДК Псковско-Чудского и Мстинско-Валдайского регионов (Еремеев, Дзюба, 2010, рис. 98: 1, 3); единичны лошенные и ребристые сосуды (рис. 33: 1, 7). Судя по профилировке найденных обломков керамики (рис. 33: 2, 4, 7), некоторые сосуды аналогичны посуде с селища Юрьевская Горка (Еремеев, Дзюба, 2010, рис. 67:1; 76: 6; 88: 2; 97; 98: 1, 4).

По мнению И.И. Еремеева, горшки типа 4 по Н.В. Лопатину в сочетании с реберчатой и лошенной посудой и сосудом с наlepным орнаментированным валиком, а также с особенностями планировки городища и домостроительства предположительно указывают на миграцию в середине I тыс. н.э. населения из областей северной периферии киевской и колочинской культур. Это, по всей видимости, славянское население во второй половине V-VII вв. продвинулось из Белорусского Поднепровья, Центральной и Северной Белоруссии. Это было земледельческое освоение новых территорий (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 115, 123, 406).

Исследователь памятника фиксирует два этапа функционирования поселения: в V-VI вв. и в VII в. Он полагает, что в V-VI вв. на берегах Ильменя складывается общность, близкая к банцеровской или колочинской культурам (первоначальный городок); позднее в результате каких-то военных потрясений жители оставляют городок. В публикации приводятся две возможные версии возобновления жизни на городке в VII в. (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 407): новые укрепления связаны или с приходом многочисленного нового населения, или с консолидацией прежнего. При этом отрицается наличие преемственности меж-

ду населением этого поселения и последующего, возникшего в конце I тыс. н.э. (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 161, 162, 524), но весомые аргументы для доказательства последнего утверждения не приводятся.

На селище у д. Городок на Маяте в 2007-2008 гг. И.И. Еремеевым раскопано 80 кв. м (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 59, 92, 99). Напластования памятника в основном относятся к середине – третьей четверти I тыс. н.э., единичные находки – к последней четверти I тыс. н.э.

Поселение находится у южного подножия холма, на котором расположено городище Городок на Маяте (рис. 31: 1). Селище, видимо, было вытянуто вдоль ручья, площадь не установлена, мощность культурного слоя – 0,5 м (без учета слоя пахоты древнерусского времени). При раскопках обнаружена западина (остатки постройки) размерами 3,5 × 1,8 м, глубиной 0,1-0,2 м; внутри находились столбовая и хозяйственная ямы, в заполнении расчищены остатки очага или печи-каменки.

Вещевой комплекс с селища представлен железными подковообразной фибулой, серпом с загнутой пяткой (группа II подгруппа I по Р.С. Минасяну) и овальной пряжкой (рис. 32: 1, 2, 8). Такие пряжки известны с середины III в. до второй половины VI в. (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 113-114).

Керамика – лепная, в основном типа 4в по Н.В. Лопатину (рис. 34). В постройке (на дне западины под камнями) найдены фрагменты крупного сосуда S-видной формы (рис. 33: 3), близкого сосудам типа 3 по Н.В. Лопатину (Лопатин, 2003б, с. 99). Помимо этого, найдены 4 мелких обломка лощеных горшков.

Погребальные комплексы пока не обнаружены, но, вероятнее всего, ими были грунтовые могильники. На основании радиоуглеродных анализов городище и селище датируются V-VII вв. В IX-X вв. на Городке на Маяте располагалось поселение культуры сопки с типичными для этого времени вещевыми и керамическими материалами.

Городище Сельцо исследовалось в 1968 и 1984 гг. С.Н. Орловым, а в 1974 г. – Е.Н. Носовым. Поселение – многослойное; с напластованиями раннего железного века, середины – третьей четверти I тыс. н.э., IX – начала X в., древнерусского времени (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 123, 127).

Городище находится на р. Ларинке, правом притоке Полы (рис. 35: 1). По реконструкции И.И. Еремеева, укрепления городища были со-

оружены в два этапа – в середине – второй половине I тыс. н.э. Первоначально была возведена стена из бревен, затем насыпан вал и поверх него поставлена новая бревенчатая стена. Вдоль стен находились длинные постройки с подпольями и очагами. Укрепления аналогичны таковым Городка на Маяте и могут датироваться V- VII в.

К этому периоду, видимо, относятся (рис. 35: 2-5) железные наконечники стрел, нож с прямой спинкой, долотовидное кресало (?), два серпа, один из которых имел загнутую пятку (группа II подгруппа I по Р.С. Минасяну) (Минасян, 1978а, с. 79).

Лепная керамика представлена мелкими фрагментами слабопрофилированных сосудов и двумя обломками лощеных горшков, один из которых мисковидный с ребром при переходе от плеча в тулово (рис. 35: 6-13).

К Ильменской группе предварительно можно отнести **селище Золотое Колено** в Среднем Помостье. На артефакты, полученные при раскопках памятника, обратил внимание И.И. Еремеев, когда подбирал аналоги постройкам V-VII вв., выявленным на Городке на Маяте (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 108). Наличие материалов третьей четверти I тыс. н.э. отметили и авторы публикации работ на селище культуры сопки (Носов, Плохов, 1991).

Культурный слой около известных сопки у д. Золотое Колено был зафиксирован в 1957 г. М.М. Аксеновым. В 1974-1975 гг. раскопки на селище провел Е.Н. Носов (Носов, Плохов, 1991, с. 117-119). В общей сложности было вскрыто 1000 кв. м в двух раскопах (к северо-западу от сопки № 1 и у сопки № 4). В публикации селище представлено как объект, состоящий из трех участков. На селище обнаружены материалы двух культурно-хронологических периодов: третьей четверти I тыс. н.э. и IX – начала X в. н.э., возможно и наличие остатков слоя раннего железного века.

Поселение, точнее, три его участка, находятся к востоку, северо-востоку и югу от современной деревни. Они расположены на правом берегу Мсты (рис. 36: 1). Размеры участка к востоку от деревни 90 × 100-150 м. Он находится на первой надпойменной террасе и ограничен с востока впадающим в Мсту ручьем, а с запада – заболоченным овражком. Высота над рекой – 7-12 м. Размеры участка на дюнном всхолмлении к югу от деревни – 30 × 120 м. Третий участок был обнаружен у полы сопки № 4 в раскопе площадью 116 кв.м. Сопка частично

была подсыпана культурным слоем и возведена после прекращения жизни на этом участке. Культурный слой в раскопе зафиксирован в переотложенном состоянии; он был сдвинут на край оврага перед сооружением насыпи и использовался при ее возведении (Носов, Плохов, 1991, с. 119-120).

Особый интерес представляют обнаруженные в раскопе 1 остатки углубленных в материк построек (рис. 36: 2). Три строения (I, II, III) имели материковое углубление на 5-12 см и размеры, близкие к квадрату, $4,4 \times 4,4$; $4,6 \times 5,2$; $3,5 \times 4,9$ м. В углах находились развалы печей-каменок. По мнению авторов публикации, углубления образовались под тяжестью самой срубной конструкции дома. Около одной постройки встречены куски глиняной обмазки. Возможно, промазывались пазы между бревнами срубов или только в местах расположения печей. Еще две подчетырехугольные в плане постройки обнаружены в центре раскопа (№№ 6 и 7) размерами $3,4 \times 3,6$ м, глубиной 0,5 м и $3,1 \times 3,3$ м, глубиной 0,2-0,3 м. Остатки печей отсутствовали (Носов, Плохов, 1991, с. 122). Отношение найденных строений к третьей четверти I тыс. н.э. остается спорным, на что указывает и И.И. Еремеев (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 108).

К поселению третьей четверти I тыс. н.э. можно отнести серию железных ножей с прямой спинкой, посоховидную булавку, глиняные биконические пряслица (рис. 37: 9-15).

Фрагменты слабопрофилированных и баночных лепных сосудов (рис. 37: 1-8) в основном происходили из раскопа 2 и составляли четвертую часть посуды раскопа 1 (Носов, Плохов, 1991, с. 129). Заслуживает внимания тот факт, что в отдельных комплексах (в ямах, в местах остатков построек?) была обнаружена только такая керамика.

Е.Н. Носов предположил, что материалы с поселения Золотое Колено (на памятнике преобладали артефакты IX – начала X вв.) фиксируют в конце I тыс. н.э. культурный импульс из Центрального Приильменя и «взаимодействие нового населения с более древними группами» (Носов, Плохов, 1991, с. 130).

В одну группу с Городком на Маяте И.И. Еремеевым включено **поселение Прость** (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 402). Однако опубликованный материал с этого памятника позволяет говорить о его принадлежности к подобным древностям весьма предположительно (Носов, Плохов, 2005, с. 140-144).

Поселение Прость многослойное. На нем найдены материалы эпохи бронзы («ранний металл»), V-VII и VIII-XI вв., Нового и Новейшего времени. В 1961, 1976, 1979 гг. на поселении закладывал раскопы и шурфы С.Н. Орлов; их общая площадь – 600 кв. м. Сведения о его раскопах 1977 и 1978 гг. и шурфах других лет не сохранились. В 1997-1999 гг. Е.Н. Носовым было раскопано 1252 кв. м. Основные материалы относятся к селищу конца I тыс. н.э. Радиоуглеродные даты культурных остатков лежат в пределах второй половины V – первой половины IX в.

Памятник находится в 2 км к югу от Новгорода на левом берегу протоки Волхова при впадении р. Прость (рис. 38). Высота над водоемом – до 6 м. Общие размеры – 200×500 м. Мощность культурного слоя – от 0,14 до 0,86 м; неповрежденный пахотой слой достигал 0,3 м.

К селищу третьей четверти I тыс. н.э. отнесены фрагменты лепных слабопрофилированных и баночных сосудов и некоторые изделия: три т.н. крапчатые бусины, глиняные бусы и биконические пряслица (рис. 39: 1-3) и, возможно, обломки тиглей, оселок, железная игла (?) и крючок.

Авторы публикации отмечают, что керамика схожа с керамикой с поселений КПДК. Фрагменты раннесредневековых слабопрофилированных и баночных сосудов (рис. 39: 5-18), отнесенных к слоям третьей четверти I тыс. н.э., действительно схожи с керамикой КПДК, что подтверждается и сейчас – после увеличения источниковой базы по поселениям КПДК. Например, близкая керамика происходит с селища Городок на р. Шлине (Исланова, 2006, рис. 67: 12; 69; 75; 77: 1-4). Следует также отметить, что среди опубликованных материалов нет характерных для «предсопочных древностей» округлобоких слабопрофилированных сосудов с коротким венчиком, встреченных и на Городке на Маяте, и на Юрьевской Горке.

Мстинская группа

Селища Леонтьево, Борисково, Пашино; предположительно, селище на оз. Болое и находившийся рядом грунтовый могильник.

Поселение Леонтьево было исследовано И.В. Ислановой в 1998 г. рекогносцировочным раскопом площадью 44 кв. м (Исланова, 2006, с. 78-79, 91-93). Видимо, вблизи селища, по сведениям начала XX в. (Любомиров, 1913, с. 240), находились 2 сопки высотой около 4 м. До настоящего времени они не сохранились. Памятник – многослойный (неолит, третья четверть I тыс. н.э., возможно, конец I тыс. н.э., XV-XVI вв., XIX-XX вв.).

Селище занимает склон (от 1 до 7 м) коренного западного берега оз. Мстино. Поселение с лепной керамикой имело протяженность примерно 230 м при ширине 35-50 м. Мощность культурных напластований третьей четверти I тыс. н.э. – от 0,1 до 0,4 м. Этот слой поврежден пахотой и при функционировании здесь последующих населенных пунктов.

По всей видимости, постройки были наземными срубными. Обнаружены остатки двух отопительных сооружений – очагов или печей-каменок. Вещевой инвентарь: глиняные биконические и округлые пряслица, железный нож (рис. 40: 1, 2, 9, 10). Керамика – лепная гладкостенная неорнаментированная. Найденные во фрагментах сосуды относятся к типам 7, 10, по Н.В. Лопатину (рис. 40: 3, 6, 8) и имеют ближайшие аналоги на памятниках Удомельской группы (Исланова, 1997, рис. 36; 37: 1, 5). Сосуды с «акцентированным» плечом (рис. 40: 11, 12) близки (или являются своеобразными «предшественниками») к ребристым сосудам с поселений культуры сопков (Исланова, 1997, рис. 98, 101, 102). Единичны обломки сосудов типов Р4, 11 и 8 или 9 (рис. 40: 7). Аналогичная посуда характерна для КПДК. Встречены также обломки плошек, относящихся к культурной традиции предшествующего периода (раннего железного века): миниатюрные без шейки и плечика и с длинной изогнутой шейкой (рис. 40: 4, 5).

Керамика селища Леонтьево 1 занимает как бы промежуточное положение между древностями третьей четверти I тыс. н.э. и конца I тыс. н.э. Судя по керамическому набору, исследованный участок, по всей видимости, относился к заключительному этапу функционирования раннесредневековых объектов третьей четверти I тыс. н.э. и к переходной фазе к культуре сопков.

Селище Пашино исследовалось в 2009 г. экспедицией ООО «ТНИИР-Центр» раскопом площадью 530 кв. м (Иванова, 2009)². Поселение – многослойное с материалами позднего мезолита (VI тыс. до н.э.), позднего этапа эпохи бронзы (конец II – начало I тыс. до н.э.), раннего средневековья (вторая и третья четверти I тыс. н.э.), Нового и Новейшего времени.

Объект находится на правом берегу р. Цны вблизи ее впадения в оз. Мстино. Общая пло-

щадь поселения – 11700 кв. м. Общая мощность культурного слоя – 0,26-0,44 м. Напластования на отдельных участках были повреждены распашкой до материка. Раннесредневековый материал был обнаружен в средней части культурного слоя (толщиной 0,08-0,14 м). За исключением небольших хозяйственных ям, какие-либо четкие остатки жилых построек при раскопках не встречены.

Вещевой комплекс (рис. 41: 1-3), железные нож, рыболовный крючок и серп, который может быть отнесен к изделиям группы I варианта Б по Р.С. Минасяну, появляющимся в первые века н.э. и бытующим до V-VI вв. (Минасян, 1978а, с. 77 рис. 3, с. 78). Керамика – лепная гладкостенная. Присутствуют фрагменты сосудов типа 7 (рис. 41: 5, 6), а также мелкие обломки верхних частей горшков, в том числе слабопрофилированных. Найдено небольшое число фрагментов лощеных сосудов, в том числе ребристой миски (рис. 41: 7). На этом «фоне» выделяется фрагмент лощеного сосуда т.н. мощинского круга с перетяжкой в месте перехода от шейки к крутому плечу (рис. 41: 4). Такая керамика, кроме мощинских древностей, известна на позднедьяковских поселениях Верхней Волги, а также на территориально близком к анализируемому памятнику селище Троица 1 в Удомельском Поозерье (Исланова, 1997, рис. 90:3; 91:1, 2). В мощинской культуре подобная керамика бытует в IV-V вв. (Воронцов, 2013, с. 41).

Только разведочные работы проводились на **селище Борисково 1**: в 1987 г. А.В. Мирецким (Мирецкий, 1987), в 1996 и 2010 гг. И.В. Ислановой. Поселение многослойное (эпоха камня, третья четверть I тыс. н.э., позднее средневековье и Новое время).

Памятник находится на склоне восточной оконечности озовой гряды – коренника южного берега оз. Мстино (рис. 42: 1). Высота над водой – 2-4 м. Ориентировочные размеры селища 70 × 40 м, но территория раннесредневекового селища, по всей видимости, была меньше. Мощность культурного слоя – 0,3-0,35 м. Территория в Новейшее время интенсивно распаивалась, а в начале XXI в. сильно пострадала от прокладки здесь газопровода.

Помимо мелких фрагментов лепных сосудов, на селище найден обломок верхней части слабопрофилированного горшка типа 7 (рис. 42: 3).

Материалы **селища и грунтового могильника на оз. Болгое** происходят из раскопок начала 80-х гг. XIX в. П.А. Путятин (Спицын, 1903б,

² Пользуюсь случаем выразить признательность сотрудникам ТНИИР-Центра за возможность ознакомиться и использовать материалы их работ.

с. 240-243, 254-256). До настоящего времени этот археологический комплекс не сохранился. Поселение на оз. Бологое было многослойным (мезолит, неолит, ранний железный век, третья четверть I тыс. н.э., начало II тыс. н.э.). Селище и могильник отнесены к анализируемой группе древностей предположительно на основании ландшафтной приуроченности.

Комплекс находился на мысу «Рожок», расположенном на северном берегу пролива между Медведицким и Бологовским плесами оз. Бологое. Площадь селища осталась неизвестной. Раннесредневековые материалы (как и материалы раннего железного века и древнерусского времени) залежали в верхних слоях памятника (частично четвертый и пятый слой, по А.А. Спицыну). Не исключено, что ко второй половине I тыс. н.э. относятся обнаруженные здесь многочисленные железные шлаки и остатки печи-домницы.

С раннесредневековым селищем, вероятно, связаны найденные льячка, два биконических пряслица и, возможно, пять или шесть округлых глиняных пряслиц (рис. 43). По всей видимости, невыразительные фрагменты лепной керамики не заинтересовали исследователя и не были сохранены.

Грунтовый могильник находился вблизи раннесредневекового селища (сведений о курганах нет). Сосуд со жженными человеческими костями был найден на глубине 1 аршина (0,72 м). По всей видимости, это было грунтовое захоронение в ямке (выкопанной в слое стоянки) в урне по обряду сожжения на стороне. По А.А. Спицыну, обнаруженный крупный лепной сосуд имел сходство с горшками, найденными в псковских длинных курганах (Спицын, с. 10).

Удомельская группа

К ней относятся селище и грунтовый могильник Юрьевская Горка (Стан) вблизи истока р. Съежа из оз. Удомля, а также находки керамического материала на селище Троица 1 на оз. Удомля.

Селище (Стан 4) и грунтовый могильник Юрьевская Горка были выявлены в 1984 г. В.В. Сидоровым при шурфовке стоянки эпохи мезолита. Стационарные раскопки проводились в 1985-1987, 1989 и 2005 гг. И.В. Ислановой, а в 1988 г. – М.Е. Смирновой. В общей сложности было исследовано 1304 кв. м. Поселение многослойное; нижние напластования относятся к стоянкам мезолита и неолита, верхние – к селищу третьей четверти I тыс. н.э.

Селище находится в урочище Юрьевская Горка на правом берегу р. Съежа (левый приток р. Уверь, правый приток р. Мсты), у подножия моренной гряды (рис. 44). Высота площадки над водой – 7-9 м (до подъема воды в озерах в зоне Калининской АЭС). Протяженность – 180-200 м при ширине 30-40 м. Мощность культурного слоя – от 0,05 до 0,35 м, на отдельных участках слой перекрыт почвенными отложениями толщиной 0,02-0,05 м.

На селище исследованы остатки 32 наземных построек. Из них 16 представляли собой жилые строения, 10 – хозяйственные, 1 – «производственную постройку», назначение остальных неясно. Также встречены ямы-погребца и нижняя часть производственной печи – горна. Постройки располагались в несколько (до трех) рядов вдоль берега. В западной части селища зафиксирован один строительный горизонт; здесь расстояние между жилищами составляло около 10 м. В центральной части селища – два или три строительных горизонта. Жилые строения были срубными, подквадратными или подпрямоугольными. Типичные размеры построек – 4 × 4 и 4 × 5 м, самая крупная – 6 × 5 м, наименьшая – 4 × 3-3,2 м. Отопительные сооружения – печи-каменки или очаги, а в одном случае найдены остатки глинобитной печи с использования камня. Печи и очаги располагались в углу или ближе к одной из стен, иногда занимали почти половину жилища. Найдены кусочки глиняной обмазки, которую, видимо, использовали для заделывания пазов между бревнами и досками, главным образом, – вблизи отопительных сооружений. Во многих постройках также находились подпольные ямы. В 6 случаях это «сдвоенные» ямы: соответственно – очажная и подпольная (рис. 45: 4). В трех постройках находилась одна подпольная яма, а отопительные сооружения были расположены около ям (рис. 45: 3).

Одна жилая постройка (т.н. «полуземлянка») имела углубленный на 0,3-0,4 м в материк прямоугольный котлован (2,8-3 × 2,5-2,6 м) с примыкающей к нему овальной хозяйственной ямой (рис. 45: 1). Аналоги этой «полуземлянке» известны на городище Городок на Маяте и в славянских древностях типа Корчак (Русанова, 1973, табл. 39: 9, 10). Аналоги жилых строений со «сдвоенными» ямами встречены на раннеславянском поселении Восточной Волини Тетеревка 1 (Томашевский, Гавритухин, 1992, с. 11).

Хозяйственные строения были прямоугольной и, возможно, овальной формы. Размеры – от 2 × 1,8 до 4 × 3 м. Это – наземные (с углублен-

ными в материк ямами) срубные или каркасно-столбовые постройки, в двух случаях, видимо, с полукруглыми столбовыми пристройками. Два хозяйственных строения (по формальному признаку «полуземлянки») имели прямоугольные углубления в материке (рис. 45: 2). Схожие жилые и хозяйственные строения, за исключением «полуземлянок», продолжали сооружаться в этом микрорегионе и в следующий период – на поселениях культуры сопков (Исланова, 1997, с. 42, 76).

Одна каркасно-столбовая постройка интерпретирована как производственная. В площади постройки среди камней разрушенного отопительного сооружения найдены более 30 фрагментов тиглей, льячка и металлический лом. Кроме того, в 9 жилых постройках также наблюдались следы ремесленной деятельности: найдены обломки тиглей, льячек, литейных формочек и металлический лом. В прибрежной части селища были вскрыты остатки основания горна.

Массовыми находками являются глиняные биконические пряслица (рис. 46: 13-15). Серия изделий относится к общим предметам, бытовавшим в третьей четверти I тыс. н.э. в лесной зоне: синие полиэдрические бусы, железные ножи, спиральные пронизки (рис. 46: 2, 22). Некоторые артефакты свидетельствуют о контактах с населением КЖД (бронзовая обоймица) и о присутствии местного населения – потомков носителей позднедьяковской культуры (бронзовые треугольная и бутылковидные подвески, шумящая подвеска с привесками) – (рис. 46: 9, 16-19) (Исланова, 1997, с. 44-49).

Нижнюю дату поселений Удомельской группы – конец V – середина VI вв. – определяют найденная крапчатая бусина, железная и бронзовая (с клювовидным язычком) пряжки, три звена от разных трехчастных удил, железный пинцет (рис. 46: 3-5, 11, 21) (Исланова, 1997, с. 46, 47, рис. 77: 5, 13; 79: 8, 9; Казанский, 2008, с. 308). Наиболее поздние изделия появляются в регионе, видимо, в VIII в. – это фрагменты железных фитильных трубочек и единственная стеклянная желтая бусина-лимонка (рис. 46: 1, 8) (Исланова, 1997, рис. 76: 8; 77: 7, 8). Подобные вещи массово встречены в Удомельском Поозерье на селищах культуры сопков, датируемых второй половиной VIII – X в. (Исланова, 1997, с. 77-78).

Керамика представлена в основном сосудами типов 7 и 8 по Н.В. Лопатину (рис. 47: 5, 8, 9-12); относительно много и хорошо профилированных S-видных горшков (предположительно тип 10) (рис. 47: 6, 7). Присутствуют обломки горш-

ков баночных форм и единичные (в том числе и лощеные) фрагменты сосудов мощинского круга (рис. 47: 1-4), которые представляют культурные традиции предшествующей эпохи или возможные контакты с жителями селища Троица 1 (Исланова, 1997, с. 23-30). В небольшом количестве присутствуют сосуды с ребром или скругленным ребром – тип P1 по Н.В. Лопатину (рис. 47: 13, 14). По моему мнению, такая посуда могла быть предшественником керамики т.н. ладожского типа, распространенной в культуре сопков. Единичны сосуды типов 9 и 11 по Н.В. Лопатину, которые, возможно, свидетельствуют о культурных связях с населением КЖД (Исланова, 1997, рис. 39: 1, 3, 5).

Грунтовый могильник примыкал к западной окраине селища и при его расширении был частично перекрыт и поврежден (рис. 44). Погребения обнаружены на участке размерами 37×15 м. Исследованы остатки не менее 11 захоронений. Кремация производилась на стороне; пережженные косточки переносились в материковые ямки. Ямы имели округлую и овальную формы. Верхний поперечник округлых был от 0,43 до 0,6 м, овальной – 0,75 × 0,53, глубина в материке – от 0,16 до 0,45 м.

В одном случае жженные кости двух людей лежали в ямах в «анатомическом» порядке: под черепными костями находились тазовые и косточки позвоночника, по стенкам – мелкие кости. Судя по антропологическим определениям, захоронения в могильнике принадлежали молодым людям и детям.

Кроме костей, в заполнении ям встречались мелкие угольки. В одном случае прослежена обмазка глиной стенок и дна ямы с последующим обжигом; в двух случаях ямы сверху были забутованы кусками обожженной глины (Исланова, 1997, с. 50-55). Аналоги таких деталей погребального обряда неизвестны. Яма одного захоронения была сверху перекрыта крупным валуном.

Погребальный инвентарь малочислен, керамика единична. Это биконическое глиняное пряслице, бронзовые спиралька и обломок браслета с утолщенными концами, железный наколечник дротика (рис. 46: 6, 7, 20), который древком был воткнут в глиняную забутовку, лежащую над пережженными костями. Предположительно, с могильником мог быть связан железный боевой нож, обнаруженный в культурном слое в площади могильника (рис. 46: 23). Инвентарь имеет широкую дату – третья четверть I тыс. н.э. (Исланова, 1997, с. 54). В двух захоронениях на-

ходились мелкие фрагменты лепных сосудов, аналогичных встреченным на селище; в одном – придонная часть лепного горшка.

На другом поселении – селище **Троица 1** – найдена только керамика, близкая к посуде селища Юрьевская Горка. Раскопки на селище проводили В.В. Сидоров в 1984 и 1985 гг., И.В. Исланова в 1987 г., Е.В. Лагуткина в 2002 и 2003 гг., Ю.Б. Бирюков в 2003 г., М.В. Волкова в 2004 и 2005 гг. (АКР, 2012, с. 356-358).

Поселение Троица 1 расположено на мысу, образованном протокой из оз. Песьво в оз. Удомля и заливом, откуда берет начало р. Съезжа. Памятник многослойный; культурный слой интересующего нас периода сильно поврежден при интенсивной распашке. Селище середины – начала третьей четверти I тыс. н.э. исследовано полностью, но определить его площадь можно будет при подготовке публикации материалов всех лет работ разных исследователей.

Основной керамический комплекс памятника (типы IV.1; IV.2; V.3; V.4, по А.М. Воронцову) – это гладкостенные, подлощенные и лощеные фрагменты сосудов мощинского круга, датированные IV-V вв. (Воронцов, 2013, с. 41). Вещи – позднедьяковского круга: грузики дьякова типа, бутылковидные подвески, пластинчатые кресала с петлей (Исланова, 1997, с. 17-20).

Предположительно с этими же материалами могли быть связаны и фрагменты от 8 сосудов иной культурной группы. Шесть сосудов близки к типу 7 или 8, по Н.В. Лопатину (рис. 48: 1-6); один – слабопрофилированный – близок к типу 11 (рис. 48: 7), еще один имеет намеченное ребро при переходе от плеча к тулову (рис. 48: 8). Фрагменты происходят из переотложенного культурного слоя раскопа 2003 г., за исключением одного, найденного в 2005 г.³ Остается неясным соотношение этих инородных для селища артефактов и основного материала. Можно предположить, что на заключительном этапе функционирования селища Троица 1 существовали контакты его жителей с населением поселения Юрьевская Горка, где найдены единичные фрагменты посуды мощинского круга.

Преимущество материалов Удомельской группы и культуры сопок, исследованных в этом же микрорегионе, сомнений не вызывает. Это –

элементы в домостроительстве (сдвоенные подпольные ямы), отдельные изделия (глиняные пряслица, трехчастные удила, железные ножи с прямой спинкой, браслеты с утолщенными концами). В керамике культуры сопок фиксируется дальнейшее «развитие» не только ребристой, но и слабопрофилированной, баночной, V-видной посуды, сосудов типа 7 (Исланова, 1997, рис. 109, с. 25, 26, 29; рис. 109; 138: 15; 140: 7, 8; 146а; 147: 1, 2, 4, 5, 7-9, 14-19).

Группа поселений типа Подол

К группе относятся селища Подол 3, Ронское 3, Горка 1, Звягино 2, Теплый Ручей, Усть-Тудовка 8, Суходол 2, Рогово 2, Першино, Бобронники, городища Никола Рожок и Осечен (рис. 1). Наименование она получила по реперному поселению Подол 3, расположенному на оз. Волго (Синицына, Исланова, 2009). Еще 4 поселения также находятся на озерах Верхневолжского бассейна чересполосно с памятниками КПДК. 7 поселений лежат по берегам р. Волги, где памятники КПДК неизвестны. Погребальные объекты не выявлены, но предположительно ими могли быть бескурганые могильники.

Селище Подол 3 исследовалось Г.В. Синицыной в 1990, 1993-1996 гг., раскопано 166 кв. м. Памятник многослойный (палеолит, мезолит, неолит, ранее средневековье, позднее средневековье, Новое и Новейшее время).

Селище Подол 3 расположено на северном берегу оз. Волго и занимает узкую прибрежную полосу между озером и коренным берегом вблизи бывшей д. Подол. Площадь раннесредневекового селища неясна, так как его напластования перекрыты последующими отложениями толщиной до 0,5 м. Мощность культурного слоя – от 0,2 до 1 м. Радиоуглеродная дата – 1710 ± 110 л.н. (JЕ-5174).

Какие-либо строения в раскопе не обнаружены. По вещам (рис. 49: 1, 2, 9) селище можно датировать V-VII вв. Это – железные двусоставные удила, два серпа с пяткой (группа II подгруппа I по Р.С. Минасяну), фрагмент глиняной сковороды, глиняные биконические пряслица. Из культурного слоя происходят также две литейные формочки, неоднократно анализированные исследователями раннесредневековых древностей (Исланова, 2012, с. 42-43; 2014, с. 26-31; Щеглова, 2009, с. 56).

Керамика – лепная, т.н. гладкостенная, за исключением 5 лощеных фрагментов. Только один обломок сосуда имел орнамент в виде нарезок. В коллекции представлены фрагменты сосудов нескольких культурных традиций, дифференци-

³ Пользуюсь случаем поблагодарить Е.В. Лагуткину и М.В. Волкову, любезно позволивших ознакомиться с коллекциями и опубликовать керамику.

рованных по 6 группам Верхневолжского набора (Исланова, 2012, с. 41-42). Группа I – керамика, имеющая прототипы в посуде мощинского круга (рис. 49: 5). Группа II – сосуды с ребром в месте перехода плечика в тулово, близкие к типу P16, по Н.В. Лопатину (рис. 49: 3, 4). Группа III – сосуды с коротким плечом и длинной слабо отогнутой шейкой (рис. 49: 8). Группа IV – округлобокие сосуды плавной профилировки с коротким венчиком, близки к типам 7 и 8, по Н.В. Лопатину (рис. 49: 6). Группа V – сосуды S-видной профилировки, их в какой-то степени можно отнести к типу 10 по Н.В. Лопатину, но плечо у сосудов пологое (рис. 49: 10). Группа VI – баночные сосуды, близки к типу 11 по Н.В. Лопатину, но венчик слабо отогнут (рис. 49: 7).

Селище Ронское 3 исследовалось Д.А. Крайновым в 1966 г.; раскопано 166 кв. м. Памятник многослойный: неолит, раннее средневековье, древнерусское время.

Поселение находится на мысу у протоки из Ботовского залива оз. Селигер (рис. 50: 1). Площадь селища не определялась. Высота площадки над водой 0,5-1 м. Мощность культурного слоя – 0,25-0,4 м. Единственная индивидуальная находка – железный нож с прямой спинкой (рис. 50: 7).

Присутствуют фрагменты сосудов групп II, III, IV, V Верхневолжского набора (рис. 50: 2-6). Не исключено, что часть лощеных фрагментов, отнесенных мною первоначально к поселению раннего железного века, связана с культурным слоем раннего средневековья (Исланова, 2012, с. 18-19).

Селища Горка 1 и Звягино 2 исследованы при разведочных работах. Найдены фрагменты сосудов групп IV, и в единичных случаях групп I и VI Верхневолжского набора (рис. 51) (Исланова, 2012, с. 44).

Селище Теплый Ручей (Сеитово) исследовано в 1988 г. А.В. Мирецким; раскопано 176 кв. м. Памятник – многослойный (палеолит, мезолит, неолит, третья четверть I тыс. н.э.) (АКР, 2010, с. 255).

Находится на мысу первой надпойменной террасы правого берега р. Волга, при устье Тёплого ручья (левый берег). Высота над рекой – 7 м. Общая мощность культурного слоя – до 0,5 м. Размеры селища не определены. Поселенческие материалы залежали в верхнем горизонте культурного слоя на юго-восточном участке памятника. Здесь зафиксированы остатки, вероятно, производственного комплекса: это яма диаме-

тром около 2 м, глубиной 0,5-0,75 м с прокаленными стенками. В яме были найдены шлаки, ошлакованный обломок ручки льячки (?) и лепная керамика (рис. 52). Лепная керамика также происходит из слоя, в котором обнаружен железный нож с прямой спинкой. В небольшой коллекции представлены фрагменты сосудов всех групп, за исключением группы III⁴.

Селище Рогово раскапывалось в 1985 г. Е.В. Бодуновым, в 1987 г. Е.М. Черных (АКР, 2007, с. 275-276). Исследовано около 300 кв. м (включая курганные насыпи). Памятник – многослойный (эпоха бронзы и третья четверть I тыс. н.э.).

Расположено на высокой пойме левого берега р. Волги. Высота над рекой – 3-5 м. Примерные размеры – 80 × 40 кв. м. Культурный слой – мощностью 0,3-0,5 м; в северной части он был поврежден при сооружении древнерусских курганов.

При раскопках обнаружены остатки постройки размерами около 8 × 7 м с прямоугольной материковой подпольной ямой глубиной до 0,2 м, расчищены остатки очага в центре и столбовая ямка в 2,6 м к юго-востоку (Исланова, Черных, 1998, с. 169, рис. 1).

В керамической коллекции представлены фрагменты сосудов всех групп, но преобладает посуда групп I и IV Верхневолжского набора (рис. 53: 3 - 5). Помимо них, один фрагмент имел налепной валик, а два фрагмента – бороздку-каннелюру (рис. 53: 1, 2). Посуда в основном – гладкостенная неорнаментированная, тесто – с дресвой и песком, единичны лощеные фрагменты. Два обломка стенок имеют на внешней поверхности слабые бороздки – следы заглаживания, видимо, щепкой⁵.

Селище Суходол 2 раскапывалось А.Д. Максимовым в 1985 и 1986 гг.; исследовано 132 кв. м (Максимов, 1998, с. 380-385). Поселение – многослойное (неолит, середина – третья четверть I тыс. н.э., XIV-XVII вв.).

Находится на мысу первой надпойменной террасы левого берега р. Волги. Размеры – около 60 × 15 м. Высота площадки над рекой – 5-6 м. Мощность культурного слоя – 0,1-0,4 м.

⁴ Пользуюсь случаем выразить благодарность А.В. Мирецкому, позволившему опубликовать материал из его раскопок.

⁵ По всей видимости, в публикации А.Д. Максимова они названы «штрихованными» фрагментами.

Наземная постройка – столбовой конструкции, по реконструкции А.Д. Максимова (Максимов, 1998, с. 380, 384, рис. 2), имела жилую часть размерами 4,3 × 4,7 м и крытый вход с тамбуром размерами 1,5 × 3,2 м. Столбы находились по углам. После перестройки жилая часть стала несколько больше – 4,7 × 5,2, а вход-тамбур по размерам остался прежним; но была сделана небольшая квадратная хозяйственная пристройка 2 × 2 м. В центре жилого помещения находился очаг из камней. Зафиксированные вблизи очага столбовые ямки могут быть связаны с опорами нар или лавок. На окраине поселения в раскоп попали следы стены-ограды из плетня.

Обнаружены бронзовые пронизки, фрагмент глиняного биконического пряслица, каменная и стеклянная бусины; последняя – из синего стекла с белыми глазками (рис. 54: 2-5). В коллекции имеются единичные фрагменты сосудов групп I-V Верхневолжского набора (рис. 54: 1, 6-9).

На селище **Першино** раскопки велись В.П. Фроловым в 1985 г. Исследовано 120 кв. м (АКР, 2007, с. 267-268). Памятник – многослойный (мезолит, ранний железный век, третья четверть I тыс. н.э.). Поврежден при сооружении курганов и деревни XIX-XX вв.

Находится на краю первой надпойменной террасы левого берега р. Волги. Высота над рекой – 6 м. Примерные размеры – 70 × 60 м. Мощность культурного слоя – 0,3-0,6 м. Слои частично пошел и на сооружение курганов.

Найдены железные серп и нож, глиняное пряслице, бронзовая игла от пряжки (?) (рис. 55: 3, 4). В керамической коллекции преобладают фрагменты посуды группы IV (рис. 55: 1, 5, 8), единичны фрагменты групп I, II, III Верхневолжского набора (рис. 55: 2, 6, 7, 9).

Селище Усть-Тудовка 8 (Орехово) исследовалось в 1987 г. А.В. Энговатовой (АКР, 2007, с. 266-267). Раскопано 500 кв. м. Памятник – многослойный. Нижние отложения относятся к мезолитическому и неолитическому периодам и поселению эпохи бронзы, более поздние – к середине I тыс. н.э., XIX-XX вв. н.э. Поселение находится на возвышении в пойме правого берега р. Волги при впадении в нее р. Тудовки (левый берег).

Размеры раннесредневекового селища не определены. Мощность культурного слоя, поврежденного деревней Нового и Новейшего времени, – 0,4 м. В раскопе встречены хозяйственные ямы. К слою раннесредневекового поселения можно отнести два железных ножа с прямой спинкой, наконечник втульчатого ко-

пья (изделие не сохранилось) и посоховидную булавку (рис. 56: 1, 6). Такие булавки известны на обширной территории длительный период времени, однако их массовое употребление отмечено у балтских племен в I тыс. н.э. (Медведев, 1996). Втульчатый наконечник копья можно датировать от IV-V до VI-VII вв. (см. Исланова, 2014, с. 29).

Керамика – лепная гладкостенная, лощеные и орнаментированные фрагменты единичны. О форме большинства сосудов можно судить только по публикации⁶. Фрагменты сосудов относятся к группам I (рис. 56: 3), II, III (рис. 56: 7, 8), IV (рис. 56: 4, 9-11) Верхневолжского набора. Две индивидуальные формы (рис. 56: 2, 12). В коллекции также имеется стенка сосуда с бороздкой или каннелурой (рис. 56: 5).

На селище **Бобронниково** О.М. Олейниковым в 1986 и 1987 гг. раскопано 33 кв. м (АКР, 2007, с. 240-241). Памятник – однослойный и датируется серединой – третьей четвертью I тыс. н.э. Находится на высокой пойме левого берега р. Волги (рис. 57: 1). Высота над рекой – 3 м; размеры – 40 × 30 м; мощность культурного слоя, лежащего под аллювиальными отложениями толщиной 0,1-0,4 м, 0,2 м. Обнаружены железные фрагмент браслета из крученой проволоки и черенок ножа (рис. 57: 2, 3), а также лепная керамика групп I (рис. 57: 6, 7), IV Верхневолжского набора (рис. 57: 4, 5).

Городище Никола Рожок исследовалось в 1966-1967 гг. А.В. Успенской (Успенская, 1969). В общей сложности было раскопано 400 кв. м. Памятник – многослойный (ранний железный век, раннее средневековье, древнерусское время).

Городище находится в урочище Рожок, на мысу, вдающемся в оз. Селигер. Высота площадки над водой – 20 м. Территория раннесредневекового поселения неясна, т.к. культурный слой этого времени в раскопах не сохранился. Отдельные вещи и керамика найдены в слое древнерусского времени. Отсутствие исследований укреплений не позволяет с уверенностью говорить об их наличии в раннем средневековье. К раннесредневековому поселению можно отнести железные ножи с прямой спинкой, железные серп с пяткой, перпендикулярной лезвию, группы II подгруппы I по Р.С. Минасяну и пластинча-

⁶ В коллекции, хранящейся в фондах ТГОМ, отсутствует большинство опубликованных О.М. Олейниковым фрагментов сосудов (Олейников, 2002, рис. 2: 1; 4: 2, 3; 6: 1, 2).

тое кресало с петлей (рис. 58: 1-3). Последнее изделие имеет аналоги в древностях ранней фазы пражской культуры, в пшеворской и липицкой культурах (Исланова, 2012, с. 44). В коллекции были сохранены лишь единичные фрагменты лепных сосудов, которые можно отнести к группе IV Верхневолжского набора (рис. 58: 4, 5).

Городище Осечен впервые исследовалось в 1926 г. П.Н. Шульцем, но материалы из двух его шурфов не сохранились. В 1993 г. участки, поврежденные здесь грабителями, обследовали Н.В. Левина, А.В. Мирецкий и О.М. Олейников. Последний заложил раскоп площадью 104 кв. м.

Памятник – многослойный (ранний железный век, раннее средневековье, древнерусское время и позднее средневековье). Поселение находится на мысу, образованном оврагами на левом берегу р. Волги. Высота площадки над водой – 50-55 м. В центральной части площадки общая мощность культурного слоя – от 0,3-0,5 м, на склоне – до 0,95 м. Раннесредневековые слои повреждены последующими напластованиями и существовавшим здесь поздним кладбищем, артефакты происходят преимущественно из предматериковых отложений и из некоторых материковых ям.

Раскопом была вскрыта часть наземной срубной постройки, которая была сильно повреждена грабителями. Размеры строения не определены. Почти полностью была исследована ее подпольная яма размерами 3,2 × 1,7 м, глубиной 1 м со ступенчатыми стенками с остатками деревянной обноски. В яме расчищено скопление обожженных камней – возможно, от очага или печи-каменки (Исланова, Мирецкий, 1997, с. 12; Исланова, Мирецкий, Олейников, 2007, с. 134).

Индивидуальные находки: железные нож и фрагменты ножей с прямой спинкой, трехлопастной наконечник стрелы, двушипный втульчатый наконечник дротика, посоховидная булава, браслет со спиральными окончаниями, бронзовая пирамидальная привеска, пять литейных формочек и видимо, заготовка формочки (рис. 59: 1-6), которые проанализированы в серии статей (см. Исланова, Мирецкий, Олейников, 2007, с. 137, 139, 145; Исланова, 2014, с. 29-30). По этим артефактам общая датировка раннесредневековых отложений лежит в пределах середины – третьей четверти I тыс. н.э. Лепная керамика представлена всеми выделяемыми группами сосудов Верхневолжского набора (рис. 59: 7-12).

Судя по материалам поселений типа Подол, памятники существовали на хронологическом отрезке от рубежа IV/V по VII вв. н.э. Населе-

ние предпочитало селиться на аллювиальных и дерновоподзолистых почвах, благоприятных для занятия земледелием. Погребальный обряд не предусматривал сооружение курганов. Можно только предполагать, что захоронения были грунтовыми по обряду сожжения.

В быту использовался устойчивый набор керамики (названный мной Верхневолжским), близкий к посуде селища Узмень и отличающийся от наборов посуды КПДК и других групп древностей, прежде всего относительно большой «примесью» ребристых форм. В керамическом и вещевом комплексах с памятников типа Подол «просматриваются» возможные исходные территории появившегося на Верхней Волге населения. Предположительно, это было Верхнее Подвинье, где существовали памятники типа Узмень. Значительное количество керамики мощинского круга или близкого к нему (группа I) в наборе посуды является продуктом местного населения и отличает памятники типа Подол от Ильменской, Мстинской и Удомельской групп древностей. Близость к керамике КПДК (группы IV и VI), возможно, свидетельствует не о контактах, а об общих прототипах такой посуды. Особенность памятников типа Подол могла быть также связана с местоположением поселений на крупной водной магистрали – р. Волге – и вблизи волока к верховьям Западной Двины.

Таким образом, на рассматриваемой территории в третьей четверти I тыс. н.э. фиксируется пестрая культурная картина, которая не противоречит выдвинутой В.Я. Конечким общей гипотезе «двух культурных традиций» (Конечкий, 2007, с. 267). Памятники КПДК и памятники иных культурно-хозяйственных типов были размещены в разных экологических микрорегионах и имели разную приуроченность к водным магистралям лесной зоны Восточной Европы. Определенная преемственность с древностями раннего железного века в местоположении объектов и в керамическом наборе, а также наличие деталей головного убора, близких к финскому и балтскому, видимо, свидетельствуют о доминировании в КПДК местного компонента.

В отдельных микрорегионах западной и восточной областей на заключительном этапе КПДК прослеживается ее плавное включение в процесс сложения и формирования древнерусской культуры. Возникают т.н. смешанные могильники, где в одних и тех же курганных группах нахо-

дились как насыпи с кремацией и инвентарем КПДК, так и с ингумацией. Некоторые микрорегионы населения оставляет еще в VIII в.

Наиболее близкими в культурном плане выглядят памятники Полужской, Ильменской, Мстинской и Удомельской групп, генетически не связанные с КПДК и раполагавшиеся с ними чересполосно. Они существовали на участках с благоприятными для земледелия почвами. Обряд сооружения курганных насыпей был неизвестен. Здесь бытовали сходные керамические и вещевые наборы. На поселениях Городок на Маяте и Юрьевская Горка фиксируется сходство и в конструкциях построек. В конце I тыс. н.э. эти территории заняты культурой сопок (древностями летописных ильменских словен).

Прослеживается преемственность в керамике, вещевом инвентаре и домостроении между поселениями выделенных групп и поселениями культуры сопок. Предположительно, в древностях Полужской, Ильменской, Удомельской и Мстинской групп доминировал раннеславянский компонент.

Памятники типа Подол представляют собой отдельную группу. Здесь несколько иной керамический набор, в котором отразилась другая местная подоснова. Прослеживаются и культурные связи с регионами, лежащими юго-восточнее и южнее. Памятники типа Подол не перерастают в культуру сопок. Слабая изученность территории не позволяет выяснить судьбу населения, оставившего эти древности.

Рис. 1. Ареал культуры псковских длинных курганов и памятники иных культурных групп

- а – ареал КПДК, б – Полужская группа, в – Мстинская группа, г – Удомельская группа, д – Ильменская группа, е – памятники типа Подол, ж – грунтовый могильник, з – городище, и – селище.
- 1, 2 – Заполье; 3 – Сельцо; 4, 5 – Городок на Маяте; 6, 7 – Бологое; 8 – Леонтьево; 9 – Борисково; 10 – Пашино; 11, 12 – Юрьевская Горка; 13 – Троица 1; 14 – Прость; 15 – Никола Рожок; 16 – Горка; 17 – Звягино; 18 – Ронское 3; 19 – Подол 3; 20 – Тёплый Ручей; 21 – Осечен; 22 – Рогово; 23 – Суходол 2; 24 – Першино; 25 – Усть-Тудовка 8; 26 – Бобронниково.

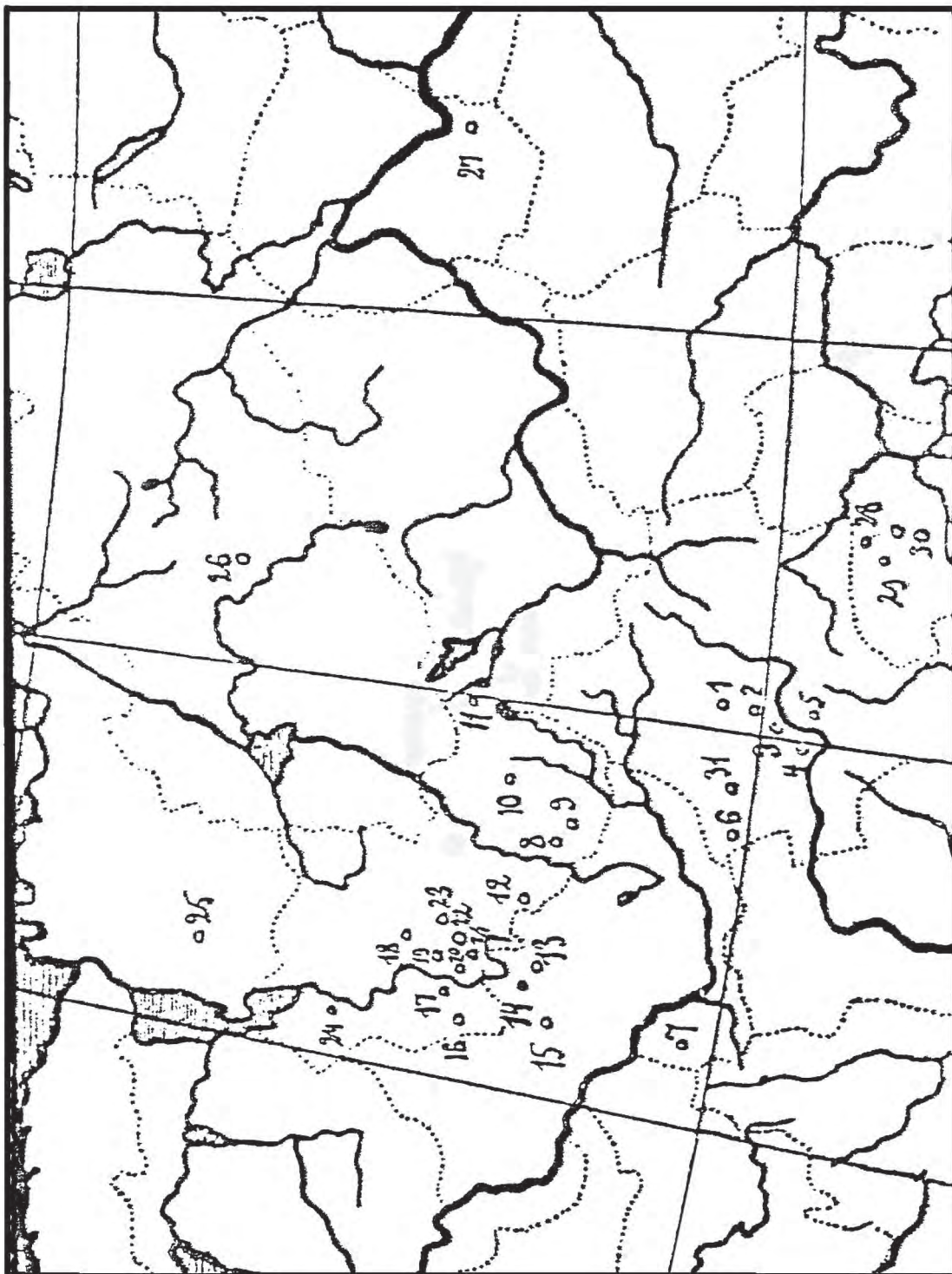

Рис. 2. Размещение длинных курганов (по: Сплицын, 1903а).

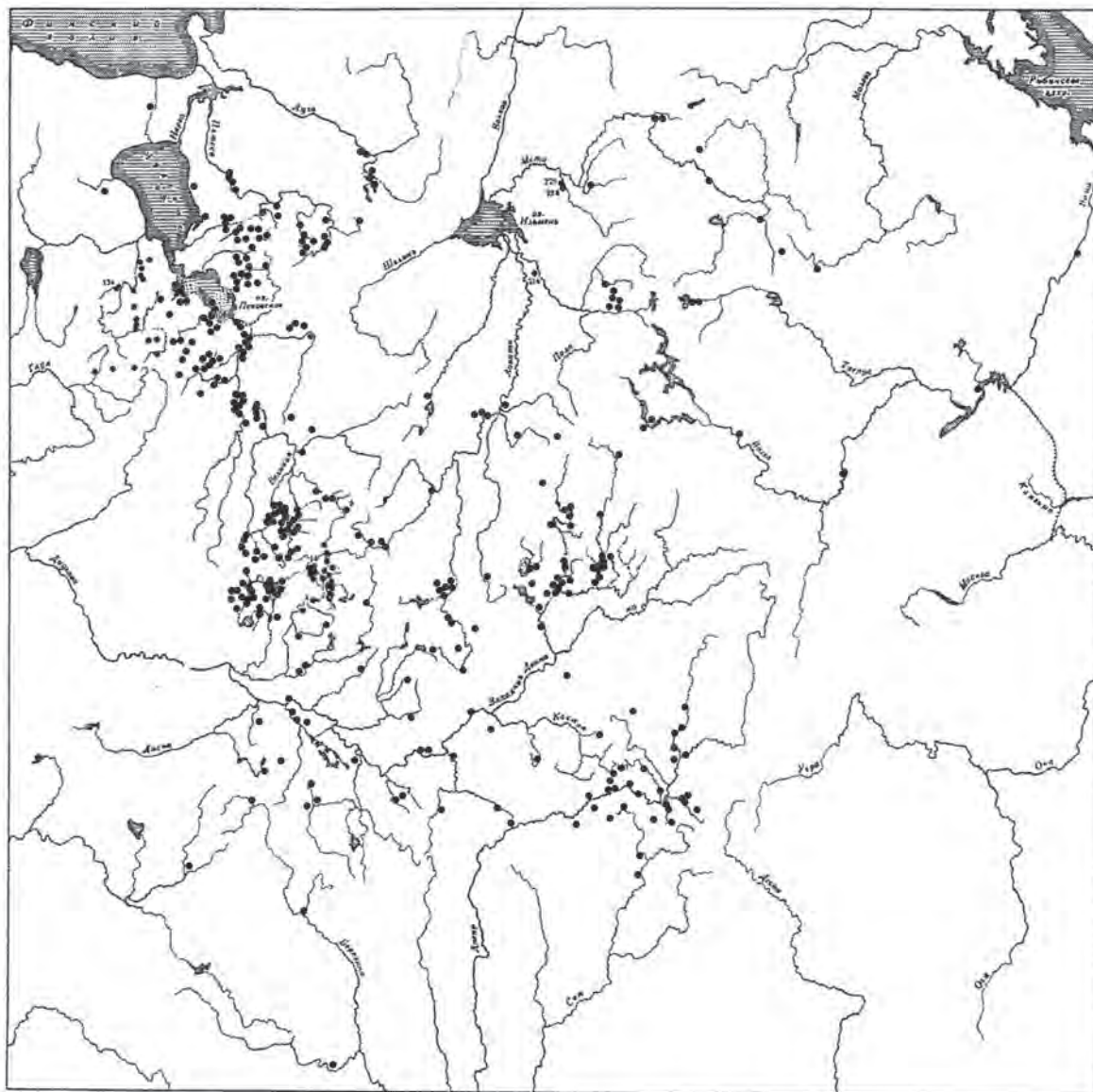

Рис. 3. Карта распространения длинных курганов (по: Седов, 1974).

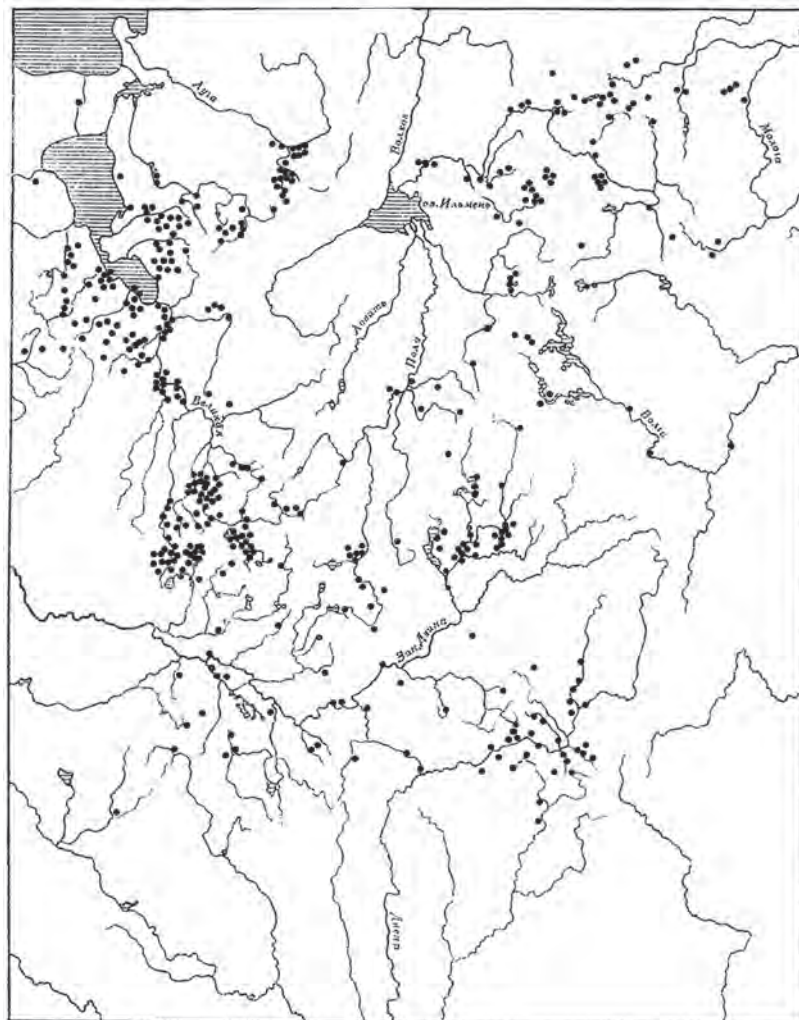

Рис. 4. Памятники культуры длинных курганов (по: Носов, 1981а).

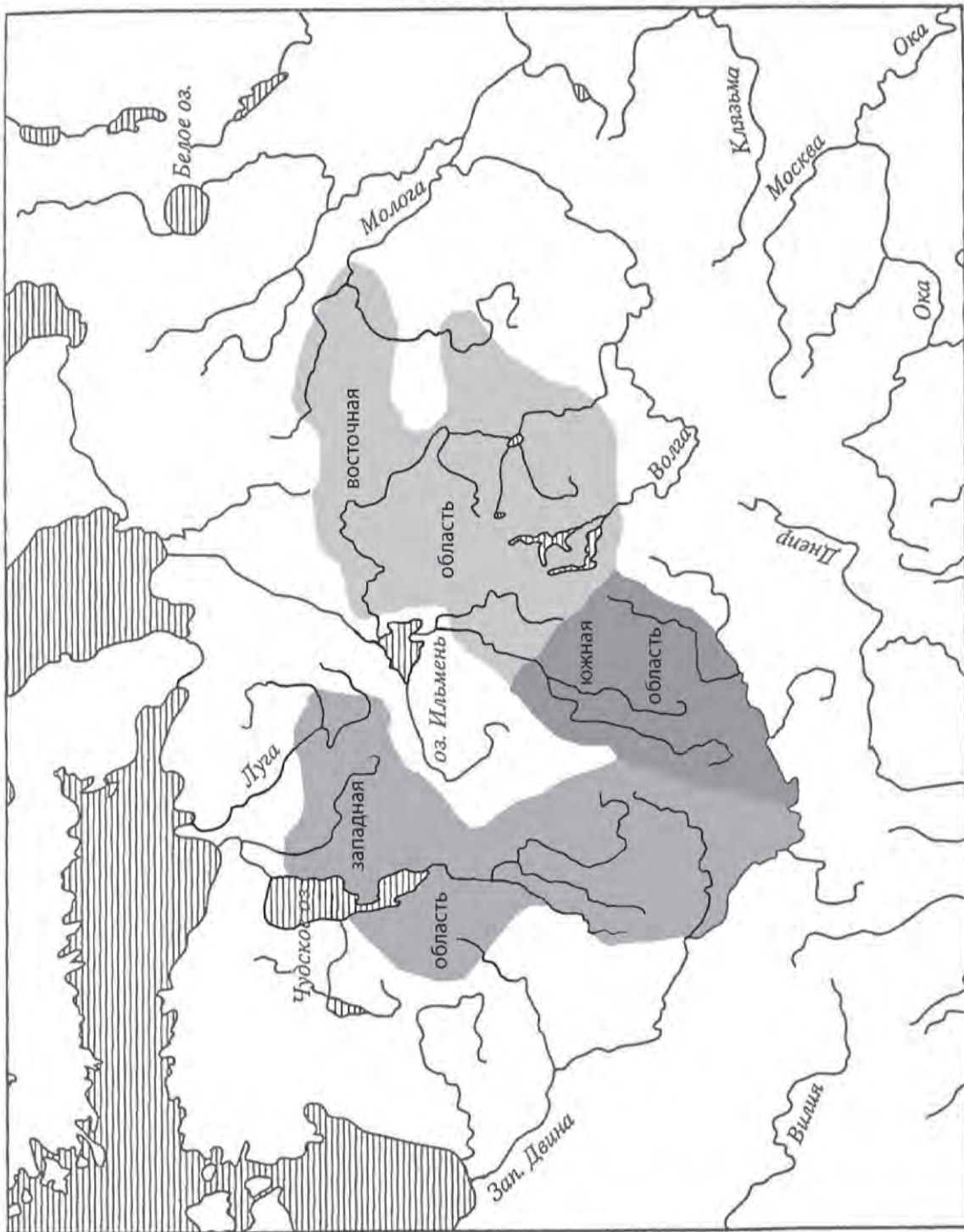

Рис. 5. Территориальные области культуры псковских длинных курганов (КПДК).

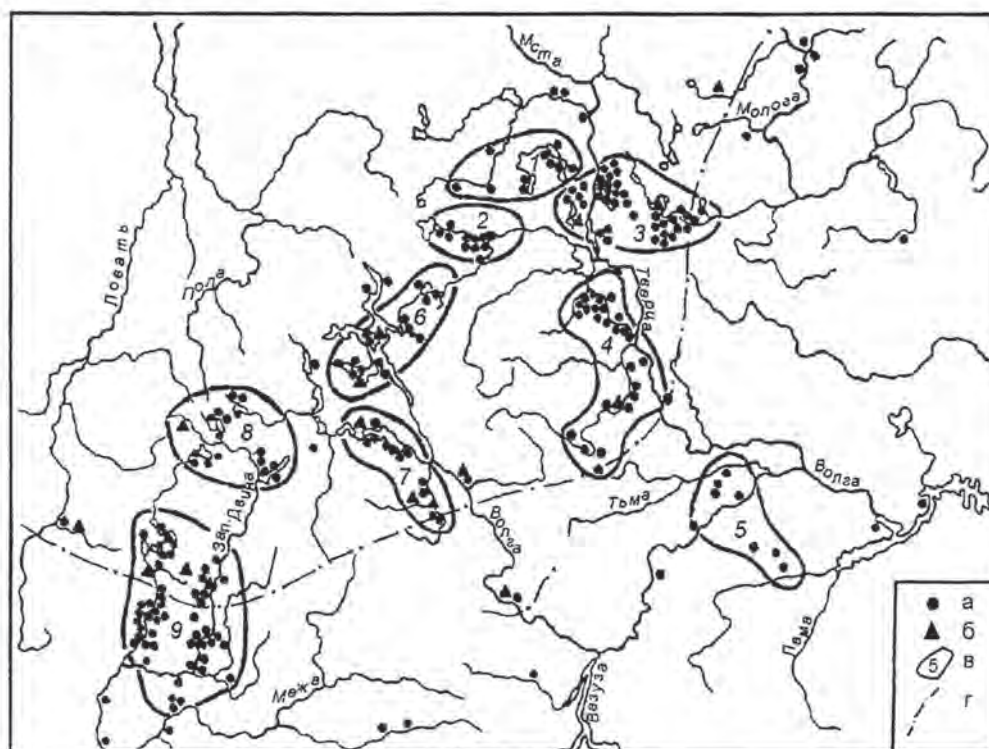

Рис. 6. Микрорегионы памятников культуры длинных курганов в Тверской области (по: Малыгин, 2007):
а – курганные могильники; б – высокие курганы в группах; в – регионы КДК (1 – 9); г – условная граница высоких насыпей культуры длинных курганов.

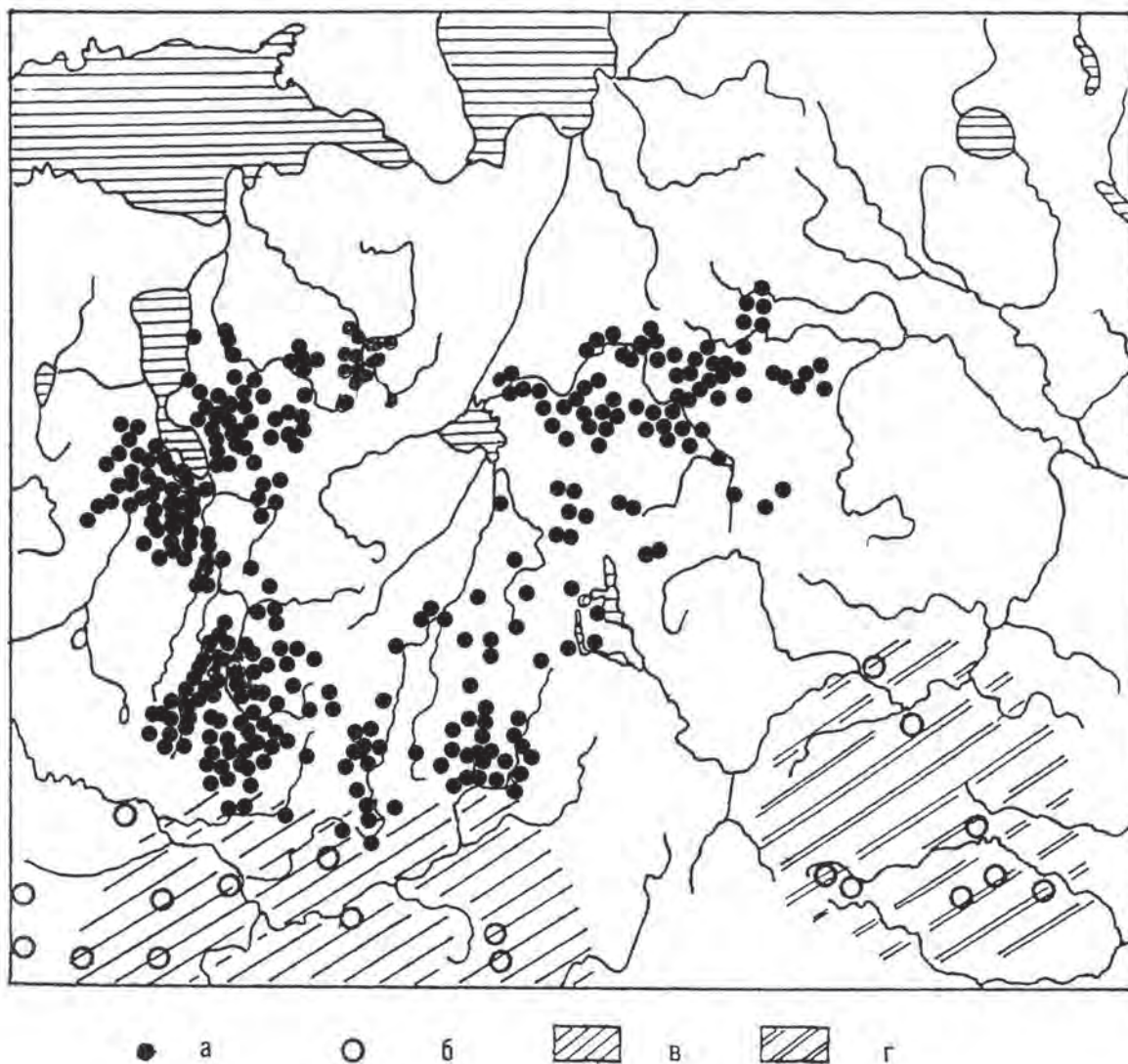

Рис. 7. Размещение памятников культуры псковских длинных курганов (по: Седов, 2002):
 а – могильники КПДК; б – места находок браслетообразных незамкнутых височных колец I тыс. н.э.;
 в – ареал тушемлинской культуры; г – ареал позднедьяковской культуры.

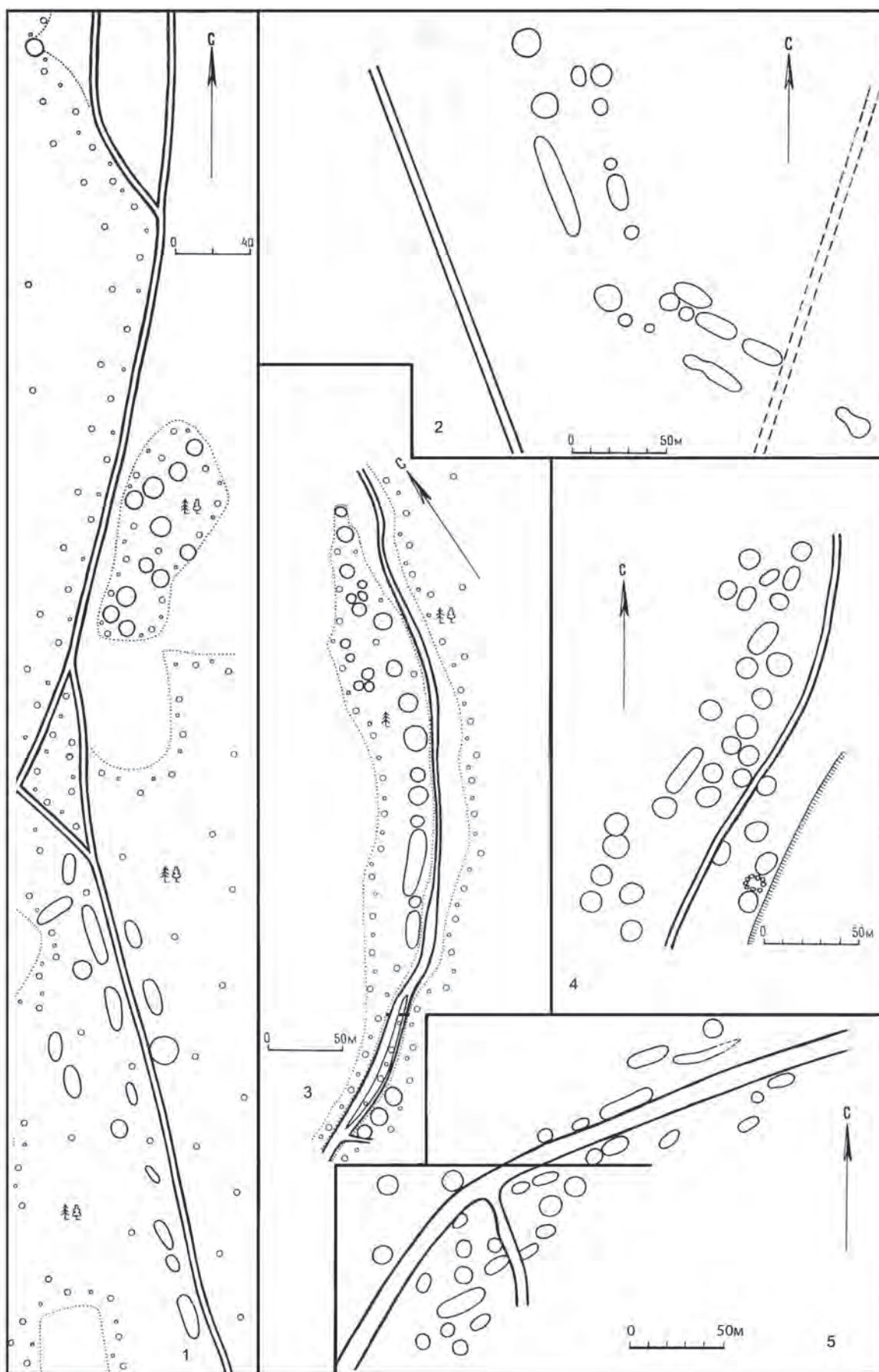

Рис. 8. . Ситуационные планы могильников (по: Седов, 1974):
 1 – Казиха; 2 – Арнико; 3 – Идрия; 4 – Лзги; 5 – Кяяпа.

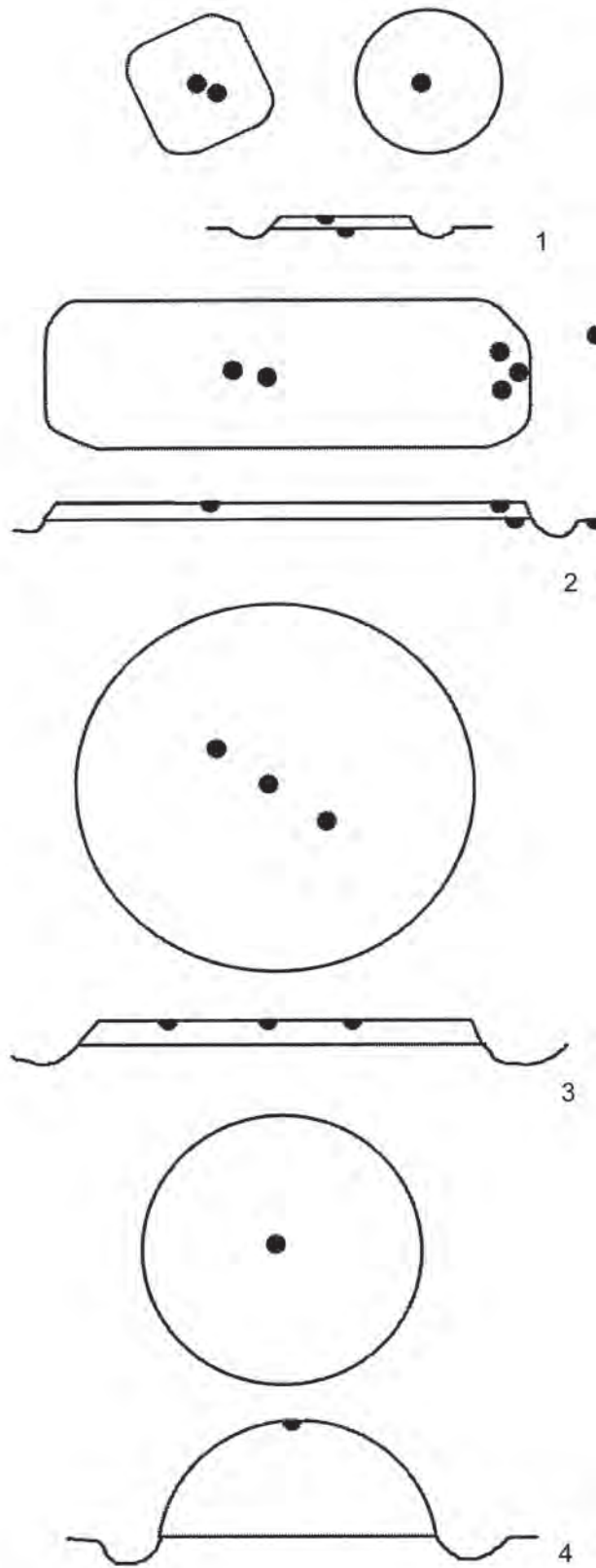

Рис. 9. Примеры расположения погребений в основных элементах насыпей КПДК
(по: Михайлова, 2009б):

- 1 – низкие плоские подквадратные насыпи; 2 – низкие плоские длинные насыпи;
3 – округлые плоские насыпи; 4 – высокие округлые насыпи.

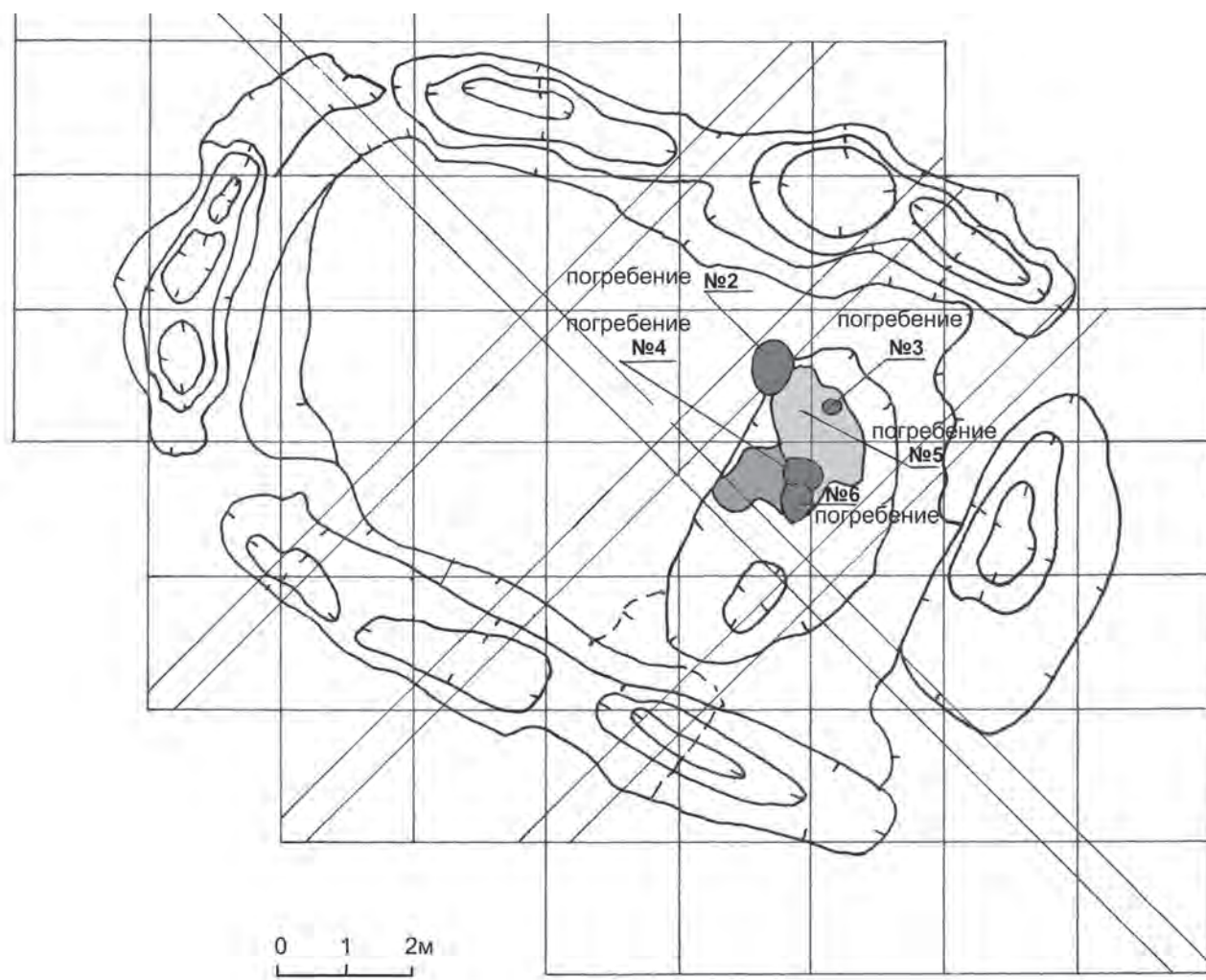

Рис. 10. Погребения в ровике кургана 3 могильника Гринево 1 (по: Черных и др., 2013).

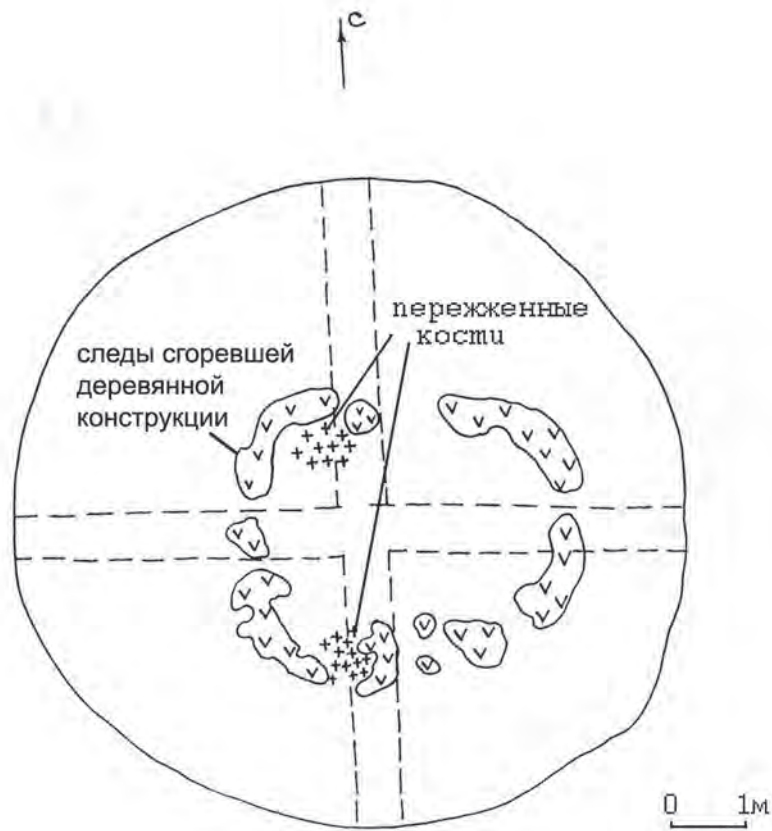

Рис. 11. Деревянная конструкция в кургане 28 могильника Шихино (по: Исланова, 2006).

Рис. 12. Деревянная конструкция в кургане 2 могильника Гринино 2 (по: Олейников, 2013).

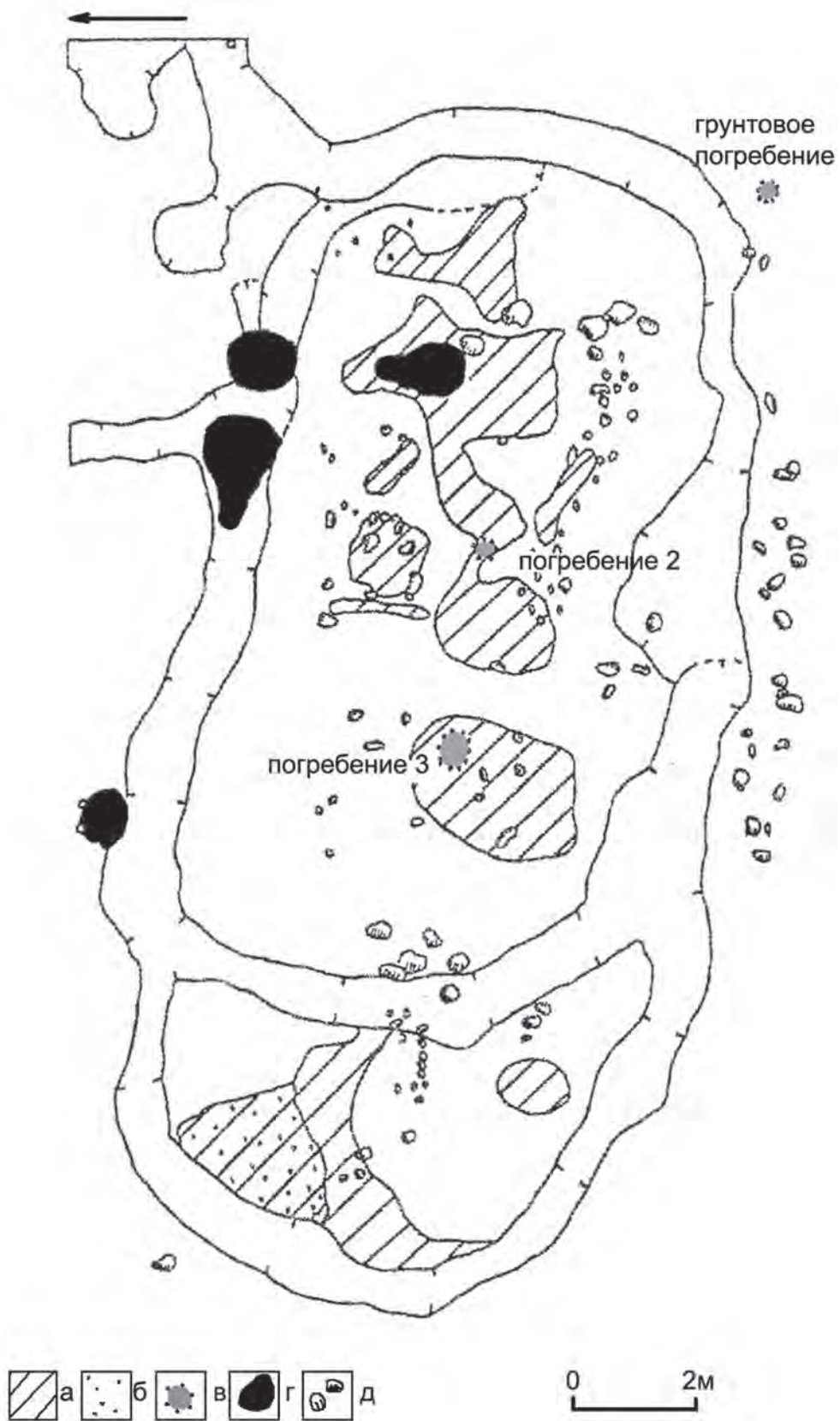

Рис. 13. Погребения в кургане и за его пределами могильника Подол на оз. Кафтино (по: Черных и др., 1998):
 а – серый золистый песок; б – желтый песок; в – погребения по обряду сожжения;
 г – черный углистый песок; д – камни.

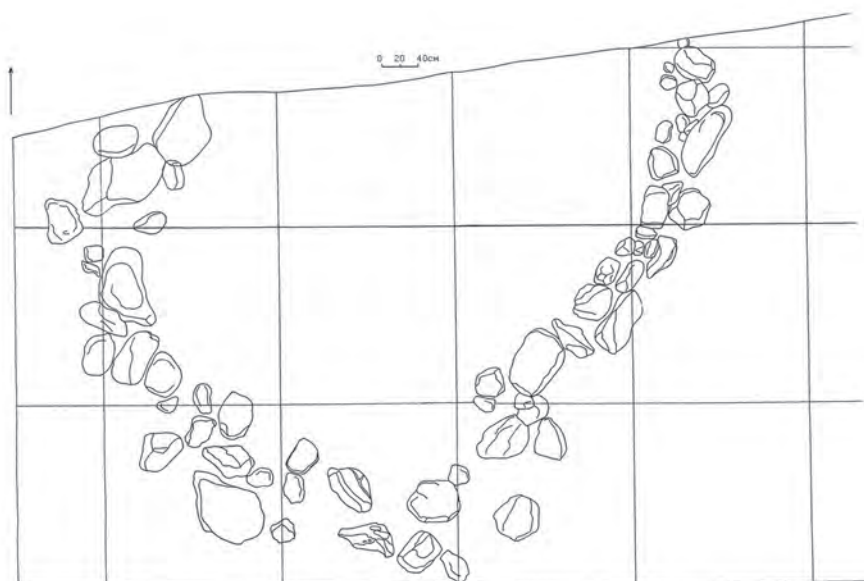

Рис. 14. Каменные конструкции в кургане 2 могильника Колобово 1 (по: Исланова, 2012).

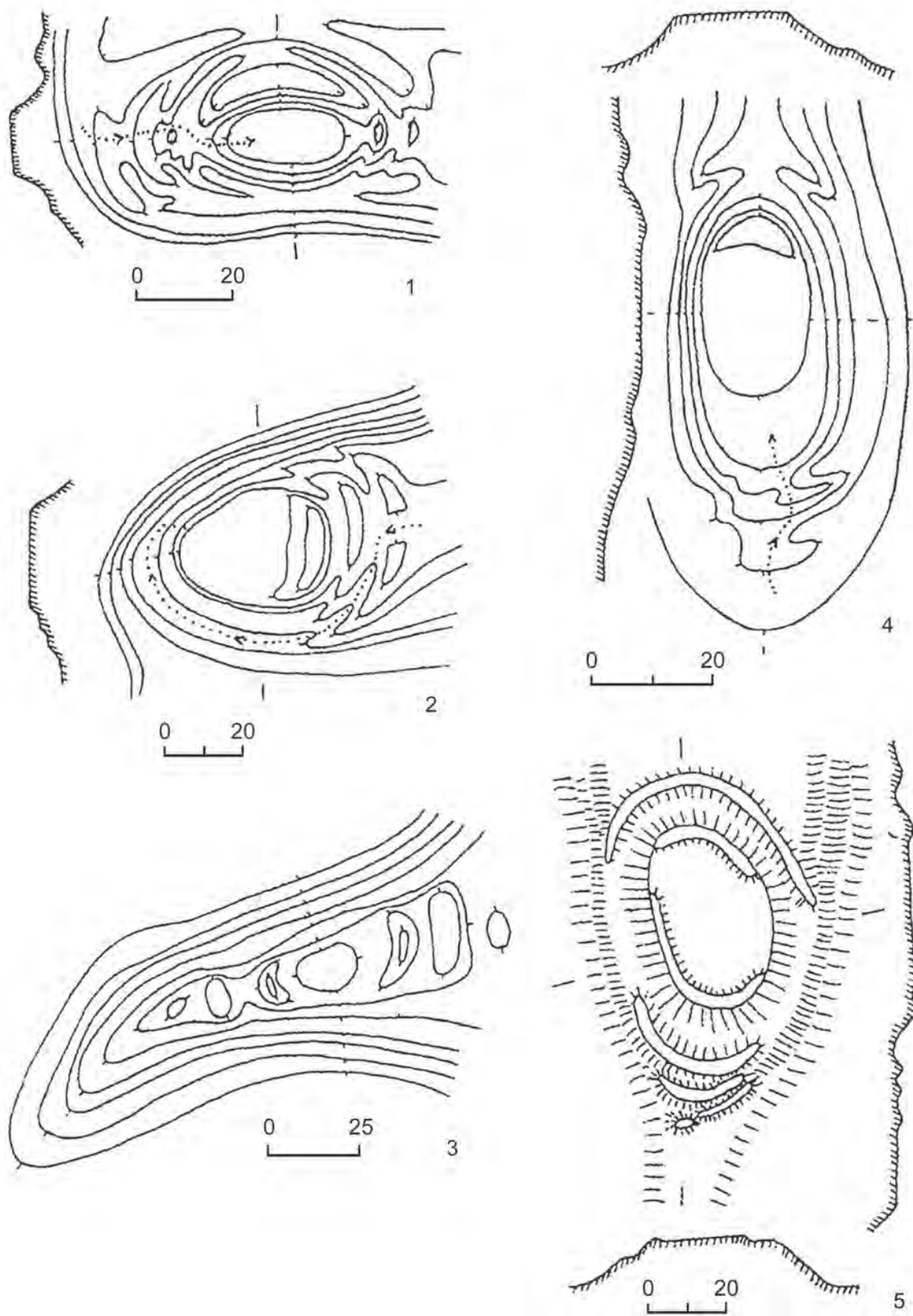

Рис. 15. Планы городищ КПДК второго типа (по: Фурасьев, 1994):
 1 – Новая Изоча, 2 – Щир, 3 – Люботежь, 4 – Заручевье, 5 – Турушино.

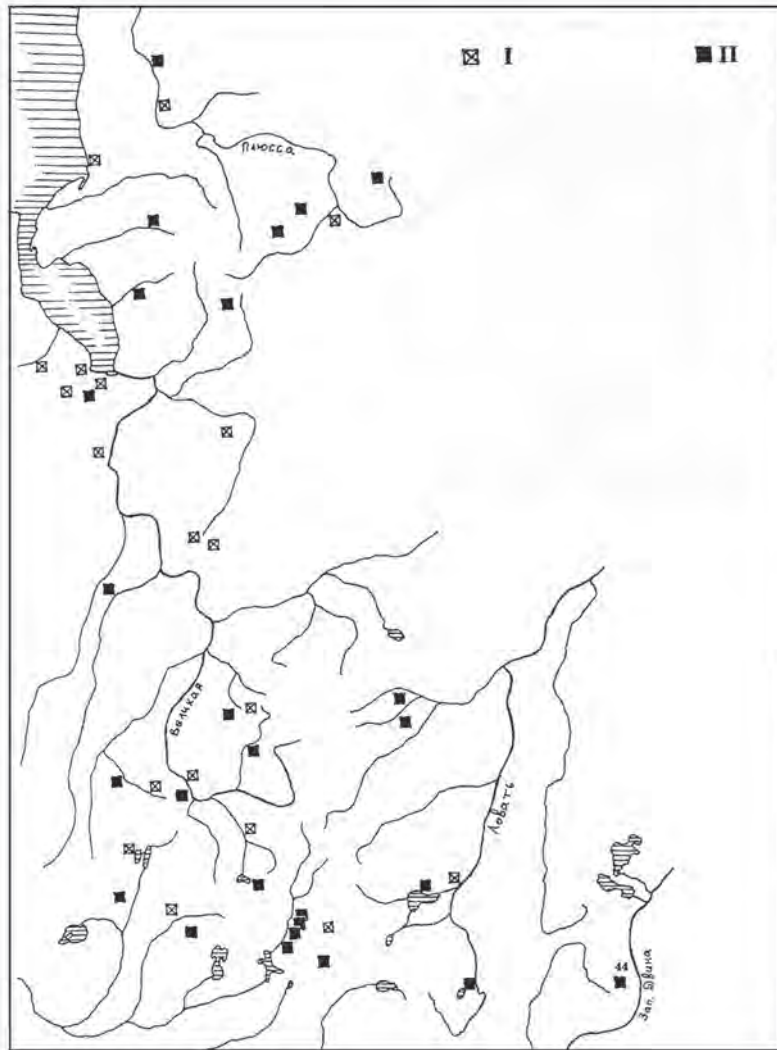

Рис. 16. Городища КПДК в бассейнах рек Великой, Плюсы, Ловати и Западной Двины (по: Фурасев, 1994):
 I – городища первого типа, II – городища второго типа.

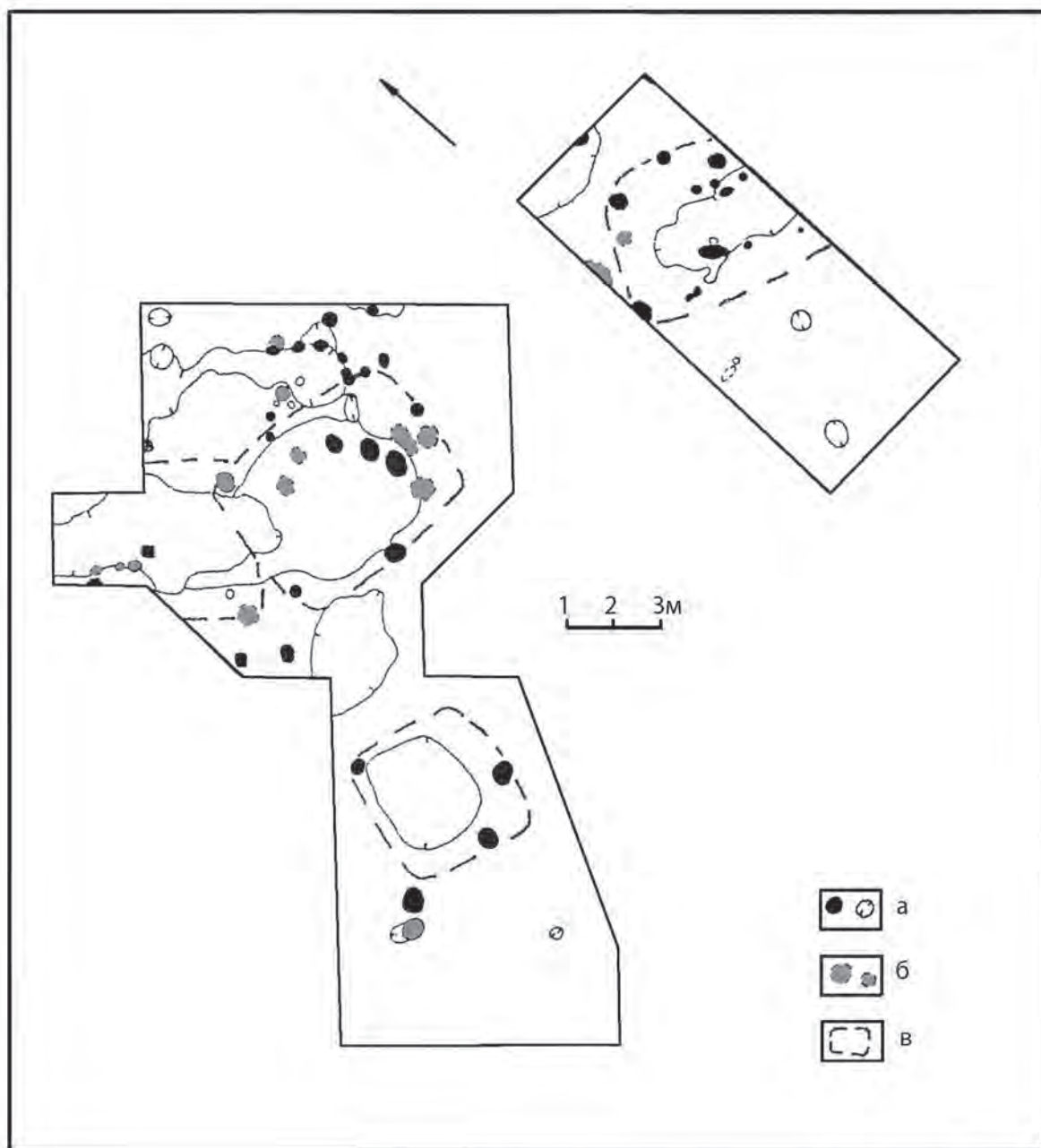

Рис. 17. Остатки наземных построек на селище Городок 1 на р. Шлине (по: Исланова, 2006): а – ямы в материке; б – пятна столбовых ям построек; в – примерные границы построек.

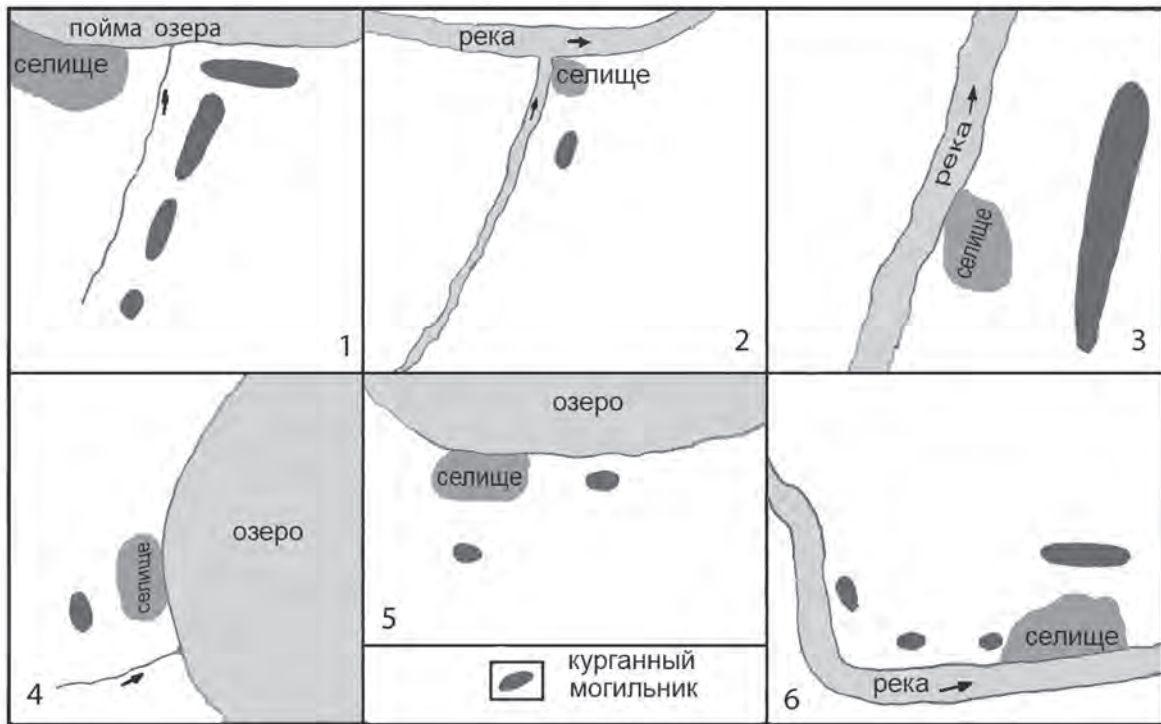

Рис. 18. Ситуационные планы размещения селищ и курганных могильников КПДЖ: 1 – Гарусово (Млёвский Бор); 2 – Устье; 3 – Кузнечиха; 4 – Богатково; 5 – Дубники; 6 – Карзово (по: Исланова, 2006).

Рис. 19. Памятники в бассейне р. Шлины (по: Буров, 1993)
а – селище; б – городище; в – одиночный круглый курган, г – курганный могильник;
д – одиночный длинный курган.

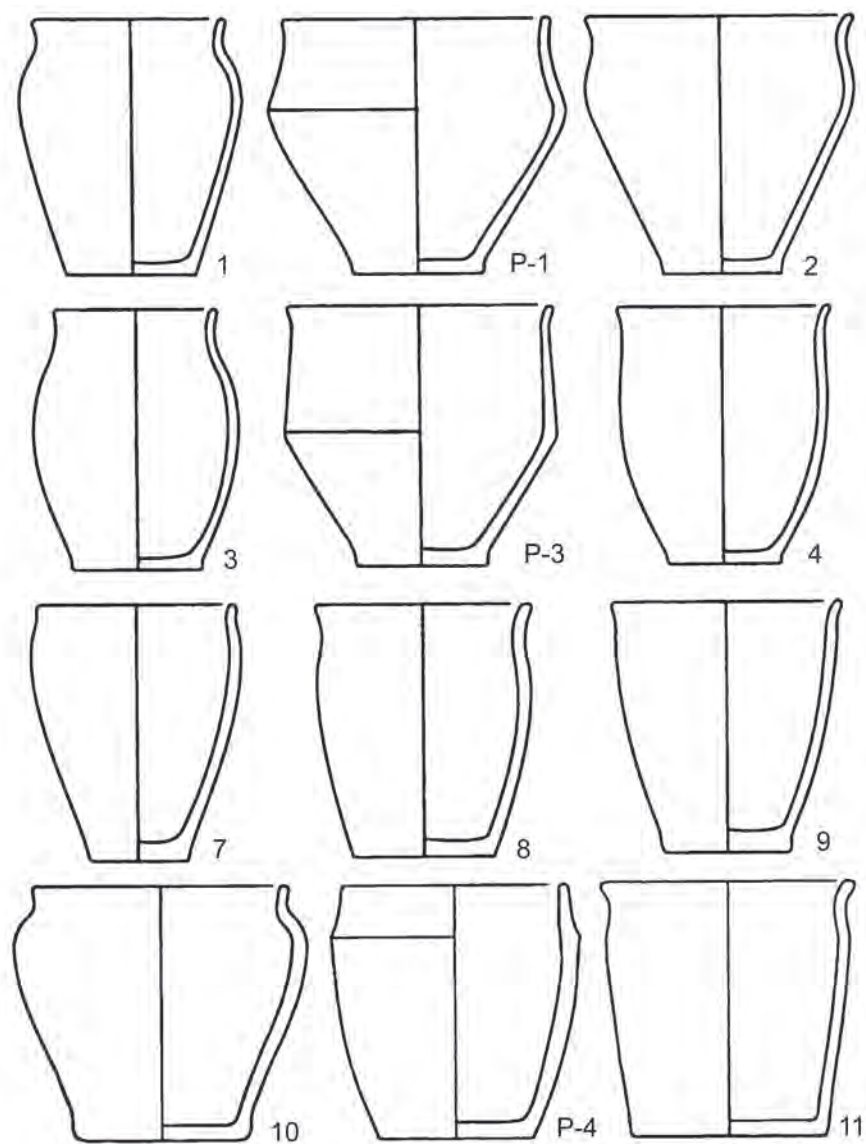

Рис. 20. Типология сосудов Северо-Запада Русской равнины V-VIII вв. (по: Лопатин, 2003).

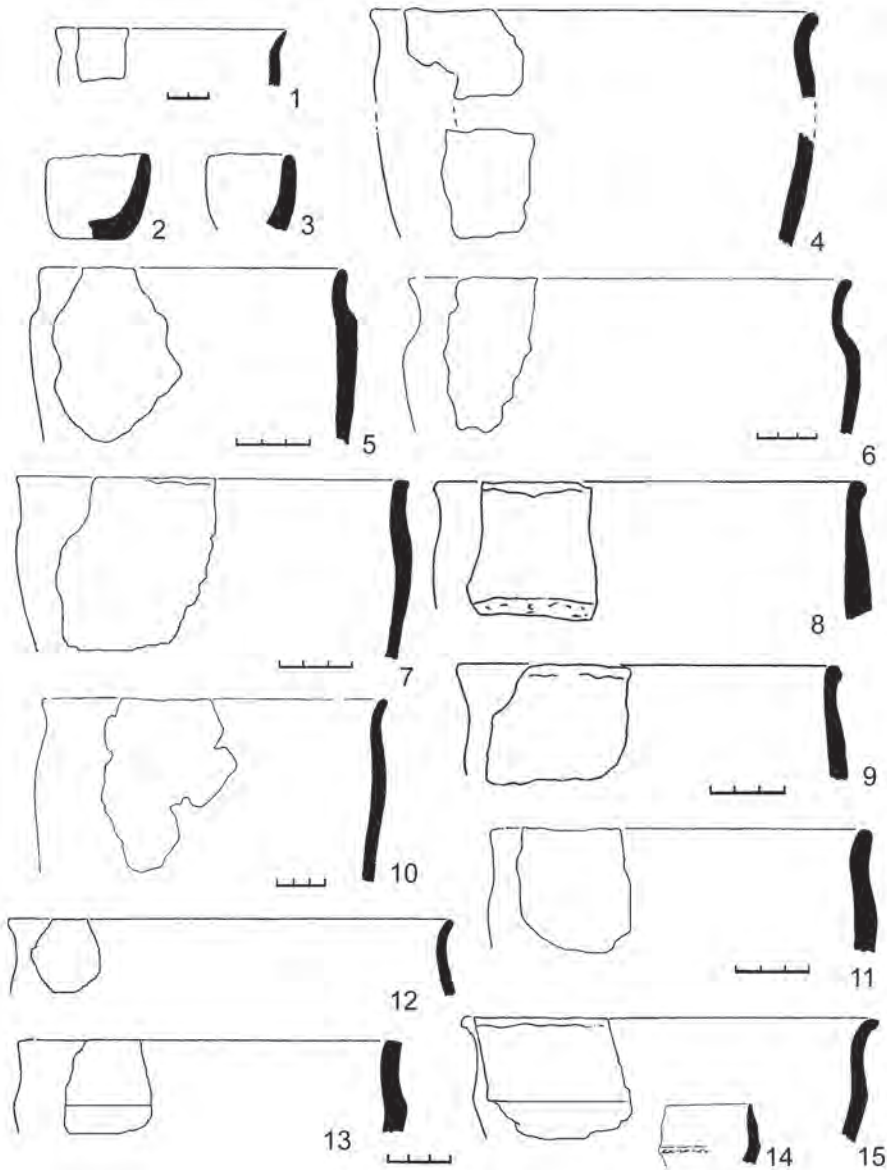

Рис. 21. Керамика селища Городок 1 (по: Исланова, 2006):
 1-3, 12 – фрагменты сосудов «местных форм»; 4, 11 – тип 7;
 5, 10 – типы 8 и 9; 6 – тип 10; 7 – фрагменты сосудов с «акцентированным» плечом;
 8, 9 – тип 11; 13-15 – фрагменты ребристых сосудов.

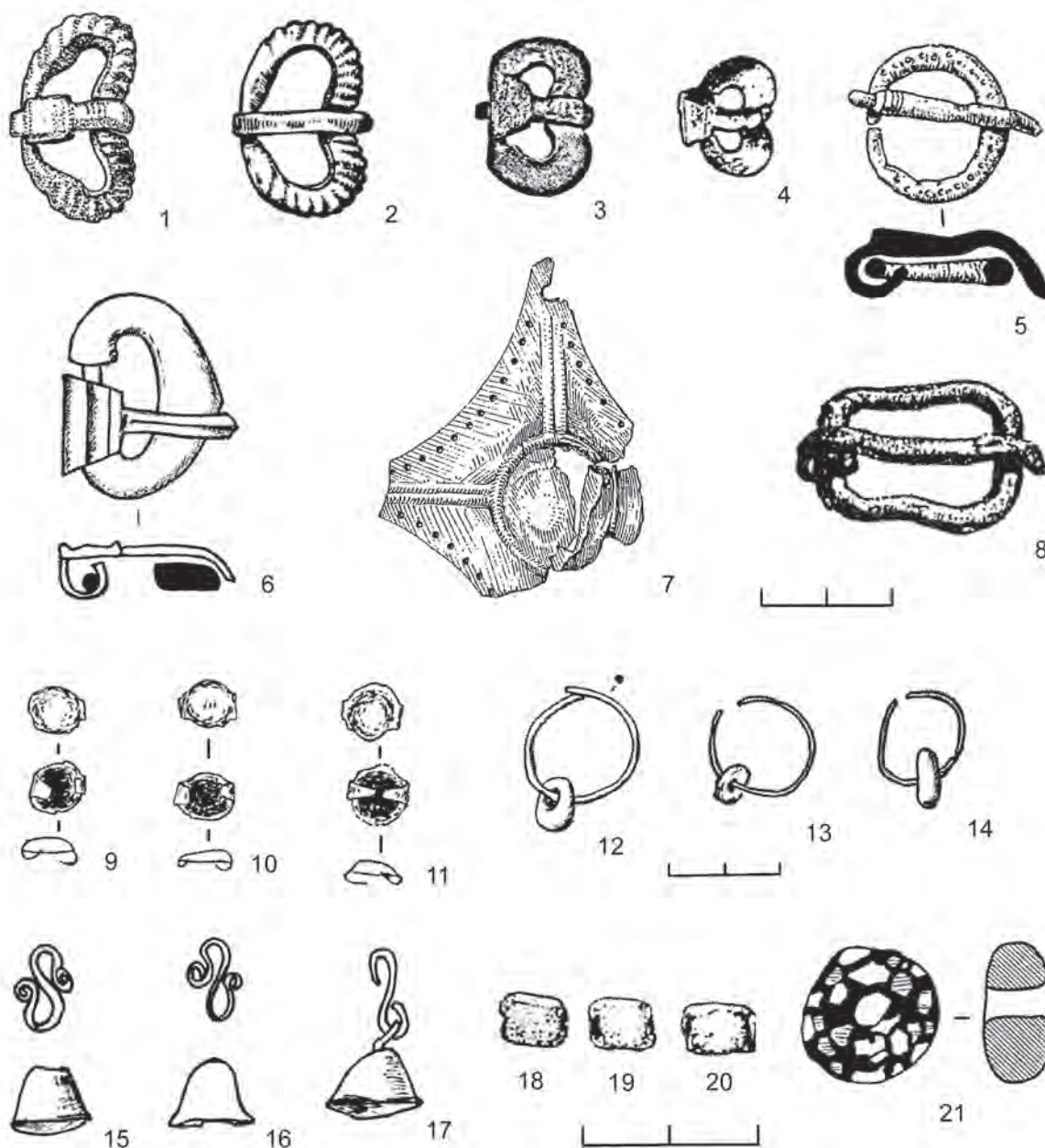

Рис. 22. Вещевой инвентарь КПДК:

1-6, 8 пряжки; 7 – бляха; 9-11 – бляшки-скорлупки; 12-14 – бусы, напущенные на проволочные колечки; 15-17 – привески-колокольчики; 18-21 – бусы.

1, 8 – железо; 1-7, 9-11, 15-17 – цветной металл; 12-14 – стекло и цветной металл; 18-21 – стекло.

1 – Линдора 1, к. 9; 2 – Полибино 1, к. 21, п. 1; 3 – Бор к. 2; 4 – Липицы к. 11, п. 1;
5 – Полибино 1, к. 2; 6 – Рысна-Сааре II, к. 6, п. 3; 7 – Гринино 1, к. 3, п. 2; 8 – Пуйга 1, к. 20, п. 1;

9-11 – Горско; 12 – Березницы 1, к. 8, п. 8; 13 – Березно 1, к. 5; 14 – Рысна-Сааре II, к. 5, п. 3;

15-17 – Рысна-Сааре I, к. 1, п. 8; 18-20 – Левоча-Кабожа к. 12, п. 4; 21 – Съезжье п. 7.

Сокращения в подписях к этому и др. рис.: к. – курган, п. – погребение.

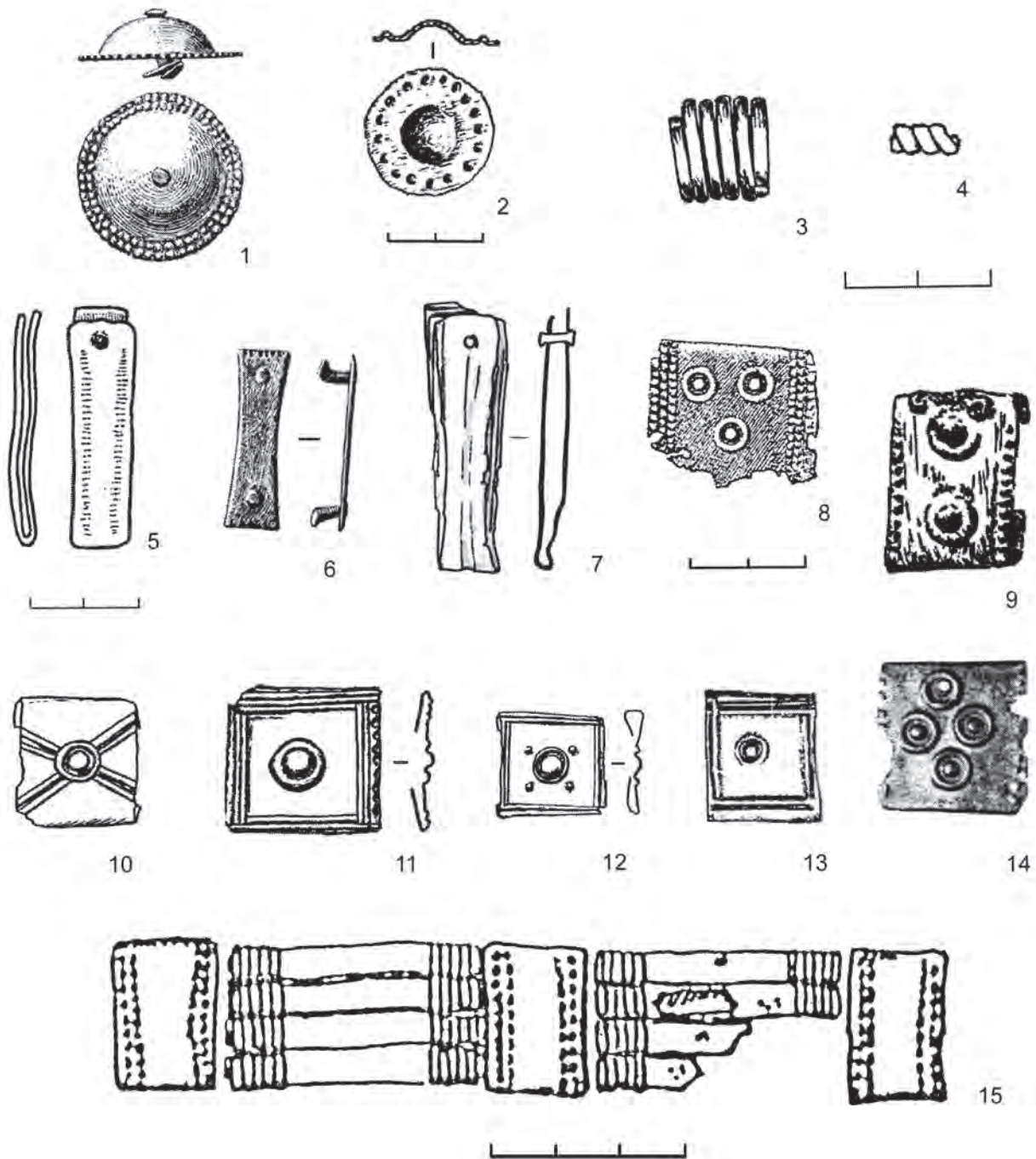

Рис. 23. Вещевой инвентарь КПДК из цветного металла:

1 – бляха на заклепке; 2 – умбовидная бляшка; 3, 4 – спиральки; 5, 7 – пластинчатые обоймы; 6 – накладка; 8–14 – бляшки-обоймицы; 15 – фрагмент венчика-вайнаги из бляшек-обоймиц и пронизок.
 1 – Березовский Рядок к. 5, п. 1; 2 – Потерпелицы 1, к. 5; 3 – Обинитса к. 6; 4 – Потерпелицы 1 к. 10, п. 13; 5 – Атоки к. 1; 6 – Березовский Рядок к. 5, п. 5; 7 – Рысна-Сааре 1 к. 8, п. 9; 8 – Ладыгинский Бор к. 4; 9 – Плёсо 2, к. 4, п. 3; 10 – Березно 1, к. 6, п. 1; 11 – Березно 1, к. 18, п. 1; 12 – Репьи п. 6; 13 – Стёпаново 3, к. 28, п. 1; 14 – селище Городок 1; 15 – Шихино к. 1.

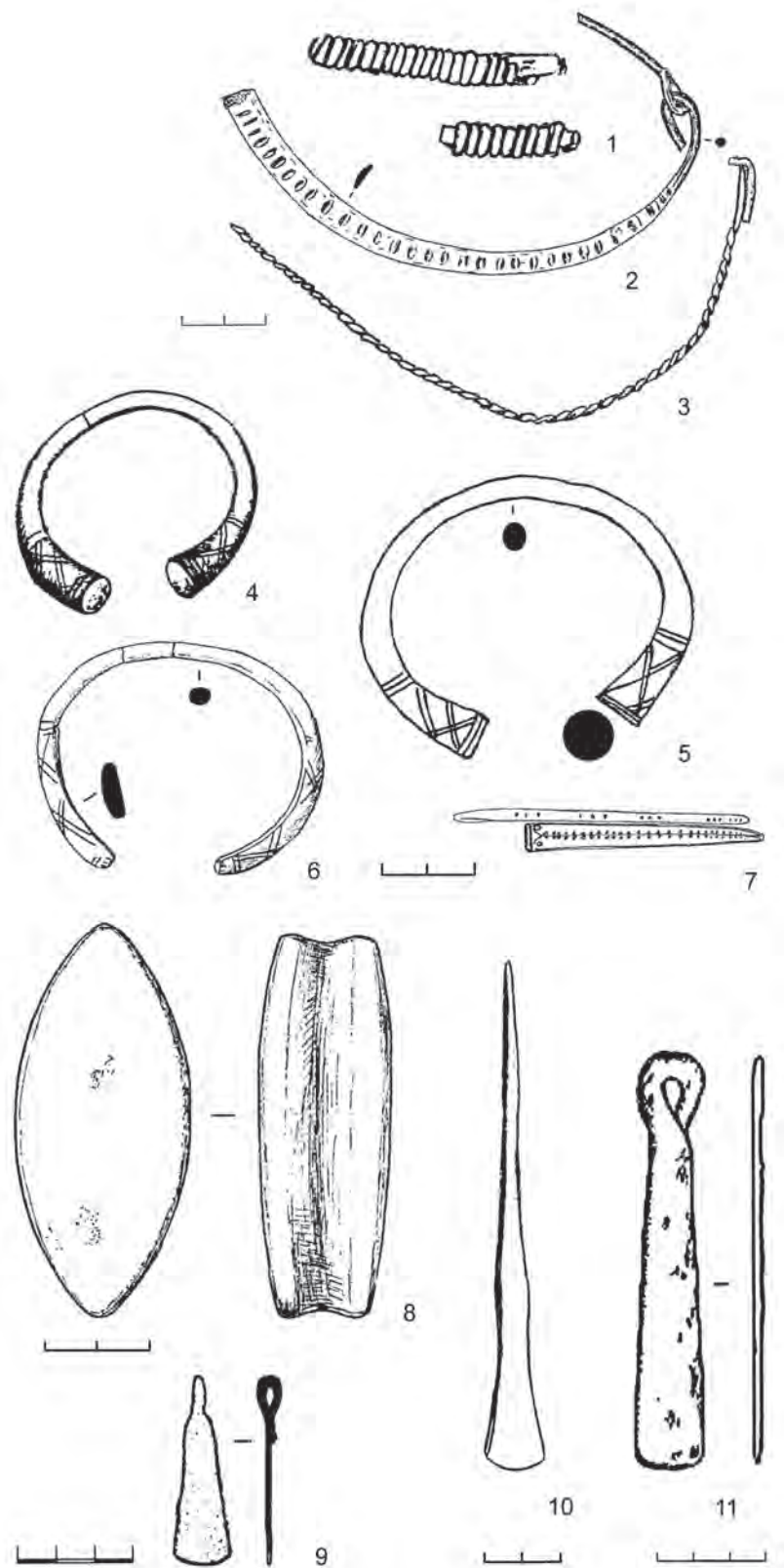

Рис. 24. Вещевой инвентарь КПДК:

1-3 – обломки гривен; 4-7 – браслеты; 8-11 – кресала.

1 – железный дрот, обмотанный проволокой из цветного металла; 2-7 – цветной металл; 8 – камень; 9-11 – железо.

1 – Шихино к. 1; 2 – Городки к. 13, п. 3; 3 – Шихино к. 30, п. 3; 4 – Любахин 1, к. 4, п. 1;

5 – Обрынь к. 6; 6 – Репь п. 6; 7 – Володи к. 2, п. 4; 8 – Березно 1, к. 4, п. 2;

9 – Шихинок к. 25, п. 1; 10 – Шихино к. 25, п. 3; 11 – Потерпелицы III грунтовое погребение 1.

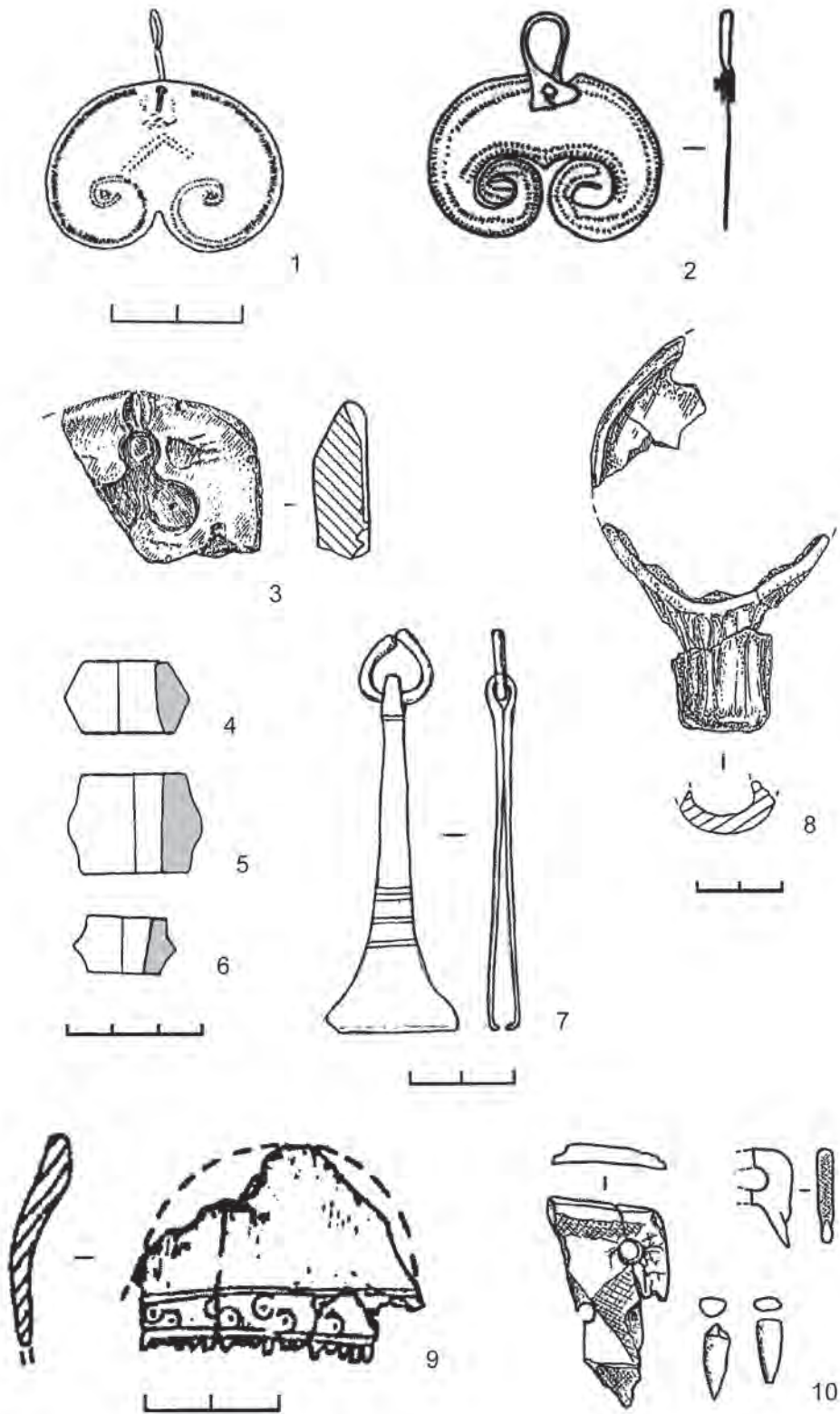

Рис. 25. Вещевой инвентарь КПДК:

1, 2 – подвески-лунницы; 3 – литейная формочка; 4–6 пряслица,
7 – пинцет; 8 – фрагменты льячки; 9, 10 – фрагменты гребней.

1, 2, 7 – цветной металл; 3-6, 8 – глина; 9 – рог; 10 – кость.

1 – Горско; 2 – Рысна-Сааре II, к. 2, п. 4; 3 – селище Городок 1; 4-6 – селище Городок 1;
7 – Рысна-Сааре II, к. 6, п. 1; 8 – Подол 1, п. 1; 9 – Подол 1, к.1, п.3; 10 – Атоки к. 1.

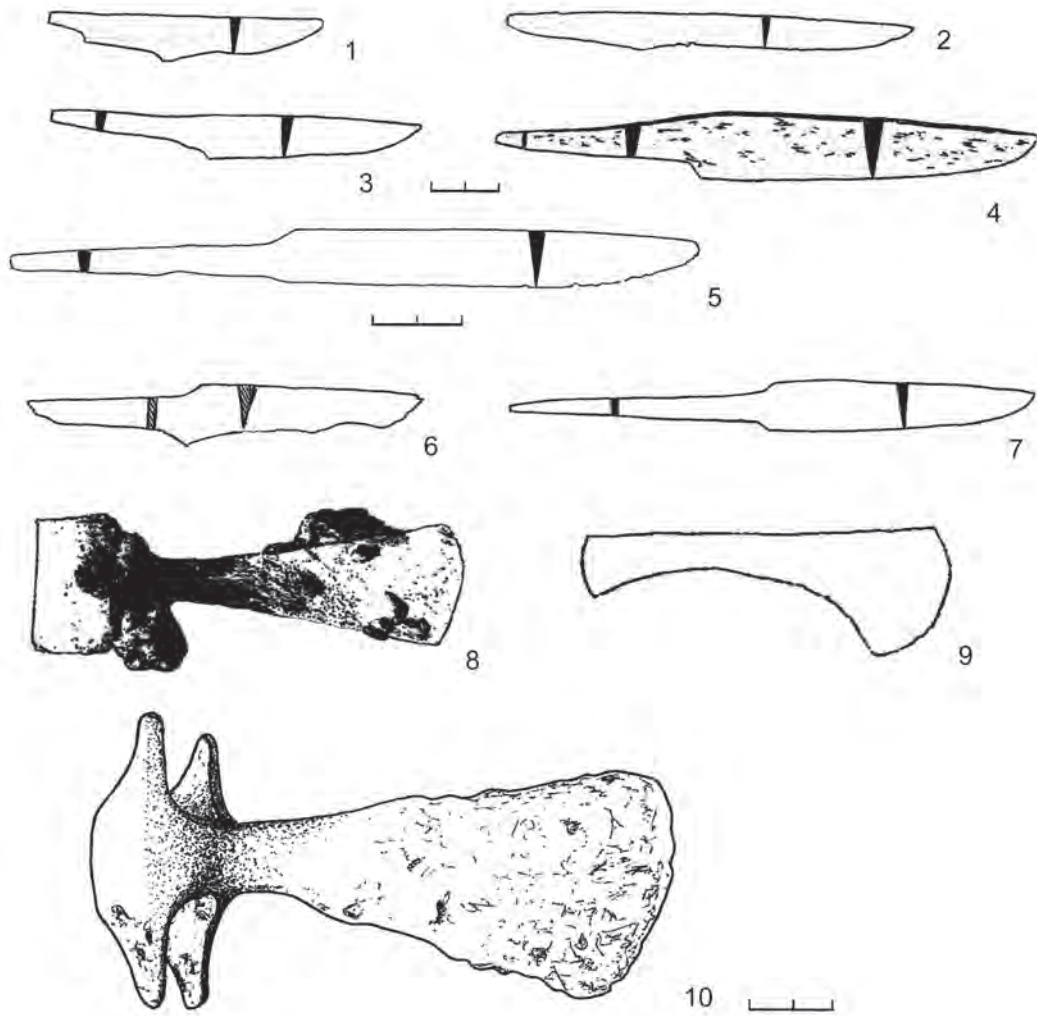

Рис. 26. Вещевой инвентарь КПДК из железа:
1-7 – ножи; 8-10 – топоры.

1 – Которск XII к. 1, п. 16; 2 – Плесо II, к. 4, п. 4; 3 – Которск XII, к. 6, п. 3; 4 – Любахин I, к. 6, п. 1;
5 – Городня к 19 п. 1; 6 – Которск IV к 1 п. 2; 7 – Которск XII к. 1 п. 1; 8 – Стёпаново III к. 23 п. 2;
9 – Чагода I, к. 2; 10 – Плесо III, к. 4, п. 4.

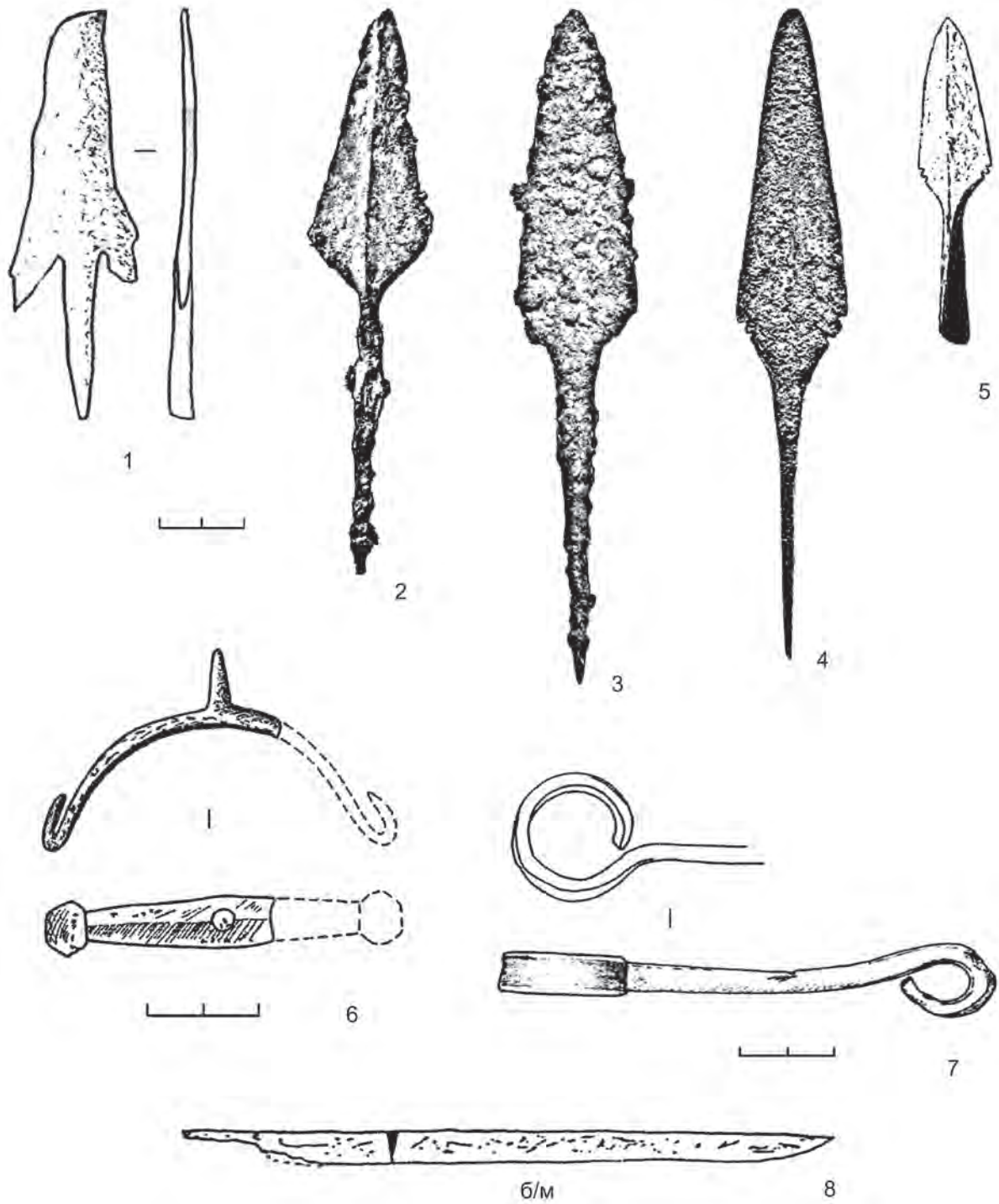

Рис. 27. Вещевой инвентарь КПДК из железа:

1-5 – наконечники стрел; 6 – стремя; 7 – фрагмент удил; 8 – однолезвийный меч.

1 – Векошане к. 2; 2 – Сторожинец к. 2; 3 – Сторожинец к. 25; 4 – Рышево к. 2, п. 5; 5 – Каменка к. 3, п. 2; 6 – Дорохи IV, к. 1, п. 1; 7 – Жеребятино к. 1, п. 1; 8 – Куреваниха III.

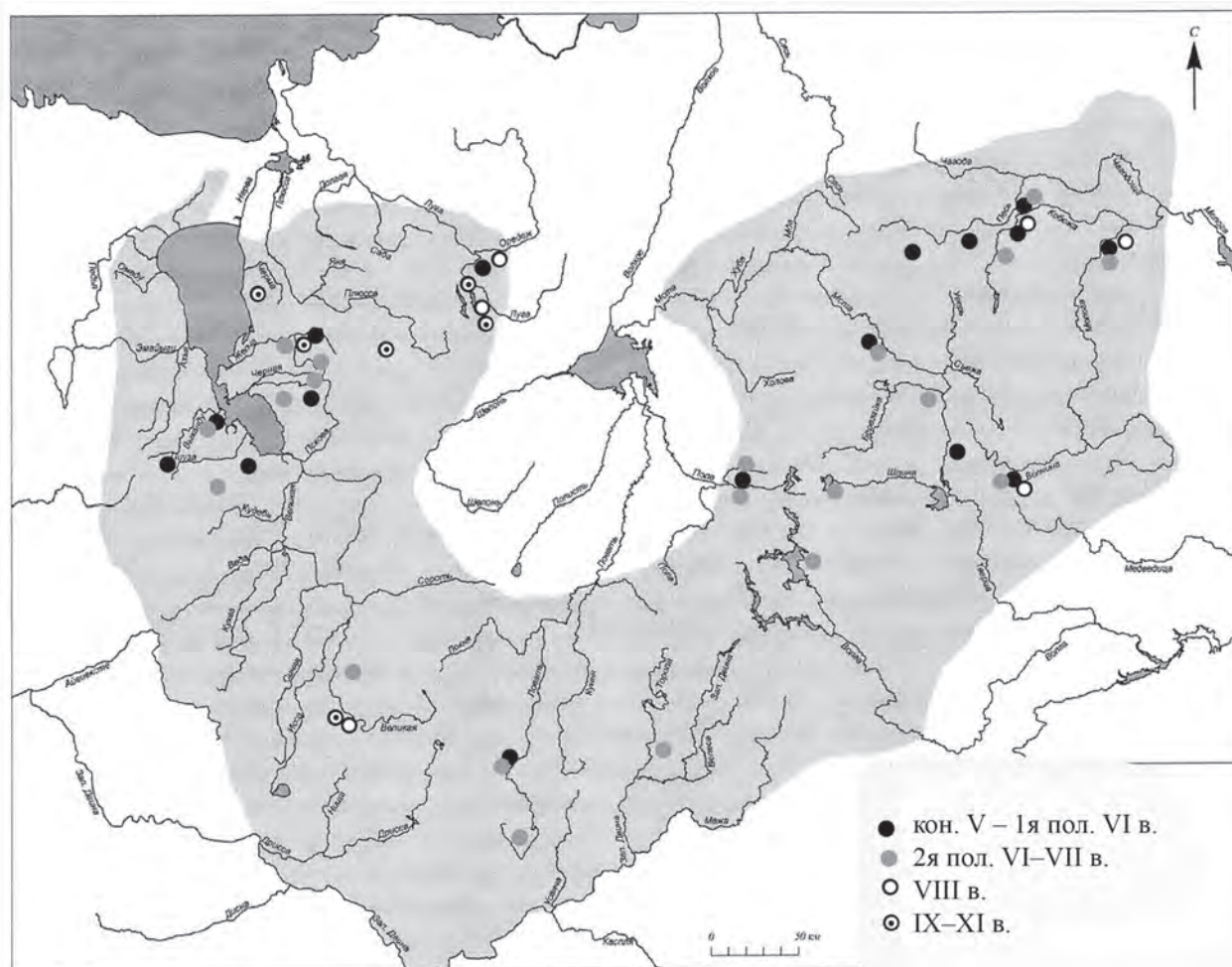

Рис. 28. Периодизация погребальных объектов КПДК (по материалам Е.Р. Михайловой).

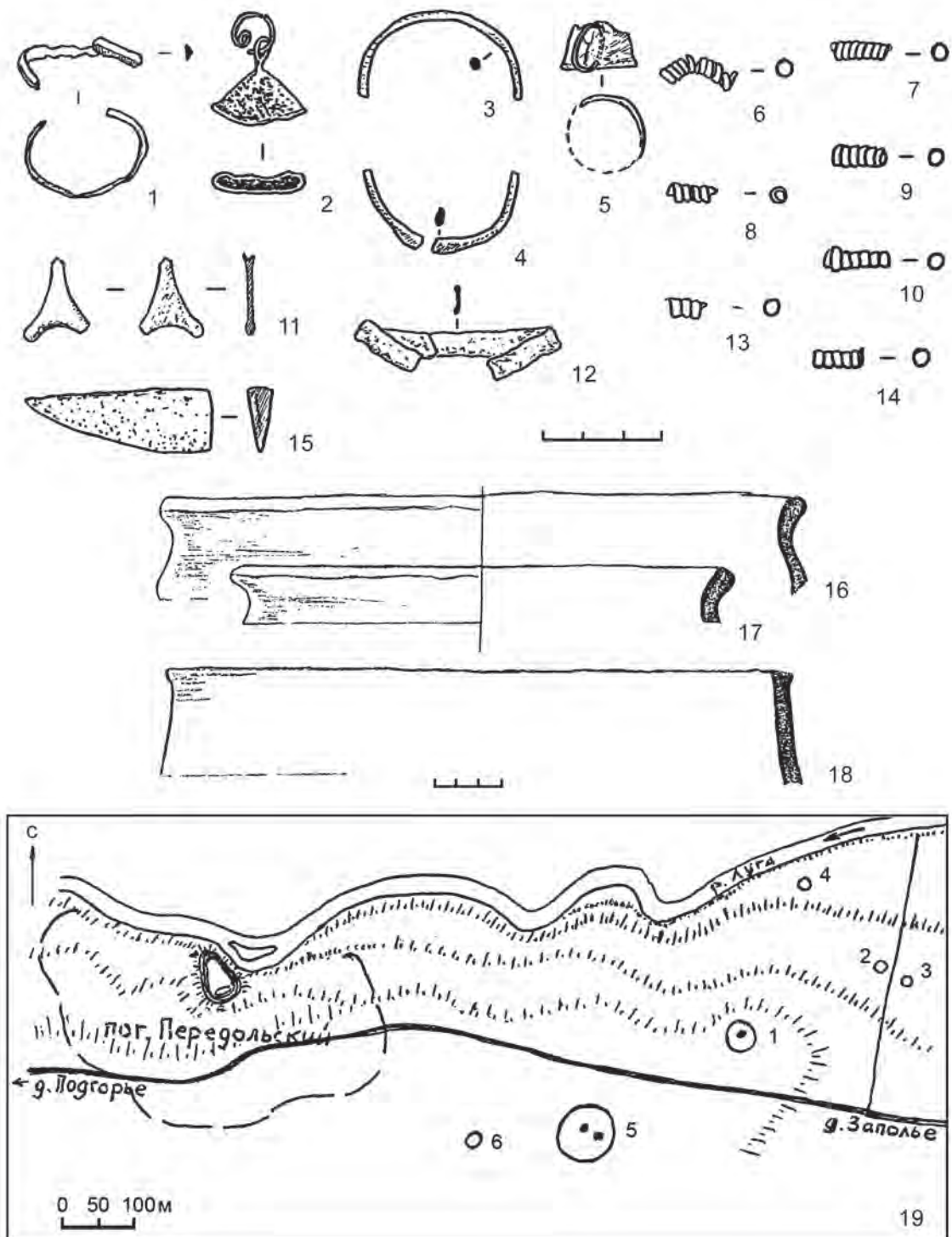

Рис. 30. Археологический комплекс Заполье (по: Платонова, 1995):

- 1, 2, 11, 15-18 – находки из культурного слоя раннесредневекового селища (под сопкой 4);
 3-10, 12-14 – находки из грунтового могильника; 19 – ситуационный план комплекса памятников.
 1, 3, 4, 12 – фрагменты спиральных украшений; 2 – колокольчик; 5 – фрагмент колокольчика;
 6-10, 13, 14 – спиральки; 11 – фрагмент подвески; 15 – обломок лезвия ножа;
 16-18 – лепная керамика.
 1-14 – цветной металл; 15 – железо.

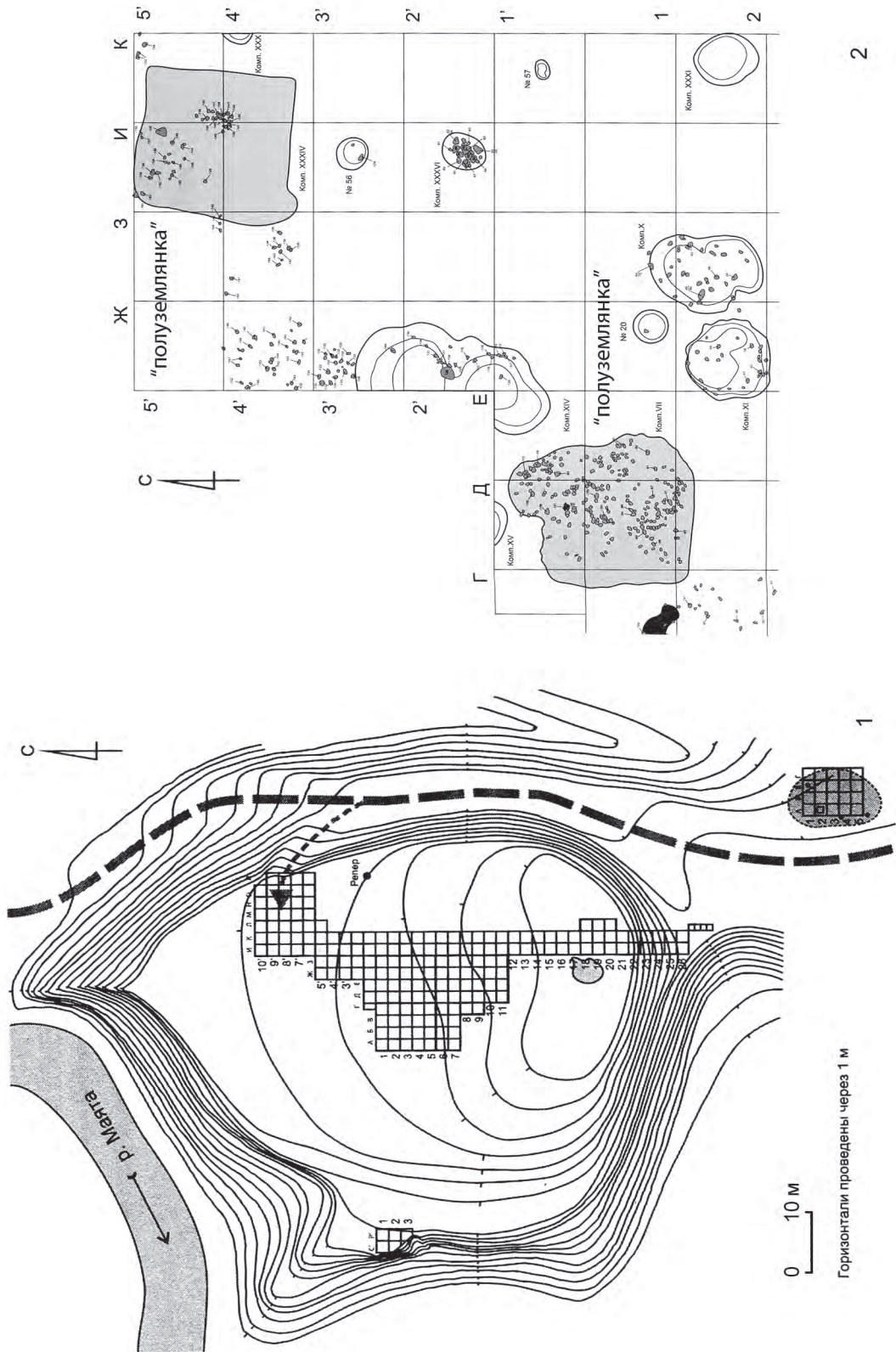

Рис. 31. Ильменская группа (по: Еремеев, Дзюба, 2010):
 1 — городище и селище Городок на Маяте; 2 — остатки строений с условным названием полуземлянки на городище.

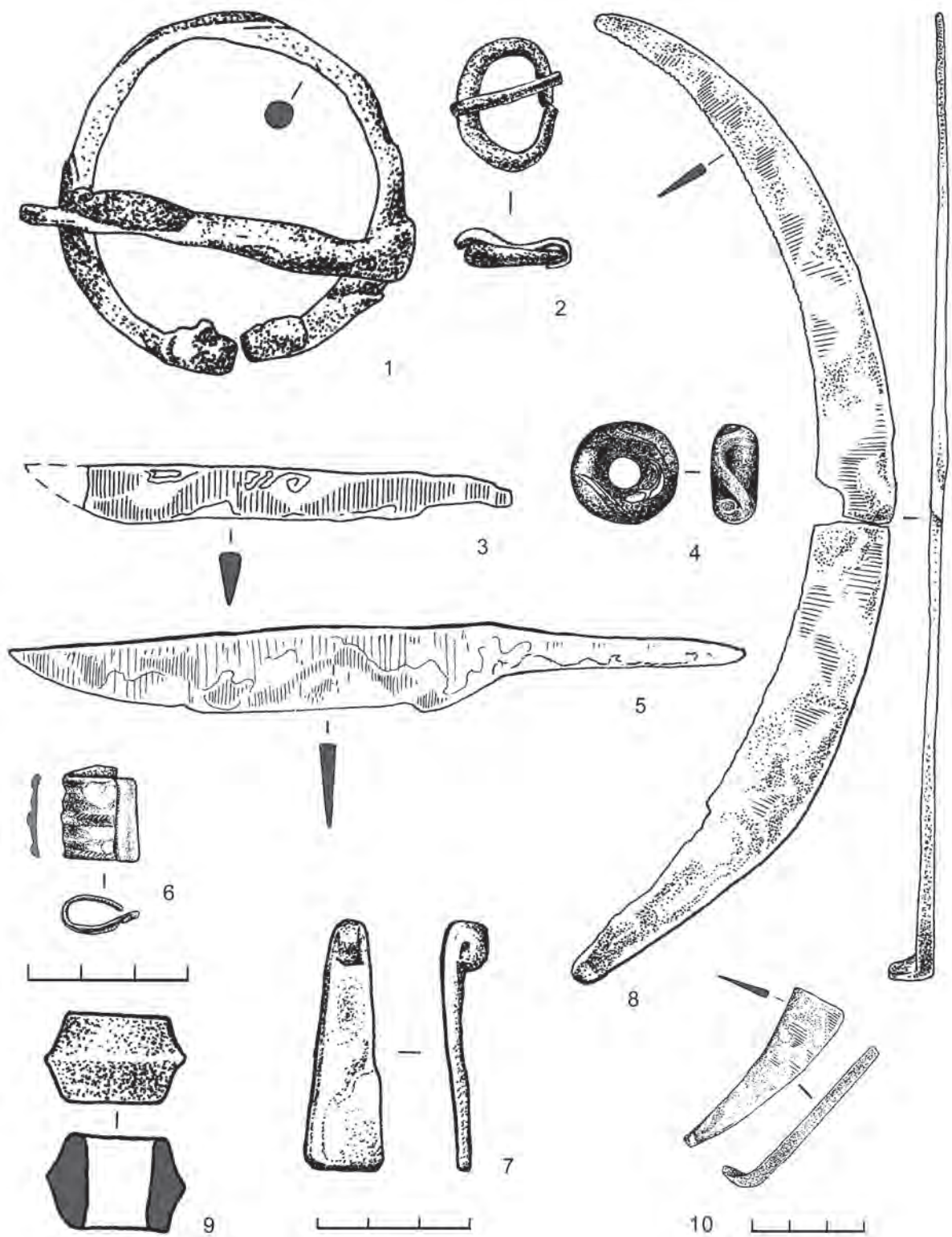

Рис. 32. Вещевой материал с городища и с селища Городок на Маяте (по: Еремеев, Дзюба, 2010):

1, 2, 8 – из слоя селища; 3-7, 9, 10 – из слоя городища.

1-3, 5, 7, 8, 10 – железо; 4 – стекло; 6 – цветной металл; 9 – глина.

1 – фибула; 2 – пряжка; 3, 5 – ножи; 4 – буса; 6 – фрагмент перстня или браслета;

7 – пластинчатое кресало с ушком; 8, 10 – серп и фрагмент серпа; 9 – пряслице.

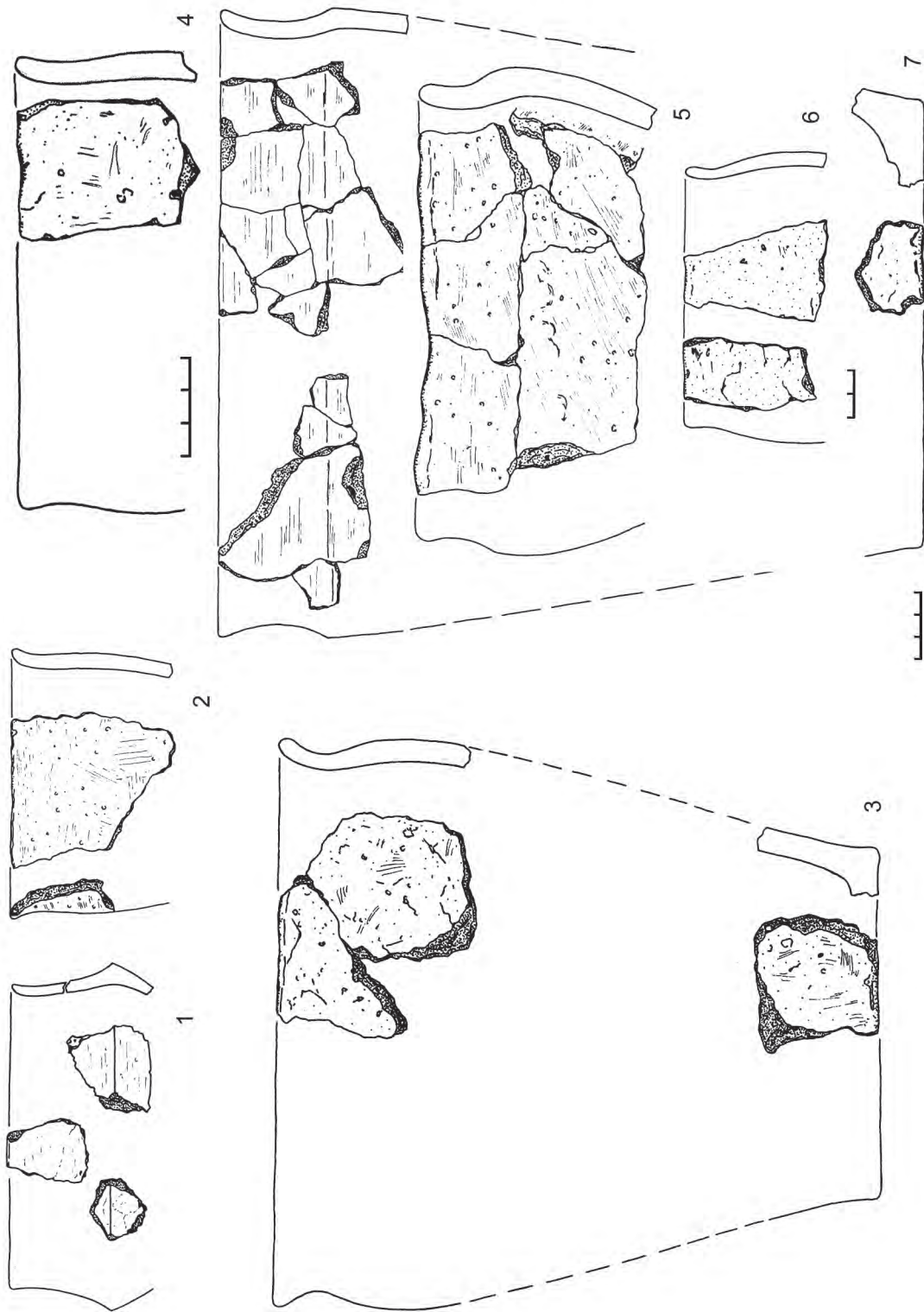

Рис. 33. Лепная керамика с городища Городок на Маяге (по: Еремеев, Дзюба, 2010): 1, 7 – лошенные фрагменты.

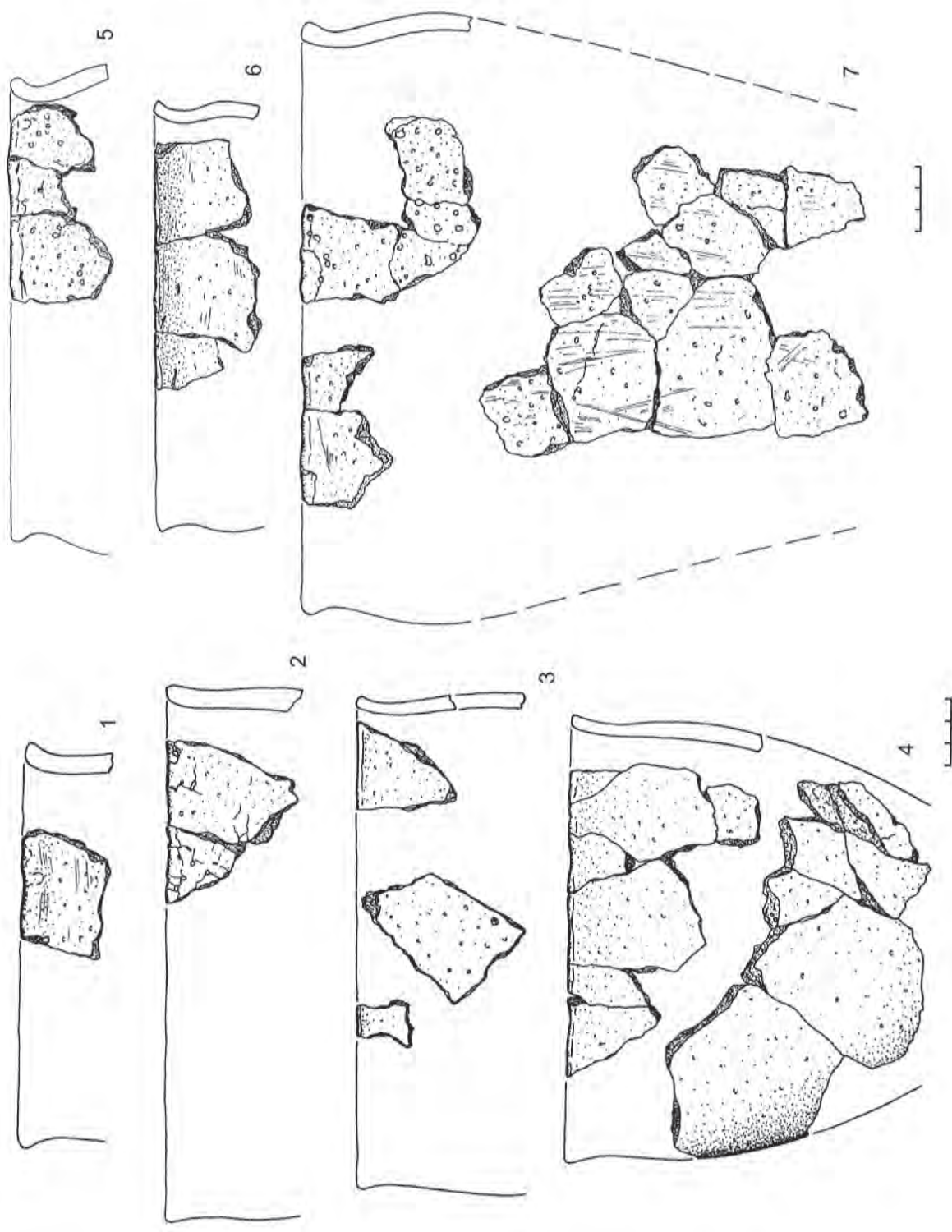

Рис. 34. Керамика с селища Городок на Маяге (по: Еремеев, Дзюба, 2010).

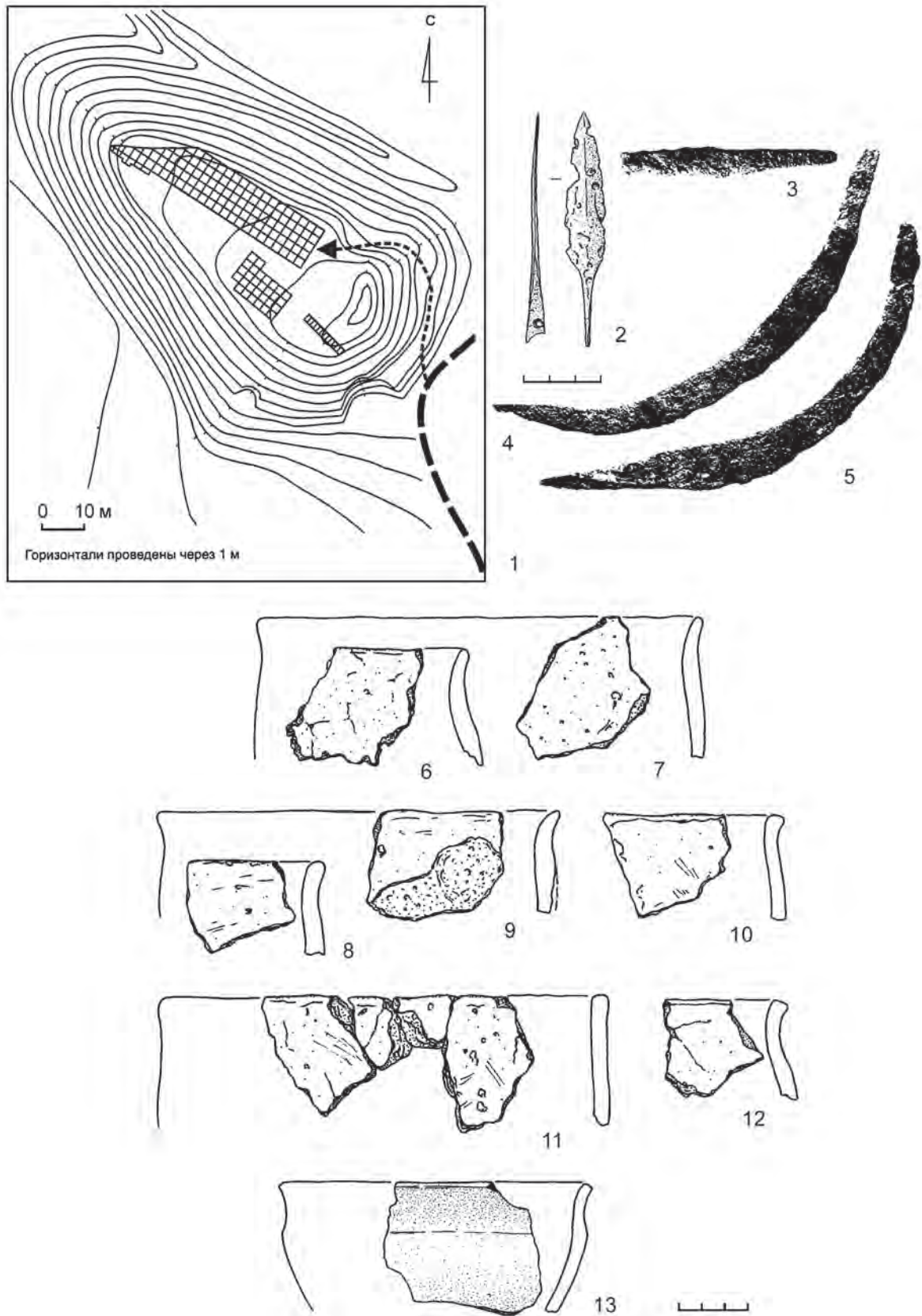
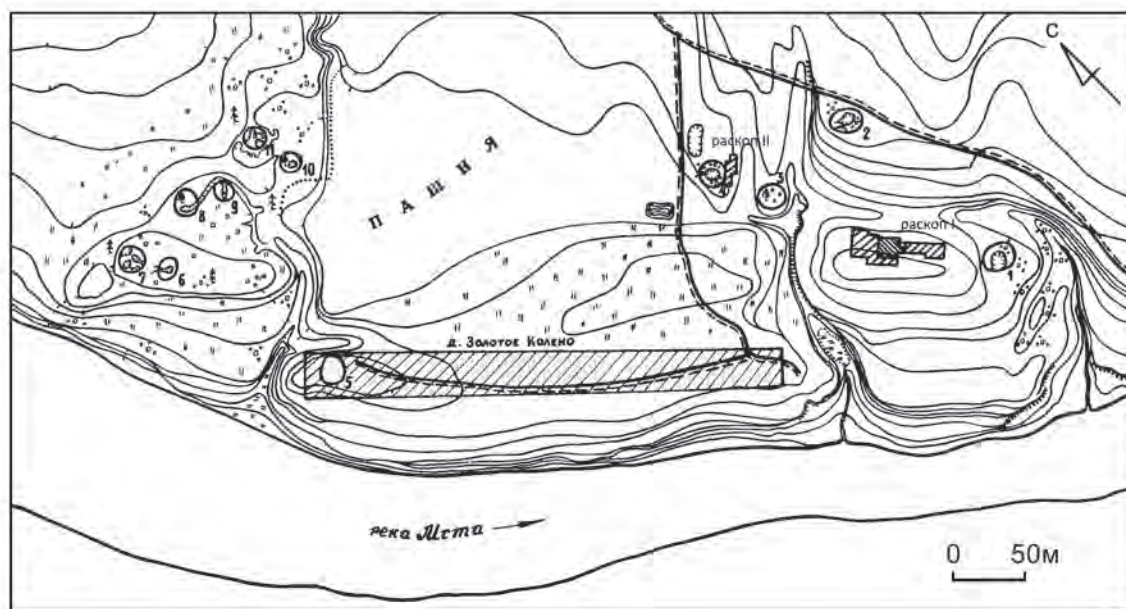
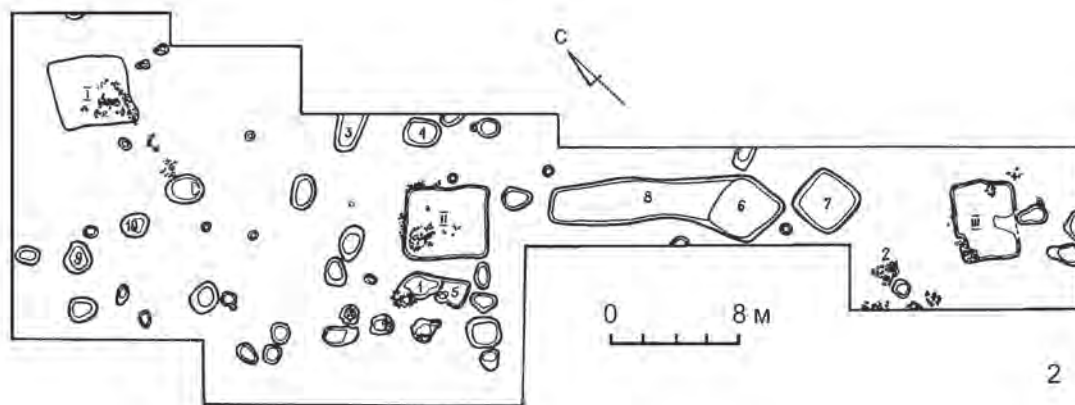

Рис. 35. Городище Сельцо (по: Еремеев, Дзюба, 2010):
 1 – план; 2 – наконечник стрелы; 3 – нож; 4, 5 – серпы; 6-12 – фрагменты лепных сосудов;
 13 – лощеный фрагмент. 2-5 – железо.

1

2

Рис. 36. Археологический комплекс у д. Золотое Колено (по: Носов, Плохов, 1991):
1 – план сопки и раскопов на поселении Золотое Колено; 2 – план остатков углубленных в материк построек в раскопе.

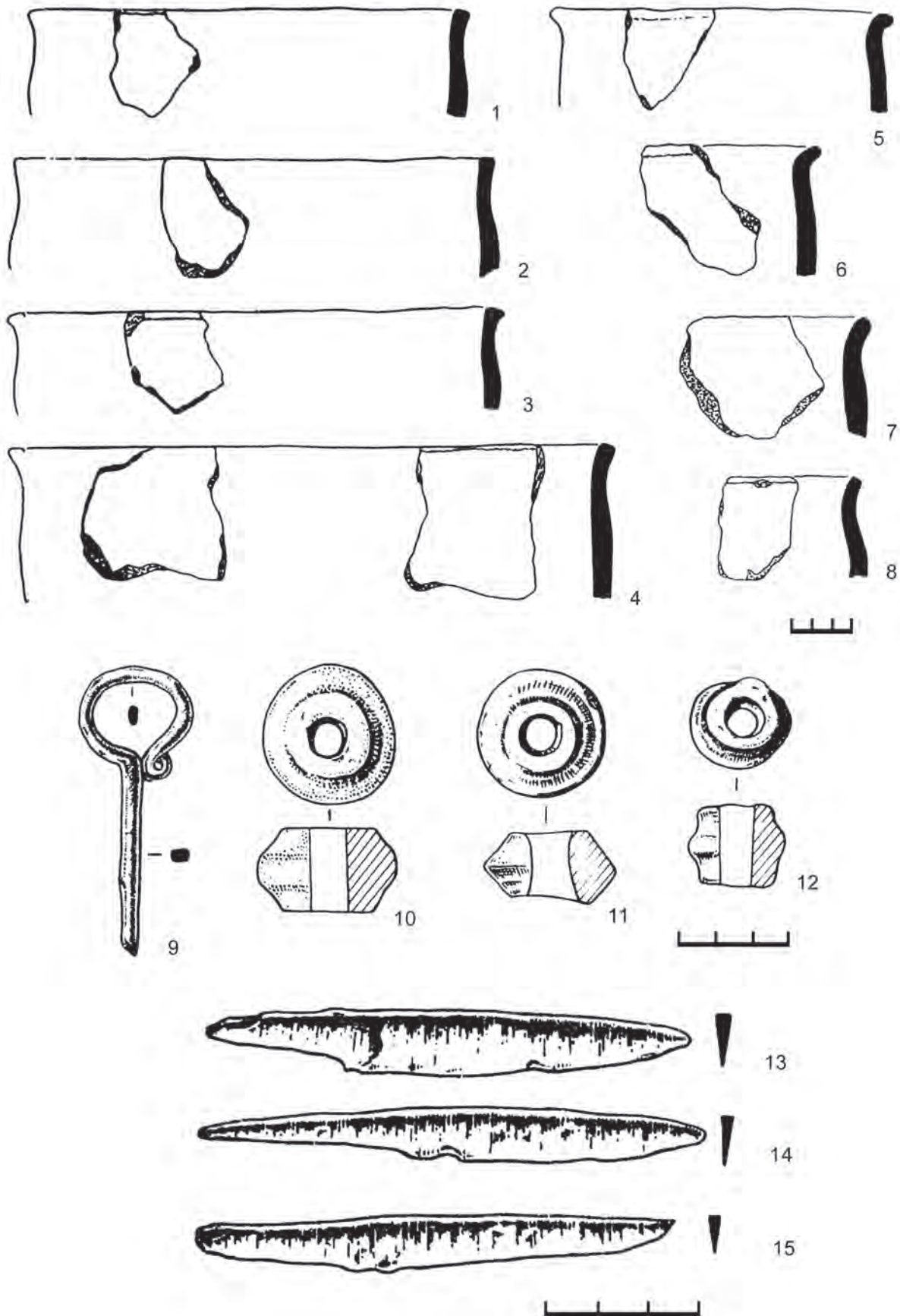

Рис. 37. Керамика и вещевой материал с селища Золотое Колено (по: Носов, Плохов, 1991):
 1-8 – фрагменты лепных сосудов; 9 – фрагмент булавки; 10-12 – пряслица; 13-15 – ножи.
 10-12 – глина; 9, 13-15 – железо.

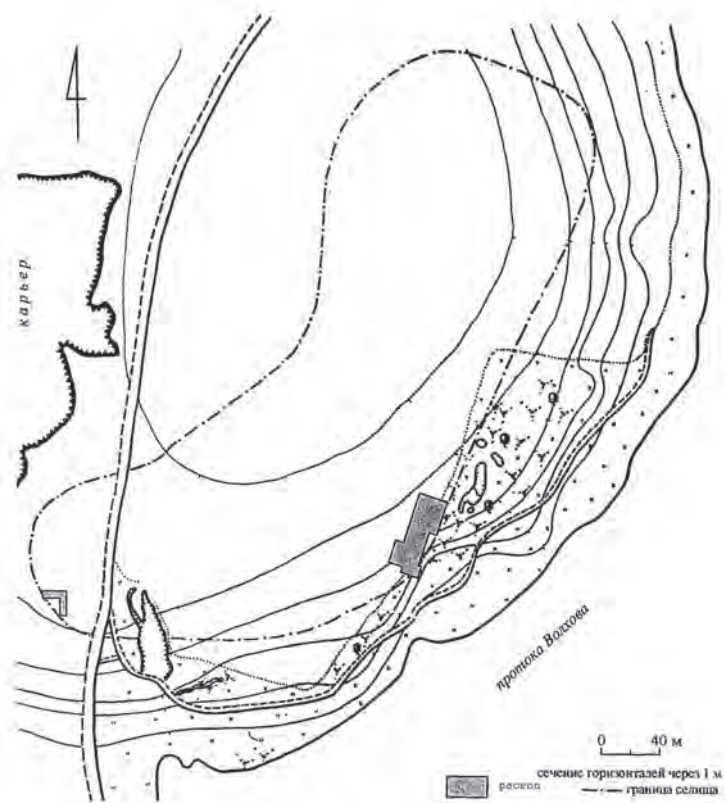

Рис. 38. Селище Прость (по: Носов, Плохов, 2005).

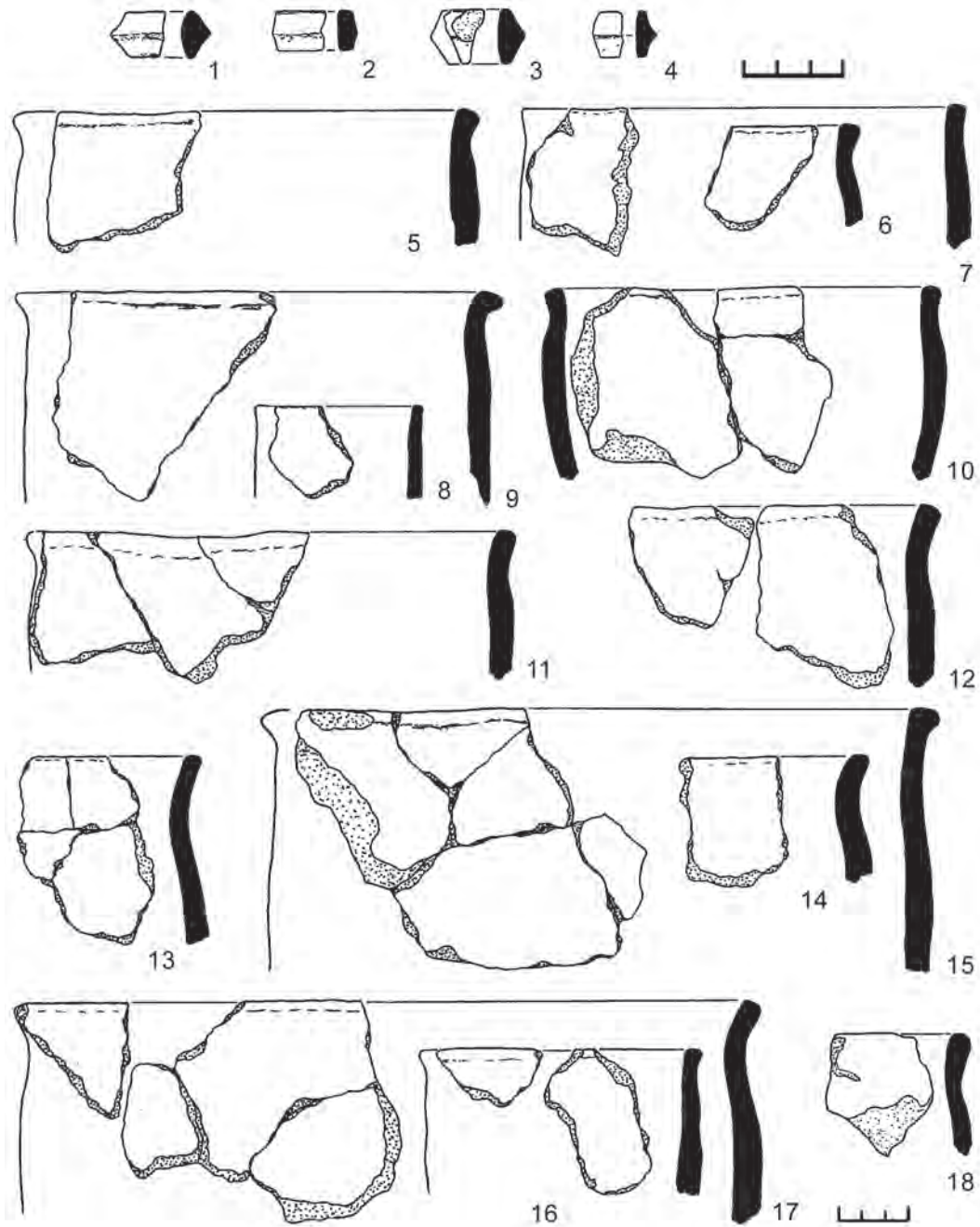

Рис. 39. Керамика и вещевой материал из глины с селища Прость (по: Носов, Плохов, 2005):
1-4 – пряслица; 5-18 – фрагменты лепных сосудов.

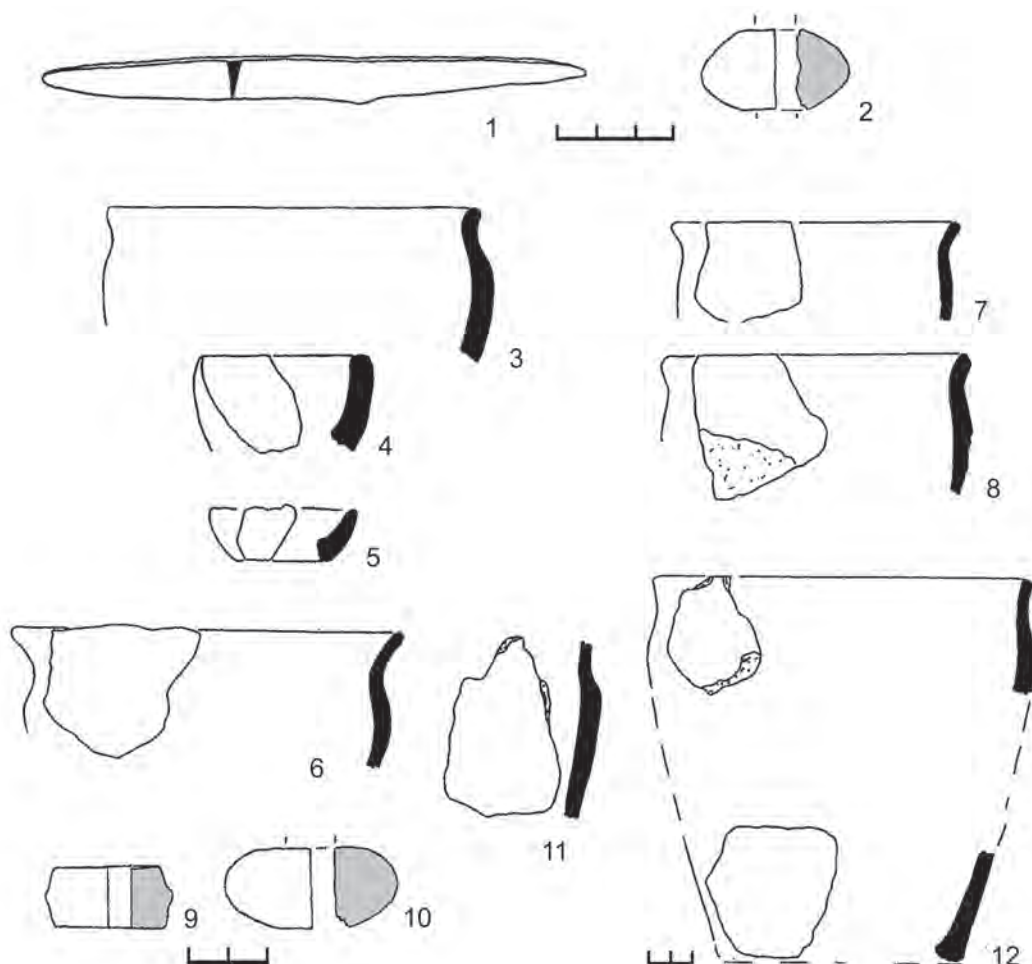

Рис. 40. Керамика и вещевой материал селища Леонтьево (по: Исланова, 2006):

1 – нож; 2, 9, 10 – пряслица; 3-8 – фрагменты лепных сосудов.

1 – железо; 2-12 – глина.

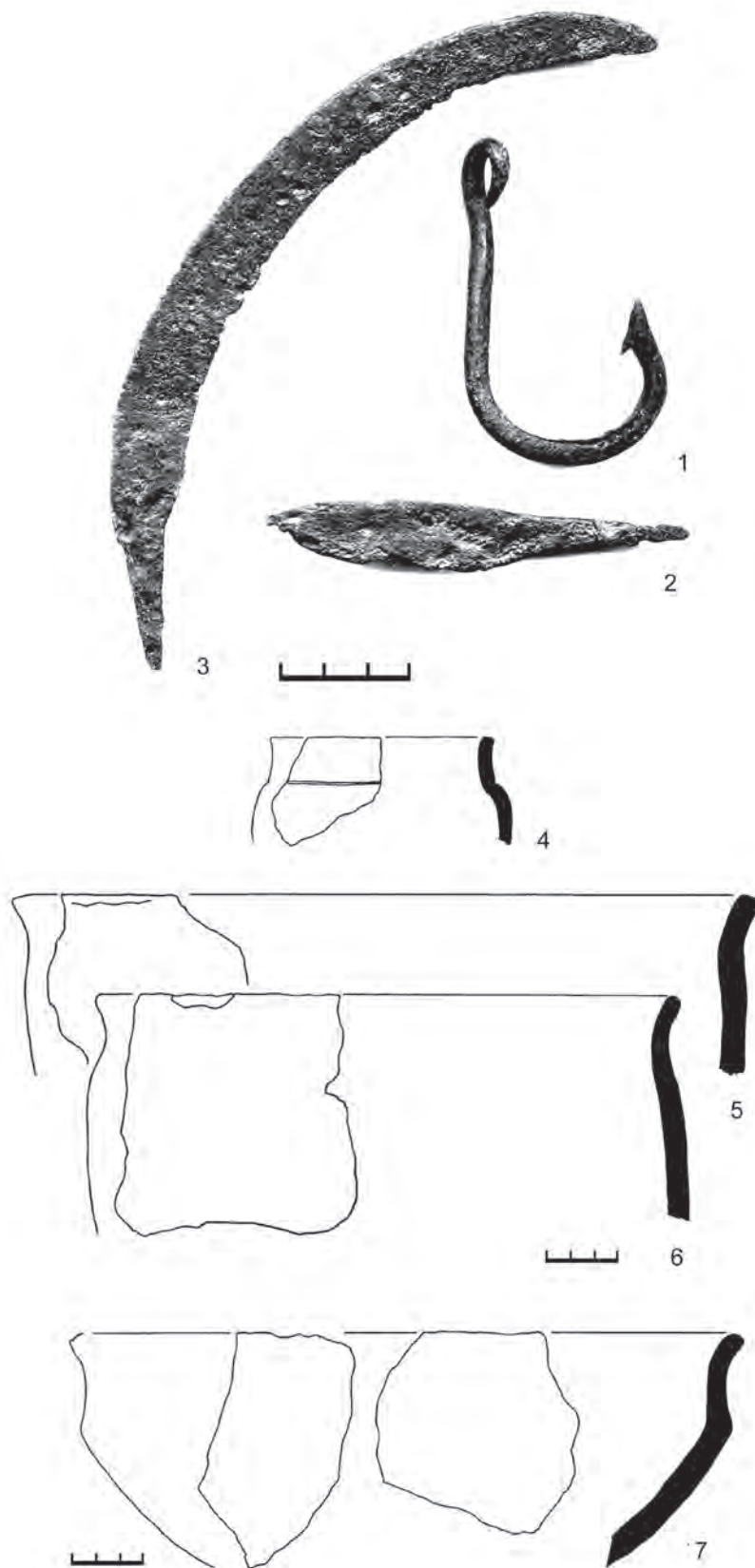

Рис. 41. Керамика и вещевой материал из железа с селища Пашино
(по А.Б Ивановой и И.В. Ислановой):
1 – рыболовный крючок; 2 – нож; 3 – серп; 4-7 – фрагменты лепных сосудов;
4, 8 – лощеные фрагменты. 1-3 – железо.

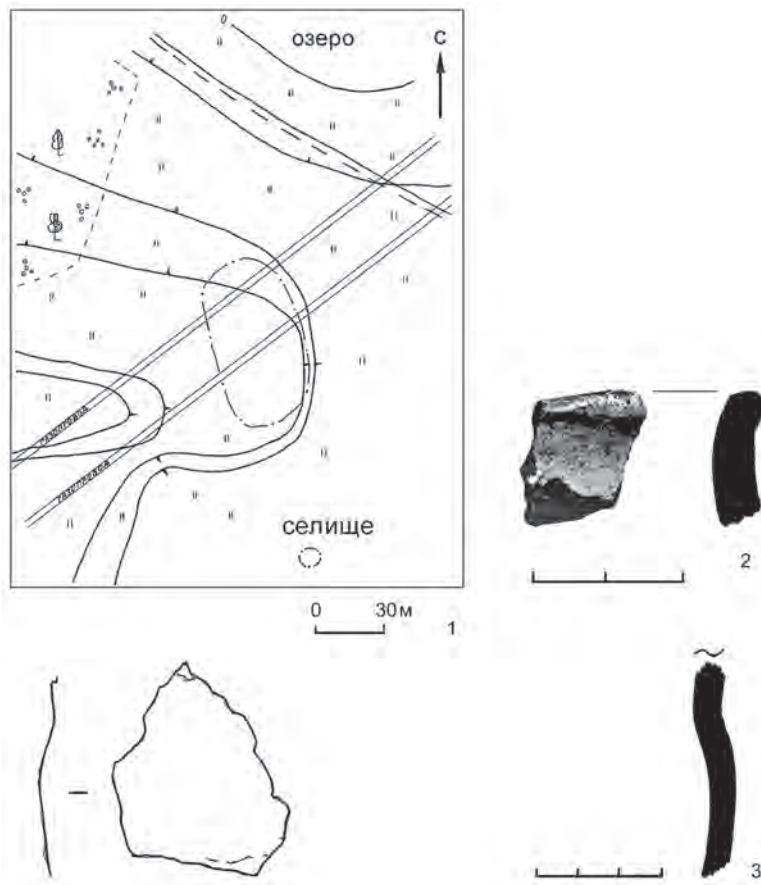

Рис. 42. Селище Борисово: план и лепная керамика.

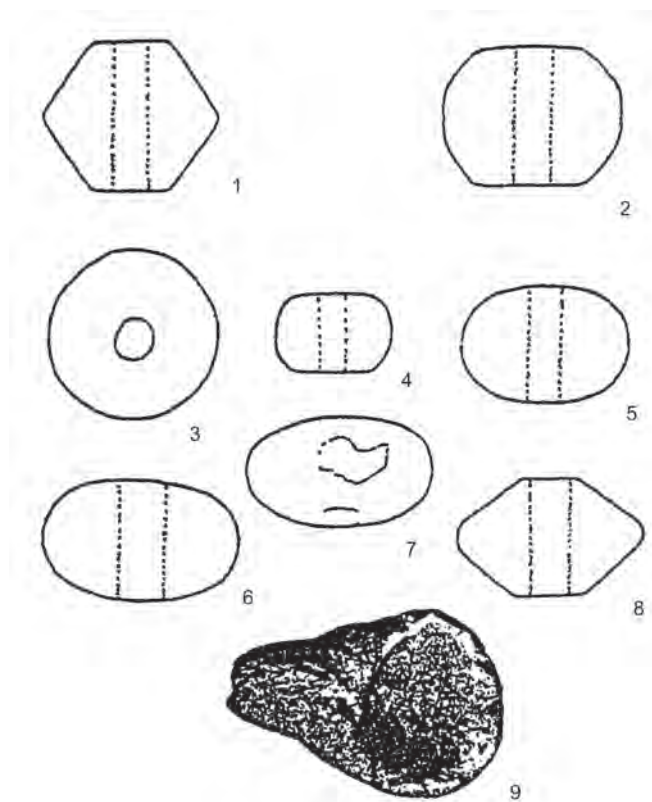

Рис. 43. Вещевой материал из глины с селища Болое (по: Спицын, 1903б): 1-8 – пряслица; 9 – льячка (без масштаба).

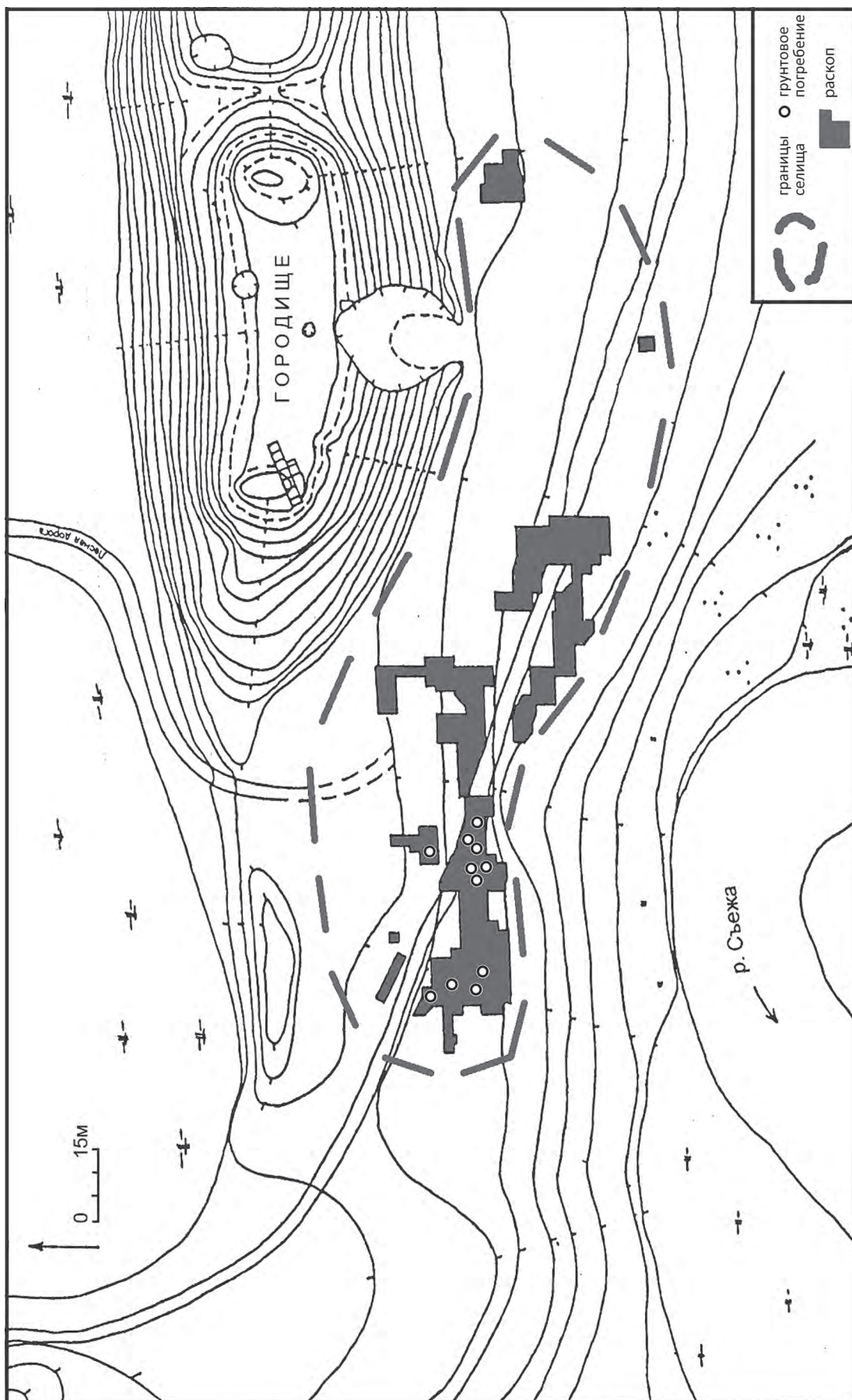

Рис. 44. Селище и местоположение грунтовых погребений Юрьевская Горка (Стан).

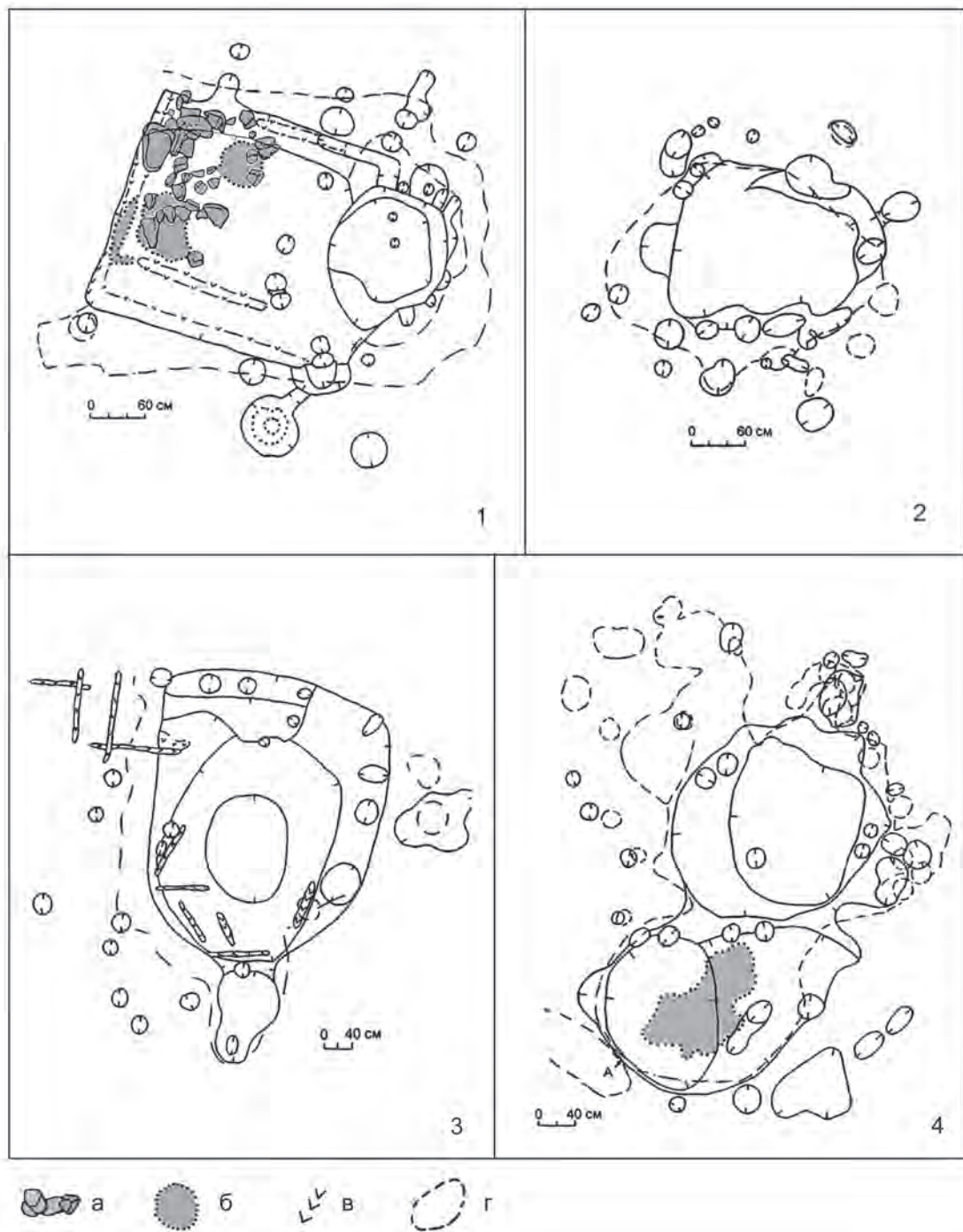

Рис. 45. Остатки построек на селище Юрьевская Горка (по: Исланова, 1997):
 1 – жилая постройка № 12, т.н. полуземлянка; 2 – хозяйственная постройка № 13;
 3 – жилая постройка № 14; 4 – жилая постройка № 17.
 а – обожженные камни; б – скопление мелких обожженных камней;
 в – угли; г – пятна темного гумусированного слоя.

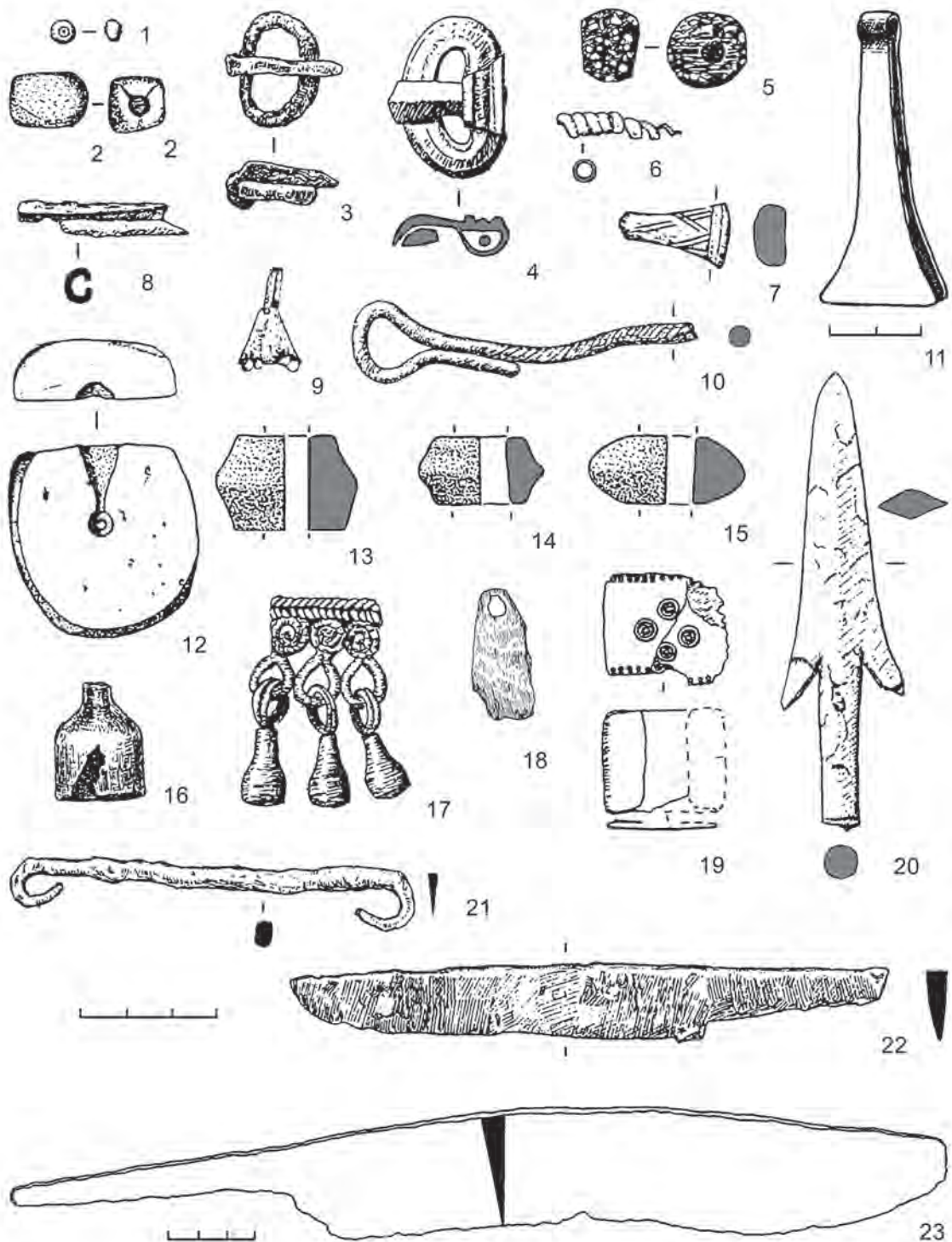

Рис. 46. Вещевой материал с селища Юрьевская Горка (по: Исланова, 1997):

1 – желтая бисерина; 2 – синяя буса; 3, 4 – пряжки; 5 – темно-синяя с белыми крапинками буса; 6 – спиралька; 7 – фрагмент браслета; 8 – обломок фитильной трубочки?; 9, 16-18 – привески и подвеска; 10 – фрагмент гривны; 11 – пинцет; 12 – литейная форма; 13-15 – пряслица; 19 – обоймица; 20 – наконечник дротика; 21 – фрагмент удила; 22, 23 – ножи.
1, 2, 5 – стекло; 3, 8, 11, 20-23 – железо; 4, 6, 7, 9, 10, 16-20 – цветной металл; 12 – камень; 13-15 – глина.

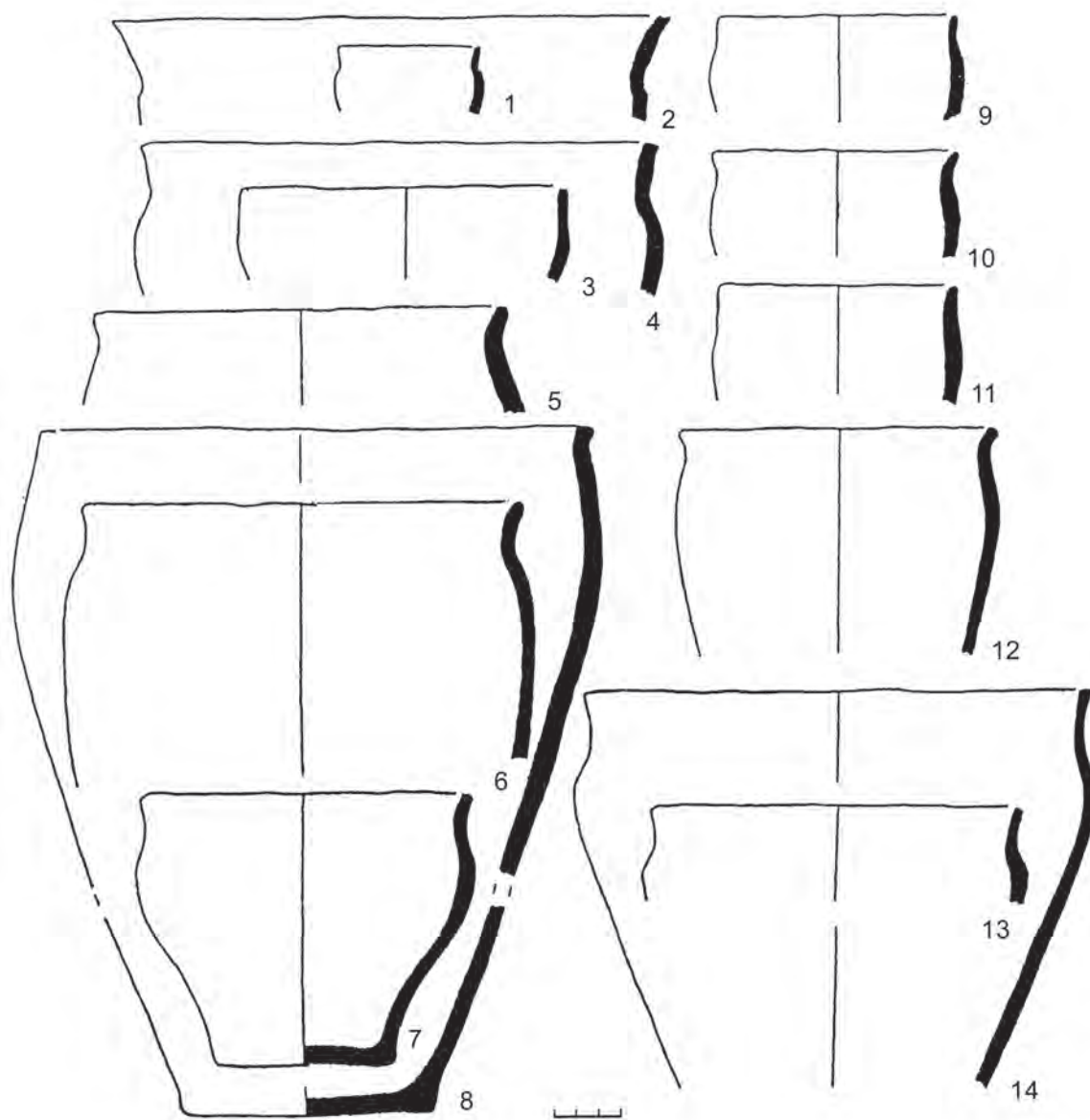

Рис. 47. Керамика с селища Юрьевская Горка (по: Исланова, 1997).

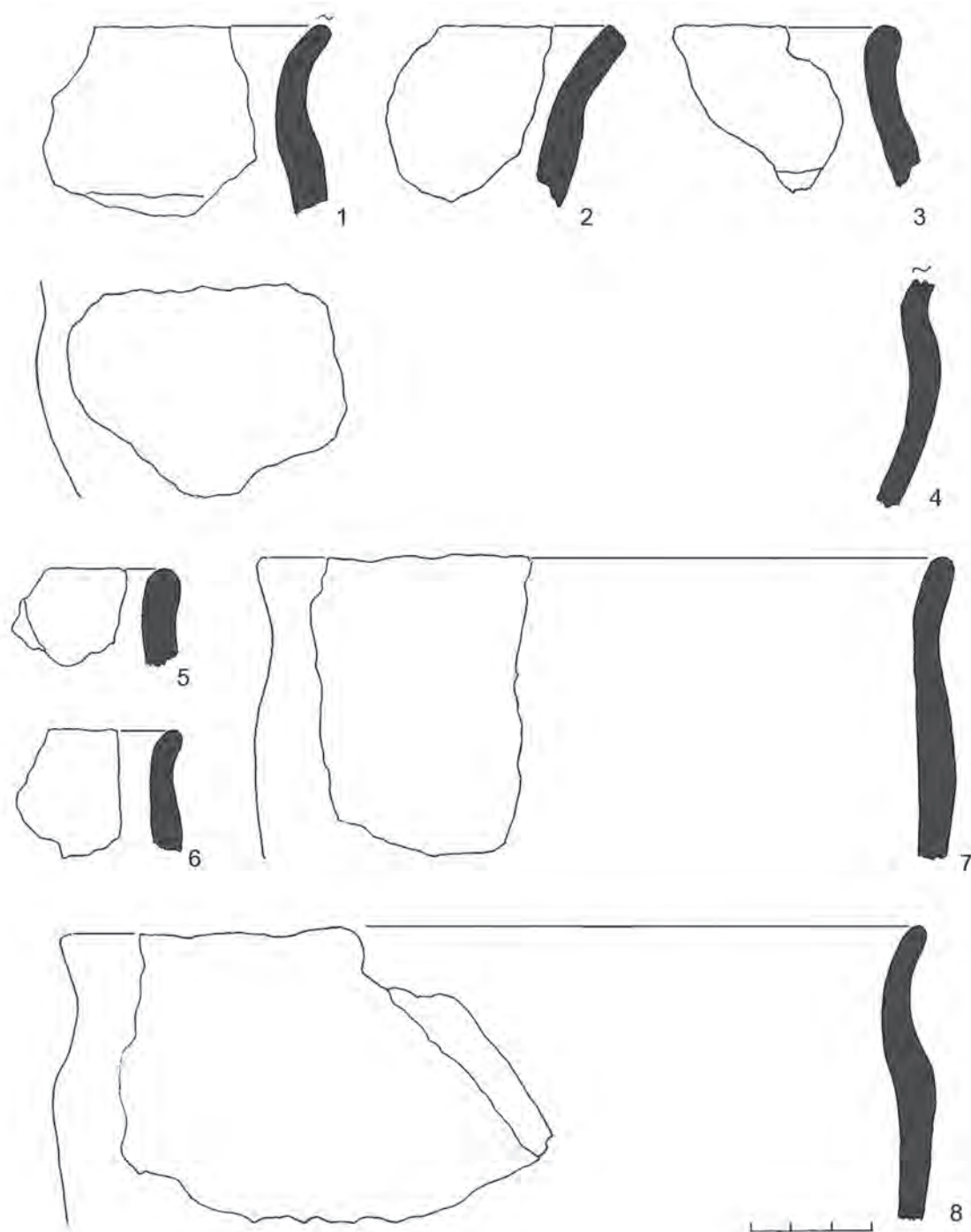

Рис. 48. Керамика селища Троица 1.

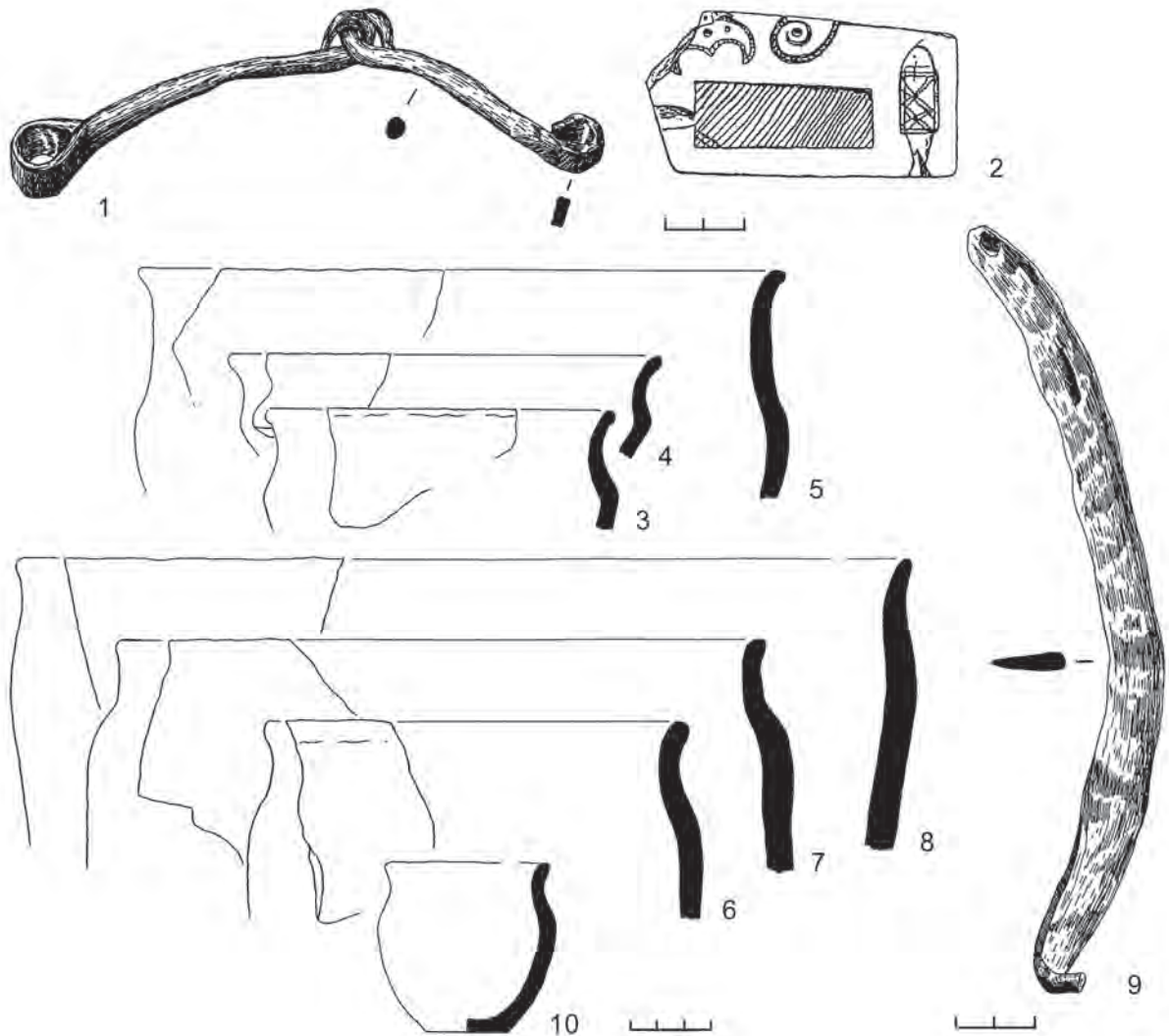

Рис. 49. Керамика и вещевые материалы с селища Подол 3 (по: Исланова, 2012):
 1 – удила; 2 – литейная формочка; 3 – фрагмент подлощенного сосуда; 4-8,10 – фрагменты лепной керамики; 9 – серп.
 1, 9 – железо; 2 – камень.

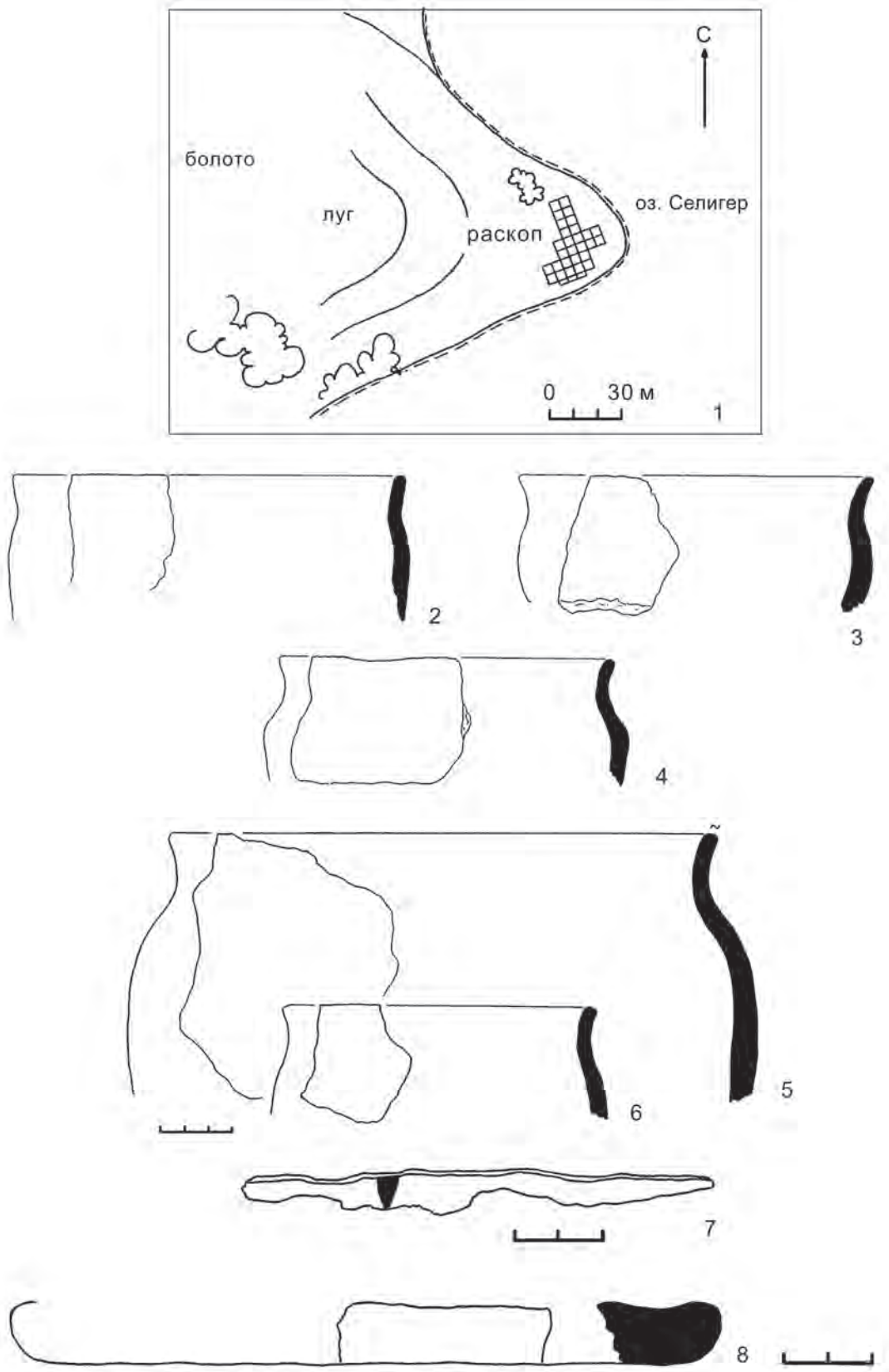

Рис. 50. Поселение Ронское 3:

1 – схема местности и расположения раскопа (по: Крайнов, 1966), 2-6 – фрагменты лепной ранне-средневековой керамики (5 – подлощенный фрагмент); 7 – нож; 8 – фрагмент сковороды.
7 – железо; 8 – глина.

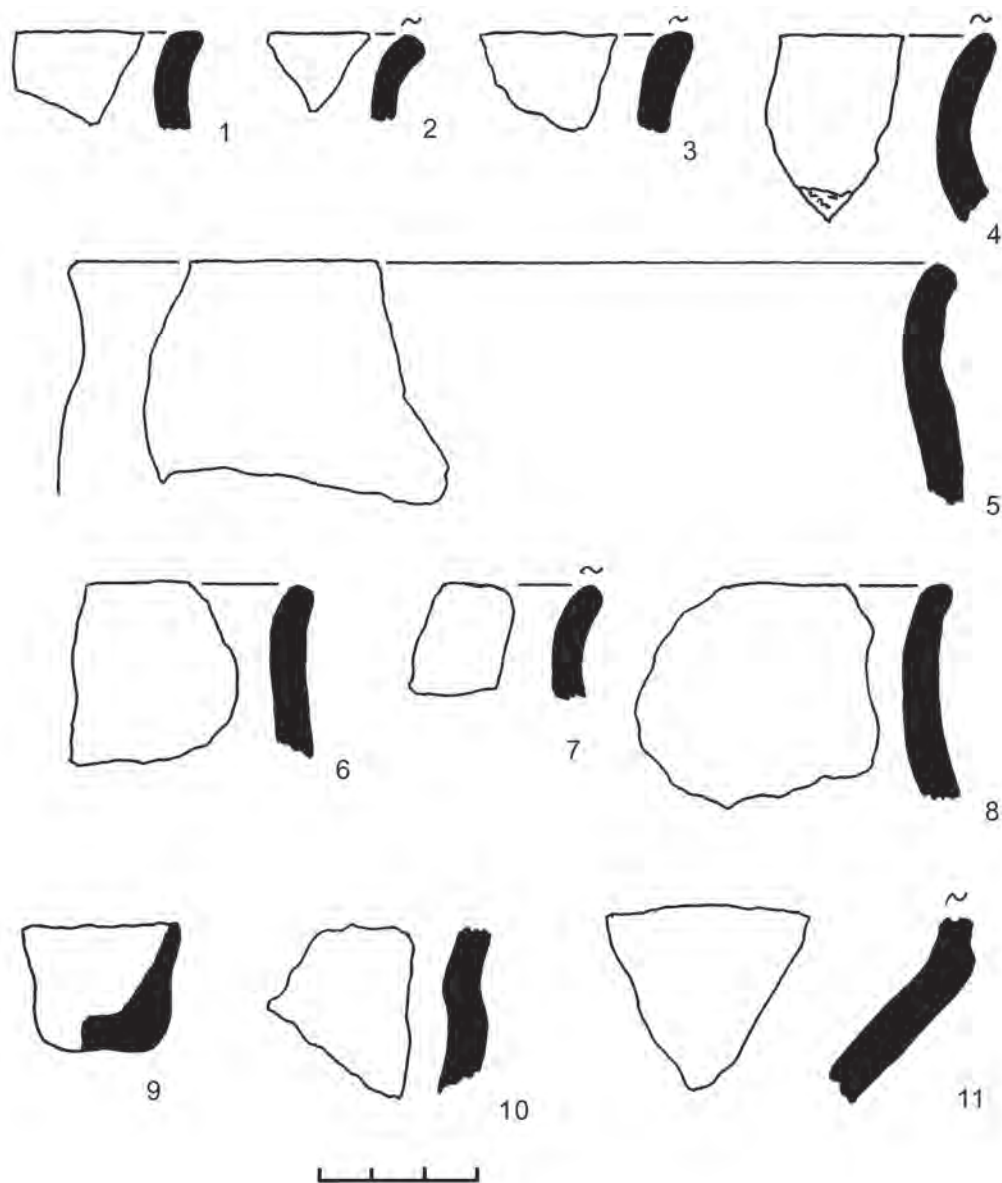

Рис. 51. Керамика с поселений Звягино 2 и Горка 1 (по: Исланова, 2012):
1- 4, 10 – селище Звягино 2; 5-9, 11 – селище Горка 1.

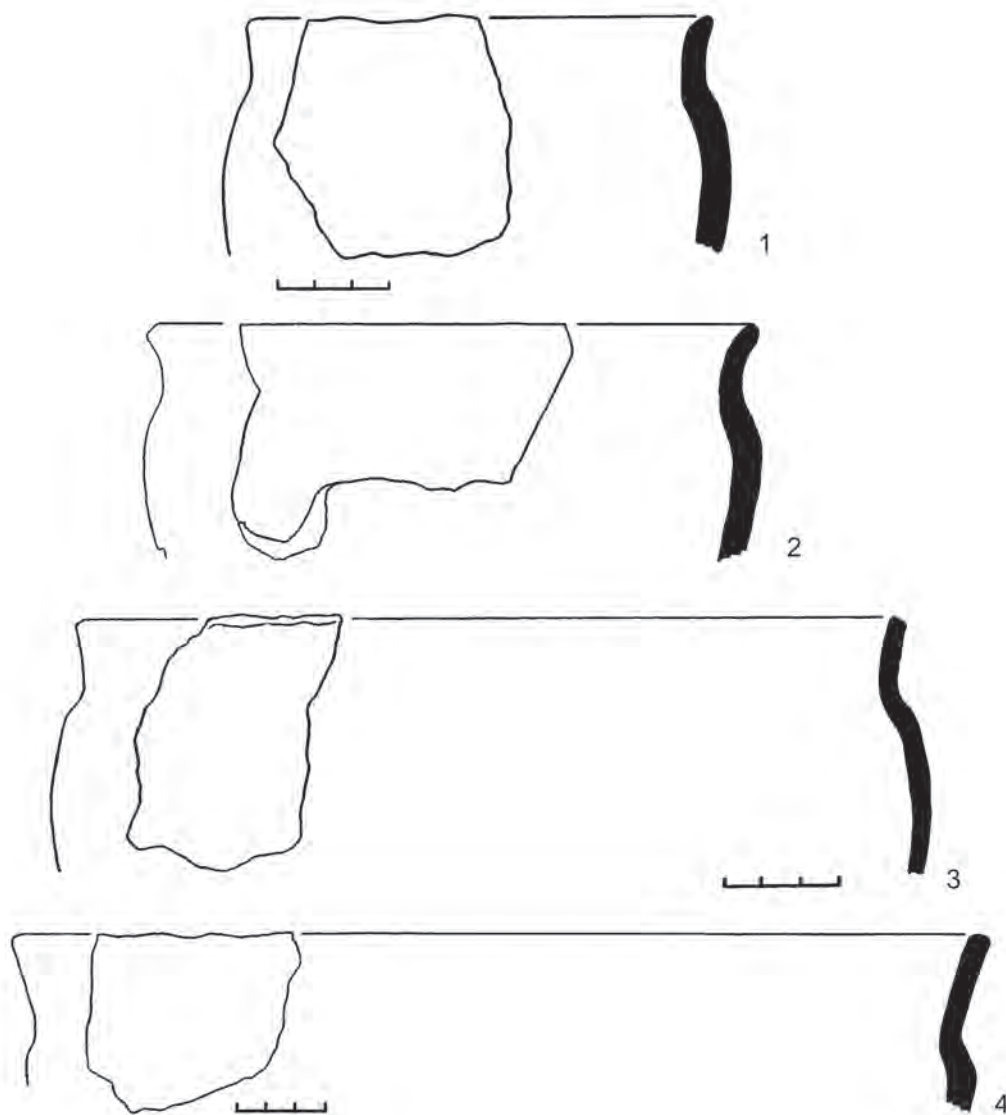

Рис. 52. Керамика с поселения Тёплый Ручей (по: Исланова, 2014).

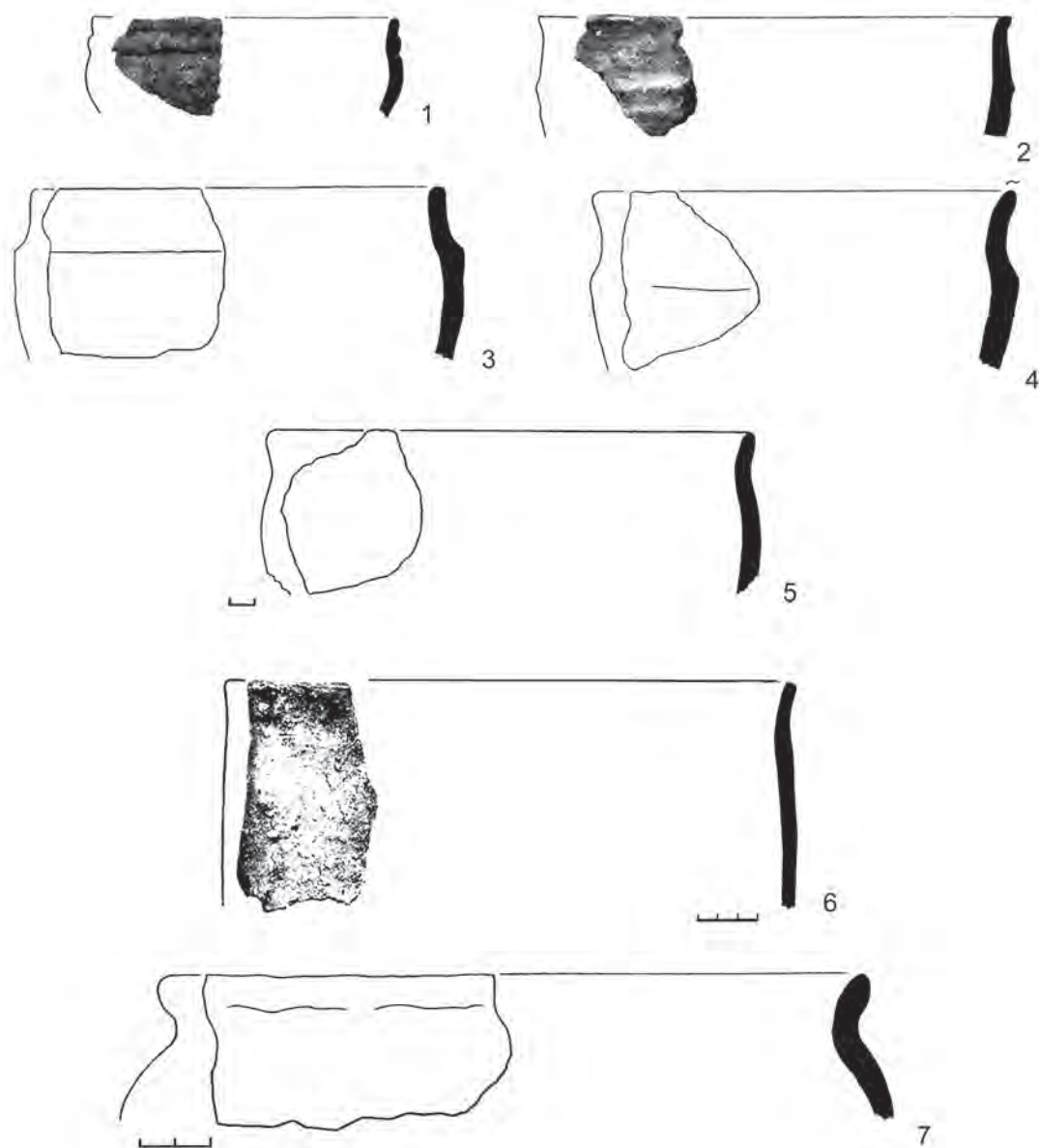

Рис. 53. Керамика селища Рогово (по: Исланова, Черных, 2008).

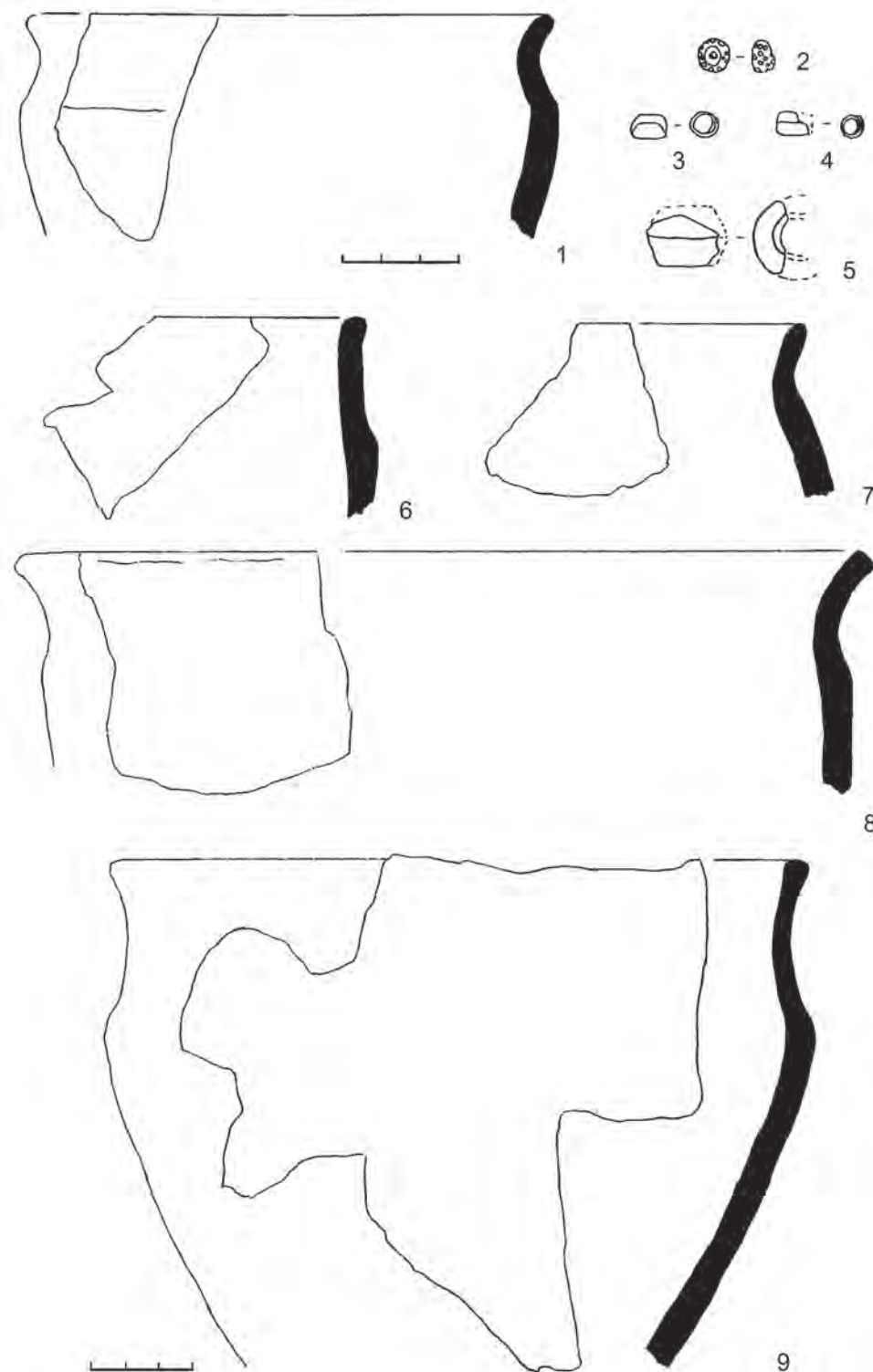

Рис. 54. Керамика (1, 6-9 – И.В Ислановой) и вещевой материал (2-5, б/м – по А.Д. Максимоу) с селища Суходол:
 1, 6-9 – фрагменты лепных сосудов; 2 – синяя с белыми крапинками буса;
 3, 4 – пронизи; 5 – фрагмент пряслица.
 1, 5-9 – глина; 2 – стекло; 3, 4 – цветной металл.

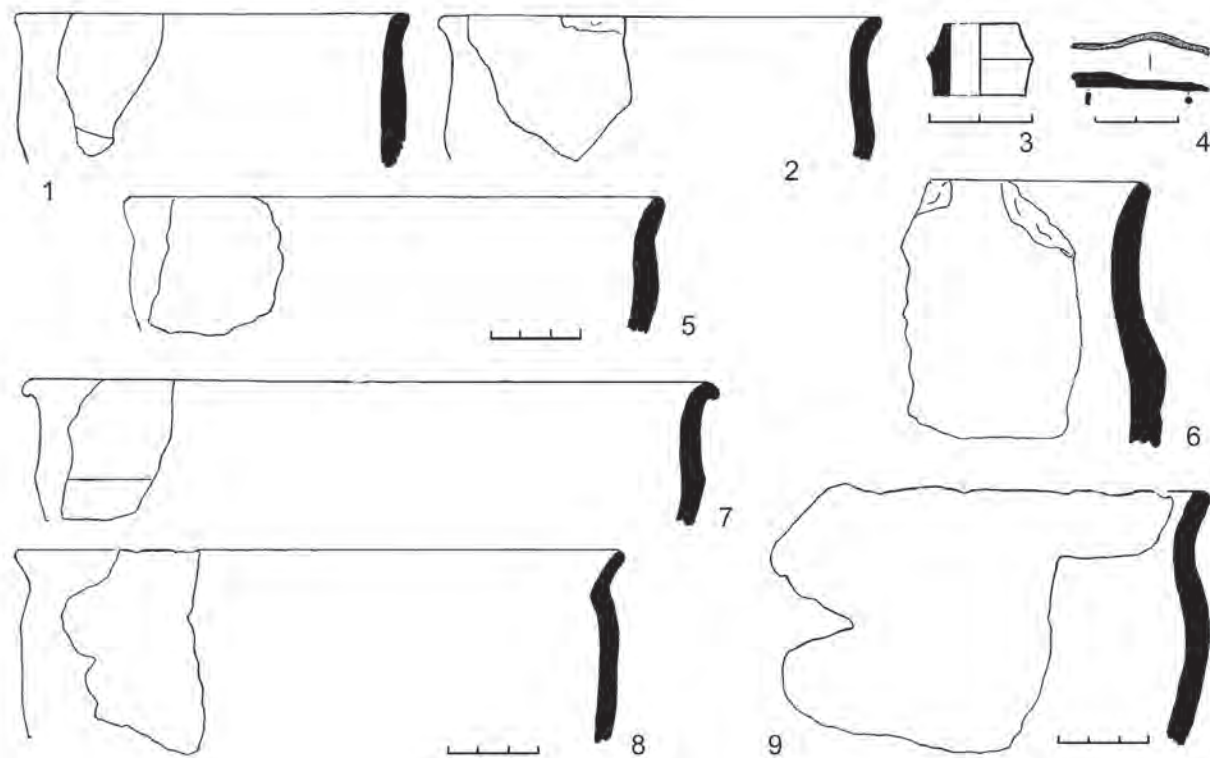

Рис. 55. Керамика и вещевой материал селища Першино
 1, 2, 5-9 – фрагменты лепной керамики (2 – подлощенный фрагмент);
 3 – пряслице; 4 – игла от пряжки (?).
 1-3, 5-9 – глина; 4 – цветной металл.

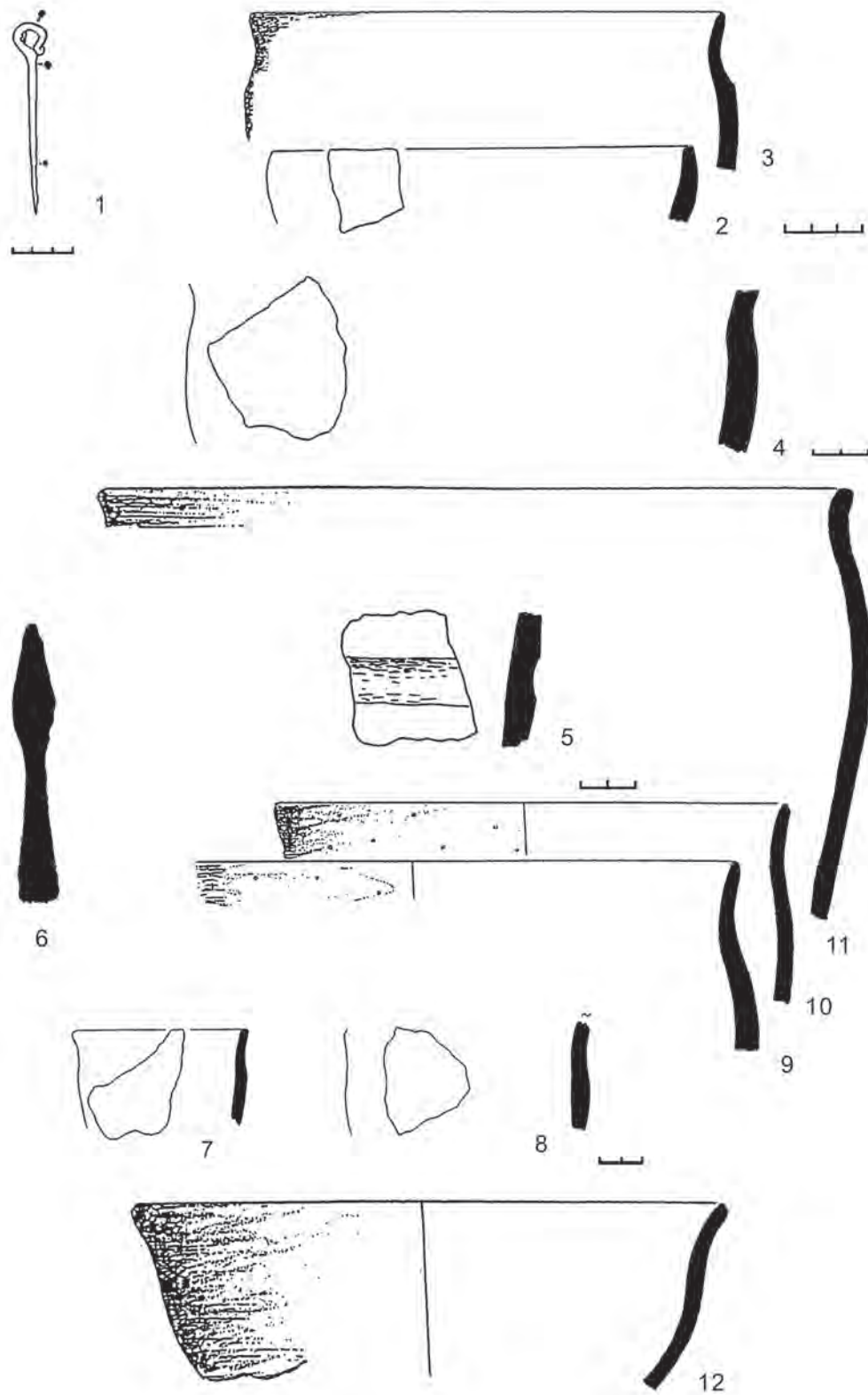

Рис. 56. Керамика и вещевой материал из железа селища Усть-Тудовка 8 (по : Исланова, 2014):
 1 – булавка; 2-5, 7-12 – фрагменты лепных сосудов; 6 – наконечник копья (без масштаба).
 1, 6 – железо.

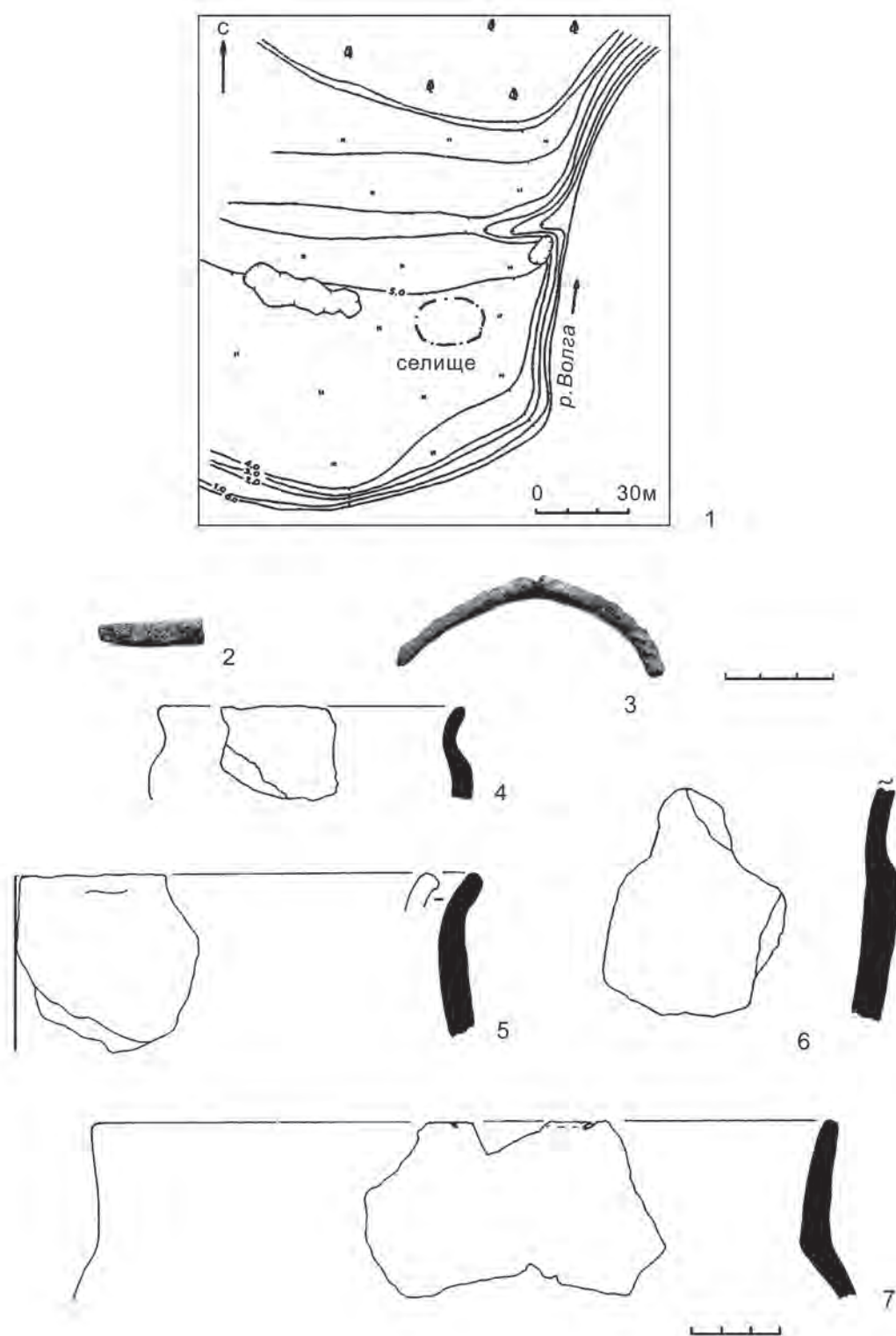

Рис. 57. Селище Бобронниково:
 1 – ситуационный план; 2 – черенок ножа; 3 – фрагмент браслета;
 4-7 – фрагменты лепных сосудов.
 2, 3 – железо.

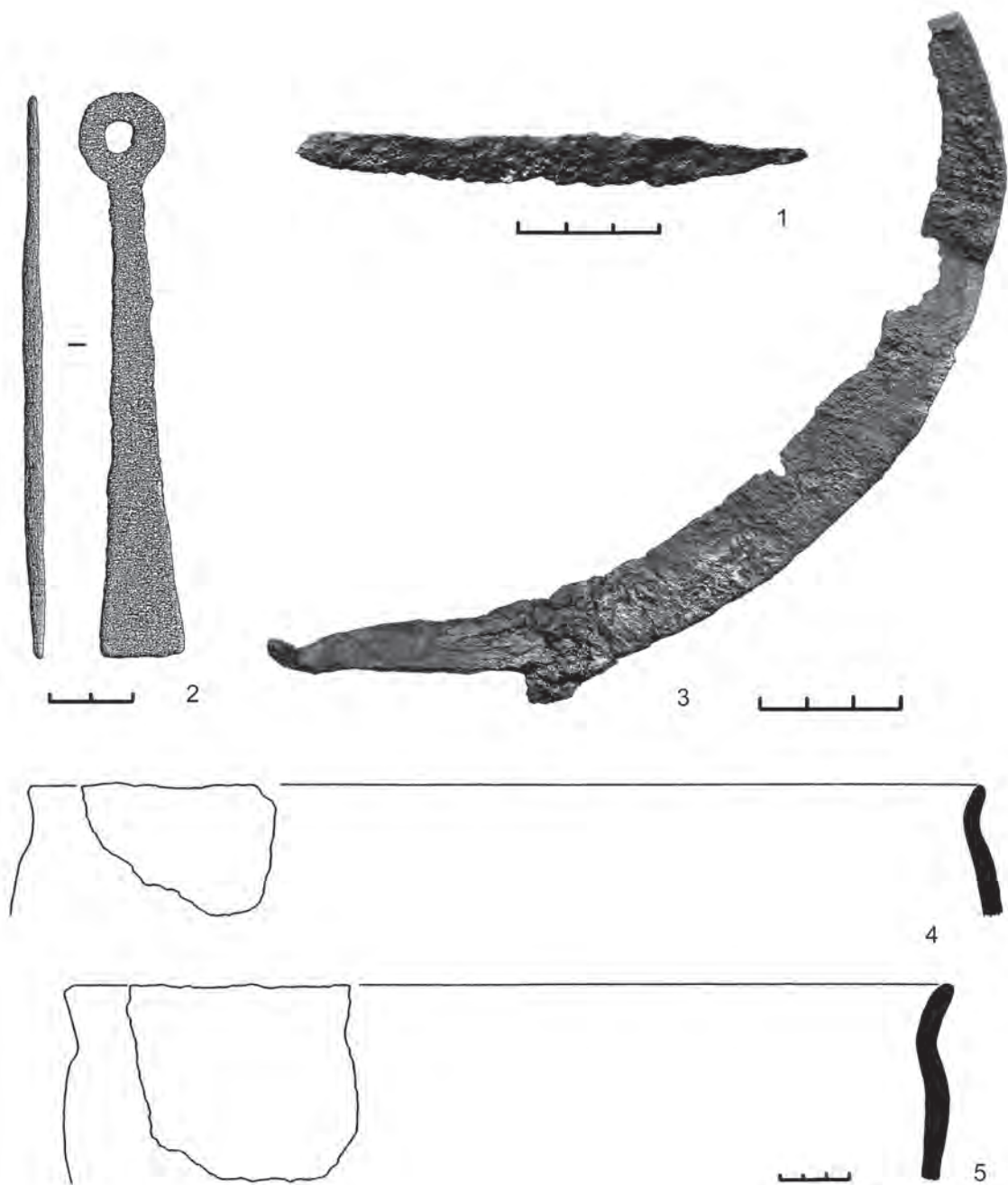

Рис. 58. Керамика и вещевой материал с городища Никола Рожок (по: Исланова, 2012):
 1 – нож; 2 – пластинчатое кресало; 3 – серп; 4, 5 – фрагменты лепных сосудов.
 1-3 – железо.

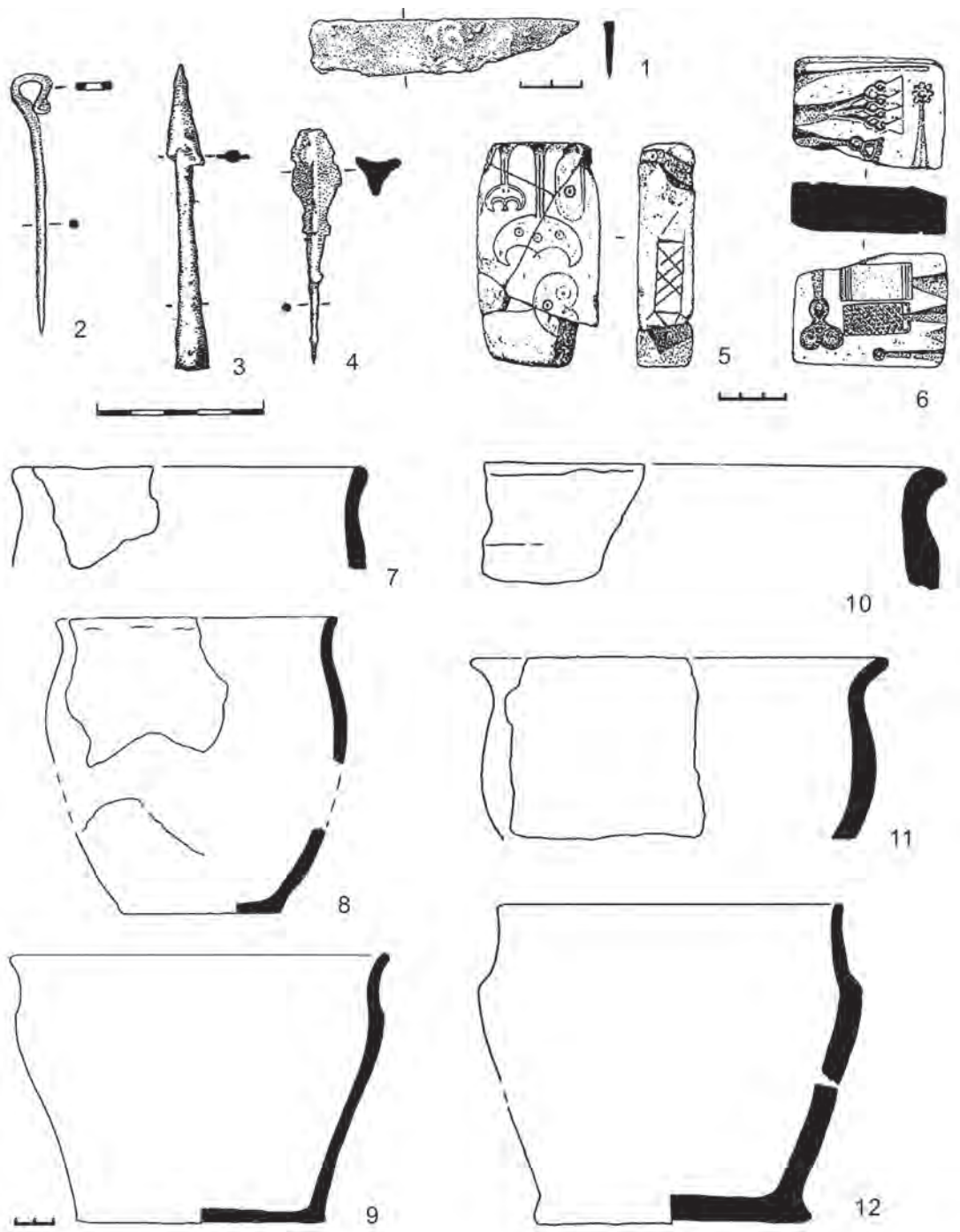

Рис. 59. Керамика и вещевой материал с городища Осечен
(по: Исланова, Мирецкий, Олейников, 2007):

- 1 – нож; 2 – булавка; 3 – наконечник дротика; 4 – наконечник стрелы;
5, 6 – литейные формочки; 7-12 – лепная керамика.
1-4 – железо; 5,6 – камень; 7-12 – глина.

I.V. Islanova
(Moscow)

Groups of Early Medieval archaeological sites in the North-West of Eastern Europe

Summary

A mixed cultural picture is fixed in the area from Piepus lake, in the West of the middle stream of the West Dvina, in the South from the river Mologa basin in the 3rd quarter of the 1st millennium A.D.

Two main antiquities types are fixed here. These are the cultural sites of PLB and the sites of other cultural and economic type that are analyzed according to several territorial groups: Poluzhie, Ilmen, Udomel, Msta, and Podol type.

The settlements and burial grounds of PLB culture have a long history of study. The sites of other antiquities groups have been discovered and studied only from the end of the 20th century. Two main antiquities type differ significantly. They are situated in the different ecological micro regions; this fact is probably connected with different economic set-up of population. PLB cultural sites are located on sandy grounds, out of large main waterwaves; other groups are situated on alluvial and loessoid grounds that are propitious for agriculture, on the shores of key waterways. Certain differences are traced in the bury ritual, house-building, and ceramics.

Succession in traditions of object location and ceramics set is fixed for the culture sites of PLB and

the preceding early iron age antiquities. The female headwear fragments of PLB (rim details) are close to thoroughly known costume details of Finn and Balt antiquities. All these facts enable to suppose that the local component dominated in PLB culture.

The ritual of burial mound building was unknown in the other type antiquities. The burning ritual burials were accomplished into ground graves. The major forms of vessels do not have prototypes in the preceding antiquities and are different from the PLB pottery set.

Large areas are excavated in the settlements Gorodok on Mayata and Yurievskaya Gorka. In these areas the remains of dwellings with rectangular deepening into mainland (so called half dugouts) are studied. In the end of the 1st Millenium A.D. the territories of this type antiquities, except for region with Podol type, are covered by Novgorod high barrow culture of Slovens of old Russian chronicles. The early Slavic component dominated probably among the picked out population groups.

The Podol type sites present a special group. The ceramics set is different here, where local different sub base is shown and the cultural links with the Upper Dvina region are traced.

Памятники мощинской культуры в третьей четверти I тыс. н.э.

А.М. Воронцов (Тула)

Общие сведения

Мощинская археологическая культура распространена в лесной зоне Восточной Европы, в бассейне верхнего течения р. Ока вплоть до впадения в нее р. Протва по левому берегу и до впадения р. Осетр по правому берегу, кроме того, часть памятников занимает бассейн верхнего Днепра и левые притоки Десны, один памятник известен в верховьях р. Вазузы, относящейся к бассейну Верхней Волги (рис. 1) (Воронцов, 2013; Массалитина, 1994б; Седов, 1982; Шмидт, 2003; Белоцерковская, 1994; Лопатин, Лопатина, 1998; Тавлинцева, 2010; АКР. Калужская обл.; АКР. Московская обл. Ч.4; АКР. Орловская обл.; АКР. Смоленская обл. Ч.1; АКР. Смоленская обл. Ч.2; АКР. Тульская обл. Ч.1; АКР. Тульская обл. Ч.2).

Мощинское городище, давшее название культуре, расположено на правом берегу р. Пополта (левый приток р. Ресса, правого притока р. Угра), в Мосальском районе Калужской области (Рис. 1: 3б). Оно было открыто и исследовано Н.И. Булычковым в 1888 г., далее неоднократно изучалось (Т.Н. Никольской в 1958 г., И.К. Фроловым в 1974-1980 гг.). В настоящее время Мощинское городище является наиболее исследованным раскопками памятником культуры, в то же время материалы этих исследований практически не введены в научный оборот. Наиболее полно и оперативно были опубликованы результаты работ Н.И. Булычова (Булычов, 1899). Им

был найден так называемый Мощинский клад, относящийся к кругу восточноевропейских выемчатых эмалей.

Работы Н.И. Булычова не ограничивались Мощинским городищем. Тогда же им были исследованы городища Серенск, Спас-Перекша, курганы у дд. Шаньково и Почепок, Кажак. В кон. XIX – нач. XX в. был изучен еще ряд памятников – городища Дуна (раскопки Н.В. Теплова, И.Д. Четыркина и Ю.Г. Гендуне), Акиньюшино (Ю.Г. Гендуне), Белое (Ю.Г. Гендуне), Поречье (Н.И. Троицкий), Федяшево (В.А. Городцов). Авторы работ в большинстве случаев ограничились краткими заметками об их результатах, более-менее подробно были опубликованы только материалы раскопок Ю.Г. Гендуне на городище Дуна (Гендуне, 1903б).

Именно результаты этих работ и выявили ряд характерных черт материальной культуры верхнеокской группы памятников рассматриваемого периода (украшения круга восточноевропейских выемчатых эмалей, грубая и лощеная лепная керамика, курганы с кольцевой оградкой, домовиной и безурновыми трупосожжениями в основании насыпи), которые позволили П.Н. Третьякову выделить памятники мощинского типа в самостоятельную культуру (Третьяков, 1941а. С. 19). Предложенные им хронологические рамки существования мощинской культуры – IV-VII вв., были основаны на принятых в то время датировках находок украшений круга восточ-

ноевропейских выемчатых эмалей. В настоящее время они значительно изменились, и изделия этого круга соотносятся с наиболее ранним горизонтом существования мощинских древностей, датируемым около середины – второй половины III в. (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 120-124; Воронцов, 2013. С. 26-28).

Началом следующего этапа изучения древностей мощинской культуры стали работы, проводившиеся начиная с 1950-х годов экспедицией под руководством Т.Н. Никольской. Ее монография (Никольская, 1959) до последнего времени оставалась единственной опубликованной сводной работой, посвященной этим материалам. Кроме данных, полученных в ходе собственных раскопок, в ней были изданы некоторые результаты раскопок археологов и краеведов кон. XIX – нач. XX вв.

Параллельно работам Т.Н. Никольской на территории Окско-Донского водораздела были начаты раскопки экспедиции МГУ под руководством С.А. Изюмовой, результаты которых практически не были введены в научный оборот.

Масштабные работы на мощинских памятниках Калужской и Орловской областей велись в 1970-х – начале 1980-х годов экспедицией И.К. Фролова. В частности, им были проведены большие раскопки на городище и селище Мощины. К сожалению, эти материалы опубликованы только в небольших статьях, полной публикации помешала ранняя смерть исследователя.

На территории Верхнего Поднепровья и верховьев Угры большие разведочные работы проводились Е.А. Шмидтом, им же были раскопаны несколько мощинских памятников в этом регионе (Шмидт, 2003. С. 143-151, Таб. 63-67).

Таким образом, к 90-м годам было раскопано большое количество памятников, содержащих слои мощинской культуры, но результаты этих работ были опубликованы только частично. Все эти данные были кратко резюмированы в работе В.В. Седова, поддержавшего традиционную датировку мощинских древностей в рамках IV-VII в. без приведения каких-либо аргументов, обосновывающих верхнюю дату (Седов, 1982. С. 41-45), и послужили основой для диссертационного исследования Г.А. Массалитиной, которое, к сожалению, опубликовано не было (Массалитина, 1994б).

Полученные к этому моменту в ходе изучения памятников мощинской культуры данные порождали справедливые сомнения в обоснованности ее верхней даты и позволяли сузить

датировку относящихся к ней памятников до III-V вв. (Казанский, 1999. С. 407; Массалитина, 2003; Гавритухин, 2005б). Таким образом, образовывалась серьезная хронологическая лакуна между памятниками мощинской культуры и сменяющими ее славянскими памятниками, датируемыми IX-X вв. (Григорьев, 2005).

Следующим этапом изучения мощинской культуры стали начавшиеся в 90-е годы XX в. активные раскопки памятников на территории Окско-Донского водораздела, расположенных на юго-востоке ее ареала и непосредственно граничащих с лесостепью.

На сегодняшний день проведены раскопки на городищах Борисово (Т.В. Наумовой 1995 г., автора 1998-1999 гг.), Торхово (В.П. Гриценко 1996 г.), Ново-Клейменово (автора 2001 г.), Щепилово (автора 2002 и 2004 г.), Картавцево (автора 2003 г.), Супруты (А.В. Шекова 1995-1996 гг., А.В. Григорьева 1999-2002 гг., автора 2006-2007 гг.), Акиньино (автора 2009-2010 гг.), Дуна (автора 2011 г.), Велегож (Е.В. Столярова 2012 г.), селище Слободка 2 (А.В. Шекова 1992 г.). Параллельно проводилось активное разведочное обследование территории.

Благодаря проделанной работе были получены соответствующие современным научным требованиям материалы, послужившие основой для монографии (Воронцов, 2013). Основными задачами работы стали разработка дробной внутренней хронологии мощинской культуры, создание каталога памятников и рабочей типологии керамики. Особое внимание уделялось изучению находок, способных выступить в качестве хроноиндикаторов, в чем неоценимую помощь оказали И.О. Гавритухин и И.Р. Ахмедов (Гавритухин, Воронцов, 2008; Гавритухин, 2005б; 2010; Ахмедов, 2008; Ахмедов, Воронцов, 2012).

Коротко последовательность развития древностей мощинской культуры на территории Окско-Донского водораздела выглядит следующим образом.

1-й хронологический горизонт (рис. 2, I). Он характеризуется бытованием предметов круга восточноевропейских выемчатых эмалей и датируется серединой – второй половиной III в.

С горизонтом связаны: скопление предметов из раскопа V на городище Щепилово, включающее лунницу круга эмалей, колокольчатую прорезную подвеску, ажурную застежку и две бронзовые пронизи (рис. 2, I: 1-5), колокольчатая прорезная подвеска (рис. 2, I: 10) и согнутая бронзовая пластина с выполненным мелким

точечным орнаментом изображением всадника с характерно согнутыми конечностями (рис. 2, I: 9). Выделение этого горизонта на городище Щепилово позволяет соотнести с ним еще две лунницы, найденные в ходе раскопок С.А. Изюмовой 1952-53 гг. (рис. 2, I: 6, 7), и выявленный недавно в ходе изучения коллекции с Супрутского городища (раскопки С.А. Изюмовой 1953-1977 гг.) браслет круга эмалей, сведения о котором не содержатся ни в отчетах, ни в полевых описях (рис. 2, I: 8).

Керамический комплекс отличается однородностью, подавляющее большинство сосудов имеет прямой, раструбовидный венчик и резкий, подчеркнутый переход от него к плечу (рис. 2, I: г.Ш.1, г.П). Близки по форме и лощеные горшковидные миски (рис. 2, I: м.IV). Дополняют керамический комплекс миски-крышки. Из описанного комплекса невозможно вывести все характерные для мощинской культуры формы, тем не менее подавляющее большинство керамических типов продолжают своё существование в более поздних мощинских древностях.

2-й хронологический горизонт (рис. 2, II). Он может считаться точкой отсчета формирования собственно мощинской культуры на территории Окско-Донского водораздела и датируется рубежом III – IV – серединой IV в.

Основным отличительным признаком вещевого комплекса этого горизонта является наличие большого количества черняховских изделий, главным образом фибул: фасетированных двучленных прогнутых подвязных с узкой ножкой и вертикальной стойкой для оси пружины (9 экз.), и двучленной прогнутой с пластиной для удержания оси пружины, с узкой ножкой и сплошным приёмником (1 экз.) (рис. 2, II: 1, 2). По классификации А.К. Амброза, они относятся к вариантам 2 и 3 серии I подгруппы 2 группы 16 и варианту 1а подгруппы 1 группы 17 соответственно. Наиболее вероятно, что период их поступления на территорию Окско-Донского водораздела датируется около второй – третьей четвертей IV в. (Гавритухин, Воронцов, 2008).

С началом этого периода керамический комплекс мощинских памятников Окско-Донского водораздела претерпевает серьезные изменения, которые невозможно объяснить эволюцией существовавшего ранее набора. Появляется большое количество новых типов и вариантов горшков (рис. 2, II: г.IV.1, г.V.1-2) и мисок (рис. 2, II: м.I-III), что завершает процесс формирования характерного для мощинской культуры кера-

мического комплекса. Дополняют его глиняные сковороды. Поселения этого горизонта гибнут в пожарах, с которыми связаны находки значительного количества предметов вооружения.

3-й хронологический горизонт (вторая половина IV в.) (рис. 3, III). В отличие от предыдущего горизонта он характеризуется отсутствием массовых черняховских изделий. Для его датировки особое значение имеет находка двучленной прогнутой фибулы с пластиной для удержания оси пружины, широкой ножкой и сплошным приёмником (рис. 3, III: 1). Она принадлежит кругу единичных произведений черняховских мастеров, использовавших как местные, так и более западные прототипы и технологии. Наиболее вероятная датировка – около второй половины IV в. (Гавритухин, Воронцов, 2008).

В этот период появляется новый тип жилых построек – наземные прямоугольные сооружения с вымосткой пола мелкими известняковыми камнями. Керамический комплекс этого горизонта характеризует «отмирание» ранних цилиндроконических мисок, имеющих прототипы в позднезарубинецких древностях. Из всего ряда цилиндроконических мисок остаются только один тип (рис. 3, III: м.Ш) и появление тенденции к утолщению стенки в начале плечика, за счет чего часто получается резкий, через уступ, «подчеркнутый» переход к плечу и утоньшению верха венчика (рис. 3, III: г.Ш.2, г.IV.2).

Памятники **4-го хронологического горизонта** (рис. 3, IV), относящегося к гуннскому времени (конец IV – V в.), характеризуются наличием активных культурных связей с регионом верхнего Подонья, где в этот период существуют памятники типа Чертовицкое – Замятино. Наряду с этим, фиксируется культурный импульс из Центральной Европы. Связанные с этим горизонтом фибулы относятся к категории единичных изделий, и вопросы их датировки и интерпретации подробно рассматриваются в серии статей (Гавритухин, 2005б; Гавритухин, Воронцов, 2008; Ахмедов, 2008).

Южное направление культурных связей наиболее ярко характеризует костяной гребень (раскопки С.А. Изюмовой, 1952 г.), форма вырезов которого, по мнению А.М. Обломского, является характерной чертой почерка мастера из косторезной мастерской, раскопанной на поселении Замятино 8 (Острая Лука, 2004. С. 144, рис. 29: 6).

Западное направление культурных связей характеризует узколезвийный проушной топор, имеющий «выступы» на щекавицах, из по-

стройки 3 раскопа V на Щепиловском городище (рис. 3, IV: 9). Аналогичные топоры были найдены на городище Мощины и Воротыньск, а также в рязано-окских могильниках (Ахмедов, Воронцов, 2012). Наиболее близкие аналогии этой группе находок происходят из восточно-литовских курганов.

Общую линию развития керамического комплекса памятников гуннского времени характеризует усиление и дальнейшее развитие тенденции к утолщению стенки в начале плечика, за счет чего часто получается резкий, через уступ, «подчеркнутый» переход к плечу и утоньшение верха венчика (рис. 3, IV: г.IV.2, г.V.3-4). Эта тенденция привела к появлению горшков, имеющих декоративное ребро в верхней трети сосуда (рис. 3, IV: г.VI).

Материалы, позволяющие говорить о мощинской культуре VI-VII вв. до последнего времени были единичны и представлены в основном случайными находками (Воронцов, 2013, С. 37-42). По этой причине наличие слоев более позднего времени для памятников Окско-Донского водораздела подразумевалось, но подробно они не рассматривались. Кроме того, в ходе исследования стали очевидны некоторые различия между памятниками регионов Поугорья и Окско-Донского водораздела, к которому тяготеют памятники верховья Оки и поречья Жиздры (Воронцов, 2010б). К числу этих различий относятся наличие только в Поугорье мощинских курганных могильников и ранних типов окских фибул с кнопкой, отсутствие в этом регионе черняховских импортных изделий и глиняных сковород. Поэтому распространять полученные выводы на всю территорию культуры можно лишь с большой осторожностью.

Некоторые материалы раскопок Акиншинского городища 2009-2010 гг.

Полноценные материалы для обсуждения позднего периода существования мощинских памятников дали только раскопки Акиншинского городища 2009-2010 гг. Оно является первым изученным памятником на Верхней Оке, в котором хорошо сохранились слои мощинской культуры, имеющие датировку позднее V в. Городище имеет все основания стать базовым объектом для исследований древностей этого периода. В данной работе не ставится задача полной публикации результатов этих работ, поэтому ниже приводится выборка из нескольких разновременных объ-

ектов, позволяющая охарактеризовать в общих чертах вещевой и керамический комплексы мощинской культуры V – середины VII в.

Городище расположено между дер. Акиньшино Перемышльского района Калужской области и Покровское Суворовского района Тульской обл. на границе областей со стороны Тульской области. Памятник расположен на высоком коренном мысу, образованном слиянием оврага с безымянным ручьем, левым притоком р. Свободь (мелкий правый приток Оки) (рис. 4).

Площадка в плане подтреугольная, размером около 60 × 95 м. С напольной восточной стороны городище защищено валом серповидной формы высотой в центральной части до 9 м и шириной до 20 м. Первоначально вал имел длину до 60 м. По архивным материалам, в середине XIX в. местные крестьяне срезали северный конец вала на ширину до 3 м для удобства вывоза с площадки городища срубленного леса. Перед валом располагается ров глубиной до 3 м и шириной в центральной части до 12 м. Мысовая часть площадки городища отрезана от остальной части мыса эскарпом высотой до 2,5 м. Обращает на себя внимание, что и ниже по склону мыс имеет еще три подобных террасы. В настоящий момент площадка и вал городища залесены, что значительно затрудняет работы.

Первые раскопки на городище были проведены в 1903 г. Ю.Г. Гендуне (Гендуне, 1903а). Она дала подробное описание памятника, его глазомерный план с нанесенными раскопанными участками, заложила 13 траншей разного размера и конфигурации. Материалы раскопок Ю.Г. Гендуне не раз обсуждались в археологической литературе (Никольская, 1959; Казанский, 1999; 2008), однако вплоть до 2008 года памятник более ни разу не был обследован и в настоящий момент не значится ни в каких сводах и списках.

В 2009-2010 гг. на площадке городища были заложены два раскопа общей площадью 98 кв. м, и была проведена зачистка грабительской траншеи, практически наполовину прорезавшей вал городища, благодаря чему была изучена стратегия укреплений (Воронцов, 2009; 2010а). Наиболее ранние слои городища относятся к концу III – IV в. и выходят за рамки обсуждаемой проблематики. Ниже приводится ряд комплексов V – середины VII в. в хронологической последовательности.

К наиболее ранним материалам относится комплекс постройки 3 (рис. 5-8). Изученная

часть имеет размеры около $4,80 \times 5,10$ м. Заглублена в слой и материк до 0,44 м, имеет подпрямоугольный контур, сориентированный углами по сторонам света, и ровное дно. Была перекрыта постройками 2а, 5.

При разборке постройки найдено 12 индивидуальных находок, в том числе глиняная погребушка, спиралевидная пронизка, три фрагмента ножей, пластинчатое кресало, бронзовое кольцо, трапециевидная привеска, железный предмет и три битрапециевидных пряслица (рис. 5). С ней связаны находки 2178 фрагментов лепных сосудов мощинской культуры, в том числе 262 обломков лощеных сосудов, из которых удалось отреставрировать 2 полных и 2 неполных формы, также в постройке был найден небольшой практически целый горшок (рис. 6-8). Наиболее вероятная датировка постройки – первая половина V в.

Перекрывает постройку 3 постройка 2а, которая в свою очередь перекрыта скоплением 2 (рис. 9). Изученная часть имеет размеры около $2,60 \times 2,10$ м. Заглублена в слой и материк до 0,30 м, имеет подпрямоугольный контур, сориентированный углами по сторонам света, и ровное дно.

При разборке постройки найдено 7 индивидуальных находок, в том числе фибула из свинцово-оловянистого сплава, две булавки, трапециевидная подвеска, нож, пряжка и битрапециевидное пряслице (рис. 9: 1-7). С сооружением связаны находки 135 фрагментов лепных сосудов мощинской культуры, в том числе 27 обломков лощеных (рис. 9: 8-19). Наиболее вероятная датировка постройки – середина V в.

Стратиграфически выше расположена постройка 5 (рис. 10-13), перекрывающая постройку 3 и, в свою очередь, перекрытая постройкой 11. К южной стене постройки примыкала округлая яма размерами $0,88 \times 0,84$ м, по всей видимости, являющаяся остатками отопительного сооружения. Постройка заглублена в слой до 0,20 м и имела размеры около $3,40 \times 3,42$ м., подпрямоугольный контур, сориентированный углами по сторонам света, и ровное дно.

При разборке постройки обнаружено 11 индивидуальных находок, в том числе двушипный наконечник копья, две бляшки-нашивки из свинцово-оловянистого сплава, поясная Ж-образная накладка, две железные посоховидные булавки, железный нож, два соединенных кольчужных кольца, фрагмент железной иглы, три лощеных битрапециевидных пряслица, одно из которых орнаментировано (рис. 10). Из находок наиболь-

ший интерес представляет Ж-образная накладка, ближайшие аналогии которой происходят из рязано-окских могильников (погребения 124 могильника Борок и 4 Никитинского могильника). Они датируются второй половиной V – началом VI в. (Ахмедов, 2007. С. 149, Рис. 30: 4, 31: 3). Таким образом, наиболее вероятная датировка постройки – вторая половина V – начало VI в. С ней связаны находки 882 фрагментов лепных сосудов мощинской культуры, в том числе 101 обломка лощеных (рис. 11-13).

К числу наиболее поздних построек на городище относится Скопление 2 (Рис. 14-17). Такое название комплекса связано с тем, что верхняя часть культурного слоя (к/с 0 по полевой документации) представляла из себя дерн, сильно насыщенный корнями деревьев. При его разборке были выкорчеваны пять пней. Сохранность слоя в большинстве случаев не позволила проследить в нем контуров наземных построек, предположительные остатки которых были зафиксированы в качестве скоплений материала с условными границами.

Изученная часть постройки имела размеры около $4,70 \times 3,50$ м. При разборке скопления сделано 10 индивидуальных находок, в том числе накладка геральдического стиля, обломок лезвия топора, трапециевидная подвеска, три трехлопастных черешковых наконечника стрел, бронзовая бусина и три битрапециевидных пряслица (рис. 14). Со скоплением связано 1279 фрагментов лепных сосудов мощинской культуры, в том числе 136 обломков лощеных (рис. 15-17). Наиболее вероятная датировка постройки, основанная на находке накладки геральдического стиля, – первая половина VII в. По типологии И.О. Гавритухина, она относится к типу 3г, близки типы 3б и 3в (Гавритухин, Обломский, 1996, С. 27-28, рис. 40, 41). Аналогии происходят с Приазовских степей, горного Крыма, Кавказа, одна находка известна на Суре.

Еще одним сооружением самого позднего горизонта существования мощинского поселка является постройка 11 (рис. 18-19). Размеры изученной части составляют $3 \times 3,72$ м. Контур постройки имел подпрямоугольную форму и был сориентирован углами по сторонам света.

При разборке постройки были сделаны 4 индивидуальные находки, в том числе железная посоховидная булавка, фрагмент косы, железный нож, фрагмент лезвия ножа (рис. 18). В заполнении был найден 581 обломок грубых лепных сосудов мощинской культуры, развал грубого

лепного горшка, 92 фрагмента лощеных сосудов, 8 фрагментов сковород (рис. 19).

Благодаря материалам, полученным в ходе раскопок Акиншинского городища, мы в настоящий момент располагаем репрезентативной выборкой, характеризующей вещевой и керамический комплексы мощинской культуры V – середины VII в.

Характеристика материалов поздних мощинских памятников

Керамический комплекс

Общую линию развития керамического набора поздних мощинских памятников на примере приведенных комплексов из раскопок Акиншинского городища можно охарактеризовать следующим образом: усиление и дальнейшее развитие тенденций к утолщению стенки в верхней части плечика (за счет чего часто получается резкий, через уступ, «подчеркнутый» переход к плечу) и утоньшению верха венчика. В постройках, относящихся к первой половине VII в. (скопление 2 и постройка 11), преобладают толстостенные горшки типов V.4 (рис. 15: 4-7; 19: 4-5) и VI (рис. 15: 1-3; 19: 1-3) (типология керамики опубликована: Воронцов, 2013. 24-26). Лощеная керамика преимущественно представлена фрагментами цилиндрических ребристых мисок (рис. 17: 1-7; 19: 10-11). Процент лощеной посуды достаточно стабилен и составляет около 10-13%. На протяжении всего рассматриваемого периода в составе комплексов сохраняются глиняные сковороды.

Керамика практически не орнаментирована. В наиболее раннем из приведенных комплексов (постройка 3) только три груболепных венчика имеют насечки по краю (рис. 6: 12-13; 7: 14). В поздних комплексах встречен лишь единственный мелкий фрагмент груболепного горшка, имеющий орнаментацию (рис. 16: 6). Не исключено его случайное попадание в комплекс.

Именно сосуды, относящиеся к типам V.4 и VI, удалось выделить в качестве мощинского компонента в составе керамического комплекса верхнеокских памятников IX-X вв. (рис. 20) (Колоколов, 2011). Эти реликты свидетельствуют о том, что остатки мощинского населения продолжали существовать на данной территории вплоть до появления памятников роменской культуры и даже какое-то время сосуществовать с ними.

* * *

Несмотря на то, что происходящий с поздних памятников мощинской культуры комплекс находок не велик, уже сегодня можно охарактеризовать ряд наиболее показательных категорий.

Бляшки-нашивки

из свинцово-оловянистого сплава

С памятников мощинской культуры третьей четверти I тыс. н.э. происходит небольшая серия малых круглых бляшек-нашивок из свинцово-оловянистого сплава (рис. 21; 28). В настоящее время их известно 8 экземпляров: с городищ Велегож (рис. 21:1-2) (подъемный материал), Дуна (рис. 21: 3) (подъемный материал), Лужки (рис. 21: 4) (раскопки Т.Н. Никольской), Акиншино (рис. 21: 5-8) (5, 8 – постр. 5, 6 – подъемный материал, 7 – постр. 9а). Все их характеризует наличие на обратной стороне прямого узкого канала для нитки, перекрытого литыми перемычками, число которых варьирует от одной до трех. На лицевой стороне обязателен рельефный ободок по периметру, в большинстве случаев состоящий из полусферических выступов (рис. 21: 1, 2, 4, 5-7), в двух случаях гладкий (рис. 21: 3, 8). Средняя часть бляшек в большинстве случаев – плоская (рис. 21: 1-3, 5-7), на двух экземплярах – выпуклая (рис. 21: 4, 8).

Наибольшие отличия в серии имеет экземпляр из Лужков, более массивный по сравнению с другими, имеющий более широкий канал под нитку и всего одну перемычку, более тщательную проработку лицевой части (рис. 21: 4). Датировать его сложно, поскольку материалы раскопок фактически не опубликованы, а сохранившаяся в Орловском краеведческом музее коллекция не полна. Тем не менее, судя по находкам черняховской фибулы и браслета с расширяющимися концами (Никольская, 1970. Рис.4: 3-4), можно говорить о наличии на городище слоев IV-V вв. Возможно, бляшка из Лужков – наиболее раннее изделие в рассматриваемой серии.

Находки с городищ Дуна и Велегож могут датироваться только в рамках общей даты мощинских слоев этих памятников, то есть середины III–V в. в первом случае и середины IV – середины V в. во втором. Наибольший интерес представляют находки с городища Акиншино (рис. 21: 5-8), поскольку они были найдены в стратифицированных комплексах. Анализ комплексов построек 5 и 9а и их стратиграфического положения позволяет предложить для Акиншинских находок дату в рамках середины

V – начала VI в. Таким образом, наиболее вероятно, что полусферические бляшки могут относиться к V – началу VI в., хотя для находки из Лужков не исключена и более ранняя датировка.

Железные посоховидные булавки

Еще одной интересной категорией находок являются железные посоховидные булавки (рис. 22; 28). Первую серию составляют изделия с квадратным сечением верхней части и завитком на конце (рис. 22: 1-2). Две находки происходят с городищ Велегож и Акиньюшино (подъемный материал). Аналогичные вещи найдены на городищах Серенск и Дешовки (раскопки Т.Н. Никольской). Поскольку все находки сделаны вне комплексов, предложить какую-либо узкую датировку этих вещей в настоящее время невозможно, хотя необходимо отметить, что булавка с городища Велегож не может быть датирована ранее середины IV в.

Наибольший интерес представляет серия посоховидных булавок с городища Акиньюшино (рис. 22: 5-11) (5 – постройка 11, 6, 7 – постройка 5, 8 – скопление 1, 9 – скопление 4, 10-11 – постройка 2а). Эти булавки характеризуются прямоугольным (в некоторых случаях «прогнутым») сечением верхней части, круглым сечением нижней и отсутствием завитка на конце. Их присутствие в стратифицированных комплексах позволяет датировать время существования таких булавок в рамках середины V – первой половины VII в. Аналогичные находки происходят с городища Велегож (рис. 22: 3-4) (3 – заполнение рва № 3; 4 – подъемный материал). Их возможно датировать только в рамках общей хронологии мощинских слоев городища на основании анализа всего комплекса находок (готовится к публикации), то есть серединой IV – серединой V в.

Таким образом, датировать железные посоховидные булавки, главным образом второй серии, на мощинских городищах можно в рамках V – первой половины VII в., хотя для первой серии не исключена и несколько более ранняя датировка. Необходимо заметить, что в слоях мощинских памятников второй четверти I тыс. находки посоховидных булавок неизвестны. Примером позднего бытования железных посоховидных булавок могут служить литовские древности (Lietuvos TSR archeologijos atlasas, 1977. S.147, K. 41), хотя специальной работы, посвященной их бытованию и хронологии на территории Литвы, к сожалению, нет.

Фибулы типа Картавецво – Серенск

Эти фибулы (рис. 23) были выделены в отдельную группу И.Р. Ахмедовым и датированы в рамках V в. (Ахмедов, 2008, С. 15-16; рис. 9). Их характеризуют крупные биконические шишечки на головке, массивные дуговидные спинки, в большинстве случаев рифленые с полукруглым сечением, широкие трапециевидные ножки, короткий пластинчатый приемник, пружинный механизм ни в одном случае не сохранился. Безусловно, они близки рязано-окским крестовидным фибулам, но тем не менее имеют ряд характерных отличий и образуют достаточно компактную территориальную группу (рис. 28). Два наиболее крупных экземпляра (длина 8,5-8,6 см) происходят с городищ Серенск (раскопки Т.Н. Никольской) и Картавецво (случайная находка) (рис. 23:1-2). Серия находок небольшого размера (4,5-5 см) происходит с городищ Дуна (случайная находка), Акиньюшино (постройка 2а) и из окрестностей Козельска (случайная находка) (Рис. 23: 3-5). Наибольший интерес для обсуждения датировки этой серии фибул имеет акиньюшинская находка. В отличие от остальных экземпляров, изготовленных из бронзы, она сделана из свинцово-оловянистого сплава, и, по всей видимости, не могла иметь пружинного механизма, т.е. может рассматриваться как имитация. Также ее отличает от других экземпляров подтреугольное сечение спинки. Стратиграфическое положение постройки, из которой она происходит, позволяет отнести ее ко времени около середины V в., что не противоречит общей датировке, предложенной И.Р. Ахмедовым.

Поясная гарнитура геральдического стиля

Для датировки позднего горизонта мощинских древностей главное значение имеют находки поясной гарнитуры геральдического стиля. Всего с территории Верхнего Поочья происходят семь изделий, которые найдены на двух памятниках (рис. 24: 1-7; 28).

На городище Акиньюшино, в скоплении 2 и в слое 0 в непосредственной близости от скопления 2, найдены две горизонтально-симметричные накладки с окончаниями щитовидной формы (рис. 24: 1-2). Эти находки, безусловно, составляют один гарнитур, вторая накладка имеет литейный брак. По типологии И.О. Гавритухина, они относятся к типу 3г, близки им типы 3б и 3в (Гавритухин, Обломский, 1996, С. 27-28; рис. 40,

41). Аналогии происходят с Приазовских степей, горного Крыма, Кавказа, одна находка известна на Суре. Акиншинские вещи нужно, безусловно, отнести к «южному» импорту, наиболее вероятная их датировка – конец VI – середина VII в.

С городища Картавецво происходят пять случайных находок (рис. 24: 3-7) (Воронцов, 2013, С. 60, рис. 72). В их число входит наконечник ремня с боковыми фигурными выступами и роговидной верхней частью (рис. 24: 3), две Т-образные бляшки, одна из которых снабжена пламенивидной пластиной с треугольным отверстием посередине (тип А по И.О. Гавритухину) и тремя круглыми отверстиями для крепления (Рис. 24: 4), а вторая имеет рогатую пластину с четырьмя круглыми отверстиями для крепления (тип Б2в по И.О. Гавритухину) (рис. 24: 5) (Гавритухин, Обломский, 1996, С. 25-27, 32; рис. 37-39). Завершают список две горизонтально-симметричные накладки с окончаниями щитовидной формы типа 3г по И.О. Гавритухину (рис. 24: 6-7). В целом комплекс находок с Картавецвского городища синхронен акиншинскому.

Находки поясной гарнитуры геральдического стиля на сегодняшний день являются наиболее поздними хроноиндикаторами для слоев мощинских памятников. Таким образом, объективно их верхняя дата может быть определена около середины VII в.

Находка пальчатой фибулы днепровского типа

Фрагмент пальчатой фибулы найден в районе д. Вязовна Чернского района Тульской области (рис. 24: 8; 28). Детального археологического обследования района находки не проводилось, поэтому связать ее с какой-либо группой памятников в настоящее время не представляется возможным. Найденный фрагмент представляет собой фрагмент головки фибулы с сохранившимися тремя из пяти «пальцев», украшенной циркульным орнаментом. Находка относится к днепровской группе пальчатых фибул по И.О. Гавритухину (Гавритухин, Обломский, 1996, С. 36-38). Более точное типологическое определение невозможно. Наиболее вероятная датировка находки – в рамках VI-VII вв.

Подвески позднемошинского стиля

К позднемошинскому престижному женскому набору могут быть отнесены подвески, выполненные из тонких серебряных листов, укра-

шенные крупным пуансоном (рис. 25: 1-6, 9-10; 28). Такие предметы входят в состав найденного на городище Картавецво клада (рис. 25: 1-6), который передан в фонды музея-заповедника «Куликово поле», и полная публикация которого в настоящее время готовится. Кроме двенадцати полукруглых подвесок (две фрагментированы), украшенных крупными выпуклинами (в большинстве случаев тремя) и имеющих приклепанное ушко, сделанное из бронзовой пластины, в него входили две крупные трапециевидные подвески с проволочными колечками для подвешивания, орнаментированные одной выпуклиной в центре, три ведерковидные подвески и набор красных и зеленых бус из глухого стекла (Воронцов, 2013, Рис. 73). По всей видимости, клад представляет собой убор одной женщины, спрятанный в момент опасности.

Полностью идентичная входящим в состав клада полукруглая подвеска была найдена на склоне городища Картавецво при проведении исследований 2003 года (рис. 25: 10) (Воронцов, 2013, С. 60; рис. 70: 2). Аналогичная подвеска, имеющая на месте выпуклин отверстия (по всей видимости, из-за плохой сохранности металла), происходит из постройки 4 городища Борисово (рис. 25: 9) (Воронцов, 2013, С. 59; рис. 41). К сожалению, собственных оснований для датирования эти находки не имеют.

Полной аналогией подвескам с городищ Борисово и Картавецво являются некоторые вещи из Елшинского клада VII в. из Пронского района Рязанской области (рис. 26)¹. Датировка этого комплекса основана на присутствии в его составе предметов круга днепровских кладов типа Мартыновки. В отличие от картавецвского, елшинский является кладом ювелира. Интересно и место его находки – в верховьях Прони, фактически между ареалами двух культур – мощинской и рязано-окских могильников.

Таким образом, наиболее вероятно, что подвески позднемошинского стиля, найденные на городищах Картавецво и Борисово, могут датироваться поздним периодом существования мощинских древностей, то есть около первой половины VII в. Присутствие в составе Картавецвского и Елшинского клада ведерковидных

¹ Выражаю благодарность И.Р. Ахмедову за предоставленную информацию и фотографии, а также за возможность публикации аналогий позднемошинским подвескам из состава Елшинского клада.

подвесок, традиционно относящихся к поздне-римскому времени, по всей видимости, отражает особенности их бытования именно у мощинского населения. Вообще, среди древностей мощинской культуры ведековидные подвески известны только в составе Велегожского клада середины V в. (Воронцов, Столяров, 2015. С. 12-15, рис. 34: 3-19), то есть в «классический» период бытования ведековидных подвесок на территории Восточной Европы они на территории Верхнего Поочья не встречены, и относятся исключительно к третьей четверти I тыс.

Трехлопастные черешковые наконечники стрел

Еще одной категорией находок, представляющих особый интерес при рассмотрении памятников мощинской культуры третьей четверти I тыс. н.э., являются находки трехлопастных черешковых наконечников стрел.

Наиболее представительная их коллекция происходит с Акиньюшинского городища (рис. 27: 1-14; 28). Все они относятся к типу 3в по И.П. Засецкой (Засецкая, 1994, С. 36-39, рис. 4). Пять наконечников происходят из раскопок Ю.Г. Гендуне, проведенных в 1903 году. Все они были найдены в траншее №8, располагавшейся в подошве вала с внутренней стороны в его южной части (Гендуне, 1903, л. 50, 71, 81, №№ 4, 7, 8, 10, 12). Два из них сохранились в коллекции Калужского краеведческого музея (рис. 27: 10-11), остальные приводятся по фотографиям из отчета. Сохранившиеся наконечники были опубликованы Т.Н. Никольской в достаточно схематичных рисунках (Никольская, 1959, рис.15: 4, 7).

Из раскопа 1 2009-2010 гг. на площадке городища Акиньюшино происходят 8 трехлопастных наконечников стрел (рис. 27: 1-8), еще один был найден в шурфе 2008 года, включенном впоследствии в систему раскопа (рис. 27: 9). Все наконечники найдены в непосредственной близости от южного склона площадки городища, четыре из них связаны с наиболее поздними сооружениями мощинской культуры на городище (скопления 1 и 2), остальные – со слоем вокруг них. Таким образом, выпадение в слой трехлопастных наконечников стрел связано с прекращением жизни на городище, которое вероятнее всего можно датировать первой половиной – серединой VII в.

Характерной особенностью акиньюшинских находок, прослеживаемой на хорошо сохранив-

шихся экземплярах, является то, что на них черешок не заканчивается перед нижней частью лопастей, а прослеживается далее, на протяжении как минимум еще одного сантиметра (рис. 27: 2-4, 6-7, 10-11). Близкий по конструкции наконечник происходит из кургана 35 могильника Ливенцовский VII, расположенного на территории Ростова-на-Дону (Безуглов, Ильюков, 2007, рис. 5:7). Комплекс датируется в рамках второй половины VI – начала VII в. (Безуглов, Ильюков, 2007, С. 35-36).

Аналогией акиньюшинским находкам среди окских памятников могут служить опубликованные И.Р. Ахмедовым находки трехлопастных черешковых наконечников стрел типа 3в по И.П. Засецкой с городища Терехово Шиловского района Рязанской области (Ахмедов, 2010, С. 13-14, рис. 11-12). Один такой наконечник был найден в комплексе подпечной ямы (объект 1), датированном VII в. Комплекс относится к финальному слою городища, имеет следы пожара, в нем найдены фрагменты человеческих останков. Судя по всему, поселение прекратило свое существование после военного разгрома (Ахмедов, 2010. С. 13, рис. 11: 2).

Это позволило автору связать с этим горизонтом находки трехлопастных черешковых наконечников стрел, происходящих из сборов с площадки городища, общее количество которых не называется (указывается только общее число происходящих из сборов наконечников стрел, относящихся к третьей четверти I тыс. и началу II тыс. – более 60). В публикации приводятся фотографии 9-ти таких наконечников (Ахмедов, 2010, рис. 12).

К более раннему времени, по всей видимости, относится находка трехлопастного наконечника стрелы типа 3в по И.П. Засецкой в слое 0 раскопа IV на городище Щепилово (перемешанный слой, образовавшийся при нивелировке вала городища в ходе строительства спортивной площадки) (рис. 27: 15) (Воронцов, 2002, С. 9, рис. 5: 4). Материалы раскопок Щепиловского городища не позволяют датировать изученный на нем слой мощинской культуры позднее V в (Воронцов, 2013. С. 63-64, Рис. 12-34; Гавритухин, Воронцов, 2008. С. 36-38, 58, 59). Вероятно, этот наконечник может соотноситься со слоем пожара второй половины IV в. (постройки 1, 2).

Еще два наконечника происходят с городища Ростиславль (рис. 27: 16-17; 28) (Медведь, 2007, С. 54, рис. 3: а, б). Один из них, судя по опубликованной фотографии (рис. 27: 17), имеет плохую

сохранность, препятствующую точному типологическому определению, и был найден в верхнем перемешанном слое на поверхности вала. Второй (рис. 27: 16), отнесенный автором публикации к типу 1Ба по И.П. Засецкой, соотносится со слоем пожара, наиболее вероятно датируемым концом IV – первой половиной V в. (Тавлинцева, 2010). Учитывая, что тип 1 по И.П. Засецкой характеризуется наконечниками с боевой головкой, верхняя и нижняя части которой равны по величине, рассматриваемый экземпляр ближе к типу 3в (Засецкая, 1994. С. 37, рис. 4).

Еще один наконечник найден на склоне городища Сосенский (Чертово), и также относится к типу 3в по И.П. Засецкой (рис. 27: 18; 28). Его удалось выделить среди обширной коллекции трехлопастных черешковых наконечников стрел, связанных со слоями IX-X вв., наиболее ярко представленных на памятнике (Прошкин, 2011). Более точное определение датировки этого наконечника не представляется в настоящий момент возможным.

Находки трехлопастных черешковых наконечников стрел в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы в последнее время широко обсуждаются в научной литературе (Казанский, 1999; 2008; Медведь, 2004; Седин, 2011; Kazanski, 2000; Bitner-Wróblewska, Kontny, 2006). С точки зрения М.М. Казанского, появление трехлопастных черешковых наконечников стрел в лесной зоне Восточной Европы является инновацией эпохи Великого переселения народов, при этом при их интерпретации различается два момента – подтверждается их несомненно «степное», по крайней мере, южное происхождение, и отрицается реальность их принадлежности на «лесных» памятниках каким-либо кочевникам (Казанский, 2008, С. 306-307, 310-311). Для обоснования последнего утверждения приводятся следующие аргументы: широкое распространение таких находок в лесной зоне Восточной Европы «вплоть до Псковщины, куда кочевники не добрались и во времена Батыя», и наличие трехлопастных черешковых наконечников стрел и костяных накладок для сложносоставного лука у славян и германцев, в контексте, исключающем случайное попадание (Казанский, 2008. С. 307). Таким образом, находки трехлопастных черешковых наконечников стрел автор связывает с проникновением в лесную зону милитаризированных групп, вероятнее всего, славянского населения из Поднепровья или Подунавья (Казанский, 2008, С. 310-311).

Аналогичной точки зрения придерживаются А. Битнер-Врублевская и Б. Контны при рассмотрении вопроса интерпретации находок трехлопастных черешковых наконечников стрел с территории Литвы (Bitner-Wróblewska, Kontny, 2006). Согласно их выводам, найденные на территории Литвы трехлопастные наконечники стрел – результат племенных войн с населением лесной зоны Восточной Европы, которое переняло элементы кочевого «гуннского» вооружения (Bitner-Wróblewska, Kontny, 2006. S.118-119).

В свете этой теории находки на мощинских городищах могут скорее послужить исключением, поскольку для них «кочевой» контекст не является невозможным.

Рассмотренные выше находки делятся на две хронологические группы. К первой относятся находки с городищ Щепилово и Ростиславль, датируемые в рамках конца IV – первой половины V в. Наиболее вероятно их связать с конфликтами, сопровождавшими формирование на Верхнем Дону памятников типа Чертовицкое – Замятино (Острая Лука..., 2004). В пользу этого утверждения можно привести следующие аргументы. Во-первых, наличие на Верхнем Дону группировки кочевого населения, использовавшего сложные луки гуннского типа и трехлопастные наконечники стрел. Во-вторых, доступность мощинских памятников Окско-Донского водораздела, занимающих кромку лесной зоны, для кочевых набегов и вторжений. В-третьих, связь находок со слоями военного разгрома поселений. В-четвертых, наличие перемещенного мощинского населения на полиэтничных памятниках Острой Луки.

Находки с Акиншинского городища дают вторую волну выпадения трехлопастных черешковых наконечников стрел на мощинских памятниках, относящуюся к первой половине – середине VII в. Эти находки характеризует также «военный» контекст и вполне вероятная взаимосвязь с аналогичными наконечниками с Тереховского городища, расположенного на территории культуры рязано-окских могильников. Вероятность вооруженных рейдов кочевников на территорию Верхнего и Среднего Поочья в эту эпоху, как справедливо отмечает И.Р. Ахмедов, подтверждается находкой Арцыбашевского погребения (Ахмедов, 2010, С. 14).

Таким образом, находки трехлопастных наконечников стрел на памятниках мощинской культуры не могут рассматриваться как пример перенесения населением лесной зоны «кочевого» по

происхождению оружия, поскольку связаны с «военным» контекстом. Также весьма вероятно их интерпретация как следов вооруженных рейдов кочевников в конце IV – первой половине V в. и в первой половине – середине VII в.

Для создания полной картины бытования этой категории находок на территории Верхнего Поочья, безусловно, необходимо провести детальный анализ аналогичных наконечников стрел с территории дьяковской культуры, в частности с городищ Кунцево, и Саввино-Сторожевского монастыря.

Выводы

Рассматриваемые в настоящем разделе материалы памятников мощинской культуры третьей четверти I тыс. н.э. позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, материалы большинства изученных раскопками памятников Верхнего Поочья датируются не позднее V в. Более поздние мощинские памятники расположены на мелких притоках Оки в глубине лесной зоны, и, судя по всему, отсутствуют на более близких к границе лесостепи территориях (например, бассейна р.Упы).

Во-вторых, в настоящее время найдены и изучены памятники, верхняя дата которых относится к середине VII в., причем материалы Акиншинского городища говорят о «военном» характере прекращения жизни на поселении, при этом не исключено, что это произошло в результате вооруженного рейда кочевников. Эта дата соотносится с финалом культуры рязано-окских могильников, определяемым И.Р. Ахмедовым около середины VII в. (Ахмедов, 2010, С. 13). Аналогично определяется Н.А. Кренке верхняя дата городища Дьяково и московской группы памятников в целом (Кренке, 2011, С. 138-145, 224-225). При этом отмечается, что достоверных находок импортных изделий VI-VII вв. и местных изделий, датирующихся этим временем, в бассейне Москвы-реки очень мало, что очень напоминает упоминавшийся выше процесс сокращения количества памятников мощинской культуры в конце V в.

В-третьих, наличие в составе керамического комплекса славянских памятников IX-X вв. сосудов мощинского типа позволяет предполагать, что какая-то часть носителей культуры продолжала существовать на территории Верхнего Поочья вплоть до этого времени.

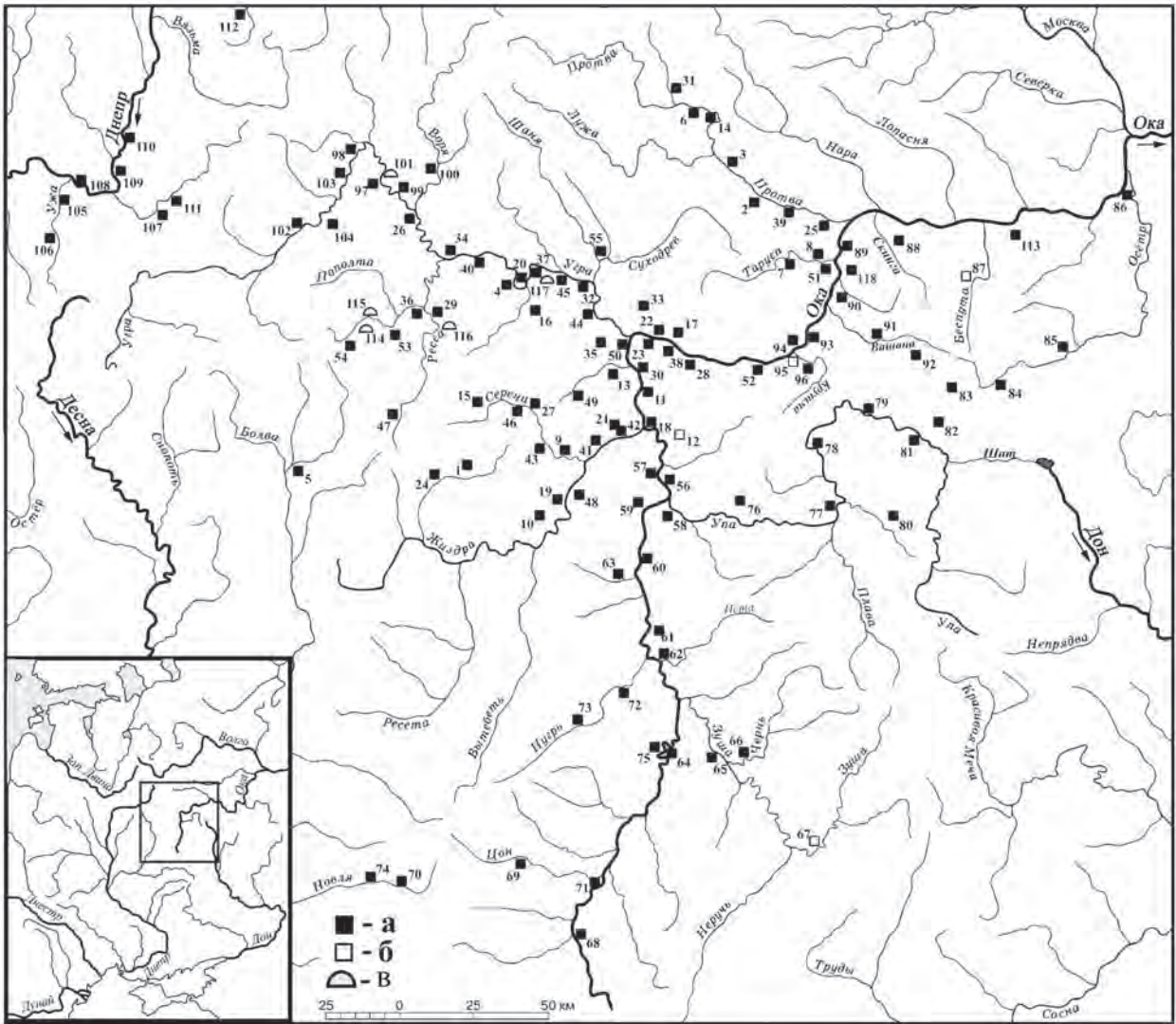

Рис. 1. Городища и курганы мощинской культуры.

а – городища, б – городища, на которых зафиксированы находки VI-VII вв., в – курганы.

1 – Алнеры, 2 – Алтухово, 3 – Огубское, 4 – Бекасово, 5 – Бережки, 6 – Боровск, 7 – Лысяя гора, 8 – Бояково, 9 – Бурнашево, 10 – Волконское, 11 – Вороново, 12 – Акиньишино, 13 – Воротынский, 14 – Высоково, 15 – Городец, 16 – Городище, 17 – Городня, 18 – Гремячево, 19 – Дешевки, 20 – Дюкино, 21 – Ждановка, 22 – Ждамирово, 23 – Ромоданово, 24 – Кириллово, 25 – Кислино, 26 – Жары, 27 – Копцово, 28 – Ладыгино, 29 – Ленское, 30 – Мал. Сушка, 31 – Маламахово, 32 – Матово, 33 – Матюнино, 34 – Мокрое, 35 – Мордвиново, 36 – Мощины, 37 – Николо-Ленивец, 38 – Никольское, 39 – Оболенское, 40 – Палатки, 41 – Подборки, 42 – Покровское, 43 – Пронино, 44 – Свинухово, 45 – Сени, 46 – Серенск, 47 – Серпейск, 48 – Сосенский, 49 – Спас, 50 – Спас-Городок, 51 – Таруса 1, 52 – Троицкое 2, 53 – Спас-Перекша (Хотибино), 54 – Шитово, 55 – Щербазавод, 56 – Белое, 57 – Дуна, 58 – Мишнево, 59 – Нов. Слободка, 60 – Жабынь, 61 – Федяшево, 62 – Фурсово 1, 63 – Каменка, 64 – Торкуновка, 65 – Мценск, 66 – Зайцево, 67 – Воротынцево, 68 – Лужки (Пашково), 69 – Комаровское, 70 – Железное, 71 – Знаменка (Гать), 72 – Кишкино, 73 – Рожково, 74 – Большое Слободкинское, 75 – Сторожевое, 76 – Кирилловка, 77 – Супруты, 78 – Поречье, 79 – Щепилово, 80 – Майский, 81 – Таптыково, 82 – Бежка, 83 – Торхово, 84 – Бордуково, 85 – Щучье (Соколовка), 86 – Ростиславль, 87 – Борисово, 88 – Нижняя Городня, 89 – Бёхово, 90 – Мосолово, 91 – Никулино, 92 – Ново-Клеймёново, 93 – Сорокинское, 94 – Петровское, 95 – Картавцево, 96 – Сенёво, 97 – Федотково 1, 98 – Азаровка, 99 – Кобелёво 1, 100 – Мамуши 2, 101 – Федотково, 102 – Самбурово, 103 – Дрожжино, 104 – Знаменка 2, 105 – Болотово, 106 – Б. Городок, 107 – Городок, 108 – Наквасино, 109 – Мартынкино, 110 – Перстёнки, 111 – Новосёлки (Никола), 112 – Лукино, 113 – Корыстовское, 114 – Шаньково, 115 – Почепок, 116 – Кажакки, 117 – Дюкино (курган), 118 – Велегож.

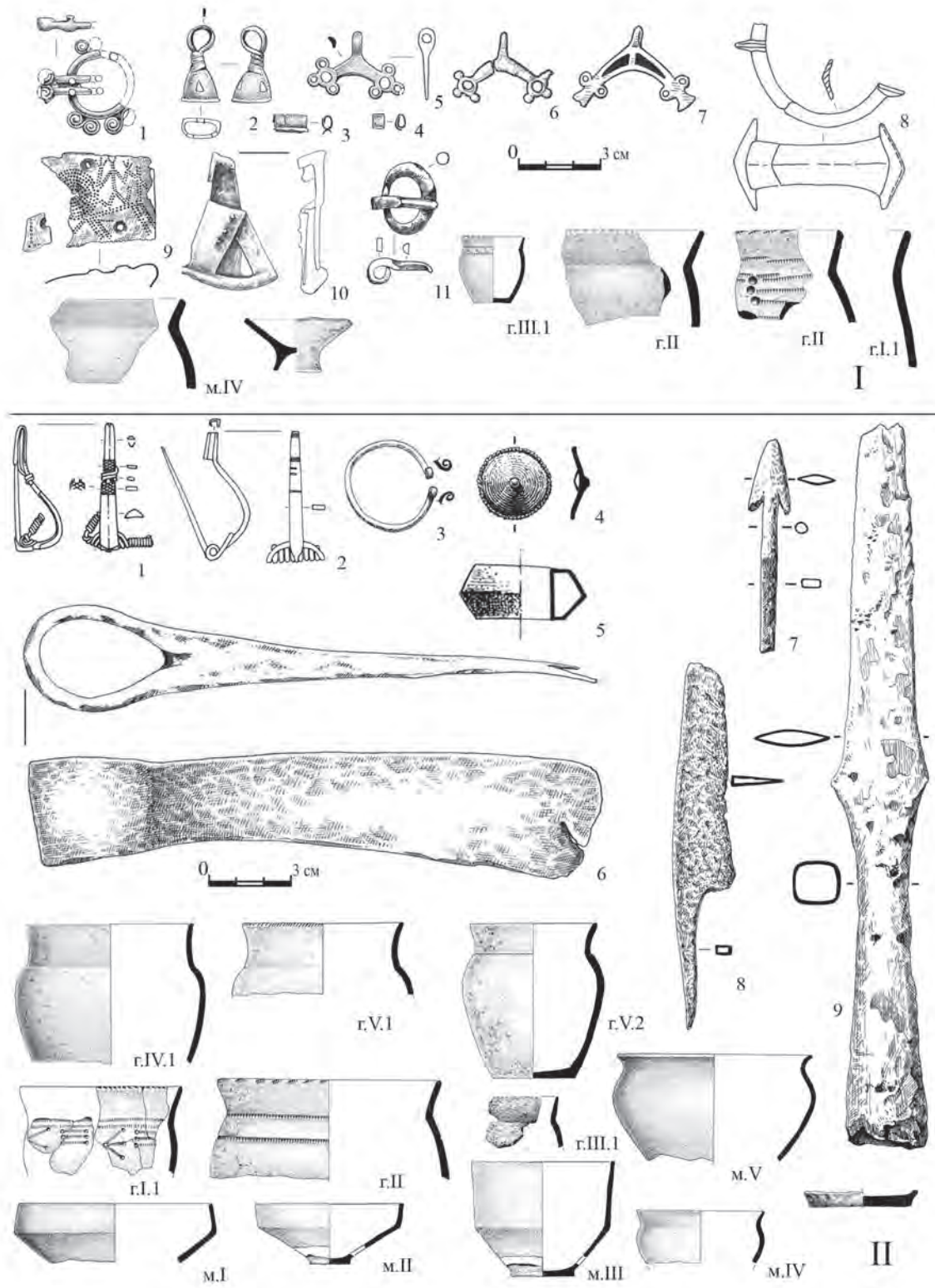

Рис. 2. Находки, связанные с 1-м (I) и 2-м (II) хронологическими горизонтами мощинской культуры на Окско-Донском водоразделе.
 I: 1-7, 9-10 – городище Щепилово, 8, 11 – городище Супруты. 1-10 – бронза, 11 – железо.
 II: 1 – городище Супруты, 2, 4, 5, 8-9 – городище Борисово, 3 – городище Щепилово, 6 – поселение Харино. 1, 3, 4 – бронза, 5 – глина, 2, 6-9 – железо.

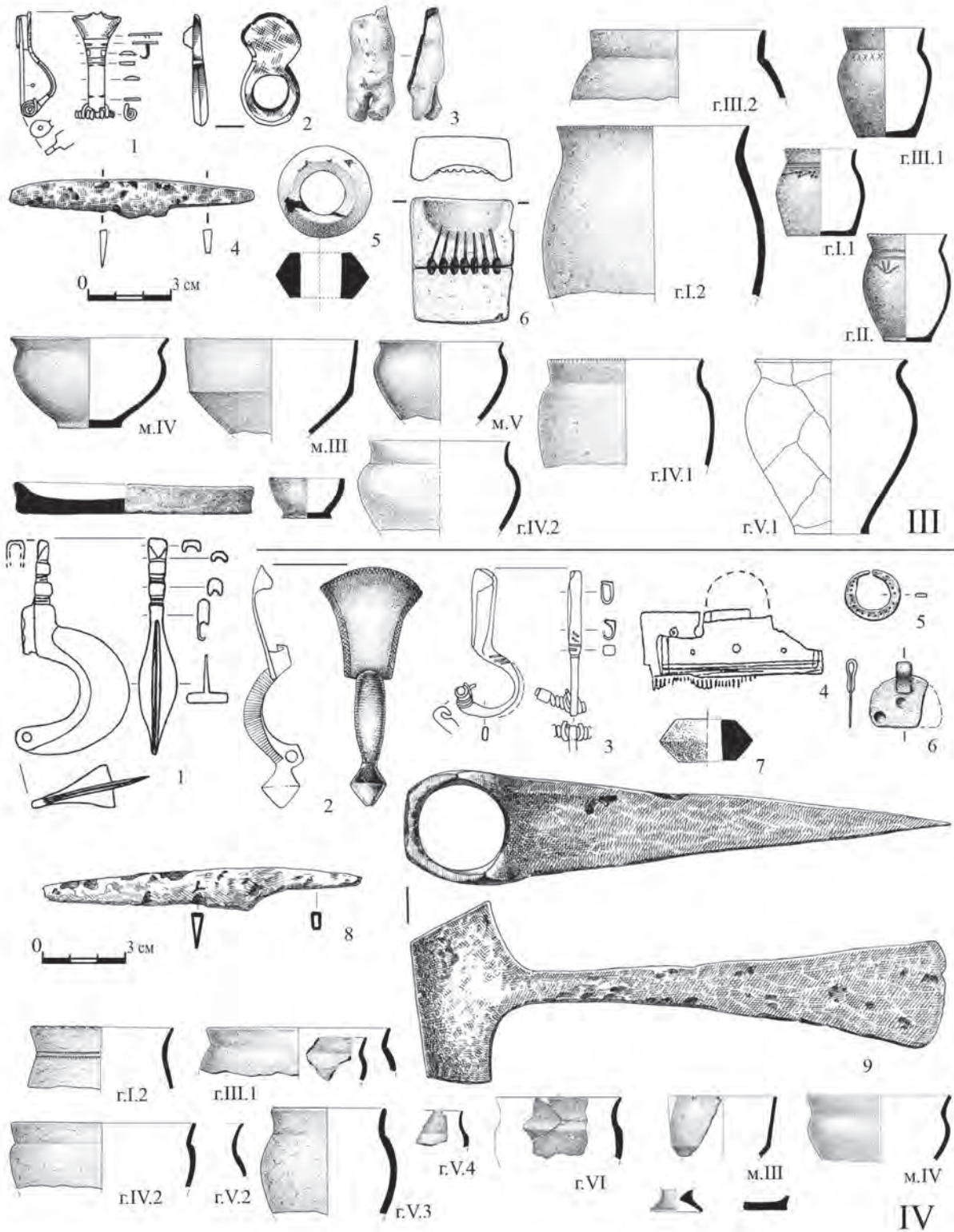

Рис. 3. Находки, связанные с 3-м (III) и 4-м (IV) хронологическими горизонтами мощинской культуры на Окско-Донском водоразделе.

III: 1-2, 4, 6 – городище Щепилово, 3, 5 – городище Борисово. 1-2 – бронза, 3, 5, 6 – глина, 4 – железо.
 IV: 1 – городище Супруты, 2, 6 – городище Картавцево, 3 – городище Сенёво, 4, 5, 7-9 – городище Щепилово. 1, 2, 5 – бронза, 7 – глина, 3, 8-9 – железо, 4 – кость, 6 – серебро.

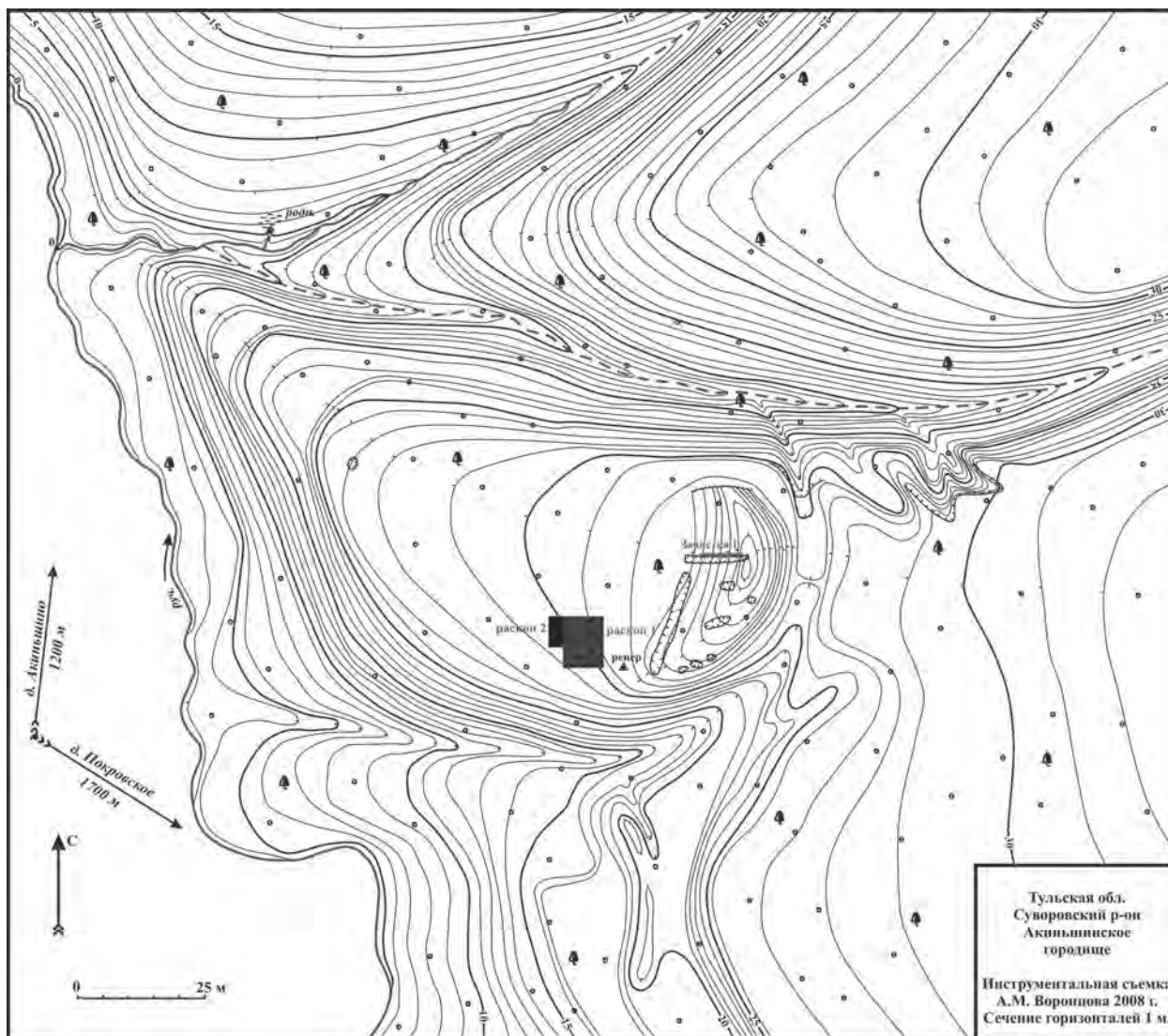

Рис. 4. План городища Акинъшино с нанесенными раскопами.

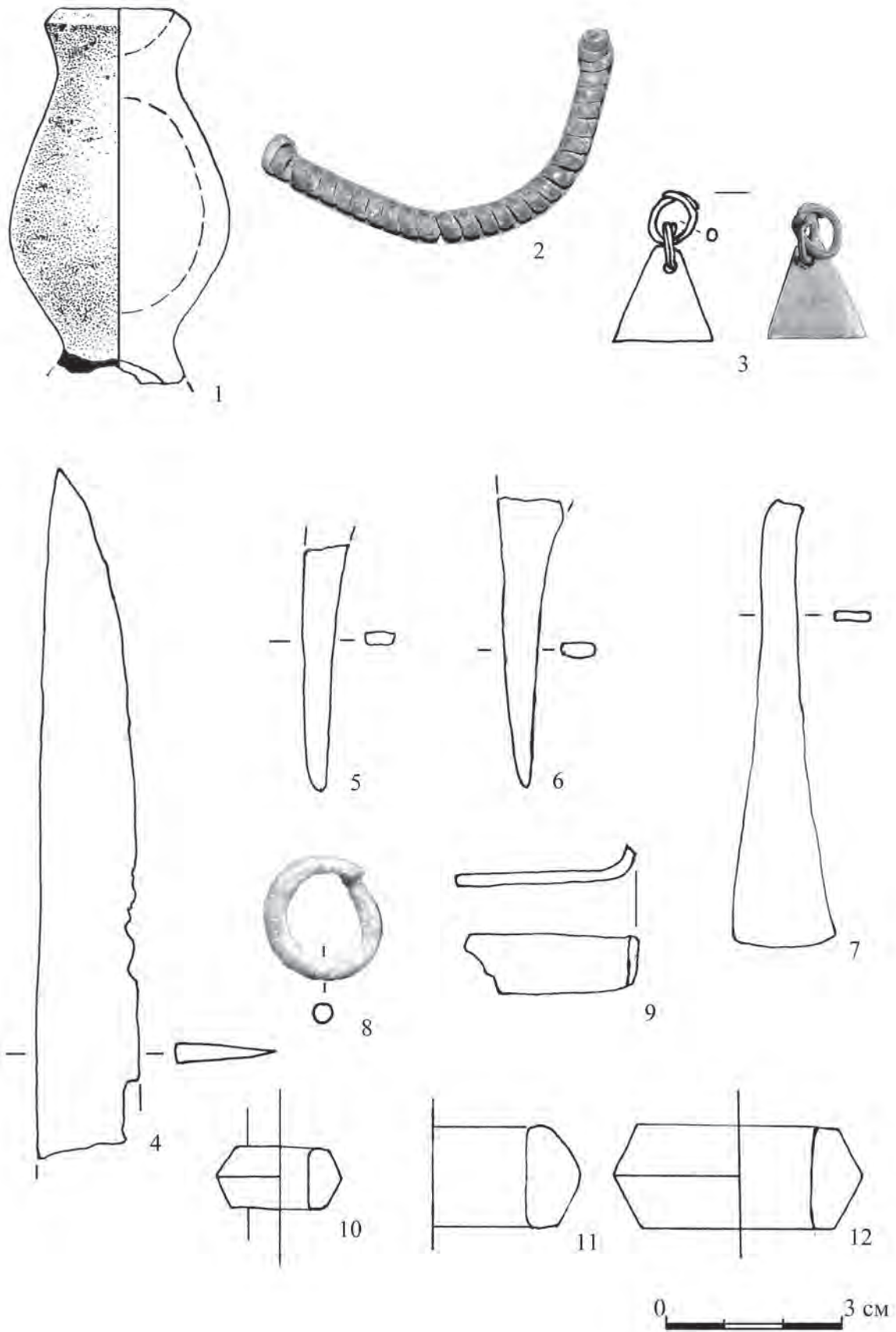

Рис. 5. Акиншинское городище, находки из постройки 3.
1, 10-12 – глина, 2, 3, 8 – бронза, 4-7, 9 – железо.

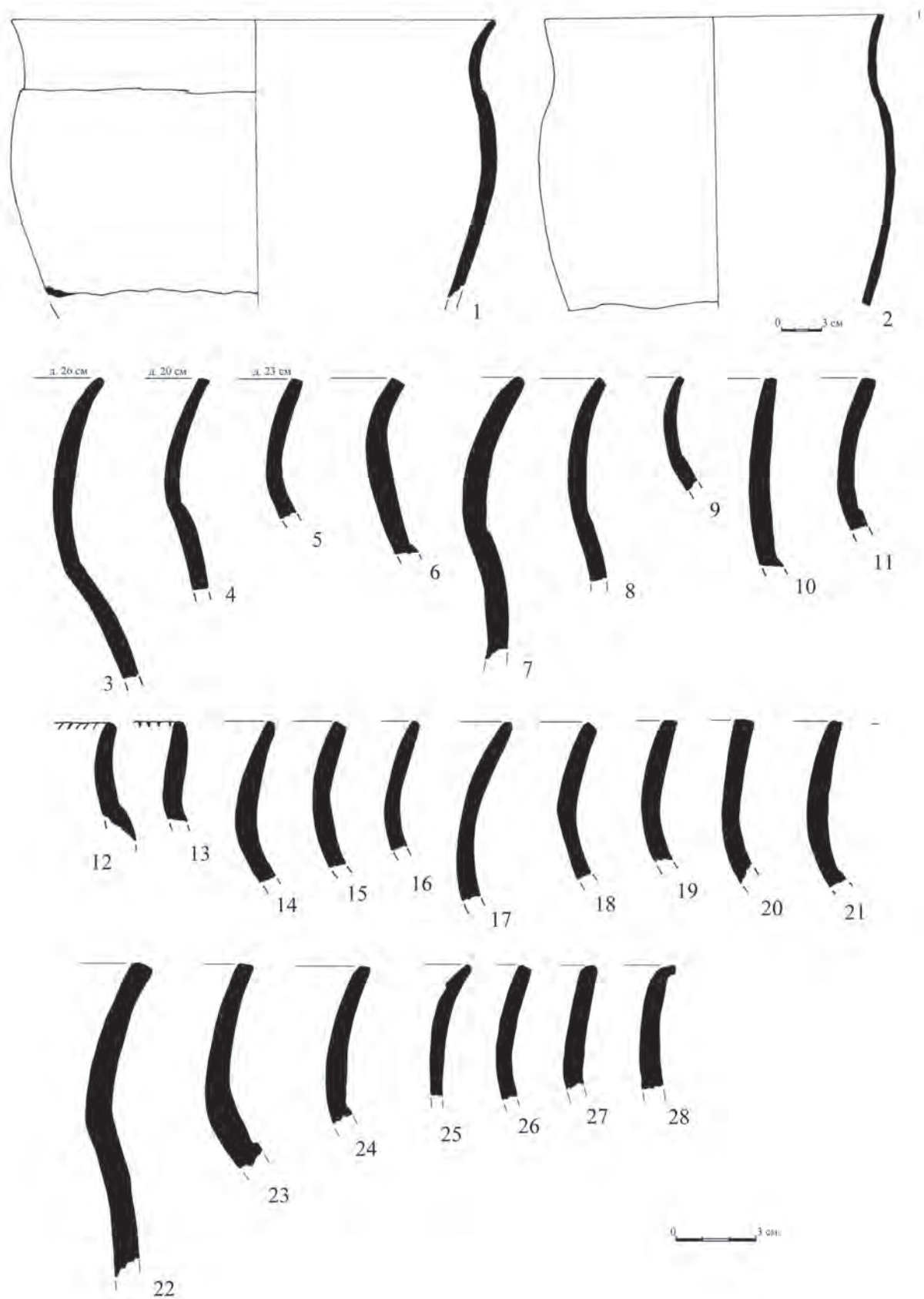

Рис. 6. Акиншинское городище, грубая лепная керамика из постройки 3.

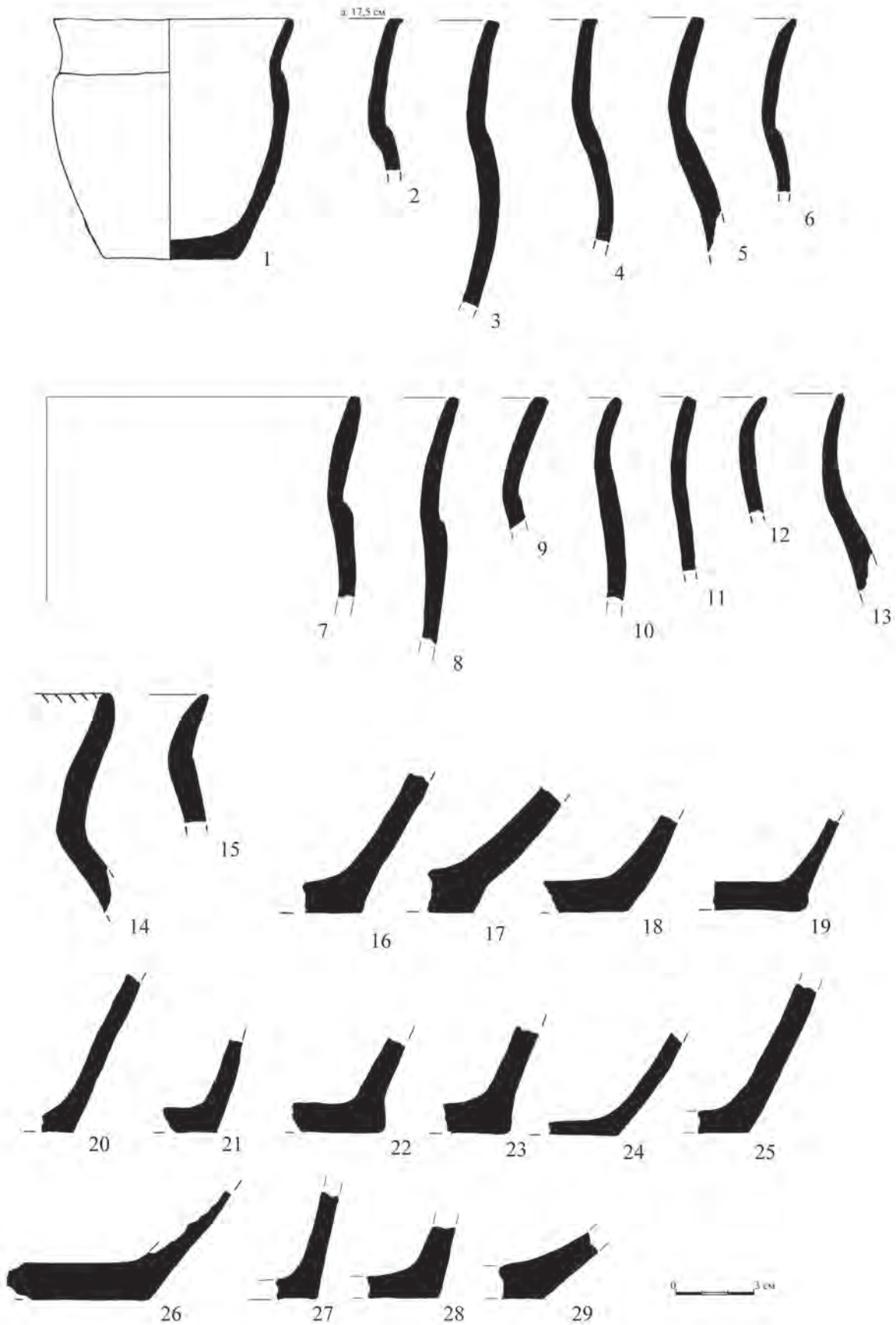

Рис. 7. Акиншинское городище, грубая лепная керамика из постройки 3.

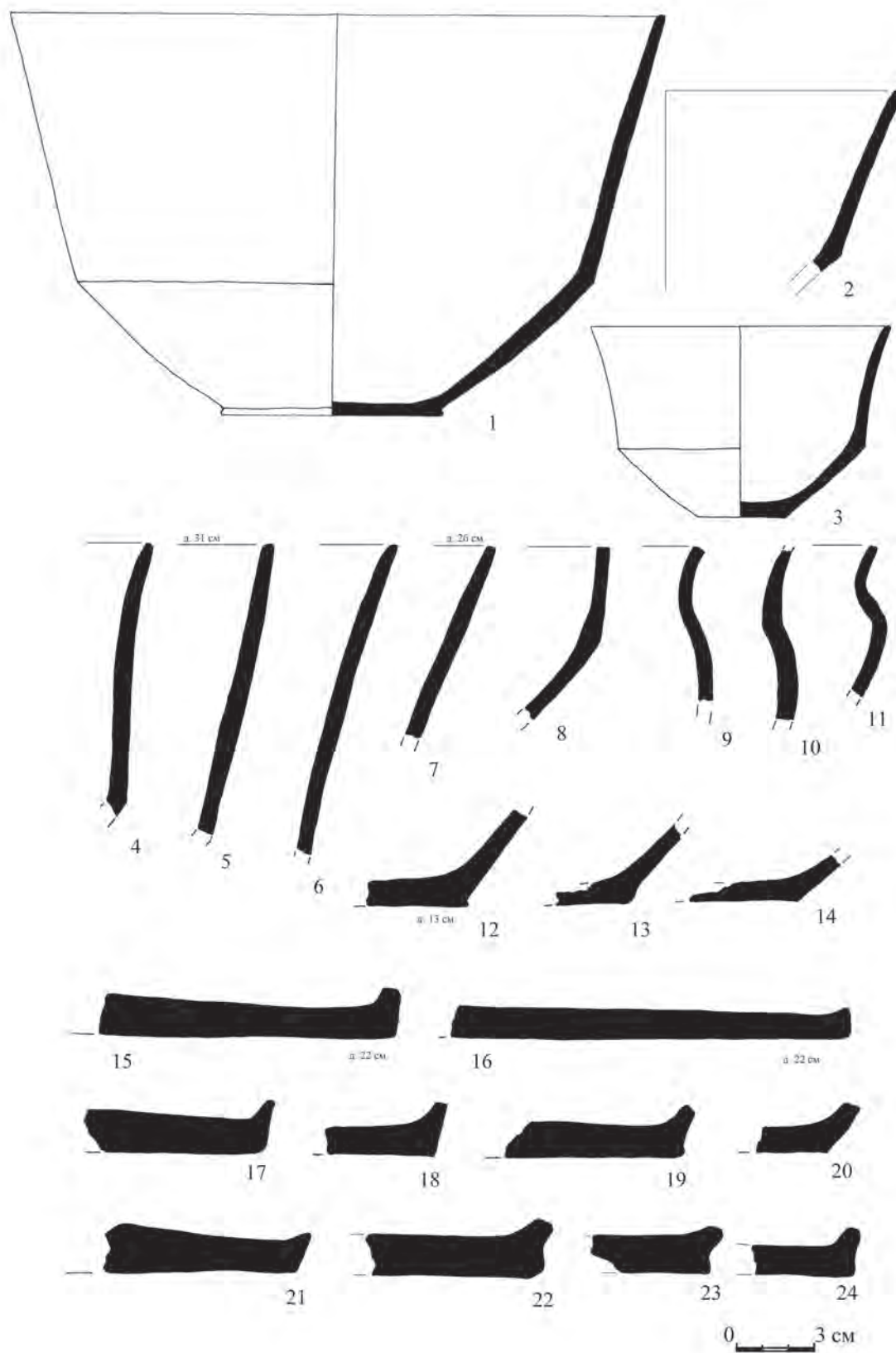

Рис. 8. Акиншинское городище, лощеная лепная керамика (1-14) и сковороды (15-24) из постройки 3.

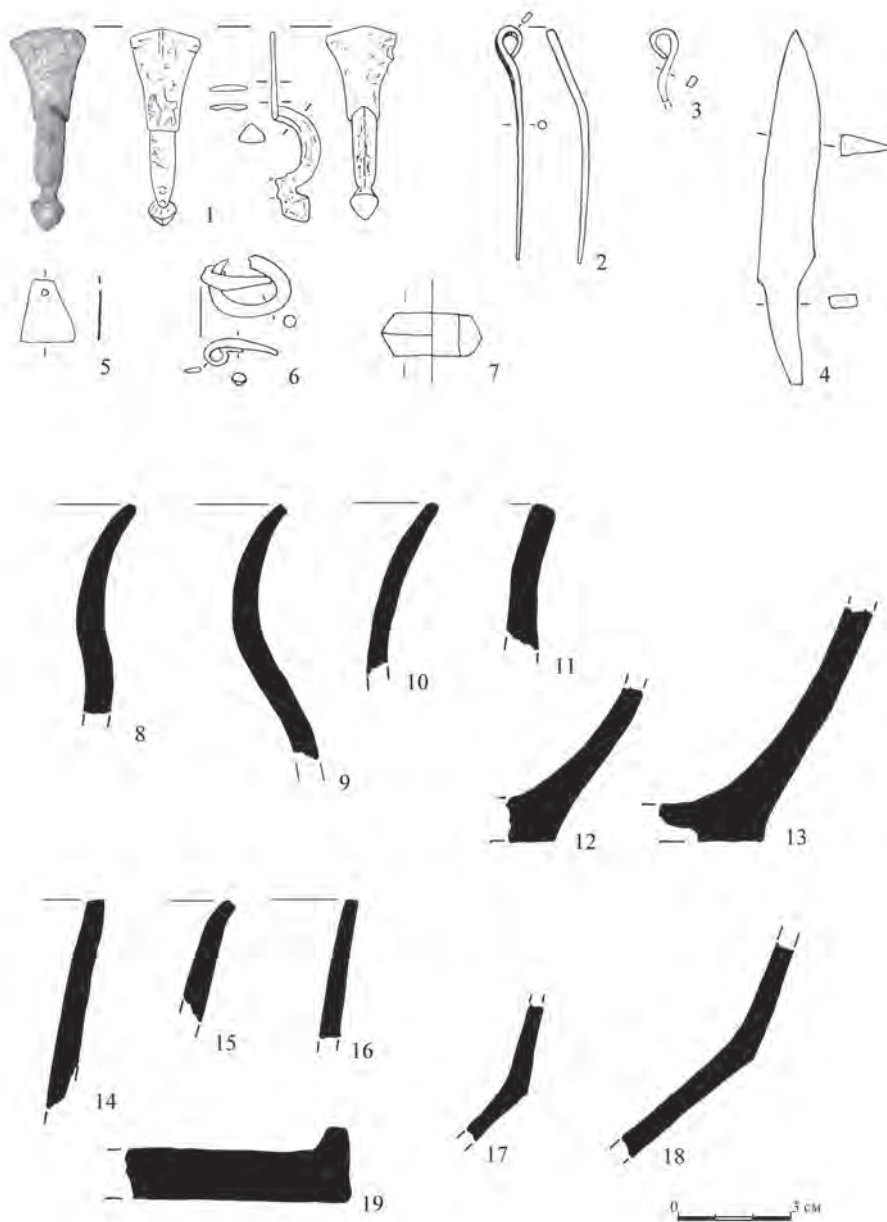

Рис. 9. Акиншинское городище, находки (1-7), грубая лепная керамика (8-13), лощеная керамика (14-18) и сковорода (19) из постройки 2а.
1 – свинцово-оловянистый сплав, 2-4, 6 – железо, 5 – бронза, 7-19 – глина.
(1, 6 – рисунки И.О. Гавритухина).

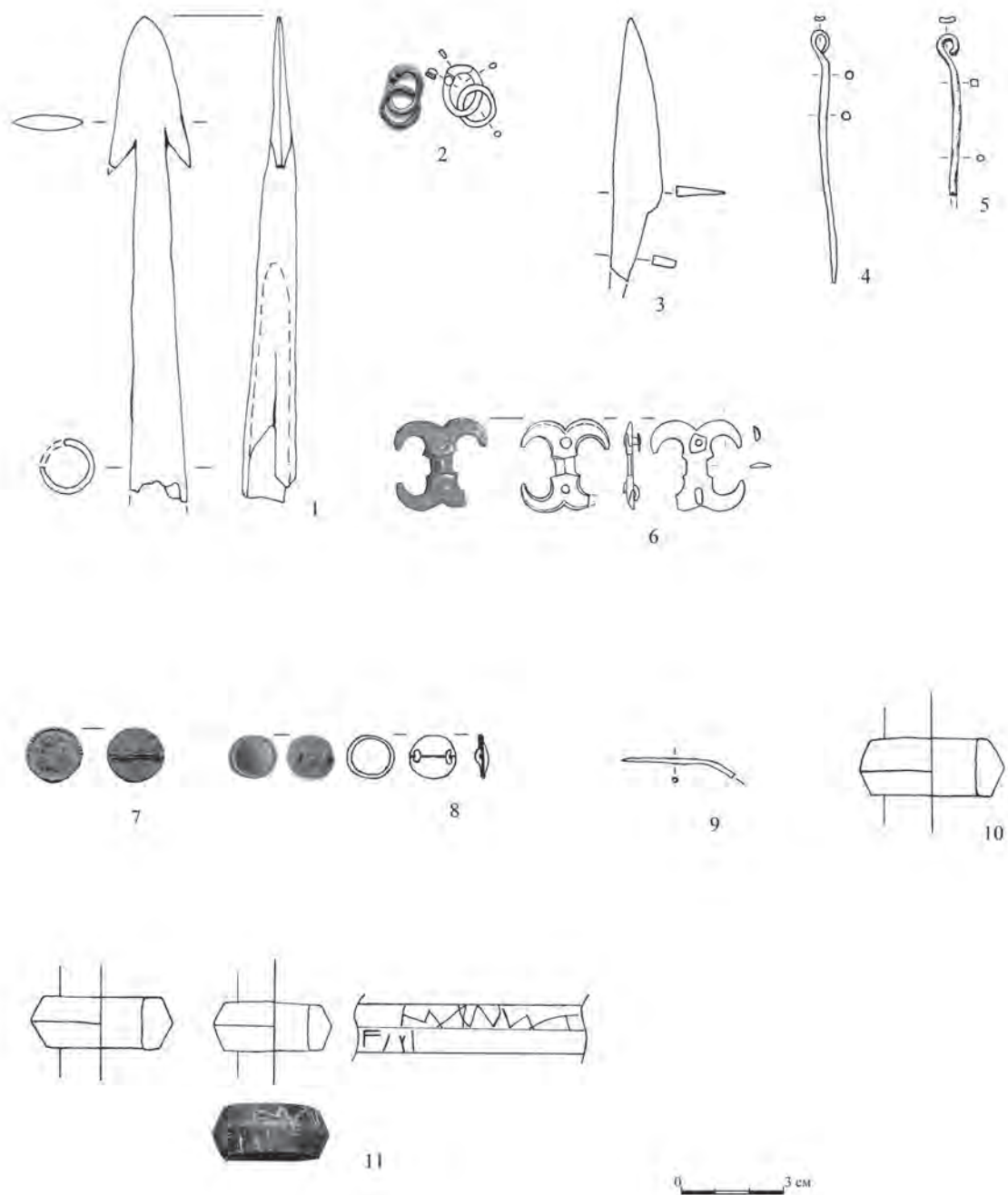

Рис. 10. Акиншинское городище, находки из постройки 5.
 1-5, 9 – железо, 6 – бронза, 7-8 – свинцово-оловянистый сплав, 10-11 – глина.
 (6 – рисунок И.О. Гавритухина).

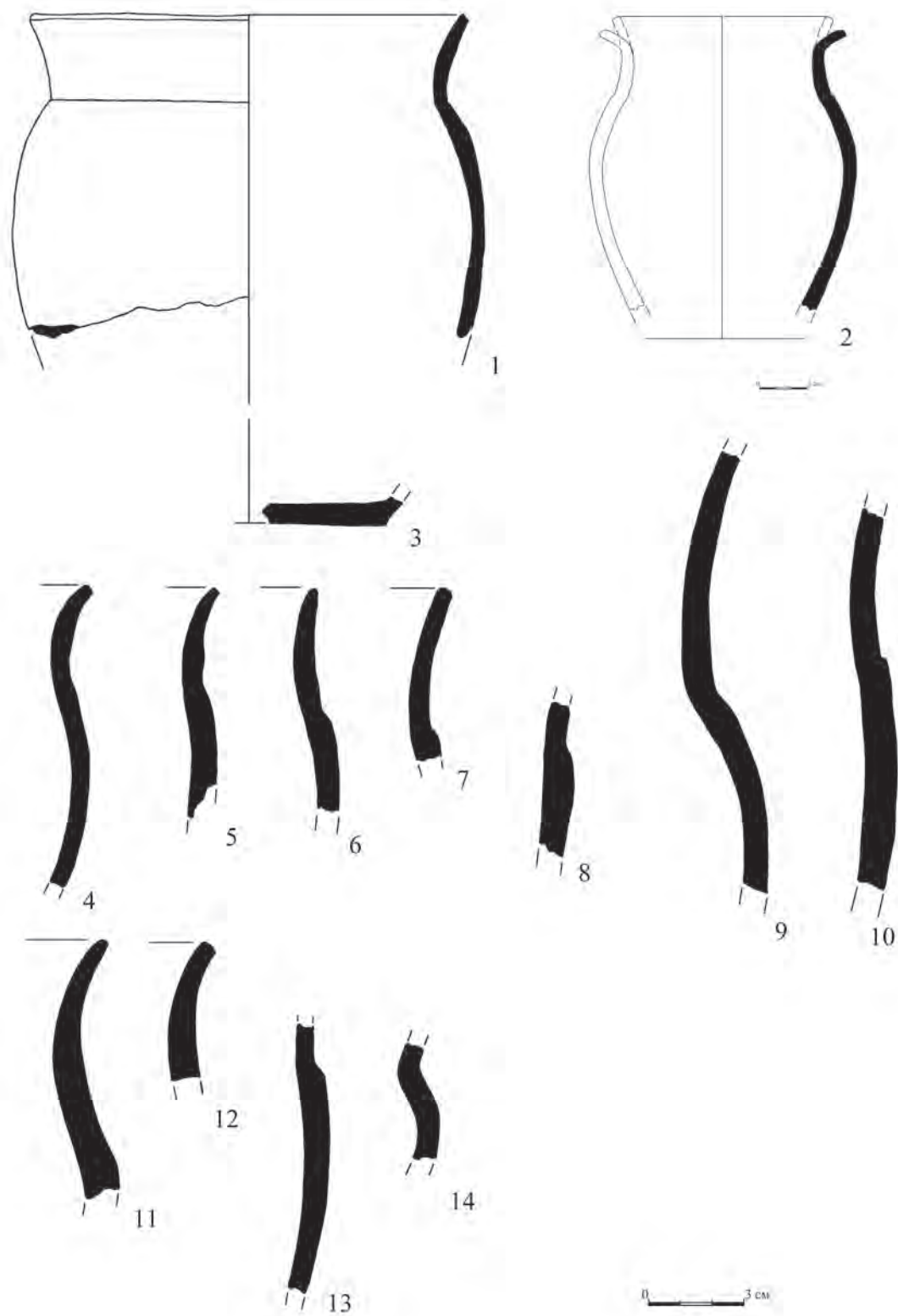

Рис. 11. Акиншинское городище, грубая лепная керамика из постройки 5.

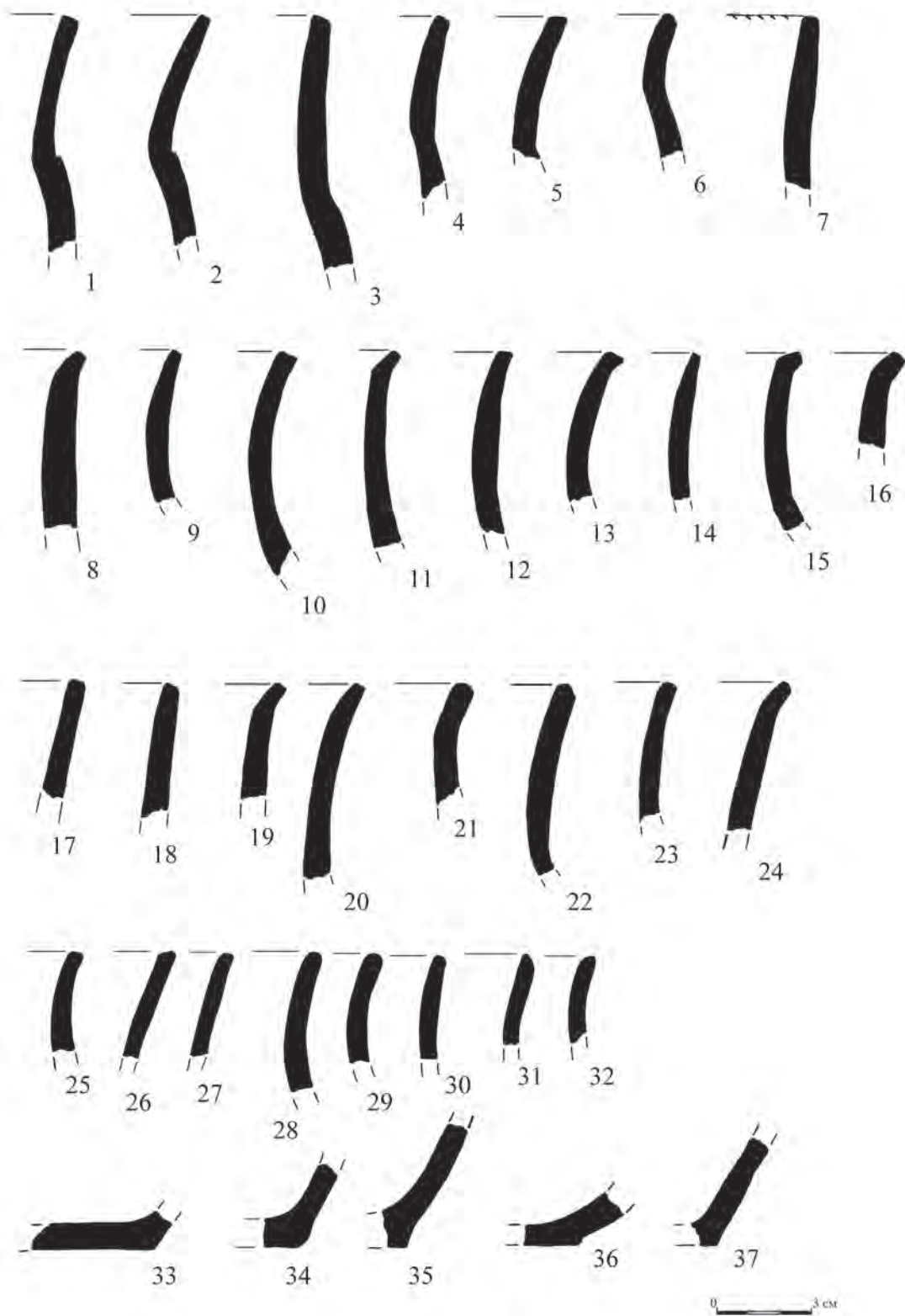

Рис. 12. Акиншинское городище, грубая лепная керамика из постройки 5.

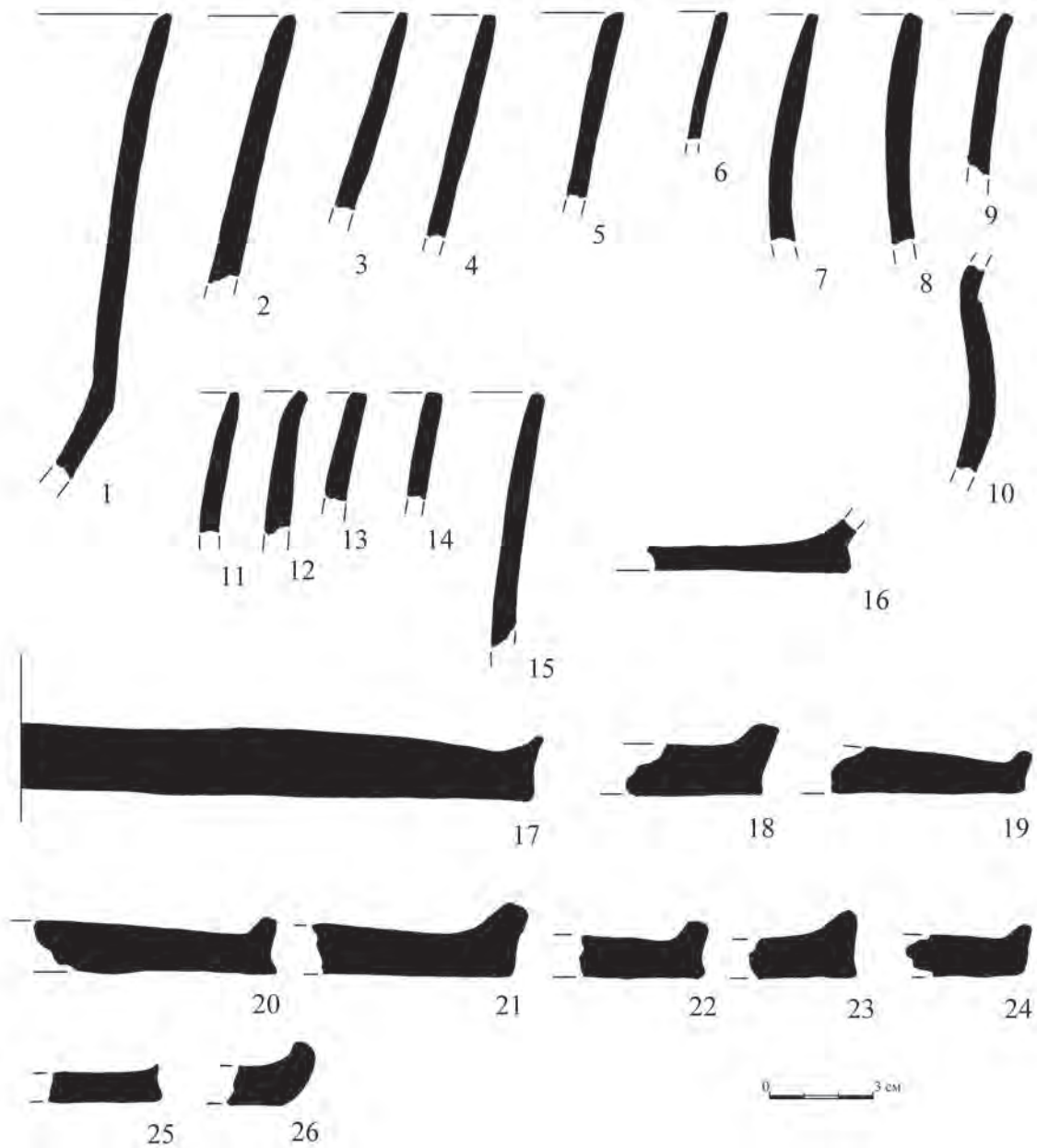

Рис. 13. Акинъшинское городище, лощеная лепная керамика (1-16) и сковороды (17-26) из постройки 5.

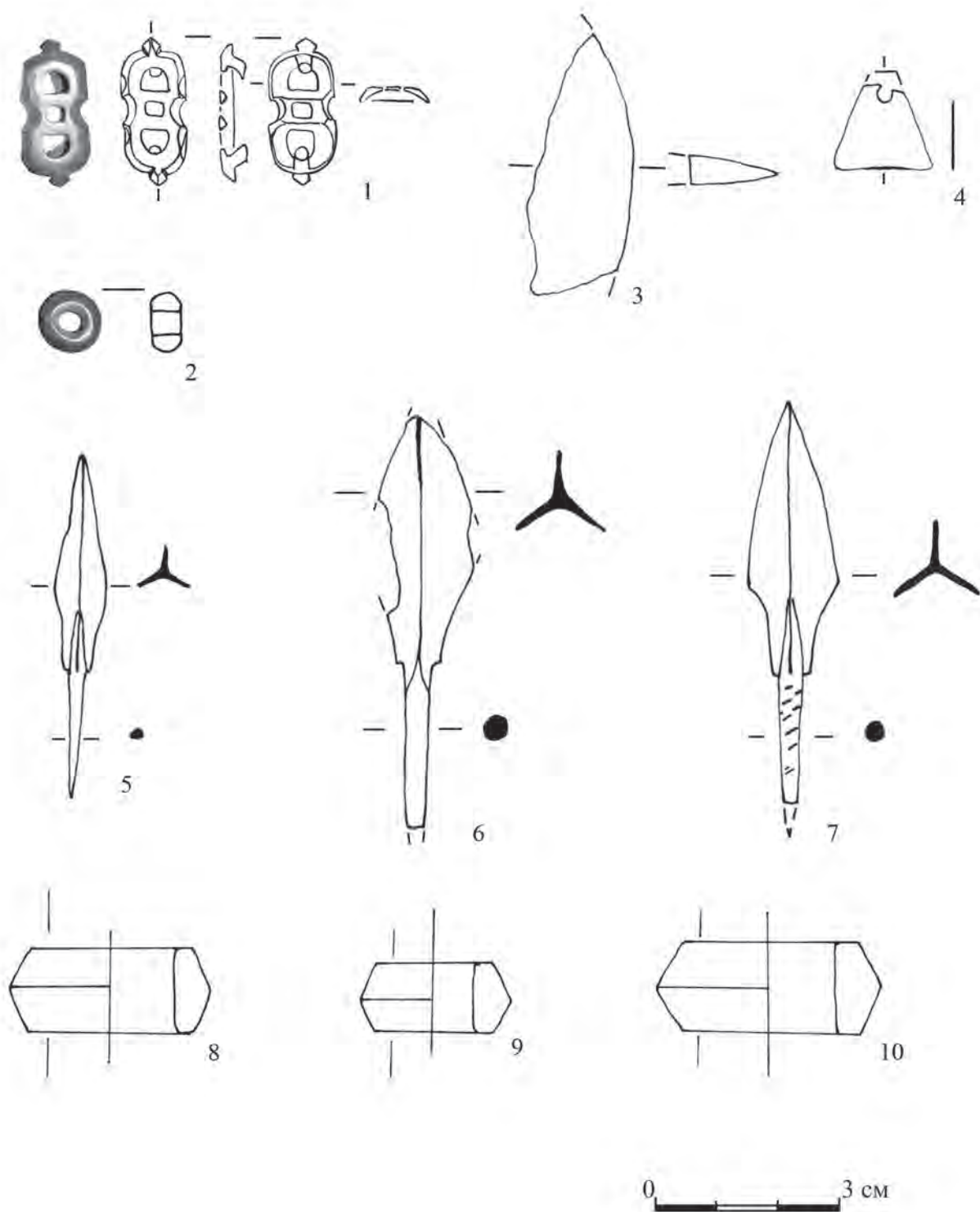

Рис. 14. Акиншинское городище, находки из скопления 2.
 1-2, 4 – бронза, 3, 5-7 – железо, 8-10 – глина.
 (1 – рисунок И.О. Гавритухина).

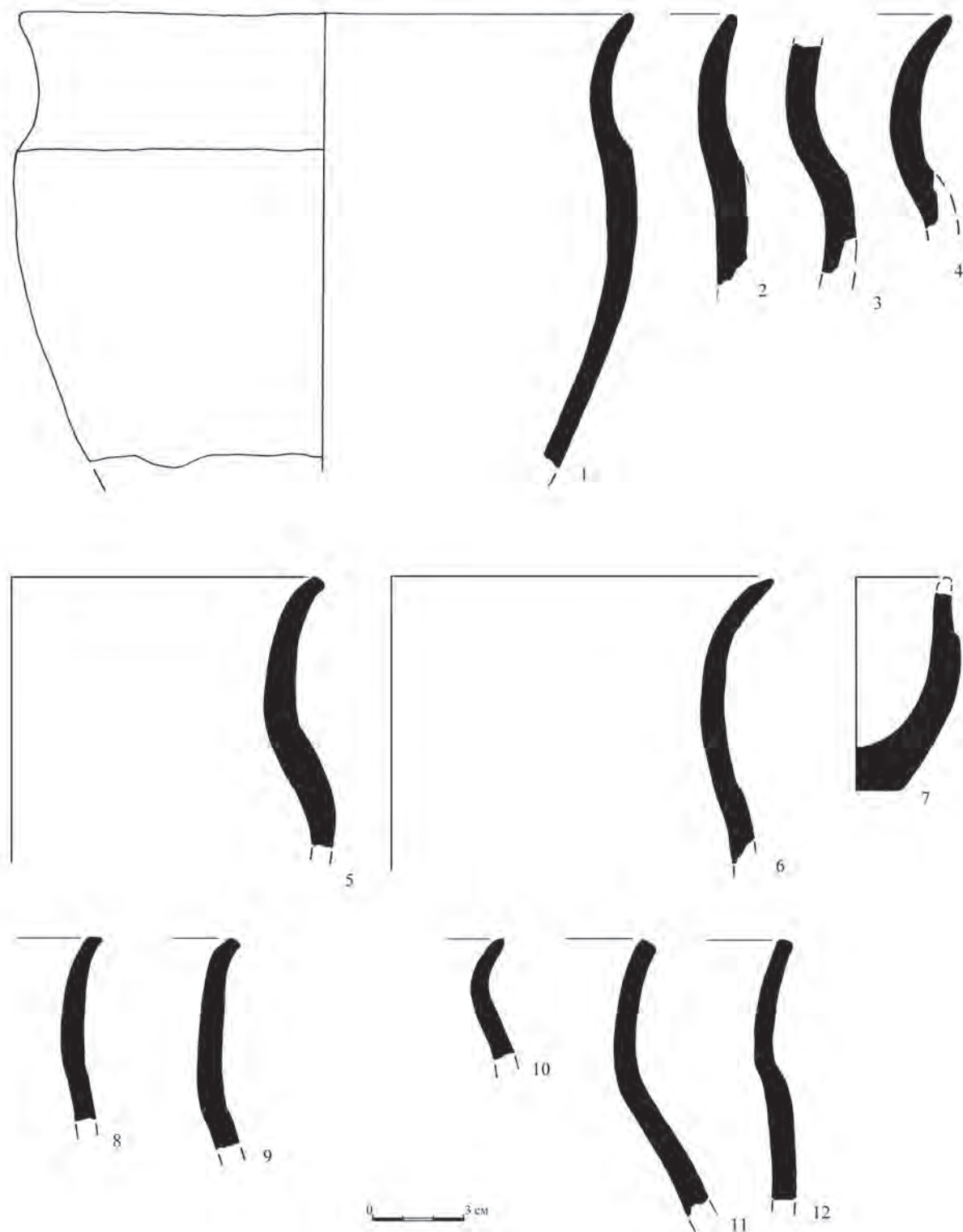

Рис. 15. Акиншинское городище, грубая лепная керамика из скопления 2.

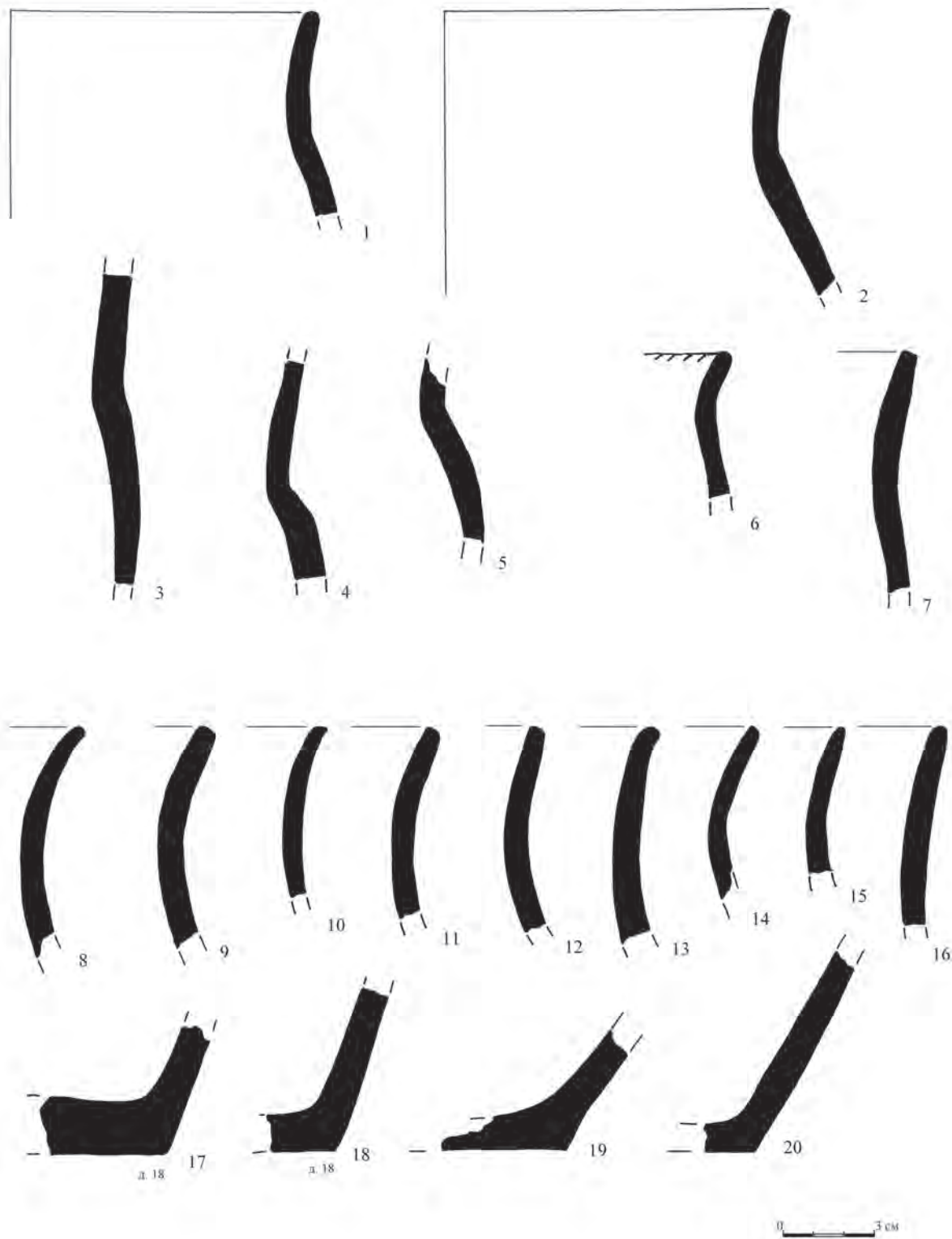

Рис. 16. Акиншинское городище, грубая лепная керамика из скопления 2.

Рис. 17. Акиншинское городище, лощеная лепная керамика и сковороды из скопления 2.

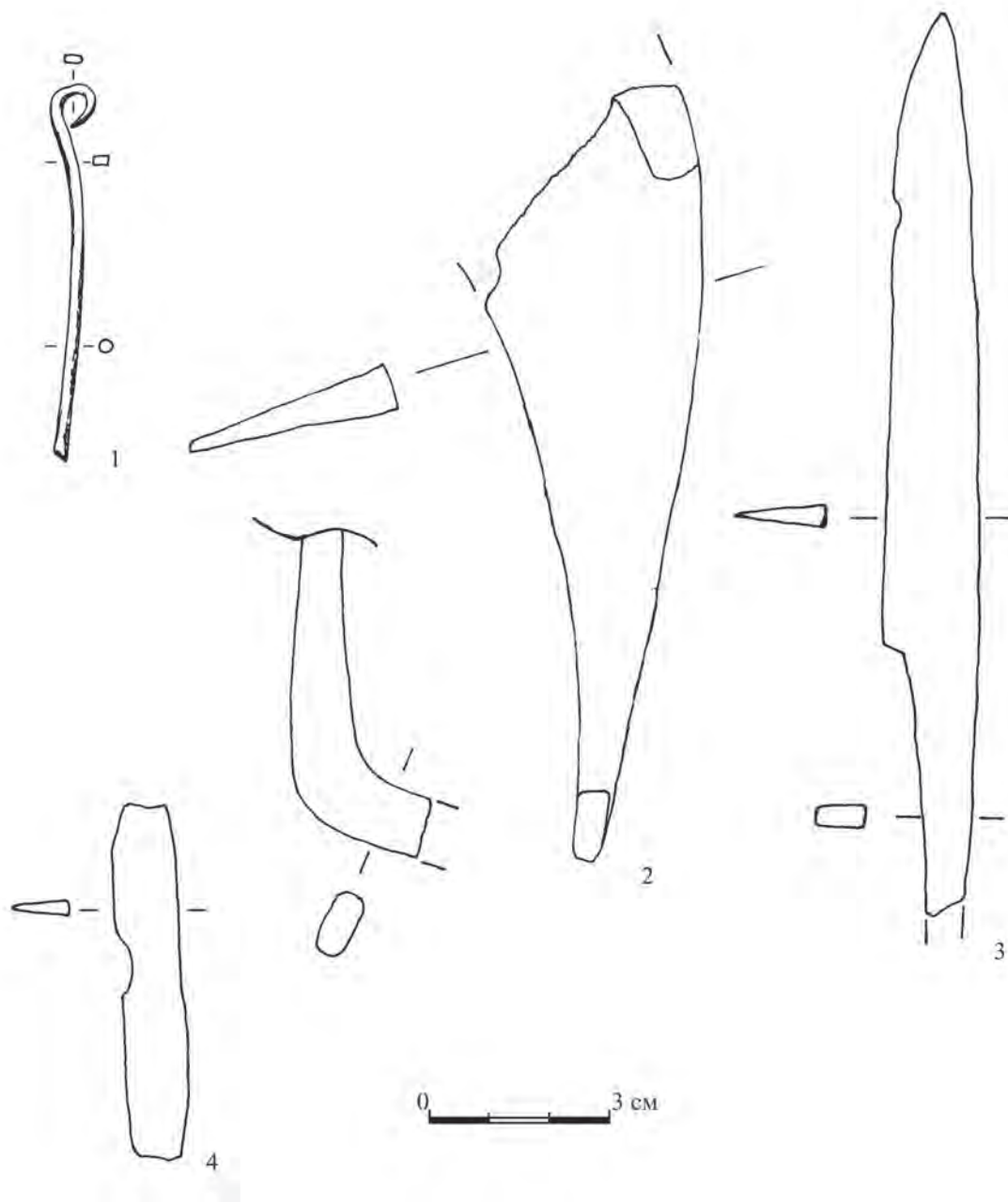

Рис. 18. Акиншинское городище, постройка 11, находки из железа.

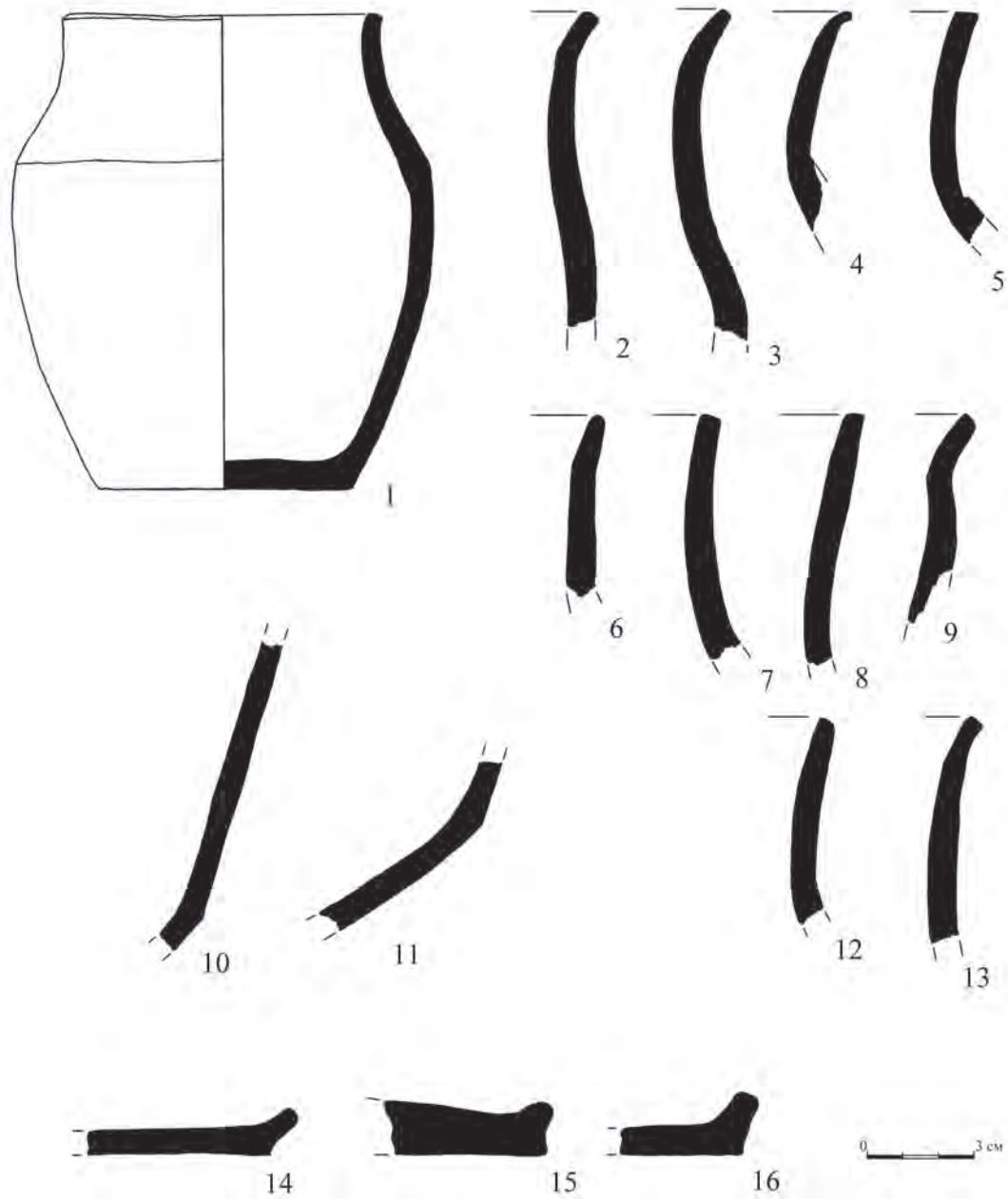

Рис. 19. Акинъшинское городище, грубая лепная керамика (1-9), лощеная лепная керамика (10-13) и сковороды (14-16) из постройки 11.

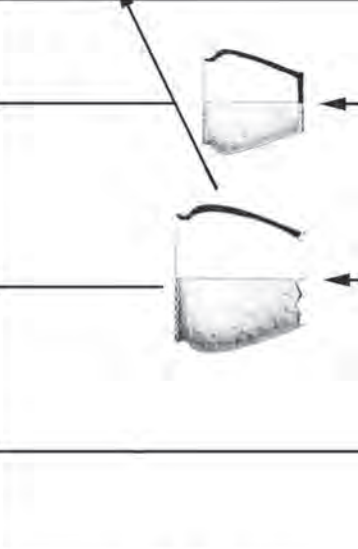
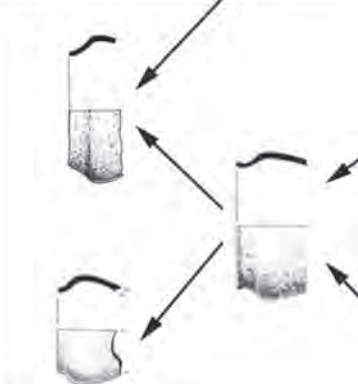
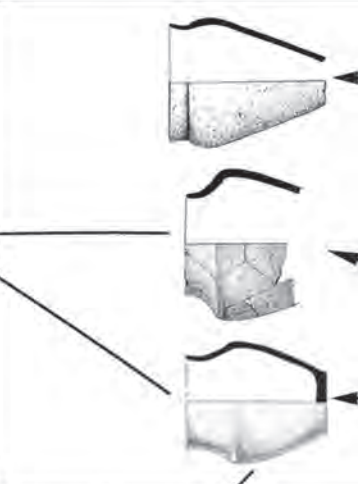
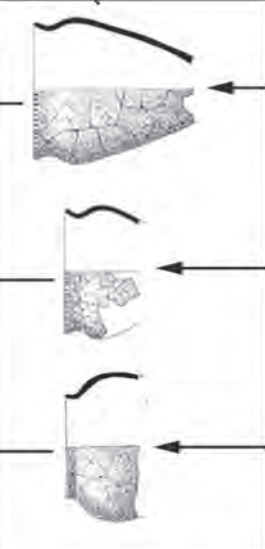
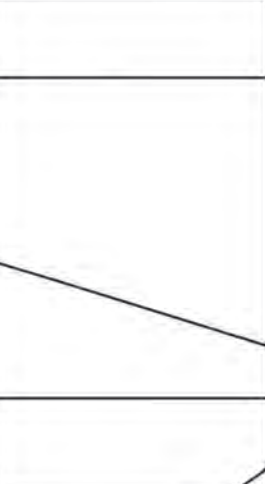
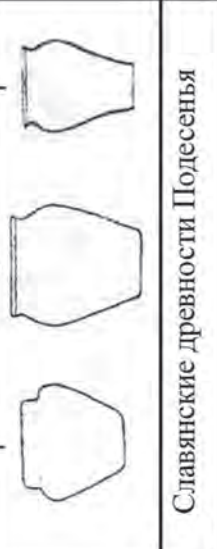
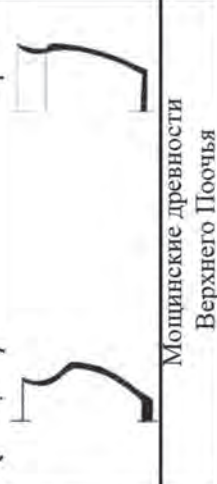
	СОСУДЫ РОМЕНСКОГО ТИПА	СОСУДЫ ПЕРЕХОДНЫХ ТИПОВ	СОСУДЫ МОЩИНСКОГО ТИПА
<p>ЛЕПНЫЕ СОСУДЫ Г. СУПРУТЫ</p> <p>Конце IX - начало X вв.</p>			
<p>Средина - 2я половина IX в.</p>			
<p>Начало-1я половина IX в.</p>			
<p>ПРОТОТИПЫ</p> <p>VIII в.</p>	<p>Славянские древности Подесенья</p> 	<p>V-VII вв.</p>	<p>Мощинские древности Верхнего Поочья</p>

Рис. 20. Сосуды мощинских типов в составе керамического комплекса верхнеокских памятников 9 – нач. 10 вв. (по А.М. Колоколову).

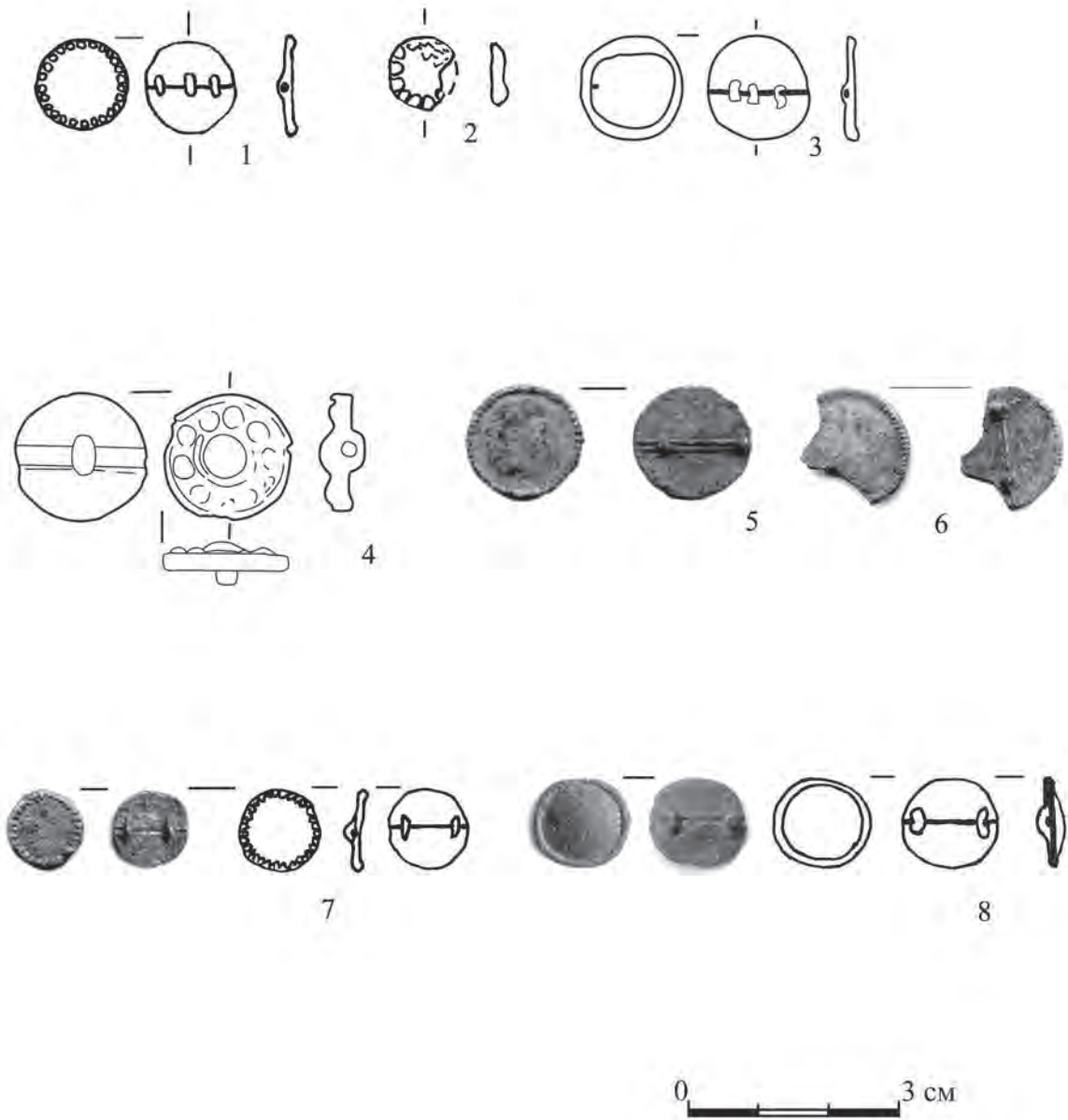

Рис. 21. Бляшки-нашивки из свинцово-оловянистого сплава с поздних городищ мощинской культуры. 1,2 – Велегож (подъемный материал); 3 – Дуна (подъемный материал); 4 – Лужки (раскопки Т.Н. Никольской, 1959 г.); 5 – Акиньишино (5, 8 – постройка 5, 6 – подъемный материал, 7 – постройка 9а) (4 – рисунок И.О. Гавритухина).

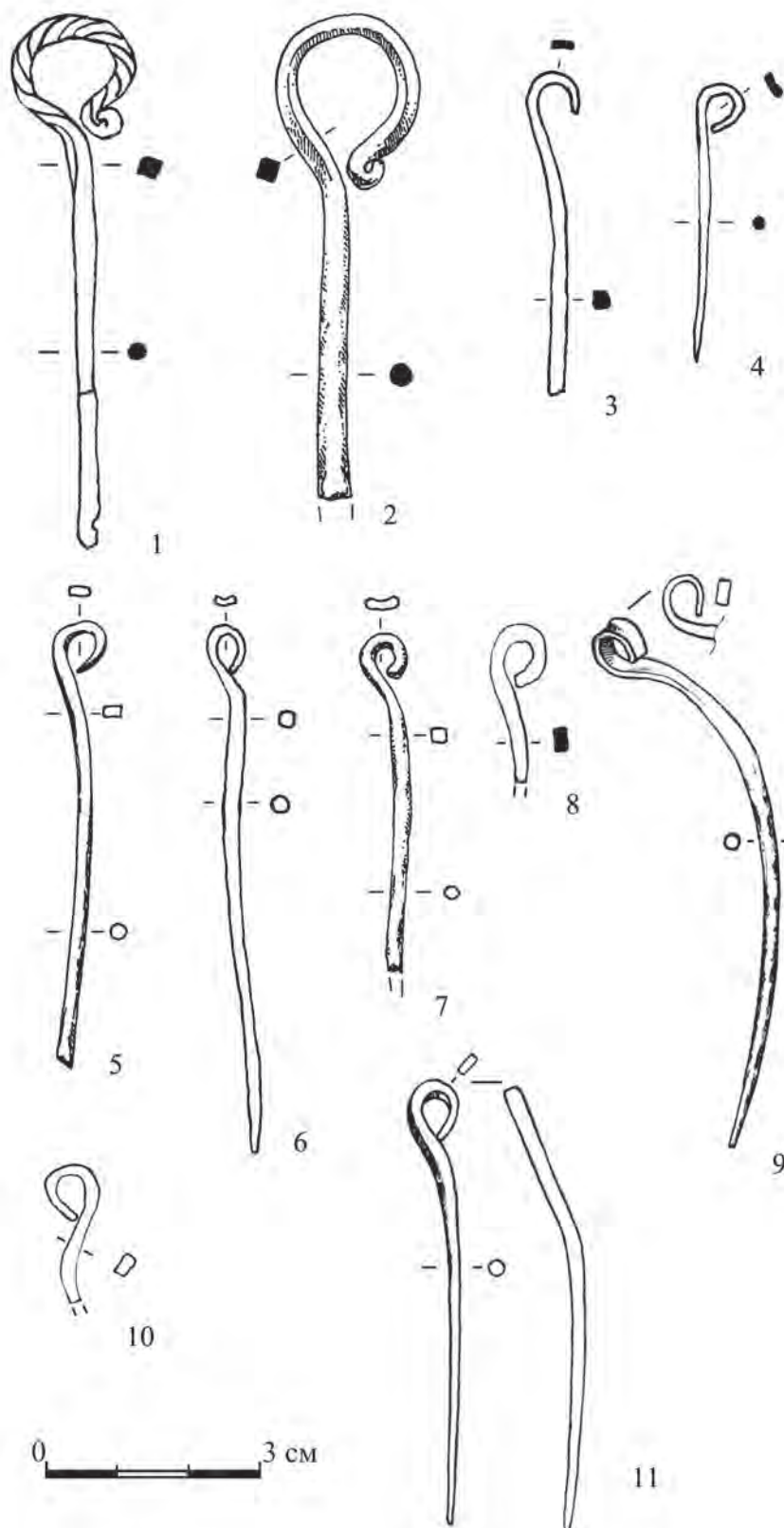

Рис. 22. Железные булавки с поздних памятников мощинской культуры.
 1, 3, 4 – городище Велегож (1, 4 – подъемный материал; 3 – заполнение рва № 3); 2, 5-11 – городище Акиньино (2 – подъемный материал; 5 – постройка 11; 6, 7 – постройка 5; 8 – скопление 1; 9 – скопление 4; 10-11 – постройка 2а).

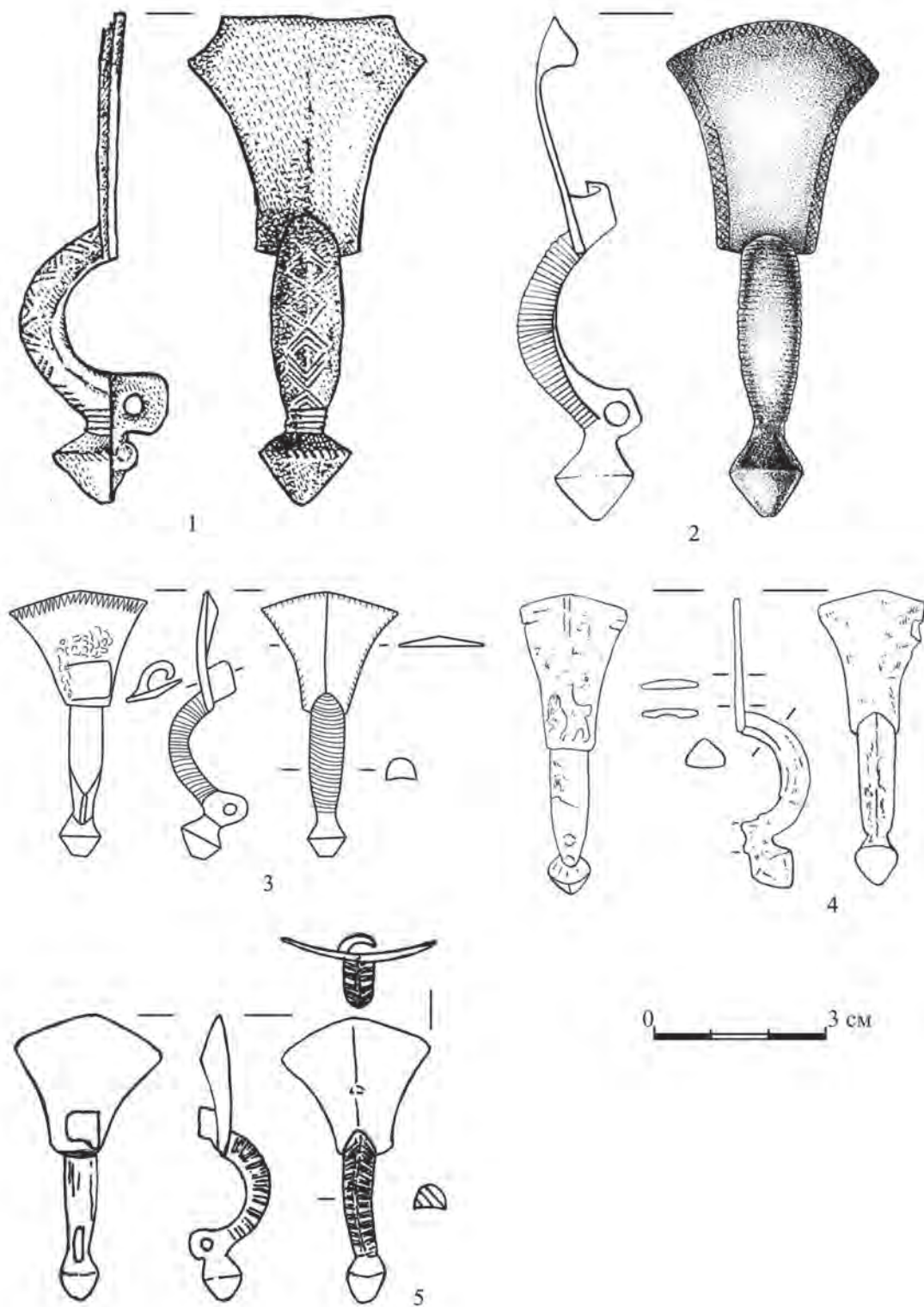

Рис. 23. Фибулы типа Картавцево-Серенск.

1 – городище Серенск (раскопки Т.Н. Никольской); 2 – городище Картавцево (случайная находка);
 3 – городище Дуна (фонды КОКМ); 4 – городище Акиньюшино (постройка 2а); 5 – окрестности
 Козельска (1, 5 – по И.Р. Ахмедову, 4 – рисунок И.О. Гавритухина).
 1-3, 5 – бронза, 4 – свинцово-оловянистый сплав.

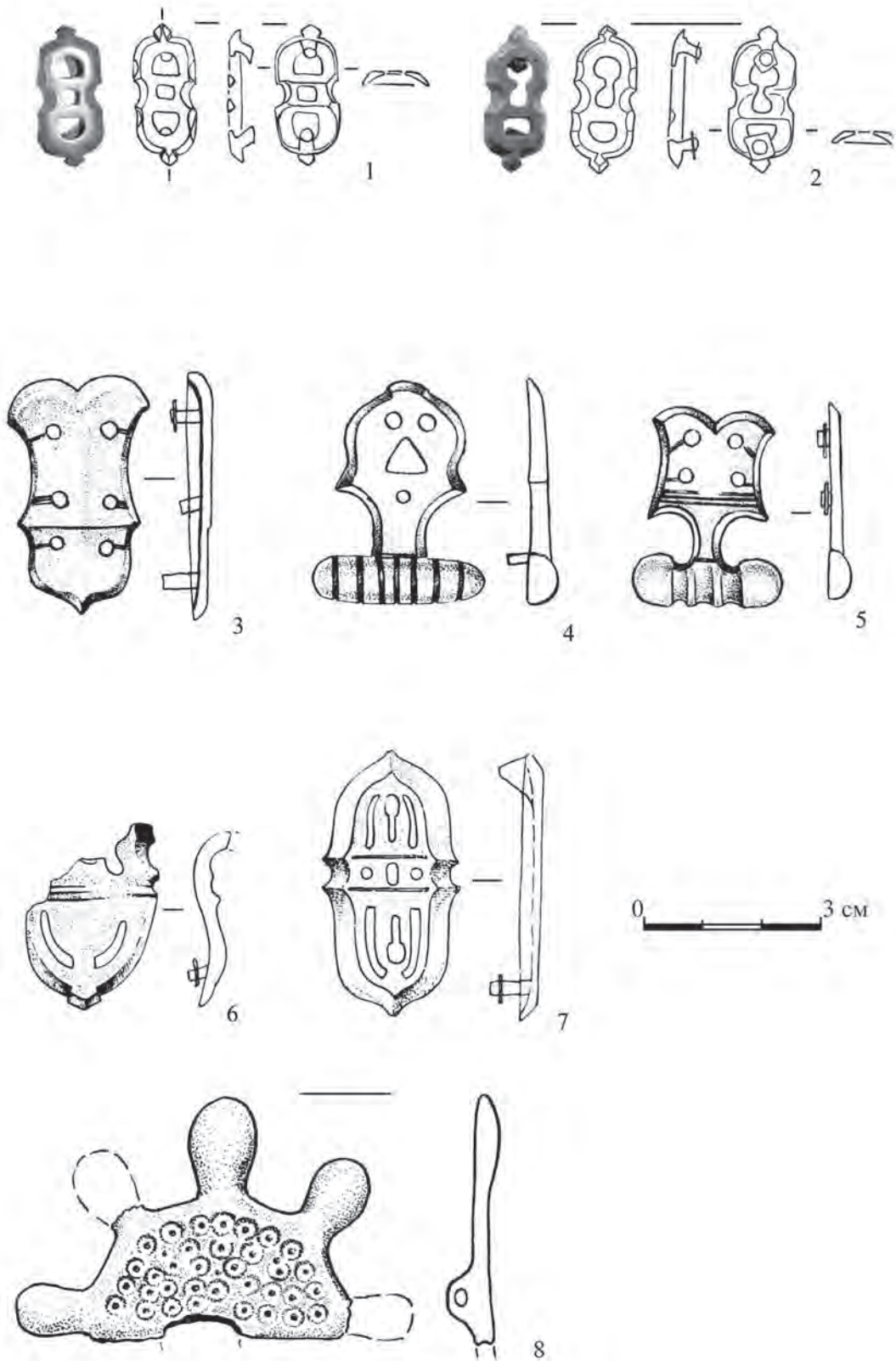

Рис. 24. Поясная гарнитура геральдического стиля и фрагмент пальчатой фибулы с поздних памятников мощинской культуры.
 1, 2 – городище Акиньишино (1 – скопление 2; 2 – слой 0); 3-7 – городище Картавцево (случайные находки), 8 – случайная находка у д.Вязовна Чернского района Тульской области.
 (1-2 – рисунки И.О. Гавритухина).

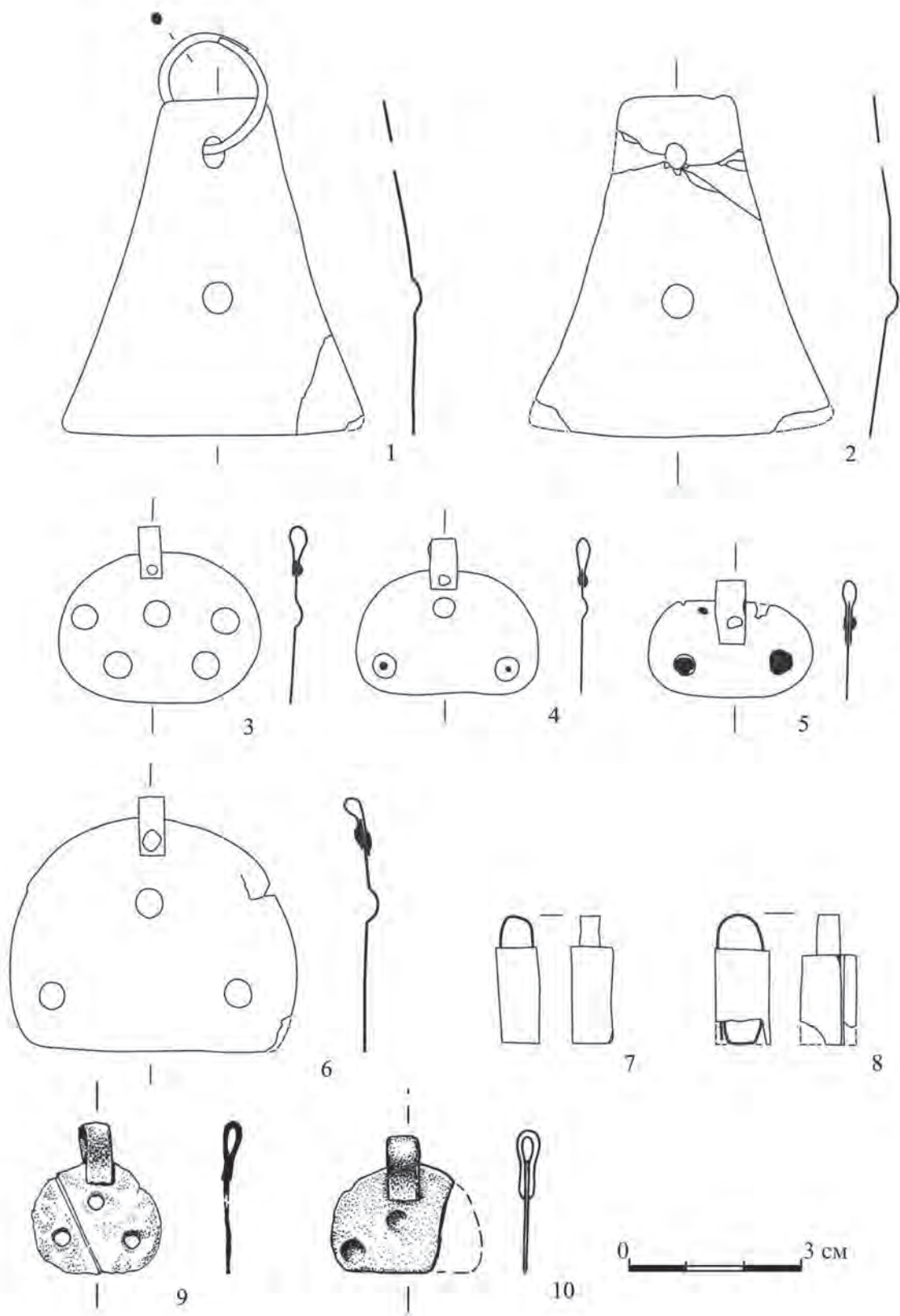

Рис. 25. Подвески с поздних памятников мощинской культуры.
 1-8, 10 – городище Картавцево (1-8 – клад, 10 – подъемный материал со склона площадки);
 9 – городище Борисово (постройка 4).
 1-6, 9-10 – серебро, 7-8 – бронза.

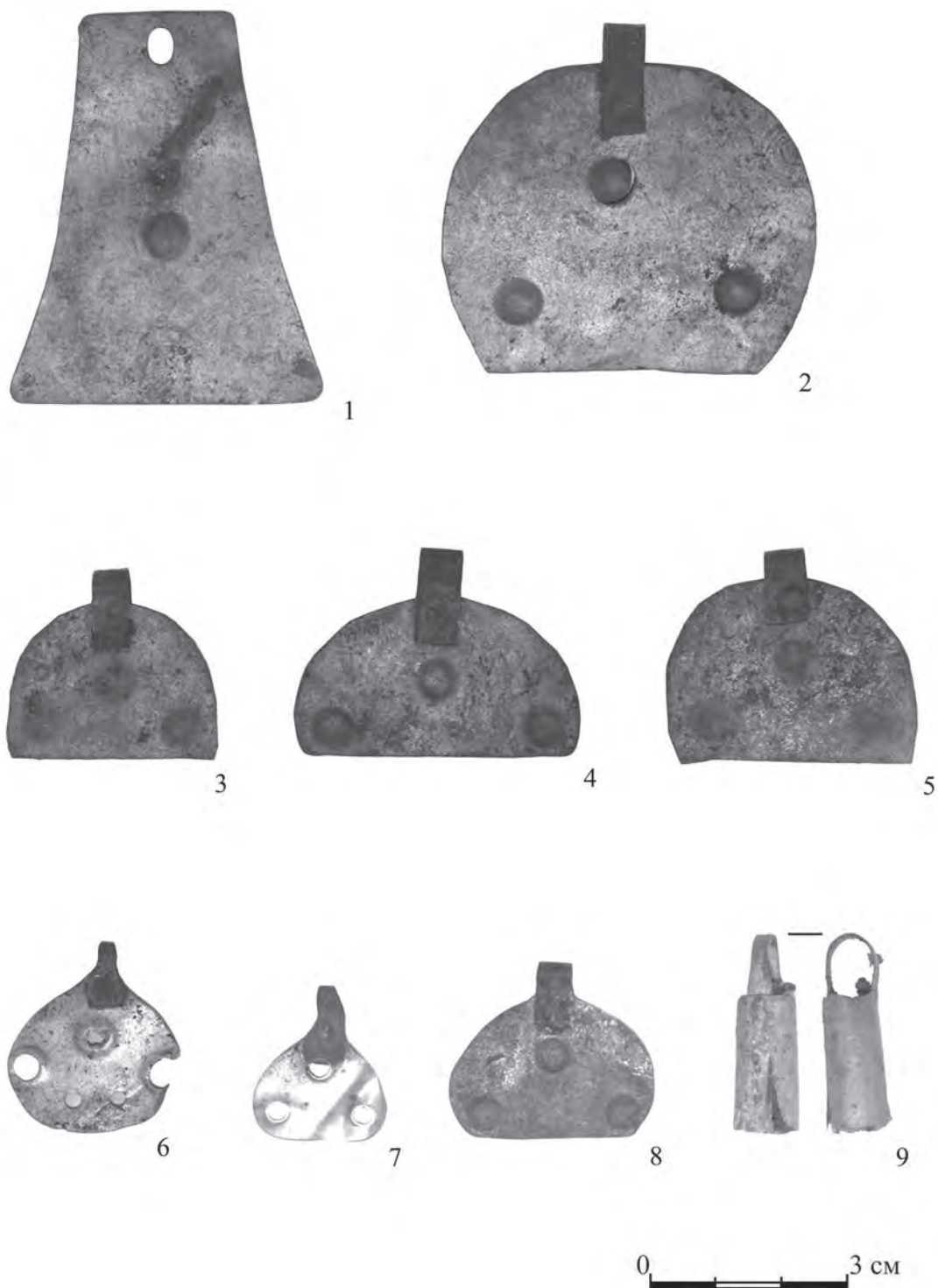

Рис. 26. Аналогии подвескам с поздних памятников мощинской культуры из Елшинского клада
 (фото И.Р. Ахмедова)
 1-8 – серебро, 9 – бронза.

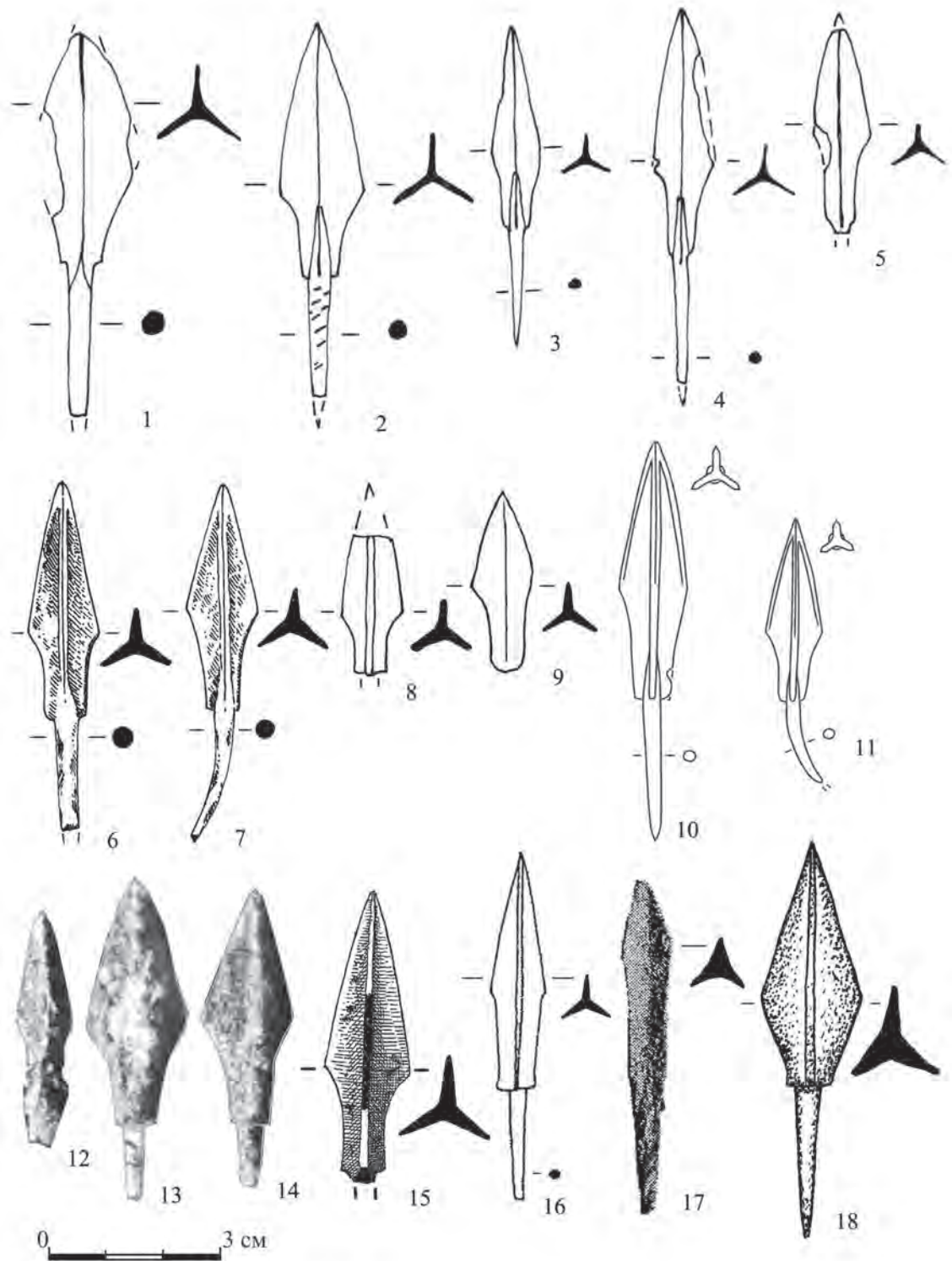

Рис. 27. Трехлопастные черешковые наконечники стрел с поздних памятников мощинской культуры. 1-14 – городище Акиньишино (1-3 – скопление 2; 4 – скопление 1, 5-8 – слой 0; 9 – шурф 2008 г.; 10-14 – раскопки Ю.Г. Гендуне); 15 – городище Щепилово (слой 0); 16-17 – городище Ростиславль; 18 – городище Сосенский (Чертово). (10-11 – рисунки И.О. Гавритухина; 12-14 – фото Ю.Г. Гендуне; 16-17 – по А.Н. Медведю, 18 – рисунок О.Л. Прошкина).

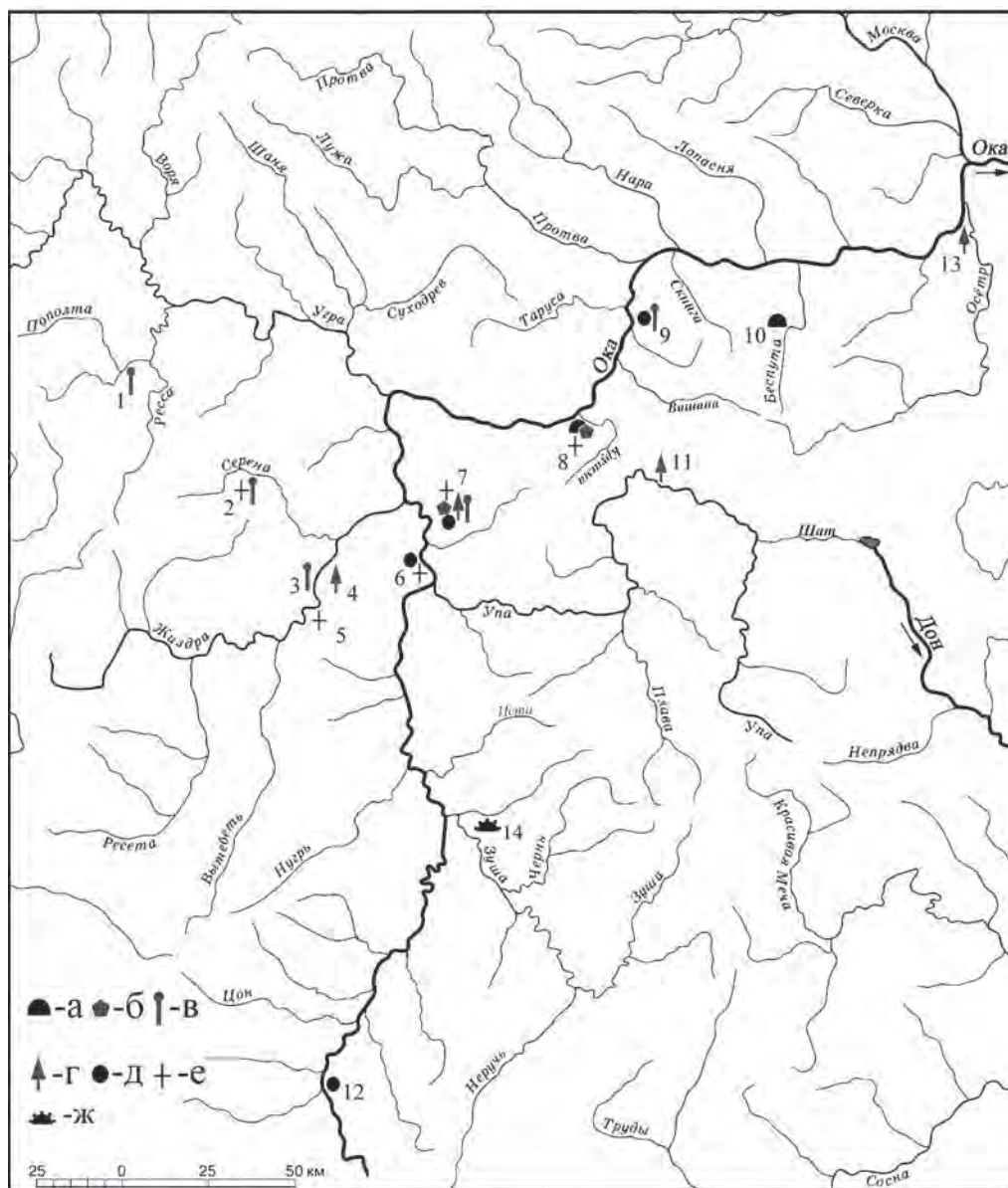

Рис. 28. Карта распространения некоторых находок с поздних памятников мощинской культуры. а – подвески позднемощинского стиля, б – поясная гарнитура геральдического стиля, в – булавки, г – трехлопастные черешковые наконечники стрел, д – бляшки-нашивки, е – фибулы типа Картавцево-Серенск, ж – пальчатая фибула.
 1 – городище Можино, 2 – городище Серенск, 3 – городище Дешовки, 4 – городище Сосенский (Чертово), 5 – окрестности Козельска, 6 – городище Дуна, 7 – городище Акиньино, 8 – городище Картавцево, 9 – городище Велегож, 10 – городище Борисово, 11 – городище Щепилово, 12 – городище Лужки (Пашково), 13 – городище Ростиславль, 14 – случайная находка у д. Вязовна.

A.M. Vorontsov
(Tula)

The sites of Moschino culture of the 3rd quarter of the 1st Millenium A.D.

Summary

This monograph chapter is on materials related to the late period of Moschino culture existence in the 5th-7th centuries.

These culture antiquities are widespread in the Eastern Europe forest zone, in the upper reaches of the Oka river up to the mouth of the river Protva on the left bank, and to the mouth of the river Osetr on the right bank. Moreover, part of its culture area covers the upper Dnieper basin and the left tributaries of the Desna river, one site is known in the Vazuza riverhead, that belongs to the Upper Volga basin (fig. 1).

The materials of the most Moschino sites studied by excavations are dated by not later than the end of the 5th century. Then the culture area was greatly reduced. The most recent Moschino sites are located on the small tributaries of the Oka river in the depths of the forest zone.

Due to the materials obtained in Akinshino hill fort excavation (fig. 4-19), we have now a representative selection that characterizes the artefacts and ceramics complex of Moschino culture in the 5th-middle of the 7th centuries.

The belt set in heraldic style (fig. 24) and the fragment of the Dnieper type finger fibula have the

most importance to determine the latest culture date. These artefacts were found in the hill forts Akinshino and Kartavtsevo. Series of three-blade scaped arrowheads from Akinshino hill fort (fig. 27) and a set of female adornments, including pendants of fine silver sheet and small bucket type pendants (fig. 25), are related to the culture existence final.

A variety of significant finds is related to the Moschino culture layers of the 5th-7th centuries: fibulae of Kartavtsevo-Sirensk type (fig. 23), iron staff type pins (fig. 22), and patch plates (fig. 21).

The examined materials enable to place the upper date of Moshchino settlements existence to the middle of the 7th century. It is relevant to the final of Ryazan-Oka burial mounds culture, dated by I.R. Akhmedov by the middle of the 7th century (Ахмедов, 2010. С.13). Similarly N.A. Krenke defines the upper date for settlement Djakovo and for the Moscow river sites group in general (Кренке, 2011. С. 138-145, 224-225).

The presence in the composition of the Slavic ceramics complex of the IX-X centuries vessels of Moshchino tradition (Fig. 20) suggests that some part of Moshchino culture population continues to exist in the Upper Oka region up to that time.

Позднетьяковская культура на территории бассейна Москвы-реки

Н.А. Кренке (Москва)

Термин «позднетьяковская культура», предложенный в 1966 г. П.Н. Третьяковым (Третьяков, 1966б), прочно вошел в употребление, так как оказался адекватным материалам раскопок городищ и селищ железного века, проведенных в последние три десятилетия в пределах бассейна Москвы-реки.

Наиболее «чистый» позднетьяковский материал в пределах москворецкого бассейна был получен при раскопках Троицкого городища, расположенного выше Можайска, Дьякова городища в Москве, городищ Щербинское, Луковня 1, Кузнечики в бассейне р. Пахры¹. Материалы именно этих памятников легли в основу написания данной работы.

Городища Троицкое и Луковня 1 являлись позднетьяковскими хорошо укрепленными поселениями, основанными на месте незначительных более ранних поселений. Примесь материалов 3-й четверти I тыс. до н.э. в коллекциях с этих памятников невелика. На городище Дьяково позднетьяковский комплекс надежно выделяется благодаря исключительно ясной стратиграфии, позднетьяковские находки связаны с

верхним слоем городища, отделенного от нижнего «стерильной» прослойкой (на большей части памятника). Мощный стратифицированный культурный слой Дьякова городища позволил достоверно проследить развитие материальной культуры на протяжении тысячи лет – с V в. до н.э. по V в. н.э. На городищах Щербинское и Кузнечики позднетьяковские находки связаны с верхними слоями.

Всего же для позднетьяковского периода в бассейне Москвы-реки известно 73 городища и 101 селище (рис. 1). Кроме этого, известно несколько городищ и более десятка селищ, на которых наличие позднетьяковского материала находится под вопросом (Кренке, 2011. С. 241-252).

Помимо находок, рассеянных в культурных слоях городищ, для характеристики позднетьяковской культуры большое значение имеют кладовые комплексы, также связанные с поселениями. Это клады с городищ Щербинское, Троицкое, Дютково, Круглица, Дьяково, Ичско-го (Алтуховского), селища Заболотье-3.

Исследования вышеперечисленных памятников показали, что хотя у П.Н. Третьякова и были некоторые «натяжки» при выделении позднетьяковской культуры (например, утверждение, что грузики дьякова типа характерны только для позднетьяковской культуры), но в целом неоспоримо, что на рубеже эр или столетием раньше произошла серьезная культурная трансформация, существенно изменившая облик материальной культуры жителей городищ дьякова типа. Поэтому

¹ Городища Троицкое, Щербинское и Кузнечики раскопаны Московской экспедицией ИА РАН под руководством А.Ф. Дубынина; городище Луковня 1 исследовано экспедицией Музея истории и реконструкции Москвы под руководством А.Г. Векслера; городище Дьяково исследовано экспедицией Дирекции охранной зоны заповедника «Коломенское» под руководством Н.А. Кренке.

оправдано введение особых терминов для обозначения культуры, существовавшей до этой трансформации и после неё. При этом присутствие континуитета традиций, наряду с отличиями, подчеркивается употреблением однокоренных слов – «дьяковская культура» (или «раннедьяковская») и «позднедьяковская культура».

И.В. Исланова при анализе древностей железного века района Верхней Волги вслед за К.А. Смирновым (Смирнов, 1974) предложила трехчастную периодизацию, включающую ранне-, средне- и позднедьяковские этапы (Исланова, 2008. С. 47). Логика такого подразделения культуры заключалась в том, чтобы подчеркнуть отличия заключительного этапа с яркими, легко опознаваемыми чертами керамики «мощинского круга». Финальный этап дьяковской культуры в бассейне Москвы-реки действительно имеет ряд важных особенностей (см. далее), но, на мой взгляд, черты преемственности преобладают. Возможно, в верхневолжском регионе трансформации, связанные с влиянием мощинской культуры, были более существенными, чем в Москворечье (об этом можно судить, например, по большому проценту лощеной керамики в верхних слоях верхневолжских городищ), поэтому для этого региона подходит трехчастная периодизация. Для древностей железного века бассейна Москвы-реки логичнее выглядит периодизация, включающая два больших периода – ранне- и позднедьяковский, которые, в свою очередь, подразделяются на этапы.

Формирование позднедьяковской культуры

Если сравнивать вещевые наборы из нижнего слоя Дьякова городища V-II вв. до н.э. и верхнего слоя, то наиболее бросающимся в глаза отличием является смена «костяной индустрии» железными изделиями. Горизонты нижнего культурного слоя насыщены костяными предметами различного функционального назначения – проколки, булавки, иглы, струги/скобели, долота, ножи, стрелы. Железные предметы представлены лишь редкими ножами. В целом в нижнем слое железных изделий в 20 раз меньше, чем костяных. В верхнем слое, начиная с его основания, наблюдается совсем иная картина – доминируют предметы из железа. В нижнем горизонте верхнего слоя Дьякова городища железных находок в 2,4 раза больше, чем костяных изделий. В первую очередь, это разнообразные стержни, заготовки, ножи, серпы, стрелы. Эти изменения,

видимо, были обусловлены развитием в лесной зоне технологии железообработки на исходе I тыс. до н.э. То есть данные признаки, в первую очередь, отражают технический прогресс.

Обращаясь к тем сторонам материальной культуры, которые менее зависят от технического прогресса, можно отметить следующее. Керамика начальной фазы позднедьяковского этапа имеет бросающиеся в глаза отличия от керамики предшествующего времени. Исчезает керамика с текстильными отпечатками на поверхности², которая ранее доминировала в комплексе, исчезают некоторые приемы орнаментации – двудольные ямки, ямки-розетки и пр. То есть происходит очень важная смена традиции керамического производства. Однако нужно отметить, что смена текстильной керамики на гладкостенную не была повсеместной. На периферии основного ареала распространения позднедьяковских городищ в Москворечье традиция изготовления керамики с текстильными отпечатками, видимо, сохранялась. В первые века новой эры даже наблюдается частичное «возвращение» этой традиции в центральном и особенно нижнем Москворечье, но уже в очень незначительных масштабах (доля такой керамики составляла первые проценты от общего комплекса)³. Наблюдаются и иные общие черты позднедьяковской керамики с керамикой предшествующего времени. Их сближает слабопрофилированная форма крупных и средних горшководных сосудов (при отсутствии мисок), орнаментация венчиков насечками, а плечиков – отпечатками пальцев и защипами. Технология составления формовочных масс почти не изменилась. В качестве основной примеси использовалась дрсва и реже органика. Новацией являлось то, что в позднедьяковской керамике начинают изредка встречаться сосуды, в тесто которых помимо дрсывы был добавлен шамот (Лопатина, 2011).

² «Текстильная керамика» – условный термин. Как было установлено О.А. Лопатиной, «текстильная» фактура на керамике из городищ дьякова типа получалась различными способами, среди которых был распространен способ прокатки по поверхности горшка стержня еловой шишки, обгрызенной мышами. Орнаментация «розетками» – это «тычки с прокруткой», выполненные той же шишкой (Лопатина, 2015).

³ Серии горшков с «текстильными» отпечатками, но в то же время имевшими типичные позднедьяковские формы с отогнутыми наружу под углом прямыми высокими венчиками, встречены на городищах Дьяково и Боршева.

О трансформации культурной традиции говорит сравнительный анализ охотничьего вооружения. Костяные стрелы из нижнего слоя Дьякова городища резко отличаются по форме от сменивших их стрел из основания верхнего слоя. Вытянутые наконечники трехгранного сечения, характерные для периода рубежа эр (рис. 4: 14-16), совершенно отсутствовали в более ранний период.

Для нижнего слоя Дьякова городища и синхронных ему слоев других городищ Москворечья была характерна мелкая глиняная зооморфная пластика – фигурки поросят, бобров и т.п., а также некоторые другие виды изделий вроде моделей «рогатых кирпичей», «хлебцев» и т.п. (Кренке, 2011. Рис. 97; Кренке и др., 2010; Сыроватко, 2009. Рис. 103). Эта традиция была широко распространена в культурах городищ лесной и лесостепной зоны в скифское время и, видимо, была связана с определенной культовой практикой, имевшей важное значение для характеристики культуры (Белая, 2011; Каравайко, 2012. Рис. 65; Пузикова, 1997. Рис. 26). В верхнем слое Дьякова городища присутствует глиняная пластика, но её характер совершенно иной, это исключительно антропоморфные изображения, и появляются они лишь на заключительном этапе (см. ниже).

В то же время прослеживаются и черты преемственности. Например, сохранялись в употреблении глиняные грузики дьякова типа, предназначенные, скорее всего, для плетения шнуров (М.М. Савенкова, 2016). Их форма эволюционно менялась от нижнего слоя к верхнему (рис. 3: 2-5, 7-9).

Мало изменилась поселенческая система и структура землепользования. В среднем течение Москвы-реки почти все городища с познедьяковскими слоями имеют в основании слои раннедьяковского времени. В то же время в поселенческой системе произошли некоторые изменения на макроуровне – верховье Москвы-реки стало заселено плотнее, и почти запустел район её нижнего течения (Кренке, 2011). Правда, надо отметить, что на городище Настасьино на р. Северке, а также на городище у с. Городище на р. Коломенке были получены радиоуглеродные даты для укреплений, указывающие на начало познедьяковского этапа. Однако в имеющихся публикациях нет данных о наличии типичных познедьяковских находок на этих памятниках (Энговатова, 2009).

Перечисленные особенности позволяют предположить, что на территорию Москворечья

в финале I тыс. н.э. пришло новое население, близкое по культуре к тому, что проживало здесь ранее. Смешение пришлого и местного населения создало новую общность, которая начала интенсивно развиваться, что уже через один-два века привело к созданию развитой познедьяковской культуры с выраженными культурными особенностями.

Важный вопрос, на который необходимо ответить – откуда пришло в Москворечье новое население, давшее импульс культурной трансформации?

В литературе уже давно было высказано мнение, что «культурный импульс» на территорию бассейна верхнего Днепра и Волго-Окского междуречья исходил из днепровского региона в финальный период существования зарубинецкой культуры (Третьяков, 1966а). Основой для таких предположений служило, в первую очередь, изучение керамического комплекса. Появление на верхнем Днестре керамики типа «среднего слоя Тушемли», то есть горшков с отогнутым дугообразно наружу венчиком, орнаментированным насечками, защипами, связывалось с процессом распространения на северо-восток познезарубинецких традиций. Е.А. Шмидт предложил называть керамику данного стиля «восточно-балтийским типом» (Шмидт, 2003. С.145).

Сомнения относительно того, откуда исходили культурные импульсы, достигшие бассейна Москвы-реки, возникали в силу того, что горшки с профилированным дугообразным венчиком, насечками и вдавлениями по краю, отчасти похожие на познедьяковские, типичны также для памятников позднескифского (скифоидного) и позднегородецкого облика, а затем и сарматского времени в Верхнем Подонье и Посеймье (Козмирчук, Разуваев, 2001. Рис. 3; Пузикова, 1997. Рис. 7-9; Разуваев, 1998. Рис. 8; Разуваев, 2008).

Таким образом, необходимо взвесить «за» и «против» версий южного («скифского») и юго-западного (зарубинецкого) влияния.

Более детальное сопоставление керамики «типа среднего слоя Тушемли» и познедьяковской, показало, что речь может идти о сходстве, но не о тождестве (Кренке, Лопатин, 1997). Например, некоторые типы орнаментации, известные на горшках из нижнего горизонта верхнего слоя Дьякова городища (см. ниже), совершенно отсутствуют в среднетушемлинских комплексах.

Датировка среднетушемлинских комплексов не ранее I в. н.э., как считают Н.В. Лопатин

и А.Г. Фурасьев (2007. С. 85), создает препятствие для того, чтобы считать их прототипами позднедьяковской керамики, так как, согласно радиоуглеродной хронологии Дьякова городища, трансформация дьяковской культуры в позднедьяковскую произошла ранее – в II-I вв. до н.э. Однако это препятствие может быть преодолено, так как основания для нижней датировки среднетушемлинской культуры не так уж надежны. А.И. Дробушевский, основываясь на тех же материалах, что и Н.В. Лопатин с А.Г. Фурасьевым, в качестве начальной для среднетушемлинского комплекса предлагает дату II-I вв. до н.э. (Дробушевский, 2012. С. 47).

Важной «подсказкой» служат находки слабопрофилированных горшков с венчиками, орнаментированными вдавлениями, и поверхностью, обработанной штриховкой. Керамика этого типа характерна для чечерской группы зарубинецких памятников, занимавших течение р. Сож (Дробушевский, 2012). Единичные находки керамики со штрихованной поверхностью известны в Верхнем Поднепровье (Лопатин, Фурасьев, 2007; Дробушевский, 2011). Очень важно, что штрихованная керамика есть на городище Дьяково в основании верхнего позднедьяковского слоя (Кренке, 2011. Рис. 192, 193) и на Троицком городище в нижнем горизонте верхнего слоя (Розенфельдт, 1971. Рис. 13, 15).

Верхняя дата чечерской группы памятников определяется не позднее середины I в. н.э. (Дробушевский, 2012. С. 46). В связи с этим А.И. Дробушевский предполагает, что культурные импульсы из района зарубинецкой культуры на северо-восток могли датироваться более ранним временем – II-I вв. до н.э. (Дробушевский, 2012. С. 47). Такая хронология очень хорошо согласуется с археологическими и радиоуглеродными датировками основания верхнего слоя Дьякова городища, где была найдена керамика со штрихованной поверхностью.

Итак, важно подчеркнуть, что единичные находки штрихованной керамики⁴ в позднедьяковских комплексах начального этапа их формирования указывают на западные или юго-западные влияния.

В пользу «западной» версии свидетельствуют находки глиняных грузиков дьякова типа. Их ареал на рубеже эр или несколько ранее существенно расширился именно в западном направлении, охватив как Москворечье, так и Поднепровье. Это указывает на контакты населения этих регионов.

Относительно влияния скифской (скифоидной) и городецкой культур можно отметить следующее. В керамике из нижних слоев городищ, расположенных в нижнем течении Москвы-реки, датирующихся второй половиной I тыс. до н.э., можно отметить признаки этого влияния. Оно проявляется в присутствии небольшого процента сосудов с рогожными отпечатками на поверхности, орнаментации в виде сквозных проколов под венчиками (Кренке, Чаукин, 2013), профилированных форм (Талицкий, 1948. Рис. 3), схожих с городецкой и скифоидной керамикой Верхнего Подонья (Бирюков, Разуваев, 2009; Козмирчук, Разуваев, 2001. Рис. 3; Разуваев, 2009). Остается неясным, однако, как точно датируются эти формы горшков в пределах второй половины I тыс. до н.э.

Важным аргументом против версии южного влияния, как фактора, обусловившего сложение позднедьяковской культуры, является тот факт, что в нижнем течении Москвы-реки неизвестны памятники, схожие с позднедьяковскими городищами среднего и верхнего течения реки.

И.В. Ислановой было высказано предположение, что при определении региона, откуда могли придти люди, оказавшие влияние на формирование позднедьяковской культуры, нельзя исключать Верхнее Поочье. В качестве аргумента этой версии приводится сходство с позднедьяковской керамикой некоторых горшков из нижнего слоя городища Дуна на р. Оке (Носов, 1974). Эта версия в какой-то степени перекликается с предположением В.В. Сидорова о роли в формировании позднедьяковских древностей населения городищ Каширского течения р. Оки. По В.В. Сидорову, население каширских городищ мигрировало на север не позднее II в. до н.э. (Сидоров, 2006. С. 143). Никаких обоснованных аргументов В.В. Сидоров при этом не приводит. Однако версию о существенной роли в сложении позднедьяковской культуры верхнеокского варианта днепро-двинской культуры так просто отбрасывать нельзя. К сожалению, материал из раскопок верхне-окских памятников не так хорошо стратифицирован, чтобы его можно было подробно датировать. Небольшие раскопки 2011 г.

⁴ Нельзя путать с древней керамикой VII-VI вв. до н.э., поверхность которой была покрыта расчесами гребенчатого инструмента. Именно такая керамика ошибочно учитывалась И.Г. Розенфельдт в статистических таблицах в её работах как «штрихованная».

на городище Дуна дали колонку слоев с материалом (Столяров, 2015). Автор раскопок вполне обоснованно сопоставляет профилированную керамику городища Дуна (горшки типов 6 и 7), скорее всего, с древностями типа среднего слоя Тушемли (Столяров, 2015, с. 119).

Надо отметить, что действительно имеется некоторое сходство керамики городища Дуна с позднедьяковской. Горшки с этого городища имеют лаконичную орнаментацию по краям венчиков и плечикам. Для верхне-окских памятников, как и для позднедьяковских, характерно доминирование гладкостенной керамики при очень малом проценте текстильной. Однако вышеперечисленных признаков сходства в керамике недостаточно, чтобы находить истоки позднедьяковской культуры на Верхней Оке.

Наконец, имеется ещё один «ретроспективный» аргумент в пользу верхнеокской гипотезы. На развитой стадии позднедьяковской культуры Москворечье и бассейн Протвы явно входили в один вариант этой культуры. Именно в этом ареале был распространен целый набор очень специфических изделий (см. ниже). Типичные москворецкие умбоновидные серьги, накладки-бантики, прямоугольные нашивки из соединенных рядов микроскорлупок и пр., найденные на севере Калужской области, в том числе на Протве и в тарусском течении Оки (все из грабительских раскопок), дают этому новые и новые подтверждения. Клад бронзовых нашивных украшений с Ичского городища на р. Протве (поступил в Музей истории Москвы в 2014 г.) дал типичный набор москворецких украшений, включая характерные «бантики». В связи с этим актуальной задачей являются новые раскопки городищ в бассейнах Протвы и Угры и по берегам Оки в районе устьев этих притоков.

Таким образом, рассмотрев различные направления возможных влияний, можно утверждать, что аргументов для однозначного ответа пока нет, но предпочтительнее выглядит предположение о культурных влияниях (и миграциях?), проникавших в москворецкий ареал с запада и юго-запада.

В то же время в ранних позднедьяковских вещевых комплексах очень отчетливо видно восточное (в том числе степное) влияние. Удлиненные костяные стрелы, костяные пряжки «сарматского типа» с неподвижным язычком (о них пойдет речь ниже), встреченные на дьяковских памятниках сериями, бронзовые украшения, находящиеся параллели в Андреевском кургане,

не характерны для зарубинецких и восходящих к ним комплексов. То есть можно говорить о каком-то смешении западных и восточных культурных традиций в москворецком регионе, что, видимо, и обусловило сложение обновленной позднедьяковской культуры.

Хронология начального этапа позднедьяковской культуры

Ключевое значение для выделения набора вещей начального этапа позднедьяковской культуры имеют материалы Троицкого городища. Остановимся детально на датировке его слоев. Начало накопления нижнего слоя Троицкого городища А.Ф. Дубынин относил к IV-III вв. до н.э. (Дубынин, 1970. С. 94). Х.И. Крис считала наиболее вероятной дату IV в. до н.э. (Крис, 1970. С. 169). А.Ф. Дубынин и Х.И. Крис основывали свои датировки на вещевых аналогиях. И.Г. Розенфельдт полагала, что керамика нижнего слоя Троицкого городища не позволяет принять столь раннюю датировку этого слоя, и относила возникновение городища к концу I тыс. до н.э. (Розенфельдт, 1971. С. 74-75).

Мнение И.Г. Розенфельдт кажется более основательным в свете раскопок Дьякова городища и радиоуглеродных датировок, полученных для Троицкого городища при повторных раскопках 1996 г. (Александровский и др., 1998). Дело в том, что в нижнем слое Троицкого городища резко доминирует гладкостенная керамика.

Несколько сотен фрагментов текстильной керамики, найденных на Троицком городище, составляют хронологически обособленный комплекс V-III вв. до н.э., не связанный с основным массивом находок из нижнего слоя городища (предшествующий). Раскопки Дьякова городища показали, что до III в. до н.э. включительно в дьяковских комплексах Подмосковья доминировала текстильная керамика (Кренке, 2011). Следовательно, нижний слой Троицкого городища откладывался позднее этого рубежа, так как в нем доминирует гладкостенная керамика.

Вещевой комплекс из нижнего слоя Троицкого городища также не дает оснований для датирования его IV-III вв. до н.э. Важнейшим звеном в обосновании А.Ф. Дубынина и Х.И. Крис ранней даты нижнего слоя Троицкого городища является датировка набора стрел. Однако сопоставление наборов костяных стрел из нижних слоев городищ Дьяково, Боршева, Круглица (для которых есть надежные основания для датиров-

ки IV-III вв. до н.э.) и набора стрел из нижнего слоя Троицкого городища показывает их несхожесть. В нижних слоях городищ Дьяково, Боршева, Круглица нет характерных для нижнего слоя Троицкого городища узких удлиненных наконечников треугольного или подквадратного сечения. На Троицком городище отсутствуют, за единственным исключением, одношипные наконечники со скосом на противоположной шипу стороне, которые являются наиболее характерным типом – хроноиндикатором для нижних слоев трех указанных выше городищ (Кренке, 2011. Рис. 83; Кренке, Чаукин, 2013. Рис. 4; Крис, Чернай, 1980. Рис. 2). В наборе стрел из нижнего слоя Троицкого городища выделяется группа (4-5 шт.) коротких стрел с расширением на конце черешка (Дубынин, 1970б. Табл. 1). Именно на эти стрелы в основном опирался А.Ф. Дубынин, устанавливая раннюю дату Троицкого городища. Действительно, эти стрелы ближе всего по форме к стрелам из нижних слоев городищ Дьяково, Боршева, Круглица, но не тождественны им, что не позволяет настаивать на синхронности.

Радиоуглеродный возраст, полученный по образцам угля из основания вала Троицкого городища, с наибольшей вероятностью указывает на II в. до н.э. – рубеж эр (табл. 1). В таблицу 1 включены также датировки, полученные для городищ Дьяково и Луковня 1 по образцам, надежно приуроченным к отложениям начальной фазы позднедьяковского периода.

Как видно из таблицы, радиоуглеродные датировки дают согласованные результаты, указывающие при калибровке преимущественно на I в. до н.э. – рубеж эр.

Для определения верхней границы начального этапа позднедьяковской культуры надо рассмотреть датировку нижнего горизонта верхнего слоя Троицкого городища и среднего горизонта верхнего слоя Дьякова городища. Именно с этими слоями связана существенная трансформация культуры, одним из наиболее ярких проявлений которой было распространение лощеной керамики. А.Ф. Дубынин датировал нижний горизонт верхнего слоя или 3-й пласт эталонной V зоны (глубина 0,4-0,6 м) Троицкого городища II-III вв. н.э. Весьма показательным, что количество костяных стрел в этом пласте, судя по описаниям находок, превосходит количество железных стрел. Соотношение костяных и железных стрел является чутким хронологическим индикатором. На Дьяковом городище примерный паритет между костяными и железными стрелами наблюда-

ется в культурном слое на глубине -240-260 см, который по радиоуглеродным определениям и археологическим находкам датируется не позднее I-II вв. н.э. В вышележащих слоях Дьякова городища железные стрелы доминируют над костяными. Это наблюдение заставляет предположить, что накопление 3-го пласта культурного слоя Троицкого городища началось на рубеже эр и продолжалось в I-II вв. н.э. Характерными находками этого времени являются фибула «авцисса», железная двушипная втульчатая стрела, костяные пряжки с неподвижным язычком, обнаруженные в 3-м пласте. Очень показательной является такая находка, как лапчатая подвеска (Дубынин, 1970б. Табл. 18, 25), находящаяся параллельно в Андреевском кургане в Мордовии (Степанов, 1980, Табл. 44, 13). Таким образом, из вышесказанного следует, что II-III вв. являются верхней хронологической границей 3-го пласта Троицкого городища, а большинство находок, вероятно, попало в него в конце I в. до н.э. – I в. н.э.

Обоснование датировки среднего горизонта верхнего слоя Дьякова городища, основанное на комплексном подходе (археологические данные + радиоуглеродные датировки), приведено в опубликованной монографии (Кренке, 2011. С. 145). Получен результат, указывающий на II или II-III вв. н.э.

На городище Луковня 1, почти полностью раскопанном А.Г. Векслером в 1968-1982 гг., были найдены костяные пряжки, стрелы, бронзовые умбоновидные подвески и нашивки, которые, судя по материалам Дьякова городища, являются не позднее самого начала новой эры. Стратиграфически комплекс ранних находок на городище Луковня 1 практически не вычленяется. Выделение этих вещей возможно лишь по аналогиям с находками из соответствующих горизонтов городищ Троицкое и Дьяково. Материалы городища Луковня 1 ценны тем, что по конструкциям, относящимся к началу жизни городища, была получена радиоуглеродная дата (табл. 1), указывающая на рубеж эр. Эта дата важна для установления возраста исчезновения текстильной керамики и датировки комплекса ранних находок с городища.

Вещевой набор и керамика. Перейдем к характеристике вещевого набора и керамики начального периода позднедьяковской культуры, стремясь выделить вещи: 1) специфически местные, 2) имевшие широкий ареал бытования, 3) привозные.

К числу местных «культуроопределяющих» изделий относятся в первую очередь бронзовые умбоновидные привески, о чем ещё давно писал К.А. Смирнов (Смирнов, 1970. С. 185). Эволюционный ряд этих украшений (рис. 12), безусловно, восходит к более древним умбоновидным серьгам, бытовавшим в широком ареале лесной зоны от верхнего Поднепровья до Волго-Окского междуречья (Кренке, 2011. Рис. 160). Важно отметить, что в бассейне Москвы-реки примерно на рубеже эр сложился особый тип этих украшений, представленный несколькими разновидностями. Среди этих разновидностей имеются более сложные ажурные формы и более простые. Находки из Дютьковского клада (Кренке, Лазукин, Тавлинцева, 2011) показали, что одновременно бытовали вещи, различавшиеся по размерам и детальности проработки элементов (рис. 9). Всего известно около 40 умбоновидных украшений москворецкого типа с 15 памятников (Кренке, 2011. С. 80). Единичные находки этих украшений известны за пределами основного ареала на территории смежных речных бассейнов – р. Оки и Верхней Волги.

В один набор с умбоновидными привесками, вероятно, входили биметаллические булавки с умбоновидным навершием. Этих находок известно значительно меньше – всего четыре (городища Кузнечики, Круглица, Подмоклово и селище Мякинино 2). В этот же набор, судя по составу кладов с городищ Щербинское и Круглица, входили ажурные квадратные нашивки, состоявшие из рядов зерни.

Именно для москворецкого региона характерны продолговатые нашивные бляшки с зубчатым краем, имевшие одну или две петельки для крепления с обратной стороны. Не менее характерны продолговатые плоские и двускатные нашивные бляшки. В кладе с Ичского городища в комплексе с этими двускатными нашивками были позднесарматские портупейные пряжки начала III в. (рис. 11). Судя по стратиграфии Дьякова городища, можно допустить, что двускатные нашивки несколько позднее ранних бляшек с зубчатым краем (поздние бляшки с зубчатым краем имеют плетенку по торцу и синхронны двускатным бляшкам, что показывает комплекс Ичского клада). Глиняные грузики дьякова типа – очень характерная вещь для москворецких памятников. Кажется, здесь их концентрация выше, чем в соседних регионах, велико разнообразие форм. Только в Москворечье были найдены трехплощадочные грузики (Троицкое городище).

Основная масса изделий, встреченных в позднедьяковских памятниках Москворечья, имеет широкий ареал бытования, охватывающий Волго-Окское междуречье и сопредельные территории.

Среди костяных изделий надо выделить серию пряжек с неподвижным язычком с одной или двумя прорезями (городища Троицкое, Дьяково, Боршева, Луковня). Аналогичные по форме костяные пряжки встречены в таких удаленных регионах, как Прикамье, Башкирия, Нижнее Поволжье, Западная и Южная Сибирь (Агеев, 1992. Табл. 12; Ашихмина и др., 2006. Рис. 79, 14; Зубов, 2007; Могильников, 1992. С. 304. Табл. 124, 17; Мошкова, 1963; Тишкин, Матренин, 2010). Территориально более близкие аналогии – роговые пряжки с Чаплинского городища на Днепре милоградской и зарубинецкой культур (Третьяков, 1959. Рис. 14, 3) и верхнеокского городища Дешовка на р. Жиздре (Никольская, 1966. Рис. 1). П.Н. Третьяков определил пряжку из Чаплинского могильника как изделие «сарматского типа», с чем был согласен К.А. Смирнов, описывая пряжки с дьяковских памятников (Смирнов, 1974. С. 47). Эти пряжки очень хорошо согласуются с представлением о том, что начало позднедьяковского периода относится к II-I вв. до н.э. Аналогии не случайны, а указывают на определенный хронологический горизонт и направление культурных контактов.

Многочисленные стрелы в большинстве своем имеют удлиненные пропорции, сечение пера часто треугольное, квадратное, круглое. Из железных изделий наиболее частой находкой являются ножи и стрелы. Ножи с горбатой или спрямленной спинкой (рис. 5: 7, 8). Стрелы обычно двушипные с длинным черешком и узким вытянутым пером. Встречаются и стрелы без шипов с узким треугольным пером и уступами при переходе к черешку (рис. 4). Кажется, именно с началом позднедьяковского этапа связаны находки железных серпов, которые встречаются весьма часто (рис. 5: 5, 6). Очень многочисленны железные кольца-заготовки, кольца-пронизи, разнообразные стержни-шилъя, булавки, в том числе со спиральным завершением. Возможно, некоторые кольца с несомкнутыми концами являлись браслетами. Типичны также пряжки, концы которых загнуты в одной плоскости с основной дугой. Редкими, но регулярно встречающимися находками являются железные топоры-кельты и наконечники копий (известно всего шесть копий – с городищ Троицкое, Щербинское, Дьяково, Барвихинское и Кунцево).

Среди бронзовых украшений распространены нашивные круглые бляшки с плетенкой по краю, бляшки-скорлупки и комбинации из них, спиральные многовитковые браслеты, гривны (рис. 13: 2) с раскованными концами (клады 2-й Щербинский и с городища Круглица).

Привозные изделия представлены редкими бронзовыми украшениями, такими как лапчатая привеска с Троицкого городища, нашивные бляшки в стиле Андреевского кургана, а также фибулой «Авцисса» (очень характерна для древностей типа Андреевского кургана). Наиболее вероятный путь проникновения в лесную зону этого римского изделия пролегал с юга через посредничество сармат. Трехлопастная железная стрела с Троицкого городища (Дубынин, 1970б. Табл. 13, 43) также, видимо, имеет отношение к сарматским древностям. Известны единичные находки стеклянных бус, в т.ч. золотостеклянных (Кренке, Румянцева, 2008).

Керамический комплекс может быть охарактеризован по материалам нижнего горизонта верхнего слоя Дьякова городища (Кренке, 2011. Рис. 192, 193) и нижнего слоя Троицкого городища (Розенфельдт, 1971. Рис. 13). Доминирует грубая гладкостенная керамика, орнаментированная по венчику и плечикам, при очень незначительном присутствии горшков со штрихованной поверхностью. Формы горшков сильно разнятся по пропорциям, есть приземистые и вытянутые. Венчики эсвидной формы, слабо отогнуты наружу (рис. 20; 21). Горшки Троицкого городища более «раскрытые», диаметр их венчиков часто больше максимального диаметра тулова (Розенфельдт, 1971. Рис. 13, 7, 16), что находит аналогию в сосудах среднего слоя городища Тушемля (Лопатин, Фурасев, 2008. Рис. 39). В то же время орнаментация оттисками веревки, намотанной на палочку (Розенфельдт, 1971. Рис. 14, 1-10, 13; Кренке, 2011. Рис. 193, 73), сложные прорисованные узоры (Розенфельдт, 1971. Рис. 22, 3), пальчатый орнамент (отпечатки подушечки пальца) специфичны именно для дьяковской керамики и не имеют аналогий в среднетушешинских комплексах. Горшки городища Дьяково и Щербинское отличаются по пропорциям от горшков Троицкого городища, их плечики обычно шире горла. Это указывает на существование в пределах бассейна Москвы-реки локальных культурных традиций керамического производства.

Лощеная керамика и миски отсутствуют в комплексах нижнего слоя Троицкого городища (Розенфельдт, 1971. С. 26) и нижнего горизонта верхнего слоя Дьякова городища.

Домостроительство, планировка городищ и оборонительные сооружения. Фактически для начального этапа позднедьяковской культуры мы располагаем лишь одним памятником, который дает достоверное представление о домостроительстве и планировке – это Троицкое городище. Конструкции типа «жилых стен», обнаруженные на нем, были детально описаны ранее (Дубынин, 1970б. С. 11-15; Дубынин, Розенфельдт, 1970). Они характеризуют именно начальный период жизни памятника. Важно подчеркнуть, что на раннедьяковских городищах подобные сооружения не встречались. В раннедьяковский период площадки поселений были застроены длинными домами. Различия особенно хорошо видны при сравнении планировок раннедьяковского городища Настасьино (Энговатова, 2004. Рис. 1) и Троицкого, которые имели сходные размеры и формы площадок.

Не исключено, что сооружение, подобное «жилой стене», существовало и на городище Дьяково. Не раз писалось о «стерильной» прослойке песка с пеплом, разделявшей нижний и верхний слой памятника. Однако в центре площадки и у самого её края «стерильной» прослойки песка нет. Если посмотреть на расположение этой прослойки (вернее, двух прослоек, надстилавших одна другую) в плане, то можно увидеть, что она идет полосой шириной 6-7 м с четкими границами вдоль западного края площадки, немного отступая от него. Если учесть, что жители городища позднедьяковского этапа использовали песок именно для создания подсыпок полов построек, то можно предположить, что данная «макропрослойка» являлась подсыпкой пола «жилой стены». Ранее это предположение не высказывалось, но мне оно кажется очень логичным и много объясняющим в стратиграфии и планиграфии Дьякова городища.

На городище Кузнечики на р. Моче также была обнаружена длинная постройка вдоль края площадки. А.Ф. Дубынин считал, что она ранняя, синхронная или предшествовавшая длинному дому (постройка № 1) в центре городища (Дубынин, 1970а. С. 155). С этим, однако, трудно согласиться. Ранние постройки (в том числе постройка № 1) оставили следы от стен в виде канавок в материке. Постройка № 3

фиксируется лишь по ямам, канавки в материке отсутствовали. То есть уровень дневной поверхности этой постройки был на 30-40 см выше материка, так что канавки от стен уже не доставали его. Возможно, постройка № 3 была «жилой стеной» (это предполагал и А.Ф. Дубынин), существовавшей не в раннедьяковское время, а в начале позднедьяковского периода.

Степень изученности оборонительных сооружений позднедьяковских городищ низкая. Узкими малоинформативными траншеями были разрезаны системы валов и рвов городищ Бужарово, Андреевское (раскопки К.Я. Виноградова 1920-1930-х гг.), Неждино (Розенфельдт, 1964), Троицкое, Савино-Сторожевское, Барвихинское (Латышева, Розенфельдт, 1964), Кунцево, Коробово (Александровский и др., 1998). Данных о характере деревянных конструкций почти нет. Фактически мы мало продвинулись в понимании конструкции валов со времен описания К.Я. Виноградова раскопок вала городища Бужарово, в теле которого, по его словам, были найдены «гнезда углей» (Виноградов, дневник 1926 г.). Высказывались предположения, что в основания валов помещались кучки веток (Розенфельдт, 1970; Александровский и др., 1998). Р.Л. Розенфельдт, специально изучивший оборонительные системы дьяковских городищ, пришел к выводу, что сложные укрепления, состоявшие из нескольких валов и рвов, дополненных эскарпами на склонах, относятся исключительно к позднедьяковскому времени и датируются серединой I тыс. н.э. (Розенфельдт, 1970). Основаниями для такой датировки стал ряд аналогий и представления о датировке слоев Троицкого городища. Собственно в разрезе валов и рвов датирующих находок не было. Новые раскопки подтвердили вывод Р.Л. Розенфельдта в том смысле, что трехъярусные оборонительные конструкции относятся исключительно к позднедьяковскому времени, а также позволили уточнить датировку их создания.

Широкими раскопками были исследованы системы укреплений лишь на Настасьинском (Энговатова, 2004; 2009), Знаменском (раскопки Ю.Д. Разуваева, 2005 г.), Михайловском (Смирнов, 1964) и Кунцевском городищах, где были раскопаны террасы-эскарпы на склонах (Векслер, 1975). В результате проведенных раскопок было установлено, что на раннем этапе существования Знаменского городища оно имело один вал и один ров, который не-

сколько раз подновлялся (до трех раз). Затем была предпринята перестройка всей системы. В результате она стала состоять из трех валов и трех рвов. Из-за сыпучести грунта нельзя точно сказать, какова была высота валов и глубина рвов (скорее всего, чуть более 1 м). Общая ширина полосы оборонительной линии составляла 25 м. Возраст фортификационной системы устанавливается по керамике, найденной в погребенной почве под средним валом (Разуваев, 2012). Там была обнаружена слабопрофилированная текстильная керамика, подобная керамике из верхнего горизонта нижнего слоя Дьякова городища, которая позволяет определить *terminus post quem*. С подобной керамикой ассоциированы радиоуглеродные датировки, указывающие с наибольшей вероятностью на II в. до н.э. Например, датировка 2120 ± 25 (Hela-942), полученная по нагару со стенок горшка (Кренке, 2011. Табл. 41).

Укрепления Кунцевского городища образуют сложную трехъярусную систему. С западной южной стороны узкий перешеек защищен тремя валами и тремя рвами. На западном и восточном склонах рвы переходят в террасы-эскарпы. На мой взгляд, это единая и одновременно созданная оборонительная система. В публикации А.Г. Векслера изложена иная точка зрения (Векслер, 1975). Он предполагает, что террасы разновременные, те, что находятся с восточной стороны склона, относятся к раннедьяковскому времени, а террасы на западном склоне – позднедьяковские. Аргументом в пользу раннедьяковского возраста служат костяные изделия и керамика с расчесами гребенчатым штампом, найденные на нижней третьей террасе на восточном склоне. Однако обращение к материалам отчетов показывает, что археологический контекст не позволяет сделать подобных выводов. В табл. 2 приведены данные, взятые из отчетов о раскопках 1970-1973 гг. (Векслер, 1971-1974). На всех террасах в предматериковых пластах и сооружениях на уровне материка преобладала грубая гладкостенная керамика, лощеная керамика представлена только на средней террасе (табл. 2). Ранние костяные стрелы и керамика с гребенчатым штампом были встречены как в нижних отложениях, так и выше на одном уровне с находками лощеной керамики, то есть это – переотложенный материал. В основании заполнения внешнего и среднего рва была также найдена лишь грубая глад-

костенная керамика. Такой состав находок с наибольшей вероятностью указывает на начало позднедьяковского этапа (до или в начале появления лощеной керамики), то есть на I вв. до н.э. – I в. н.э.

Материалы раскопок Кунцевского городища с очевидностью свидетельствуют, что по краям террас имелись столбовые ограды, а их площадки использовались под застройку. Сказанное не означает, что на Кунцевском городище не было в раннедьяковское время укреплений, но, видимо, они были «стерты» временем или кардинально перестроены.

Радиоуглеродные датировки, полученные по образцам из основания вала на городище Коробово, свидетельствуют, что вал был возведен на рубеже эр (Александровский и др., 1998). О радиоуглеродном возрасте вала Троицкого городища писалось выше. На городище Настасьино со дна «большого дьяковского рва» по углю была получена датировка 2065 ± 20 (Le-5898), что указывает на I в. до н.э. (Энговатова, 2004). Оборонительная система на городище у с. Городище на р. Коломенке была перестроена на рубеже эр (Сыроватко, 2010).

Таким образом, можно заключить, что в начале позднедьяковского периода, может быть, в I в. до н.э. или чуть позже городища в бассейне Москвы-реки были существенно укреплены. Городища с трехъярусной системой укреплений известно не менее 13. На 25 городищах имеется двухъярусная система укреплений. Большинство этих городищ расположено в среднем течении Москвы-реки, долинах рек Истра и Пахра. При этом надо отметить, что «за рамками» списка остались такие мощные и хорошо укрепленные городища, как Успенское, Дьяково, Щербинское. Два из них - Успенское и Щербинское – располагались на останцах. Очевидно, они имели кольцевые системы укреплений по периметру возвышенностей и дополнительные валы на въезде и у подножия останца (прослежены на Щербинском городище). К сожалению, укрепления позднедьяковского времени на этих памятниках остались неизученными.

Оборонительная система Дьякова городища, классического мысового укрепления, строилась на ином принципе. Площадку с напольной стороны защищали один ров и вал, но размеры этих сооружений, перепад высот от дна рва до гребня вала (до 12 м) значительно превосходили многоярусные оборонительные конструкции других городищ. Основа оборонительных

сооружений Дьякова городища была создана в раннедьяковский период, затем они были лишь подновлены, перестраивать их, видимо, не было необходимости⁵.

Средний этап позднедьяковской культуры

Наиболее достоверную характеристику вещевого и керамического комплекса развитой позднедьяковской культуры дают материалы среднего горизонта верхнего слоя Дьякова городища. Пользуясь терминологией М.Б. Щукина (Щукин, 1994. С. 18), можно сказать, что развитая позднедьяковская культура стала «мисочной». Комплексы, полученные из сгоревших построек Дьякова городища, показывают, что миски и миско-горшки, гладкие и подлощенные, становятся непременным компонентом керамического набора. Более детальное описание керамического набора дано ниже.

Средний этап позднедьяковской культуры Москворечья характеризуется дальнейшим развитием местного стиля бронзовых украшений и активизацией внешних контактов. В этот период в Москворечье поступает значительное число импортов. Наблюдается и обратное явление – экспорт москворецких вещей в соседние регионы.

Особенно значимым для культуры населения Москворечья на этом этапе, видимо, был южный вектор контактов, влияние сарматского мира сказывается в наборе вещей и керамике. Москворечье, в свою очередь, видимо, стало «мостиком», связывавшим южный лесостепной регион с отдаленными северными и северо-западными территориями (Заволжье, басс. оз. Ильмень, Южная Финляндия).

Конечно, с большой долей условности можно говорить о демографическом и хозяйственном «процветании» на среднем этапе позднедьяковской культуры. Некоторые факты (изложены ниже) указывают именно на это.

Хронология среднего этапа позднедьяковской культуры строится на основе анализа импортов (бусы, украшения с эмалью и пр.) и данных серийного радиоуглеродного датирования страти-

⁵ Вероятно, самая макушка вала Дьякова городища (примерно верхний метр) была сооружена в XVII в. Имеются документы 1692 г. о том, что на городище при царской усадьбе Коломенское был устроен «потешный городок» (Забелин, 1895. С. 660).

фицированных объектов (более 40 датировок – см. Кренке, 2011. Табл. 70). Совокупность этих данных указывает на то, что вышеописанный комплекс материальной культуры следует датировать в пределах I(II) – IV вв. н.э.

Керамический и вещевой наборы среднего этапа позднедьяковской культуры. Технология изготовления керамики совершенствуется (рис. 22-36). Появляются весьма крупные горшки для хранения, сделанные при этом очень тщательно, симметричной формы с относительно тонкими стенками, профилированной верхней частью. По характеру обработки поверхности сосуды делятся на гладкостенные, лощеные (подлощенные), текстильные.

Реперным комплексом для характеристики керамического набора среднего позднедьяковского этапа (его начала) являются находки из постройки «Д-4» на Дьяковом городище (Кренке, 2011. С. 116). Из данной постройки, погибшей в пожаре, происходят 16 горшков, мисок и тарных сосудов, профиль которых был реконструирован полностью или более чем на половину (Кренке, 2011. Рис. 199-201). Этот комплекс (рис. 25-27) важен тем, что дает представление о наборе посуды, использовавшейся в одном хозяйстве. Набор включал несколько крупных тарных горшков (один подлощенный), несколько средних, вероятно, кухонных горшков, имеющих следы нагара на стенках, серию подлощенных мисок и миско-горшков. В том числе один из подлощенных миско-горшков имел объем около 7 литров. Важно отметить, что 9 из 16 горшков, которые удалось склеить, имели подлощенную поверхность. Это заставляет скорректировать представление о том, какова была реальная доля подлощенной посуды в керамическом комплексе. Статистика фрагментов из слоя Дьякова городища на соответствующей глубине дает совсем иные цифры – не более 4% подлощенной и лощеной керамики. Вероятно, «археологизация» лощеной столовой керамики и грубой кухонной происходила не совсем одинаково.

Профилировка стенок всех сосудов отличается стилистическим единством: дугообразный отгиб венчика, тулово с округлыми плечиками.

Кухонные горшки из комплекса постройки Д-4 имеют лаконичную орнаментацию: края венчиков декорированы нарезками, а по плечикам идут прерывистые цепочки пальцевых защипов, либо отпечатков палочки, обмотанной веревочкой. Тарные горшки орнаментированы лишь нарезками по краю венчика.

Аналогии грубым гладкостенным сосудам, представленным в постройке Д-4, имеются в нижнем горизонте верхнего слоя Троицкого городища (Розенфельдт, 1971. Рис. 21, 20, 21; 22, 37). Лощеные сосуды «плавных форм» также характерны для нижнего горизонта верхнего слоя Троицкого городища (Розенфельдт, 1971. Рис. 28). На Щербинском городище есть лишь единичные аналогии (Розенфельдт, 1974. Рис. 43, 43). Аналогичные лощеные миски имеются и на городище Варварина Гора (Буров, 2003, Рис. 26, 13).

Орнаментация позднедьяковской керамики среднего этапа выполнена с использованием того же набора приемов, что и орнаментация предшествующего этапа (рис. 41). Это ямки, штампы, вдавления, оттиски палочки, обмотанной веревочкой, защипы пальцами, ногтевые вдавления, прочерченные линии. Вариации орнаментальных композиций представлены в ряде работ (Кренке, 2011, Рис. 219; Розенфельдт, 1971. Рис. 15-18; Розенфельдт, 1974. Рис. 26-32). Наиболее сложные композиции выполнены палочкой, обмотанной веревочкой, и они характерны именно для горизонтов культурного слоя, соответствующих среднему этапу позднедьяковской культуры (Кренке, 2011. Рис. 198, 111; Розенфельдт, 1971. Рис. 9, 34). Новацией в орнаментации по сравнению с керамикой предшествующего этапа являлось украшение торца венчиков кольцевой канавкой, что было отмечено ещё И.Г. Розенфельдт (Розенфельдт, 1974. С. 146, 147).

Если говорить о «внешних» параллелях набору керамики из постройки Д-4, то отчетливо прослеживается близость по форме и орнаментации (при отличиях в составе теста) с керамикой городищ и селищ севера Тульской области. Это тип VI, выделенный И.В. Белоцерковской по материалам селища Супруты (Белоцерковская, 1981. С. 199), или керамика памятников типа Упа-2 по Е.В. Столярову (Столяров, 2012), а также керамика группы памятников Ново-Клейменово, выделенной А.М. Воронцовым (Воронцов, 2007. Рис. 3). Параллели в профилировке прослеживаются в более южных памятниках типа Ишутинского городища на Красивой Мече (Разуваев, 1998. Рис. 8). Это сходство особенно заметно при сопоставлении форм крупных тарных сосудов.

Сравнение с керамикой рязано-окских могильников также позволяет увидеть некоторые общие черты. Комплекс посуды из могильников

отличается от поселенческого усеченным набором форм. В погребениях представлены лишь горшки небольших и средних размеров, столовой и тарной посуды практически нет. Сходство некоторых типов керамики рязано-окских могильников с дьяковской отмечалось исследователями (Гришаков, 1993. С. 103, 104; Румянцева, 2007, С. 254). Речь идет о небольших и средних горшках с плавно отогнутым наружу венчиком, орнаментированным насечками. По терминологии В.В. Гришакова, это керамика «рязано-окского очага» (Гришаков, 1993. Рис. 40). По О.С. Румянцевой, это горшки серии 1 (Румянцева, 2007б. Рис. 3). В.В. Гришаков с сомнениями, а О.С. Румянцева более уверенно предполагают, что это сходство обусловлено влиянием, распространявшимся с запада на восток. На мой взгляд, достаточных доказательств этому предположению нет. Возможно и обратное направление влияния, а также, что более вероятно, сходство обусловлено общими тенденциями в изменении «керамической моды» в I-III вв. н.э. на обширных пространствах в бассейнах Верхнего Днепра, Верхней Волги и Оки. Источники этих инноваций, скорее всего, следует искать на юге. Профилированная керамика позднескифских городищ лесостепи могла быть отправной точкой трансформации.

Керамика из горизонта культурного слоя Дьякова городища, непосредственно перекрывавшего постройку Д-4, демонстрирует некоторые инновации, а именно: а) венчик не дугообразный, а прямой, отогнут под углом (раструб); б) венчик вогнутый; в) на тулове в верхней части имеется ребро. При этом количество фрагментов с раструбообразным венчиком довольно большое, а сосуды с вогнутым венчиком и ребристые формы – единичны.

Подлощенные миски с вогнутыми краями (с ребром и без ребра), найденные на дьяковских городищах Щербинское, Луковня 1, Дьяково, имеют близкие аналогии на юге в регионе бассейна верхнего Дона. Здесь на городищах Чертовицкое III, Иштутино в контексте с находками сарматского времени представлены как круговые миски (прототипы), так и лепные подражания им (Медведев, 1998, рис. 5; Разуваев, 1998, рис. 5).

На поселениях Верхнего Подонья сарматского времени очень распространены горшки с прямым, отогнутым под углом наружу венчиком-раструбом, тип 3, по А.П. Медведеву (Медведев, 1987; Бирюков, Бессуднов, 2006).

Поздндьяковская керамика развитого этапа имеет также сходство с лощеной и гладкой керамикой Подесенья, найденной на памятниках почепского типа первых веков н.э. (Терпиловский, 2004. Рис. 9, 10; Обломский, 2010, рис. 140).

Вероятно, эти аналогии с керамикой Дьякова городища неслучайны, они свидетельствуют если не о прямых, то об опосредованных контактах. Подтверждение этому имеется в наборе вещей.

Особое внимание привлекает поздндьяковская текстильная керамика. По своей профилировке и орнаментации она резко отличается от раннедьяковской текстильной керамики. Поздндьяковская текстильная посуда по формам не отличается от гладкостенной керамики. Для этой текстильной керамики характерна тонкостенность, развитая профилировка, больше половины венчиков орнаментировано (подсчеты проведены по материалам Дьякова городища), тогда как у раннедьяковской текстильной керамики лишь 1-2% венчиков орнаментировано по торцу, и характер этой орнаментации другой. Отличительной особенностью поздндьяковских текстильных горшков является то, что часто их венчик орнаментирован как с внешней, так и с внутренней стороны (коллекция городища Боршева, раскопки Х.И. Крис).

Профилированные текстильные сосуды, напоминающие по форме керамику из верхнего слоя Дьякова городища, встречены на городище у с. Городищи на р. Коломенке, а также на памятниках, расположенных по р. Оке выше устья Москвы-реки – городищах Протопоповском (Талицкий, 1948), Ростиславль (Сыроватко, 2009. Рис. 65, 66), селище Сосновка IV (Сыроватко, 2009. Рис. 71). Требуется более детальное сопоставление этих комплексов между собой, чтобы установить, действительно ли они синхронны. Горшок из старых раскопок на городище у с. Городищи, хранящийся в музее г. Коломны, может быть характерным примером подобного типа керамики (рис. 32). Венчик прямой, отогнут наружу под углом в виде раструба, по торцу украшен косыми насечками. То есть налицо все признаки, характерные для керамики «сарматского времени», встреченной в широком ареале от верховьев Дона до Волго-Окского междуречья. Специфика заключается лишь в том, что поверхность покрыта «текстильными» отпечатками, очень рельефными. Этот единичный пример указывает на культурное своеобразие памятников низовьев Москвы-реки начала н.э., что уже отмечалось выше.

*Комплекс женских украшений
и «культурная идентичность»*

Очень ярко формирование «культурной идентичности» населения Москворечья II-IV вв. н.э. проявилось в развитии комплекса женских украшений. Несмотря на источниковедческую проблему, обусловленную тем, что погребения рассматриваемого населения остаются неизвестными, находки бронзовых украшений в культурных слоях поселений очень многочисленны, кроме того, имеются комплексы кладов, что позволяет сделать определенные выводы.

Уже отмечалось, что в первые века новой эры население Москворечья выработало новые, совершенно своеобразные типы украшений. В первую очередь, это серия разновидностей умбоновидных привесок, булавок с умбоновидным навершием либо с навершием из соединенных по пять скорлуповидных бляшек.

На среднем этапе позднедьяковской культуры гарнитуры украшений развиваются в двух направлениях. Во-первых, очень большое распространение получают нашивные украшения, состоявшие из комбинаций микроскорлупок (среди последних очень распространены были «бантиковидные» в виде двух соединенных вершинами треугольников, а также в виде прямоугольников, состоящих из нескольких рядов соединенных скорлупок). Во-вторых, на смену литым цельным украшениям приходят изделия с подвижными элементами, так называемые «шумящие». В первую очередь это, видимо, головные (височные?) украшения, пришедшие на смену умбоновидным серьгам (рис. 16). При изготовлении шумящих украшений использовались такие элементы декора как волюты, плетенки, косички, двойная зернь.

Картирование находок этих специфических украшений показало, что ядром их распространения является бассейн Москвы-реки, а также бассейн р. Протвы. Это может служить основанием для предположения, что именно в этом ареале проживала этнически консолидированная группа населения, культурно обособленная от соседей, но в то же время имевшая с ними широкие контакты. Это доказывается находками москворецких вещей за пределами их основного ареала. Подобные единичные находки известны в южной Финляндии, восточной Эстонии, Тверской, Вологодской, Владимирской, Рязанской, Липецкой областях и Мордовии.

Важным элементом набора украшений жителей позднедьяковских городищ Москворечья являлись сьюлгамы с гладким или ложновитым корпусом, дополнительно украшенные волютами или зернью. Они найдены сериями на городищах Троицком, Щербинском, Кузнечики и Дьяково (Кренке, 2011. Рис. 140) и др. Это, видимо, местные изделия. Находка № 1368-87 с Дьякова городища представляет редкий тип (рис. 6: 15). Наиболее близкое по деталям декора изделие происходит со Щербинского городища (Дубынин, 1974. Табл. XI, 15). Предмет с Дьякова городища отличается наличием второго кольца. Стилеобразующим элементом декора является заполнение пространства между двумя кольцами зигзагом из витой нити. По классификации застежек-сьюлгам, предложенной И.В. Белоцерковской (Белоцерковская, 1999), эта находка относится к серии 1Д. Период бытования этой серии И.В. Белоцерковская первоначально определяла IV – первой половиной V в.н.э. (Белоцерковская, 1999. С. 171). В более поздней работе датировка предметов этой серии ограничена IV в.н.э. (Белоцерковская, 2007. Рис. 7).

Сьюлгамы важны тем, что ясно демонстрируют родственную связь культуры населения Москворечья с миром финских культур Средней Оки и Поволжья, в первую очередь с культурой рязано-окских могильников.

Импорты и культурные связи

Среди позднедьяковских находок в москворецком ареале выделяется серия необычных изделий – медные пластины с изображением «человечков» и тамгообразных символов (рис. 14). Все изображения нанесены пуансоном, причем в ряде случаев с внутренней стороны изделий, то есть техника изготовления, совершенно не характерная для Москворечья. Места этих находок – городища Дьяково, Кунцевское, Троицкое, Щербинское, Луковня 1. Вне москворецкого ареала накладки найдены на Огубском городище (р. Протва) и городище Поминово (правый берег Волги, Тверская обл.). Связь этих предметов с сарматским миром несомненна. Тамгообразные изображения с городищ Дьяково и Луковня 1 достаточно сложны по своей конфигурации, так что о случайном сходстве с сарматскими тамгами не может идти речь. Тожественная тамга была найдена на скале возле с. Уйташ в Дагестане (Марковин, 2006). Близкие (но не тождественные) тамги принадлежали так называемым «аспургианам» – подвластным боспорскому

царю Аспургу кочевым племенам, проживавшим на северной периферии Боспорского царства (Воронятов, 2009). Ареал этих тамг – в первую очередь Прикубанье и Приазовье. Одна находка с аспургианской тамгой происходит из Чертовичского могильника на р. Воронеж (Медведев, 2008. С. 47. Рис. 50, 2).

На селище Солодка в Тульской области была найдена двойная медная пластина, скрепленная заклёпкой. На одной половине была изображена сарматская тамга, на другой два «человечка», тождественных изображениям с дьяковских городищ Москворечья (Воронцов, 2010в). Таким образом, «связь» тамг и «человечков» была доказана.

В статье С.В. Воронятова приведена очень ценная аналогия позднедьяковским изображениям человечков, присутствующая на сарматской подвеске из погребения у с. Липовец (Воронятов, 2012. Рис. 7).

На памятниках Москворечья, в том числе на городищах Дьяково и Боровский курган, были найдены портупейные пряжки, наконечники ремней, имеющие очень близкие аналогии в позднесарматских материалах II-III вв. (Кренке, 2011. С. 91)⁶. Целая серия портупейных пряжек представлена в кладе с Ичского городища на Протве (рис. 11).

Таким образом, контакты населения дьяковских городищ с сарматским миром, безусловно, были. С.В. Воронятов на основании этих относительно немногочисленных данных предлагает смелые исторические реконструкции. У нас нет никаких достоверных оснований, чтобы говорить о «сарматских женах» и «жрицах», проживавших на дьяковских городищах, как он это делает (Воронятов, 2012).

Если говорить о путях проникновения на север, в Волго-Окское междуречье сарматского (и шире – южного) влияния, то, видимо, нужно предполагать две основные группы маршрутов – 1) по рекам Дон и Ока и 2) по рекам Десна и Днепр. Причем, если говорить об Оке, то нужно учитывать и направление от её верховьев вниз по течению на север, так и движение на север по правым притокам Оки, таких как Сура, Цна и пр., а затем вверх по течению Оки до устья Москвы-реки.

Маршруты первой группы более короткие, их достоверность подтверждается дьяковскими находками (глиняный грузик дьякова типа, бантиковидная нашивка) в Острой лвке Дона в рай-

оне с. Ксизово (Козмирчук и др., 2009). В пользу второй группы маршрутов имеются косвенные аргументы.

На нескольких московоречьях позднедьяковских городищах встречены бронзовые изделия с выемчатыми эмальями. Они были найдены на городищах Барвихинском⁷, Дьяково, Боровский курган, Кузнечики, Луковня 1 (всего 16 предметов). Причем на городищах Дьяково (рис. 15: 1-6) и Луковня 1 (рис. 15: 7-9) эти находки представлены сериями – десять вещей в первом случае и три – во втором. Видимо, все эти изделия привозные. Наибольшее распространение получили лунницы и подковообразные фибулы. Важно отметить, что практически нет примеров «гибридов» вещей с эмальями и украшений с характерными особенностями местного ювелирного стиля (плетенка, волюты, двойная зернь, шумящие подвески и пр.). Исключениями являются две подвески с городищ Троицкое и Щербинское, которые имитируют в местном стиле эмалевые украшения, известные по находкам в восточно-литовских курганах (Розенфельдт, 1982. С. 67). Датировка этих находок VI в. н.э., видимо, омоложена. Подражания не могут быть моложе времени бытования украшений с эмальями, то есть вряд ли выходят за V в. н.э. М.М. Казанский не вполне корректно трактовал эти находки как вещи, «аналогичные» прибалтийским (Казанский, 1999. С. 404, рис. 1, 9).

Наиболее вероятный «коридор» поступления украшений с эмальями (с учетом ареалов их распространения в позднезарубинецких древностях и киевской культуре) – это юго-западные связи (от Поднепровья до Оки).

Кроме того, важно отметить, что на городище Луковня 1 была найдена подвеска с эмалевыми вставками (Векслер, 1971. Рис. 74), очень близкая по форме к фибулам-брошам типа VIII, выделенного И.К. Фроловым (Фролов, 1974. Рис. 3, 7). Картирование фибул этого типа позволило И.К. Фролову высказать предположение, что они являлись продуктами производства, локализованного в северной Латвии – южной Эстонии (Фролов, 1974. С. 27). Таким образом, прямые связи с Прибалти-

⁶ Автор благодарен В.Ю. Малашеву за ценные консультации.

⁷ Приведенные в публикации И.Г. Розенфельдт данные о находке украшения с эмалью якобы на Щербинском городище ошибочны (Розенфельдт, 1974, с. 107, 110). На самом деле В.Д. Крушков нашел фрагмент фибулы с эмалью на Барвихинском городище, но скрыл это от специалистов и дал ложную информацию о месте находки, указав на уже раскопанное Щербинское городище (инф. М.И. Гоняного).

кой вполне вероятны, учитывая также наличие дьяковской бантиковидной нашивки в оградке Ябара в Эстонии (Шмидехельм, 1955. Рис. 25).

О связях восточного и северного направления (наиболее «логичным» представляется маршрут по р. Оке и её притокам) свидетельствуют такие находки, как парные колодки-пронизи с рифлением (Кренке, 2011. Рис. 139 № 23-83, № 852-84), полая подвеска-уточка (Кренке, 2011. Рис. 145 № 1463-87).

Накладки-колодки, кроме Дьякова городища, были найдены на городищах Луковня 1 (Векслер, 1969) и Троицком (Дубынин, 1970б. Табл. 17, 11), селище Заболотье 3а (Гоняный, 2009) в Подмосковье, на городище Орлов городок на севере Тверской области (Максимов, 1980. Рис. 62). Близкие по форме парные колодки-пронизи представлены в древностях Прикамья в поздних этапах пьяноборской культуры (Голдина, 2003, табл. 44, 282, 431; Агеев, 1992. Табл. 8) и в могильниках по р. Суре (Гришаков, 2008. Рис. 2), где они входили в состав наконечников.

Подвеска-уточка с Дьякова городища (Кренке, 2011. Рис. 145, № 1463-87) для московецких памятников уникальна, но типична для северной периферии «дьяковских древностей». Аналогии ей встречены на памятниках, расположенных на стыке Вологодской и Тверской областей, в т.ч. в «домике мертвых» Куреваниха XX, могильниках Чагода 1, Пугино (Башенькин, 1995. С. 9, 2, 2; 5, 2; 7, 7-9), Куреваниха XVI-а (Башенькин, Васенина, 2006. Рис. 4, 32). Появляются они в интервале II в. до н.э. – I в. н.э. и бытуют в первых веках н.э. Находке с Дьякова городища близки по форме уточки из комплексов, нижняя дата которых определяется наличием украшений с эмалью, т.е. III в. н.э. (Пугино).

Подвески-уточка известны по материалам древнейшей стадии рязано-окских могильников (встречаются редко), где датируются первой половиной III в. н.э. (Белоцерковская, 2007. Рис. 8, 1). Есть они в Селиксенском могильнике (Гришаков, 2008. Рис. 9) на Суре, в Желтухинском могильнике на левобережье Волги подвески-птички присутствуют в погребениях VI-VII вв. (Уткин, Черников, 1994, с. 52. рис. 3). В Прикамье полые подвески-уточка встречены на памятниках III-V вв. н.э. азелинской культуры (Голдина, Кананин, 1989. рис. 55, 3, 4; Ошибкина, 1979) и в мазунинском этапе чегандинской культуры (Останина, 1997, рис. 9, 2; 75, 6). Ясно, что на городище Дьяково рассматриваемая находка могла попасть откуда-то с севера или востока.

Средний горизонт верхнего слоя Дьякова городища насыщен стеклянными бусами. В наборе преобладают золотостеклянные и единично встречаются красные пастовые экземпляры (Кренке, Румянцева, 2008). Значительная коллекция аналогичных стеклянных бус была собрана при раскопках Троицкого городища. То есть можно утверждать, что жители московецких городищ вошли в один круг потребителей этой продукции северо-причерноморских мастерских наряду с населением, оставившим рязано-окские могильники. Вероятно, именно через посредничество рязано-окского населения эти бусы и проникали в Московечье. Доказательством контактов служат находки дьяковских вещей в рязано-окских могильниках (Белоцерковская, 2000).

Глиняные грузики дьякова типа, безусловно, являются значимым культурным маркером, характеризующим традиции ткачества. Грузики первых веков новой эры продолжают эволюционную линию более ранних подобных изделий. Основной их морфологической особенностью становится уменьшение размеров, исчезновение двухплощадочных форм. Как отмечалось выше, появление грузиков дьякова типа в Волго-Окском междуречье относится еще к середине I тыс. до н.э. В начале I тыс. н.э. ареал грузиков дьякова типа существенно расширился в западную сторону, достигнув Литвы, восточной Польши, западной Белоруссии. При этом по-прежнему, концентрация грузиков на памятниках Московечья наиболее высока. Означает ли распространение грузиков Дьякова типа некую «экспансию» культурных традиций из района Московечья, остается предметом для изучения. Важно также подчеркнуть, что на восток, за пределы Московской области, эта традиция не продвинулась, что заставляет предполагать наличие некоего «избирательного культурного барьера», ведь, например, бронзовые украшения из района Московечья попадали в соседние с востока области.

Домостроительство и планировка городищ

Познедьяковские постройки раскопаны на нескольких городищах. На памятниках московецкого ареала нет свидетельств существования срубных конструкций. Конструкции построек, видимо, были столбовыми. На смену более ранним длинным домам пришли хижинки квадратной или прямоугольной формы размерами около 4 (5) × 5 (8,4) м. Обязательным элементом сооружения был тщательно подготовленный пол,

использовались песчаные и глиняные подсыпки. Поверх этих подсыпок укладывалось специальное покрытие из растительных волокон, может быть, даже ткань. В сгоревших постройках на городище Дьяково были найдены куски глиняной обмазки, затыкавшей углы, на которых отпечаталась ткань (Кренке, 2011. цв. вклейка. Рис. 12). Открытый очаг округлой формы диаметром около 1 м обычно располагался близко к центру постройки на песчаной «подушке», он имел обрамление из досок или плетня. Аналогичные песчаные подсыпки полов построек были прослежены на Троицком городище (Дубынин, Розенфельдт, 1970). Вдоль стенок и по углам построек были выявлены линзы глины, которые укрепляли (способствовали гидроизоляции?) пристенное пространство (постройка 38). На Троицком городище были зафиксированы также округло-многогранные постройки (№ 15, 16 и 40) диаметром 8-10 м столбовой конструкции. Слабая степень сохранности этих сооружений оставляет много вопросов относительно достоверности их реконструкции, предложенной авторами раскопок. Очевидно, постройки, существовавшие на позднедьяковских городищах, были недолговечными и пожароопасными. На городищах Дьяково и Троицкое постройки образовывали многослойные отложения, свидетельствующие о сохранении определенной планировочной традиции. В обоих случаях постройки занимали центральную зону площадки городищ, какой-либо регулярности не прослеживалось. Между постройками оставались лишь небольшие промежутки (2-3 м) пустого пространства, в которых часто оказывались скопления мусора. В случае наиболее полно исследованного Троицкого городища можно предполагать наличие небольшого свободного пространства в самом центре площадки.

По материалам полностью раскопанного Троицкого городища могут быть сделаны ориентировочные оценки численности его жителей. Критерием служит суммарная площадь построек. При расчете численности использовалась формула: число жителей равно суммарной площади построек в квадратных метрах, разделенной на шесть. Этот показатель заимствован из специальной этнографической литературы (Casselberry, 1974). Кольцевая постройка («жилые стены») имела площадь около 640 кв. м, что соответствует приблизительно 100-110 человекам. Прямоугольные постройки более поздних этапов имели суммарно несколько меньшую площадь – 450-550 кв. м, что указывает на на-

селение городища в диапазоне 75-90 человек. Если учесть общее количество позднедьяковских городищ и селищ в бассейне Москвы-реки, то численность населения можно будет ориентировочно реконструировать в пределах 10-20 тыс. человек. Конечно, эти расчеты следует воспринимать как очень приблизительные.

К сожалению, имеется очень мало данных о том, что представляли собой оборонительные сооружения дьяковских городищ во II-IV вв. н.э. Можно лишь предполагать, что сооруженные ранее многоярусные оборонительные конструкции поддерживались и продолжали использоваться. Нет достоверных данных о перестройках, совершенных именно в указанный промежуток времени. Если посмотреть на многоярусные системы укреплений позднедьяковских городищ в более широкой перспективе, то можно отметить, что они вполне соответствовали эпохе – «римскому времени». Укрепленные лагерь римских легионов также имели основной внутренний вал со стеной на его гребне и дополнительные рвы с внешней стороны, затруднявшие подход к стене (Prochazka, 2009, Obr. 11).

Развитие хозяйства

Сведения о хозяйстве обеспечены коллекциями остеологических остатков, данными спорово-пыльцевых анализов образцов, взятых из культурных слоев, и определениями карпологиических остатков, полученных при просеивании культурного слоя и его флотации. Эти материалы свидетельствуют о том, что хозяйство было комплексным. Очень значительную роль играло земледелие, развитие которого привело к формированию открытых ландшафтов вокруг городищ и в долине Москвы-реки в целом. Нужно отметить, что цикл палеоботанических исследований ещё нельзя считать завершенным. Пока мы располагаем в основном спорово-пыльцевыми диаграммами из культурных слоев городищ, конечно, сильно трансформированными из-за особенности образцов, отобранных из культурного слоя внутри поселения. Детальные фоновые разрезы пока отсутствуют. То есть для корректной оценки соотношений основных компонентов ландшафта в пределах долины Москвы-реки и её крупных притоков требуется сбор дополнительных данных. Если сравнивать диаграммы верхнего слоя Дьякова городища (учитывая указанные выше ограничения) с европейскими синхронными материалами (Frenzel, 1994. Fig. 1),

то можно увидеть большое сходство. Высокий процент «не древесной» пыльцы указывает на сведение леса в широких масштабах.

По материалам флотации культурного слоя Дьякова городища можно предполагать, что в первые века н.э. расширился ассортимент культур. Просо, пшеницу, ячмень теперь дополняют лен и горох. Мясная диета обеспечивалась в основном скотоводством, на первом месте по значимости в мясном балансе стояла лошадь. Развито было и речное рыболовство. Охота всегда была постоянным компонентом хозяйства. Судя по устойчивости системы расселения, жители городищ не допускали существенной переэксплуатации природных ресурсов. Свидетельством в пользу высказанного тезиса может быть факт постоянного присутствия в культурном слое довольно значительного количества костей бобра, вида, очень уязвимо к хищнической добыче (Скалон, 1951). Густота поселений дьяковцев в долине Москвы-реки и её притоков заставляет предполагать, что они имели постоянные пахотные угодья и краткосрочные перелог. При доминировании подсечной системы земледелия расселение должно было быть существенно более рассредоточенным.

На среднем этапе позднедьяковского периода наблюдается тенденция расширения освоенной территории за счет «внутренней колонизации». Это позволяет предположить, что «экологическая емкость» собственно долины Москвы-реки была в значительной степени исчерпана, что могло стимулировать освоение новых территорий. Примером является поселение Царицыно I. Оно расположено в нетипичном для дьяковских поселений месте – на мелком притоке, удалено от долины Москвы-реки на 2,5 км. В первые века н.э. на поселении Царицыно I проживали люди, оставившие тарные и кухонные горшки, в культурном слое были найдены зерна культурных злаков (Кренке и др., 2008).

Финал позднедьяковской культуры⁸

На поздней стадии культуры, примерно в IV в. н.э., фиксируется как продолжение эволюционного развития материального комплекса, так и ряд инноваций.

⁸ Существенная часть этого раздела была напечатана ранее (Кренке, 2014), в настоящий текст внесены небольшие корректировки и дополнения.

Эволюционное развитие прослеживается в наборе бронзовых украшений. Важно отметить, что, безусловно, существовала очень сильная, развивавшаяся «локальная ювелирная традиция», в ряде случаев «подчинявшая» внешние влияния. Уникальным примером подобного рода может служить бронзовая подвеска-гребень с Успенского городища. Возможно, в качестве исходного образца в данном случае послужил черняховский костяной гребень, но в итоге вещь очень отделилась от оригинала. Гребень был выполнен с использованием элементов местного ювелирного стиля (трапециевидные подвески с двойной зернью, перевитая нить по периметру) и по привычной технологии литья по восковой модели.

Выше говорилось о двух линиях развития местного ювелирного стиля – «шумящих» украшениях и вещах, состоящих из комбинаций соединенных друг с другом маленьких скорлупок. Оба эти направления соединились вместе в таких вещах, как, например, крупные нашивные украшения из клада Троицкого городища и случайная находка с Борисоглебского городища (Дубынин, 1970б. Рис. 19, 4; Розенфельдт, 1982. Рис. 16, 2).

Украшения местного стиля представлены серией височных (?) подвесок с треугольными щитками и привесками в виде трапеций или треугольников. Видимо, одновременно бытовали украшения с большими и малыми щитками. Можно предполагать, что поздняя стадия развития этих украшений представлена экземплярами, у которых привески имели вид «низких» треугольников с переходниками, «приросшими» к привескам (рис. 16, № 57-83). По типологии И.Г. Розенфельдт, она относится к типу V варианту 3б (Розенфельдт, 1982. С. 35-37). Это украшение с двумя подвесками имеет маленький щиток, состоящий из двух рядов волют, и два кольца для привесок. Шарики зерни крупнее и составляют сплошные ряды с каждой стороны щитка. Типологическую специфику вещи определяют привески в виде низких треугольников с тремя группами двойной зерни и имеющие «приросший» неподвижный переходник в виде плетенки, обрамленной зернью. Единственная аналогия происходит с Кунцевского городища (Розенфельдт, 1982. Рис. 8, 1). Можно согласиться с И.Г. Розенфельдт, что данная привеска является позднейшим вариантом в группе привесок с маленьким щитком. Основание для такого заключения – особая форма привески в виде именно низкого треугольника и «прирос-

ший» переходник. К данному типу очень близки украшения типа 5 варианта 3в (с подвижным переходником). Они найдены на Саввино-Сторожевском (Краснов Ю., Краснов Н., 1978) и Ростиславльском (Коваль, 2009) городищах.

Крупная привеска с Дьякова городища (рис. 16, №1 73-81) относится к «классу» привесок с большим щитком. У неё имеются четыре треугольные привески, прикрепленные с помощью переходников, в основе которых – косое плетение. Ближайшая аналогия – находка с городища Луковня 1 (Розенфельдт, 1982. Рис. 8, 14). Аналогичные переходники встречены у вышеупомянутых маленьких подвесок типа 5 варианта 3в, а также у подвески с большим щитком с городища Орлов городок в Тверской обл. (Максимов, 1980. Рис. 62). Предположительно можно думать, что описанные выше украшения характеризуют местное ювелирное производство IV-V (VI?) в. н.э.

Развитие линии подвесок с большими и малыми щитками прослеживается в других культурных контекстах на финно-угорских памятниках Волго-Окского бассейна вплоть до X-XI вв. (Голубева, 1973. Рис. 5, 4; Горюнова, 1961. Рис. 39, 40). Эти украшения являются важным аргументом в пользу версии о финно-угорской этнической принадлежности жителей позднедьяковских городищ.

Новации. Новым явлением было широкое распространение совершенно не применявшейся ранее в Москворечье технологии изготовления бронзовых (?) и оловянных украшений в двусторонних глиняных и каменных формочках (рис. 17). Эти технологические новации во второй половине I тыс. н.э. имели очень широкое распространение в лесной зоне Восточной Европы от Прибалтики до рязанского Поочья (Ахмедов, 2010; Моора, 1963; Volkaite-Kuliskauskienė, Jankauskas, 1992). Именно литейные формочки, но не сами украшения, были найдены большими сериями на таких москворецких городищах, как Дьяково и Луковня 1, единичные – на городищах Троицком и Боршеве, а также в смежных регионах на городищах Кикино, Ростиславль, Огубское, селище Щурово (Сыроватко и др. 2012. Рис. 2, 13).

Ассортимент изделий, отливавшихся в формах, найденных на москворецких городищах, был достаточно широк, но в целом это – разнообразные мелкие украшения: подвески, нашивные бляшки, накладки и т.п.

Аналогии прямоугольным пластинкам, декорированным поперечными линиями, которые

отливали в москворецких формочках, встречены в бассейне Верхней Волги и в Прибалтике на городищах Кикинское (Вишневецкий, 1998, рис. 2, 22), Осечен (Исланова, Мирецкий, 1997, с. 15, рис. 2, 2), Хлепень (Смирнов, 1974, табл. 9) и Рыуге в восточной Эстонии (Шмидехельм, 1959, табл. V, ба, 10), Старой Ладого (Давидан, 1980. Табл. 2 17).

Большая часть негативов на москворецких формах типична для лесной и лесостепной зон Восточной Европы, где они встречаются на памятниках второй половины I тыс. н.э. Есть негативы, отнесенные О.А. Щегловой к группе общих, «сквозных» типов украшений, распространенных не только на Северо-Западе, но и в южной части Восточной Европы. Сюда входят бляшки-розетки и круглые выпуклые нашивные бляшки (Щеглова, 2002б).

Нужно отметить, что позднедьяковские литейные формочки имеют технологические отличия от более поздних мерянских. На дьяковских формочках никогда не встречаются расходящиеся веером литейные каналы. Вероятно, время бытования дьяковских литейных форм следует отнести к V-VI (VII) вв. н.э. Они являются исключительно важным хронологическим маркером, указывающим на продолжение жизни москворецких городищ в это время.

С дьяковских городищ происходит серия бронзовых трапециевидных высоких привесок (часто – с эсовидными переходниками), относительно которых можно с равной вероятностью предполагать их импортное либо местное производство. Семь экземпляров происходят с Дьякова городища (Кренке, 2011. Рис. 146, № 342-81; 377-81; 1404-87; 1432-87). Две привески имеют высокие пропорции, у них сохранились эсовидные переходники (вариант «А»). Две из них являются комбинированными украшениями, состоящими из трех привесок (более низких пропорций, чем вариант «А»), соединенных вместе переходниками-колечками (вариант «Б», рис. 42: 5). Оба варианта представлены в самом верхнем горизонте культурного слоя Дьякова городища. Аналогии на других дьяковских памятниках, собранные И.Г. Розенфельдт, единичны (Розенфельдт, 1982. Рис. 5). Очень близкие аналоги привескам варианта «А» имеются в рязано-окских могильниках, например, в погребении 79 могильника Кораблино. Из погребения 195 могильника Заречье происходит целая серия тождественных привесок с переходниками, украшавших поясок головного венчика (Ахме-

дов, 2007, рис. 26; Белоцерковская, 2007. Рис. 2; Белоцерковская, Ахмедов, 2009). Эти захоронения относятся к периоду 3, по И.В. Белоцерковской, который датируется V – началом VI в. (Белоцерковская, 2007. С. 201). Аналогичным образом датируется Никитинский могильник, где также встречены подобные украшения (Воронина и др., 2005). Есть они и в Безводнинском могильнике, где являлись элементом головного убора (Краснов, 1980. Рис. 28). Список аналогий можно существенно расширить, но приведенные выше наиболее близки находкам с Дьякова городища.

Подвески варианта «Б» встречены на дьяковских городищах Саввино-Сторожевское, Кунцево, Дьяково, Подмоклово. Тожественная подвеска представлена в погребении 195 могильника Заречье (Белоцерковская, 2007. Рис. 8, 40), которое, как отмечалось выше, датируется V – началом VI в. Аналогичные вещи есть и в других финских могильниках того же культурного круга – Хотимльском, Борковском (Розенфельдт, 1982. Рис. 6). Находка тождественной подвески имеется на мощинском городище Акиньшино, расположенном на правом притоке Оки выше Алексина (Воронцов, 2009. Рис. 42). То есть ареал подвесок варианта «Б» – бассейн Оки, вероятная датировка – гуннское время или конец V – начало VI в. н.э. Одиночные трапециевидные подвески, сходные по пропорциям и размерам с подвесками, входившими в украшение варианта «Б», есть в Ратьковском могильнике (Вишневицкий, Новоселова, 2010. Рис. 6, 12, 13; 8, 11), нижняя дата которого определяется VI (V?) вв. н.э.

Эволюция грузиков Дьякова типа. Такие «знаковые» вещи, как грузики дьякова типа, продолжали бытовать в финальный период позднедьяковской культуры. Наибольшее количество составляли грузики типа 1 (по К.А. Смирнову), небольшой серией представлены грузики с уплощенным верхом, форма которых представляет переходный вариант между типами 1 и 7 по К.А. Смирнову (между конусом и цилиндром). Специфичен для данного периода уплощенный тип грузика в виде низкого конуса (типы 12, 13).

Важно отметить наличие грузиков с намеренно сточенным верхом. Такая переработка превратила их в дисковидные пряслица с зубчатым краем (Кренке, 2011. Рис. 122, № 1353-86; 172-83; 202-83). Эта переделка вряд ли может быть названа «ремонтom». Можно предположить, что таким способом была реализована попытка «культурной адаптации». То есть на городище жили

и работали «инокультурные» (?) пряжи, которые пытались переделать грузики, сделанные ранее, в соответствии с их собственными представлениями о том, каким должно быть пряслице.

Размеры всех грузиков маленькие, окончательно вышли из обихода предметы крупных и средних размеров (в коллекции с Дьякова городища сумма диаметра и высоты основной группы находится в интервале 6-7,5 см, диаметр канала – по-прежнему равнялся 5-6 мм).

Относительно увеличивается количество глиняных биконических пряслиц с широким каналом. При этом важно отметить что в бассейне Москвы-реки не представлены пряслица мощинского типа с лощеной поверхностью и широким каналом. По-видимому, долина Оки на участке её течения от Серпухова до Коломны являлась «пограничным» районом, «тянувшим» всё же, скорее, к югу, нежели к северу.

Глиняная антропоморфная пластика. В IV-V вв. н.э. в Москворечье наблюдался своеобразный «бум» мелкой пластики. Статуэтки очень однотипны (рис.18: 12). Фигура – крестообразная, голова всегда показана очень схематично, никаких черт лица не изображалось. Руки раскинуты, ноги прямые, часто сомкнуты, иногда выделены ступни, ягодичные подчёркнуты, перед плоский. На некоторых статуэтках есть орнамент, нанесенный вдавливаниями тонкой палочки, встречаются отпечатки ногтей. По-видимому, какие-то важные события происходили в религиозной сфере, местный культ получил уникальное материальное выражение для лесной зоны Восточной Европы в эпоху переселения народов. Ближайшая находка глиняной антропоморфной статуэтки происходит с городища Николо-Ленивец на Угре (Никольская, 1962. Рис. 8, 2), но эта статуэтка не похожа на дьяковские (скорее скифская?) и возраст её неясен. Сходна с дьяковскими статуэтками из Курской области, найденная на Шуклинском городище (Никольская, 1958. Рис. 18, 7). Специфика глиняной мелкой пластики ещё раз указывает на то, что население, проживавшее в Москворечье, имело явную культурную обособленность от соседей. Находки глиняных статуэток распространены очень неравномерно. Есть городища, где проводились большие раскопки позднедьяковских слоев, но статуэток не было найдено (Троицкое, Кунцевское, Боршева и др.). Антропоморфные статуэтки концентрируются всего на нескольких городищах. Это Успенское, Дьяково, Луковня, Щербинское, Кузнечики, Борисоглебское. Можно выдвинуть

предположение, что эти памятники являлись не просто поселениями, но и сакральными центрами москворецкого региона в это время. В один «комплект» с антропоморфными статуэтками входили глиняные орнаментированные таблички. Между статуэтками и изображениями на табличках, видимо, имелась смысловая связь.

Импорты. Разнообразен состав импортов, относящихся к финальной стадии позднедьяковской культуры – от стеклянных бус, до бронзовых украшений, монет и предметов вооружения. Это разнообразие, само по себе, как мне кажется, указывает скорее на торговые контакты, нежели на след вторжений завоевателей.

Среди стеклянных бус нужно в первую очередь отметить синие 14-гранные, стратиграфическое положение которых на городище Дьяково зафиксировано именно в верхней части верхнего культурного горизонта.

В IV в. н.э. дальние контакты южного направления продолжали проявлять себя в находках таких предметов импорта, как черняховская фибула с Дьякова городища или бронзовая монета императора Константина II, чеканенная в Кизике, с городища Бушарино (находка Ю.А. Краснова).

Имеется серия импортов V-VI вв. н.э., также указывающих на условный «юг». К ним относятся найденные на городище Луковня I железный умбон щита, язычок пряжки с поперечными каннелюрами у основания (рис. 42: 12), фрагмент браслета с расширенными концами и браслетообразного височного кольца, трехлопастная стрела с городища Кунцево (Ахмедов, Казанский, 2004. Рис. 5) и серия аналогичных стрел, найденных возле городища у Саввино-Сторожевского монастыря (коллекция ЗИАиХМ). Датировку этих предметов И.Р. Ахмедов и М.М. Казанский определяют V в. н.э. и трактуют их в качестве свидетельства военной экспансии, которой подверглось Москворечье в V в. н.э. (Ахмедов, Казанский, 2004. С. 174). Понятно, что такую гипотезу трудно надежно доказать или опровергнуть. Можно отметить лишь, что датировка язычка пряжки может быть несколько расширена, середина VI в. н.э. также допустима (Ajtó, 1986).

К перечисленным выше находкам примыкает щиток пряжки с Дьякова городища – массивный, литой, овальной формы с одной заклепкой в центре (рис. 42: 10). Аналогии на памятниках дьякова типа отсутствуют. Очень близки находке с Дьякова городища пряжки из склепа 78 Боспорского некрополя. И.П. Засеца датирует их второй половиной V – рубежом V/VI вв. (Засеца, 2003. С. 38, табл. 12, 36, 45).

В могильнике Дюрсо близ Новороссийска также есть пряжки с аналогичными щитками с одной заклепкой в центре. Ранний пласт погребений, где они найдены, датирован концом V – первой половиной VI в. (Дмитриев, 2003. Табл. 79, 14. С. 201). Пряжку с овальным щитком и одной заклепкой из Константинограда И.О. Гавритухин датировал второй половиной V – первой половиной VI в. (Гавритухин, 2007. С. 32. Табл. 22, 12). Сходные находки из склепа 495 в Скалистом в Крыму (Хайретдинова, 2003. Рис. 1, 9, 10) определены как обувная гарнитура и датированы первой половиной VI в. По мнению Э.А.Хайретдиновой, они произведены в Херсонесе по византийским образцам (Хайретдинова, 2003. С. 126). На Верхнем Дону в могильнике с труположениями на Животинном городище были найдены погребения, содержавшие портупейные пряжки, аналогичные находке с Дьякова городища. И.Р. Ахмедов и М.М. Казанский датируют эти комплексы 450-480 гг. н.э. и считают, что погребения принадлежат «носителям западной воинской цивилизации» (Ахмедов, Казанский, 2004. С. 179. Рис. 13, 7), и делают далее заключение, что именно лесостепной район междуречья Днестра и Дона мог быть источником инноваций для лесной зоны.

Есть слабые признаки и юго-восточных связей V в. н.э. с культурой рязано-окских могильников. Находки предметов этой культуры в Москворечье редки. Крестовидные фибулы из Можайска (Янишевский, 2012б) и Хотяжей (Алексеев, 2004) скорее являются исключением. Показательно, что обе найдены вне контекста поселений дьякова типа.

Достоверных импортов VI-VII вв. н.э. в бассейне Москвы-реки очень мало. Их число едва выходит из первого десятка. В этот короткий список входят широкопластинчатая фибула со Щербинского городища (Дубынин, 1974. Табл. XI), которая датируется VII-VIII вв. (Горюнов, Казанский, 1978); накладка геральдической формы с городища Луковня I VI-VII вв. (Розенфельдт, 1982. С. 113-114), двурога одночастная поясная накладка геральдического стиля с Дьякова городища (рис. 42: 8) (датируется, скорее всего, первой половиной VII в. н.э.) (Кренке, 2011. С. 72-73), два браслета с расширенными концами с Успенского городища (Успенская, 1957. Рис. 46; Розенфельдт, 1967, рис. 36), датируемые третьей четвертью I тыс. н.э. (Родинкова, Седин, 2004. С. 244). Ближайшей к Москворечью территорией,

где геральдические поясные наборы были широко представлены в конце VI – первой половине VII вв. н.э., является ареал рязано-окских могильников (Ахмедов, 2010).

Две трапециевидные подвески, орнаментированные двумя рядами точек, с Дьякова городища (Кренке, 2011. Рис. 146 75-83), по предположению М.М. Казанского, относятся к вещам дунайского происхождения, попавшим в лесную зону в 3-й четверти I тыс. н.э. в связи с процессом славянской колонизации (Kazanski, 2000, Fig 6, 28). И.О. Гавритухин посвятил специальную статью данному типу украшений (находка с Дьякова городища была им учтена) и пришел к выводу об их датировке VII в., но не рассматривал их как «маркер» определенной культурной или этнической общности (Гавритухин, 1997, с. 48).

На городищах Москворечья было найдено несколько вещей, указывающих на контакты с северо-западными территориями, Прибалтикой. Это, во-первых, три тисненых бляшки-обоймицы. Две из них происходят с Дьякова городища (рис. 42: 6). Одна была найдена в 1984 г. (Кренке, 2011. Рис. 145 № 870-84), другая – при раскопках под руководством А.Г. Векслера (Векслер, 2007). Аналогичная бляшка была найдена им же на городище Луковня 1 (Розенфельдт, 1982. Рис. 1, 7). Они относятся к типу «квадратных», выделенному Е.Р. Михайловой (Михайлова, 2007). Орнамент выпуклый, выполнен тиснением. На пересечении диагоналей, обозначенных двойными линиями, кольцо с точкой в центре, по двум боковым краям – линии из точек, верх и низ ограничены двумя параллельными линиями. Практически точные аналоги (3 экз.) представлены в псковских длинных курганах: Березно 1, кург. 6; Городня, кург. 3; Володи, кург. 1 (Михайлова, 2007, илл. 1). Очень близкая по особенностям декора бляшка происходит из кургана Любахин 1 (Башенькин, 1995, рис. 8). В памятниках культуры псковских длинных курганов встречены разнообразные стилистически схожие украшения, что дало основание Е.Р. Михайловой выделять их в качестве культуроопределяющих (Михайлова, 2009а). Это позволяет предполагать, что находки на позднедьяковских городищах Москворечья происходят из региона культуры псковских длинных курганов. Е.Р. Михайлова приводит аргументы в пользу определения нижней даты этой культуры концом V в. н.э. (Михайлова, 2009). Курган 6 могильника Березно 1 она датирует второй половиной VI – началом VII в., привлекая при этом радиоуглеродные

датировки. Имеются также предположения о несколько более ранних датировках. Так, А.Н. Башенькин относит курган Любахин 1 по набору инвентаря к V в. н.э. (Башенькин, 1995. С. 25). Косвенным подтверждением данной точки зрения являются находки из Литвы. В могильниках III-V вв. н.э. Велиона и Марвеле были найдены головные украшения, элементы которых могут рассматриваться как прототипы тисненых подвесок (Bertašius, 2005; Michelbertas, 1986. Pav. 13).

Типичными прибалтийскими украшениями являются бубенчики с полями, напоминающие шляпку (рис. 156). Три бубенчика были найдены на Дьяковом городище (Кренке, 2011. Рис. 145, № 34-81; 58-81; 57-81). Бубенчики имеют характерные эсвидные переходники для подвешивания (рис. 42: 7). Все эти находки обнаружены близко друг от друга и, возможно, принадлежали к одному украшению. Бубенчики подобной формы являются уникальной находкой в пределах Москворечья. Изготовлены методом штамповки из бронзового листа, на полях бубенчиков имеется разрез. Многочисленные аналогии известны на территории Эстонии, Восточной Латвии (Аун, 1980. Рис. 18; Latvijas PSR Arheologija, 1974. Tab. 42,43; Urtāns, 1970; Wróblewska et al., 2005. Tab. 3). Нижняя дата находок из Латвии – VII в.н.э.

Наконец, есть импорты, указывающие на восточное направление контактов. С Дьякова городища происходит шумящая подвеска-пронизь (Рис. 16, № 875-84). Корпус полый, круглый в сечении отлитый по модели, выполненной из нити, скрученной в цилиндр – «спиралевидный», по терминологии В.И. Вишневого (Вишневский и др., 2007. С. 96). К корпусу прикреплены снизу два кольца, в которые продеты подвески. На памятниках дьякова типа эти находки редки. Пронизь с городища Березняки (Третьяков, 1941б, рис. 37, 8), скорее всего, относится не к позднедьяковскому комплексу, а к материалам второй половины I тыс. н.э. Большая серия аналогий происходит из Ратьковского могильника. Схожие пронизи были найдены во многих других финских могильниках – Никитинском (Воронина и др., 2005. Рис. 36), Заречьянском (Белоцерковская, 2007. Рис. 2, 38; рис. 7, 23), Большое Молочное (Леонтьев, 1996. Рис. 128, 4), Сарском городище (Леонтьев, 1996. Рис. 73, 4). В Москворечье такая пронизь была найдена на поселении Хотяжи вместе с крестовидной окской фибулой V в.н.э. (Алексеев, 2004. Рис. 4, 14). Судя по находкам в рязано-окских погребениях стадии 3 по И.В. Белоцерковской, украшение может быть да-

тировано, начиная с V в. н.э. Безусловно, данные вещи бытовали и позже – в VI-VII вв. н.э.

Нашивное украшение с городища Боршева (Розенфельдт, 1982. Рис. 15, 16) с привесками ромбической формы уникально для дьяковских памятников и имеет аналогии в финских древностях Поочья.

Бубенчики в форме бутылочки были найдены на городище Дьяково (Кренке, 2011. Рис. 144, № 332, 43-83). Для дьяковских памятников Москвы-реки эта вещь – редкая. Многочисленные аналоги представлены в финно-угорских могильниках и на поселениях в бассейнах Верхней Волги и Оки – Ратьковском (Вишневский, Новоселова, 2010, рис. 8, 7; Вишневский и др., 2007. Рис. 7, 18, 19); Безводнинском (Краснов, 1980. Рис. 27, 29); Заречье (Белоцерковская, 2007. Рис. 3, 1); селище Усть-Черная, Сарском и Мало-Давыдовском городищах (Леонтьев, 1996. Рис. 73, 14; 90, 8; 96, 4-6). Датировка комплексов, где они встречены, находится в интервале V – VII вв. Вероятно, на Дьяковом городище данные изделия являются привозными и датируются в рамках указанного интервала.

Показательно, что перечисленные находки были сделаны на тех же самых ключевых памятниках, о которых говорилось выше – это городища Успенское, Кунцево, Дьяково, Луковня 1, Щербинское, расположенные в относительно небольшом ареале среднего течения Москвы-реки и Пахры.

Керамический стиль «мощинского круга». В IV-V вв. н.э. в Москворечье распространяется новый стиль профилировки горшков (рис. 39; 40). Очень широкое распространение в Волго-Окском бассейне керамики этого стиля с его ведущим признаком в виде прямого венчика и переходом к округлому плечу, подчеркнутым уступом и горизонтальной каннелурой заставляет думать, что это, прежде всего, явление моды. В этом стиле изготовливалась как грубая гладкостенная, так и лощеная керамика. Можно предполагать, что исходной точкой развития этого стиля был регион верхнего Поочья, где на памятниках мощинской культуры он представлен особенно ярко. Для датировки керамики Волго-Окского междуречья, выполненной в этом стиле, важны радиоуглеродные датировки, указывающие на V-VII вв. н.э., полученные для селища Кибол-7 в Суздальской округе (Макаров и др., 2011).

Вероятно, с южным влиянием следует связывать появление в керамическом комплексе дья-

ковских городищ в бассейне р. Пахры глиняных сковородок (Розенфельдт, 1974. Рис. 43).

Важно подчеркнуть также, что далеко не все формы сосудов, характерные для памятников мощинской культуры, представлены в Москворечье. Здесь совершенно отсутствуют типичные мощинские цилиндрикоконические миски, не менее значимые для определения мощинской культуры, чем сосуды с прямой шейкой и горизонтальной каннелурой при переходе к плечу. Для Москворечья характерны грубые гладкостенные сосуды для хранения припасов, имевшие вытянутые пропорции и орнаментированные отпечатками палочки с веревочкой, а также горшки малых форм с разнообразной ямочной орнаментацией, специфичные именно для этого региона. Сравнение составляющих набора вещей мощинских памятников бассейна Верхней Оки и позднедьяковских в Москворечье с очевидностью показывает их различия (следует учесть грузики дьякова типа, мелкую глиняную пластику, лощеные пряслица, бронзовые украшения). То есть границу мощинской культуры нельзя отодвигать так далеко на север, чтобы она включала бассейн Москвы-реки, как это сделано в монографии М.Б. Щукина и соавторов (Šćukin et al., 2006. Fig 42).

Постдьяковские комплексы

В VI-VII (VIII?) вв. н.э. в развитии керамического комплекса на памятниках Волго-Окского междуречья наблюдаются некоторые общие тенденции. К сожалению, остро ощущается недостаток материалов и надежных датировок. Тем не менее некоторые памятники с находками керамики третьей четверти I тыс. н.э. имеются, и они могут служить отправными точками для рассуждений. Это позднемощинские городища, такие как Акиньюшино на Правобережье Оки (Воронцов, 2011), позднедьяковское городище Кикино на р. Веле (Вишневский, 2007), селище Болшево-3 на р. Клязьме (Чернов, Волков, 2009), городище Бородино-2 на Москве-реке, городища Борисов городок (Янишевский, 2012а) и Мало-Махово (Прошкин, Фролов, 2012) в бассейне р. Протвы, селище и могильник Соколова Пустынь на р. Оке выше устья Москвы-реки (Потемкина и др., 2013), селище Рогово на Верхней Волге под Ржевом. В качестве таких общих явлений в развитии керамического комплекса можно отметить сокращение доли лощеной и орнаментированной керамики. Приоритет получают фор-

мы грубой гладкой керамики с высоким венчиком и «сглаженным ребром-уступом» в верхней части плечика при переходе к венчику. Венчик может быть либо уплощенным по торцу, либо, наоборот, приостренным, что придает его профилю «саблевидный» (по С.З. Чернову) вид. Высокий, почти прямой венчик с резким переходом к плечику через уступ может рассматриваться как наследие формы сосудов мощинского круга. Особенно это преобладающе ясно на примере городища Акиньшино. К материалам городища Акиньшино близка керамика распложенного относительно близко от него на противоположном берегу Оки селища Соколова Пустынь (Потемкина и др., 2013). В этот же круг входит относительно удаленный на север комплекс селища Болшево-3. Сравнение последнего с керамикой «ладожского типа» (Чернов, Волков, 2008) лишь по наличию ребра на плечике не выглядит убедительным, так как морфология верхней части венчика болшевских сосудов совершенно иная.

В середине – 3-й четверти I тыс. н.э. от Ржевского течения Волги на северо-западе до верховьев Москва-реки и Протвы на юго-востоке получила распространение керамика, которую И.В. Исланова обозначила как «верхневолжский керамический набор» (Исланова, 2007). У этой керамики нет такой выраженной преобладанности с сосудами «мощинского круга». Венчик также прямой или слабо отогнутый, но более короткий и толстый, переход к плечу плавный, на плечике имеется сглаженное ребро-уступ, отсутствуют следы типичной для мощинской керамики каннелюры. В некоторых случаях (Борисов городок на р. Протве) ребро-валик на тулове проявляется достаточно отчетливо. Эта керамика вызывает ассоциации с керамикой Верхнего Поднепровья середины – 3-й четверти I тыс. н.э. Особенно важно обратить внимание на сглаженное ребро в верхней части плечика. Этот признак характерен для горшков типа Р-4, выделенных Н.В. Лопатиным (Лопатин, Фурсев, 2007. Рис. 1), встреченных на памятниках типа Заозерье-Узмень и затем присутствующих в культуре псковских длинных курганов. Отличие описываемой керамики «верхневолжского набора» от лепной славянской посуды роменского типа заключается в первую очередь в наличии «высокого» венчика и отсутствии типов орнамента, характерных для последней. В то же время, сглаженное ребро – это признак, встречающийся и на древнейшей славянской керамике южного Подмосковья. В качестве примера мож-

но привести курган у д. Рыжково на Протве (Бубликов и др. 2008).

Важно отметить, что керамика «верхневолжского набора» не похожа на мерянскую и сходную с ней, вроде комплекса Ратьковского могильника. Ареал распространения мерянской/муромской керамики образует особую область, которая «нависает» над Подмосковьем с востока и северо-востока.

В коллекциях позднедьяковских городищ Москворечья керамика верхневолжского набора и позднейшие реплики мощинских форм пока не были выявлены. При этом надо отметить, что не производился целенаправленный анализ коллекций именно с такой задачей выявления позднейших керамических материалов. Таким образом, вывод об отсутствии описываемого керамического комплекса в среднем Москворечье пока не может считаться окончательным.

Единичные вещевые импорты VII в. н.э., обнаруженные на городищах среднего течения Москвы-реки, пока как бы «повисают в воздухе», так как керамические комплексы, которые соответствуют этим находкам, не описаны. Данных о находках VIII-IX вв. н.э. в среднем течении Москвы-реки нет совсем, лишь нескольких кладов куфических монет (все, кроме клада из окрестностей городища Настасьино документированы очень слабо) заполняют лагуну.

Погребальные памятники

Информация о позднедьяковских погребениях пока очень фрагментарна. Наиболее полный материал получен за пределами Москворечья. После работ А.Н. Башенькина и М.Г. Васениной в Заволжье стали ясны многие особенности погребального обряда и конструктивные детали «домиков мертвых». В последние годы яркие погребальные памятники, синхронные финалу позднедьяковской культуры, были обнаружены на южной периферии позднедьяковского ареала. Могильники Соколова пустынь на левом берегу Оки (раскопки О.Ю. Потемкиной) и Щурово на противоположном правом берегу (раскопки А.С. Сыроватко) дали яркие комплексы кремаций, культурно-хронологическая атрибуция которых оказалась очень непростой из-за плохой сохранности находок и сильной нарушенности памятников (Сыроватко и др., 2012). Я согласен с осторожной культурной интерпретацией могильника Соколова пустынь, предложенной О.Ю. Потемкиной (Потемкина и др. 2013, С. 151). Дей-

ствительно, этот памятник на левом берегу Оки представляет собой нечто новое, не известное нам в культурном отношении. Некоторую связь с традициями позднедьяковской культуры можно лишь предполагать, но не утверждать.

На территории Москворечья известны пока лишь две достоверные находки погребальных объектов позднедьяковского времени. Это костяки, обнаруженные на краю площадки Троицкого городища, и «домик мертвых» на Саввинско-Сторожевском городище в г. Звенигороде. Горшки из этого комплекса (рис. 43) имеют некоторые отличия от позднедьяковских, они без орнамента. Кроме этого, на поверхности поймы Москвы-реки, где располагался славянский курганный могильник Хотяжи, были открыты ямки, предположительно содержавшие остатки кремаций позднедьяковского времени (раскопки А.В. Алексеева). Перечисленных выше находок явно недостаточно для характеристики погребального обряда. Реконструкция «домика мертвых» на Саввино-Сторожевском городище (Краснов Ю.А., Краснов Н.А., 1978) весьма гипотетична, так как археологи лишь доисследовали грабительский котлован. Единственное, что можно надежно утверждать относительно этого памятника – это то, что кремированные человеческие кости там действительно присутствовали (определение Г.П. Романовой). На основании имеющихся данных можно сделать лишь ряд предположений. Вероятно, позднедьяковский погребальный обряд был «многоступенчатым». Тела умерших сначала прикапывали и подвергали мацерации. Именно так можно объяснить наличие костяков, датированных радиоуглеродным методом, на Троицком городище. На втором этапе кости выкапывали и кремировали. Кремированные кости прикапывали на площадках городищ и вне их.

*Система расселения, хозяйство,
реконструкция исторических процессов*

Позднедьяковские памятники Москворечья IV-V вв. н.э. испытывали сильное влияние, распространявшееся с юга, но при этом продолжали сохранять свою культурную обособленность. Многие элементы культуры (на мой взгляд, преобладающие) связывают эти памятники с восточными соседями, финским миром. Однако и западные связи несомненны. Поэтому мы можем лишь весьма схематично предполагать, что этнический облик позднедьяковского населения в Москворечье был смешанным финно-балтским.

Жизнь на москворецких городищах в IV-V вв. н.э., безусловно, продолжалась. Численность поселений, видимо, мало изменилась сравнительно с предшествовавшим этапом.

Обращают на себя внимание некоторые изменения в составе остеологических коллекций. В самых верхних горизонтах культурного слоя Дьякова городища увеличивается процентное содержание костей диких животных (Кренке, 2011. С. 149-170). В первую очередь бобр, а также лось и медведь регулярно становились объектами добычи. С большой долей осторожности, так как материалов пока мало, можно предполагать, что произошли изменения в образе жизни и стратегии жизнеобеспечения людей, проживавших на позднедьяковских городищах. Более «агрессивная» охотничья стратегия стала привлекательней. Возможно, расширился ареал территории, подвергавшейся охотничьей эксплуатации.

Нужно отметить, что в Северной и Центральной Европе в VI-VII вв. исследователи отмечают явление восстановления лесов, сокращение открытых пространств (Frenzel, 1994) сравнительно с «римским временем». Возможно, в Восточной Европе наблюдалось нечто подобное. То есть в финальный период дьяковской культуры в хозяйстве прослеживаются общеевропейские тренды.

И.Р. Ахмедов, М.Б. Шукин, М.М. Казанский предполагают, что в конце IV – V вв. н.э. Москворечье стало ареной военных действий, в том числе из-за походов короля готов Гермариха (Ščukin et al., 2006. Fig. 43). Конечно, единичные находки импортных черняховских вещей на памятниках бассейна Москвы-реки не могут служить доказательством такой реконструкции. Однако необъясненным остается факт спада «жизненной активности» на москворецких городищах, который можно ориентировочно датировать V-VI вв. н.э., а затем и вовсе их запустение. Возможно, что какие-то насильственные действия, приведшие к упадку культуры москворецких городищ, всё же были. Учитывая, в общем-то, незначительную численность жителей Москворечья в дьяковское время, которая в лучшие времена вряд ли превышала 20 тыс. человек, можно предполагать, что «демографическое благополучие» этого населения было очень узким. Нельзя не отметить хронологическое совпадение прекращения жизни на дьяковских городищах Москворечья и катастрофических потрясений, которые испытали их ближайшие соседи – рязано-окские финны около середины VII в. н.э. (Ахмедов, 2010).

Необходимо учитывать, что для «подрыва» жизненной силы населения, оставившего позднедьяковские городища, было достаточно совсем небольшой группы от одной до нескольких сотен профессиональных воинов-агрессоров, археологический след которой вряд ли может быть уловлен. История дает нам массу примеров подобного рода.

В VII-VIII (?) вв. н.э. мы видим на месте бассейна Москвы-реки своеобразное белое пятно, которое лишь по периферии окаймлено

памятниками типа селища Соколова Пустынь (на юге), Маломахово и Борисов городок – на юго-западе, Бородино (на западе в верховьях Москвы-реки), Болшево-3, Кикино, Ратьковский могильник (на севере). Все эти памятники имеют, скорее всего, финский или балтский облик. Видимо, этого населения было достаточно, чтобы сохранить гидронимический пласт Подмосковья, в том числе и гидронимы бассейна Москвы-реки, и «передать» их пришедшим сюда позднее славянским колонистам.

Таблицы

Табл. 1. Радиоуглеродный возраст отложений начального этапа позднедьяковской культуры.

Памятник	Радиоуглеродный возраст	Индекс лаборатории	Калиброванный календарный возраст (в скобках – вероятность калиброванного значения) ⁹
Троицкое городище	2090±130	ГИН-8815	240 BC – 30 AD (56,2%)
Троицкое городище	2000±40	ГИН-8816	45 BC – 55 AD (68,2%)
Луковня 1 городище	2000±30	ГИН-3210	45 BC – 30 AD (59,4%)
Дьяково городище	2070±60	ГИН-2799	170BC – 10 AD (62,8%)
Дьяково городище	2120±100	ГИН-2788	240 BC – 40 BC (51,4%)
Дьяково городище	1970±40	ГИН-3915	1AD – 80 AD (61,1%)
Дьяково городище	1970±60	ГИН-3198	50BC – 90 AD (62,5%)

Табл. 2. Статистика керамики из раскопов на террасах Кунцевского городища по материалам отчетов А.Г. Векслера (данные по предматериковым пластам).

Номер раскопа, пласт Типы керамики	1-я терраса (верхняя)	2-я терраса (средняя)				3-я терраса (нижняя)
	XVIII пл. 7-8	XIV пл. 21	XV пл.12	XVI пл.16	XX пл. 17-20	XVII пл. 7-8
Лощеная	-	5	8	-	-	-
Лепная гладкостенная	24	80	9	41	24	23
Текстильная	5	28	-	-	14	-

⁹ Калибровка производилась по программе OxCal v. 3.10.

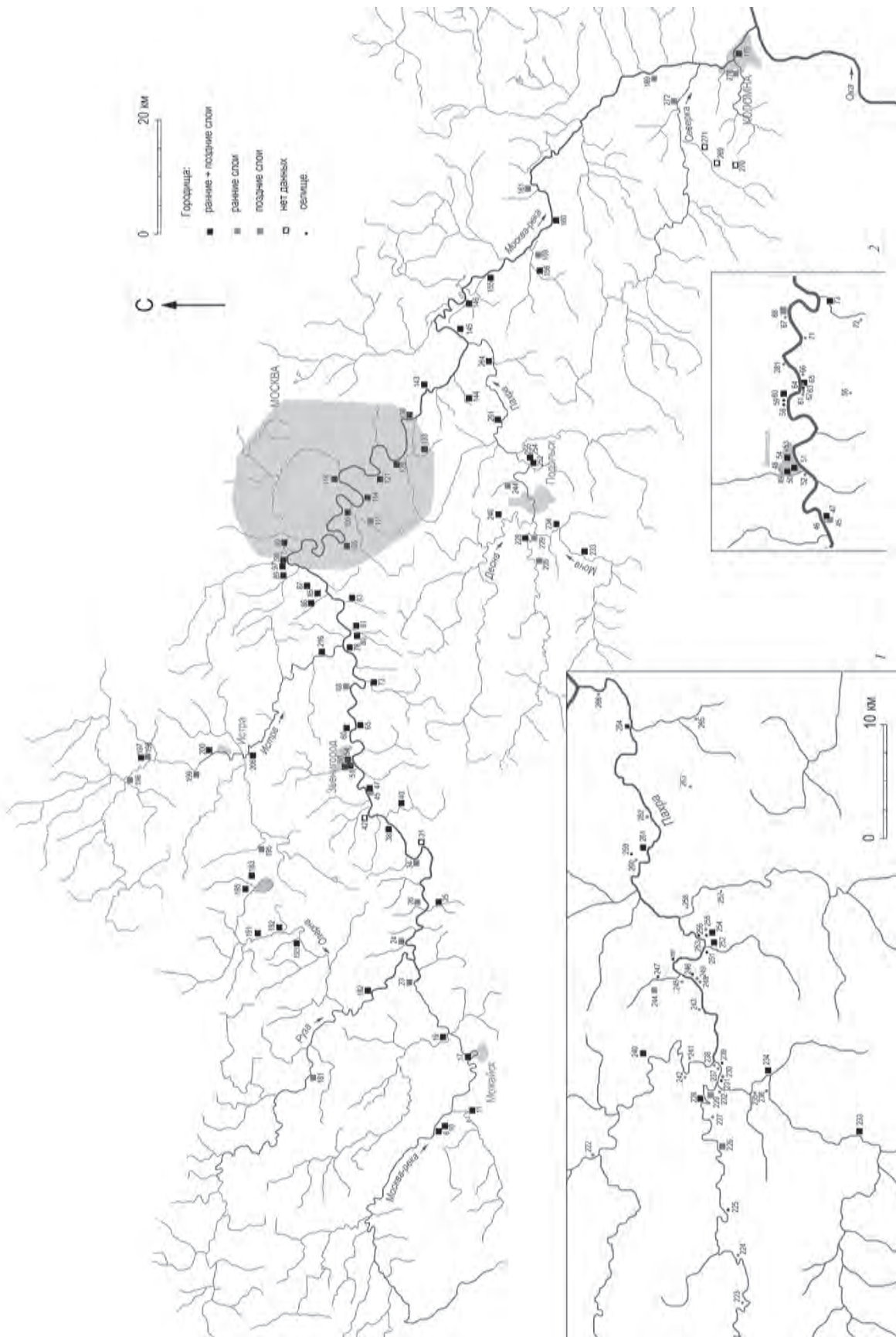

Рис. 1. Карта памятников дьяковской культуры бассейна Москвы-реки. Нумерация памятников по (Кренке, 2011, с. 241-252).

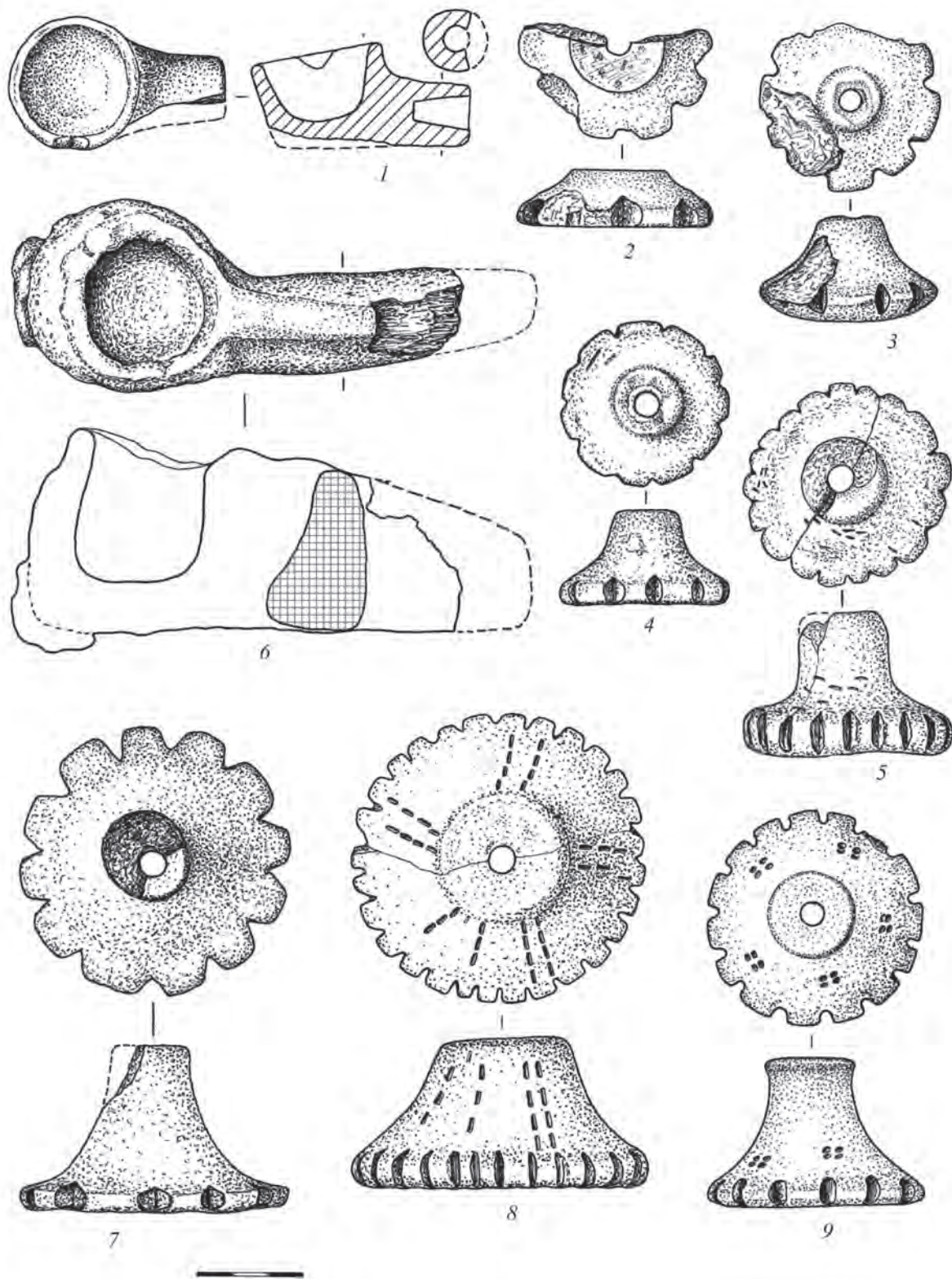

Рис. 2. Глиняные льячки и грузики дьякова типа. Дьяково городище, верхний слой.
Вверху – более поздние вещи.

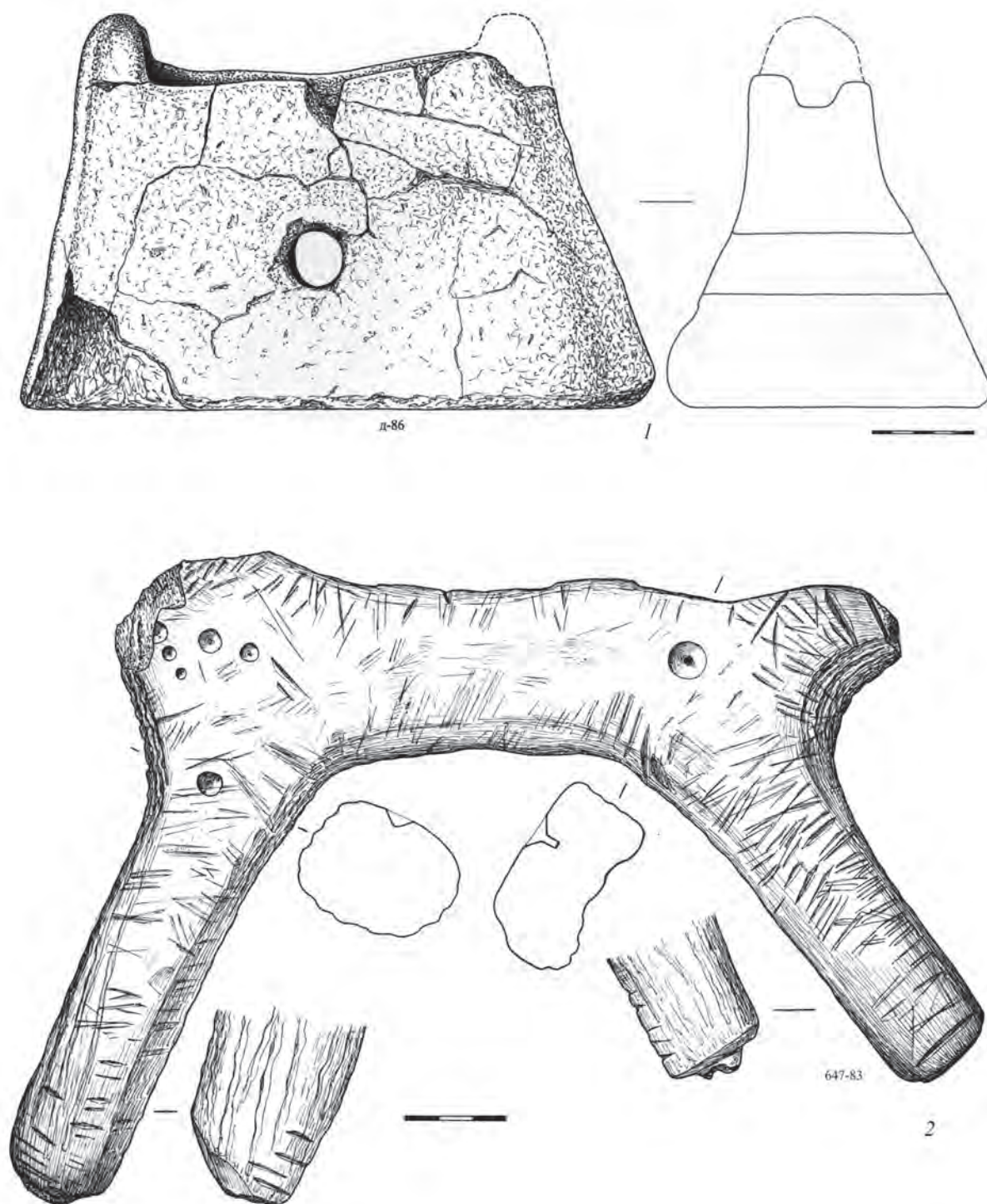

Рис. 3. «Рогатый» глиняный кирпич и верстак из рога. Дьяково городище верхний слой (рисунок В.А. Раевой).

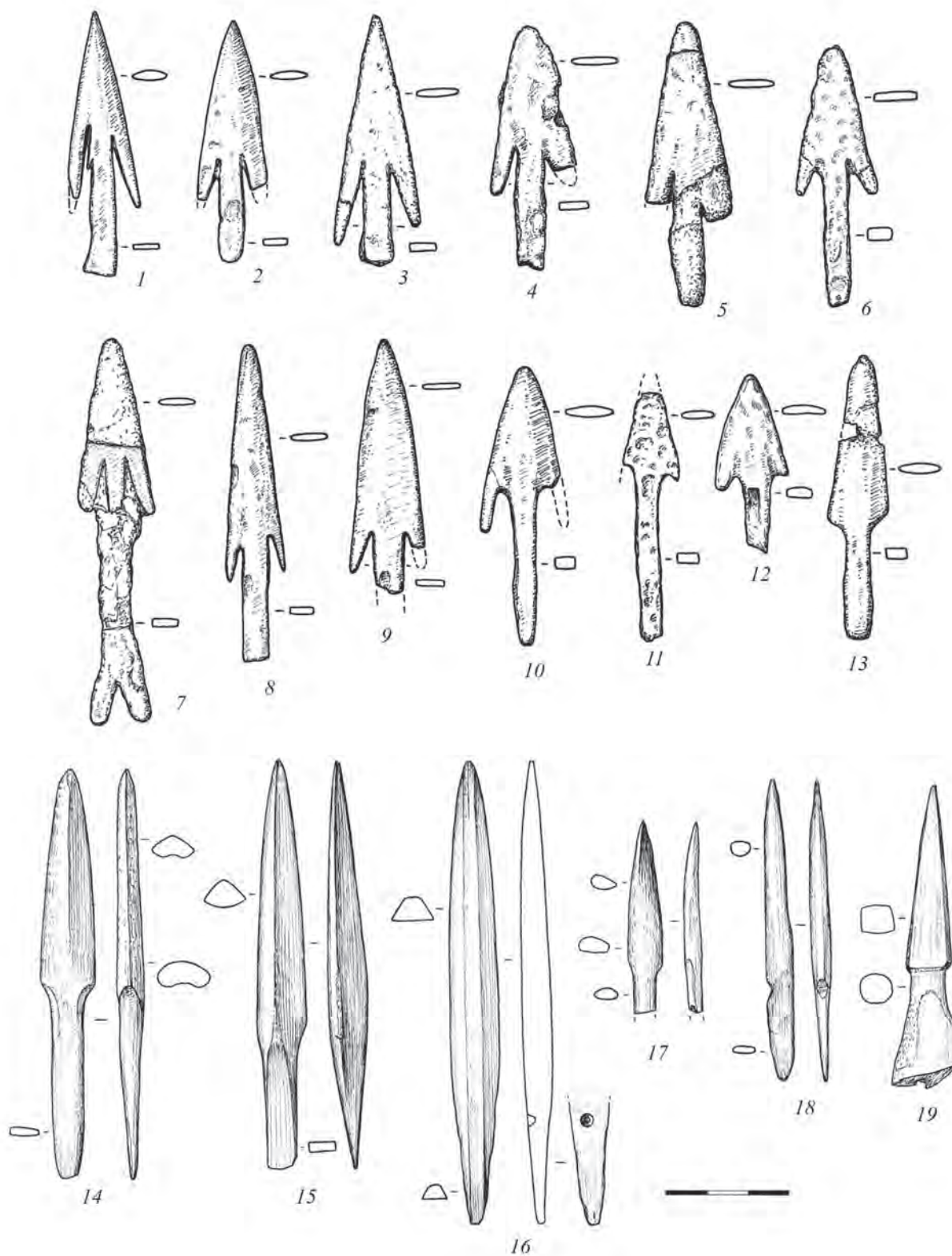

Рис. 4. Костяные и железные стрелы. Дьяково городище, верхний слой.
Вверху – более поздние вещи.

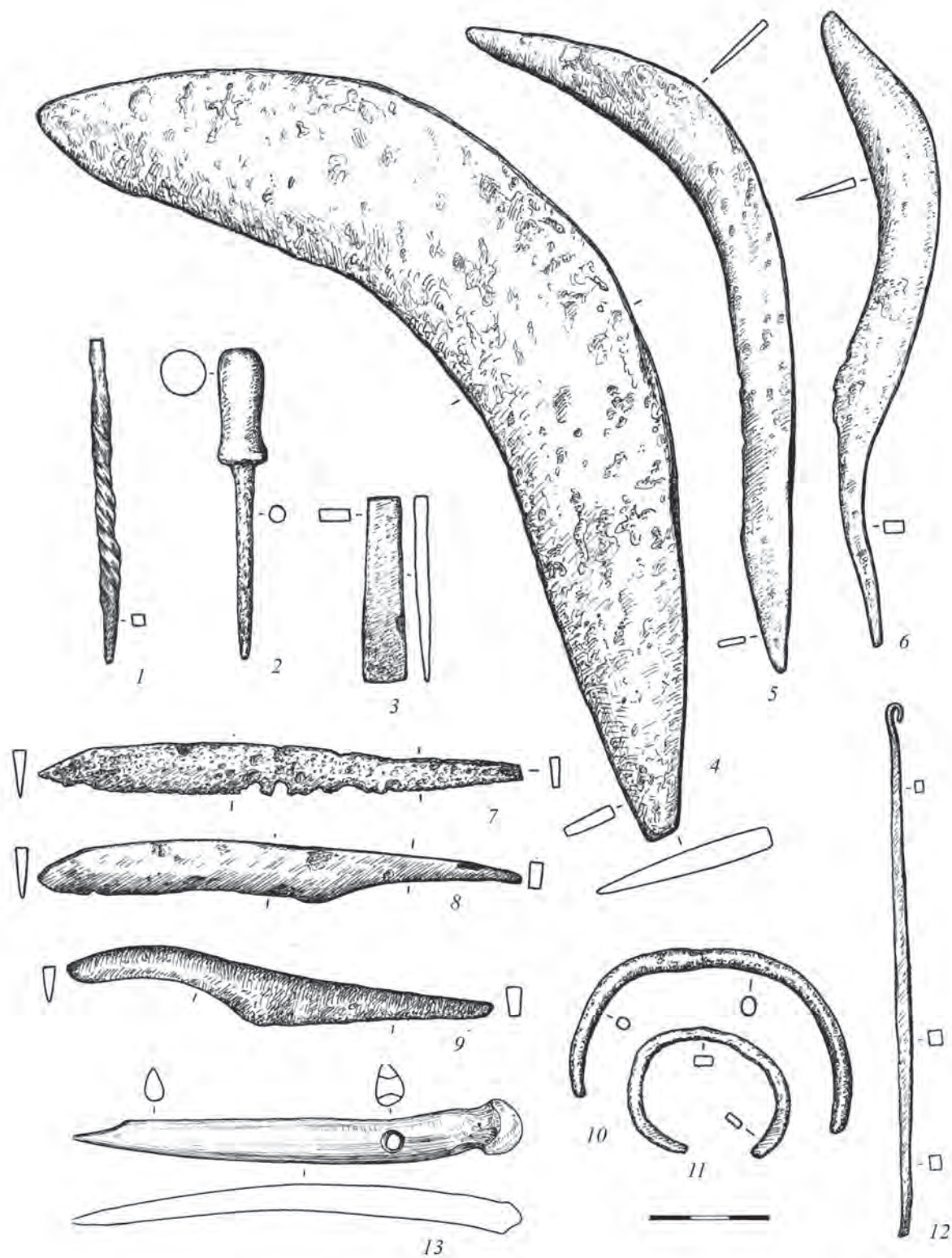

Рис. 5. Железные серпы, ножи, шилья, долото и костяной кочедык.
Дьяково городище, верхний слой.

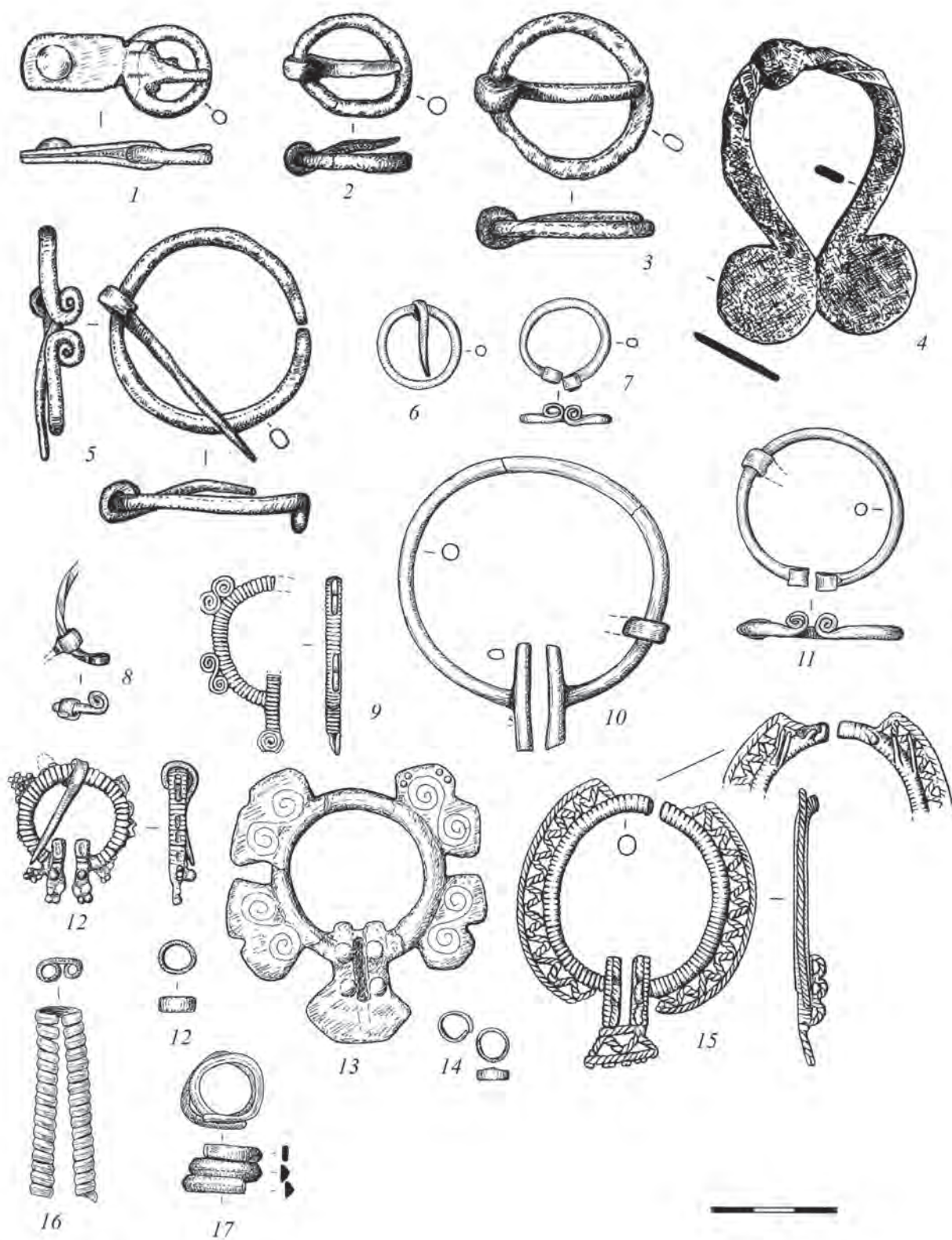

Рис. 6. Железные и бронзовые пряжки, сьюлгамы, пронизи из верхних слоев городищ Дьяково и Дунино (4).

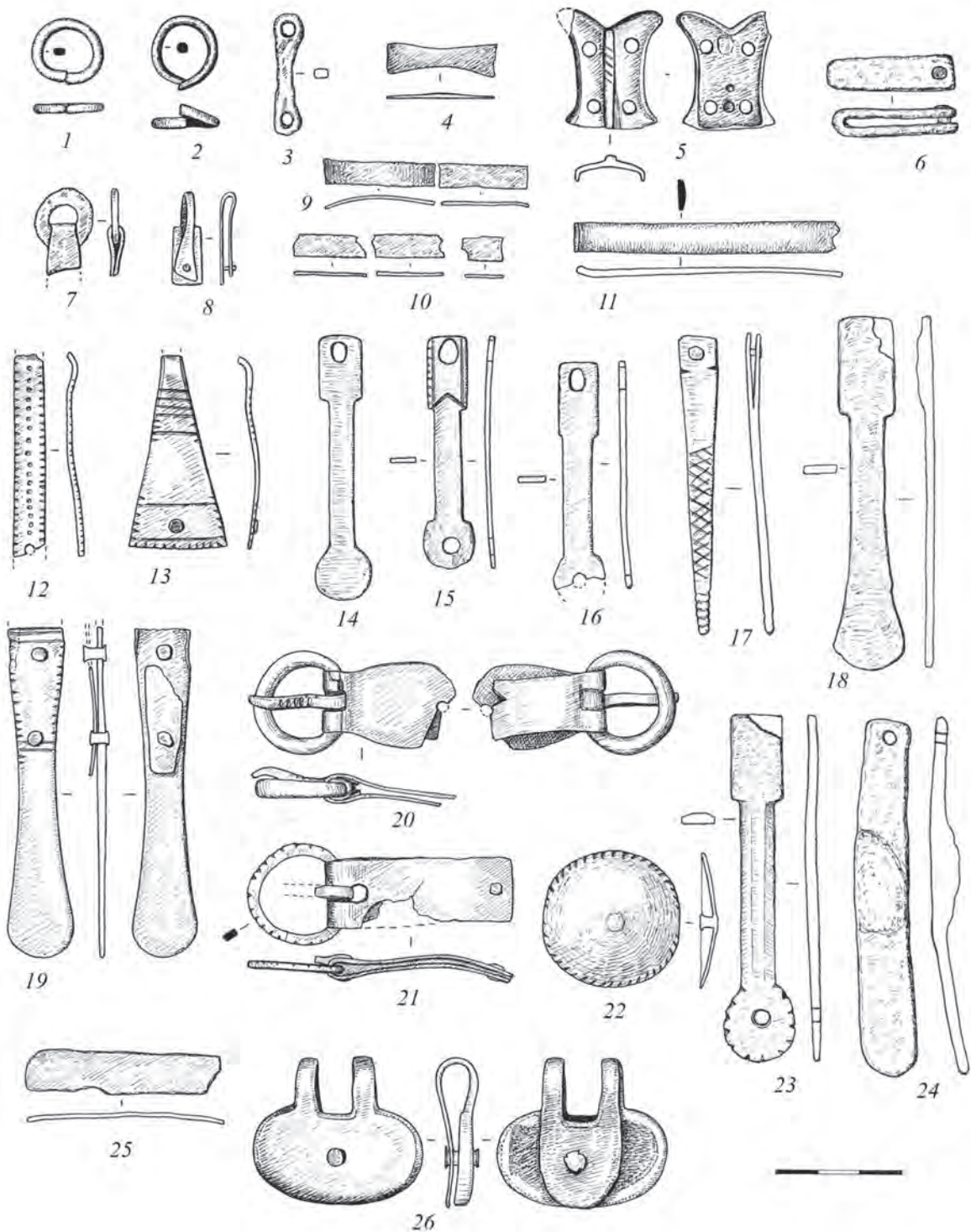

Рис. 7. Бронзовая ременная гарнитура из верхнего слоя Дьякова городища (верхний горизонт и перекопы).

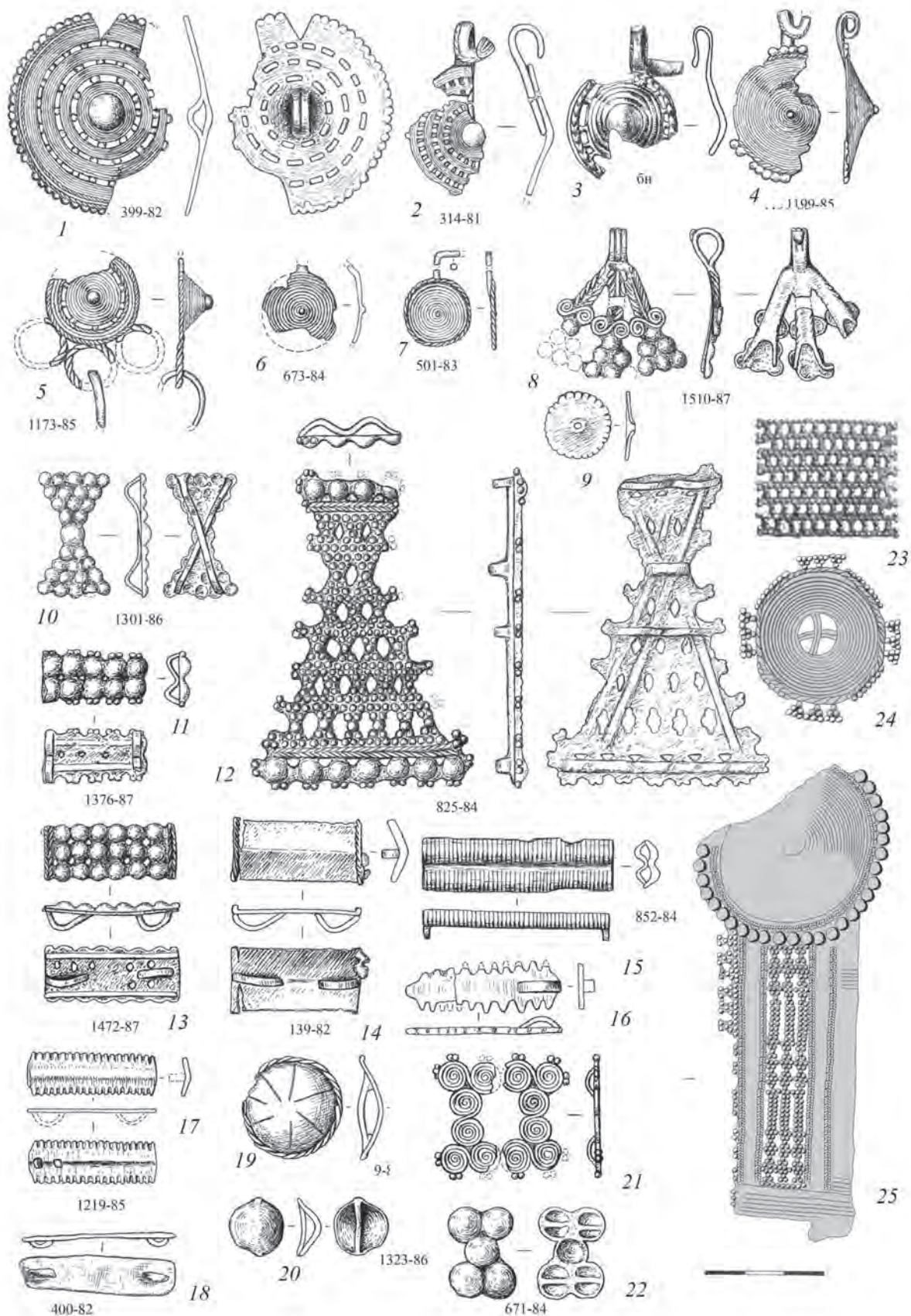

Рис. 8. Бронзовые украшения из верхних слоев городищ Дьяково и Круглиця (23-25).

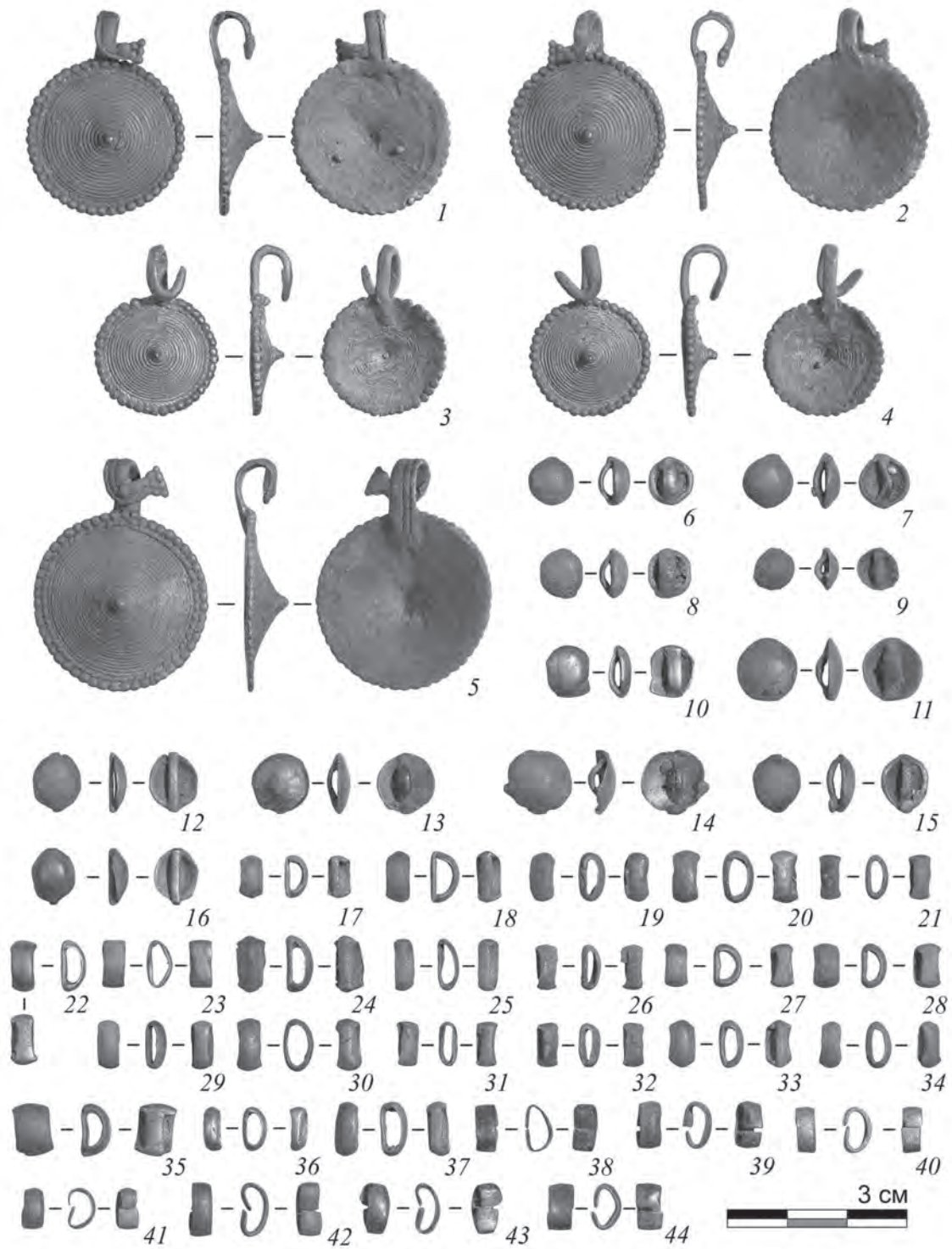

Рис. 9. Бронзовые украшения из клада с городища Дютьково на р. Разводне. Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей.

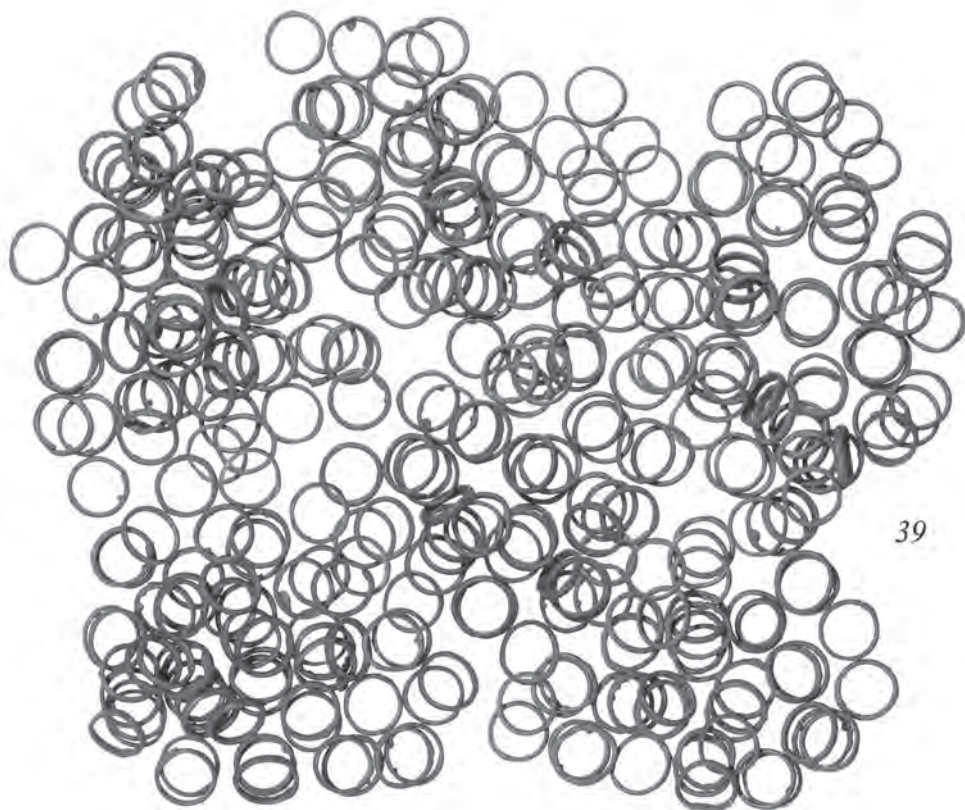
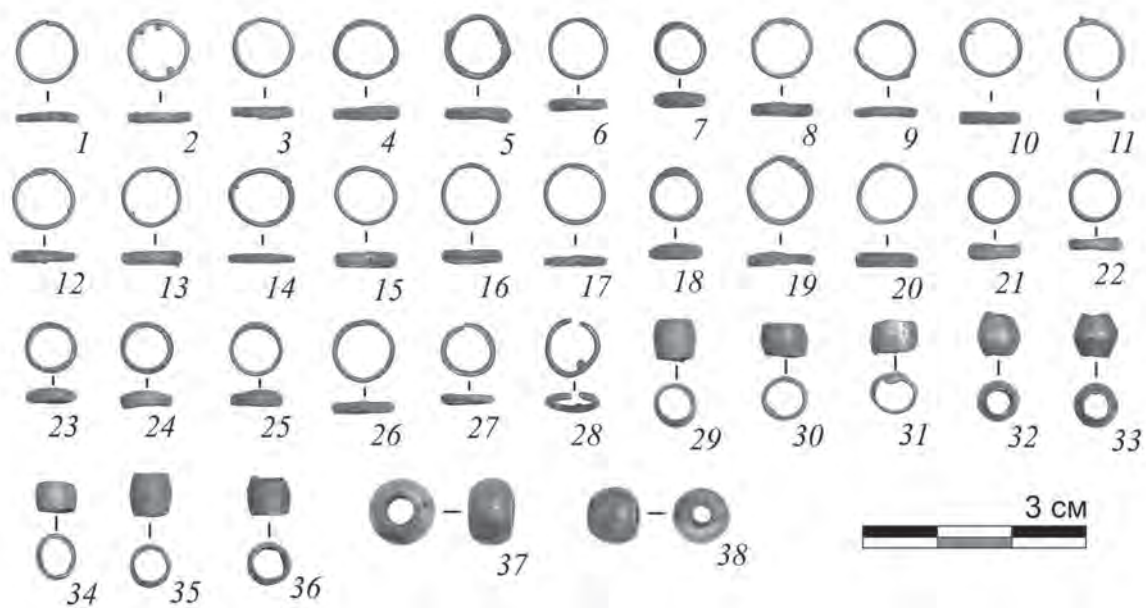

Рис. 10. Бронзовые украшения из клада с городища Дютьково.

Рис. 11. Бронзовые украшения и стеклянные бусы из клада на Алтуховском (Ичском) городище на р. Протве (внизу – отдельные украшения крупным планом). Музей истории Москвы.

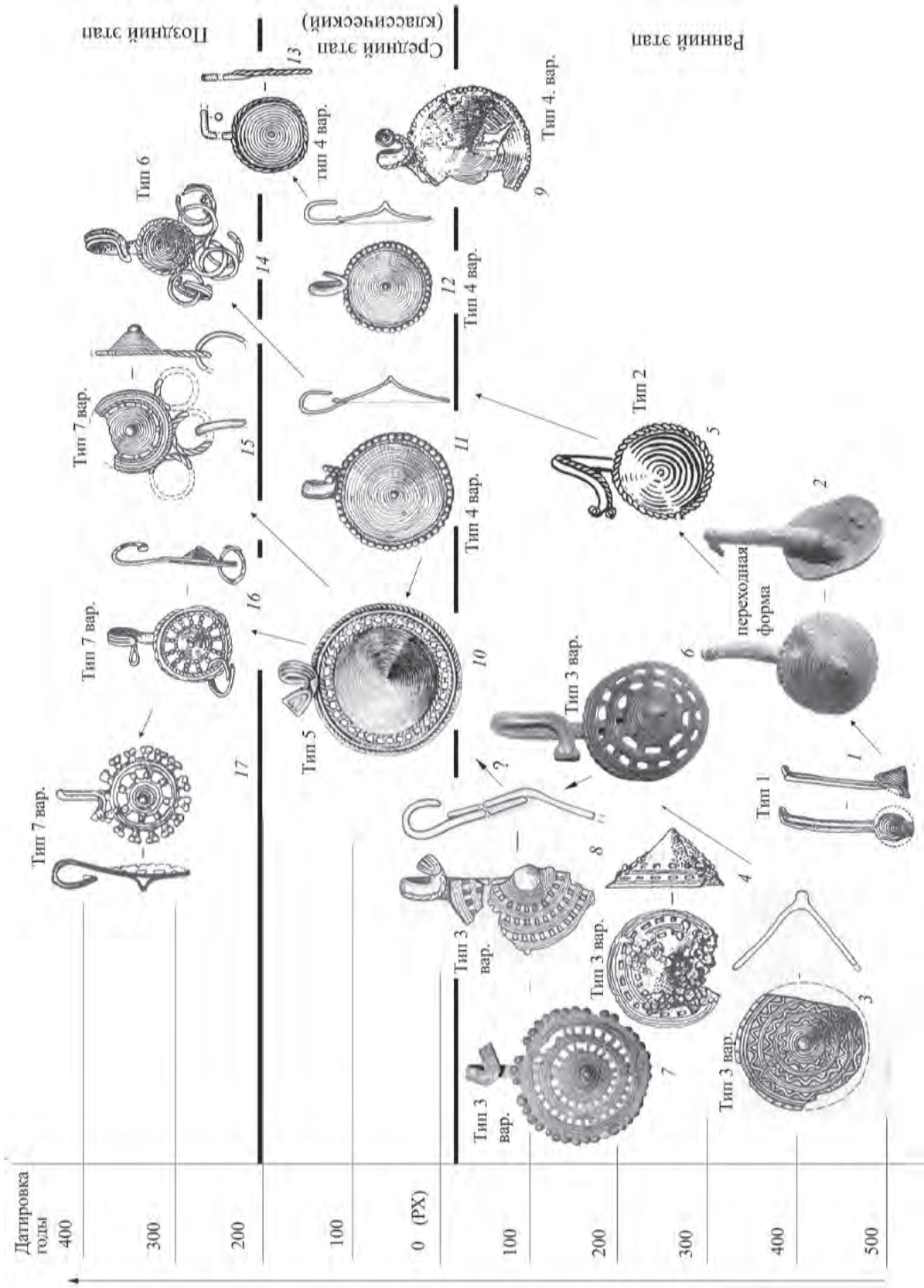

Рис. 12. Классификация и хронология умбовидных подвесок (по Кренке, Тавлицева, 2011).

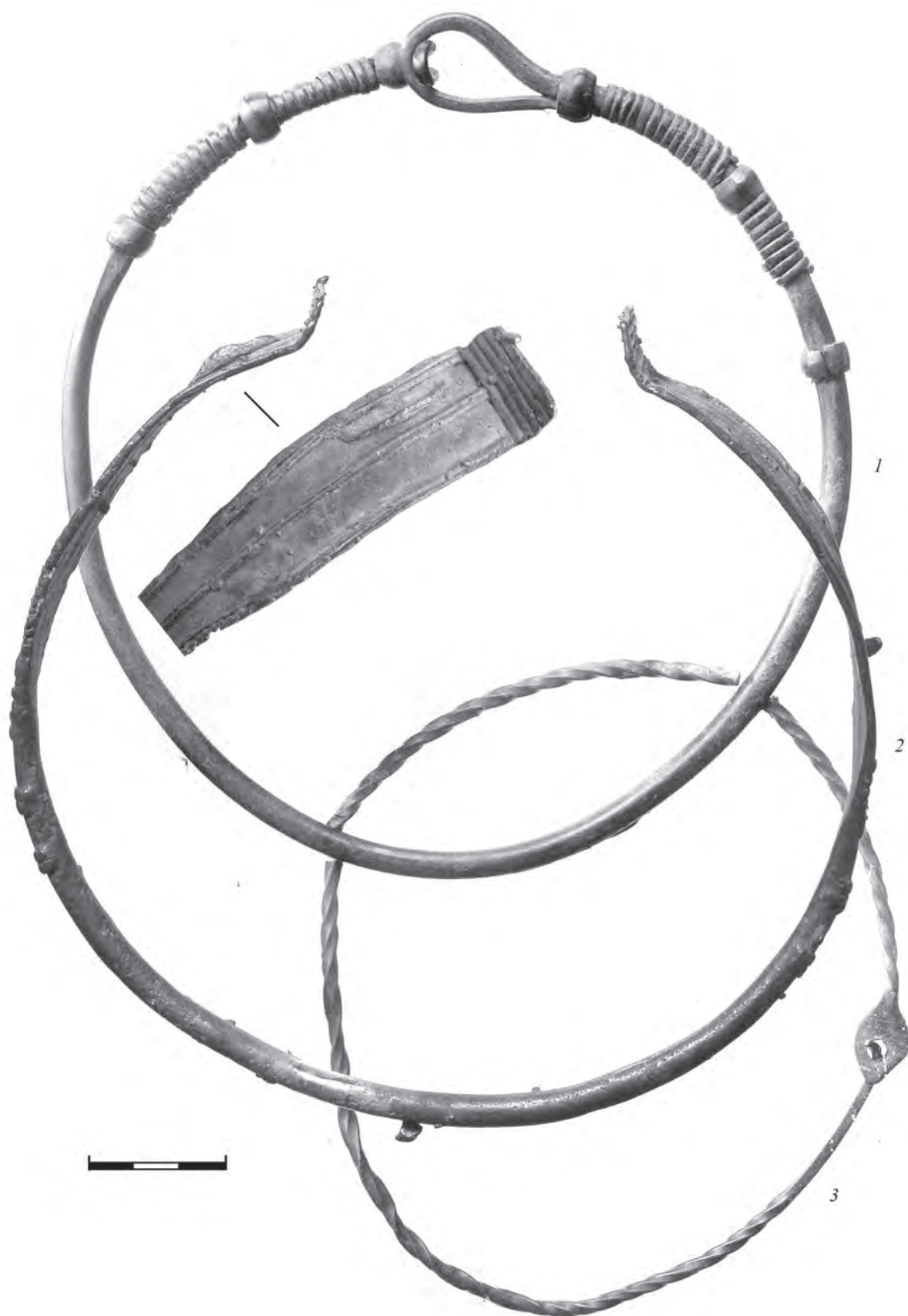

Рис. 13. Гривны из кладов с городища Дьяково (1, 3) и 2-го Щербинского (2).

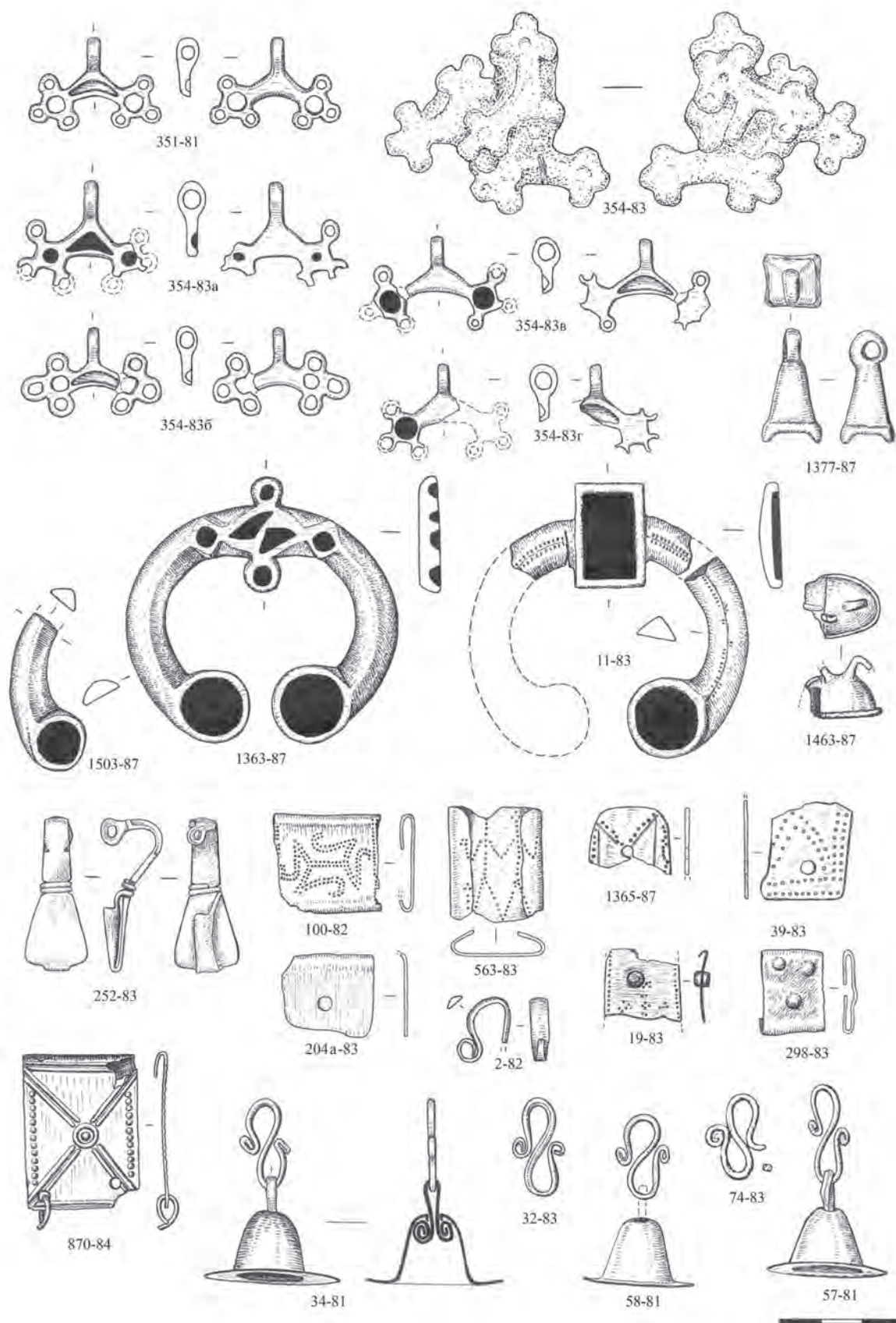

Рис. 14. Бронзовые украшения (вещи с эмалью и некоторые другие виды привозных изделий). Дьяково городище, верхний слой.

Рис. 15. Украшения с эмалью с городищ Дьяково (1-6) и Луковня 1 (7-9).

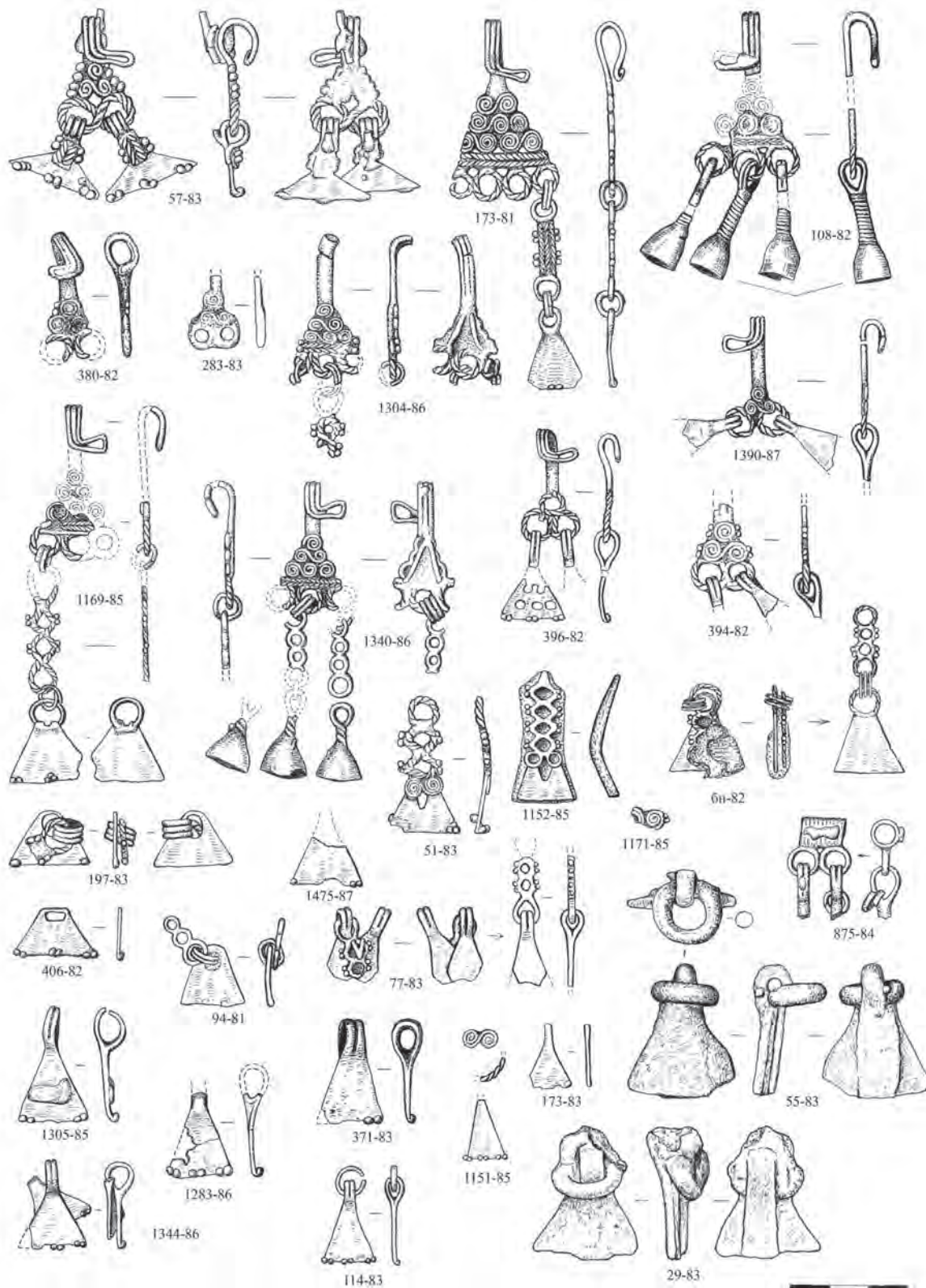

Рис. 16. Подвески из бронзы и железа. Дьяково городище, верхний слой.

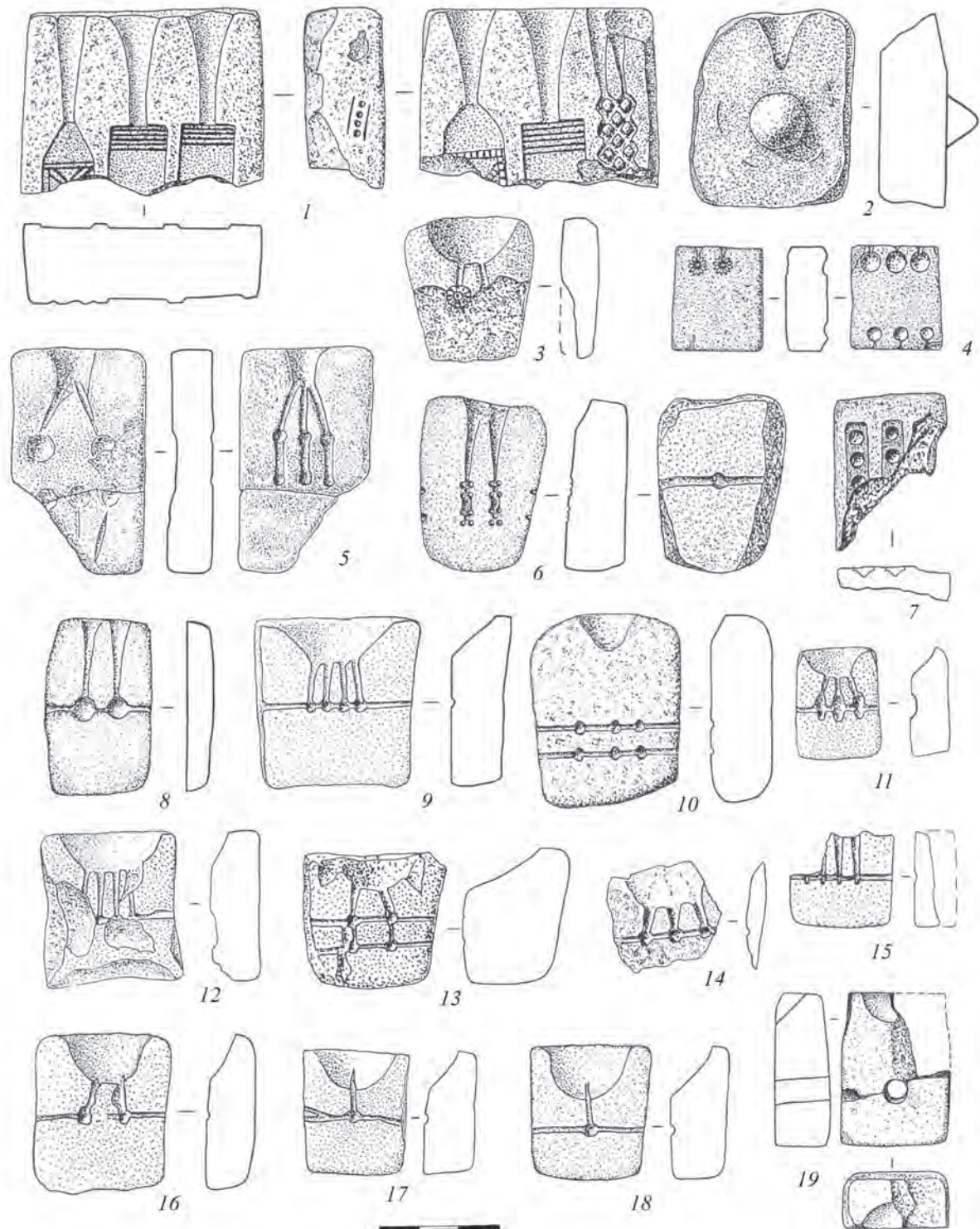

Рис. 17. Литейные формы из камня и глины. Дьяково городище, верхний слой.

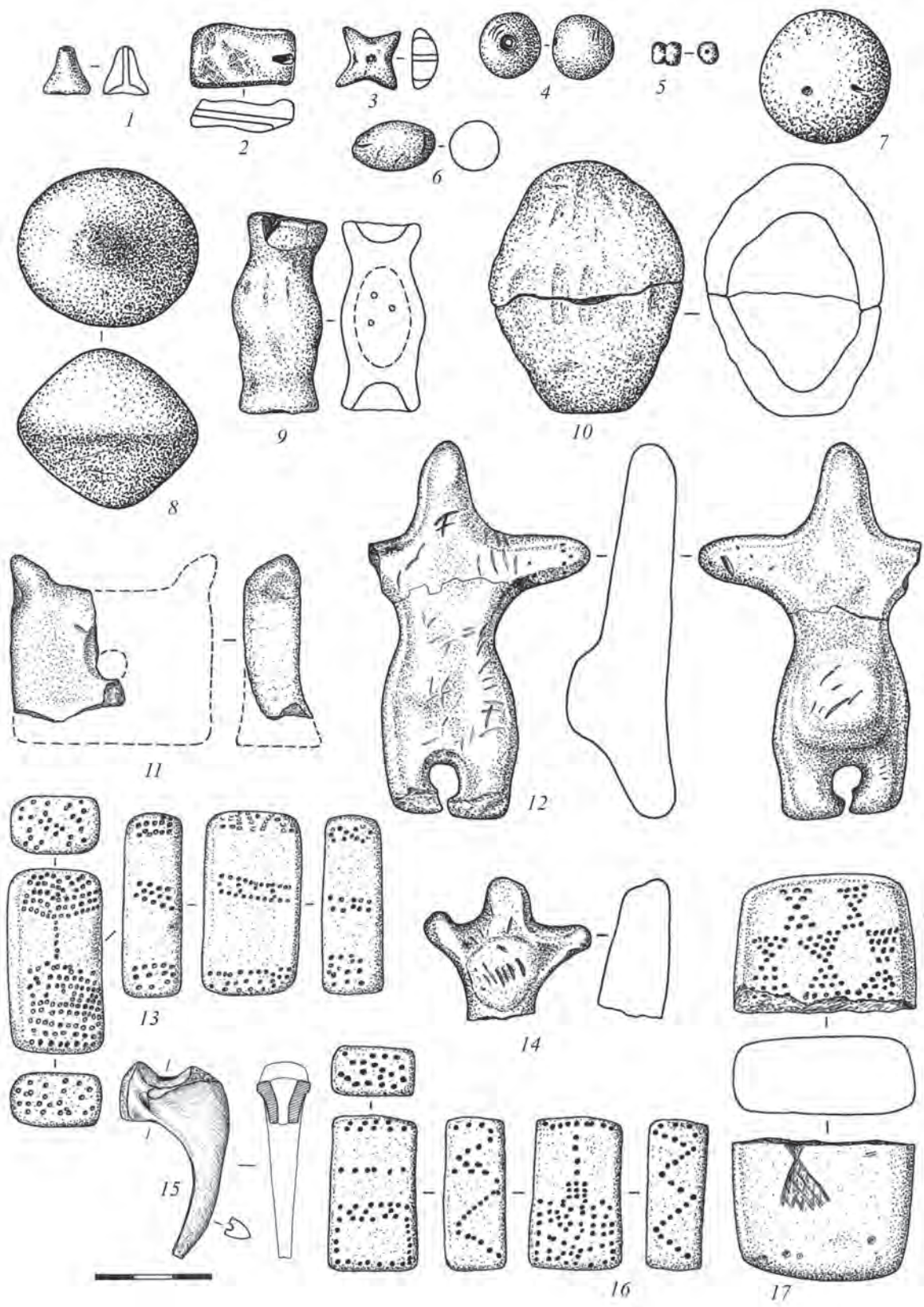

Рис. 18. Бусы, погремушки, модель рогатого кирпича, статуэтка, плакетки, медвежий коготь (15). Дьяково городище, верхний слой.

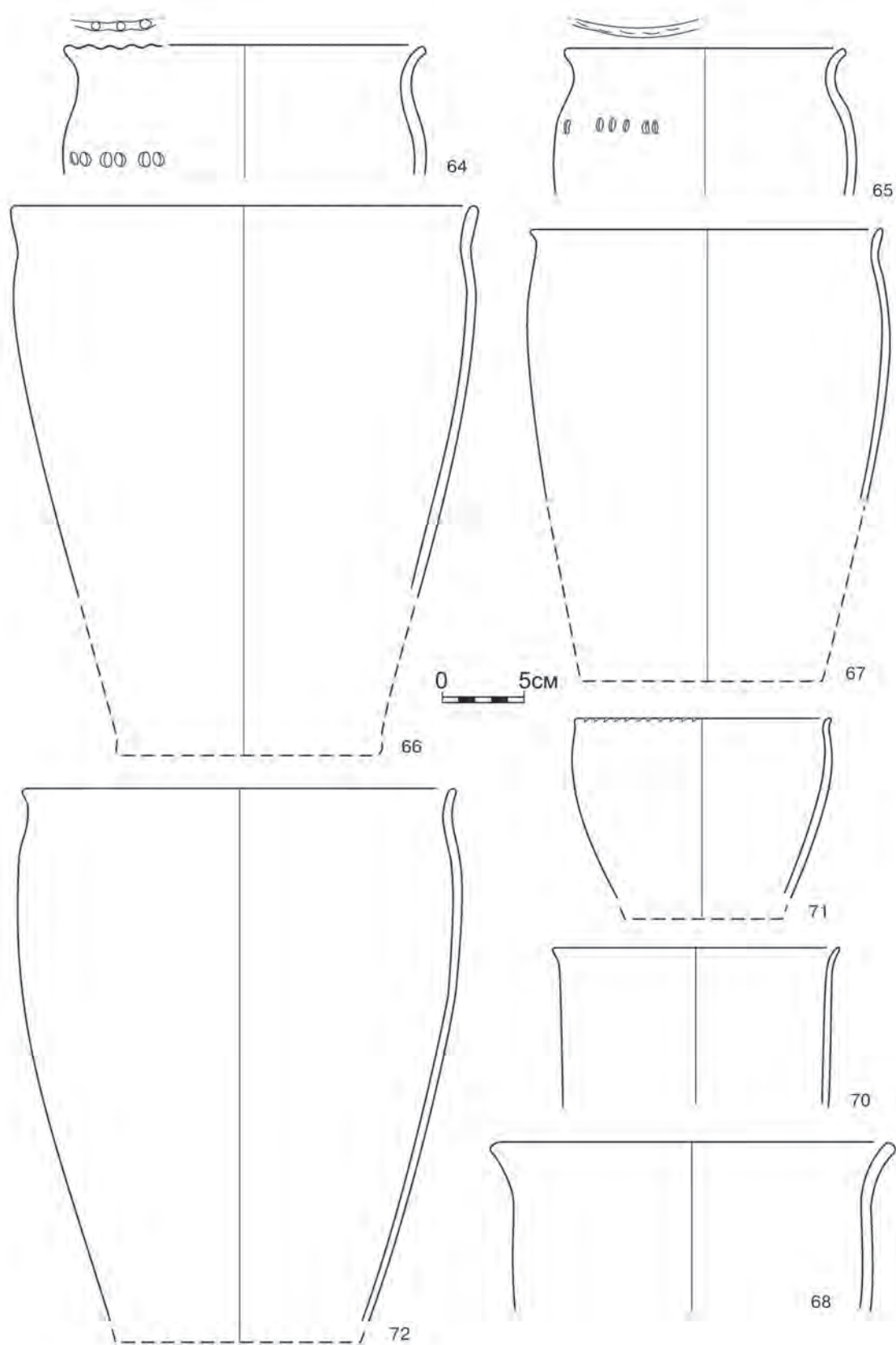

Рис. 19. Горшки из нижнего горизонта верхнего слоя Дьякова городища.

Рис. 20. Горшки из нижнего горизонта верхнего слоя Дьякова городища.

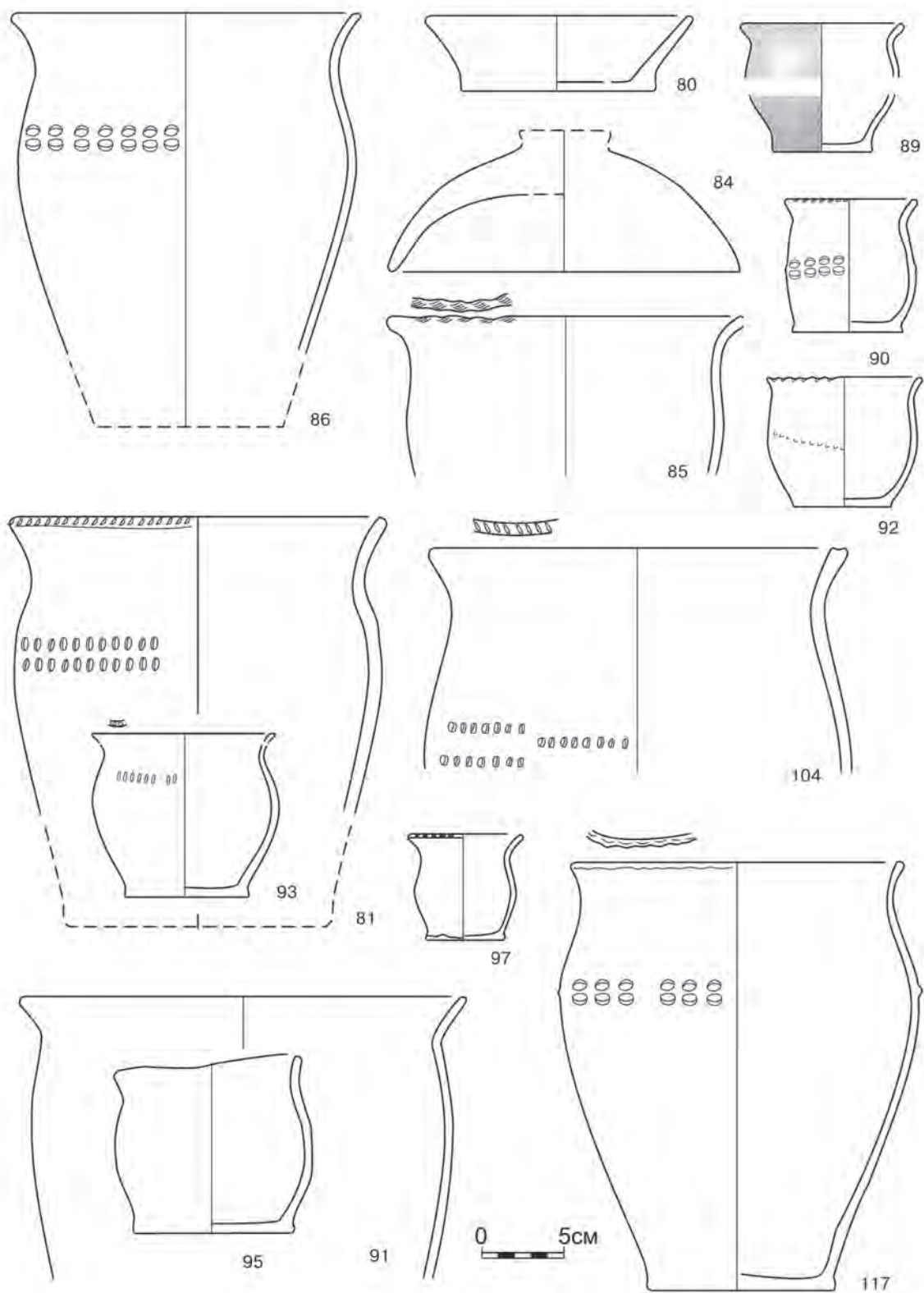

Рис. 21. Горшки из нижнего горизонта верхнего слоя Дьякова городища.

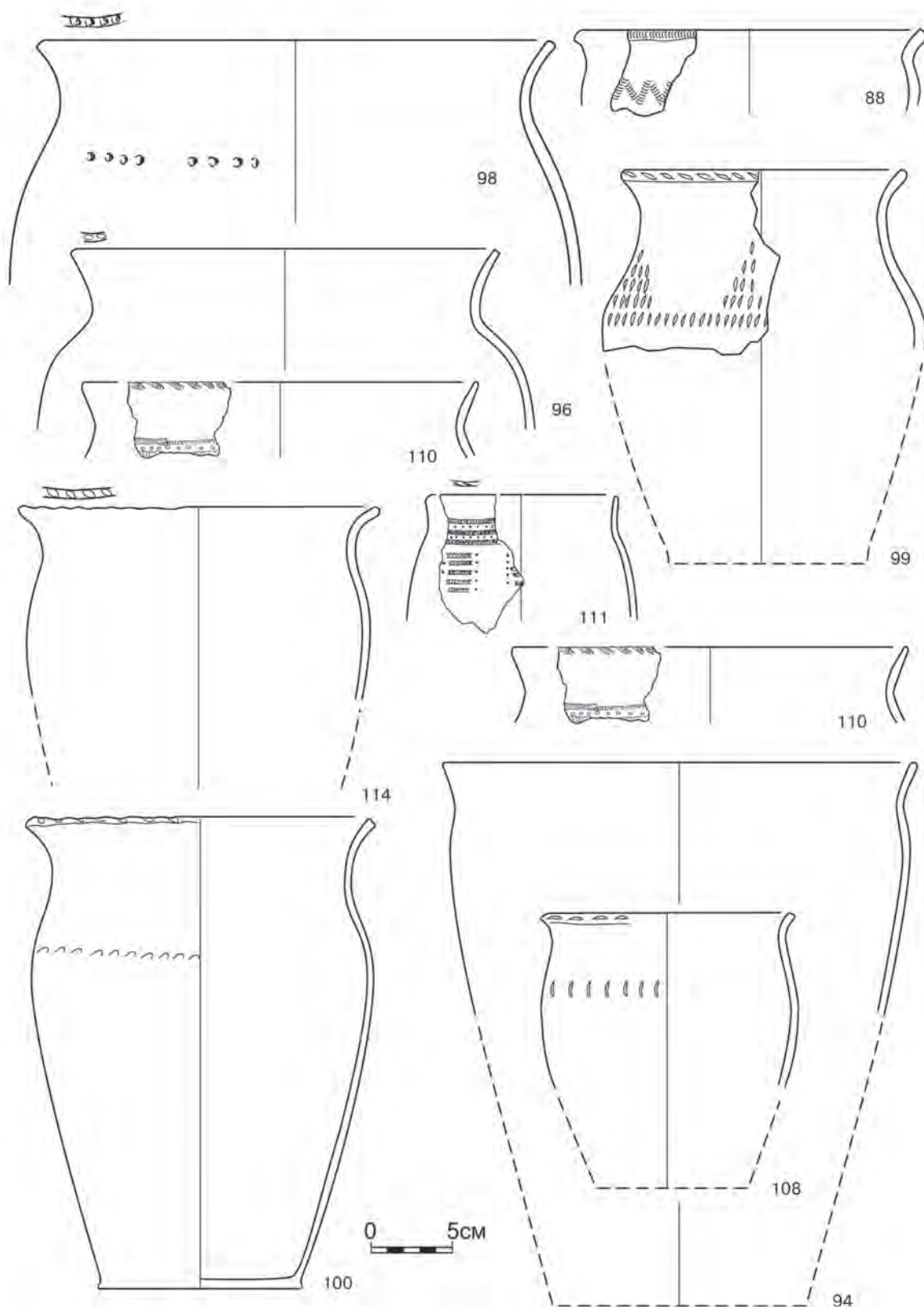

Рис. 22. Горшки из среднего горизонта верхнего слоя Дьякова городища.

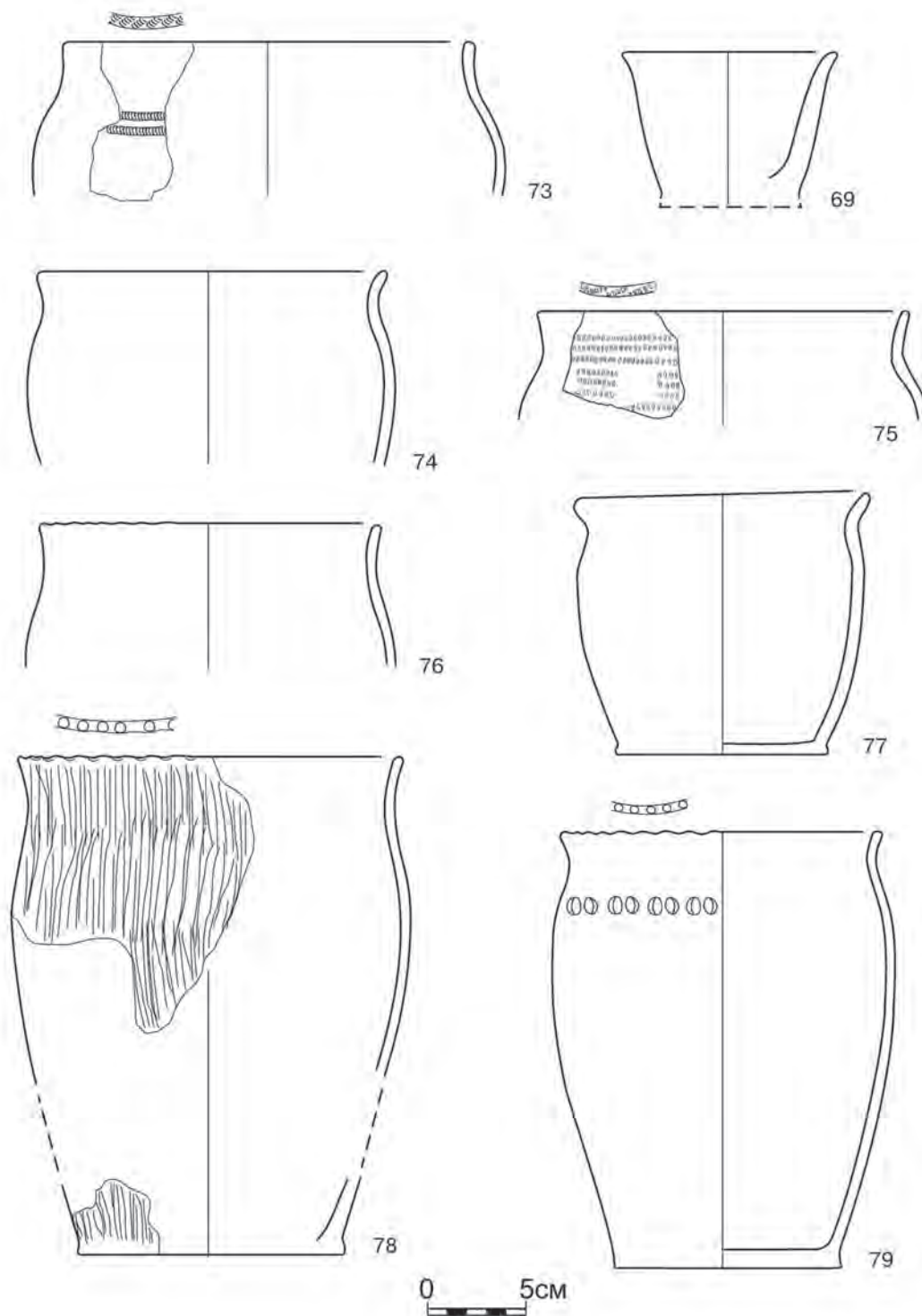

Рис. 23. Горшки из среднего горизонта верхнего слоя Дьякова городища.

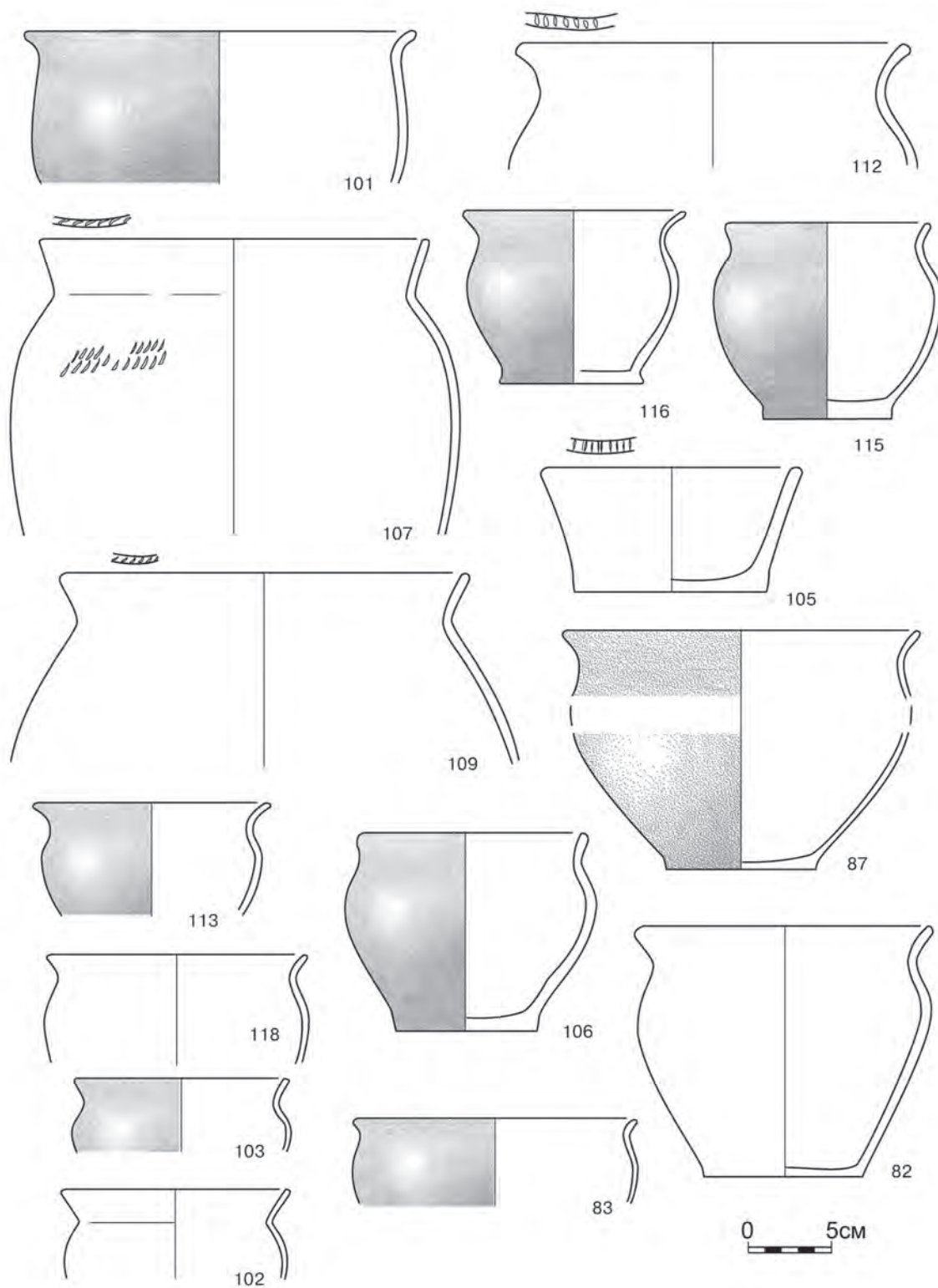

Рис. 24. Горшки из среднего горизонта верхнего слоя Дьякова городища.

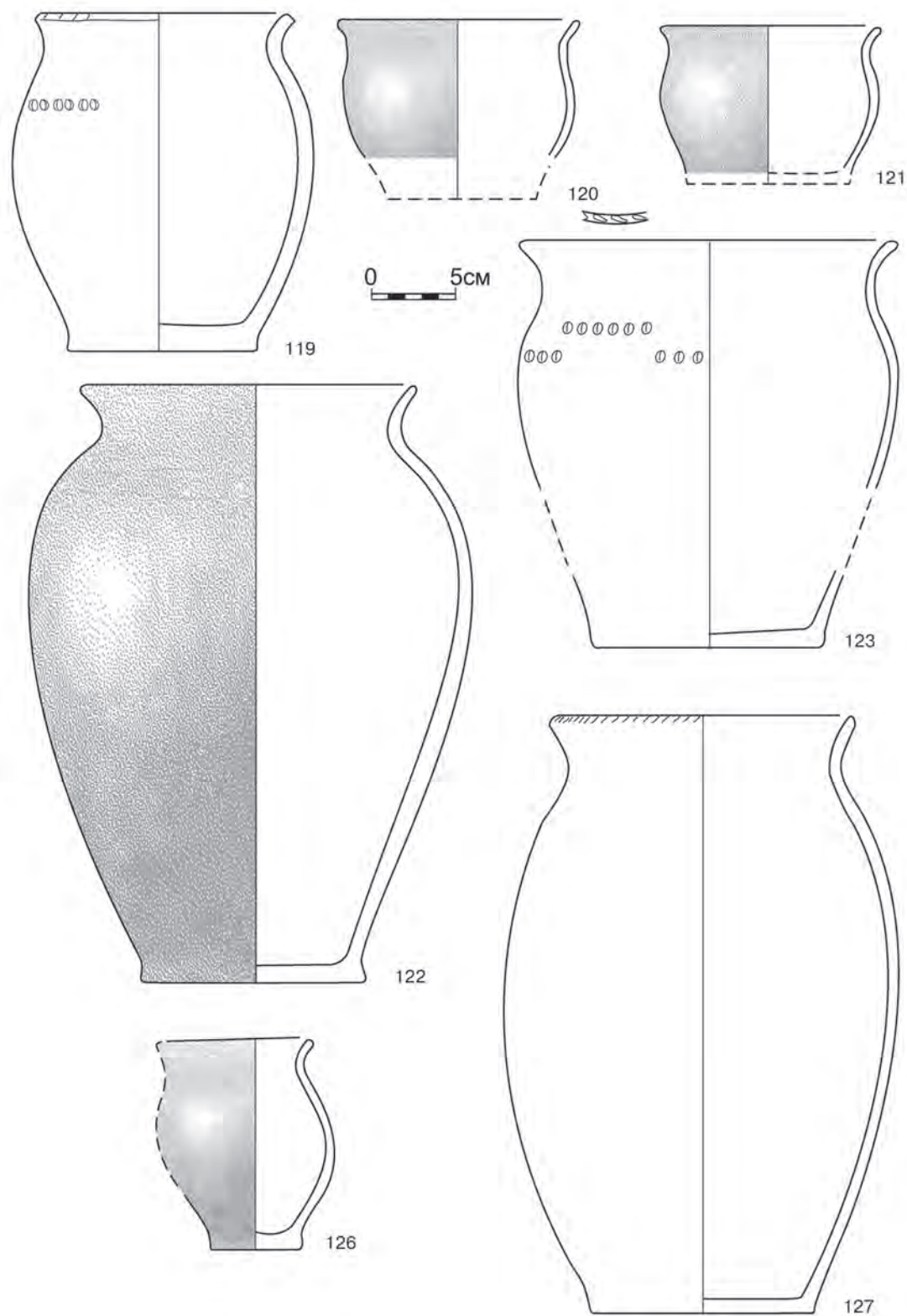

Рис. 25. Горшки из среднего горизонта верхнего слоя Дьякова городища, постройка Д-4.

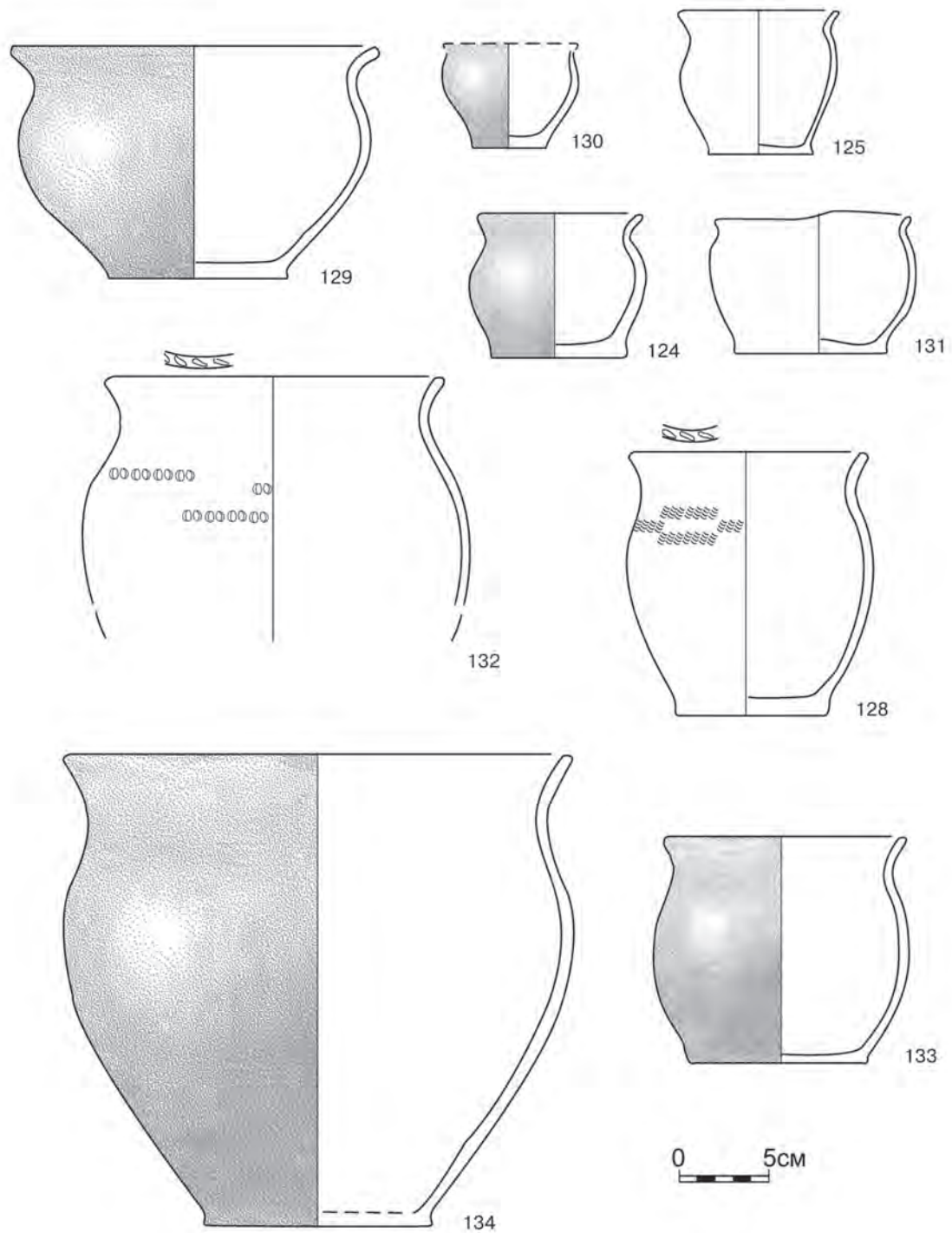

Рис. 26. Горшки из среднего горизонта верхнего слоя Дьякова городища, постройка Д-4.

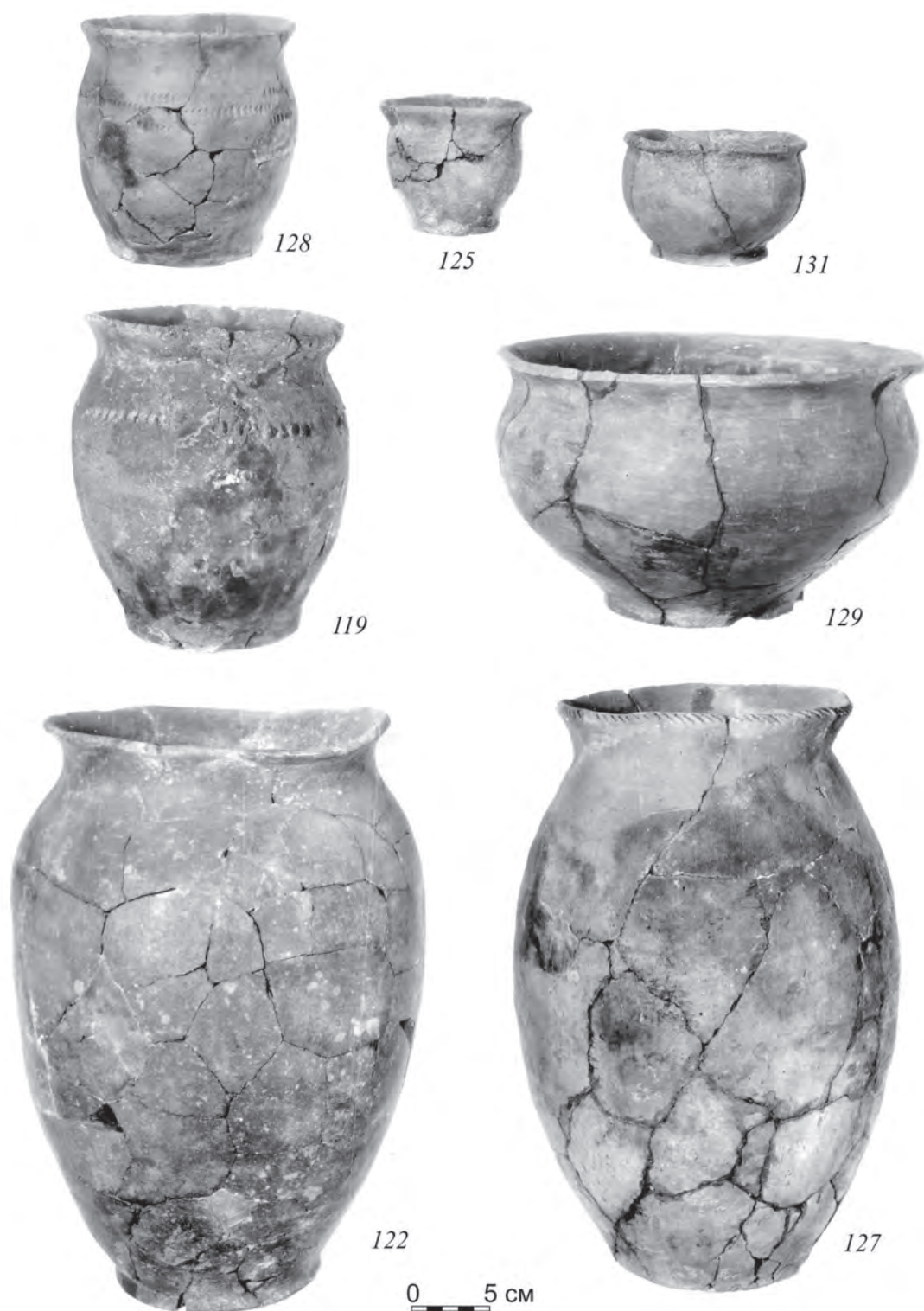

Рис. 27. Горшки из среднего горизонта верхнего слоя Дьякова городища, постройка Д-4.

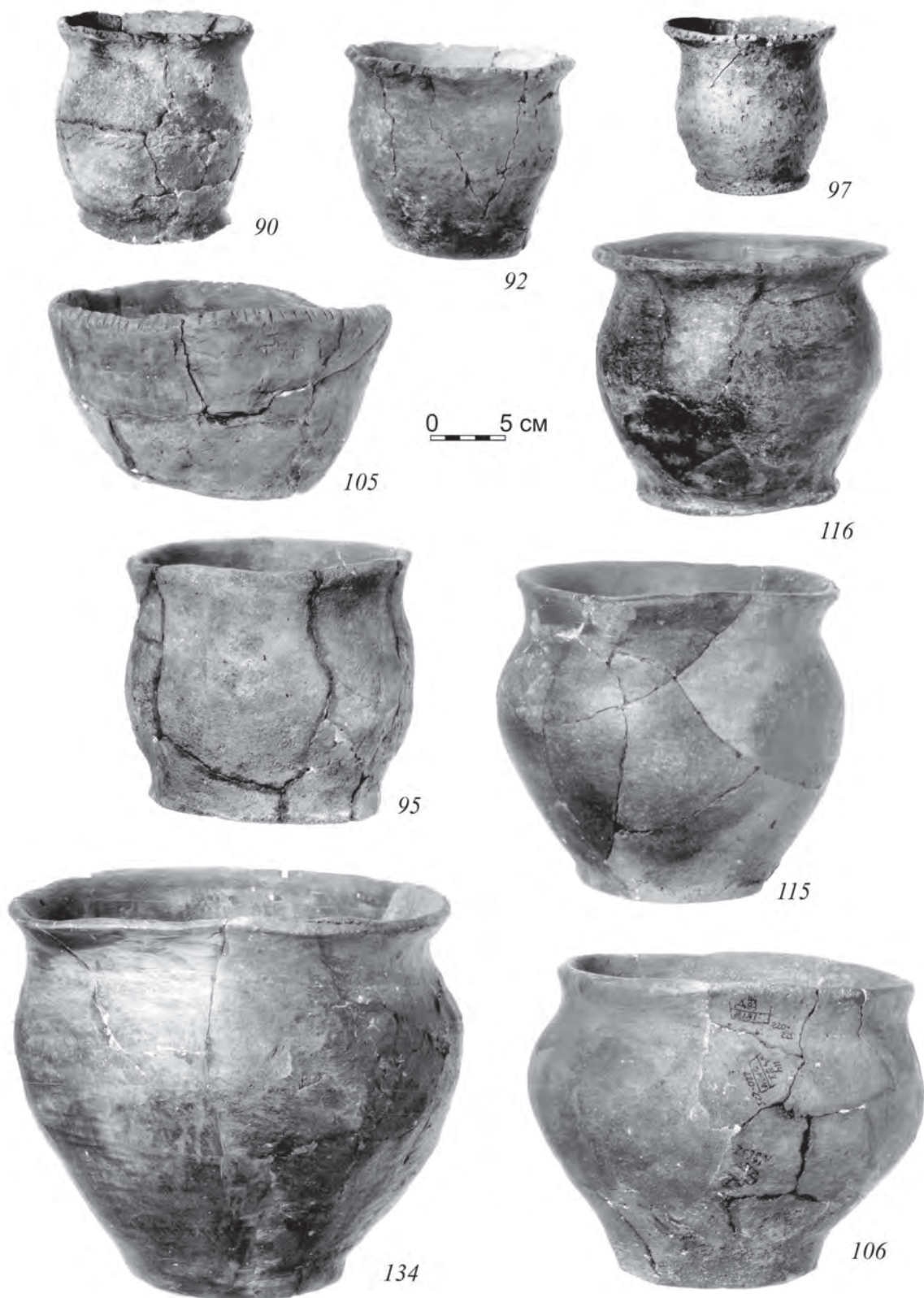

Рис. 28. Горшки из среднего горизонта верхнего слоя Дьякова городища.

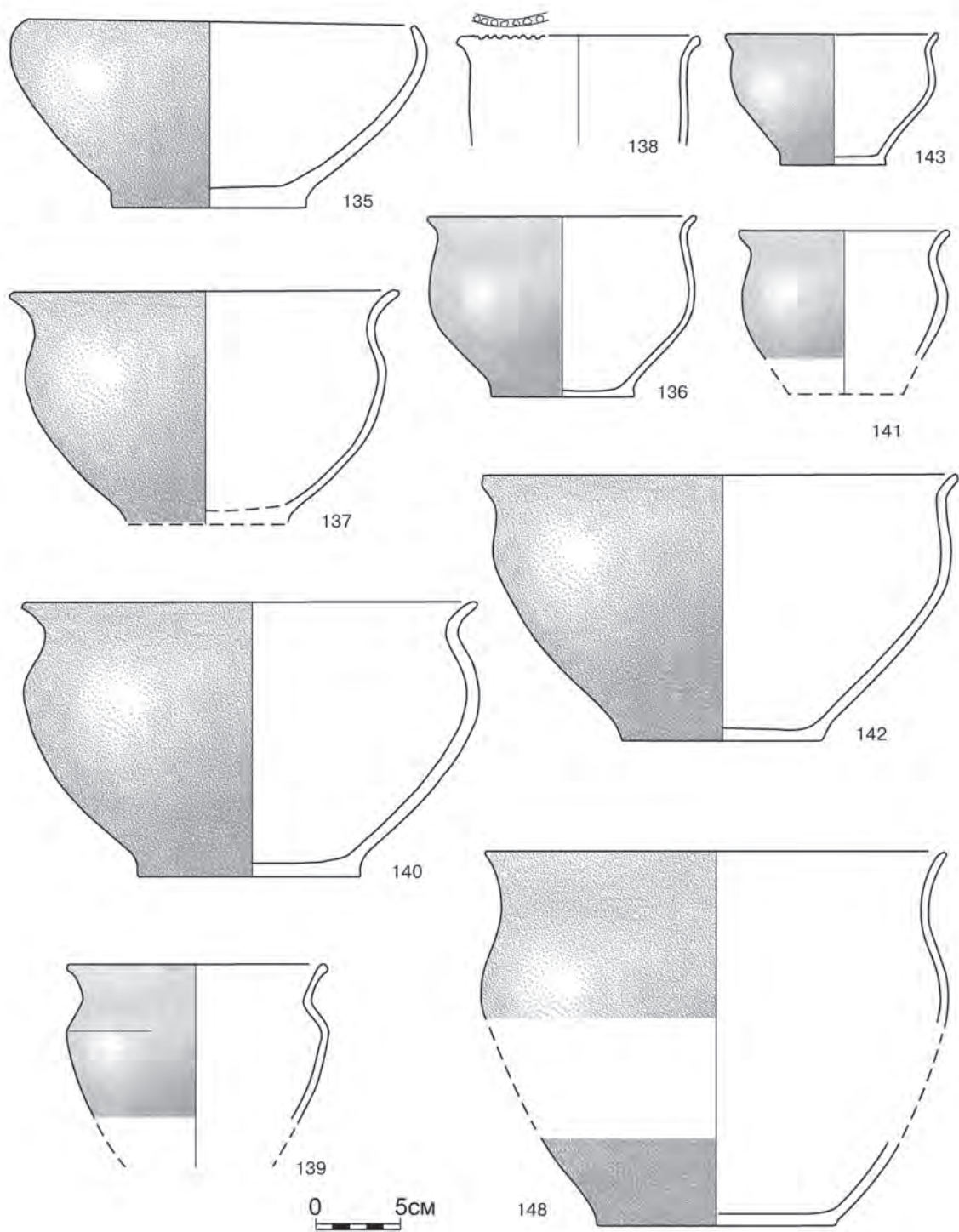

Рис. 29. Горшки из среднего горизонта верхнего слоя Дьякова городища.

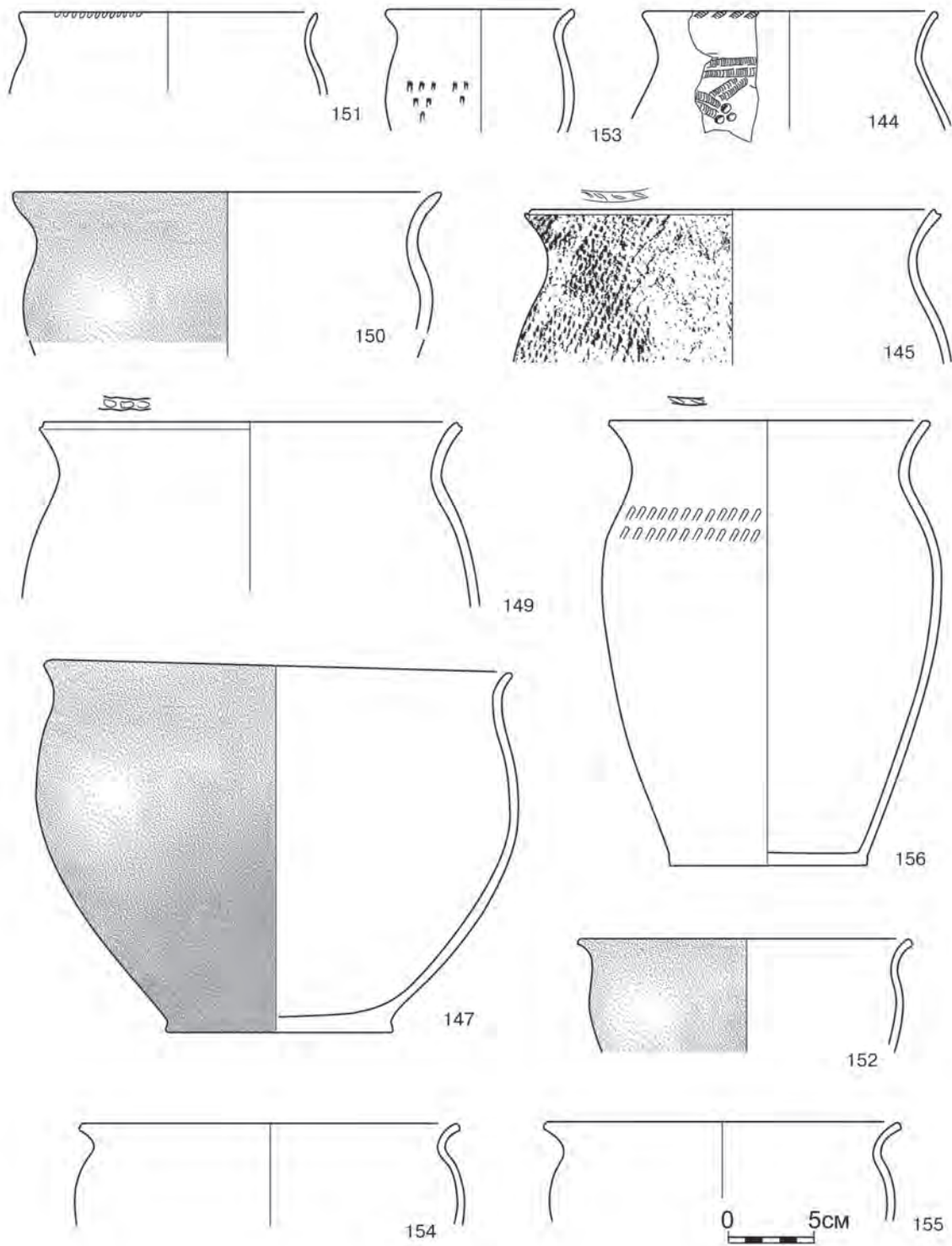

Рис. 30. Горшки из среднего горизонта верхнего слоя Дьякова городища.

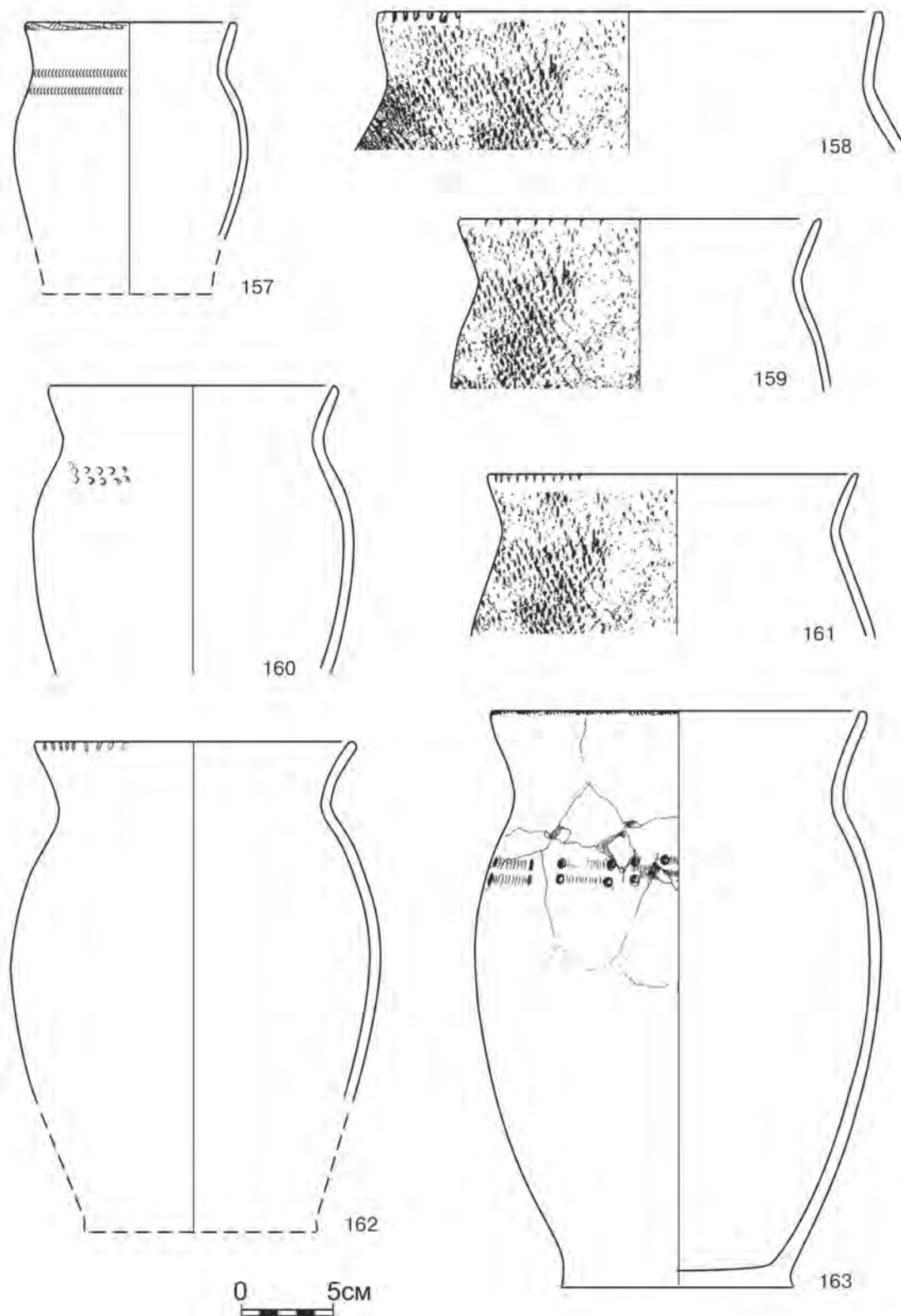

Рис. 31. Горшки из среднего горизонта верхнего слоя Дьякова городища.

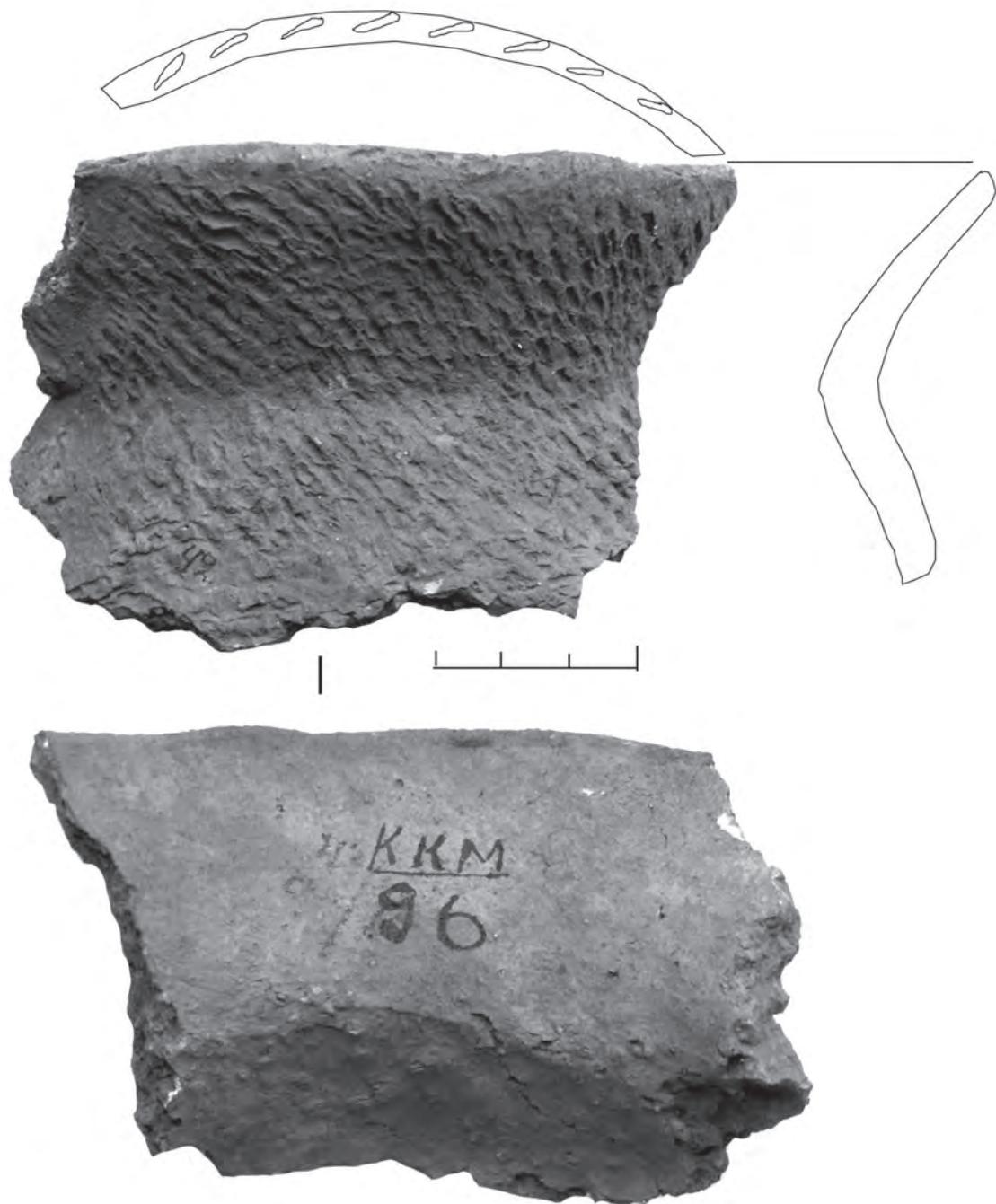

Рис. 32. «Текстильная» позднедьяковская керамика с городища у с. Городищи (Коломна, краеведческий музей).

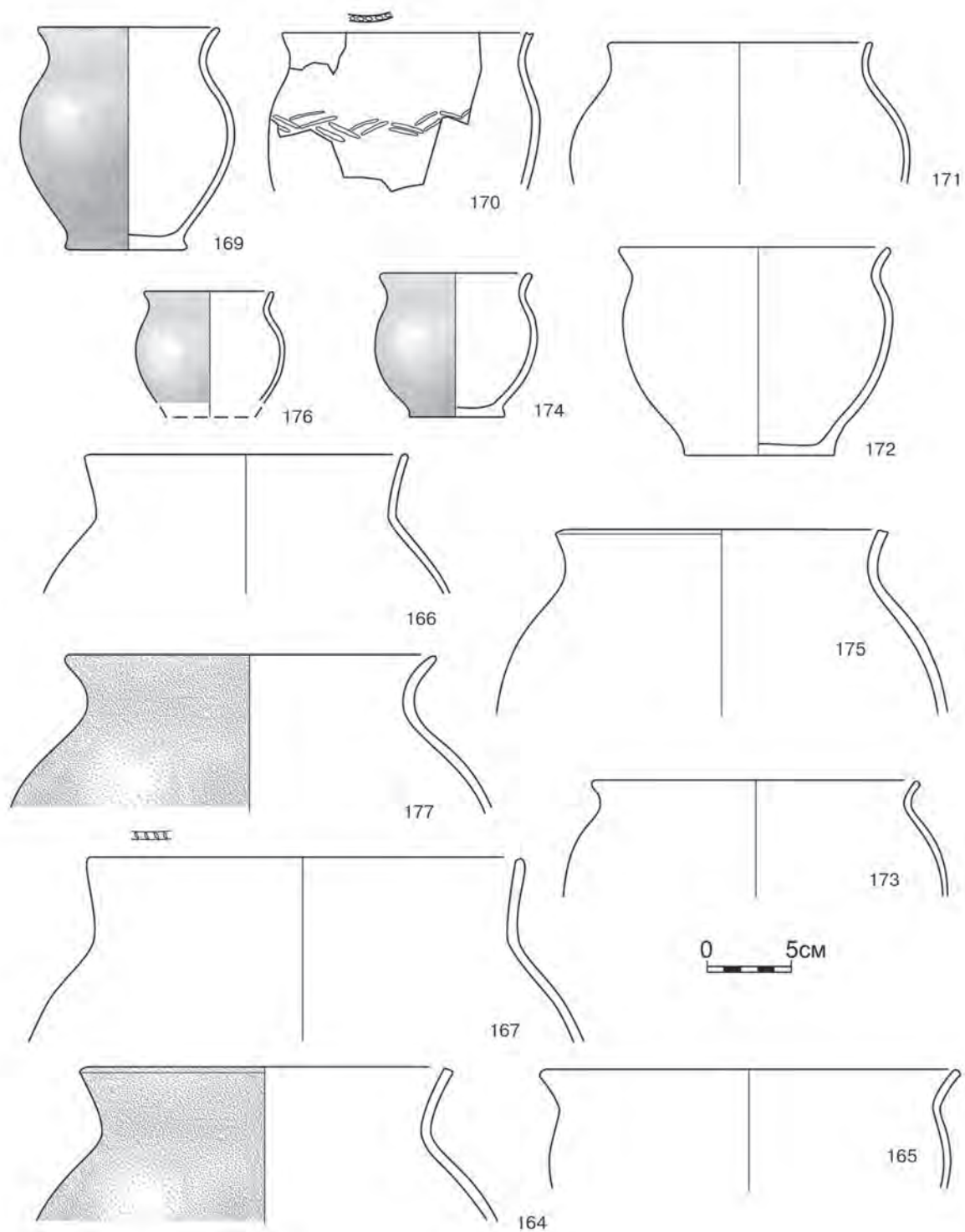

Рис. 33. Горшки из среднего горизонта верхнего слоя Дьякова городища.

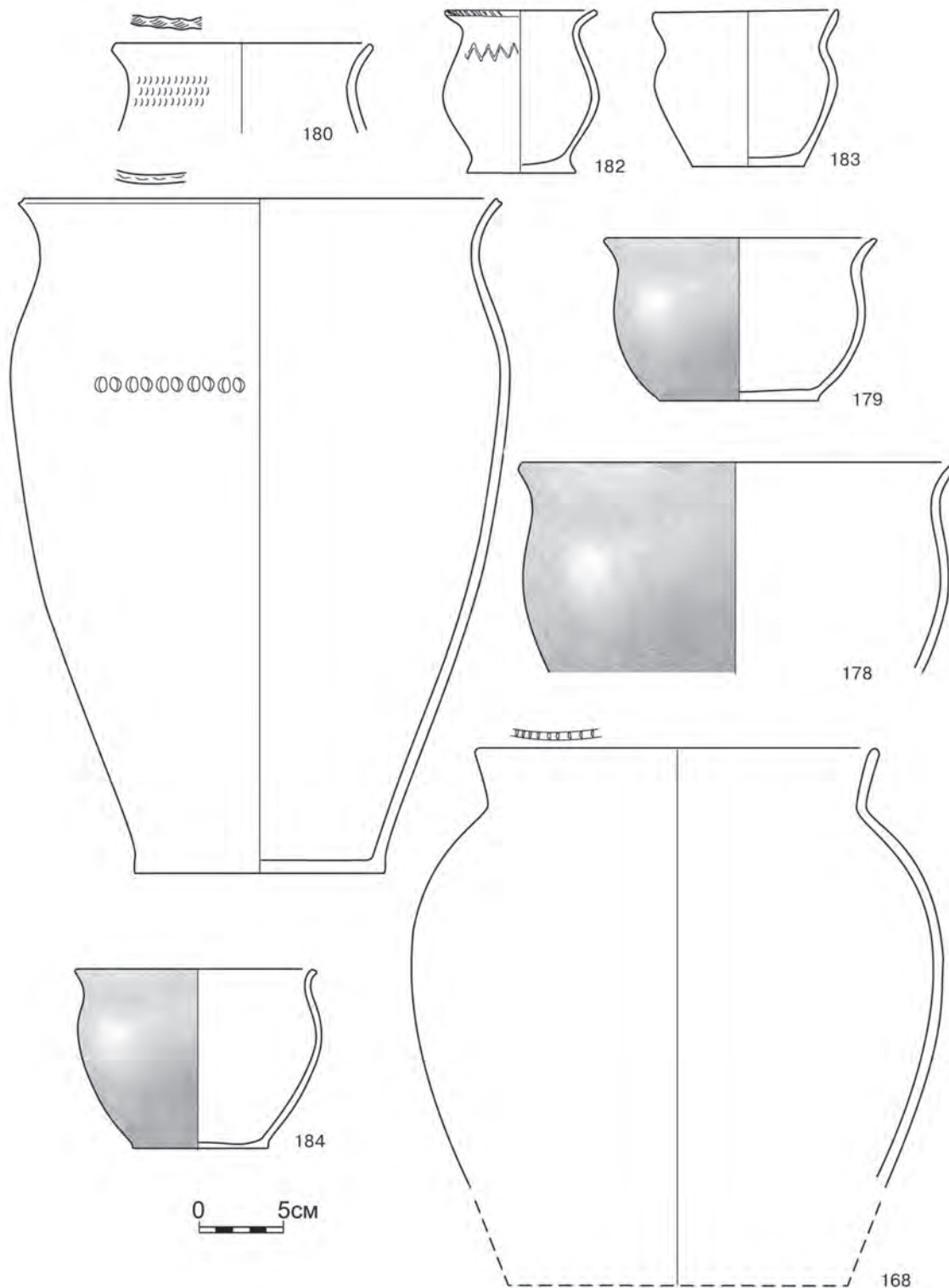

Рис. 34. Горшки из среднего горизонта верхнего слоя Дьякова городища.

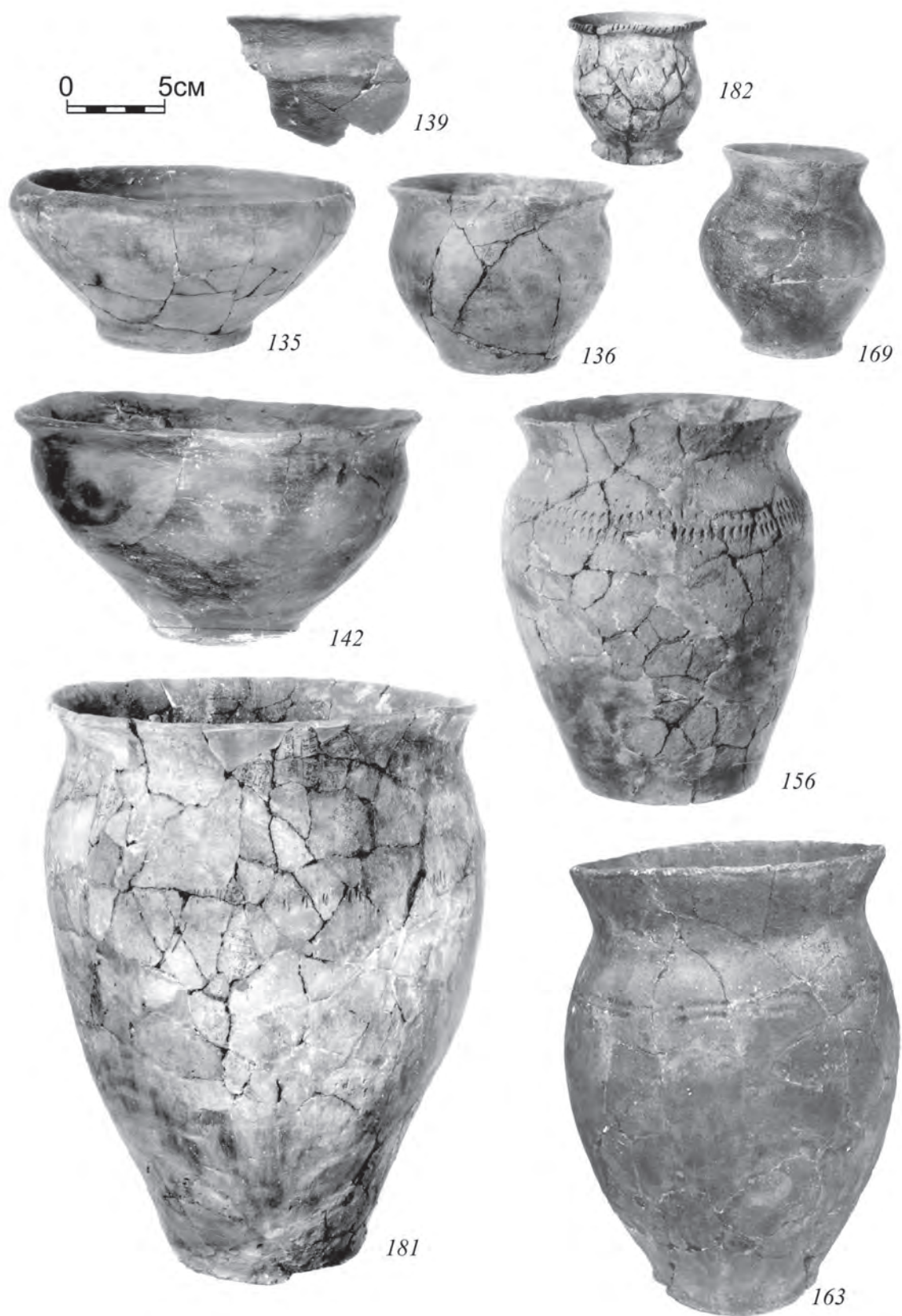

Рис. 35. Горшки из среднего горизонта верхнего слоя Дьякова городища.

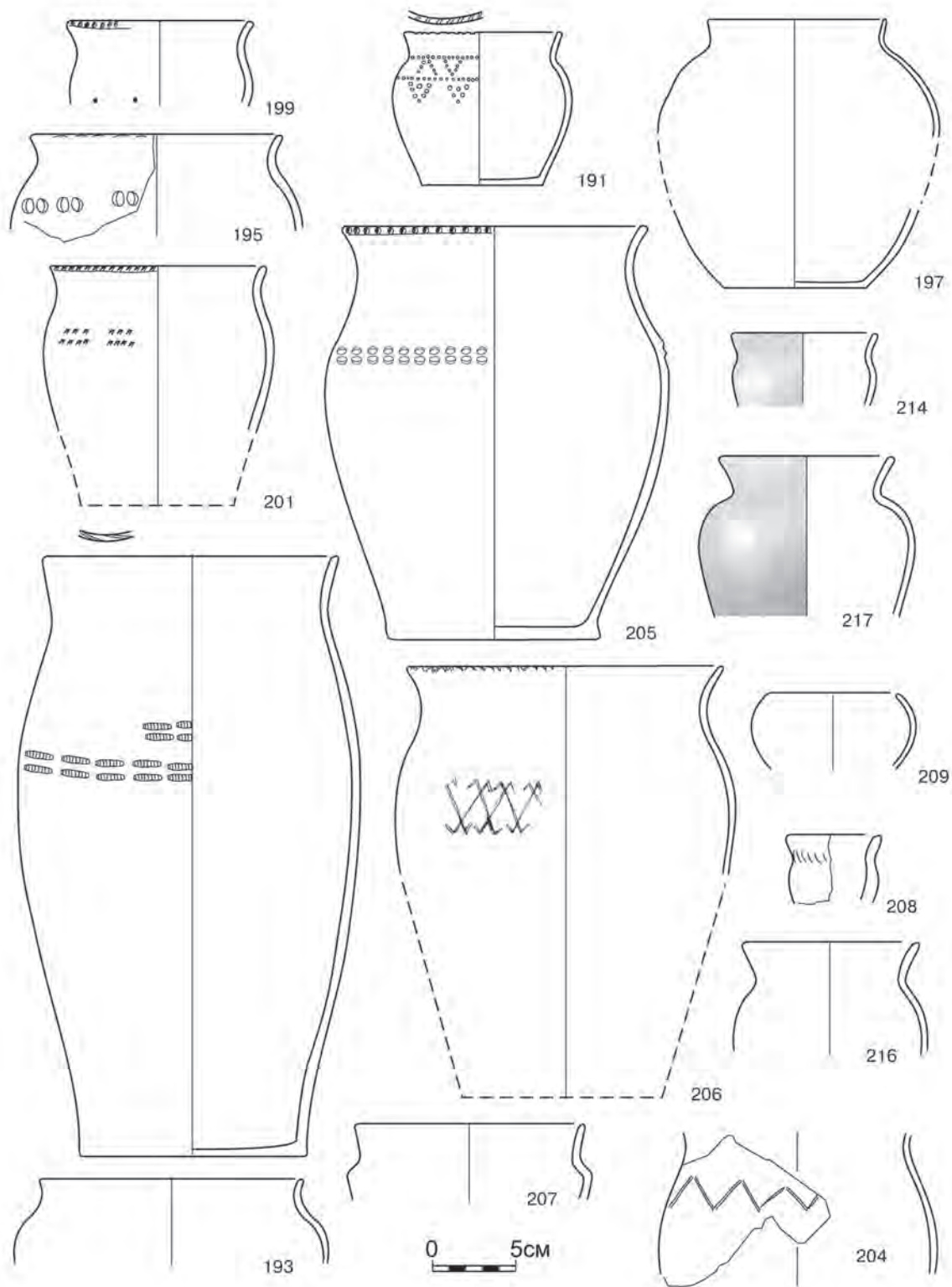

Рис. 36. Горшки из среднего горизонта верхнего слоя Дьякова городища.

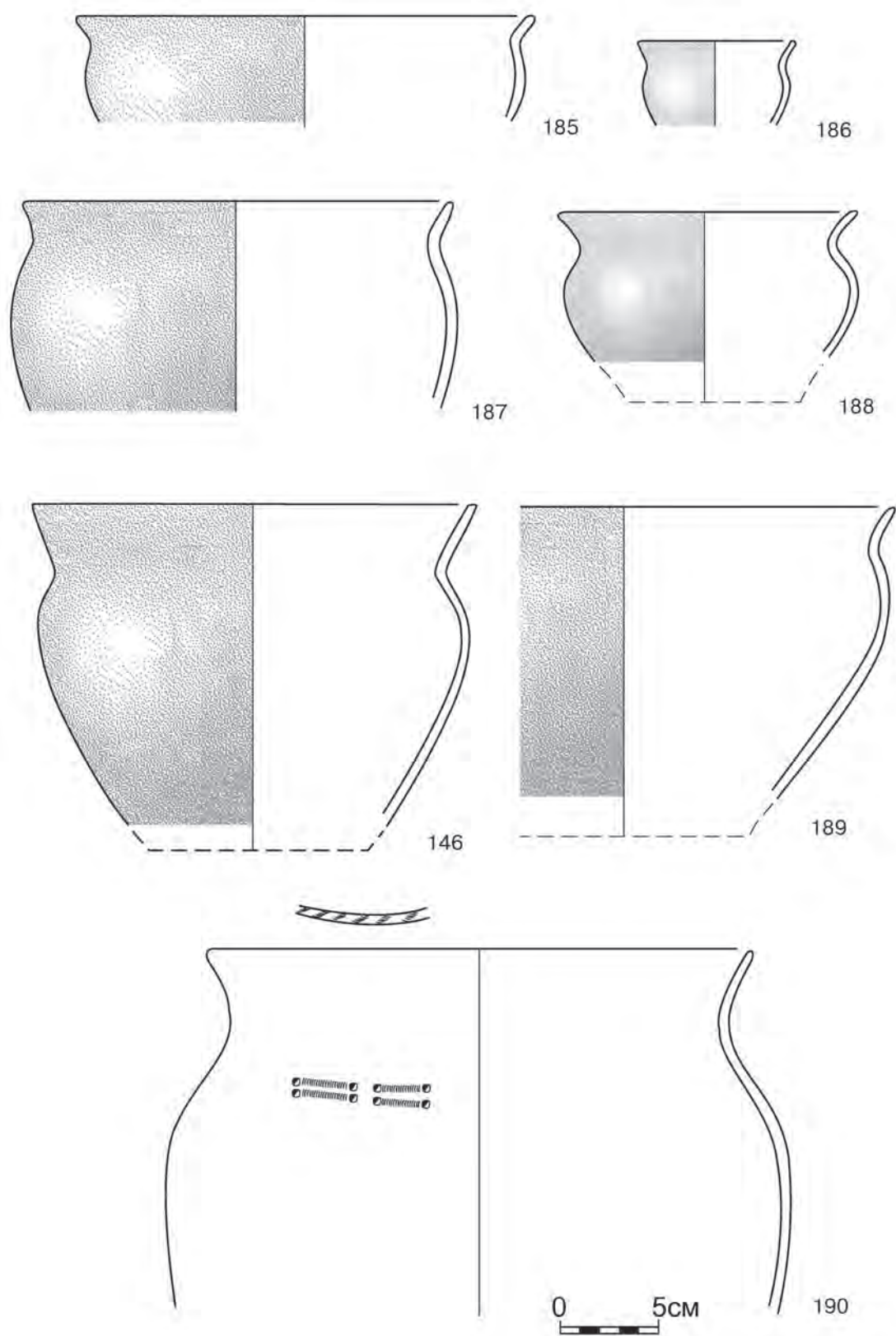

Рис. 37. Горшки из верхнего горизонта верхнего слоя Дьякова городища.

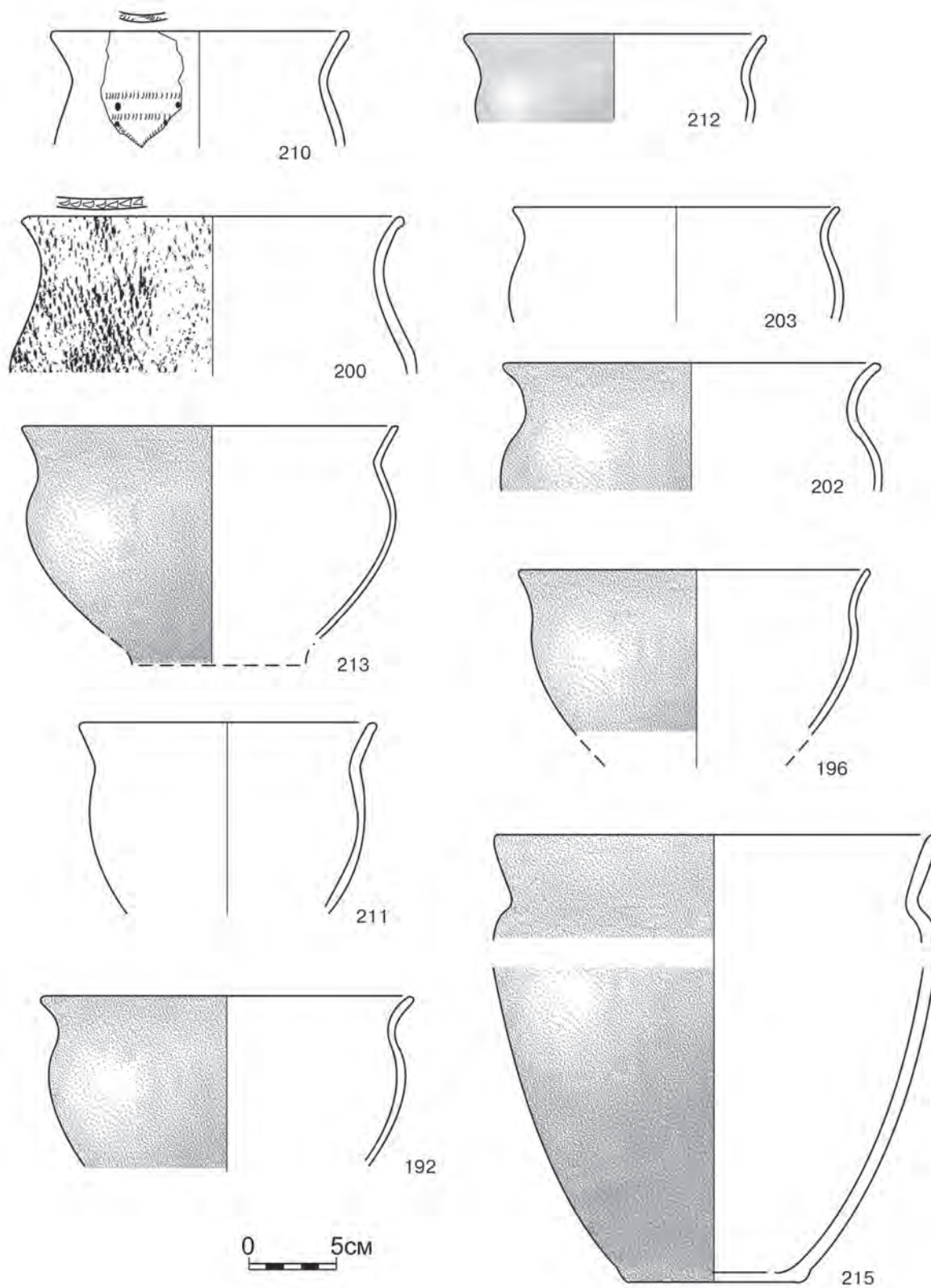

Рис. 38. Горшки из верхнего горизонта верхнего слоя Дьякова городища.

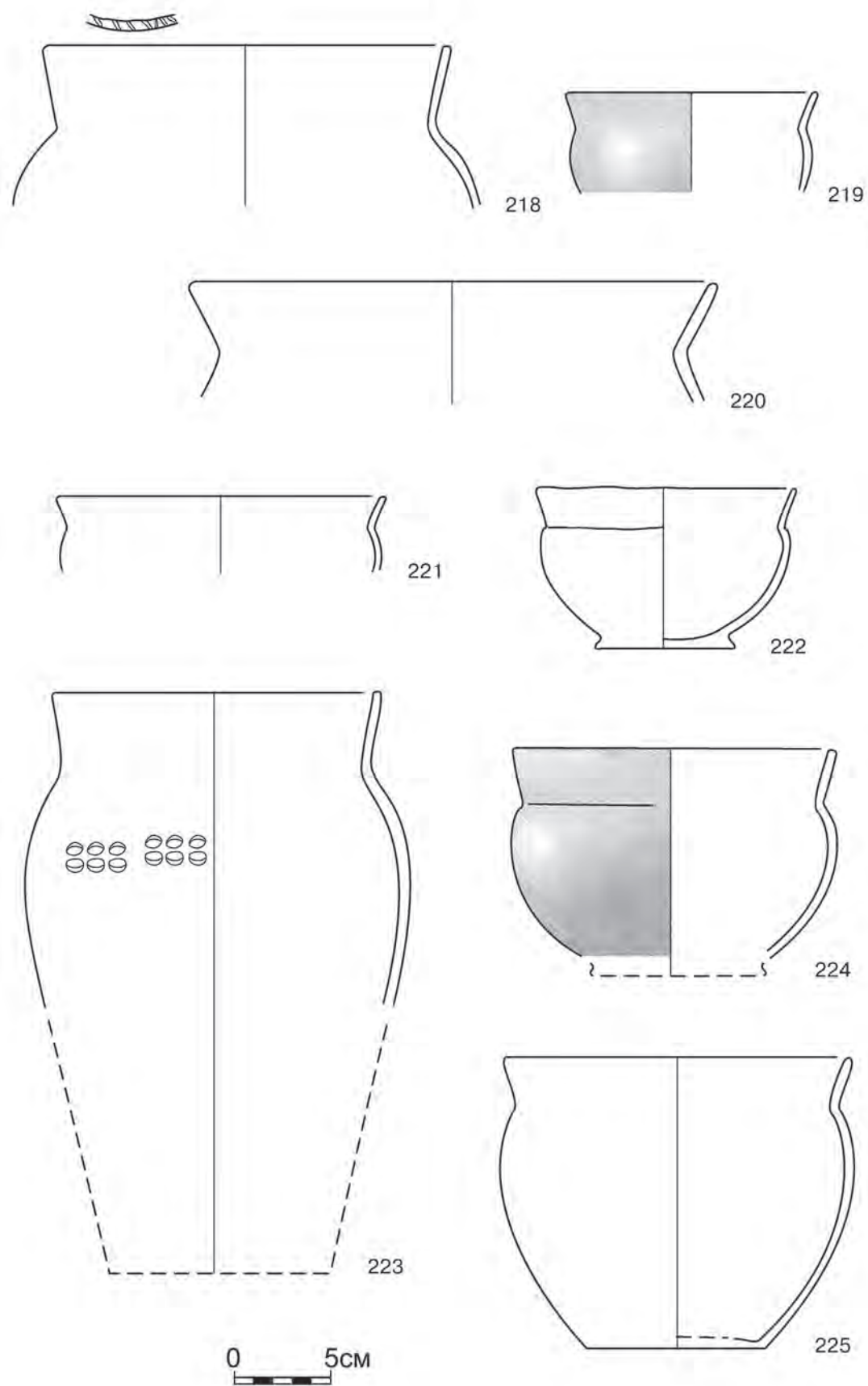

Рис. 39. Горшки из верхнего горизонта верхнего слоя Дьякова городища.

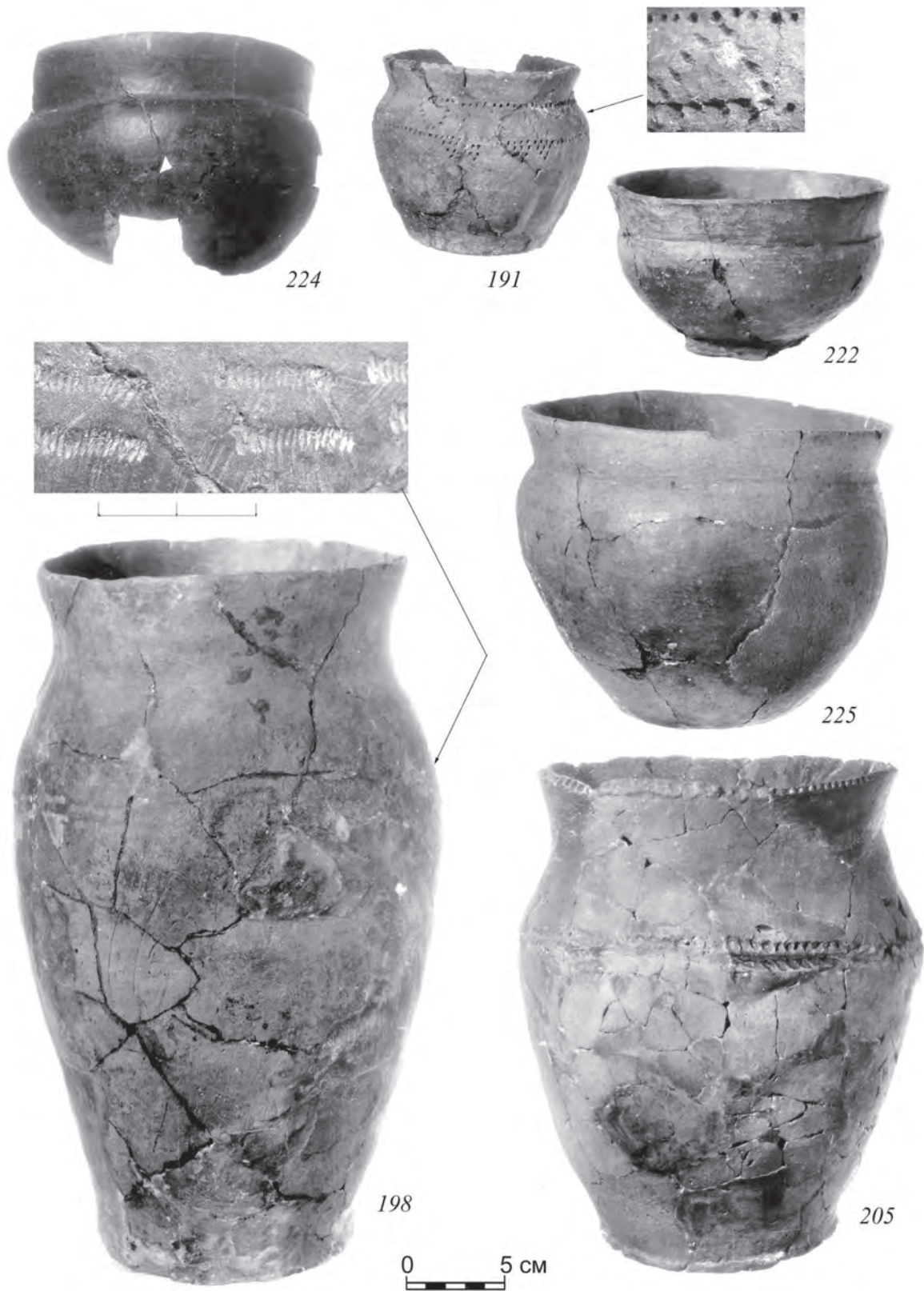

Рис. 40. Горшки из верхнего горизонта верхнего слоя Дьякова городища.

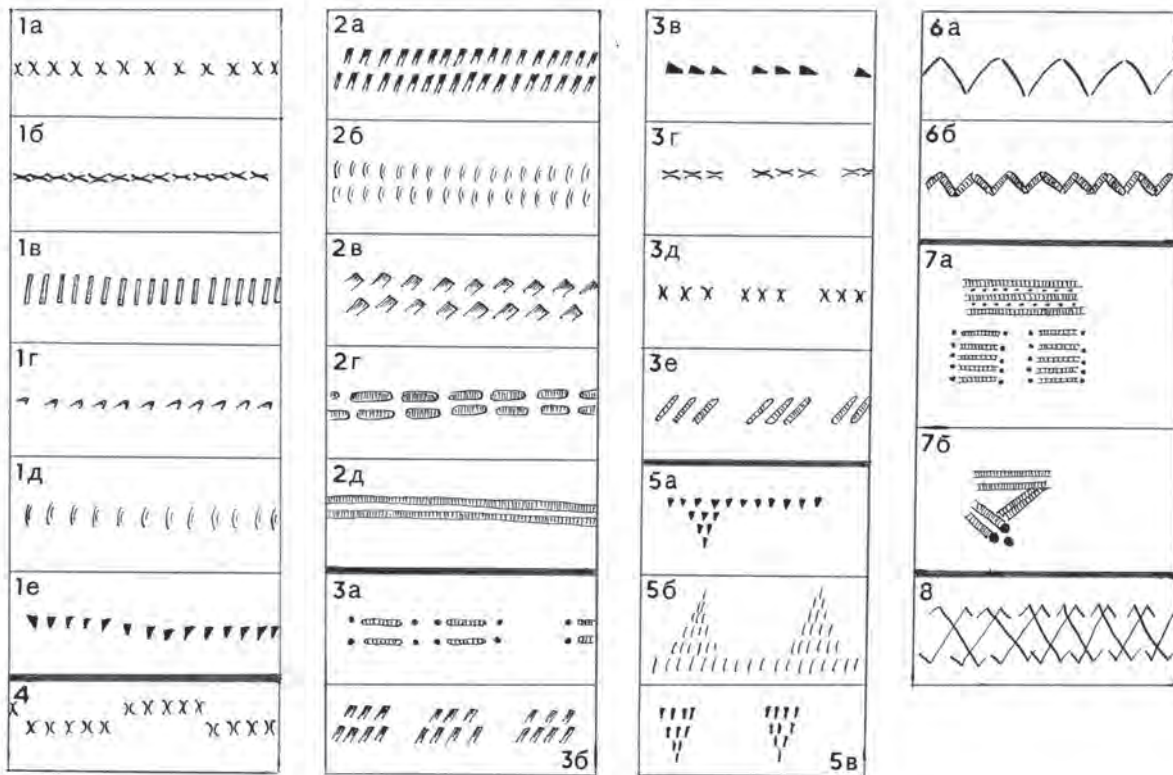

Рис. 41. Типы орнаментов на горшках. Дьяково городище, верхний слой.

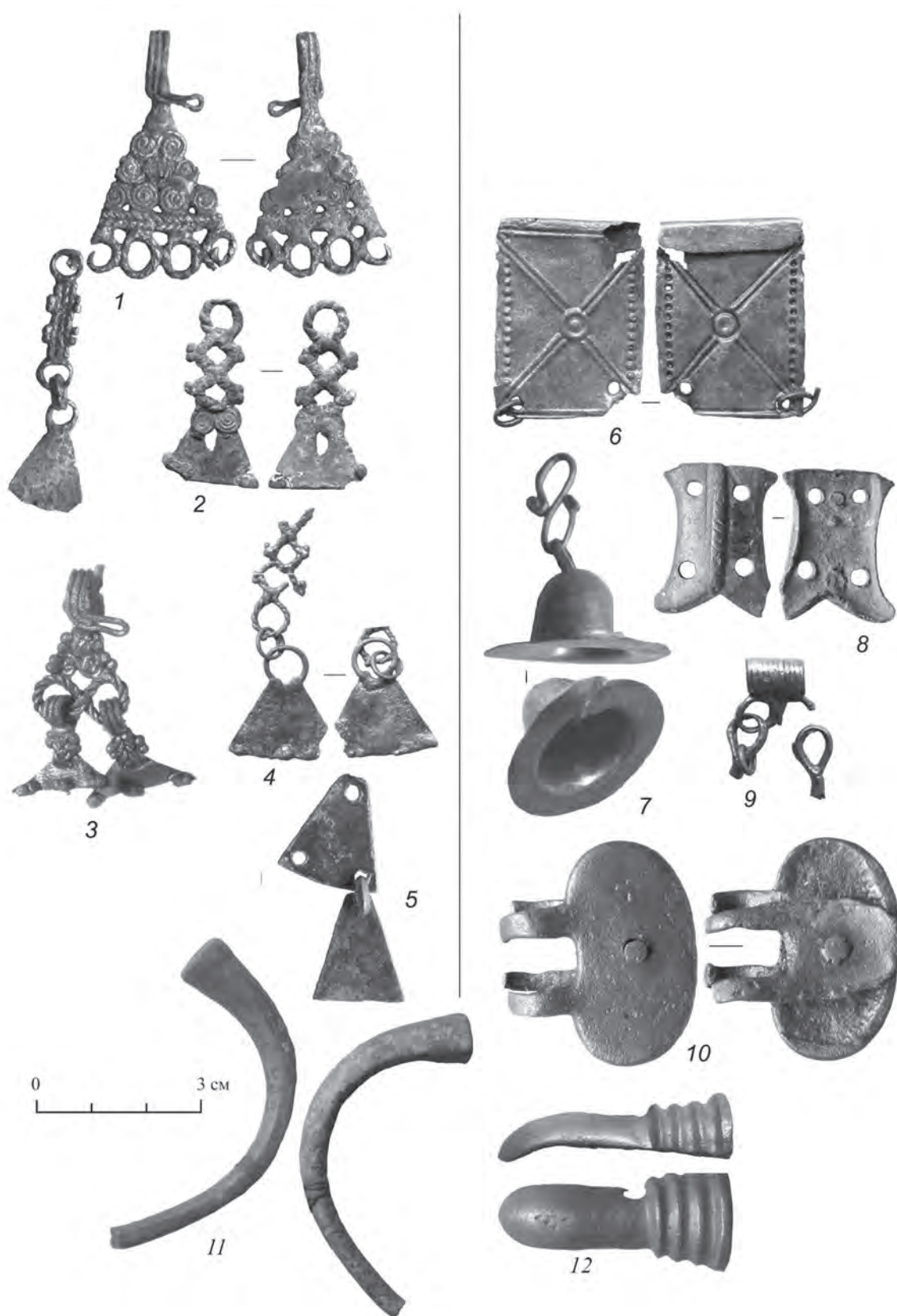

Рис. 42. Вещи, характерные для финального этапа дьяковской культуры. Слева – местного производства; справа – привозные. Городища Дьяково и Луковня 1.

Рис. 43. Горшки из «домика мертвых» на Савино-Сторожевском городище, раскопки Ю.А. Краснова (Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей).

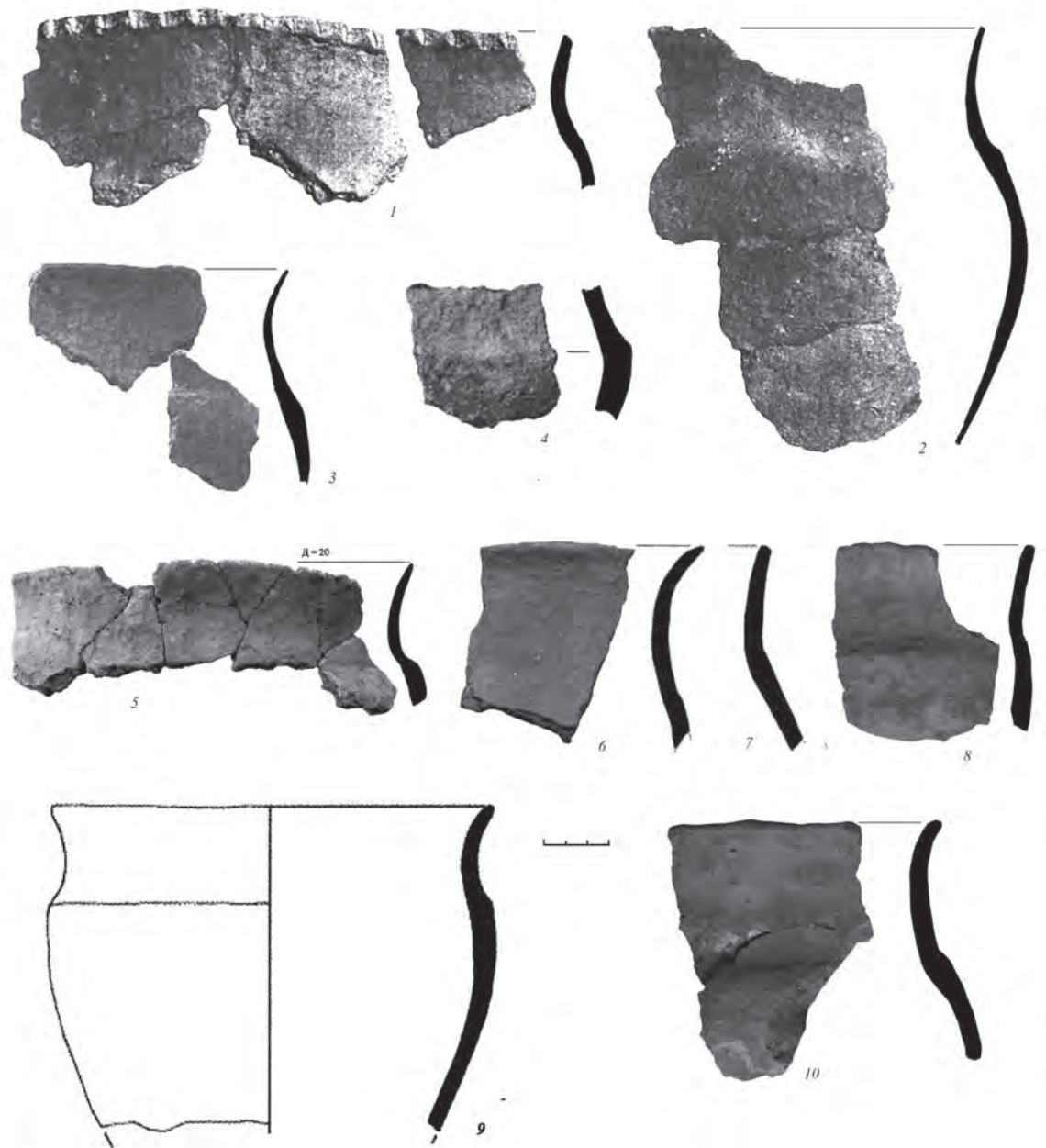

Рис. 44. Керамика «постдьяковского периода» и финала позднедьяковской культуры VII-VIII вв. с памятников Подмосковья 1-5 селище Бородино (по Б.Е. Янишевскому); 6-10 – городище Кикино (по В.И. Вишневскому).

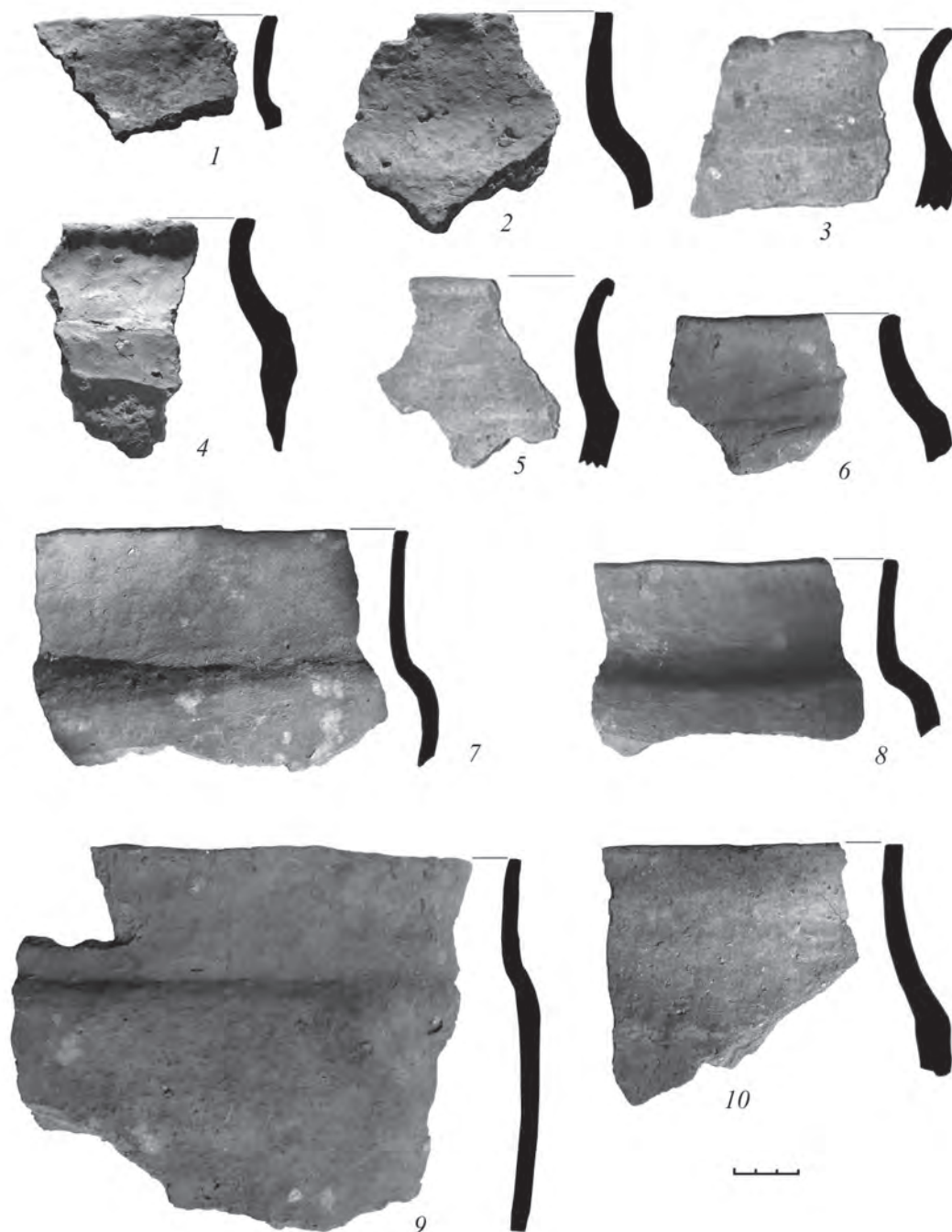

Рис. 45. Керамика «постдыяковского» периода VII-VIII вв. в Подмоскowie и Поочье. 1-4 – селище Болшево 3, по С.З. Чернову, 2009; 5 – поселение Соколова Пустынь (по О.Ю. Потемкиной, 2013); 6-10 – городище Акиньино (по А.М. Воронцову, 2011).

N.A. Krenke
(Moscow)

The Late Diakovo culture on the territory of the Moscow river basin

Summary

The sources on the Late Diakovo culture on the Moscow River are excavation materials of the following hill forts: Troitskoe, Diakovo, Lukovnya 1. In total there are about 200 sites of this type known within the Moscow river basin.

The problem of the Late Diakovo antiquities forming is discussed in the article; three stages of its development are distinguished. The antiquities of post Diakovo development stage are discussed briefly in the article; the hypotheses are introduced explaining the reasons of the Late Diakovo culture disappearance.

The analysis of data relevant for determining the Late Diakovo culture origins led to the conclusion that there are not enough arguments for unambiguous answer; but the hypothesis on cultural influences (and migrations?) that penetrated to the Moscow river basin area from the West and the South-West is more preferable. In the early Late Diakovo complexes the Eastern (including steppe) influence is seen clearly. Numerous artefacts demonstrate that the Eastern influence played a significant role: elongated bone arrows, bone buckles of "Sarmatian type" with fixed tongue, found in series in Diakovo sites (these buckles will be discussed later), bronze adornments that have parallels with Andreevka barrow in Mordovia. Thus, we may speak of Western, Oriental, and local cultural traditions mixing in the Moscow river region, that, apparently, determined the renovated Late Diakovo culture forming. At the initial stage, the specific adornments set was formed, among which umbo-type pendants and various types of sewn-plates are distinguished. The initial period is dated in the range from the 1st century B.C. to the 2nd century A.D. Radiocarbon dates play an important role for chronological framework determination of the Late Diakovo culture initial and middle stages.

The dating of the Late Diakovo culture middle stage corresponds approximately to the "Late

Roman period." The specific features of the local jewelry style formed most brightly in this time; the adornments consisting of small shell-type plates were typical for this jewelry style, "rustling" adornments with moving elements appeared. The ceramics complex is characterized by polished pottery distribution. A significant number of imported goods got into the Moscow River territory during this period. The Eastern Europe style adornments with champlévé enamels got into the region primarily. There are some signs of Sarmatian influence that penetrated into the forest zone. A wide spread of the Moscow river region artefacts beyond the basic Late Diakovo culture territory is noted at the same time. A possible interpretation of these phenomena is the Late Diakovo culture explosion in the Moscow river region in the 3rd-4th centuries A.D.

The middle stage of the Late Diakovo culture has the largest amount of data characterizing the economy. These are carpological materials obtained during flotation of settlements cultural layers, zooarchaeological collections, spore and pollen analysis data. First of all, the agricultural and cattle-breeding character of the sites should be noted, these settlements had resource areas with stable borders.

The final stage of the Late Diakovo culture is dated within the 5th-7th centuries A.D. At this time the significant innovations of material culture are observed along with local specifics preservation and development. These local specifics were common in the preceding stage. Several tens of imported artefacts including bracelets with widened closings, adornments of "heraldic" style, and others have an importance of chronological ranging marks. An important cultural innovation was the spread of casting tin adornments in stone bivalve moulds. The appearance of clay stylized anthropomorphic images in some large hill forts shows that changes occurred in local cult practice. The influence of "Moschino style" appears in ceramics. The number of sites, in

which the final culture stage materials are identified, is reduced compared to the previous stage.

The depopulation of the Moscow river middle stream territory in the 7th century A.D. was caused by some external factors most likely. The post Diakovo complexes with ceramics of so-called the

Upper Volga river set (by I.V. Islanova) were found in small quantities only on the periphery of the Moscow River basin. Probably that particular population became a "bridge" for local toponimic Finnish-Balt nomenclature transmitting to Slavic colonists, which appeared in the region in the 10th century.

Могильник Жеребятино

Н.В. Лопатин (Москва), С.Г. Попов (Санкт-Петербург)

Могильник культуры псковских длинных курганов (ПДК) Жеребятино находится в Гдовском районе Псковской обл., в 1,9 км к северо-западу от д. Жеребятино, близ бывшей мызы Жеребятино – в 640 м (300 саж) от нее (Кудряшов, 1913) в пустоши Воронкино, в 1,8 км от правого берега р. Еглинки, левого притока р. Желчи, впадающей в Чудское оз. (рис. 1; 2).

В 1909 г. три круглых кургана и длинный копал колодцами К. Д. Трофимов; в 1911 г. один длинный и один круглый курганы раскопал (траншеями) К. В. Кудряшов (рис. 3; 4). В 1928 г. могильник был обследован Н. В. Ивановым, в 1974 г. – Н. В. Хвоцинской (паспортизация памятника), в 1989 г. и 1992 г. – С. Г. Поповым (инвентаризация памятников Псковской области). Все 6 курганов, зафиксированные исследователями, сохранились. Три кургана имеют в центре ямы ($6 \times 2 \times 0,5$; $3 \times 2 \times 1$; $2 \times 1,5 \times 0,4$ м) – следы раскопов-колодцев К. Д. Трофимова; два кургана – следы траншей К. В. Кудряшова. Несмотря на то, что ни одна насыпь не исследована полностью, в четырех из них обнаружены погребения по обряду трупосожжения на стороне: курган 1 (длинный) – три (в том числе два с инвентарем), курганы 2, 3, 5 – по одному (в том числе в кургане 2 – с урнами). Согласно публикации К.В. Кудряшова, в раскопанных Трофимовым курганах «никаких находок, кроме глиняных горшков,

кажется, сделано не было» (Кудряшов, 1913, с. 245). Отчет К.Д. Трофимова, однако, свидетельствует, что не было и горшков (см. ниже, приложение 1).

Место расположения памятника не вполне характерно для могильников этой культуры: он находится на сравнительно низком ровном участке смешанного леса рядом с краем обширного мохового болота. Впрочем, насыпи песчаные, что свидетельствует о типичной почвенной приуроченности могильников ПДК. Курганы вытянуты цепочкой с юга на север. С севера и северо-запада низина окаймлена небольшой возвышенностью, а с юга и юго-запада – болотом. По данным К.Д. Трофимова и К.В. Кудряшова, пустошь Воронкино служила когда-то пашней, но ко времени их раскопок на этом месте уже вырос молодой лес.

Находки хранятся в Гос. Эрмитаже (инв. № ГЭ 878). Коллекция поступила из ГАИМК в 1934 г. и была обозначена как «РАО 336», что следует из описи инв. № ГЭ 878. Нумерация находок по РАО 336 соответствует описи, составленной А.А. Спицыным и публикуемой ниже (приложение 2). Материалы издавались и использовались в ряде публикаций (Кудряшов, 1913, с. 244-247; Чернягин, 1941, с. 101, № 31; Седов, 1974, с. 50; Белецкий, 1996, с. 38-39, рис. 18: 3, 4, 11, 13, 17; 19: 4; Михайлова, 2011, с. 78-79; 2014а, с. 22, 60,

75, 150, 288; 2014б). Памятник определен в качестве эпонимного для Псковско-Чудского региона культуры псковских длинных курганов («тип Жеребятино») при обобщении керамических материалов этой культуры (Лопатин, 2003, с. 55; Лопатин, Фурасьев, 2007, с. 93). Архивные материалы находятся в Научном архиве ИИМК РАН, Институте археологии РАН, Археологическом центре Псковской обл. (Спицын, 1911; Трофимов, 1909; Иванов, 1928а, 1928б; Хвощинская, 1974; 1977; Попов, 1992).

В данной публикации объединены все сведения о могильнике, содержащиеся в литературе и архивных материалах, приведены изображения находок, хранящихся в фондах Гос. Эрмитажа¹. Сохранена и продолжена нумерация курганов по К.В. Кудряшову, т. к. она отражена в печатном издании (Кудряшов, 1913). В этой публикации все раскопанные за сезон курганы в разных могильниках имеют сквозную нумерацию, но начальные номера принадлежат двум курганам могильника Жеребятино. Соотношение номеров курганов по разным источникам приводится в табл. 1.

№	Трофимов	Кудряшов	Хвощинская
1	3	1	4
2	–	2	5
3	2	–	3
4	1	–	2
5	4	–	1
6	5	–	–

Характеризуя внешний вид насыпей, К.В. Кудряшов сделал важное замечание: ровики вокруг курганов 3-5 «заметны весьма отчетливо даже при наружном осмотре, чего совсем нельзя сказать относительно здесь же раскопанных курганов № 1 и № 2» (Кудряшов, 1913, с. 245).

Описание курганов 1 и 2 дается по изданию К.В. Кудряшова, курганов 3-6 – по отчету К.Д. Трофимова, публикуемому ниже (приложение 1); при этом ряд подробностей описания оставлен только в тексте отчета. Данные из других источников сопровождаются дополнительными ссылками.

Статья К.В. Кудряшова содержит ряд противоречий, что сказалось на всех последующих публикациях. Противоречия наблюдаются как

внутри текста, так и между описаниями и иллюстрациями, а также между этой публикацией и другими источниками. Во-первых, в начале описания погребения 1 кургана 1 указано, что здесь найдены, в частности, «черепки из грубой глины», в конце же – «черепков не было». Коллекционная опись, составленная А.А. Спицыным и сохранившаяся в архиве ИИМК РАН (см. приложение 2), подкрепляет мнение об испорченности текста публикации: вещи, отнесенные в статье К. В. Кудряшова к погребению 1 (удила, медные пластинки, пряжка и бляшки-скорлупки), в описи отнесены к яме 3. Всё встает на свои места, если два предложения из текста статьи («Кроме того, здесь собраны следующие вещи: ... Черепков не было») переместить к описанию ямы 3. Одновременно можно предположить, что пережженные кости из ямы 3 были определены как лошадиные на том, в частности, основании, что с ними найден целый ряд вещей, которые можно связывать с конской уздой.

Во-вторых, опубликованный продольный профиль кургана (рис. 5: А; Кудряшов, 1913, рис. 1 на с. 245) свидетельствует о том, что яма погребения 3 находилась не «в насыпи над угольно-пепельным слоем», а ниже него, в материке.

В-третьих, текст и иллюстрации по-разному характеризуют положение сосудов в кургане 2 (см. ниже).

На основании изложенных наблюдений сделаны поправки к нумерации и описанию погребений.

Курган 1 – длинный, валообразный, размерами² 49,07 × 9,96 × 0,71 м (рис. 5: А). Имеет уклон с севера на юг (в соответствии с уклоном местности). Окружен заплывшими ровиками. До раскопок К.В. Кудряшова был распахан поперечными бороздами и поврежден несколькими ямами (см. приложение 1). Поперечный профиль показал, что курган насыпан как минимум в два этапа, каждому из которых соответствует горизонт насыпи и ровика. Вероятно, на первом этапе курган представлял собой окруженную ровиком площадку с группой погребений в материке, а затем был досыпан прежде совершения погребения в насыпи. На поверхности материка зафиксирован «угольно-пепельный слой» (тол-

² Здесь и далее пересчитано с округлением из размеров в аршинах и вершках: 1 аршин = 71,12 см; 1 вершок = 44,45 мм. По данным К.Д. Трофимова, 44,81 × 6,4 × 0,89 м; по Н.В. Иванову, 46 × 9 × 1 м.

¹ Рисунки выполнены Н.В. Лопатиным и А.Г. Фурасьевым.

щина до 20 см, по краям выклинивается и не доходит до ровика 2-3,5 м); поверх него «местами проступает угольная прослойка».

Погребение 1. В насыпи, над угольно-пепельным слоем, в круглой яме (вероятно, впущенной с поверхности кургана) диаметром 9 дм. (ок. 23 см) и глубиной 7 дм. (ок. 18 см). Найдены мелкие пережженные кости и «черепки из грубой глины», не орнаментированные.

Погребение 2 (парное). В яме «под угольно-пепельным слоем»: две пары сосудов на расстоянии 20-35 см друг от друга (рис. 6). В каждой паре – урна в нормальном положении с пережженными мелкими костями и накрывающий ее сосуд. Судя по плану кургана (Кудряшов, 1913, рис. 2 на с. 245) и данным о диаметрах накрывающих сосудов (по 25 см), яма имела округлую слегка удлиненную форму (в большом поперечнике не менее 75 см).

Погребение 3 (возможно, конское). Яма «глубины и ширины по 9 вершков» (40 см) находилась, вероятно, под насыпью, в материке³. В ней найдены «мелкие, а также и крупные, пережженные лошадиные кости». «Кроме того, здесь собраны следующие вещи: железные удила, 4 обломка медных украшений-пластинок, железная пряжка, медные выпуклые бляшки» (рис. 5: Б).

Курган 2. Судя по следам траншеи, зафиксированной Н.В. Хвоцинской, под номером 2 у К.В. Кудряшова значится небольшой курган, находящийся к западу от северной оконечности кургана 1 (и всей цепочки из пяти курганов в целом) и К.Д. Трофимовым не замеченный. Его диаметр 11,38 м, высота – 0,5 м. Насыпь песчаная, сильно распаханная, пологая. Окружен заплывшим ровиком, в заполнении которого – горизонтальная угольная прослойка. На материке – «угольно-пепельный слой» толщиной до 18 см, который не доходит до ровиков 1-1,5 м. Поверх него в средней части кургана угольная прослойка протяженностью 4,25 м (рис. 7: А).

Погребение 1 (парное). В центре насыпи, на глубине около 5 см от ее верха, найдены две пары глиняных горшков с мелкими пережженными костями (рис. 7: 2-5), находившиеся над угольной прослойкой. Согласно описанию К.В. Кудряшова, внутренние сосуды вставлены во внешние вверх дном. Однако если полагаться на опубликованный профиль кургана, то в та-

ком положении была только одна пара горшков, а вторая урна была поставлена в нормальном положении и накрыта перевернутым сосудом (рис. 7: А). Обломок медного браслета (рис. 7: 1) найден в просеянной земле, взятой с площадки, на которой стояли горшки.

«Обломка тонкой пряжки» (по описи А.А. Спицына № 10) ни в описании, ни в коллекции нет.

Курган 3. Круглый, диаметром 10,87 м, высотой 1,78 м (рис. 8: правый верхний). Ровик слабо заметен.

Погребение 1. «Кучка пережженных человеческих костей» диаметром до 6 вершков (27 см) обнаружена неподалеку от центра кургана, на глубине 17-20 см под дерном.

Курган 4. Круглый, «сопочного характера», диаметр 16,3 м, высота 2,5 м (рис. 8: левый верхний). Ровик хорошо сохранился и не заплыл землей. Стенки его крутые, дно закругленное, ширина 7 вершков (30 см), глубина 5 вершков (22 см, рис. 8: справа внизу). С востока в ровике перемычка. В основании насыпи – «угольно-зольный слой» до 20 см толщиной. На вершине прорыта глубокая и широкая кладоискательская яма. Погребение не обнаружено.

Курган 5. Удлиненный, размерами 16,36 × 11,38 м, высотой 1,96 м (по данным Н.В. Иванова, 15 × 10 × 1,5 м). В документации К.Д. Трофимова имеет подпрямоугольную форму (рис. 8: внизу слева); на более поздних планах форма овальная. В профиле более пологий, чем соседние круглые курганы. Ровик аналогичен ровику кургана 4, имеет 2 перемычки – с северо-запада и северо-востока.

Погребение 1. «Кучка пережженных человеческих костей» диаметром до 6 вершков (27 см) найдена в СЗ части насыпи, недалеко от центра, на глубине 55 см от верха насыпи.

Курган 6. Круглый, сильно попорчен и распахан, вокруг – едва видимые следы ровика. По данным К.Д. Трофимова, диаметр 6,75 м, высота – менее 0,7 м. Не копался.

Описание находок

Таким образом, в курганах 1 и 2 были открыты довольно редкие по многочисленности инвентаря комплексы, в том числе в двух из них находилось по четыре сосуда. Исходя из описей и инвентарных номеров, а также размеров реконструируемых сосудов, довольно уверенно составляются четыре пары горшков, служивших

³ В этом элементе описания мы отдаем предпочтение графической документации К.В. Кудряшова.

урнами и накрывающими сосудами. Вся керамика груболопная, с примесью крупной дресвы, форма профилей верхней части одного и того же сосуда бывает разнообразной (рис. 7: 4), поэтому зарисовывались несколько профилей каждого горшка (на рисунках обозначены буквами). В коллекции Гос. Эрмитажа инв. № ГЭ 878 керамика из кургана 1 имеет номера с 1 по 10, а из кургана 2 – с 16 по 20.

Керамика из кургана 1 (п. 2) представлена многочисленными фрагментами, отчасти склеенными между собой. Все черепки грубые, с примесью дресвы, частицы которой в поперечнике имеют в среднем 3 мм, а отдельные включения достигают 7-8 мм. Один сосуд полностью реставрирован (рис. 6: 3), остальные обломки с высокой вероятностью можно распределить по трем горшкам. При этом часть фрагментов, скорее всего, относится к упомянутому целому сосуду, поскольку в нем значительная доля дополнена гипсом. Отличительная особенность этого горшка – присутствие розового непрозрачного минерала в составе частиц дресвы (в отличие от белого в других). Ясно, что два меньших сосуда служили урнами, а два больших накрывали их. Инвентарные номера не соответствуют отдельным сосудам (см. рис. 6, прил. 2: дополнительная колонка) – очевидно, вследствие того, что шифровка разрозненных фрагментов осуществлялась ранее их склейки.

Четыре сосуда из кургана 2 идентифицируются однозначно. Два сохранились целиком, два – фрагментарно. Примесь дресвы такая же.

Один из сосудов в верхней части декорирован оттянутым валиком (рис. 7: 5). Валик проходит на расстоянии 35-45 мм от края, его линия неровная (на рисунке валик показан условно, в соответствии с профилями). В целом поверхность сосуда грубая, но в верхней части заметны зоны, подвергавшиеся лощению. Возможно, поверхность с лощением частично отслоилась и осыпалась. Этот сосуд подобен ряду ребристых горшков (грубых и подлощенных), встреченных в погребениях культуры псковских длинных курганов в западной и южной частях ее ареала: Сторожинец (курган 25, погр. 16), Володи (курган 2), Безьва III, курган 1 (Чернягин, 1938, л. 82, л. 86), Арнико, Сууре-Рысна (курган 9, погребение III) (Аун, 1992, рис. 49; табл. XLII: 1), Дорохи (Штыхов, 1972, рис. 8; Лопатин, 2003, рис. 6: 5), Субовщина (Шадыра, 1995. Мал. 2: 1, 2; Лопатин, 2003, рис. 5: 3) и в ряде других могильников (Белецкий, 1996, рис. 18, рис. 20).

Курган № 25 в могильнике Сторожинец, откуда происходит подлощенный ребристый горшок, узко датируется суммарным анализом 9 радиоуглеродных датировок 670–725 гг. н.э. (cal AD, 1 σ) (Попов, 2012, с. 135, рис. 23, 24).

Формы сосудов – слабопрофилированные разных вариантов, пропорции – приземистые: у целых форм высота примерно равна наибольшему диаметру. Такие пропорции характерны для Псковско-Чудского региона культуры длинных курганов (Лопатин, 2003, с. 55) Согласно опубликованной типологии (Лопатин, 2003, рис. 1), определяются следующие типы: 2 – предположительно (рис. 6: 4), 4 (рис. 6: 3), 4 или 8 (рис. 6: 1, 2), 7 (рис. 7: 2), P-4 (рис. 7: 5). Верхняя часть крупного сосуда (рис. 7: 4) не может быть однозначно определена ввиду сильной асимметричности на фоне небольшой доли сохранившегося профиля. Отдельные участки этого сосуда могут принадлежать типам 4, 9, 11. Еще один целый сосуд (рис. 7: 3) имеет редкую для данной культуры форму, при этом лишенную ярких отличительных признаков. Возможно, в последних двух экземплярах отразилось наследие керамики «баночных» форм местных культур раннего железного века.

Металлические вещи из погребения 3 кургана 1 (обоснование нумерации погребений см. выше) исследователи резонно интерпретируют как часть набора уздечки с удилами (Михайлова, 2014б, с. 78-79). Железная пряжка (у Е.Р. Михайловой значится как бронзовая) имеет нечеткую овальную форму (рис. 5: 2). Ни материал, ни морфологические признаки не дают оснований для датировки более узкой, чем V-VII вв. (Михайлова, 2014а, с. 28).

Бронзовые обоймы с заклепками (рис. 5: 1, 3-5) по форме и декору типичны для ременной гарнитуры КПДК – бляшек и обоек, изготовленных из тонкого металлического листа и орнаментированных тиснеными выпуклыми валиками и точками. Три обоймы, перегнутые по продольной оси (рис. 5: 3-5), находят аналогии как в пределах Псковского региона (Лезги, курган 6), так и в Северной Польше – в могильнике Новинка второй половины VI – начала VII в. (Михайлова, 2014а, с. 61). Еще одна обойма, с поперечным перегибом (рис. 5: 1), у Е.Р. Михайловой не учтена, зато ею собраны аналогичные предметы (Михайлова, 2014а, рис. 11: 1-10). Эта обойма могла бы служить щитком для вышеописанной пряжки, но не имеет прорези для язычка, поэтому ее следует считать наконечником ремня.

Говорить об узкой хронологии подобных ременных деталей пока преждевременно. Так, ременная обойма этого круга предметов из круглого низкого кургана № 7 Сторожинецкого могильника может быть отнесена (по данным радиоуглеродного анализа) к последней четверти IX – третьей четверти X в. (Попов, 2012, с. 102, рис. 5, 1). Из четырех найденных бронзовых бляшек-скорлупок (рис. 5: 6-9) у двух сохранились по одной скобочке для крепления, загнутой на обороте; остальные утрачены. Эти бляшки ныне датируются широко – от VI в. вплоть до начала XI в. (Михайлова, 2014а, с. 50).

Систематизация пластинчатых украшений из псковских длинных курганов позволила Е.Р. Михайловой отнести рассматриваемый комплекс из Жеребятино к числу наиболее ранних в культуре (Михайлова, 2014а, рис. 51: 11).

Двучленные железные удила, подобные жеребятинским, были широко распространены на протяжении длительного времени в Восточной Европе (Михайлова, 2014а, с. 153-154, рис. 39). Ближайшие аналогии – удила из погребения лошади (№ 10) в длинном кургане 154 могильника Залахтово (Хвошинская, 2004, с. 25-26, табл. III, 1).

Находку из кургана 2 (рис. 7: 1) Е.Р. Михайлова определяет предположительно как обломок браслета «типа Володи» – полутораоборотного (точнее – в 1,25 оборота) изделия с одним пластинчатым расширяющимся концом. Этот тип принадлежит к числу хронологических индикаторов I периода КПДК – конец V – середина VI в. (Михайлова, 2014а, с. 75, 204). Собственно из Володей происходит пара серебряных браслетов, а ближайшие аналогии из бронзы – с городища Сторожинец – один целый (Попов, 1989, рис. 3, 17) и часть другого (Роров, 2009, s. 429-432, Fig. 3, 16, 17). На городище они относятся к ранней категории длиннокурганных находок и могут быть датированы по совокупности данных не позднее VI в. Отличительная особенность этих уникальных браслетов с уплощенными концами – асимметричность. Более широкий конец браслетов свернут в трубочку наружу, другой – плавно скруглен и имеет сечение плоское или в виде сегмента (предметы из Володей). Уплощенные части браслетов украшены орнаментом из треугольных и круглых насечек, наделены по краям продольными слабо намеченными каннелюрами, а более широкая из них – дополнительно по центру такой же каннелюрой.

Вернемся к жеребятинскому фрагменту браслета. Его пластинчатая часть имеет также три продольных каннелюры, но ее переход к дробовой части обладает не столь плавными очертаниями, как у «классических» аналогий. Каннелюры более жестко выделены. Отсутствуют как трубочка на конце браслета (эта часть не сохранилась), так и орнамент. Указанные отличия могут свидетельствовать о некотором периоде развития формы, и вряд ли имеет смысл предполагать более узкую датировку комплекса, чем весь VI в.

Последняя дата, по нашему мнению, наиболее вероятна для всех известных нам погребений могильника Жеребятино.

Приложение 1

Раскопки курганов, произведенные в 1909 году К.Д. Трофимовым близ имения Жеребятино С. Петербургской губернии, Гдовского уезда Полновской волости (Трофимов, 1909).

Отчет о раскопках курганов близ имения Жеребятино СПб губернии Гдовского у. Полновской волости.

Изображенная на рис. 1⁴ в плане группа курганов находится в версте от имения Жеребятино на земле Ф.Н. Никандрова и расположена среди густого мешаного леса в низине, окаймленной с С и СЗ сторон возвышенностью, а с Ю и ЮВ сторон моховым болотом, поросшим чахлым хвойным лесом. Невдалеке протекает река Еглина, приток р. Желчи, впадающей в Чудское озеро, берега которой во многих местах изобилуют курганными группами, подобными изображенной на прилагаемом чертеже.

Описываемая группа состоит из трех курганов круглых и двух длинных, причем последние сильно разнятся по наружному виду устройства насыпей. Но в том и другом типе курганов замечается некоторое сходство в устройстве вокруг всего основания глубоких ровиков шириною 7 и глубиною 5 вершков. В курганах № 1 и № 4 они настолько хорошо сохранились, что даже не заплыли землей. У курганов № 2 и № 3 ровики заметны, но не так ясно как в предыдущих. Что же касается кургана № 5, то там остались только едва видимые следы канавки, окружавшей кур-

⁴ Рис. 8 нашей публикации. Следующие за ним рис. 2-5 находятся на одной таблице (в нашей публикации обозначена как рис. 9).

ган. Причина исчезновения ровиков в курганах №№ 2, 3 и 5 объясняется тем, что еще в недавнее время здесь была пашня.

Устройство ровиков видно из прилагаемого рис. № 5. Бока в них довольно круты, а дно закруглено. Разрез сделан с очищенного от дерна и прокопанного поперечной траншеей ровика, стороны которого тщательно пронивелированы.

В курганах № 1 и № 4 сохранились перемычки – в № 1 с В стороны, а в № 4 с СВ и СЗ сторон, причем перемычки эти были оставлены при самом устройстве канав в грунте. В кургане № 4 перемычки расположены почти на углах С стороны и между собою не равны. СЗ перемычка имеет в длину 5 а., а перемычка СВ угла – шесть. В кургане № 1 она равна всего 4,5 а.

Форма круглых курганов в разрезе сегментобразная, близкая к полушарой. Боковые скаты курганов не очень круты. В длинном кургане № 4 разрез продольной и поперечной оси виден из рис. № 4. Разрез почти тот же самый, что и в круглых курганах и разница лишь заключается в широкой несколько выпуклой площадке и в более пологих скатах.

Длинный курган № 3 представляет собою прямой вал с пологими скатами. Узкие стороны закруглены.

Все пять курганов расположены в одну линию, ориентированную почти правильно с Ю на С (незначительное отклонение заметно в СВ направлении). Высота и остальные размеры в них не одинаковы. Центральный курган № 1 сопочного характера имеет следующие размеры: высота 3,5 а., окружность 72 а. курган № 2 – высота 2,5 а., окр. 48 а. Курган № 3 – высота 1,25 а., длина 63 а. и ширина 9 а. Курган № 4 – высота 2,75 а., длина 23 а. и ширина 16 а. Курган № 5 в окружности имеет всего 29 а., высота очень незначительна – менее аршина, что, вероятно, произошло вследствие распашки.

Сохранность насыпей плохая. Все они более или менее попорчены сохой и кладоискателями, за исключением № 4, очень хорошо сохранившего свою форму и совершенно еще не потревоженного. Все насыпи из желтого местного песка. Устройство их любопытно в том отношении, что курган насыпался на естественном возвышении местности, которое, по насыпке кургана, немного обрезалось и таким образом насыпь кажется гораздо выше, чем она есть в действительности. Ровики также прокапывались в грунт и с противоположных насыпям боков заметен небольшой уклон (по направлению

к ровикам). Курганы насыпями своими почти соприкасаются между собою.

Внутреннее устройство насыпей и заключающихся в них погребений во всех курганах почти одинаковое. В основании курганов того и другого типа находился довольно толстый слой (до 4 вершков) золы с редкими угольками. В № 1 углей было значительное количество, и угольно-золенный слой простирался до краев основания. В длинном кургане № 3 слой золы едва заметен.

Курганы, видимо, были насыпаемы над остатками истлевшего кострища, так как, кроме золы и углей, лежавших в основании каждой насыпи, можно было наблюдать побелевший от действия огня желтый песок грунта. В курганах № 2 и № 4 были найдены кучки пережженных человеческих костей, по одной в каждом кургане. Кости найдены в размельченном виде, и среди них не было найдено ни одного предмета, который бы дал возможность датировать памятники. Не было также найдено ни черепков, ни горшков. В кургане № 2 кости оказались лежащими на глубине 0,25 а. под дерном, в кургане же № 4 – кучка находилась в СЗ части насыпи на глубине 0,75 а. от верха кургана. Диаметр их в том и другом случае не превышал 6 вершков при высоте в 2,5 вершка (рис. 3 и 4).

В насыпи № 1-й кроме зольно-угольного слоя в 0,25 а. толщины ничего не найдено, что объясняется, вероятно, глубокой и широкой кладоиск. ямой, прорытой на самой вершине, благодаря чему кости могли быть вырыты и выброшены (рис. 2).

Длинный курган № 3 сильно распахан поперечными бороздами. В нем, по всей длине, было прорыто несколько колодцев, которые позволили установить следующую картину. В основании всей насыпи идет тонкий золенный слой с редкими угольками. Ни костей, ни вещей не найдено, что может быть объяснено распашкою, а возможно и то, что при копании колодцами не удалось напасть на присутствие костей или вещей.

Курган № 5 раскопан не был.

На прилагаемых к сему отчету рисунках изображено: на рис. 1 план курганной группы близ им. Жеребятино. У курганов № 2 и № 3 ровики намечены пунктиром, как слабо заметные. Курган № 5 также изображен пунктиром, как попорченный и распаханый. Масштаб для плана взят аршин в одном м/м-е. Рис. 2 представляет разрез и план кургана № 1. Точками на плане представлен угольно-золенный слой. То же самое изображено на планах курганов № 2 и № 4. Продольные

и поперечные разрезы насыпей пронивелированы и масштаб для рисунков 2, 3 и 4 дан 1/3 см в аршине.

К. Трофимов
P.S. Под «скатами» нужно подразумевать бока курганов.

Приложение 2

Перечневая опись предметам древностей, доставленным К.В. Кудряшовым из раскопок, произведенных в 1911 г. в Гдовском уезде Санкт-Петербургской губернии (Спицын, 1911, л. 63).

		№№ кург.	Примечания	№ по ГЭ 878 ⁵
1.	Черепки от разб. горшка выс. 7.5 д.	1	длинный курган ("богатырь")	1-10
1а.	То же другого типа			
2.	То же			
3.	То же			
4.	Черепки с несколькими костями			
5.	Жел. удила от конского набора	1 яма 3-я		14
6.	4 обломка украшений от конского набора	–	кург № 1 яма 3-я	11, 12
7.	Железная пряжка	–	“	15
8.	Бронзов. пуговицы (-а?)	–	“	13
9.	Угольки и пережж. кости	–	“	–
10.	Обломок тонкой пряжки	2		–
11.	Обломок тонкого серебр. (зачеркнуто – сверху: “медн.”) браслета	“		21
12.	Пробирка со слоем белого песку	–		–
13.	Горшок глиняный, без орнамента	–		16
14.	Черепки от другого горшка, бывшего внутри горшка под № 13	–		17
15.	Черепки от остальных 2-х горшков	–		18-20

⁵ Столбец добавлен авторами публикации.

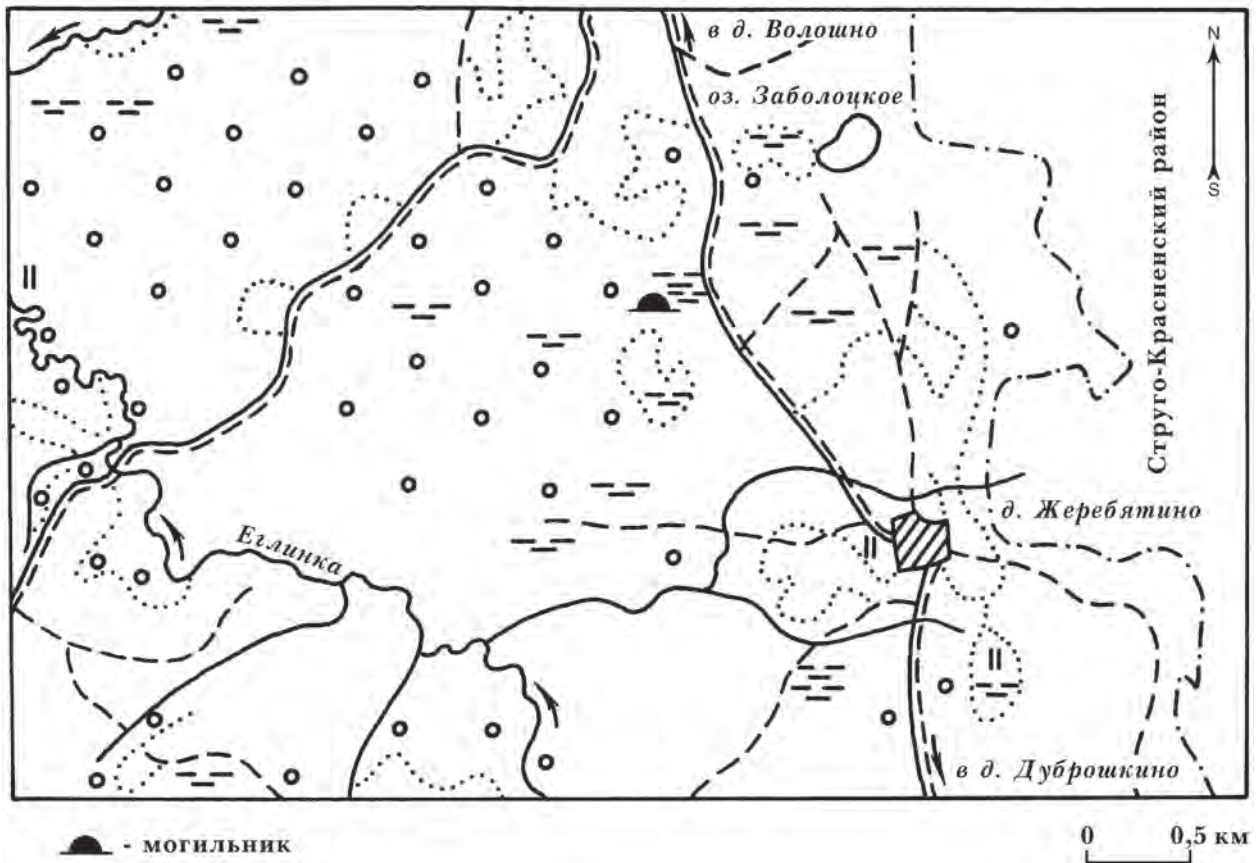

Рис. 1. Расположение могильника.

Рис. 2. Вид на курганы 3 и 4 могильника Жеребятино с северо-востока.
Фото Н.В. Хвоцинской 1974 г. (Хвоцинская, 1977).

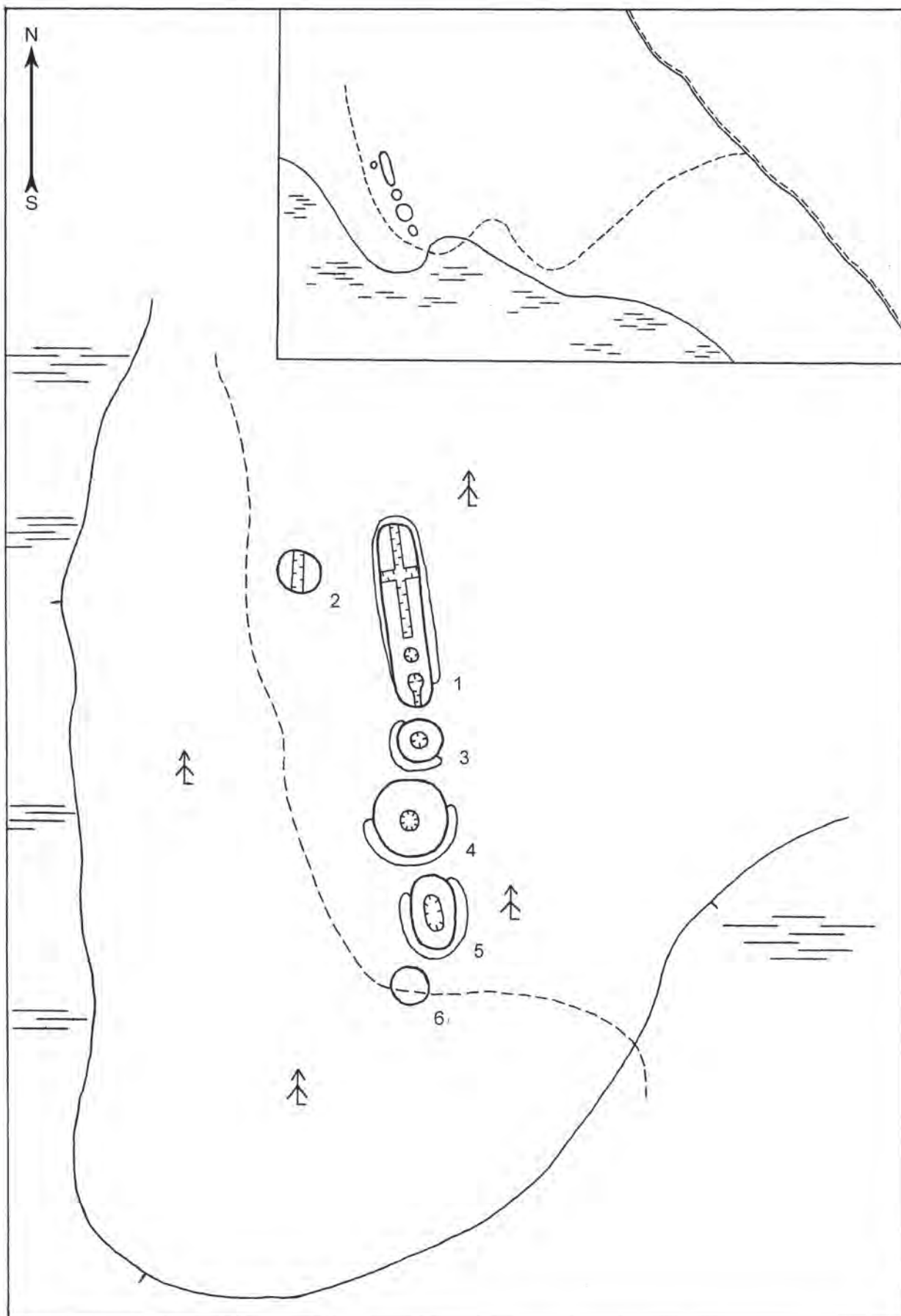

Рис. 3. План могильника (Хвоцинская, 1977).

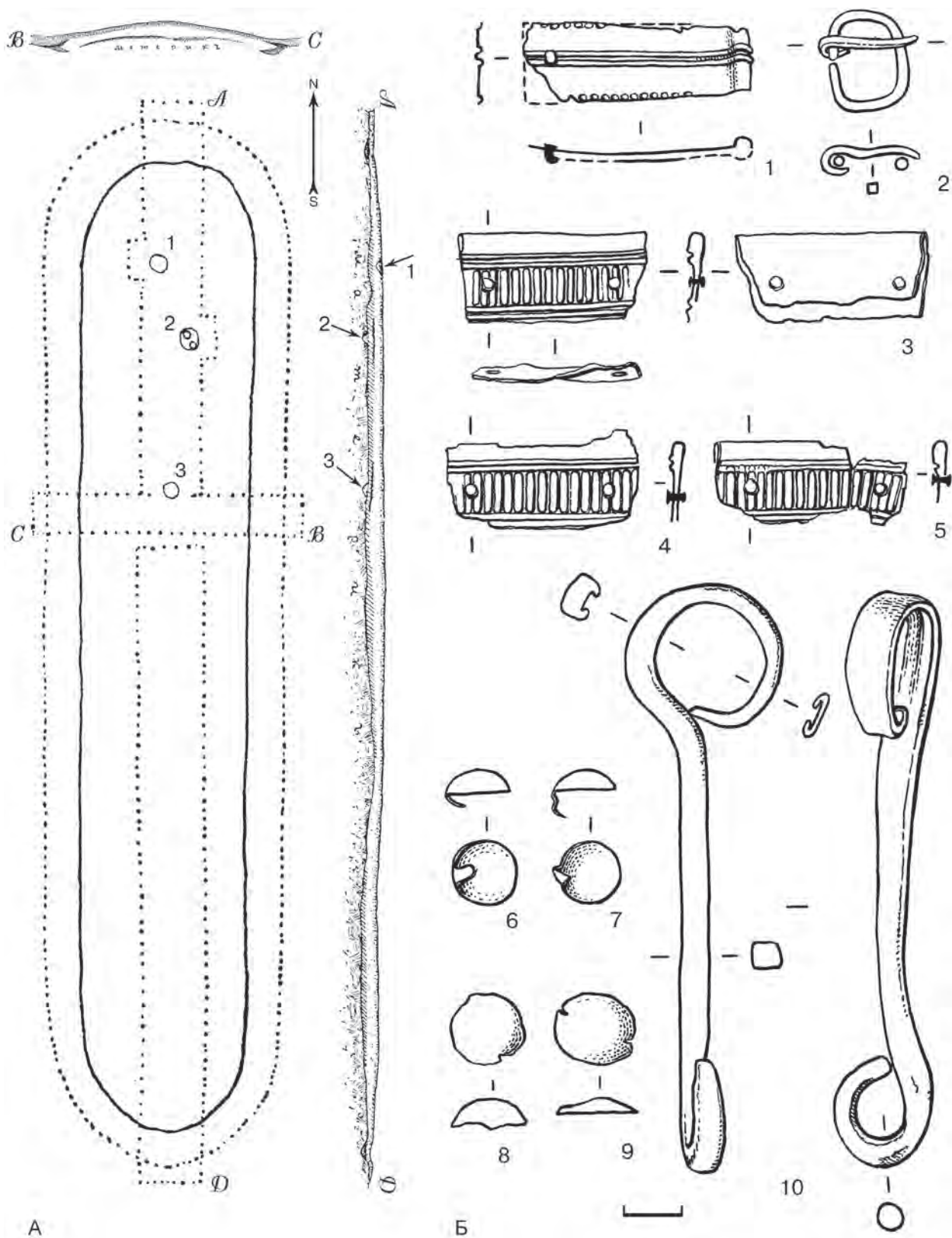

Рис. 5. Материалы кургана 1. А – план и профили (по: Кудряшов, 1913, с. 245, сведены к одному масштабу). Б – находки из погребения 3: 1, 3-9 – бронза; 2, 10 – железо.

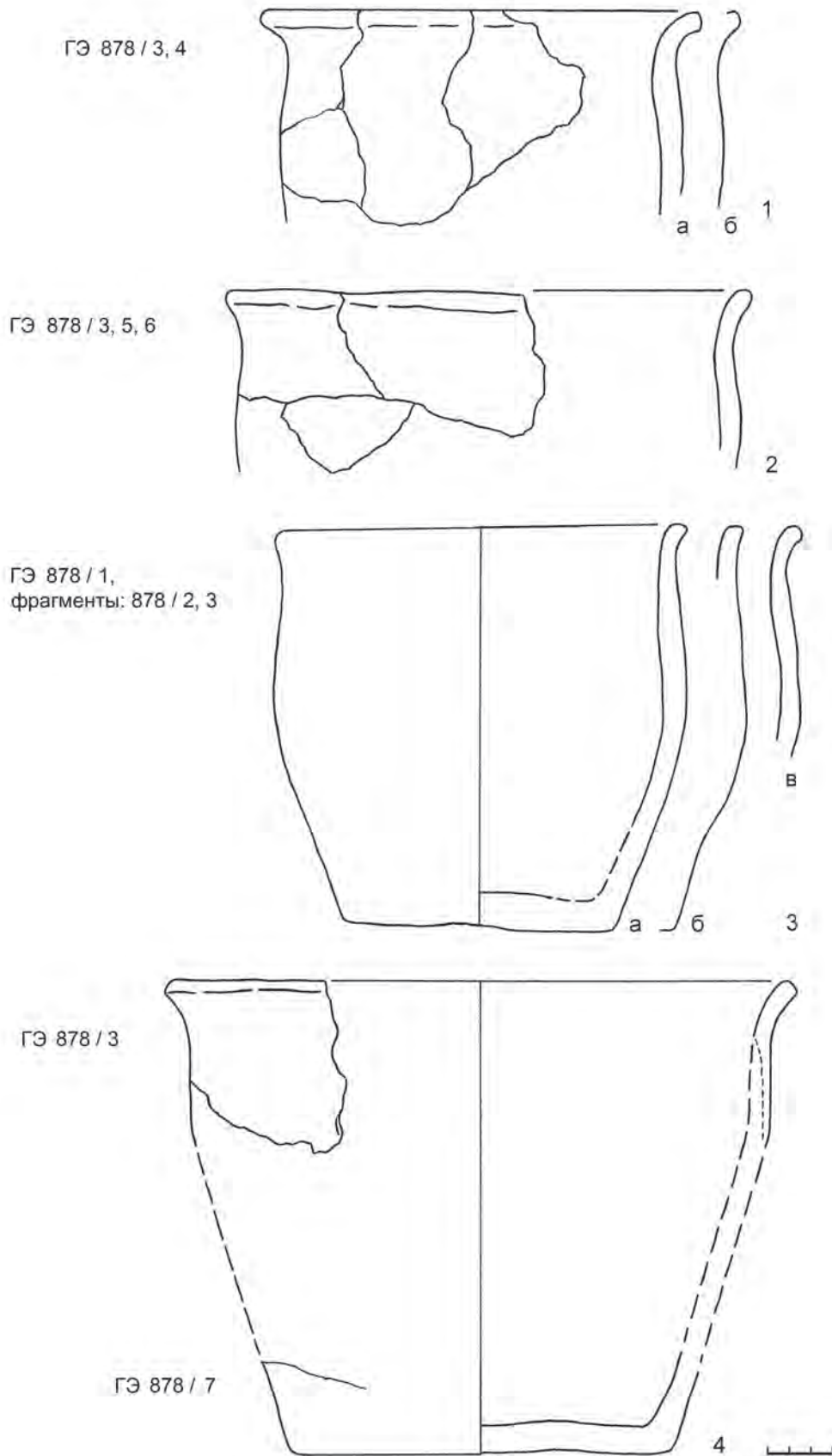

Рис. 6. Керамика из погребения 2 кургана 1. 1, 2 – первая пара сосудов; 3, 4 – вторая пара сосудов. Указаны инвентарные номера сосудов и фрагментов.

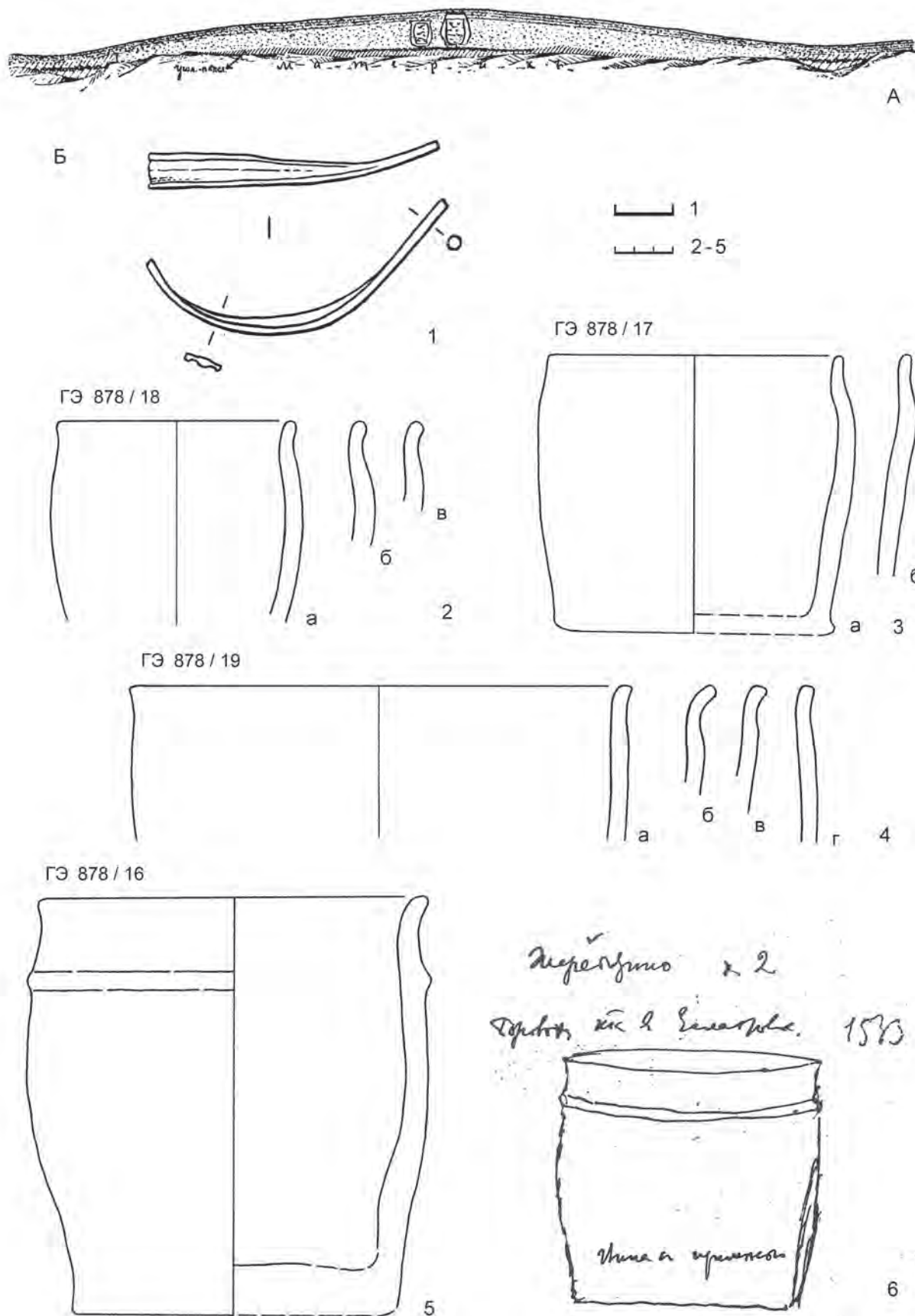
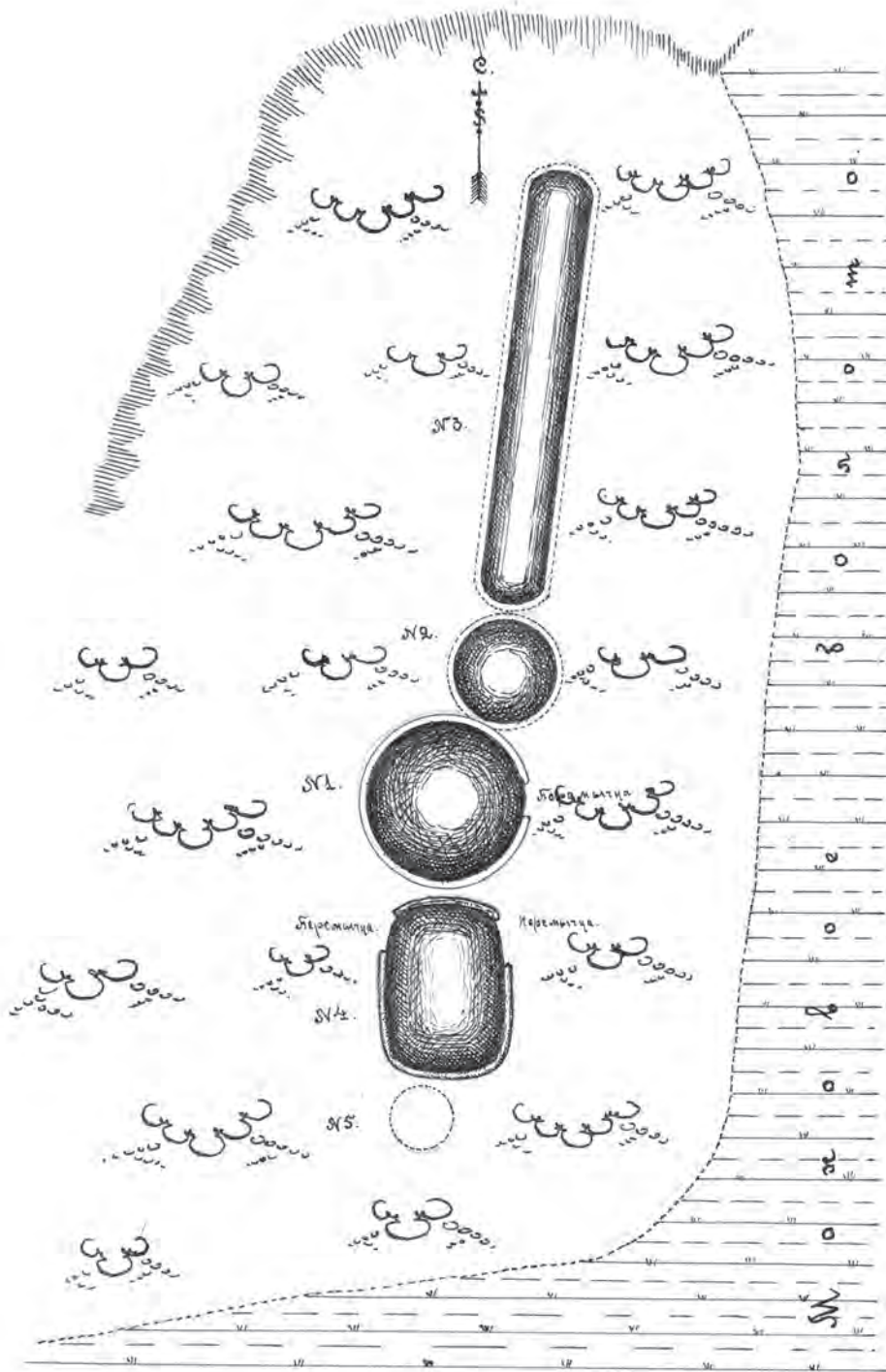

Рис. 7. Материалы кургана 2. А – профиль кургана (по: Кудряшов, 1913, с. 246).
 Б – находки: 1 – фрагмент браслета, бронза; 2-5 – глиняные сосуды (указаны инвентарные номера);
 6 – рис. сосуда с валиком из архива А.А. Спицына.

Планъ расположенія кургановъ близъ мѣстности
Жеребятинно Гдовскаго уѣзда.

10 20 30 40 50 60 70 80 90 мѣтр.

Рис. 8. План могильника из отчета К.Д. Трофимова.

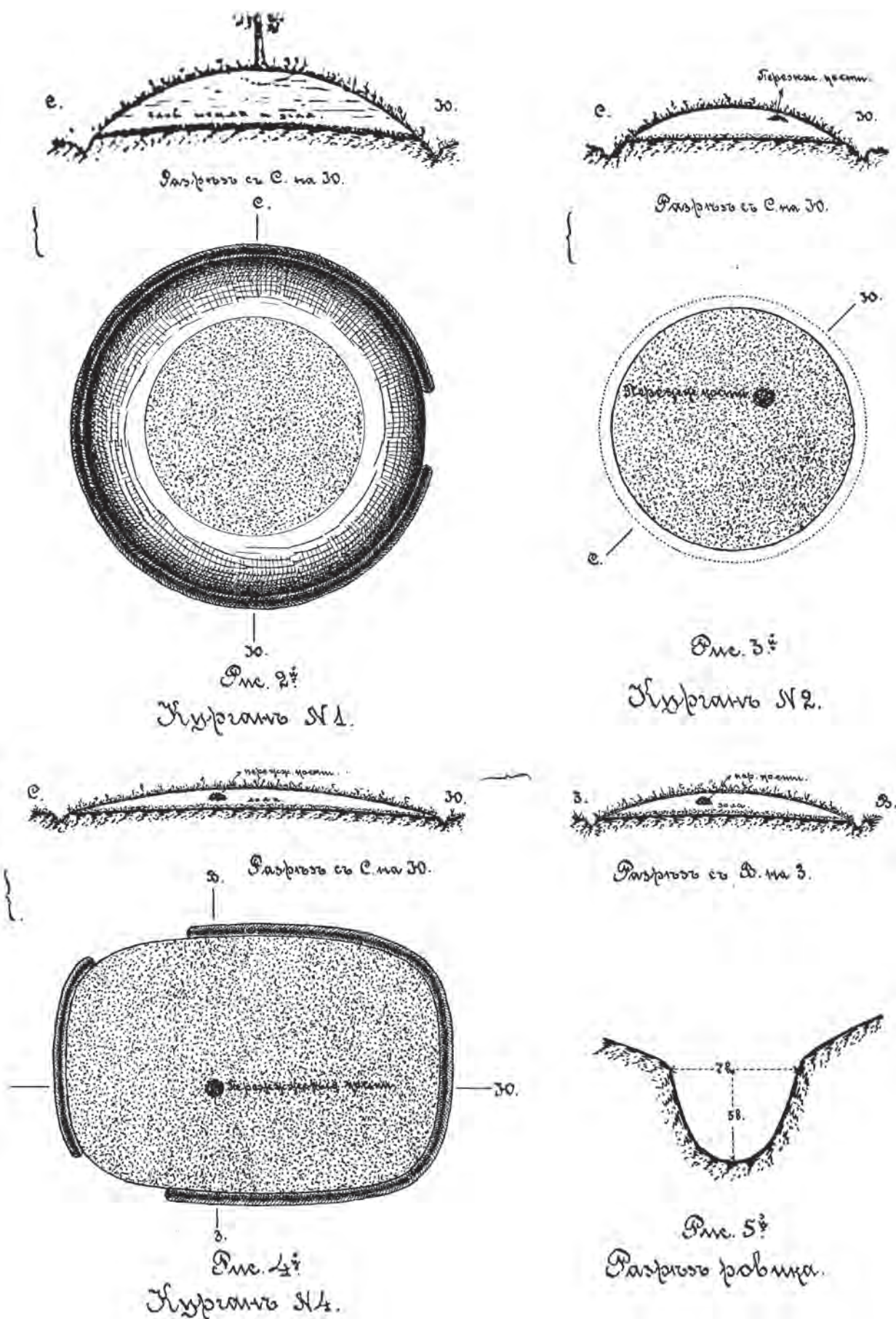

Рис. 9. Планы и профили курганов из отчета К.Д. Трофимова.

N.V. Lopatin (Moscow),
S.G. Popov (Saint-Petersburg)

The Zherebiatino burial ground

Summary

The burial ground of Pskov long barrows culture Zherebiatino is located in Gdov district of the Pskov region, near the Western shore of Piepus lake. It consists of six barrows including one long and one oval (Fig. 3). Five mounds were excavated partly in the years 1909 and 1911 (K.D. Trofimov and K.V. Kudryashov).

The site materials were used in the studies of many authors, but a full publication has not been released yet. This publication has been prepared on the study basis of all available archival materials stored in the archaeological institutions of St. Petersburg, Pskov, and Moscow, as well as a collection of finds (the State Hermitage). The source study issues related to documentation and collection are being sorted out.

6 cremation burials have been found. There were 3 of them in the barrow 1 (long): № 1 – in the pit in the mound with pottery sherds, № 2 – in a pit in the subsoil – two pottery urns with bones covered with upturned vessels (Fig. 6); № 3 – in a pit in the subsoil with finds forming a part of bridle set (Fig. 5).

In the barrow 2 (Fig. 7) 2 urns complex has been investigated. These urns were with covering vessels found on the ancient surface under the mound. At least one of the urns was placed upside down into a large vessel located in a normal position. The complex also included a bracelet fragment. In barrows 3 and 5 one burial was found in each mound.

The analysis of ceramics set typical for the Western variant of Pskov long barrows culture and the analysis of metal artefacts enables attributing the complexes to the 6th century AD.

Поселение и могильник на озере Съезжее¹

Е.Н. Носов, А.В. Плохов (Санкт-Петербург)

В 1975, 1976, 1979 и 1980 гг. Новгородской областной экспедицией (первоначально отрядом) Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (в настоящее время ИИМК РАН) производились исследования могильника и селища культуры длинных курганов, расположенного на северном и восточном берегах карстового оз. Съезжее на востоке Новгородской области².

Первое описание курганной группы на оз. Съезжее было сделано краеведом из г. Боровичи Г.И. Ивановским, который в 1958 г. совместно с С.Н. Поршняковым обследовал группу карстовых озер (Ивановский, 1958). В 1967 г. Г.И. Ивановский рядом с могильником открыл древнее поселение.

Курганная группа

Могильник из десяти насыпей находился на северном берегу озера в сухом сосновом лесу (рис. 1). Большинство курганов имело округлую в плане форму, диаметр 8-15 м и высоту 0,5-1,7 м; один курган – прямоугольный в плане, размерами 10 × 15 м и высотой 1,3 м; один – длинный. Были раскопаны длинный курган (5) и три круглых (7, 8, 10). Все они насыпаны из песка.

Курган 5 имел размеры 7,25-8 × 23,3 м и высоту 0,54-0,56 м (рис. 2; 3). Под всей насыпью прослежен гумусированный песок толщиной 0,04-0,05 м – древняя погребенная почва. Курган был окружен со всех сторон ровиком шириной 1,1-1,5 м и глубиной 0,5 м. Поскольку курган находился на небольшом склоне к озеру, то в целом искусственная насыпь визуально казалась более значительной. Удалось установить три этапа её сооружения. Первоначально был насыпан курган размерами 8,0 × 11,5 м. При раскопках четко прослеживались ровики этой первой насыпи по

¹ В данной статье вводятся в научный оборот все материалы о комплексе памятников на оз. Съезжее; ранее публиковавшаяся часть материалов приводится с сокращениями. См.: Носов, Верхорубова, Конецкий, 1976; Носов, Верхорубова, 1977; Носов, 1980б; 1981; 1983; 1984; Галибин, 1984; Мاستыкова, Плохов, 2010; Егорьков, 2010.

² Новгородская обл., Хвойнинский р-н, Спасовский сельсовет, д. Спасово, в 2,5 км к западу от деревни.

Курганный могильник: исследованы курган 5 (1975 г., длинный, 2 погребения), 7 (1976 г., круглый, погребений не обнаружено), 8 (1976 г., круглый, погребений не обнаружено), 10 (1980 г., круглый, 1 погребение). Грунтовый могильник: раскоп I (1976 г., 92 кв. м, 2 погребения); траншея (1976 г., 26 × 2 м, 1 погребение); раскоп II (594 кв. м, в том числе 1976 г. – 150 кв. м, 1979 г. – 444 кв. м, всего 10 погребений, в том числе 8 – в пределах погребальной площадки); шурф (1976 г., 16 кв. м). Поселение: раскоп 1975 г. (76 кв. м); раскоп 1976 г. (96 кв. м – в 20 м к западу от раскопа 1975 г., 1 постройка), 1979 г. (104 кв. м – примыкает с востока к раскопу 1976 г., 1 постройка).

Коллекции: ОХАК НГОМЗ: КП 34768, 40076, НВ 20945, 22894; Отчеты: Ивановский, 1958; Носов, 1975, 1976, 1979, 1980а; Полевая документация: Научный архив ИИМК РАН, рукописный отдел: Ф. 35, оп. 1, 1975, д. 71; 1976, д. 85; 1979, д. 57, 59; 1980, д. 81; фото отдел: альбомы О 3016, О 3133, О 3296, О 3401.

их заполнению (желтый песок с включениями гумусированного песка) и по отсутствию на их месте непрерывного слоя погребенной почвы.

Погребение 1. В центре кургана, на глубине 0,15 м от его поверхности, обнаружена ямка глубиной 0,2 м и диаметром 0,4 м с кальцинированными костями ребенка (1,5-2 года)³, очищенными от углей, – остатки трупосожжения на стороне. Вещи не найдены. Захоронение было впущено в заранее подготовленную насыпь.

В дальнейшем с северной и южной сторон к кургану сделали присыпки. В южной из них было зафиксировано ещё одно захоронение.

Погребение 2. Остатки трупосожжения на стороне (кальцинированные кости человека 30-35 лет) находились в небольшой глиняной урне (рис. 10: 20), помещенной на 0,1 м ниже поверхности присыпки. Среди костей обнаружены обломки серебряного колечка (рис. 10: 17)⁴.

Оба захоронения из кургана 5 относятся к типу 9 по классификации, предложенной В.В. Седовым. Погребения, впущенные в насыпь, были одними из наиболее распространенных в длинных курганах (Седов, 1974, с. 19-23, табл. VI-VIII).

Курган 7 полусферической формы имел диаметр 9,4 м и высоту 0,76 м (рис. 4). До раскопок ровики вокруг кургана не прослеживались. При исследовании под всей насыпью фиксировалась древняя погребенная почва – гумусированный песок толщиной 0,04-0,08 м, а вокруг насыпи открыт ровик шириной 1-2 м и глубиной 0,2-0,4 м. В стратиграфии северо-восточной части кургана были видны наклонные гумусированные прослойки. Это позволяет полагать, что раскопанный курган был значительно нарушен – его вершина скрыта и сброшена на северо-восточную полу насыпи. Захоронений в кургане не обнаружено.

Курган 8, расположенный на краю высокой озовой гряды, имел блинообразную форму, диаметр 12,2 м и высоту 0,44 м (рис. 5). В северной половине он был нарушен двумя ямами. При раскопках остатков захоронений не обнаружено. Под всей насыпью отчетливо прослежена погребенная почва – гумусированный песок толщиной 0,04-0,08 м. Курган был окружен ровиком

(ширина 1,6-1,7 м, глубина 0,5-0,6 м), который частично заплыл.

Курган 10, находившийся в западной части могильника, был раскопан широкой площадью (раскоп 212 кв. м), включившей не только саму насыпь и ровик, но и участки за внешним краем последнего (рис. 6). Курган округлой в плане формы имел размеры 11,5 × 13 м и высоту от 0,1 м в его западной части до 0,5 м в восточной. Под всей насыпью прослежена погребенная почва толщиной 0,05-0,1 м. Непосредственно в насыпи погребений не обнаружено. Курган был окружен ровиком шириной 1,2-3,0 м и глубиной 0,4-1,2 м. Вокруг западной половины насыпи ширина и глубина ровика наименьшие, вокруг восточной – наибольшие, что соответствует и отмеченной разнице в высоте кургана. Ровик заполнен серым песчаным гумусом. Местами на его дне зафиксированы прослойки угля, а в заполнении – слои песка. Последнее свидетельствует о том, что в ровик частично сползли части самой курганной насыпи. Это подтверждается тем, что с восточной стороны кургана в ровике, на площади размерами 1,2 × 1,3 м обнаружены кальцинированные кости взрослого человека с прикипевшими к ним оплавившимися бусами из синего стекла – остатки оползшего вместе с насыпью захоронения.

Грунтовый могильник

В 1975, 1976 гг. к западу и юго-западу от курганного могильника на разных участках сильно развеянной ветром и разрушенной противопожарными бороздами песчаной береговой террасы озера зафиксированы кальцинированные кости и обломки лепной керамики. С целью поиска грунтового могильника с трупосожжениями на террасе были заложены два раскопа, траншея и шурф.

Раскоп I 1976 г. площадью 92 кв. м (рис. 7) находился в 26 м к юго-западу от кургана 7 и захватывал участок, где были найдены кальцинированные кости и обломки керамики (рис. 10: 19, 21).

Погребение 1. Расчистка верхнего слоя песка на глубину 0,10-0,15 м показала, что кальцинированные кости и фрагменты лепного горшка концентрируются на площади 1,2 × 3,3 м в квадратах 14-17. Это остатки разрушенного противопожарной бороздой и в дальнейшем развеянного погребения в лепной урне. Небольшие скопления кальцинированных костей зафиксированы вдоль борозды в квадратах 9, 11 и 12. Они также относятся к погребению 1.

³ Определение кальцинированных костей проведено в ЛОИА АН СССР Н.М. Ермоловой и А.В. Громовым.

⁴ Кроме этих находок в насыпи курганы были зафиксированы четыре обломка неолитической керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом.

Погребение 2. При разборке верхнего слоя песка в квадратах 1-6 на площади $2,8 \times 5,2$ м также встречено большое количество рассеянных кальцинированных костей. Наиболее часто они встречались в квадрате 1. Именно здесь и удалось обнаружить небольшую грунтовую ямку размером $0,18 \times 0,25$ м и глубиной 0,1 м, заполненную кальцинированными костями, очищенными от углей. В данном случае, безусловно, зафиксирована лишь самая нижняя сохранившаяся часть погребальной ямки, её верхняя часть полностью разрушена, а заполнение разнесено. Определимые кальцинированные кости принадлежали человеку и лошади. Вещей не найдено.

Погребение 3 обнаружено в траншее длиной 26 м и шириной 2 м, соединившей раскоп I и курган 7 (рис. 8). Оно находилось в кв. 10 в яме, имеющей форму неправильного овала размерами $0,14-0,24 \times 0,33$ м, плоское дно и глубину $0,06-0,10$ м. Яма была заполнена очищенными от углей кальцинированными костями, принадлежащими взрослому человеку. Среди них встречено 8 кусочков спекшихся синих с красными включениями стеклянных бус и часть железного ножа со следами пребывания в огне (рис. 10: 15). Сохранность дернового слоя и отсутствие костей вокруг ямки свидетельствуют о ненарушенности погребения.

Раскоп II находился в 26 м к северо-западу от раскопа I на участке песчаного всхолмления, поросшем редкими сосенками, березками и можжевельником, где на поверхности встречались мелкие кальцинированные кости. В 1976, 1979 гг. здесь было вскрыто 594 кв. м (рис. 9)⁵. Это позволило выявить округлую в плане площадку размерами $8,2-9,8 \times 12,0$ м, окруженную ровиком шириной $1,6-2,0$ м и глубиной $0,2-0,7$ м. На площадке, куда тонким слоем толщиной до $0,15-0,2$ м был набросан песок из ровика (в некоторых местах он отсутствовал), зафиксированы два ритуальных кострища и восемь грунтовых ямок с остатками трупосожжений на стороне (в трех ямках открыты четыре лепные урны (рис. 11; 12: А)⁶ с кальцинированными костями). В погребениях найдены кусочки оплавленных предметов, обломки маленьких пластинок (браслета?) и фрагментированный браслет с расширяющимися концами, орнаментированный сдвоен-

ными поперечными и косыми пересекающимися врезными линиями, сделанный из медного сплава (рис. 10: 14). Кроме того, обнаружены обломки тонкого железного стержня (иглы?; рис. 10: 16), опрaвленные стеклянные бусы, часть из которых сохранила свою первоначальную форму. Это кольцевидная, шаровидная (?) и полиэдрическая бусы сине-фиолетового стекла, а также не менее 21 экземпляра округлых бус из синего, сине-фиолетового и голубого стекла с накладным полихромным плоским декором в виде многочисленных беспорядочных разного размера крапинок красного, белого, а также иногда зеленого, голубого, бирюзового цвета (рис. 10: 1-13)⁷. Разрозненные пережеванные кости ещё одного человека отмечены в заполнении ровика погребальной площадки и два безынвентарных захоронения открыты за её пределами.

В 44 м к северу от раскопа II на участке, где было найдено несколько фрагментов лепных сосудов, был заложен шурф 4×4 м, но погребений не обнаружено.

Таким образом, раскопки показали, что рядом с курганами имеются грунтовые захоронения. Всего зафиксировано 14 погребений, в которых найдены кальцинированные кости не менее 16 человек. Трудно судить о размерах могильника, но расстояние между крайними открытыми захоронениями довольно значительно: погребение 1 раскопа II находится в 68 м от погребения 3 в траншее.

Селище

Поселение площадью около 1 га ($22-55 \times 140$ м) располагается в 210 м к юго-востоку от могильника на восточном берегу карстового озера Съезжее, на перешейке, образованном котловиной озера Стахина лужа и оврагом, по которому протекает ручей (рис. 1). Такое расположение поселка не случайно. В самом озере вода темная, болотистая, и обитатели поселка несомненно использовали для питья прозрачную родниковую воду из ручья. Территория самого селища неоднократно затопливалась во время разливов озера.

Первый раскоп был заложен в 1975 г. в центральной части селища (рис. 1: а). Его площадь составила 76 кв. м (рис. 12: Б). Мощность куль-

⁵ Подробную публикацию см.: Носов, 1984, с.11-16.

⁶ От одной урны с диаметром дна 14 см сохранилась только нижняя часть на высоту 11 см.

⁷ Подробное описание бус см.: Мاستыкова, Плохов, 2010, с. 350-354.

турного слоя, представляющего собой песчанистый серый гумус, достигала 0,2-0,3 м. В нем были встречены мелкие фрагменты лепной керамики (рис. 19; 20: 1-6), а также три глиняных биконических пряслица (рис. 17: 1-3; кв. 8, 9, 15), часть железного серпа (рис. 17: 12; кв. 15), железный стерженек (рис. 17: 7; кв.1), кольцевидная стеклянная бусина синего цвета (кв. 1)⁸, три обломка тиглей (рис. 17: 8, 10, 11; кв. 8, 13, 19), фрагмент глиняной обмазки (кв. 1) и кусок железного шлака (кв. 1). На площади раскопа было расчищено несколько углубленных в материк хозяйственных и столбовых ям. Их размеры от 1,28 × 1,44 м до 0,25 м в диаметре, при глубине 0,16-0,24 м. В ямах были найдены отдельные мелкие фрагменты керамики, а в комплексе в кв. 3 – обломок глиняной плитки (рис. 17: 9).

В 1976, 1979 гг. для исследований был выбран участок селища, где на нераспахиваемой, слабо задернованной и поросшей молодым сосняком поверхности ещё до начала каких-либо археологических работ прослеживались скопления крупных пережжённых валунов. Раскоп, общей площадью 200 кв. м (рис. 13), находился в 20 м к западу от предыдущего (рис. 1: б). Культурный слой здесь представлял собой серый песчанистый гумус мощностью 0,10-0,25 м. При его разборке, в основном в западной части раскопа, найдено около 200 фрагментов лепной керамики (рис. 20: 7-14; 21: 11). В слое обнаружены также два куска железных шлаков (кв. 23), часть серпа (рис. 17: 13; кв. 22)⁹, обломки синей кольцевидной стеклянной бусины (кв. 32), часть глиняного биконического пряслица (рис. 17: 4; кв.23), литейная формочка из песчаника для обливки бляшек сердцевидной формы (рис. 17: 5; кв. 23)¹⁰.

На площади раскопа были расчищены углубленные в материк основания двух наземных жилых домов (рис. 13).

Постройка 1, исследованная в 1976 г., расположена в западной части изученного участка (кв. 23, 24, 27-30, 33-36, 39-42; рис. 13; 14: 1). Её основание, углубленное в материк на 0,05-0,18 м, имело в плане правильную прямоугольную форму и размеры 5,32 × 6,92 м. Дом был ориентирован стенами по сторонам света, а его

длинная ось – по линии запад – восток. В центре дома (кв. 29, 35) открыты остатки отопительной конструкции овальной в плане формы размерами 1,1 × 1,3 м (рис. 14: 2; 15: А, Б.). Её основу составляли крупные валуны величиной 25-30 × 40-50 см, несколько возвышавшиеся над окружённым ими подом. Последний был выложен из плоских камней, на некоторых из которых сохранилась обмазка – слой обожжённой глины толщиной 2-3 см. Под подом материковый песок был прокален на 0,10-0,15 м. Судя по отсутствию небольших валунов в заполнении основания дома, отопительная конструкция представляла собой массивный очаг-каменку без свода. Он возвышался над уровнем пола на 0,30-0,35 м. С запада перед очагом расчищена столбовая яма диаметром 0,3 м глубиной 0,2 м.

К южной стене дома, ближе к юго-западному углу (кв. 39, 40), примыкал уступ, углубленный в материк на ту же глубину, что и основание постройки. Его ширина 0,5 м, длина вдоль дома 2,5 м. У коротких стен уступа зафиксировано по столбовой яме диаметром 0,30-0,35 м и глубиной 0,16-0,20 м. Видимо, здесь находился вход.

В полу постройки расчищены столбовые ямы (рис. 11). Их обычный диаметр 0,25-0,50 м, глубина 0,25-0,36 м. Некоторые из них оказались двойными – состояли из более глубокой ямы и примыкающей к ней мелкой. Углубления такой формы образовывались, когда массивный столб при установке сначала заносили в яму наклонно, а затем ставили вертикально.

В расположении столбовых ям в доме можно уловить определенные закономерности. Четыре из них находились в северо-восточном углу постройки, по углам как бы небольшого прямоугольника со сторонами 0,6 на 0,8 м. В таком же порядке четыре ямы располагались и в юго-восточном углу. Две ямы зафиксированы в юго-западном углу дома, а одна – в северо-западном. В полу постройки западнее очага прослеживаются две линии столбовых ям, отстоящие от южной и северной стен соответственно на 1,4 м. Столбы, местоположение которых установлено по раскопанным ямам, частично, видимо, поддерживали балки крыши, а частично относились к внутренним конструкциям дома. Возможно, с пристройками у стен дома связаны обнаруженные рядом с ним столбовые ямы.

Внутри дома у его западной стены (кв. 27, 33) открыта хозяйственная яма диаметром 0,84-0,90 м и глубиной 0,4 м. Такая же округлая яма диаметром 1 м и глубиной 0,16 м примыкала и

⁸ В настоящее время в коллекции отсутствует.

⁹ Ещё один обломок этого серпа найден в заполнении комплекса в кв. 22, 23.

¹⁰ Две последние находки найдены при зачистке материка.

к северной стене, но уже с наружной стороны (кв. 22, 23). В центре ямы, в её плоском дне зафиксирована столбовая яма диаметром 0,2 м и глубиной 0,13 м¹¹.

Заполнение постройки насыщено кусками глиняной обмазки (около 2400), среди которых 52 из кв. 35 ошлакованы¹². За пределами основания дома на раскопе встречено всего 26 фрагментов глиняной обмазки. Судя по форме большинства кусков, напоминающих в сечении большие треугольники с вогнутыми сторонами, обмазкой промазывали пазы между бревнами. Это дает основание считать, что стены постройки были выполнены в срубной технике (Носов 1981б, с. 67; 1983, с. 31). Однако сруб, видимо, был сделан из тонкого леса¹³, и стены не были достаточно прочными, чтобы выдержать всю тяжесть крыши. Это и вызвало необходимость в употреблении для её поддержки столбов по углам и в центре сооружения¹⁴.

При разборке заполнения постройки найдено 206 фрагментов лепных сосудов¹⁵ (рис. 21), сланцевый оселок с незаконченным отверстием для подвешивания (рис. 15: В, 2; кв. 36), обломок лезвия железного ножа (кв. 41), каменное грузило с отверстием от рыбацкой сети (рис. 15: В, 3; кв. 28) и два обломка железных предметов неясного назначения (кв. 27). Кроме того, в западной части дома, рядом с одной из столбовых ям была обнаружена половина диска жернова из гранита (рис. 15: В, 1; кв. 33),

Постройка 2. Её остатки были раскопаны в 1979 г. Основание дома имело подпрямоугольную в плане форму и размеры 4,1 × 4,7-5,0 м (рис. 13; 16: 1). Дом был приблизительно ориентирован по сторонам света и углублен в ма-

¹¹ По-видимому, из этого комплекса происходят обломки лепных сосудов, проходящие по описи как найденные в заполнении ямы в кв. 24 (рис. 22: 1-5, 7).

¹² Обломки обожжённой обмазки, а также фрагменты ошлакованной керамики, происходящие из заполнения дома, позволяют говорить о том, что сооружение погибло в огне.

¹³ Это предположение подтверждают отпечатки на обмазке. Измеренные образцы оказались небольшого диаметра (от 5 до 15 см). Благодарим С.Е. Торопова за проведенные замеры.

¹⁴ Именно недостаточной прочностью стен объяснял Ю.П. Спегальский наличие столбов в одном из «больших домов» Старой Лядоги. Их расположение у стен исследователь связывает с многовековой традицией «строить обширные жилища с тяжелыми крышами и сравнительно непрочными стенами» (Спегальский, 1972, с. 21-23).

¹⁵ Часть керамики, происходящей из заполнения постройки, ошлакована.

терик на 5-10 см. Очертания его юго-западного угла, где четкие стенки в материке не прослежены, установлены по границам гумусированного пятна. В центре постройки расчищена столбовая яма диаметром 0,32 м и глубиной 0,2 м. Очевидно, она осталась от опорного столба для поддержки крыши. Ближе к северо-западному углу, но отступая от северной стены 0,6 м, а от западной 0,48 м, находилась печь-каменка (рис. 16: 2). При разборке её развала удалось проследить некоторые конструктивные моменты устройства печи. Её основу составляли огромные валуны 30-40 см в поперечнике. Пространство между ними было забутовано более мелкими камнями, имеющими в поперечнике 10-15 см, которые и образовывали под. Стенки и свод печи также были сложены из сравнительно небольших камней (10-20 см в поперечнике). Размеры печи 1,4 × 1,7 м. Она была несколько вытянута по линии север – юг. Глины при расчистке развала не зафиксировано, что свидетельствует, что печь была сложена насухо. У южной стены постройки, напротив печи, в 0,9 м от неё находилась предпечная яма с пологими стенками и уплощенным дном (размеры 0,76 × 1,0 м, глубина 0,2 м). Её заполнение – темный углистый гумус и мелкие обожжённые камни. Стенки ямы прокалены. Расположение предпечной ямы к югу от печи показывает, что и устье последней было обращено в эту сторону. При расчистке основания дома найдено 45 обломков лепной керамики (в основном они принадлежат боковым частям двух горшков¹⁶; рис. 23: 2, 3; кв. 57), 9 кусков глиняной обмазки, три куска железных шлаков (кв. 58, 63), кварцитовый скребок (кв. 57), а также отдельные кальцинированные косточки. Срубный характер этой постройки не вызывает сомнения.

У северной стены постройки с внешней стороны (кв. 57) располагалась яма размерами 0,6 × 0,8 м и глубиной 0,53 м. Её заполнение – тёмно-серый песчанистый гумус.

Кроме жилищ на площади раскопа обнаружен ряд углубленных в материк хозяйственных и столбовых ям. Они имели округлую или овальную в плане форму и уплощенное дно. Размеры ям самые разнообразные: от 0,24 м до 1,96 м в диаметре и глубину 0,12-0,53 м. В одном из комплексов, исследованном в северной части

¹⁶ Возможно, что это развал одного сосуда, имеющего различающие профилировки с противоположных сторон.

квадратов 22, 23, найдены фрагменты лепной посуды (рис. 23: 1), обломки кольца из медно-го сплава (рис. 17: 6) и часть железного серпа (рис. 17: 13).

Особо следует отметить два сооружения. Первое, расположенное в квадратах 48, 49, 52, 53, представляло собой большую округлую в плане яму с уплощенным дном. Её размеры $1,80 \times 2,26$ м, глубина 0,40-0,44 м. В северо-западной части ямы имелся небольшой уступ размерами $0,4 \times 0,8$ м, где находились две столбовые ямы диаметром по 0,3 м и глубиной 0,38 и 0,5 м. Располагавшиеся здесь столбы, безусловно, были конструктивно связаны с устройством перекрытия над ямой. В заполнении комплекса в темно-сером песчанистом гумусе найдены четыре небольших кусочка глиняной обмазки. Второе сооружение, находившееся в квадратах 60, 65, в виде ямы овальной в плане формы, имело размеры $0,70 \times 1,36$ м, глубину 0,24 м и плоское дно. С юго-востока к ней примыкает столбовая яма диаметром 0,28 м и глубиной 0,32 м. При разборке комплекса найдено четыре фрагмента грубой лепной керамики, а также восемь обломков ямочно-гребенчатой неолитической посуды.

Керамический комплекс

В культурном слое поселения и в заполнении основания домов, хозяйственных и столбовых ям встречены обломки исключительно лепной посуды. Вся посуда сделана из глины с примесью дресвы в тесте. Размер наиболее крупных частиц достигает в поперечнике от 1,5 до 8 мм, чаще всего – 3-6 мм. На трех фрагментах керамики, найденных в 1976 г., отмечены отпечатки зерен ячменя¹⁷. Несмотря на заглаживание, поверхность сосудов обычно шероховатая или бугристая от выступающих зерен дресвы. Венчики уплощены, редко округлы, очень часто их толщина больше толщины стенок. Днища плоские, некоторые имеют немного вогнутую поверхность. На большинстве из них заметны следы подсыпки дресвы. При переходе от стенок ко дну у многих сосудов имеется закраина. У двух из них этот переход округлый (рис. 20: 14; 22: 5). Толщина днищ 0,7-2,0 см, в то время как толщина стенок 0,6-1,2 см (чаще всего – 0,7-0,9 мм). Цвет керамики в большинстве случаев желтовато-коричне-

вый. На внутренних, а иногда и внешних стенках сосудов имеются следы копоти или нагара.

Орнаментация для керамики поселения не характерна. Лишь на одном фрагменте сосуда на уровне плечика встречен декор из овальных вдавлений, которые были нанесены, вероятно, небольшой трубчатой костью (рис. 20: 5). На памятниках, относимых к культуре длинных курганов, округлые отпечатки отмечены только на черепке с селища Городок 1 в Верхнем Помостье (Исланова, 2006, с. 85)¹⁸.

В одном обломке керамики селища имеется сквозное отверстие, сделанное для ремонта треснувшего изделия.

Всего в коллекции поселения представлено больше 160 обломков верхних частей сосудов. Часть из них позволяют говорить о формах посуды. В керамическом наборе памятника представлены горшки, а также несколько миниатюрных сосудиков (рис. 20: 11; 22: 7). Судя по обломкам, диаметр горшков на уровне венчика составлял от 9 до 31 см (в основном 16-24 см), а дна – 9-19 см (9-14 см). По характеру профилировки верхних частей среди фрагментов 34 горшков поселения можно выделить шесть типов и две редкие формы.

К *первому* типу относятся обломки четырех открытых сосудов с непрофилированными, плавно сходящимися ко дну прямыми стенками и, отогнутым наружу, в большинстве случаев утолщенным, венчиком (рис. 19: 3, 5; 20: 8; 22: 2).

Второй тип объединяет фрагменты пяти слабопрофилированных сосудов с отогнутой наружу шейкой, плавно переходящей в слегка выпуклое крутое плечико (рис. 19: 1, 4, 6; 20: 9; 22: 6а). Последнее через нечетко выраженный перегиб переходит в нижнюю часть тулова, прямые или слегка выпуклые стенки которого сходятся под небольшим углом ко дну. Место наибольшего расширения находится на уровне венчика. Профилировку этого типа можно увидеть на части диаметра одной из урн погребения 7 погребальной площадки (рис. 11: 2а).

¹⁸ Аналогичные вдавления встречены и на обломке с позднелазовского городища Варварина Гора, расположенного рядом с этим памятником (Исланова, 2006, с. 85). Ближайшем местом, где представлен сосуд, украшенный мелкими кольцевидными вдавлениями, является могильник Левоча II в верховьях р. Молога, датируемый XI в. (раскопки В.В. Милькова в 1993 г., ОХАК НГОМЗ: КП 39721 (А 151-70). Орнамент из подобных отпечатков есть также на обломке сосуда из могильника с каменной вымосткой (эст. *kivivarekalme*) в Прооза рядом с Таллином (Tvaugi, 2012, fig. 32).

¹⁷ Определение немецких палеоботаников А. Альслебен и Х. Кролля.

В *третий* тип входят обломки девяти слабо-профилированных горшков. Сосуды имеют невысокие, несколько отогнутые наружу шейки и крутое плечо, которое через плавный округлый перегиб переходит в нижнюю часть тулова, с прямыми или несколько вогнутыми стенками. Размер наибольшего расширения тулова у этих изделий немного меньше диаметра венчика. Горшки этого типа можно разделить на два варианта – а (рис. 20: 7, 10, 13; 21: 2; 22: 4) и б (рис. 19: 2, 7; 20: 12; 23: 1). Последний отличается более коротким и несколько более выраженным плечиком. К тому же большинство сосудов этого варианта (три из четырех) имеют довольно редкий для керамики поселения округлый венчик.

Четвертый тип включает обломки верхних частей шести горшков с вытянутым S-видным профилем. С уровня основания шейки они имеют почти симметричное расширение вверх и вниз. У этих сосудов отогнутые наружу выгнутые (в большей или меньшей степени) небольшие шейки, высокое выпуклое плечо, которое через четкий округлый перегиб переходит в нижнюю часть тулова, имеющего прямые или несколько выпуклые стенки (рис. 19: 8, 10, 11; 21: 6; 22: 1; 23: 2). Размер наибольшего расширения тулова у этих изделий равен, немного меньше или больше диаметра венчика. К этому типу можно отнести урны из захоронения 1 погребальной площадки (рис. 12: А) и захоронения 2 в длинном кургане (рис. 10: 20б, в).

Пятый тип состоит из обломков пяти сосудов с отогнутыми наружу шейками, плавно переходящими в выделенное выгнутое плечико (рис. 19: 9; 21: 4, 10; 22: 6б; 23: 3б). Переход к нижней части тулова у этих сосудов слабо выражен. Ниже его слегка выпуклые стенки нижней части горшков под небольшим углом сходятся к широкому дну. У большинства сосудов этого типа наибольший диаметр находится на уровне венчика, который чаще всего утолщен. Фрагмент подобного сосуда найден также при изучении грунтового могильника в раскопе II (рис. 10: 18).

Шестой тип объединяет обломки четырех закрытых профилированных округлобоких горшков со слабо выгнутой, отогнутой наружу шейкой и хорошо выраженным выпукло-вогнутым плечиком (рис. 20: 1, 2; 21: 1, 5). У большинства этих изделий, как и у сосудов варианта б третьего типа, венчик имеет округлую форму.

К индивидуальным формам в керамической коллекции поселения относятся фрагменты двух ребристых горшков. Первый из них имеет невыраженную шейку, небольшое вогнутое плечико,

переходящее через ребро в близкую к усеченному конусу нижнюю часть тулова (рис. 20: 3). У второго сосуда ребро расположено на уровне плечика, выше места наибольшего расширения тулова, шейка отогнута наружу, а стенки нижней части корпуса имеют выпуклый профиль (рис. 21: 11).

Две урны из захоронения 7 погребальной площадки (рис. 11) не находят явных аналогий на поселении, хотя в определенной степени они близки сосудам пятого типа. Это открытые (максимальная ширина тулова равна или меньше диаметра венчика) горшки с шейкой, в большей или меньшей степени отогнутой наружу. По всей окружности одного изделия и большей части другого фиксируется короткое вогнутое плечико, переходящее через четко выраженный перегиб (сглаженное ребро) в усечено-коническую нижнюю часть тулова.

Следует отметить, что между основными формами сосудов существуют экземпляры с профилировками промежуточных вариантов, включение которых в том или иной тип зависит от особенностей зрительного восприятия исследователя. Иногда один горшок имеет существенно различающийся абрис на разных участках, позволяющий отнести сосуд к разным типам (рис. 10: 20; 11: 2; 22: 6).

Большую работу по изучению керамики Северо-Запада Русской равнины второй и третьей четвертей I тыс. н.э. проделал Н.В. Лопатин. По его типологии горшковидных сосудов Верхнего Поднепровья и Подвинья III-VIII вв., выделенные нами *первый* тип можно сопоставить с типом 9¹⁹, *пятый* – с 11, *шестой* – видимо, с 10²⁰; *второй* и *третий* типы, а также урны из захоронения 7 погребальной площадки объединяют в основном промежуточные формы между типами 9 и 11²¹, тогда как *четвертый* тип включает сосуды с профилировками, в той или иной степени близкими типам 8 и 11. По данным ис-

¹⁹ Фрагменты трех горшков (рис. 19: 5; 20: 8; 22: 2) могут также относиться к типу 4(в). Благодарим Н.В. Лопатина за консультацию.

²⁰ Следует отметить, что хорошо профилированные горшки, условно объединенные Н.В. Лопатиным в тип 10, в основном находятся за пределами хронологических рамок его типологической схемы (Лопатин, 2003, с. 48-49, 54; Лопатин, Фурасев, 2007а, с. 41).

²¹ Некоторые небольшие обломки сосудов, вошедшие в вариант а третьего типа (рис. 20: 10, 13; 21: 2), по мнению Н.В. Лопатина, могут принадлежать и типу 4(б) по его схеме.

следователя, типы 8, 9, и 11 представлены уже в некоторых культурно-хронологических группах IV-V вв. древностей «круга Заозерье-Узмень». В третьей четверти I тыс. н.э. горшки этих типов встречаются в разном количестве в керамических наборах погребальных комплексов Двинско-Ловатского региона («тип Дорохи») и длиннокурганных могильниках Псковско-Чудского региона («тип Жеребятино»). Памятники культуры псковско-новгородских длинных курганов к востоку и юго-востоку от оз. Ильмень объединены Н.В. Лопатиным в «тип Съезжее». Для этой культурно-хронологической группы, по его мнению, характерны почти полное отсутствие ребристых форм, «заметная профилированность верхней части» сосудов, а также преобладание в керамическом комплексе 11 типа, при наличии 7, 8 и 9. Кроме этого, исследователь отметил возможность раннего появления в Мстинско-Валдайском регионе отдельных экземпляров типа 10 (Лопатин, 2003б; 2005; Лопатин, Фурасьев, 2007а, с. 36, 41, 67-69, 72, 92-93, 100, рис. 11, 19-21, 30, 46-48; 2007б: 277-280, рис. 1, 4, 9-11).

Как показали наши исследования, керамический комплекс памятников на оз. Съезжее вполне укладывается в рамки, определенные Н.В. Лопатиным для одноименной культурно-хронологической группы. Доминируют в нём горшки, в той или иной степени схожие с типом 11, в небольшом числе имеются типы 9 и 10, а ребристые формы представлены единичными экземплярами. Небольшая исследованная площадь и слабая насыщенность культурного слоя керамическими находками не позволяют делать какие-либо однозначные заключения о распределении обломков сосудов разных типов по территории поселения. Можно лишь отметить повышенную долю хорошо профилированных фрагментов верхних и нижних частей горшков в заполнении постройки 1 (рис. 21).

Близкие аналогии всему комплексу посуды с памятников на оз. Съезжее имеются среди керамики культуры псковско-новгородской длинных курганов²². Сосуды с похожими профилировками верхней части можно увидеть в материалах

могильников и селищ в разных частях ареала этой культуры: в бассейнах Средней и Верхней Плюссы (Михайлова, 2010а, рис. 37; Соболев, 2008, рис. 4: 13, 14), Средней Луги (Михайлова, 2010б, рис. 5), в районе Псковского и Чудского озер (Аун, 1992, рис. 48, табл. XLVIII: 1, XLIX: 1, 2, 5; Белецкий, 1996, рис. 18; 19; Лопатин, 2003б, рис. 6: 2, 3; 7; Попов, Румянцева, 2011, рис. 4; Селиранд, 1965, с. 479, рис. 5: 1; 6: 1; Хвошинская, 2004, табл. III: 6), в Северной Белоруссии (Плавинский, 2010, с. 242, рис. 9: 19; Штыхаў, 1992, мал. 18; 22), в бассейне Мсты²³ (Зимица, 2011, рис. 6: 1; Конечкий, Иванов, Торопов, 1997, рис. 4: 7, 8²⁴), в бассейне Мологи²⁵ (Башенькин, Васенина, 2007, рис. 6: 9), в бассейне верхнего течения р. Пола²⁶, а также в верховьях Волги и Верхнем Помостье (Исланова, 2006, рис. 67-78; 83; 84: 1, 2; 85: 1-7; 86; 87; 88: 1, 2, 10, 11; 89-91; 92: 1; 93; 95; 97: 7-9; 99: 7; 103: 10; 104: 3; 105: 1, 2; 106: 1; 2012, рис. 46: 3-13; 47; 53; 54; 62: 2-4; 82; 83: 2, 3; 112; 113; Черных, Малыгин, Томашевич, 1998, рис. 6: 3; 7: 3; 8: 4). В последних двух регионах на длиннокурганных памятниках гораздо чаще, чем в других местах, встречаются хорошо профилированные сосуды, а также ребристые горшки²⁷. Эта особенность керамического набора отчасти может объясняться хро-

²³ Селище в урочище Кобылья Голова, раскопки С.Н. Орлова в 1964-65 гг., ОХАК НГОМЗ: КП 16248, 17685, 17686 (А 55); могильник и селище у д. Каменка, раскопки В.Я. Конечкого, ОХАК НГОМЗ: КП 26505 (А31); 35773; 37551 (А 114); могильники и селище в районе оз. Крюково, под г. Боровичи, раскопки С.Н. Орлова в 1966, 1971-72 гг. и В.В. Милькова в 1989 г., ОХАК НГОМЗ: КП 18062, 25294 (А 16); 25296 (А 27); 39489 (А 146); 39491 (А 148); 39951.

²⁴ К сожалению, рисунки сильно искажены при печати.

²⁵ Могильник у с. Левоча-Кабожа, раскопки Г.Н. Пронина в 1976 г., ОХАК НГОМЗ: НВ 23136 (А 59); могильник у д. Раха, раскопки Г.Н. Пронина в 1981 гг., ОХАК НГОМЗ; могильник Любахин 1, раскопки А.Н. Башенькина в 1989 г., Череповецкое музейное объединение, музей археологии; могильник Стёпаново III, раскопки Н.И. Петрова в 1999 г., ОХАК НГОМЗ.

²⁶ Могильники у дд. Подсосонье, Обрынь и Липицы, раскопки П.А. Садикова в 1911 г., ОАВЕС ГЭ, колл. № 851; городище Княжая Гора, раскопки С.Н. Орлова в 1973, 1976-1978, 1980 гг., ОХАК НГОМЗ: КП 25294 (А 10), 25296 (А 28), 29018 (А 60), 29953 (А 66), 32963 (А 87).

²⁷ Иногда ребро присутствует на части диаметра округлобокого хорошо профилированного сосуда, как, например, у урны из кургана 1 могильника у д. Вышгород на р. Осуга в бассейне Верхней Волги, исследования П.Д. Малыгина в 1989 г., коллекции АНО «Новоторжская экспедиция» в Торжке. Благодарим П.Д. Малыгина за возможность ознакомиться с материалом.

²² Следует отметить, что похожая баночная и слабопрофилированная керамика встречается в раннесредневековых отложениях нескольких поселений Приильменской низменности, рядом с которыми не зафиксировано курганных могильников, таких как Прость, Городок на Маяте, Сельцо (Носов, Горюнова, Плохов, 2005, табл. 167; Еремеев, Дзюба, 2010, рис. 67; 74: 1; 76; 77; 84; 92: 2; 95; 97; 98: 1-3; 107-109; 112).

нологией комплексов²⁸, а также существованием «параллельно» с ними на тех же или ближайших территориях памятников, оставленных людьми с другими культурными традициями, в том числе и керамическими. В последние два десятилетия трудами И.В. Ислановой такие группы древностей третьей четверти I тыс. н.э. были выделены в Мстинско-Моложском междуречье – удомельский тип, в верховьях Волги – тип Подол, а также в Верхнем Помостье (Исланова, 1997, с. 21-55; 2006, см. 76-79; 2013; 2014). В материалах поселения Юрьевская Горка, расположенного в Удомельском Поозерье, можно найти некоторое количество сосудов, схожих по профилировке с горшками селища на оз. Съезжее, объединенными нами в шестой тип (Исланова, 1997, рис. 36: 1; 37: 1, 3, 5, 8-10; 40: 3). На памятниках же типа Подол в Верхнем Поволжье, кроме аналогичных округлобоких керамических изделий²⁹, широко представлены разнообразные сосуды с ребром в верхней трети высоты (Исланова, 2012, рис. 118: 1, 3, 7, 8, 10, 12; 119: 1-6; 120: 5, 6; 121: 7, 8; 2013, рис. 3: 1-3; 2014, рис. 2: 2-8; 3; 6: 2, 3, 4, 5, 8; Исланова, Черных, 2008, рис. 2; 3; 7: 3, 4). Вполне вероятно, что появление на Съезжем такой посуды связано с контактами жителей этого поселка с населением, оставившим упомянутые выше памятники.

Вещевой комплекс и хронология

Как отмечалось выше, при исследовании грунтового могильника на оз. Съезжее кроме керамики были найдены целые и оплавленные бусы, браслет с расширяющимися концами, обломки тонкого железного стержня и часть ножа.

Особое значение для определения его хронологии имеют шаровидные «крапчатые» и полиэдрические синие бусы из захоронений 7 и 8 на погребальной площадке (рис. 10: 2-13). Недавно они были предметом специального исследования (Мастыкова, Плохов, 2010). На

Северо-Западе России бусы этих типов встречаются в целом ряде погребальных комплексов и на поселениях культуры псковско-новгородских длинных курганов, а также на некоторых памятниках IV-VIII вв., отнесенных исследователями к другим культурным группам³⁰. За пределами этого региона подобные стеклянные изделия представлены в древностях Кавказа и разных частях Европы³¹. Большое количество аналогий таким бусам в датированных комплексах позволило отнести время их бытования на оз. Съезжее ко второй половине V – первой половине VI в.

Вместе с «крапчатыми» и полиэдрическими бусами найдена кольцевидная бусина из синеволетового стекла с усеченно-коническим каналом (рис. 10: 1). Аналогичные бусы на Северо-Западе России нам известны на двух памятниках культуры псковско-новгородских длинных курганов, расположенных в среднем течении р. Плюсса: в погребении 1 кургана 15 могильника Берёзно I, датированном второй половиной VI – VII в. (Михайлова, 2010а, с. 23, 50, рис. 16: 1, 2; 2011, с. 546), а также на поселении Горка 10, отнесенном автором раскопок к V-VII вв. (Попов, 2010а, с. 372, 375, рис. 5: 1, 3; 2010б, с. 149, 151-152, рис. 6: 1, 3).

³⁰ В последние годы несколько полиэдрических бус встречено при раскопках М.А. Юшковой могильника с каменными оградками Кёрстово 2 (Малли) на западе Ижорского плато. С этими бусами связан целый комплекс находок, отнесенный предварительно автором раскопок к третьей четверти I тыс. н.э. (Юшкова, 2015, с. 195, рис. 3: 15).

Следует отметить единичные находки «крапчатых» бус при исследовании средневековых культурных отложений Белоозера и Старой Руссы, а также древнего почвенного слоя на Охтинском мысу в Санкт-Петербурге, переотложенного при строительстве Ландскроны (Голубева, 1973, рис. 65: 23; Сорокин, Короткевич, Гукин, 2011, с. 375, рис. 3: 4; Торопова, Торопов, Самойлов, Колосницын, 2013, с. 89, рис. 2: 2).

³¹ Ближайшей к Северо-Западу России территорией, где найдено значительное число «крапчатых» и полиэдрических синих бус, является Эстония. Здесь они представлены во многих погребальных памятниках (Шмидхельм, 1955, с. 254, 258-259; Laul, 2001, lk. 137, jn .55: 13, 14; Tamla, Jaanits, 1977, s. 68, Abb.1: 7; Tvauri, 2012, p. 148, fig. 111: 1, 5). Наибольшее их количество (не менее 5 «крапчатых» и более 70 полиэдрических бус) происходит из могильника с каменной вымосткой в Прооза рядом с Таллином, основная масса материалов которого относится ко второй половине V – VI в. н.э. (Deemant, 1975, s. 79, Taf. V: 15, 16; 1976, s. 55, Taf. V: 5; Lang, 1996, lk. 156, 186, tahl. LI: 3; фонды Таллинского городского музея: TLM 13943, 14335, 14847, 15109, 15740).

²⁸ Возможно, что некоторые могильники и селища существовали в последней четверти I тыс. н.э., когда посуда с высоко расположенным выраженным плечиком или ребром на уровне наибольшего расширения тулова доминирует в древностях лесной зоны Восточной Европы.

²⁹ В работе, посвященной публикации лепной керамики одного из поселений группы Подол – Рогово-2, сосуды с «коротким крутым плечом» предположительно отнесены к древностям конца I тыс. н.э. (Исланова, Черных, 2008, с. 170).

В нескольких грунтовых захоронениях (3 раскопа I и 2, 3 раскопа II), а также погребальной площадке были встречены оплавленные бусы из синего стекла. Как уже отмечалось, экземпляры именно таких изделий наиболее представлены на памятниках культуры длинных курганов, что, видимо, объясняется цветовыми предпочтениями её носителей. Можно предположить, что преобладание синих бус диктовалось местной модой или этнографической особенностью женского костюма. При этом следует отметить, что украшения, изготовленные из окрашенного кобальтом стекла, доминируют в комплексах, отнесенных Е.Р. Михайловой к I и ко II А периодам развития культуры псковско-новгородских длинных курганов, датируемых ею поздним V – VII вв.³², тогда как в последующие периоды наблюдается значительно большее цветовое разнообразие бус (Михайлова, 2011, с. 544-548). Этот факт, а также наличие в кусочках оплавленного стекла из погребения 3 I раскопа красных включений, возможно, представляющего остатки декора «крапчатых» бус, позволяет отнести все грунтовые захоронения к одному времени.

Браслеты с утолщенными в сечении концами округлого или овального сечения, близкие зафиксированному в погребении 8 (рис. 10: 14), широко распространены в евразийских древностях (Айбабин, Хайрединова, 2008: с. 51; Ахмедов, 2007, с. 149; Веймарн, Айбабин, 1993, с. 187; Засецкая, Казанский, Ахмедов, Минасян, 2007, с. 48-60; Корзухина, 1978, с. 35, табл. 12: 5-7; 26: 5; Михайлова, 2014а, с. 78-86; 2014г; Åberg, 1919, s. 133-134, Abb. 184-187; Kleemann, 1951; Wührer, 1999; 2000, s. 10-46). Они известны на памятниках киевской, пражской, пеньковской, колочинской, рязано-окской и других культур в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы (Археология, 1986, с. 107, 145, 158, 161, рис. 22: 1; 32: 19-21; 37: 18; 39: 7; Археологическое наследие, 2012, с. 47, 52, 54; Аулих, 1972, с. 68-69, табл. XIII: 2, 5-11; Ахмедов, 2007, с. 146, 148-149, рис. 24: 3; Ахмедов, Казанский, 2004, с. 174, 176, 178-179, рис. 5:

10; Баран, 1988, с. 22, рис. 12: 11; Белоцерковская, 2007, с. 189, 195, рис. 3: 8, 10; Горюнов, 1981, рис. 12: 8, 9, 14, 15; 14: 5-7, 9; Горюнова, 2004, с. 25, рис. 6: 2, 11; Еремеев, Дзюба, 2010, рис. 352а: 1; Корзухина, 1996, табл. 4: 1, 2; 15: 2; 23: 3; 61: 7; 77: 3, 5, 6; Левада, с. 560, 568, 571, 573, рис. 2: 6; 14; 15; Литовское, 1958, 352, илл. 348; Милян, 2012, с. 123, рис. 3: 2, 5-10; Приходнюк, 1998, с. 39, рис. 20: 20; 66: 7; 71: 4; Родинкова, Седин, 2004, с. 240, 242, рис. 4: 2-6; Терпиловский, 2004б, рис. 56: 13; 62: 9; Розенфельдт, 1982: 84-85, рис. 19: 2, 3; Шмидехельм, 1955, рис. 32: 8; Шмидт, 2003, с. 82, табл. 20: 13; 24: 4, 33; Этнокультурная карта, 1985, с. 57, 90, 96-97, рис. 10: 21; 15: 25; 17: 14, 15; Ciglis, 2001, p. 53, 57, fig. 2: 12; 4; 5: 6; 6: 8; 7: 1; Tautavičius, 1996, p. 250, pav. 120: 1; Vaškevičiūtė, 2004, p. 79, pav. 68: 6). На Северо-Западе России украшения подобного типа неоднократно встречались при раскопках насыпей культуры псковско-новгородских длинных курганов (Михайлова, 2014а, с. 80-82, 329-330)³³. Некоторые из них имеют орнаментацию, аналогичную браслету из могильника на оз. Съезжее (Башенькин, 1995, рис. 8: 10; Станкевич 1962, 32, рис. 11: 8; Чернягин, 1941, табл. II: 19; III: 12)³⁴. Детальной типологической разработки восточноевропейских браслетов с утолщенными концами, которая позволила бы выявить культурные, территориально-хронологические группы украшений, в современной литературе не существует. Хотя наиболее ранние находки таких изделий датируются I в. н.э. (Засецкая, Казанский, Ахмедов, Минасян, 2007, с. 54-58, рис. 19; Симоненко, 2012, с. 208, 213, рис. 2: 2; 5), период их наибольшего распространения приходится на V-VII вв. (Аулих, 1972, с. 69-70; Баран, 1988, с. 22; Горюнов, 1981, с. 62-63; Казанский, 1999, с. 406; Седов, 1981, с. 8; Этнокультурная карта, 1985, с. 90, 97; Ciglis, 2001, p. 57; Tautavičius, 1996, p. 250). Похожие браслеты встречаются и позже, до рубежа I и II тыс. н.э., но по сравнению с украшениями третьей четверти они имеют более слабо выраженное утолщение концов и в целом менее массивны (Григорьев,

³² Неслучайно в регионе Верхней Двины и Ловати, где не представлены памятники культуры псковско-новгородских длинных курганов VIII-X вв., найдены бусы только синего цвета (Глазов, 1903, с. 59; Носов, Плохов, 1994, с. 148; Станкевич, 1960, с. 252; Штыхаў, 1992, с. 28-29, 110-111, 114, 127, 131; Штыхов, 1999, с. 29, 33).

³³ Один браслет с расширяющимися концами встречен при раскопках могильника Кёрстово 2 (Малли) на западе Ижорского плато (Юшкова, 2015, рис. 3: 10).

³⁴ Обломок такого браслета найден также в погр. I кургана 6 могильника у д. Раха, раскопки Г.Н. Пронина в 1978 г., ОХАК НГОМЗ.

2000, с. 134-135)³⁵. По мнению М.Е. Левады, наиболее близкие съезженской находке изделия с врезным декором в виде косых крестов на концах относятся к V в. (Левада, 2010, с. 587; Левада, Михайлова, 2012). Е.Р. Михайлова, проанализировав вещевой комплекс из погребений культуры псковско-новгородских длинных курганов, предложила датировать браслеты с утолщенными, различными в сечении концами, украшенными геометрическим орнаментом, «в пределах V-VII вв., допуская, что отдельные экземпляры бытовали и позднее» (Михайлова, 2014а, с. 86). При этом исследовательница отнесла подобные изделия к хронологическим индикаторам периода II А развития этой культуры (вторая половина VI – VII в.), хотя и отметила появление этих украшений в предшествующий период (Михайлова, 2011, с. 533-536, 543; 2014а, с. 208-209, рис. 54)³⁶.

В погребении 3 I раскопа наряду с оплавленными бусами был найден плохо сохранившийся железный нож с невыраженным переходом от спинки клинка к черенку (рис. 10: 15). Его можно отнести к I группе ножей Восточной Европы раннего средневековья по Р.С. Минасяну (Минасян, 1980, с. 69, рис. 1). Подобные инструменты типичны для древностей культуры псковско-новгородских длинных курганов, особенно для восточной части её ареала, а также для памятников третьей четверти I тыс. н.э. других культурных традиций, расположенных в бассейнах Мсты и Верхней Волги, ближайших к оз. Съезжее (Исланова, 1997, с. 47, рис. 78: 10-15; 2006, с. 104, рис. 112; 113: 1-5; 2012, с. 28, 38, 44, рис. 28: 1, 2; 50: 7, 9; 57: 2; 80: 5, 6; 2014, с. 30, рис. 9: 2, 3; Михайлова, 2014а, с. 129-131, рис. 30; Торопов, 1997, с. 12-13). В этих регионах орудия с прямой спинкой продолжали широко использоваться вплоть до рубежа I и II тыс. н.э. (Исланова, 1997, с. 84, 94, 99, рис. 21: 7, 11, 13; 94: 4, 5, 145: 1-3, 7-11; 146а: 1-4, 6, 8-10, 13; Леонтьев, 1996, с. 104-110; Носов, Плохов, 1991, с. 126, рис. 4: 1-7).

³⁵ Несколько подобных браслетов встречено на памятниках Поволжья и Приильменья: Прость, Деревяницы, Золотое Колено (Носов, Плохов, 1991, с. 126, рис. 5: 4; Носов, Ершевский, Плохов, 1998, с. 29, 31; ОХАК НГОМЗ: КП 31899 (А 45-284)).

³⁶ Погребение 8 грунтового могильника на оз. Съезжее, по предположению Е.Р. Михайловой, соответствует переходу от первого периода развития культуры длинных курганов (поздний V – вторая четверть / середина VI в.) ко второму (Михайлова, 2011, с. 543; 2014а, с. 208).

Таким образом, встреченные находки позволяют на данном этапе изучения отнести время совершения грунтовых захоронений на оз. Съезжее ко второй половине V – первой половине VI в.

Определиться с датой курганного могильника и его соотношением с бескурганной частью некрополя значительно сложнее. Как известно, в настоящее время существуют две гипотезы развития погребального обряда у населения культуры псковско-новгородских длинных курганов. Согласно первой, высказанной М.Э. Аун, а затем поддержанной и развернутой одним из авторов настоящей публикации, грунтовые захоронения и погребальные площадки являются предшествующими земляным насыпям ступенями эволюции погребального ритуала (Аун, 1980, с. 99; Носов, 1984, с. 16-17). По второй, предложенной Е.Р. Михайловой и поддержанной В.Я. Конечким, никакого развития не было, все элементы похоронной обрядности сосуществуют на всем протяжении жизни культуры (Конечкий, 1997а, с. 220-222; Михайлова, 1993). К сожалению, встреченные при исследовании насыпей на оз. Съезжее единичные находки не поддаются более точной датировке, чем вторая половина I тыс. н.э.³⁷ Поэтому на данном уровне знаний по вопросу о том: грунтовые или курганные захоронения могильника являются более древними, либо они совершались в одно время, возможны различные мнения³⁸. Если с точки зрения

³⁷ Хотя возможно, что наличие оплавленных синих бус в погребении 10 кургана и позволит сузить время их сооружения до его третьей четверти. Для этого необходимо проведение химического анализа бус из синего стекла, найденных в комплексах разных этапов развития культуры псковско-новгородских длинных курганов.

³⁸ В последние десятилетия не перекрытые насыпями грунтовые захоронения открыты в почти двух десятках пунктов в разных частях ареала культуры псковско-новгородских длинных курганов. Среди них есть как топографически связанные с курганными группами, так и расположенные независимо от них, хотя и в длиннокурганном ландшафте (Зимица, 2011, с. 145, 147-148; Исланова, 2006, с. 55-57; 2012, с. 24-25; Конечкий, 2000, с. 8; Михайлова, 2010а, с. 43-44; 2010б, с. 105; Орлов, 1968, с. 166-167; Соболев, 2008, с. 120-122, 131-132). Эти захоронения встречены не только в ранних, но и в поздних курганных могильниках. По мнению исследователей, они являются составной частью погребальной обрядности на всем протяжении существования культуры псковско-новгородских длинных курганов (Исланова, 2012, с. 25; Конечкий, 1997а, с. 221-222; 1997б: 25; Михайлова, 2010а, с. 44).

В связи с этим следует отметить, что Е.Н. Носов рассматривая эволюцию погребальной обрядности у населения культуры длинных курганов, считал, что грунтовые

М.Э. Аун, представленные на Съезде насыпи с единичными погребениями на вершине, относятся к позднему этапу эволюции обряда захоронения культуры длинных курганов, то, по предположению Е.Р. Михайловой, погребальную площадку этого некрополя следует рассматривать как незавершенную, «недосыпанную» в силу каких-то экстраординарных причин насыпь, маркирующую «финальную фазу в развитии ... могильника, по какой-то причине внезапно прекратившего свое функционирование» (Аун, 1980, с. 99; Михайлова, 1993, с. 77).

Вещевые находки на раскопанных участках селища немногочисленны. Из украшений на памятнике встречены обломки кольца из медного сплава, целая и фрагментированная кольцевидные бусины из синего стекла. Кольцо с несомкнутыми концами (рис. 17: 6) сделано из тонкой (2 мм) проволоки треугольного сечения. По-видимому, это фрагменты спирального перстня. Такие украшения были найдены в кургане 17 могильника Шихино в Верхнем Помостье и, возможно, в кургане 9 могильника Погоща в Браславском Поозерье, относимых к культуре псковско-новгородских длинных курганов (Исланова, 2006, с. 101, рис. 108: 3; Плавинский, 2010, с. 242, рис. 9: 6-10). Спиральные перстни известны в погребальных комплексах этой культуры также на Мологе, в Среднем Помостье³⁹, Среднем Поплюсье, Восточном Причудье и на территории западного побережья Псковского озера, но здесь встречены изделия в основном из проволоки сегментовидного сечения (Аун, 1992, с. 128; Башенькин, Васенина, 2007, с. 44, рис. 4: 1; Михайлова, 2010а, рис. 8: 3, 4; Попов, 2012, с. 115, рис. 14: 4). Исключением является украшение из могильника у д. Северик (Plotkin, 2009, jп. 3: 1). Спиральные перстни, свернутые из разной, в том числе и треугольной в сечении, проволоки были широко распространены в древностях римского времени – раннего средневековья у балтов, прибалтийских и поволжских финнов (Вишневский, Кирьянова, Добровольская, 2007, рис. 4: 1-4; 5: 15, 30; 6: 2, 3, 6, 22; Розенфельдт,

1982, с. 91, 93, рис. 20: 1-22; Lehtosalo-Hilander, 1982, p. 122-23, fig. 35: 1-4; Ranta, 1996, p. 44-45, pl. 5: 1-8; Tautavičius, 1996, p. 256-257)⁴⁰. Считается, что в Эстонии украшения из треугольной проволоки стали больше изготавливать с середины I тыс. (Аун, 1992, с. 69, табл. XXVI: 14). В Финляндии такие изделия типичны для эпохи Меровингов и ранней эпохи викингов (Lehtosalo-Hilander, 1982, p. 127; Ranta, 1996, p. 45).

Кольцевидные бусы из синего стекла известны в материалах культуры псковско-новгородских длинных курганов (Исланова, 2006, с. 102, рис. 109: 17; Михайлова, 2010б, с. 91, рис. 11: 1, 2; Спицын, 1915, с. 238, рис. 34: 13). В погребениях в основном подобные бусы находят надежными на колечки (Михайлова, 2014а, с. 113-115, рис. 27). В большинстве случаев они были единственными находками в захоронениях, что не дает оснований для узкой датировки. Не может помочь в этом и обращение к древностям других культур, поскольку похожие бусы из-за простоты формы представлены на обширной территории в памятниках разного времени.

Среди встреченных на поселении железных изделий имеются стерженек (рис. 17: 7), обломок лезвия ножа и части двух серпов. Последние, по классификации Р.С. Минасяна, относятся к разным группам этих орудий железного века и раннего средневековья Восточной Европы. Первый инструмент (рис. 17: 12) принадлежит к варианту Д первой группы, объединяющей серпы, у которых ось задней части клинка совпадает с осью черенка (Минасян, 1978а, с. 79, рис. 3: 43-55). Подобные орудия известны на памятниках ряда культур Северо-Запада России, Северной Белоруссии, на Смоленской области и датируются в пределах I тыс. н.э. Несколько таких изделий представлено на поселениях ближайшей к оз. Съезжее территории Помостья, причисляемых исследователями к культуре псковско-новгородских длинных курганов: Городок 1, Крюково и Кобылья Голова, а также на раннесредневеком городище Сельцо в юго-восточном Приильменье (Еремеев, Дзюба, 2010, рис. 113: 7, 8; Исланова, 2006, с. 106, рис. 116: 2; Орлов, 1968, с. 163, рис. 4: 1; Торопов, 1997, с. 12-13). Второй, най-

захоронения предшествовали погребениям в курганах, прежде всего, типологически. Это отнюдь не означает, что в любом могильнике грунтовые погребения раньше курганных. Вряд ли стоит сомневаться, что в каждом конкретном случае сосуществование подобных элементов обрядности могло быть разным.

³⁹ В 4 кургане могильника у д. Каменка, раскопки В.Я. Конечного в 1978 г., ОХАК НГОМЗ: НВ 21562–317.

⁴⁰ А.Е. Леонтьев считает найденные на Сарском городище и могильнике бронзовые спирали диаметром около 2 см, изготовленные из проволоки трехгранного сечения, наконечниками, правда, из публикации неясно, чем они отличаются от спиральных перстней (Леонтьев, 1996, с. 164, 181, рис. 32: 2; 70: 9; 74: 8).

денный на селище серп имеет пятку, загнутую перпендикулярно плоскости клинка (рис. 17: 13). Он относится к орудиям первой подгруппы второй группы по Р.С. Минасяну (Минасян, 1978а, с. 79, рис. 4: 1-20, 24-28, 30-56). В Восточной Европе такие изделия использовались носителями многих культур от эпохи раннего железа до X-XI вв. В Приильменье серпы с загнутой пяткой встречены при исследовании Городка на Маяте (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 113, рис. 104: 5, 6) и городища Княжая гора⁴¹. Представлены они и в материалах памятников третьей четверти I тыс. н.э. верховьев Волги, отнесенных И.В. Ислановой к типу Подол (Исланова, 2012, с. 42, 44, рис. 29: 3; 30: 1; 124: 14; 2014, с. 28, рис. 8: 5, 6).

Кроме серпов о занятии жителей поселения на оз. Съезжее земледелием свидетельствует встреченный при изучении основания первого дома обломок жернова (рис. 15: В, 1). Он принадлежал верхнему камню орудия – бегуну, который имел диаметр около 37 см, вогнутую рабочую поверхность и отверстие конусообразной формы в центре. Фрагмент найденного орудия мог принадлежать любой из трех групп легких ручных ротационных мельниц Восточной Европы по классификации Р.С. Минасяна (Минасян, 1978б, с. 103-108). Как известно, древнейшие находки жерновов на территории северной части лесной зоны Русской равнины происходят с памятников тушемлинской и банцеровской культур (городища Тушемля, Городок, селища Дедиловичи (Замковая Гора) и Дорохи) (Третьяков, 1963, с. 16, 26, 65, 67, 70, 101, рис. 4; 28; Лопатин, Медведев, 2002, с. 27; Митрофанов, 1966, с. 224, 228; 1978, с. 96, 115; Шмидт, 2003, с. 93; Штыхаў, 1992, с. 35, 50; Штыхов, 1979, с. 448), традиционно относимых к третьей четверти I тыс. н.э. Фрагмент такого орудия был встречен также при подводных исследованиях железодельной мастерской культуры псковско-новгородских длинных курганов Мосты на оз. Сенница, датированной VII – началом VIII в.⁴² (Фурасьев, 2001в, с. 20-21). Однако Р.С. Минасян причислил

орудия с городищ Тушемля и Городок к последнему этапу существования этих памятников, к VIII-IX вв.⁴³ Этим временем он датировал и находку с Замковой Горы (Минасян, 1978, с. 110-111)⁴⁴. По гипотезе исследователя, ручные ротационные мельницы (жерновой постав I группы) появляются на территории Верхнего Поднепровья и Северо-Запада России только с VIII-IX вв. или с IX в. (Минасян, 1978б, с. 110-112). Р.С. Минасян включил подобные устройства в хозяйственно-бытовой комплекс орудий, характеризующий культуру раннесредневековых славян и распространенный ими в процессе расселения по лесной зоне Восточной Европы (Минасян, 1982, с. 26-29). В обобщающей монографии о тушемлинской культуре Е.А. Шмидт пришел к заключению, что её носители для размол зерна широко использовали каменные зернотерки, тогда как жернова, видимо, «появились в Смоленском Поднепровье только в самом конце существования тушемлинской культуры», т.е. до рубежа VII и VIII вв., и широко не распространились (Шмидт, 2003, с. 140). Иначе датировал в своих последних работах древнейшие ручные мельницы В.В. Седов (Седов, 2005, с. 358, 737). Он включил их в число вещей, привнесенных в лесные области Восточно-Европейской равнины переселенцами из Среднего Повисленья в середине I тыс. н.э. К ещё более раннему времени, а именно к IV – первой половине V в. отнесли «начало их повсеместного использования населением Верхнего Поднепровья и Подвинья» Н.В. Лопатин и А.Г. Фурасьев. В качестве подтверждения такой датировки они указали на находки частей ротационных мельниц на памятниках позднего этапа киевской культуры (Лопатин, Фурасьев, 2007б, с. 281). По данным Р.В. Терпиловского, жерновой постав киевской культуры относится по конструкции к варианту А II группы, по классификации Р.С. Минасяна, которая на территории Восточной Европы была характер-

⁴¹ Раскопки С.Н. Орлова в 1977 г., ОХАК НГОМЗ: КП 29953-90 (А 66-90).

⁴² Радиоуглеродная дата, полученная по углю из шлаков мастерской, позволяет расширить хронологию Мостов почти на весь VIII в. (Ле-4211, 440 ... 790 г. н.э., cal AD) (Зайцева, Попов, Свеженцев, 1993, с.174). Следует отметить, что ещё две упомянутые А.Г. Фурасьевым даты отнесены к этому памятнику ошибочно (образцы Ле-4633, 4634) (Фурасьев, 2001, с. 20; Лопатин, Фурасьев, 2007а, с. 117, табл. 2).

⁴³ Серединой IX в. датировал слой пожара городища Тушемля, в котором был зафиксирован жернов, ещё автор раскопок П.Н. Третьяков (Третьяков, 1963, с. 17, 33), тогда как Е.А. Шмидт в одном месте работы 2003 г. определил его время концом VI-VII вв., а в другом – концом VII в. или рубежом VII и VIII вв. (Шмидт, 2003, с. 26, 141).

⁴⁴ Селище Замковая Гора у д. Дедиловичи датировалось автором раскопок VII-VIII вв. н.э. (Митрофанов, 1978, с.114), тогда как Н.В. Лопатин и А.М. Медведев, опубликовавшие доступные в настоящее время для изучения находки с памятника, считают, что оно, в основном, существовало «не позднее IV-V вв.» (Лопатин, Медведев, 2002, с. 25).

на для черняховской культуры (Минасян, 1978, с. 104-106; Терпиловский, 1984, с. 35-36, 62-63, рис. 17; 2004б, с. 75, рис. 57: 19; 82: 1; Терпиловский, Абашина, 1992: 62, рис. 14: 1). Исследователь считает подобные орудия, изготовленные в основном из вулканического туфа, «своеобразной категорией черняховского импорта» (Терпиловский, 1984, с. 36; 2004, с. 63, 76)⁴⁵. Полагают, что с прекращением существования черняховской культуры исчезают в Восточной Европе и ручные мельницы варианта А II группы⁴⁶. Интересно, что, судя по описанию, находки, сделанные у д. Дорохи, принадлежат именно к такому жерновому поставу (Штыхаў, 1992, с. 50; Штыхов, 1979, с. 448). Таким образом, по-видимому, древнейшие «черняховские» жернова в лесной зоне Восточной Европы появились к концу второй четверти I тыс., но насколько они были здесь распространены и как долго бытовали, пока неясно. Очевидно только, что эти орудия не вытеснили зернотерки⁴⁷. Об этом свидетельствуют находки таких приспособлений для размельчения зерна на памятниках колочинской, тушемлинской и банцеровской культур, а также длинно-курганном селище у д. Жабино в Верхнем Подвинье (Митрофанов, 1978, с. 115, рис. 57: 26-29; Станкевич, 1960, с. 113, рис. 73: 3; Терпиловский, 2004б, с. 63; Шмидт, 2003, с. 92-93). Широкое внедрение в культуру этого региона ротационных мельниц произошло в последние века I тыс. н.э., когда на памятниках Северной Руси появляются жернова I группы, а также варианта Б II группы по Р.С. Минасяну (Леонтьев, 1979; Минасян, 1978, с. 107-111).

Из других находок из камня на поселении представлены: литейная формочка из песчаника, каменное грузило с отверстием от рыбацкой сети, а также сланцевый оселок. Формочка была вырезана на плитке подовальных очертаний с максимальными размерами 2,8 × 4,1 × 1,1 см. На одной её стороне виден негатив бляшки сердцевидной формы, декорированной завитками в основании и точкой в

верхней части, к которой подходит литник (рис. 17: 5). На противоположной стороне прочерчены перекрещивающиеся линии, которые, по мнению С.Е. Торопова, являются разметкой для изготовления негатива трапециевидной бляшки⁴⁸.

По мнению О.А. Щегловой, посвятившей свинцово-оловянным украшениям и формам для их изготовления ряд работ, традиция отливки мелких плоских нашивных украшений из низкотемпературных сплавов получила широкое распространение на памятниках Восточной Европы вряд ли ранее конца VI в. (Щеглова, 2001б, с. 53; 2002б, с. 137; 2009, с. 56). Литейные формы для выплавки самых разнообразных по форме бляшек и подвесок встречены в могильниках культуры длинных курганов Юго-Восточной Эстонии, в древнейших слоях Изборска, Камно, Любши, Пскова, Рыуге, Старой Ладogi (Аун, 1980, с. 81, рис. 17: 2, 4-6; 1992, с. 55-56, 123, табл. XIX; Михайлова, 2015; Седов, 2007, с. 98, рис. 78: 1-3, 5-9, 17; Тараканова, 1949, рис. 39б: 11-13; 1953, с. 206-208; 1956, рис. 20; Щеглова, 2003; Григорьева, Щеглова, 2012), а также в материалах других раннесредневековых памятников Русской равнины, но все они предназначались для изготовления отливок, существенно отличающихся от негатива изделия со съезженской находки. О.А. Щеглова отнесла это изображение к группе редуцированных модификаций «пельтовидных» лунниц⁴⁹ (Щеглова, 2002б, с. 140, рис. 5: 2-5; 2009, с. 46, табл. II). Однако, в отличие от негативов изделий с формочек с городищ Зимно и Осечен, поселения Подол III, из погребения 1 кургана 6 в могильнике Лоози, а также отлитых металлических подвесок из кургана 8 могильника Раха⁵⁰ и каменного могильника у Прееди в Центральной Эстонии, «сердечко» с формочки, найденной на оз. Съезжее, имеет существенно меньшие размеры и приостренную, а не округлую верхнюю часть (ср. рис. 17: 1 и 17: 4-9). Очевидно, что это изображение не лунницы, а сердцевидной бляшки⁵¹. Похожая формочка для отливки сердцевидных бляшек, но глиняная и с

⁴⁵ В поздне римское время «черняховские» жернова падают и на памятники мощинской культуры (Воронцов, 2013, с. 29-31, 64, рис. 87: 10).

⁴⁶ Известна находка ротационной мельницы варианта А II группы в одном из курганов могильника Избрижье на Верхней Волге, датируемом концом XI – началом XII вв. (Арсланова, Беляков, 1997, с. 50, рис. 8).

⁴⁷ По последним исследованиям, ручные ротационные мельницы не вытеснили зернотерки даже из обихода носителей таких культур конца I тыс. н.э., как волынцевская и роменская (Горбаненко, 2002).

⁴⁸ Устное сообщение.

⁴⁹ Недавно эту интерпретацию изображения повторила Е.Р. Михайлова (Михайлова, 2015, с. 126).

⁵⁰ Раскопки Г.Н. Пронина в 1981 г., ОХАК НГОМЗ.

⁵¹ Следует отметить, что формочки для отливки поясной гарнитуры известны среди находок из ювелирной мастерской с поселения пражской культуры Бернашевка в Поднепровье (Винокур, 1997, с. 90, 92, 96, 98, 121-124, рис. 16; 30; 31; 33; 34; 38; 39; 47; 54).

менее проработанным изображением, найдена на поселении Крутик в бассейне Шексны (рис. 17: 2), датированном второй половиной IX – третьей четвертью X в. (Голубева, 1991, с. 155, рис. 1: 8; Голубева, Кочуркина, 1991, с. 69, рис. 34: 3).

Значительное количество разнообразных бляшек сердцевидной формы представлено в восточноевропейских древностях конца I – начала II тыс. н. э. (Казаков, 1991, с. 134-136, рис. 44: 31-45; 2010; Мурашева, 2000). В более ранних материалах они немногочисленны. Древнейшие сердцевидные накладки на территории Восточной Европы известны на памятниках Среднего Поднепровья, Крыма, Подонья, Северного Кавказа, Среднего и Нижнего Поволжья и Прикамья (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 84, 87, 94, 193, 210, рис. 16: 1-4; 43: 35-37; 45: 13, табл. XL: 18-20; LXX: 2; Гавритухин, 2001, рис. 78: 2; 2005в, рис. 1: 65, 119; Генинг, 1979, рис. O12; P16; Голдина, 1985, с. 42, табл. XII: 17, 18; Голдина, Водолаго, 1990, с. 82, табл. XXXII: 47; Комар, 1999, табл. 4: 29, 30; 2000: 43-44, рис. 4: 18, 21; 2001, с. 29, рис. 5: 27-31; Ковалевская, 2000, с. 149, рис. XII: 32, 33; Корзухина, 1996, с. 358, табл. 3: 16-18; Смирнов, 1960, с. 229, 266, рис. 22: 12; Gavrituchin, fig. 27: 65, 119). Несколько комплексов, где найдены такие ременные украшения, относятся исследователями к VII в.⁵², но в основном они датируются VIII столетием⁵³. В отличие от более поздних бляшек, большинство из них имеет гладкую неорнаментированную верхнюю поверхность. Прессованные сердцевидные накладки с геометризиро-

ванным растительным орнаментом встречены в материалах могильников Мокрая Балка у г. Кисловодск и Дмитриевском в бассейне Северского Донца (Гавритухин, 2001, рис. 78: 2; 2005, рис. 1: 65, 119; Комар, 1999, табл. 4: 30; Gavrituchin, 2008, fig. 27: 65, 119). В первом бляшка отнесена к фазе III в (690/710 – 730/760 гг.), тогда как во втором – к раннему горизонту памятников лесостепного Подонья салтово-маяцкого круга, предшествующему «классическим древностям» этой культуры, т.е. не позднее 760-х – 780-х гг.⁵⁴ (Гавритухин, 2001, с. 47-48; Gavrituchin, 2008, р. 80, 86-87, 89). Следует отметить, что сердцевидный мотив присутствует на ряде металлических тисненых фигурных бляшек из комплекса у с. Вознесенка в Запорожье. Одна из них имеет изображение очень близкое в деталях негативу изделия, запечатленного на съезженской формочке (рис. 18: 3). Единой точки зрения на хронологию этого комплекса до сих пор не существует. Разными учеными она определяется в пределах VII-VIII вв., но наиболее обоснована, на наш взгляд, дата, охватывающая последнюю треть VII – начало VIII столетия (Амброз, 1981, с. 14, 21-22; Гавритухин, 2005в, с. 386-387, 411, рис. 1: 16; 2014, с. 139-140; Гринченко, 1950, с. 62; Комар, 1999, с. 131-132, табл. 1: 59, 74, 82; 2000, с. 43; 2001: 29-30; 2006, с. 118, 238, рис. 37: 50; 2010, рис. 6; Хрисимов, 2009; Gavrituchin, 2008, р. 84-85, fig. 27: 1b)⁵⁵. Видимо, формочка со Съезжего была изготовлена не раньше этого времени.

Сланцевый оселок, найденный при разборке заполнения постройки 1, представляет собой четырехгранный брусок длиной 6,7 см (рис. 15: В, 2). С одного из концов изделие имеет начатое с двух сторон, но не законченное, отверстие. Нам неизвестны оселки с отверстиями как в материалах культуры псковско-новгородских длинных курганов, так и других культурных групп Северо-Запада России, надежно датированных третьей четвертью I тыс. н.э. или более ранним временем⁵⁶.

⁵² К этому столетию в основном относятся бляшки, причисленные А.В. Комаром к «омегаобразным» (Гавритухин, 2001, рис. 77: 29, 48; Голдина, 2012, с. 211, табл. 13: 10; Голдина, Перевозчикова, 2012, с. 324, табл. 5: 38; Комар, 2006, с. 105, рис. 48: 37).

⁵³ Погр. 1 кург. 2 II и погр. 1 кург. 2 IV Бруснянских могильников в Среднем Поволжье, в которых найдены накладки сердцевидной формы, датированы А.В. Богачевым второй половиной VII в. н.э. (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 151-153, 156, 161-162; Богачев, 2011, с. 277-280, 284-290). По мнению А.В. Комара, сердцевидные бляшки из этих погребений «принадлежат к характерным восточнотюркским типам кон. VII – IX в. (Комар, 2001, с. 31). В работе 2006 г. исследователь отнес эти захоронения ко 2 фазе горизонта Шиловки (период IVб), датированной 715-725 гг. (Комар, 2006, с. 115, 238). Позднее, детально проанализировав погребальный инвентарь, он заключил, что аналогии вещам из бруснянских комплексов позволяют «относить их к финалу фазы Вознесенки» (=1 фаза горизонта Шиловки, 690-711 гг.), но не исключают археологизации «в рамках фазы 2» (711-725 гг.) (Комар, 2010, с. 178, 191, рис. 6).

⁵⁴ О.И. Гавритухин использует накладки как индикатор синхронизации (ИС-42) этих памятников (Гавритухин, 2005, с. 405, 414; Gavrituchin, 2008, р. 94).

⁵⁵ В упомянутых выше погребениях Среднего Поволжья, наряду с сердцевидными бляшками, представлены прессованные бляшки с растительным декором, аналогичные найденным в Вознесенке (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, табл. XL: 18-22, 25; LXX: 1, 2).

⁵⁶ Единственным исключением является сланцевый оселок с отверстием для подвешивания, встреченный в погребаль-

Для этих древностей обычны точильные камни, не имеющие приспособлений для ношения на поясе (Башенькин, Васенина, 2004, рис. 36: 3; Исланова, 1997, с. 49, рис. 82: 4, 5; 2008, с. 28, рис. 95-101; 2012, с. 42, рис. 51: 6; 125: 3, 4; 2014, рис. 10: 3, 4; Лопатин, Фурасев, 2007а, с. 110, 114, рис. 71: 5; 86: 7; Михайлова, 2010б, с. 91, рис. 12; Орлов, 1968, с. 167, рис. 8: 1). Широкое распространение оселков с отверстиями на территории Северной Руси началось с третьей четверти VIII в. Именно этим временем датируются такие древнейшие изделия из культурного слоя Земляного городища Старой Ладogi (Давидан, 1994, с. 165)⁵⁷. По мнению А.Е. Леонтьева, «точильные камни правильной формы с отверстиями, предназначенные для постоянного употребления, связаны с появлением трехслойных ножей, которые, как любое орудие со стальным лезвием, требовали обязательной правки» (Леонтьев, 1996, с. 134, 138).

Из глиняных изделий на поселении встречены три фрагментированных пряслица и одно целое (рис. 17: 1-4), три обломка тиглей (рис. 17: 8, 10, 11), а также часть плитки (рис. 17: 9).

Все пряслица изготовлены из глины без явных отошающих добавок. Они имеют коричневую и в основном заглаженную поверхность. Только у одного изделия она подлощённая (рис. 17: 3). Все экземпляры имеют уплощенно-биконическую форму и высоту, несколько меньшую максимального диаметра (соотношение Н:Дm равно 0,7-0,9). Боковые грани у трех пряслиц прямые, а у одного – несколько вогнутые. У двух пряслиц верхняя и нижняя поверхности плоские, одно можно причислить к изделиям с воронковидными основаниями, а у последнего экземпляра они практически отсутствуют (боковая сторона переходит в осевое отверстие). Толщина стенок у пряслиц – 7,5-12 мм, диаметр отверстий – около 6-9 мм.

В работе 1979 г., посвященной классификации орудий труда и предметов вооружения из

раннесредневековых памятников Днепро-Неманского междуречья, В.Б. Перхавко выделил два типа пряслиц (Перхавко, 1979, с. 45-46). Изделия, близкие по пропорциям находкам со Съезжего, он отнес ко II типу. По наблюдениям исследователя, такие пряслица имели широкое распространение в культурах Корчак и Луки Райковецкой, а на севере между Днпром и Неманом они появляются не ранее VII-VIII вв. «в связи с передвижениями славянских племен».

В середине 1990-х глиняные пряслица с памятников ряда культур лесной и лесостепной зон Восточной Европы I тыс. н.э. были изучены О.А. Шаровой (Лопатиной) (Шарова, 1995; 2004). По форме и размерам ею были выделены многочисленные варианты изделий, определенные наборы (А-И) которых оказались характерны для отдельных территориально-хронологических групп памятников. При этом, по мнению исследовательницы, все имеющееся «многообразие вариантов пряслиц сводится к двум большим группам», между которыми не существует четких границ. Первую группу (наборы А-В) составляют низкие, с большими отверстиями и относительно тонкими стенками изделия с четкими перегибами профиля, вогнутыми боковыми гранями, которые часто залощены. Для второй же (наборы Г-И) характерны более массивные, высокие, с узким отверстием пряслица с закругленными формами и не так тщательно обработанными поверхностями. О.А. Шарова видит за отмеченными морфологическими различиями функциональные отличия и полагает, что существовали две традиции изготовления глиняных биконических грузиков⁵⁸.

Найденные на Съезжеме пряслица вполне можно отнести к вариантам из наборов З и И (ср. рис. 17: 1-4 и Шарова, 2004, рис. 1) второй традиции, которые представлены на памятниках верховьев р. Тетерев пражско-корчакской культуры⁵⁹.

По наблюдениям О.А. Шаровой, возникновение традиции изготовления высоких биконических грузиков с узким отверстием для вере-

ном инвентаре одного из «домиков мертвых» на р. Молога (Башенькин, 1995, с. 9, рис. 2: 18). Он датируется II-I вв. до н.э. – началом н.э. Возникновение этого типа погребальных сооружений на территории Молого-Шекснинского междуречья А.Н. Башенькин связывает с появлением групп нового населения, пришедшего с юго-востока по Волге, предположительно, из степной зоны (Башенькин, 1995, с. 12). Этими переселенцами, по-видимому, и был занесен на север отмеченный оселок.

⁵⁷ Среди вещевых находок из открытой Е.А. Рябининым древнейшей староладожской кузнечно-слесарной мастерской, датируемой 750 – 760-ми гг. VIII в., представлены как крупные точильные камни из песчаника, так и оселки (Рябинин, 1994, с. 46).

⁵⁸ К сожалению, работа О.А. Шаровой не была издана в полном виде, а в существующих публикациях не представлены описания выделенных ею вариантов пряслиц, их наборов, да и территориально-хронологические группы памятников охарактеризованы очень кратко. Всё это затрудняет применить разработки исследовательницы к имеющемуся материалу.

⁵⁹ Надо отметить, что пряслица этой группы имеют большую среднюю высоту и толщину стенок, чем изделия со Съезжего.

тена восходит к культурам раннего железного века. В римское время она наиболее характерна для лесостепной зоны Поднепровья. Позднее эта традиция постепенно распространяется по территории лесной зоны Восточной Европы и продолжается на памятниках конца I тыс. н.э. и Древней Руси (Шарова, 1995, с. 53; 2004, с. 72).

Специального исследования по пряслицам культуры псковско-новгородских длинных курганов пока нет. Считается, что для неё характерны пряслица из набора В первой традиции (Шарова, 1995, с. 52-53; 2004, с. 68, 72). Действительно, такие изделия мы можем увидеть в материалах многих поселений⁶⁰ и в нескольких погребениях в разных частях ареала этой культуры (Александров, Белецкий, 1994, с. 54, рис. 2: 11-14; Белецкий, 1998, с. 86, рис. 4: 21; Исланова, 2006, с. 107-108, рис. 43: 11; 45: 2; 56: 11, 12; 82: 26; 96: 11; 118: 1-17, 19, 20, 24, 25; 119: 3; 2012, с. 36, рис. 46: 2; Конечский, 2000, с. 5; Михайлова, 2010б, с. 88, рис. 9: 2-8; Попов, 2010а, с. 375, рис. 5: 13, 14, 17-19, 21; 2010б, с. 152; Попов, Шаровская, Румянцева, 2010; Фурасьев, 2001в, с. 15, 18, рис. 3: 13, 15, 16; 2001б, с. 95, 100, рис. 4: 1, 29, 30; Beletski, 2009, jn. 3: 2, 3). Пряслица первой традиции широко представлены также на ряде памятников Приильменской низменности, на которых имеются отложения третьей четверти I тыс. н.э. – Прость, Городок на Маяте, Губинская Лука⁶¹ (Носов, Горюнова, Плохов, 2005, с. 143, табл. 165: 1-4; Еремеев, Дзюба, 2010, с. 114, рис. 68: 8; 95: 5; 166: 12, 15; 196-198).

Встречаются в длиннокурганых древностях и более высокие (с соотношением высоты к максимальному диаметру около 0,7, а изредка и с 0,8-0,9) глиняные биконические грузики для веретена, а также имеющие относительно небольшое отверстие и/или довольно массивные стенки (Исланова, 2006, рис. 43: 13; 52: 3, 4; 97: 3; 105: 3; 118: 18, 21-23, 27; 119: 4-8; Михайлова, 2014а, рис. 41: 1, 2, 5; Попов, 2010а, рис. 5:

14, 18, 22, 23; Попов, Шаровская, Румянцева, 2010, с. 158-159, рис. 2: 5; 3: 1; 4: 5-7, 10, 12, 13; Станкевич, 1960, рис. 75: 6, 7; Aun, 2003, jn. 9: 3; Beletski, 2009, jn. 3: 4)⁶², что сближает их с изделиями второй традиции, но таких пряслиц всё же значительно меньше⁶³.

Более близкие аналогии находкам с оз. Съезжее дают материалы с селища Юрьевская Горка. На этом памятнике найдено свыше 96 экземпляров целых и фрагментированных пряслиц, среди которых представлены изделия разных форм, но доминируют биконические (Исланова, 1997, с. 47-49). Среди последних отмечены пряслица как с вогнутыми, так и с прямыми или слегка выпуклыми гранями. Большинство изделий памятника (78%) по типологии В.Б. Перхавко отнесены к высоким, поскольку имеют соотношение между высотой и наибольшим диаметром больше чем 0,6. Немало здесь и пряслиц с пропорциями такими же как у грузиков с нашего поселения – 43%⁶⁴. И.В. Исланова считает, что появление глиняных биконических пряслиц на Юрьевской Горке, как и некоторых других элементов материальной культуры, связано с притоком откуда-то с юго-запада на территорию Удомельского Поозерья нового раннеславянского населения (Исланова, 1997, с. 127). Так ли это и насколько высокие биконические грузики характерны для памятников третьей четверти I тыс. н.э. в междуречье Мсты и Мологи, покажут дальнейшие исследования.

На селище найден обломок глиняной плитки, имеющий подпрямоугольные очертания (рис. 17: 9) и наибольшие размеры 48 × 58 × 18 мм. Единственная известная нам аналогия происходит с

⁶⁰ Около десятка низких биконических подлощенных пряслиц с широким отверстием найдено при исследовании городища Княжая Гора в бассейне верхнего течения р. Пола, в ближайших окрестностях которого между дд. Липицы и Лещево зафиксировано крупное скопление погребальных насыпей культуры псковско-новгородских длинных курганов. Раскопки С.Н. Орлова в 1973, 1976, 1978 гг., ОХАК НГОМЗ: КП 25296-79 (А 28), 29018-32 (прил. к А 60), 32963-29, 30 (А 87), а также С.Е. Торопова в 2007 г.

⁶¹ Раскопки В.Я. Конечского в 1990-1991 гг., ОХАК НГОМЗ: КП 40075 (А 162).

⁶² Половинка биконического пряслица, с подлощенными вогнутыми гранями и довольно толстыми стенками, встречена в кургане 2 могильника у д. Каменка в Среднем Помостье. Раскопки В.Я. Конечского в 1975 г., ОХАК НГОМЗ: КП 26505 (А 31-5).

⁶³ Особое место занимает селище на оз. Крюково под г. Боровичи в верховьях Мсты. Здесь представлен набор из разных вариантов биконических пряслиц, различающихся по форме и размерам, а также округлобокие изделия. Последних, по подсчетам С.Е. Торопова, на памятнике найдено примерно столько же, сколько имеющих перегиб между боковыми гранями (Торопов, 1997, с. 14). О.А. Шарова отнесла это поселение, вместе с расположенной в этом же регионе Юрьевской Горкой, к пунктам, где представлены обе традиции изготовления глиняных биконических пряслиц (Шарова, 2004, с. 69, рис. 2). При этом изделий, по пропорциям и форме близких находкам с селища на оз. Съезжее, на нём почти нет.

⁶⁴ Подсчитано по: Исланова, 1997, табл. 3.

Еманаевского городища, расположенного в бассейне р. Вятка, датированного концом VII-X в. (Лещинская, 1988, с. 97, 104, рис. 8: 11).

Итак, немногочисленные вещевые находки с раскопанных участков селища на оз. Съезжее, как и материалы курганного могильника, в силу широких дат бытования не дают надежных оснований для определения более точной датировки, чем вторая половина I тыс. н.э. Вряд ли всё же оно существовало позже конца VIII в., когда со становлением Великого Волжского пути на север Русской равнины в больших количествах начали поступать разнообразные по форме и цвету стеклянные бусы, сваренные в основном на золе солончаковых растений⁶⁵. Если же наши представления о хронологии формочки и оселка правильны, то время функционирования поселка или, точнее, первой, погибшей в огне постройки, с которой связаны эти находки, можно ограничить последними десятилетиями VII – VIII в., а скорее – второй половиной VIII столетия⁶⁶.

В настоящее время нельзя дать однозначный ответ на вопрос, где проживали люди, погребенные в грунтовом могильнике. Слишком мала раскопанная часть селища, а разновременные поселки V-VI вв. и VIII вв. могли не совпадать между собой в «буквальном» размещении на местности.

Ряд моментов говорит о непродолжительности существования селища. Кроме маломощного культурного слоя, слабо насыщенного как вещевыми, так и керамическими находками, следует отметить, что не один из зафиксированных комплексов, срок службы которых не долог, не переживает другой. Этот факт позволяет полагать, что на исследованном участке памятника все открытые постройки и ямы в определённой степени одновременны. При этом необходимо

упоминать, что толщина культурного слоя на разных вскрытых участках селища несколько отличается. Если на раскопе 1975 г. мощность культурных отложений была 0,2-0,3 м, на участке 1976 г., – 10-25 см⁶⁷, то на площади, исследованной в 1979 г., – 12-15 см. В раскопах первых двух лет были найдены почти все вещи и основная часть керамики⁶⁸. Это может говорить как о большей продолжительности, так и о большей интенсивности жизни на данных участках. Постройка 1 относится, видимо, ко второму, последнему этапу существования памятника, тогда как поселение, синхронное грунтовому могильнику, располагалось за пределами исследованной площади⁶⁹. Не исключено, что этим временем – V-VI вв. – следует датировать постройку 2. К сожалению, малочисленные находки не могут ни подтвердить, ни опровергнуть последнего предположения.

Непродолжительность периодов существования поселения на оз. Съезжее объясняется не столько экстенсивным характером земледелия, типичного для носителей культуры псковско-новгородских длинных курганов, сколько циклическими подъемами воды в системе карстовых озер, куда входит этот водоем. Дело в том, что помимо сезонных весенних паводков на карстовых озерах периодические случаются высокие многолетние наводнения, когда затопляются обширные участки берегов. Так, если в 1975 г. воды в озере почти совсем не было, а в центре находилась карстовая воронка диаметром в несколько десятков метров (рис. 24: 1), то в 1982 г. вода поднялась и полностью затопила не только саму озерную чашу, но и всю площадь древнего поселения. В эти годы при небольших сезонных подъемах заливалась даже ближайшая к озеру часть площади могильника, с грунтовыми захоронениями V-VI вв. и плоскими курганами. Очень высокая вода стояла на одном уровне более 14 лет. Картину полностью затопленного селища мы могли наблюдать и в августе 1995 г.

⁶⁵ Проведенный количественный спектральный анализ одной из найденных на селище бус (кв.32 раскопа 1976 г.) показал, что она, как и изделия из грунтового могильника, изготовлена из однотипного содового стекла (Галибин, 1984; Егорьев, 2010). По данным Е.А. Рябинина, массовое отложение стеклянных бус в культурный слой Земляного городища Старой Ладogi начинается с 780-х гг. В это же время на поселении появляется мастерская, в которой из привозного «зольного» сырья варили стекло и изготавливали из него украшения (Рябинин, 1997).

⁶⁶ Как мы отмечали выше, заполнение именно этой постройки содержит значительную долю профилированных обломков керамических сосудов.

⁶⁷ Наименьшая толщина наблюдалась в юго-западном и северо-восточном углах раскопа.

⁶⁸ В 1975 г. было зафиксировано 165 фрагментов верхних частей сосудов («венчиков»), в 1976 г. – 39, тогда как в 1979 г. – 2 и развал горшка. Этот факт показателен, даже если считать, что в первый сезон раскопок в коллекцию брались более мелкие обломки керамики.

⁶⁹ Возможно, именно поэтому в материалах поселения мы не находим аналогий урнам из 7 захоронения на погребальной площадке.

(рис. 21: 2). По свидетельству жительницы д. Молодильно Т.Г. Егоровой, значительный подъем воды был в 1950-х годах, когда высокая вода, но меньшая, чем в 1995 г., держалась 7 лет, а потом постепенно убывала также в течение 7 лет⁶⁹. Естественно, подобные природные катаклизмы прерывали жизнь на раннесредневековом поселении. Те его обитатели, которые были свидетелями ужасной картины поглощения необъяснимой могучей стихией, неукротимо прущей из земных недр, несмотря на зывания жрецов к богам (по нашим наблюдениям, вода в день по всей водной глади озера в 1975 г. спадала на высоту около одного метра), несомненно, уходили подальше от этого проклятого гиблого места. Люди возвращались сюда только через десятилетия, через поколения, когда стирались из народной памяти ужасные события прошлого. Возможно, это были представители иных общин, нежели те, которые обитали здесь ранее. К сожалению, данных о динамике вековых колебаний уровня воды в озере, что могло бы помочь в решении вопроса о длительности жизни на селище, у нас нет.

Культурная принадлежность

По ряду параметров: приуроченность, расположение вблизи селища курганного, включающего длинную насыпь, и грунтового могильников, включающего длинную насыпь, доминирование в керамическом наборе баночной и слабопрофилированной посуды (типы 1-5) свидетельствуют о принадлежности комплекса памятников на оз. Съезжее к культуре псковско-новгородских длинных курганов. В древностях этой культуры можно найти ближайшие аналогии почти всем найденным здесь находкам.

Жилища носителей культуры псковско-новгородских длинных курганов практически не изучены, поэтому ответить на вопрос о том, насколько обнаруженные постройки для неё типичны, пока сложно. Можно отметить, что первый дом имеет определенные параллели с постройками на селищах в ур. Кобыля Голова и у д. Заозерье в бассейне Мсты. На первом поселении, расположенном рядом с группой курганов, включающей удлиненные насыпи, автором раскопок С.Н. Орловым по темному гумусированному заполнению были прослежены контуры

жилища, выделяющегося на фоне светло-желтого материкового песка (Орлов, 1968, с. 164-165, рис. 2). Приблизительные размеры дома составили 6 × 8 м. По мнению исследователя, в его северо-западной части находилась печь-каменка и предпечная яма, однако остатки отопительной конструкции («груда валунов, лежавших над углублением площадью 1 м², заполненным золой с угольками») не дают оснований для такой однозначной интерпретации. При расчистке заполнения сооружения были встречены «кусочки глиняной обожженной обмазки с отпечатками прутьев». На основании ряда столбовых ям, зафиксированных на площади постройки и за её пределами, С.Н. Орлов предположил, что стены были столбовыми. Однако убедительных аргументов для такого заключения нет. Остатки жилища с поселения Заозерье, связанного В.Я. Конечким с культурой длинных курганов, представляли собой «котлован размерами 6 × 4 и глубиной до 0,4 м» (Конечкий, 2000, с. 5). Исследователь отмечает ряд столбовых ям по периметру сооружения и скопление булыжников от переотложенных остатков отопительного устройства, тяготеющего к центру комплекса. По данным В.В. Седова, наземные срубные постройки с земляным или глиняным полом и очагами, занимавшими центральное положение, в последней четверти I тыс. н.э. широко представлены в Эстонии и земле латгалов, а также зафиксированы на городищах Камно, Псковском и Изборском (Седов, 1986, с. 12). Некоторое сходство первая постройка, обнаруженная на поселении Съезжее, имеет с «большими домами» нижних горизонтов Старой Ладogi (см.: Спегальский, 1972, с. 18-30; Рябинин, 1983; 2002; Кирпичников, 1985, с. 8-14; 2009, 339-340, рис. 5-7; Кирпичников, Назаренко, 1997, с. 75-76, рис. 9; Кирпичников, Сарабянов, 2012, с. 68-73). Для подобных жилищ с центральным положением отопительных устройств одни исследователи предполагают местное, прибалтийско-финское происхождение⁷¹ (Носов, 1977, с. 16; Седов,

⁶⁹ Благодарим С.А. Семенова за предоставление собранной им информации.

⁷¹ К сожалению, о домостроительстве прибалтийских финнов в раннем средневековье имеется довольно скудная информация. По данным П. Уйно, на памятниках эпохи железного века Финляндии отмечены следы утопленных в землю столбов, составляющих несущую конструкцию домов, возможно, имеющих прямоугольную в плане форму и открытый очаг в центре. При раскопках поселений находят кусочки глиняной обмазки с отпечатками дерева, в том числе и треугольной в сечении формы. Предполагается, что по-

1982, с. 65; 1983, с. 45; 1986, с. 13)⁷², другие связывают их появление со Скандинавией (Кирпичников, Сарабьянов, 2012, с. 69; Кузьмин, Петров, 1990, с. 62). Судя по ряду черт этой съезженской постройки: столбовые конструкции, вид и расположение отопительного устройства, обмазка стен глиной – её происхождение, по-видимому, следует искать в домостроительных традициях раннего железного века лесной зоны Восточной Европы. Это тем более очевидно, если датировать съезжинскую постройку периодом более ранним, чем проникновение скандинавов в Восточную Европу, тем более коли речь идет о поселении, столь отдаленном в глухие леса и в стороне от балтийско-волжского водного пути.

Для второго дома имеются более близкие и многочисленные аналогии. Подобные однокамерные постройки являются основным типом жилищ VIII-X вв. на территории Северо-Запада России (Седов, 1986, с. 10). Они открыты при исследованиях в Старой Ладогe, на Рюриковом городище, в Пскове, Изборске, на селищах Золотое Колено и Заозерье, а также в землях балтийских славян (Белецкий, 1979, с. 10-12; Конечский, 2000, с. 5; Носов, 1977; 1990, с. 61, рис. 21; Носов, Плохов, 1991, с. 120; Седов, 1985, с. 119-120; 1986, с. 10-12). Многие исследователи считают их типичными славянскими жилыми постройками (Лебедев, 1977, с. 172, 181; Носов, 1977, с. 11, 16; Седов, 1982, с. 65; 1983, с. 44;

1986, с. 12). Следует отметить наличие у исследованной на поселении Съезжее постройки такой архаичной черты, как центральный опорный столб для поддержания кровли. Такие столбы отмечены в позднезарубенских постройках, жилых сооружениях киевской, черняховской, колочинской, пеньковской культур (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 103, 115, 118; Земцов 2007; Обломский, 2002, с. 52, 67, 71, табл. 20; 21; Обломский, Терпиловский, 1991, с. 38, 56, 71, 83, 87, табл. II, V, VIII; Терпиловский, 2004б, с. 25-26, 28, 30, 36-37, 48, 54, 60-62, 65-66, 69, прил. 2; 4; Терпиловский, Абашина, 1992, с. 31, 34-35). Ближайшее к оз. Съезжее жилище с центральным опорным столбом зафиксировано на селище у д. Ермошино в бассейне Западной Двины (4 горизонт постройки 1), отнесенное авторами раскопок к ранней группе «древностей круга Заозерье-Узмень» (Лопатин, Фурасев, 2007а, с. 51, 70, 107, рис. 61: А).

Присутствие на поселении двух жилых домов разных типов, а также высоких биконических пряслиц и профилированных горшков шестого типа, более характерных не для культуры псковско-новгородских длинных курганов, а для памятников удомельского типа, позволяет говорить о локальных культурных особенностях жителей поселка на оз. Съезжее и/или об их контактах с соседними регионами.

Заключение

Итак, имеющиеся данные свидетельствуют о расположении на оз. Съезжее комплекса памятников культуры псковско-новгородских длинных курганов. Во второй половине V – первой половине VI в. на озере появляется поселок, жители которого хоронили умерших в грунтовом могильнике. Где однозначно располагались их дома и хозяйственные сооружения, при раскопках установить не удалось. У женщин поселения были особенно популярны крупные округлые бусы из синего, сине-фиолетового и голубого стекла с полихромным узором из красных и белых вкраплений. Вероятно, далеко не последнее место в хозяйственной деятельности населения занимала охота на пушного зверя, позволявшая путем посреднической торговли получать в значительном количестве эти стеклянные украшения. По-видимому, вышедшие из берегов воды озера в какой-то момент заставили жителей поселка оставить его берега. Во второй половине VIII в. на Съезжеме вновь появляются носители

стройки могли иметь каркасно-плетневую конструкцию стен или возводиться «с использованием горизонтальной техники сруба» (Уйно, 1992).

На территории Эстонии в эпоху Среднего железного века и Эпоху викингов люди в основном жили в бревенчатых домах размерами 5-6 × 4-5 м (Тамла, 1983, с. 302-304, рис. 1; Тыниссон, 1980; 1989, с. 119; Tvaugi, 2012, р. 65-69). О срубной конструкции, по мнению исследователей, свидетельствует редкость столбовых ям на поселениях. Постройки располагались непосредственно на земле или на фундаментах из камней. Дома имели земляные полы, редко глиняные или из известняковых плит. Для обогрева жилищ использовались очаги, печи-каменки, а иногда глинобитные печи. Наиболее ранние из этих отопительных устройств располагались в центре помещений, а позднее в одном из углов. Таким образом, следует констатировать наличие у западных финнов в раннем средневековье жилищ, имеющих разные конструкции и внутреннюю планировку. При этом, если у сооружений, открытых в Финляндии, зафиксированы черты, аналогичные первому дому с оз. Съезжее, то эстонские постройки близки второму.

⁷² Не исключал финно-угорского происхождения старолadoжского «большого дома с очагом в центре» и П.Н. Третьяков (Третьяков, 1970, с. 149).

культуры длинных курганов, которая, видимо, к этому времени впитала некоторые черты из других, возможно, аборигенных культурных традиций. Они возводят большие дома с очагом в центре, изготавливают более профилированные, чем раньше сосуды, а также не исключено, что насыпают для помещения праха усопших курганы. Это население вело комплексное лесное хозяйство. Оно занималось земледелием (важ-

нейшей находкой является часть жернова), используя под поле плодороднейшие илистые отложения дна озера⁷³, долгие годы лишь сезонно частично подтоплявшегося и лишённого леса, рыболовством, а также ювелирным ремеслом. Судя по полученным материалам, довольно скоро этот поселок погибает в огне. Насколько высказанные нами заключения верны, возможно, покажут дальнейшие полевые исследования.

⁷³ По этнографическим данным, на освободившейся от воды площади озера сеяли овес ещё в первой половине прошлого столетия.

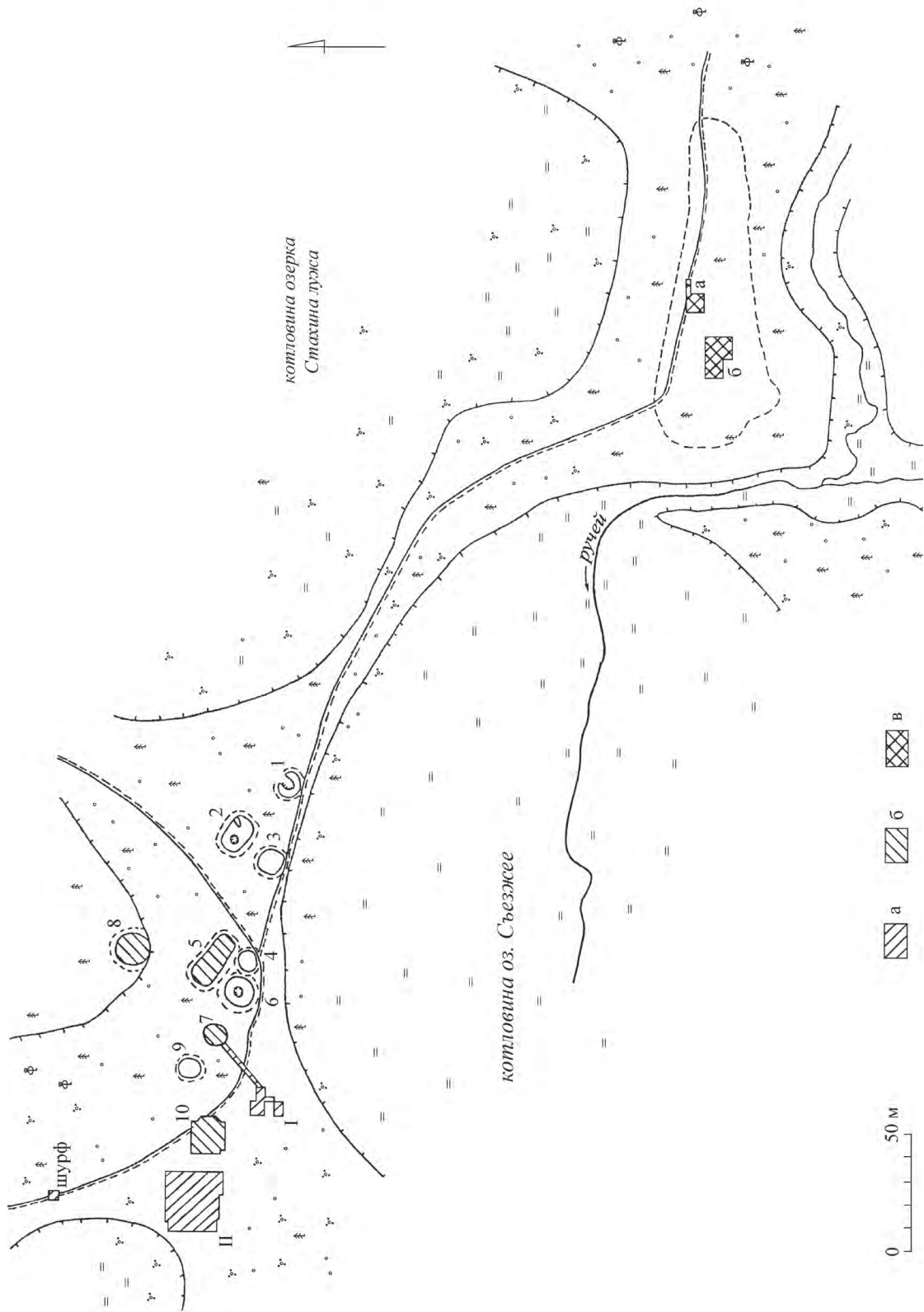

Рис. 1. План комплекса памятников на оз. Съезжье. 1 – раскопы на грунтовом могильнике; I – раскоп I, II – раскоп II; 2 – раскопанные курганы; 3 – раскопы на селище; а – раскоп 1975 г., б – раскоп 1976, 1979 гг.

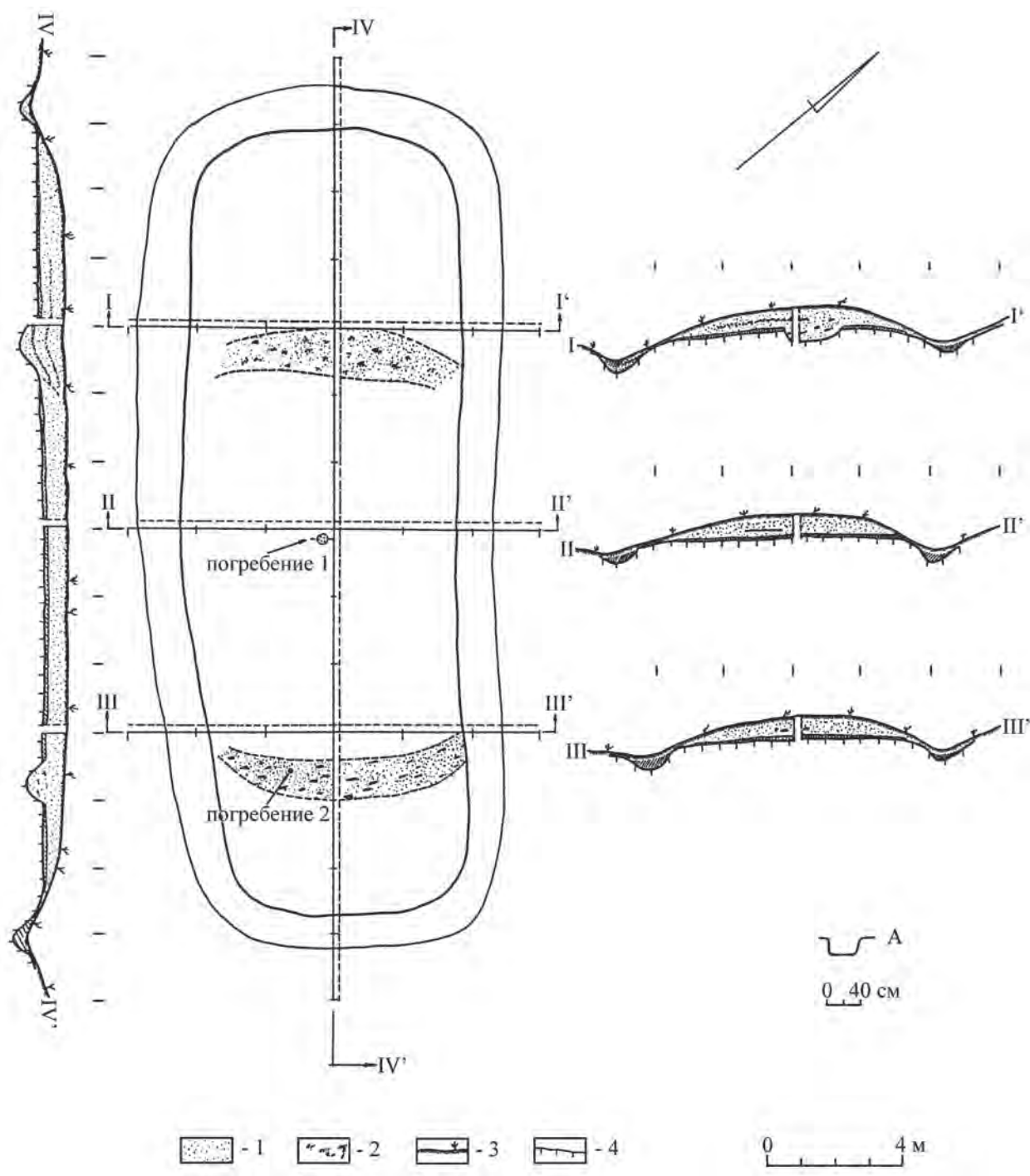

Рис. 2. Курган 5 на оз. Съезжее. План, разрезы:
 1 – песок, 2 – гумусированный песок, 3 – дерн, 4 – материк. А – профиль погребения 1.

Рис. 3. Курган 5 на оз. Съезжее:
1 – перед раскопками. вид с севера; 2 – в процессе раскопок.

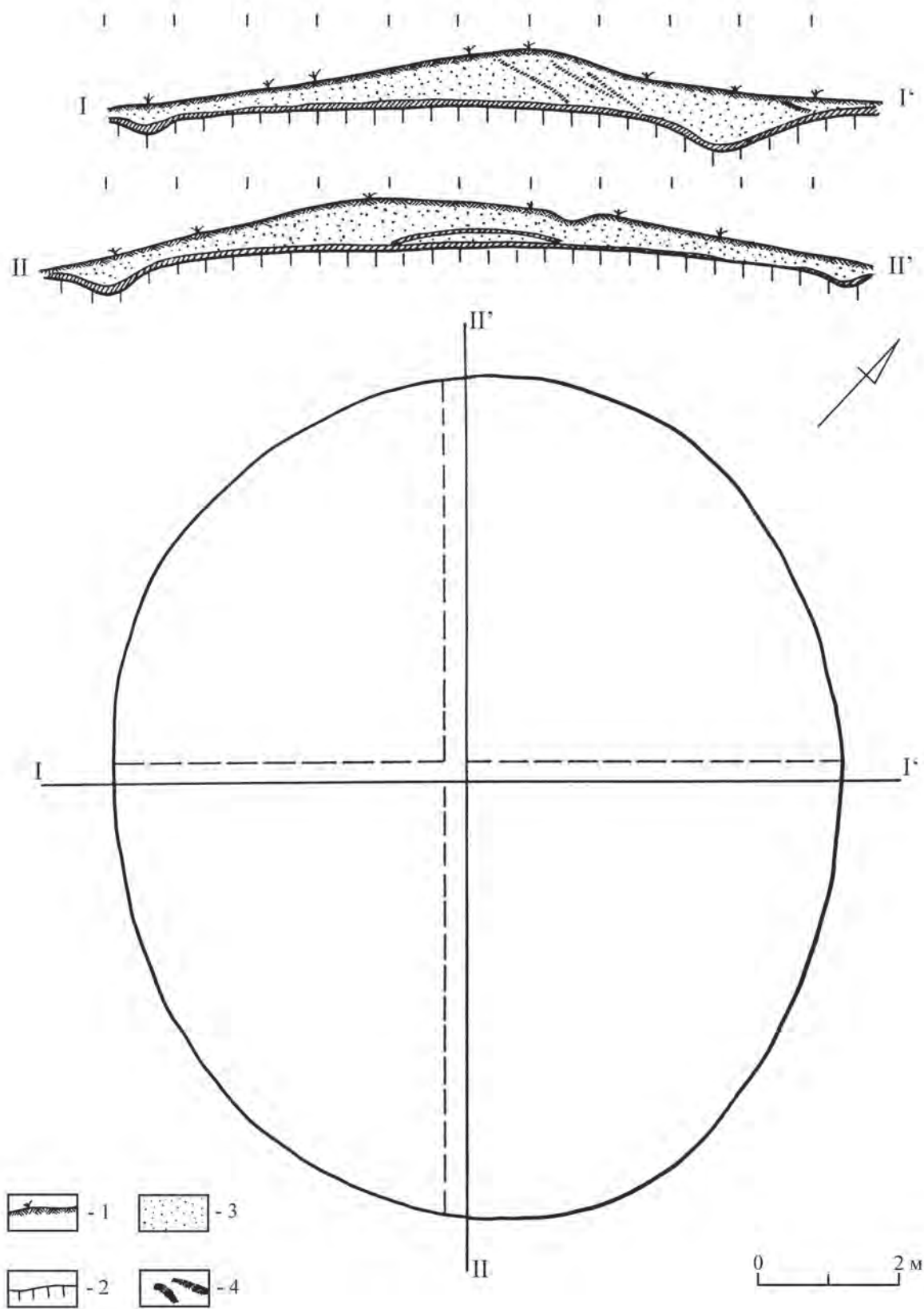

Рис. 4. Курган 7 на оз. Съезжее. План кургана до раскопок и разрезы:
 1 – дерн, 2 – материк, 3 – песок, 4 – гумусированный песок.

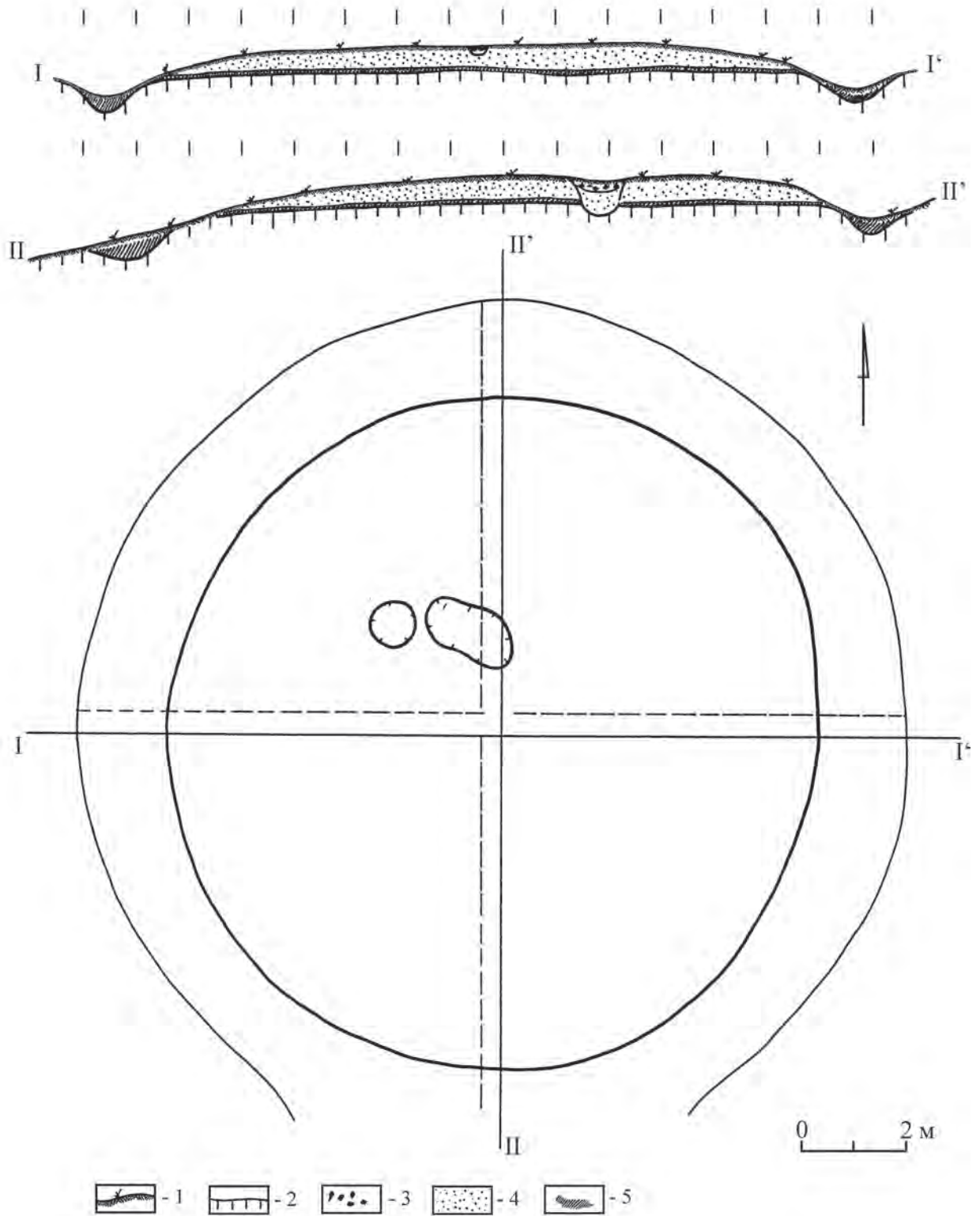

Рис. 5. Курган 8 на оз. Съезжее. План кургана до раскопок и разрезы: 1 – дерн, 2 – материк, 3 – уголь, 4 – песок, 5 – гумусированный песок.

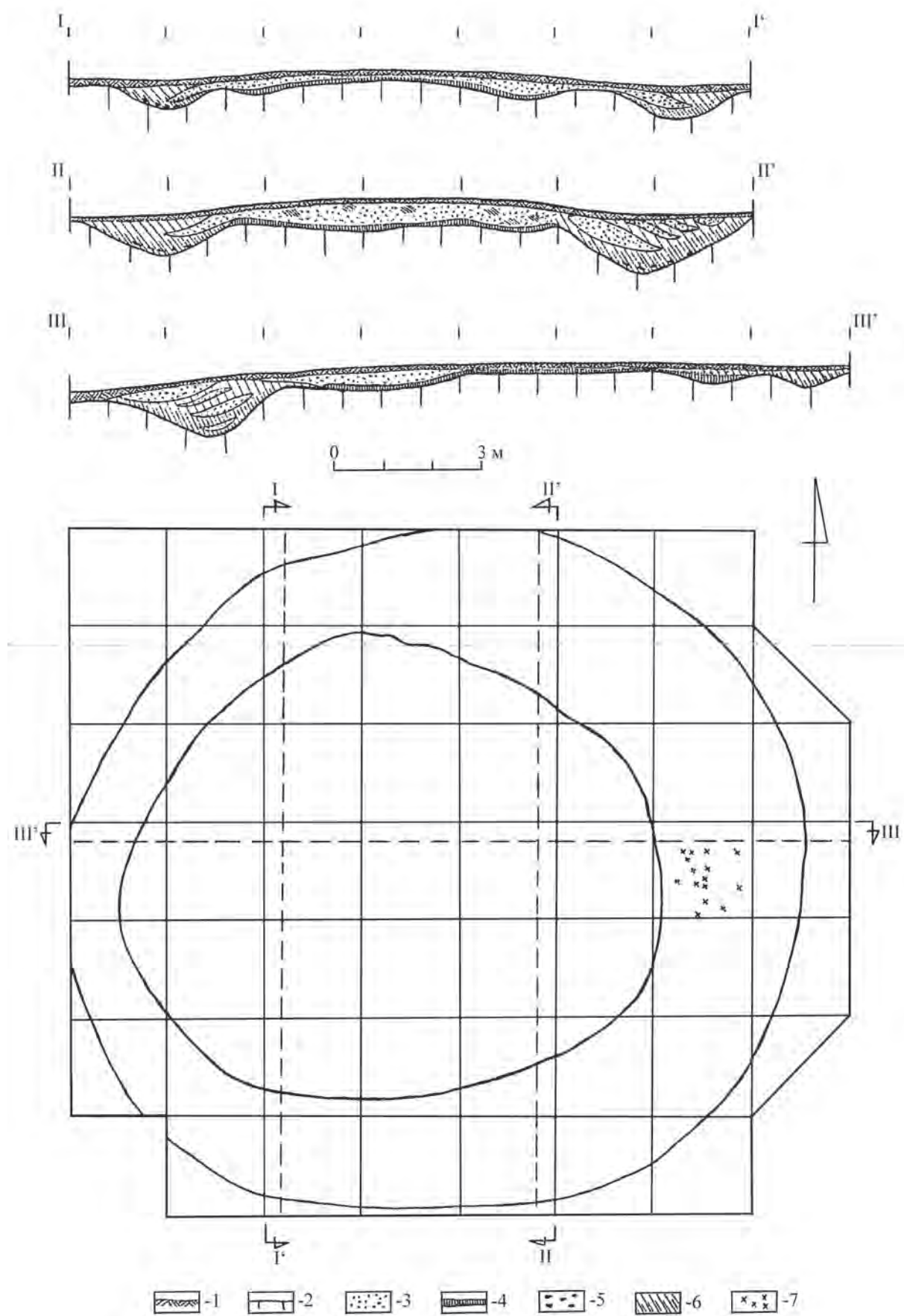

Рис. 5. Курган 10 на оз. Съезжее. План кургана до раскопок и разрезы: 1 – дерн, 2 – материк, 3 – песок, 4 – погребенная почва, 5 – уголь, 6 – гумусированный песок, 7 – кальцинированные кости.

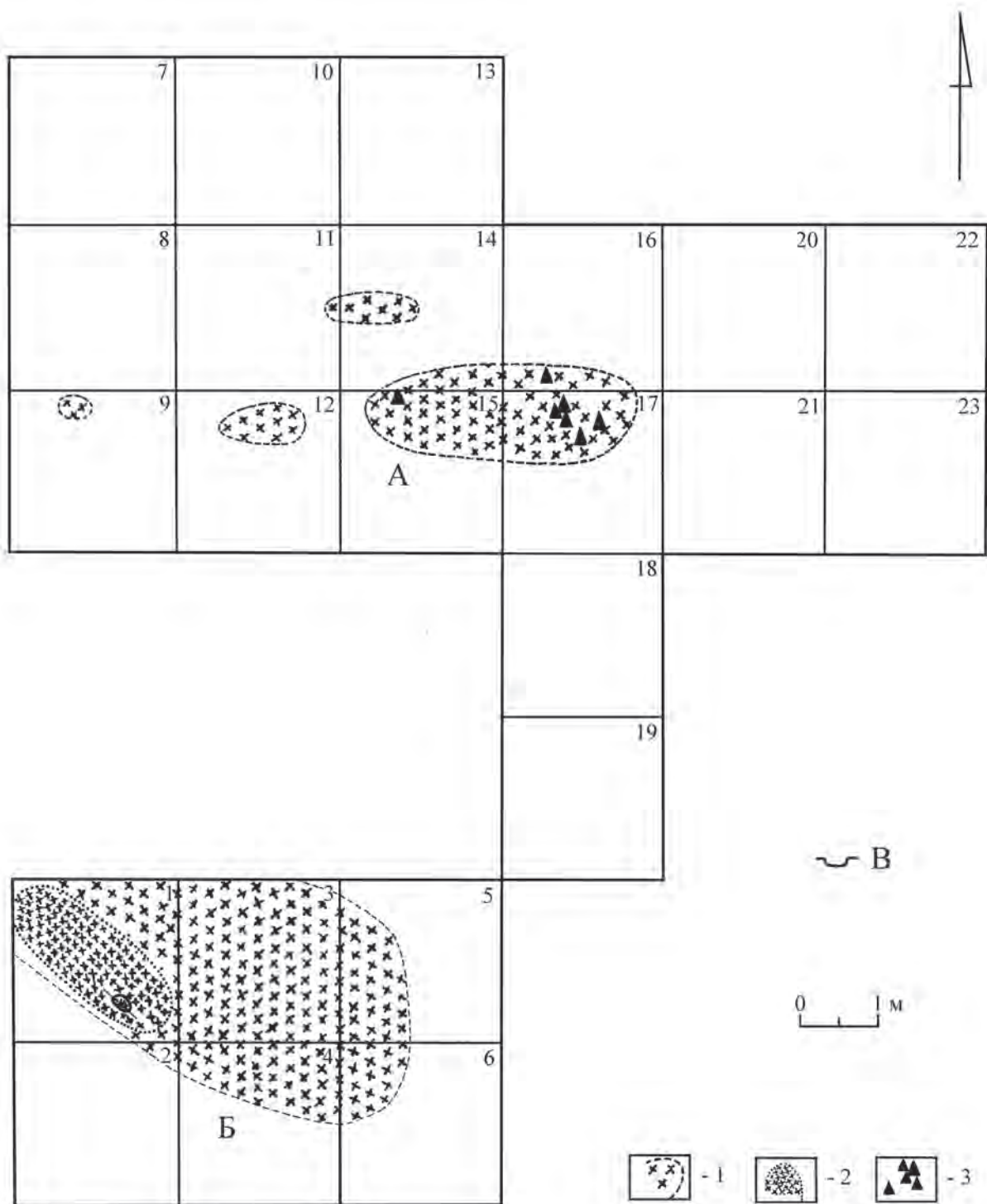

Рис. 7. Грунтовый могильник на оз. Съезжее.

План раскопа I: А – погребение 1; Б – погребение 2; В – профиль погребения 2; 1 – область распространения рассеянных кальцинированных костей; 2 – область наибольшей концентрации рассеянных кальцинированных костей; 3 – фрагменты керамики.

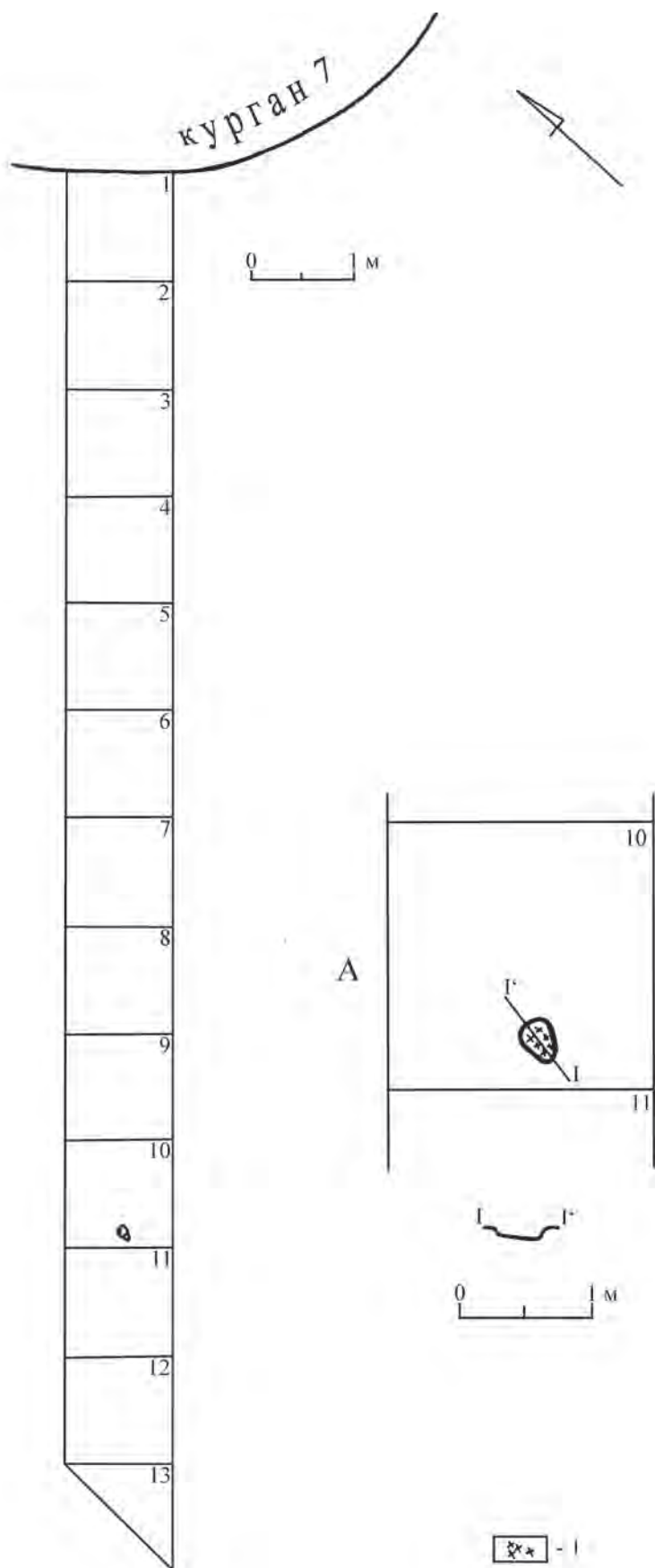

Рис. 8. Грунтовый могильник на оз. Съезжее. План траншеи. А – план и профиль погребения 3: 1 – кальцинированные кости.

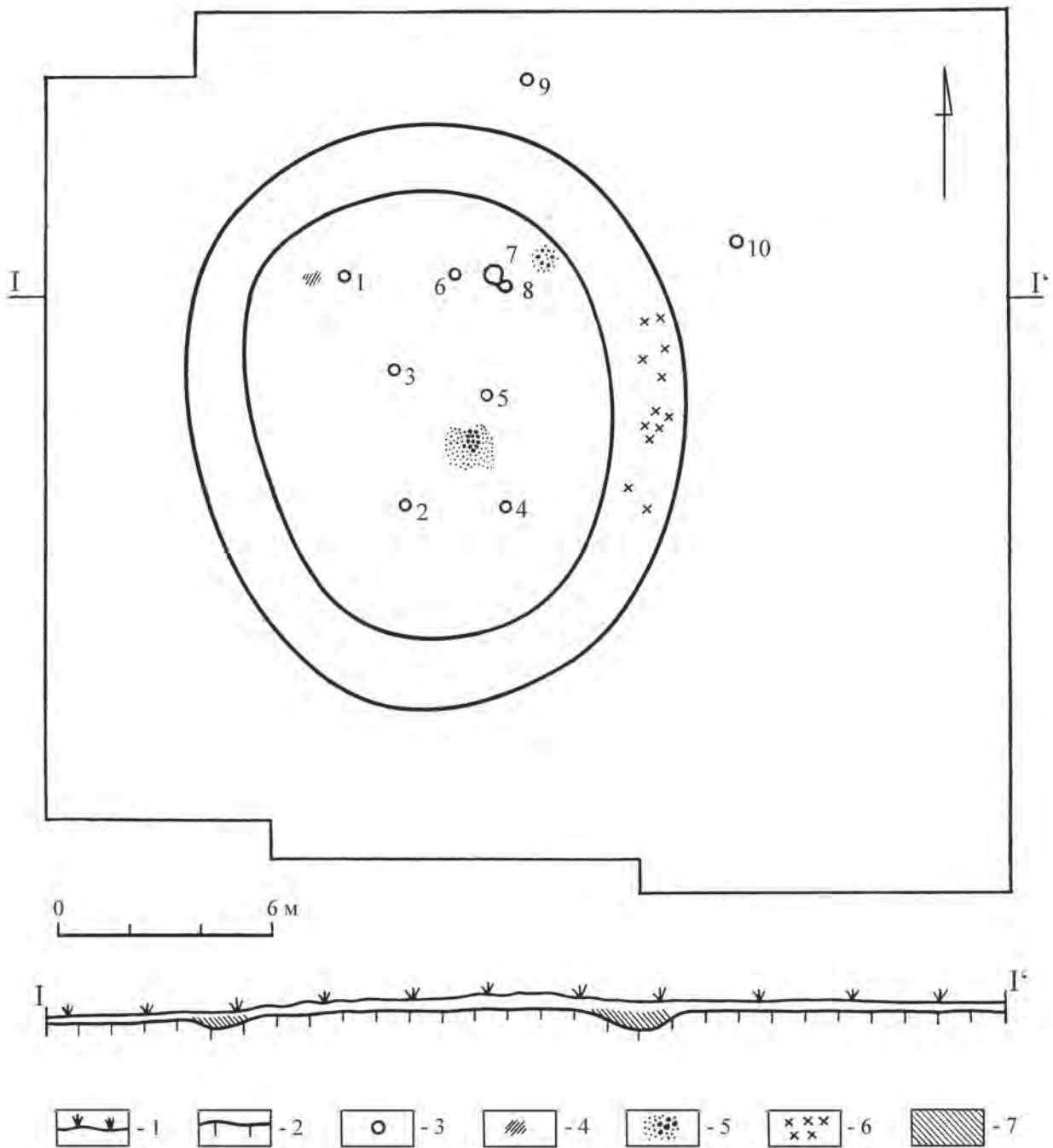

Рис. 9. Грунтовый могильник на оз. Съезжее. Раскоп II.

Общий план и разрез погребальной площадки: 1 – дерн; 2 – материк; 3 – погребение; 4 – грунтовая ямка; 5 – кострище; 6 – кальцинированные кости; 7 – серый песчаный гумус.

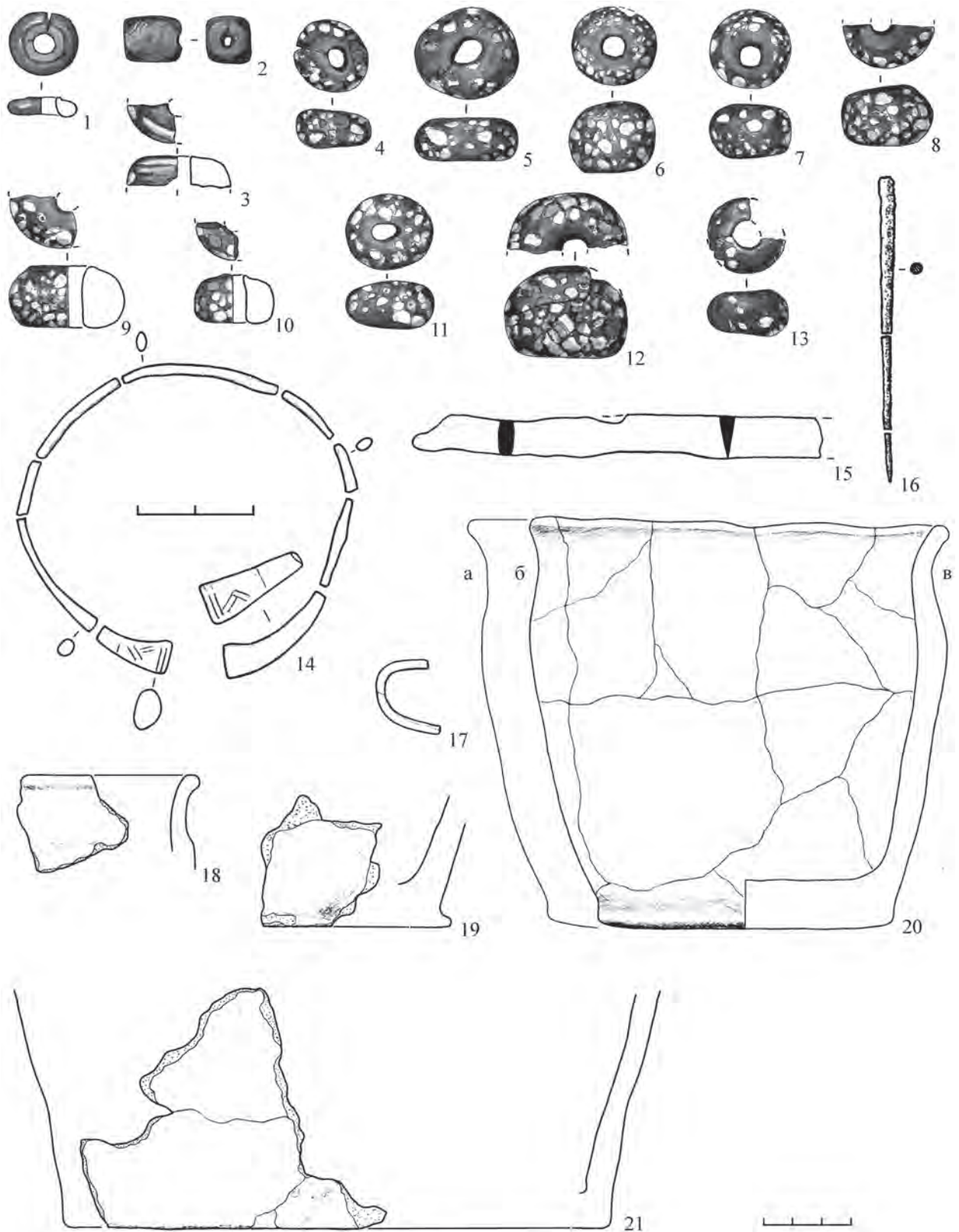

Рис. 10. Находки из грунтового и курганного могильников на оз. Съезжее: 1 – 13 бусы из погребения 7 раскопа II; 14, 16 – браслет и железный стержень (игла?) из того же погребения; 15 – нож из погребения 3 раскопа I; 18 – записка пятен в раскопе II, 21 – фрагменты лепной керамики с места погребения 1 в раскопе I; 17, 20 – фрагмент серебряного колечка и лепная урна из погребения 2 длинного кургана.

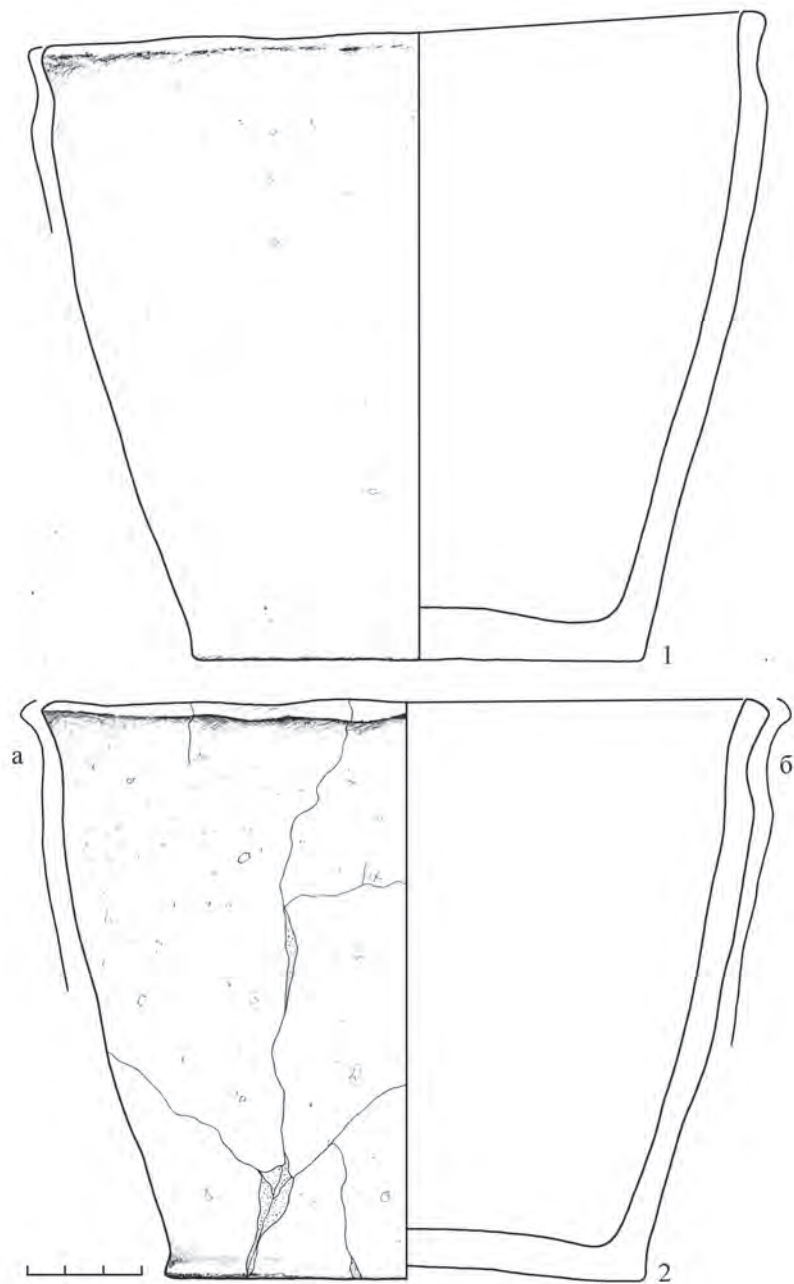

Рис. 11. Грунтовый могильник на оз. Съезжее. Лепные урны из погребения 7 на погребальной площадке: 1 – западный сосуд; 2 – восточный сосуд.

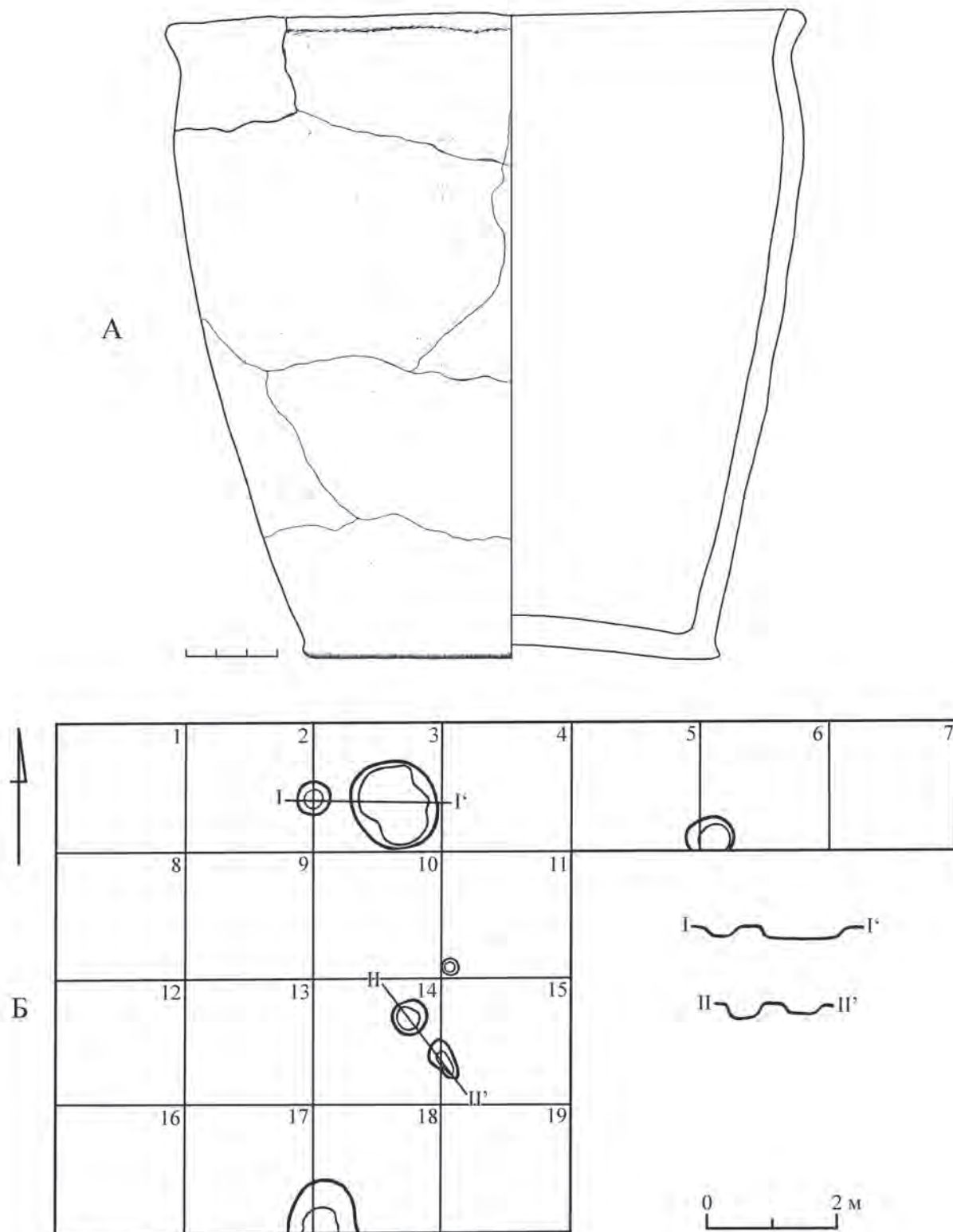

Рис. 12. Комплекс памятников оз. Съезжее.

А – урна из погребения 1 на погребальной площадке. Б – план раскопа на селище 1975 г.

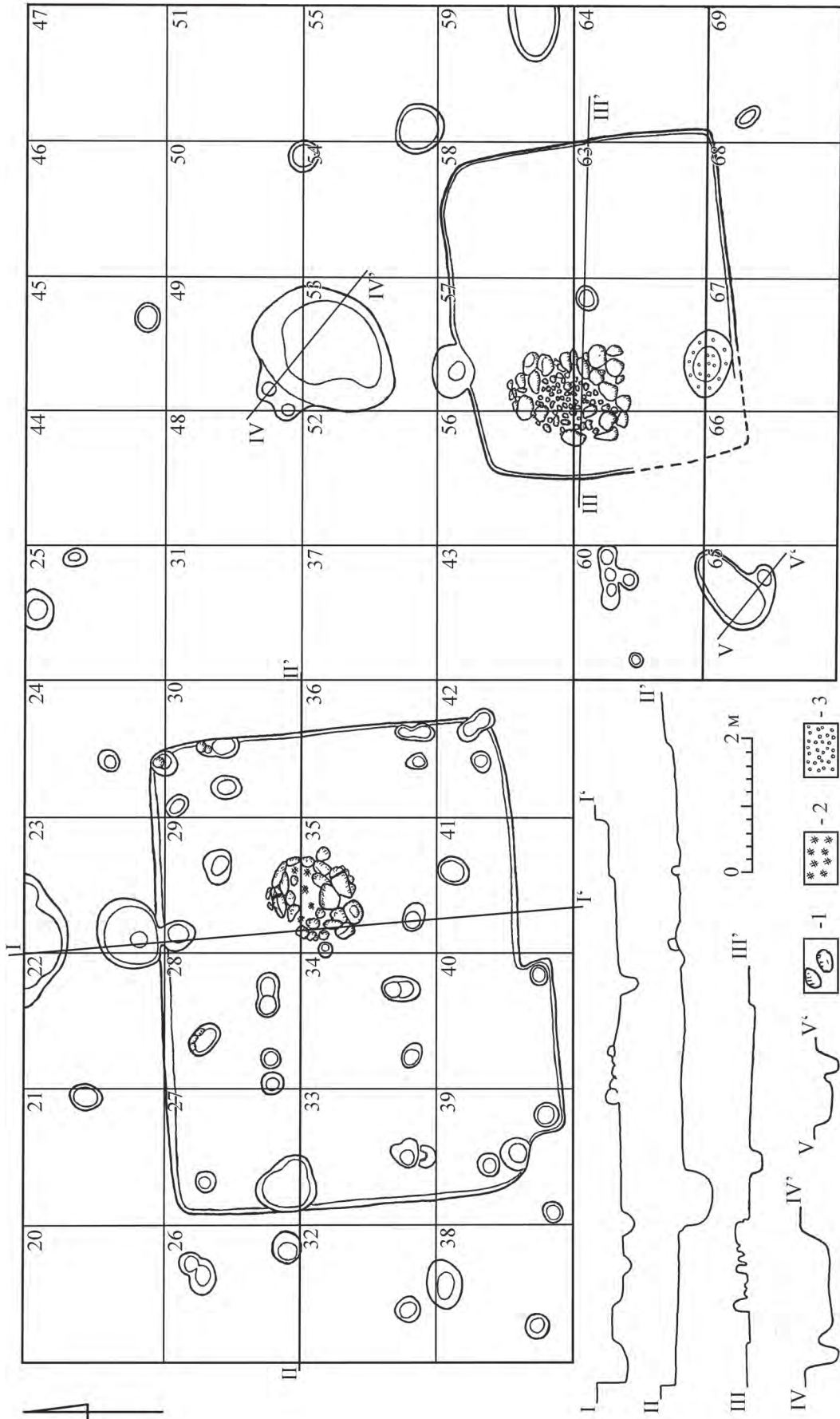

Рис. 13. Поселение на оз. Сьезжье. План раскопа 1976, 1979 гг., профили построек и сооружений:
 1 – камни, 2 – обожжённая глина, 3 – обожжённый песок.

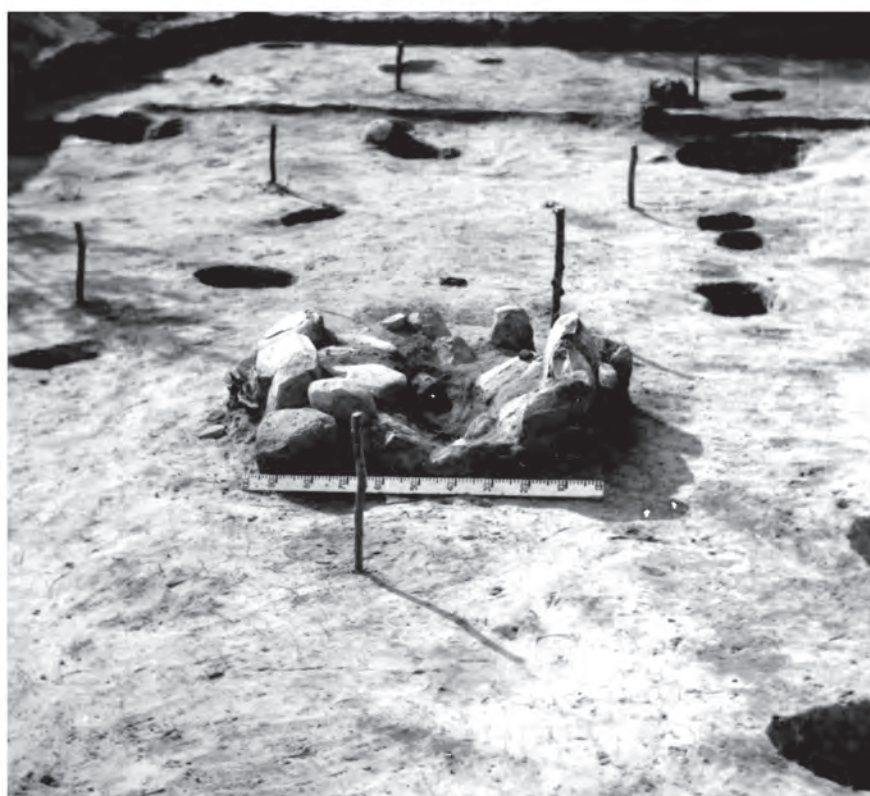

Рис. 14. Поселение на оз. Съезжее: 1 – углубленное в материк основание постройки 1, вид с востока; 2 – остатки очага-каменки в постройке 1, вид с северо-востока.

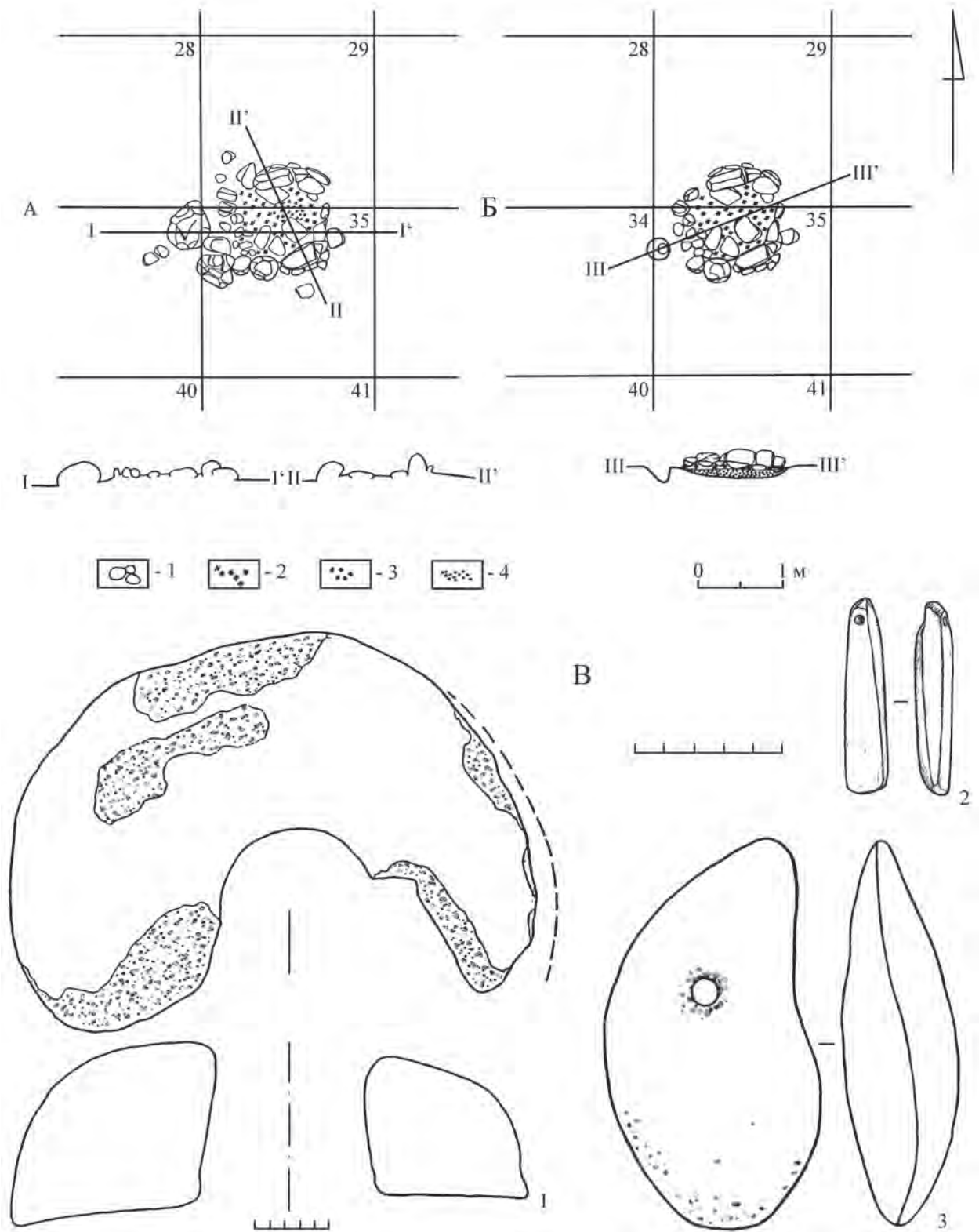

Рис. 15. Поселение на оз. Сьезжее. Постройка 1. А – план и профили развала очага-каменки; Б – план и разрез основания очага-каменки: 1 – камни; 2 – обожжённая глина; 3 – угли; 4 – прокаленный песок. В – находки: 1 – жернов, 2 – сланцевый оселок, 3 – каменное грузило.

Рис. 16. Поселение на оз. Съезжее. Постройка 2: углубленное в материк основание постройки 1, вид с северо-запада; 2 – остатки печи-каменки в постройке 2, вид с юга.

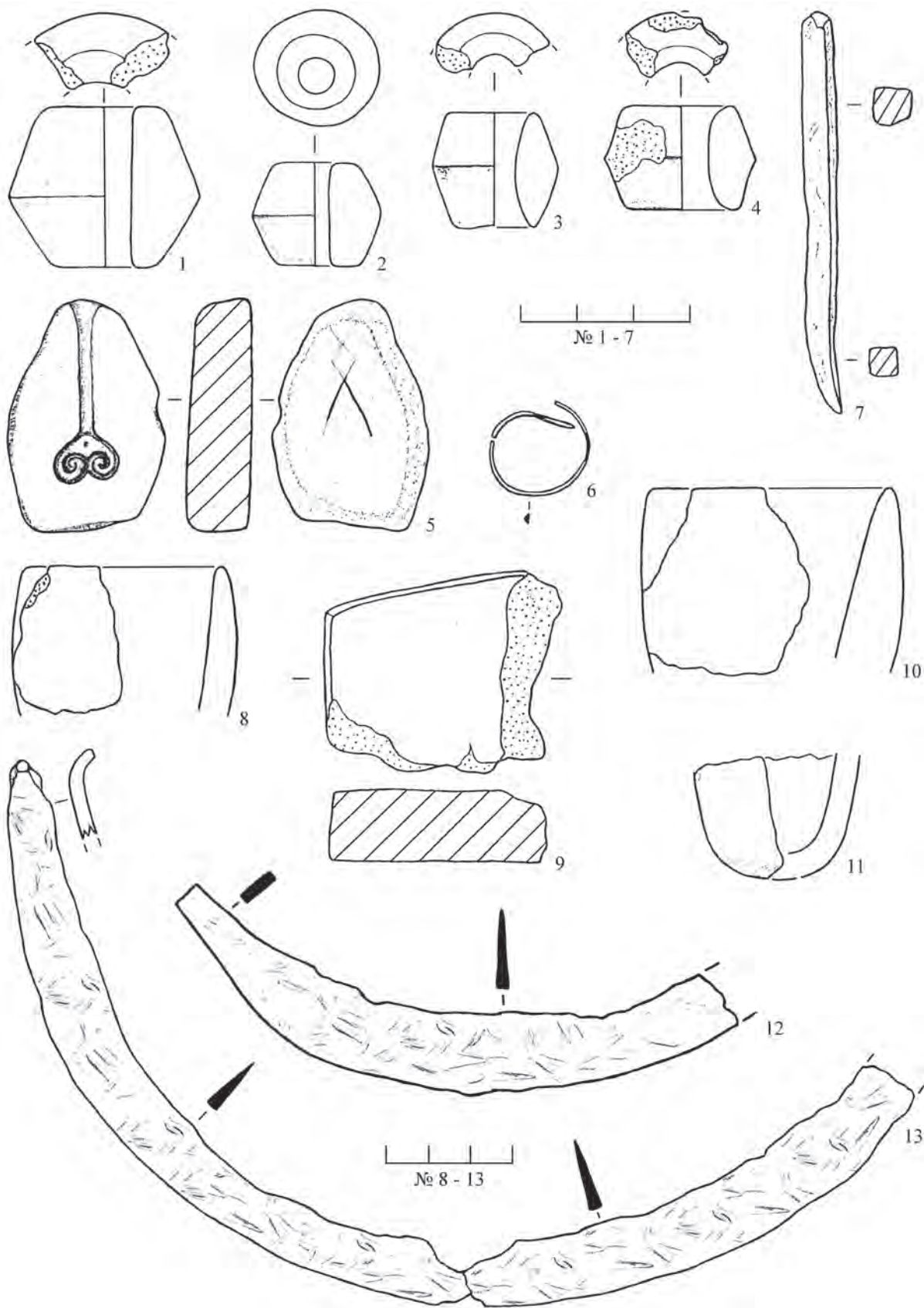

Рис. 17. Поселение на оз. Съезжее. Находки. Раскоп 1975 г.: 1-3, 5, 10, 11 – культурный слой, 7 – яма в кв.3. Раскоп 1976, 1979 гг.: 4, 6, 8, 12 – культурный слой, 9, 12 – яма в кв.22-23. 1-4 – глиняные пряслица; 5, 6 – обломки тиглей; фрагмент глиняной плитки; каменная формочка; 9 – кольцо из медного сплава; 10 – железный стерженек; 11, 12 – части серпов.

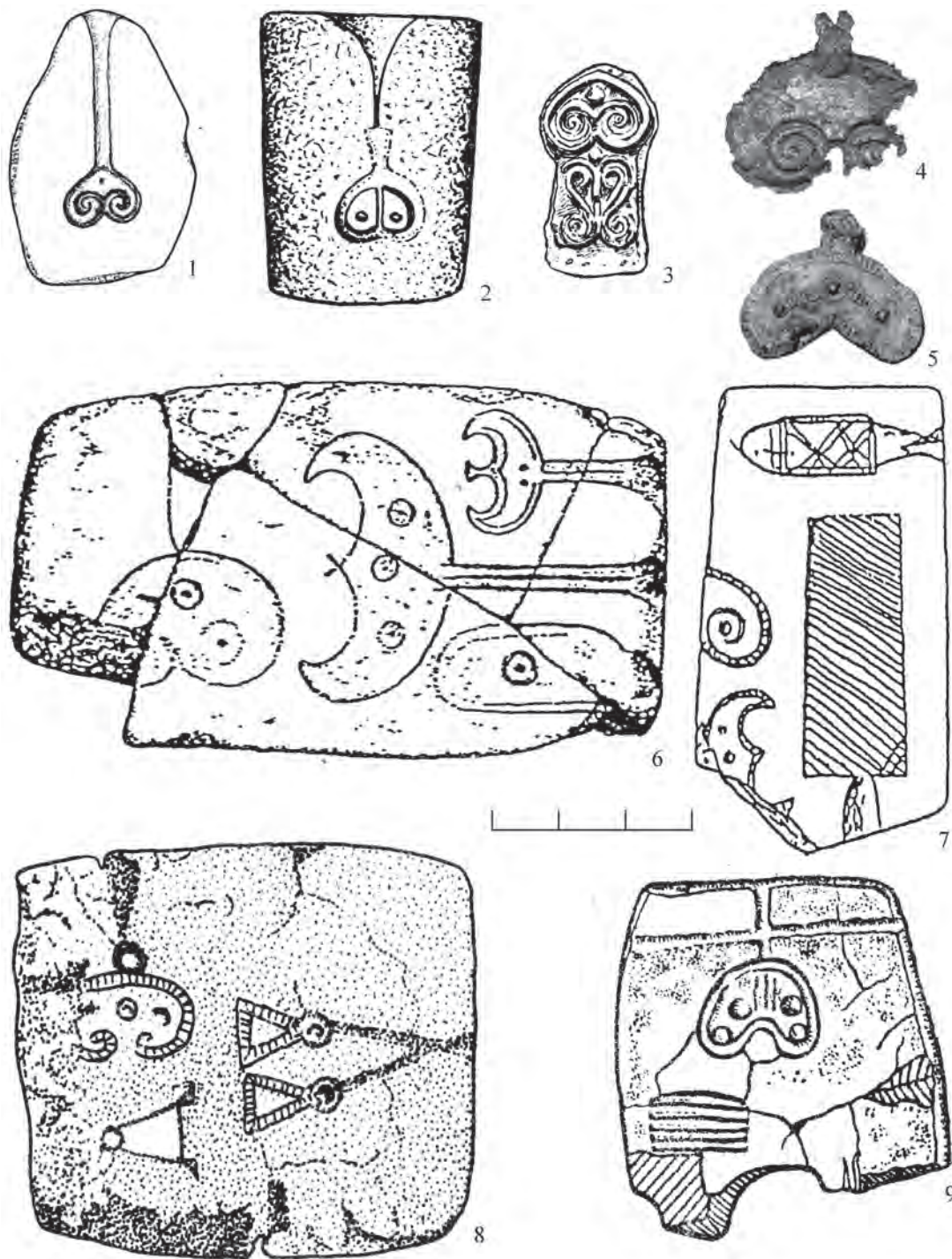

Рис. 18. Формочки с изображениями седцевидных бляшек и лунниц: 1 – Съезжее; 2 – Крутик; 6 – Осечен (1); 7 – Подол 3; 8 – Лоози; 9 – Зимно; бляшка из Вознесенка (3) и отливки лунниц: 4 – Раха; 5 – Прээди (1 – рисунок А.В. Плохова; 2 – по: Голубева, Кочкуркина, 1991, рис.34; 3; 3 – по: Грінченко, 1950, табл.ІІІ; 9; 4 – отцифровка С.Е. Торопова; 5 – по: Tvaugl, 2012, fig.114: 1; 6, 7 – по: Исланова, 2007, рис.26: 1, 2; 8 – по: Аун, 1980, рис.17: 6; 9 – по: Ауліх, 1972, табл.XV: 5).

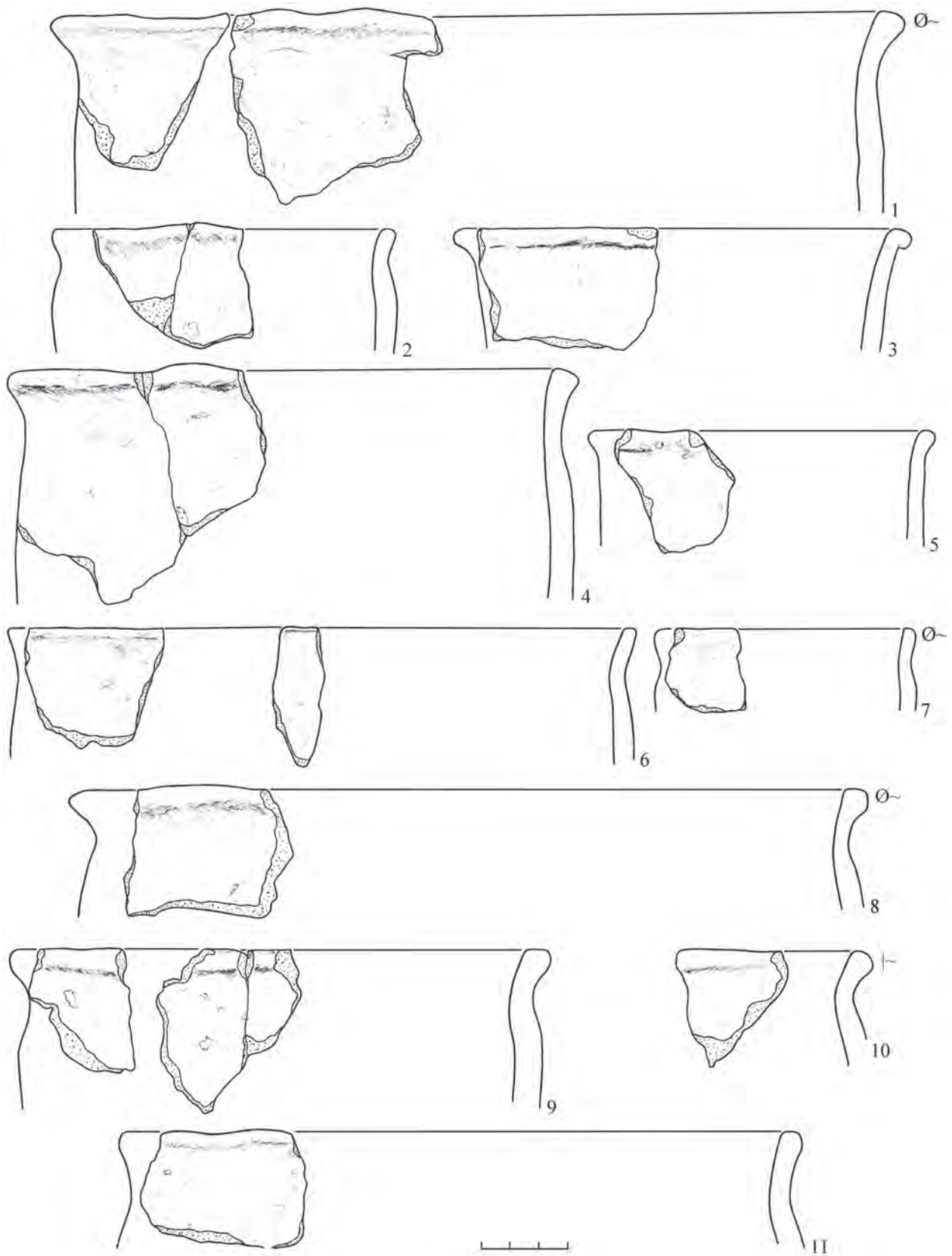

Рис. 19. Поселение на оз. Съезжее. Керамика из культурного слоя раскопа 1975 г.: 1, 8, 9 – кв.9; 2, 11 – кв.2; 3, 4 – кв.3; 5 – кв.18; 6 – кв.9, 13; 7 – кв.13; 10 – кв.11.

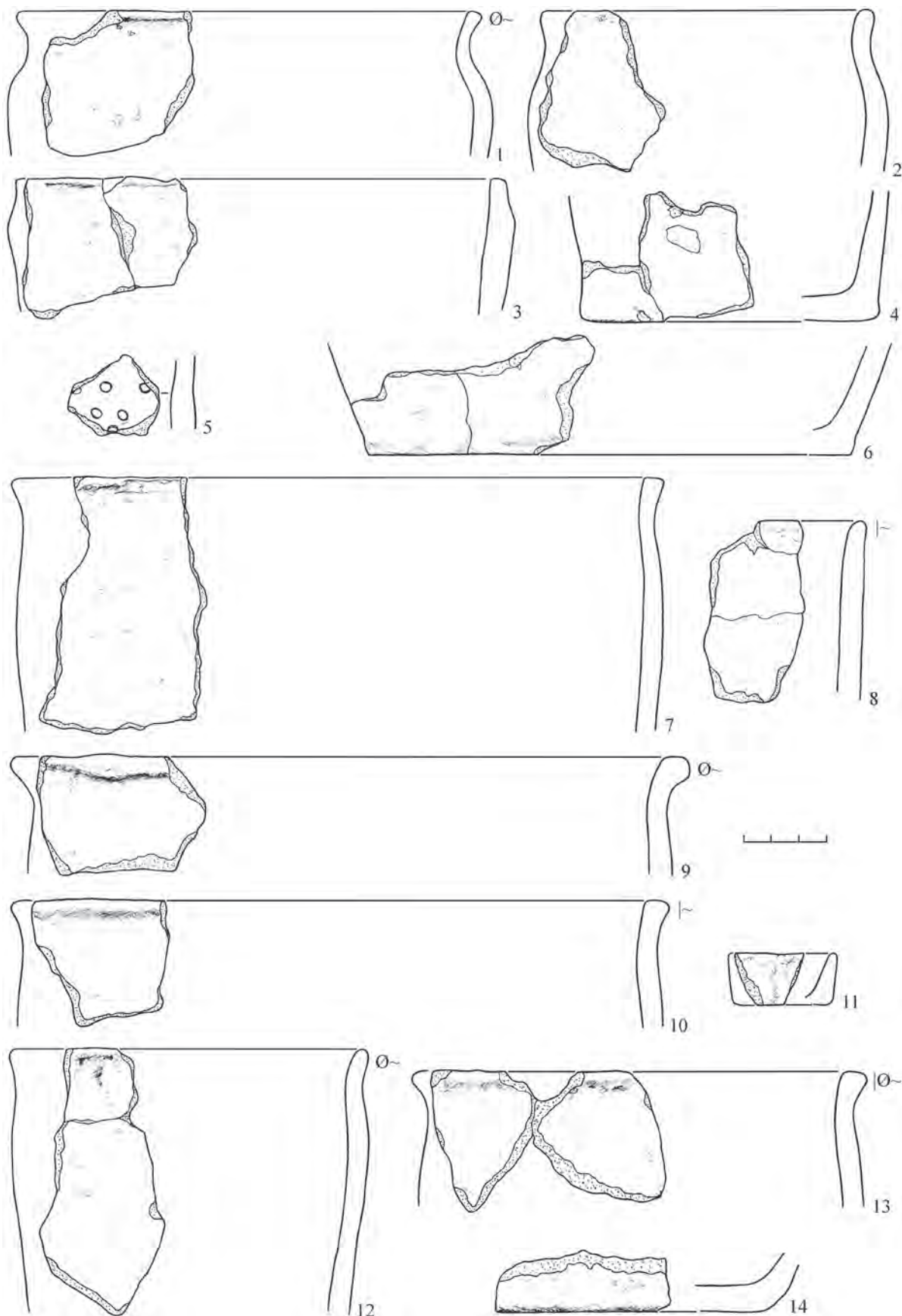

Рис. 20. Поселение на оз. Съезжее. Керамика из культурного слоя раскопов 1975 г. и 1976 гг.:
 1 – кв. 3; 2, 3 – кв. 1; 4 – кв. 12; 5 – кв. 11; 6 – кв. 9; 7 – кв. 23; 8 – кв. 35;
 9, 10, 12, 13 – кв. 40; 11, 14 – кв. 32.

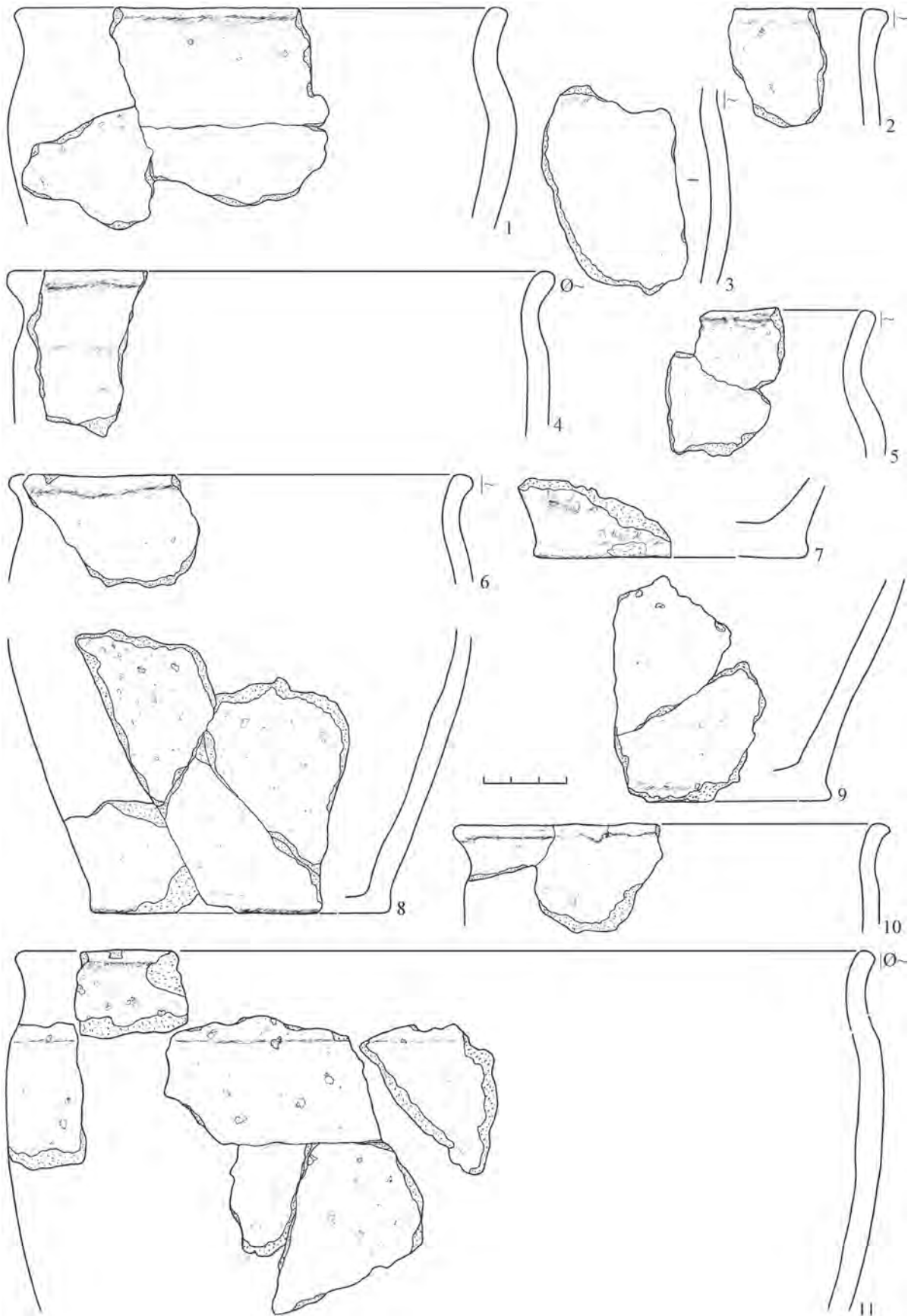

Рис. 21. Поселение на оз. Съезжее. Керамика из заполнения основания постройки 1: 1 – кв. 28; 2 – кв. 29; 3, 6 – заполнение очага-каменки; 4 – кв. 27; 5 – кв. 35; 7 – кв. 36; 8 – кв. 34; 9 – кв. 28, 41; 10 – кв. 29 и заполнения ямы в кв. 30; 11 – заполнение очага-каменки и культурный слой кв. 32.

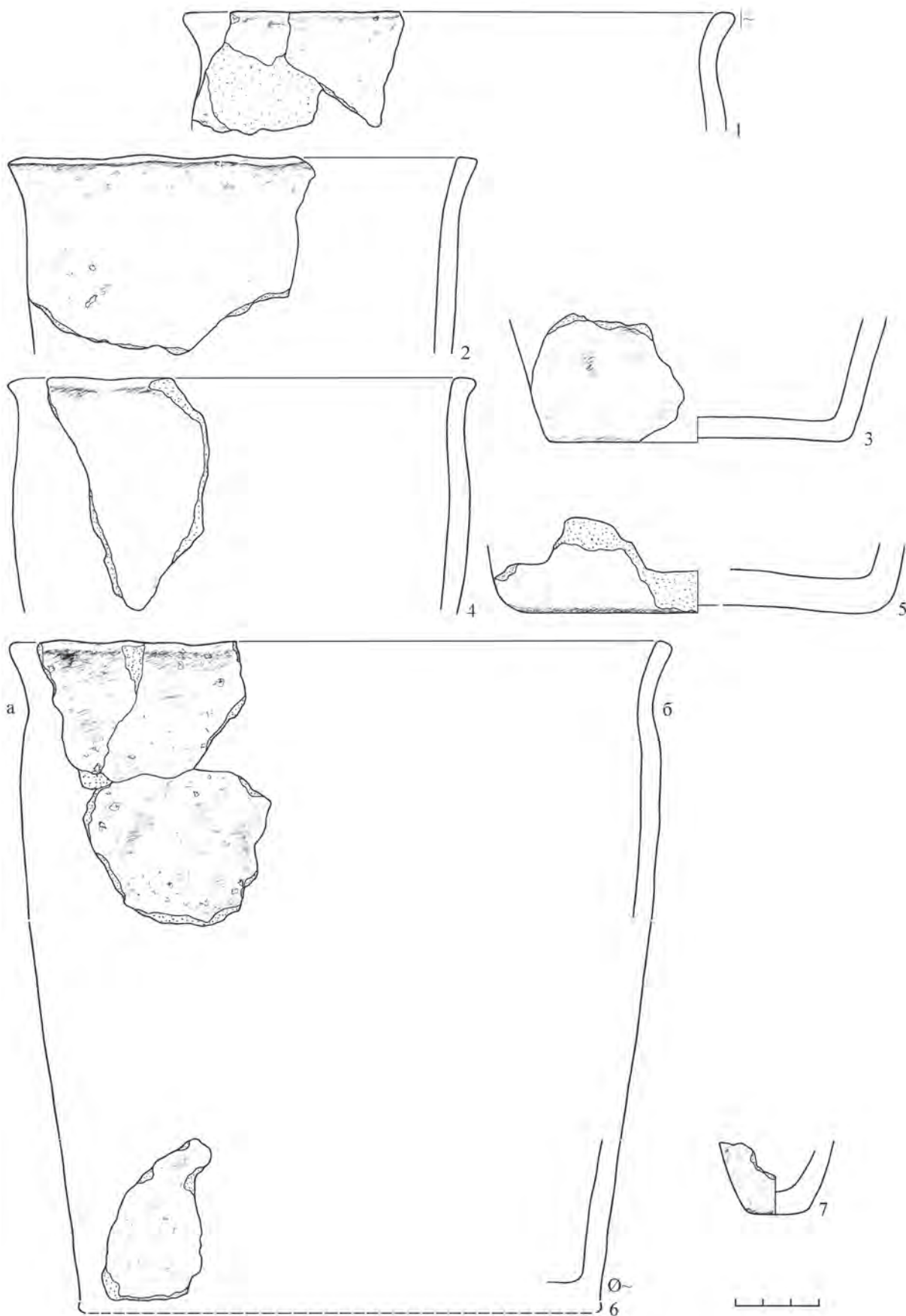

Рис. 22. Поселение на оз. Съезжее.
Керамика: 1-5, 7 – заполнение ямы в кв. 22, 23; 6 – заполнения ям в кв. 30 и 39.

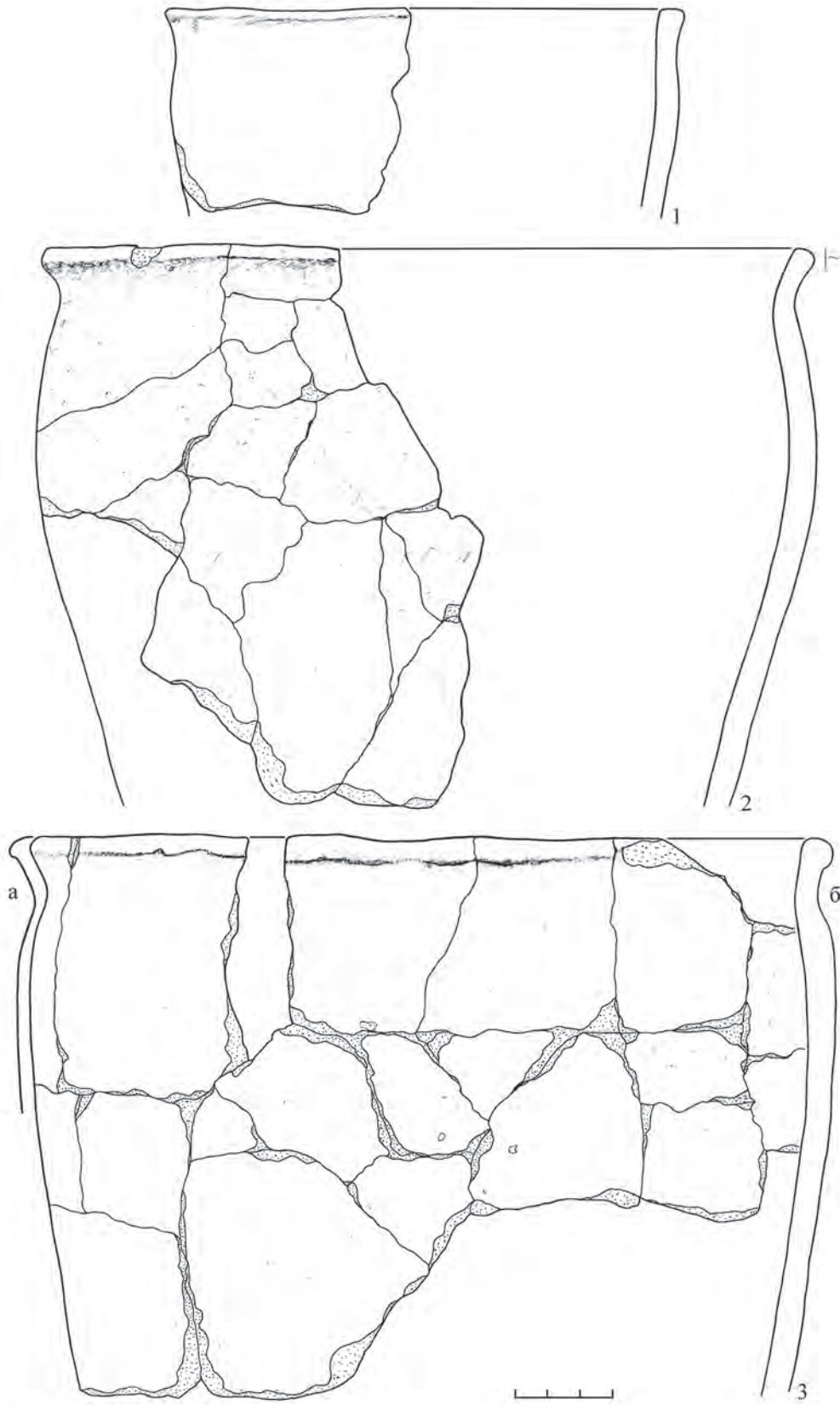

Рис. 23. Поселение на оз. Сьезжее.

Керамика: 1 – заполнения ямы в северной части кв. 22, 23; 2 – заполнения основания постройки 2, кв. 57; 3 – там же и культурный слой, кв. 61.

Рис. 24. Оз. Съезжее: 1 – вид с места могильника на восточную часть озера во время ухода воды в карстовые полости. 1976 г.; 2 – вид с места могильника на озеро при высоком уровне воды. 1995 г.

E.N. Nosov, A.V. Plokhov
(Saint-Petersburg)

Settlement-site and burial ground at Lake Syezzheye

Summary

This article summarises results of the excavations of 1975, 1976, 1979 and 1980 at archaeological sites on the bank of Lake Syezzheye in the east of Novgorod Oblast. There, four mounds with three burials in the cremation rite have been excavated in a burial ground comprising ten barrows. Still other 14 similar burials have been excavated at a flat-grave cemetery west and south-west from the barrows. At the settlement-site covering an area of about one hectare, two excavations were started (276 sq. m). At one of these, the foundations of two surface wooden dwelling houses, household pits and holes left by pillars have been investigated.

The present article considers the ceramic assemblage consisting of exclusively handmade ware including jars and poorly profiled pots as well as a few miniature vessels. Examination of the grave goods from the burials of the flat-grave cemetery suggests that it is dating from the second half of the 5th to the first half of the 6th century AD. Because of the absence of narrowly dated finds it is difficult to define

the period of the functioning of the kurgan necropolis and its relation to the unrounded burials. The flat-grave burials can have been either more ancient or synchronous to the barrows. The few artefacts from the settlement date the site rather unreliably to the period of the second half of the 1st millennium AD, although there are grounds to ascribe one of the houses to the second half of the 8th century.

The landscape situation of the complex of sites at Lake Syezzheye, its location near a settlement linked with a barrow cemetery including one long barrow and a flat-grave cemetery, as well as its ceramic assemblage, indicate that it belongs to the archaeological culture of the Pskov-Novgorod long barrows. Among the antiquities of the latter there are the closest parallels to all of the finds from the locality under consideration. The presence of dwellings of different types at the site, as well as some other finds, reveals local cultural peculiarities of the residents of the settlement at Lake Syezzheye and/or their contacts with neighbouring regions.

Памятники культуры псковских длинных курганов близ деревни Березицы

Е.Р. Михайлова (Санкт-Петербург)

Несмотря на более чем полуторастолетнюю историю исследований, культура псковских длинных курганов (КДК) по-прежнему остается недостаточно изученной, и введение в научный оборот материалов раскопок памятников этой культуры остается актуальной задачей. Настоящая статья посвящена результатам полевых работ 1991 г. в окрестностях деревни Березицы (Березица) Струго-Красненского района Псковской области, проводившихся Плюсским отрядом Ленинградской областной экспедиции (начальником экспедиции был Е.А. Рябинин, начальником отряда – С.Л. Кузьмин). Я выражаю искреннюю признательность Сергею Леонидовичу Кузьмину за возможность опубликовать эти материалы.

Деревня Березицы, рядом с которой находятся публикуемые памятники, располагается среди холмов Лужской возвышенности, севернее районного центра поселка Струги Красные, между крупными озерами Черное (Вязковское) и Щирское в бассейне верхнего течения р. Плюсы (рис. 1). Первые сведения о наличии здесь курганов относятся к 1879 г., когда И.Г. Данилову в Яблонецком волостном правлении сообщили о наличии при деревне Березице «древнего кладбища близ горы и шести сопок» (Данилов, 1880, с. 21).

В 1900 г. Н.Ф. Арепьев обнаружил здесь рядом с селением могильник¹, в котором раскопал две могилы, а также «ряд больших сопок» к северу от деревни. Одну из «сопок», расположенную близ дороги из деревни Березицы в деревню Страшево, на левом берегу речки Бочицы, Н.Ф. Арепьев раскопал (Арепьев, 1900, л. 10-11, 17об.).

В 1986-1987 гг. памятники в окрестностях д. Березицы были вновь обследованы С.Л. Кузьминым.

Могильники культуры длинных курганов располагаются двумя скоплениями: к северу от деревни, по берегам речки Бочицы (курганная группа Березицы I и IV и одиночный курган Березицы II) и южнее деревни, на поросшей сосновым бором возвышенности (Березицы V–VII). Поселений, соответствующих этим могильникам, пока не выявлено (см. рис. 1).

Кроме памятников культуры длинных курганов, рядом с деревней Березицы известны более поздние могильники: курганный могильник с ингумациями XI–XII вв. Березицы III на правом берегу Бочицы, грунтовый могильник Березицы

¹ Могильник, располагавшийся, по словам Н.Ф. Арепьева, «под самым селением по правому берегу протекающего близ него ручья, частью по левому», в 1986 г. получил обозначение Березицы IX.

VIII близ деревенской часовни и уничтоженный карьером курганно-жальничный могильник Березицы IX, располагавшийся у юго-восточной окраины деревни.

В 1991 г. здесь были проведены раскопки нескольких насыпей КДК в группах Березицы I, IV и V, материалам которых посвящена настоящая публикация, а также древнерусских курганов с ингумациями в могильнике Березицы III. В 1996 г. здесь же был полностью раскопан могильник КДК Березицы VI, к настоящему времени опубликованный (Соболев, 2008).

Курганная группа Березицы V

Курганная группа Березицы V находится в 1,5 м к юго-востоку от д. Березицы, у лесной дороги из д. Березицы к железнодорожному разъезду «197-й км», в сосновом лесу, северо-западнее курганной группы Березицы VI. В 1991 году в группе насчитывалось 5 круглых в плане насыпей, вытянутых цепочкой по вершине невысокого моренного всхолмления (рис. 2).

Здесь был раскопан самый северный в группе **курган (№ 3)** – округлая в плане насыпь размером 4×5 м, высотой около 0,4 м, вытянутая своей более длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. В отличие от подавляющего большинства насыпей КДК, описываемый курган не был окружен ровиком (рис. 3: 1).

Насыпь была сооружена из однородного желтого песка в один прием и содержала четыре погребения по обряду трупосожжения на стороне. Пережженные кости во всех погребениях были очищены от угля.

Погребение 1 представляло собой безынвентарную россыпь пережженных костей, лежавшую на погребенной почве узкой полосой с юго-юго-запада на северо-северо-восток. Размеры пятна погребения составляли 0,4 × 1,6 м, толщина – 0,1 м. Погребение не содержало инвентаря.

Погребение 2 – компактное скопление пережженных костей в ямке, впущенной в южную полу кургана, размером 0,25 × 0,35 м и толщиной 0,1 м, также безынвентарное.

Погребение 3 было впущено в центр кургана. Это плотное скопление кальцинированных костей размером 0,5 × 0,56 м и мощностью 0,2 м, не содержавшее находок.

Погребение 4 покоилось в ямке, впущенной в восточную полу кургана. Это было скопление костей размером 0,3 × 0,37 м, мощностью 0,22 м,

среди которых найдено маленькое колечко из бронзовой проволоки (рис. 3: 2).

Установить взаимное соотношение выявленных погребений невозможно, очевидно только, что самым первым, непосредственно перед возведением кургана, было совершено погребение 1.

Курганная группа Березицы IV

Курганная группа Березицы IV расположена в 0,5 км к северо-западу от д. Березицы, на всхолмлении на правом коренном берегу р. Бочицы, в смешанном лесу; она состояла из трех круглых в плане насыпей (рис. 4). Здесь раскопано два кургана.

Курган № 3 до раскопок представлял собой округлую в плане насыпь диаметром около 8 м и высотой 0,7 м (рис. 5).

В основании кургана лежала овальная в плане площадка размером приблизительно 7×9 м, прослеженная по контуру пятна погребенной почвы. Площадка была получена путем выравнивания склонов естественного низкого (до 0,3-0,4 м) возвышения, выбранного для места сооружения насыпи. Своей продольной осью она оказалась вытянута почти по линии запад – восток. С юга и северо-востока – востока подкурганная площадка была окружена узкими полукольцевыми ровиками шириной до 0,4 м и глубиной 0,4-0,55 м. На погребенной почве близ центра насыпи лежало несколько бульжников.

Насыпь кургана состояла из однородного желтого песка и сильно расползлась, перекрыв расположенную под юго-восточной полкой кургана материковую яму: округлая в плане яма с плоским дном и крутыми стенками располагалась на промежутке между дугообразными рвами, ограничивавшими курган. Диаметр ямы составлял 1,2 м, глубина – 0,65 м, она была заполнена перемешанным слабо гумусированным песком. В верхней части заполнения ямы отмечены обугленные фрагменты горизонтально уложенных жердей или тонких плах; аналогичные незначительные деревянные остатки, также обуглившись, расчищены на погребенной почве севернее ямы.

В юго-восточной поле кургана, юго-восточнее описанной выше материковой ямы, в слабо гумусированном песке насыпи были собраны кальцинированные кости, залежавшие здесь во «взвешенном» состоянии. Можно предположить, что это остатки разрушившегося захоронения на вершине насыпи (может быть, на ее по-

верхности), которое со временем оползло вместе с песком вниз, почти в ров насыпи. Других погребений в кургане не выявлено.

Курган № 1 до раскопок представлял собой округлую в плане насыпь с уплощенной вершиной, диаметром около 9 м и высотой до 1,6 м (рис. 6).

Курган был возведен на ровной круглой в плане площадке, из разнородного грунта. Основной объем насыпи был сложен из светло-желтого суглинка, а под суглинком, на погребенной почве прослеживались незначительные по объему подсыпки и линзы из желтого песка, а также прослойки темного гумусированного песка – погребенного дерна.

Линзы и подсыпки в основании насыпи не отмечали собой отдельного начального этапа сооружения кургана; их наличие, по всей видимости, связано с неоднородностью грунта в том месте, где он брался для сооружения насыпи. Все же по их направлению и форме можно проследить, что курган насыпался от центра к краям.

Вершина насыпи, ее западный и южный склоны были досыпаны перемешанным желтым песком и красноватым моренным гравием.

Как и в случае с курганом, раскопанным в группе Березицы V, подкурганная площадка (пятно погребенной почвы в основании насыпи) не была обведена ровиком, что нехарактерно для псковских длинных курганов. Вместо обычного кольцевого рва вокруг насыпи к юго-западу и западу от нее отмечены неправильной формы ямы, из которых брался грунт для сооружения насыпи. Эти ямы вошли в пределы раскопа лишь частично.

В центре кургана было выявлено два захоронения.

Погребение 1, основное в этом кургане, находилось на глубине 1,1-1,2 м от вершины насыпи и было совершено в момент ее возведения: грунт вокруг погребения и выше него однороден, без следов впущенной ямы. Погребение представляло собой линзу (размером 0,3 × 0,4 м) плохо пережженных костей, перемешанных с сажей и значительным количеством угля. Кости погребения лежали на четко очерченной округлой «подушке» из угля, с поднятыми краями; толщина подушки в центре составляла 0,10-0,14 м, по краю – до 0,2 м. Реконструировать облик этого деревянного вместилища не удалось, возможно, это был массивный долбленный сосуд. Среди костей погребения 1 были собраны обломки нескольких квадратных бронзовых бляшек-обоймиц с тисненым орнаментом (рис. 14: 1-9; 15: 1).

Погребение 2 было впущено в вершину готовой насыпи, северо-восточнее погребения 1. Оно представляло собой небольшую (0,2 × 0,3 м) линзу очищенных от угля кальцинированных костей, залегавшую на глубине 0,2-0,35 м от вершины кургана. Погребение оказалось безынвентарным.

Курганная группа Березицы I

Группа Березицы I расположена в смешанном лесу в 0,7 км к северо-западу от д. Березицы, на левом коренном берегу р. Бочицы, близ дороги из д. Жидишино в д. Страшево (рис. 7: 1). Помимо невысоких округлых в плане курганов, в состав группы входит несколько высоких (до 3-3,5 м) сопковидных насыпей. В южной части группы, рядом с сопковидным курганом № 3 сосредоточены маленькие низкие сильно разрушенные ямами и траншеями насыпи, рядом с которыми заметны отвалы от совершенно разрушенных курганов. Всего к 1991 г. в группе насчитывалось 16 более или менее поврежденных курганов, число разрушенных неопределимо. В 1991 г. здесь раскопаны четыре наименее поврежденные сравнительно высокие насыпи.

Курган № 10 – самый южный в группе, располагался на выступе коренного берега реки. До раскопок он представлял собой круглую в плане насыпь диаметром 9-10 м, высотой около 1,5 м (рис. 8). Ровик вокруг кургана до раскопок не прослеживался.

В основании насыпи находилась круглая в плане материковая площадка диаметром около 8 м, вырезанная из низкого естественного возвышения; глубина подрезки достигала 1 м.

Первоначально путем отсыпки концентрических валиков была сооружена насыпь высотой около 0,7 м. Она возводилась из разнородного материала: юго-восточная часть первоначальной насыпи состоит в основном из желто-серого суглинка, а северо-западная – из оранжевого песка. На вершине первоначальной насыпи располагалось *погребение 1* – линза пережженных костей размером 1 × 1,6 м и толщиной 0,24 м. Судя по поперечному разрезу погребения, кости были ссыпаны в неглубокую яму с пологими стенками, вырытую в плоской вершине кургана.

Позднее курган был досыпан, вновь из разнородного материала, до общей высоты 1,5 м от уровня погребенной почвы, и принял свой окончательный вид. С этим этапом сооружения насыпи связано *погребение 2*: в вершину готовой

насыпи была впущена яма размером $1,1 \times 1,6$ м и глубиной 0,68 м. В заполнявшем ее гумусированном песке несколько выше дна залегало плотное линзовидное скопление пережженных костей размером приблизительно $0,25 \times 0,25$ м и мощностью 0,22 м. Погребение 2 было накрыто сверху булыжником, слегка выступавшим из современного дерна. С окончательной насыпью связаны еще два захоронения – № 3 и 4. Это небольшие плотные скопления пережженных костей в ямках, впущенных в вершину кургана западнее погребения 2.

Ни одно из погребений в насыпи не содержало каких-либо вещей.

По склону окружающей курган подрезки и местами на ее дне лежали крупные гранитные валуны. Их расположение напоминает каменную обкладку насыпи, однако камни немногочисленны. В заполнении рва-подрезки были собраны также несколько черепков поздней круговой керамики.

Курганы № 7-9 были расположены рядом друг с другом в северо-восточной части могильника, они исследованы единым раскопом (рис. 7: 2).

Курган № 9 до раскопок представлял собой округлую, чуть удлинненную в плане насыпь размером 6×7 м и высотой до 0,7 м (рис. 9).

Курган возводился в два приема.

Первоначально был вырыт кольцевой ровик, оконтуривший прямоугольную в плане площадку размером 6×7 м, вытянутую продольной осью по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Окружавший площадку ров с уплощенным дном и пологими стенками имел глубину 0,2-0,3 м от уровня погребенной почвы, ширину – до 1,6-1,8 м, у юго-западного угла площадки сужаясь до 0,7 м.

На обведенной рвом площадке была возведена первоначальная низкая насыпь высотой 0,20-0,25 м от уровня погребенной почвы. Поверхность первоначальной насыпи была покрыта дерном: тонкая прослойка темно-серого гумусированного песка (погребенного дерна) хорошо заметна в профилях кургана. На этой поверхности местами лежали некрупные булыжники – возможно, остатки какой-то вымостки. С первоначальной насыпью связано три захоронения.

Погребения 1 и 2 располагались друг рядом с другом практически в центре кургана и были очень похожи: плотные безынвентарные скопления пережженных костей диаметром 0,12-0,15 м и мощностью 0,05-0,10 м, впущенные в мелкие ямки на поверхности первоначальной насыпи.

Погребение 3 располагалось в западной части подкурганной площадки, в материковой яме диаметром 0,64 м и глубиной 0,43 м. Яма была сплошь заполнена пережженными костями вперемежку с углем и сажей. Вокруг ямы на погребенной почве зафиксировано множество мелких угольков и обугленная деревянная плашка размером $0,2 \times 0,8$ м. Находок погребение 3 не содержало.

После совершения захоронений 1 и 2 курган № 9 был досыпан до своей окончательной высоты тем же желто-оранжевым песком, каким сложена первоначальная насыпь. С этим этапом возведения насыпи захоронений не связано.

К юго-западу от кургана, с внешней стороны рва, было выявлено *погребение 4*. Очищенные от угля пережженные кости располагались в материковой ямке диаметром ок. 0,4 м и глубиной до 0,15 м. Сверху ямка была закрыта большим булыжником, с течением времени сползшим вниз по склону рва. Погребение безынвентарное.

Курган № 7, подквадратной в плане формы, был ориентирован своими сторонами практически по сторонам света. До раскопок он имел размеры приблизительно $5,8 \times 5,8$ м и высоту около 1 м (рис. 10).

В основании кургана лежала подквадратная площадка размером $5,5 \times 5,5$ м, полученная путем подрезки склонов низкого естественного всхолмления. С юга и востока площадку окружал дугообразный ров шириной до 0,8 м и глубиной до 0,2 м.

В центре подкурганной площадки располагалась куча из крупных валунов, наваленных друг на друга в 2-3 яруса. Эта конструкция возвышалась над уровнем первоначальной насыпи, достигавшей высоты 0,4 м от погребенной почвы. Поверхность первоначальной насыпи хорошо прослеживалась по прослойкам погребенного дерна на ней, разнице в цвете и структуре песка.

С первоначальной насыпью связано два захоронения. *Захоронение 1* зафиксировано на погребенной почве на южном краю подкурганной площадки в виде россыпи кальцинированных костей без примеси угля или саж. *Захоронение 2* – компактная линза очищенных от угля, хорошо пережженных костей диаметром 22 см и толщиной 15 см – было помещено между валунами в центре насыпи. Оба погребения безынвентарны.

На втором этапе сооружения курган № 7 приобрел свой окончательный вид. На вершине вновь сооруженной насыпи были уложены мелкие бу-

лыжники, проступавшие из современного дерна. Одновременно с увеличением объема насыпи, курган был окружен мощным рвом-подрезкой, со своей западной стороны выведенным в ров-подрезку соседнего кургана № 8, из чего можно заключить, что в своем окончательном виде курган № 7 является более поздним, чем окончательная насыпь кургана № 8 (см. рис. 7: 2).

Захоронений, связанных с этим этапом возведения кургана, не выявлено.

Обнаруженные с северо-западной и северной стороны кургана во «взвешенном» состоянии в заполнении рва-подрезки валуны, судя по всему, не связаны с курганом, а были принесены сюда (возможно, при расчистке поля поблизости).

Курган № 8 – самый крупный из исследованных здесь – имел и наиболее сложную структуру (рис. 11).

Первоначально это была низкая (до 0,4 м) овальная в плане насыпь размером 2,7 × 3,6 м, на вершину которой было помещено безынвентарное захоронение № 7 – незначительная россыпь очищенных от угля пережженных костей размером 0,2 × 0,2 м и толщиной 0,05 м. С первоначальной насыпью связаны также впущенные в нее захоронения 5 и 6.

Захоронение 5 представляло собой компактную массу очищенных от угля кальцинированных костей, помещенных в лепной сосуд-урну. Сверху урна была накрыта другим, перевернутым вверх дном, лепным сосудом (рис. 12: 1). Оба сосуда толстостенные, баночной формы, с примесью значительного количества крупной дресвы в тесте и чрезвычайно слабого обжига. Венчики обоих раскрошились (рис. 12: 2). Рядом с захоронением, вплотную к нему, было помещено железное шило с деревянной ручкой (рис. 14: 11); ржавчина от него окрасила поверхность сосуда-покрышки.

Захоронение 6 представляло собой компактное скопление очищенных от угля пережженных костей, помещенное в неглубокую ямку на поверхности первоначальной насыпи. Среди косточек были встречены два похожих орнаментированных полых костяных предмета (возможно, игольники), побывавшие в сильном огне² (рис. 14: 12, 13).

² В отчет о раскопках 1991 г. и предварительные публикации вошли сведения только об одном из этих предметов. Второй игольник, расколовшийся в огне на два фрагмента, был обнаружен только недавно при повторном просмотре костей из погребения (рис. 15: 3).

Вторым этапом сооружения кургана № 8 стала окруженная неглубоким ровиком насыпь с плоской вершиной и крутыми склонами, в плане – подчетыреугольная со скругленными углами. Ее размеры 6,8 × 5,7 м, высота от уровня погребенной почвы – 1 м. Поверхность насыпи хорошо прослеживается по слою погребенного оподзоленного дерна. С этой насыпью не связано каких-либо захоронений. По периметру плоской подквадратной в плане вершины вновь сооруженной насыпи была устроена низкая стенка из мелких булыжников, уложенных в 4-6 ярусов. Позднее кладка оказалась частично разобрана при реконструкции насыпи, а еще позднее – разворочена корнями выросшей здесь сосны. По склонам описываемой насыпи были расчищены остатки горевшего на ее вершине костра. Большие сосновые плахи, очевидно, были поставлены «шалашиком» и, прогорая, опрокидывались вниз по склону.

На третьем этапе своего сооружения насыпь была окружена мощной подрезкой шириной до 2 м и приобрела свои окончательные размеры – диаметр ок. 10 м, высоту 1,5-1,6 м от уровня погребенной почвы и до 2,2 м со дна рва-подрезки. С окончательной насыпью связано два захоронения.

Захоронение 1 – незначительное скопление очищенных от угля пережженных костей в вершине насыпи сразу под дерном – инвентаря не содержало.

Захоронение 4 было впущено в самый край западной насыпи окончательной насыпи, оплывшей в ровик. Здесь среди пережженных костей найдены фрагменты полностью расплавленных темно-синих стеклянных бус.

К западу от кургана, с внешней стороны рва-подрезки, было выявлено еще три погребения. Все они были совершены в материковых ямках, накрытых сверху крупными булыжниками. С течением времени камни сползли вниз по склону в ров.

Захоронение 3 было помещено в опрокинутую вверх дном урну – небольшой лепной сосуд баночной формы, в целом аналогичный сосудам из захоронения 5, но меньших размеров, с более тонкими стенками (рис. 13). Слабо обожженное рыхлое дно урны, придавленное тяжелым камнем, сильно раскрошилось. Очищенные от угля кости лежали внутри урны, отдельные косточки встречались также вокруг нее, в слабо гумусированном песке, заполнявшем ямку.

Захоронение 2 было помещено, по-видимому, в туесок или сверток из луба, от которого сохранились слои темного органического тлена, подстилавшего и перекрывавшего очищенные от угля кальцинированные кости (см. рис. 13: 1). Среди костей в южной части ямки собраны сильно оплавленные темно-синие стеклянные бусы.

Захоронение 8 – скопление очищенных от угля пережженных костей, среди которых найдено бронзовое проволочное колечко с напущенной на него темно-синей стеклянной бусиной (рис. 14: 10).

По всей вероятности, «сопка», раскопанная Н.Ф. Арепьевым на левом берегу Бочицы у дороги в д. Страшево, тоже была одной из высоких насыпей курганной группы Березицы I.

Автор раскопок писал: «Третья раскопка была произведена мною в трехстах саженях от этого же селения Березицы на границе земель этого селения и соседнего Страшева (в 3х верстах), на берегу протекающей здесь речки Бочицы. На указанном месте – ряд больших сопки, по правому берегу их пять, от 1 до 1½ сажени вышины и в окружности от 50 до 100 шагов, все сопки поросли мелким сосняком, местность довольно высокая и глухая и потому в насыпях много барсучьих нор. По левому берегу Бочицы, близ дороги, 2 сопки, одна из них и была мною вскрыта. Раскопка произведена с юга траншеей, которой пройдено ¾ сопки. При углублении траншеи на 1½ аршина открыта на ½ аршина от грунта незначительная угольная прослойка; других следов погребения, а равным образом и каких-либо предметов не найдено. Насыпь все время резко делилась на два слоя: нижний – гравий и подзол, верхний – песок полевой желтый. Высота раскопанной сопки 4 арш., диаметр 3 ½ саж. Мною раскопана сопка более сохранившаяся, тогда как другие носят явные следы работ кладоискателей. В Березице мне рассказывали, что при одном из таких разрытий были будто бы найдены старый меч и большая медная денга». (Арепьев, 1900. Л. 11).

Среди обследованных нашей экспедицией насыпи со следами таких раскопок нет – возможно, располагавшаяся на поле у дороги насыпь не сохранилась. Какие «большие сопки» Н.Ф. Арепьев отметил на правом берегу Бочицы, сказать затруднительно: все обследованные здесь в 1980-1990-х гг. курганы невысоки.

Результаты раскопок Н.Ф. Арепьева во многом сходны с описанными выше: зафиксированы неоднородность грунта насыпи, наличие

угольной прослойки, по-видимому, двухэтапность сооружения.

Исследованные в 1991 г. близ д. Березицы насыпи в целом типичны для культуры псковских длинных курганов: расположение в характерных ландшафтных условиях, частая многоэтапность сооружения насыпей, значительная вариативность в способах помещения в насыпь кремнированных останков. Достаточно характерны для погребальной обрядности КДК и захоронения в грунтовых ямках с внешней стороны окружающего курган рва (ср.: Исланова, 2006, с. 55-57; Соболев, 2008, с. 120-121; Михайлова, 2010а, с.44; Михайлова 2010б, с. 105).

Вместе с тем в Березицких курганах заметны и черты, несвойственные КДК: отсутствие рвов вокруг курганов в группах Березицы IV и V и замена обычных кольцевых ровиков глубокими подрезками без выраженного внешнего края у высоких курганов в группе Березицы I. Курган 8 в могильнике Березицы I по своему внутреннему устройству выказывает определенное сходство с сопками, в частности с раскопанной К.Д. Трофимовым в 30 верстах от Березиц сопкой у д. Средние Озерцы (см.: Чернягин, 1941, с. 99).

Обращает на себя внимание и материал насыпей. Курган 10 в могильнике Березицы I частично, а курган 1 в могильнике Березицы IV почти полностью были сложены из суглинка, что редкость для насыпей КДК, располагающихся в борových ландшафтах. Присутствие суглинка в насыпях курганов отмечено и для группы Березицы VI (Соболев, 2008, с. 130). По всей вероятности, это обстоятельство можно объяснить местными природными условиями.

Находки, собранные при раскопках 1991 г., немногочисленны и в целом не очень информативны.

Из баночных лепных сосудов только один сохранил свой полный профиль (см. рис. 13: 2). Это приземистый баночный сосуд со слабо отогнутым венчиком, который можно отнести к типу 11 по Н.В. Лопатину (Лопатин, 2003, с. 54, рис. 1: 11), встречающемуся по всей территории культуры длинных курганов на протяжении длительного времени.

Проволочное бронзовое колечко с напущенной на него синей бусиной, найденное в грунтовом погребении 8 рядом с курганом 8 группы Березицы I, относится к довольно локальной

категории находок. Ближайшие аналогичные предметы встречены при раскопках могильника Березицы VI (Соболев, 2008, рис. 4: 2, 5), а в целом такие колечки характерны для памятников КДК, расположенных в Юго-Восточной Эстонии и к востоку от Чудского озера вплоть до верхнего течения Плюссы. Узко датировать эти предметы пока не удастся (Михайлова, 2014, с.113-116).

Квадратные тисненные бляшки-обоймицы, встреченные в кургане 1 группы Березицы IV (не менее 2-3 экз.), также относятся к находкам,

характерным для КДК и практически не встречающимся в других древностях. Аналогичны березицким находкам по своей орнаментации бляшки-обоймицы, найденные в могильниках Березно I в бассейне Плюссы, Потерпелицы I в бассейне Мсты и Степаново III в бассейне Мологи (Михайлова, 2014, с. 64-68).

В целом скопление курганных могильников у д. Березицы дало новые важные материалы для изучения погребальных памятников культуры псковских длинных курганов и требует продолжения исследований.

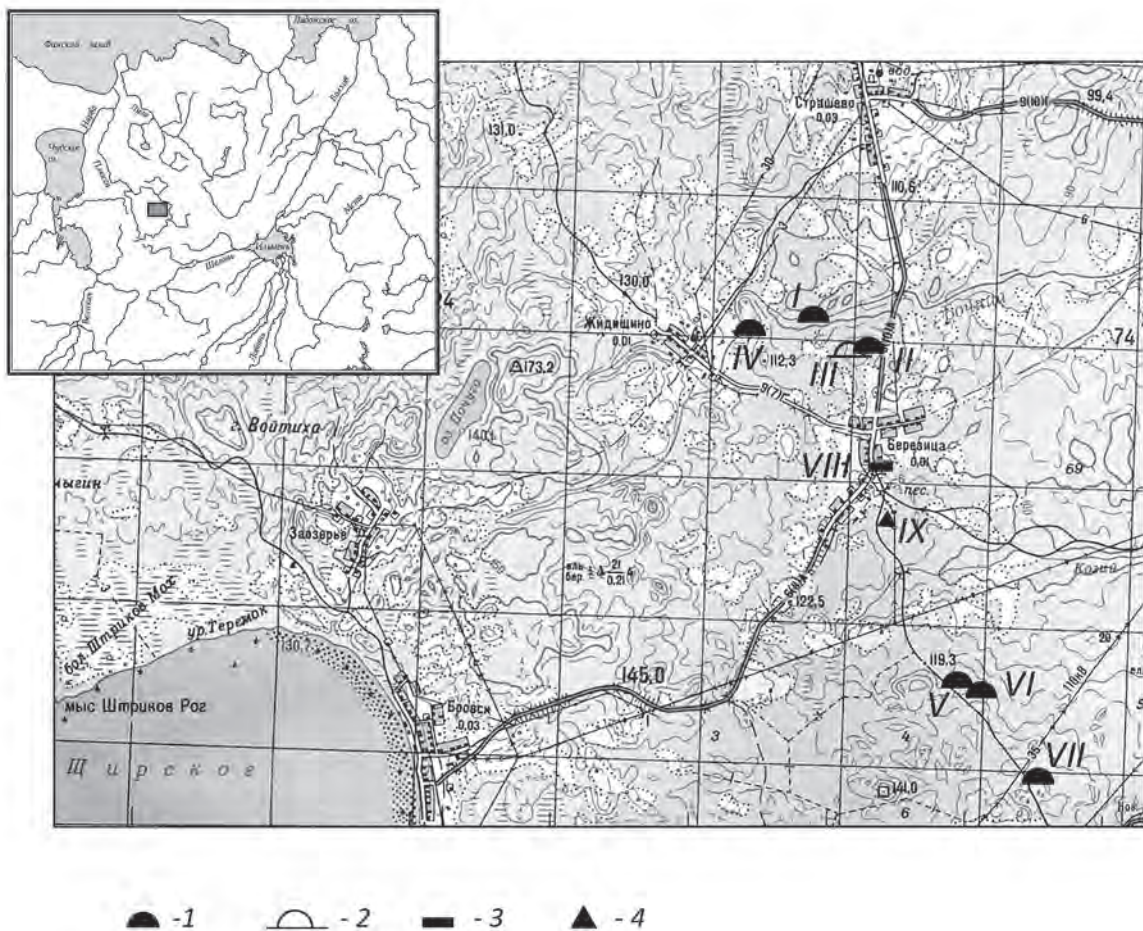

Рис. 1. Схема расположения средневековых погребальных памятников у дер. Березицы Струго-Красненского района. Римские цифры соответствуют индексам памятников в тексте. Условные обозначения: 1 – могильник культуры длинных курганов; 2 – древнерусский курганный могильник; 3 – грунтовый могильник; 4 – курганно-жальничный могильник.

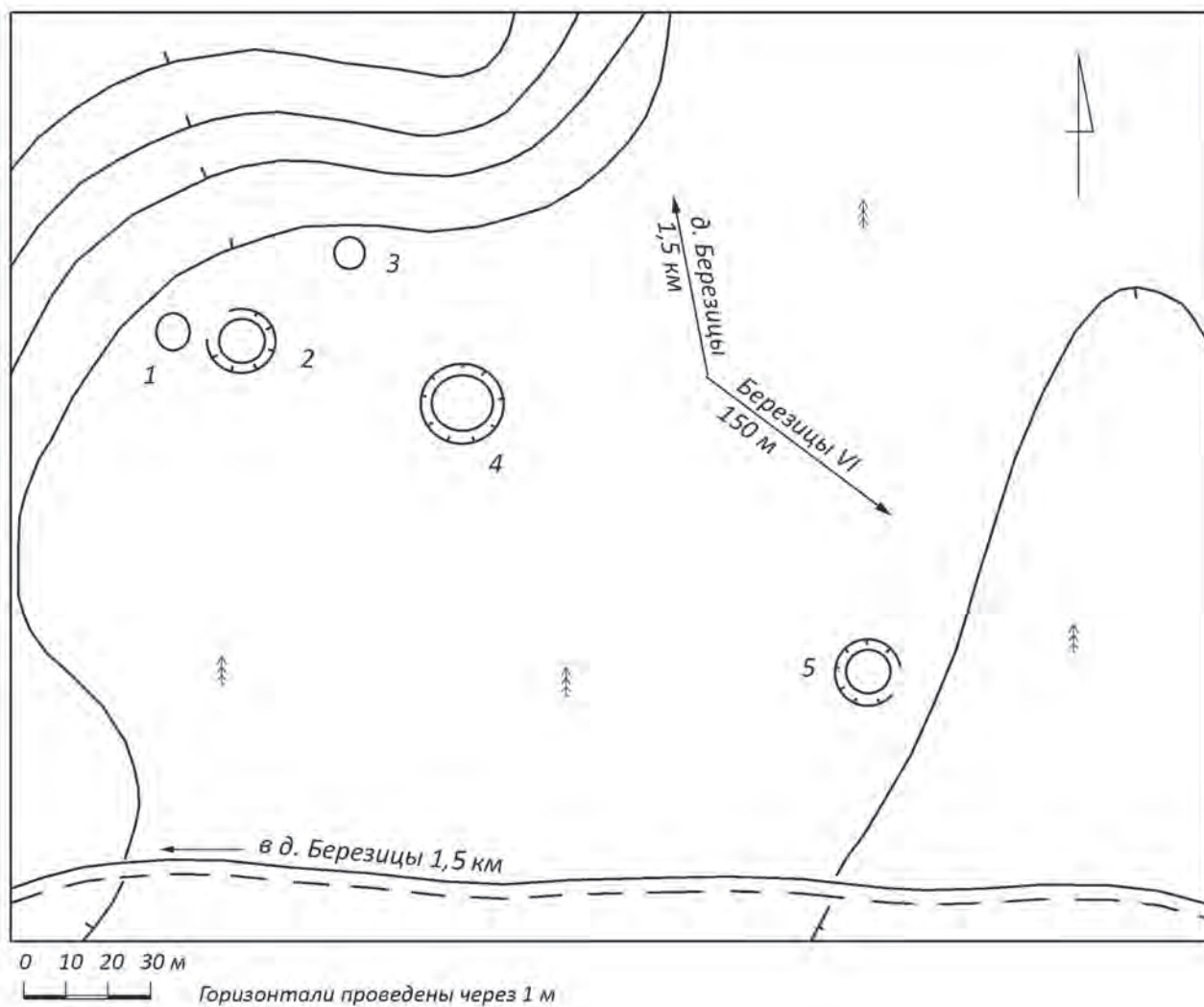

Рис. 2. План курганной группы Березицы V.

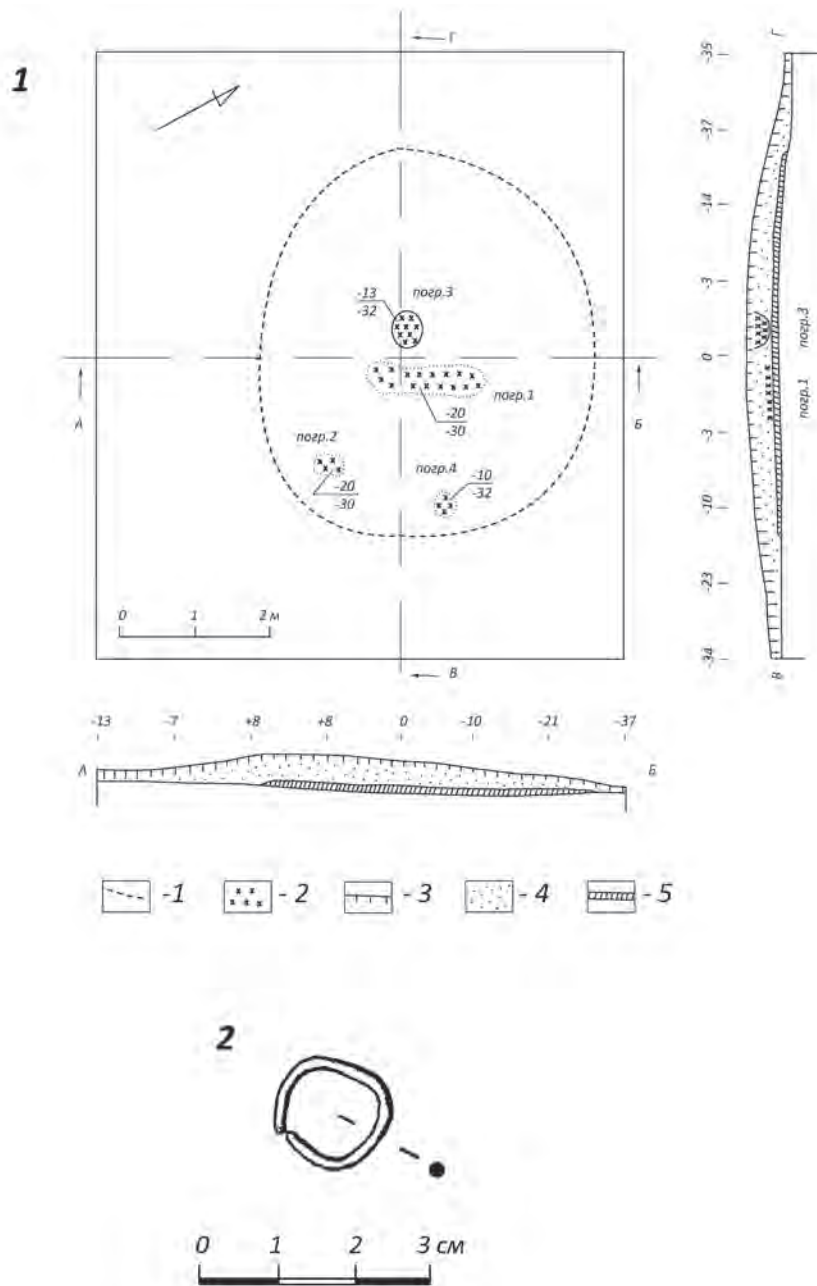

Рис. 3. Курганная группа Березицы V. Курган № 3. 1) План раскопа. Условные обозначения: 1 – контур пятна погребенной почвы, 2 – кальцинированные кости, 3 – современный дерн, 4 – песок насыпи, 5 – погребенная почва. 2) Бронзовое колючко из погребения 4.

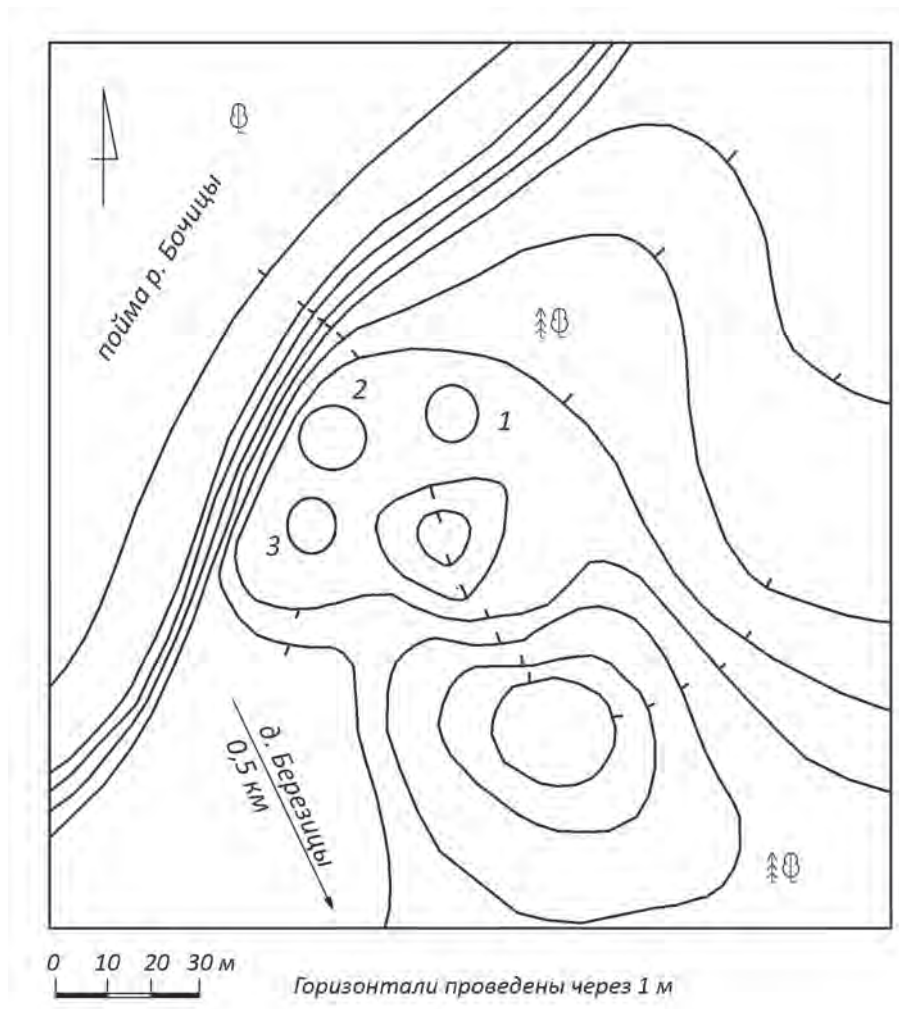

Рис. 4. План курганной группы Березицы IV.

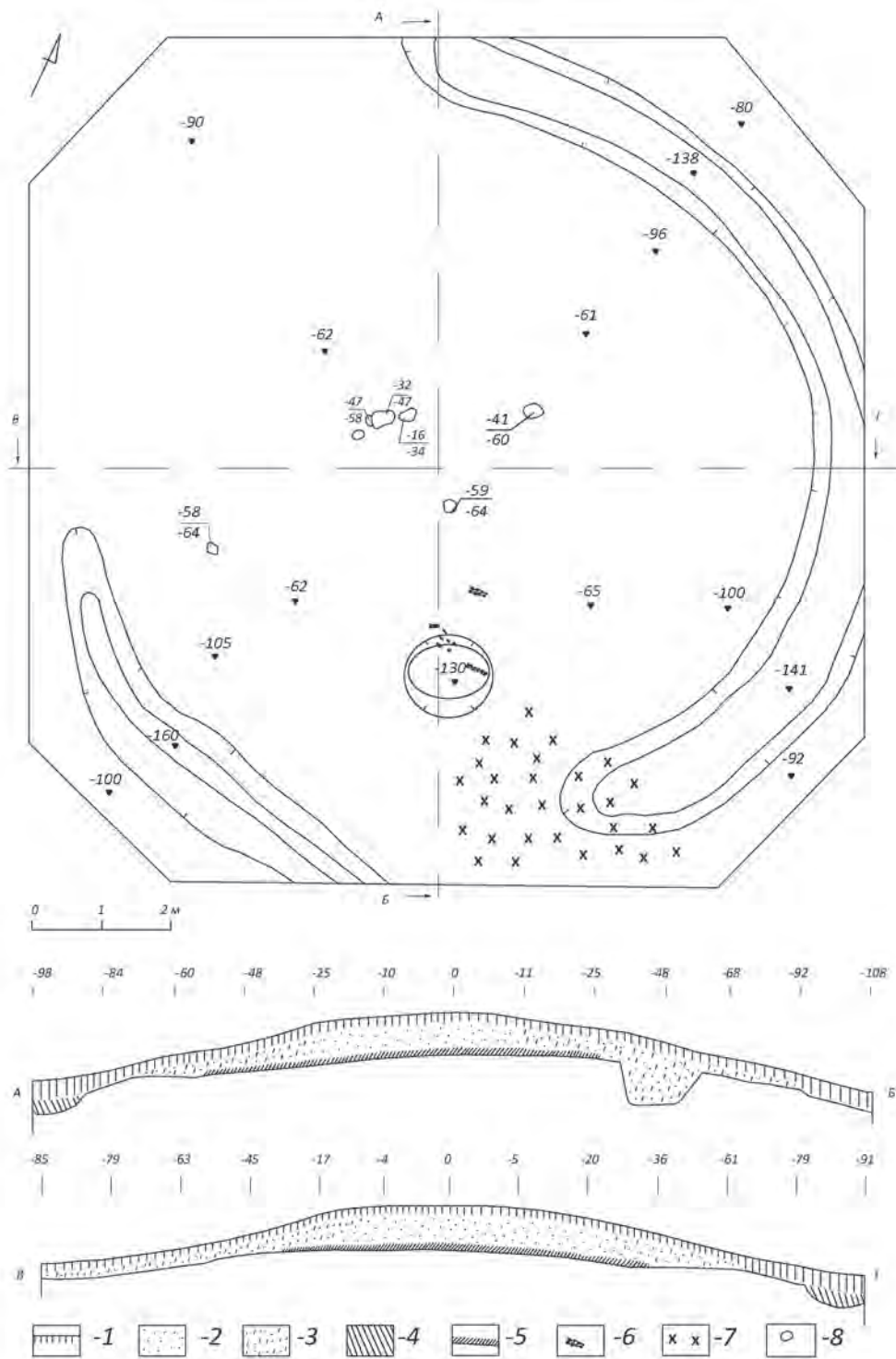

Рис. 5. Курганная группа Березицы IV. Курган № 3. План раскопа.
 Условные обозначения: 1 – современный дерн; 2 – желтый песок; 3 – серо-желтый песок;
 4 – темно-серый песок; 5 – погребенная почва; 6 – угли; 7 – кальцинированные кости;
 8 – булыжник.

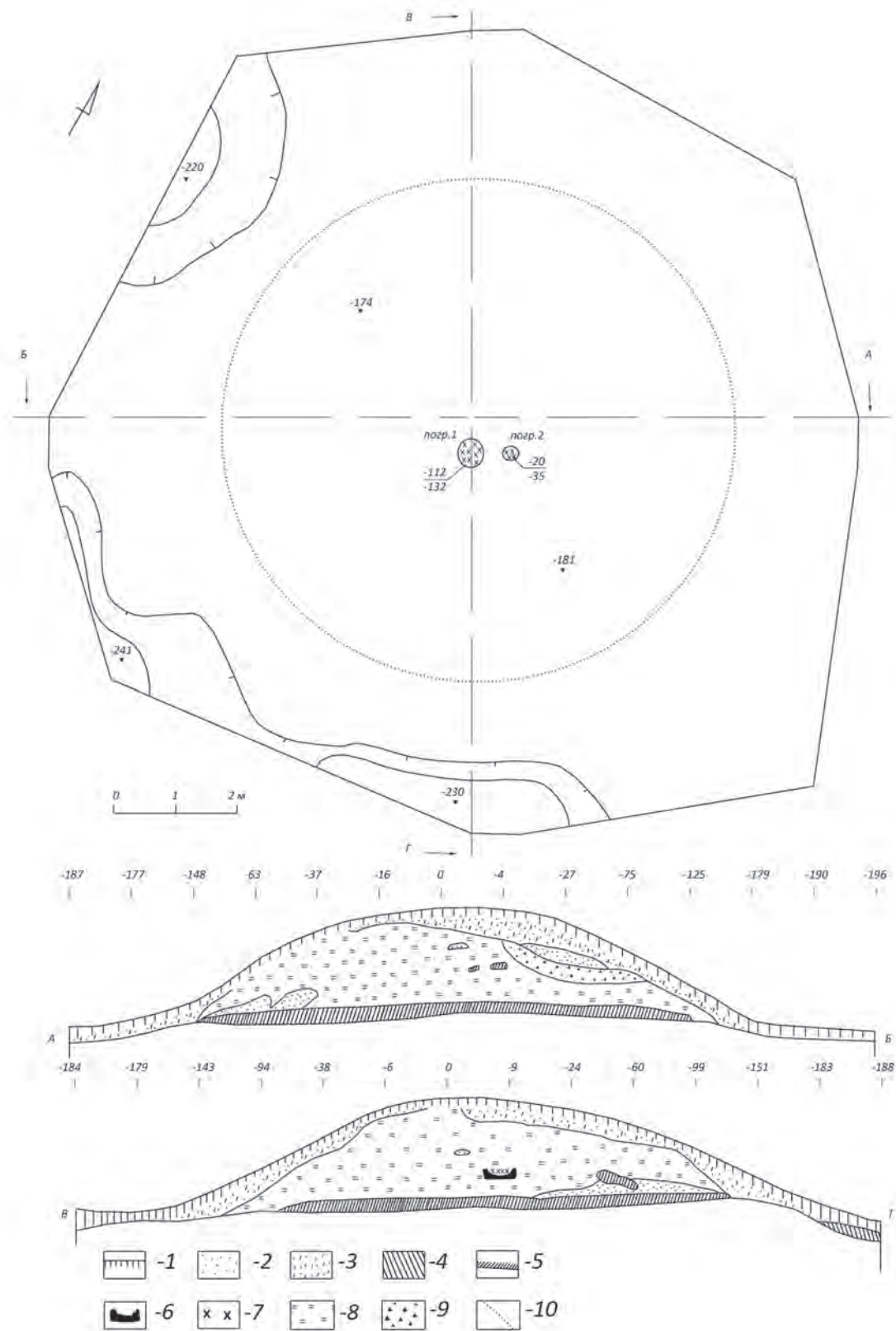
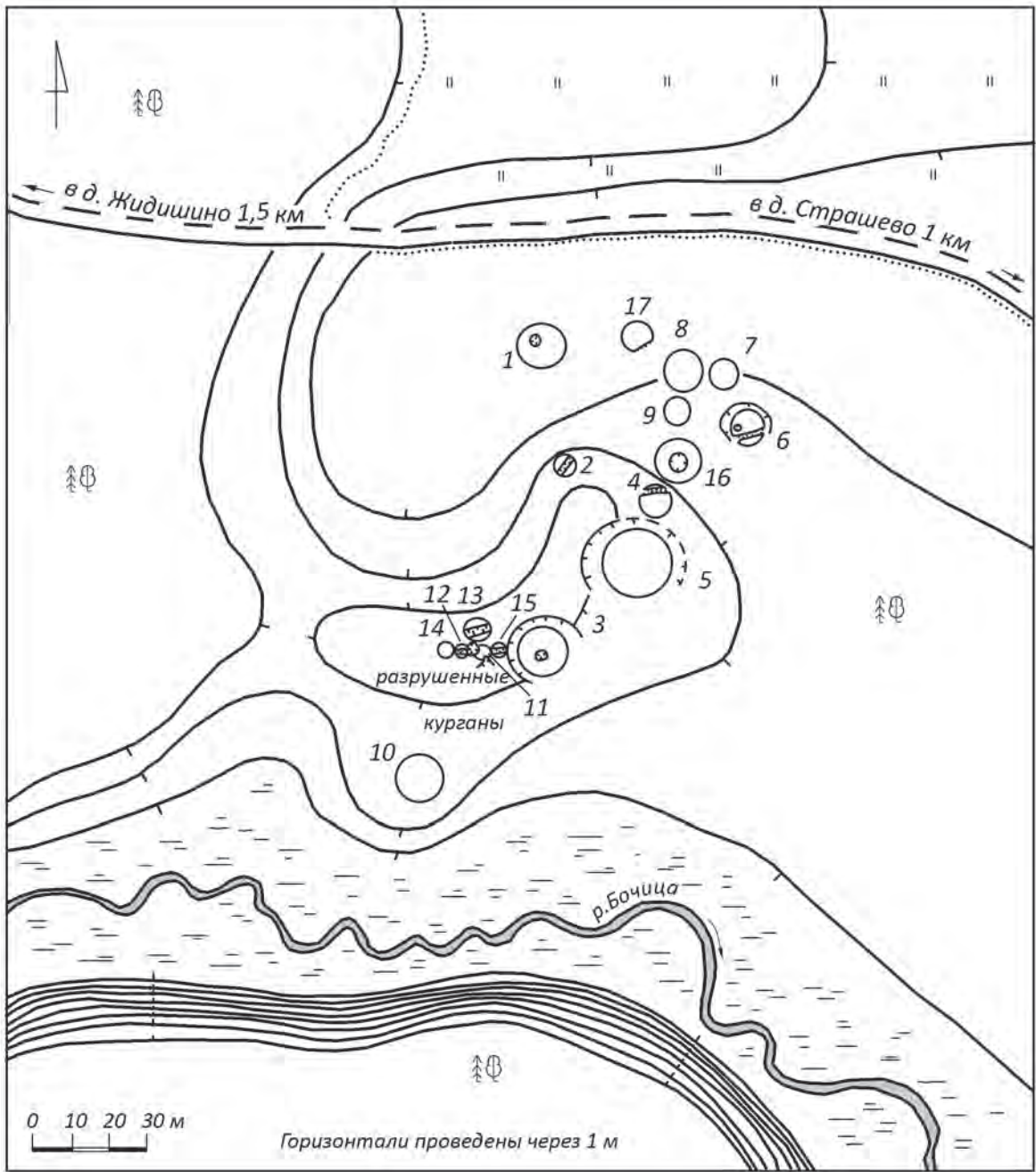

Рис. 6. Курганная группа Березицы IV. Курган № 1. План раскопа. Условные обозначения: 1 – современный дерн; 2 – желтый песок; 3 – серо-желтый песок; 4 – темно-серый песок; 5 – погребенная почва; 6 – угли; 7 – кальцинированные кости; 8 – светло-желтый суглинок; 9 – красноватый гравий; 10 – граница пятна погребенной почвы.

1

2

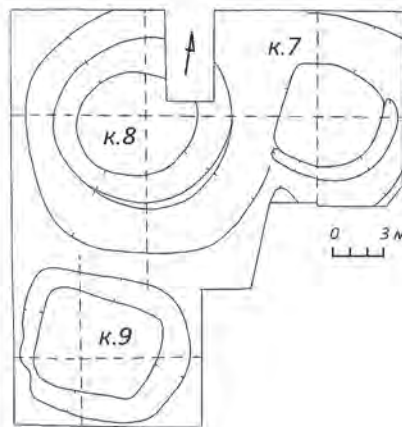

Рис. 7. Курганная группа Березицы I. 1) План памятника. 2) Схема раскопа на курганах 7-9.

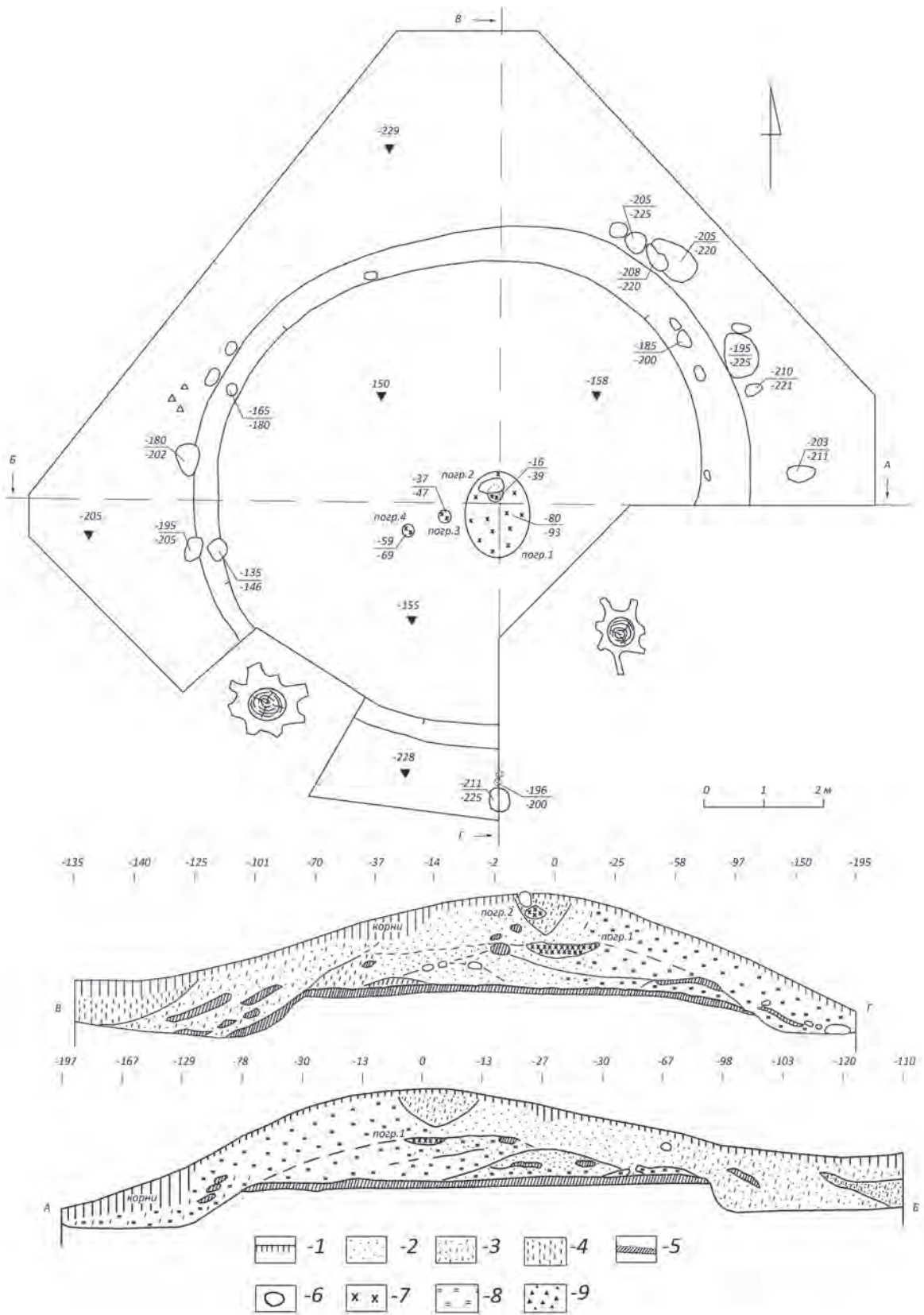

Рис. 8. Курганная группа Березицы I. Курган № 10. План раскопа. Условные обозначения: 1 – современный дерн; 2 – оранжевый песок; 3 – сероватый песок; 4 – лесной мусор и древесный тлен; 5 – темно-серый песок (погребенный дерн); 6 – камень; 7 – кальцинированные кости; 8 – желто-серый суглинок; 9 – красноватый гравий.

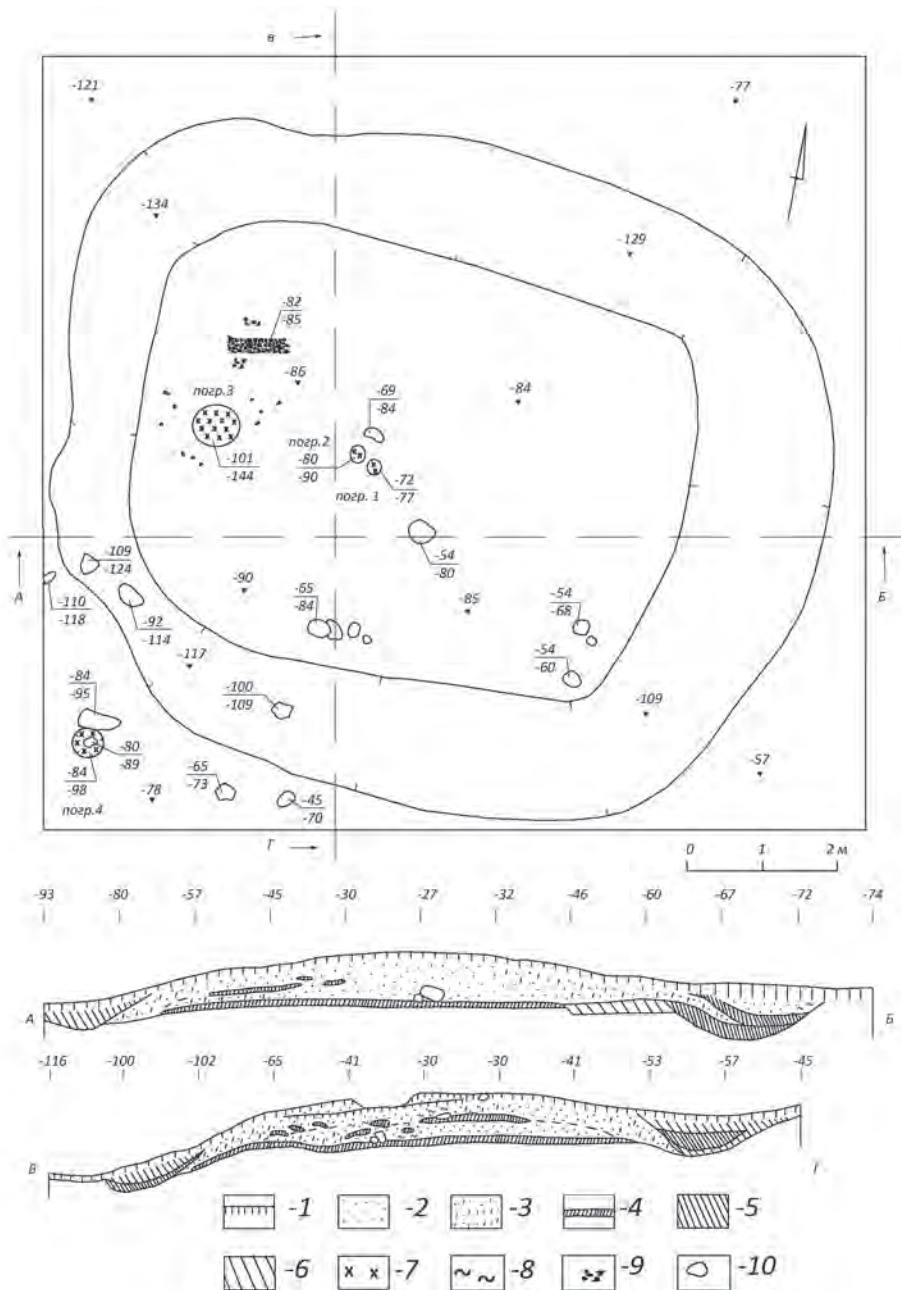

Рис. 9. Курганная группа Березицы I. Курган № 9. План раскопа. Условные обозначения: 1 – современный дерн; 2 – желтый песок; 3 – серо-желтый песок; 4 – погребенная почва; 5 – черно-серый песок; 6 – серый песок; 7 – кальцинированные кости; 8 – подзол; 9 – угли; 10 – камень.

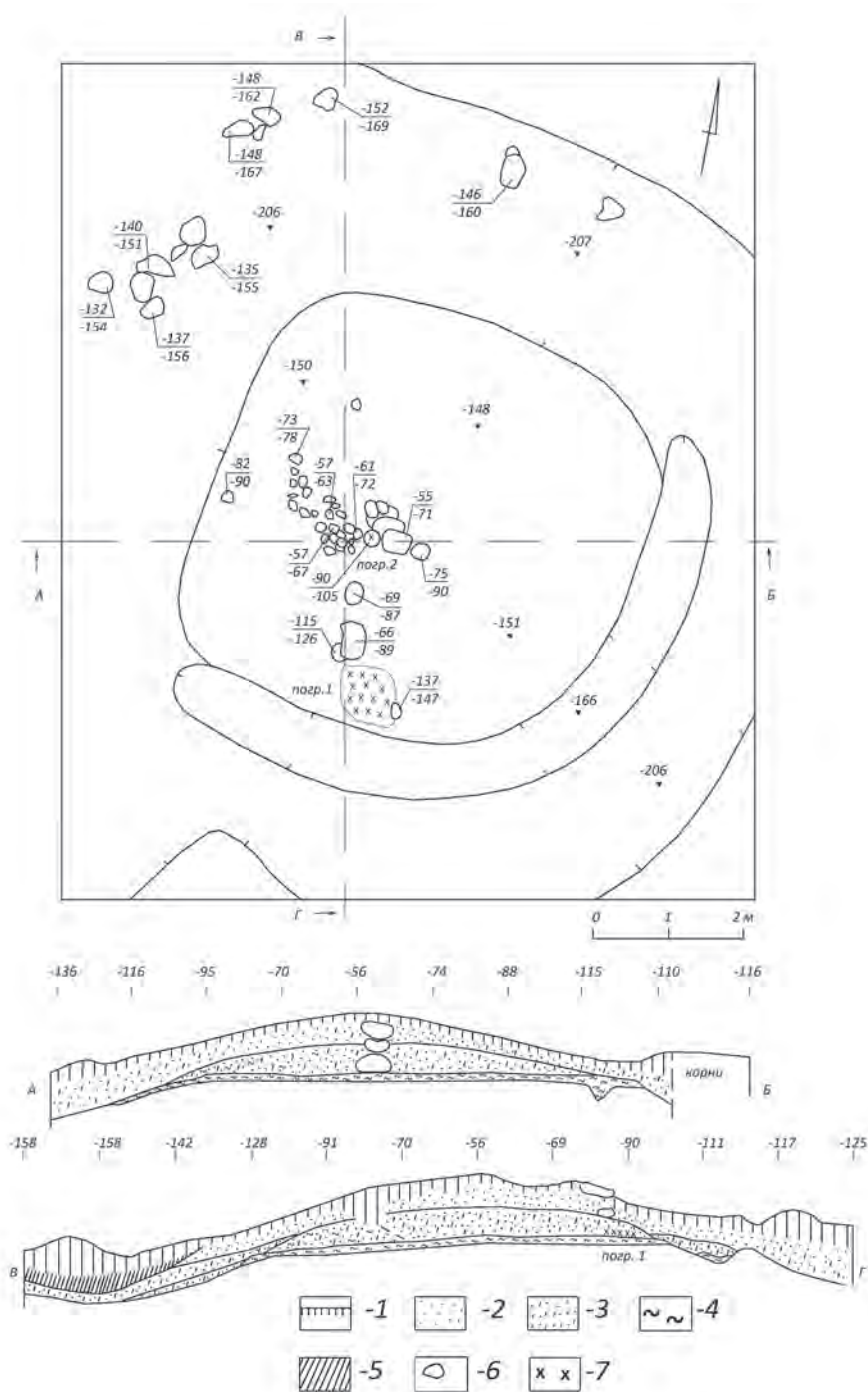

Рис. 10. Курганная группа Березицы I. Курган № 7. План раскопа. Условные обозначения:
 1 – современный дерн; 2 – желтый песок; 3 – серо-желтый песок; 4 – подзол;
 5 – черно-серый песок; 6 – камень; 7 – кальцинированные кости.

Рис. 11. Курганная группа Березицы I. Курган № 8. План раскопа. Условные обозначения: 1 – современный дерн; 2 – желтый песок; 3 – серо-желтый песок; 4 – погребенная почва; 5 – темно-серый песок; 6 – прокаленное пятно; 7 – кальцинированные кости; 8 – подзол; 9 – угли; 10 – камень.

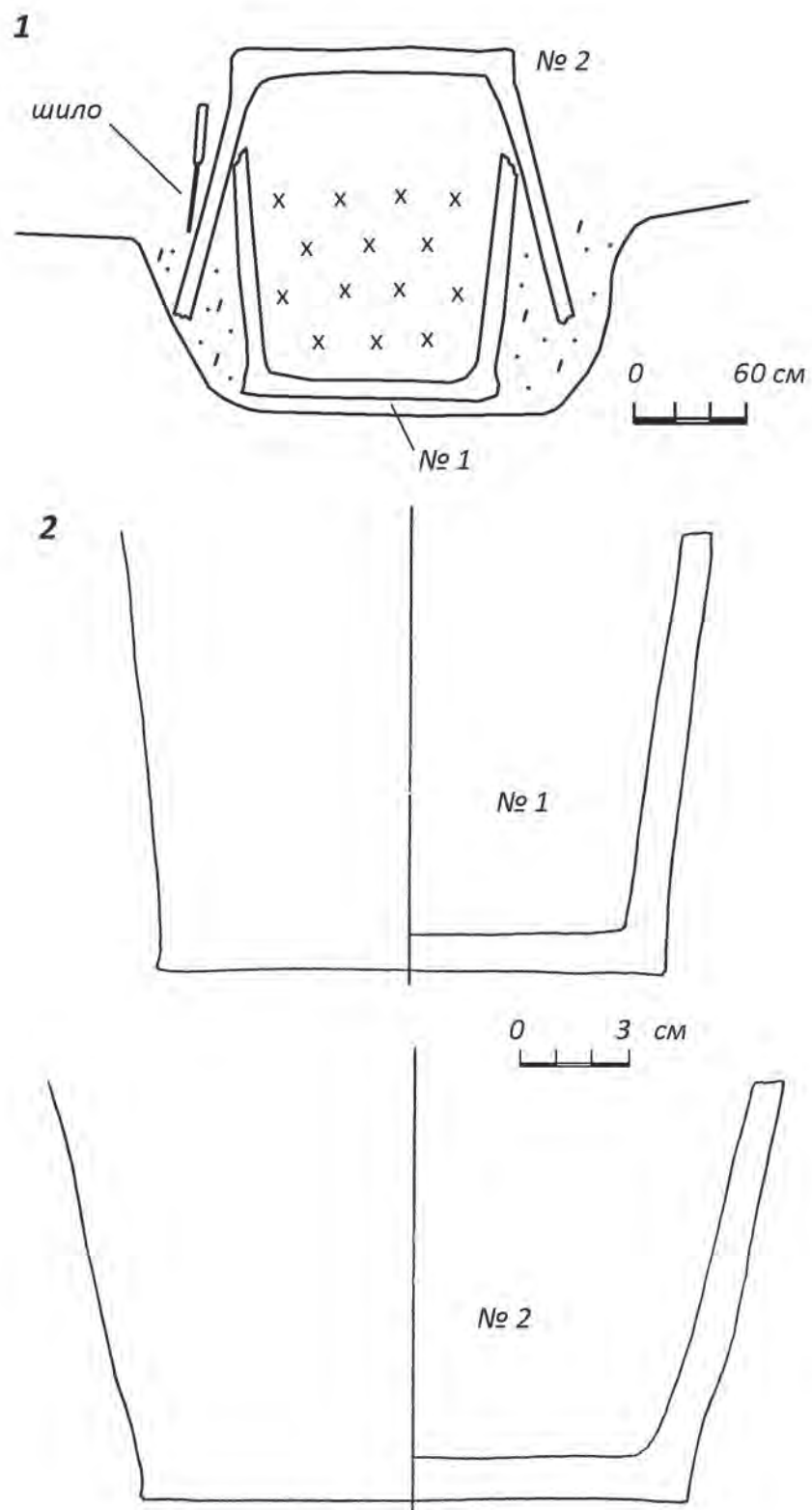

Рис. 12. Курганная группа Березицы I. Курган № 8. Погребение 5.
 1) Схематический разрез погребения. (Условные обозначения – как на рис. 11). 2) Урны.

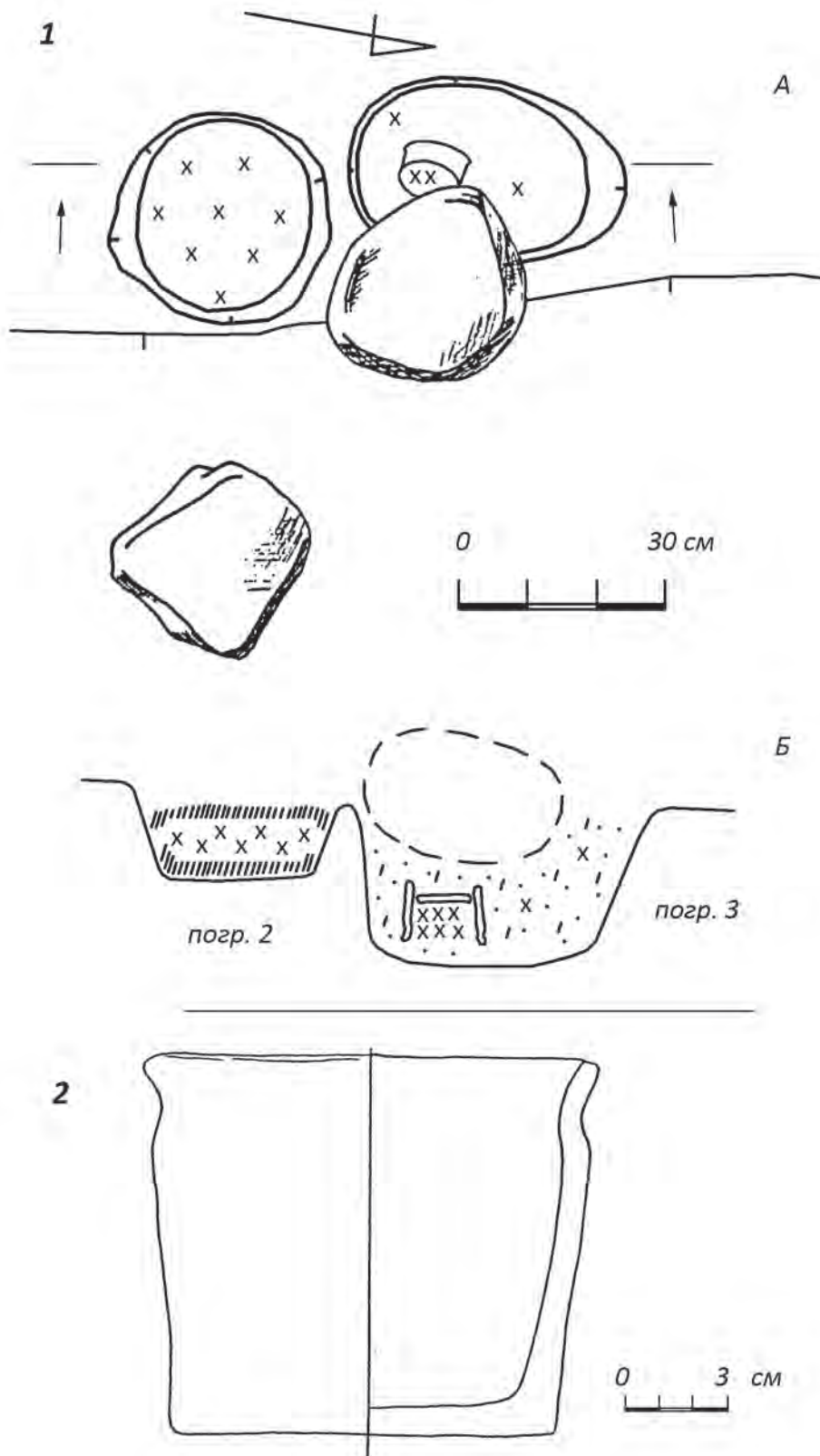

Рис. 13. Курганная группа Березицы I. Курган № 8. Погребения 2 и 3. 1) План и схематический разрез. (Условные обозначения – как на рис. 11). 2) Урна из погребения 3.

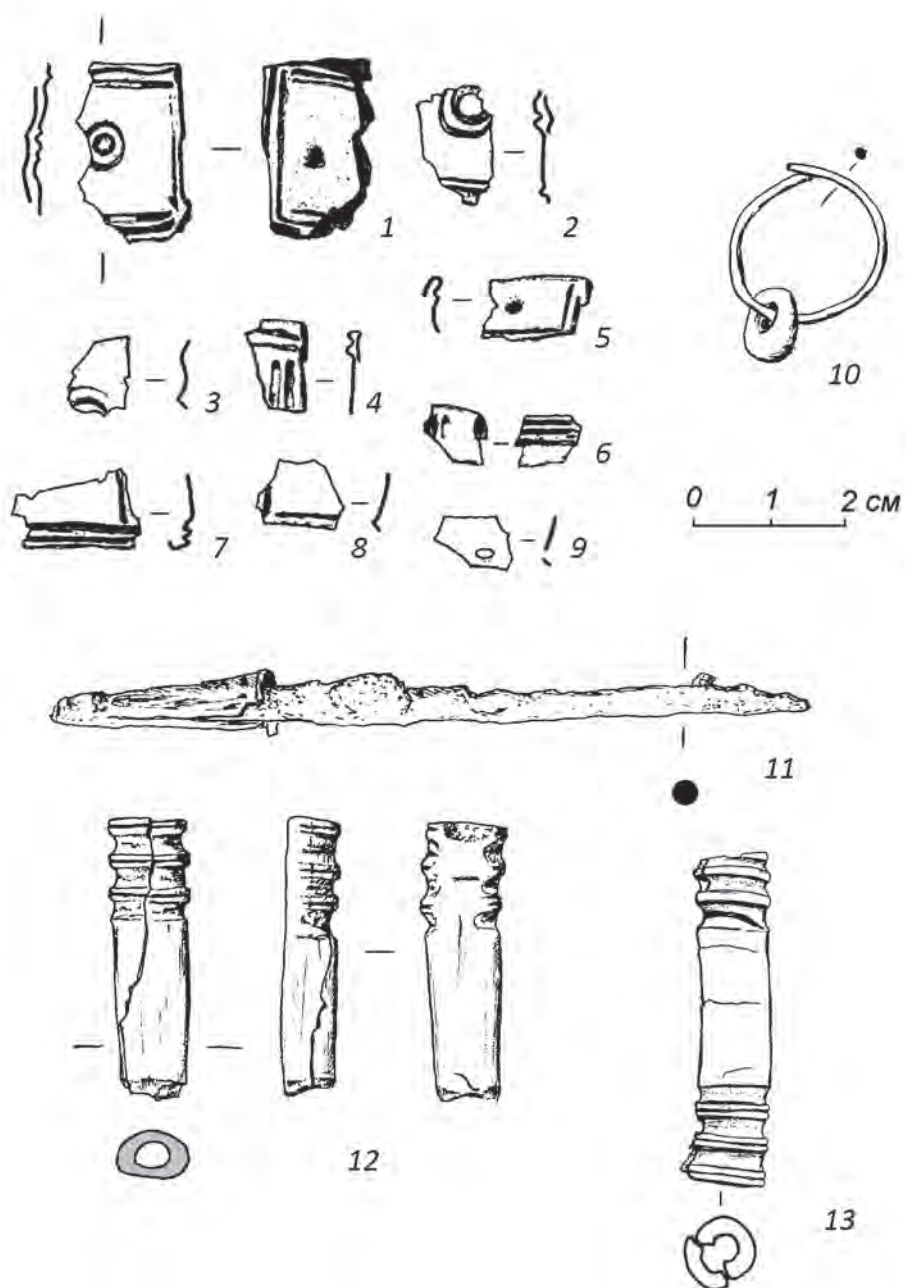

Рис. 14. Находки из курганов близ дер. Березицы. 1-9 – Березицы IV, курган 1, погр. 1; 10 – Березицы I, курган 8, погр. 8; 11 – Березицы I, курган 8, погр. 5; 12, 13 – Березицы I, курган 8, погр. 6. (1-9 – бронза; 10 – бронза, синее стекло; 11 – железо, дерево; 12, 13 – кость).

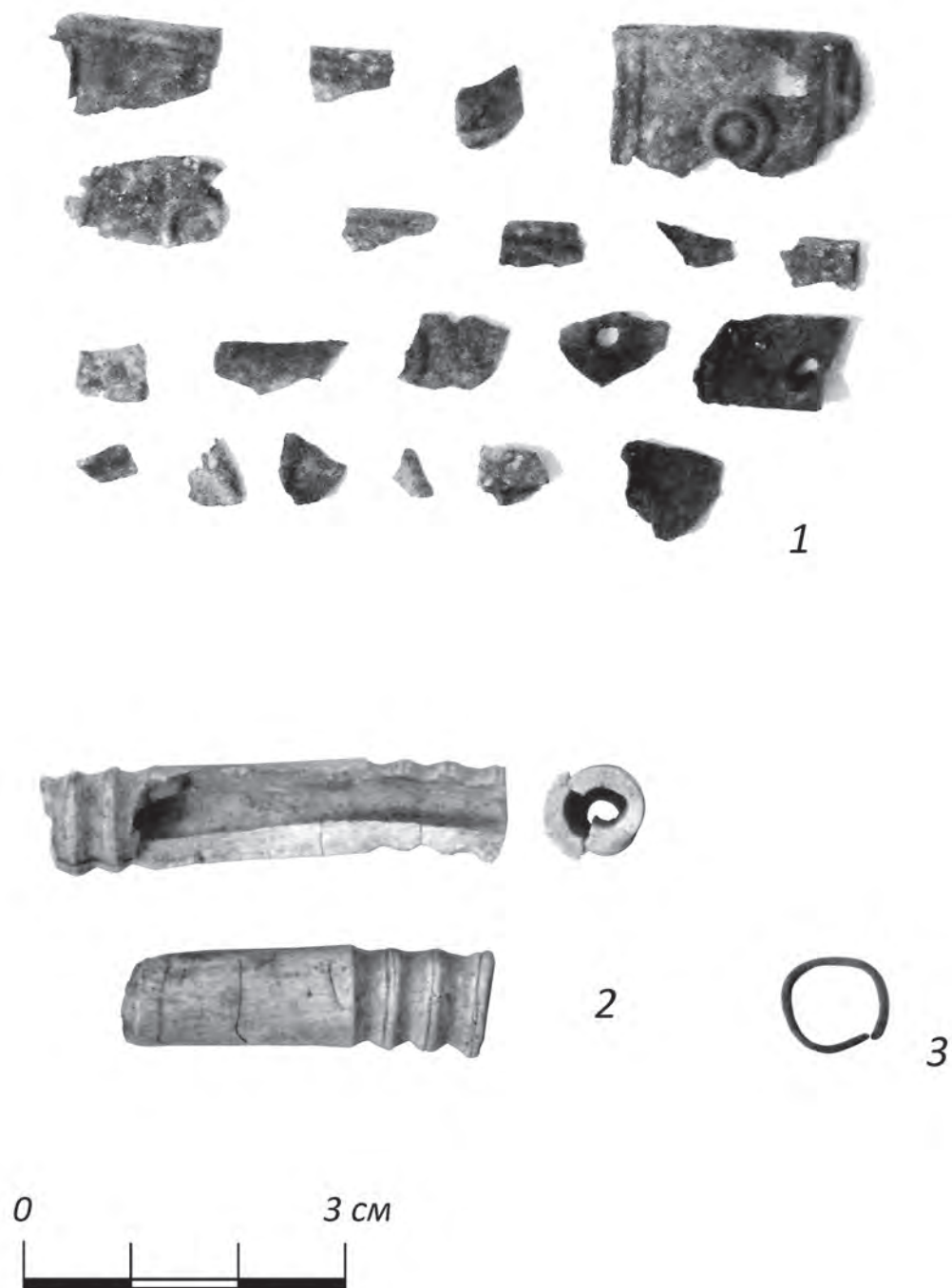

Рис. 15. Находки из курганов близ дер. Березицы. Фото. 1 – Березицы IV, курган 1, погр. 1; 2 – Березицы V, курган 3, погр. 4; 3 – Березицы I, курган 8, погр. 6 (1, 2 – бронза, 3 – кость).

E.P. Mikhailova
(Saint-Petersburg)

The Pskov Long Barrow culture sites near village Berezitsy

Summary

This article is devoted to 1991 excavations of several sites of PLB culture in village Berezitsy surroundings, Strugi Krasnye district of Pskov region (Berezitsy I, IV, and V). These barrows have been known since 1900, when N.F. Arepiev excavated a high burial mound.

The burial mounds group Berezitsy I is situated to the North-West of the village Berezitsy, on the left valley side of the river Bochitsa. The site is located in a mixed forest and consists of a number of very high mounds among others. Not less than 16 barrows amounted in the group in 1991; the 4 least damaged mounds (№ 7-10) were excavated.

The burial mound group Berezitsy IV is situated in 0,5 km to the North-West from the village Berezitsy, on a hill on the right valley side of the river Bochitsa, in the mixed forest. It consisted of the 3 circular in plan mounds. Two burial mounds were excavated here (№ 1 and № 3).

The barrow group Berezitsy V is located in 1 km to the South-East of the village Berezitsy, near the road from the village Berezitsy to the railway passing place "197 km", the site is situated in a pine-wood. In 1991 there were 5 circular in plan mounds

in a group, mounds stretched out in chain order on a top of low level stain hilly surface. The most Northern in the group burial mound was excavated here (№ 3).

The burial mounds located near village Berezitsy and studied in 1991 are typical for PLB culture. It is notorious that the mounds inner structure is complicated, it is clear that they were constructed step by step, and the cremated remains were put into the mound in diverse variety of ways. The burials in ground holes outside of ditches encircling the mounds are relatively numerous.

The finds gathered during the 1991 excavations are not numerous and generally are not very informative. The ceramics is presented by can shaped forms. Among the found artefacts the most significant are: wiry bronze ring with a blue bead and square shaped stamped plate-hoop. This finds are also interesting: the ornamented bone hollow artefacts, probably needle-cases.

The burial mounds excavated near the village Berezitsy provided new important materials for studying PLB culture, its burial rites, and artefacts complex.

Литература

- Абашина Н.С. 1999.** Поселення середини I тис. н.е. поблизу с. Ходосівка на Київщині // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тис. н.е. Ред. В.Д. Баран. Київ-Львів: РАС. С. 8-20.
- Агеев Б.Б. 1992.** Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УРО РАН. 140 с.
- Айбабин А.И. 1990.** Хронология могильников Крыма позднепермского и раннесредневекового времени // МАИЭТ, I. С. 1-87.
- Айбабин А.И. 1999.** Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: «Дар». 349 с.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. 2008.** Могильник у села Лучистое. I. Раскопки 1977, 1982-1984 гг. (Боспорские исследования, 4). Симферополь-Керчь: АДЕФ-Украина. 336 с.
- АКР. 1992.** Археологическая карта России. Орловская область. Ред. Ю.А. Краснов. М.: ИА РАН. 96 с.
- АКР. 1993.** Археологическая карта России. Брянская обл. Ред. Ю.А. Краснов. М.: ИА РАН, 303 с.
- АКР 1997.** Археологическая карта России. Московская область. Ред. Ю.А. Краснов Ч. 4. М.: ИА РАН. 350 с.
- АКР. 1997.** Археологическая карта России. Смоленская область. Ред. Ю.А. Краснов. Ч. 1. М.: ИА РАН. 298 с.
- АКР. 1997.** Археологическая карта России. Смоленская область. Ред. Ю.А. Краснов. Ч. 2. М.: ИА РАН. 262 с.
- АКР. 1999.** Археологическая карта России. Тульская область. Ред. Ю.А. Краснов. Ч. 1. М.: ИА РАН. 304 с.
- АКР. 2002.** Археологическая карта России. Тульская область. Ред. А.В. Кашкин. Ч. 2. М.: ИА РАН. 269 с.
- АКР. 2003.** Археологическая карта России. Тверская область. Ч. 1. Авт.-сост. Г.Г. Король, ред. Н.В. Малиновская. М.: ИА РАН. 528 с.
- АКР. 2006.** Археологическая карта России. Калужская область. Ред. А.В. Кашкин. М.: ИА РАН. 310 с.
- АКР. 2007.** Археологическая карта России. Тверская область. Ч. 2: Авт.-сост. В.С. Нефёдов, ред. А.В. Кашкин, Г.Г. Король. М.: ИА РАН. 440 с.
- АКР. 2010.** Археологическая карта России. Тверская область. Ч. 3. Авт.-сост. Г.Г. Король. М.: ИА РАН, 2010. 312 с.
- АКР. 2012.** Археологическая карта России. Тверская область. Ч. 4. Авт. сост. И.В. Исланова, К.И. Комаров, Г.Г. Король, В.С. Нефёдов; ред. Г.Г. Король. М.: ИА РАН. 484 с.
- Александров А.А., Белецкий С.В. 1994.** Памятники I тысячелетия н.э. у д. Лезги // Древний Псков: исследования средневекового города. Материалы конференции (Санкт-Петербург, 20-21. 05. 1992). Ред. В.Д. Белецкий. СПб.: ГЭ. С. 52-60.
- Александровский А.Л., Александровская Е.И. 2005.** Эволюция почв и географическая среда. М.: Наука. 223 с.

- Александровский А.Л., Кренке Н.А., Спиридонова Е.А., Янишевский Б.Е. 1998.** Изучение валов и погребенных под ними почв на дьяковских городищах Троицкое, Луковня 2 и Коробово в Подмоскowie // ТАС. Тверь: Тверской государственный объединенный музей, 3. С. 333-351.
- Александровский А.Л., Чендев Ю.Г., Трубицын М.А. 2011.** Палеопочвенные индикаторы изменчивости экологических условий Центральной лесостепи в позднем голоцене // Известия РАН: Серия географическая, 6. С. 87-99.
- Алексеев А.В. 2004.** Группа памятников древнерусского времени у д. Хотяжи // Археология Подмоскowie. 1. М.: ИА РАН, С. 177-192.
- Алексеев Л.В. 1959.** Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины (Материалы к археологической карте Витебской области БССР) // Вопросы этнической истории народов Прибалтики по данным археологии, этнографии и антропологии. Ред. С.А. Тараканова, Л.Н. Терехова. М.: Изд-во АН СССР. С. 273-315.
- Амброз А.К. 1966.** Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в.н.э. (САИ, вып. Д1-30). М: Наука, 139 с.
- Амброз А.К. 1970.** Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в. // Древние славяне и их соседи. Ред. Ю.В. Кухаренко. (МИА, 176). М: Наука.
- Амброз А.К. 1981.** Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. (Археология СССР). Ред. С.А. Плетнева. М.: Наука. С.10-23.
- Амброз А.К. 1988.** Основы периодизации южнокрымских могильников типа Суук-Су // Древности славян и Руси. Ред.: Б.А. Тимошук. М.: Наука. С. 5-11.
- Амброз А.К. 1989.** Хронология древностей Северного Кавказа V-VII вв. М: Наука, 132 с.
- Андреев С.И., Филимонова Н.В. 2008.** Раннеславянские культуры в Тамбовской обл. // Верхнее Подонье: археология, история. Ред. А.Н. Наумов. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле». С. 14-17.
- Антипина Е.Е. 1997.** Методы реконструкции особенностей скотоводства на юге Восточной Европы в эпоху бронзы // РА, 3. С. 20-32.
- Антипина Е.Е. 2004.** Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В.И. Цалкина. Ред. Е.Е. Антипина, Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. С. 7-33.
- Антипина Е.Е. 2005.** Мясные продукты в средневековом городе производство или потребление? // Археология и естественно-научные методы. Ред.: Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: Языки славянской культуры. С. 159-180.
- Антипина Е.Е. 2007.** Методы моделирования относительной численности домашних животных в хозяйстве древних поселений: от остеологического спектра к составу стада // Матеріали та дослідження з археології Східної Європи: від неоліту до кіммерійців, 7. Луганськ. С. 297-303.
- Антипина Е.Е. 2008.** Состав древнего стада домашних животных: логические аппроксимации // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. 6. М.: ИА РАН. С. 67-85.
- Арепьев Н.Ф. 1900.** О раскопках г. статского советника Н.Ф. Арепьева в Лужском уезде СПб. губернии // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1900 г. Д. 119.
- Арсланова Ф.Х., Беляков А.С. 1997.** Новые материалы из Избрижя // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья, 2. Ред. А.Н. Хохлов. Тверь: Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр. С. 39-54.
- Артишевская Л.В. 1957.** Отчет о полевых работах, произведенных Деснинским отрядом Верхне-Днепровской экспедиции в 1957 г. // Архив ИА РАН, р-I, N1656.
- Артишевская Л.В. 1958.** Отчет о полевых работах Деснинского отряда ИА АН СССР за 1959 г. // Архив ИА РАН, р-I, N2220.
- Артишевская Л.В. 1963.** Могильник раннеславянского времени на р. Десне // МИА, 108. М: Наука. С. 85-96.
- Артюшенко А.Т., Арап Л.Я., Безусько Л.Г. и др. 1982.** Новые данные о растительности Украины в голоцене // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. Ред. А.А. Величко. М.: Наука. С. 173-179.
- Археологическое наследие Беларуси. 2012.** Ред. А.А. Коваленя, О.Н. Левко. Минск: Беларуская навука. 192 с.
- Археология Украинской ССР. 1986.** 3. Раннеславянский и древнерусский периоды. Ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова думка. 576 с.
- Атлас 1979.** Атлас почв Украинской ССР. Киев: Наукова думка. 160 с.
- Ауліх В.В. 1972.** Зимнівське городище – слов'янська пам'ятка VI-VII ст. н.е. в Західній Волині. Київ: Наукова думка. 124 с.

Аун М. 1980. Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия нашей эры. Таллин: Валгус. 137 с.

Аун М. 1992. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н.э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллинн: ОЛИОН. 200 с.

Аун М. 2009. Костяные предметы в длинных курганах могильника Рысна-Сааре I (Юго-Восточная Эстония) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова. Материалы 54 заседания. Ред. И.К. Лабутина. Псков. С. 355-362.

Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. 2001. Мокрая Балка. Дневник раскопок. 1. М.: Научный мир. 250 с.

Ахмедов И.Р. 1996. Удила. В: Типологическое определение инвентаря // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. (РСМ, 3). М.: ИА РАН. С. 39-42.

Ахмедов И.Р. 2007. Культура рязано-окских могильников. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (РСМ. 9). Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский М.: ИА РАН. С. 137-185.

Ахмедов И.Р. 2008. Окские фибулы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Ред. А.Н. Наумов. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле». С. 7-27.

Ахмедов И.Р. 2010. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Археология Восточной Европы в I тыс. н.э. Проблемы и материалы. Ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. (РСМ, 13). М.: ИА РАН. С. 7-34

Ахмедов И.Р., Воронцов А.М. 2012. Узколезвийные проушные топоры римского времени и эпохи Великого переселения народов с территории Верхнего и Среднего Поочья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3. Ред. А. М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 9-54.

Ахмедов И.Р., Казанский М.М. 2004. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова (Санкт-Петербург, 14-17 ноября 2000 г.). Ред.

В.М. Горюнова, О.А. Щеглова. СПб.: Петербургское востоковедение. С. 168-202.

Ахмедов И.Р., Обломский А.М. 1996. Конская сбруя. Каталог предметов Гапоновского клада // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. (РСМ, 3). М.: ИА РАН. С. 16.

Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шагалов В.А. 2006. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи. Ижевск: Удмуртский Гос. Университет. 219 с.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. 1998. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: Самарский региональный фонд «Полдень. XXII век». 286 с.

Баран В.Д. 1988. Пражская культура Поднепровья (по материалам поселений у с. Рашков). Киев: Наукова думка. 160 с.

Башенькин А.Н. 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси (Славяно-русские древности. 3). Ред. И.В. Дубов, И.Я. Фроянов. СПб.: СПбГУ. С. 3-29.

Башенькин А.Н., Васенина М.Г. 2004. Усть-Бельский археологический комплекс на р. Кобоже. 20 лет исследований // Чагодошская земля: культура, история, люди. Материалы краеведческой конференции (п. Чагода, 9-10 января 2004 г.). Ред. Я.Б. Тимофеева. Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации. С. 19-54.

Башенькин А.Н., Васенина М.Г. 2006. Поселение и погребальное сооружение Куреваниха XVI и XVI-а на р. Мологе // Археология: история и перспективы. Ред. А.Е. Леонтьев. Ярославль: Ремдер. С. 406-416.

Башенькин А.Н., Васенина М.Г. 2007. Исследование комплекса памятников у д. Куреваниха на реке Мологе в 2004-2005 гг. // Археология Севера. 2. Материалы археологических чтений памяти С.Т. Еремеева (26-27 февраля 2006 г. в г. Череповце). Череповец: Череповецкое музейное объединение. С. 42-73.

Безуглов С.И., Ильюков Л.С. 2007. Памятник позднегуннской эпохи в устье Дона // Средневековые древности Дона. (Материалы и исследования по археологии Дона. II). Ред. Ю.К. Гугуев. М.–Иерусалим: Гешарим. С. 25-48.

Безусько Л.Г., Безусько А.Г., Гречишкіна Ю.В. 2008. Палеологічні та радіохронологічні характеристики відкладів пізнього голоцену розрізу Лопанське (Україна, Харківська об-

ласть) // Біостратиграфічні основи побудови стратиграфічних схем фанерозою України. Ред. П.Ф. Гожик. Київ: Ательє «Поліграфічний комплекс». С. 338-342.

Безусько Л.Г., Климанов В.А. 1987. Клімат і рослинність рівнинної частини західної УРСР у пізньо-післяльодовиків'я // УБЖ, 43, № 3. С. 54-58.

Белая Н.Н. 2011. Глиняная пластика скифского времени Днепро-Донской лесостепи: автореф. дис. канд. истор. наук. М.

Белецкий С.В. 1979. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. 160. С. 3-18.

Белецкий С.В. 1996. Начало Пскова. СПб.: ИИМК РАН. 92 с.

Белецкий С.В. 1998. Пушкинский край по данным археологии // Далекое прошлое Пушкиногорья. 2. Археология. Ред. С.В. Белецкий. СПб.: ИИМК РАН. С. 54-104.

Белоцерковская И.В. 1981. Керамика некоторых поселений раннего железного века на Верхней Упе // СА 2. С. 197-206.

Белоцерковская И.В. 1994. Культурная принадлежность Огубского городища // Древности Оки. (Труды ГИМ, 85). Ред. Г.Ф. Полякова М.: Государственный исторический музей. С. 78-93.

Белоцерковская И.В. 1999. Ажурные заставки из могильника Кораблино // Труды ГИМ. 103. М.: ГИМ. С. 154-176.

Белоцерковская И.В. 2000. Верхнеокские элементы в культуре рязано-окских могильников // Труды ГИМ. 122. М.: ГИМ. С. 99-108.

Белоцерковская И.В. 2007. Инвентарь женских погребений. В: Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине 1 тыс.н.э. Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский (РСМ, 9). М.: ИА РАН. С. 186-213.

Белоцерковская И.В., Ахмедов И.Р. 2009. Работы археологических экспедиций ГИМ на Оке: некоторые итоги и перспективы изучения рязано-окских могильников III-VII вв. н.э. // Археологические открытия 1991-2004. Европейская Россия. Ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 283-298.

Березовец Д.Т. 1963. Поселения уличей на Тясмине // МИА, 108. М.: Наука. С. 145-208.

Березовец Д.Т. 1952. Плуг з Токарівського торфовища // Археологія, 7. Київ. С. 174-175.

Березовець Д.Т. 1955. Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі // АП, V. С. 49-66.

Берестнев С.И., Любичев М.В. 1991. Новые данные о памятниках пеньковской культуры в

бассейне Северского Донца и Ворсклы // Археология славянского юго-востока. Ред. А.Г. Дьяченко. Воронеж: Издательство Воронежского педагогического института. С. 33-36.

Бессарабова З.Д. 1973. Славянские курганы второй половины первого тысячелетия н.э. с трупосожжением и деревянными сооружениями на территории Восточной Европы // АСГЭ. 15. Л. С. 65-82.

Бирюков, И.Е. Бессуднов А.Н. 2006. Поселение сарматского времени в районе Острой луки Дона // Археологические памятники Восточной Европы. 12. Ред. А.Т. Синюк. Воронеж: Воронежский Гос. Педагогический Университет. С. 156-162.

Бирюков И.Е., Разуваев Ю.Д. 2009. Поселение скифо-сарматского времени у с. Каменка на Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник. 4. Липецк: ЛГПУ. С. 137-152.

Богачев А. 2011. Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в I тыс. н.э. Историко-археологическое исследование. Saarbrücken: LAP. 340 с.

Богомольников В.В. 1975. Работы в Жлобинском р-не // АО 1974. С. 382.

Богомольников В.В., Макушников О.А. 1988. Археологические памятники Гомельщины. Минск: Польша. 18 с.

Брайчевская А.Т. 1960. Черняховские памятники Надпорожья (по материалам раскопок и разведок И.М. Фещенко, А.В. Бодянского и автора) // МИА, 82. С. 148-191.

Брайчевський М.Ю. 1964. Біля джерел слов'янської державності. Київ: Наукова думка. 356 с.

Бубликов В.В., Прошкин О.Л., Добровольская М.В. 2008. Курганный могильник Рыжково на реке Протве // Археология Подмосковья. 4. М.: ИА РАН. С. 108-123.

Булычов Н.И. 1899. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова. 85 с.

Буров В.А. 1993. Памятники культуры длинных курганов на верхней Шлине // Археологические памятники на Верхней Волге. Ред. С.В. Батыркина. Тверь: Тверской государственный университет. С. 9-26.

Буров В.А. 2003. Городище Варварина Гора. М.: Наука. 470 с.

Буров В.А., Розанова Л.С. 2003. К технологической характеристике кузнечных изделий с селища культуры длинных курганов Городок 1 на р. Шлине (Валдай) // КСИА. 214. С. 104-111.

- Веймарн Е.В., Айбабин А.И. 1993.** Скалинский могильник. Киев: Наукова думка. 204 с.
- Веклич М.Ф. 1987.** Проблемы палеоклиматологии. Киев: Наукова думка. 192 с.
- Веклич М.Ф., Герасименко Н.П. 1993.** Етапність середньо-пізньоголоценового ґрунто-і породоутворення на заплаві Нижньої Десни // Вісник Київського університету: Серія Географія, 40. С. 85-92.
- Векслер А.Г. 1969.** Отчет об археологических раскопках городища Луковня в Подольском р-не Московской обл. в 1969 г. // Архив ИА РАН, Р-1 № 4049.
- Векслер А.Г. 1971.** Отчет об археологических раскопках Кунцевского городища и Одинцовского могильника в 1971 г. // Архив ИА РАН, Р-1. № 4516.
- Векслер А.Г. 1972.** Отчет об археологических раскопках Кунцевского городища в Москве в 1972 г. // Архив ИА РАН, Р-1. № 4810.
- Векслер А.Г. 1973.** Отчет об археологических раскопках Кунцевского городища в Москве и Луковнинского городища в Московской области в 1973 г. // Архив ИА РАН, Р-1. № 5089.
- Векслер А.Г. 1975.** Террасы Кунцевского городища в Москве // Памятники древнейшей истории Евразии. Ред. П.М. Кожин и др. М. Наука, 1975. – С. 259-264.
- Векслер А.Г. 2007.** Спасательная археология Москвы. М.: Вече. 319 с.
- Винокур І. 1997.** Слов'янські ювеліри Подністров'я. За матеріалами досліджень Бернашівського комплексу середини I тис. н.е. Кам'янець-Подільський: Оіум. 200 с.
- Винокур И.С., Приходнюк О.М. 1974.** Раннеславянское поселение на р. Смотрич // Раннесредневековые восточнославянские древности. Ред. П.Н. Третьяков Л.: Наука. С. 227-241.
- Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. 2008.** Хронология могильников населения I-XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск. 350 с.
- Вишневецкий В.И. 1998.** Кикинское городище // ТАС. 3. Тверь: Тверской государственный объединенный музей. С. 359-366.
- Вишневецкий В.И. 2007.** Керамический комплекс посуды Кикинского городища // ТАС. 6. Ч. 2. Тверь: Тверской государственный объединенный музей. С. 85-93.
- Вишневецкий В.И., Кирьянова Н.А., Добровольская М.В. 2007.** Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник: хронология, культура, обряд // РА, 2. С. 89-107.
- Вишневецкий В.И., Новоселова Т.Н. 2010.** Раннесредневековый финно-угорский могильник на Ратьковском городище (результаты раскопок 2006-2007 годов) // Археология Подмосковья. 6. М.: ИА РАН. С. 67-82.
- Володарец-Урбанович Я.В. 2012.** Хронология бытования канцерской гончарной посуды // Сборник материалов «Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства». Научная конференция, посвященная 110 годовщине со дня рождения И.И. Ляпушкина. Ред. О.А. Щеглова. СПб: СОЛО. С. 94-97.
- Володарец-Урбанович Я.В., Скиба А.В. 2011.** Гончарный посуд VII–VIII ст. на Півдні Східної Європи // Археологія, 2. Київ. С. 34-46.
- Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энгватова А.В. 2005.** Никитинский могильник. М.: ИА РАН. 167 с.
- Воронцов А.М. 2002.** Отчет об археологических исследованиях на городище у д. Щепилово Ленинского района Тульской области, в г. Туле, г. Алексине и Богородицком районе Тульской области в 2002 г. // Архив ИА РАН, Р-1.
- Воронцов А.М. 2007.** Памятники типа Ново-Клейменово в первой четверти I тыс. н.э. на территории Окско-Донского водораздела // РА. 3. С. 80-93.
- Воронцов А.М. 2009.** Отчет об археологических исследованиях в Суворовском и Кимовском районах Тульской области в 2009 г. // Архив ИА РАН, Р-1 N 36870.
- Воронцов А.М. 2010а.** Отчет об археологических исследованиях в Суворовском и Кимовском районах Тульской области и в г. Туле в 2010 году. Часть 1. Раскопки на городище Акиньюшино Суворовского района // Архив ИА РАН, Р. 1.
- Воронцов А.М. 2010б.** Горизонт периода черняховского влияния на памятниках мощинской культуры // Черняхівська культура. Актуальні проблеми досліджень.: Збірка тез доповідей на конференції. Ред. М.А. Журба, Р.Г. Шишкин. Київ: Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова. С. 24-28.
- Воронцов А.М. 2010в.** Тамги на предметах мощинской культуры // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2, часть 1. Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», С. 68-74.
- Воронцов А.М. 2011.** К вопросу о поздней дате мощинской культуры // Труды XIX Всероссийского археологического съезда. Т. II. Ред.

Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. СПб. – М. – Великий Новгород: ИИМК РАН, С. 14-15.

Воронцов А.М. 2013. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела. (Историко-археологические исследования региона Куликова Поля. 1). Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово Поле». 173 с.

Воронцов А.М., Столяров Е.В. 2015. Городище Велегож на правом берегу верхней Оки // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Ч. 1. Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле». С. 9-56.

Воронцов С.В. 2009. О функции сарматских тамг на сосудах // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. Ред. А.Г. Фурасев. СПб.: СПбГУ. С. 80-98.

Воронцов С.В. 2012. О проблеме появления сарматских тамг и антропоморфных изображений в ареалах позднедьяковской и мощинской культур // Российский археологический ежегодник. 2. СПб.: Университетский издательский консорциум. С. 412-432.

Вязов Л.А. 2008. Происхождение пахотных орудий именьковской культуры // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Ред. Д.И. Сташенков. Самара: Файн Дизайн, СОИКМ. С. 320-342.

Вязов Л.А. 2011. Социально-экономическое развитие населения Среднего Поволжья в середине I тысячелетия н.э. (по материалам именьковской культуры). Дисс. канд. ист. наук, 1. 259 с., 2. 185 с. Самара // Архив СОИКМ.

Вяргей В.С. 1999. Помнікі тыпу Прагі-Карчак і Лукі-Райкавецкай // Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Ред. В. І. Шадыра, В.С. Вяргей. (Археалогія Беларусі. 2). Мінск: Беларуская навука. С. 317-347.

Гавритухин И.О. 1989. Кодынские фибулы (Типы и некоторые проблемы интерпретации) // Baltu. Archeologija ir istorija. Ed.: Žulkus V. Vakarų. Klaipėda. С. 78-84.

Гавритухин И.О. 1996а. Фибулы. В: Типологическое определение инвентаря // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. (PCM, 3). М.: ИА РАН. С. 36-38.

Гавритухин И.О. 1996б. Детали ременной гарнитуры. Типологическое определение инвентаря // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапо-

новский клад и его культурно-исторический контекст. (PCM, 3). М.: ИА РАН. С. 22-36.

Гавритухин И.О. 1996в. Датировка днепровских кладов первой группы методом синхронизации с древностями других территорий // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. (PCM, 3). М.: ИА РАН. С. 58-95.

Гавритухин И.О. 1996г. Датировка начальных фаз культуры Луки Райковецкой // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. (PCM, 3). М.: ИА РАН. С. 136-139.

Гавритухин И.О. 1997. Маленькие трапециевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю // Гістарычна-археалагічны зборнік. 12. Мінск. С. 43-53.

Гавритухин И.О. 2001. Периодизация раннесредневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла // Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. Приложение 1. М.: ИА РАН. С. 40-49, 146-148.

Гавритухин И.О. 2004. Среднеднепровские ингумации второй половины V – VI в. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье (доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова – Санкт-Петербург, 14-17 ноября 2000 г.). Ред. В.М. Горюнова, О.А. Щеглова. СПб.: Петербургское востоковедение. С. 221-227.

Гавритухин И.О. 2005а. Комплексы пражской культуры с датирующими вещами // Archeologia o początkach słowian. Ed. P. Kaczanowski, M. Parczewski. Kraków: Księgarnia akademicka. S. 403-461.

Гавритухин И.О. 2005б. Фибула с городища Супруты // Europa Barbarica. Ćwierć wieku archeologii w Masłomęczu. (Monumenta studia gothica, IV). Ed. P. Luczkiewicz. Lublin: UMCS. P. 113-115.

Гавритухин И.О. 2005в. Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы поясной гарнитуры) // Хазары. (Евреи и славяне, т. 16). Ред. В. Петрухин. Иерусалим-М.: Гешарим / Мосты культуры. С. 378-426.

Гавритухин И.О. 2007. Ингумации, связанные с культурой оседлого населения, и отдельные находки постгуннского времени // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. (PCM, 9). Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, С. 30-32.

Гавритухин И.О. 2008. Фибула из раскопок А.Г. Атавина в Фанагории в 1989 г. // Древности Юга России (памяти А.Г. Атавина). Ред. Г.Е. Афанасьев М: ИА РАН. 362-367.

Гавритухин И.О. 2010. находка из Супрут в контексте восточноевропейских сильно профилированных фибул // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 1. Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле. С. 49-67.

Гавритухин И.О. 2014. Ременная накладка ранневизантийского круга из Подмоскovie // РА. 4. С. 134-144.

Гавритухин И.О., Воронцов А.М. 2008. Фибулы верхнеокско-донского водораздела: двучленные прогнутые, подвязные и со сплошным приемником // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Ред. А.Н. Наумов. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле. С. 28-89.

Гавритухин И.О., Казанский М.М. 2006. Боспор, тетрациты и Северный Кавказ во второй половине V – VI в. // Археологические вести, 13. СПб, с. 297-344.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. (PCM, 3). М.: ИА РАН. 296 с.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. 2007. Днепровское лесостепное Левобережье // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. (PCM, 9). М: ИА РАН. С. 9-72

Гавритухин И.О., Обломский А.М. 2009. Гапоновский клад и малоизвестные события раннесредневековой истории Поднепровья // Археологические открытия 1991-2004 гг. Европейская Россия. Ред. Н.А. Макаров М: ИА РАН. С. 308-320.

Гавритухин И.О., Пьянков А.В. 2003. Могильники V–VII вв. Раннесредневековые древности Побережья // Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV-VIII вв.). Ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. (Археология). М: Наука. С. 193-195.

Гавритухин И.О., Седин А.А. 2014. Фибулы с городища Никодимово // КСИА, 236. С. 118-128.

Гавритухин И.О., Щеглова О.А. 1996а. Группы днепровских раннесредневековых кладов // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапо-

новский клад и его культурно-исторический контекст. (PCM, 3). М.: ИА РАН. С. 53-57.

Гавритухин И.О., Щеглова О.А. 1996б. Хронология начальных фаз памятников волынцевского круга // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. (PCM, 3). М: ИА РАН. С. 133-135.

Гавритухин И.О. 2001. Нові пальчасті фібули з околиць Градизка на Полтавщині // АЛЛУ. 1. Полтава. С. 29-31.

Галибин В.А. 1984. Состав предметов из стекла из могильника Съезжее // КСИА. 179. С. 18.

Гендуне Ю.Г. 1903а. Отчет в Императорскую археологическую комиссию о раскопках, произведенных в 1903 году // Архив ИИМК РАН, ф.1, 1903, арх. № 15, лл. 35, 47-53, 61-65, 71, 73-74, 82-85.

Гендуне Ю.Г. 1903б. Городище Дуна. СПб.: Типография А.П. Лопухина. 26 с.

Генинг В.Ф. 1979. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. 158. С. 96-106.

Глазов В.Н. 1903. Отчет о раскопках, произведенных в Псковской губ. в 1901 и 1902 гг. // ЗОРСА, V, вып. 1. СПб. С. 44-66.

Голдина Р.Д. 2003. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. 2. Ижевск: Удмуртия. 721 с.

Голдина Р.Д. 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Иркутский ун-т. 280 с.

Голдина Р.Д. 2012. О датировке и хронологии неволинской культуры (конец IV – IX в.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции, 25). Ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский ун-т. С. 203-285.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Иркутский ун-т. 176 с.

Голдина Р.Д., Кананин В.А. 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: Изд-во Уральского Университета. 215 с.

Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А. 2012. О датировке и хронологии Верх-Саинского могильника неволинской культуры (VI – начало IX в. н.э.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция / состав. и отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский ун-т. С. 321-375. (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции, т. 25).

- Голубева Л.А. 1965.** К истории пластинчатых огнив Восточной Европы // Новое в советской археологии. Ред. Е.И. Крупнов. (МИА, № 130). М.: Наука. С. 254-269.
- Голубева Л.А. 1973.** Вель и славяне на Белом озері Х–ХІ вв. М.: Наука, 212 с.
- Голубева Л.А. 1991.** Литейное дело на поселении Крутик в Белозерье // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. Ред. М.В. Седова. М.: ИА РАН. С.148-164.
- Голубева Л.А., Кочкуркина С.И. 1991.** Белозерская вель (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск: Карельский научный центр АН СССР. 198 с.
- Гоняный М.И. 2009.** Отчет о научно-исследовательских археологических раскопках, проведенных в 2009 г. на поселении Заболотье За в Домодедовском районе Московской обл. // Архив ИА РАН. Р-1, № 37601.
- Гопак В.Д., Горюнова В.М. 1991.** Черный металл раннеславянских памятников Днепровского Левобережья (по материалам Е.А. Горюнова) // СА, 1. С. 235-245.
- Горбаненко С.А. 2002.** Зернотерки волинцевсько-роменського періоду // Археологія, 3. С. 120-126. Київ.
- Горбаненко С.А. 2004.** Сільське господарство слов'ян другої половини I тис. н.е. (за матеріалами Лівобережжя Дніпра) // Археологія давніх слов'ян. Ред. Д.Н. Козак Київ: ИА НАНУ. С. 301-314.
- Горбаненко С.А. 2003-2004.** Окружающая среда и славянские памятники второй половины I тыс. н.э. (по материалам Левобережья Днестра) // Stratum plus, 5. С. 400-425.
- Горбаненко С.А. 2005.** Палеоетноботанічні дослідження слов'янських пам'яток Лівобережжя Дніпра у 2003-2004 рр. (за відбитками на кераміці) // АБУ за 2003-2004 рр. С. 397-400.
- Горбаненко С.А. 2006.** Землеробство слов'ян останньої чверті I тис. н.е. // Археологія, 3. Київ. С. 73-79.
- Горбаненко С.А. 2007.** Землеробство і тваринництво слов'ян Лівобережжя Дніпра другої половини I тис. н.е. Київ: Академперіодика. 196 с.
- Горбаненко С.А. 2010.** Знання землеробства кінця I тис. до н.е. I тис. н.е. Порівняльний аналіз // Археологія, 4. Київ. С. 46-60.
- Горбаненко С.А. 2011.** Методи інтерпретації сільськогосподарських матеріалів // Stratum plus, 5. Кишинів. С. 299-314.
- Горбаненко С.А., Журавльов О.П., Пашкевич Г.О. 2008.** Сільське господарство жителів Пастирського городища. Київ: Академперіодика. 188 с.
- Горбаненко С.А., Колода В.В. 2013.** Сільське господарство на слов'яно-хозарському порубіжжі. Київ: ИА НАНУ. 238 с.
- Горбаненко С.А., Колода В.В., [Чендєв Ю.Г.] 2013.** Природні умови // Горбаненко С.А., Колода В.В. Сільське господарство на слов'яно-хозарському порубіжжі. Київ: ИА НАНУ. С. 49-61.
- Горбаненко С.А., Пашкевич Г.О. 2010.** Землеробство давніх слов'ян (кінець I тис. до н.е. – I тис. н. е.). Київ: Академперіодика. 316 с.
- Горюнов Е.А. 1972.** Селище Целиков Бугор на Средней Десне // КСИА, 129. С. 42-47.
- Горюнов Е.А. 1974а.** Древности I тыс. н.э. нижнего течения р. Снова // КСИА, 140. С. 68-73.
- Горюнов Е.А. 1974б.** Некоторые древности I тыс. н.э. на Черниговщине // Раннесредневековые восточнославянские древности. Ред. П.Н. Третьяков Л: Наука. С. 119-125.
- Горюнов Е.А. 1981.** Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л: Наука. 135 с.
- Горюнов Е.А. 1982.** Славянское поселение середины I тысячелетия н.э. у с. Песчаное Белгородской обл. // КСИА, 171. С. 61-64.
- Горюнов Е.А. 2004.** Могильники колочинской культуры // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье (доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова – Санкт-Петербург, 14-17 ноября 2000 г.). Ред. В.М. Горюнова, О.А. Щеглова. СПб: Петербургское востоковедение. С. 10-17.
- Горюнов Е.А., Казанский М.М. 1978.** О происхождении широкопластинчатых фибул // КСИА, 155. С. 25-31.
- Горюнова В.М. 1987.** К вопросу об оловянных украшениях «антских» кладов // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Ред. А.Д. Прякин. Воронеж: изд-во ВГУ. С. 85-93.
- Горюнова В.М. 1992.** Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья // Археологические вести, 1. СПб. С. 126-140.
- Горюнова В.М. 2004.** Могильник VI–VII вв. у с. Картамышево Обоянского р-на Курской обл. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье (доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова – Санкт-Петербург, 14-17 ноября 2000 г.). Ред. В.М. Горюнова, О.А. Щеглова. СПб: Петербургское востоковедение. С. 18-42.

- Горюнова В.М., Родинкова В.Е. 1999.** Раннеславянское поселение Великие Будки (Хутор) // *Stratum plus*, 4. Кишинёв. С. 167-219.
- Горюнова Е.И. 1961.** Этническая история Волго-Окского междуречья. (МИА, 94). М.: Изд-во АН СССР, 264 с.
- Готун І.А., Казимир О.М., Петраускас А.В., Петраускас О.В. 2004.** Дослідження слов'яно-руського горизонту на багатощаровому поселенні поблизу с. Ходосівки // *Археологічні відкриття в Україні 2002-2003 рр.* Київ: ІА НАНУ. С. 105-111.
- Готун І.А., Казимір О.М., Грицик Ю.О. 2011.** Роботи на багатощаровому поселенні між Ходосівкою та Лісниками // *Археологічні дослідження в Україні 2010 р.* Ред. Д.Н. Козак. Київ-Полтава: ІА НАНУ. С. 86-87.
- Грінченко В.А. 1950.** Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжі // *Археологія*, III. Київ. С. 37-63.
- Григорьев А.В. 2000.** Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. (Труды Тульской археологической экспедиции, вып.2). Тула: Гриф и К°. 263 с.
- Григорьев А.В. 2005.** Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н.э. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле». 207 с.
- Григорьева Н.В., Щеглова О.А. 2012.** Украшения из свинцово-оловянистых сплавов в материалах раскопа 3 на Земляном городище в Старой Ладоге // *Истоки славянства и Руси. Сборник статей по материалам X чтений памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 24-25 декабря 2005 г.).* Ред. Д.А. Мачинский. СПб.: Нестор-История. С. 250-255.
- Грингмут-Дальмер Э. 1975.** Развитие культурного ландшафта в западнославянских областях: проблемы, методы и результаты исследования // *СА*, 2. С. 79-88.
- Гришаков В.В. 1993.** Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола. 194 с.
- Гришаков В.В. 2008.** Хронология мордовских древностей III-IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // *Пензенский археологический сборник*. 2. Пенза. С. 82-137.
- Гунова В.С., Кирьянова Н.А., Кренке Н.А., Низовцев В.А., Спиридонова Е.А. 1996.** Земледелие и система землепользования в долине Москвы-реки в железном веке // *РА*, 4. С. 93-120.
- Гурьянов В.Н. 2006.** Об одной группе древностей с городища Рассуха // *Археологическое изучение Центральной России.* Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ. С. 246-248.
- Герета І.П. 2013.** Чернелево-Руський могильник. (Oium, 3). Київ; Тернопіль: ІА НАНУ. 284 с.
- Давидан О.И. 1980.** Бронзолитейное дело в Ладогe // *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*. 21. Л.: «Искусство». С. 59-67.
- Давидан О.И. 1994.** Материальная культура первых поселенцев древней Ладоги (из коллекции Государственного Эрмитажа) // *Петербургский археологический вестник*, 9. СПб. С. 156-167.
- Давні слов'яни ... 2012.** Абашина Н.С., Козак Д.Н., Синиця Є.В., Терпиловський Р.В. Давні слов'яни. Археологія та історія: Посібник. Київ: Стародавній світ. 366 с.
- Давня історія України. 2000.** 3. Київ: ІА НАНУ. 220 с.
- Даниленко В.М. 1976.** Пізньозарубинецькі пам'ятки київського типу // *Археологія*, 19. С. 65-92.
- Данилов И.Г. 1880.** Раскопки слушателями Института курганов в Гдовском и Лугском уездах С.-Петербургской губ. и в Валдайском уезде Новгородской губ. (Из летних экскурсий слушателей в 1878/9 академическом году) // *Сборник Археологического Института*. 3, отделение I. СПб. С. 20-40.
- Дмитриев А.В. 1979.** Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // *СА*, 4. С. 212-231.
- Дмитриев А.В. 2003.** Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV–XIII в.)* (Археология). Ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука. С. 200-206.
- Довженко В.Й. 1961.** Землеробство Давньої Русі до XIII ст. Київ: Наукова думка. 266 с.
- Дробушевский А.И. 2011.** Этнокультурные изменения в междуречье Днепра и Десны на рубеже новой эры // *Гістарычна-археалагічны зборнік*. 26. С. 76-83.
- Дробушевский А.И. 2012.** Древности чечерской группы (типа Кистени – Чечерск) и памятники типа Абидни Белорусского Поднеровья // *ААА*. VIII. Минск. С. 33-68.
- Дубицкая Н.Н. 2016.** Памятники культуры Абидни // *Славяне на территории Беларуси в догосударственный период, книга 1.* Ред. О.Н. Левко, В.Г. Белевец. Минск: Беларуская навука. С. 284-333.

- Дубынин А.Ф. 1970а.** Городище Кузнечики в Подмоскowie // СА. 1. С. 152-164.
- Дубынин А.Ф. 1970б.** Троицкое городище // Древнее поселение в Подмоскowie. (МИА. 156). Ред. К.Ф. Смирнов. М.: Наука. С. 5-98.
- Дубынин А.Ф. 1974.** Щербинское городище // Дьяковская культура. Ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука. С. 198-281.
- Дубынин А.Ф., Розенфельдт И.Г. 1970.** Постройки Троицкого городища // Древнее поселение в Подмоскowie. (МИА, 156). Ред. К.Ф. Смирнов. М.: Наука. С. 99-135.
- Егарэичанка А.А. 1999.** Культура штрыхаванай керамікі // Жалезны век і раньняе сярэднявеча. (Археалогія Беларусі, 2). Мінск: Беларуская навука. С. 113-173.
- Егорейченко А.А. 2006.** Культуры штрихованной керамики. Минск: БГУ. 207 с.
- Егорьков А.Н. 2010.** Аналитическое исследование состава стекла бус из могильника у оз. Съезжее // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. Ред. А.Е. Мусин, Н.В. Хвошинская. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 358-364.
- Енуков В.В. 1990.** Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М. 262 с.
- Енуков В.В., Енукова О.Н. 1995.** Курганы у с. Артюшково на Сейме // Деснинские древности: Материалы межгосударственной научной конференции «История и археология Подесенья». Ред. В.П. Алексеев. Брянск. С. 179-186.
- Еремеев И.И., Дзюба О.Ф. 2010.** Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. (Труды ИИМК РАН, т. XXXIII). СПб: Нестор-История. 669 с.
- Жаров Г.В., Терпиловський Р.В. 2004.** Скарб срібних прикрас VIII ст. з Андріяшівки на Сулі. Київ: ИА НАНУ. 8 с.
- Журавльов О.П. 1996.** Остеологічні матеріали з поселення Олександрівка-1 // Терпиловський Р.В., Шекун О.В. Олександрівка-1 багатощарове ранньослов'янське поселення біля Чернігова. Чернігів: Сіверянська думка. С. 103-125.
- Забелин, И.Е. 1895.** Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Ч. 2. М. 782 с.
- Зайцева Г.И., Попов С.Г., Свеженцев Ю.С. 1993.** Новые данные по абсолютной хронологии археологических памятников Северо-Запада России // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). Ред. В.М. Массон, Е.Н. Носов, Е.А. Рябинин. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение». С. 167-175.
- Засецкая И.П. 1994.** Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху. СПб.: АО «Эллипс. Лтд». 224 с.
- Засецкая И.П. 2003.** Боспорский некрополь как эталонный памятник древностей IV – начала VII века // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV- XIII в.). (Археология). Ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука. С. 31-40.
- Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. 2007.** Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: ГЭ. 212 с.
- Зверуго Я.Г. 2001.** Исследования Восточнолитовских курганов на территории Беларуси // Lituvos archeologija. Т. 21. Vilnius. S. 111-120.
- Звяруга Я.Г. 2005.** Беларускае Павілле у жалезным веку і раннім сярэднявекі. Мінск. 174 с. (Матэрыялы па археалогіі Беларусі, 10).
- Зеленин Д.К. 1991.** Восточнославянская этнография. М.: Наука. 512 с.
- Земцов Г.Л. 2004.** Жилые и хозяйственные постройки лесостепного Днепро-Донского междуречья в первой половине 1 тыс. н.э. Автореф. дисс. канд. истор. наук. Липецк.
- Земцов Г.Л. 2007.** Домостроительство // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в.). Ред. А.М. Обломский. (РСМ, 10). М.: ИА РАН. С. 13-22.
- Зимина М.П. 2011.** Курганный могильник у с. Кончанское-Суворовское Новгородской области // РА. 2. С. 142-148.
- Зиньковская И.В. 1998.** Керамика колочинских могильников: Лебяжинский, Княжинский, Картамышевский // Вопросы истории славян. Археология, этнография. Ред. А.З. Винников. Воронеж: ВГУ. С. 3-9.
- Зиньковская И.В. 2000.** Анты и готы в Днепро-Донской лесостепи. Воронеж: ВГУ. 151 С.
- Зубов С.Э. 2007.** Кипчаковский культурно-хронологический горизонт в системе пьяноборской культуры // Уфимский археологический вестник. 6-7. Уфа: НМ РБ. С. 72-88.
- Иванов Н.В. 1928а.** Отчет маршрутного палеоэтнологического обследования в Гдовском р-не Лужского округа, произведенного членом Гдовского общества краеведения Н.В. Ивановым в 1928 г. // Архив ИИМК РАН, ф. 2, д. 115.
- Иванов Н.В. 1928б.** Дневник обследования 1928 г. // Архив ИИМК РАН, ф. 2, д. 336.

Иванова А.Б. 2009. Отчет о спасательных археологических работах на территории Вышневолоцкого и Спировского районов Тверской области в 2009 г. // Архив ИА РАН.

Ивановский Г.И. 1958. Экспедиция Боровичского краеведческого музея по обследованию Хвойнинских карстовых озер в 1958 г. // Библиотека Боровичского краеведческого музея. Ф. 56, оп. 1, ед. хр. 22.

Ильинская В.А. 1968. Новые данные о памятниках середины 1 тыс. н.э. в Днепровской левобережной лесостепи // Славяне и Русь. Ред. Е.И. Крупнов. М.: Наука. С. 55-62.

Ильютик А.В. 2016. Могильники второй четверти I тыс. н.э. в Белорусском Поднепровье // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Книга 1. Ред.: О.Н. Левко, В.Г. Белевец. Минск: Беларуская навука. С. 247-283.

Исланова И.В., Черных Е.М. 2008. Лепная керамика селища Рогово-2 в Верхневолжье // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Ред. А.Н. Наумов. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле». С. 169-180.

Исланова И.В. 1997. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.: Эдиториал УРСС. 302 с.

Исланова И.В. 2006. Верхнее Помостье в раннем средневековье. М.: ИА РАН, Тверской ГУ. 286 с.

Исланова И.В. 2007. Верхневолжье и Валдай // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. (РСМ, 9). Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, – С. 301-332.

Исланова И.В. 2008. Городище Отмичи. (РСМ, 11). М.: ИА РАН, 283 с.

Исланова И.В. 2009. Культура псковских длинных курганов на Верхней Волге // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света; материалы Международной конференции, состоявшейся 14-18 мая 2007 года в Государственном Эрмитаже. Труды Государственного Эрмитажа. XLIX. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 66-75.

Исланова И.В. 2012. Древности в верховьях Волги (ранний железный век и ранее средневековье) (РСМ, 14). М.: ИА РАН. 218 с.

Исланова И.В. 2013. Раннесредневековые поселения типа Подол в верховьях Волги // КСИА. 228. С. 199-208.

Исланова И.В. 2014. Памятники типа Подол (культурные контакты населения Верхневолжья

в третьей четверти I тыс. н.э.) // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. (РСМ, 15). Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 26-44.

Исланова И.В. 2015. Городища культуры псковских длинных курганов в бассейне Мсты // КСИА. 239. С. 384-392.

Исланова И.В., Мирецкий А.В. 1997. Находки с городища Осечен // Тверь и тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. 2. Ред. А.Н. Хохлов. Тверь: Старый город. С. 12-20.

Исланова И.В., Мирецкий А.В., Олейников О.М. 2007. Городище Осечен (ранний железный век и раннее средневековье) // ТАС. 6. Т. II. Тверь: ООО «Издательство «Триада». С. 132-146.

Исланова И.В., Черных Е.М. 2008. Лепная керамика селища Рогово-2 в Верхневолжье // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов. Ред. А.Н. Наумов. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле». С. 169-179.

Исланова И.В., Черных И.Н. 1998. Поселение Глыби 2 (ранний железный век и раннее средневековье) // ТАС. 3. Тверь: Тверская областная типография. С. 387-393.

Казиков Е.П. 1991. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татарское кн. изд-во. 176 с.

Казиков Е.П. 2010. Поясные накладки волжских болгар из Танкеевского могильника и Измерского селища // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования. Ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: Наука. С. 53-61.

Казаквичус В. 1988. Оружие балтских племен II–VIII вв. на территории Литвы. Вильнюс: Мокслас. 160 с.

Казанский М.М. 1999. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов // Археологические Вести, 6. СПб. С. 404-417.

Казанский М.М. 2001. Хронология начальной фазы могильника Дюрсо // Историко-археологический альманах. 7. Армавир. С. 41-58.

Казанский М.М. 2008. Оружие «западного» и «южного» происхождения в лесной зоне России и Белоруссии в начале средневековья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Ред. А.Н. Наумов. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле». С. 304-325.

Казанский М.М. 2010. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху пере-

селения народов // *Stratum Plus*, 4. Кишинёв. С. 1-111.

Казанский М.М. 2011а. О славянском панцирном войске // *Stratum Plus*, 5. Кишинёв. С. 43-50

Казанский М.М. 2011б. О центрах власти у славян: днестровские клады VII в. // Петербургский апокриф. Послание от Марка. Ред. О.В. Шапов. СПб-Кишинёв: ВАШ. С. 509-526.

Казанский М.М. 2013. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. Ред. А.М. Обломский. (PCM, 15). М.: ИА РАН. С. 45-137.

Казанский М.М. 2014. Славяне и дунайские германцы в VI в.: свидетельства письменных источников и некоторые археологические данные // Штрихи к портретам минувших эпох. Археология, история и этнография. Кн. (MMXIV) I. Ред. Е.П. Токарева, В.Г. Лушин. Зимовники, С. 175-200.

Казанский М.М. 2015. Вооружение и конское снаряжение славян V–VII вв. // *Stratum plus*, 5. Кишинев. С. 43-96.

Калечиц Е.Г. 1981. Исследования в Посожье // АО 1980. М.: Наука. С. 337.

Каравайко Д.В. 2012. Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья. Киев: ИА НАНУ, 276 с.

Карта Украины. Электрон. ресурс: <http://ukrmap.org.ua/Ukraine.htm>

Касюк А.Ф. 2016. Беларускае Палессе ў канцы VII–VIII ст. і пачатку X ст. н.э. // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. К 90-летию со дня рождения доктора исторических наук Леонида Давыдовича Поболя. Книга 2 / Ред. О.Н. Левко, В.Г. Белевец. Минск: Беларуская навука. С. 62-98.

Касюк Е.Ф. 2012. Раннеславянские памятники на Нижней Припяти // Сборник материалов «Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства». Научная конференция, посвященная 110 годовщине со дня рождения И.И. Ляпушкина. Ред. О.А. Щеглова. СПб: СОЛО. С. 219-224.

Кенько П., Медведев А. 2011. Наконечники стрел из городища и селища Гольшаны // ААА, VII. Минск: І.П. Логвінаў. С. 119-134.

Кирпичников А.Н. 1985. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Ред. В.В. Седов. Л.: Наука. С. 3-26.

Кирпичников А.Н. 2009. Историческое наследие Старой Ладоги // Археологические открытия 1991-2004 гг. Европейская Россия. Ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 333-346.

Кирпичников А.Н., Назаренко В.А. 1997. Деревянные сооружения Старой Ладоги по раскопкам 1984-1991 г. // Древности Поволжья. Ред. А.Н. Кирпичников, Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН. С. 63-82.

Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. 2012. Старая Ладога – древняя столица Руси. СПб.: Славия. 216 с.

Клименко В.В., Климанов В.А., Сирин А.А., Слепцов А.М. 2001. Изменения климата на западе европейской части России в позднем голоцене // Доклады РАН, 376, № 5. С. 679-683.

Ковалевская В.Б. 1979. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки (САИ, Е1-2). М.: Наука. 57 с.

Ковалевская В.Б. 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. Хронология восточноевропейских древностей V–IX веков, 2. Стекланные бусы и поясные наборы. Пущино: Отдел научно-технической информации Пущинского научного центра РАН. 364 с.

Коваленко В., Скороход В., Терещенко О. 2009. Розвідкові дослідження на городищі Ялівщина в Чернігові // Археологічні дослідження в Україні 2006-2007 рр. Ред. Д.Н. Козак. Київ: ИА НАНУ. С. 165-166.

Коваль В.Ю. 2009. Отчет о работах Ростиславльской археологической экспедиции в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 37968.

Козмирчук И.А., Разуваев Ю.Д. 2001. Городище «Малый Липяг» у с. Крутогорье на Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник. 2. Липецк: ЛГПУ. С. 71-88.

Козмирчук И.А., Обломский А.М., Разуваев Ю.Д. 2010. Раскопки у с. Ксизово Задонского района в 2009 г. // Археологические открытия в Ельце и его исторической округе 2009 г. 1. Елец. ЕГУ. С. 22-31.

Колоколов А.М. 2011. Лепная керамика романского типа с городища Супруты // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. II. Ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов СПб.–М.–Великий Новгород: ИИМК РАН. С. 52-53.

Колосовский Ю.В. 1997. Новые данные о раннеславянском поселении Вежки в Оршанском Поднепровье // Гісторыя Беларусі. Жалезны век і сярэднявечча. Мінск. С. 37-39.

Колосовский Ю.В. 2009. Вежкі // Археалогія Беларусі. Энцыклапедыя ў двух тамах. Т. 1. Ред.

Ю.У. Каласоўскі. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі. С. 153-154.

Колосовский Ю.В. 2016. Археологическое исследование городища и селища около деревни Вежки Дубровенского р-на Витебской обл. в 1994-1998 гг. // Славяне на территории Беларуси в предгосударственный период. Книга 2. Ред. О.Н. Левко, В.Г. Белевец. Минск: Беларуская навука. С. 5-13.

Комар А.В. 1999. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // *Vita Antiqua*, 2. Київ. С. 111-136.

Комар А.В. 2000. Горизонт Столбище – Старокорсунская и некоторые проблемы возникновения салтовской культуры // *Finn-Ugrica*. № 1. Казань. С. 42-66.

Комар А.В. 2001. К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности шиловских курганов // Степи Европы в эпоху средневековья. 2. Ред. А.В. Евлевский. Донецк: ДонНУ. С. 11-44.

Комар А.В. 2006. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья, 5. Ред. А.В. Евлевский. Донецк: ДонНУ. С. 7-244.

Комар А.В. 2010. К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). Ред. Д.А. Сташенков. Самара: ООО «Офорт». С. 169-206.

Комар А.В., Стрельник М.А. 2011. «Репрессированный» клад: комплекс ювелирных изделий VIII в. из находки у с. Фотовиж // *Stratum Plus*, 5. Кишинёв. С. 143-164.

Комаров К.И. 1972. Находка раннеславянской керамики на Верхнем Дону // КСИА, 129. С. 47-49.

Конечкий В.Я. 1997а. К вопросу о формировании культуры длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 11. Ред. В.Л. Янин. Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. С. 213-225.

Конечкий В.Я. 1997б. Погребальные памятники культуры длинных курганов: происхождение и эволюция форм // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции (11-13 ноября 1997 г.). Сост. В.Ф. Андреев. Новгород: Новгородский гос. ун-т. С. 21-27.

Конечкий В.Я. 1998. Славянская колонизация Северо-Запада в отечественной исторической и археологической литературе // Новгород и Новгородская земля: История и археология. 12. Ред. В.Л. Янин. Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. С. 226-241.

Конечкий В.Я. 2000. Еще раз о культурном облике древнейших славянских памятников Приильменья // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции (13-15 ноября 2000 г.). 1. Сост. В.Ф. Андреев. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т. С. 3-12.

Конечкий В.Я. 2007. Этнокультурные процессы второй половины I тыс. н.э. на Северо-Западе; итоги и перспективы изучения // У истоков русской государственности. Историко-археологический сборник. Ред. Е.Н. Носов, А.Е. Мусин. СПб.: «Дмитрий Буланин». С. 256-267.

Конечкий В.Я., Иванов А.Ю., Торопов С.Е. 1997. Новые исследования памятников культуры длинных курганов в долине р. Белой // ННЗИА. Материалы научной конференции, Новгород (28-30 января, 1997 г.), 11. Ред. В.Л. Янин. Новгород: НГОМЗ. С. 29-36.

Конечкий В.Я., Самойлов К.Г. 2000. Хозяйство носителей культуры псковских длинных курганов: проблемы структурности // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 14. Ред. В.Л. Янин. Великий Новгород: ОАО «Типография «Новгород». С. 261-275.

Корзухина Г.Ф. 1955. К истории Среднего Поднепровья в середине I тыс. н.э. // СА, XXII. С. 61-82.

Корзухина Г.Ф. 1978. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье. (САИ, Е1-43). Л.: Наука, 124 с.

Корзухина Г.Ф. 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // МАИЭТ, V. С. 352-435.

Коробушкина Т.Н. 1979. Земледелие на территории Белоруссии в X–XIII вв. Минск: Наука и техника. 120 с.

Крайнов Д.А. 1966. Отчет Верхневолжской экспедиции о результатах археологических работ в 1966 году в Ивановской, Костромской, Ярославской и Калининской областях // Архив ИА РАН. Р-1. № 3385.

Краснов Ю.А. 1966. Из истории железных серпов в лесной полосе европейской части СССР // КСИА, 107. С. 17-27.

- Краснов Ю.А. 1967.** О системе и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы // СА, 1. С. 3-21.
- Краснов Ю.А. 1978.** Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий // СА, 4. С. 98-114.
- Краснов Ю.А. 1980.** Безводнинский могильник (к истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М: Наука. 224 с.
- Краснов Ю.А. 1987.** Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М.: Наука. 236 с.
- Краснов Ю.А., Краснов Н.А. 1978.** Погребальное сооружение на городище «дьякова типа» // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. Ред. В.И. Козенкова и др. М.: Наука. С. 140-152.
- Кренке Н.А. 2011.** Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. I тыс. н.э. М.: ИА РАН. 548 с.
- Кренке Н.А. 2014.** Финал дьяковской культуры в Подмосковье // КСИА, 235. М. С. 342-362.
- Кренке Н.А., Агеева К.Е., Григорян С.Б., Ершов И.Н., Кравцов А.Е., Леонова Е.В. 2008.** Поселение Царицыно 1 // Археология парка «Царицыно». Ред. Л.А. Беляев. М.: ИА РАН. С. 49-80.
- Кренке Н.А., Лазукин А.В., Елкина И.И., Ершов И.Н., Леонова Е.В., Чернов С.З. 2010.** Исследование памятников эпохи бронзы – раннего железа в районе Звенигорода // Археология Подмосковья. 6. М.: ИА РАН. С. 34-50.
- Кренке Н.А., Лазукин А.В., Тавлинцева Е.Ю. 2011.** Клад украшений с городища Дютково // РА. 1. С. 134-148.
- Кренке Н.А., Лопатин Н.В. 1997.** Петрографический анализ керамики городищ Дьяково и Тушемля // РА. 1. С. 60-67.
- Кренке Н.А., Румянцева О.С. 2008.** Стекланные бусы Дьякова городища // РА. 2. С. 95-106.
- Кренке Н.А., Чаукин С.Н. 2013.** Городище дьякова типа Круглица на Москве-реке // РА. 1. С. 116-118.
- Крис Х.И. 1970.** Костяные и железные наконечники стрел // Древнее поселение в Подмосковье. (МИА. 156). Ред. К.Ф. Смирнов. М.: Наука, С. 145-169.
- Крис Х.И., Чернай И.Л. 1980.** Городища дьякова типа Боршева и Селецкое // КСИА. 162. М. С. 75-81.
- Кудряшов К. 1913.** Отчет о раскопках 1911 г. в Гдовском уезде // ЗОРСА РАО, т. IX, СПб. С. 244-247.
- Кузьмин С.Л. 1988.** Археологическая карта Поплюсья и проблемы истории населения Северо-Запада Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тезисы научно-практической конференции. Ред. В.Л. Янин. Новгород. С. 22-26.
- Кузьмин С.Л., Петров Н.И. 1990.** «Большие дома» Северо-Западной Руси VIII-XI вв. // ННЗИА. Тезисы научной конференции, 3. Ред. В.Л. Янин. Новгород: НГОМЗ. С. 61-64.
- Кулатова I.M., Мироненко К.М., Охріменко А.І., Супруненко О.Б. 2004.** Археологічні розвідки в зоні Єристівського родовища залізистих кварцитів у Кременчуцькому районі на Полтавщині // АБУ за 2002-2003 рр. С. 23-26.
- Курта Ф. 2011.** Женщина из Данчень или о фибулах типа II C по Вернеру // *Tyragetia*, V (XX)-1. Chişinău. С. 153-192.
- Латышева Г.П., Розенфельдт И.Г. 1964.** Раскопки барвихинского городища // КСИА. 102. М. С. 82-89.
- Лебедев Г.С. 1977.** Археологические памятники Ленинградской области. Л.: Лениздат. 232 с.
- Лебедева Е.Ю. 2008.** Археоботаническая реконструкция древнего земледелия (методические критерии) // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии, 6. М.: ИА РАН. С. 86-109.
- Левада М.Е. 2010.** Сухоносівка // *Terra Barbarica. Studia ofiarowane Magdalenie Mączyńskiej w 65. rocznicę urodzin. (Monumenta Archaeologica Barbarica, Series Gemina, Tomus II)*. Red. A. Urbaniak et al., Łódź-Warzawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego; Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica. С. 557-594.
- Левада М.Е., Михайлова Е.Р. 2012.** Браслет из могильника Заветное (к вопросу о контактах населения Крыма с лесной зоной Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов) // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции (Бахчисарай, 5–7 сентября 2012 г.). Ред. В.Е. Науменко. Бахчисарай: КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник». С. 39-41.
- Левко О.Н., Колосовский Ю.В. 2003.** Раскопки городищ у дер. Кисели (Дымокуры) Толочинского р-на и у д. Черкасово Оршанского р-на Витебской обл. // Материалы по археологии Белоруси. 8. Минск: ИИ АНБ. С. 182-208.
- Левченко Д.І. 1993.** Про вплив кліматичних змін на формування та поширення пеньківської культури // ПАЗ, 1. Полтава. С. 30-37.

Леонтьев А.Е. 1996. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. (Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья, 4). М.: ИА РАН. 340 с.

Леонтьев А.Е. 1979. Узменские жернова X века // СА. 2. С. 271-274.

Лесман Ю.М. 1977. Работы в Торопце и его окрестностях // Археологические открытия 1976 года. М.: Наука. С. 70-71.

Лещинская Н.А. 1988. Исследования Еманаевского городища // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ред. Л.Д. Макаров. Ижевск: Удмуртский ун-т. С. 79-107.

Липкинг Ю.А. 1974. Могильники третьей четверти I тыс. н.э. в Курском Посеймье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Ред. П.Н. Третьяков. Л.: Наука. С. 136-152.

Липкинг Ю.А. 1979. Замошанская дюна под Суджей // Могильники черняховской культуры. Ред. Э.А. Сымонович. М.: Наука. С. 5-8.

Литовское народное искусство, (3). 1958. Украшение древних литовцев, I. Сост. Р. Куликаускаене, Р. Римантене. Вильнюс: Гос. изд-во художественной литературы Литовской ССР. 360 с.

Лопатин Н.В. 1989. Тушемля, Демидовка, Колочин: о соотношении керамики верхних слоев // КСИА, 195. С. 9-14.

Лопатин Н.В. 2003а. Керамические стили I тыс. н.э. в Верхнем Поднепровье и Подвинье // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. II. Ред. Н.И. Шишлина. М.: ГИМ. С. 61-64.

Лопатин Н.В. 2003б. О происхождении и локальной специфике керамических наборов культуры псковских длинных курганов // КСИА. Вып. 214. С. 43-58.

Лопатин Н.В. 2005. Группы древностей V–VIII вв. н.э. в Верхнем Поднепровье и на северо-западе России (по керамическим материалам) // Archeologia o początkach słowian. Red. P. Kaczanowski, M. Parczewski. Kraków: Księgarnia akademicka. С. 462-478.

Лопатин Н.В., Лопатина О.А. 1998. Памятник мощинской культуры в верховьях Вазузы // ТАС. 3. Тверь: Тверской объединенный музей. С. 375-379.

Лопатин Н.В., Медведев А.М. 2002. Поселение Дедиловичи (Замковая Гора). По материалам раскопок 1962 и 1963 годов // Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–V веках н.э. Материалы (РСМ, 4). Ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 24-41.

Лопатин Н.В., Фурасев А.Г. 2007а. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н.э. (РСМ, 8). М.: ИА РАН, 251 с.

Лопатин Н.В., Фурасев А.Г. 2007б. Северо-Запад России и Север Белоруссии // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (РСМ, 9). Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 276-300.

Лопатина О.А. 2011. Некоторые технологические данные о керамике Дьякова городища и городищ дьякова типа // Кренке Н.А. Дьяково городище. М.: ИА РАН. С. 127-134.

Лопатина О.А. 2015. О происхождении одного вида отпечатков на поверхности «текстильной» керамики // КСИА, 240.

Лыч Б.Г. 2000. О территориальных различиях погребального инвентаря носителей культуры псковских длинных курганов // Вестник молодых ученых. Серия: исторические науки. Вып. 5. СПб. С. 72-76.

Любичев М.В. 1997. Земледелие славян Днепро-Донецкого междуречья в третьей четверти I тыс. н.э. // ВХДУ, 396. Сер. Історія: 29. Харків. С. 37-45.

Любомиров П. 1913. Отчет о раскопках, произведенных в 1910 г. в Новгородской и Тверской губерниях // ЗОРСА. Т. IX. С. 222-240.

Магомедов Б.В. 1990. Производственный и бытовой инвентарь, предметы убора и оружие // Этнокультурные процессы во второй четверти I тыс. н.э. на территории юго-восточной Европы. Славяне юго-восточной Европы в предгосударственный период. Ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова думка. С. 160-172.

Магомедов Б.В. 2001. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin: UMCS. 290 с.

Магомедов Б.В., Левада М.Е. 1996. Оружие черняховской культуры // МАИЭТ, V. С. 304-323.

Макаров Н.А., Федорина А.Н., Зайцева Г.И., Гроотс П.М. 2011. Радиоуглеродные даты памятников раннего железного века – средневековья в Суздальском Ополье // РА. 4. С. 35-51.

Максимов А.Д. 1980. Отчет о раскопках городища Орлов городок и разведка на оз. Селигер в 1980 г. // Архив ИА РАН, р-1 № 8477.

Максимов А.Д. 1998. Археологический комплекс III–VIII вв. н.э. селища Суходол II (Ржевский район Тверской области) // ТАС. 3. Тверь: Тверская областная типография. С. 380-386.

Максимов Е.В., Терпиловский Р.В. 1979. Поселение киевского типа у с. Ульяновка на Дес-

не // Славяне и Русь. Ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова думка. Киев. С. 21-48.

Макушников О.А. 1987. Нижнее Посожье во второй половине I тыс. н.э. Автореф. дисс. канд. истор. наук. Киев.

Макушников О.А. 1994а. Поселение второй половины I тыс. н. э. близ д. Носовичи в Нижнем Посожье // Гістарычна-археалагічны зборнік. 5. Мінск: ИИ АНБ. С. 227-237.

Макушников О.А. 1994б. В поисках древнего Гомия. Гомель: Белорусское Агентство научно-технической и деловой информации. 65 с.

Макушников О.А. 1999. Средневековое поселение и могильник Нисимковичи-1 в Посожье. // Гістарычна-археалагічны зборнік, 14. Мінск. С. 139-146.

Макушников О.А. 2003. Раннесредневековая керамика городища Колочин-1 на Гомельщине // Материалы по археологии Беларуси. 8. Мінск. С. 217-233.

Макушников О.А. 2009. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв. Социально-экономическое и этнокультурное развитие. Гомель: ГТУ им. Ф. Скорины. 217 с.

Макушников О.А. 2011а. Ранние и восточные славяне в Гомельском Поднепровье (V–X вв.): вопросы этнокультурной интерпретации // Гыстарычна-археалагічны зборнік. 26. Мінск. С. 119-125.

Макушников О.А. 2011б. Социально-экономическое и культурное развитие Гомельского Поднепровья в V–XIII вв. Автореф. дисс. докт. истор. наук. Минск.

Макушников О.А. 2014. Колочинская культура в Гомельском Поднепровье и сменяющие ее памятники VIII–IX вв. // КСИА, 235. С. 363-380.

Макушнікаў А.А. 1985. Кераміка паўднёвай часткі Дняпроўска-Сожскага міжрэчча 5-7(8) стст. н.э. // Весці Акадэміі навук БССР, сер. грам. навук, 6. Мінск. С. 91-98.

Макушнікаў А.А. 1999. Калочынская культура // Археалогія Беларусі. 2. Ред. В. І. Шадыра, В.С. Вяргей. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мінск: Беларуская навука. С. 348-358.

Малыгин П.Д. 2007. Археологические памятники Тверской области и история их изучения. Учебное пособие. Тверь: Тверской государственный университет. 104 с.

Мальм В.А., Фехнер М.В. 1969. Об этническом составе населения Верхнего Поволжья во 2-й половине I тысячелетия н.э. // Экспедиции Государственного Исторического музея.

Доклады на сессии Ученого совета ГИМ. 5-7 февраля 1969 г. Ред. В.П. Левашова. М.: ГИМ. С. 159-192.

Марзаялюк І. 2011. Новыя крыніцы па гісторыі славянскага рассялення ў магілёўскім Падніпроўі і Пасожжы // Гістарычна-археалагічны зборнік. 26. Мінск. С. 97-118.

Марковин В.И. 2006. Наскальные изображения предгорий Дагестана. М.: Наука, 210 с.

Массалитина Г.А. 1994а. Мощинская культура. Автореферат дисс. канд. истор. наук. М.

Массалитина Г.А. 1994б. Мощинская культура // Дис. канд. ист. наук. М., Архив ИА, Р-П, № 2567. 253 с.

Массалитина Г.А. 2003. О специфическом типе верхнеокской керамики // *Slavia Antiqua*. Т. XLIV. С. 157-165.

Мастыкова А.В. 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – серединой VI в. М: ИА РАН. 500 с.

Мастыкова А.В. 2011. Эволюция женского убора апсиллов (II – VII вв.) // Проблемы археологии Кавказа (к 70-ти летию Ю.Ю. Воронова). Ред. А.Ю. Скаков. Сухум: АБИГИ. С. 140-145.

Мастыкова А.В. 2012. Раннесредневековое погребение у с. Разиньково Курской области // РА, 2. С. 134-141.

Мастыкова А.В., Плохов А.В. 2010. Датировка и происхождение стеклянных бус из могильника у оз. Съезжее // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. Ред. А.Е. Мусин, Н.В. Хвощинская. СПб: Дмитрий Буланин. С. 337-357.

Медведев А.М. 1996. Посоховидные булавки // Гістарычна-археалагічны зборнік. 7. Мінск. С. 172-201.

Медведев А.М. 2011. Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье. Минск: Беларуская навука. 350 с.

Медведев А.П. 1987. Керамика сарматского времени лесостепного Подонья // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: ВГУ. С. 93-111.

Медведев А.П. 1998. III Чертовицкое городище // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. (Археология восточноевропейской лесостепи. 12). Ред. А.П. Медведев. Воронеж: ВГУ. С. 42-84.

Медведев А.П. 2008. Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус. 252 с.

Медведь А.Н. 2007. Стрелы раннего железного века с городища Ростиславль // Археология Подмосковья. 3. Ред. А.В. Энгватова М.: ИА РАН. С. 52-57.

Милян Т. 2012. Декоративні предмети ранньослов'янського часу у межиріччі Дністра та Західного Бугу // Наукові студії: Збірник наукових праць, 5. Ред. Д. Козак. Львів: Растр-7. С. 119-132.

Минасян Р.С. 1980. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (К вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // АСГЭ. 21. С. 68-74.

Минасян Р.С. 1978а. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // АСГЭ, 19. С. 74-85.

Минасян Р.С. 1978б. Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тыс. н.э.) // СА. 3. С.101-112.

Минасян Р.С. 1982. Проблема славянско-го заселения лесной зоны Восточной Европы в свете археологических данных // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Ред. А.Д. Столяр. Л.: Ленинградский ун-т. С. 24-29.

Мирецкий А.В. 1987. Отчет о раскопках и разведках в Калининской области в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12262.

Миролюбов И.А. 1976. Орудия вторичной обработки почвы и уборки урожая из Старой Ладоги // АСГЭ, 17. С. 119-124.

Митрофанов А.Г. 1966. Новые данные о памятниках VI–VIII вв. в Средней и Северной Белоруссии // Древности Белоруссии. Материалы конференции по археологии Белоруссии и смежных территорий (1966 г.). Ред. В.Ф. Исаенко и др. Минск: ИИ АН БССР. С. 218-235.

Митрофанов А.Г. 1978. Железный век средней Белоруссии (VII–VI вв. до н.э. – VIII в. н.э.). Минск: Наука и техника. 160 с.

Михайлина Л. 2007. Слов'яни VIII–X ст. між Дніпром і Карпатами. Київ: ІА НАНУ. 300 с.

Михайлина Л.П. 2014. Нові матеріали з Ревнянського гнізда поселень райковецької культури // Від венедів до Русі. Ред. Г.Ю. Івакін. Київ; Харків: ІА НАНУ; Майдан. С. 357-364.

Михайлова Е.Р. 1993. О так называемых погребальных площадках в культуре длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 7. Ред. В.Л. Янин. Новгород. С. 70-78.

Михайлова Е.Р. 1999. Вновь исследованные курганы с захоронениями времени христианизации Северной Руси // Вестник молодых ученых. Исторические науки. № 1(5). СПб. С. 82-87.

Михайлова Е.Р. 2007. Тисненые бляшки-обоймицы из памятников культуры псковских длинных курганов // Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова. Ред.: С.В. Хаврин. СПб: Культ-Информ Пресс. С. 158-164.

Михайлова Е.Р. 2009а. Культура псковских длинных курганов. Проблемы хронологии и развития материальной культуры. Автореферат дис. канд. ист. наук. СПб.

Михайлова Е.Р. 2009б. Культура псковских длинных курганов. Проблемы хронологии и развития материальной культуры. Дис. канд. ист. наук. СПб.

Михайлова Е.Р. 2010а. Полностью исследованный могильник культуры псковских длинных курганов Берёзно I // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли. Ред. Е.Р. Михайлова. СПб.: Нестор-История. С. 7-54.

Михайлова Е.Р. 2010б. Комплекс памятников в урочище Колода близ дер. Засобье (Лужский р-н Ленинградской обл.) // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли. Ред. Е.Р. Михайлова. СПб.: Нестор-История. С. 81-108.

Михайлова Е.Р. 2011. Хронология и периодизация вещевого комплекса культуры псковских длинных курганов // Петербургский апокриф. Послание от Марка. Ред. О.В. Шаров. Stratum Библиотека. Кишинев: «Высшая антропологическая школа». С. 527-555.

Михайлова Е.Р. 2013. Раннесредневековое поселение на северном берегу озера Мерёво // Stratum plus. 5. Кишинёв. С. 73-80.

Михайлова Е.Р. 2014а. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов. Типология и хронология. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing. 427с.

Михайлова Е.Р. 2014б. Раннесредневековые поселения и курганы в комплексе памятников Рапти-Наволока на Черемнецком озере // Stratum plus. 5. С. 273-285.

Михайлова Е.Р. 2014в. Снаряжение всадника и коня в псковских длинных курганах // Stratum Plus. № 6. С. 73-82.

Михайлова Е.Р. 2014г. Браслеты с утолщенными концами в германских и восточноевропейских древностях // Скандинавские чтения 2012 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. Ред. Т.А. Шрадер. СПб.: МАЭ РАН. С. 16-22.

Михайлова Е.Р. 2015. Украшения из легкоплавких сплавов в культуре псковских длинных

- курганов: основные формы и поиск аналогий // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. 5. Материалы международной конференции «Город Ладога и Северная Русь в первые века русской истории» (Старая Ладога, 13 июня 2015 г.). Ред. А.Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН. С. 125-134.
- Могильников В.А. 1992.** Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. (Археология СССР). Ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука. С. 292-311.
- Монин А.С., Шишков Ю.А. 1979.** История климата. Л.: Гидрометеоздат. 406 с.
- Моора Х.А. 1954.** Археологические работы в Эстонской ССР в 1951 и 1952 г. // КСИИМК. 55. С. 52-63.
- Моора Х.А. 1956.** Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Ред. Х.А. Моора. Таллин: Эстгосиздат. С. 49-141.
- Моора Х. 1963.** Об оловянных украшениях и их изготовлении в Прибалтике // *Munega archeologia Iosepho Kostrzewski. Poznań: Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk*, S. 355-365.
- Моргунов Ю.Ю. 2003.** Сампсониев Остров. Пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в XI–XIII веках. М.: Наука. 188 с.
- Моця О.П., Томашевський А.П. 1997.** Просторові та еколого-господарчі аспекти досліджень давньоруського селища Автуниці // Археометрія та охорона історико-культурної спадщини, 1. Київ. С. 28-42.
- Мошкова М.Г. 1963.** Памятники прохоровской культуры (САИ. Д1-10). М.: Изд-во АН СССР. 56 с.
- Мурашева В.В. 2000.** Древнерусские ремешные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС. 136 с.
- Мядзведзеў А.М. 1999.** Кіеўская культура // Жалезны век і раньняе сярэднявечча. Ред. В.І. Шадыра, В.С. Вяргей. (Археалогія Беларусі. 2). Мінск: Беларуская навука. С. 290-297.
- Нефёдов В.С. 2007.** Могильники культуры смоленских длинных курганов в Смоленском Поднепровье и Подвинье: археологическая карта и топография // ТАС. 6 Т. II. Ред. И.Н. Черных. Тверь: ООО «Издательство «Триада». С. 185-191.
- Нефёдов В.С. 2009.** Височные кольца культуры смоленских длинных курганов (по материалам погребений Смоленского Поднепровья и Подвинья) // РА, 3. С. 35-41.
- Никольская Т.Н. 1958.** Шуклинское городище // КСИА. 72. С. 66-77.
- Никольская Т.Н. 1959.** Культура племен бассейна верхней Оки в I тыс. н.э. (МИА, 72). М.: Издательство АН СССР. 152 с.
- Никольская Т.Н. 1962.** Городище у д. Николо-Ленивец // СА. 1. С. 221-240.
- Никольская Т.Н. 1966.** К этнической истории бассейна Верхней Оки // КСИА. 107. С. 9-16.
- Никольская Т.Н. 1970.** К истории домостроительства у племен бассейна Верхней Оки (с середины I тыс. до н.э. до середины I тыс. н.э.) // Древние славяне и их соседи. Ред. Ю.В. Кухаренко. (МИА, 176). С. 82-90.
- Новиков А.В. 1996.** Отчет об охранных археологических раскопках курганной группы Яблонька 3 в Фировском районе Тверской области в 1996 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 22688.
- Носов Е.Н. 1984.** К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов // КСИА. 179. С. 11-17.
- Носов Е.Н. 1974.** Лепная керамика городища Дуна // КСИА. 140. С. 3-10.
- Носов Е.Н. 1975.** Отчет о работе Новгородского археологического отряда ЛОИА АН СССР в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 5994, 5994а.
- Носов Е.Н. 1976.** Отчет о работе Новгородского археологического отряда ЛОИА АН СССР в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6076, 6076а.
- Носов Е.Н. 1977.** Некоторые вопросы домостроительства Старой Ладоги // КСИА. 150. С. 10-17.
- Носов Е.Н. 1979.** Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 8471, 8471а.
- Носов Е.Н. 1980а.** Отчет о работе Новгородской областной экспедиции ЛОИА АН СССР в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8228, 8228а.
- Носов Е.Н. 1980б.** Новгородская областная экспедиция // АО 1979 года. М.: Наука. С. 21-22.
- Носов Е.Н. 1981а.** Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н.э. в Приильменье // СА. 1. С. 42-56.
- Носов Е.Н. 1981б.** Поселение и могильник культуры длинных курганов на озере Съезжее // КСИА. 166. С. 64-69.
- Носов Е.Н. 1983.** Новые данные о домостроительстве населения конца I тыс. н.э. в Приильменье // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII–XIV вв. в Северо-Западной

части СССР. Тезисы докладов Межреспубликанского симпозиума. Ред. Э.С. Мугуревич. Рига: Зинатне. С. 29-32.

Носов Е.Н. 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука. 214 с.

Носов Е.Н., Верхорунова Т.Л. 1977. Исследование комплекса культуры длинных курганов на оз. Съезжем в Новгородской области // АО 1976 года. М.: Наука. С. 25-26.

Носов Е.Н., Верхорунова Т.Л., Конечный В.Я. 1976. Исследования сельских поселений в новгородской области // АО 1975 года. М.: Наука. С. 32.

Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. 2005. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения: Новые материалы и исследования. (Труды ИИМК РАН, XVIII). СПб.: Дмитрий Буланин. 404 с.

Носов Е.Н., Ершевский Б.Д., Плохов А.В. 1998. О работе на поселении Прость в 1997 году // ННЗИА. Материалы научной конференции (Новгород, 27-29 января 1998). 12. Ред. В.Л. Янин. Новгород: НГОМЗ. С. 25-31.

Носов Е.Н., Плохов А.В. 1991. Поселение Золотое Колено на Средней Мсте // Материалы по археологии Новгородской земли 1990 г. Ред. В.Л. Янин, Е.Н. Носов, П.Г. Гайдуков. М.: Новгородская археологическая экспедиция, НГОМЗ. С. 117-149.

Носов Е.Н., Плохов А.В. 1994. Археологические исследования в Андреапольском районе Тверской области в 1988 г. // ТАС. 1. Ред. И.Н. Черных. Тверь: Тверской государственный объединенный музей. С. 145-151.

Носов Е.Н., Плохов А.В. 2005. Новые раскопки поселений в Северном Приильмении // Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения (Новые материалы и исследования). (ИИМК. Труды. XVIII). СПб.: Дмитрий Буланин. С. 140-144.

Обломский А.М. 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. н.э. М.-Сумы. 287 с.

Обломский А.М. 1996а. Женские украшения. Описание предметов Гапоновского клада // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. (PCM, 3). М.: ИА РАН. С. 11-13.

Обломский А.М. 1996б. Колочинская культура // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. (PCM, 3). М.: ИА РАН. С. 96-107.

Обломский А.М. 1996в. Поселение Гапоново и обстоятельства находки клада // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. (PCM, 3). М.: ИА РАН. С. 7-10.

Обломский А.М. 1996г. Среднее Посеймье в позднеримское время. Формирование южной границы колочинской культуры. // РА, 4. С. 51-70.

Обломский А.М. 2002. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V вв. н.э.). (PCM, 5). М.: Наука. 255 с.

Обломский А.М. 2003. Ранние колочинские памятники Среднего Посеймья // Материалы по археологии Беларуси. 8. Минск: ИИ АНБ. С. 234-248.

Обломский А.М. 2004. Замятино-8. Материалы раскопок 1998-2000 гг. // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. Ред. А.М. Обломский. (PCM, 6). М.: ИА РАН. С. 16-36.

Обломский А.М. 2005. Новая концепция киевской культуры Верхнего Поднепровья // Archeologia o początkach słowian. Red. P. Kaczanowski, M. Parczewski. Kraków: Księgarnia akademicka. S. 137-156.

Обломский А.М. 2007а. Каталог памятников. Восток Днепровского Левобережья и бассейн Северского Донца // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.). Ред. А.М. Обломский (PCM, 10). М.: Наука. С. 82-105.

Обломский А.М. 2007б. Лесостепное Подонье // Восточная Европа в середине 1 тыс. н.э. Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. (PCM, 9). М.: ИА РАН. С. 73-132.

Обломский А.М. 2007в. Структура населения лесостепного Поднепровья в VII в. н.э. // АЛЛУ. 1-2. Полтава: ВЦ Археологія. С. 3-12.

Обломский А.М. 2010. Памятники типа Почеп // Позднезарубинецкие памятники на территории Украины. Ред. А.М. Обломский. (PCM, 12). М.: ИА РАН. С. 45-53.

Обломский А.М. 2011а. О взаимоотношении оседлого и кочевого населения лесостепного Поднепровья в VII в. н.э. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. Т. II. Ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. СПб-М-Великий Новгород: ИИМК. С. 83-84.

Обломский А.М. 2011б. О раннесредневековых славянских древностях в бассейне Дона // Stratum plus, 5. Кишинёв: ВАШ. С. 51-60.

- Обломский А.М. 2012а.** Работы в верхнем течении р. Воронеж // Археологические открытия 2011 г. в Липецкой обл. Ред. А.А. Найденев, Н.Е. Чалых. Липецк, С. 8-9.
- Обломский А.М. 2012б.** Раннесредневековые памятники Верхнего Подонья. Предварительные итоги исследования // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины, 3. Ред. С.И. Андреев. Тамбов. С. 172-229.
- Обломский А.М., Завьялов В.И. 2003.** Новые памятники периода раннего средневековья бассейна Северского Донца // *Stratum plus*, №5 2001-2002. Кишинев: ВАШ. С. 71-90.
- Обломский А., Приймак В., Терпиловский Р. 2011.** Исследования колочинской курганной группы Бездрик в 2000 г. // *Гістарычна-археалагічны зборнік*, 26. Мінск: Інститут гісторыі НАН Беларусі, с. 15-29.
- Обломский А.М., Радюш О.А. 2007.** Вещевой комплекс // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.). Ред. А.М. Обломский. (ПСМ, 10). М.: ИА РАН. С. 27-44.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1991.** Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М.: Наука. 174 с.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 2007.** Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.). (ПСМ. 10). Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 113-141.
- Обломський А.М., Терпиловський Р.В., Приймак В.В. 1999.** Дослідження ранньослов'янського кургану у с. Бездрик // АЛІУ. 2. Полтава: ВЦ Археологія. С. 36-37.
- Обломский А.М., Щеглова О.А. 1996.** Некоторые особенности культуры памятников вольтинского типа и спорные вопросы их происхождения // Гавриутхин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. (ПСМ, 3). М.: ИА РАН. С. 131-133.
- Олейников О.М. 2002.** Лепная керамика населения Тверского Поволжья второй половины I тысячелетия н.э. // ТАС. 5. Тверь: Тверская областная типография. С. 520-549.
- Олейников О.М. 2003.** История населения Тверского Поволжья в VI–XIII вв. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М.
- Олейников О.М. 2007.** Культура длинных курганов Верхневолжского и Верхнеднепровского регионов // ТАС. 6. Т. II. Тверь: ООО «Издательство «Триада». С. 166-184.
- Олейников О.М. 2013.** Курганная группа Гринино 2 (Тверская область Осташковский район) // ТАС. 9. Тверь: ООО «Издательство «Триада». С. 482-496.
- Орлов С.Н. 1968.** Археологические исследования в низовьях реки Мсты // СА. 3. С. 160-171.
- Останина Т.И. 1997.** Население среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УРО РАН, 327 с.
- Острая Лука Дона в древности.** Замятинский археологический комплекс гуннского времени, 2004. Раннеславянский мир. Вып. 6. Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. 330 с.
- Ошибкина С.В. 1979.** Погребальный обряд азелинской культуры по материалам могильника Тюм-Тюм // КСИА. 158. С. 71-78.
- Падин В.А. 1960.** Раннеславянские поселения и могильник в районе Трубчевска // СА, 3. С. 317-319.
- Падин В.А. 1969.** Раскопки поселения в урочище Макча близ Трубчевска // СА, 4. С. 208-218.
- Падин В.А. 1974.** Древности VI–VII вв. н.э. в окрестностях Трубчевска // Раннесредневековые восточнославянские древности. Ред. П.Н. Третьяков. Л.: Наука. С. 132-135.
- Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в.).** Раннеславянский мир. 10. М.: ИА РАН. 2007. 316 с.
- Парфенов П.Д. 1873.** Письма о сельском хозяйстве юго-западной России // Русский вестник, 106, 8. С. 635-669.
- Пашкевич Г.О., Балашов Л.С. 1971.** Розвиток рослинності р. Снов в голоцені // Фізична географія та геоморфологія, 6. Київ. С. 66-72.
- Перхавко В.Б. 1978.** Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы // СА, 3. С. 113-126.
- Перхавко В.Б. 1979.** Классификация орудий труда и предметов вооружения из средневековых памятников междуречья Днепра и Немана // СА, 4. С. 40-55.
- Петраускас О.В. 1993а.** История обряда кремации на территории Среднего Поднепровья в I тыс. н.э. Дисс. канд. истор. наук. Київ // Архив Інститута археології НАН України.
- Петраускас О.В. 1993б.** До питання про «культовий шар» та поховання з трупопаленням на могильниках черняхівської культури // Археологія, 2. Київ. С. 36-51.
- Петров В.П. 1968.** Подсечное земледелие. Киев: Наукова думка. 228 с.

Пивоваров С.В. 2010. Охоронні археологічні дослідження слов'янських пам'яток на Буковині у 2009 р. // ПСІАЕ, 1 (29). Чернівці. С. 41-54.

Пивоваров С.В., Ільків М.В. 2014. Рідківське поселення райковецької культури у Верхньому Попрутті // Від венедів до Русі. Ред. Г.Ю. Івакін. Київ; Харків: ІА НАНУ; Майдан. С. 345-356.

Плавинский Н.А. 2010. К вопросу о культуре псковских длинных курганов в Браславском Поозерье // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов. Конференция 2, часть 1. Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула. Государственный музей-заповедник «Куликово поле». С. 239-255.

Платонова Н.И. 1995. Отчет об археологических исследованиях в Батецком районе Новгородской области в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19604.

Платонова Н.И. 1996. О «белых пятнах» на археологической карте памятников третьей четверти I тыс. н.э. на Северо-Западе// Ладога и Северная Русь. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. Ред. Д.А. Мачинский. СПб. С. 9-12.

Поболь Л.Д. 1967. Поселения около д. Щатково Бобруйского р-на // Белорусские древности. Ред. В.Д. Будько. Минск: ИИ АН БССР. С. 182-242.

Поболь Л.Д. 1970. Памятники VI–VIII вв. южной и юго-восточной Белоруссии // Очерки археологии Белоруссии, I. Ред. В.Ф. Исаенко. Минск. С. 225-241.

Поболь Л.Д. 1974. Древности середины – третьей четверти I тыс.н.э. в Белорусском Поднепровье. // Раннесредневековые восточно-славянские древности. Ред. П.Н. Третьяков. Л.: Наука. С. 159-180.

Поболь Л.Д. 1983. Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Минск: Наука и техника. 456 с.

Поболь Л.Д., Дубицкая Н.Н. 2005. Жилища на поселении Тайманово Быховского р-на Могилевской обл. (по материалам построек №№ 1, 2, 3, 4) // Материалы по археологии Беларуси, 9. Минск. С. 98-105.

Поболь Л.Д., Дубицкая Н.Н. 2009. Полуземляночные постройки на поселении Тайманово Быховского р-на Могилевской обл. (по материалам построек №№ 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі, 17. Мінск. С. 32-51.

Поболь Л.Д., Дубицкая Н.Н., Пилипцевич В.В. 2003. Могильник у д. Тайманово //

Материалы по археологии Беларуси. 8. Минск. С. 28-60.

Попов С.Г. 1989. Городище Сторожинец // КСИА. 198. С. 45-56.

Попов С.Г. 1992. Данные по инвентаризации Гдовского р-на Псковской области, проведенной в 1992 г. // Архив ГБУК «Археологический центр Псковской области».

Попов С.Г. 2009. Раннесредневековая система расселения на средней Плюссе // Археология и история Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова. Материалы 54-го заседания. Ред. И.К. Лабутина. Псков: ИА РАН. С. 218-234.

Попов С.Г. 2010а. Некоторые проблемы ранней хронологии культуры длинных курганов на Северо-Западе России // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова / отв. ред. А.Е. Мусин, Н.В. Хвощинская. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 365-378.

Попов С.Г. 2010б. К вопросу о ранней хронологии культуры длинных курганов (по материалам поселений Горка и Горка-10) // АИППЗ. Семинар имени академика В.В. Седова. Материалы 55-го заседания, посвященного юбилею профессора И.К. Лабутиной (13-15 апреля 2009 г.). Ред. П.Г. Гайдуков. Псков: ИА РАН, Псковский археологический центр, Археологический центр Псковской области, Псковский гос. объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. С. 146-155.

Попов С.Г. 2012. Курганы второй половины I тысячелетия н.э. могильника Сторожинец (исследования 1988-1990 гг.) // Setumaa kogumik, 5. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloo ja rahvakultuurist. Ed. M. Aun, M. Lõiv. Tallinn-Värskä: Ajaloo Instituut. P. 90-143.

Попов С.Г., Румянцева З.Р. 2011. К вопросу о типологии и хронологии ранних насыпей культуры длинных курганов // АИППЗ. Семинар имени академика В.В. Седова. Материалы 56-го заседания, посвященного 130-летию Псковского археологического общества (7-9 апреля 2010 г.). Ред. И.К. Лабутина. М.; Псков: ИА РАН, Псковский археологический центр, Археологический центр Псковской области, Псковский гос. объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. С. 144-156.

Попов С.Г., Шаровская Т.А., Румянцева З.Р. 2010. Биконические пряслица с поселений второй половины I тыс. н.э. среднего Поплюсья // АИППЗ. Семинар имени академика В.В. Седова.

Материалы 55-го заседания, посвященного юбилею профессора И.К. Лабутиной (13-15 апреля 209 г.). Ред. П.Г. Гайдуков. Псков: ИА РАН, Псковский археологический центр, Археологический центр Псковской области, Псковский гос. объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. С. 155-162.

Потемкина О.Ю., Сыроватко А.С., Добровольская М.В., Клещенко Е.А., Свирина Н.Г., Олейник А.Б. 2013. Соколова Пустынь – новый погребальный памятник позднедьяковского времени (итоги работ 2011-2012 гг.) // Оки связующая нить. Ступино: Ступинский историко-краеведческий музей. С. 146-156.

Приймак В.В. 2004. Идеи Е.А. Горюнова в свете изучения систем расселения Днепроовского Левобережья 1 тыс. н.э. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье (доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова – Санкт-Петербург, 14-17 ноября 2000 г.). Ред. В.М. Горюнова, О.А. Щеглова СПб: Петербургское востоковедение. С. 282-287.

Природа 1986. Природа Украинской СССР. Почвы. Киев: Наукова думка. 214 с.

Приходнюк О.М. 1975. Слов'яни на Поділлі (VI–VII ст. н.э.). Київ: Наукова думка. 156 с.

Приходнюк О.М. 1994. Технологія виробництва та витоки ювелірного стилю металевих прикрас Пастирського городища // Археологія, 3. Київ. С. 61-77.

Приходнюк О.М. 1998. Пеньковская культура. Культурно-хронологический аспект исследования. Воронеж: ВГУ. 170 с.

Приходнюк О.М. 2000. Фибулы Пастырского городища // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Ред. А.Д. Пряхин. (Археология восточноевропейской лесостепи, 14). Воронеж: ВГУ. С. 48-73.

Приходнюк О.М. 2001. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н.э.). Київ-Чернівці: Прут. 284 с.

Приходнюк О.М. 2005. Пастирське городище. Київ-Чернівці: Зелена Буковина. 244 с.

Приходнюк О.М., Вакуленко Л.В. 1998. Дослідження Пастирського городища в ювілейному сезоні 1998 р. // Археологічні відкриття в Україні 1997-1998 рр. Ред. Д.Н. Козак. Київ: ИА НАНУ. С. 131-134.

Приходнюк О.М., Падин В.А., Тихонов Б.Г. 1996. Трубчевский клад антского времени // Материалы I тыс. н.э. по археологии и исто-

рии Украины и Венгрии. Ред. О.М. Приходнюк. Киев: Наукова думка. С. 79-101.

Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР. 1950. 516 с.

Пронин Г.Н. 1979. Некоторые вопросы изучения памятников почепского типа // СА, 1. С. 47-62.

Просторово-часова кореляція ... 2010. Просторово-часова кореляція палеогеографічних умов четвертинного періоду на території України. Київ: Наукова думка. 192 с.

Прошкин О.Л. 2011. Чертово городище. Освоение славянами Верхнего Поочья. Калуга: Золотая аллея. 144 с.

Прошкин О.Л., Фролов А.С. 2012. Ранние периоды поселения Маломахово в бассейне р. Протвы // Археология Подмосковья. 8. М.: ИА РАН. С. 96-114.

Пузикова А.И. 1997. Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь. М.: ИА РАН, 127 с.

Разуваев Ю.Д. 1998. Ишутинское городище на Красивой Мече // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. Ред. А.П. Медведев. (Археология восточноевропейской лесостепи. 12). Воронеж: ВГУ. С. 85-96.

Разуваев Ю.Д. 2008. Городецкие поселения степного Подонья: пространственно-хронологический анализ // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. II. Ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 170-172.

Разуваев Ю.Д. 2009. Городецкая керамика на скифоидных городищах верхнего Дона // Верхнедонской археологический сборник. 4. Липецк: ЛГПУ. С. 126-131.

Разуваев Ю.Д. 2012. Отчет о раскопках Знаменского городища в Московской области в 2005 г. // Архив ИА РАН. Р-1 № 30508.

Расадзін С.Я. 1985. Гарадзішча-сховішча Залатаміно ў Беларускаім Пасожжы // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. 2. Мінск. С. 75-79.

Риер Я.Г. 2000. Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века (по археологическим данным). Могилев: Могилевский государственный университет. 320 с.

Родинкова В.Е. 1996а. Раннесредневековые памятники Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья с датирующими находками // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. (PCM, 3). М.: ИА РАН. С. 155-162.

Родинкова В.Е. 1996б. Металлические детали одежды и украшения как хронологические

индикаторы. В: Культуры Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья в третьей четверти I тыс. н.э. // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. (PCM, 3). М.: ИА РАН. С. 124-130.

Родинкова В.Е. 2003а. Культурные связи населения Среднего Поднепровья в VII в. (по материалам женского убора). Дисс. канд. истор. наук. М. // Архив ИА РАН.

Родинкова В.Е. 2003б. Локальные разновидности женского металлического убора VII в. в Поднепровье // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции, II. Ред. Н.И. Шишлина. М.: ГИМ. С. 113-116.

Родинкова В.Е. 2003в. Подвески-лунницы Козиевского клада (к постановке проблемы раннесредневековых лунниц) // КСИА, 215. С. 6-19.

Родинкова В.Е. 2004. Днепровские фибулы с каймой из птичьих голов // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье (доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова – Санкт-Петербург, 14-17 ноября 2000 г.). Ред. В.М. Горюнова, О.А. Щеглова. СПб: Петербургское востоковедение. С. 233-243.

Родинкова В.Е. 2006а. Структура женского убора «древностей антов» и возможности ее автохтонного формирования // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной. Тезисы докладов. Ред. А.А. Пескова, О.А. Щеглова. СПб: Нестор-История. С. 31-35.

Родинкова В.Е. 2006б. К вопросу о типологическом развитии антропозоморфных фибул (простые формы) // РА, 3. С. 41-51.

Родинкова В.Е. 2006в. К вопросу о типологическом развитии антропозоморфных фибул (сложные и двупластинчатые формы) // РА, 4. С. 50-63.

Родинкова В.Е. 2007. Система женского раннесредневекового убора Среднего Поднепровья (ретроспективный анализ) // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. (PCM, 9). М.: ИА РАН. С. 358-388.

Родинкова В.Е. 2008. Раннесредневековый женский убор Поднепровья: традиции и влияния // Труды II (XVIII) Всероссийского архе-

ологического съезда в Суздале 2008 г. II. Ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 280-284.

Родинкова В.Е. 2010а. Куриловский клад раннесредневекового времени // РА, 4. С. 78-87.

Родинкова В.Е. 2010б. Пальчатые фибулы Южного Побужья // Археология Восточной Европы в I тыс. н.э. Проблемы и материалы. Ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. (PCM, 13). М.: ИА РАН. С. 261-276.

Родинкова В.Е. 2012а. Новая находка византийского серебряного сосуда с клеймом в Восточной Европе // РА, 4. С. 151-158.

Родинкова В.Е. 2012б. Клады «древностей антов» и археологическая ситуация между Сеймом и Пслем в конце эпохи Великого переселения народов. // Сборник материалов «Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства». Научная конференция, посвященная 110 годовщине со дня рождения И.И. Ляпушкина. Ред. О.А. Щеглова. СПб: СОЛО. С. 193-197.

Родинкова В.Е., Сапрыкина И.А. 2011. Пластинчатые головные украшения римского и раннесредневекового времени в Восточной Европе: типологический и технологический анализ // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. Т. II. Ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. СПб-М-Великий Новгород: ИИМК. С. 91-92.

Родинкова В.Е., Седин А.А. 2004. Браслеты Никодимовского городища // Восточная Европа в средневековье. Ред. Н.А. Макаров. М.: Наука. С. 234-246.

Розанова Л.С., Терехова Н.Н. 1997. Характеристика техники железообработки в лесной зоне // Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.: Металлургия. С. 120-156.

Розенфельдт И.Г. 1971. Керамика Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье. Ред. К.Ф. Смирнов. (МИА. 184). М.: Наука. С. 6-79.

Розенфельдт И.Г. 1974. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. Ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука. С. 90-216.

Розенфельдт И.Г. 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.: Наука, 179 с.

Розенфельдт Р.Л. 1964. Разведки и раскопки дьяковских городищ в Подмосковье в 1960-1963 гг. // КСИА. 102. С. 104-113.

- Розенфельдт Р.Л. 1967.** Археологические разведки в Подмоскowie в 1964-1965 гг. // КСИА. 112. С. 107-111.
- Розенфельдт Р.Л. 1970.** К вопросу об оборонительных сооружениях Троицкого городища // Древнее поселение в Подмоскowie. Ред. К.Ф. Смирнов. (МИА. 156). М.: Наука. С. 136-144.
- Румянцева О.С. 2007а.** Бусы массовых типов. В: Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (РСМ. 9.). Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 214-233.
- Румянцева О.С. 2007б.** Керамика центральной группы могильников В: Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. (РСМ, 9). Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 247-272.
- Русанова И.П. 1973.** Славянские древности VI–IX вв. Между Днепром и Западным Бугом. (САИ, Е1-25), М.: Наука. 100 с.
- Рыбаков Б.А. 1949.** Новый Суджанский клад антского времени // КСИИМК, XXVII. С. 75-90.
- Рябинин Е.А. 1983.** Новые данные о раннем ладожском домостроительстве // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII–XIV вв. в Северо-Западной части СССР. Тезисы докладов Межреспубликанского симпозиума. Ред. Э.С. Мугуревич. Рига: Зинатне. С. 39-43.
- Рябинин Е.А. 1994.** У истоков ремесленного производства в Ладогe (к истории общекричских связей в предвизингскую эпоху) // Новые источники по археологии Северо-Запада. Ред. В.М. Массон, Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН. С. 5-59.
- Рябинин Е.А. 1997.** Начальный этап стеклотелия в Балтийском регионе (по материалам исследований в Ладогe VIII–IX вв.) // Дивинец Староладожский: междисциплинарные исследования. Ред. Г.С. Лебедев. СПб.: СПбГУ. С. 43-49.
- Рябинин Е.А. 2002.** Новые данные о «больших домах» Старой Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища в 1973-1985 гг.) // Старая Ладогa и проблемы археологии Северной Руси. Сборник статей памяти О.И. Давидан. Ред. Е.Н. Носов, Г.И. Смирнова. СПб.: ГЭ. С. 15-29.
- Рябцевич В.Н. 1984.** Раскопки могильника у д. Колосы // АО 1982 г. М.: Наука. С. 369.
- Савенкова М.М.** О функциональном назначении «рогатых кирпичей» и грузиков «дьякова типа» // Записки ИИМК РАН. Вып. 13. ИИМК РАН. СПб 2016 С. 111-122.
- Седзін А.А. 1994.** Пальчатая фібулы з Нікадзімава // Археологія і старожитна гісторыя Магілёўшчыны і сумежных тэрыторый. Ред. А.А. Седин. Магілёў: Могилёвский областной краеведческий музей. С. 128-132.
- Седзін А. 2000.** Никодимово – городище третьей четверти I-го тысячелетия н.э. в Восточной Беларуси // Край: Дыялог на сумежжы культур. Магілёўская даўніна. 8. Ред. А. Агееў, Я. Іваноў. Магілёў: Брама. С. 31-43.
- Седин А. 2011.** Предметы вооружения из городища Никодимово // ААА, VII. С. 69-82.
- Седин А.А. 1994.** Клад из городища Никодимово // Магілёўшчына, V. Магілёў. С. 16-19.
- Седин А.А. 1997.** Никодимовское городище раннего средневековья в Восточной Белоруссии // Труды VI Международного конгресса славянской археологии, 3. Ред. В.В. Седов. М.: ИА РАН. 279-289.
- Седин А.А., Богдасаров А.А., Богдасаров М.А. 1999.** Химико-минералогические особенности янтаря из городища Никодимово // Гісторыя Беларускага Падняпроўя. Ред. С.І. Бяспанскі. Магілёў: Магілёўс.абл.краязнаўчы музей. С. 52-64.
- Седов В.В. 1960.** Кривичи // СА. № 1. С.47-62.
- Седов В.В. 1974.** Длинные курганы кривичей. (САИ, Е1-8). М.: Наука. 69 с.
- Седов В. В. 1981.** Об этнической принадлежности псковских длинных курганов // КСИА. 166. С. 5-11.
- Седов В.В. 1982.** Восточные славяне в VI–XIII вв. (Археология СССР). М.: Наука. 327 с.
- Седов В.В. 1983.** Домостроительство кривичско-словенского региона в VIII–X вв. // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII–XIV вв. в Северо-Западной части СССР. Тезисы докладов Межреспубликанского симпозиума. Ред. Э.С. Мугуревич. Рига: Зинатне. С. 43-46.
- Седов В.В. 1985.** Изборск в 8-10 веках // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Ред. Ю. Селиранд. Таллин: ИИ АН ЭССР. С. 119-130.
- Седов В.В. 1986.** Жилища словенско-кривичского региона VIII-X вв. // КСИА. 183. С. 10-15.
- Седов В.В. 1987.** Балты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Ред. В.В. Седов. (Археология СССР с древнейших времен до средневековья). М.: Наука. С. 353-419.
- Седов В.В. 1994.** Славяне в древности. М.: Фонд археологии. 343 с.
- Седов В.В. 1995.** Славяне в раннем средневековье. М.: Фонд археологии. 416 с.
- Седов В.В. 1999.** Древнерусская культура: Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры. 320 с.

Седов В.В. 2002. Славяне: Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры. 624 с.

Седов В.В. 2005. Избранные труды. Славяне: Историко-археологическое исследование. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М.: Знак. 944 с.

Седов В.В. 2007. Изборск в раннем средневековье. (Памятники отечественной науки. XX век). М.: Наука. 414 с.

Селиранд Ю. 1965. Курганы второй половины I тысячелетия в Западном Причудье // ИАН ЭССР. Общественные науки. XIV. 4. Таллин. С. 471-482.

Серебрянная А.Т. 1982. О динамике лесостепной зоны в Центральной Русской равнине в голоцене // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. Ред. А.А. Величко. М.: Наука. С. 179-186.

Середа Д.В. 1999. Колочинский керамический комплекс поселения Великие Будки (Хутор). Опыт сравнительного анализа // *Stratum plus*, 4. Кишинёв: ВАШ. С. 220-234.

Середа Д.В. 2003. Классификация керамики колочинской культуры (по материалам памятников Днепровского Левобережья) // КСИА, 215. С. 20-29.

Сидоров В.В. 2006. Каширская культура в железном веке бассейна Оки // Обнинский краеведческий сборник. Ред. В.В. Русанова. Обнинск: Музей истории г. Обнинска.

Симакова Г.И. 2007. Основные этапы антропогенного преобразования растительного покрова Беларуси в голоцене // *Літасфера*, 2 (27). Минск. С. 59-69.

Симоненко А.В. 2012. Богатое сарматское погребение у села Весняное близ Николаева // *Золото. Конь и человек. Сборник статей к 60-летию А.В. Симоненко.* Киев: Издательский дом «Скиф». С. 207-226.

Симонович Е.О. 1969. Два ранньосередньовічних поселення на Чернігівщині // *Слов'яно-руські старожитності.* Ред. В.І. Бідзіля. Київ: Наукова думка. С. 87-92.

Синицына Г.В., Исланова И.В. 2009. Раннесредневековые материалы с северного берега оз. Волго в Тверской области // *ТАС.* 7. Тверь: ООО «Издательство «Триада». С. 484-495.

Скалон В.Н. 1951. Речные бобры Северной Азии. М.: Московское общество испытателей природы, 208 с.

Славяне и их соседи. 1993. – Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. (Археология

СССР). Ред. И.П. Русанова, Э.А. Симонович. М.: Наука. 327 с.

Славяне ... 1990. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова думка. 484 с.

Слепцов А.М., Клименко В.В. 2005. Обобщение палеоклиматических данных и реконструкция климата Восточной Европы за последние 2000 лет // *История и современность*, 2. С. 118-137.

Слободин В.М. 1952. К вопросу о развитии и смене систем земледелия (от времен его возникновения на территории СССР до I тыс. н.э.) // *Материалы по истории земледелия СССР.* Ред. Б.Д. Греков, 1. М.: Институт истории АН СССР. С. 9-65.

Смирнов К.Ф. 1960. Быковские курганы // *Древности Нижнего Поволжья.* (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. II / отв. ред. Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов. М.: АН СССР. С. 169-268. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 78).

Смирнов К.А. 1964. Новые городища дьякова типа в бассейне реки Москвы // *КСИА.* 102. С. 90-97.

Смирнов К.А. 1970. Части костюма и украшения, найденные на Троицком городище // *Древнее поселение в Подмосковье.* (МИА. 156). Ред. К.Ф. Смирнов. М.: Наука. С. 179-191.

Смирнов К.А. 1974. Дьяковская культура // *Дьяковская культура.* Ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука. С. 7-89.

Соболев В.Ю. 2008. Могильник финальной стадии культуры длинных курганов Березицы VI // *Археологические вести.* 15. М.: Наука. С. 118-132.

Советов А.В. 1867. О системах земледелия. СПб. 286 с.

Соловьва Г.Ф. 1967. Славянские курганы у с. Демьянки // *СА,* 1. С. 187-198.

Соловьва Г.Ф. 1970. Памятники конца I тыс. н.э. в Верхнем Поднепровье // *Древние славяне и их соседи.* Ред. Ю.В. Кухаренко. (МИА, 176). М.: Наука. С. 88-101.

Сорокин П.Е., Короткевич Б.С., Гукин В.Д. 2011. Находки эпохи бронзы – раннего средневековья на Охтинском мысу // *Европейская Сарматия. Сборник, посвященный М.Б. Щукину.* Ред. Д.А. Мачинский. СПб.: Нестор-История. С. 368-382.

Спегальский Ю.П. 1972. Жилище Северо-Западной Руси IX–XIII вв. Л.: Наука. 276 с.

Спицын А.А. (без года). Длинные курганы. Круглые курганы // *Архив ИИМК РАН, ф. 5 (А.А. Спицына), № 377.*

- Спицын А.А. (без даты).** Сводка сведений о древностях Новгородской губернии // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. № 171.
- Спицын А.А. 1903а.** Удлиненные и длинные русские курганы // ЗОРСА. V. 1. СПб. С. 196-202.
- Спицын А.А. 1903б.** Бологовская стоянка каменного века // ЗОРСА. V. 1. СПб. С. 239-277.
- Спицын А.А. 1911.** О раскопках в Гдовском уезде в 1911 г. // Архив ИИМК РАН, ф. 1, д. 89.
- Спицын А.А. 1915.** Археологический альбом // ЗОРСА, IX. Пг. С. 225-250.
- Спицын А.А. 1928.** Древности антов // Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского. Л. С. 492-495.
- Станкевич Я.В. 1960.** К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н.э. // Древности северо-западных областей РСФСР в I тысячелетии н.э. (МИА. № 76). Ред. М.А. Тиханова. М.-Л.: Издательство АН СССР. С. 7-327.
- Станкевич Я.В. 1962.** Курганы у деревни Полибино на реке Ловати // КСИИМК. 87. С. 31-35.
- Станчу И. 2015.** Ранние славяне в румынской части Карпатского бассейна // *Stratum plus*, 5. Кишинёв. С. 163-216.
- Степанов П.Д. 1980.** Андреевский курган. Саранск: Мордовское книжное издательство, 108 с.
- Столяров Е.В. 2012.** Памятники типа Упа 2 // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов. Конференция 3. Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин, Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле». С. 79-118.
- Столяров Е.В. 2015.** Городище Дуна: к характеристике горизонтов эпохи раннего железного века (по материалам работ 2011 года) // Археология Подмоскovie. 11. М.: ИА РАН. С. 98-121.
- Супинский А.К. 1949.** К истории земледелия на русском севере // СЭ, 2. С. 138-141.
- Сухобоков О.В. 1975.** Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев: Наукова думка. 166 с.
- Сымонович Э.А. 1963.** Городище Колочин-1 на Гомельщине // МИА, 108. М.: Наука. С. 97-137.
- Сымонович Э.А. 1969.** Поселения VI-VII вв. на Черниговщине // КСИА, 120. С. 64-69.
- Сымонович Э.А. 1974.** Новые открытия на селищах Авдеево и Воробьевка 2 возле Курска // Раннесредневековые восточнославянские древности. Ред. П.Н. Третьяков. Л.: Наука. С. 153-158.
- Сымонович Э.А. 2003.** Поселение Каменво-2 под Курском // *Stratum plus*, 4 2001-2002. Кишинёв: ВАШ. С. 370-383.
- Сыроватко А.С. 2009.** Юго-восточное Подмоскovie в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.: CheBuk, 352 с.
- Сыроватко А.С. 2010.** Радиоуглеродная хронология фортификации коломенской группы памятников // Археология Подмоскovie. 6. М.: ИА РАН. С. 19-23.
- Сыроватко А.С., Трошина А.А., Спиридонова Е.А. 2012.** Хронология Щуровского могильника по естественно-научным данным // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов. Конференция 3. Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин, Тула: Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле». С. 119-132.
- Тавлинцева Е.Ю. 2010.** Городище Ростиславль – горизонт пожара середины I тысячелетия н.э. // Археология Подмоскovie. Материалы научного семинара. Вып. 6. Ред. А.В. Энговатова М.: ИА РАН. С. 24-33.
- Талицкий М.В. 1948.** Керамика Протопоповского городища // СА. X. С. 227-234.
- Тамла Т. 1983.** Селище в Пада // ИАН ЭССР. Общественные науки. 32. № 4. Таллин. С. 302-306.
- Тараканова С.А. 1949.** Раскопки древнего Пскова (1945-1947 гг.) // КСИИМК. XXVII. С. 104-112.
- Тараканова С.А. 1953.** Древности Псковской земли // По следам древних культур. Древняя Русь. Ред. Г.Б. Федоров. М.: Гос. изд-во культурно-просветительной лит-ры. С. 187-216.
- Тараканова С.А. 1954.** Длинные и удлиненные курганы // СА. XIX. С. 77-110.
- Тараканова С.А. 1956.** Псковские городища // КСИИМК. 62. С. 33-44.
- Таутавичюс А.З. 1959.** Восточнолитовские курганы // Вопросы этнической истории народов Прибалтики по данным археологии, этнографии и антропологии. Ред. С.А. Тараканова и Л.Н. Терехова. М.: Издательство АН СССР. С. 128-153.
- Таутавичюс А.З. 1966.** К вопросу о хронологии восточнолитовских боевых топоров // *Pronksiajast varase feodalismini. Uurimus Baltimaade ja naaberalade arheoloogias*. Ed. H. Moora, J. Selirand. Таллин. С. 187-191.
- Терпиловский Р.В. 1984.** Ранние славяне Подесенья III-V вв. Киев: Наукова думка. 123 с.
- Терпиловский Р.В. 1985.** Колочинская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Ред. В.Д. Баран. Киев. С. 93-97.

Терпиловский Р.В. 1990. Поселение 1 тыся-
челетия н.э. у с. Роище на Черниговщине // Ран-
неславянский мир. Материалы и исследования.
Ред. С.А. Плетнева, И.П. Русанова. М.: ИА РАН.
С. 45-74.

Терпиловский Р.В. 2003. Некоторые дискус-
сионные проблемы археологии и истории ран-
них славян // *Stratum plus 2001-2002*, 5. Киши-
нев. С. 420-430.

Терпиловский Р.В. 2004а. Поселение Сен-
ча и его место среди памятников Днепроовского
Левобережья // Культурные трансформации и
взаимовлияния в Днепроовском регионе на исхо-
де римского времени и в раннем средневековье
(доклады научной конференции, посвященной
60-ти летию со дня рождения Е.А. Горюнова –
Санкт-Петербург, 14-17 ноября 2000 г.). Ред.:
В.М. Горюнова, О.А. Щеглова. СПб: Петербург-
ское востоковедение. С. 131-143.

Терпиловский Р.В. 2004б. Славяне Подне-
провья в первой половине I тыс. н.э. (*Monumenta
Studia Gothica*, III). Lublin: UMCS. 232 с.

Терпиловский Р.В. 2005. Наследие киевской
культуры в V–VI вв. // *Archeologia o początkach
słowian*. Red. P. Kaczanowski, M. Parczewski.
Kraków: Księgarnia akademicka. S. 387-401.

Терпиловский Р.В. Абашина Н.С. 1992. Па-
мятники киевской культуры (свод археологиче-
ских источников). Киев: Наукова думка. 224 с.

Терпиловский Р.В. Шекун А. 1998. Горизонт
колочинской культуры поселения Алексан-
дровка-1 // *Archaeoslavica*, 3. Kraków: Instytut
Archeologii UJ. S. 227-241.

Терпиловський Р.В. 1997а. Про характер
пам'яток колочинської культури Чернігівського
Подесення // Проблеми історії та археології
України. Ред. В.І. Кадеєв. Харків. С. 84.

Терпиловський Р.В. 1997б. До пробле-
ми походження ранньосередньовічних куль-
тур Подніпров'я // Проблеми походження та
історичного розвитку слов'ян. Ред. В.Д. Баран.
Київ-Львів: РАС. С. 111-118.

Терпиловський Р.В. 1999. Населення лісової
зони Подніпров'я I тис. н.е. – балти чи слов'яни?
// Етнокультурні процеси в Південно-Східній
Європі в I тис.н.е. Ред. Р.В. Терпиловський. Київ-
Львів: РАС. С. 291-298.

Терпиловський Р.В., Шекун О.В. 1996.
Олександрівка-1 – багаточислове ранньослов'ян-
ське поселення біля Чернігова. Чернігів: Сіве-
рянська думка. 127 с.

Терпиловський Р.В., Шекун О.В. 2004.
Нові дослідження ранньослов'янського посе-

лення Олександрівка I // *Археологія давніх
слов'ян*. Ред. Д.Н. Козак. Київ: ИА НАНУ.
С. 215-238.

**Терпиловський Р.В., Пашкевич Г.О., Гор-
баненко С.А. 2005.** Землеробство мешканців
ранньослов'янських поселень Роїще та Олександрівка I // *АЛЛУ*, 1-2. Полтава. С. 50-60.

Тихомиров Н.А. 1990. Княжинский и Лебя-
жбинский могильники // Материалы и иссле-
дования по археологии Днепроовского Левобе-
режья. Ред. Р.В. Терпиловский. Курск: Курское
отделение Всероссийского фонда культуры.
С. 134-161.

Тишкин А.А., Матренин С.С. 2010. Ком-
плексный анализ роговых пряжек хуннуского и
жужанского времени из могильника Яломан-II
(Центральный Алтай) // *Известия Алтайского
Государственного университета*. 4. Т. 2. Барнаул.
С. 220-228.

Тищенко А.В. 1914. Отчет о раскопках 1910
и 1911 гг. в Новгородской губернии // *ИАК*. 53.
С. 1-22.

Томашевский А.П., Гавритухин И.О. 1992.
Славянское поселение Тетеревка. Киев: ИА
НАНУ, НИАЦ «Архэ». 91 с.

Томашевський А.П. 2003. Нарис історії та еко-
логії заселення Східного Поділля слов'яно-руської
доби // *Археологічні студії*, 2. Чернівці. С. 132-160.

Томашевський А.П. 2008. Інформаційна
основа дослідження історії та екології заселе-
ння Східного Поділля слов'яно-руської доби //
Археологічні студії, 3. Чернівці. С. 169-179.

Торопов С.Е. 1997. Поселение культуры
длинных курганов на озере Крюково // *Прошлое
Новгорода и Новгородской земли*. Материалы
научной конференции (11-13 ноября 1997 г.).
Сост. В.Ф. Андреев. Новгород: Новгородский
гос. ун-т. С. 11-15.

**Торопова Е.В., Торопов С.Е., Самой-
лов К.Г., Колосницын П.П. 2013.** Исследо-
вания древнейших культурных напластований на
Пятницком-I раскопе в Старой Руссе // *ННЗИА*.
Материалы научной конференции, посвящённой
80-летию со дня рождения М.Х. Алешковского
(Великий Новгород, 22-24 января, 2013 г.). 27.
Ред. В.Л. Янин. Великий Новгород: НГОМЗ.
С. 80-89.

Третьяков П.Н. 1932. Подсечное земледелие
в Восточной Европе // *ИГАИМК*, 1, т. 14. 40 с.

Третьяков П.Н. 1941а. Северные восточно-
славянские племена // *Этногенез восточных сла-
вян*. 1. (МИА. № 6). Ред. М.И. Артамонов. М.-Л.:
Академия наук СССР. С. 9-55.

- Третьяков П.Н. 1941б.** К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н.э. (МИА, 5). М.- Л.: Изд-во АН СССР. 150 с.
- Третьяков П.Н. 1959.** Чаплинское городище // Памятники зарубинецкой культуры. (МИА, 70). М.-Л.: Наука. С. 119-153.
- Третьяков П.Н. 1963.** Древние городища Смоленщины // П.Н. Третьяков, Е.А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 3-140.
- Третьяков П.Н. 1966а.** Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука. 308 с.
- Третьяков П.Н. 1966б.** О ранних и поздних городищах дьякова типа // Pronksiajast varase feodalismini. Ed. H. Moora; M. Schmiedehelm. Tallinn: Kirjastus "Eesti Raamat". С. 192-197.
- Третьяков П.Н. 1970.** У истоков древнерусской народности (МИА, 179). Л.: Наука. 156 с.
- Третьяков П.Н. 1974.** Древности второй и третьей четвертей I тыс. н.э. в Верхнем и Среднем Подесенье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Ред. П.Н. Третьяков. Л.: Наука. С. 40-118.
- Третьяков П.Н. 1982.** По следам древних славянских племен. Л.: Наука. 143 с.
- Трофимов К.Д. 1909.** Раскопки курганов, произведенные в 1909 году К. Д. Трофимовым близ имения Жеребятино С.-Петербургской губернии, Гдовского уезда Полновской волости // Дело Императорской археологической комиссии о раскопках Московского археологического института в Гдовском и Лужском у. С.-Петербургской губ. и в Керчи (Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1909, № 31), лл. 52-54 об.
- Тыниссон Э. 1980.** Некоторые итоги изучения древнеэстонского жилища. (По материалам городищ 11-13 вв.) // ИАН ЭССР. Общественные науки. Т. 29. №1. Таллин. С. 67-76.
- Тыниссон Э.Ю. 1989.** Древнее жилище как источник этнической истории прибалтийских финнов // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов, 1. Ред. Э.А. Савельева. М.: Наука. С. 118-120.
- Уйно П. 1992.** Приемы домостроительства в железном веке // Древности славян и финноугров. Доклады советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 16-22 мая 1986 г. Ред. А.Н. Кирпичников, Е.А. Рябинин. СПб.: Наука. С. 74-79.
- Успенская А.В. 1957.** Успенское городище // КСИИМК. 68. С. 117-122.
- Успенская А.В. 1969.** Городища XI-XII вв. на юге Новгородской земли // Экспедиции ГИМ. Доклады на сессии Ученого совета ГИМ. 5-7 февраля 1969 г. Ред. В.П. Левашова. М.: ГИМ. С. 201-213.
- Уткин А.В., Черников В.Ф. 1994.** Желтухинский грунтовый могильник // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Ред.: Г.А. Архипов, Т.Б. Никитина. Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт. С. 41-56.
- Финно-угры и балты. 1987.** Финно-угры и балты в эпоху средневековья. (Археология СССР). Ред. В.В. Седов. М.: Наука. 510 с.
- Фролов И.К. 1974.** Фибулы-броши с выемчатой эмалью // КСИА. 140. С. 19-27.
- Фурасьев А.Г. 1994.** Городища-убежища Псковщины второй половины I тысячелетия н.э. // ПАВ. 9. СПб. С. 143-150.
- Фурасьев А.Г. 1996.** Литейные формы с поселения Подол III в Тверской области // Синицына Г.В. Исследование финально-палеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. Отчет о полевой работе Тверской археологической экспедиции в 1996 году. (Археологические изыскания. 39). СПб. С. 49-52.
- Фурасьев А.Г. 2001а.** О датировке и происхождении одной группы пряжек эпохи Великого переселения народов // Сообщения Государственного Эрмитажа, LIX. СПб: Эрмитаж. С. 24-27.
- Фурасьев А.Г. 2001б.** Грунтовый могильник Фролы 2 – новый погребальный памятник середины I тысячелетия н.э. в Подвинье // ТАС. 4. Материалы II Тверской археологической конференции и 5-го заседания научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности», II. Ред. И.Н. Черных. Тверь: Тверской Государственный объединенный музей. С. 94-102.
- Фурасьев А.Г. 2001в.** Периодизация древностей середины и второй половины I тыс. н.э. на северном берегу оз. Сенница // ТАС. 4. Материалы II Тверской археологической конференции и 5-го заседания научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности», II. Ред. И.Н. Черных. Тверь: Тверской Государственный объединенный музей. С. 14-22.
- Фурасьев А.Г. 2010.** О времени появления пальчатых фибул днепровской подгруппы (по материалам могильников Южного Крыма) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2, часть 2. Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Го-

сударственный музей-заповедник «Куликово поле». С. 128-143.

Хайрединова Э.А. 2000. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ, VII. С. 91-133.

Хайрединова Э.А. 2002. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма (по материалам могильника у с. Лучистое) // Алушта и Алуштинский р-н с древнейших времен до наших дней. Ред. В.Л. Мыц. Киев: Стилос. С. 34-47.

Хайретдинова Э.А. 2003. Обувные наборы V-VII вв. из юго-западного Крыма // МАИЭТ, X. С. 125-160.

Ханенко Б.И., Ханенко В.И. 1899. Древности Приднепровья, 2. Киев. 44 с.

Хвощинская Н.В. 1974. Отчет о работах Гдовского отряда Псковской областной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР за 1974 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 5997, а.

Хвощинская Н.В. 1977. Паспорт на могильник Жеребятино // Архив Отдела сохранения археологического наследия ИА РАН.

Хвощинская Н.В. 2004. Финны на западе Новгородской земли. (По материалам могильника Залахтове). (Труды ИИМК РАН, VI). СПб.: Дмитрий Буланин. 428 с.

Хомякова О.А. 2010. Женский убор самбийско-натангийской культуры периода римского влияния I-IV вв. (анализ и хронология). Дисс. канд. истор. наук. Калининград // Архив ИА РАН.

Хотинский Н.А. 1977. Голоцен Северной Евразии. М.: Наука. 200 с.

Хрисимов Н. 2009. Вознесенский комплекс: проблемы хронологии и интерпретации // Хазарское время. (Степи Европы в эпоху средневековья. 5). (Труды по археологии). Ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ. С. 9-42.

Цалкин В.И. 1969. Фауна из раскопок боршевских и роменских городищ // СА, 4. С. 91-101.

Чендев Ю.Г. 2008. Эволюция лесостепных почв Среднерусской возвышенности в голоцене. М.: ГЕОС. 212 с.

Чернов С.З., Волков И.В. 2009. Болшево-3 – древнерусское поселение XI в. на верхней Клязьме // Археология Подмосковья, 5. М.: ИА РАН. С. 112-136.

Черных И.Н., Малыгин П.Д., Томашевич Т.В. 1998. Исследования памятников культуры длинных курганов в Тверской области (погребальный комплекс Подол I на оз. Кафтино) // ТАС. 3. Тверь: Тверская областная типография. С. 394-408.

Черных И.Н., Олейников О.М., Исланова И.В. 2013. Курганный могильник Гринино I (по материалам исследований 1989-1990 гг.) // ТАС. 9. Тверь: ООО «Издательство Триада». С. 445-481.

Чернягин Н.Н. 1938. Отчет о раскопках в Псковском округе за 1938-1940 гг. // Архив ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1, д. № 70.

Чернягин Н.Н. 1941. Длинные курганы и сопки (археологическая карта) // Этногенез восточных славян. Т. 1. (МИА. 6). Ред. М.И. Артамонов. М.: Л. Издательство АН СССР. С. 93-148.

Шаблавина Е.А. 2001. Визуально определяемые особенности литья металлических украшений по восковой модели (на материале пальчатых фибул Днепровского Левобережья VII в.) // Древние ремесленники Приуралья. Ред. В.И. Завьялов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. С. 308-321.

Шаблавина Е.А. 2004. Пальчатая фибула из коллекции Е.А. Горюнова // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье (доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова – Санкт-Петербург, 14-17 ноября 2000 г.). Ред.: В.М. Горюнова, О.А. Щеглова. СПб: Петербургское востоковедение. С. 244-253.

Шаблавина-Нестеренко Е.А. 2002. Анские клады в свете трасологического метода изучения // Клады. Состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Ред. Д.Г. Савинов. СПб: СПбГУ. С. 86-89.

Шадыра В.І. 1995. Вялікае перасяленне народаў і крывічы // Гістарычна-археалагічны зборнік, 7. Мінск: ИИ НАН Белоруссии. С. 202-212.

Шадыра В.І. 1999а. Банцараўская культура // Жалезны век і ранняя сярэднявечча. Ред. В.І. Шадыра, В.С. Вяргей. (Археалогія Беларусі. 2). Мінск: Беларуская навука. С. 359-375.

Шадыра В.І. 1999б. Днепра-дзвінская культура // Археалогія Беларусі, 2: Жалезны век і ранняя сярэднявечча. Мінск: Беларуская навука. С. 174-231.

Шадыра В.І. 2006. Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н.э.). Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі. 150 с.

Шадыро В.І. 1985. Ранний железный век Белоруссии. Минск: Наука и техника. 126 с.

Шарова О.А. 1995. Глиняные пряслица Почепского селища и две традиции в изготовлении пряслиц I тыс. н.э. // Материалы межгосу-

дарственной научной конференции «История и археология Подесенья» посвященной памяти брянского археолога и краеведа, Заслуженного работника культуры РСФСР, участника Великой Отечественной войны Федора Михайловича Заверняева (28.II.1919 – 18.VI.1994) (Деснинские древности. 1). Ред. В.П. Алексеев и др. Брянск: Брянский краеведческий музей. С. 51-53.

Шарова О.А. 2004. Две традиции изготовления пряслиц Верхнего Поднепровья и прилегающих территорий в I тыс. н.э. // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья. Материалы VI научной конференции. 28 февраля – 3 марта 1995 года. Калуга: Издательство Н.Ф. Бочкаревой. С. 65-72.

Шекун А.В. Терпиловский Р.В. 1993. Памятники I в. до н.э. – VII в.н.э. у с. Деснянка близ Чернигова. Чернигов: Сіверянська думка. 48 с.

Шинаков Е.А. 1986. Захоронения I тыс. н.э. на городище Случевск // Культуры Восточной Европы I тыс. Ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский Государственный университет. С. 68-72.

Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н., Чубур А.А. 2011. Погребальный обряд Среднего Подесенья как источник исторических реконструкций. Брянск: БГУ им. Акад. И.Г. Петровского, 120 с.

Шишкін Р.Г. 1996. Господарство та екологія населення Середнього Подніпров'я кінця IV ст. н.е.: Дис. канд. іст. наук. Київ // Архив ИА НАНУ.

Шмидхельм М.Х. 1955. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н.э. – V в. н.э.). Таллин: Эстонское гос. изд-во. 270 с.

Шмидхельм М.Х. 1959. Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. Ред. С.А. Тараканова, Л.Н. Терентьева. М.: Изд-во АН СССР. С. 154-185.

Шмидхельм М.Х. 1965. Курганные могильники в Линдора и других местах юго-восточной Эстонии // Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost. Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений. Ред. Х.А. Моора и Л.Ю. Янитс. Таллин: Ээсти раамат. С. 51-56.

Шмидт Е.А. 1963. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тыс. н.э. // МИА, 108. М.: Наука. С. 51-67.

Шмидт Е.А. 1968. О смоленских длинных курганах // Славяне и Русь. Ред. К.И. Крупнов. М.: Наука. С. 224-229.

Шмидт Е.А. 1970. О культуре городищ-убежищ Левобережной Смоленщины // Древние славяне и их соседи. Ред. Ю.В. Кухаренко. (МИА, 176). М.: Наука. С. 63-70.

Шмидт Е.А. 1976. Археологические памятники Смоленской обл. (с древнейших времен до VIII в. н.э.). Смоленск: Смоленское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. 288 с.

Шмидт Е.А. 1995. Вооружение и снаряжение воинов-всадников тушемлинских племен Поднепровья // Гістарычна-археалагічны зборнік, 6. Мінск. С. 105-177.

Шмидт Е.А. 2003. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. Тушемлинская культура. Смоленск: Центр по охране и использованию памятников истории и культуры. 295 с.

Шмидт Е. 2005. Археологические культуры второй половины I тыс. н.э. в Смоленском Поднепровье и Подвинье // Гістарычна-археалагічны зборнік. 20. Мінск. С. 69-72.

Шрамко Б.А. 1961. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе // СА, 1. С. 73-90.

Штыхаў Г.В. 1992. Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мінск: Навука і тэхніка. 191 с.

Штыхаў Г.В. 2003. Лужаснянскі археалагічны комплекс каля Віцебска // Материалы по археологии Беларуси, 8. Минск. С. 259-274.

Штыхов Г.В. 1972. Полоцкие кривичи// Очерки по археологии Белоруссии. II. Ред. Г.В. Штыхов, Л.Д. Поболь. Минск: Наука и техника. С. 10-27.

Штыхов Г.В. 1979. Памятники Северной Белоруссии // АО 1978 года. М: Наука. С. 448-449.

Штыхов Г.В. 1999. Культура ранних длинных курганов V–VII вв. в Беларуси // Lietuvos archeologija, 18. Vilnius: Diemedžio leidykla. С. 25-36.

Щеглова О.А. 1986. Ранние элементы в керамическом комплексе памятников волынцевского типа // КСИА, 187. С. 15-22.

Щеглова О.А. 1990. О двух группах кладов «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Ред. Р.В. Терпиловский. Курск: Курское отделение Всероссийского фонда культуры. С. 162-204.

Щеглова О.А. 1991. Среднее Поднепровье конца VII – первой половины VIII в.: причины смены культур // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. Ред. В.М. Массон. СПб: ИИМК АН СССР. С. 42-50.

Щеглова О.А. 1999. Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? // *Stratum plus*, 5. Кишинёв. С. 287-312.

Щеглова О.А. 2000. О некоторых возможностях реконструкции женской одежды по материалам наборов украшений из кладов «древностей антов»: источники, аналоги, результаты // *Культуры степей Евразии второй половины 1 тыс. н.э. (из истории костюма)*. Ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ. С. 136-140.

Щеглова О.А. 2001а. Антские клады Харьковщины. Проблемы идентификации // *Проблемы истории и археологии Украины*. Ред. В.Ф. Мещеряков. Харьков: ХИАО. С. 128.

Щеглова О.А. 2001б. К вопросу о месте и времени формирования традиции изготовления свинцово-оловянных украшений в формочках «типа Камно-Рыуге» // *Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. Пятые чтения памяти Анны Мачинской. Материалы к чтениям (Старая Ладога, 21-22 декабря 2000 г.)*. Ред. Д.А. Мачинский, А.А. Селин. СПб.: Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник. С. 46-55.

Щеглова О.А. 2002а. Клады «древностей антов»: возможности историко-культурной интерпретации на фоне историографии // *Клады. Состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции*. Ред. Д.Г. Савинов. СПб.: СПбГУ. С. 14-20.

Щеглова О.А. 2002б. Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. на северо-западе Восточной Европы // *Ладога и её соседи в эпоху средневековья*. Ред. А.Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН. С. 134-150.

Щеглова О.А. 2003. Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. из Старой Ладоги и Любшанского городища и их восточноевропейские параллели // *Ладога и истоки Российской государственности и культуры. Доклады Международной научно-практической конференции (Старая Ладога, 30 июня – 2 июля 2003 г.)*. Ред. А.Н. Кирпичников. СПб.: ИПК «Вести». С. 38-46.

Щеглова О.А. 2006а. «Тайна пляшущих человечков» и «следы невиданных зверей» // *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной. Тезисы докладов*. Ред. А.А. Пескова, О.А. Щеглова. СПб.: Нестор-история. С. 49-52.

Щеглова О.А. 2006б. Клад ювелира в Трубчевске и «мастер Гапоновского клада» // *Археологическое изучение Центральной России*. Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ. С. 272-273.

Щеглова О.А. 2008а. Еще раз о дате и культурной атрибуции рала из Токаревского торфяника // *Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: Материалы тематической научной конференции (Санкт-Петербург, 16-19 декабря 2008 г.)*. Ред. Д.Г. Савинов. СПб. С. 189-192.

Щеглова О.А. 2008б. Комплекс ювелира из Бернашевки на Днестре и «антские» клады Днепро-Донского междуречья и кочевники южнорусских степей в эпоху раннего средневековья. Ред. А.З. Винников. Воронеж: Истоки. С. 35-42.

Щеглова О.А. 2009. Волны распространения вещей из Подунавья на Северо-Восток в VI–VIII вв. как отражение миграций или культурных влияний // *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14-18 мая 2007 года в ГЭ. (Труды ГЭ, XLIX)*. Ред. Б.С. Короткевич и др. СПб.: ГЭ. С. 39-65.

Щеглова О.А., Бажан И. А. 1983. Поселения Курочкин-3 и Картамышево-3 на Верхнем Псле // *КСИА*, 175. С. 62-66.

Щукин М.Б. 1989. Семь сезонов Славяно-сарматской экспедиции // *Итоги археологических экспедиций*. Ред. Г.И. Смирнова. Л.: Государственный Эрмитаж. С. 103-114.

Щукин М.Б. 1994. На рубеже эр – Санкт-Петербург: Фарн, 323 с.

Щукин М.Б. 2005. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб.: СПбГУ. 575 с.

Электрон. ресурс: <http://www.wikimapia.org/>
Энговатова А.В. 2004. Хронология городища Настасьино по данным радиоуглеродного анализа // *Археология Подмосковья*. 1. М.: ИА РАН. С. 142-152.

Энговатова А.В. 2009. Дьяковское городище Настасьино в Подмосковье // *Археологические открытия 1991-2004. Европейская Россия*. Ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 269-280.

Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. 1985. Ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова думка. 183 с.

Юшкова М.А. 2015. Новая группа памятников I–VII вв. на юго-западе Ленинградской области // *Археологические вести*. 21. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 187-198.

- Янишевский Б.Е. 2012а.** Раскопки на Борисовом городке в 2009 г. // Археология Подмосквья. 8. М.: ИА РАН. С. 229-245.
- Янишевский Б.Е. 2012б.** Новые памятники археологии раннего железного века в верховьях рек Москвы и Протвы // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья. Калуга: Полиграф-Информ. С. 28-34.
- Åberg N. 1919.** Ostpreussen in der Völkerwanderungszeit. (Arbeten utgifna med understöd af Vilhelm Ekmans universitetsfond, Uppsala 24). Uppsala: Almqvist & Wiksell Boktryckeri-A.-B. 175 s.
- Ajot José. 1986.** La Necropole Merovingienne de la Croix de Minot a Curtil-Sous-Burnand (Saône-et-Loire) (Mémoires de l'Association Française d'Archeologie Mérovingienne. 1). Rouen.
- Ammann B., Wright H.E., Stefanova V. et al. 2013.** The role of peat decomposition in patterned mires: a case study from the central Swiss Alps // Preslia, 85 (3). Praha. P. 317-332.
- Andrič M., Jaecks Vidic N., Ogrin M., Horvat J. 2011.** Paleoeološki podatki o človekovem vplivu ob gozdni meji na planini Klek v Julijskih Alpah // Arheološki vestnik, 62. Ljubljana. S. 375-392.
- Archäologisches Landesamt ... 2012.** Archäologisches Landesamt Schleswig-Holstein // Fachbeitrag archäologische Kulturgüter. Schienenhinterlandanbindung der Festen Fehmarnbeltquerung (FBQ). Schleswig. 79 S.
- Aun M. 2003.** Esimese aastatuhande teise poole muistised Setumaal // Setumaa kogumik 1. Uurimusi Setumaa arheoloogias, numismaatikast, etnoloogias ja ajaloo, koostanud M. Aun. Tallinn: Ajaloo Instituut. P. 107-154.
- Beletski S. 2009.** Pihkva linnus I aastatuhandel pkr // Setumaa 2. Ed. M. Aun. Tartu: Eesti Rahva Muuseum. P. 402-405.
- Beneš J., Pokorný P. 2001.** Odlesňování východočeské nížiny v posledních dvou tisíciletích: Interpretace pyloanalytického záznamu z olšiny Na bahně, okr. Hradec Králové // Archeologické rozhledy, LIII, s. 3. Praha. P. 481-498.
- Beranová M. 1980.** Zemědělství starich slovanů. Praha. 396 s.
- Bertašius M. 2005.** Marvelė. Ein Gräberfeld Mittellitauens. I. Kaunas: Kauno Technologijos Universitetas, 294 p.
- Bitner-Wróblewska A., Kontny B. 2006.** Controversy about three-leaf arrowheads from Lithuania // Archaeologia Lituana 7. Vilnius: Vilniaus universiyeto leidykla. P. 104-122.
- Burroughs W. 2005.** Climate Change in Prehistory. The End of the Reign of Chaos. Cambridge; New York; Melbourne; Madrid; Cape Town; Singapore; São Paulo: Cambridge University Press. 356 p.
- Casselberry S.E. 1974.** Further refinement of formula for determining population from floor area // World archaeology 6(1). P. 117-122.
- Ciglis J. 2001.** Some notes on the chronology of Latgallian and Selonian artefacts in the Middle Iron Age // Archaeologia Lituana, 2. Vilnius: Vilniaus universitetas. P. 48-64.
- Deemant K. 1975.** Das Steingräberfeld von Proosa bei Tallinn // ИАН ЭССР. Общественные науки. 24. №1. Таллин. С. 78-80.
- Deemant K. 1976.** Zur untersuchung des Steingräberfeldes von Proosa // ИАН ЭССР. Общественные науки. 25. №1. Таллин. С. 55-56.
- Frenzel B. (ed). 1994.** Evaluation of land surfaces cleared from forest in the Roman Iron Age and the time of migrating Germanic tribes based on regional pollen diagrams. Stuttgart – Jena – New-York: Gustav Fischer Verlag, 134 p.
- Gavrituchin I. 2008.** Archaeological Heritage of the Avar Khaganate and the Southern Part of Eastern Europe. Periodisation, Dating and Synchronisation // Antaeus, 29-30. Budapest: Instituto Archaeologico Academiae Scientiarum Hungaricae. P. 63-125.
- Godlowski K. 2000.** Peirwotne siedziby Słowian. Kraków: Instytut Archeologii UJ. 436 S.
- Gojda M., Kuna M., Sádlo J. 2005.** Geobotanická rekonstrukce sídelního areálu // Počátky raného středověku v Čechách. Praha: Vydání první. P. 94-102.
- Hájková P., Jamrichová E., Horsák M., Hájek M. 2013.** Holocene history of a Cladium mariscus-dominated calcareous fen in Slovakia: vegetation stability and landscape development // Preslia, 85 (3). Praha. P. 289-315.
- Hájková P., Roleček J., Hájek M. et al. 2011.** Prehistoric origin of the extremely species-rich semi-dry grasslands in the Bílé Karpaty Mts (Czech Republic and Slovakia) // Preslia, 83 (2). Praha. P. 185-204.
- Ilkjaer J. 1993.** Die Gürtel. Bestandteile und Zubehör // Illerup Adal. Vibork: Aarhus University Press, B.3 – 453 S., 4 – 506 S.
- Ivanisević V., Kazanski M., Mastykova A. 2006.** Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes migrations, Paris: Collège de France – CNRS. 351 p.
- Jankovská V., Pokorný P. 2013.** Reevaluation of the palaeoenvironmental record of the former Komořanské jezero lake: late-glacial and Holocene palaeolimnology and vegetation development in

north-western Bohemia, Czech Republic // *Preslia*, 85 (3). Praha. P. 265-287.

Jonakowski M. 1996. Komplet narzędzi do krzesania ognia w kulturze przeworskiej ze szczególnym uwzględnieniem krzesiw sztabkowatych. // *Concordia*. Ed. W. Nowakowski. Warszawa: Zakład poligraficzny. S. 93-104.

Jöns H. 2002. Eisenzeitliche und frühmittelalterliche Reichtumszentren, Zentral- und Handelsplätze an der südlichen Ostseeküste // *Central Places in the Migration and Merovingian Periods. Papers from the 52nd Sachsensymposium (August 2001, Lund)*. Ed. B. Hårdh, L. Larsson. (Uppåkrastudier. – 6. *Acta Archaeologica Lundensia, Serien in 8°* 39). Lund. S. 231-245.

Kazakevičius V. 1993. Plinkaigalio kapinynas. (*Lietuvos Archeologija*, 10). Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla. 220 p.

Kazanski M. 1999. L'armement slave du haut Moyen-âge (Ve-VIIe s.). A propos des chefs militaires et des guerriers professionnels chez les anciens slaves // *Přehled výzkumů*. 39 (1995-1996). Brno. P. 197-236.

Kazanski M. 2000. Les armes baltes et occidentales dans la zone forestière de l'Europe orientale à l'époque des Grandes Migrations // *Archaeologia Baltica*. № 4. Vilnius. P. 199-212.

Kazanski M. 2000. Les slaves dans la zone forestière D'Europe orientale au Début du moyen âge // *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*. Ed. M. Kazanski et al. Paris: Pierre Zech Éditeur. P. 17-44.

Kivikoski E. 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Dildwerk und Text. Helsinki: Finnische Altertumsgesellschaft. 150 S.

Kleemann O. 1951. Die Kolbenarmringe in den Kulturbeziehungen der Völkerwanderungszeit // *Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte*, 35. Halle- Saale: Max Niemeyer Verlag. S. 102-143.

Kuna M., Hajnalová M., Kovačiková L. et al. 2013. Raně středověký areál v Roztokách z pohledu ekofaktů // *Památky archeologické, CIV*. Praha. P. 59-147.

Lang V. 1996. Muistne Rävola. Muistised, kronoloogia ja maaviljelusliku asustuse kujunemine Loode-Eestis, eriti Pirita jõe alamjooksu piirkonnas. (*Muinasaja teadus*, 4). Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut. 629 p.

Latvijas PSR Archeologija. 1974. Riga. Zinātne. 376 p.

Laul S. 2001. Rauaaja kultuupi kujunemine Eesti kaguosas (500 e.Kr. – 500 p.Kr.). (*Muinasaja*

teadus 9; *Õpetatud Eesti Seltsi Kirjad* 7). Tallinn: Ajaloo Instituut, *Õpetatud Eesti Selts*. 279 p.

Lehtosalo-Hilander P.-L. 1982. Luistari II. The Artefacts. (*Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja*, 82: 2). Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. 197 p.

Lietuvos TSR archeologijos atlasas. 1977. 4. I-XIII a. radiniai. Vilnius: Mokslas. 160 p.

Makohonienko M. 2004. Late Holocene period of increasing human impact // *Late glacial and Holocene history of vegetation in Poland based on isopollen maps*. Ed. M. Ralska-Jasiewiczowa et al. Kraków: W. Szafer Institute of Botany, Polish Academy of Sciences. P. 411-413.

Michelbertas M. 1986. Senasis geležius amžius Lietuvoje. Vilnius: Mokslas, 239 p.

Nothnagel M. 2008. Die völkerwanderungszeitlichen Bestattungen von Untersiebenbrunn, Niederösterreich // *Universität Wien. Diplomarbeit*. Wien. 290 S.

Plotkin K. 2009. Severiki kääbaskalmistu // *Setomaa 2*. Ed. M. Aun. Tartu: Eesti Rahva Muuseum. P. 117-119.

Pokorný P. 2005. Role of man in the development of Holocene vegetation in Central Bohemia // *Preslia*, 77 (1). Praha. P. 113-128.

Pokorný P., Sádlo J., Kaplan M. et al. 2005. Paleoenvironmentální výzkum na Vladaři // *Archeologické rozhledy, LVII*, s. 1. Praha. P. 256-278.

Popov. S. 2009. Ida – Peipsimaa pikk – kääbaste ajal. (Восточное Причудье в эпоху длинных курганов) // *Setomaa 2*. Ed. M. Aun. Tartu. Eesti Rahva Muuseum. S. 429-432.

Popper V.S., Hastorf C.A. 1988. Introduction // *Current Palaeoethnobotany. Analytical methods and cultural interpretations of archaeological plant remains*. Ed. C.A. Hastorf, V.S. Popper. Chicago. P. 1-16.

Prochazka R. 2009. Vývoj opevňovací techniky na Moravě a českém Slezsku v raném středověku. Brno. 383 p.

Ranta H. 1996. Personal ornaments // *Vainionmäki – a Merovingian period cemetery in Laitila, Finland*. Ed. P. Purhonen. Helsinki: National Board of Antiquities. P. 36-52.

Schlemmer P. 2004. Der Bügelsporn der jüngeren Merowingerzeit. Überlegungen zu seiner Herkunft und zur Seite der Sporenbeigabe auf all-amanischem und bajuwarischem Stammesgebiet // *Liestal. Hüben und drüben – Räume und Grenzen in der Archäologie des Frühmittelalters. Festschrift für Prof. Max Martin*. (Archäologie und Museum. 48). Liestal, P. 91-109.

- Wührer B. 2000.** Merowingerzeitlicher Armschmuck aus Metall. (Europe médiévale, 2). Montagnac: Éditions Monique Mergoïl. 197 S.
- Wyczółkowski M., Szal M., Kupryjanowicz M., Smolska E. 2013.** Kompleks osadniczy w Poganowie, pow. Kętrzyński, stanowisko IV: wstępne wyniki badań interdyscyplinarnych // Grodziska Warmii i Mazur 1. Stan wiedzy i perspektywy badawcze. Red.: Z. Kobyliński. (Archaeologica hereditas, 2). Warszawa; Zielona Góra. P. 65-82.
- Zeman T. 2007.** Zur Chronologie der Siedlung Zlechov // Přehled výzkumů, 48. Brno. S. 105-118.

Список сокращений

- АВУ – Археологічні відкриття в Україні. Київ.
- АИППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли.
- АЛЛЮ – Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава.
- АО – Археологические открытия. М.
- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., СПб.
- БНЦ УРО РАН – Башкирский научный центр Уральского отделения Российской академии наук.
- ВГУ – Воронежский Государственный университет.
- ВХДУ – Вісник Харківського державного університету.
- ГЭ – Государственный Эрмитаж, СПб.
- ДонНУ – Донецкий национальный университет.
- ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества
- ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук. М.
- ИАН ЭССР – Известия Академии наук Эстонской ССР. Общественные науки = Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateadused. Таллин.
- ИГАИМК – Известия государственной академии материальной культуры. Л.
- ИИ АН БССР – Институт истории Белорусской ССР. Минск.
- ИИ НАН Белоруссии – Институт истории Национальной академии наук Белоруссии. Минск.
- ИИМК – Институт истории материальной культуры Российской академии наук (бывший ЛОИА АН СССР). СПб.
- ІА НАНУ (ІА НАНУ) – Інститут археології Національної академії наук України. Київ.
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР / Российской академии наук. М.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

ЛГПУ – Липецкий Государственный педагогический университет

ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР.

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории, этнографии Крыма. Симферополь.

МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук. СПб.

НАНУ – Национальная академия наук Украины

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.

НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник

ННЗИА – Новгород и Новгородская земля. История и археология.

ОАВЕС ГЭ – Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа.

ОХАК НГОМЗ – Отдел хранения археологических коллекций Новгородского государственного объединенного музея-заповедника.

ПССИАЕ – Проблеми середньовічної історії, археології та етнографії. Київ.

РА – Российская археология. М.: Наука.

РАН – Российская академия наук

РАО – Русское археологическое общество.

РАС – Рятівна археологічна служба. Київ.

РСМ – Раннеславянский мир. М.

СА – Советская археология. М.: Наука.

САИ – Археология СССР. Свод археологических источников.

СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей

СЭ – Советская этнография. М.

ТАС – Тверской археологический сборник.

УБЖ – Український ботанічний журнал. Київ.

AAA – Acta Archaeologica Albaruthenica

UMCS – Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej

Оглавление

Введение (И.В. Исланова, А.М. Обломский).....	5
Колочинская культура (А.М. Обломский).....	10
Сельское хозяйство населения колочинской культуры (С.А. Горбаненко).....	114
Раннесредневековые группы памятников на Северо-Западе Восточной Европы (И.В. Исланова)....	136
Памятники мощинской культуры в третьей четверти I тыс. н.э. (А.М. Воронцов).....	221
Позднелдыжковская культура на территории бассейна Москвы-реки (Н.А. Кренке).....	261
Могильник Жеребятино (Н.В. Лопатин, С.Г. Попов).....	333
Поселение и могильник на озере Съезжее (Е.Н. Носов, А.В. Плохов).....	349
Памятники культуры псковских длинных курганов близ деревни Березицы (Е.Р. Михайлова).....	395
Литература.....	418
Список сокращений.....	452

Авторы статей

Воронцов Алексей Михайлович – Государственный музей-заповедник «Куликово поле» (Тула).

Горбаненко Сергей Анатольевич – Институт археологии НАНУ (Киев).

Исланова Инна Васильевна – Институт археологии РАН (Москва).

Кренке Николай Александрович – Институт археологии РАН (Москва).

Лопатин Николай Владимирович – Институт археологии РАН (Москва).

Михайлова Елена Робертовна – Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург).

Носов Евгений Николаевич – Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург).

Обломский Андрей Михайлович – Институт археологии РАН (Москва).

Плохов Алексей Вячеславович – Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург).

Попов Сергей Германович – Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург).

Научное издание

**Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы
(V-VII вв.)
(Раннеславянский мир. Выпуск 17)**

Перевод резюме на английский язык Д.Д. Микульской
Верстка: О.А. Горяйнов
Корректор Н.В. Бельченко

Подписано в печать 04.10.2016. Формат 60x84/8.
Усл.печ.л. 53,0. Уч.-изд.л. 50,9. Тираж 400 экз. Зак. №

Институт археологии РАН, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ISBN 978-5-94375-201-8

9 785943 752018